

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05929241 1

Letter

32 I 7

* QCR

Библиотека

ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЪ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕ-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ,

СОСТАВЛЯЕМЫЙ

ИЗЪ

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И УЧЕНЫХЪ ТРУДОВЪ

К. И. Арсеньева. Е. А. Братынского. Барона Брамбеуса. Ф. В. Булгарина. А. Ф. Воейкова. Ф. Н. Глинки. Н. И. Греча. В. И. Григоровича. Д. В. Давыдова. И. Н. Давыдова. В. Л. Жуковского. М. Н. Загоскина. И. Т. Калашникова. М. Т. Качеповскаго. И. В. Кирьевскаго. Казака Луганскаго. И. И. Козлова. И. А. Крылова. Н. В. Кукольника. М. Е. Лобанова. М. А. Максимовича. А. П. Максимовича. Марлинскаго. К. П. Масальскаго. А. И. Михайловскаго-Данилевскаго. А. С. Норова. Кн. В. Ф. Одоевскаго. А. Н. Очкина. В. И. Панаева. П. А. Плетнева. М. П. Погодина. А. Погорельскаго. П. А. Полеваго. А. С. Пупкина. С. Е. Раича. А. Г. Ротчева. Рулаго-Павыко. П. П. Свинына. О. И. Сенковского. И. Н. Скобелева. И. М. Свигирева. Н. Г. Устрялова. В. А. Ушакова. Б. М. Федорова. Гр. Д. И. Хвостова. Кн. А. А. Шаховскаго. С. П. Шевырева. А. В. Шилловскаго. А. С. Шипкова. В. Н. Щастинаго. Д. И. Языкова. П. М. Языкова. П. Л. Яковлева. И. М. Ястребцева. Г. М. Яценкова, и другихъ.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА АЛЕКСАНДРА СМЕРДИНА.

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВДОВЪ ПЛЮЩАРЪ СЪ СЫНОМЪ.

1854.

253594

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цен-
сурный Комитетъ три экземпляра.

С.-Петербургъ, 1834 года Октября 23 дня.

Ценсоръ *А. Никитенко.*

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П О Э З І Я.

Н О Ч Ь

НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

Свѣтлое небо покрыто туманною ризою ночи;
Мѣсяць сокрылся въ волнистыхъ изгибахъ хитона ночнаго;
Въ далекомъ пространствѣ небесъ затерялась зарница,
Звѣзды не блещуть.

Поля и луга Винолема омыты вечерней росой;
Съ цвѣтовъ ароматныхъ незримо восходить въ эфиръ дымъ
благовонный;

Кипарисы курятся.

Тихо бѣгутъ сребровидныя воды священной рѣчки Іордана;
Недвижно лежать на покать стада овецъ мягкорунныхъ;
Подъ пальмой сидятъ пастухи Винолема.

ПЕРВЫЙ ПАСТУХЪ.

Слава Сѣдящему въ вышнихъ предѣлахъ Востока!

Не знаю къ чему, Наѳанайль, а сердце мое утопаетъ въ вос-
торгъ.

Какъ агнецъ въ долину, какъ легкой олень на Ливанъ, какъ
ключъ Элеонскій, —

Такъ сердце мое и бьется и скачетъ.

ВТОРОЙ ПАСТУХЪ.

Я тожъ, Данииль, ощущаю въ себѣ непонятную радость.

Какъ будто-бы я предвкушалъ веселье Сіона;

Какъ будто-бы я находился на лонѣ отца-Авраама.

ТРЕТИЙ ПАСТУХЪ.

Пріятно въ полудни, Аггей, отдохнуть подъ сѣнью Ливан-
скаго кедра;

Пріятно по долгой разлукѣ увидѣться съ близкими сердцу; —

Но что я теперь ощущаю... словами нельзя изъяснить...

Какъ будто-бы небо небесъ въ душѣ у меня помѣстилось;

Какъ будто бы въ сердце носилъ я Всезрящаго Бога.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПАСТУХЪ.

Друзья! воспоемъ Іегову,

Столь мудро создавшаго землю,

Простершаго небо шатромъ надъ водами,

Душисты цветы Винолеема,

Душисты ароматы кипариса;

Но пѣсни и гимны для Бога душистѣй всѣхъ жертвъ и
курений.

И пастыри дружно воспѣли могущество Бога,

И чудо творений, и древнія лѣта....

Какъ звуки тимпана, какъ свѣтлыя воды — ихъ голоса раз-
ливались въ пространство.

Вдругъ небеса осветились, —

И новое солнце — звезда Виаеема, раздравъ полуночную
 ризу небесъ,
 Явилась надъ мрачнымъ вертепомъ,
 И Ангелы стройно воспѣли хвалебные гимны во славу рож-
 деннаго Бога,
 И громко всплеснувъ, Иорданъ прокатилъ сребровидныя
 воды....

ПЕРВЫЙ ПАСТУХЪ.

Я вижу блестящую новую звезду!

ВТОРОЙ ПАСТУХЪ.

Я слышу хвалебные гимны!

ТРЕТІЙ ПАСТУХЪ.

Я созерцаю Небесныя Силы!

ВСЯ ПАСТУХИ.

Не Богъ ли нисходитъ съ Сіона?.....
 И вотъ отъ предѣловъ Востока является Ангелъ.
 Крилъ позлащенны, зѣирный хитонъ на раменахъ,
 Веселье во взорахъ, небесная радость въ улыбкѣ,
 Лучи отъ лица какъ молніи блещуть.

АНГЕЛЪ.

Миръ приношу вамъ и радость, чада Адама!

ПАСТУХИ.

О кто ты, небесный посланникъ?.... Сіянье лица твоего
 ослабляетъ брѣвныя очи....
 Не ты-ль Моисей, изъ Египта взведшій насъ древле
 Въ землю княщую млекою и медомъ?

АНГЕЛЪ.

Нѣтъ, я Гавріиль, предстоящій предъ Богомъ,
 И посланъ вамъ возвѣстить безконечную радость.
 Свершилась превѣчная тайна: Богъ во плоти днесь явился.

ПАСТУХИ.

Мессія?... о радостный вѣстникъ, приходъ твой отъ Бога!
 Но гдѣ, покажи намъ, небесный Младенецъ, да можемъ
 Ему поклониться?

АНГЕЛЪ.

Идите въ вертепъ Вифлеемскій.
 Превѣчное Слово, Его же пространство небесъ не вмѣщало,
 поконтся въ ясляхъ.

И Ангелъ сокрылся!

И пастыри спѣшно идутъ съ жезлами къ вертепу.
 Звѣзда Вифлеема горѣла надъ входомъ вертепа.
 Ангелы пѣли: Слава Сядящему въ Вышнихъ! миръ на зем-
 ли, благодать въ челоѡвкахъ!
 Пастыри входятъ — и зрять непорочную Матерь при яс-
 ляхъ,
 И Бога-младенца, повитаго чистой рукою Маріи,
 Иосифа-старца, вперившаго очи въ Превѣчное Слово....
 И пастыри, падъ, поклонились.

П. ЕРШОВЪ.

ДВА ГРОБА.

Горемыка безталанный
 Одинокъ бредеть домой.
 Ночь одѣта въ плащъ туманный,
 Холмъ и доль покрыты мглой;
 Вправо видится кладбище;
 Далеко еще жилище;
 Путь ведетъ въ дремучій боръ:
 Путникъ поднялъ томный взоръ.

«Отдохну; ослабли силы,
 Ноги гнутся подо мной;
 Вы, безмолвныя могилы,
 Дайте сирому покой!
 Защитить плетень забора
 Отъ зверей меня и вора;
 Мертвыхъ, — не боюся ихъ, —
 Мертвыхъ сонъ глубокъ и тихъ!»

Вотъ ужъ тамъ страдалецъ бѣдный:
 Мѣсяць озарилъ кресты,
 Льетъ таинственный и блѣдный
 Свѣтъ на тусклые плиты;
 Будто духи межъ собою
 Встерь шепчется съ травою.
 Онъ на пышный гробъ взглянулъ,
 Легъ на камень и заснулъ.

Вдругъ, какъ будто чьей рукою,
 Съ гроба сорвало его.
 Снова легъ онъ: нѣтъ покою;
 Слышать, кажется, кого.
 «Прочь отсюда, подлый нищій!
 Нѣтъ! ни помощи, ни пищи,
 Ни ночлега не давалъ
 Я бродягамъ..... прочь нахаль!»

Путникъ всталъ, перекрестился:
 Что жъ? незнапно вопль и стонъ
 Не изъ гроба ль испустился?
 Путникъ молвилъ: «тяжкій сонъ!
 Филинъ поднялъ эти крики,
 Этотъ вой глухой и дикій
 Средь ночи съ часовни той.
 Гробъ я выберу другой.»

Подъ крестомъ простымъ, смиреннымъ,
 Твнью двухъ согбенныхъ нвъ
 Древнихъ, мшистыхъ освяненнымъ,
 Спить страдалецъ: онъ счастливъ,
 Онъ на лонъ наслажденй
 Въ жизни сладостныхъ виднй
 Райскихъ, благотворныхъ грзъ
 Жизнь забылъ скорбей и слезъ.

Во дворець вступилъ блестящй —
 Блескъ отъ тысячи свчей;
 Пиръ готовъ уста манящй;
 Много во дворець людей.
 Стройный ликъ пввиць прекрасныхъ,
 Хоромъ псень сладкогласныхъ
 Просять страшника присвьсть,
 Отдохнуть, пошить, повьсть.

И старикъ къ нему подходитъ
 Свтлый, радостный старикъ
 И къ столу его подводитъ;
 Столъ пространенъ и великъ:
 Не исчислишь мвьсть всехъ, смьты
 Нтъ гостямъ и все одьты,
 Будто въ ризы отъ иконъ,
 Въ жемчугъ, сянету, виссонъ.

Все молчать; но свтъ ихъ взоровъ,
 Но улыбка ихъ ланитъ
 Лучше словъ и разговоровъ,
 Слуху сердца говоритъ:
 «Насладися яствой нашей!»
 Странникъ пьетъ златою чашей
 Искрометное вино;
 Но не тмтъ души оно.

Бѣтъ отъ яствъ безкровныхъ, чистыхъ —
 Легки яствы, какъ эфиръ,
 Слаще сотовъ золотистыхъ.
 Встали, конченъ дивный пиръ:
 Нѣтъ гостей, умолкли гимны;
 Лишь старикъ гостепріимный
 Въ платъ для гостя своего
 Вяжетъ лучшаго всего.

Между тѣмъ лучемъ свѣтила,
 Озаряющаго день,
 Озлатилася могила:
 Бросилъ пахарь бодро лѣнь;
 Поспѣшилъ пастухъ ко стаду,
 Силу, свѣжесть и отраду
 Міръ, воскреснувъ, ощутилъ —
 Онъ проснулся средь могилъ.

Въ небѣ жаворонокъ вился.
 Пѣлъ въ незримой вышинѣ;
 Путникъ въ тяжкій путь пустился,
 Но вдругъ всталъ, дошелъ къ стѣнѣ,
 Посмотрѣлъ на гробъ смиренный,
 Молвилъ: «Прахъ благословенный
 Принялъ этотъ гробъ простой!
 Тамъ же....» Онъ махнулъ рукой.

23 Января 1830.

В. ГАРЧЕНКО.

МОЛОДОЙ ОРЕЛЬ.

=

Какъ во полѣ, во широкомъ
Дубъ высокій зеленѣлъ;
Какъ на томъ дубу высокомъ
Младъ ясенъ орель сидѣлъ.

Тотъ орель ли быстрокрылой
Крылья мочныя сложилъ,
И къ сырой землѣ уныло
Ясны очи опустилъ.

Какъ отъ дуба не далеко
Рвчка быстрая течеть;
Какъ по рвчкѣ по широкой
Лебедь бѣлая плыветь.

Шею выгнуть горделиво,
Хвостъ раскинуть надъ водой,
Лебедь бѣлая — игриво
Струйку гонить за собой.

«Что, орель мой быстрокрылой,
«Крылья мочныя сложилъ?
«Что къ сырой землѣ — уныло
«Ясны очи опустилъ?

«Аль не видишь: не далеко
«Рвчка быстрая течеть;
«А по рвчкѣ по широкой
«Лебедь бѣлая плыветь.

«Мочны ль крылья опустились?
 «Клёвъ ли крѣпкій ослабѣлъ?
 «Сильны ль когти притупились?
 «Взоръ ли ясный потемнѣлъ?

«Что съ тобою, быстрокрылой?
 «Не случилась ли бѣда?»
 Какъ возговорить уныло
 Младъ ясенъ орелъ тогда:

— «Нѣтъ! я вижу: не даёко
 «Рѣчка быстрая течетъ;
 «А по рѣчкѣ по широкой
 «Лебедь бѣлая плыветъ.

«Мочны крылья не старѣютъ;
 «Крѣпкій клѣвъ не ослабѣлъ;
 «Сильны когти не тупѣютъ;
 «Ясный взоръ не потемнѣлъ.

«Но тоска, тоска-кручина
 «Сердце молодца грызетъ.
 «Опостыла мнѣ чужбина;
 «Край родной меня зоветъ.

«Тамъ въ родномъ краю приволье
 «По поднебесью гулять,
 «Въ чистомъ полѣ на раздолѣ
 «Буйный вѣтеръ обгонять.

«Тамъ бураномъ вьются тучи;
 «Тамъ потокомъ лѣсъ шумитъ;
 «Тамъ дробится громъ летучій
 «Въ быстромъ бѣгѣ о гранитъ.

«Тамъ средь дня — въ выси далекой
 «Тучи полночью висать ;
 «Тамъ средь полпочи глубокой
 «Льды зарницами горять.

«Скоро ль, скоро ль я оставлю
 «Чужеземные края?
 «Скоро ль, скоро ль я расправлю
 «Крылья мочные мои?

«Я съ знакомыми орлами
 «Отдохну въ родныхъ лѣсахъ ;
 «Я взнесусь надъ облаками
 «Я сокроюсь въ небесахъ!» —

П. ЕРШОВЪ.

М И Л О С Т Ы Н Я . .

=

«Создайте, баринъ, подаянье;
 «Мнѣ мать нужна,
 «Безъ пищи третій день, въ страдашь
 «Умереть она.

«Тронитесь горькою слезою.» —
 «Гдѣ мать твоя?» —
 «Не далеко, тамъ за рѣкою.
 «Вотъ домъ ея.»

Вошли въ страдальческу обитель;
 Мать на полу
 Лежить, — надъ ней Святой Спаситель
 Висымъ въ углу.

По ней хладъ смертный разливался,
Гасъ огонь въ очагъ.
Малютка къ ней на грудь прижался,
Самъ весь въ слезахъ.

« Не плачь, дитя, что бесполезно
« Просилъ людей.
« Прижмись еще, малютка нѣжной,
« Къ груди моей.

« Внимай мое воть завѣщанье,
« Его храни :
« Въ день радости иль въ день страданья
« Мать вспомяни.

« Люби ты ближняго душою,
« Терпи враговъ ;
« Отъ хлада, сирому иль зною
« Давай покровъ.

« Во власть благому Провидѣнью
« Себя вручай,
« И сердце дѣвы обольщенью
« Не предавай.»

Внималъ пришлецъ, и изступленный
Ихъ рѣчь прервалъ :
« Позволь, чтобъ я завѣтъ священныи
« Твой досказалъ ;

« Но если бъ сердце дѣвы страстной
« Ты вспламенилъ
« И честь похитивъ у прекрасной,
« Ея измѣнилъ ;

«Страшись, изменны воздаяшя,
 «Отравы дней;
 «Страшись дать сыну подающе
 «Рукой своей.

«Не изменный своимъ обѣтамъ,
 «Для нихъ живи,
 «И вѣрь, что счастья уже нѣту
 «Въ другой любви.»

Мадютка, всѣхъ не понимая
 Ужасныхъ словъ,
 На слезы матери смотря
 Рыдать готовъ.

Она къ пришельцу обратилась:
 «Тебя ждала
 «Я долго, въ думахъ сокрушилась
 «И изныла.

«Но ты пришелъ въ мою обитель,
 «Такъ сыну будь
 «Ты въ жизни самъ руководитель
 «На добрый путь.

«Всевышній будетъ вамъ покровомъ.
 «И, можетъ быть,
 «Любовью прежней въ мѣръ новомъ
 «Насъ соединить.»

ЛЕОНТІЙ СНЕГИРЕВЪ.

П Р О З А.

КНЯЖНА МИМИ.

ДОМАШНИЕ РАЗГОВОРЫ.

Извините, сказалъ живописецъ, если мои краски блѣдны: въ нашешъ городѣ нельзя достать лучшихъ.

Биографія одного живописца.

I.

Б А Л Ъ.

La femme de César ne doit pas être soupçonnée.

— Скажите, съ кѣмъ вы теперь танцовали? сказала княжна Мими, остановивъ за руку одну даму, которая, окончивъ мазурку, проходила мимо княжны.

— Онъ когда-то служилъ съ моимъ братомъ! Я забыла его фамилію, отвѣчала баронесса Дауреталь мимоходомъ, и, усталая, бросилась на свое мѣсто.

Этотъ короткій разговоръ незамѣтно для окружающихъ мелькнулъ посреди общаго движенія, которое обыкновенно бываетъ послѣ окончанія танца.

Но баронессу этотъ разговоръ заставилъ задуматься, — и не даромъ. Баронесса, хотя уже и въ другой разъ замужемъ, все еще была молода и пре-

красна; ея любезность, ея роскошный станъ, ея каштановые шелковистые локоны привлекали къ ней толпу молодыхъ людей. Каждый изъ нихъ невольно сравнивалъ Элизу съ ея мужемъ, осиплымъ старымъ барономъ, и каждому изъ нихъ, казалось, ея томные, облитые влагою глаза говорили о надеждѣ: лишь одинъ опытный наблюдатель находилъ въ этихъ томныхъ голубыхъ глазахъ не пламень нѣги, а просто ту южную лѣнь, которая, по его мнѣнію, такъ странно соединяется въ нашихъ дамахъ съ сѣвернымъ флегматизмомъ, и составляетъ ихъ отличный характеръ.

Баронесса знала всѣ свои прѣимущества; знала, что для всякаго она вмѣствъ съ барономъ была чѣмъ-то невозможнымъ, противнымъ приличію, какою-то нелѣпостію; знала и то, какъ во время ея свадьбы толковали въ городѣ, что она вышла за барона по расчету; ей нравилось не сходить съ доски на балахъ, никогда не имѣть времени задуматься на раутахъ, всегда имѣть нѣсколько готовыхъ тѣварищей для кавалькады; но никогда она не позволяла себѣ ни взора, въ которомъ бы можно было замѣтить предпочтеніе одному предъ другимъ, ни сильнаго восхищенія, ни сильной радости, ни сильнаго огорченія, — словомъ ничего такого, чѣмъ бы душа могла быть приведена въ движеніе: притомъ, по чувству ли долга или по какой-то противуестественной любви къ своему мужу, — хотѣлось ли ей доказать, что она вышла за него не по расчету, — или просто потому, что вышеозначенное замѣчаніе наблюдателя было справедливо, — или наконецъ отъ соединенія всѣхъ этихъ причинъ, — только баронесса такъ же была вѣрна барону, какъ ея Бюти была вѣрна баронессѣ; она никуда не выѣзжала безъ мужа, даже спрашивала у него совѣтовъ о

своемъ туалетъ; баронъ, съ своей стороны, не сомнѣвался въ привязанности Элизы, позволяя ей дѣлать что угодно, и спокойно предавался своимъ любимымъ занятіямъ: поутру нюхалъ табакъ, ввечеру игралъ въ вистъ, а въ промежуткахъ выхлопывалъ себя награжденія. Въ городѣ издавна уже добродѣтельные дамы отыскивали предметъ баронессиной нѣжности; но, когда онъ для рѣшенія вопроса собирались на общее совѣщаніе, одна называла одного, другая другаго, третья третьяго, и дѣло расходилось за споромъ. Тщетно перебирали онъ всѣхъ молодыхъ людей общества: только-что согласятся про одного, какъ онъ или женится, или станетъ волочиться за другою, — отчаяніе да и только! Наконецъ такія безпрестанныя неудачи наскучили блюстительницамъ нравственности: онъ нашли, что баронесса лишь отнимаетъ у нихъ время для наблюденія за другими дамами; единогласно рѣшили, что ея искусство сохранять наружную пристойность стоитъ лучшей нравственности, что ее должно ставить въ примѣръ другимъ женщинамъ, и отложили баронессино дѣло впредь до могущихъ представиться обстоятельствъ.

Баронесса знала, что княжна Мими принадлежала къ этому сословію добродѣтельныхъ. Знала также, что это сословіе въ свою очередь принадлежитъ къ тому страшному обществу, которое бросило свои отпрыски во всѣ классы, — вѣдь извѣстно: все, что ни дѣлается въ свѣтъ, дѣлается для нѣкотораго безыменнаго общества! Оно — партеръ; другіе люди — сцена. Оно держитъ въ рукахъ и авторовъ, и музыкантовъ, и красавицъ, и геніевъ и героевъ. Оно ничего не боится, — ни законовъ, ни правды, ни совѣсти. Оно судитъ на жизнь и смерть, и никогда не перемѣняетъ своихъ приговоровъ, если

они противны разсудку. Членовъ этого общества вы легко можете узнать по слѣдующимъ примѣтамъ: другіе играютъ въ карты, а они смотрятъ на игру; другіе женятся, а они прїѣзжаютъ на свадьбу; другіе пишутъ книги, а они критикуютъ; другіе даютъ объѣдъ, а они судятъ о поварѣ; другіе дерутся, а они читаютъ реляціи; другіе танцуютъ, они становятся возлѣ танцовщиковъ. Члены этого общества вездѣ тотчасъ узнаютъ другъ друга не по особеннымъ знакамъ, но по какому-то инстинкту; и каждый, прежде нежели вслушается въ чѣмъ дѣло, уже поддерживаетъ своего товарища: тотъ же изъ членовъ, кто вздумаетъ что-нибудь дѣлать на семь свѣтъ, въ ту же минуту лишается всѣхъ преимуществъ, сопряженныхъ съ его званіемъ, входитъ въ общее число подсудимыхъ, и ни чѣмъ уже не можетъ возвратитъ правъ своихъ. Извѣстно также, что самую важную роль въ этомъ судилищѣ играютъ тѣ, про которыхъ рѣшительно нельзя ничего отыскать, за чѣмъ они существуютъ на семь свѣтъ.

Княжна Мими была душою этого общества, и вотъ какъ это случилось. Надобно вамъ сказать, что она никогда не была красавицею, но въ юности была не дурна собою. Въ это время она не имѣла ни какого опредѣленнаго характера. Вы знаете, какое чувство, какая мысль можетъ развернуться тѣмъ воспитаніемъ, которое получаютъ женщины: канва, танцевальный учитель, немножко лукавства, *tenez vous droite*, да два, три анекдота, рассказанные бабушкою какъ надежное руководство въ сей и будущей жизни, — вотъ и все воспитаніе. Все зависѣло отъ обстоятельствъ, которыя должны были встрѣтить Мими при ея вступленіи въ свѣтъ: она могла сдѣлаться и доброю женою, и доброю матерью семейства, и тѣмъ, чѣмъ теперь она сдѣлалась. Въ это

время у ней были и женихи; но никакъ дѣло не могло сладиться, — первый ей самой не понравился, — другой былъ не въ чинахъ и не понравился матери, — третій было очень понравился и той и другой, уже сдѣлано было и обрученіе, и день свадьбы былъ назначенъ, но наканунѣ, къ удивленію, узнали, что онъ имъ въ близкой роднѣ: все разстроилось, Мими занемогла съ печали, чуть было не умерла, однако же оправилась. Затѣмъ, женихи долго не являлись; прошло десять лѣтъ, потомъ и другія десять, Мими подурнѣла, постарѣла, но отказаться отъ мысли выйти замужъ, было ей ужасно. Какъ! отказаться отъ мысли, о которой твердила ей матушка въ семейственныхъ совѣщаніяхъ; о которой ей говорила бабушка на смертной постели? отъ мысли, которая была любимымъ предметомъ разговоровъ съ подругами, съ которою она просыпалась и засыпала? Это было ужасно! И княжна Мими продолжала выѣзжать въ свѣтъ съ безпрестанно новыми планами въ головѣ и съ отчаяніемъ въ сердцѣ. Ея положеніе сдѣлалось нестерпимо: все вокругъ нее вышло или выходило замужъ; маленькая вертушка, которая вчера искала ея покровительства, нынче уже сама говорила ей тономъ покровительства, — и не мудрено: она была замужемъ! у этой былъ мужъ въ звѣздахъ и лентахъ! у другой мужъ игралъ въ большую партію виста! Уваженіе отъ мужей переходило къ женамъ; жены по мужьямъ имѣли голосъ и силу: лишь княжна Мими оставалась одна, безъ голоса, безъ подпоры. Часто, на балѣ, она не знала куда пристать, — къ дѣвушкамъ, или къ замужнимъ, — не мудрено: Мими была не замужемъ! Хозяйка встрѣчала ее съ холодною учтивостію, смотрѣла на нее какъ на лишнюю мебель, и не знала, что сказать ей, потому что Мими не выходила замужъ. И тамъ и здѣсь поздравляли, но не ее, но все ту, которая выходила замужъ! А тихій шо-

поть, а непримѣтныя улыбки, а явныя или воображаемыя насмѣшки, падающія на бѣдную дѣвушку, которая не имѣла довольно искусства, или имѣла слишкомъ много благородства, чтобы не продать себя въ замужство по расчетамъ! Бѣдная дѣвушка! Каждый день ея самолюбіе было оскорблено; съ каждымъ днемъ раждалось новое униженіе; и, — бѣдная дѣвушка! — каждый день досада, злоба, зависть, мстительность мало-по-малу портили ея сердце. Наконецъ мѣра переполнилась: Мими увидѣла, что если не замужствомъ, то другими средствами надобно поддержать себя въ свѣтъ, дать себѣ какое-нибудь значеніе, занять какое-нибудь мѣсто; и коварство, — то темное, робкое, медленное коварство, которое дѣлаетъ общество ненавистнымъ, и мало-по-малу разрушаетъ его основанія, — это общественное коварство развилось въ княжнѣ Мими до полного совершенства. Въ ней явилась особаго рода дѣятельность: всѣ малыя ея способности получили особое направленіе; даже невыгодное ея положеніе обратилось въ ея пользу. Что дѣлать! Надобно было поддержать себя! И вотъ княжна Мими, какъ дѣвушка, стала втираться въ общество дѣвицъ и молодыхъ женщинъ; какъ зрѣлая дѣвушка, сдѣлалась любезнымъ товарищемъ въ глубокихъ разсужденіяхъ старыхъ почтенныхъ дамъ. И ей было время! Проведши двадцать лѣтъ въ тщетномъ ожиданіи жениха, она не думала о домашнихъ заботахъ; занятая единственною мыслію, она усилила въ себѣ врожденное отвращеніе къ печатнымъ литерамъ, къ искусству, ко всему, что называется чувствомъ въ сей жизни, и вся обратилась въ злобное, завистливое наблюденіе за другими. Она стала знать и понимать все, что дѣлается передъ нею и за нею; сдѣлалась верховнымъ судіей жениховъ и невѣстъ; пріучилась обсуждать каждое повышеніе мѣстомъ или чиномъ; завела сво-

ихъ покровителей и своихъ питомцевъ (protégés); начала оставаться тамъ, гдѣ видѣла, что она мѣшаетъ; начала говорить о всеобщемъ развращеніи нравовъ. Что дѣлать! Надобно было поддержать себя въ свѣтъ.

И она достигла своей цѣли: ея маленькое, но постоянное муравьиное прилежаніе къ своему дѣлу или, лучше сказать, къ дѣламъ другихъ, придамо ей дѣйствительную власть въ гостиныхъ; многіе боялись ее, и старались не ссориться съ нею; одни неопытные дѣвушки и юноши осмѣливались смѣяться надъ ея, поблекшей красотой, надъ ея нахмуренными бровями, надъ ея горячими проповѣдями противъ нынѣшняго вѣка и надъ непріятностію, обратившеюся ей въ привычку, пріѣзжать на балъ и уѣзжать домой, не сдѣлавши даже вальсоваго круга.

Баронесса знала все могущество княжны Мими и страшнаго ея судилища, хотя чистая, невинная, холодная, увѣренная въ самой себя, она и не боялась его преслѣдованій: до сихъ поръ, избѣгать ихъ помогали ей самыя обстоятельства жизни; но теперь баронесса находилась въ весьма затруднительномъ положеніи. Границкій, съ которымъ она теперь только что танцевала, былъ прекрасный, статный молодой человекъ, — съ густыми черными бакенбардами; онъ почти всю свою жизнь провелъ въ чужихъ краяхъ, гдѣ подружился съ братомъ баронессы; братъ баронессы жилъ теперь въ ея домѣ, а Границкій у ея брата, онъ почти ни съ кѣмъ не былъ знакомъ въ городѣ; каждый день обѣдалъ и выѣзжалъ съ ними вмѣстѣ: словомъ, все сближало его съ баронессою, и она понимала, какой прекрасный романъ добродѣтельная душа можетъ построить на такомъ выгодномъ основаніи. Эта мысль занимала ее въ то время, когда она танцевала съ молодымъ человекомъ, и она невольно задумывалась,

прискивая въ головѣ средства, какъ-бы ей защитить-ся отъ сословія добродѣтельныхъ дамъ. Баронесса съ досадою вспомнила, что внезапный, такъ близко подходившій къ предмету ея размышленій, вопросъ княжны Мими привелъ ее въ смущеніе, которое вѣрно не укрылось отъ пронзительныхъ взоровъ лазутчицы; ей уже казалось, что при этомъ вопросѣ въ голосъ княжны было что-то особенное; къ тому жъ она замѣтила, что княжна вслѣдъ за тѣмъ стала съ жаромъ говорить съ сидѣвшею возлѣ нее старою дамою, и что онъ объ, какъ-бы нехотя, то улыбались, то пожимали плечами. Все это въ одно мгновеніе пробѣжало въ головѣ баронессы, и въ то же мгновеніе родило въ ней мысль — однимъ разомъ сдѣлать два дѣла, — и отвратить отъ себя подозрѣніе, и снискать благоволеніе княжны. Баронесса стала искать глазами Границкаго, но не находила его. Тому была причина, и очень важная.

На другомъ концѣ дома находилась завѣтная комната, неприступная для мужчинъ. Тамъ огромное зеркало, ярко освѣщенное, отражало голубыя шелковыя занавѣски: оно было окружено всеми прихотливыми причудливой моды; цвѣты, ленты, перья, локоны, перчатки, румяны, все было разбросано по столамъ, какъ Рафаэлемъ арабески; на низкомъ диванѣ лежали рядами бѣлосиневатыя Парижскіе башмаки, — это воспоминаніе о хорошенькихъ ножкахъ, — и, казалось, сучались своимъ одиночествомъ; нѣсколько въ отдаленіи, подъ легкимъ покрываломъ, персигбались черезъ спинку креселъ тѣ таинственныя выдумки образованности, которыхъ благоразумная женщина не открываетъ и тому, кто имѣетъ право на ея полную откровенность: эти эластическіе корсеты, эти шнуры, эти подвязки, эти непонятныя накрахмаленныя платки вздернутыя на снурокъ, или персвязанныя

посерединъ, и прочая, и прочая. Одинъ мосье Рави съ великолѣпнымъ, будто изъ фарфора вылитымъ хохломъ на головѣ, въ бѣломъ фартукѣ, съ щипцами въ рукахъ, имѣлъ право находиться въ этомъ гинекеѣ во время бала; на мосье Рави не дѣйствовалъ магнетическій воздухъ женской уборной, отъ которой у другаго дрожь пробѣгаетъ по тѣлу; онъ не обращалъ вниманія на эти роскошные оттиски, остающіеся въ женской одеждѣ, которую такъ хорошо понимали древніе ваятели, взмачивая покрывало на Афродитѣ; какъ пачальникъ султанскаго гарема, онъ хладнокровно дремалъ посреди всего его окружающаго, не думая ни о значеніи своего имени, ни о томъ, что внушила подобная комната его пламенному одиноземцу.

Передъ концемъ мазурки, одна молодая дама, сказавъ два слова своему кавалеру, незаметно отъ другихъ порхнула въ эту комнату, показала господину Рави свой развѣшійся локонь, г. Рави вышелъ за другими щипцами, въ одно мгновеніе молодая дама оторвала отъ булавокъ лоскутъ бумажки, быстро выдернула тонкій карандашъ изъ сувенира, оперлась на диванъ своею маленькою ножкою, написала нѣсколько словъ на колѣнѣ, сжала записку въ неприкѣтный комокъ, и, когда г. Рави возвратился, жаловалась на его медленность.

Послѣ окончанія танца, когда въ воздухъ носится нѣсколько недоговоренныхъ словъ, танцовщики въ хлопотахъ бѣгаютъ изъ угла въ уголъ за дамами, дамы лѣниво просматриваютъ нумера своихъ контрадансовъ, и даже неподвижныя фигуры, окружающія танцующихъ, перекѣиваютъ мѣсто, чтобы подать какойнибудь признакъ жизни, — въ эту минуту безпорядка та же дама проходила мимо Гранцкаго: дымчатый шарфъ слетѣлъ съ распаленныхъ плечъ ея, Гранцкій

поднял его, дама наклонилась, ихъ руки встрѣтились, и свернутая бумажка осталась въ рукъ молодого человѣка. Границкій не измѣнился въ лицѣ, остался нѣсколько времени на томъ же мѣстѣ, тщательно поправилъ на рукъ перчатку, и, потомъ, жалуясь на духоту и усталость, пошелъ тихими шагами въ отдаленную комнату, гдѣ нѣсколько игроковъ въ сладкомъ уединеніи сидѣли за карточнымъ столомъ. Къ счастью, одинъ изъ нихъ объявилъ Границкому, что его пари проиграно. Границкій отошелъ въ сторону, вынулъ портфейль, и, какъ-бы отыскивая въ немъ деньги, прочиталъ слѣдующія слова, наскоро написанная знакомою рукою:

«Я не успѣла васъ предувѣдомить. Не танцуйте со мною больше одного раза. Мнѣ, кажется, что мужъ мой начнетъ замѣчать.....»

Остальнаго нельзя было разобрать.

По праву нескромности, присвоенной расказицамъ, мы объявимъ, кѣмъ была писана эта записка. Границкій зналъ ея сочинительницу еще дѣвухой: она была первою его страстію; тогда еще они поклялись другъ другу въ вѣчной любви, хотя разные семейственные расчеты противились ихъ соединенію, — это было во Флоренціи. Вскорѣ они разстались. Границкій отправился въ Римъ; его Лидію мать увезла въ Петербургъ и, волею или неволею, выдала замужъ за графа Рифейскаго. Какъ бы то ни было, встрѣтившись снова, старые любовники вспомнили прежнюю свою клятву: вспыхнулъ огонь изъ-подъ пепла; они рѣшились возратить потерянное время и, въ отмщеніе свѣту за его своеволие, торжественно его обманывать.

Границкій привезъ къ графу цѣлый коробъ рекомендательныхъ писемъ, подарковъ, посылокъ, и про-

чая, и прочая; успѣлъ въ самомъ Петербургѣ оказать ему какую-то услугу, и наконецъ сдѣлался въ его домъ почти домашнимъ человѣкомъ.

Покорный своей владычицѣ, онъ, возвратясь въ залу, сталъ осматривать, не попадутся ли ему знакомыя дамы, которыя бы помогли ему добить сегодняшній вечеръ. Въ эту минуту баронесса подошла къ нему, и спросила, не хочетъ ли онъ познакомиться съ танцовщицею. Границкій принялъ ея предложеніе съ величайшею радостію; она подвела его къ княжнѣ Мими.

Но баронесса ошиблась въ своемъ расчетѣ: княжна вспыхнула, отозвалась нездоровою, объявила, что она не намѣрена танцовать, и, когда смущенная баронесса удалилась, сказала сидѣвшей возлѣ нее старой дамѣ:

— Съ чего она взяла навязывать мнѣ своихъ друзей? Ей хочется мною прикрыть свои хитрости. Она думала, что трудно догадаться.....

Цѣлый міръ злости былъ въ этихъ немногихъ словахъ. Какъ хотѣлось княжнѣ, чтобы кто-нибудь подошелъ пригласить ее на танцы! Съ какою бы радостію она показала баронессѣ, что не хочетъ танцовать только съ ея Границкимъ! Но княжнѣ, къ несчастію, не удалось это: цѣлый балъ она, по обыкновенію, не сошла съ своего стула, и возвратилась домой съ планами жесточайшаго мщенія.

Не подумайте однако жъ, любезные читатели и читательницы, чтобы злоба княжны на баронессу была произведена лишь минутною досадою. Нѣтъ! Княжна Мими была дѣвушка очень благоразумная, и издавна пріучила себя безъ причины, не увлекаться сердечнымъ движеніемъ. Нѣтъ! давно, давно уже Элиза на-

несла тяжкую обиду княжнѣ Мими: въ послѣднемъ періодѣ ея странствованія по баламъ первый мужъ Элизы казался будто полуженихомъ княжны, то есть, не имѣлъ къ ней такого отвращенія, какъ другіе мужчины; княжна была увѣрена, что если бъ не Элиза, то она бы теперь имѣла наслажденіе быть замужемъ, или по-крайней-мѣрѣ вдовою, — что не менѣе производитъ удовольствія. И все понапрасну! Явилась баронесса, отбила обожателя, вышла за него замужъ, уморила его, вышла за другаго, — и все еще всѣмъ нравится, заставляетъ въ себѣ влюбляться, умветъ не сходить съ доски, а княжна Мими все въ дѣвкахъ да въ дѣвкахъ, — а время все бѣжитъ да бѣжитъ! Часто, за туалетомъ, княжна съ тайнымъ отчаяніемъ смотрѣла на свои перезрѣвшія прелести: она сравнивала свой высокій станъ, свои широкія плеча, свой мужественный видъ, съ маленькимъ измятымъ личкомъ баронессы. О, если бъ кто могъ подсмотреть, что тогда дѣлалось въ сердцѣ княжны! что мерещилось ея воображенію! какъ было оно изобрѣтательно въ ту минуту! какую бы прекрасною моделью она могла служить живописцу, который-бы хотѣлъ изобразить дикую островитянку, терзающую попавшагося на ея долю плѣнника! И все это надобно было сжимать подъ узкимъ корсетомъ, подъ условными фразами, подъ вѣжливую наружностію!.... Пламень цѣлаго ада выпускать тоненькою непримѣтною ниточкой!.... О, это ужасно, ужасно!

Въ эти минуты грусти, скорби, зависти, досады, — къ княжнѣ являлась утѣшительница.

То была горничная княжны. Сестра этой горничной нанималась у баронессы. Часто сестрицы сходились вмѣстѣ, и, побранивъ порядкомъ своихъ барынь, каждая свою, — принимались рассказывать другъ дру-

гу домашня происшествія ; потомъ , возвратившись домой, передавали своимъ господамъ весь собранный ими извѣстїя. Баронесса помирала со смѣху, слушая подробности туалета Мими, — какъ страдала она, за-тягивая свою широкую талїю, — какъ бѣдила поси-нѣвшїя отъ натуги свои шершавыя руки, — какъ до-полняла разными способами нѣсколько скосившїйся правый бокъ свой, — какъ на ночь привязывала къ багровымъ щекамъ своимъ ужась ! — сырыя котлеты, выдергивала изъ бровей лишніе волосы, подкраши-вала съдые, и прочая, и прочая.

Извѣстїя, получаемыя княжною, были гораздо важ-нѣе, — и въ этомъ была виновата сама баронесса. Объ ней почти нечего было разсказывать, и Маша, — такъ называлась служанка княжны, — невольно должна была прибѣгать къ изобрѣтенїямъ. Справедливо ста-ринное, опытомъ доказанное сказанїе, что человекъ всегда самъ подаетъ поводъ къ своимъ несчастїямъ !

Когда княжна возвратилась съ бала, — хотя въ это время она и всегда бывала не въ духъ, но сегодня Маша замѣтила, что съ ея госпожею произошло что-то особенное: ей показалось, будто уже шевелятся башмаки, банки съ помадою, стклѣнки и прочїя вещи, которыя въ такихъ обстоятельствахъ княжна имѣла обыкновенїе отправлять — отправлять — какъ бы ска-зать это повѣжливѣе ? — отправлять параллельно по-лу и перпендикулярно къ той линїи, которая оканчи-валась лицомъ горничной. Кажется, довольно не ясно?... Бѣдная дѣвушка, чтобъ отвратить грозную тучу, не преминула прибѣгнуть къ единственной своей защитѣ :

— А я - съ сегодня была у сестрицы ! сказала она. Ужь что тамъ дѣлается, ваше сіятельство ! —

Маша не обманулась. Въ одно мгновеніе лице княжны прояснилось; она вся обратилась во вниманіе, и уже давно начался городскій шумъ, а Маша еще толковала съ княжною о томъ, какъ баронъ часто выѣзжаетъ со двора, какъ въ это время *новопріѣзжій* сидитъ съ баронессою, какъ они уговариваются ѣхать вмѣстѣ въ театръ, быть вмѣстѣ на балъ, и прочая, и прочая.

Долго не могла заснуть княжна, и, заснувши, безпрестанно просыпалась отъ различныхъ сновидній: то ей кажется, что она выходитъ замужъ, стоитъ уже передъ налоемъ, всѣ ее поздравляютъ, — вдругъ явится баронесса и утащитъ жениха ея; то княжна разсматриваетъ свое вѣнчальное платье, примѣриваетъ его, любитъся, — явится баронесса и раздеретъ платье на мелкія части; то княжна ложится въ постелю, хочетъ обнять своего мужа, — а въ постель баронесса лежитъ и хохочетъ; то княжна танцуетъ на балъ, всѣ восхищаются ея красотою, говорятъ, что она танцуетъ съ женихомъ своимъ, — а баронесса подставитъ ногу, и княжна падаетъ на полъ. Но были и сны утѣшительные: то баронесса представляется ей въ видѣ ея горничной, — княжна бранитъ ее, бьетъ башмаками и обрѣзываетъ ей кругомъ волосы; то въ видѣ большаго чернаго пуделя, — княжна приказываетъ его выгнать и съ удовольствіемъ смотритъ въ окошко, какъ лакеи камнями бросаютъ въ ея неприятельницу; то въ видѣ канвы, — княжна колетъ ее большою острою иглой и прошиваетъ красными нитками.

И не вините ее въ томъ, но вините, плачьте, проклиняйте развращенные нравы нашего общества. Что же дѣлать, если для дѣвушки въ обществѣ единственная цель жизни — выйти замужъ! если ей съ колыбели слышатся эти слова — «когда ты будешь заму-

жемъ!» Ее учатъ танцовать, рисовать, музыкѣ для того, чтобы она могла выйти замужъ; ее одѣваютъ, вывозятъ въ свѣтъ, ее заставляютъ молиться Господу Богу, чтобы только скорѣе выйти замужъ. Это предѣлъ и начало ея жизни. Это самая жизнь ея. Что же мудренаго, если для нее она любить, ненавидить, жертвуетъ всею святынею души своей! Что же мудренаго, если для нее всякая женщина дѣлается личнымъ врагомъ, а первымъ качествомъ въ мужчинѣ — *удобоженимость*. Плачьте и проклиняйте, — но не бѣдную дѣвушку.

=

II.

КРУГЛЫЙ СТОЛЪ.

On cause, on rit, on est heureux.

ROMANS FRANÇAIS.

Подъ кровомъ тишины и спокойствія,
въ кругу своего семейства.....

РУССКІЕ РОМАНЫ.

На другой день, послѣ обѣда, княжна Мими, младшая сестра ея Марія молодая вдова, старая княгиня — мать обѣихъ, да еще челоуѣка два домашнихъ сидѣли, по обыкновенію, за круглымъ столомъ въ гостиной, и, въ ожиданіи партенеровъ для виста, прилежно занимались канвою.

Княгиня была очень старая и почтенная женщина; во всей ея долгой, долгой жизни нельзя было найти ни одного поступка, ни одного слова, ни одного чувства, которое бы не было строго сообразовано

съ принятыми приличіями; она говорила по-французски очень чисто и безъ ошибокъ; сохраняла въ полной мѣрѣ суровость и неприступность приличную женщинѣ хорошаго тона; не любила отвлеченныхъ разсужденій, но цѣлыя сутки могла поддерживать разговоръ о томъ, о сѣмъ; никогда не брала на себя неприятной обязанности вступаться за человѣка не въ ладу съ общимъ мнѣніемъ; вы могли быть увѣрены, что въ ея домъ не встрѣтитесь съ человѣкомъ, на котораго дурно смотреть, или котораго вы не встрѣчаете въ обществѣ. Сверхъ того, княгиня была женщина ума необыкновеннаго: она была очень небогата, и не могла давать ни объдовъ, ни баловъ; но несмотря на то, умѣла такъ искусно нырять между интригами, такъ искусно оцѣплять людей посредствомъ своихъ племянниковъ, племянницъ, внуковъ и внучекъ, такъ искусно попросить объ одномъ, поборонить другаго, что приобрѣла всеобщее уваженіе и, какъ говорится, поставила себя на хорошую ногу.

Сверхъ того, она была женщина очень благотворительная: несмотря на недостаточное состояніе, ея гостиная была всякой день освѣщена, и чиновники иностранныхъ посольствъ могли быть увѣрены, что всегда найдутъ у ней каминъ или карточный столъ, за которымъ можно провести время между объдомъ и баломъ; въ ея домъ часто разыгрывались лотереи для бѣдныхъ; она всегда была завалена концертными билетами дочернихъ учителей; она покровительствовала кому бы-то ни было, когда кто ей былъ рекомендованъ порядочнымъ человѣкомъ. Словомъ, княгиня была добрая, благоразумная и благотворительная дама во всѣхъ отношеніяхъ.

Все это, какъ мы сказали, давало ей право на всеобщее уваженіе: княгиня знала себѣ цѣну и любила

пользоваться своимъ правомъ. Но только, съ нѣкото-
раго времени, княгиня все стало какъ-то скучно и
досадно; вистъ и люди, люди и вистъ еще какъ-то
оживляли ее, но до начала партіи она не могла, раз-
умѣется, въ семейномъ кругу, скрывать своей неволь-
ной тоски, и внезапно наружу являлись какая-то
жесткость сердца, какая-то маленькая ненависть ко
всему окружающему, какое-то отсутствіе всякаго ра-
душія, какое-то отвращеніе ко всякой услугѣ, даже
какое-то отвращеніе къ жизни. Какъ не пожаловать-
ся на судьбу? Зачто такая несправедливость? Зачѣмъ
такъ худо награждена была эта почтенная жена?
Ибо, увѣряю васъ, этотъ маленькой байронизмъ кня-
гини происходилъ не отъ воспоминанія о какихъ-ни-
будь прежнихъ тайныхъ прегрѣшеніяхъ, не отъ
раскаянія, — о, нѣтъ, не отъ раскаянія! Я уже ска-
залъ вамъ, что, въ продолженіе всей своей жизни,
княгиня не позволяла себѣ никогда сдѣлать что-ни-
будь такое, чего бы не дѣлали другіе: она была не-
винна, какъ голубица; она смѣло могла смотрѣть на
пронсшествія своей прежней жизни, чистыя какъ
стекло, — ни единого пятнышка. Словомъ, я никакъ
не могу вамъ объяснить, отъ чего происходила тоска
княгини. Пусть эту загадку рѣшаютъ тѣ почтенныя
дамы, которыя будутъ или не будутъ читать меня,
и пусть растолкуютъ ее своимъ внучкамъ, — надеждѣ
новаго поколѣнія.

Такъ княгиня, среди своего семейства, сидѣла за
круглымъ столомъ. О, круглый семейный столъ! сви-
дѣтель домашнихъ тайнъ! чего тебѣ не ввѣряли? че-
го ты не знаешь? Если бѣ къ твоимъ четыремъ ногамъ
прибавить голову, ты бы сравнялся даже съ нашими
глубокомысленными писателями нравовъ, которые
столь вѣрно попали на недостатки нынѣшняго обще-
ства, и которымъ я столь тщетно подражать стараюсь.

За круглымъ столомъ обыкновенно начинается маленькая откровенность; чувство досады, сжатое въ другое время, начинаетъ мало-по-малу развертываться; изъ-подъ канвы выскакиваетъ эгоизмъ въ полномъ, роскошномъ цвѣтѣ; тутъ приходятъ на мысль счеты управителя и разстройство имѣнія; тутъ откровенно обнаруживается непреодолимое желаніе выйти или выдать замужъ; тутъ вспоминаются какая-нибудь неудача, какая-нибудь минута униженія; тутъ жалуются и на самыхъ близкихъ пріятелей и на людей, которымъ, кажется, вы преданы всею душою; тутъ дочери ропщутъ, мать сердится, сестры упрекаютъ другъ друга; словомъ, тутъ дѣлаются явными всѣ тѣ маленькія тайны, которыя тщательно скрываются отъ взоровъ свѣта. Послышится звонокъ, и все исчезло! Эгоизмъ спрячется за дымчатое канзу, на лицѣ явится улыбка, и входящій въ комнату холостякъ съ умиленіемъ смотритъ на дружескій кружекъ милаго семейства.

— Я не знаю, говорила старая княгиня княжнѣ Мими, зачѣмъ вы ѣздите на балы, когда всякой разъ жалуетесь, что вамъ было скучно..... что вы не танцуете..... Выѣзды стоить денегъ, и все понапрасну! Только, что я остаюсь одна дома даже безъ партіи..... Вотъ какъ вчера! Право, пора этому всему кончиться: вѣдь тебѣ уже гораздо за тридцать, Мими, — выходи, Бога ради, замужъ поскорѣе; по-крайней-мѣрѣ я тогда буду спокойнѣе. Я право не въ состояніи одѣвать тебя.....

— Я думаю, сказала молодая вдова, что ты, Мими, сама виновата во многомъ. Зачѣмъ это безпрестанная презрительная миная на лицѣ твоёмъ? Когда къ тебѣ подойдетъ кто-нибудь, то по лицу твоему можно подумать, что тебя лично обидѣли. Ты право страшна на балѣ..... ты отталкиваешь всякаго отъ себя.

Княжна Мими. Неужли жь мнѣ вѣшаться на шею всякому встрѣчному, какъ твоя баронесса? Жеманиться, показывать всякому мальчику мою благодарность за то, что онъ мнѣ сдѣлаетъ честь провести меня въ контрадансъ?

Марія. Не говори мнѣ о баронессѣ! Твой вчерашній съ нею поступокъ на балѣ таковъ, что я не знаю, какъ назвать его. Это была безпримѣрная неучтивость. Баронесса хотѣла тебѣ сдѣлать удовольствіе, подвела къ тебѣ кавалера.....

Мими. Подвела ко мнѣ для того, чтобы мною прикрыть свои любовныя хитрости. Вотъ прекрасное одолженіе!

Марія. Ты любишь все толковать въ дурную сторону. Гдѣ ты замѣтила эти любовныя хитрости?

Мими. Одна ты ничего не видишь и не слышишь! Ты, разумѣется, какъ женщина замужня, можешь презирать свѣтское мнѣніе, — но я..... я слишкомъ дорожу собою. Я не хочу, чтобы обо мнѣ стали то же говорить, что о твоей баронессѣ.

Марія. Не знаю! Но что до-сихъ-поръ ни говорили о баронессѣ, все вышло неправда.....

Мими. Конечно, всѣ ошибаются! одна ты права!... Я не могу надивиться, какъ ты можешь за нее вступаться. Ея епутация сдѣлана.

Марія. О, я знаю! Баронесса имѣетъ много враговъ, — и на это есть причины: она прекрасна собою; мужъ ея уродъ; ея любезность привлекаетъ къ ней толпу мужчинъ.

Мими вспыхнула, а старая княгиня прервала Марию:

— Ужъ правду сказать, я совсѣмъ не рада вашему знакомству съ баронессою; она совсѣмъ не умѣетъ вести себя. Что это за безпрестанныя кавалькады, пикники? Нѣтъ бала, на которомъ бы она не вертѣлась; нѣтъ мужчины, съ которымъ бы она не была какъ съ братомъ. Я не знаю, какъ все это называется у васъ, въ нынѣшнемъ вѣкѣ, но въ наше время такое поведение называлось неблагопристойнымъ.

— Да дѣло идетъ не о баронессѣ! возразила Марія, хотѣвшая отклонить разговоръ о своей пріятельницѣ. Я говорю о тебѣ, Мими: ты меня истинно приводишь въ отчаяніе. Ты говоришь объ общемъ мнѣніи! Не думаешь ли ты, что оно въ твою пользу? О, ты весьма ошибаешься! Ты думаешь, пріятно мнѣ видѣть, что твоего языка боятся какъ огня, перестаютъ говорить, когда ты подойдешь къ какому-нибудь кружку? Мнѣ, мнѣ, сестрѣ твоей, говорятъ въ глаза о твоихъ сплетняхъ, о твоей злости; ты мужу намекаешь о тайнахъ его жены; женѣ рассказываешь о мужѣ; молодые люди просто ненавидятъ тебя. Нѣтъ ихъ шалости, которой бы ты не знала, о которой бы ты не судила и не рядила. Увѣрю тебя, что съ твоимъ характеромъ ты ввѣкъ не выйдешь замужъ.

— О, я объ этомъ очень мало забочусь! отвѣчала Мими. Лучше цѣлый вѣкъ оставаться въ дѣвкахъ, чѣмъ выйти замужъ за какого-нибудь больного кольку и до смерти затаскать его на балахъ.

Марія вспыхнула въ свою очередь и готовилась отвѣчать, но ударилъ звонокъ, дверь отворилась, и вошелъ графъ Сквирскій, старинный пріятель, или, что все равно, старинный партнеръ княгини. То былъ одинъ изъ тѣхъ счастливицевъ, которымъ нельзя

не завидовать. Цѣлый вѣкъ и цѣлый день онъ былъ занятъ: поутру надобно поздравить того-то съ именинами, купить узоръ для княжны Зизи, сыскать собаку для княжны Биби, завернуть въ министерство за новостями, поспѣть на крестины или на похороны, потомъ на обѣдъ, и прочая, и прочая. Въ продолженіе пятидесяти лѣтъ графъ Сквирскій все собирался сдѣлать что-нибудь дѣльное, но отлагалъ день за днемъ, и, за ежедневными хлопотами, не успѣлъ даже жениться. Ему вчера и тридцать лѣтъ назадъ было одно и то же: перемѣнялись моды и мебели, но гостиныя и карты все были тѣ же, — сегодня какъ вчера, завтра какъ сегодня, — онъ уже третьему поколѣнію показывалъ свою неизмѣнную, спокойную улыбку.

— Сердце радуется, говорилъ Сквирскій княгинѣ, когда войдешь къ вамъ въ комнату, и посмотришь на вашъ милый семейный кружокъ. Нынче уже мало такихъ согласныхъ семействъ! Всѣ вы вмѣствъ, всегда такъ веселы, такъ довольны, — и вздохнешь невольно, какъ вспомнишь о своемъ холостомъ углѣ. Честью могу васъ увѣрить, — пусть другіе говорятъ что хотять, — но что до меня касается, я, такъ думаю, холостая жизнь....

Философическія разсужденія Сквирскаго были перерваны поданною ему карточкою.

Между-тѣмъ скоро гостиная княгини наполнилась: тутъ были и супруги, для которыхъ собственный домъ есть родъ Калмыцкой кибитки, годной лишь для ночлега; и тѣ любезные молодые люди, которые пріѣзжаютъ къ вамъ въ домъ за тѣмъ, чтобъ было что сказать въ другомъ; и тѣ, которыхъ судьба, наперекоръ Природѣ, втянула въ маховое колесо гостиныхъ; и тѣ, для которыхъ самый простой визитъ есть слѣд-

ствіе глубокихъ расчетовъ и пособіе для годовой интриги. Тутъ были и тѣ лица, которымъ самъ Грибоѣдовъ не могъ пріискать другаго характеристическаго имени, какъ Г-нъ N. и Г-нъ D.

— Вы долго вчера оставались на балѣ? спросила княжна Мими у одного молодого человѣка.

— Мы еще танцовали послѣ ужина.

— Скажите жъ, чѣмъ кончилась комедія?

— Княжнѣ Биби наконецъ удалось прикрѣпить свою гребенку....

— Охъ! не то....

— А, понимаю!... Длинная фигура въ черномъ фракѣ наконецъ рѣшилась разговориться: онъ задѣлъ шляпою графиню Рифейскую, и скъзалъ: «Извините!»

— О! все не то.... Вы стало быть ничего не замѣтили?

— А, вы говорите про баронессу?...

— О, нѣтъ! Я и не думала объ ней... Да почему вы объ ней заговорили? Развѣ о чемъ нибудь говорить?

— Нѣтъ! Я ничего не слыхалъ. Мнѣ хотѣлось только отгадать, что вы хотѣли сказать своимъ вопросомъ.

— Я ничего не хотѣла сказать.

— Но о какой же комедіи?

— Я такъ говорила вообще о вчерашнемъ балѣ.

— Нѣтъ, воля ваша, тутъ что-нибудь да есть! Вы сказали такимъ тономъ....

— Вотъ свѣтъ! Вы ужъ выводите заключенія! Я васъ увѣряю, что я ни о комъ особенно не думала. Кстати о баронессѣ: она еще много послѣ меня тащовала?

— Не сходила съ доски.

— Она совсѣмъ не бережетъ себя. Съ ея здоровь-емъ...

— О! княжна, вы совсѣмъ не объ ея здоровьѣ говорите. Теперь все понимаю. Этотъ гвардейскій полковникъ?... Не такъ-ли? —

— Нѣтъ! Я его не замѣтила.

— Такъ позвольте жъ? Надобно вспомнить всѣхъ, съ кѣмъ она танцевала....

— Ахъ, Бога ради, перестаньте! Я вамъ говорю, что я объ ней и не думала. Я такъ боюсь этихъ всѣхъ пересудовъ, сплетней.... Въ свѣтъ люди такъ злы...

— Позвольте, позвольте! Князь Петръ ,..... Бобо ,..... Лейденмицъ, Границкій?...

— Кто это? Это новое лицо, высокій съ черными ба-кенбардами?...

— Такъ точно.

— Онъ, кажется, пріятель баронессина Дѣверя?

— Такъ точно.

— Такъ его зовутъ Границкимъ?

— Скажите, пожалуйста, сказала одна, сидѣвшая за картами дама, вслушавшись въ слова Мими: что такое этотъ Границкій?

— Его баронесса всюду развозитъ, отвѣчала сосѣдка княжны на балѣ.

— И сегодня, замѣтила третья дама, она показывала его въ своей ложѣ.

— Это только баронессѣ можетъ прійти въ голову, сказала сосѣдка княжны. Богъ знаетъ, что онъ такое! Какой-то выходецъ съ того свѣта....

«То ужь правда, что онъ Богъ-знаеть, что такое! Онъ какой-то этакой якобинець не якобинець, un frondeur, не умѣеть жить. И какія глупости онъ говорить! Намедни я стала уговаривать графа Бориса взять билетъ къ нашему Целини, а этотъ, — какъ его, — Границкій, что ли, — принялся возль меня рассказывать о какой-то Страховой Конторѣ, которую здѣсь заводять противъ концертныхъ билетовъ....

— Онъ нехорошій человекъ, замѣтили многіе.

— Не слышитъ этого баронесса! сказала Мими.

— Ну, теперь понимаю! прервалъ ее молодой человекъ.

— О, нѣтъ! Ей Богу, я только хотѣла сказать, какъ бы ей этотъ разговоръ былъ неприятенъ; онъ другъ ихъ дома.... И для всякаго....

— Позвольте мнѣ еще разъ перервать ваши слова, потому что я расскажу именно то, что вамъ хотѣлось знать. Баронесса послѣ ужина не переставала танцовать съ Границкимъ. О, теперь я все понимаю! Онъ не отходилъ отъ нее: то она на стулъ оставитъ шарфъ, онъ принесетъ его; то ей жарко, онъ носитъ съ стаканомъ....

— Какъ вы злы! Я ни объ чемъ объ этомъ васъ не спрашивала. Что тутъ мудренаго, что онъ за ней ухаживаетъ! Онъ ей почти родной, живетъ у нихъ въ домѣ....

— А! живетъ у нихъ въ домѣ? Какая самоувѣренность въ этомъ баронь!... Не правда ли?

— О, Бога ради, перестаньте! Вы заставляете меня говорить то, чего у меня въ головѣ нѣтъ: съ вами тотчасъ попадешь въ кумушки, — а я, я такъ всего этого боюсь!.... избави меня Богъ, за кѣмъ нибудь замѣчать!.... А особливо баронесса, которую я такъ люблю....

— Да! Она достойна любви и... сожалѣнія.

— Сожалѣнія?

— Безъ-сомнѣнья! Согласитесь, что баронъ и баронесса *вмѣстѣ* составляютъ что-то странное.

— Да! это правда!... Мужъ баронессы совсѣмъ не занимается ею: она, бѣдная, дома, всегда одна...

— Не одна! возразилъ молодой человекъ, улыбаясь своему остроумію.

— О, вы все толкуете по-своему! Баронесса очень нравственная женщина....

— О, будете справедливы! замѣтила сосѣдка княжны. Не надобно никого осуждать; но я не знаю, какія правила у баронессы. Не знаю, какъ-то зашла рѣчь объ Антони, объ этой ужасной, безнравственной пьесѣ: я не могла досидѣть до конца, а она вздумала вступаться за эту пьесу и увѣрять, что только такая пьеса можетъ остановить женщину на краю гибели...

— О! признаюсь вамъ, замѣтила княгиня, все что говорится, дѣлается и пишется въ нынѣшнемъ вѣкѣ... Я ровно ничего не понимаю!

— Да! отвѣчалъ Сквирскій. Я скажу, что до меня касается, я, такъ думаю, нравственность необходима; но и просвѣщеніе также....

— Ну ужъ и вы, графъ, туда же! возразила княгиня. Нынче всѣ твердятъ — просвѣщеніе, просвѣщеніе! — куда не оглянись, всюду просвѣщеніе, — и купцовъ просвѣщаютъ, и крестьянъ просвѣщаютъ, — встарину не было этого, а все шло лучше нынѣшняго. Я сужу по-старинному: говорятъ — просвѣщеніе, а поглядишь — развращеніе!

— Нѣтъ, позвольте, княгиня! отвѣчалъ Сквирскій. Я съ вами не согласенъ. Просвѣщеніе необходимо, и

это я докажу вамъ какъ дважды два четыре. Вѣдь что такое просвѣщеніе? Вотъ на примѣръ мой племянникъ: онъ вышелъ изъ университета, знаетъ всѣ науки: и Математику, и по Латышъ — имѣетъ аттестатъ, и вотъ ему всюду открыта дорога, — и въ Коллежскіе Ассесоры, — и въ Дѣйствительные. Вѣдь, позвольте сказать: просвѣщеніе просвѣщенію рознь. Вотъ на примѣръ свѣча: она свѣтитъ, намъ бы нельзя было безъ нее въ вистъ играть; но я взялъ свѣчу и поднесъ къ занавѣскѣ, — занавѣска загорится...

— Позвольте записать! сказалъ одинъ изъ играющихъ.

— То, что я говорю? спросилъ Сквирскій, улыбаясь.

— Нѣтъ, робертъ!

— Вы дѣлали ренонсъ, графъ! Какъ это можно? сказалъ съ досадою партнеръ Сквирскаго.

— Какъ? я? ренонсъ? Ахъ Божемой!... Въ самомъ дѣлѣ? Вотъ вамъ и просвѣщеніе!... Ренонсъ! Ахъ, Боже мой, ренонсъ! Да, точно ренонсъ!

Тутъ уже ничего нельзя было разслушать: всѣ заговорили о несчастіи Сквирскаго, и всѣ разсужденія, всѣ интересы, всѣ чувства, сосредоточились въ этомъ предметѣ. Пользуясь общимъ движеніемъ, двое изъ гостей непримѣтно вышли изъ комнаты: одинъ изъ нихъ, казалось, только что пріѣхалъ опредѣлиться, другой возилъ его знакомить по гостинымъ. На лицѣ одного видны были досада и насмѣшка; другой спокойно и внимательно всматривался въ ступеньки лестницы, по которой они сходили.

— Мнѣ на роду написано встрѣчаться съ этимъ бездѣльникомъ! сказалъ первый. Этотъ Сквирской, старый знакомецъ, — я его зналъ въ Казани, — чего онъ тамъ не чудесилъ! А здѣсь еще онъ ораторствуетъ!

И о чемъ же? О нравственности. И что всего замѣчательнѣе, онъ убѣжденъ въ томъ, что говорить: напони ему, что онъ вконецъ раззорилъ своихъ племянниковъ, бывшихъ у него подъ опекою, онъ будетъ въ состояніи спросить: какое это имѣеть отношеніе къ нравственности? Скажи пожалуй, какъ вамъ возможно такого безнравственнаго человѣка принимать въ общество?

Товарищъ пожалъ плечами.

— Что жъ мнѣ дѣлать съ тобою, мой любезный! отвѣчалъ онъ, садясь въ карету, если ты не знаешь нашего языка; учись, учись, мой милый: это необходимо, — мы здѣсь переищали значеніе всѣхъ словъ, и до такой степени, что если ты назовешь безнравственнымъ человѣка, который обыгрываетъ въ карты, клевететь на ближняго, владѣеть чужимъ имѣніемъ, тебя не поймутъ, и твое прилагательное покажется страннымъ; но если ты дашь волю уму и сердцу, протянешь руку къ какой-нибудь жертвѣ свѣтскихъ предразсудковъ, или попробуешь только запереть твою дверь отъ встрѣчнаго и поперечнаго, тебя тотчасъ назовутъ безнравственнымъ человѣкомъ, и это слово будетъ для всѣхъ понятно.

Послѣ нѣкотораго молчанія первый продолжалъ: — Знаете ли, что мнѣ гораздо сносиве ваши блестящія, большіе рауты! Тутъ по-крайней-мѣрѣ говорятъ мало, у всѣхъ чинный видъ, — точно люди: но избави Богъ отъ ихъ семейственныхъ кружковъ! Минуты ихъ домашней откровенности ужасны, отвратительны, — отвратительны даже до любопытства. Княгиня — судья Литературы! Графъ Сквирскій — защитникъ просвѣщенія! Право, послѣ этого, захочется быть невѣждою.

— Однако жъ въ словахъ княгини было нѣчто справедливое! Согласись самъ, — что такое въ нынѣшней

Литературъ? Безпрестанныя описанія пытокъ, злодѣяній, разврата; безпрестанныя преступленія и преступленія.....

— Извини! отвѣчалъ его товарищъ: но такъ говорятъ тѣ, которые ничего не читали кромѣ произведеній нынѣшней Литературы. Ты, конечно, увѣренъ, что она портитъ общественную нравственность, не правда ли? Было бы что портитъ, мой любезный! Съ середины XVIII вѣка все такъ исправно испортилось, что уже нашему вѣку ничего портить не осталось. И одну ли нынѣшнюю Литературу можно попрекнуть этимъ грѣхомъ? На одно дѣйствительно безнравственное нынѣшнее произведеніе, я тебѣ укажу десять XVIII, XVII и даже XVI вѣка. Теперь нагота больше въ словахъ, тогда она была на самомъ дѣлѣ, въ самомъ вымыслѣ. Прочти хоть Брантома, прочти даже «Поездку на островъ любви», Тредьяковскаго: я не знаю на Русскомъ языкѣ безнравственнѣе этой книги; это ручная книга для самой безстыдной кокетки. Нынче не напишутъ такой книги въ пользу чувственныхъ наслажденій; нынче авторъ, вопреки древнему правилу—*Si vis me flere*, кощунствуетъ, смѣется для того, чтобы заставить плакать читателя. Вся нынѣшняя литературная нагота есть послѣдній отблескъ прошедшей дѣйствительной жизни, невольная исповѣдь въ старыхъ прегрѣшеніяхъ челоуѣчества, хвостъ старинной беззаконной кометы, по которому, — знаешь ли что? — по которому можно судить, что сама комета удаляется съ горизонта, ибо кто пишетъ, тотъ уже не чувствуетъ. Наконецъ нынѣшняя Литература, по моему мнѣнію, есть казнь, ниспосланная на ледяное общество нашего вѣка: нѣтъ ему, лицемеру, и тихихъ наслажденій поэзіи! оно недостойно ихъ!..... И, можетъ быть, это казнь благотворная: неисповѣдимы опредѣленія ума челоуѣческаго! Мо-

жетъ-быть, нужно нашему вѣку это сильное средство; можетъ-быть оно, непрерывно потрясая его нервы, пробудитъ его заснувшую совѣсть, какъ тѣлесное страданіе пробуждаетъ утопленника. Съ тѣхъ поръ какъ я въ вашемъ свѣтѣ, я понимаю нынѣшнюю Литературу. Скажи мнѣ, чѣмъ другимъ, какою поэзіею она заинтересуетъ такое существо, какова княжна Мими? какою искусною катастрофою ты тронешь ея сердце? какое чувство можетъ быть понятно ей кромѣ отвращенія, — да, отвращенія! Это, можетъ-быть, единственный путь къ ея сердцу. О, эта женщина навела на меня ужасъ! Смотри на нее, я ридялъ ее въ разныя платья, то есть, логически развивалъ ея мысли и чувства, представлялъ себѣ, чѣмъ бы могла быть такая душа въ разныхъ обстоятельствахъ жизни, и прямехонько, дошелъ... до костровъ Инквизиціи! Не смѣйся надо мною: Лафатеръ говаривалъ — дайте мнѣ одну линію на лицѣ, и я вамъ расскажу всего человѣка. Найди мнѣ только степень, до которой человѣкъ любитъ сплетни, любитъ вывѣдывать и рассказывать домашнія тайны и все подъ личиною добродѣтели, и я тебѣ съ математическою точностію опредѣлю, до какой степени простирается въ немъ безнравственность, пустота души, отсутствіе всякой мысли, всякаго религіознаго, всякаго благороднаго чувства. Въ моихъ словахъ нѣтъ преувеличенія: я сошлюсь хотя на Отцевъ Церкви. Они глубоко знали сердце человѣческое. Послушай, съ какимъ горькимъ сожалѣніемъ они вспоминаютъ о такихъ людяхъ: «Горе имъ будетъ въ день судный,» говорятъ они: «лучше бы имъ не знать святыни, нежели посреди ея поставить престоль діаволу.»

— Помилуй, братецъ! Да что съ тобою? Это ужъ, кажется, проповѣдь.

— Ахъ, извини! Все, что я видѣлъ и слышалъ, такъ гадко, что надобно же мнѣ было отвести душу. Впро-

чемъ скажи, — развѣ ты не слыхалъ разговора княжны Мими съ этимъ прокатнымъ танцовщикомъ?

— Нѣтъ. Я не обратилъ вниманія.

— Ты? литераторъ?... Да въ этомъ миломъ светскомъ разговорѣ зародышь тысячи преступленій, тысячи бѣдствій!

— Э, братецъ! Мнѣ въ это время рассказывали исторію по-интереснѣе, — какъ сдѣлалъ карьеру одинъ изъ моихъ сослуживцевъ.....

Карета остановилась.

=

III.

СЛѢДСТВІЕ ДОМАШНИХЪ РАЗГОВОРОВЪ.

Я говорю, ты говоришь, оны говорятъ, мы говоримъ, вы говорите, они или оны говорятъ.

Труды.....?!

Къ счастью, немногіе раздѣляли грозное мнѣніе незнакомаго оратора о нынѣшнемъ обществѣ, и потому всѣ его маленькія дѣла шли своимъ чередомъ безъ всякаго помѣшательства. А между-тѣмъ, незамѣтно ни для кого, двигался этотъ родъ предразсудка, который называютъ временемъ.

Графиня Рифейская, издавна дружная съ баронессою, старалась еще болѣе съ нею сблизиться съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ Границкій: ихъ видали вмѣстѣ, и на прогулкѣ, и въ театрѣ; баронесса не знала ничего о старинномъ знакомствѣ Границкаго съ графинею; правда, она замѣчала, что они были не равнодушны другъ къ другу, но почитала это обыкновен-

нымъ минутнымъ волокитствомъ, которое иногда предпринимають люди отъ нечего-дѣлать, въ свободное отъ другихъ занятій время. Сказать ли? Баронесса незамѣтно для нее самой даже радовалась своему открытію: оно ей показалось вѣрною защитою противъ нападеній своей непріятельницы.

Но Границкій и графиня вели свои дѣла съ особеннымъ искусствомъ, приобретаемымъ долгою опытностію: въ обществѣ они умѣли быть совершенно равнодушными; говоря съ другими о предметахъ совершенно постороннихъ, они умѣли или назначить другъ другу мѣсто свиданія или передать какія-либо мѣры предосторожности; они даже умѣли кстати смѣяться другъ надъ другомъ. Пламенные ихъ взоры встрѣчались лишь въ зеркалѣ; но ни одна минута не была ими потеряна: они ловили тотъ мигъ, когда глаза другихъ были отвлечены какимъ-нибудь предметомъ. При мгновенномъ выходѣ изъ комнаты, изъ театра, словомъ, при какомъ бы то ни было удобномъ случаѣ, ихъ руки сливались вмѣстѣ и, за долгое принужденіе часто награждавъ поцѣлуй любви, распаленный насмѣшкою надъ общимъ мнѣніемъ.

Между-тѣмъ смена, брошенная искусною рукою княжны Мими, росла и множилась, какъ тѣ чудныя деревья дѣвственнаго Бразильскаго лѣса, которыя раскинутъ свои вѣтви, и каждая вѣтвь опустится къ землѣ, и станетъ новымъ деревомъ, и снова вопьется въ землю вѣтвями, и еще, еще..... И горе неосторожному путнику, попавшемуся въ эти безчисленные сплетенія! Молодой болтунъ разсказалъ разговоръ съ княжною Мими другому; этоть своей маменькѣ; маменька своей пріятельницѣ, и такъ далѣе. Такую же галерею устроила вокругъ себя и Мими; такую же и княгиня; такую же и старая сосѣдка княжны на балѣ. Всѣ эти галереи росли, ро-

сли: наконецъ встрѣтились, переплелись, укрепили другъ друга, и частая сѣть охватила баронессу съ Границкимъ, какъ Марса съ Венерою. По этому случаю, всѣ язьки, которые только могли шевелиться въ городѣ, зашевелились, — одни по желанію убѣдить слушателей, что они непричастны подобнымъ грѣхамъ, — другіе по пенависти къ баронессѣ, — третьи, чтобъ посмѣяться надъ ея мужемъ, — иные просто по желанію показать, что имъ также извѣстны гостинья тайны.

Границкій, занятый своими стратегическими движеніями съ графинею, баронесса, успокоенная своимъ открытіемъ, не знали бури, которая была готова надъ ними разразиться: они не знали, что каждое ихъ слово, каждое ихъ движеніе были замѣчены, обсужены, растолкованы; они не знали, что безпрестанно находились передъ глазами судилища, составленнаго изъ чепчиковъ всѣхъ возможныхъ фасоновъ. Когда баронесса за-просто, дружески, обращалась съ Границкимъ, тогда судилище рѣшало, что она играетъ роль невинности. Когда она, по какому-нибудь стеченію обстоятельствъ, въ продолженіе цѣлаго вечера ни слова не говорила съ Границкимъ, тогда судилище находило, что это сдѣлано для того, чтобъ отвлечь общее вниманіе. Когда Границкій говорилъ съ барономъ, это значило, что онъ желаетъ усыпить подозрѣніе бѣднаго мужа. Когда молчалъ, это значило, что любовникъ не въ силахъ преодолѣть своей ревности. Словомъ, что бы ни дѣлала баронесса и Границкій, — садился онъ или не садился подле нее за столомъ, — танцевалъ или не танцевалъ съ нею, — встрѣчался или не встрѣчался на прогулкѣ, — была ли баронесса при людяхъ любезна или не любезна съ своимъ мужемъ, — выѣзжала съ нимъ или не выѣзжала, — все для досужаго судилища служило подтвержденіемъ его заключеній.

А бѣдный баронъ! Если бы онъ зналъ, какое нѣжное участіе принимали въ немъ дамы, если бы онъ зналъ всѣ добродѣтели, открытыя имъ въ его особѣ! Его всегдашняя сонливость была названа внутреннимъ страданіемъ страстнаго мужа; его глупая улыбка знакомъ непритворнаго добродушія; въ его заspanныхъ глазахъ онъ нашли глубокомысліе; въ его страсти къ висту — желаніе не видать жениной невѣрности или сохранить наружное приличіе.

Однажды, въ домѣ общей знакомой, баронесса Даурталь встрѣтилась съ княжною Мими. Онъ, разумѣется, очень обрадовались, дружески пожали другъ другу руки, сдѣлали другъ другу безчисленное множество вопросовъ, и съ обѣихъ сторонъ оставили ихъ почти безъ отвѣта: словомъ, ни тѣни вражды, ни тѣни воспоминанія о приключеніи на балѣ, — какъ-будто-бы цѣлый вѣкъ онъ не переставали быть истинными пріятельницами. Въ гостиной, кромѣ нихъ, было мало гостей, — только старая княжна, молодая вдова — сестра Мими, старая и всегдашняя ея сосѣдка на балахъ, Границкій и еще человѣка два, три.

Границкій цѣлый день протаскался по разнымъ гостинымъ, чтобъ увидѣться съ своею графиней, и, нигдѣ не нашедши ея, былъ скученъ и разсѣянъ. Баронессѣ было очень непріятно встрѣтиться съ княжною Мими, а старой княгинѣ съ баронессою. Одна Мими была очень рада удобному случаю дѣлать наблюденія надъ баронессою и Границкимъ въ маленькомъ обществѣ. Отъ всего этого произошла въ гостиной несносная принужденность: разговоръ безпрестанно переходилъ отъ предмета къ предмету, и безпрестанно перерывался. Хозяйка поднимала изъ-подъ спуда старыя новости, потому что о новыхъ все возможное было сказано, и всѣ смогрѣли на нее видимо не слушая. Мими торжествовала: говоря съ другими,

она не пропускала ни одного слова ни баронессы, ни Границкаго, и въ каждомъ словѣ находила ключи для гіероглифическаго языка, обыкновенно употребляемаго въ такихъ случаяхъ. Примѣтную разсѣяность Границкаго она переводила то маленькою ссорой между любовниками, то возбужденнымъ подозрѣніемъ мужа. А баронесса! Ни одно ея движеніе не ускользало отъ внимательнаго наблюденія Мими, и каждое ей рассказывало цѣлую исторію со всѣми подробностями. Между-тѣмъ бѣдная баронесса, какъ будто виноватая, отворачивалась отъ Границкаго: то почти не отвѣчала на его слова, то вдругъ обращалась къ нему съ вопросами; не могла удерживаться, чтобы иногда не взглядывать на княжну Мими, и часто, когда ихъ глаза искоса встрѣчались, баронесса приходила въ невольное смущеніе, которое еще болѣе увеличивалось тѣмъ, что она сердилась на себя за свое смущеніе.

Спустя нѣсколько времени, Границкій посмотрѣлъ на часы, сказалъ, что онъ ѣдетъ въ оперу, и исчезъ.

— Вѣдь мы разстроили это свиданіе, тихо сказала Мими своей неразлучной сосѣдкѣ. Впрочемъ они наведутъ!

Едва вышелъ Границкій, какъ слуга доложилъ баронессѣ, что пріѣхала ея карета, которой она давно уже дождалась.

Въ ту минуту какая-то неясная мысль пробѣжала въ головѣ княжны Мими: она сама не могла дать себѣ отчета, — это было темное, безпредметное вдохновеніе злости, — это было чувство человѣка, который ставитъ сто противъ одного, въ вѣрной надеждѣ не выиграть.

— У меня ужасный мигрень! сказала она. Позвольте, баронесса, вашей каретѣ перевезти меня домой черезъ улицу: мы свою отпустили.

Они взглянулись и поняли другъ друга. Баронесса, по инстинкту догадалась, что происходило въ душѣ княжны Мими. Она также не составляла себѣ ни какого определеннаго понятія о намѣреніи послѣдней; но, — сама не зная чего испугалась, — она, разумеется, безъ труда согласилась на предложеніе Мими; но вспыхнула, и такъ вспыхнула, что всё это замѣтили. Все это произошло во сто разъ быстрее нежели во сколько мы могли рассказать сцену.

На дворѣ была сильная мятель; вѣтеръ задувалъ фонари, и, въ двухъ шагахъ, нельзя было различить человѣка. Закутанная съ ногъ до головы въ салопъ, Мими, съ трепетомъ въ сердцѣ, всходила, поддерживаемая двумя лакеями, по ступенькамъ кареты. Она едва сдѣлала два шага, какъ вдругъ въ каретѣ большая мужская рука схватила ея руку, помогая ей войти. Мими бросилась назадъ, вскрикнула, — и едва ли это былъ не крикъ радости! Опрометью побѣжала она назадъ по лѣстницѣ, и, внѣ себя, задыхаясь отъ различныхъ чувствъ, загорѣвшихся въ душѣ, бросилась къ сестрѣ, Марин, которую крикъ ея, раздавшійся по всему дому, заставилъ выбѣжать изъ гостиной вмѣстѣ съ другими дамами.

— Ну, говорите еще! шептала она сестрѣ своей, но такъ, чтобъ всё могли слышать: защищайте вашу баронессу! У ней... въ каретѣ...ея Гранницкій. Посоветуйте ей по крайней мѣрѣ осторожнѣе устроить свои свиданія и не подвергать меня такому стыду....

На шумъ пришла баронесса. Мими замолчала, и, какъ-бы безъ чувствъ, бросилась въ кресла. Пока баронесса тщетно спрашивала у княжны, что съ нею случилось, —

Дверь отворилась, и —

Но позвольте, милостивые государи! Я думаю, что теперь самая приличная минута, заставить васъ прочесть —

ПРЕДИСЛОВІЕ.

=

C'est avoir l'esprit de son âge!

Съ нѣкотораго времени вошелъ въ употребленіе и успѣлъ уже обвѣтшать обычай писать предисловіе посредникъ книги. Я нахожу его прекраснымъ, то есть, очень выгоднымъ для автора. Бывало, сочинитель становился на колѣни, просилъ, умолялъ читателя обратить на него вниманіе; а читатель гордо перевертывалъ нѣсколько страницъ, и хладнокровно оставлялъ сочинителя въ его униженномъ положеніи. Въ нашу эпоху справедливости и расчета сочинитель въ предисловіи ставитъ читателя на колѣни или выбираетъ ту минуту, когда самъ читатель становится на колѣни и вымаливаетъ развязки: тогда сочинитель важно надѣваетъ докторскій колпакъ, и доказываетъ читателю, почему онъ долженъ стоять на колѣняхъ, — все это съ невиннымъ намѣреніемъ заставить читателя прочесть предисловіе. Воля ваша, а это прекрасное средство, ибо, кто не читалъ предисловія, тотъ знаетъ только половину книги. И такъ, милостивые государи, становитесь на колѣни, читайте, и читайте съ глубочайшимъ вниманіемъ и съ глубочайшимъ уваженіемъ, потому что я буду говорить вамъ то, что уже давно вамъ всѣмъ известно.

Знаете ли вы, милостивые государи, читатели, что писать книги дѣло очень трудное?

Что, изъ книгъ, труднѣйшія для сочинителя, это Романы и Повѣсти.

Что изъ Романовъ труднѣйшіе тѣ, которые должно писать на Русскомъ языкѣ.

Что изъ Романовъ на Русскомъ языкѣ труднѣйшіе тѣ, въ которыхъ описываются нравы нынѣшняго общества.

Пропуская тысячи причинъ этихъ затрудненій, я упомяну о тысячѣ первой.

Эта причина, — извините! — pardon — verzeihen sic mir! — scusate! — forgive me! — эта причина: наши дамы не говорят по-Русски!!

Послушайте, милостивыя государыни: я не студентъ, не школьникъ, не издатель ни А, ни В; я не принадлежу ни къ какой литературной школѣ, и даже не вѣрю въ существованіе Русской Словесности; я самъ говорю по-Русски рѣдко; по-Французски изъясняюсь почти безъ ошибокъ; картавлю самымъ чистымъ Парижскимъ нарѣчіемъ: словомъ, я человекъ порядочный, — я увѣряю васъ, что стыдно, совѣстно и безсовѣстно не говорить по-Русски! Знаю я, что Французскій языкъ уже начинаетъ выходить изъ употребленія: но какой нечистый духъ шепнулъ вамъ замѣнить его не Русскимъ, а проклятымъ Англійскимъ, для котораго надобно ломать языкъ, стискивать зубы и выставлять нижнюю челюсть впередъ? А съ этою необходимостію, прощай хорошенькій ротикъ съ розовыми, свежими, Славацкими губками! Лучше бы его не было.

Вы знаете не хуже моего, что въ обществѣ дѣйствуютъ сильныя страсти, — страсти, отъ которыхъ люди блѣднѣютъ, краснѣютъ, желтѣютъ, занемогаютъ и даже умираютъ; но въ высшихъ слояхъ общественной атмосферы эти страсти выражаются одною фразою, однимъ словомъ, словомъ условнымъ, котораго, какъ азбуку, нельзя ни перевести, ни выдумать. Романистъ, въ которомъ столько совѣсти, что онъ не можетъ рѣшиться выдавать Алеутскій разговоръ за языкъ общества, долженъ знать въ совершенствѣ эту свѣтскую азбуку, долженъ ловить эти условныя слова, потому что, повторяю, ихъ выдумать не возможно: они рождаются въ пылу свѣтскаго разговора, и приданный имъ въ ту минуту смыслъ остается при нихъ навсегда. Но гдѣ поймашь такое слово въ Русской гостиной? Здѣсь всѣ Русскія страсти, мысли, насмѣшка, досада, малѣйшее движеніе души, выражаются готовыми словами, взятыми изъ богатаго Французскаго запаса, которыми такъ искусно пользуются Французскіе Романисты и которымъ они (талантъ въ сторону) обязаны большею частию своихъ успѣховъ. Какъ часто имъ бывають пенужны эти длинныя описанія, объясненія, при-

готовленія, который мука и сочинителю и читателю, и которые они легко замѣняютъ нѣсколькими свѣтскими для всѣхъ понятными фразами! Тѣ, которые знаютъ нѣсколько механизмъ расположенія Романа, тѣ поймутъ всѣ выгоды, приносимыя этимъ обстоятельствомъ. Спросите нашего поэта, одного изъ немногихъ Русскихъ писателей, въ самомъ дѣлѣ знающихъ Русскій языкъ, почему онъ, въ стихахъ своихъ, употребилъ цѣликомъ слово vulgar, vulgaire? Это слово рисуешь половину характера человека, половину его участи; но, чтобы выразить его по-Русски, надобно написать страницы двѣ объясненій, — а куда какъ это ловко для сочинителя и какъ весело для читателя! Вотъ вамъ одинъ примѣръ, а такихъ можно найти тысячу. И потому я прошу моихъ читателей принять въ уваженіе всѣ эти обстоятельства и пенить не на меня, если, для однихъ; разговоръ моихъ героевъ покажется слишкомъ книжнымъ, а для другихъ не довольно грамматическимъ. Въ последнемъ случаѣ я сошлюсь на Грибоѣдова, едва-ли не единственнаго, по моему мнѣнію, писателя, который постигъ тайну перевести на бумагу нашъ разговорный языкъ.

Засимъ, я прошу извиненія у моихъ читателей, если наскучилъ имъ, повѣряя ихъ доброму расположенію эти маленькія, въ полномъ смыслѣ слова домашнія, затрудненія, и показывая подставки, на которыхъ движутся романическія кулисы. Я поступаю въ этомъ случаѣ какъ директоръ одного бѣднаго провинціального театра. Приведенный въ отчаяніе нетерпѣніемъ зрителей, скучавшихъ долгимъ антрактомъ, онъ рѣшился поднять занавѣсъ, и показать имъ на дѣлѣ, какъ трудно превращать облака въ море, одѣяло въ царскій наметъ, ключницу въ принцессу, и арапа въ premier ingénu. Благосклонные зрители нашли этотъ спектакль любопытнѣе самой пьесы. Я думаю тоже.

Конечно, родятся люди съ необыкновенными дарованіями, для которыхъ все готово, — и нравы, и ходъ романа, и языкъ и характеры: надобно ли имъ изобразить человека высшаго общества или, какъ они говорятъ, моднаго тона, — ничего не можетъ быть легче! Они непременно пошлютъ его въ чужіе края; для большей вѣрности въ ко-

стому, заставить его не служить, спать до двух часов по-полудни, ходить по кондитерским и пить до обеда, разумеется, шампанское. Нужно имъ написать разговоръ въ порядочномъ обществѣ, — и того легче! Развернуть первый переводный романъ Г-жи Жапансь, прибавить въ необходимыхъ мѣстахъ слова *mon cher*, — *ma chère*, — *bon jour*, — *comment vous portez vous*, — и разговоръ готовъ! Но такую точность описанія, такой вѣрный проникательный взглядъ, Природа даетъ немногимъ гениямъ. Я былъ обиженъ ею въ этомъ отношеніи, и потому просто прошу читателя сердиться не на меня, если я въ нѣкоторыхъ изъ моихъ домашнихъ разговоровъ не умѣлъ вполне сохранить свѣтскаго колорита; а дамамъ повторяю нашу убедительную просьбу, говорить по-Русски.

Не говоря по-Русски, онѣ лишаются множества выгодъ:

I. Онѣ не могутъ такъ хорошо понимать нашихъ сочиненій; но какъ съ этимъ, по большей части, ихъ можно поздравить, то мы пропустимъ это обстоятельство.

II. Если онѣ, несмотря на мои увѣщанія, все таки не будутъ говорить по-Русски, то я — я — впередъ не напишу для нихъ ни одной Повѣсти, пусть же читаютъ онѣ Гг. А, Б, В etc.

Увѣренный, что эта угроза сильнѣе всехъ доказательствъ подѣйствуетъ на моихъ читательницъ, я спокойно обращаюсь къ моему разсказу.

=

И такъ — дверь отворилась, и..... ввалился старый баронъ, ничего непонимавшій въ этомъ приключеніи. Онъ пріѣзжалъ за женою, и какъ онъ намѣревался сейчасъ же куда-то ѣхать съ нею по какому-то непредвидѣнному обстоятельству, то рассудилъ остаться въ каретѣ и не говорить о себѣ хозяйкѣ дома. Крикъ княжны Мими, которую онъ сначала принималъ было за жену, заставилъ его выйти.

Но таково было магнетическое дѣйствіе, приготовленное и городскими слухами и всѣмъ предшедшимъ, что всѣ смотрѣли на него и не вѣрили глазамъ своимъ: уже спустя нѣсколько времени, послѣ стакана воды, послѣ о-де-колона, гофманскихъ капель и прочаго тому подобнаго, догадались, что въ такихъ случаяхъ надобно смѣяться. Я увѣренъ, что многіе изъ моихъ читателей замѣчали въ разныхъ случаяхъ жизни дѣйствіе этого магнетизма, производящаго въ толпѣ сильное убѣжденіе почти безъ всякой видимой причины: подвергшись сему дѣйствию, мы потомъ уже тщетно хотимъ уничтожить его разсудкомъ; слѣпое убѣжденіе такъ овладѣваетъ нашею волею, что въ насъ самъ разсудокъ невольно начинаетъ отыскивать обстоятельства, которыя бы могли подтвердить это убѣжденіе. Въ тѣ минуты, сказанное самое нелѣпое слово производитъ сильное вліяніе; иногда самое это слово забывается, но произведенное имъ впечатлѣніе остается въ душѣ и, незамѣтно для человѣка, порождаетъ въ немъ рядъ такихъ мыслей, которыя бы не пришли въ голову безъ того слова и которыя къ нему имѣютъ иногда самое отдаленное отношеніе. Этотъ магнетизмъ играетъ васьма важную роль какъ въ важныхъ, такъ и въ самыхъ мелочныхъ происшествіяхъ, и, можетъ-быть, для многихъ долженъ служить единственнымъ объясненіемъ. Такъ случилось и теперъ: происшествіе съ княжною было очень просто и понятно, но предрасположеніе всѣхъ присутствующихъ къ другаго рода развлѣкъ было такъ сильно, что у многихъ въ одно и то же мгновеніе родилась неясная мысль, какъ будто-бы баронъ тутъ явился въ родѣ кума. Какимъ образомъ могло это случиться, въ ту минуту никто не былъ въ состояніи объяснить себѣ; но впоследствии эта мысль развилась, укрѣпилась, и разсудокъ вмѣстѣ съ памятью отыскали въ прошедшемъ множество под-

твержденій для того , что дѣйствительно было только одно слѣпое убѣжденіе.

Если бъ вы знали, какой шумъ поднялся въ городѣ послѣ этого происшествія! Во всѣхъ углахъ шопотомъ, вслухъ, за канвою, за книгою, въ театрѣ, передъ алтаремъ Божиимъ, собесѣдники и собесѣдницы говорили, толковали, объясняли, спорили, выходили изъ себя. Огонь небесный не произвелъ бы въ нихъ сильнѣйшаго впечатлѣнія! И все отъ того, что мужу вздумалось прѣхать за женою. Наблюдая подобныя прискорбныя явленія, истинно приходишь въ изумленіе. Что привлекаетъ этихъ людей къ дѣламъ, которыя до нихъ не касаются? Какимъ образомъ эти люди, эти люди бездушные, ледяные при видѣ самаго благороднаго и самаго подлаго поступка, при видѣ самой высокой и самой пошлой мысли, при видѣ самаго изящнаго произведенія, и при нарушеніи всѣхъ законовъ Природы и человечества, — какимъ образомъ эти люди дѣлаются пламенными, глубоко-мысленными, пронизательными, краснорѣчивыми, когда дѣло дойдетъ до креста, до чина, до свадьбы, до какой-нибудь домашней тайны или до того, что они выжали изъ своего сухаго мозга подъ именемъ приличія?

=

IV.

СПАСИТЕЛЬНЫЕ СОВѢТЫ.

Баринъ. Дуракъ! Тебѣ надобно было это сдѣлать сторовою.

Слуга. Я и такъ, сударь, подошелъ къ нему со стороны.

У стараго барона былъ меньшей братъ, гораздо моложе его годами; офицеръ, вообще очень милый малой.

Описать его характер довольно трудно: надобно начать издалека.

Видите ли! отцовъ нашихъ добрые люди научили, что надобно во всемъ сомнѣваться, рассчитывать свой каждый поступокъ, избѣгать всякихъ системъ, всего бесполезнаго, а вездѣ искать существенной пользы или, какъ тогда говаривали, обирать вокругъ себя и вдалѣ не пускаться. Отцы наши послушались, оставили всторону всѣ безполезныя вещи, которыхъ я не назову, чтобы не прослыть педантомъ, и очень были рады, что вся мудрость человѣческая ограничилась объѣдомъ, ужинкомъ, и прочими тому подобными полезными предметами. Между-тѣмъ у отцовъ нашихъ завелась дѣти; дошло дѣло до воспитанія; они благоразумно продолжали во всемъ сомнѣваться, смѣяться надъ системами, и заниматься одними полезными предметами. Между-тѣмъ ихъ дѣти росли, росли, и, наперекоръ добрымъ людямъ, сами составили для себя систему жизни, — однако систему не мечтательную, а въ которой помѣстились эпиграмма Вольтера, анекдотъ рассказанный бабушкою, стихъ изъ Парни, нравственно-арифметическая фраза Бенѣтама, насмѣшливое воспоминаніе о примѣрѣ для прописи, газетная статья, кровавое слово Наполеона, законъ о карточной чести, и прочее тому подобное, чѣмъ до сихъ поръ пробавляются старые и молодые воспитанники XVIII столѣтія.

Молодой баронъ обладалъ этою системою въ совершенствѣ: влюбиться онъ не могъ, — въ этомъ чувствѣ было для него что-то смѣшное; онъ просто любилъ женщинъ, — всѣхъ, съ малыми исключеніями, — свою лягавую собаку, Лепажевы ружья и своихъ товарищей, когда они ему не надоедали; онъ вѣрилъ въ то, что дважды два четыре, въ то, что ему скоро откроется ваканція въ капитаны, въ то, что завтра

онъ долженъ танцовать 2, 5 и 6 номера контраданса.....

Впрочемъ, будемъ справедливы: молодой человекъ имѣлъ благородную, пылкую и добрую душу; но чего не задавило преступное воснѣтаніе гнилаго и раздушеннаго вѣка. Радуйтесь, люди расчета, сомнѣнія и существенной пользы! радуйтесь, защитники насмѣшливаго невѣрія во все святое! расплылись ваши мысли, все затопили, и просвѣщеніе и невѣжество. Гдѣ встанетъ солнце, которое должно высушить это болото и обратить его въ плодоносную почву?

Въ комнату, обвѣшанной Парижскими литографіями и Азіятскими кинжалами; на вогнутыхъ креслахъ, затянутый въ узкомъ архалухѣ лежалъ молодой баронъ: то посматривая на часы, то перевертывая листки Французскаго водевиля.

Человекъ подалъ записку.

— Отъ кого?

— Отъ маркизы де Креки.

— Отъ тетушки!

Записка была слѣдующаго содержанія:

«Завъжай ко мнѣ сегодня послѣ обѣда, мой милый. Дане забудь, по обыкновенію; у меня до тебя есть дѣло, и очень важное.»

— Ну, ужъ вѣрно, проворчалъ про себя молодой человекъ, тетушка изобрѣла еще какую-нибудь кухню, которую надобно выводить на паркетъ! Ужъ мнѣ эти кухни! И откуда онъ берутся?...: Скажи тетушкѣ, сказалъ онъ громко, что очень хорошо, — буду. Одеться.

Когда молодой баронъ Даурталь явился къ маркизѣ, она оставила свои большія вязальныя спицы, взяла его за руку, и съ таинственнымъ видомъ, че-

резь рядъ комнатъ, отличавшихся характерическимъ безвкусіемъ, повела къ себѣ въ кабинетъ, и посадила на маленькой диванъ окруженный горшками съ гераніемъ, бальзаминонь, мятою, и фамильными портретами. Воздухъ былъ напитанъ о-де-колонемъ и розовымъ масломъ.

— Скажите, тетушка, спросилъ ее молодой человекъ, что все это значитъ? Ужь не женить ли вы меня хотите?

— Пока еще нѣтъ, моя душа! Но шутки въ сторону: я должна съ тобою говорить очень и очень серьезно. Скажи мнѣ, сдѣлай милость, что у тебя за другъ такой, — Границкій, что ли онъ? какъ его?....

— Да, Границкій! Прекрасный молодой человекъ, хорошей фамиліи.....

— Я никогда ея не слыхала. Скажи мнѣ, отъ чего такая связь между вами?

— Въ одномъ мѣстечкѣ, въ Италіи, измученный, голодный, полубольной я не нашелъ комнаты въ трактиръ: онъ подѣлился со мною своею; я занемогъ: онъ ухаживалъ за мной цѣлую недѣлю, ссудилъ меня деньгами; я взялъ съ него слово, пріѣзжая въ Петербургъ останавливаться у меня: вотъ начало нашего знакомства..... Но что значать всѣ ваши вопросы, тетушка?

— Послушай, мой милый! Все это хорошо; я очень понимаю, что какой нибудь Границкій былъ радъ оказать услугу барону Даурталю.

— Тетушка, вы говорите о моемъ истинномъ пріятель! прервалъ ее молодой человекъ съ неудовольствіемъ.

— Все это очень хорошо, мой милый! Я не осуждаю твоего истиннаго пріятели, — его поступокъ съ тобою

дѣлаетъ ему много чести. Но позволь мнѣ тебѣ сказать откровенно: ты молодой человекъ, едва вступаешь въ свѣтъ: тебѣ надобно быть осторожнымъ въ выборъ знакомства. Нынче молодые люди такъ развращены....

— Я думаю, тетушка, ни больше ни меньше какъ всегда.....

— Ничего не бывало! Тогда по-крайней-мѣрѣ было больше почтенія къ родственникамъ; родственныя связи, не какъ теперь, — онѣ были тѣснѣе.....

— И даже иногда слишкомъ тѣсны, любезная тетушка, не правда ли?

— Не правда! Да дѣло не о томъ. Позволь мнѣ тебѣ замѣтить, что ты въ этомъ случаѣ, о которомъ мы говоримъ, поступилъ очень вѣтрено: встрѣтился и связался съ человекомъ, котораго никто не знаетъ. Служить ли онъ по-крайней-мѣрѣ гдѣ-нибудь?

— Нѣтъ.

— Ну, скажи же самъ послѣ этого, что онъ за человекъ! Даже не служить! Ужъ вѣрно потому, что его не принимаютъ въ службу.

— Вы ошибаетесь, тетушка. Онъ не служить, потому что у него мать Итальянка, и все его имѣніе въ Италіи: онъ не можетъ ее оставить, именно по причинѣ родственныхъ связей.....

— Зачѣмъ же онъ здѣсь?

— По дѣламъ своего отца. Но скажите, Бога ради, къ чему ведутъ всѣ эти вопросы?

— Однимъ словомъ, мой милый, мнѣ очень непріятна твоя дружба съ этимъ человекомъ, и ты мнѣ сдѣлаешь большое одолженіе, если..... если выживешь его изъ дома.

— Помилуйте, тетушка! Вы знаете, что я во всемъ вамъ безпрекословно повинуюсь; но войдите въ мое

положеніе : съ какой стати я вдругъ перемѣнюсь къ человѣку, которому столько обязанъ, и ни съ того, ни съ сего выгоню его изъ дому? Воля ваша, я не могу рѣшиться на такую неблагодарность.

— Все это вздоръ, мой милый! романическія идеи, больше ничего! Есть манера, и очень вѣжливая, показать ему, что онъ тебѣ въ тягость.

— Разумѣется, тетушка, что это очень легко сдѣлать; но я повторяю вамъ, что я не могу взять на мою совѣсть такую гнусную неблагодарность. Воля ваша, не могу, никакъ не могу...

— Послушай же! отвѣчала маркиза послѣ нѣкотораго молчанія: ты знаешь все, чѣмъ ты обязанъ твоему брату...

— Тетушка!

— Не перерывай меня. Ты знаешь, что по смерти твоего отца онъ могъ воспользоваться всѣмъ твоимъ имѣніемъ; онъ не сдѣлалъ этого, онъ взялъ тебя по третьему году на свои руки, воспиталъ тебя, привелъ всѣ запущенныя дѣла въ порядокъ; когда ты выросъ, записалъ тебя въ службу, честно подѣлился съ тобою имѣніемъ; словомъ, ты ему обязанъ всѣмъ, чѣмъ ты дышишь.....

— Тетушка, что вы хотите сказать?

— Слушай. Ты уже не ребенокъ и малый не глупый, но вынуждаешь меня сказать тебѣ то, чего бы я не хотѣла.

— Что такое, тетушка?

— Послушай! Дай мнѣ прежде слово не дѣлать ни какихъ глупостей, а поступить, какъ слѣдуетъ благо-разумному человѣку.

— Бога ради, договорите, тетушка!

— Я въ тебѣ увѣрена, и потому спрашиваю тебя, не замѣтилъ ли ты чего-нибудь между баронессою и твоимъ Гранецкимъ.

- Баронессою! Что это значить?.....
- Твой Границкій обольстил ее.
- Границкій?..... Быть не может!
- Я тебя не стану обманывать. Это вѣрно: твой братъ обезчещенъ, его сѣдые волосы поруганы.....
- Но надобны доказательства.....
- Какія тебѣ доказательства? Ко мнѣ ужъ объ этомъ пишутъ изъ Лифляндіи. Всѣ жалуются о твоёмъ братѣ, и удивляются, какъ ты можешь помогать его обманывать.
- Я? его обманывать? Это клевета, тетушка, сущая клевета. Кто осмѣлился къ вамъ написать это?
- Этого я тебѣ не скажу; но оставляю тебѣ только рассудить, можно ли Границкому оставаться у тебя въ домѣ. Твой долгъ тебя обязываетъ, пока эта связь не съмалась еще слишкомъ гласною, стараться учтивымъ образомъ заставить его выѣхать изъ твоего дома, а если можно и изъ Россіи. Ты понимаешь, что это должно сдѣлать безъ шума; найти какой-нибудь предлогъ.
- Будьте увѣрены, что все будетъ исполнено, тетушка. Благодарю васъ за извѣстіе. Мой братъ старъ, слабъ; это мое дѣло, мой долгъ..... Прощайте!
- Пстой, пстой! не горячись! Тутъ не надобно ни какой горячности, а хладнокровіе: ты мнѣ объщаешь, что ты не сдѣлаешь ни какой глупости, а поступишь, какъ слѣдуетъ благоразумному человѣку, не мальчику?
- О, будьте спокойны, тетушка! Я все улажу какъ нельзя лучше. Прощайте.
- Не забудь, что тебѣ надобно поступить въ этомъ случаѣ очень осторожно! кричала ему въ слѣдъ маркиза. Говори съ Границкимъ тихо, не горячись. Заведи рѣчь стороною, обиняками... Понимаешь?

— Будьте спокойны, будьте спокойны, тетушка! отвѣчалъ баронъ, убѣгая.

Кровь била ключемъ въ головѣ молодого человѣка.

=

V.

Б У Д У Щ Е Е.

.....l'avenir n'est à personne
Sire, l'avenir est à Dieu.

Victor Hugo.

Во время этой сцены происходила другая.

Во внутренности огромнаго дома, позади блестящаго магазина, находилась небольшая комната съ однимъ окошкомъ на дворъ, завѣшеннымъ сторою. По виду комнаты трудно было отгадать, кому она принадлежала; простыя штукатуренныя стѣны, низкій потолокъ, нѣсколько старыхъ стульевъ и огромное зеркало, въ альковѣ богатый диванъ со всѣми затѣями роскоши, низкія кресла съ выгнутою спинкою, — все это какъ-то спорило между собою. Одна дверь комнаты, черезъ глухой коридоръ, соединяла ее съ магазиномъ; другая выходила на противоположную улицу.

По комнатѣ ходилъ скорыми шагами молодой человѣкъ, и часто останавливался, то по срединѣ, то у дверей, и тщательно прислушивался. То былъ Границкій.

Вдругъ послышался шорохъ, дверь отворилась, и прекрасная женщина, прекрасно одѣтая, бросилась въ его объятія. То была графиня Лидія Рифейская.

— Знаешь ли, Габріель, сказала она ему поспѣшно, что здѣсь мы съ тобою видимся въ послѣдній разъ?

— Въ послѣдній разъ? вскричалъ молодой человекъ
Но постой! что съ тобою? ты такъ блѣдна?

— Ничего! Я немножко озябла. Спѣша къ тебѣ, я
забыла надѣть ботинки. Коридоръ такой холодный...
Это ничего!

— Какъ ты неосторожна! Здоровьемъ пренебрегать
не надо....

Молодой человекъ подвинулъ кресла къ камину,
посадилъ на нихъ прекрасную женщину, разулъ ее,
и старался согрѣть прелестныя ножки своимъ дыха-
ніемъ.

— О перестань, Габріель! Минуты дороги; я насилу
могла вырваться изъ дома; я пришла къ тебѣ съ важ-
ною новостью. У моего мужа второй ударъ и, — страшно
выговорить, — доктора мнѣ сказали, что онъ не
переживетъ его: у него отнялся языкъ, лице пере-
косилось, онъ страшень! бѣдный, не можетъ выго-
ворить ни слова!..... Едва поднимаетъ руку! Ты не
можешь повѣрить, какъ онъ мнѣ жалокъ.

И графиня закрыла лице свое рукою. Между-тѣмъ
Габріель цѣловалъ ея холодныя, какъ-будто изъ бѣ-
лаго мрамора выточенныя, ножки, и прижималъ ихъ
къ горячимъ щекамъ своимъ.

— Лидія! говорилъ онъ, Лидія! ты будешь свободна...

— Ахъ, говори мнѣ это чаще, Габріель! Это одна
мысль, которая на минуту заставляетъ меня забывать
мое положеніе; но и въ этой мысли есть что-то страш-
ное. Чтобы быть счастливою въ твоихъ объятіяхъ,
мнѣ надобно перешагнуть черезъ гробъ!.... Для моего
счастія нужна смерть человека!.... Я должна желать
этой смерти!.... Это ужасно, ужасно! Это перевора-
чиваетъ сердце, это противно Природѣ.

— Но, Лидія, если кто-нибудь виноватъ въ этомъ,
то вѣрно не ты. Ты невинна, какъ ангелъ. Ты жертва

приличій; тебя выдали замужъ по-неволю. Вспомни, сколько ты сопротивлялась волѣ твоихъ родителей; вспомни всѣ твои страданія, всѣ наши страданія....

— Ахъ, Габріель, я все это знаю; и когда я подумаю о прошедшемъ, тогда совѣсть моя покойна. Богъ видѣлъ, чего я не перенесла въ моей жизни! Но когда я взгляну на моего мужа, на его скосившееся лицо, на его дрожащую руку; когда онъ манитъ меня къ себѣ, меня, въ которой онъ въ продолженіе шести лѣтъ производилъ одно чувство, — отвращеніе; когда я вспоминаю, что его всегда обманывала, что его теперь обманываю, тогда забываю, какая цѣпь страданій, нравственныхъ и физическихъ, довела меня до этого обмана. Я изнываю, между этими двумя мыслями, — и одна не уничтожаетъ другой!

Гралицкій молчалъ: тщетно бы сталъ онъ утѣшать Лидію въ эту минуту!

— Не сердись на меня, Габріель! сказала она наконецъ, обнимая его голову. Ты понимаешь меня; ты съ дѣтства привыкъ понимать меня. Я одному тебѣ могу повѣрить мои страданія....

И она пламенно прижала его къ груди своей.

— Но полно! Время бѣжить; я не могу здѣсь болѣе оставаться.... Вотъ тебѣ мой послѣдній поцѣлуй! Теперь слушай: я вѣрю, мы будемъ счастливы; я вѣрю; то, что у насъ отняло самовластіе общества, возвратитъ намъ Провидѣніе; но до того дня я вся принадлежу моему мужу. Съ сей поры я ежеминутною заботою, долгими ночами безъ сна у его постели, страданіемъ не видать тебя, должна выкупить нашу любовь, и вымолить у Бога наше счастье. Не старайся меня видѣть, не пиши ко мнѣ; позволь мнѣ забыть тебя. Я тогда стану спокойнѣе, и совѣсть меньше меня будетъ мучить. Мнѣ легче будетъ вообразить себя совершенно чистою, невинною.... Прощай!... Еще два

слова: не переменяй ничего въ твоём образѣ жизни, продолжай выѣзжать, танцовать, водочиться, какъ будто для тебя не готовится ни какой цорантъны.... Завтра же навѣдаться о моёмъ мужѣ, но я тебя не приму: ты не родня. И сегодня же позвонь и вездѣ равнодушно рассказывай объ его болѣзни. Прощай!

— Постой! Лидія! Еще одинъ поцѣлуй!... Сколько долгихъ дней пройдетъ....

— О, не напоминай мнѣ больше объ этомъ!... Прощай. Будь терпеливѣе меня. Помни: будетъ время, и я не буду говорить тебѣ: «идуть — отойди Габріель!»... О ужасно! ужасно!

Они разстались.

=

VI.

ЭТО МОЖНО БЫЛО ПРЕДВИДѢТЬ.

— Vous allez me rabacher je ne sais quels lieux communs de morale, que tous ont dans la bouche, qu'on fait sonner bien haut, pourvu que personne ne soit obligé de les pratiquer.

— Mais s'ils se jettent dans le crime?

— C'est de leur condition.

LE NEVEU DE RAMEAU.

Въ сильномъ волненіи молодой баронъ Даурталь возвратился домой.

— Дома ли Границкій? спросилъ онъ.

— Никакъ нѣтъ.

— Сказать мнѣ, какъ скоро онъ придетъ.

Тутъ онъ вспомнилъ, что Границкій долженъ былъ вечеромъ ѣхать къ Б***.

Минуты этого ожиданія были ужасны для молодого человѣка: онъ чувствовалъ, что въ первый разъ

въ жизни онъ призванъ на важное дѣло; что тутъ нельзя было отвертѣться ни эпиграммою, ни равнодушіемъ, ни улыбкою; что здѣсь надобно было сильно чувствовать, сильно думать, сосредоточить всѣ силы души; что, однимъ словомъ, надобно было дѣйствовать, и дѣйствовать самому, не требуя совѣтовъ, не ожидая подпоры. Но такое напряженіе было ему незнакомо; онъ не могъ себѣ отдать отчета въ своихъ мысляхъ. Лишь кровь его разгоралась, лишь сердце въ немъ билось чаще. Ему представлялись, какъ-будто во снѣ, городскіе толки; его братъ въ сѣдинахъ, оскорбленный и слабый; желаніе показать свою любовь и благодарность къ старику; товарищи, эполеты, сабли, ребяческая досада; охота показать, что онъ ужъ не ребенокъ; мысль, что смертоубійствомъ заглаживается всякое преступленіе. Всѣ эти грезы смѣнялись одна другою, но все было темно, неопредѣленно: онъ не умѣлъ спросить у того судилища, которое не зависитъ отъ временныхъ предразсудковъ и мнѣній, произносить всегда точно и вѣрно: воспитаніе забыло ему сказать объ этомъ судилищѣ, а жизнь не научила спрашивать. Языкъ судилища былъ неизвѣстенъ барону.

Наконецъ пробилъ часъ. Молодой человекъ бросилъ въ карету, поскакалъ, нашелъ Границкаго, взялъ его за руку, вывелъ изъ толпы въ отдаленную комнату, и не зная, что сказать ему: наконецъ вспомнилъ слова тетушки, и, стараясь принять видъ хладнокровный, проговорилъ:

— Ты ѣдешь въ Италію?

— Нѣтъ еще, отвѣчалъ Границкій, принявъ эти слова за вопросъ, и смотря на него съ удивленіемъ.

— Ты долженъ ѣхать въ Италію! Ты меня понимаешь?

— Ни сколько!

— Я хочу, чтобъ ты ѣхалъ въ Италію! сказалъ баронъ, возвысивъ голосъ. Теперь понимаешь?

— Скажи мнѣ, сдѣлай милость: что ты, съ ума сошелъ, что ли?

— Есть люди, которыхъ я не назову, для которыхъ всякое благородство — сумасшествіе....

— Баронъ, ты не знаешь, что говоришь! Твои слова пахнутъ порохомъ.

— Я привыкъ къ этому запаху.

— На маневрахъ?

— Это мы увидимъ.

Глаза барона заблестали: дѣло шло уже о личной обидѣ.

Они взяли слово съ людей, вошедшихъ въ комнату къ концу разговора, сохранить его въ тайнѣ, воротились снова въ залу, сдѣлали нѣсколько вальсовыхъ круговъ, и исчезли.

Черезъ нѣсколько часовъ уже секунданты отмѣривали шаги и заряжали пистолеты.

Границкій подошелъ къ барону.

— Прежде нежели мы отправимъ другъ друга на тотъ свѣтъ, мнѣ очень любопытно узнать, за что мы стрѣляемся.

Баронъ отвелъ своего соперника въ сторону отъ секундантовъ.

— Вамъ это должно быть понятнѣе меня, сказалъ онъ.

— Ни сколько.

— Если я вамъ назову одну женщину....

— Женщину!... Но какую?

— Это уже слишкомъ! Жена моего брата, моего старика, больного брата, моего благодѣтеля.... Понимаете?

— Теперь, ужъ совершенно ничего не понимаю!

— Это странно! Весь городъ говорить, что вы обезчестили моего брата; все смѣются надъ нимъ....

— Баронъ! васъ безсовѣстно обманули. Прошу васъ назвать мнѣ обманщика.

— Это мнѣ сказала женщина.

— Баронъ! вы поступили очень опрометчиво. Если бы вы прежде спросили меня, я бы вамъ разсказалъ мое положеніе; но теперь поздно, мы должны драться. Но я не хочу умереть, оставивъ васъ въ обманъ: вотъ вамъ моя рука, что я и не думалъ о баронессѣ.

Молодой баронъ былъ въ сильномъ смущеніи въ продолженіе разговора: онъ любилъ Границкаго, зналъ его благородство, вѣрилъ, что онъ его не обманываетъ, и проклиналъ самого себя, тетюшку, цѣлый свѣтъ.

Одинъ изъ секундантовъ, старинный дуэлистъ и очень строгій въ дѣлахъ этого рода, сказалъ:

— И, и, господа! У васъ, кажется, дѣло на ладъ идетъ? Тѣмъ лучше: миритесь, миритесь; право лучше.....

Эти слова были сказаны очень просто, но барону они показались насмѣшкою, — или въ самомъ дѣлѣ въ тонѣ голоса секунданта было что-то насмѣшливое. Кровь вспыхнула въ молодомъ человѣкѣ.

— О, нѣтъ! вскричалъ онъ, почти самъ не зная, что говорить. Нѣтъ, мы и не думаемъ мириться. У насъ есть важное объясненіе.....

Последнее слово снова напомнило молодому человѣку его преступную неосторожность: видъ себя волнующій необъяснимыми чувствами, онъ вторично отвелъ своего соперника въ сторону.

— Границкій! сказалъ онъ ему: я поступилъ какъ ребенокъ. Что намъ дѣлать?

— Не знаю, отвѣчалъ Границкій.

— Разсказать секундантамъ нашу странную ошибку?....

— Это будетъ значить распространить слухи о жень твоого брата.

— Ты смѣлся надъ моею храбростію ; секунданты знаютъ это.

— Ты мнѣ говорилъ такимъ тономъ.....

— Это не можетъ такъ остаться !

— Это не можетъ такъ остаться !

Скажутъ, что на нашемъ дуэль пролилась не кровь, а шампанское.....

— Постараемся оцарапать другъ друга.

Они стали къ барьеру. Разъ, два, три! — пуля Границкаго оцарапала руку барона; Границкій упалъ мертвый.

≡

VII.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Существуютъ охотники защищать всѣхъ и все: они ни въ чемъ не хотятъ видѣть дурнаго. Эти люди очень вредны.....

СВѢТСКОЕ СУЖДЕНІЕ.

Всякой читатель ввроятно уже догадывается, что вышло изъ всей этой исторіи.

Пока о дуэль знали одни мужчины, то приписывали его просто насмѣшкѣ Границкаго надъ храбростію молодаго барона; толки были различны. Но когда узнали объ этомъ происшествіи добродѣтельные дамы, описанныя нами выше, тогда прекратились всѣ недоразумѣнія : истинная причина была тотчасъ отыскана, изслѣдована, обработана, дополнена примѣчаніями и распространена всѣми возможными способами.

Бѣдная баронесса не устояла противъ этого жестокаго преслѣдованія: ея честь, единственное чувство, которое было въ ней живо и свято, — ея честь которой она приносила въ жертву всѣ мысли ума, всѣ движенія юнаго сердца, — ея честь была поругана безъ вины и безъ возврата. Баронесса слегла въ постелю.

Молодой баронъ и двое секундантовъ были сосланы, — далеко отъ всѣхъ наслажденій свѣтской жизни, которая одна могла быть для нихъ счастьемъ.

Графиня Рифейская осталась вдовою.

Есть поступки, которые преслѣдуются обществомъ: погибають виновные, погибають невинные. Есть люди, которые полными руками съють бѣдствіе, въ душахъ высокихъ и нѣжныхъ возбуждаютъ отвращеніе къ челоуѣчеству, словомъ торжественно подниваютъ основанія общества, и общество согрѣваетъ ихъ въ груди своей, какъ безсмысленное солнце, которое равнодушно всходитъ и надъ криками битвы, и надъ молитвою мудраго.

=

Для княжны Мими была составлена партія, — она уже отказалась отъ танцовъ. Молодой челоуѣкъ подошелъ къ зеленому столу.

— Сегодня поутру наконецъ кончились страданія баронессы Даурталь! сказалъ онъ. Здѣшнія дамы могутъ похвалиться, что онъ очень искусно ее убили до смерти.

— Какая дерзость! шепнулъ кто-то другому.

— Ничего не бывало! возразила княжна Мими, закрывая взятку. Убиваютъ не люди, а беззаконныя страсти.

— О, безъ сомнѣнія! замѣтили многія.

В. ВЕЗГЛАСНЫЙ.

Ревель. 1834.

ТРИ ЖЕНИТЬБЫ

ВОПРЕКИ РАЗСУДКУ.

=

ЛИСТОКЪ ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЛѢТОПИСИ XIX ВѢКА.

=

Судьба, уже довольно поведившая меня по бѣлу свѣту, привела наконецъ въ Парижъ: я съ нетерпѣннѣею желалъ видѣть великія произведенія многовѣчныхъ Искусствъ, насильно перетащенные въ столицу революціи, уже порядочно прибранной къ рукамъ консуломъ Бонапарте. Заграничныя войны заставили наконецъ многихъ Парижанъ убѣдиться, что и за стѣнами ихъ города живутъ люди просвѣщенные, у которыхъ можно что-нибудь и Французамъ заимствовать, и я нашелъ въ обществѣ тогдашнихъ лучшихъ литераторовъ уже не одно самохвальство, но свѣдѣнія и о всемірной Словесности, въ скульптурѣ изученіе антиковъ, въ живописи новую школу. Въ театрѣ представляли Греческихъ и Римскихъ героевъ въ ихъ настоящихъ костюмахъ, и хотя Большая Опера, кромѣ Лаиса, все ревѣла и прыгала по-прежнему, но балеты уже не пудрили, не фризурили и не фикмили Мифологін. Въ Федѣ уже не слышно было безпрестанныхъ насвистовъ Флейты, козлопѣнія готъ-контровъ, высокогласія и трелей, которыми прежде Рамо и Гретри восхищали Парижскую публику. Приноровленіе Италіянской музыки къ Французской сценѣ, языку и стихотворству, дѣлало большую честь Мегюлю и Боельдѣ, съ которыми, какъ и съ другими, лучшими того времени поэтами, композиторами и драматическими артистами, я скоро познакомился.

Молодой Боельдье, одаренный приятною наружностью и превосходящимъ талантомъ, мнѣ очень полюбился, и, сколько я могъ замѣтить, полюбилъ меня: онъ часто ходилъ ко мнѣ, и однажды, именно въ пятницу, пригласилъ къ себѣ на чай. Едва онъ успѣлъ отъ меня выйти, какъ явился Флоріо, режиссеръ и ходячая газета театра Федо. Я сказалъ ему, что собираюсь провести очень пріятный вечеръ у Боельдье, вѣрно со всѣми лучшими въ Парижѣ композиторами. «Въ этомъ-то вы и ошибаетесь!» отвѣчалъ мнѣ режиссеръ, и, не допуская до распросовъ, объяснилъ, что Боельдье сынъ порядочныхъ родителей, получилъ хорошее воспитаніе, былъ принятъ въ лучшихъ домахъ, имѣлъ блестящіе успѣхи и въ оперѣ, и въ обществѣ, но сдѣлалъ глупость, которая его разстроила со всѣми, — именно, женился, не слушаясь никого, на бывшей красавицѣ, танцовщицѣ Клотильдѣ: она принесла ему въ приданое сороколѣтнія неуваждаемыя прелести и небольшіе остатки Англійскихъ гиней, Испанскихъ дублоновъ, Голландскихъ червонныхъ, Германскихъ рейхсталеровъ и Русскихъ имперіаловъ, а сверхъ нѣжнаго имени супруга, онъ принужденъ былъ принять трогательное названіе папеньки отъ трехъ или четырехъ незнакомыхъ ему дѣтей; ему теперь только двадцать пять лѣтъ, и уже есть надежда, что, года черезъ три, старшая дочь произведетъ его въ дѣдушки. «Но я отвѣчаю моею головою,» прибавилъ Флоріо, «что нашъ Телемакъ, не дождавшись этого почтеннаго титула, бросится не въ море, а въ почтовую коляску отъ своей Калипсы!» Этотъ разговоръ, которому впрочемъ я не совсѣмъ вѣрилъ, возбудилъ во мнѣ большее любопытство увидѣть Клотильду въ семейственномъ ея быту, и мое желаніе исполнилось въ девять часовъ вечера. Я нашелъ ее, у круглаго стола съ щегольскимъ чайнымъ приборомъ, стоящею точно такъ, какъ видѣлъ наканунѣ

въ рали Калписы. Это невольно напомнило мнѣ предсказаніе Флоріо. Молодой супругъ, какъ-будто только вырвавшись изъ ея объятій, съ смущеннымъ видомъ торопился встрѣтить меня и представить своей оборотительницѣ. Признаюсь, я не удивился позднему дѣйствию ея прелестей: я видѣлъ ихъ вблизи, правда, при свѣтѣ кенкетъ, заслоненныхъ нѣсколькими транспарантами или орумяненныхъ розовымъ стекляннымъ шаромъ, и она показалась мнѣ ровесницей лѣтами и красотой своему мужу. Легко можетъ случиться, что и косметическій магазинъ способствовалъ очарованію, но я въ душѣ извинялъ шалость чувствительнаго музыканта, и не жамѣлъ о Русскихъ имперіалахъ моихъ соотечественниковъ. Красавица приняла меня съ удивительною ловкостью, и попросила садиться съ привлекательностью, противъ которой трудно было устоять: я чувствую, что воспоминаніе молодости и Парижской жизни невольно заставляетъ меня каламбурить, и вовсе на это не досаую, — даже буду очень радъ, если вспышки давнишней веселости оживятъ мой рассказъ и помогутъ перенести ваше воображеніе къ мраморному камину, гдѣ хозяйка усадила меня по правую сторону хозяина. Мы не были нужды начинать разговоръ погодою и распросами о здоровьѣ, о которомъ никому не хотѣлось знать. Вчерашній балетъ и фельетонъ Жофруа, расхвалившаго мамзель Вольнѣ, были неисчерпаемыми источниками пріятной болтовни; языкъ танцовщицы, изощренный долговременнымъ употребленіемъ, много отбралъ всѣхъ второклассныхъ красавицъ первыхъ двухъ театровъ, и только мы дошли до дебютовъ известнаго Дюпора и мамзель-Жоржъ, какъ человекъ лѣтъ слишкомъ пятидесяти, въ темносѣромъ фракѣ, въ парикѣ à-la-Titus, но вовсе не похожій на вертляваго Француза, вошелъ тяжелою поступью въ комнату. Хозяйка вскрикнула съ привычною радостью.

«А, господинъ Симонъ? Мы уже отчаялись васъ видѣть.» Новый гость, не говоря ни слова, поцѣловалъ хозяйку въ лобъ, пожалъ руку хозяйину, положилъ шляпу на каминъ, поставя палку подлѣ, и сѣлъ на мѣсто, уступленное счастливымъ супругомъ. «Чортъ знаетъ, гдѣ я сегодня не перебивалъ!» сказалъ гость. «Этимъ дамскимъ комиссіямъ пѣтъ конца. Завтра мнѣ надобно возвратиться въ Брюссель, а сегодня оттуда мой другъ прислалъ мнѣ предлинный реестръ такихъ покупокъ, которыхъ я и названія не умѣю выговорить. Да нечего дѣлать: надобно ее утѣшить за мое счастье; и если бъ не добрая невѣстка моя, то бы я съ ума сошелъ. Но спасибо ей; она вездѣ со мною ѣздила, все закупаала; я не могу довольно нахвалиться ея угожденіями.» «А что вы,» сказала Клотильда со смѣхомъ, «прошлаго года объ ней говорили?» А!!... Ну что я говорилъ?— я говорилъ, что говорятъ обыкновенно разсерженные отцы о невѣсткахъ, которыхъ сыновья навязываютъ имъ на шею.» «А теперь говорите, что говорятъ счастливые мужья, которыхъ все восхищаетъ, все кажется въ розовомъ цвѣтѣ?» сказалъ Боельдѣ, взглянувши страстно на свою супругу. Она отвѣчала ему посланнымъ по воздуху поцѣлуемъ, и словами «Ты по себѣ судишь.» — «Да развѣ я не правъ?» вскричалъ съ восторгомъ влюбленный мужъ: «развѣ я не правъ, г. Симонъ?» — «Правъ, очень правъ!» отвѣчалъ съ радостнымъ смѣхомъ Брюсселецъ: «и я какъ въ зеркаль вижу мое счастье въ вашемъ.» — «Неужели?» сказала, улыбувшись, Клотильда: «поздравляю васъ отъ добраго сердца и желаю только, чтобъ зеркало не льстило вамъ.» «Полно, другъ мой!» прервалъ Боельдѣ: «почему тебѣ кажется, что никто не можетъ такъ же чувствовать своего блаженства, какъ мы?» Но вдругъ опомнясь, что разговоръ его былъ для меня Арабскимъ языкомъ, и желая по вѣжливости дѣлать его общимъ, Боельдѣ оборотился ко мнѣ.

«Позвольте мнѣ вамъ рекомендовать г. Симона, знатнаго Брюссельскаго каретнаго артиста. Прошу познакомиться съ Русскимъ путешественникомъ!» Тутъ онъ произнесъ мое, исковерканное на Французскій ладъ, имя, прибавивъ къ нему тотчасъ титулъ графа, которымъ во Франціи жалуютъ всѣхъ иностранцевъ, имѣющихъ свой ремизъ, то есть, помѣсячно нанятую карету. «Вы, сударь, Русскій!» вскричалъ Симонъ: «очень радъ представить себя къ вашимъ услугамъ. Вашъ Императоръ Павелъ I, когда еще былъ Наслѣднымъ Принцемъ, проѣзжая чрезъ Брюссель, удостоилъ посѣщенія мою фабрику; я имѣлъ честь работать на Него, и счастье получить, изъ собственныхъ рукъ Его, перстень, который подарилъ, какъ самую драгоценную для меня вещь, молодой супругъ моей. Она, право, — спросите у нихъ, — достойна носить царскій подарокъ.» И радостное хохотанье изобразило душевное удовольствіе гордящагося своею женою супруга. «Да!» сказалъ Боельдье: «я свидѣтель, и утверждаю, что г-жа Симонъ необыкновенная женщина, и что замужство ея еще необыкновеннѣе. Вотъ самоваръ принесенъ. Не угодно ли пересѣсть къ столу, и если мой другъ позволитъ, я расскажу вамъ его свадьбу.» — «Да съ чего,» отвѣчалъ Симонъ, «я стану тебя запрещать? И чортъ велить мнѣ таить то, что напечатано и перепечатано въ нашихъ и вашихъ газетахъ?» — «Очень радъ,» сказалъ хозяинъ, усаживая насъ къ чайному столу: «и если графъ захочетъ выслушать, то не раскается въ своемъ снисхожденіи.» — «Я за это ручаюсь!» прибавила Клотильда, начавшая хозяйничать полосканьемъ чайника. «Но чтобъ не прерывать интереснаго повѣствованія, позвольте прежде поподчивать васъ Русскимъ чаемъ, который я получила прямо изъ Петербурга: я увѣрена, что во всемъ Парижѣ нѣтъ лучшаго. Я безъ ума отъ всего Русскаго, и скоро получу кусокъ Русскаго сафьяна:

онъ у насъ запрещенъ, а вы знаете, что все запрещенное очень нравится женщинамъ. Прощу сдѣлать честь отвѣдать, и сказать мнѣ ваше мнѣніе о вашемъ соотечественникѣ.» — Проворство языка учтивой Француженки не имѣло досужству ея рукъ; она въ одну минуту успѣла нацѣдить изъ самовара кинятку въ чайникъ, налить чашки, дернуть за рукавъ служанку, назвать ее три раза душой, вырвать и сама поднести мнѣ задержанную неловкостью служанки корзину съ бисквитами и булочками, и я вочелъ должностью моею увѣрить хозяйку, что лучшаго чаю не пивалъ и въ Москвѣ. — «А онъ у васъ тамъ родится?» спросила она. — «Нѣтъ; мы его получаемъ изъ Китая.» — «Ахъ, Боже мой! Слышишь ли, Боельдѣ?» — «Да я это знаю, мой другъ!» — «Такъ отъ чего жь его зовутъ Русскимъ?» — «Отъ того, что онъ къ намъ присланъ изъ Россіи.» — «А! вотъ что! Мнѣ всегда очень хотѣлось побывать въ Россіи, но меня напугалъ Дегѣ; онъ ужь получилъ контрактъ, да побоялся ѣхать, чрезъ эти, какъ бышь, Аравійскія степи....» — «Сдѣлай мнѣ одолженіе, не говори такой вздоръ,» прервалъ пристыженный мужъ: «Аравія въ Африкѣ; такъ какъ же Аравійскія степи могутъ быть въ Европѣ?» — «Все равно, Аравійскія или Европейскія степи: трюлько я имъ за что не поѣду по нихъ. Я до смерти боюсь медвѣдей и тигровъ, которые ѣдятъ людей, какъ ты эти бисквиты.» — Боельдѣ, покраснѣвшій отъ невѣжества жены своей, сказалъ мнѣ: — «Извините машикъ Парижанокъ; Географія не по ихъ части, и онѣ знаютъ только науку любить.» — «И пивнать,» договорилъ я, прикинувшись Французскимъ любезникомъ. — «О, что до этого,» выговорилъ, проглотивъ разомъ дѣлый сукаръ, нашъ толстый собесѣдникъ, «то спросите у насъ съ сыномъ! Мы это лучше всѣхъ знаемъ.» — А чтобъ и вы это узнали,» сказалъ хозяинъ, «то я сейчасъ начну повѣсть о г-жахъ Симоуъ и ихъ дражайшихъ

судругахъ.» — Чай отпили, и мы, не отходя отъ стола, стали слушать повѣствованіе, которое постараюсь вамъ передать какъ можно вѣрнѣе.

— «Вы вѣрно слышали,» спросилъ меня Боельдѣ, «о первой молодой любовницѣ Французскаго Театра, дѣвицѣ Анжеть, которая очень хорошо поддерживала свое имя, и можетъ-быть видали на фарфоровыхъ вазахъ, чашкахъ, табакеркахъ и гравюрахъ ея портреты; но ни одна копія не можетъ сравниться съ оригиналомъ.» — «Это ужъ можетъ быть и лишнее;» прервала хозяйка: «только голова ея была точно прекрасная; да къ сожалѣнію она слишкомъ потолстѣла.» — «Ахъ, милая!» возразилъ мужъ: «я не сталъ бы говорить объ ея талии при тебѣ! И гдѣ жъ ты хочешь найти женщину, которая бы такъ сохранила свои прелести? Впрочемъ, г-жа Анжеть воегда была гораздо тебя старѣе: она дебютировала... Ну, да не о дебютѣ дѣло! Въ самое то время, когда Анжеть сводила съ ума всѣхъ зрителей Французскаго Театра, г-нъ Симонъ задумалъ прислать сына своего въ Парижъ для окончанія наукъ.» — «Да!» прервалъ отецъ Симонъ: «я сдѣлалъ это дурачество; послушался умныхъ людей, и не подумалъ того, что чертъ ли велитъ молодому малому сидѣть за догогриѳами въ такомъ городѣ, гдѣ, не учась, въ одинъ мѣсяцъ научишься тому, чего у насъ, въ Брюссель, и въ цѣлый вѣкъ не уапаещь. И пойдеть ли тамъ въ голову Математика, гдѣ передъ глазами вертится вѣчная ярмарка? Нѣтъ, тутъ и не у молодого человѣка закружится голова!» — «Да, г. Симонъ это по себѣ знаетъ,» проговорила въ полголоса хозяйка, взглянувъ на меня съ улыбкой. «Но продолжай, Боельдѣ; я замѣчаю, что графъ нетерпѣливо желаетъ слышать о нашихъ Парижскихъ дурачествахъ. Они рѣдкость для иностранцевъ.» — Нѣтъ! подумалъ я въ несчастію, и во всей милости, сдѣлались не-

рвдкостью. Но Боельдье продолжалъ. — «Молодой Симонъ увидѣлъ Анжеть въ роли Агнесы, страстно въ нее влюбился....» — «И сдѣлалъ пребольшую глупость,» прервалъ отецъ. — «Да не прерывай меня, если хочешь, чтобъ я сегодня досказалъ.» — «Ну говори; я буду молчать.» — «И такъ, онъ влюбился....» — «И женился,» договорила жена за своего мужа. — «Да!» ворчалъ старикъ: «чортъ возьми, эта свадьба стоила мнѣ дорого.» — «Но вы, г. Симонъ,» возразила ему Клотильда, «забываете, что эта свадьба доставила вамъ ваше домашнее счастье, а это всего въ свѣтъ дороже.» — «Правда! Ну рассказывай; я не мѣшаю.» — «Наши газеты,» продолжалъ раскащикъ, «возвѣстили Европѣ невозвратную потерю Французскаго Театра, замужество прекраснѣйшей изъ его принцессъ. Публика загоревала, журналисты разгнѣвались, театральные стихотворцы снабдили ихъ плоскими эпиграмами, и все это скоро долетѣло до Брюсселя. Г. Симонъ, который, какъ вы видите, по сію пору не можетъ еще совсѣмъ проглотить свадебнаго пирожка своего сына, взбѣсился....» — «И было отъ чего!» вскричалъ неугомонный старикъ: «шалунъ сдѣлалъ меня посмѣшищемъ цѣлаго города. И могъ ли я ему простить?» — «А онъ не въ васъ! тотчасъ вамъ простилъ!» перехватила хозяйка. — «Но сдѣлайте милость, не мучьте нашего гостя! Я по себѣ знаю, каково ожидать и не дожидаться конца.» — «Ну, такъ чтобы не мѣшать вашему разсказу, я буду читать вотъ этотъ листокъ журнала *des Débats*.» — Старикъ схватилъ газету, съелъ спиною къ Боельдье, а тотъ принялся опять за разсказъ. — «Когда молодой Симонъ женился и взбѣсиль отца, пріятели его старались какъ-нибудь поправить дѣло; писали къ старику, но онъ отвѣчалъ на ихъ уговоры бранью, грозилъ лишить сына наследства, проклиналъ его, и что, всего хуже, не сталъ присылать ему денегъ и даже экипажей своей фабрики

въ Парижъ. Молодая г-жа Симонъ переносила крайнюю нужду, заложила свои брилліанты, которыхъ, надобно отдать ей справедливость, она своимъ скромнымъ поведеніемъ не могла имѣть много. Мужъ принужденъ былъ продать послѣднюю кабриолетку работы своего отца, и дѣла его шли всякой день хуже и хуже. Наконецъ, старикъ, не довольствуясь письменными ругательствами и исканіемъ развода, хотѣлъ присутствіемъ своимъ принудить сына расторгнуть бракъ, и пріѣхалъ въ Парижъ съ кучею золота, чтобъ заслѣпить правосудіе; но молодая г-жа Симонъ заинтересовала всю публику, а сынъ не казался ему на глаза. Нашлись тотчасъ прислужливые люди, которыми полонъ Парижъ; присовѣтовали старику, — разумѣется, за его деньги, — употребить хитрость, и черезъ прежнихъ товарищей его невѣстки, выкупить у нее мужа. Режисеры, суфлеры, актеры, весь кулисный народъ, обласкали его; не было ни одного кофейнаго дома, ни одной рестораціи, гдѣ бы гнѣвный отецъ не угощалъ ихъ; наконецъ представили его г-жѣ Канделль, одной изъ важнѣйшихъ особъ и краснорѣчивѣйшихъ членовъ комическаго ареопага Французскаго Театра. Она его приняла, какъ огорченнаго родителя, со всею учтивостію и состраданіемъ, котораго заслуживало его несчастіе. Мой другъ, разчувствовался отъ ея чувствительности; тотчасъ дали, для него нарочно, драму ея сочиненія — *Катерина, или Прекрасная арендаторша*; онъ расплакался отъ сочиненія, и восхитился умомъ и дарованіями сочинительницы; сердце его, сжатое гнѣвомъ, растворилось для любви, и преслѣдователь г-жи Анжеть, влюбился въ ея подругу.» — «Да, сударь!» вскричалъ отецъ Симонъ, перевернувши къ намъ свой стулъ, съ котораго чуть не свалился. «Да, сударь: я влюбился, и не знаю, почему это вамъ кажется удивительнѣе того, что вы влюбились въ вашу жену.

Положимъ, что оная жена подруга г-жи Анжеть: да развѣ она то, что г-жа Анжеть и всѣ актрисы въ цѣломъ свѣтъ? Повѣрьте мнѣ, сударь, и всѣмъ, кто ее знаетъ, кто видалъ или читалъ ея сочиненія, что во всей Европѣ не найдешь такой женской головы. Семирамида была умна, очень умна; самъ Вольтеръ перевозносилъ ее; я знаю, что Греки ею гордились, — но когда бы моя Катерина была на ея мѣстѣ, то, чортъ меня возьми, если бы они что-нибудь отъ того потеряли! Да, сударь: вамъ это кажется смѣшно; но пожалуйте ко мнѣ въ Брюссель, поговорите съ нею, и тогда мы увидимъ, улыбнетесь ли вы, и не скажете ли, что Карлъ Фридрихъ Симонъ, несмотря на всѣ толки, на всѣ насмѣшки, на всѣхъ газетчиковъ, журналистовъ и весь лай Парижской сволочи, умно, очень умно съдѣлалъ, что на ней женился..... И что мнѣ до всѣхъ пересудовъ, до всѣхъ предразсудковъ, когда я счастливъ!»—Но, сударь, спросилъ я: можетъ-быть и сынъ вашъ тоже счастливъ? — «Счастливъ теперь: да на долго ли? Онъ влюбился въ красоту; она влюбилась въ молодость и хорошій турнюръ, и оба поступили какъ дѣти. Но красота уже почти прошла, молодость проходить: что же остается за ними? Скука, и, чего Боже сохрани, раскаянiе! А я такъ влюбился не въ одно лице, которое точно прелестно, но въ умъ, въ душу, въ сердце. И чѣмъ я могъ ей понравиться? моею молодостью? моимъ турнюромъ? Вы сами видите, что Природа меня сработала не легкимъ моднымъ кабриолетомъ, а дѣдовскимъ берлиномъ. Вотъ, сударь, смотрите мои сѣдины (съ этимъ словомъ онъ схватилъ съ себя парикъ): я ихъ отъ нее не скрывалъ. Вы скажете, что она полюбила мое богатство. Извините! Я ей, будто за тайну открылъ, что мои дѣла разстроились, отъ того, что я, огорчась сыномъ, вѣтрилъ ихъ челоуѣку, который меня разорилъ. Могла ли она этому не повѣрить? И что же, сударь! несмотря на это, на-

ши добрыя сердца сошлись, она полюбила мою Фламандскую простоту, мое чистосердечіе.....» «Однако жъ, г. Симонъ,» сказала, улыбаясь, хозяйка, «вы ее обманывали?»—«Я ее обманывалъ, да не такъ какъ обманываютъ другихъ, выдавая себя за богача.»—«А кого этакъ обманывали, сударь?» спросила, видно обманутая нѣкогда, Клотильда. — «Почему я знаю кого! отвѣчалъ занятый одной своею мыслию Симонъ: «всѣхъ Парижскихъ актрисъ!»— «Но развѣ ваша супруга не актриса?» спросила съ явной досадою первая танцовщица. — «Она авторъ!» — «Поздравляю! И желаю, чтобъ этотъ авторъ не сочинилъ изъ кого-нибудь комедіи, въ родъ Жоржа Дандина.» — Боельдье, видя, что супруга его вспыхнула, вступилъ въ рѣчь и началъ мнѣ расхваливать г-жу Симонъ и превозносить блаженство супружеской жизни: онъ подошелъ къ своей супругѣ, вскочившей съ мѣста, и ставшей уже въ положеніи разгнѣванной Юноны, взялъ ея руку, прижалъ къ сердцу и сказалъ:—«Г. Симонъ счастливъ, очень счастливъ! Только я не завидую ни ему и ни кому въ свѣтѣ, когда моя Клотильда взглянетъ на меня ласково.» — Чувствительная танцовщица умилилась, и тотчасъ составила съ страстнымъ супругомъ группу Амура и Психеи, а поэтъ-музыкантъ прибавилъ: — «Я хотѣлъ бы знать, чье сердце можетъ теперь мнѣ не позавидовать?» — Признаюсь, что смотря на умильный взглядъ и прелестную руку Клотильды, обвиншуюся около шеи ея мужа, я въ ту минуту не побожился бы и за мое сердце. Славный композиторъ, чтобы возстановить полную гармонию въ нашей бесѣдѣ, съелъ тотчасъ за фортепіано, и запѣлъ романсъ, положенный имъ на музыку. Голось, выраженіе и слова произвели сильное дѣйствіе въ слушателяхъ. Клотильда, къ которой относился нѣжный пѣвецъ, бросившись на полуантическую кушетку балетною Сафою, казалось, мысленно произносила стихи Лесбоской музы:

Въ восторгахъ сладостныхъ блуждающей души,
Я не могу найти ни языка ни гласа.....

Съ окончаніемъ мелодіи, замирающая отъ страсти голова ея упала на подушку, руки опустились, и она томнымъ взглядомъ, какъ-будто досказала послѣднее полустигіи Сафиной Оды: «Я мляю!..... умираю!....» Нѣсколько вздоховъ, извлеченныхъ изъ моей груди восхитительнымъ пѣніемъ, полетѣли за Неву, а влюбленный старикъ, запрокинувшись на отлогую спину кресель, утиралъ слезы. Когда трубадуръ замолкъ, онъ вскочилъ, обнялъ его, и упробилъ еще пропѣть положенные на музыку самимъ Боельдѣ куплеты своей супруги, сочиненные, какъ онъ увѣрялъ, на счетъ его, Симона. Боельдѣ исполнилъ его желаніе. Тогда Симонъ закричалъ:—«Пора домой! Какъ я ни люблю невѣстку и сына, а завтра же ихъ оставлю и напрямно ѣду къ моей Катюшѣ, къ моему поэту; черезъ два дня буду въ раю...» — «А я ужъ въ немъ,» отвѣчалъ пѣвецъ сладкозвучнымъ голосомъ, и громкій поцѣлуй новой Еввы раздакъ въ комнату. Не совсѣмъ равнодушный свидѣтель брачныхъ восторговъ, которымъ однако не хотѣлъ мѣшать, я, отъ нечего-дѣлать, заговорилъ съ г. Симономъ. Старикъ бредилъ своей стихотворкой, и просилъ меня сдѣлать ему милость, возвращаясь въ Россію черезъ Брюссель, удостоить посѣщенія его домъ и полюбоваться на его счастье, на прелесть, умъ и добродѣтель бывшей актрисы Французскаго театра, — «которая совсѣмъ не то, что оперныя танцовщицы!» Разумѣется, что это было сказано шепотомъ и не безъ улыбки. Я не могъ ему дать слово, что буду имѣть честь познакомиться съ уважаемою уже мною сочинительницею, потому что намѣревался ѣхать черезъ Ліонъ въ Швейцарію; но со мной исполнилась Французская пословица — «человѣкъ предполагаетъ, Богъ располагаетъ.»

Сослуживецъ и пріятель мой, графъ П. А. Ш^{***}, съ которымъ мы были въ Парижѣ почти неразлучно, и гдѣ онъ часто заставлялъ меня чувствовать болѣзнь по родинѣ играя на фортепіано — *Выйду ль я на рѣченику*, — сговорился возвратиться вмѣстѣ со мною въ Россію, но непременно захотѣлъ ѣхать черезъ Брюссель. Я принужденъ былъ уступить. Пріѣхавъ въ Брюссель, мы остановились въ Бель-вию, подлѣ бывшаго штатгалтерскаго дворца. Графъ только успѣлъ переодѣться, и убѣжалъ, сказавъ: — «Я надѣюсь, что ты настоящій Русской, и что это, въ случаѣ нужды, докажешь мнѣ на дѣлѣ.» — Развѣ ты въ томъ сомнѣвался? — «О, нѣтъ, я увѣренъ! Но прощай; къ вечеру возвращусь.» Не понимая смысла таинственныхъ словъ товарища, я провожалъ его глазами въ дворцовый паркъ, и вспомнилъ о каретникѣ Симонѣ. Я спросилъ трактирнаго лакея, гдѣ онъ живетъ. — «Въ нижнемъ городѣ, сударь, и, когда прикажете, я васъ провожу.» — Черезъ полчаса я уже былъ въ тѣсной улицѣ стараго города, воображая, какъ весело приметъ меня старшій Симонъ, и какъ авторша будетъ со мною любезничать и придираться ко всему, чтобъ прочесть мнѣ кипу своихъ твореній, — что, признаюсь, меня немножко пугало. Вхожу въ домъ, не очень чистый съ наружи, но чрезвычайно опрятный внутри. Толсталъ Фламандка, Теньсорова покроя, спрашивать меня, кто я, кого мнѣ надобно, и, узнавъ, что по приглашенію Г. Симона я хочу ему засвидѣтельствовать мое почтеніе, отворяетъ одну дверь и указываетъ пальцемъ на другую. Я, продолжая путь одинъ, проникаю во вторую комнату и нахожу въ ней Симона въ большой задумчивости: онъ сидѣлъ въ старыхъ креслахъ съ вырѣзанною спинкою; передъ нимъ стояла серебряная кружка; потухшая бѣлая глиняная трубка была у него во рту. При стукѣ отворившейся двери, онъ поднималъ на меня тусклые глаза, въ которыхъ изображалось недоумѣніе. Чтобы

скорѣе прервать его, я произнесъ свою фамилію, припомнилъ ему, гдѣ и когда съ нимъ видѣлся, и тогда онъ сказалъ: — «А! очень радъ; благодарю за честь... Прошу садиться.» — Я съѣлъ. Вопросы о здоровьѣ, о дорогѣ, какъ-будто съ усиліемъ выходили изъ блѣдныхъ губъ его: я отвѣчалъ на нихъ, и наконецъ, замѣтивъ, что отвѣты мои не очень занимательны для хозяина, самъ спросилъ его о здоровьѣ его прелестной супруги. Онъ вытаращилъ на меня глаза, какъ-будто не понимая, что значать слова мои. Я почелъ должнымъ повторить мой вопросъ. — «Такъ вы ничего не знаете?» сказалъ врачнымъ голосомъ хозяинъ. — Ничего, сударь! — «Слава Богу, есть еще хоть одинъ человекъ въ Брюсселѣ, который не знаетъ моего срама!» — Какъ срама? что это значить? — «Не больше не меньше какъ то, что въ самое то время, какъ я имѣлъ честь рассказывать вамъ о моемъ счастьи, о любви ко мнѣ моей Г-жи Кандель, она..... Какъ вы думаете, что она дѣлала? гдѣ была?» — «Она нетерпѣливо васъ дожидалась здѣсь.» — «Нѣтъ, сударь; она въ это время съ Англійскимъ лордомъ, жентельменомъ, децди, чортъ-знаетъ съ кѣмъ, скакала въ Дувръ въ новой каретѣ, которую я самъ сдѣлалъ для нашей свадьбы.» — Какъ? — «Да такъ, сударь мой, какъ скачутъ тѣ, которыя боятся погоня..... Но я не погнался, нѣтъ; и радъ, что Богъ меня избавилъ отъ того, что чортъ на меня навязалъ.» — Эти слова чуть не принудили меня засмѣяться: я, сколько могъ, укрѣпился, но мое побужденіе не скрылось отъ зоркихъ глазъ старца, чувствующаго чего онъ достоинъ, и покинутый мужъ вскричалъ хриплымъ голосомъ: — «Не удерживайтесь, сударь; смѣйтесь, смѣйтесь: я заслужилъ, чтобы всѣ надо мной хохотали.» — Но хохотъ бѣднаго старика, совершенно остановилъ мою веселость: всѣ черты лица его выражали горькое отчаяніе, и онъ продолжалъ: — «Мнѣ

самому смѣшно, когда вспомню, что я, старый глупецъ, поскакалъ какъ сумасшедшій подиуть небо и землю на моего бѣднаго сына, рвалъ волосы объ его дурачествѣ, проклиналъ его, — а самъ что сдѣлалъ?..... Вчетверо, вдесятеро, во сто разъ больше одурачился! А каково вамъ это кажется, что въ ту самую минуту, какъ мысленно смѣялся я надъ этимъ Боельдѣ, женившимся на чортъ-знаетъ комъ, и хвасталъ передъ вами моей чортъ-знаетъ кѣмъ, она, неблагодарная, злодѣйка, змѣя, отравляла послѣднія минуты жизни моей, право ни чѣмъ кромѣ ея не посрамленной?... Но что объ этомъ говорить! Дай Богъ только, чтобъ мнѣ не долго еще срамиться.» — Соболезнуя душевно его убійственной горести, я старался, сколько могъ, убѣдить его не отчаяваться, и утѣшать себя Вѣрою. — «Вѣрою?» прервалъ онъ меня, почти съ наступленіемъ: Нѣтъ, сударь, злодѣйка и злодѣй выгнали ее изъ моего дома! Да; благодаря одному философу и моей философкѣ, я теперь ничему не вѣрю; она перевернула вверхъ дномъ мою голову.... И самъ не знаю, что я такое, — Христіанинъ, безбожникъ, матеріалистъ или отверженный демонъ? Все, чему вѣрили отцы, дѣды и прадѣды мои, исчезло для меня. Ахъ, я или очень поздно, или очень рано, какъ говорятъ новые мудрецы, родился на свѣтъ! Дѣды мои были счастливы по-своему; внуки мои, можетъ-быть, будутъ счастливы по-ихнему; а я несчастливъ всячески. Буду жить тогда, когда никто ни въ чемъ не увѣренъ, когда ничто не осталось на своемъ мѣстѣ! Не знаешь, что думать, что дѣлать, чему вѣрить, и дѣлаешь глупости, — да какія глупости! Ну, пришло ли бы когда-нибудь въ голову моему отцу влюбиться, жениться, — и на комъ? Да, сударь: мы живемъ въ дьявольскомъ вѣкѣ и пляшемъ по чертовской дудкѣ.» — Я не могъ доказать ему противнаго, пробылъ у него съ часъ, и воротился домой, чтобъ

услышать о другой проказѣ, къ которой духъ наглости, отличавшей писателей конца прошедшаго вѣка, былъ побудительною причиною.

Товарищъ мой открылъ мнѣ, что онъ затащилъ меня въ Брюссель, надѣясь, по слухамъ, отыскать въ немъ и цаказать писателя Массона, оклеветавшаго наше отечество за гостепрѣимство, за ласки, даже за почести, имъ полученныя. Сбѣгавъ къ своему банкиру и повидавшись со всѣми своими знакомцами, онъ удостовѣрился, что клеветникъ уѣхалъ въ Литвихъ. Мы поскакали за нимъ туда, однако жъ не нашли его и тамъ, и поѣхали спокойно въ Берлинъ, гдѣ очень весело провели карнавалъ. Изъ Берлина мы возвратились Великимъ Постомъ въ Петербургъ.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, я, въ вечеру, при лампѣ, сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, и читалъ въ Шекспировомъ Юліи Цесарѣ то самое мѣсто, какъ, по таинственномъ усыпленіи пѣвца и служителя Брутовыхъ, является ему тѣнь.... и вдругъ кто-то стукнулъ на Французской манеръ въ мою дверь. Я, признаюсь, такъ былъ увлеченъ въ волшебный міръ живописательнымъ даромъ великаго поэта, что вздрогнулъ и съ испугомъ спросилъ — Кто тамъ? — «Можно ли войти?» спросилъ кто-то по-Французски. — Войдите! — И съ этимъ словомъ явился передо мной.... Кто, вы думаете? Мой Парижскій угоститель, Бюельдѣ! Блѣдное, осунувшееся лице его показалось мнѣ точно лицомъ привидѣнія. Я глядѣлъ на него, какъ Симонъ на меня; онъ тоже. Произнесенная имъ фамилія тотчасъ разбудила мою память: я бросился обнимать его, но онъ, не допуская меня спрашивать о женѣ, сказалъ: — Вы видите во мнѣ бѣглеца отъ Фуріи, которая, слава Богу, не преслѣдуетъ меня какъ Ореста, и не мѣшаетъ мнѣ спать, когда мнѣ хочется. Да, и' моя Пенелопа вѣр-

но не распускаетъ теперь ковра, чтобъ избавляться отъ жениховъ! — Какъ, Боельдѣ! вы разошлись съ своей женою? — «Что вы называете — разошлись? Нѣтъ, я просто бѣжалъ отъ нее и отъ стыда изъ Парижа, и прїѣхалъ въ Петербургъ, не жить, а полюбоваться на прекраснѣйшій въ свѣтъ городъ, и, если можно, работать для вашего театра, — въ чемъ, надѣюсь, вы мнѣ поможете.» — Съ радостію! сколько могу! Но, судя по вашему веселому разговору, я вижу, что вы не такъ отчаянны, какъ собесѣдникъ нашъ, Г. Симонъ, и могу спросить васъ, что жъ у васъ сдѣлалось? — «Спросите лучше, чего у насъ не сдѣлалось. Я могу вамъ побожиться только въ томъ, что перетерпѣвъ все, что можетъ перетерпѣть влюбленный человѣкъ отъ злой и избалованной женщины, еще не былъ битъ ни ею, ни моими памѣстниками.» — А что жъ молодой Симонъ? — «Онъ и жена только толстѣютъ: ихъ домашнее благополучіе доказываетъ, что нѣтъ правила безъ исключенія; но, къ несчастію, я попалъ въ общую массу.... Посмотрите, похожъ ли я на себя! Но ужъ теперь полно: ни одна танцующая Калипса не затащитъ меня въ свой островъ!» — И дѣйствительно, чтобы ни однатанцующая Калипса не могла затащить его, Боельдѣ чрезъ нѣсколько лѣтъ женился на воющей Калипсѣ. Но, говорятъ, въ этотъ разъ онъ попалъ въ исключеніе изъ общаго правила.

КНЯЗЬ А. ШАХОВСКОЙ.

=

* Ужъ большая часть этой статьи была отпечатана, когда Французскія газеты извѣстили о важной потерѣ для музыкальнаго свѣта. Боельдѣ скончался въ Парижѣ 9 Октября. Прости васъ, духъ великаго гармоническаго таланта, въ которомъ столько разъ почерпали мы прїятнѣйшія свои ощущенія, что приключеніями твоей поэтической жизни мы вѣрнѣе забавлялись въ то самое время, какъ твои земные останки лежали на смертномъ одрѣ!

=

ПОВѢСТИ.

=

ПОВѢСТЬ.

=

Долго ли еще будемъ мы писать повѣсти? Долго ли еще будемъ мотать умъ, способности, воображеніе, подаренныя намъ скупой Природою, и время, данное взаймы на самый короткій срокъ жадною и взыскательною ростовщицею, — долго ли еще будемъ мотать на рассказы, изъ которыхъ нельзя построить памятника даже на одинъ день славы? Долго ли.....? Боже, Боже, спаси землю твою отъ повѣстей! Мы погибаемъ подъ повѣстями! Мы заповѣствуемъ вконецъ себя и нашихъ современниковъ! О предшественникахъ и говорить нечего: мы превратили всѣхъ ихъ въ сказку, — скучную, мертвую, печальную; мы разрушили гробницы великаго кладбища подвиговъ, Исторію, изъ-за нѣсколькихъ страницъ пустаго разсказа, и прахомъ отцевъ нашихъ посыпали наши мгновенныя писанія. Что жъ намъ теперь остается? Повѣсть все исчерпала, истощила, осушила; все отъ нея поблекло и увяло; чего ни коснешься, все оставляетъ на рукъ ржавыя пятна окисла, наведеннаго повѣстью, и съдающаго до тла бѣдный предметъ, достойный лучшей участи. Одни повѣствователи и повѣсти по-сю-пору были забыты ею; ихъ еще не выводила она на сцену. Если кто теперь хочетъ сказать что-нибудь новое, тому остается только сочинять повѣсти о повѣстяхъ или о повѣствателяхъ. О, сколько поразсказалъ бы я вамъ объ нихъ любопытнаго и удивительнаго, если бъ сталъ разсказывать! Да и въ са-

могъ дѣлать: кто жъ мнѣ запретить сочинять сказки объ тѣхъ, кто сочиняетъ сказки? Вотъ посмотрите! перваго сочинителя повѣстей, котораго вокругъ себя поймаю, — ну, ей-ей, возьму въ герои повѣсти! Увидишь, какими молодцами смотрятъ въ ней тѣ, которые другимъ сообщаютъ разные дивные виды. Вотъ одинъ!..... Абдуръ-рахманъ Искендерани, одинъ изъ знаменитѣйшихъ повѣствователей въ мѣрѣ! Онъ Арабъ? Тѣмъ лучше! Всѣ сочинители сказокъ Арабы, или желали бѣ быть ими.

Абдуръ-рахманъ Искендерани родился, — потому что повѣствователи рождаются такъ же какъ герои повѣстей, — родился на бумагѣ, въ городѣ, котораго описывать вамъ не стану, по той причинѣ, что самъ его знаю и могъ бы не-хотя описать сходно съ настоящимъ видомъ, что противно духу хорошей повѣсти. Однимъ словомъ, онъ родился въ Александріи. Отецъ его былъ порядочный купецъ, который нажилъ себѣ огромное состояніе, и умеръ, не подвергшись ни разу пытокъ для удовольственія любопытства Александрійскаго бей, сколько именно онъ нажилъ. Онъ такъ хорошо умѣлъ скрывать свое богатство, что прослылъ въ городѣ вторымъ Аристотелемъ, изобрѣтателемъ благоразумія и образцомъ всѣхъ безденежныхъ добродѣтелей. Сынъ его, не имѣвшій нужды трудиться въ лавкѣ, получилъ уже прекрасное образованіе въ главной тамошней *медресѣ*: старый купецъ желалъ непременно, чтобъ его наследникъ твердо зналъ Исторію, которая, лучше всѣхъ другихъ наукъ, удостовѣряетъ человека въ необходимости совершать подвиги на чужія деньги, и тщательно прятать свои собственныя. По-несчастію, въ этой *медресѣ* Исторію преподавали такъ, что молодой Абдуръ-рахманъ Искендерани ни коимъ образомъ не могъ отличить ея отъ сказки о томъ «Какъ Тулумбаджи-Мухаммедъ-эфенди поссорился съ Башмакчи-Ахмедъ-эфендіемъ»;

и какъ притомъ отецъ платилъ преподавателю особо за частные уроки, желая вывести сына въ отличные исторнки, во чтобы то ни стало, то изъ ученика Исторіи по-необходимости вышелъ отчаянный сочинитель историческихъ сказокъ, которыя первоначально изобрѣтены въ Александріи однимъ кривымъ переплетчикомъ, сшившимъ по ошибкѣ въ одну книжку второй томъ «Исторіи походовъ Саладина противъ крестоносцевъ» съ третьею частью «Новыхъ сказокъ для дѣтей.»

Видя, что онъ ужъ не нуженъ для дальнѣйшей повѣсти о сынѣ, отецъ поскорѣе умеръ самъ, изъ предосторожности, чтобы я, какъ искусный повѣствователь, не умертвилъ его неприличнымъ образомъ, для большей занимательности разсказа. Сынъ остался одинъ. Онъ былъ человекъ съ большими дарованіями къ повѣсти, только немножко близорукой, — такой близорукой, что, если бъ не могъ видѣть дальше двухъ шаговъ, я не сталъ бы писать объ немъ повѣсти изъ уваженія къ правдоподобию. Тогда у него было уже слишкомъ пятьдесятъ готовыхъ повѣстей въ различныхъ родахъ и обо всемъ возможномъ въ мірѣ, сочиненныхъ и переписанныхъ набѣло: онъ написалъ еще повѣсть о похоронахъ своего отца, и хотѣлъ издать все это въ четырехъ частяхъ. Александрійскій журналистъ, часто у него объдавшій, обѣщаль напечатать объ нихъ прекрасную статейку: изъ этого вы видите, что дѣло случилось весьма недавно, уже по уничтоженіи въ Египтѣ нынѣшнимъ пашею свободной торговли, и по замѣненіи ея газетами и журналами, для пользы и потѣхи Египтянъ.

За всемъ тѣмъ, Абдуръ-рахманъ, по обыкновенной робости молодыхъ Арабовъ, трусилъ суда публики, и не смѣлъ предстать передъ него съ своими твореніями. Повѣсти его, въ отношеніи къ внутреннему ихъ достоинству, не уступали лучшимъ этого рода

произведеніямъ нашего вѣка, умѣйшаго изъ вѣковъ, занимавшихся повѣстями; но онъ все-таки трусилъ. «Почему знать? думалъ онъ: повѣстей написано столько! Прежде онъ всѣхъ восхищали, но теперь..... теперь онъ могутъ быть похожи на старые талисманы, которые, потерявъ свое колдовство, иногда производятъ дѣйствіе, совсѣмъ противное первоначальному назначенію.» Абдуръ-рахманъ вздумалъ напередъ испытать частнымъ образомъ дѣйствіе повѣстей на умъ человѣческой въ нынѣшнемъ вѣкѣ. Онъ взялъ свою театраль, собралъ всѣхъ слугъ, невольниковъ и невольницъ, приказалъ имъ сѣсть на землѣ въ серединѣ залы, и самъ занялъ мѣсто на софѣ, между двумя свѣчами.

— Слушайте со вниманіемъ! сказалъ онъ имъ: я буду читать вамъ повѣсти, а вы должны мнѣ говорить ваше объ нихъ мнѣніе. Кто не скажетъ по чистой совѣсти, какъ онъ ему поправились, тому сто палокъ по пятамъ!

— Слушаемъ! отвѣчали они хоромъ.

Абдуръ-рахманъ сталъ читать первую повѣсть, съ разстановками, съ приличными измѣненіями голоса, съ чувствомъ, со всѣми повѣствовательными уловками. Онъ умѣлъ читать превосходно: сверхъ того и повѣсть была прекрасная. Окончивъ ея, онъ отодвинулъ свѣчи, и спросилъ:

— Ну, что? Каково вамъ кажется?

— Хороша! отвѣчали они.

— Сто палокъ, кто не скажетъ по совѣсти того, что думаетъ!

— Чудо, сударь! Чудо! прелесть! безподобно! съ восторгомъ вскричали они всѣ въ одинъ голосъ.

— Ну, такъ и говорите! Я люблю слышать правду. Конечно, она довольно хороша; но вотъ эта вторая еще занимательнѣе. Сидите смирно, и слушайте.

Абдуръ-рахманъ принялся за вторую повѣсть. По окончаніи ея, посыпались тѣ же восклицанія, но уже нѣсколько измѣненнымъ, синоватымъ голосомъ. Авторъ приписалъ это вліянію поздняго вечерняго воздуха, потому что всѣ окна были отворены для избѣжанія духоты въ комнатѣ, и велѣлъ имъ слушать третью повѣсть.

Эта третья повѣсть была лучшее произведеніе Абдуръ-рахмана Искендерани: она довольно длинна, но должно сказать по совѣсти, что знаменитый повѣствователь, сочинившій въ жизнь свою слишкѣмъ четыреста повѣстей, превзошелъ въ ней самого себя. Чтеніе продолжалось около часу. Абдуръ-рахманъ былъ уже во второй половинѣ пьесы, въ самомъ трогательномъ мѣстѣ разсказа, — когда герой съдастъ сердце своей любовницы; между слушателями царствовала глубочайшая тишина; только звонкій голосъ автора, взволнованный чувствомъ, и дрожащій подобно металлической струнѣ, царствовалъ въ воздухѣ обширной комнаты, какъ вдругъ послышались сильные удары молотомъ въ дѣвери. Проникнутый своимъ предметомъ, повѣствователь не обратилъ на нихъ вниманія: онъ продолжалъ чтеніе, и радъ былъ, что никто изъ слушателей не трогался съ мѣста, — такъ всѣ казались углублены въ содержаніе повѣсти. Новые и сильнѣйшіе удары, отъ которыхъ потряслось все строеніе, наконецъ остановили чтеца. Онъ поставилъ свѣчи въ сторону, и закричалъ — «Кто тамъ?» — Никто не отвѣчаетъ. — «Кто тамъ?» Опять молчаніе. Между-тѣмъ удары сыплются по всей наружной стѣнѣ дома, рамы трещать, стекла лопаются и падаютъ на полъ въ смежной комнатѣ, выходящей на улицу. Испуганный Абдуръ-рахманъ вскочилъ съ софы. — «Кто тамъ?» — Нѣтъ отвѣта. Онъ схватилъ свѣчу, и выбѣжалъ на середину залы. О ужасъ! Всѣ слушатели его прелестной повѣсти спали какъ уби-

тые..... Онъ этого и не замѣтилъ, — потому что былъ близорукъ!

— Ахъ, вы, негодяи! мерзавцы! скоты!.... Вставайте!.... Что это значить?.... Бѣгите!.... Откуда этотъ стукъ на улицѣ?.... Слышите, колотятъ во весь домъ молотами!.... Скорѣе!

Крикъ, толчки ногою въ бокъ, брань хозяина, минутныя потрясенія стѣнъ страшными ударами, — все было бесполезно. Слушатели казались обхваченными невыпущною сѣтью сна летаргическаго, какъ послѣ приѣма опиума. Они шевелились, приподнимались, и снова падали на полъ. Потерявъ терпѣніе, Абдуръ-рахманъ, со свѣчею въ рукъ, побѣжалъ самъ въ наружныя комнаты дома. Всѣ окна были темны, кромѣ одного, около котораго нѣсколько человѣкъ работали снаружи, постепенно закрывая его досками. Онъ бросился къ этому окну, и, высунувъ голову въ промежутокъ, остававшійся между приставленными уже досками, закричалъ отчаяннымъ голосомъ:

— «Кто вы такіе? Что это? Что вы тутъ дѣлаете?....

Одинъ изъ работниковъ ударилъ его по лбу доскою, и закрылъ ею промежутокъ. Абдуръ-рахманъ силою вытолкнулъ доску, и опять выставилъ голову.

— Что это за разбой? Какъ смѣете вы, мошенники.....?

— Кого ты называешь мошенниками, песій сынъ? отвѣчалъ ему голосъ съ улицы. Знай, что здѣсь самъ наибъ-эфенди. Пошелъ прочь!

— А! это вы? примолвилъ другой голосъ съ важностію. Миръ съ вами, о хозяинъ! Подите, ложитесь спать; завтра, *иншаллахъ*, «если Аллахъ помилуетъ», мы раздѣлаемся съ вами. Двери и окна велѣлъ заколотить я, — слышите ли? Что это за безпорядокъ? У васъ, о полуночи, всѣ двери настежь; въ сѣняхъ, въ передней, ни одной живой души, словно какъ въ пу-

стойпорожнемъ домѣ! Ты забылъ, бездѣльникъ, что отъ имени Его Благополучія, господина нашего, паши, приказано подь опасеніемъ строжайшаго наказанія за-пирать дома спустя два часа позакатъ солнца? Приготовь къ завтрашнему дню свои пяты!... Мы всю ночь ловимъ мошенниковъ, бѣгаемъ за проклятымъ Гасаномъ эль-Хареми, начальникомъ ихъ шайки, а вы отпираете ниѣ двери въ дома свои! Хорошо, дружечекъ! Ложись спать, а завтра, если Аллахъ помилуетъ, мы съ тобой повидаемся.

Нужно ли описывать остолебтѣніе и ужасъ, поразившіе пыкаго сочинителя повѣстей, когда выслушалъ онъ краснорѣчивое обращеніе къ себѣ Турецкаго полицмейстера? Нужно ли еще изображать мученія безконечной ночи, страхъ слишкомъ скоро наступающаго утра, безсонницу, печаль, отчаяніе, которые терзали его юную, поэтическую (технической терминъ) душу!..... Нѣтъ, этого не нужно! Все это описано, изображено, переизображено въ тысячѣ повѣстей: возьмите первую изъ нихъ, и она вамъ скажетъ наперечетъ всѣ его страданія, потому что тамъ, гдѣ нѣтъ мѣста для дѣйствія, надобио описывать одиѣ чувства, а подобныя описанія всегда представляютъ ту же пѣсню, несмотря на разность словъ и оборотовъ. Коротко сказать вамъ, Абдуръ-рахманъ, ожидая палочной бани, чувствовалъ въ сердцѣ совершенно то же, что чувствовала Юлія Г. Бальзака, что чувствуетъ всякая Юлія во всякой повѣсти, ожидая невѣрнаго любовника, который не приходитъ въ условленное время. Это тѣмъ достовѣрнѣе, что въ самомъ дѣлѣ наибъ, подобно реченному любовнику, измѣнилъ Абдуръ-рахману: онъ не пришелъ поутру для палочной расправы, какъ ни ждалъ его сочинитель. Наибъ, знаете, былъ не дуракъ: онъ рассчиталъ, что, отколотивъ повѣствователя по пятамъ, повѣсть тѣмъ бы и кончилась, и предпо-

чель обождать до вечера, пока заключенный у себя авторъ порядкомъ проголодается. Выйти изъ дома за живностью никто не можетъ; разношники, видя заколоченныя двери и окна, не поднесутъ припасовъ, да и поднести несмѣютъ: слѣдственно сюжетъ въ состояннн еще принять новый оборотъ и сдѣлаться весьма занимательнымъ. Повѣсть, которую Турецкнй полицмейстеръ задумалъ сыграть съ повѣствователемъ, явно клонилась къ духу и красотамъ юной Словесности: представьте только всѣ ужасы голода посреди богатаго торговаго города и въ виду кораблей, грузящихъ съѣстные припасы въ Старой гавани! сочинителя повѣстей, пожирающаго своихъ слушателей! слушателя, огрызающаго ножку сочинителя повѣстей! Да это сцена изъ романа Евгенiя Сю, о которомъ наибъ читалъ вчера удивительныя похвалы въ Александрiйской газетѣ, печатаемой въ два столбца по-Арабски и по-Французски! Наибъ рѣшился посмотреть, что изъ этого выйдетъ.

Къ вечеру, прошелся онъ изъ любопытства мимо Абдуръ - рахманова дома, и какъ-бы отъ нечего-дѣлать сталъ разбирать находившiяся на немъ благочестивыя надписи, которыми часто набожные мусульмане, — а несабожные еще чаще, — украшаютъ стѣны, двери, окна и всѣ углы своихъ жилищъ. Это очень хорошее обыкновение, тѣмъ болѣе, что каждая изъ этихъ надписей, смотря по словамъ, изъ которыхъ она составлена, имѣетъ испытанное свойство отвращать какую-нибудь бѣду отъ дома. Прочитавъ всѣ надписи внизу, — ихъ было очень не много, и все самаго обыкновеннаго, — онъ небрежно окинулъ взоромъ окна верхняго яруса. На стеклѣ одного изъ нихъ видѣлась четвертка желтой бумаги съ надписью большими красивыми литерами: *Аллахъ великъ, милосердъ 1000 разъ!* Наибъ, известный въ цѣлой Александрiи по строгости своихъ мусульманскихъ правилъ,

нашелъ ее не довольно набожною, покачалъ головою, и пошелъ далѣе.

На другой день, около обѣденнаго времени, онъ снова направилъ свою прогулку по той же улицѣ. На стеклѣ, вмѣсто прежней надписи, была уже другая: *Путь божества кромѣ Аллаха, а Магометъ пророкъ Аллаха! 2000!* Наибъ только пожалъ плечами, при мысли, какъ теперь упало вѣрованіе, когда люди употребляютъ на своихъ окнахъ такія простыя, обветшалыя надписи, вмѣсто тѣхъ пламенныхъ выраженій, которыми нѣкогда красовались дома правовѣрныхъ и сыны пророка побѣждали нечистивыхъ гяуровъ!

Въ тотъ же день, около заката солнца, наибъ нечаянно вспомнилъ, что ему нужно ѣхать въ одинъ базаръ, лежащій поблизости того же мѣста. Онъ велѣлъ подать коня. Минуя домъ бѣднаго повѣствователя, увидѣлъ онъ въ окнѣ новую надпись: *Путь силы, ни крѣпости, кромѣ какъ у Аллаха! Мы отъ Аллаха и все къ нему возвратимся. 5000.* Онъ оборотился къ одному изъ своихъ чиновниковъ, и сказалъ:

— Ага! что ты думаешь о нынѣшнихъ людяхъ? Эти нововведенія, къ которымъ нашъ паша такъ пристрастенъ, право никуда не годятся. Мусульмане молятся такъ слабо, что нестоитъ смотрѣть на ихъ молитвы. Я увѣренъ, что все нынѣшніе будутъ въ аду, — не правда ли?

Между-тѣмъ они ужъ были далеко. Натретій день, наibu случилось раза три ѣхать по той же улицѣ. Поутру, надпись въ окнѣ была слѣдующая: *Аллахъ, Allahъ! ты кормитель! ты не даешь погибнуть безъ пищи мельчайшей изъ тварей твоихъ! 10,000.* Ему было недосугъ читать такія надписи. Во второй проѣздъ его, около полудня, явились слова: *Аллахъ великій, могущественный, милосердый! сколько ни есть любви въ нашихъ сердцахъ, мы отдаемъ всю тебѣ одному. 15,000.* Улыбка мелькнула на полномъ, лоснящемся лицѣ на-

мба, но онъ не остановился: онъ спѣшилъ по дѣламъ службы. Наконецъ вечерняя надпись — *Аллахъ! мы погибаемъ подъ тяжестью грѣховъ нашихъ! 25,000* — эта простая, но трогательная надпись обезоружила его строгость. Онъ погладилъ себѣ бороду, и приказалъ оторвать доски отъ дверей дома. Бѣдный Абдуръ-рахманъ, сухой какъ Арабъ и желтый какъ повѣствователь, который три дня не объдалъ, чуть не откусилъ зубами красной и жирной Турецкой щеки полицмейстера, когда тотъ вошелъ въ сѣни съ толпою своихъ чиновниковъ. Наибъ, по силѣ надписей изъ корана, взялъ двадцать пять тысячъ піастровъ въ карманъ; по силѣ закона, далъ нѣсколькимъ слугамъ по десяти палокъ за небрежность въ ночное время, когда господинъ ихъ почивалъ въ своей спальнѣ, «какъ сіе видно изъ произведеннаго на мѣстѣ слѣдствія,» и, по врожденной учтивости, сказалъ голоднымъ: «Да накормить васъ Аллахъ милосердый своею благодатью! Желаю вамъ покойной ночи!»

Первая попытка съ повѣстями была довольно неудачна и обошлась автору очень дорого. Но онъ скоро придумалъ себѣ утѣшеніе. «Какъ мнѣ пришло въ голову, сказалъ онъ, наблюдать дѣйствіе литературнаго изящнаго надъ грубою челлдью? Невольники и скоты одно и то же: это говоритъ Арабская пословица, — я начинаю вѣрить пословицамъ. Надо поискать слушателей пообразованнѣе, не выходя однако жъ изъ семейнаго круга.» Абдуръ-рахманъ пригласилъ къ себѣ, на вечеръ, всѣхъ своихъ родственниковъ и родственницъ. Послѣ нѣкотораго разговора, онъ весьма тонко замѣтилъ, что вечера становятся длинны, и что, встарину, лучшимъ препровожденіемъ времени въ такую пору почиталось слушаніе рассказчиковъ. Родственники съ нимъ согласились, что это лучшее препровожденіе времени. Но откуда взять рассказчиковъ? Съ тѣхъ поръ, какъ паша началъ просвѣщать Еги-

петь, число веселыхъ и забавныхъ людей значительно уменьшилось; всѣхъ сказочниковъ похватили на улицѣ, превратили въ тамбуръ-мажоровъ и отправили въ Грецію, подвизаться за честь Оттоманской имперіи. Не сдобровать Египту безъ сказокъ!....

— Знаете, что? воскликнулъ хозяинъ. У меня есть повѣсти, которыя оставилъ мнѣ одинъ пріятель для прочтенія. Хотите ли ихъ послушать? Удивительныя повѣсти!

— Ахъ, сдѣлай милость! вскричали всѣ родственники. Мы безъ ума отъ повѣстей! Садись вотъ здѣсь, между нами, и читай.

Абдуръ-рахманъ принесъ свою тетрадь, и прочиталъ имъ первую повѣсть. Всѣ были въ восхищеніи, и просили читать вторую, которая тоже увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Онъ приступилъ къ третьей, самой лучшей въ цѣломъ собраніи. Слушатели напрягли все вниманіе, которое одушевило сочинителя еще большею ревностью; но въ половинѣ разсказа онъ послышалъ подлѣ себя громкое храпѣніе. Его двоюродный братъ, Шаттаръ-Агà, записной весельчакъ и очень добрый малой, спалъ почти на его плечѣ! Сочинитель толкнулъ его локтемъ въ бокъ. Слушатель не просыпался. Обиженный равнодушіемъ братца къ изящному, и негодуя на производимый имъ шумъ, который мѣшалъ удовольствію другихъ, Абдуръ-рахманъ повторилъ толчекъ, и такъ сильно, что въ этотъ разъ Шаттаръ-Агà внезапно вскочилъ на ноги, п съ просонья началъ драть его кулаками по головѣ, по лицу и по шеѣ. Авторъ не стерпѣлъ такой наглости. Не догадываясь, что это было слѣзное дѣйствіе гнѣва, вспыхнувшего во время сна, и что братецъ самъ не помнитъ того, что дѣлаетъ и кого бьетъ, онъ бросилъ повѣсти, схватилъ его за маленькую клинообразную бороду, и принялся отдѣлывать по-Египетски. Чалмы ихъ упали на полъ. Съ возрастающею

яростью, ныхтя, пѣнясь, визжа, они долго воззлись передъ собою, колотили, ругали другъ друга, пока обоюдное изнеможеніе не заставило ихъ прибѣгнуть къ короткому отдыху, во время котораго держали они себя за шивороты и грозно смотрѣли въ глаза одинъ другому.

— Ты, негодай, измѣнникъ! сзываешь къ себѣ родню, вопль Шаттаръ-Агà, усыпляешь рабовъ Божиныхъ какими-то дрянными повѣстями, да потомъ налагаешь на нихъ руку!....

— Какъ ты смѣешь, осель, сынъ ослиный, называть ихъ дрянными?... Вотъ я тебѣ докажу!!...

— Тронь только, такъ я, по милости Пророка, мигомъ тебя уничтожу!.... Дрянныя, говорятъ тебѣ! мерзкія, негодныя, какъ самый ихъ авторъ.....

— Знаешь ли, о комъ ты говоришь? Это мои повѣсти!....

— А, такъ это твои? Знай же, что онъ еще глупѣе тебя..... Посмотри кругомъ: не меня одного, ты усыплялъ всѣхъ своимъ нечестивымъ вздоромъ!

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ спали, — всѣ до единого. Авторъ остолбенѣлъ при этомъ неожиданномъ зрѣлищѣ, и зажалъ критику ротъ оплеухой; критикъ въ ту же минуту напечаталъ свое мнѣніе на щекѣ автора, и они опять принялись драться. Таково еще вѣчное положеніе Критики въ Египтѣ! Ихъ полемика разбудила всѣхъ спящихъ, и тѣхъ даже, которыхъ еще не потоптали они ногами или не придушили, валясь оба вмѣстѣ на землю. Поднялся страшный шумъ. Шаттаръ-Агà кричалъ, что Абдуръ-рахманъ разбойникъ; что, не могши поддаться яду, онъ нарочно сочинилъ такіа усыпительныя повѣсти, чтобъ всѣхъ родныхъ повергнуть въ летаргію, и перерѣзать, а потомъ овладѣть ихъ наслѣдствомъ; что онъ долженъ быть колдунъ, и не иначе сообщилъ своему безбожному творенію это ужасное дѣйствіе на при-

сущствующихъ, какъ посредствомъ чернокнижія. Какая простота понятій! Но въ Арабской повѣствовательной Словесности то былъ первый примѣръ подобнаго дѣйствія. Родственники и родственницы приняли сторону обиженнаго слушателя противъ автора: всѣ на него навалились; всѣ стали ругать его и его сочиненіе; всѣ поносили его за то, что онъ пустился въ сочиненія, имѣя, слава Аллаху, средства быть порядочнымъ и уважаемымъ въ людяхъ человѣкомъ. Таково еще состояніе общественнаго мнѣнія въ Египтѣ, несмотря на двѣ Александрійскія газеты, Французскую и Арабскую! По-счастію, когда злополучный Абдуръ-рахманъ почти уже испускалъ духъ подъ тяжестью огромной родни, взгромоздившейся на него съ руками и ногами, нѣкоторые изъ преслѣдователей вступились за угнетеннаго, боясь смертоубійства; и битва переселилась въ ряды наступающихъ. Родственники передрались между собою. Освобожденный хозяинъ успѣлъ прогнать ихъ, съ помощію слугъ, на улицу. Но дѣло тѣмъ не кончилось. У Шаттаръ-Аги былъ съ отцемъ Абдуръ-рахмана старинный процессъ означительной суммѣ, который предалъ онъ забвенію, какъ добрый малой и пріятель съ дѣтства своему двоюродному брату. Теперь, озлобясь на него въ рукопашномъ разборѣ достоинства повѣстей, онъ возобновилъ тяжбу; всѣ родственники, — тетушки, дядюшки, кузены, кузины, — всѣ міромъ пособили ему прижать появившагося въ семействѣ сочинителя; Абдуръ-рахманъ проигралъ процессъ и лишился третьей части всего имѣнія.

Но для человѣка, который все превращаетъ въ повѣсть, эта бѣда еще не велика. Онъ написалъ повѣсть на двоюроднаго брата, повѣсть на тетушекъ, повѣсть на дядей, три повѣсти на кузинъ и двѣ на кадія, велѣлъ переписать ихъ, присоединилъ къ собранію, и опять былъ счастливъ. Родственники всегда первые враги

тому, кто въ ихъ семействѣ вздумаетъ быть авторомъ: поэтому, неудивительно, что они уснули при слушаніи его повѣстей, думая про себя Абдуръ-рахманъ. Всего лучше составить себѣ кругъ изъ умныхъ и образованныхъ пріятелей: тѣ постигнуть красоты его твореній и оцѣнить ихъ надлежащимъ образомъ! Абдуръ-рахманъ съ радостью повиновался внушенію этой мысли. Онъ позвалъ къ себѣ человѣкъ тридцать друзей, и угостилъ ихъ великолѣпнымъ обѣдомъ. Въ числѣ гостей находился и Александрійскій полицмейстеръ, — тотъ самый наибъ, любитель благочестивыхъ надписей, который получилъ съ него двадцать пять тысячъ піастровъ по силѣ таинственнаго смысла словъ — «Аллахъ! мы погибаемъ подъ тяжестью грѣховъ нашихъ.» Ничто не соединяетъ людей такъ тѣсно, какъ поряточная взятка. Съ тѣхъ поръ наибъ занималъ первое мѣсто въ спискѣ дражайшихъ и почтеннѣйшихъ пріятелей молодаго хозяина, который даже былъ чрезвычайно радъ присутствію его въ этомъ собраніи: если что и случится, то, по-крайней-мѣрѣ при начальникѣ благочинія, друзья не осмѣлятся поступить съ нимъ такъ, какъ поступили неблагодарные родственники.

Чтобы пріятелье занять друзей, — притомъ же большая часть ихъ могла ускользнуть тотчасъ послѣ обѣда, — Абдуръ-рахманъ предложилъ, что онъ будетъ читать имъ свои повѣсти, тогда какъ они будутъ кушать и пить въ его присутствіи. Арабскіе друзья готовы на все за обѣдомъ, и планъ засѣданія былъ одобренъ единогласно. Авторъ былъ человѣкъ скромный и мнительный; третья его повѣсть уже дважды произвела одинаковое дѣйствіе на слушателей, и онъ сталъ наконецъ подозрѣвать, что въ ней таится какая-то усыпительная сила, могущественнѣе всѣхъ красотъ, которыми изобилуетъ рассказъ. Не длинна ли ея этому причиною? Въ самомъ дѣлѣ, она длинно-

вата! Абдуръ-рахманъ рѣшился испытать на обѣдающихъ друзьяхъ три первыя свои повѣсти въ обратномъ порядкѣ, — сперва усыпительную, потомъ вторую, и наконецъ первую, которая уже дважды восхитила слушателей. Къ его удивленію, къ его радости и торжеству, эта опасная повѣсть прошла съ необыкновеннымъ успѣхомъ: гости забыли о яствахъ и тѣхъ, только глотали слезы, да восклицали — «Аллахъ, Аллахъ!» Навѣ объявилъ, что ежели только Его Благополучіе, паша, прочитаетъ эту повѣсть, то навѣрное велитъ набить автору ротъ червонцами. «О, если бъ Его Благополучіе умѣлъ читать!» подумалъ со вздохомъ авторъ.

Вторая повѣсть была принята съ тѣмъ же одобреніемъ, хотя развитіе застольныхъ ощущеній сердца нѣсколько подавляло впечатлѣнія изящнаго. Разговоры завязывались въ разныхъ точкахъ круга, и чтеніе неоднократно прерывалось личною веселостью пирующихъ. Но при началѣ этой повѣсти опять водворилось молчаніе, вниманіе усугубилось, интересъ живо отразился на всѣхъ лицахъ, и хозяинъ, въ торжественной тишинѣ общаго благоговѣнія передъ его талантомъ, не только не смущаемой нескромными замѣчаніями, но еще усиливавшейся по мѣрѣ развитія предмета, продолжалъ чтеніе до послѣдней строки съ удовольствованнымъ самолюбіемъ автора и съ чувствительною благодарностью друга къ судьямъ, умѣющимъ отдать ему справедливость.

Окончивъ повѣсть, онъ нѣсколько секундъ ждалъ грома хвалебныхъ возгласовъ, града «Аллахъ, Аллахъ!», бури удивленій, — но торжественная тишина продолжала свое безмятежное царствованіе. Смертельный толчекъ разыгравшемуся самолюбію! Абдуръ-рахманъ отставилъ свѣчи, прищурилъ глаза и устремилъ всѣ лучи слабаго своего зрѣнія на общество. «Аллахъ, Аллахъ! вѣдь они спятъ! Что за нечистая см-

ла?..... Такая занимательная повѣсть!.....» Абдуръ-рахманъ протеръ глаза, и опять сталъ всматриваться. «Да! Они спятъ!.....» Одни спали тутъ же, облокотясь на низкій столъ, за которымъ обѣдали; другіе свалились съ мѣсть и спали, растянувшись на коврахъ въ различныхъ видахъ. Служители, принимавшіе также большое участіе въ чтеніи хозяина и застигнутые ^{внѣ} сна... въ то же время, какъ и господа, представляли еще забавнѣйшее зрѣлище: они лежали купами въ разныхъ мѣстахъ залы, нѣкоторые съ блюдами въ рукахъ, другіе носами въ блюдахъ. Абдуръ-рахманъ былъ огорченъ до крайности. Онъ вспомнилъ слова своего двоюроднаго брата, Шаттаръ-Аги, и почти сталъ вѣрить, что кто-нибудь заколдовалъ его повѣсти. «Теперь столько Европейскихъ бродягъ съ каждымъ вътроемъ пріѣзжаетъ въ Александрію! Шейтанъ же знаетъ! можетъ-статься, они и чернокнижники? можетъ-быть въ Европѣ выдумали такой талисманъ, который стоитъ только всунуть между повѣстей, и тотчасъ усыпишь ими народъ? Но если бъ тутъ было колдовство, то всѣ предстоящіе должны бъ ему подвергнуться, а этого я здѣсь не вижу. Кажется, вонъ тамъ, въ концѣ стола, нѣсколько человѣкъ гостей сидятъ прямо и покушнвають съ большимъ аппетитомъ?.....»

И дѣйствительно: въ концѣ стола четверо человѣкъ еще составляли лестное исключеніе изъ общаго правила. Абдуръ-рахманъ чрезвычайно обрадовался своему открытію. Одинъ изъ нихъ, казалось, былъ мужчина испанскаго роста съ выбритою бородою и съ длинными горизонтальными усами; не совсѣмъ знакомая его наружность нѣсколько поразила хозяина, но онъ скоро убѣдился, что его бѣдные глаза, утомленные рукописью, его и внутреннее смущеніе, невинно превратили одного изъ его гостей и лучшихъ цѣнителей изящнаго въ безобразный призракъ безъ бороды и съ усами.

Сомнѣніе его уничтожилось, какъ скоро гость заговорилъ голосомъ, похожимъ на голосъ одного изъ друзей, находившагося въ собраніи.

— Ну, вотъ видите! сказалъ гость смѣясь: видите, какъ эти господа понимаютъ красоты вашего прелестнаго творенія! Всѣ уснули! Мы одни слушали до конца со вниманіемъ, и наслаждались.

— Такъ, эта маленькая повѣсть вамъ нравится?

— Чрезвычайно!

— Такъ, вы говорите, что она....?

— Чудо!.... Ну, чудо!!! Однако, знаете ли, почтенный Абдуръ-рахманъ: вы требуете отъ насъ искренняго мнѣнія; я вамъ льстить не стану, и скажу откровенно, что какъ это повѣсть историческая, то въ ней слѣдовало бѣ быть болѣе точности въ собственныхъ именахъ. Въдѣ все различіе исторической повѣсти съ другими повѣстями, все ея достоинство въ томъ, что имена дѣйствующихъ лицъ выписаны изъ Исторіи. Замяните ихъ вымышленными названіями, и весь родъ сочиненія уничтожится: остальное то же, что и всякал другая сказка. Такъ зачѣмъ же называете вы знаменитую любовницу Гаруна аль-Рашида *Махбубою*, когда Исторія зоветъ ее *Махбибою*....?

— Позвольте вамъ сказать.....

— Нѣтъ! ужъ позвольте вамъ сказать, что мы, всѣ четверо, не сообщаясь, сдѣлали это замѣчаніе.

— Помилуйте! Масъуди, Димешки, Биладери, всѣ, всѣ историки и географы называютъ ее *Махбубою*.

— Мы то же читали Масъудія и Димешкія, и всегда находили *Махбибу*.

— Быть не можетъ! Вы ошибаетесь.....

Они начали спорить. Наконецъ гость прервалъ хозяина, и предложилъ ему кратчайшее и самое простое средство рѣшить прѣніе.

— У васъ есть Масъуди? Сдѣлайте милость, подите, принесите его! Если тамъ стоитъ *Махбуба*, такъ вы

правы, виноваты мы, -- мы невѣжды, и дѣло съ концемъ.

Абдуръ-рахманъ побѣжалъ со свѣчею въ библиотеку за Масъудіемъ. Онъ нашелъ его мигомъ, и, въ пылу самолюбія, не выходя изъ библиотеки, отыскалъ мѣсто, гдѣ историкъ упоминаетъ объ этой прославленной красавицѣ: тамъ было сказано, что ее звали *Махбубою*. Какая радость для сочинителя историческихъ сказокъ! Повѣсть его спасена! Она останется историческою, тогда какъ судьба благороднаго ея рода уже зависѣла отъ одной буквы! Онъ пошелъ обратно въ залу. Лице его сіяло побѣдоносною улыбкою, и, дорогою, онъ не могъ удержаться, чтобъ не сказать про себя вслухъ: «Какой чудакъ! Съ чего онъ взялъ спорить, что она *Махбиба*? Да это даже не Арабское слово! Въ цѣломъ языкѣ нѣтъ такой формы. *Махбиба*!!....»

Съ этимъ словомъ перешагнувъ онъ черезъ порогъ залы, гдѣ постыдное низложеніе ожидало задорнаго спорщика..... Что это? Темно? Всѣ свѣчи погашены! На столъ...? на столъ не осталось даже одной ложки! Вся его великолѣпная посуда, его прелестныя золотыя тарелочки, огромныя серебряныя блюда и подносы, бокалы и чашки, украшенные финифтью и камнями, подсвѣчники, янтари, трубки, — все убрано до чиста! Ай Аллахъ! и наибъ безъ чалмы! У полицмейстера сняли съ головы прекрасную шаль, которую подарилъ ему самъ благополучнѣйшій паша!.... «Воры! воры!» закричалъ авторъ въ крайнемъ отчаяніи. Онъ бѣгалъ по залѣ, толкалъ слугъ, будилъ гостей, кричалъ всякому въ ухо—«Воры! воры!», обливался холоднымъ потомъ, почти приходилъ въ бѣшенство. Умерщвленные повѣстями начали воскресать одинъ за другимъ, спрашивая:—«Гдѣ воры? Что такое случилось?....» Наибъ тщетно ищетъ около себя чалмы; тѣ добиваются дорогихъ кинжаловъ, которые были за

поясами; иные шумяť, что у нихъ вытащили часы или деньги; суматоха становится всеобщемою.... Несчастный авторъ толковалъ каждому споръ свой о *Махбу-бъ* и *Махбибъ*, но никто его не понималъ, и никто не хотѣлъ слушать. Наконецъ принесли побольше свѣчей.

Въ самомъ дѣлѣ, комната ограблена, утащено все, что только въ ней было получше! Турецкій полицмейстеръ, блѣдный, полусонный, съ большими глупыми глазами, съ пальцемъ во рту въ знакъ удивленія, съ выбритою головою и безъ турбана, во всякое другое время составилъ бы для зрителей предметъ живѣйшей потѣхи, но теперь имъ было не до смѣха. Хозяинъ хотѣлъ описать своему покровителю, гдѣ и какъ сидѣлъ тотъ, которъй послалъ его въ бібліотеку искать Масъудія: онъ привелъ наиба за руку къ тому мѣсту, и первая вещь которая бросилась имъ въ глаза, былъ лежавшій на концѣ стола лоскутокъ бумаги, съ нѣсколькими строками, начертанными карандашемъ. Они пожелали прочесть его: всѣ столпились вокругъ нихъ съ величайшимъ любопытствомъ, и слышали слѣдующія слова:

«Любезный, достопочтеннѣйшій другъ нашъ, Абдуръ-рахманъ-Ага! Благодаримъ васъ за отличное угощеніе: вы доказали намъ свою дружбу, такъ исправно услынивъ этихъ господъ своими повѣстями, и подавъ намъ возможность обобратъ ихъ, какъ слѣдуетъ. Да ниспошлетъ вамъ Аллахъ многія лѣта!»

«Гасанъ эль-Хареми».

Гости остолбенѣли при имени этого ужаснаго атамана мошеннической шайки, долго ругавшейся надъ бдительностью пашинской полиціи. Наибъ отступилъ шага три, и страшно посмотрѣлъ въ глаза тренещущему хозяину.

— Э! пріятель!.... Такъ ты въ дружбѣ съ этимъ разбойникомъ? Такъ ты по согласію съ нимъ сзываешь къ

себѣ гостей, усыпляешь ихъ своими сказками, и помогаешь ему грабить, чтобъ потомъ дѣлиться добычею! Ступай за мною, мошенникъ!

Всѣ оправданія автора повѣстей, всѣ просьбы собесѣдниковъ и свидетельства слугъ были напрасны. Наибъ слишкомъ былъ мастеръ своего дѣла, чтобъ упустить изъ рукъ подобный случай къ поживѣ. Абдуръ-рахмана бросили въ ту же ночь въ темницу, гдѣ томился онъ три недѣли, каждый день проклиная свои повѣсти. Чобъ избѣгнуть пытки при допросѣ, онъ заплатилъ семьдесятъ тысячъ пиастровъ, и считалъ себя счастливымъ, что его выпустили живаго.

Онъ произнесъ торжественный объѣтъ передъ Алкораномъ, не издавать своихъ повѣстей и не читать ихъ никому изъ постороннихъ. Онъ наслаждался ими одинъ, въ тишинѣ своего дома. Но что это за наслажденіе! Можно ли быть совершенно счастливымъ безъ свидѣтелей вашего себялюбія? Себялюбіе есть воровство чужихъ удовольствій въ пользу своего кармана. Счастіе есть толстый, глупый ребенокъ, котораго носить и катаютъ на рукахъ своихъ тщеславіе. Такъ по-крайней-мѣрѣ думаютъ Арабы, которые должны понимать его лучше насъ, потому что никогда объ немъ не писали и въ своемъ языкѣ имѣютъ даже слова для выраженія нашего счастья..... Свѣтлая мысль вспыхнула въ умѣ Абдуръ-рахмана. Онъ воскликнулъ: «Я женюсь! Да; я женюсь. Жена будетъ съ восхищеніемъ слушать мои повѣсти. Она должна быть довольна моими твореніями, — столько же, сколько я самъ, потому что супружество тоже себялюбіе, только себялюбіе вдвоемъ. Въ самомъ дѣлѣ, хорошая идея!.... Только, что пользы, когда одна жена да я будемъ составлять весь кругъ домашней авторской славы?.... По благословенію господина нашего, пророка Магомета Избраннаго (да привѣтствуетъ его Аллахъ!), я женюсь на четырехъ женахъ. Четыре

жены! въдь это супружеская публика.» Абдуръ-рахманъ до тѣхъ поръ не былъ спокоенъ, пока не женился на четырехъ женахъ, молодыхъ, прекрасныхъ, отлично воспитанныхъ и изъ хорошихъ фамилій.

Составивъ полный комплектъ супругъ, онъ посадилъ ихъ въ рядъ, на коврѣ, въ спальнѣ, и принялся читать имъ свои сочиненія, — тѣ, которыхъ еще никому не читывалъ. При третьей повѣсти, жены тоже заснули. Онъ, по обыкновенію, не примѣчалъ этого, продолжалъ чтеніе съ жаромъ, и не прежде остановился, какъ уже вся комната была въ огнѣ. Одна изъ женъ, засыпая, опрокинула свѣчу подъ кровать, которая мигомъ загорѣлась. Пламя быстро распространилось по пологамъ, коврамъ и занавѣсамъ. Не тушить, а спасать надобно было многочисленную супружескую публику, погруженную въ глубокой сонъ. Пока онъ ихъ вытаскилъ, пожаръ проникъ въ покои, и ни какія усилія не могли уже остановить дѣйствія разрушительной стихіи. По милости повѣстей, Абдуръ-рахманъ лишился и своего великолѣпнаго дома.

Онъ перешелъ въ другой домъ, оставленный ему родителемъ, но уже не столь обширный и даже бѣдной наружности. Состояніе его было уже разстроено повѣстями, а прихоти и требованія четырехъ супругъ ни сколько не уменьшались. Жизнь повѣствователя день-ото-дня становилась несноснѣе. Но, по крайней-мѣрѣ въ этихъ несчастныхъ обстоятельствахъ, его сочиненія начали приносить ему какую-нибудь пользу: лишь только жены попросятъ у него денегъ, онъ тотчасъ станетъ читать имъ свои историческія повѣсти, и онъ уснуть благополучно на цѣлыя сутки!

Но и это не могло быть продолжительно. Жены наконецъ не стали слушать его чтеній, и ему надоѣла жизнь, исполненная ссорами, бѣдой, заботами. Долго бы не рѣшился онъ ни на какую мѣру, когда бѣ въ одно

утро не пришлось такъ къ слову, что онъ ужасно побранился со второй своей женою. Будучи сестрою эмира, челоѣка въ зеленой чалмѣ, то есть, одного изъ пяти сотъ восьмидесяти пяти тысячъ девятисотъ двадцати семи потомковъ въ прямой линіи Пророка, у котораго всего была только одна дочка, разъяренная супруга побѣжала жаловаться брату, и въ доносъ на мужа упомянула, что онъ пишетъ повѣсти даже на эмировъ, на людей въ зеленой чалмѣ, на благородное сословіе внуковъ Магомета Избраннаго, — повѣсти, въ которыхъ жестоко осмѣиваетъ ихъ спѣсь, и называетъ ихъ нищими и дураками. Для эмира этого было достаточно: онъ полетѣлъ стрѣлою къ дерзкому сочинителю, который позволяетъ себѣ подпучивать надъ людьми въ зеленой чалмѣ, будь они даже нищие и дураки; сорвалъ съ него турбанъ, и кивжаломъ отрѣзалъ ему ухо, прежде нежели тотъ спохватился. Знай нашихъ! Онъ швырнулъ ему въ лице собственнымъ же его ухомъ, и удалился, оставивъ его въ крови и недоумѣніи. Не понимая, что это значить, Абдуръ — рахманъ подобралъ ухо свое съ земли, и понесъ его на тарелкѣ къ кадію. По справкѣ оказалось, что оно было отрѣзано за непристойныя насмѣшки надъ сословіемъ эмировъ. «Справедливо!» сказалъ кадій: «очень справедливо!» И какъ самъ онъ, не извѣстно почему, носилъ съ нѣкотораго времени зеленую простыню на головѣ, то велѣлъ еще высъчь автора по пятамъ, и въ добавокъ взыскалъ съ него значительную пеню для своего кармана, чтобъ внушить наблюдателю нравъ въ болѣе уваженія къ добродѣтелямъ людей въ зеленой чалмѣ.

Возвратясь домой, Абдуръ-рахманъ послалъ въ аптеку за пластыремъ для своихъ подошвъ, и, пока принесли кусокъ мази, развеялся съ боли со всеми четырьмя женами. Ихъ уже не было и въ домѣ, когда челоѣкъ воротился изъ аптеки.

Прикладывая пластырь къ изрешеннымъ подошвамъ, онъ имѣлъ все нужное время разсудить хладнокровно, какую сдѣлалъ глупость, жепясь для того, чтобъ приобрести благосклонныхъ слушательницъ для своихъ повѣстей. Къ чему брать четырехъ женъ, четырехъ госпожь, когда можно было взять четырехъ невольницъ, у которыхъ тоже есть восемь ушей? У невольницъ, по-крайней-мѣрь, нѣтъ братьевъ въ эмирахъ. Ихъ можно выбрать по своему вкусу, такъ, чтобъ онъ былъ и хороши собою, и умны, и образованы. Слава Аллаху, въ Каирскомъ базарѣ, за деньги, есть вся сорты качествъ, добродѣтелей и дарованій! И не однихъ невольницъ, онъ могъ бы даже купить тамъ ученыхъ рабовъ, и образовать у себя дома, изъ людской и изъ двамчьеѣ, отборную, просвѣщенную публику. Во-первыхъ, онъ купилъ бы тамъ себѣ невольника поэта. Что можетъ, примѣрно, стоить хорошій поэтъ, въ нынѣшнее время? Два, три тысячи піастровъ? Не большія деньги! Во-вторыхъ, онъ купилъ бы себѣ славнаго историка. Эти люди подороже: положимъ пять тысячъ! Абдуръ-рахманъ еще въ состояніи пожертвовать пятью тысячами Египетскихъ піастровъ, чтобъ имѣть въ своей дворцѣ историка, способнаго судить объ его историческихъ повѣстлхъ, и доставлять ему хорошія истинны для передѣлыванія ихъ въ сказки. Говорятъ, будто въ Европѣ многіе такъ пишутъ историческіе романы? Не худо бы было также приобрести невольника грамматика. Грамматиковъ никто не покупаетъ: слѣдственно они должны продаваться дешево. Да теперь, какъ въ Египтѣ завелись газеты, то вѣроятно на базарѣ можно достать и критиковъ.....

Лишь только Абдуръ-рахманъ увидѣлъ себя въ состояніи свободно приступать на полошвахъ, онъ продалъ домъ, оставилъ неблагодарную Александрію, и переехалъ на жительство въ Каиръ. Въ Каирѣ другой свѣтъ, другіе люди: по-крайней-мѣрь это столица!

Напередъ онъ купилъ домъ ; потомъ пошелъ на базаръ, и купилъ себѣ четырехъ красивыхъ, умныхъ и образованныхъ невольницъ, да четырехъ ученыхъ рабовъ, — дѣлый причетъ безпристрастныхъ обоюга пола судей изящнаго. Въ Египтѣ все продаютъ на деньги, — даже безпристрастіе ; славу, тоже.

Такъ случилось, что поэтъ былъ вмѣстѣ и хорошій поваръ: двойная польза! Историкъ нѣсколько обучался портному дѣлу, и поутрамъ могъ дѣлать заплатки въ старомъ платьѣ. Грамматикъ зналъ грамоту, и превосходно чистилъ трубки. Критикъ ничего не зналъ. Абдуръ-рахманъ почти сожалѣлъ, что заплатилъ за него деньги: продавецъ надулъ, увѣривъ, что онъ очень полезенъ, — что Европейцы жадно покупаютъ такихъ слугъ, — что одинъ Англійскій лордъ, шатающійся теперь по Египту съ явнымъ намѣреніемъ навратъ что-нибудь на бумагѣо правахъ этого края, хотѣлъ купить его для своей книги, и предлагалъ за него большую сумму!.... Нѣтъ ничего карикатурнѣе понятій, возникающихъ изъ смѣси двухъ противоположныхъ порядковъ вещей въ минуту разлива новыхъ идей по поверхности старой образованности и ея привычекъ. Пользайтесь въ Египетъ: право, занимательное зрѣлище!

Поутру Абдуръ-рахманъ занимался пріятною бесѣдою съ четырьмя невольницами; послѣ обѣда онъ приказалъ поэту вымыть руки и явиться въ залу съ тремя рабами, историкомъ, грамматикомъ и критикомъ. Невольницы пришли также. Онъ посадилъ всѣхъ ихъ въ рядъ, на коврѣ, передъ софою, самъ усѣлся на софѣ, и внушилъ имъ, тонко ощущать красоты новыхъ его повѣстей, — каждый по своей части.

Началось чтеніе.

Въ началѣ третьей повѣсти они уснули. Абдуръ-рахманъ не велѣлъ давать имъ въ тотъ день ужинать.

Проученный безпрестанными неудачами, авторъ,

Т. VII. — Отд. I.

на другой вечеръ, принялъ нужныя мѣры предосторожности: онъ поставилъ передъ слушателями часы и блюдо Испанскаго нюхательнаго табаку; приказалъ имъ всякія пять минутъ принимать по щепоткѣ крѣпкаго летучаго порошку, и, читая въ тетради, самъ присматривалъ за ними, чтобы они не спали. Тщетныя усилія! Они опять заснули, и Испанскій табакъ принесъ только ту пользу, что они заснули при четвертой, а не при третьей повѣсти.

— Ахъ, вы, бездѣльники! съ гнѣвомъ вскричалъ Абдуръ-рахманъ, срываясь съ софы. Пойдите жъ!.....

И каждому члену своей публики онъ вколотилъ въ носъ по горсти табаку съ блюда. Они проснулись въ одно мгновеніе ока; схватились за ноздри; думали, что у нихъ взорветъ носы на воздухъ, или что въ нихъ поселились скорпионы, какъ вдругъ раздалось громовое чиханіе, похожее на бѣглый огонь изъ двухъ сотъ ружей. Они плакали, стонали, ревели и болѣе часу катались по полу, чихая. Никогда еще повѣсти не производили столь сильнаго ощущенія!

Когда всѣ вычихались и снова сѣли передъ софою, Абдуръ-рахманъ обратился къ поэту:

— Ты спалъ, осель!

— Пѣтъ-съ! я пилъ кувшиномъ мозга моего прохладную росу мыслей съ цвѣтовъ повѣстей вашихъ, и носомъ наслажденія обонялъ душистый запахъ розы.....

— Скоть! закричалъ ему Абдуръ-рахманъ.

«Скотъ» значитъ по-Арабски — «молчи!» Это повелительное.

— Въ вашихъ повѣстяхъ, сударь, въ одинъ голосъ присовокупили всѣ прочіе, есть что-то неопределимое, невольнo клонящее ко.....

— Скоты! (Арабское множественное число), — закричалъ онъ всѣмъ прочимъ.

— Не подсыпалъ ли кто опіума въ ваши чернила? спросила одна изъ невольницъ.

— *Скотъ!* закричалъ онъ ей. Вы дураки, чурбаны. Я за васъ заплатилъ большія деньги, а вы ни къ чему не способны. Вы не умѣете даже слушать повѣстей со вниманіемъ. Неужели это такое трудное дѣло?.... Вотъ я вамъ покажу, какъ надо слушать. На, ты, историкъ, возьми мою тетрадь, и читай вотъ эти повѣсти! Онъ чрезвычайно интересны. А вы, всѣ, смотрите на меня и учитесь!

Рабъ по части Исторіи взялъ рукопись, и началъ читать. Абдуръ-рахманъ, изъ чтеца сдѣлавшись слушателемъ, поминутно восклицалъ: «Видите, какъ это занимательно!» Онъ слушалъ свои повѣсти бодро, со вниманіемъ, и не постигалъ, отъ чего другіе при нихъ засыпали, — какъ, въ половинѣ второй повѣсти, самъ захрапѣлъ на всю залу.

Нѣтъ! ужъ тутъ очевидно были чары!

Абдуръ-рахманъ проснулся по-нолуночи. Въ залѣ было темно, въ прочихъ комнатахъ темно; но на другой половинѣ дома, въ гаремъ, мерцало яркое освѣщеніе, слышались звуки гитаръ и восхитительные голоса поющихъ. Абдуръ-рахманъ не могъ постигнуть, что бы это значило; кто бы такой пиروвалъ въ его домъ, когда всѣ спятъ. Чары, и только! Неужто ему продали заколдованный домъ? Впрочемъ, въ Каирѣ такіе дома не рѣдкость!..... Онъ потихоньку пробрался въ гаремъ; взошелъ по лѣстницѣ съ предосторожностями, какія только внушаются и любопытствомъ и страхомъ сверхъестественнаго; входитъ..... Аллахъ, Аллахъ! нѣтъ силы, ни могущества, кромѣ какъ у Аллаха! Ахъ, разбойники!.... Представьте только: пируютъ его покупные слушатели, его ученые рабы, съ его же благовоспитанными рабынями! Историкъ сжимаетъ въ своихъ объятіяхъ одну, грамматикъ другую; третья поетъ и тацуетъ съ поэтомъ; четвертая обвила рукою грязную шею критика, который между-тѣмъ льетъ себѣ въ горло лучшее вино сочинителя.

Два мѣшка хозяйскихъ пѣстровъ лежать на коврѣ къ раздѣлу..... Абдуръ-рахманъ, видѣ себя отъ гнѣва, бросается на нихъ съ первою попавшеюся ему палкою; но дерзкіе рабы, которымъ послѣ этого оставалось только испустить духъ на колу, рѣшились на отчаянное сопротивленіе, и отражаютъ удары ударами. Драка, шумъ, гвалль. Весь домъ гремитъ визгомъ сочинителя съ рогами, и крикомъ развратной дворовой публички. Тогда какъ критикъ съ грамматикомъ и поэтомъ вязали Абдуръ-рахмана, историкъ успѣлъ ускользнуть на улицу, и привести полицію, уже предваренную имъ, что ихъ господинъ сошелъ съ ума отъ повѣстей, и повергается въ опасныя припадки бѣшенства.

Я видѣлъ несчастнаго Абдуръ-рахмана Искендерани въ Каирскомъ домѣ сумасшедшихъ, за желѣзною рѣшеткою. Его показывали, какъ дикаго звѣря!....

Шейхъ эль-Могди, бывшій секретаремъ правительственнаго Дивана въ Каирѣ во время занятія Египта Французами подъ предводительствомъ генерала Бонапарте, собралъ его повѣсти и хотѣлъ ихъ напечатать. Я читалъ нѣкоторые изъ нихъ: онѣ въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно занимательны, и я не придумаю, отъ чего въ нихъ происходило это страшное усыпительное дѣйствіе. Его можно объяснить лишь тѣмъ, что повѣсти были многочисленны и слѣдовали непрерывною цѣпью. Во всякой повѣсти есть немножко морфическаго, снотворнаго начала, какъ во всякомъ цинковомъ кружкѣ есть немножко силы, раздражающей нервы. Если положить извѣстное число повѣстей одну на другую, то онѣ по-видимому дѣйствуютъ наподобіе Вольтова столба, котораго сила увеличивается по мѣрѣ умноженія кружковъ. Но это только догадка.

БАРОНЪ ВРАМВЕУСЪ.

П О Э З И Я.

П Е Т Е Р Б У Р Г Ъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стояль *Онь*, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣль. Предъ нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный челнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Приютъ убогаго чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ,
Въ туманъ спрятаннаго солнца
Кругомъ шумѣль.

И думалъ *Онь* :
Отсель грозить мы будемъ Шведу,
Здѣсь будетъ городъ заложенъ
На зло надменному сосѣду.
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно;
Ногою твердой стать при морь.
Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ,
И запируемъ на просторъ.

Прошло сто лѣтъ, и юный градъ,
Полночныхъ странъ краса и диво,

Изъ тмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
 Вознесся пышно, горделиво;
 Гдѣ прежде Финскій рыбоводъ,
 Печальный пасынокъ Природы,
 Одинъ у низкихъ береговъ
 Бросалъ въ неведомыя воды
 Свой ветхій неводъ, — нынѣ тамъ,
 По оживленнымъ берегамъ,
 Громады стройныя тѣснятся,
 Дворцевъ и башенъ; корабли
 Толпой, со всѣхъ концовъ земли,
 Къ богатымъ пристанямъ стремятся.
 Въ гранить одѣлася Нева;
 Мосты повисли надъ водами;
 Темнозелеными садами
 Ея покрылись острова,

.....

Люблю тебя, Петра творенье,
 Люблю твой строгій, стройный видъ,
 Невы державное теченье,
 Береговой ея гранить,
 Твоихъ оградъ узоръ чугунный,
 Твоихъ задумчивыхъ ночей
 Прозрачный сумракъ, блескъ безмунный,
 Когда я въ комнату моей
 Пишу, читаю безъ лампы,
 И ясны спящія громады
 Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
 Адмиралтейская игла,
 И не пуская тму ночную
 На золотыя небеса,
 Одна заря смѣнить другую

Спѣшитъ, давъ noci полчаса.
Люблю зны твою жестокой,
Недвижный воздухъ и морозъ,
Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
Дѣвичья лица, прче розъ,
И блескъ, и шумъ, и говоръ баловъ,
А въ часъ пирушки холостой
Шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ
И пунша пламень голубой;
Люблю воинственную живость
Потѣшныхъ марсовыхъ полей,
Пѣхотныхъ ратей и коней,
Однообразную красоту,
Въ нихъ стройно зыблемомъ строю,
Лоскутья свхъ знаменъ побѣдныхъ,
Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ
Насквозь прострѣленныхъ въ бою.
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дымъ и громъ,
Когда полнощная Царица
Даруетъ сына въ царскій домъ,
Или побѣду надъ врагомъ
Россія снова торжествуетъ,
Или, взломавъ свой сипій ледъ,
Нева къ морямъ его несетъ:
И чужа вешни дни, ликуетъ.

Красуясь, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо какъ Россія.
Да умирится же съ тобой
И побѣжденная стихія,
Вражду и пѣвнъ старинный свой
Пусть волны Финскія забудутъ
И тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра!

А. ПУШКИНЪ.

БАЙРОНЪ ВЪ КОЛИЗЕЪ.

=

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ IV ПЪСНИ ЧАЙЛДЪ-ГАРОЛЬДА.

=

Лунная ночь. Лордъ Байронъ бродить одинъ по развалинамъ Коллизея.
Бьетъ полночь.

О время, мертвыхъ украшатель!
Цѣлитель страждущихъ сердець,
Развалинамъ красоть податель,
Прямой, единственный мудрецъ!
Рвшаешь судъ твой неизбежный
Неправый толкъ судей мірскихъ;
Лишь ты порукою надежной
Всѣхъ тайныхъ чувствъ сердець людскихъ, —
Любви и вѣрности: тобою
Я свѣту истинну явлю;
Тебя и взоромъ и душою,
О время мститель, я молю!

Въ развалинахъ, гдѣ ты священный
Для жертвъ себѣ воздвигнулъ храмъ,
Младой, но горемъ сокрушенный,
Твоею жертвою — я самъ!
Не внемли, если, бывъ счастливымъ,
Надменность зналъ; но если я
Лишь противъ злобы горделивымъ,
И ей не погубить меня, —
Тогда, въ судьбѣ моей ужасной,
Не дай, не дай свинцу лежать
На сердцѣ у меня напрасно!
Иль также имъ не горевать?...

О Немезида, чьи скрижали
 Хранят злодѣйства! въ чьихъ вѣсахъ
 Вѣка измѣны не видали!
 Чье царство здѣсь внушало страхъ!
 О ты, которая съ змѣями
 Изъ ада фурій созвала,
 И, строго судъ твоя надъ нами,
 Ореста мукамъ предала!
 Возстань опять изъ бездны вѣчной,
 Явись правдива и грозна.
 Явись! Услышь мой вопль сердечной.
 Возстать ты можешь и должна.

Быть-можетъ, что моею виною
 Ударъ мнѣ данный заслуженъ;
 И если бь онъ другой рукою
 Мечемъ былъ праведнымъ свершенъ,
 То пусть бы кровь моя хлестала!....
 Теперь я гибнуть ей не дамъ.
 Молю, чтобъ на злодѣевъ пала
 Та месть, которую я самъ
 Оставилъ изъ любви!.... Ни слова
 О томъ теперь. Но ты отмстишь!
 Я сплю, но ты уже готова,
 Ужъ ты возстала. Ты не спишь!

И вопль летитъ не отъ стѣсненья, —
 И я не ужасаюсь бѣдъ.
 Гдѣ тотъ, кто зрѣлъ мой волненья
 Иль на чель тревоги слѣдъ!.....
 Но я хочу, и стихъ мой смѣетъ,
 Нести потомству правды гласъ:
 Умру, — но вѣтеръ не развѣетъ
 Мои слова. Настанетъ часъ!.....
 Стиховъ пророческихъ онъ скажетъ
 Весь тайный смыслъ: и отъ него

На головѣ виновныхъ ляжетъ
Гора проклятья моего!

Тому проклятью быть — прощеньемъ:
Внимай мнѣ, родина моя!
О небо, вѣдай, какъ мученьемъ
Душа истерзана моя!
Неправды омраченъ туманомъ!
Лишенъ надеждъ, убить тоской!
И жизни жизнь была обманомъ:
Разлучена, увы, со мной!
И только тѣмъ отъ злой судьбины
Не вовсе сокрушился я,
Что — не изъ той презрѣнной глины
Какъ ты, кто въ думѣ у меня.

Обиду, низкія измѣны,
Злословья громкія, дерзкія вой,
И ядъ его шумящей пѣны,
И лютость подлости нѣмой
Извѣдалъ я. Я слышалъ ропотъ
Невѣждъ, и ложной толкъ людей,
Змѣиной лицемѣрья шопотъ,
Лукавство ябедныхъ рвчей.
Я видѣлъ, какъ удовка злая
Готова вздохомъ очернить,
И какъ, плечами пожимая,
Молчаньемъ хочетъ уловить.

Но что жъ? Я жилъ, и жилъ не даромъ!
Отъ гори можетъ духъ страдать,
И кровь кипѣть не прежнимъ жаромъ,
И разумъ сплу потерять;
Но овладѣю я страданьемъ!
Устанетъ время! надо мной,
Съ послѣднимъ сердца трепетаньемъ,

Возникнетъ голось неземной, —
 И томный звукъ осиротѣлой,
 Разбитой лиры тихо вповь
 Въ груди, теперь окаменѣлой,
 Пробудить совѣсть и любовь!

Н. КОЗЛОВЪ.

СТАПСЫ.

=

ИЗЪ ВИКТОРА ГЮГО.

=

Когда вдали смолкаетъ шумъ народа,
 И въ небесахъ красуется луна;
 И убрана звездами дальность свода,
 И тихо спитъ сердитая волна:
 Я жду съ небесъ высокаго призванья,
 Я трепещу восторгомъ, и во мнѣ
 Волнуется могучее желанье —
 Исчезнуть въ семь негаснущемъ огнѣ.
 И мыслю я, что этотъ огонь далекій, —
 Когда весь міръ одолеваетъ сонъ, —
 Лишь для меня Создателемъ зажженъ;
 Что я одинъ и чувствую глубоко,
 И таинства постигнуть сотворенъ!

Н. ПАНАЕВЪ.

И Ъ В Е Ц Ъ .

=

БАЛЛАДА ГЕТЕ,

=

— Я слышу пѣсню за стѣной :

Гуль по мосту несется !

Пусть этотъ звукъ передо мной

Въ чертогахъ отзовется ! —

Король сказалъ, — пажъ побѣжалъ ;

Пажъ прибѣжалъ, — король вскричалъ :

— Сюда его давайте ! —

« О сколько звѣздъ ! дивлюся вамъ

« Светиламъ поднебеснымъ !

« Кто знаетъ васъ ? Поклонъ и вамъ ,

« И барынямъ прелестнымъ . »

— Старикъ, глаза свои закрой !

Теперь садись, играй и пой .

Не время удивляться ! —

Пѣвецъ сомкнулъ глаза, — беретъ ,

И въ струны ударяетъ , —

И рыцарь выступилъ впередъ ;

Взоръ дѣва опускаетъ .

Король доволенъ былъ игрой .

Даритъ онъ цѣпью золотой

Пѣвца за пѣснопѣнье .

« Мнѣ цѣпь златую не давай :

« Мнѣ цѣпи той не надо .

« Ты ея храбрыхъ награждай :

« То рыцарей награда .

«И, вмѣстѣ съ ношею другой,
 «Пусть носить вѣрный кашдѣрь твой
 «И пошу золотую.

«Пою, какъ птица межъ вѣтвей
 «Поетъ, полей отрада :
 «А пѣснь сама и мнѣ, и ей,
 «Высокая награда !
 «Но, если смѣю я просить :
 «Прошу вина себѣ испить
 «Изъ свѣтлаго стакана.»

Береть, — и восклицаетъ онъ :
 «Трикраты домъ блаженный,
 «Гдѣ ни во что ты не сочтешь,
 «О даръ неоцѣненный!
 «За то благодарю я васъ.
 «Хвала Творцу ! А въ добрый часъ
 «Меня вы вспоминайте.»

А. СТРУГОВЩИКОВЪ.

БРАТСКОЕ СЧАСТІЕ.

Блаженъ, кого Господь сподобитъ
 Пройти самдругъ по сей землѣ;
 Кто брата въ гнѣвъ не озлобитъ;
 Кто носить радость на челъ!
 Его минуты безмятежны,
 Послушны мысли и дѣла;
 Объяты дружескія пѣжны,
 Слеза прощанія тепла.

Какъ сладостны его молитвы!
 Какъ жарко съ Богомъ говорить!
 И какъ онъ страшно въ полѣ битвы
 За брата грудію стоять!.....
 Блаженъ, кому Господь даруетъ
 Къ единокровному любовь;
 Кто брата пламенно цѣлуетъ
 И слышитъ братскую въ немъ кровь!

Ни скорбь, ни счастье земное,
 Ни ядъ заочной клеветы,
 Ни злоязычье мелочное,
 Не разорвутъ святой четы.
 Ихъ вѣрность не клялась изустно;
 Въ бѣдѣ, не скажутъ только — Жаль!
 Имъ розно радоваться грустно;
 Имъ вмѣстѣ радостна печаль.
 Они, какъ тигры, братъ за брата;
 Они какъ камни подъ грозой.....
 Ни пыткой, ни цѣною злата,
 Не выжать тайны ихъ нѣмой.
 Блаженъ, кому Господь далъ друга
 Родимаго!.... Нестрашно двумъ,
 Когда вспылитъ кругомъ ихъ въюга
 И захоочетъ жизни шумъ.

Пусть этотъ шумъ о счастьѣ трубить;
 А счастье — безмолвно въ нихъ.
 И какъ дѣтей Господь ихъ любить:
 Оставьте же, оставьте ихъ!
 Для дружбы тѣсно въ многолюдьи:
 Огонь душевный бы угасъ;
 Чтò вамъ до нихъ, мірскіе судьи?
 Блаженство ихъ превыше васъ!
 Вамъ и во снѣ не снятся сладость,
 За брата не щадить главы.

Лукавить въ свѣтъ ваша радость;
 И между тѣмъ — какъ жалки вы!
 Имъ такъ тепло на братскомъ ложѣ,
 Что вашихъ благъ не пужно имъ;
 И на землѣ любовь ихъ то же,
 Что и на небѣ Серафимъ.

АЛЕКСАНДРЪ НОРОВЪ.

СЛОВА АДОНИИ КЪ МЕЧУ.

ИЗЪ ИСАИИ.

Сверкай, мой мечъ! играй, мой мечъ!
 Летн, губи какъ змѣй крыматый;
 Пируй, гуляй въ раздольѣ съчъ;
 Щиты ихъ — въ прахъ! въ осколки — латы!
 Ступай, — моя негнѣнна сталь!
 Дроби ихъ грудь, сердца ихъ жаль;
 Они предъ Богомъ виноваты,
 Спѣши и жадно пожирай
 Ихъ вѣси, храмы, ихъ палаты:
 Грози, рази, пронзай карай,
 Изъ жадныхъ устъ лей огонь и горе! —
 Обезобразь лице земли;
 Они къ волнамъ — кидайся въ море,
 Хватай и бей ихъ корабли!
 Забыли Божіи глаголы;
 Бѣгутъ за прелестью мечты,
 И, океаномъ суеты,
 Несутся отъ меня далѣко.....
 Но зорко — молнійное око

За ними слѣдуетъ моё:
 Имъ страшно, душно.... ихъ тревожить
 Бодѣтъ ихъ, угрызаеть, гложеть,
 Мое незримое копьё!
 Нечестія, разврата дѣти!
 Горять за вами города!
 Какъ коршуны гонить васъ бѣда
 И гонить васъ — въ мои же сѣти!....
 Я здѣсь, какъ былъ я прежде тамъ!
 Гляжу я прямо въ очи вамъ:
 Въ нихъ страхъ, тоска, заботы, муки —
 Вы отъ меня — ко мнѣ-же въ руки!
 Невѣрный; непокорный родъ!
 Строптивый, жадный и лукавый
 Весь міръ на судъ тебя зоветъ:
 Ты презрѣлъ вѣчные уставы
 Природы вѣрной и Творца.
 Ты запустилъ свои сердца,
 Какъ терніемъ заглохши нивы:
 Все бури мыслей горделивыхъ,
 Все онъ, ретивый, буйный духъ,
 Въ сердцахъ взвѣдрившійся дебелыхъ,
 Волнуетъ грады, губить селы....
 И вотъ, усталъ уже мой слухъ
 Внимать нескладный лепетъ жалобъ:
 И двухъ вселенныхъ было мало бы
 Для ненасытныхъ сихъ дѣтей,
 Поклонниковъ слѣпаго рока; —
 Сихъ трапезниковъ страстей,
 Грѣха, и смерти, и порока....
 Играй, мой мечъ! Блистай мой мечъ
 Своею грудью троюгранной;
 Гонись за ними въ бурю съчъ
 И въ тишину — и въ вихоръ бранной.

О. ГЛЕНКА.

МОДНОЕ ГУЛЬБИЩЕ.

=

ЛИСТОКЪ ИЗЪ ПОВѢСТИ «ДОМОВОЙ».

=

Февраль. Извозчиковъ къ досадѣ,
Ужъ мало ситгу въ Петроградѣ,
А дни часъ отъ часу теплѣй —
Хоть не закладывай саней!
Бьеть три часа. На Невскомъ давка,
Протянуть длинный рядъ каретъ;
Полна кондитерская лавка;
Звѣриный полонъ кабинетъ;
Полнѣютъ сборы косморамы.
Съ улыбкой важной, ходятъ дамы,
Гордяся обновой выписной,
Гордяся роскошью постыдной
И красотою незавидной;
За ними пестрою толпой,
На шея панизавъ лорнетки,
Порхаютъ матушкины дѣтки,
Потомки древнихъ богачей,
Исчадѣ модныхъ пансіоновъ,
Изобрѣтатели плащей,
Брижей, жилетовъ, полисоновъ;
Которыхъ вынужденный умъ
Вперенъ прилежно на костюмъ,
А потому на нихъ все чинно
И не коротко, и не длинно, —
Облиппуль модный сюртучекъ
Вокругъ затынутаго стана,
Платка Персидскаго клочекъ

Глядитъ спѣсиво изъ кармана,
 Брижи торчатъ изъ рукавовъ,
 Перчатки, палевыя цвѣтомъ,
 Иль съ мотылькомъ, или съ букетомъ,
 Чешуйки вмѣсто рсмешковъ,
 Весь въ складкахъ галстухъ премудреной
 И на прическѣ беззаконной
 Слегка падѣта chapeau-bas:
 Вотъ ты, которымъ мать-судьба
 Велѣла въ свѣтѣ бить баклуши!
 Уже ль въ ихъ матеряхъ, отцахъ
 И въ воспитателяхъ-глупцахъ
 Есть человѣческія души?

М. МАРКОВЪ.

КЪ МЛАДЕНЦУ.

У лона родимой, младенецъ прекрасный,
 Лежишь ты съ улыбкой на алыхъ устахъ;
 И тайныя думы порой осяняютъ
 Чело молодое твое.

О чемъ же ты думы? О небѣ ли ясномъ,
 Глядящемся въ свѣтлыя очи твои?
 О жизни ли той, когда духъ твой, какъ ангель,
 Виталъ въ неземной сторонѣ?

Пришелецъ недавній въ обитель земную,
 Ты любишь стремиться къ отчизнѣ святой,
 Отверзтой для взоровъ невинныхъ младенца,
 Сокрытой отъ мужа очей.

Ты видишь всю роскошь надзвѣздныхъ селеній,
 Ты видишь тамъ ангеловъ, братій твоихъ;
 Вглядись: для тебя есть знакомыя лица
 Въ ихъ свѣтлой, крылатой семьѣ.

Они приглашаютъ улыбкой умильной
 Твой духъ пелорочный въ жилище утѣхъ:
 И взоръ твой горитъ, и отъ сладкихъ привѣттовъ
 Какъ пурпуръ ланиты твои.

Любуйся же небомъ, младенецъ прекрасный!
 Любуйся имъ долго..... и въ сердце твоёмъ
 Его затаи, какъ священную тайну,
 Какъ лучшій залогъ отъ Творца!

Настанутъ мгновенья..... Гроза забушуетъ.....
 Но небо, сокрытое въ сердце твоёмъ,
 Мелькнетъ предъ очами, — и громъ не разсвѣтъ
 Священныхъ о родинѣ сновъ!

М. ДЕЛАРЮ.

КРАСАВИЦЪ.

=

ИЗЪ ВИКТОРА ГЮГО.

=

Когда бъ я былъ царемъ всему земному міру,
 Волшебница! тогда бъ повергъ я предъ тобой
 Все, все, что власть даетъ народному кумиру:
 Державу, скипетръ, тронъ, корону и порфиру,
 За взоръ, за взглядъ единый твой!

И еслибъ богомъ былъ, — селеньями святыми
 Клянусь, — я отдалъ бы прохладу райскихъ струй,
 И сонмы ангеловъ съ ихъ пѣснями живыми,
 Гармонію міровъ и власть мою надъ ними,
 За твой единый поцѣлуй!

М. ДЕЛАРЮ.

ВОПЛОЩЕННЫЙ ИДЕАЛЬ.

Очи Черкешенки, бровь соболиная,
 Диво рѣсницъ и ланитъ красота,
 Шея перловая, грудь лебединая,
 Прелесть — улыбка, и роскошь — уста!

Нѣтъ, съ вами я никогда не разстался бы!
 Въ васъ воплощенъ думъ моихъ идеаль:
 Вамъ день цѣлый я все любовался бы,
 Цѣлую ночь я бы васъ цѣловаль!

Казань.

М. ДЕЛАРЮ.

П Р О З А.

ХЛОПОТУНЪ.

Кто сколько мудростью ни знатенъ,
А всякой человекъ есть ложь.

Державинъ.

Однажды, — это было давно, давно: еще процвѣтала Республика Венеціанская, существовала Генуэзская, Норвегія принадлежала Датчанамъ, Греція Туркамъ, Арменія Персіанамъ, Перу Испанцамъ, Бразилія Португальцамъ, Финляндія Шведамъ, Италія Французамъ; въ первые годы царствованія Александра I и въ послѣдній консульства Наполеона Бонапарта, когда еще Москва не горѣла, Петербурга не посѣщала холера, не издавались ни Сынъ Отечества, ни Русскій Инвалидъ, ни Сѣверная Пчела, — однажды навѣстилъ я, блаженный памяти, дядю своего Макара Макаровича М***, статскаго совѣтника и кавалера орденовъ Св. Анны 2-го класса съ алмазными украшеніями и Святаго Равноапостольнаго Князя Владиміра 4-й степени; человекъ, всѣми въ Москвѣ уважаемаго за долговременную службу, степенность, достатокъ, согласіе съ женою, нѣжность къ дѣтямъ и строгое соблюденіе всѣхъ правилъ такого взыска-тельнаго Дворянскаго Общества, каково Московское.

Онъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ на диванѣ, въ синемъ атласномъ шлафрокѣ, съ полосатою Турецкою

шалю на шею, сложа одну на другую ножки, обу-
тая въ желтые сафьянныя сапожки. Я уже былъ двад-
цати восьми лѣтъ, полковникъ; однакожь онъ, по
стариковской своей привычкѣ, взялъ меня подъ бо-
роду, поцѣловалъ, потрепалъ по щекѣ какъ ребенка,
потомъ сиропивъ о здоровьи — матушки, которая каж-
дую осень присылала ему по пуду варенья, — тетуш-
ки Агаѣи Макаровны, снабжавшей его паливками,
— сестеръ, которыя въ его именины дарили его шп-
тыми по канвѣ подушками и коврами, — кузинъ, изъ
которыхъ одна выплачивала ему оброкъ жилетами, а
другая маишками, — и посадилъ меня возлѣ себя на
кресла.

Перебиралъ то и сѣ, отъ дождливой погоды до пред-
полагаемой высадки Бонапарта на берега Великобрит-
таннн, непримѣтно изъ Ламаишскаго канала приплы-
ли мы въ Зундъ, пересѣхали Балтійское Море, вошли
въ Финляндскій заливъ и Северою прибыли въ Петро-
градъ. Рѣчь склонилась къ наградамъ. — Знаете ли вы,
дяденька, сказалъ я ему, что Москвичи, которыхъ вы
пнячили въ колыбели, лѣзутъ въ гору? Александръ
Ивановичъ Соколовъ получилъ Владиміра со звѣздою,
Аркадій Алексѣевичъ Твердохуховъ на шею, Дмитрій
Александровичъ Честинъ пожалованъ въ дѣйстви-
тельные статскіе совѣтники, князь Семенъ Николае-
вичъ Красноярскаій и графъ Дмитрій Николаевичъ Бь-
лорукій сдѣланы камергерами, Лукъ Ефимовичу Бь-
ковичу дана аренда. — «Имъ-то хорошо; они все-то
служать въ Петербургѣ, въ министерствахъ; ихъ
служба видна!» воскликнулъ, сперва тяжело вздох-
нувъ, дяденька: «а вотъ мы*, вдали, — хотъ тресни,
хотъ день и ночь не знай покою, хотъ проживи по-

* Покойный дяденька, не тѣмъ будь помянуть, нажилъ на службѣ
800 душъ, да деньжонокъ малую — толяку, тысячъ, не помню, 200,
не помню, 500. Примѣчаніе племянника.

сидящую копѣйку, никто не увидитъ. Двадцать зѣтъ я прослужилъ здѣсь въ разныхъ мѣстахъ..... Штъ, наша служба не выгодна. Что это за служба? Я бы давно переселился въ Питеръ, да привычка..... Подожду еще немножко, да и раскланяюсь съ Москвою. ! Хуже этой службы быть не можетъ! Начальство объ насъ и не думаетъ....»

Мой почтенный дядюшка въкъ бы не кончилъ своей іереміады, если бъ не вошелъ слуга и не доложилъ о прїѣздѣ Ивана Васильевича Ожогина. — «Проси! проси!» торопливо проговорилъ мой, за минуту передъ тѣмъ столь надменный дядя. Иванъ Васильевичъ секретарь нашего начальника. Какія-то вѣсти онъ привезъ? — Входя господина секретаря помѣшалъ ему кончить. Это былъ молодой человекъ, кандидатъ Московскаго университета. Учтиво поклонясь хозяину, бѣгъ поздравилъ его, отъ имени его высокопревосходительства Петра Степановича, съ Монаршею милостію, съ Владимірскимъ крестомъ 5-й степени, и присовокупилъ, что главноначальствующій предоставляетъ себѣ удовольствіе лично вручить ему грамоту и орденскіе знаки, и для того проситъ его пожаловать къ нему завтрашній день по-утру. Отъ сихъ словъ дядя мой совершенно переродился, расцвѣлъ какъ макъ цвѣтъ, разсыпался въ благодарныхъ выраженіяхъ, обнялъ и расцѣловалъ благовѣстника. — «Тимоей! Тимоей!» закричалъ онъ своему старому слугѣ: «дай-ка намъ чего нибудь закусить, да водки.» — Поставили завтракъ. Хлопотливый дядецька еще пуще расхлопотался: наливалъ водку, разрѣзывалъ пастеть, намазывалъ на хлѣбъ сливочное масло, приказывалъ сварить въ смѣтку свѣжихъ яицъ, бѣгалъ самъ въ шкафъ доставать заветный пармезанъ. Между-тѣмъ, слухъ о пожалованіи его орденомъ, разиѣлся по всей Москвѣ и послуживши, и подчиненные прискакали

съ поздравленіями. — « Покушайте, дорогие пріятели, балыка-то! » упрасивалъ суетливый хозяинъ, обвиняя всѣхъ и каждаго: « его прислалъ мнѣ изъ Астрахани тамошній откупщикъ рыбныхъ промысловъ, — честная душа! — его единственный сынокъ у меня служить. Не прикажете ли икорки? Должна быть недурна: я получилъ ее изъ Саратова отъ одного моего тамошняго пріятеля: его племянникъ отданъ мнѣ на руки; онъ тоже у меня въ канцеляріи... » — Гости не заставляли повторять, ѣли какъ голодные стихотворцы, а пили какъ Турецкій муфтіи. — « Тимоѳей! Тимоѳей! » Слуга прибѣжалъ въ поныхахъ отъ попырокъ, и сталъ предъ своимъ господиномъ какъ листъ передъ травой. — « Вотъ тебѣ ключъ отъ шкафа, что стоитъ за перегородкой, » приказывалъ онъ ему: « тамъ на второй полкѣ снизу стоятъ вина — съ ярлыками: принеси намъ полдюжины бутылокъ, да бокальчиковъ. » — Верно завѣтнаго, закупореннаго въ царствованіе блаженной памяти Императрицы Елисаветы Петровны! замѣтилъ совѣтникъ не пролей — капельникъ. Тимоѳей примчалъ поднось съ бокалами; пробка хлопнула и ударилась въ потолокъ; искрокипящая влага полилась въ граненый хрусталь, и мы, поднявъ вверхъ бокалы, душевно пожелали достойному старцу еще ордена Св. Анны первой степени и титула превосходительства. Винцо было на славу. Оно поразобрано и гостей и хозяина, который, позабывъ недавнія жалобы на свое положеніе, на свою службу, началъ воспѣвать ему похвалы. « Право, наши начальники своимъ вниманіемъ поощряютъ всѣхъ насъ къ усердной службѣ! Со вступленія въ должность главноначальствующаго-то, часть наша пришла опять въ значительность. Даже служащіе въ министерствахъ намъ завидуютъ, а сенатскіе и подавно. Нашъ начальникъ ужъ подлинно заступникъ за насъ у Монаршаго престола! Жалованье мы получаемъ большое, права и преимущества, нашему

мѣсту Всемилостивѣйше дарованныя, ни какому другому мѣсту не уступаютъ, дѣломъ мы не слишкомъ обременены, а награды такъ и сыплются. Притомъ, мы не отлучены отъ своихъ родныхъ, имѣемъ досугъ присмотрѣть за дерсвещьками, у кого онѣ есть. Правду сказать, какъ ни ломай головы, какъ ни ищи, а выгоды и выгоды нашей службы не найдешь во всей Русской Имперіи.» А давно ли вы сътовали на свою участь, почтенный Макарь Макаровичъ? наемкнулъ ему губернской прокуроръ, но дядя мой вмѣсто отвѣта залилъ ему горло шампанскимъ.

Видя, что попойка пошла не на шутку, что толпятся новые поздравители, и что Тимоѣей откупориваетъ тринадцатую бутылку заповѣднаго, я взялъ шляпу и, прокравшись между толпами лицъ, ярко иллюминированныхъ, побрелъ домой, читая самъ про себя Державина стихи:

Кто сколько мудростью ни знатенъ,
Но всякой человекъ есть ложь.

ВОЕЙКОВЪ.

СЦЕНЫ НА МОРѢ.

=

... Вѣтеръ еще свирѣпѣлъ отъ встрѣченнаго сопротивленія; слабыя сѣзны не могли удержать паруса, и вихрь, ворвавшись между шкаторинами, мигомъ началъ рвать его: клочки полетѣли за корму шкуны. «Влжи концами! Рѣжь то, чего не можешь закрѣпить!» кричалъ А***, и снова жертва вѣтра была вырвана изъ когтей его. «Какъ на румбъ?» спросилъ командиръ, и тоненькій голосокъ стоящаго у компаса штурманскаго кадета отвѣчалъ: «Нордъ-остъ!» — «Поворотите на другой галсъ! Мракъ покрываетъ насъ, и Нарва можетъ быть недалеко.» Въ минуту люди всѣ стояли по мѣстамъ; поворотить оверштагъ въ такое волненіе невозможно было и думать! спуститься на фордевиндъ шкунѣ, судну, которое, можно сказать, построено только для того, чтобъ ходить всегда противъ вѣтра, было крайне опасно при валахъ, воздымающихся подобно горамъ. — «Выберите время, Зорскій, сказалъ А***: вотъ мы между двухъ валовъ: лѣво на бортъ! Ребята, держись! Закрыты ли люки глухими?» — Закрыты! отвѣчалъ Зорскій; но сильный валъ, ударивши на лѣвый бортъ шкуны, покрылъ всѣхъ водою. А*** не слышалъ отвѣта, бросился къ люку, чтобъ увѣриться глазами въ томъ, чего онъ опасался, волна его схватила у мачты; уже онъ былъ выше сѣтокъ и передъ нимъ отверзлась бездна, готовая принять его въ свою утробу. На лету онъ поймалъ одной рукой ванту, но сила волны оторвала его. Онъ думалъ найти спасеніе, зацѣпившись ногами въ снастяхъ, и ужъ висѣлъ всѣмъ тѣломъ надъ водою, какъ одинъ изъ матросовъ бросился съ быстротою молніи къ любимому всѣми командиру, схватилъ его

за ногу и удержалъ паденіе въ воду: храбрый А***, очнувшись и устремля все вниманіе на паруса, видѣть, что глаза всѣхъ и Зорскаго обращены только на него, — въ страхѣ потерять своего командира, они забыли шкуну, забыли поворотъ. «Прямо руль! закричалъ висящій за бортомъ А***, смотрите, насъ перебросить! Спасибо, Летаевъ! безъ тебя я плавалъ бы тамъ со щуками.» Да не выучили бы ихъ плавать такъ, какъ насъ, ваше благородіе! отвѣчалъ веселый Летаевъ, гордясь спасеніемъ своего начальника. Между-тѣмъ шкуна лежала правымъ бокомъ, и повинулась искусной рукѣ рулеваго, то подымалась на волны, то терла равновѣсіе отъ воздымающагося ровностію мачтами волненія, и уходила глубоко внизъ. Зорскій, не привыкнувъ видѣть такого ужаснаго шторма, жмурилъ глаза всякой разъ, какъ носъ шкуны погружался въ волны: — «порядочно реветъ! сказалъ измоченный весь А***: мнѣ бы хотѣлось къ ночи спустить стеньги, но боюсь потерять ихъ, а боль всего, — чего сохрани Боже! — людей при работѣ. А попытаться нужно! Ребята, прошлаго года терпѣли со мною погоды сильнѣе этой!» Ряды стараться! былъ единодушный крикъ всей команды, и Летаевъ одинъ изъ первыхъ уже стоялъ на вантахъ. Дисциплина — душа военной службы, и тѣмъ болѣе морской, гдѣ все на кораблѣ должно дышать командиромъ, дисциплина не позволяетъ командѣ общимъ крикомъ нарушать необходимую при всякой работѣ тишину; но крикъ, вырвавшійся невольно, былъ знакомъ особеннаго усердія, особенной любви и довѣренности къ начальнику: всѣ они готовы были броситься въ воду, если бъ А*** сказалъ имъ, что это одно можетъ спасти шкуну! Вспомнивъ однако жъ, что это изъявленіе сердечныхъ чувствъ было противно дисциплинѣ, которая весьма строго содержалась на этомъ маленькомъ суднѣ, они въ глубокомъ молчаніи обративъ взоры на командира,

ждали его отвѣта, и опасались не наказанія за нарушеніе порядка, но выговора, но неспрїятнаго вида на лицъ его. Добрый, храбрый А***, движеніемъ головы дасть знать, что одобряетъ ихъ усердіе. Онъ приказалъ приниматься за дѣло, но жестокость вѣтра принудила его отложить намѣреніе, что впрочемъ послужило къ пользѣ.

— «Увѣряютъ, что въ Балтикѣ нѣтъ урагановъ! сказалъ А***: мы и въ Финскомъ заливѣ его нашли. Но я покоенъ; шкуна выдержитъ его совершенно; впрочемъ пошлите узнать, много ли воды?» Пять съ половиною дюймовъ, отвѣчалъ Зорскій: сей-часъ промѣтривали. «Значитъ полдюйма прибавилось: не много, судя по тому валу, который-было выкинулъ мещъ въ вѣчность, безъ Летаева. Онъ достоинъ чарки водки! Велите баталѣру достать вина, и роздать командѣ по штормовой.»

Свистъ дудокъ, сначала тихій, — сначала свистъ одного боцмана, собирающаго урядниковъ, — потомъ свистъ громкій, порывистый, вливающій истинное блаженство въ сердце матросовъ, которые всегда съ радостью привѣтствуютъ это приглашеніе къ крѣпительному напитку, раздался по палубѣ, и спорилъ, казалось, съ свистомъ бури въ корабельныхъ снастяхъ: такъ по-крайней-мѣрѣ замѣчали матросы, собиравшіеся вокругъ ендовы. Группы ихъ въ разныхъ мѣстахъ на палубѣ и въ воздухѣ, представляли нѣчто вырывающееся изъ-подъ фантастической кисти Теніера. Нѣсколько марсовыхъ, потрясенныхъ до глубины души знакомымъ призывомъ къ водкѣ, кончая на саленгъ работу, выглядывали изъ-за верхушки мачты, обхвативши ея руками, а сидящій на топѣ забылъ даже объ опасности своего воздушнаго стула, и свѣсилъ внизъ, чтобъ удостовѣриться, не обманываютъ ли его уши. Всѣ они проворно спустились внизъ, и изъ первыхъ очутились у ендовы: во всякомъ флотѣ

лучшіе марсовыя матросы любятъ больше всѣхъ водку. Канониры, укрѣпляющіе каронады, весело прислушивались изъ-за нихъ къ свисту, и по улыбкѣ на лицахъ видно было, что водка и имъ не врагъ. Разночинцы, не участвовавшіе въ матросскихъ работахъ наверху, и уже начинавшіе чувствовать дѣйствіе несиосной качки, съ блѣдностію въ лицѣ выползли изъ люка, и чаркой-спасительницей спѣшили подкрѣпить силы, выгнать признаки болѣзни. Рулевой съ жадностію ожидалъ, когда смѣнитъ его выпившій свою долю товарищъ, чтобъ самому участвовать въ раздачѣ *штормовыхъ*. Въ эту роковую минуту, даже и непьющіе вина, юнги и сигнальщики, всѣ обыкновенно подходятъ къ баталёру, и, пользуясь неположеными, хватаютъ по чаркѣ. Двѣ причины побуждаютъ ихъ не отставать отъ другихъ: первая, штормовая чарка не имѣетъ заслуги, а вторая, въ настоящій штормъ, очень кстати, потому что не употребляющій вина, выпивъ его, дѣлается веселъ, а отъ качки веселье — единственное средство.

— Мы близко будемъ къ Лавенсарскимъ мелямъ, сказалъ, подойдя съ подобающимъ почтеніемъ къ капитану, штурманъ. «Положено ли мѣсто наше на картѣ? спросилъ безпокойно А***. Я положилъ; не угодно ли взглянуть вамъ? А*** спустился въ каюту, обтеръ мокрые волосы, чтобъ стекающая съ нихъ вода не обмочила карты, и, проворно схвативъ транспортиръ и линѣйку, протлинулъ черту отъ Лавенсарскихъ мелей до того мѣста, гдѣ застигъ насъ штормъ. «Сколько прошли миль по этому направленію?» спросилъ онъ штурмана? — Я полагаю, не болѣе пяти миль. «Навѣрно ли менте, возразилъ А***: я видѣлъ, что ходъ былъ очень малъ. Вотъ наше мѣсто при поворотѣ: слѣдовательно совершенно чисто отъ Лавенсарскихъ мелей, если бъ даже положить, что мы дѣлаемъ теперь до четырехъ миль въ

часть.» Дай Богъ, чтобъ не болѣе Петръ Петровичъ! теперь хорошо долженъ быть видѣть Сомерскій маякъ: мрачность покрыва весь горизонтъ; я проглядыва глаза, и ничего не видалъ. «Пусть еще стемнѣетъ: зажгутъ огни, и мы тогда увидимъ.... Но что это? Качка сильнѣе?....» Вѣтеръ зашелъ! прощаль маленькій кадетъ, вбѣжавши въ каюту къ капитану; и паруса не стоятъ!

Схватить фуражку, выбѣжать наверхъ, отдать команду, было дѣло одной минуты, и шкуна снова приведена была на правый бокъ. Мракъ покрывъ небосклонъ, хотя солнце еще не совсемъ зашло за горизонтъ, и пробивало лучами черныя тучи: вдали видѣлась яркая полоса огненного цвѣта, которая отдѣляла воду отъ неба. «Вотъ настоящее изображеніе тартара! ужаснѣе этой картины придумать невозможно! сказалъ А***. Надобно хорошенько смотрѣть впередъ.» Люди поставлены кругомъ всего подвѣтреннаго борта, отвѣчалъ Зорскій, который, несмотря на дѣятельность, сопряженную съ должностью вахтеннаго лейтенанта, начиналъ уже чувствовать несносную бользнь отъ неправильной жестокой качки. «Вы блѣдны какъ смерть! сказалъ А***: вы вѣрно очень страдаете, идите въ койку.» Мой долгъ быть наверху, возразилъ Зорскій: и покуда въ силахъ, я не отдамъ рупора. Храбритесь, Александръ Семеновичъ! Храбрость — добродѣтель, и въ особенности храбрость съ стихіями. Помните, что плаваніе на морѣ есть вѣчная борьба, не съ себѣ подобными людьми, но съ страшнѣйшими гигантами. Кто вытерпѣлъ счастливо бурю, не давъ ей сломать даже маленькаго рейка, тотъ выигралъ баталію. Вотъ за что я такъ страстно люблю морскую службу.» Но этихъ наставленій и половины не слышалъ бѣдный Зорскій: его сильно укачало; жестокая тошнота соединясь съ головною болью и съ слабымъ отъ природы тѣлосложеніемъ, измучила

его до того, что, вопреки его желанію, сая рупоръ выпалъ у него изъ рукъ. Онъ упалъ безъ чувствъ подлѣ пушки. «Снесите Александра Семеновича въ каюту. Сбѣннить его некому: молодость не порокъ: я буду на вахтѣ. Смотрѣть впередъ!» закричалъ онъ въ знакъ вступленія своего въ должность вахтеннаго лейтенанта, и обрадованные матросы громко въ нѣсколькихъ мѣстахъ отвѣчали — *Есть!* Но вмѣстѣ съ симъ раздався пронзительный голосъ: «Въ лѣвой рукѣ что-то бѣзѣть, близко, близко отъ шкуны!» Псузали это вѣхи? спросилъ съ безпокойствомъ капитанъ своего штурмана: на какой глубинѣ первые изъ нихъ? «На двадцати и девятнадцати футахъ,» отвѣчалъ штурманъ: «наша шкуна сидитъ въ водѣ двѣнадцать футовъ, но страшное волненіе опуститъ ее на нѣсколько сажень въ воду.» Право, немного! Дай ходъ, чтобъ обойти ихъ.....

И съ этимъ словомъ шесть бѣлой вѣхи ударился объ якорь шкуны, переломился и вѣха унала на бокъ судна.

— «Дай Боже, чтобъ намъ иначе не знакомиться съ ними!» сказалъ А***. Восклицаніе это было сопровождаемо сильнымъ толчкомъ въ кормовую часть шкуны. «Мы на мелн,» спокойно сказалъ онъ. Но воздымающійся валъ опять сбросилъ судно въ воду, и А*** велѣлъ спуститься подъ вѣтеръ, чтобъ отойти отъ прочихъ вѣхъ. «Послать смѣрять воду!» закричалъ онъ близстоящему уряднику, и, подозвавъ его, приказалъ донести себѣ тихоцько, если вода прибываетъ. Ожиданіе его оправдалось: испуганный унтеръ-офицеръ черезъ нѣсколько минутъ подбѣжалъ къ нему, выпучилъ глаза, и не могъ произнести ни слова. «Сколько воды, другъ мой?» спросилъ тихоцько капитанъ: «Не бойся; если очень много, то добрый знакъ: вода вдругъ вошла, и больше прибывать не будетъ.» Такъ хотѣлъ добрый А*** обманомъ успокоить бѣдна-

го урядника. Весь футштокъ потонулъ въ водѣ, ваше благородіе. «Молчи, молчи! И, какъ будто ничего не бывало, вооружай объ помпы.»

Команда вызвана была вся наверху; палуба освѣтилась фонарями; тусклый свѣтъ ихъ, отражаясь въ непрерывныхъ потокахъ воды, струящейся по палубѣ, увеличивалъ ужасъ зрѣлища. Когда мы спустились отъ вѣхъ, валь снова накрылъ шкуну, и несмотря на крѣпкія связи, которыми корабельная шлюбка была утверждена на палубѣ, вырвалъ ее и унесъ съ собою въ море. «Жаль! вдвойнѣ жаль! пробормоталъ капитанъ: если, не приведи Богъ, прійдется разбиваться, на чемъ спасти команду?» Между тѣмъ помпы дѣйствовали неутомимо: черезъ полчаса вода вдругъ перестала изъ нихъ показываться. Помпы засорились! доносилъ боцманъ капитану; но хладнокровный въ опасности, всегда сохраняющій присутствіе духа, А***, — «Врешь!» отвѣчалъ боцману, и послалъ штурмана вымѣрять воду. Предположеніе его было справедливо: воды въ шкунѣ оказалось весьма мало, мѣрившій ее унтеръ-офицеръ уронилъ—было отъ страха свой футштокъ на подвѣтренную сторону, вынулъ его весь мокрый, и заключилъ, что въ суднѣ воды очень много.

Хотя эта повая бѣда счастливо миновалась, но положеніе шкуны было весьма сомнительно; повертеть на другой бокъ не было возможности, изъ опасенія, чтобъ не попасть снова на Лавенсарскія вѣхи, а продолжать идти тѣмъ же бокомъ значило навѣрное разбиться у острова Лавенсара. Опытный морякъ зналъ это, и видѣлъ, что одно спасеніе — спуститься по вѣтру, и идти къ Сескару: но какъ же это сдѣлать въ такомъ узкомъ мѣстѣ, и не имѣя паруса марсели, который въ самомъ началѣ бури былъ изорванъ въ тромъ. Однако жъ надобно было рѣшиться какъ-можно скорѣе. «Ступай внизъ и доставай проворнѣе запасный

марсель!» Люди безмолвно бросились исполнить повелѣнiе, хотя и самые опытнѣйшiе изъ нихъ не понимали, что хочетъ дѣлать капитанъ. Марсель достали. А*** наизу самъ бралъ рифы одинъ за другимъ, чтобъ удобнѣе и безопаснѣе поднять парусъ на рею; потомъ, утвердя рею, послалъ людей отвязать изорванный марсель. Его спустили внизъ, и подняли новый. Минута была критическая, когда десять человѣкъ марсовыхъ, лежа на реѣ, привязали кое-какъ ускользящiй изъ рукъ парусъ, взяли первый рифъ, начали брать другой, — и тутъ вдругъ парусъ, подвѣзанный сезнями, вырвался съ ужасною силою!.... Одному только счастью обязано судно, что его тоже не изорвало въ куски. — «Ребята, держись на реѣ!» проревѣлъ капитанъ: «тлнуть марса-шкоты!.....»

Привязать марсель въ свѣжiй вѣтеръ считается верхомъ совершенства; но привязать его въ такой штормъ было точно *plus ultra* искусства въ морской службѣ. А*** надѣялся на неустрашимость и проворство своей команды, въ этомъ одномъ видѣлъ свое спасенiе, и рѣшился попытаться. Смѣлымъ владѣеть Богъ, гласитъ Русская пословица, и въ этомъ случаѣ она совершенно сказала правду. Счастiе или ангель-хранитель честнаго капитана помогли ему, и онъ, чувствуя, что дѣло точно было сверхестественное, набожно скинулъ фуражку, взвелъ глаза на небо и однимъ взоромъ возблагодарилъ Всевышняго. Теперь надлежало ему спускаться по вѣтру, стащивъ гротъ наизъ, потому не было средства убрать его обыкновеннымъ образомъ. Онъ выбралъ время, и спустился. Марсель, до сей поры сильно полоскавшiйся, получивъ вѣтеръ, ударился въ послѣднiй разъ объ стѣнгу, и наполнившись бурнымъ воздухомъ, казалось, хотѣлъ убѣжать отъ державшихъ его веревокъ. Шкунна, ударивъ нѣсколько разъ носомъ объ волны, наконецъ уступила дѣйствию руля и паруса, и помча-

лась съ вѣтромъ. «Смотри впередъ! не зывай на руль!» были единственные крики капитана, который зналъ, что многимъ рискуеть, что, не опредѣливъ себя вѣрно на разстояннй трехъ съ половиною миль, ему трудно было въ такую темень пройти безопасно между мелей. Но, поручивъ себя Провидѣнню, онъ весьма хладнокровно и весело смотрѣлъ впередъ; глаза его, безпрестанно обращенные на ирачность, казалось, хотѣли проникнуть ее и волны, взгромождавшіяся передъ шкуной и закрывавшія даже самую ночь. Судно качало ужаснымъ образомъ; то правыя, то лѣвыя, косчныя сѣтки уходили въ воду; храбрый А***, стоя на пушкѣ, только безпрестанно отряхивался отъ обливающей его воды. «Смотри впередъ!» повторилъ онъ уже въ сотый разъ и громкое — *Есть въ обты* разъ пронизало сквозь ревъ урагана. *Вправо бурунь!* вдругъ вскричалъ отчаянный съ боку голосъ: *бурунь! страшный бурунь!* «Право на бортъ!» было отвѣтомъ капитана. Но вслѣдъ за тѣмъ слова закричали: *Влѣвъ чернѣется берегъ! «Это Пени!»* воскликнулъ онъ, взглянувъ за бортъ. Увѣрившись, что шкуна мчалась до одиннадцати узловъ въ часъ, онъ почувствовалъ свое гибельное положеніе. Что можно опредѣлить въ такую ночь? Надобно было летѣть стрѣлою на авось, а этого точный и храбрый А*** стыдился сдѣлать. Онъ выбралъ другое, хотя трудное, опасное, но вѣрное средство, — вѣрное тѣмъ, что онъ могъ видѣть своими глазами, куда нужно править и уповать на свою опытность. Именно онъ и рѣшился идти между Лавенсаромъ и Пени.

Едва мысль эта вошла ему въ голову, какъ онъ уже ее исполнилъ. «Лѣво на бортъ!» прокричалъ онъ, и сталъ править на буруны, оставляя ихъ въ правой рухъ. Шкуна, получивъ вѣтръ съ боку, накренилась страшнымъ образомъ, и помчалась еще быстрее. «Право! лѣво!» кричалъ попеременно А***, и гдѣ

взиралъ на валы, раздражающіеся о камни у сѣвернаго мыса острова Лавенсара. Онъ надѣялся, что въ островомъ волненіе будетъ меньше, и позволить ему хотя нѣсколько поправиться и приготовиться еще спокойнѣе вытерпѣть бурю. Такъ и вышло. Шкуна вчалась совершенно на-боку, и покойнѣе ударялась объ волны. А***, воспользовавшись этимъ, внимательнѣе осмотрѣлъ берега; увидѣлъ, къ большому своему удовольствію, изъ-за Пени открывшійся Сескарскій маякъ, перемѣнилъ кой-какія прорвавшіяся снасти, прошелъ Лавенсаръ и потомъ опасный камень Холода, и снова спустился прямо на видимый уже хорошо Сескарскій маякъ. Провидѣніе во второй разъ спасло его, и набожный морякъ во второй разъ усердно отъ сердца помолился Богу. Команда видѣла это, и, движима благодареніемъ къ Всевышнему, невольно послѣдовала примѣру любимаго начальника, и въ сердцѣ вознесла хвалу Создателю. Молитва ихъ, само собою разумѣется, была коротка. Ея не составляли слова: взоры, воздѣтые къ небу, довольно ясно объяснили ихъ благочестивыя чувства. А*** видѣлъ моленіе всей команды. Онъ улыбнулся, и, какъ-будто въ свое оправданіе, сказалъ: — «Кто на морѣ не бывалъ, тотъ Богу не малывался!»

Обогнувши островъ Сескаръ, нашъ морякъ рѣшился не противуборствовать болѣе бурѣ, укрылся отъ вѣтра, убралъ паруса и бросилъ якорь. Тогда уже начинало свѣтать, и стихнувшее за островомъ волненіе почти вовсе не качало шкуны. Болѣзнь Зорскаго тотчасъ мпювалась: онъ вышелъ съ утомленнымъ лицомъ, со впалыми и тусклыми глазами; краска, всегда румянившая его полныя щеки, превратилась въ синеватую блѣдность; его не возможно бы было узнать съ перваго разу. «Какова ночка?» съ этимъ вопросомъ встрѣтилъ его капитанъ. — Вы очень устали, Петръ Петровичъ, и я причиной. «Нѣтъ, любезный

Зорскій! отвѣчалъ А***: «неужели думаете вы, что я, въ такой штормъ, спокойно бы могъ заснуть въ койкѣ? Я къ вамъ имѣю полную довѣренность, какъ къ храброму и искусному морскому офицеру и моему помощнику, но оставить васъ однихъ сражаться съ штормомъ было бы для меня стыдно. Я походилъ бы на бѣглеца съ поля битвы. Теперь, ежели вы отдохнули, останьтесь наверху; убирайтесь съ обрывками парусовъ и снастей, и приведите шкуну въ такое состояніе, какъ-будто шторма и не было.» А шлюбка, Петръ Петровичъ? сказалъ, улыбаясь, Зорскій. «Теперь мнѣ ея не жаль. Она разбилась вѣрно у Лавенсара, и, мнѣ кажется, лучше разбиться шлюбкѣ безъ людей, чѣмъ шкунѣ съ шестидесятью невинными жертвами.»

Поклонившись вѣжливо своему подчиненному нашъ капитанъ сошелъ въ каюту, бросился въ койку; и чтобъ скорѣе забыть штормъ, переселился въ тѣ мѣста, гдѣ мысли его въ свободное отъ службы время безпрестанно носятя. Если моряку удастся крѣпко заснуть во время шторма, сновидѣнія его часто бываютъ самыя пріятныя: онѣ переносятъ его далеко отъ моря, въ тишину сельской жизни; завывающій вѣтеръ, который въ состояніи разбудить каждаго, превращается для него въ пѣніе птицъ или въ говоръ милой сердцу; качка, валлющая съ боку на бокъ, представляется ему шумнымъ, веселымъ вальсомъ; онъ кружится, кружится съ красавицами — или вдругъ видитъ себя въ каретѣ несущимся по мостовой, и каждый толчокъ койки принимаетъ за толчокъ, полученный отъ сосѣда; а если видится ему, что его сосѣдъ хорошенькая сосѣдка, то съ какою радостію принимаетъ онъ каждый толчокъ!....

А. РОТЧЕВЪ.

ДОНЪ-КИХОТЪ XIX ВѢКА.

=

Domine, libera nos a nebulis philosophiae germanicae!

Въ одной изъ Приволжскихъ губерній, лѣтъ десять тому назадъ, жилъ молодой помѣщикъ Левкоевъ. Онъ былъ еще ребенкомъ, когда умерли его родители. Получивъ первоначальное воспитаніе въ домѣ опекуна, роднаго дяди, былъ онъ отвезенъ въ Москву и отданъ въ пансіонъ, заведенный какимъ-то иностранцемъ. Тамъ достигъ онъ семнадцати лѣтъ, и съ согласія дяди отправился за границу, съ намѣреніемъ довершить свое образованіе въ извѣстныхъ Германскихъ университетахъ. Съ нимъ поѣхалъ гувернеръ пансіона, Нѣмецъ Финстеръ, возбудившій въ немъ это намѣреніе своими разсказами.

Нѣсколько лѣтъ о Левкоевѣ не было ни слуху, ни духу. Наконецъ дядя его получилъ письмо, въ которомъ молодой Левкоевъ благодарилъ его за управленіе его имѣніемъ, радовался, что, достигнувъ двадцати одного года, освобождаетъ онъ дядю отъ тягостныхъ хлопотъ опеки, и въ заключеніе просилъ доставить къ нему черезъ Лейпцигскаго банкира тридцать тысячъ рублей, для уплаты долговъ, нажитыхъ за границею. Въ противномъ случаѣ, писалъ онъ, ему невозможно будетъ возвратиться въ отечество потому, что всѣ деньги, взятыя имъ съ собой, были уже издержаны.

Это письмо такъ огорчило бывшаго опекуна, что онъ не спалъ три ночи сряду, и три дня супруга его, дочери и даже служанки, принуждены были слушать разнообразныя, безконечныя укоризны племяннику.

Проклиная всѣ заморскія государства, онъ распорядился о переводѣ требуемой суммы за границу, и написалъ къ племяннику письмо, которое тотчасъ по полученіи было съ гнѣвомъ брошено въ каминь. Посему, содержаніе его осталось неизвѣстнымъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ молодой Левкоевъ отправился въ Россію, простясь съ менторомъ и руководителемъ своимъ на пути любомудрїа, Финстеромъ, который увѣрилъ новаго Телемака, что онъ достигъ уже Геркулесовскихъ столповъ въ области Философїи, самъ же, получивъ отъ него, по условію, двадцать пять тысячъ рублей, разсудилъ остаться на родинѣ.

Левкоевъ, въ теченіе четырехъ слишкомъ лѣтъ выслушавъ нѣсколько лекцій извѣстнѣйшихъ Германскихъ профессоровъ, прочитавъ, по указанію Финстера, нѣсколько Нѣмецкихъ книгъ, и употребивъ все остальное время на театры, гулянья, балы и другія разсѣянїа, увѣрился, что, по возвращеніи въ отечество, онъ изумитъ всѣхъ глубокою своею ученостью. Земляки его казались ему жалкими невѣждами, чуть не варварами. Сохранивъ еще однако жъ нѣкоторую любовь къ нимъ, онъ принялъ великодушное намѣреніе подѣлиться съ ними своими умственными сокровищами, и, по мѣрѣ возможности, разлить благодѣтельные лучи истиннаго, высшаго просвѣщенїа въ родной землѣ своей.

Это высокое мнѣніе о себѣ весьма было простиительно мудрецу въ двадцать лѣтъ, тѣмъ болѣе, что и за границей, какъ замѣтилъ онъ, многіе молодые люди, посѣтивъ нѣсколько разъ университетъ, потомъ вооружась терпѣніемъ и прочитавъ какую-нибудь вступительную лекцію, написанную языкомъ сфинкса или древнихъ оракуловъ, считали ужъ и самихъ себя за оракуловъ, и на весь человѣческій родъ начинали смотрѣть чрезъ плечо. Отъ этого припадка гордости мѣ-

лечила бы его, безъ-сомнѣнія, общая спасительная микстура, — время, перемѣшанное съ опытностію; но Левкоевъ, по несчастію, не былъ одаренъ душою сильною, независимою. Напряженія постигнуть непостижимое и объяснить необъяснимое ослабили и разстроили его умственныя способности, и произвели въ немъ болѣзнь, извѣстную подъ именемъ мономаніи. Онъ обо всемъ могъ говорить связно и основательно, но едва рѣчь, даже слегка и мимоходомъ, касалась Философіи, какъ въ головѣ его возставалъ хаосъ, въ которомъ всѣ отвлеченныя выраженія новѣйшихъ философовъ, — дуализмъ, идеализмъ, идентизмъ, трансцендентализмъ, макрокозмъ, микрокозмъ, потенцъ, индивидуальность, реальность, объективность, субъективность, и прочая, беспорядочно летали и кружились, какъ хлопья снѣга во время сильной вьюги.

Избѣгая встрѣчи съ дядею, Левкоевъ проѣхалъ прямо въ свое помѣстье, возложилъ на прикащика попеченіе о хозяйствѣ и дѣлахъ житейскихъ, и углубился еще болѣе въ свои философскія созерцанія.

Наступила осень. Здравый, природный разсудокъ Левкоева еще болѣе ослабѣлъ отъ усилій пайти истину, и согласить разнорѣчія и споры систематиковъ. Мономанія его во время лѣтнихъ жаровъ усилилась. Однажды, восхищаясь своими открытіями и высотой помысловъ, Левкоевъ вспомнилъ, что послѣдователи новѣйшей Германской философіи считали ее не кабинетною только наукою, а необходимымъ для жизни знаніемъ, полезнымъ во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ для человечества. Остановясь на этой мысли, онъ прошелъ нѣсколько разъ по кабинету, взял со стола колокольчикъ, и позвонилъ. Вошелъ старый слуга, Поликарпъ.

— Вели заложить мою дорожную бричку, сказалъ онъ: и приготовь все, что нужно для дороги.

— Слушаю - съ! отвѣчалъ слуга, посмотрѣвъ пристально на барина, и замѣтилъ во взорѣ его что-то странное: развѣ куда-нибудь ѣхать изволите?

— Это не твое дѣло! Ты ѣдешь со мною. Вели скорее, теперъ же лошадей закладывать.

Черезъ полчаса бричка стояла уже у крыльца. Левкоевъ, взявъ съ собой кошелекъ и нѣсколько тетрадей, сѣлъ въ бричку.

— Куда ѣхать прикажете? спросилъ Поликарпъ.

— Куда хочешь! Туда, гдѣ человѣчество наиболѣе нуждается въ истинномъ возрѣніи на Природу.

Слуга вытаращилъ глаза отъ удивленія, почесалъ затылокъ, и боясь разгнѣвать барина повтореніемъ вопроса, смѣкнулъ по нѣкоторымъ своимъ соображеніямъ, куда барину ѣхать хотѣлось.

— Ступай къ Ивану Акинѣевичу! закричалъ онъ кучеру, и бричка покатила къ селу отставнаго капитана Пуговицына.

Капитанъ и его супруга, Мавра Антоновна, не видавъ еще ни разу Левкоева съ тѣхъ поръ, какъ онъ поселился въ своемъ помѣстьѣ, уже не однажды совѣщались о необходимости поближе познакомиться съ молодымъ соѣдомъ. Девять сотъ душъ его, еще не заложенныхъ, какъ оказалось по вѣрной справкѣ, вполне убѣждали и капитана и его супругу, что, изъ всѣхъ дворянъ въ околоткѣ, Левкоевъ былъ достойнѣе счастья владѣть рукою дочери ихъ, Саша, которая слыла фениксомъ между всѣми ея подругами: она говорила по-Французски, играла на фортепіано увертюру изъ Багдадскаго Калифа, и танцевала гавотъ! Мудрено-ли послѣ этого, что всѣ провинціальные женихи, и богатые и бѣдные, и черноволосые и сѣдые, сходили съ ума по несравненной Сашѣ, восхищаясь сверхъ того ея круглымъ и полнымъ лицомъ, похожимъ на спѣлое, румяное яблоко, ея смѣлою и

твердою поступью и крѣпкимъ сложеніемъ членовъ, которыми уподоблялась она мастерскому изваянію древности, изображающему Геркулеса въ младенчествѣ.

Послѣ двухъ-трехъ часовъ ѣзды, Поликарпъ закричалъ кучеру — стой! — Бричка подъѣхала къ крыльцу господскаго дома, стоявшаго на берегу небольшого озера.

— Куда ты привезъ меня? спросилъ Левкоевъ, осматриваясь и постепенно выпускааясь духомъ изъ надоблачныхъ странъ отвлеченнаго въ низшій міръ внѣшнихъ явленій.

— Это, сударь, домъ Ивана Акиноѣевича, вашего соседа-съ. Онъ сегодня именинникъ и будетъ радъ радѣхонекъ такому дорогому и неожиданому гостю, какъ ваша милость.

— Да что это за человекъ, твой Иванъ Акиноѣевичъ? Какое нибудь важное звено между невѣждами? Профанъ?

— Помилуйте-съ, какой Митрофанъ! Онъ — съ капитанъ! Живетъ-съ барски, угощаетъ знатно!... Извольте только войти: сами увидите. Человекъ-съ преобстоятельный, политичной. Ему давно ужъ хочется съ вами познакомиться. Ей, ей такъ! Главный его псарь мнѣ сказывалъ. И дочь у него есть, сударь, невѣста, съ приданымъ-съ!

— Замолчишь ли ты, дуралей? Вели ѣхать далѣе!

— Да куда же, сударь, прикажете? Я думалъ, что вы именно сюда собрались въ гости. Теперь-съ на пятьдесятъ верстъ кругомъ никого изъ господъ дома не застанете. Всѣ пріѣдутъ на объѣдъ къ Ивану Акиноѣевичу, и съ фамиліями-съ.

— Пожалуйста-съ, ваше высокородіе! Иванъ Акиноѣевичъ покорно проситъ въ горницу-съ! говорилъ между-тѣмъ запыхавшись камердинеръ капитана,

объжавшій съ крыльца къ бричкѣ. Крупныя капли пота на лысомъ челѣ его, штофъ въ правой рукѣ и салфетка съ половиной огромной колбасы въ лѣвой, показывали, что онъ, по приказу барина, опрометью выбѣжалъ изъ столовой, гдѣ хлопоталъ надъ приготовленіемъ закуски.

— Благодари! сказалъ Левкоевъ, кивнувъ головою дворецкому на его низкіе поклоны. Скажи, что я въ другой разъ пріѣду. Пошелъ! закричалъ онъ кучеру.

— Воля ваша-съ! Это нельзя-съ! Я лошадей схвачу за узду-съ. Баринъ велѣлъ просить васъ непременно-съ. Для него будетъ крайне-съ конфузно, если уѣдете, а миѣ будетъ бѣда-съ. Сейчасъ сядутъ за столъ-съ: ужъ закуска готовится. Вотъ, извольте видѣть-съ.

Въ доказательство истины словъ своихъ, онъ поднялъ руки, и предъявилъ Левкоеву штофъ, колбасу и салфетку.

Философъ, нахмурясь, нехотя вылезъ изъ брички, и вошелъ въ домъ. Кучеръ въѣхалъ въ растворенныя ворота на обширный дворъ, гдѣ стояли безъ лошадей, съ поднятыми оглоблями и дышлами, разнаго вида, цвѣта и величины экипажи, которые спорили, казалось, между собою о старшинствѣ по службѣ, жаловались на разстроенное здоровье, и явно намѣкали о желаніи отставки.

Конюхи капитана тотчасъ отпрягли лошадей Левкоева, увели ихъ въ конюшню, а кучера и Поликарпа въ людскую, гдѣ собралось уже общество вдвое многочисленнѣе, чѣмъ въ наполненной гостями залѣ барина, который начиналъ тайно жалѣть, что къ двѣнадцати окошкамъ своей парадной праздничной залы онъ не отрядилъ еще пары отъ буднишнихъ комнатъ, хотя послѣднія и безъ того крайне обижены были окнами, и жались передъ заломъ, какъ мелкіе

уѣздные чиновники передъ превосходительнымъ начальникомъ.

— Ну вотъ! говорилъ капитанъ женѣ на ухо. Не предсказывалъ ли я, что нашъ сосѣдъ не утерпитъ и прійдетъ къ намъ первый въ гости. Начать намъ было не ловко! Шепни Сашѣ, чтобъ она не ударила себя лицомъ въ грязь. Женихъ хоть куда: ни одной еще души нѣтъ въ залогъ!

Левкоевъ вошелъ въ комнату; капитанъ бросился къ нему на встрѣчу, и началъ обнимать его.

— Позвольте благодарить васъ за честь! говорилъ капитанъ торопливо, подводя за руку Левкоева къ женѣ своей. Крайне меня одолжили..... какъ добрые сосѣди..... я постараюсь заслужить лестное для меня..... Жена! это Артемій Петровичъ Левкоевъ!..... Вотъ-съ, это жена моя! Прошу насъ полюбить. А вотъ это дочь! Клацкая, Сашенька. Какому счастливому случаю обязаны мы пріятнымъ посѣщеніемъ вашимъ?

Вопросъ этотъ напомнилъ Артемію цѣль, для которой онъ выѣхалъ изъ дома.

— Я вамъ долженъ признаться, отвѣчалъ онъ, что вовсе не думалъ быть сегодня у васъ на праздникъ. Намѣреніе важное, давно уже во мнѣ утвердившееся, вызвало меня изъ дома. Конечно, оно касается и васъ, и каждого изъ насъ, словомъ сказать, всего человечества. Послѣ обѣда я объяснюсь откровенно передъ всеми гостями вашими, твердо увѣренный, что всѣ оцѣнятъ высшую цѣль мою и чистоту моего дѣйствования.

— Предъ всеми гостями! сказалъ обрадованный и вмѣстѣ удивленный хозяинъ, отведя Левкоева въ сторону. Можетъ-быть, я не совсѣмъ васъ понялъ? продолжалъ онъ, говоря Левкоеву на ухо: но если вы ждете со мной объясниться на счетъ того, о чемъ, по нѣкоторымъ словамъ вашимъ, могу нѣсколько дога-

дываться, то я просилъ бы васъ покорнѣйше погово- рить со мной сперва наединѣ. Вы сами знаете, что такія дѣла не рѣшаются скоро. Притомъ согласіе не отъ одного меня зависитъ.

— Знаю! отвѣчалъ Левкоевъ. Успѣхъ зависитъ бо- лѣе отъ одного меня, отъ моего дара убѣжденія.

— А я такъ думаю, любезнѣйшій Артемій Петро- вичъ, что все въ жизни нашей зависитъ отъ судьбы. Чему быть, тому не миновать! Напримѣръ, вы не думали быть у меня сегодня, какъ изволите гово- рить, а между-тѣмъ осчастливили меня вашимъ по- сѣщеніемъ! Это, воля ваша, не даромъ! Судьба все строить по-свѣдому!

— Вы меня извините, если откровенно вамъ ска- жу, что понятія ваши слишкомъ устарѣли для XIX вѣка. Судьба, или предопредѣленіе, по мнѣнію новѣй- шихъ писателей, имѣетъ мѣсто только въ относитель- номъ или условномъ порядкѣ; ибо все для каждаго существа предуставлено сущностію, удѣленною ему отъ безусловнаго, и отношеніемъ ко всѣмъ прочимъ существамъ, съ которыми существо сіе связано един- ствомъ общей, органической жизни. Отсюда вся жизнь не только народа или періода Исторіи, но и жизнь каждаго недѣлимаго связана съ судьбою цѣлаго, и должна быть изъясняема изъ органическихъ законовъ цѣлаго, а не прямо отъ безусловнаго. Вотъ истинное понятіе о судьбѣ, о предопредѣленіи!

Хотя капитацъ не понялъ ни слова изъ сказаннаго, однако жъ, пожавъ руку Левкоеву, сказалъ: Такъ-съ, истинно такъ! Вы человекъ ученый, знающій; я же учился на мѣдныхъ деньги. Вы меня простите вели- кодушно, если я совру что-нибудь. Однако жъ воля ваша, любезнѣйшій Артемій Петровичъ, я все таки скажу, что если вы нехотя попали ко мнѣ сегодня, такъ это судьба васъ привела!

— Не согласенъ съ вами! Жизнь моего я связана съ судьбою не я. И такъ, причина тому, что я къ вамъ противъ воли прѣхалъ сегодня, причина сего мало-важнаго случая, который однако жъ, по-видимому, можетъ имѣть и для васъ и для многихъ важныя послѣдствія, кроется въ органическихъ законахъ цѣлаго, и изъ устарѣлой идеи судьбы объясняема быть не можетъ!

— Увидимъ, любезнѣйшій Артемій Петровичъ! Послѣ обѣда поговоримъ съ вами наединѣ, и дѣло будетъ въ шляпѣ. Вы, я вижу, человекъ рѣшительный, откровенный! И я таковъ же. Толковать долго не станемъ. Такъ или не такъ, а рѣшимъ все сегодня же. Пожалуй и гостямъ объявимъ, если вамъ будетъ угодно. Ба! кто это вошелъ въ залу, въ дорожномъ платьѣ? А! это Антропъ Ермолаичъ, секретарь Земскаго Суда. Да я его не звалъ, сегодня. Зачѣмъ онъ пожаловалъ? Извините, любезнѣйшій Артемій Петровичъ! На минуту прерву пріятный разговоръ съ вами. Надобно спросить, что ему надобно.....

Мимоходомъ капитанъ подошелъ къ женѣ своей, потеръ отъ удовольствія руки, и шепнулъ ей: Поздравляю! Молодецъ-то ужъ сватается! и приблизился потомъ къ секретарю Земскаго Суда.

Давно въ душѣ Антропа Ермолаевича образъ Саши неизгладимо напечатлѣлся, подобно штемпелю на рублевикѣ. Ея сѣровато-голубые глаза пріятнѣе были для него синей ассигнаціи; румяныя ея щеки онъ предпочиталъ двумъ десятирублевымъ бумажкамъ, а близна лица и рукъ плѣняли его не менѣе двадцатипяти-рублевой. Вообще Саша казалась ему самою привлекательною, самою пріятною взяткою. Онъ рѣшился искать руки Сашиной, несмотря на многочисленность обожателей провинціальной красавицы, изъ которыхъ многіе могли считаться совершенно въ томъ

уличеными, другіе же находились въ сильномъ подозрѣніи. Капитанъ, замѣтивъ, что дочь его оказывала всего болѣе благосклонности къ Антропу Ермолаевичу, который былъ и помоложе и покрасивѣе всѣхъ прочихъ ея поклонниковъ, началъ рѣже звать его къ себѣ въ гости. Антронъ Ермолаевичъ не унывалъ. Не получивъ приглашенія къ именинному обѣду, онъ поднялся на хитрость. Надѣвъ дорожное платье и медвѣжьи сапоги, онъ явился въ этомъ нарядѣ въ гости.

— Извините, Иванъ Акинѣевичъ, что обезпокоилъ васъ. Я въ хлопотахъ по службѣ, совсѣмъ и забылъ, что сегодня день вашего ангела. Изволите видѣть, я ѣду сегодня въ командировку, можетъ-быть на полгода, и по долгу моему захалъ къ вамъ проститься. Въместѣ съ тѣмъ позвольте поздравить васъ съ днемъ тезоименитства и пожелать вамъ, какъ слѣдуетъ, всевозможныхъ благъ.

— Благодарю покорно! Да неужто вы сейчасъ же ѣдете?

— Сію же минуту! Впрочемъ, чтобъ доказать вамъ, какъ я васъ люблю и уважаю, рискну провести сей радостный и вождельный день вмѣстѣ съ вами. Такъ и быть! пусть отдадутъ меня подъ судъ, отрывать отъ должности. Не поѣду сегодня! Да! ни для какой экстренности не поѣду, и проведу еще денекъ въ высоко-уважаемомъ домѣ вашемъ.

Сказавъ это, онъ обнялъ хозяина и вышелъ. Въ людской сидѣлъ уже сторожъ Земскаго Суда, принесшій въ узлѣ праздничное платье Антропа Ермолаевича. Въ минуту переодѣвшись, секретарь опять явился въ залъ, не думая уже о своей вымышленной поѣздкѣ. «Скажу завтра, размышлялъ онъ, что въ слѣдствіе новаго предписанія командировка моя отменена, или просто ничего не скажу. Сегодня яздѣсь въ гостяхъ: съ меня и довольно!»

— Извините, любезнѣйшій Артемій Петровичъ, сказалъ хозяинъ Левкоеву, что заставляемъ васъ такъ долго ждать обѣда. Его превосходительство Прохоръ Сергѣичъ общалъ ко мнѣ пожаловать. Не знаю, отъ чего онъ замѣшкался.

Артемій ничего не отвѣчалъ. По глазамъ его видно было, что весь умъ его погруженъ былъ въ размышленіе о важномъ подвигѣ, который онъ предпринималъ. «Какой переворотъ въ образѣ мыслей всѣхъ здѣсь собравшихся, размышлялъ онъ, произведетъ рѣчь моя! Какъ восторжествуетъ Наука, какъ изумитъ всѣхъ истинное вѣдѣніе безусловнаго и Природы!»

Наконецъ долго жданный Прохоръ Сергѣичъ вошелъ въ залу. Онъ уподоблялся кометѣ, потому что влекъ за собою родъ хвоста, — высокаго и сухощаваго пріятеля своего, Адама Ѳомича, служившаго подъ его начальствомъ въ столицѣ, и принужденнаго выйти изъ службы вмѣстѣ съ своимъ покровителемъ, попавшимъ въ какую-то непріятную исторію. Никто не зналъ однако жъ объ этомъ ни въ уездѣ, ни даже въ губерніи. Прохоръ Сергѣичъ умѣлъ увѣрить всѣхъ, что онъ вышелъ въ отставку по просьбѣ, для поправленія здоровья; что всѣ знатные и случайные люди — короткіе ему пріятели; что онъ самъ, поправя здоровье, скоро опять получитъ важную должность.

Адамъ Ѳомичъ, непрекословнымъ угожденіемъ во всемъ Прохору Сергѣевичу добившійся счастья, велъ себя однако жъ передъ нимъ совершеннымъ мальчишкомъ во все время своего служенія. Прохоръ Сергѣевичъ говорилъ ему — ты, часто бранилъ его наравнѣ съ своимъ камердинеромъ, поручалъ ему надзоръ за своими кучерами пьяницами, и покупку съѣстныхъ припасовъ какъ для себя, такъ и для своихъ лошадей. Адамъ Ѳомичъ исполнялъ все

съ ревностію и отличнымъ усердіемъ, и выигрывалъ болѣе всѣхъ прочихъ сослуживцевъ, на которыхъ безпрестанно пускалъ въ ходъ, въ искреннихъ и веселыхъ разговорахъ съ Прохоромъ Сергѣевичемъ о картахъ и дамахъ, невинные, искусные доносцы: особенно одоужалъ онъ тѣхъ, которые, по уму и личнымъ достоинствамъ, были опасные для него соперники на поприщѣ службы.

Хозяинъ принялъ новыхъ гостей по точной силѣ законнаго правила — чинъ чина почитай. Потирая отъ смущенія руки и безпрестанно кланяясь въ поясъ, — трижды Прохору Сергѣевичу, — однажды, косвенно, Адаму Ѳомичу, — рассыпался онъ въ учтивостяхъ и изъявленіяхъ благодарности за честь, ему оказанную. Прохоръ Сергѣевичъ ласково кивалъ ему головою, и даже подавъ руку, какъ-бы нехотя, съ сохраненіемъ всей своей важности и вида, приличнаго покровителю; но всей руки не далъ, а протянулъ только одинъ указательный палецъ, — потомъ видя, что обрадованный хозяинъ готовъ былъ поклониться въ ноги за эту честь, отъ избытка великодушія присоединилъ къ указательному пальцу средній. Послѣ того, Прохоръ Сергѣичъ, какъ человекъ свѣтскій, столичный, важно и едва замѣтно кланяясь направо и налево всѣмъ гостямъ, которые непрерывъ отвѣшивали ему полные, провинціальные поклоны, твердыми и быстрыми шагами устремился къ тому мѣсту, гдѣ сидѣли женщины и дѣвицы, и началъ выказывать предъ ними свою любезность, остроуміе и знаніе жить въ свѣтѣ. Между-тѣмъ хозяинъ осаждалъ учтивостями и поклонами Адама Ѳомича, хвостъ Прохора Сергѣевича. Слѣдуя въ точности своему первообразу, Адамъ Ѳомичъ также протянулъ хозяину указательный палецъ съ присоединеніемъ средняго, важно раскланялся на всѣ стороны и, позд-

ровавшись съ хозяйкою, подошелъ къ Прохору Сергѣевичу и сталъ подлѣ него, съ довольнымъ видомъ.

Прохоръ Сергѣевичъ, качаясь на стулѣ и потирая обѣими руками свои колѣни, говорилъ между-тѣмъ хозяйкѣ: — Я совсѣмъ не думалъ быть у васъ сегодня. Вдругъ принесли ко мнѣ съ почты, — вообразите! — пятнадцать пакетовъ, и отъ такихъ лицъ, что мнѣ слѣдовало бы тотчасъ же отвѣчать; но мы съ Адамомъ Ѳомичемъ рѣшили, что день другой можно и промедлить отвѣтами. Люди все коротко знакомые, пріятели, лучше сказать, друзья.....

— Притомъ всѣ служили подъ вашимъ начальствомъ! прибавилъ Адамъ Ѳомичъ, всегда поддерживавшій слова Прохора Сергѣевича, и часто, отъ излишняго усердія придать имъ вѣсу, весьма не ловко обличавшій его хвастовство и выдумки.

— Какъ служили подъ моимъ начальствомъ? Что ты, братецъ, любезный Адамъ Ѳомичъ! Онъ, изволите видѣть, въ присутствіи дамъ бываетъ всегда чрезвычайно разсѣянъ.

— Вотъ еще! Въ чемъ же разсѣянъ? Не за вашимъ ли превосходительствомъ водится этотъ грѣшокъ? возразилъ Адамъ Ѳомичъ шутливо и смѣло.

— Онъ еще спорить со мною! воскликнулъ строго Прохоръ Сергѣевичъ. Я вамъ говорю, сударь, что вы разсѣяны! Прошу васъ сказать, кто служилъ подъ моимъ начальствомъ изъ тѣхъ особъ, отъ которыхъ получилъ я сегодня пакеты? Съ чего вы это взяли?

Адамъ Ѳомичъ потупилъ глаза отъ смущенія, и, желая поправить свою обмолвку, отвѣчалъ: — Виновать! я запомнилъ. Точно, точно! Никто у васъ не служилъ! Напротивъ, вы и я почти у всѣхъ служили: вотъ я по пальцамъ всѣхъ пересчитаю. Во-первыхъ.....

— Полно, братецъ, Адамъ Ѳомичь! ты я вижу, хочешь читать адресъ-календарь. Перестань, пожалуйста, и лучше откровенно признайся, что ты немножко разсыянь. Такъ ли, любезный?

— Да кто жъ спорить! воскликнулъ Адамъ Ѳомичь, ободренный словами «ты и любезный». Я бываю разсыянь, чрезвычайно разсыянь, хоть и не всегда, но весьма часто. Я готовъ признаться. Что правда, то правда. Я спорить не люблю: вѣдь вы меня коротко знаете.

Хозяинъ пригласилъ гостей къ столу, гдѣ стояла закуска и болѣе дюжины карафиновъ съ разными наливками и настойками. Пока мужчины поочередно подходили къ столу, пока глаза ихъ разбѣгались, глядя на множество карафиновъ, слышны только были въ залѣ стукъ тарелокъ, легкое журчанье напитковъ, наливаемыхъ въ рюмки, и голосъ хозяина, безпрестанно повторявшаго: — Покорно прошу! Чего прикажете?.... Вотъ это вишневка, — а это смородиновка, — а это польшиная, — а это померанцовая!....

Хозяйка, указавъ на Левкоева, стоявшаго въ задумчивости у окна, шепнула на ухо сидѣвшей подлѣ нея дородной пріятельницѣ: — Свататься хочетъ! Ни кому однако жъ, покуда, не сказывайте.

Въ это время вошелъ въ залу отставной ротмистръ Бѣльскій съ сестрою, прекрасною дѣвушкою въ полномъ смыслѣ слова. Хозяйка пошла встрѣчать ихъ, а дородная пріятельница, сильно наэлектризованная вѣстью о сватовствѣ Левкоева и весьма похожая на Лейденскую банку, вмигъ произвела сотрясеніе въ длинномъ кружкѣ женщинъ. Жены сообщили тайную вѣсть мужьямъ, тѣ пріятелямъ, и черезъ четверть часа всѣ въ залѣ знали по-секрету, что Левкоевъ сватается. Поклонники Саша пришли въ волненіе, особенно секретарь Земскаго Суда. Онъ поглядывалъ

на Артемія изъ подлѣбья, какъ поглядываетъ подъ хивлькомъ писарь на секретаря, съ подобострастіемъ и дерзостію.

— Боже мой! воскликнулъ Бѣльскій, увидѣвъ Левкова: тебѣ ли вижу?

Они крѣпко обнялись. Еще въ Москвѣ, въ пансіонѣ, они познакомились и подружились. Изъ пансіона Бѣльскій поступилъ въ Московскій университетъ, оказалъ необыкновенные успѣхи, и опредѣлился въ военную службу. Онъ любилъ науки, и постоянно посвящалъ имъ все свободное время: наконецъ, выйдя ротиномъ въ отставку, возвратился въ Москву. Тамъ единственная сестра его, лишившаяся еще въ младенчествѣ родителей, воспитывалась въ домѣ дальней родственницы. Рѣшась поселиться въ своемъ помѣстьѣ, Бѣльскій взялъ сестру съ собою. Наслажденіе сельскою природою, прекрасная бібліотека брата, зикомство съ добрыми, простодушными сосѣдями, пріятно занимали Наталью. Она ни разу не пожалѣла о столичной жизни.

Артемій, до своего отъезда въ чужіе края, часто посѣщалъ домъ, гдѣ воспитывалась Наталья. Онъ страстно въ нее влюбился; но продолжительное пребываніе за границу, новыя лица, новыя впечатлѣнія, мало-по-малу ослабили страсть его. Наконецъ онъ забылъ Наталью. Она его не забыла! Хотя и обвиняютъ обыкновенно женское сердце въ непостоянствѣ, но надобно признаться, что любовь, разъ глубоко укоренившаяся, бываетъ въ немъ неизгладимѣе, неизмѣннѣе, чѣмъ въ сердцахъ мужчинъ, наполняемыхъ часто честолюбіемъ, славолюбіемъ, взяточничествомъ, чиновничествомъ и мало ли чѣмъ еще, кромѣ любви, — исключительной, сильной страсти женщины.

Такъ какъ Артемій поселился еще недавно въ своемъ помѣстьѣ, и мало оттуда выѣзжалъ, то до Бѣль-

скаго не дошла еще вѣсть, о возвращеніи друга изъ-за границы. Бѣльскому извѣстна была сердечная привязанность сестры, и онъ надѣялся, что со временемъ счастье ея устроится.

Наталя примѣтно смутилась, увидѣвъ неожиданно Артемія; но тотчасъ же скрыла свои чувствованія, и начала разговаривать съ дочерью хозяина.

Всѣ сѣли за столъ. Прохоръ Сергѣвичъ и спутникъ этой планеты, такъ ясно блиставшей на уѣздномъ горизонтѣ, Адамъ Ѳомичъ, помѣщены были на первыхъ мѣстахъ, какъ основаніе, краеугольный камень ѳденнаго зданія. Адамъ Ѳомичъ наливалъ рюмку своей планеты, передавалъ слугамъ тарелки, исправно очищаемыя Прохоромъ Сергѣевичемъ, хотя онъ и показывалъ видъ, что беретъ каждого кушанья съ нѣкоторою неохотою, болѣе изъ учтивости, по снисхожденію къ хозяину. Иногда онъ дѣлалъ замѣчанія:

— Это кушанье весьма хорошо; но надобно признаться, что поваръ посланника, графа ^{***}, гдѣ я ѳбѣдалъ весьма часто запросто, не такъ бы это приготовилъ. Онъ именно отличался на этомъ блюдѣ въ особенноти.

— Да, да! приговаривалъ Адамъ Ѳомичъ. Откровенно сказать, я разъ ѳбѣлся его стряпаньемъ. Это прелесть!

— Я что-то не помню, бывалъ ли ты когда нибудь въ домъ графа?

— Какъ же-съ! когда вы ѳздили въ отпускъ, то графиня часто присылала за мной, чтобы узнавать о вашемъ здоровьи и разговаривать о васъ со мною за ѳбѣдомъ. Она знала, что вы ко мнѣ постоянно присылали письма. Часто мнѣ говаривала она: «Такихъ людей, какъ Прохоръ Сергѣевичъ, не много въ Россіи.»

Довольный этимъ отвѣтомъ, Прохоръ Сергѣевичъ пощадилъ Адама Ѳомича, и удержался отъ обличенія его въ хвастовствѣ.

Къ концу стола разговоры сдѣлались шумнѣе. Бѣльскій сидѣлъ подлѣ Артемія, и напрасно старался разогнать необыкновенную задумчивость своего друга. Наталья тихонько поглядывала на него съ участіемъ, дѣлалъ видъ, что смотритъ на брата.

— Слышали ли, Наталья Павловна, новость? сказала ей на ухо сидѣвшая подлѣ нея молодая дѣвушка. Дочь хозяина, Саша, выходитъ замужъ за господина, который сидитъ подлѣ вашего брата.

Наталья вспыхнула. Дыханіе ея сдѣлалось прерывисто и тяжело.

— Что съ вами? спросила шопотомъ удивленная дѣвушка.

— Мнѣ немножко дурно. Здѣсь такъ жарко въ залѣ.

— Не спросить ли воды?

— Нѣтъ, благодарю васъ. Это ничего; пройдетъ. Отъ кого вы слышали эту пріятную новость?

— Это всѣ говорятъ.

— Я очень, очень рада. А что жъ бѣдненькій ея Антропенька? Развѣ ужъ онъ не нравится?

— Родители Саши, видите, несогласны!

— Мнѣ жаль его. Взгляните, какъ онъ на Сашу смотритъ! Да, кажется, и она болѣе смотритъ на него, чѣмъ на этого господина.....

— Я вамъ говорю, что однимъ выстрѣломъ убилъ я вдругъ кулика, зайца и щуку, повѣрьте моей совѣсти! выдался изъ общаго шума басистый голосъ какого-то помѣщика. Вотъ какъ было дѣло.....

Въ это время Артемій вдругъ всталъ, медленно окинулъ взоромъ все собраніе, и громко сказалъ:

— Любви къ ближнему, — законъ, повелѣвающей забыть себя для пользы другихъ, то есть, обезличиваться для достиженія цѣли человечества — полнаго его развитія, побуждаетъ меня сказать нѣсколько словъ въ этомъ собраніи ближнихъ моихъ, которыхъ я также люблю и любить долженъ, какъ искренняго друга своего, котораго знаю въ настоящемъ, какъ Римлянина, погибшаго въ Геркуланумъ, котораго знаю въ прошедшемъ, какъ дикаго Американца, котораго вовсе не знаю и знать никогда не буду индивидуально, и который однако жъ то же, что и я; ибо и я, и онъ, и всѣ мы не имѣемъ особой души, не живемъ отдѣльною жизнію, а живемъ жизнію общею, *общимъ человечественнымъ духомъ*.....

— Заяцъ-то, изволите видѣть, говорилъ между-тѣмъ басистый помѣщикъ, не слушая Артемія: притаился подъ кустомъ, а куликъ сидѣлъ въ томъ же кустѣ, а за кустомъ протекала рѣчка, а въ рѣчкѣ плыла противъ того же куста щука, а я шелъ съ ружьемъ мимо куста съ корнаушкой, за которую я Ивану Потаповичу отдалъ цѣлую пустошь — знатная собака! — десяти пустошей не пожалѣлъ бы дать за нее.....

— Протекло нѣсколько тысячъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ явилось человечество на нашей планетѣ, и только нынѣ, въ нашемъ XIX вѣкѣ, узнали истинную цѣль человечества и сущность всего сущаго. Всѣ прежнія поколѣнія жили, слѣдовательно, для насъ, точно такъ же, какъ мы живемъ не для себя, а для другихъ поколѣній, которыя въ свою очередь послужатъ средствомъ къ полному развитію человечества. И теперь уже многіе познали Природу въ истинномъ ея видѣ и, благодаря наукѣ наукъ, достигли крайнихъ предѣловъ человѣческаго вѣдѣнія, которое заключается, какъ и все сущее, въ вѣдѣніи безусловномъ. Безусловное же вѣдѣніе есть то, которое, почія въ себѣ са-

момъ, не имѣеть ни выше ни кроме себя ничего такого, отъ чего бы зависѣло, давая и объѣмая то, что въ вещахъ вообще есть первоначальнаго, существеннаго, неизмѣняемаго. И такъ въдѣніе...

— Позвольте! прервалъ съ важнымъ видомъ Антропъ Ермолаичъ, замѣтивъ съ радостію, что все почти за столомъ смотрѣли съ удивленіемъ на Артемія, перешептывались, улыбались и перемигивались. Вы изволите говорить о въдѣніи; но извѣстно ли вамъ, сударь, въ какомъ случаѣ оно употребляется? Я человекъ, конечно, неученый; однако жъ осмѣливаюсь предложить вамъ сей вопросъ.

— Употребляется? Что вы сказать хотите? Въдѣніе безусловное выше всего и употребляется ни на что не можетъ; напротивъ оно назначило всему цѣль.

— Извините! Вы, видно, ничего не читаете! Въ концѣ печатныхъ указовъ, сударь, всегда говорится: «а туда-то и туда-то сообщитъ въдѣніями.»

Артемій, сѣвъ на свое мѣсто, взглянулъ гордо и презрительно на Антропа Ермолаича, который между-тѣмъ посматривалъ на всѣхъ съ торжествующимъ лицомъ, и съ удовольствіемъ замѣчалъ знаки одобренія за удачную побѣду надъ его мнимымъ соперникомъ.

— Загонялъ ученаго-то! Молодецъ! говорилъ помѣщикъ съ рыжими бакенбартами другому. Видишь, какой выскочка! куда ему тягаться съ Антропомъ Ермолаичемъ! Да онъ изъ докъ дока!

— Вы, я вижу, изволите чтать здѣсь родъ лекцій! сказалъ Прохоръ Сергѣичъ Артемію, улыбувшись насмѣшливо. Не объясните ли намъ: что было до сотворенія міра? Для такого ученаго человека, какъ вы, разрѣшеніе этого вопроса — бездѣлица!

— Да-съ, милостивый государь! подхватилъ Адамъ Ѳомичь. Извольте-ка намъ вкратцѣ объяснить все то, что вамъ извѣстно по сему предмету.

— Что вы разумѣете подъ словомъ: «мѣръ?» спросилъ Артемій. Одну ли нашу планету, или же совокупность всего, что существуетъ?

— Положимъ, отвѣчалъ Прохоръ Сергѣичъ, что я разумью подъ этимъ словомъ все то, что.....

— Существуетъ, договорилъ Адамъ Ѳомичь.

— Нѣтъ, не то я хотѣлъ сказать, продолжалъ Прохоръ Сергѣичъ. Подъ словомъ «мѣръ», я разумью Земной Шаръ.»

— Ну да, да! подхватилъ Адамъ Ѳомичь. Земной Шаръ, сударь, одинъ Земной Шаръ! Понимаете ли? Извольте отвѣчать!

— А впрочемъ, весьма насъ обяжете, сказалъ Прохоръ Сергѣичъ: объяснивъ намъ вообще, что было до сотворенія всей вселенной, всего существующаго на Земномъ Шарѣ, въ немъ, подъ нимъ и надъ нимъ.

— Да-съ! прибавилъ Адамъ Ѳомичь. Понимаете ли? Васъ спрашиваетъ его превосходительство: что было до сотворенія мѣра на Земномъ Шарѣ, въ немъ, подъ нимъ, надъ нимъ, около него, снизу, сверху, справа, слѣва, и вообще со всѣхъ сторонъ?

— Да замолчи ради Бога, Адамъ Ѳомичь! Ты при-
мѣшиваешь къ моимъ вопросамъ безтолковщину!

— Какъ безтолковщину! я именнo то жесказалъ, что и вы, съ нѣкоторымъ только поясненіемъ.

— Избавь отъ твоихъ поясненій. Мои вопросы и безъ того, надѣюсь, ясны.

— Конечно ясны, чрезвычайно ясны. Кто жъ спорить! Всякой ребенокъ ихъ пойметъ.

— Всякой ребенокъ, да не всякой взрослый.

— И съ этимъ согласенъ. Я спорить не люблю! Дѣйствительно иной взрослый...

— Вы не слушайте его, продолжалъ Прохоръ Сергѣичъ, обратясь къ Артемію: и отвѣчайте только мнѣ на предложенный вопросъ.

— Дѣйствительно, замѣтилъ Адамъ Ѳомичъ: когда двое спрашиваютъ, то весьма легко сбиться въ отвѣтъ. Извольте отвѣчать его превосходительству такъ, какъ бы я вовсе ни о чемъ васъ не спрашивалъ. Забудьте, сдѣлайте одолженіе, все, что я ни говорилъ.

— Безусловное почіеть въ самомъ себѣ, и проявляетъ само себя, составляя въ своей сущности и въ проявляющей формѣ совершенное тожество, образуя безпредѣльный кругъ, который всепроницающимъ своимъ центромъ раскрывается до безконечной окружности. Но такъ какъ периферическое бытіе сего круга есть особенное бытіе его, внѣ средоточія и однако жъ въ существенной связи съ центромъ, и такъ какъ точно такими же оказываются и явленія относительно къ безусловному, то идея для явленій и въ явленіяхъ есть единство въ безпредѣльности, какъ она изображается въ копечныхъ состояніяхъ, то есть, мутится и преломляется на предметахъ и, подобно свѣту, получаетъ отбѣнки.

— Все это чрезвычайно ясно! сказалъ проницески Прохоръ Сергѣичъ.

— Удивительно ясно! воскликнулъ Адамъ Ѳомичъ, думая, что Прохоръ Сергѣичъ говоритъ безъ ироніи. Ничего яснѣе я никогда не слышалъ и не читалъ! Вашъ отвѣтъ какъ-будто докладная записка! Все ясно, кратко, на своемъ мѣствѣ; словомъ сказать, неподобно! Извольте продолжать.

— Проявленіе безусловнаго представляетъ двѣ противоположныя стороны, — творимаго бытія и творящаго качества, то есть, сторону природы и сторону духа; но объ онѣ различаются только по формѣ, а не по сущности, которая теряется въ коренной безусловной жизни. Безусловная жизнь со стороны бытія есть эфиръ. Первый актъ, коимъ эфиръ получилъ разнородное напряженіе, есть возбужденіе. Возбужденіе произвело полюсы, а вмѣстѣ съ тѣмъ открылось въ эфирѣ качанье. Возбужденныя момады эфиря, зыблясь по закону центропериферической противоположности, произвели второй актъ, — движеніе. Частицы эфиря, стекаясь отъ сихъ двухъ актовъ къ главной точкѣ, сгущаются и производятъ третій актъ, — притягиваніе, которое пораждаеть существа неделимыя. Здѣсь оказывается усиліе пребывать въ самомъ себѣ, образовать ядро изъ безконечно разжиженнаго эфиря. Отъ сихъ трехъ актовъ устроились міры, съ солнцами и планетами, по центропериферическимъ законамъ возбужденія.

— Ясное быть ничего не можетъ! воскликнулъ Адамъ Ѳомичъ, примѣтивъ улыбку на устахъ Прохора Сергѣича, и сочти ее за одобрительную. Совершенная докладная записка! Ясное и точное изложеніе вашихъ мыслей, милостивый государь, нѣсколько напоминаетъ мнѣ образцовый слогъ его превосходительства Прохора Сергѣича. Вотъ слогъ-то! Боже всемогущій!

— Благодарю за такой комплиментъ!

— Какой комплиментъ? Я прямо, отъ сердца говорю, какъ и всегда. Въдъ вы меня знаете. Однако жъ продолжайте, сдѣлайте одолженіе! Вы остановились на центропериферическихъ законахъ, если не ошибаюсь.

— Не слушайте его, сказалъ Прохоръ Сергѣвичъ: и не удаляйтесь отъ моего вопроса. Я спрашивалъ: что было до сотворенія міра?

— Разжиженный до безконечности эфиръ.

— Что вы разумѣете подъ эфиромъ?

— Это коренной элементъ, тончайшая первоначальная матерія.

— Откуда же она взялась?

— Да-съ! примоявилъ Адамъ Омичъ. Вотъ этого вы, кажется, не объяснили.

— Эфиръ есть первоначальное проявленіе безусловнаго вѣдѣнія.

— Такъ эфиръ не есть начало вселенной, сказалъ Бѣльскій. Что же было тогда, когда безусловное вѣдѣніе не проявилось еще въ видъ эфира? Ты скажешь: безусловное вѣдѣніе! Но что оно такое, духъ или матерія? Писатели, которымъ ты слѣдуешь, говорятъ, что безусловное вѣдѣніе проявляется въ двухъ бытіяхъ, духовномъ и вещественномъ, но не рѣшаютъ и рѣшить не могутъ, существовало ли это проявленіе вѣчно, или же началось когда-нибудь; было ли оно необходимо, или зависѣло отъ свободной воли безусловнаго вѣдѣнія? Если они скажутъ вѣчно и необходимо, то отнимутъ у безусловнаго вѣдѣнія, ясное сказать у первой причины, у Творца Вселенной, свободную волю, которой не отнимаютъ даже у созданія его — человека. Если же они скажутъ, что проявленіе безусловнаго вѣдѣнія зависѣло отъ свободной воли его, то тѣмъ самымъ признаютъ, что проявленіе это не было необходимо и вѣчно, и слѣдовательно началось когда-нибудь.

— Что жъ ты этимъ сказать хочешь? спросилъ Артемій.

— Хочу сказать то, что новѣйшія системы Философiи не болѣе удовлетворяютъ стремленію нашего разума къ истинѣ, какъ и всѣ тыщи системъ, въ свое время] гремѣвшихъ, а нынѣ брошенныхъ, и о которыхъ воспоминаютъ только, какъ объ усиліяхъ разума найти истину.

— По этому ты не цѣнишь великихъ открытій и неимовѣрныхъ успѣховъ Философiи, составляющихъ славу нашего ХІХ вѣка? У меня не достаетъ словъ для изображенія исполинскихъ шаговъ науки наукъ въ текущемъ столѣтiи. Я нѣмтѣю отъ благоговѣнія, созерцающаго ХІХ вѣкъ.

— Не каждый ли вѣкъ хвалилъ себя, подобно ХІХ-му? Причина тому весьма простая: хваля вѣкъ, мы хвалимъ себя. Думать слишкомъ хорошо о себѣ — самая обыкновенная и простибельная слабость человѣческая.

— Мнѣ жаль, что вижу въ тебѣ противника Философiи!

— Ты ошибаешься, любезный другъ! Я люблю Философiю, но не предаюсь энтузіазму, принимающему догадки человѣческаго разума, его исканіе истины, за непреложную, найденную истину. Во всѣхъ системахъ философскихъ я различаю три части. Одна состоитъ изъ открытій, доказанныхъ опытомъ; другая изъ остроумныхъ и глубокомысленныхъ догадокъ и предположеній; третья составляетъ философскія поэмы, которыя я читаю съ такимъ же удовольствіемъ, какъ вымыслы Гезіода или Гомера, и которыя столько же вѣрю. Если мнѣ объясняютъ, какъ образовались солнце и планеты, если говорятъ о проявленіи безусловнаго вѣдѣнія, о коренной жизни, о первоначальной стихiи, о началѣ и конечной цѣли вселенной и человѣка, то я люблюсь всѣмъ этимъ, какъ поэтическими вымыслами, если они безвредны.....

— Безвредны?... И это мнѣ говорятъ въ XIX вѣкѣ? Какой же вредъ можетъ произойти отъ науки наукъ, раскрывающей человѣчеству истину въ полномъ свѣтѣ, и быстро подвигающей его къ конечной цѣли, къ полному развитію?

— Считаешь ли ты за истину все то, что сказано тобою о началъ міра и о цѣли человѣчества?

— Скорѣ усомнюсь въ существованіи солнца на небѣ.

«Но почему тѣ же писатели, изъ которыхъ ты заимствовалъ сказанное тобою, пишутъ, — приведу точныя слова ихъ: «Зачатіе вселенной теряется въ первоначальномъ творческомъ актѣ совершеннѣйшаго существа, которое свои порожденія непосредственно погружаетъ въ таинственную бездну божественнаго своего сознанія, предоставляя своей премудрости открыть оныя и для созерцанія другихъ конечныхъ творей, когда благо сихъ послѣднихъ того потребуеть. «Начало души человѣческой теряется въ актѣ сотворенія, который, по себѣ непонятный и неистощимый, повторяется въ каждомъ моментъ бытія.» И въ той же книгѣ, гдѣ это сказано, говорятъ мнѣ подробно, какъ произошелъ міръ изъ эѳира, какъ произошла душа; объясняютъ существо души; утверждаютъ, что духъ безъ матеріи, равно какъ и матерія безъ духа, существовать не могутъ, не объяснивъ достаточно ни существа духа, ни существа матеріи. Не все ли это равно, если бѣ кто-нибудь сказалъ: Я такой-то вещи совершенно не понимаю; она для меня непостижима; однако жъ я опишу ее во всей полнотѣ и подробности, и сообщу вамъ истинное объ ней понятіе. Поэтому всѣ толки философовъ о происхожденіи вселенной и человѣка кажутся мнѣ или поэтическими вымыслами или объясненіемъ необъяснимаго. И какъ они себѣ на каждомъ шагу противорѣчатъ! То говорятъ, что

Земной Шаръ образовался изъ тончайшаго зэира чрезъ возбужденіе, движеніе и притягиваніе; то утверждаютъ, что онъ произошелъ изъ какого-то вещества, до-бѣла раскаменнаго и остывшаго на поверхности; то доказываютъ, что всѣ части Земнаго Шара плавали прежде растворенныя въ огромной массѣ воды, и впоследствии черезъ осажденіе образовали земную твердь. Чему же вѣрить?

— По закону, замѣтилъ Антропъ Ермолаичъ, кашлянувъ и поправляя галстухъ: разнорѣчивымъ показаніемъ вовсе вѣрить не слѣдуетъ. Иногда за таковыя показанія и въ острогъ насидишься!

— Справедливое замѣчаніе! сказалъ Прохоръ Сергѣичъ, насмѣшливо взглянувъ на секретаря и потомъ на Артемія.

— Справедливое, совершенно справедливое! подхватилъ Адамъ Ѳомиичъ. Оно дѣлаетъ честь вашему уму и опытности, почтеннѣйшій!

— Я думаю, ты бы, Адамъ Ѳомиичъ, съ господниномъ секретаремъ, продолжалъ Прохоръ Сергѣичъ, всталъ установителемъ философскихъ системъ, которыхъ болѣе тысячи, посадилъ бы въ острогъ за разнорѣчіе въ показаніяхъ.»

— Всѣхъ бы до одного посадилъ, безъ всякаго сомнѣнія! Пусть говорятъ правду по совѣсти! Во всякомъ дѣлѣ правда одна, и разнорѣчіе есть явное доказательство обмана.

— Давеча выговорили что-то оцѣли челоуѣка, утверждаютъ, что онъ обезличивается послѣ смерти, и что цѣль челоуѣчества есть полное его развитіе. Какъ вы это все разумѣете? спросилъ Артемія Прохоръ Сергѣичъ.

Бѣльскій, опасаясь, чтобы другъ его не навлекъ себѣ какихъ-нибудь непріятностей, высказавъ при та-

комъ многолюдномъ собраніи то, что онъ прочитаетъ въ одной Нѣмецкой книгѣ, скрытно проповѣдывающей матеріализмъ, отвѣчалъ Прохору Сергѣвичу: — Это мнѣніе одного Нѣмецкаго писателя; но мало ли что пишутъ! Безъ-сомнѣнія и Артемій Петровичъ не все принимаетъ за истину, что прочитаетъ.»

— Извини! я сказанное мною считаю своимъ, а не чужимъ мнѣніемъ.

— Ты, просто, шутишь! Можетъ ли быть, чтобъ ты не понималъ, что выраженіе — «человѣкъ обезличивается послѣ смерти» — то же значить, что и уничтожается. Матеріализмъ — старая дѣвсія и давно уже вышелъ изъ моды. И новѣйшіе Германскіе философы говорятъ: «Въ необходимости безсмертія служатъ надежнѣйшимъ ручательствомъ: 1, живая, самостоятельная идея разумной души, которая созерцаетъ себя въ Богѣ, и Бога въ себѣ, и которая въ божественномъ сознаніи должна всегда оставаться сохранною; 2, невозможность ея уничтоженія силами природы, или невозможность перехода бытія къ небытію; и 3, безконечность назначенія человѣческаго.» Притомъ, въ чемъ бы состояла цѣль человѣка безъ безсмертія? Ты скажешь: полное его развитіе! Но неужели поколѣнія, жившія въ теченіе какихъ-нибудь десяти тысячъ лѣтъ или болѣе, послужатъ только средствомъ къ цѣли, — и къ какой же цѣли? къ развитію какого-то одного счастливаго поколѣнія, которое, подобновсѣмъ прочимъ, уреть и исчезнетъ на землѣ. Да и какъ понимать развитіе? Въ человѣкѣ три главныя способности, — мышленія, чувствованія и воли. Первая стремится къ истинѣ, вторая ко благу, къ счастью, третья свободными дѣйствіями осуществляетъ стремленіе къ истинѣ и благу. Но на землѣ никто еще не нашелъ истины и не найдетъ, пока не будетъ познана первая причина всего существующаго, то есть, неограниченный Творецъ

вселенной. Никто не нашелъ полнаго счастья, котораго сердце безпрестанно ищетъ, и которое безъ сомнѣнія когда нибудь-найдемъ, только не на землѣ.

Мы видимъ счастья тѣнь въ мечтахъ земнаго свѣта!

Есть счастье гдѣ нибудь: нѣтъ тѣни безъ предмета.

Безъ познанія истины и блага какое же можетъ быть на землѣ полное развитіе человѣчества? Неужели толки философовъ, одни другимъ противорѣчащія и мѣняющіяся, какъ листья на деревьяхъ, когда-нибудь приведутъ человѣка къ истинѣ и счастью? Религія, божественное откровеніе, указала вѣрный путь къ нимъ, объяснила загадку земной жизни, ея истинное значеніе; утвердила утѣшительную мысль о безсмертіи, и приподняла завѣсу, скрывающую отъ нашего естественнаго разума, безконечно премудраго, милосердаго и всемогущаго Творца. И намъ ли прибѣгать къ жалкимъ усиліямъ такъ называемаго чистаго разума? намъ ли, съ Діогеновскою свѣчею въ рукѣ, искать настоящей нашей дороги, когда свѣтитъ солнце божественнаго откровенія, необходимость котораго чувствовали знаменитѣйшіе мудрецы древности, и между ними Платонъ. И что объяснить намъ чистый разумъ нашъ, окованный земными узами? По капль воды можемъ ли узнать и постигнуть океанъ? По нашей планетѣ можемъ ли постигнуть вселенную и непостижимаго Творца ея? Земной Шаръ въ неизмѣримой вселенной значить еще менѣе, чѣмъ капля въ океанѣ, а мы, видя только поверхность этой капли, живя на ней, подобно микроскопическимъ инфузориамъ, получая все отъ Творца, и не имѣя ничего своего, кромѣ зла и заблужденія, важно объясняемъ таинственное созданіе необъятнаго океана вселенной, ея законы, сущность и конечную ея цѣль; перѣдко отвращаемъ глаза отъ луча Религіи, падающаго на землю съ неба; идемъ вслѣдъ за какимъ-нибудь блудящимъ огнемъ, за ничтожными земными свѣтльниками, и

гордо восклицаемъ: Слава XIX вѣку! который въ ряду тысячелѣтій промелькнетъ, какъ мигъ, и сокроется незамѣтно и невозвратно въ безднѣ прошедшаго, со всеми нашими системами и заблужденіями.»

— Что это они за дичь пориать? шепнулъ Антропу Ермолаичу на ухо помѣщикъ, убившій зайца, кулика и щуку однимъ выстрѣломъ. А все этотъ Левмоевъ затѣялъ! Спроси-ка его о чемъ-нибудь еще, да одурачь хорошенько!

— Позвольте предложить вамъ еще вопросъ, скажаль, подумавъ, Антропъ Ермолаичъ. Вы говорили о землѣ, кажется. Нескажете ли намъ, что такое, примѣромъ сказать, воздухъ, или, пожалуй, море?

— Земля составляетъ живой организмъ; атмосфера есть грудь, которою она дышитъ, а море есть брюхо, которымъ она варить.

— Что тебѣ за охота, шепнулъ Бѣльскій Артемію: говорить здѣсь, о философскихъ предметахъ? Тебя никто не понимаетъ. Раскаиваюсь, что я поддержаль нашъ давешній разговоръ! Лучше бы было потолковать о сѣнокосѣ, оброкѣ, собакахъ, — и мало ли занимательныхъ предметовъ!

— Откуда вы заимствовали такое опредѣленіе воздуха и моря? спросилъ Прохоръ Сергѣичъ съ лукавою усмѣшкою.

Артемія назвалъ автора, котораго слава тогда гремѣла въ Германіи.

— Что же такое варится въ морѣ? спросилъ Прохоръ Сергѣичъ.

— Какъ что! воскликнулъ Антропъ Ермолаичъ. «Рыба варится. Селедки, осетры, киты — все варятся. То-то будетъ уха! Этакій даже у васъ, Иванъ Акинѣевичъ, никогда не бывало!

Все захохотали этой выходкѣ прикланнаго, кромѣ Бѣльскаго и его сестры.

Артемію кровь бросилась въ голову отъ негодова-нія. Онъ хотѣлъ что-то отвѣчать; но Бѣльскій, схвативъ его за руку, началъ ему говорить на ухо. Въ это же время Артеміи привѣтилъ, что Наталья смотрѣла на него съ такимъ нѣжнымъ состраданіемъ, съ такимъ участіемъ во взорѣ, что гнѣвъ его развѣлся, какъ ѣдкій дымъ отъ дуновенія веснянаго, благоухающаго вѣтерка. Загребли стулья, и все гости встали изъ-за стола. Начали разносить кофе. Бѣльскій, опасаясь, чтобъ Артеміи не вздумалъ при всемъ собраніи проучить Антропа Ермолаича за его дерзость, взялъ сестру свою подъ руку, и пошелъ съ нею въ садъ Ивана Акинѣевича, пригласивъ и Артемія вмѣстѣ съ ними освѣжиться чистымъ воздухомъ.

— Что это тебя вздумалось, Артеміи, сказалъ Бѣльскій: метать бисеръ передъ гостями Пуговицына. Воля твоя, ты очень страненъ. И тому, кто занимался новѣйшею Философіею, языкъ ея кажется иногда темною водою въ облакахъ небесныхъ, какъ говоритъ пословица; а ты вздумалъ толковать о философіи въ селѣ О-скаго уезда!

— Ты самъ, какъ я замѣтилъ, не понялъ и не оцѣнилъ моего намѣренія. Ты такой же антогонистъ науки наукъ, какъ и все гости Пуговицына.

— А! да ты сердисься на меня. Не стыдно ли на стараго друга сердиться за разность въ мнѣніяхъ. Я даю тебе слово никогда не спорить съ тобою. Привязанность друга для меня гораздо важнѣе, чѣмъ построеніе веселочной потворому или по моему плану. Вселенная, право, и безъ нашего старанія прекрасно устроена, и намъ нечего заботиться объ ея началѣ, сохраненіи и цѣли.

— Потвоему, наши мелкія эгоистическія страсти, напримѣръ, дружба, любовь, важнѣе и привлекательнѣе гигантскихъ успѣховъ высшаго вѣдѣнія въ этомъ знаменитомъ XIX вѣкѣ.

— Я имѣю свой еѣботвенный образъ мыслей, и не увлекаюсь никакими чужими мнѣніями. Меня не ослѣпляетъ вычурный, нестерпимый языкъ, которымъ проповѣдываютъ очень часто самыя простыя, давно навѣстныя истины, или старыя мнѣнія, для того только, чтобы простодушный или молодой читатель лемалъ голову надъ философскою книгою, какъ надъ безтолковою шарадою, и, не понявъ автора, смирялся предъ его глубокомысліемъ, и прославлялъ его всюду, какъ новое свѣтило мудрости. Въ Германіи есть причина, заставляющая писать этимъ оракульскимъ языкомъ. Ученый издаетъ книгу, которую самъ съ трудомъ понимаетъ. Пріятельское перорецензента поднимаетъ ее выше содымаго неба: Начинаютъ книгу читать, и чѣмъ болѣе читаютъ, тѣмъ менѣе понимаютъ. Поневоля надобно итти слушать лекціи ученаго автора, который мало-по-малу разрѣшаетъ недоумѣнія, разгоняетъ туманъ, тяготяющій надъ его книгою, и всѣ наконецъ видятъ, что —

Ларчикъ просто открывался.

Между-тѣмъ учепый, открывая ларчикъ, кладетъ въ него гонорарій, который платятъ ему слушатели, и дѣло въ шляпѣ. Всѣ довольны, и учитель и ученики. Последніе, когда прійдетъ пора, начинаютъ подражать въ слогъ наставнику, и пишутъ, пишутъ, одинъ мудренѣе другаго. У насъ, слава Богу, нѣтъ подобной причины; между-тѣмъ, къ сожалѣнію, нельзя не замѣтить, что и у насъ появляются, вмѣстѣ съ жпцетамн и фраками, ешитыми по-Парижски, книжки и статейки, скроепныя помѣркв и неуклюжимъ образцамъ Нѣмецкихъ мастеровъ. Но для чего намъ, Русскимъ, писать

также кудряво и темно? Это для меня столько же непонятно, какъ самая отчаянная вступительная лекція какого-нибудь рыцаря туманной фигуры, искателя философскихъ приключеній.

— Послушай, Бѣльскій! вскричалъ Артемій. Я не позволю тебѣ говорить мнѣ въ глаза дерзости. Ты меня сравнилъ съ Донъ-Кихотомъ, но ты самъ Донъ-Кихоть XIX вѣка! Завтра въ шесть часовъ утра я прошу тебя ко мнѣ, для объясненія. Прощай!»

— Что ты, Артемій! кричалъ Бѣльскій, стараясь нагнать Левкоева. Я вовсе не думалъ говорить на твой счетъ.

Между-тѣмъ Артемій взбѣжалъ на крыльцо и хлопнулъ за собою дверью такъ сильно, что два стекла въ ней разлетѣлись въ дребезги.

Бѣльскій поспѣшно воротился къ сестрѣ, которая осталась въ саду. Онъ нашелъ ее на пригоркѣ, въ рѣшетчатой бесѣдкѣ, откуда видны были живописныя окрестности села.

— Что это мой, другъ? Ты плачешь? спросилъ Бѣльскій, взявъ сестру за руку.

— Ахъ, mon frèге! что съ нимъ сдѣлалось? Онъ совсѣмъ перемѣнился!

— Ну, такъ что жъ? Конечно, очень жаль добраго Артемія: но о чемъ же тебѣ такъ плакать? Скажи мнѣ откровенно: развѣ ты его все попрежнему любишь?

— Зачѣмъ онъ перемѣнился? отвѣчала Наталья, продолжая плакать.

— Лѣта перемѣняютъ человека, мой дружечекъ. Притомъ онъ много путешествовалъ, учился долго въ Германіи у извѣстнѣйшихъ ученыхъ.....

— Охъ ужъ эти ученые! сказала сквозь слезы Наталья, топнувъ своею прелестною ножкой. Ахъ, милый братецъ, мнѣ такъ грустно; такъ грустно!...

— Полно, мой ангелъ, горевать, продолжалъ Бѣльскій, поцѣловавъ сестру. Артемій молодъ; можетъ переимѣниться.

— Да!... переимѣниться! отвѣчала печально Наталья. Онъ, кажется, немножко помѣшанъ. Скажи, братецъ, пожалуйста! Неужели онъ немножко помѣшанъ въ самомъ дѣлѣ?

— Нѣтъ, я незамѣтилъ. Онъ только страстно любить философію, такъ, что страсть его доходитъ до смѣшнаго.

— Мнѣ совсѣмъ не до смѣха теперь, mon frère!... Любить Философію! Нашелъ кого любить! Пусть бы сходилъ съ ума отъ любви, только не къ этой глупой Философії. Это было бы все-таки простительнѣе.

— Ахъ ты смѣшная дѣвочка! Ну, полно же горевать! Я вижу, кого бы можно было любить Артемію, не подвергалась твоему гнѣву. Утри свои слезки, и пойдемъ въ залу. Положись на меня. Будь увѣрена, что я ничего не упушу сдѣлать, что нужно для твоего счастья. Завтра Артемій звалъ меня къ себѣ, для объясненія. Мы помиримся, и я надѣюсь, что, со-временемъ Философії въ свою очередь прійдется по-твоему плакать и досадовать на Артемія.

Тѣмъ временемъ, какъ Артемій съ Бѣльскимъ и его сестрою былъ въ саду, капитанъ Пуговницынъ, вызвавъ изъ залы свою супругу въ уединенную дѣвичью, рѣшилъ съ нею безъ спора и прекословія — случай очень рѣдкій, — что по всѣмъ расчетамъ должно изъяснить согласіе на предложеніе Артемія. Призвали дочь Сашеньку, и спросили: согласна ли она выйти замужъ за Левкоева.

Она потушила глаза и не отвѣчала ни слова.

— Что жъ ты молчишь? сказалъ Пуговицынъ.

— Онъ мнѣ не нравится, батюшка! проговорила Сашенька сквозь зубы, теребя батистовый платокъ свой обѣими руками.

— Какъ не нравится? Почему не нравится? воскликнула Мавра Антоновна.

— Да онъ, матушка, сумасшедшій!

— Сама ты, мать моя, сумасшедшая! Кто это тебѣ сказалъ про него такую небылицу?

Сашенька молчала, продолжая теребить платокъ.

— Говори же! сказалъ строго Пуговицынъ. Съ чего взяла ты, что онъ сумасшедшій? Этакой вздоръ забрала въ голову! У человѣка девятьсотъ душъ, четыре мукомольныя мельницы, три вѣтряныя и одна водяная, ни одной души въ залогъ, — и сумасшедшій! Смотри, пожалуй!

— Я знаю, кто ей надуль это въ уши! замѣтила Мавра Антоновна. Что, небось, покраснѣла? А, а!

— Ну такъ и есть, и я догадываюсь, подхватилъ капитанъ. Вѣрно эта приказная душа, Антронка, у котораго нѣтъ ни одной души, да который и души мѣять не можетъ, потому, что ему до 8-го класса такъ же далеко, какъ кулику до Петрова дня.

— Ужъ не бывать тебѣ за нимъ, за плутомъ! вскричала Мавра Антоновна. Выкинь ты его изъ головы. Видишь, хочеть онъ подѣхать къ нашему приданому! — да мы-то не промахи. Приданое порядочное; и не такой тебя возьметъ.

— Что жъ дѣлать мнѣ, любезный батюшка и любезная матушка, коли онъ мнѣ по сердцу пришелся!

— Какъ! воскликнулъ капитанъ. Ты смѣешь возставать противъ законной родительской власти! Молчи и дѣлай, что велятъ. Сегодня же тебя помолчимъ за Артемія Петровича. Пошла въ залу!

Сащенька утерла платкомъ наверхнувшіяся слезы, и выщипавъ, пригорюнясь, къ гостямъ.

Между-тѣмъ ея обожатель, Антропъ Ермолаичъ, сидя въ дощевой конторѣ капитана, у изрѣзаннаго и задрочканнаго стола, что-то писалъ съ такимъ жаромъ, что скрипъ пера слышанъ былъ за три комнаты. Листъ бумаги, передъ нимъ лежавшій, былъ уже почти весь исписанъ. Передъ нимъ стояла помадная бабка, налитая чернилами, и лежала грудка песку, взятая изъ плевальницы. При слабомъ свѣтѣ сальнаго огарка, вставленнаго въ горлышко пустой бутылки, можно было рассмотреть на лицѣ Антропа Ермолаевича слѣды сильной душевной бури. По-временамъ онъ такъ громко щелкалъ, вырывая изъ тавлинки крышку, что слышанъ на лежанкѣ котъ вздрагивалъ и мяукалъ отъ испуга. Понюхавъ торопливо табуку и поставивъ въ то же время запятую, секретарь продолжалъ писать. Вѣрно никогда не писывалъ онъ ни одной бумаги съ такимъ самозабвеніемъ, съ такимъ усердіемъ. Восточный поэтъ, взглянувъ на него, вѣрно бы написалъ стихъ, и назвалъ бы его секретаремъ секретарей. Наконцѣ, перо Антропа Ермолаича съ шумомъ черкнуло по листу нѣсколько извивовъ, подобно молніи; ударъ тавлинки раздался еще разъ, и гроза окончилась песочнымъ дождемъ. Онъ всталъ, потеръ руки, утеръ платкомъ потъ съ чела, и, спрятавъ бумагу въ карманъ, явился опять въ залъ. Артемій былъ уже тамъ, и напрасно искалъ навсѣхъ окошкѣхъ и во всѣхъ углахъ своей шляпы, — и не мудрено, потому, что ее убрали въ чуланъ вмѣстѣ со шляпами, картузами и фуражками прочихъ гостей, которые ни мало не заботились объ этихъ принадлежностяхъ, ежедневно бывающихъ на головѣ, чувствуя, что у нихъ было что-то необыкновенное въ головѣ.

Цуговицынъ и жена его, послѣ ухода дочери, поговоривъ еще о необходимости выдать ее замужъ за Лев-

коева, хотѣли ужъ итти къ гостямъ, какъ вдругъ лысый дворецкій ихъ предсталъ передъ нихъ съ блѣднымъ и встревоженнымъ лицомъ.

— Батюшка, Иванъ Акинѣевичъ! матушка, Мавра Антоновна! проговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ. Бѣда-съ приключилась, превеликая бѣда!

— Что такое? воскликнула жена и мужъ въ одинъ голосъ.

— Да два стекла въ дверяхъ - съ, чрезъ которую въ садъ входятъ, разбилъ....

— Такъ! воскликнулъ капитанъ. Вѣтеръ, не бось, разбилъ! Этакіе вы мошенники! Ни зачѣмъ посмотреть не хотятъ. Вѣтеръ хоть весь домъ господскій разломай въ щепки, имъ и горя мало. Этакое хамово поколѣніе!

— Ногъ подь собой, отецъ родной Иванъ Акинѣевичъ, сегодня не слышу. Весь день съ утра раняго все хлопоталъ и усердствовалъ; вотъ ужъ сорокъ лѣтъ служу вашей милости вѣрой и правдой, такъ ужъ мнѣ не приходится, чтобъ вѣтеръ посмѣлъ бить стекла въ вашихъ барскихъ дверяхъ.

— На словахъ-то вы все усердны.

— Нѣтъ, батюшка! Вѣтру бы не разбить никогда стеколь, а разбилъ ихъ Артемій Петровичъ.

— Какъ такъ?

— Да нашло, что ли, на него, — не вѣдаю! Только такъ изволилъ хлопнуть дверью, что стеколь какъ не бывало! Меня холоднымъ потомъ такъ и облило. Ахти бѣда какая! — думаю я самъ про себя. — Безъ вины виновать!

— Ну, поди, стекла не сто рублей стоятъ! Новыя поставимъ.

Камердинеръ, низко поклонившись, удалился.

— Что это значить? сказала Мавра Антоновна. Ужъ не впрямъ ли онъ помѣшался?

— Вотъ вздоръ какой! Ну, просто махнулъ дверью. Дѣло молодое, дворянское!

— А за столомъ-то онъ что-то больно нескладно говорилъ! Всѣ, вѣдь, смѣялись. Даже его превосходительство Прохоръ Сергѣичъ изволилъ усмѣхаться.

— Конечно, онъ говорилъ мудрено: да ужъ и всѣ вѣдь ученые говорятъ не лучше! Всѣ на одинъ покрой: занесутъ такую околесицу, что Святыхъ вонъ повеси! Что дѣлать-то! Не онъ одинъ нынѣ въ этихъ наукахъ, — провалился онъ сквозь землю! — обращается. Пойдемъ же скорѣе въ залу. Я обѣщаль поговорить съ нимъ послѣ обѣда, наединѣ. Чай, ретивое-то у него куда-какъ бьется! Вѣрно онъ думаетъ, какъ и всякой женихъ: Ну если, неравно, откажутъ, пропала моя головушка! Надобно скорѣе молодца обрадовать: что его долго мучить!

Они вошли въ залу, гдѣ всѣ гости, кромѣ Артемія, Бѣльскаго и Антропа Ермолаича, сидѣли уже за карточными столами. Артемій, сложа руки по-Наполеоновски, смотрѣлъ съ мрачнымъ и задумчивымъ видомъ въ окно, и ожидалъ нетерпѣливо своей шляпы, которую побѣжалъ слуга отыскивать. Бѣльскій подошелъ къ нему, для объясненія; но Артемій и не оглянулся, сказавъ отрывисто: — Мы завтра съ тобой объяснимся; пріѣзжай въ назначенный часъ съ секундантомъ.

— Явлюсь, отвѣчалъ тихо Бѣльскій, и, отойдя отъ Артемія, приблизился къ столу, за которымъ сражались Прохоръ Сергѣичъ и Адамъ Фомичъ съ двумя помѣщиками, старшими по чинамъ изъ всѣхъ гостей Пуговицына. Этотъ столъ, поставленный на первомъ мѣстѣ, въ правой сторонѣ залы, отличался отъ прочихъ восковыми свѣчами, кусками мѣла, выкрашенными до половины и не маравшими рукъ, золотобрѣзными картами безъ переломанныхъ угловъ и

безъ всякаго другаго увѣчья, нанесеннаго на сраженіи въ банкъ; наконецъ сукномъ, отличавшимся свѣжею, весеннею зеленою, безъ кружковъ отъ пуншевыхъ стакановъ и пивныхъ кружекъ, и безъ всякихъ другихъ пятенъ, необъяснимое происхожденіе которыхъ, теряющееся во мракъ протекшихъ временъ, безъ-сомнѣнія етолько же бы возбудило жаркихъ споровъ, остроумныхъ догадокъ и глубокомысленныхъ предположеній, какъ и происхожденіе пятенъ на солнцѣ, если бъ эти двѣ задачи предложить ученому обществу въ Германіи, назначивъ за лучшее рѣшеніе ихъ достаточную премію.

Между-тѣмъ развитіе человѣчества, это конечное его назначеніе, по непреложнымъ законамъ всеобщаго организма природы и духа, подвигалось впередъ чрезъ напряженіе умственной дѣятельности, обращенной на вычисленія трефовъ, пикъ, бубень и червей, — четырехъ элементовъ, составляющихъ сущность всякой колоды. Эти элементы, мѣшаясь и разъединяясь органическою силою рукъ, снова соединялись на срединѣ стола, и обращались потомъ во взятки, яснѣе же сказать, стремились по периферическимъ законамъ и въ силу акта притягиванія къ главной точкѣ, къ центру, порождая этимъ процессомъ существа недѣлимыхъ, которыя, совершивъ кругъ бытія своего, снова сливались съ цѣлымъ, теряли индивидуальность и обезличивались, и тѣмъ самымъ доказывали свое тожество, Indifferenz.

Новая идея о человѣчественномъ общемъ духѣ также оправдалась здѣсь совершенно. Всѣ сидѣвшіе за карточными столами, несмотря на рѣзкое различіе характеровъ, образованія и силъ умственныхъ, почти *обезличились* и составили нѣчто единое, цѣлое, тождественное, потерявъ кажущуюся противоположность. *Всякой* сдавалъ карты, бралъ взятки, стучалъ рукою

по етому, перебивая простую масть козыремъ, прихлебывалъ пуншь точно такъ же, какъ и всѣ другіе. Ясно было видно во всѣхъ проявленіе *общаго чело-вѣчественнаго духа*, и ни какой скептикъ не усомнился бы, глядя на это проявленіе, въ справедливости новой, отважной и ничѣмъ еще недоказанной идеи.

Антропъ Ермолаичъ, къ сожалѣнію, помѣшалъ этому проявленію; вызвавъ въ другую комнату изъ-за карточного стола помѣщика, убившаго разомъ кулика, зайца и щуку, да другаго дворянина, съ нимъ игравшаго. Обѣ эти особы были опекунами надъ имѣніемъ Артемія во время его малолѣтства, вѣсть съ его дядю. Увѣривъ ихъ, что Артемій хочетъ подать на нихъ просьбу о взысканіи съ нихъ убытковъ, причиненныхъ ему безпечностію и злоупотребленіями опекуновъ, онъ предложилъ имъ способъ избавиться этой неприятности. Оба начали обнимать и цѣловать Антропа Ермолаича. Хотя и говорили они, что боятся имъ нечего, что они *опекали* имѣніе Левкоева добросовѣстно и по точной силѣ законовъ, однако жъ съ радостію согласились на предложенныя секретаремъ мѣры предосторожности. Антропъ Ермолаичъ далъ имъ подписать сочиненную имъ въ домовою конторѣ Пуговицына бумагу, и, положивъ ее снова въ карманъ, вошелъ опять съ бывшими опекунами въ залу. Последніе не съли уже за игру, а начали вызывать поодиначкѣ изъ-за карточныхъ столовъ своихъ пріятелей въ другую комнату, гдѣ каждый, по убѣжденію ихъ, подписывалъ бумагу Антропа Ермолаича. Такииъ образомъ набралось уже до пятнадцати подписей, которыя всѣ начинались словами: — «Вѣтомъ же свидѣтельствую и подписуюсь,» а оканчивались раз-нообразными росчерками и крючковатыми фигурками, которыхъ формы, существа и достаточной при-чины не опредѣлить бы и не отыскать ни какой фи-

лософъ, ни синтетическимъ, ни аналитическимъ способомъ.

Въ то время, какъ одинъ помѣщикъ, вызванный изъ-за игры, подписывалъ бумагу Антропа Ермолаича, Пуговицынъ и жена его, окончивъ совѣщаніе объ отвѣтѣ Артемію, изъ дѣвичьей отправились въ залу, и мимоходомъ увидѣли, что одинъ изъ гостей ихъ что-то писалъ по диктовкѣ Антропа Ермолаича. Пуговицына, косвенно бросивъ гнѣвный взоръ на секретаря, вошла въ залу, а мужъ ея, подойдя неожиданно къ подписывавшему бумагу, началъ ее читать.

— Дѣло не до васъ касается, почтеннѣйшій Иванъ Акинѣевичъ! замѣтилъ учтиво Антропъ Ермолаичъ.

— Вотъ онъ что изволилъ затѣять! воскликнулъ съ жаромъ Пуговицынъ, схвативъ бумагу и помѣшавъ гостю додѣлать окончательную фигуру его подписи. Да допущу ли я это у себя въ домъ! Хозяинъ я здѣсь или нѣтъ? Прошу не прогнѣваться, Антропъ Ермолаичъ, я этого не позволю! Съ согласія всѣхъ моихъ почтенныхъ гостей, подписавшихъ эту бумагу, я ее брошу въ печь. Ужъ вы меня извините!

Не слушая возраженій Антропа Ермолаича, капитанъ сунулъ бумагу въ карманъ и вошелъ въ залу. Поуспокоясь, онъ приблизился къ Артемію, все еще стоявшему у окна, взялъ его за руку и увелъ въ свой кабинетъ.

— Что вамъ угодно? спросилъ Артемія.

— Вы желали объясниться со мной послѣ обѣда наединѣ; хотѣли мнѣ сдѣлать какое-то предложеніе.

— Да, точно; у меня было одно важное намѣреніе, но....

— Сдѣлайте одолженіе, не робѣйте, любезнѣйшій Артемія Петровичъ! Скажите мнѣ прямо, что у васъ на сердцѣ. Я васъ искренно люблю и почитаю.

— Увольте отъ объясненія. Я безъ того чрезвычайно разстроенъ! Прикажите, прошу васъ, отдать мнѣ шляпу. Мнѣ сказали, что она заперта въ чуланъ, а ключъ у васъ.

— Отъ всей души сожалѣю, что вы такъ разстроены, и догадываюсь отъ чего; но будьте покойны. Вамъ никто не помѣшаетъ въ вашихъ намѣреніяхъ.

— Я переѣнилъ уже мое намѣреніе: что жъ объ этомъ говорить!

— Какъ переѣнили? отъ чего?

— Отъ того, что не пришло еще, видно, время его исполнить. Я хотѣлъ дѣйствовать съ самозабвеніемъ, жертвовать собою для блага другихъ, но увѣрился, что никто здѣсь не въ состояніи цѣнить моего самопожертвованія и понимать меня. Прикажите отдать мнѣ шляпу.

— Извините, любезнѣйшій Артемій Петровичъ! Я первый васъ понялъ, совершенно понялъ. Прошу васъ, будьте со мной откровенны. Право, не раскаетесь!

— Прикажите отдать мнѣ шляпу. У меня голова болитъ; мнѣ нужно поспѣшить домой.

— Болитъ голова отъ сильнаго безпокойства. Я самъ былъ въ вашемъ положеніи, и очень знаю, каково оно! Уважая и любя васъ, я не рѣшусь отдать вамъ шляпу, пока вы не успокоитесь. Для этого необходимо нужно откровенное между нами объясненіе. Не беспокоитъ ли васъ Антропъ Ермолаичъ? продолжалъ Пуговицынъ, съ умильною улыбкою, взявъ Артемія за руку. Я первый подамъ вамъ примѣръ откровенности.

— Я велю мовѣ людямъ поколотить этого дерзкаго неуча!

— Ну такъ! Я угадалъ!... Дѣло-то, я вижу, пошло на откровенность!... Но неужели вы думаете, что онъ

опасный для васъ соперникъ? Можетъ-быть, онъ успѣлъ васъ напугать чѣмъ-нибудь, но не безпокойтесь! Онъ вамъ ни въ чемъ не помѣшаетъ. Плутъ завтѣля-было штуку: да я не промахъ! Если онъ осмѣлится какъ-нибудь еще противъ васъ дѣйствовать; то будь я подлець, если не обрублю ему ушей и носа! А между прочимъ, не угодно ли взглянуть на бумагу, которую я у него отнялъ. Вы изъ этого ясно увидите, что я наперсдъ уже объ васъ забочусь, какъ о любезномъ и почтенномъ родственникѣ.

Артемій, прочитавъ бѣгло бумагу, бросилъ ее на полъ. Отъ негодованія онъ долбо не могъ ничего сказать.

— Я буду жаловаться лично губернатору! проговорилъ онъ наконецъ. Ради Бога, прикажите отдать мнѣ шляпу; Иванъ Акинѣевичъ!

— Для чего жаловаться? Совсѣмъ теперь не нужно. Я это жаранье сегодня же сожгу, сказалъ капитанъ, поднимая бумагу съ пола. Неужели вы все думаете, что онъ успѣетъ какъ-нибудь помѣшать вашему счастью?

— Я не понимаю, о чемъ вы говорите. Позвольте мнѣ уѣхать домой. Вы не повѣрите, какъ я разстроенъ.

— Передъ радостью, любезнѣйшій Артемій Петровичъ! Да что намъ долго съ вами толковать и говорить обиняками. Скажу вамъ прямо, по-военному! Саша васъ всѣмъ сердцемъ любитъ, и мы, то есть, я и жена моя, согласны. Ну что? продолжалъ онъ, глядя съ улыбкою на Артемія и ожидая, что онъ бросится его обнимать отъ радости. Головъ вашей стало теперь, безъ-сомнѣнн, легче? Прикажете теперь отдать вамъ шляпу?

— Прошу васъ покорнѣе объ этомъ! Меня сегодня хотятъ въ самомъ дѣлѣ съ ума свести!

— Какъ? Что это? воскликнулъ Пуговицынъ, вскочивъ со стула и глядя въ недоумѣшии на Артемія.

— Я васъ отъ всей души благодарю за лестное предложеніе; но не могу, къ сожалѣнію, принять его.

— Помилуйте! Это ни на что не похоже! Не вы ли сами предложили, просивъ меня прежде объѣда... Да в теperь... Тѣфу пропасть! У меня голова кружится!

— Не понимаю, съ чего вы могли взять, что я сватаюсь. У меня и мысли объ этомъ не было.

— Ну какъ же вамъ не стыдно! Прилично ли дворянину такъ поступать? Мысли не было, а всѣ между гостями наши какъ въ трубу трубятъ, что вы именно прѣехали ко мнѣ сегодня просить руки моей дочери.

— Увѣряю васъ честью, что никогда и не думалъ объ этомъ.

— Нѣтъ, милостивый государь! Это уже слишкомъ! Я не позволю никому шутить со мною. Какъ можно сдѣлать предложеніе, распустивъ объ этомъ слухъ по всему свѣту, и потомъ передумать и отказываться. Это, сударь, позвольте вамъ сказать, не благородно, дурно, не хорошо!

— Очень жаль, но позвольте проститься съ вами.

— Нѣтъ, сударь! Вы такъ легко не раздѣляетесь со мною! Я поустарѣлъ, но пистолеты мои не состарѣлись! Вы понимаете?»

— Понимаю! Что-жъ вамъ угодно?

— А то, сударь, чтобъ вы одумались: иначе прошу васъ завтра въ пять часовъ утра явиться ко мнѣ. Пистолеты будутъ готовы, къ вашимъ услугамъ.

— Завтра поутру мнѣ нельзя явиться.

— Почему, сударь?

— Есть причина.

— Пустое! Въ пять часовъ утра непременно! Слышите ли?

— Извольте, приѣду. Шляпу мою!

Пуговицынъ досталъ ее изъ чулана, и отдалъ Артемию. Онъ бросился въ бричку, и велѣлъ гнать лошадей во весь опоръ къ своему дому.

Ахъ, онъ молокососъ! размышлялъ Пуговицынъ, идя въ залу. Я его заставляю жениться! Небось, струсить пистолетовъ - то. Ну а если не струсить, тогда худо, очень худо! Не знаю, что и дѣлать!

— Сумасшедшій - то тебя на дуэль вызвалъ! воскликнула Мавра Антоновна, обнявъ мужа, едва успѣвшаго отворить дверь въ залу. Не бойся, мой другъ! Его не допустятъ чинить такія сумасбродства и разбойничать!

— Дуэли по закону строжайше запрещены! замѣтилъ Антропъ Ермолаичъ.

— Какъ? Кто это насъ осмѣлился подслушать? сказалъ Пуговицынъ.

— Ужъ кто бы ни подслушалъ, все равно! отвѣчала Мавра Антоновна. Дѣло не въ томъ. Надобно сумасшедшаго - то унять. Вотъ, о чемъ прежде подумать нужно.

— Пожалуйте, Иванъ Акинѣевичъ, бумагу, которую я подписалъ! сказалъ помѣщикъ, убившій кулика съ зайцомъ и щукою. Она у васъ въ карманъ. Пустимъ ее въ ходъ, такъ и дуэли вамъ нечего опасаться.

Слава Богу! подумалъ обрадованный Пуговицынъ, по замѣтилъ вслухъ, отдавая бумагу: — Я, милостивый государь, не трусь, и не испугаюсь ни какой дуэли!

— Объ этомъ слова нѣтъ, Иванъ Акинѣевичъ! продолжалъ помѣщикъ. Позвольте васъ только спросить, согласны ли будете дополнить эту бумагу двумя пунктами и подписать ихъ. И мы всѣ за вами подпишемъ.

— Какими пунктами? Я ничего не понимаю.

— А вотъ изволите видѣть. Этотъ документъ представимъ въ Судъ для доказательства, что Левкоевъ помѣшался, и что поэтому слѣдуетъ учредить надъ нимъ опеку. Это хорошая, сильная бумага; только два еще лишніе пунктика не помѣшали бы. Согласны вы таковыя прибавить?

— Я подумаю. Прочитайте прежде бумагу.

— Съ охотой.

«Мы, нижеподписавшіеся, симъ свидѣтельствуемъ, что въ бытность нашу сего Сентября мѣсяца втораго дня въ гостяхъ, по случаю его тезоименитства, у помѣщика здѣшней губерніи О—скаго уѣзда господина капитана и кавалера Ивана Акинѣева сына Пуговицына, вмѣстѣ съ помѣщикомъ того же уѣзда изъ дворянъ не у дѣлъ Артеміемъ Петровымъ сыномъ Левкоевымъ, который во время происхожденія объединнаго стола оказался внезапно одержимымъ сильнѣйшимъ помѣшательствомъ въ разсудкъ, чему всему служить явнымъ доказательствомъ нижеслѣдующіе пункты:

«1) Онъ Левкоевъ, между прочимъ, оказывая весьма малый аппетитъ и показывая тѣмъ явно болѣзненное свое состояніе, безъ всякаго повода и причины началъ утверждать вслухъ, что яко бы людей всякаго чина, званія и пола слѣдуетъ развѣвать: но развѣвать возможно что-либо прежде свитое. Сверхъ-того, объявилъ весьма подробно, какъ устроены солнце, земля и мѣсяць, какъ-бы самъ при всемъ томъ свидѣтелемъ находился, чего никогда не было, да и быть не могло. За тѣмъ —

«2) Тотъ же Левкоевъ оказалъ явное помѣшательство, объявивъ предъ всеми гостями, безъ всякаго впрочемъ малѣйшаго поползновенія къ шутовству или

для ради связи, что воздухъ есть не что иное, какъ грудь, чрезъ которую происходитъ дыханіе земли, а равнымъ образомъ море слѣдуетъ яко бы считать брюхомъ оной, въ которомъ варится, а что — сего не объяснилъ. Но всякому, даже маловозрастному, известно, что земля ни какого дыханія производить никогда не можетъ, да и море не имѣеть ни малѣйшаго сходства и касательства съ животомъ человѣческимъ, что самое и служить явнымъ доказательствомъ совершеннаго въ умъ его разстройства, которое —

«3) Доказывается еще и тѣмъ, что упомянутый Левкоевъ, прибывъ, безъ всякаго приглашенія къ столу вышеозначеннаго капитана Пуговицына, объявилъ, многимъ особамъ, что онъ намѣревается вступить въ бракъ, упустивъ изъ виду, что, вступать въ таковой, съ сумасшедшими, воспрещено по законамъ, коица

«4) Равномѣрно предписываютъ брать имѣніе таковыхъ въ опеку, до совершеннаго излеченія; имѣнія же за Левкоевымъ состоятъ, здѣшней губерніи и уѣзда въ селѣ Молотиловъ, Колначково то жъ, девять сотъ слишкомъ ревизскихъ мужеска пола душъ, каковыя по случаю помѣшательства помѣщика легко могутъ подвергнуться всеконечной утратѣ и слѣдуемо-му неминуемо разоренію. Притомъ —

«5) Вышесказанный Левкоевъ отставнаго ротмистра Валентина Павлова сына Бельскаго, здѣшняго же уѣзда помѣщика, забывъ давнюю пріязнь ихъ и короткоезнакомство, и вызвавъ безъ всякой причины и въ противность законовъ на поединокъ, тѣмъ самымъ...»

— Позвольте остановить васъ! сказалъ Бельскій. Съ чего вы это взяли?

— Да развѣ не назначилъ вамъ Левкоевъ пріѣхать къ нему завтра въ шесть часовъ, съ секундантомъ?

— Чѣмъ вы это докажете?

— Тѣмъ, что это вы исполните.

— Если бы и такъ, то я не прошу никого мѣшаться въ чужія дѣла. Я не допущу подать эту бумагу.

— Больше пятнадцати человекъ ее подписали, и вы не имѣете права имъ приказывать. Мы знаемъ, что дѣлаемъ.

— Или впрочемъ подавайте! Я найду средство защитить моего друга отъ такой клеветы.

Простаясь съ хозяиномъ и хозяйкою, Бѣльскій съ сестрою уѣхалъ.

— Осмѣлюсь спросить, какое ваше мнѣніе, ваше превосходительство Прохоръ Сергѣевичъ: можно ли намъ пустить въ ходъ бумагу? спросилъ униженно Пуговицынъ у Прохора Сергѣича, сидѣвшаго на софѣ съ Адамомъ Оомичемъ.

— Я въ чужія дѣла не мѣшаюсь! отвѣчалъ тотъ сухо.

— Это и мое правило! замѣтилъ Адамъ Оомичъ.

Какъ ни упрощивалъ Пуговицынъ, чтобъ они остались у него почевать, но и уѣздная комета и хвостъ ея уѣхали, вѣроятно обидясь тѣмъ, что хозяинъ мало ими занимался въ теченіе вечера, и мало имъ клатаялся.

— Согласны ли будете, Иванъ Акинѣевичъ, прибавить два пунктика, о которыхъ я говорилъ? спросилъ помѣщикъ, читавшій бумагу.

— Да какіе, о чемъ?

— Во-первыхъ о томъ, что Левкоевъ сегодня вздумалъ свататься къ вашей любезной дочери, сегодня же раздумалъ, и вызвалъ васъ въ помѣшателство разсудка на дуэль; во-вторыхъ о томъ, что онъ въ помѣшателствѣ же разбилъ два дорогія стекла въ вашихъ дверяхъ.

— Извольте писать, я согласенъ. Надобно означить однако жъ мѣру и цѣну стеколъ. Полузеркальныя, по 18 вершковъ длины, и по 14 съ половиною ширины, заплачены, когда стекла продавались почти за безцѣнокъ, по двадцати съ полтиной каждое.

— Взыщемъ съ Левкоева; не жалѣйте вашихъ стеколъ, Иванъ Акинѣевичъ.

Дополнили бумагу и подписали. Потомъ гости Пуговицына, оставшіеся у него ночевать, рослили еще нѣсколько бутылокъ вина и штофа два наливки, и отправилсь въ разныя комнаты, въ объятія Морфея.

Хотя прошло съ тѣхъ поръ около десяти лѣтъ; но, къ сожалѣнію, неизвѣстны послѣдствія происшествій этого дня. Очень хотѣлось бы узнать, излечился ли Левкоевъ отъ своей мономаніи; удостовѣрился ли онъ въ справедливости сказаннаго Нѣмецкими писателями, что новѣйшая Германская Философія не есть кабинетная наука, а необходимое для жизни знаніе, полезное для человѣка во всѣхъ возможныхъ положеніяхъ и отношеніяхъ. Также не имѣемъ мы свѣдѣній, разлюбила ли Наталья Левкоева или нѣтъ, вышелъ ли братъ ея съ Артеміемъ на поединокъ или примирился съ нимъ; какъ отдѣлался Пуговицынъ отъ поединка съ Артеміемъ, получилъ ли Прохоръ Сергѣичъ важное мѣсто; опредѣлилъ ли при себѣ Адама Ѳомича; женился ли Антропъ Ермолаичъ на Сашѣ. До насъ дошло только одно вѣрное извѣстіе, что бумага Антропа Ермолаича пущена была немедленно въ ходъ, и отъ сего центра развилось чуть не до безконечной окружности апелляціонное дѣло, съ которымъ связана участь главныхъ лицъ Повѣсти. Отъ того Повѣсть осталась безъ конца.

В. ПАСАЛЬСКІЙ.

КИРДЖАЛИ.

=

ПОВѢСТЬ.

=

Кирджали былъ родомъ Булгаръ. Кирджали на Турецкомъ языкѣ значить витязь, удалецъ. Настоящаго его имени я не знаю.

Кирджали своими разбоями наводилъ ужасъ на всю Молдавію. Чтобъ дать объ немъ нѣкоторое понятіе, расскажу одинъ изъ его подвиговъ. Однажды ночью онъ и Арнаутъ Михайлаки напали вдвоемъ на Булгарское селеніе. Они зажгли его съ двухъ концовъ, и стали переходить изъ хижины въ хижину. Кирджали рѣзалъ, а Михайлаки несъ добычу. Оба кричали: Кирджали! Кирджали! Все селеніе разбѣжалось.

Когда Александръ Ипсиланти обнародовалъ возмущеніе и началъ набирать себѣ войско, Кирджали привелъ къ нему нѣсколько старыхъ своихъ товарищей. Настоящая цѣль Этеріи была имъ худо известна, но война представляла случай обогатиться на счетъ Турковъ, а можетъ быть и Молдаванъ — и это казалось имъ очевидно.

Александръ Ипсиланти былъ лично храбръ, но не имѣлъ свойствъ нужныхъ для роли, за которую взялся такъ горячо и такъ неосторожно. Онъ не умѣлъ сладить съ людьми, которыми принужденъ былъ предводительствовать. Они не имѣли къ нему ни уваженія, ни довѣренности. Послѣ несчастнаго сраженія, гдѣ погибъ цвѣтъ Греческаго юношества, Иордаки Олимпіоти присоветовалъ ему удалиться, и самъ за-

ступилъ его мѣсто. Ипсиланти ускакалъ къ границамъ Австріи, и отгуда послалъ свое проклятіе людямъ, которыхъ называлъ ослушниками, трусами и негодяями. Эти трусы и негодяи, большею частію, погибли въ стѣнахъ монастыря Секу или на берегахъ Прута, отчаянно защищаясь противу непріятели вдесятеро сильнѣйшаго.

Кирджали находился въ отрядѣ Георгія Кантакузина, о которомъ можно повторить то-же самое, что сказано о Ипсиланти. Наканунъ сраженія подъ Скулянами, Кантакузинъ просилъ у Русскаго начальства позволеніе вступить въ нашъ карантинъ. Отрядъ остался безъ предводителя; но Кирджали, Сафіанось, Кантагони и другіе не находили никакой нужды въ предводителѣ.

Сраженіе подъ Скулянами, кажется, ни къмъ не описано во всей его трогательной истинѣ. Вообрази-те себѣ 700 человекъ Арнаутовъ, Албанцевъ, Грековъ, Булгаръ и всякаго сброду, не имѣющихъ понятія о военномъ искусствѣ, и отступающихъ въ виду пятнадцати тысячъ Турецкой конницы. Этотъ отрядъ прижался къ берегу Прута, и выставилъ передъ собою двѣ малепькія пушечки, найденныя въ Яссахъ на дворѣ Господаря, и изъ которыхъ, бывало, палили во время именинныхъ обѣдовъ. Турки рады были бы дѣйствовать картечью, но не смѣли безъ позволенія Русскаго начальства: картечь непременно перелетѣла бы на нашъ берегъ. Начальникъ карантина (нынѣ уже покойникъ), сорокъ лѣтъ служившій въ военной службѣ, отроду не слыхивалъ свиста пуль, но тутъ Богъ привелъ услышать. Нѣсколько ихъ прожужжали мимо его ушей. Старичекъ ужасно разсердился, и разбранилъ за то маіора Охотскаго пѣхотнаго полка, находившагося при карантинѣ. Маіоръ, не зная, что дѣлать, побѣжалъ къ рѣкѣ, за которой гарцовали Де-

либаши, и погрозила имъ пальцемъ. Делибаши, увидя это, повернулись и ускакали, а за ними и весь Турецкій отрядъ. Маіоръ, погрозившій пальцемъ, назывался Хорчевскій. Не знаю, что съ нимъ сдѣлалось.

На другой день, однако жъ, Турки атаквали Этеристовъ. Не смѣя употреблять ни картечи, ни ядеръ, они рѣшились, вопреки своему обыкновенію, дѣйствовать холоднымъ оружіемъ. Сраженіе было жестоко. Рѣзались атаганами. Со стороны Турковъ замѣчены были копыя, дотолъ у нихъ не бывалыя; эти копыя были Русскія: Некрасовцы сражались въ ихъ рядахъ. Этеристы, съ разрѣшенія нашего Государя, могли перейти Прутъ, и скрыться въ нашемъ карантинѣ. Они начали переправляться. Кантагони и Сафьянось остались послѣдніе на Турецкомъ берегу. Кирджакали, раненый наканунѣ, лежалъ уже въ карантинѣ. Сафьянось былъ убитъ. Кантагони, человекъ очень толстый, раненъ былъ копьемъ въ брюхо. Онъ одной рукою поднялъ саблю, другою схватился за вражеское копье, всадилъ его въ себя глубже, и такимъ образомъ могъ достать саблею своего убійцу, съ которымъ вмѣстѣ и повалился.

Все было кончено. Турки остались побѣдителями. Молдавія была очищена. Около шести сотъ Арнаутовъ разсыпались по Бессарабіи; не вѣдая, чѣмъ себя прокормить, они все жъ были благодарны Россіи за ея покровительство. Они вели жизнь праздную, но не безпутную. Ихъ можно всегда было видѣть въ кофейняхъ полу-турецкой Бессарабіи, съ длинными чубуками во рту, прихлебывающихъ кофейную гущу изъ маленькихъ чашечекъ. Ихъ узорныя куртки и красныя востроносыя туфли начинали ужъ изнашиваться, но хохлатая скуфейка все-же еще надѣта была на бе крень, а атаганы и пистолеты все еще торчали изъ-за широкихъ поясовъ. Никто на нихъ не жаловался.

Нельзя было и подумать, чтобъ эти мирные бѣдняки были извѣстнѣйшіе Клефты Молдавіи, товарищи грознаго Кирджали, и чтобъ онъ самъ находился между ими.

Паша, начальствовавшій въ Яссахъ, о томъ узналъ, и на основаніи мирныхъ договоровъ, потребовалъ отъ Русскаго начальства выдачи разбойника.

Полиція стала доискиваться. Узнали, что Кирджали въ самомъ дѣлѣ находится въ Кишеневѣ. Его поймали въ домѣ бѣглаго монаха, вечеромъ, когда онъ ужиналъ, сидя въ потемкахъ съ семью товарищами.

Кирджали засадили подъ караулъ. Онъ не сталъ скрывать истины, и признался, что онъ Кирджали. «Но, прибавилъ онъ, съ тѣхъ поръ какъ я перешелъ за Прутъ, я не тронулъ ни волоса чужаго добра, не обидѣлъ и послѣдняго Цыгана. Для Турковъ, для Молдаванъ, для Валаховъ я конечно разбойникъ, но для Русскихъ я гость. Когда Сафіанось, разстрѣлявъ всю свою картечь, пришелъ къ намъ въ карантинъ, «отбирая у раненыхъ для послѣднихъ зарядовъ пуговницы, гвозди, цѣпочки и набалдашники съ атагановъ, я отдалъ ему двадцать бешлыковъ, и остался безъ денегъ. Богъ видитъ, что я, Кирджали, жилъ «подалиемъ! За что же теперь Русскіе выдаютъ меня моимъ врагамъ?» Послѣ того Кирджали замолчалъ и спокойно сталъ ожидать разрѣшенія своей участи.

Онъ дождался не долго. Начальство, не обязанное смотрѣть на разбойниковъ съ ихъ романтической стороны, и убѣжденное въ справедливости требованія, повелѣло отправить Кирджали въ Яссы.

Человѣкъ съ умомъ и сердцемъ, въ то время неизвѣстный молодой чиновникъ, нынѣ занимающій важное мѣсто, живо описывалъ мнѣ его отъѣздъ.

У воротъ острога стояла почтовая каруца... (Можетъ быть, вы не знаете, что такое каруца. Это низенькая, плетеная телѣжка, въ которую еще недавно впрягались обыкновенно шесть или восемь кляченокъ. Молдаванъ въ усахъ и въ бараньей шапкѣ, сидя верхомъ на одной изъ нихъ, поминутно кричалъ и хлопалъ бичемъ, и кляченки его бѣжали рысью довольно крупной. Если одна изъ нихъ начинала приставать, то онъ отпрягалъ ее съ ужасными проклятіями, и бросалъ на дорогъ, не заботясь объ ея участи. На обратномъ пути онъ увѣренъ былъ найти ее на томъ же мѣстѣ, спокойно пасущуюся на зеленой степи. Нерѣдко случилось, что путешественникъ выѣхавшій изъ одной станціи на осьми лошадахъ, прѣзжалъ на другую на парѣ. Такъ было лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Нынѣ въ обрусѣвшей Бессарабіи переняли Русскую упряжь и Русскую телѣгу.)

Таковая каруца стояла у воротъ острога въ 1821 году, въ одно изъ послѣднихъ чиселъ Сентября мѣсяца. Жидовки, спустя рукава и шлепая туфлями, Арнауты въ своемъ оборванномъ и живописномъ парядѣ, стройныя Молдаванки съ черноглазыми ребятами на рукахъ окружали каруцу. Мужчины хранили молчаніе, женщины съ жаромъ чего-то ожидали.

Ворота отворились, и нѣсколько полицейскихъ офицеровъ вышли на улицу; за ними двое солдатъ вывели скованнаго Кирджали.

Онъ казался лѣтъ тридцати. Черты смуглаго лица его были правильны и суровы. Онъ былъ высокаго росту, широкоплечъ, и вообще въ немъ изображалась необыкновенная физическая сила. Пестрая чалма наискось покрывала его голову, широкій поясъ обхватывалъ тонкую поясницу; долиманъ изъ толстаго снѣга сукна, широкія складки рубахи, падающія выше колѣнъ, и красивыя туфли составляли

остальной его нарядъ. Видъ его былъ гордъ и спокоенъ.

Одинъ изъ чиновниковъ, краснорожій старичекъ, въ полиняломъ мундирѣ, на которомъ болтались три пуговицы, прищепилъ оловянными очками багровую шишку, замѣнявшую у него носъ, развернулъ бумагу и, гнуся, началъ читать на Молдавскомъ языкѣ. Время отъ времени онъ надменно взглядывалъ на скованнаго Кирджали, къ которому, по-видимому, относилась бумага. Кирджали слушалъ его со вниманіемъ. Чиновникъ кончилъ свое чтеніе, сложилъ бумагу, грозно прикрикнулъ на народъ, приказавъ ему раздаться — и велѣлъ подвезти каруцу. Тогда Кирджали обратился къ нему, и сказалъ ему нѣсколько словъ на Молдавскомъ языкѣ; голосъ его дрожалъ, лице измѣнилось; онъ заплакалъ и повалился въ ноги полицейскаго чиновника, загремѣвъ своими цѣпями. Полицейскій чиновникъ, испугавшись, отскочилъ; солдаты хотѣли-было приподнять Кирджали, но онъ всталъ самъ, подобралъ свои кандалы, шагнулъ въ каруцу и закричалъ: *Гайда!* Жандармъ сѣлъ подлѣ него, Молдаванъ хлопнулъ бичемъ, и каруца покати-лась.

Что это говорилъ вамъ Кирджали? спросилъ молодой чиновникъ у полицейскаго.

Онъ (видите-съ) просилъ меня, отвѣчалъ, смѣясь, полицейскій, чтобъ я позаботился о его женѣ и ребенкѣ, которые живутъ не далече отъ Килии въ Болгарской деревнѣ — онъ боится, чтобъ и они *изъ-за него* не пострадали. Народъ глупый-съ.

Разсказъ молодаго чиновника сильно меня тронулъ. Мнѣ было жаль бѣднаго Кирджали. Долго не зналъ я ничего объ его участи. Нѣсколько лѣтъ ужъ спустя, встрѣтился я съ молодымъ чиновникомъ. Мы разговорились о прошедшемъ. А что вашъ пріятель Кир-

джали? спросилъ я, не знаете-ли, что съ нимъ сдѣлалось?

Какъ не знать, отвѣчалъ онъ, и разсказалъ мнѣ слѣдующее:

Кирджали, привезенный въ Яссы, представленъ былъ пашѣ, который присудилъ его быть посажену на колъ. Казнь отсрочили до какого-то праздника. Покаивствъ заключили его въ тюрьму.

Невольника стерегли семеро Турокъ (люди простые и въ душѣ такіе-же разбойники, какъ и Кирджали); они уважали его, и съ жадностію, общемо всему Востоку, слушали его чудные разказы.

Между стражами и невольникомъ завелась тѣсная связь. Однажды Кирджали сказалъ имъ: Братья! часть мой близокъ. Никто своей судьбы не избѣжитъ. Скоро я съ вами разстанусь. Мнѣ хотѣлось бы вамъ оставить что нибудь на память.

Турки развѣсили уши.

Братья, продолжалъ Кирджали, три года тому назадъ, какъ я разбойничалъ съ покойнымъ Михайлаки: мы зарыли въ степи не далече отъ Яссъ котелъ съ *Галбинами*. Видно ни мнѣ, ни ему не владѣть этимъ кладомъ. Такъ и быть: возьмите его себѣ, и раздѣлите полюбовно.

Турки чуть съ ума не сошли. Пошли толки, какъ имъ будетъ найти завѣтное мѣсто? Думали, думали и положили, чтобы Кирджали самъ ихъ повелъ.

Настала ночь. Турки спяли оковы съ погъ невольника, связали ему руки веревкою, и съ нимъ отправились изъ города въ степь.

Кирджали ихъ повелъ, держась одного направленія, отъ одного кургана къ другому. Они шли долго. Наконецъ Кирджали остановился близъ широкаго

камня, отбѣрилъ двѣнадцать шаговъ на полдень, топнулъ и сказалъ: *здесь*.

Турки распорядились. Четверо вынули свои атаганы и начали копать землю. Трое остались на стражѣ. Кирджали съѣлъ на камень, и сталъ смотрѣть на ихъ работу.

Ну что? скоро ли? спрашивалъ онъ, дорылись-ли? Нѣтъ еще, отвѣчали Турки, и работали такъ, что потъ лилъ съ нихъ градомъ.

Кирджали сталъ оказывать нетерпѣніе. Экой народъ, говорилъ онъ. И землю-то копать порядочно не умѣютъ. Да у меня дѣло было-бы кончено въ двѣ минуты. Дѣти! развяжите мнѣ руки, дайте атаганъ.

Турки призадумались, и стали совѣтоваться. Что же? (рѣшили они) развяжемъ ему руки, дадимъ атаганъ. Что за бѣда? Онъ одинъ, насъ семеро. И Турки развязали ему руки и дали ему атаганъ.

Наконецъ Кирджали былъ свободенъ и вооруженъ. Что-то долженъ онъ былъ почувствовать!... Онъ сталъ проворно копать, сторожа ему помогали.... Вдругъ онъ въ одного изъ нихъ вонзилъ свой атаганъ и, оставя булатъ въ его груди, выхватилъ изъ-за его пояса два пистолета.

Остальные шесть, увидя Кирджали вооруженнаго двумя пистолетами, разбѣжались.

Кирджали нынѣ разбойничаетъ около Яссы. Недавно писалъ онъ Господарю, требуя отъ него пяти тысячъ левовъ, и грозясь, въ случаѣ неисправности въ платежъ, зажечь Яссы, и добраться до самого Господаря. Пять тысячъ левовъ были ему доставлены.

Каковъ Кирджали?

А. ПУШКИНЪ.

ПРЕДУБЪЖДЕНІЕ.

=

СТАТЬЯ ОДНОГО ЧЕЛОВѢКА.

=

— Николай, гдѣ ты сегодня объѣдаешь?

— Ты хочешь, чтобъ я объѣдалъ съ тобою? Нѣтъ, не могу. Я объѣдаю у княгини Чундзулеевой.

— Иванъ Сергѣевичъ! поѣдемте вмѣстѣ къ графинѣ Д-ой.

— Извини, любезнѣйшій! Въ другой разъ готовъ служить тебѣ. Сегодня я на балѣ у княгини Чундзулеевой.

— Александръ, не хочешь ли со мной въ театръ?

— Нѣтъ. Я званъ сегодня на партію къ княгинѣ Чундзулеевой.

— Эта княгиня Чундзулеева вскружаетъ вамъ головы, господа! говорилъ я.

— Она прелестная женщина! говорили эти господа.

Странно! Съ нѣкотораго времени я только и слышу — княгиня Чундзулеева! Чундзулеева?... Должно быть что-нибудь Закавказское. Какъ же я не знакомъ съ нею? Я знаю всѣхъ прелестныхъ женщинъ, и притомъ у меня есть очень основательное правило — коль скоро увижу хоть немножко хорошее личико, даже миленькую ножку, тотчасъ распросить объ ихъ фамиліи: а объ ней, кажется, я никогда и неслыхивалъ!..... Не встрѣчаю ее ни въ одномъ домѣ, куда ѣзжу!..... Право, странно!

— Скажи мнѣ, Иванъ Сергѣевичъ, кто она собственно такая, ваша княгиня Чундзулеева?

— Любезный другъ, она собственно прекрасная и преумная женщина...., которая отлично у себя принимаетъ. Въ этомъ все заключается.

— Вдова или замужняя?

— Въ хорошемъ домѣ о мужѣ не спрашиваютъ.... Не могу тебѣ сказать. Я думаю, вдова.

— Русская, или цѣть?

— Русская! коренная Русская!... Урожденная Р-ева. Лакеи зовутъ ее княгиней Татьяною Кондратьевной. Зачѣмъ ты спрашиваешь? Ужъ полно не хочешь ли быть ей представленъ?

— Я объ этомъ не думаю!

Я такъ говорилъ; но мнѣ страхъ хотѣлось познакомиться съ прелестною вдовою, княгиней Татьяною Кондратьевной Чундузеевой, которая такъ прекрасна, такъ умна, такъ отлично у себя принимаетъ. Я уже обдумывалъ планъ построения этого знакомства. Потомъ вдругъ разжесалъ. На дворѣ шелъ тогда дождь! Мнѣ не хотѣлось тронуться съ софы, на которой нашелъ я было такое удобное положеніе для своего тѣла, какого никогда еще не находилъ со времени ея покупки! Вслѣдствіе одного изъ тѣхъ странныхъ, безотчетливыхъ, своенравныхъ движеній мысли, которыя случаются обыкновенно послѣ обѣда, — съ которыхъ начинается новый періодъ нашихъ дѣйствій или понятій, — въ которыхъ тутъ же заключается поцѣлному ряду важныхъ причинъ для оправданія будущихъ нашихъ поступковъ и сужденій очень здравымъ и логическимъ образомъ, — которыя (кажется, въ Исторіи?) называются раціонализмомъ, — я почувствовалъ однимъ разомъ предубѣжденіе противъ княгини Татьяны Кондратьевны Чундузеевой, которая такъ хороша собою, такъ умна, да еще такъ отлично принимаетъ. Оно со дня на день усиливалось во мнѣ самыми основательными и ясными доказательствами. Во-первыхъ она княгиня

Татьяна Кондратьевна Чундзулеева!... Этого ужъ довольно. Во-вторыхъ, всѣ хвалятъ ея умъ и красоту... Что они смыслятъ про красоту или про умъ? Умъ княгини Чундзулеевой!... Здѣсь очевидно нѣтъ Критика: если бѣ она жила въ X столѣтіи, то, опираясь на это явное преувеличеніе, я бы доказалъ, что она даже никогда не существовала. Да я и теперь сомнѣваюсь, существуетъ ли она въ самомъ дѣлѣ!... И почему никто не упоминаетъ объ ея лѣтахъ? Она должна быть стара. Она непременно стара! У наружныхъ угловъ глазъ есть по двѣ морщинки; кожа на носу натянута какъ на барабанъ; слѣдственно уста ея потеряли свою форму, и улыбка крива, безвкусна. Эта красота — просто румяны. Этотъ умъ — просто педанство. Да и какъ нѣтъ того невидѣть, что она кокетка! Она не показывается ни въ одномъ извѣстномъ домѣ.... Я не люблю этой княгини Татьяны Кондратьевны Чундзулеевой!

Мои пріятели продолжали восхищаться ею. Я началъ отпускать на счетъ ея разныя эпиграммы. Нѣкоторые изъ нихъ вздумали смѣяться надъ моимъ предубѣжденіемъ, и защищать се противъ моего объ ней мнѣнія, — противъ мнѣнія столь логическаго, столь основательнаго! Я не зналъ что отвѣчать; ни одна хорошая эпиграмма не пришла мнѣ въ голову въ эту минуту.....

Съ тѣхъ поръ я ее возненавидѣлъ.

Такъ какъ она вдова, то въ придачу я не сталъ любить и вдовъ. Что можетъ быть хорошаго во вдовѣ? Женщина, которая схоронила одного мужа; которая оставляетъ сладкіе глазки, чтобъ поймать другаго.... Вдова — для меня нравственная загадка!

Съ тѣхъ поръ всѣ вдовы стали представляться мнѣ большимъ вопросительнымъ знакомъ (?).

Такъ какъ фамилія ея была немножко Закавказская, то при малѣйшей встрѣчѣ съ Грузиномъ или Чер-

кесомъ на улицѣ, мнѣ дѣлалось дурно: я воображалъ себя, что это все родственники ея по покойномъ мужѣ. Я не могъ перенести Грузинъ, ни Черкесовъ. Скоро простеръ я отвращеніе къ Кавказскимъ племенн и землѣ до самаго Аракса. Потомъ далѣе. Наконецъ.....

Съ тѣхъ поръ я сталъ гнать весь Востокъ и все восточное.

Такъ какъ одинъ мудрецъ издалъ книгу о Санскритской Словесности, которой я не читалъ, — такихъ вздоровъ я не читаю, — то я ссейчасъ сочинилъ на нее презлую критику, которую послалъ въ редакцію одной газеты, гдѣ она скоро была напечатана. Я разругалъ книгу, автора, Санскритскую Словесность, ориентализмъ и цѣлый Востокъ, — отъ Кубани до Желтаго Моря включительно, — на чемъ свѣтъ стоитъ. Само собою разумѣется, что подъ статью не подписалъ я своего имени, для того, чтобъ не сказали въ свѣтъ, что я пишу, или что присталъ къ сочинителямъ!

Нѣкоторые друзья мои, помня, что прежде я говорилъ о Востокъ и его Словесностяхъ съ большимъ уваженіемъ, — тѣ, которые желаютъ казаться очень просвѣщенными и начитанными, должны такъ говорить: это изумляетъ дамъ и внушаетъ мужчинамъ страхъ къ вашимъ познаніямъ, — нѣкоторые друзья мои не понимали такой перемѣны въ моихъ мнѣніяхъ. Они не знали, что это раціонализмъ! Мои друзья не мыслятъ и не разсуждаютъ: если бъ они знали, какъ мыслятъ хорошо устроенныя головы, съ чего всегда начинаются въ нихъ большіе періоды ихъ образа мнѣній, и какъ одни понятія развертываются изъ другихъ, то, быть-можетъ, они и догадались бы, что причиною всему этому была княгиня Татьяна Кондратьевна Чундулеева, — немножко досады на себя за то, что я знакомъ съ нею, — дождь, который шелъ въ то время, когда я хотѣлъ вхатъ со двора, чтобъ ее увидѣть, — да мягкая софа, съ которою не могъ разстаться, такъ, что

предпочелъ скорѣе перемѣнить образъ мыслей, нежели перемѣнить свое положеніе на софѣ. Да это и гораздо легче! Философія и Исторія очень хорошо знаютъ, что это гораздо легче, хотя въ томъ не сознаются.

Но оставимъ Философію въ покоѣ, — а съ княгиней Чундзудеевой намъ ужъ не водить хлѣба-соли. Я забрелъ слишкомъ далеко съ нею. Изъ-за нея поссорился я со всѣми моими понятіями, со всѣми вдовами, со всѣми мнѣніями, со всѣми Азіятцами, съ Кавказомъ, Индією, Китаемъ, Персією, — поссорился даже съ Турецкимъ Султаномъ, котораго прежде одобрялъ безусловно по вечерамъ передъ всѣми политическими самоварами за его нововведенія, и называлъ великимъ человѣкомъ. Она тоже не терпѣла меня, не зная лично. Нѣкоторые мои словца были, видно, ей переданы нѣжными пріятельницами, и она говорила иногда моимъ знакомцамъ, что я долженъ быть золь какъ чортъ; что она не желала бѣ попасться мнѣ на встрѣчу на тротуаръ, боясь, чтобъ я не откусилъ у ней носа. Носа княгини Татьяны Чундзудеевой? Она думаетъ о себѣ слишкомъ много! Если бѣ на меня нашла охота откусывать носы, то ужъ вѣрно поискалъ бы я себѣ чего-нибудь помилѣ кошачьяго ея носа. Нѣтъ, клянусь, что съ ней я никогда знакомъ не буду! Я ее ненавижу.

Фамилія этой несносной женщины, сначала для меня гадкая, потомъ очень непріятно раздражавшая мои слуховые нервы, когда произносили ее при мнѣ, наконецъ превратилась въ умъ моему въ зваменіе чего-то чрезвычайно смѣшнаго и дикаго. Все, что было странно и нелѣпо, носило у меня одно общее названіе — Чундзудеевъ. Когда встрѣчалъ я женщину очень старую, очень рябую, очень жеманную, или одѣтую какъ обезьяна, — то была Чундзудеева; даже иногда — Татьяна Кондратьевна Чундзудеева. Сильнѣе этого я не могъ ничего придумать.

Мы были мысленно на ножахъ съ нею.

Однако жъ, я въ жизнь свою ея не видывалъ? Она ни какого зла мнѣ не дѣлала? И меня всѣ называли добрымъ малымъ?... Я въ самомъ дѣлѣ добрый малый: я очень много говорю о чести, благородствѣ души и нѣжности сердца; я не въ состояніи никого обидѣть или обмануть съ умысломъ; я не могъ бы уснуть трое сутокъ отъ ужаса о своемъ безчеловѣчїи, если бъ зарѣзалъ невиннаго цыпленка, котораго сегодня съѣлъ за завтракомъ, но..... Но такъ именно раждаются и развертываются предубѣжденія! такъ овладѣваютъ они нами безъ нашего вѣдома и нерѣдко вопреки нашей воли! такъ покоряютъ себѣ цѣлыя области нашихъ понятій и побужденій! Кто мнѣ не вѣритъ или находитъ эту льтопись безотчетливой ненависти неправдоподобною, тотъ, — если только имѣетъ счастье ненавидѣть меня, не имѣвъ сомной ни дѣла, ни знакомства, ни отношенія, — пусть хладнокровно изслѣдуетъ въ своемъ сердцѣ все производство того, какъ предубѣдился онъ противъ меня. Въ этомъ нѣтъ ни какой опасности ни для его совѣсти, ни для самолюбія, потому что я увольняю его отъ всякихъ признаній. Что касается до меня, то я признаюсь во всемъ чистосердечно: я играю въ открытую.

Цѣлую зиму мои прїатели трубили мнѣ въ уши княгиней Чундзулеевой, ея умомъ, красотою, чрезвычайною прїятностью ея дома, порицая меня за то, что я не искалъ *счастья* быть ей представленнымъ, — и цѣлую зиму становилась она въ моемъ воображеніи съ каждымъ днемъ все гаже и глупѣе, такъ, что наконецъ крокодилъ, который виситъ подъ сводомъ кунсткамеры, съ разинутой пастью и страшными зубами, могъ бы еще назваться красавцемъ и прелюбезнымъ малымъ подлѣ образа, который я себѣ объ ней сообразилъ. Наконецъ, умолкли. Слава тебѣ, Господи! Видно уѣхала, за Кубань, къ своимъ Кази-Кумыкамъ. Те-

перь я стану дышать свободнѣе! А то всю зиму бѣгалъ обществъ, чтобъ гдѣ-нибудь не повстрѣчаться съ нею.

Что, ужъ не слышно княгини Татьяны Кондратьевны Чундзулеевой?... Нѣтъ!... Ахъ, какъ я счастливъ! Какія сладкія минуты есть во враждѣ! Ея здѣсь нѣтъ! Вотъ почему и погода вдругъ стала такъ хороша. Ёду на Острова.

Давно уже я не былъ у графини Екатерины Николаевны. Это не хорошо! Графиня Катерина Николаевна женщина прелестная: она любитъ меня чрезвычайно и говоритъ вездѣ, что я оченъ добръ и приятенъ. Это сущій ангель, — графиня Катерина Николаевна, — даромъ что она вдова. Побранившись въ душѣ со всѣми вдовами, я пересталъ ѣздить даже къ ней, — женѣ покойнаго моего друга, — друга, падшаго подлѣ меня на полѣ чести, скончавшагося на моихъ рукахъ. Но, съ удаленіемъ Чундзулеевой изъ Петербурга, я возвращаю ей мое уваженіе! Она изъятіе изъ вдовъ, и — что рѣже, — изъятіе молодое и не нарумяненное. Я забхалъ къ ней въ восемь часовъ вечера.

Тысяча любезныхъ упрековъ, которые всѣ напечатаны, тысяча пустыхъ извиненій, которыхъ и печатать не стоить, въ пять минутъ объяснили, почему я вдругъ забылъ о прекрасной хозяйкѣ дачи, и отчего ни разу не былъ у нея въ городѣ съ Ноября мѣсяца. Я охотно далъ подписку, что впередъ этого со мною не случится.

Въ гостиной было нѣсколько человѣкъ гостей, по все люди самые обькновенныя, посѣтители самые дачныя: два Ивана Ивановича, три Карла Карловича, да одинъ Акнѣій Григорьевичъ, или что-то очень похожее на это. Мнѣ какое до нихъ дѣло? Не обращая большаго на нихъ вниманія, я позволилъ каждому изъ нихъ высказать хозяйкѣ все, что кто знаетъ, — гдѣ они сегодня гуляли, — сколько сдѣлали версть пѣш-

комъ, — какъ открыли, что въ семь часовъ вдругъ стало холодно, — и которыя деревья уже совершенно распустились, а которыя еще нѣтъ. Когда они кончили, я сдѣлалъ краткую выписку изъ всего ихъ доклада, сложилъ вмѣстѣ всѣ ихъ подвиги, и непримѣтно представилъ общій счетъ дневнаго ихъ движенія въ мѣрѣ: выходило, что всѣ эти господа прошли по землѣ пятьдесятъ восемь верстъ съ половиною, не сдѣлавшись ни на одинъ волосъ занимательнѣе. Этотъ невинный счетецъ развеселилъ графиню. Она мило замѣтила мнѣ, что, забывъ объ ней, я не забылъ однако жъ склонности своей къ насмѣшкѣ. Я сдѣлалъ съ ловкое привѣтствіе на счетъ собственнаго ея ума, и разговоръ тотчасъ принялъ другое направленіе: онъ сосредоточился между нами и еще двумя прекрасными дамами, которыя сидѣли на диванѣ; одушевился веселостью, умными шутками, тонкими замѣчаніями; воспарилъ такъ высоко надъ поверхностью идей этихъ господъ, что они и не смѣли взвести глазъ вверхъ, чтобъ слѣдовать за нашимъ воздушнымъ путешествіемъ, страшась, чтобы у нихъ не закружились головы, — такъ нужныя для завтрашнихъ дѣлъ по службѣ.

Не знаю, извѣстно ли кому это, — но если не извѣстно, такъ я могу доложить вамъ за подлинное, что я очень милъ, уменъ и забавенъ въ бесѣдѣ, — гораздо умнѣе и забавнѣе того, что вы могли бѣ подумать себя обо мнѣ, судя по этому писанію. То есть, я былъ такимъ нѣкогда, во время оно: всѣ женщины признавали это, — безъ меня имъ не было счастья, — тѣмъ болѣе, что сверхъ-того я былъ именно то, что вдовы называютъ технически *un gros joli garçon*. Зачѣмъ же мнѣ стыдиться того, что я слылъ красавцемъ? Я танцевалъ отлично; пою, играю, ѣзжу верхомъ изрядно и нынче; любилъ общество дамъ, любилъ лошадей, собакъ, заклады, — все, что нравится женщинамъ въ мужчинѣ; рассуждалъ о сердцѣ съ удивительною тонкостію; сы-

паль эпиграммами, и, что всего важнѣе, былъ скромнѣе и не слишкомъ услужливъ. Женщины очень хорошо умѣли оцѣнить во мнѣ это послѣднее качество: ни что такъ скоро не мараетъ репутаціи нѣжно-розоваго цвѣта, какъ треніе о поверхность услужливости пріятнаго мужчины, мужчины въ модѣ. Никогда не бывалъ явлюбленъ при людяхъ: это большое преимущество! Но кого Господь Богъ, въ гнѣвъ своемъ, создастъ столь милымъ, какъ я, — какъ былъ я, — тотъ, для блага и спокойствія общества, долженъ еще рѣшиться быть смѣшителемъ женщинъ. Это очень скучно, но иначе нельзя быть: надобно, чтобы женщины вокругъ васъ хохотали. Тогда онѣ могутъ сказывать мужьямъ и любовникамъ, что любятъ ваше общество потому, что вы такіе забавные; тогда и сами мужья, садясь играть въ карты, или уходя вечеркомъ на Невскій Проспектъ, придвигаютъ васъ къ своимъ женамъ, чтобъ вы ихъ между-тѣмъ забавляли. Нѣтъ существа неспособнѣе обольстителя чувствительнаго, разсѣяннаго, вздыхающаго, съ вѣчно-нѣжными взорами: это я слышалъ отъ моей любовницы, которая была чрезвычайно строгихъ правилъ вразсужденіи репутаціи. Словомъ, никто такъ хорошо не умѣлъ смѣшить дамъ, какъ я, и всѣ были этимъ довольны.

Да! Я забылъ сказать, кто были эти двѣ прекрасныя дамы, сидѣвшія на диванѣ. То были дамы, совершенно мнѣ незнакомыя. Одна очевидно была еще дѣвица; другая очевидно не была уже дѣвица, — примѣрно сказать, была замужняя. Онѣ мнѣ показались сперва Француженками, — потомъ не-Француженками, — потомъ опять Француженками. Но я скоро отгадалъ, что онѣ сестры. Дѣвицу, въ крайней необходимости, называлъ бы я неподобною, — болѣе ничего; но не дѣвица была, въ точномъ значеніи слова, очаровательна. Графиня называла ее своей любезной Теолиною. Теолина называла графиню своей любезной Катериною. Объ онѣ

называли дѣвицу своей любезной Наниною. Графиня и Теолина очевидно были большія пріятельницы, — что меня немножко изумило: чтобы двѣ молодыя и прекрасныя женщины могли жить въ такой дружбѣ, онѣ должны быть деревянныя, или сдѣланныя объ изъ цѣльнаго куска добродѣтели. Теолина явно была не деревянная. Она была вся изъ свѣта, гармоніи и любви. Я въ жизни не видывалъ красоты совершеннѣе, существа восхитительнѣе, волшебнѣе, воздушнѣе. Необыкновенныя прелести тѣла, которыми всякая другая женщина ослѣпила бы самое сѣрое и безчувственное зрѣніе, у нея почти исчезали, казались тусклыми, безъ лучей и свѣта, въ блескъ прелестнаго ея ума, въ лучахъ игриваго воображенія, тонкаго инстинкта, изящной и остроумной бесѣды, скромности, привѣтливости, добродушія, — дарованій и совершенства всякаго рода. Я не говорю уже о примѣчательной начитанности, и томъ мягкомъ, атласномъ отливѣ науки на движущемся женскомъ воображеніи; который дѣлаетъ красивую самку нашу не спорщицею, но понятливою и живою слушательницею образованнаго мужчины; который не только не темнѣетъ отъ сильнаго сіянія его ума, но еще становится блистательнѣе и сверкаетъ радужнѣйшими цвѣтами. Въ ней соединялось и это. Она представляла мнѣ не женщиною, но какимъ-то метеоромъ, — скопленіемъ свѣтлыхъ стихій неба, — звездою первой величины. О какъ счастливъ тотъ, чья толща умственныхъ способностей и пріобрѣтенныхъ познаній привлечетъ къ себѣ подобное свѣтило, мерцающее краскою и понятіемъ, и, удержавъ его въ предѣлахъ своей притягательной силы, заставитъ сдѣлаться спутникомъ своѣго ума; заставитъ вращаться около него вѣчно, — вѣчно, до самаго гроба, и проливать на свои вечера и ночи лунный свѣтъ его, тихій и плѣнительный, — еще плѣнительнѣйшій, когда ярко мелькнетъ онъ

сквозь черныя тучи заботъ, несущіяся во взволнованной атмосферѣ души, окружающей эту толщу! И, когда еще, послѣ упойтельной жизни, этотъ нѣжный свѣтъ, усиленный теплыми лучами воспоминанія, упадетъ на вашу могилу, посребривъ ночью издали холодную глыбу земли, поглотившую ваше существованіе, проникнетъ до вашего праха и его согрѣетъ, тогда я не знаю счастья въ романахъ, которое могло бы сравняться со счастьемъ кладбища!

Но довольно этихъ унылыхъ умозрѣній! Въ этотъ вечеръ я имъ не предавался, — я былъ въ восторгѣ, — въ пятомъ небѣ, можетъ-статься еще выше; я цѣлымъ объемомъ души, сердца и тѣла, жадно вбиралъ въ себя сладость, испаряющуюся изъ очаровательной бесѣды, и не успѣвалъ поглощать эфирныхъ волнъ ея, быстро несшихся по всемъ моимъ раздраженнымъ чувствамъ. И какъ я ни былъ отличный іезуитъ съ женщинами, но тутъ долженъ былъ совокупить все усилія, все присутствіе духа, чтобъ не забыть о прекрасной хозяйкѣ, и скрыть отъ ея пріятельницы мои впечатлѣнія. Не знаю, черезъ отраженіе ли окружавшихъ меня превосходствъ, или отъ того, что Мефистофель съѣлъ на это время у меня на маковкѣ, но я вдругъ получилъ удивительное вдохновеніе остроумія: я былъ *deo plenus*, — полный чортомъ гостинныхъ, — веселъ, любезенъ, удаченъ во всѣхъ словахъ, золъ до кротости, добръ до язвительности, занимателенъ, шутивъ, уменъ, — гораздо, ну сто разъ умнѣ теперешняго. Нѣтъ ни какого сравненія! Я, изволите видѣть, теряю всѣ свои достоинства, лишь только возьму перо въ руки: ни коимъ образомъ не могу подобрать себѣ пера, которое бы ворочалось такъ, какъ мой языкъ! Здѣшнія перья удивительно какъ неуклюжи. Не въ этомъ дѣло: я хотѣлъ только сказать, для ясности дальнѣйшихъ обстоятельствъ, что въ тотъ вечеръ былъ я очень уменъ, — и этому легко повѣрить; тѣмъ болѣе, что скоро объясню, какимъ

образомъ одурѣлъ въ послѣдствіи. Изъ какой стати мнѣ васъ обманывать? Я былъ уменъ.

Передъ чаемъ, или во время чаю, всѣ посѣтители мужескаго пола одинъ за другимъ исчезли. Остался только одинъ, гдѣ-то за самоваромъ, потому что у него оставалась еще одна идея, которой онъ не обнаруговалъ: онъ хотѣлъ сказать, что завтра будетъ дождь. Мы были въ такомъ чудесномъ расположеніи духа, что безъ церемоніи нарекли его пророкомъ, хотя онъ, кажется, былъ превосходительный. Уже пробило одиннадцать: мы еще не думали разставаться, — ни хозяйка, ни несравненная Теолина, ни я не чувствовали ни какой нужды расторгнуть тѣсный, роскошный кругъ, въ которомъ были заворожены. Чтобъ придать предлогъ продолженію нашего комитета за полночь, графиня предложила составить партію, и несравненная Теолина, которая была такъ увлечена непринужденною, дружескою веселостью нашихъ разговоровъ, что съ перваго разу раскрыла передо мною всю свою чистую душу, — несравненная Теолина приняла это предложеніе съ явною радостью. Но кто будетъ играть четвертый? Безподобная дѣвица была еще такъ дѣвственна, что даже не играла въ вистъ. Просить пророка! Онъ дремлетъ за самоваромъ!... Теолина нашла эту идею прелестною, и замѣтила, что наша партія будетъ походить на робберъ виста, который, у Д'Израэлли-Младшаго, играютъ Прозерпина, Манто, Сатурнъ и Гомеровъ пророкъ Тирезіасъ, на поляхъ Елисейскихъ. Графиня, всегда и во всемя любезная, разбудила нашего собесѣдника, и прѣсила его участвовать въ партіи.

— Ваше сіятельство, я не играю.

— Вы играете!

— Я играю очень дурно.

— Тѣмъ лучше! Мы всѣ не большіе игроки.

— Но я играю такъ плохо.....

— О, вы будете играть! съ дѣтскою рѣзвостью при-
совокупила Теолина. Вы не откажете намъ принять
участіе въ нашей забавѣ. Намъ такъ весело!

— Сударыня, я забылъ взять свои очки. Безъ очковъ
я совершенно слѣпъ.....

— Какая досада, онъ слѣпъ! сказала мнѣ опеча-
ленная Теолина. Со слѣпцомъ нечего дѣлать!

— Но онъ пророкъ; такъ это ничего не значить,
сказалъ я ей вполголоса. Онъ будетъ предсказывать
себѣ карты.

— Правда! правда!

Мы насильно посадили его къ игрѣ. Вистъ нашъ
былъ самый странный, самый безсвязный. Мы вовсе
не думали о картахъ, — мы болтали, смѣялись, раз-
сказывали анекдоты, и опять смѣялись какъ сума-
шедшіе, къ крайней досадѣ пророка, который сидѣлъ
съ полною горстью тузовъ и козырей, и все время
укладывалъ ихъ въ разныя группы, для большаго
эффекта. Наконецъ, въ половинѣ третьяго роббера,
хозяйка, въ порывѣ необычайной веселости, смѣшала
карты на столѣ, прикрыла ихъ своими прелестными
ручками, и воскликнула: «Будемъ лучше болтать!»
Пророкъ остался одинъ съ своими козырями въ рукѣ,
какъ Марій на развалинахъ Кароагена. Мы говорили
безъ умолку, шутили, ужинали на томъ же мѣстѣ, и,
послѣ рюмки отличнаго силлери, еще болѣе оду-
шевились нашимъ невиннымъ счастьемъ. Уже было
два часа, когда мы встали изъ-за столика. Я началъ
прощаться съ графинею.

— Общайте мнѣ еще разъ, что вы будете навѣ-
щать меня почаще.

— Если бъ не было достаточно моего слова, этотъ
вечеръ заставилъ бы меня искать всюду другаго по-
добнаго, а его можно найти только въ вашемъ домѣ,
графиня, и въ вашемъ обществѣ.

— Вы большой льстецъ на словахъ, а на дѣлѣ..... Было время, что вы больше любили *нашъ домъ!*

Она произнесла два послѣднія слова измѣненнымъ голосомъ, и закрыла глаза платкомъ. Она вспомнила о моемъ другѣ, о своемъ обожаемомъ Александрѣ, который, на другой годъ ихъ счастья, отдалъ отечеству жизнь, заложленную ей передъ алтаремъ. Тогда я бывалъ у нихъ раза два и три въ недѣлю!

— Забывайте ко мнѣ хоть разъ въ недѣлю. Я только тогда и смѣюсь, когда вы у меня бываете. Иначе, я живу затворницей; и если бъ не моя добрая Теолина.....

Она нѣжно обняла и поцѣловала свою добрую Теолину.

Я обещалъ ей быть въ слѣдующій вторникъ: мы пожали руки по-Англійски, по-дружески, и я уѣхалъ въ городъ, растроганный, взволнованный, грустный. Обещаніе прекрасной и почтенной вдовы моего пріятеля остается въ своей силѣ, — а я буду у нея нарочно, чтобъ еще разъ увидѣть ея добрую Теолину. Эта Теолина.... Право, эта Теолина.....

Я всю ночь не могъ уснуть за этой Теолиной. Какъ бы узнать, кто эта Теолина?... Судя по ея выговору, особенно по звуку ея голоса, она непременно — Француженка! Каждый народъ развѣваетъ ротъ другимъ образомъ, и я никогда почти не ошибался, опредѣливъ происхожденіе лица по звучности его органа, по тому музыкальному тону, на который настроенъ его разговорный голосъ. Если бъ мнѣ удалось поймать гдѣ-нибудь пророка! Онъ долженъ знать ее, а ежели не знаетъ, то могъ бы предвѣщать мнѣ, кто она такая, — вдова? замужняя?... Но, я думаю, она ни замужняя, ни дѣвица, ни вдова: она Француженка!

На третій день я не выдержалъ, и въ самомъ дѣлѣ повѣхалъ гулять на Острова, въ надеждѣ наткнуться въ какой-нибудь аллеѣ на графиню или на пророка,

для котораго даже приготовилъ въ карманъ табакерку съ лучшимъ Французскимъ табакомъ, чтобъ вдругъ открыть непосредственныя сношенія съ его носомъ, откуда уже легче и короче путь къ сердцу. Тщетное усиліе! Я усталъ, и воротился домой въ той же безизвѣстности. Вторая и третья попытка были столь же неудачны. Вся надежда на вторникъ. Но какъ впечатлѣнія, зароненныя въ насъ прекрасною и любезною женщиною, всегда усиливаются въ содержаніи квадратныхъ чиселъ разстоянія времени, то, бывъ въ первый день счастливъ ея образомъ, какъ 1, въ седьмой я былъ уже влюбленъ какъ 49. Я испугался: никогда еще не бывалъ я влюбленъ такъ много!!!

Да! она Француженка!..... А сестра ея должна быть Англичанка!

Во вторникъ я пріѣхалъ къ графинѣ часу въ девятомъ. Теолина была тутъ, но уже одна, безъ сестры. Три человека болѣе или менѣе знакомыхъ мнѣ мужчинъ дополняли наше общество, и одинъ изъ нихъ, долго разговаривавшій съ нею, называлъ ее княгиней. А, такъ она княгиня!..... Слѣдственно, въ ея княженіи есть какой-то князь съ титуломъ мужа. Ея собесѣдникъ долженъ хорошо знать все, до нихъ касающееся! Я имѣлъ напримѣтъ этого собесѣдника, который обладалъ столь драгоценными свѣдѣніями, но мнѣ никакъ не удавалось помянуться съ нимъ парюю словъ наединѣ. Мы опять провели вечеръ чудесно, хотя гораздо степеннѣе и холоднѣе, нежели какъ въ прошедшій вторникъ, когда были одни. Теолина была восхитительна. Я былъ восхищенъ Теолиною — восхищенъ въ высочайшей степени, но этого никто не примѣтилъ: я знаю, какъ должно восхищаться. Она часто сама заводила рѣчь со мною..... Около полуночи этотъ драгоценный собесѣдникъ попался мнѣ въ руки въ серединѣ залы. Я допустилъ его начать бесѣду со мною на собственномъ его иждивеніи.

— Какой прекрасный Май!
 — Удивительный. Кто эта дама?
 — Эта?... Княгиня Татьяна Кондратьевна Чундзулеева, сказалъ, онъ протяжно, вполголоса, наклонясь къ моему уху.

— Да! теперь, кажется, долго простоятъ хорошая погода..... Ежели завтра не пойдетъ снѣгъ.....

Говоря о снѣгѣ, я уже былъ въ десяти шагахъ отъ драгоценнаго собесѣдника, чтобъ скрыть отъ него живой румянецъ, закрасившій все мое лице въ одно мгновение ока Чундзулеева? Ахъ, Боже мой!.... Ахъ, чортъ возьми! Это она! Такъ это та самая вдова, которая..... Я не смѣлъ приподнять глазъ на нее до самаго отъѣзда: впрочемъ и не долго оставался послѣ открытія, которое обдало меня кипяткомъ съ головы до ногъ. Чундзулеева! Татьяна, передѣланная въ Теолину! И я жертва этого оптического обмана, которымъ нашихъ православныхъ Русскихъ женъ превращаютъ во Французскихъ куколъ!.... При первой возможности я ускользнулъ отъ графини.

Но я, по характеру моему, очень правосуденъ, — одна изъ причинъ, по которымъ никогда не хотѣлъ быть судьей, — и признавался передъ собою по совѣсти, что хотя она и Чундзулеева, однако женщина восхитительная, чудесная, безподобная, — которую можно любить до безпамятства. Да! она ангель. Подлинный ангель, безъ всякой метафоры. Красота ея такъ изумительна, такая ангельская, что тутъ ничего нельзя прибавить, — одною степеню выше, и тамъ уже начинаются херувимы!

Въ эту минуту мнѣ показалось, что кто-то, за коляскою, подлѣ самаго моего уха, произнесъ одну изъ язвительнѣйшихъ монхъ эпиграммъ, пущенныхъ въ ходъ прошлою зимой на Г-жу Чундзулееву. Но какъ я чрезвычайно гордъ, то даже не оглянулся: только встряхнулъ голову, чтобъ сболтать мысли въ мозгу,

и дать другой оборотъ моимъ думамъ. Желая занять ихъ пріятнымъ образомъ, я направилъ ихъ на поэзію чистаго весенняго воздуха, и сталъ отыскивать на небѣ звѣзды, утопающія въ свѣтлой темени майской ночи и казавшіяся еще однимъ билліономъ миль далѣе отъ нашей планеты.

Но черезъ пять секундъ, онъ, думы, собственною своею тяжестью, упали со звѣздъ на Теолину — именно на ся бѣлое, роскошное плечо, которое взоръ мой такъ сладостно ласкалъ въ теченіе вечера. Тысяча непріятныхъ предположеній быстро текли въ умъ моемъ съ блѣдными, безжалостными чертами правдоподобія: я думалъ, — и не безъ основанія, — что въ прошедшій разъ она старалась быть со мною столь любезною, предстать передъ меня такою добродушною, чистою, откровенною, вся превратится въ сердце и прелесть, чтобъ наказати меня за мою несправедливость и удостоверить, что она была достойнѣе моего удивленія, чѣмъ безвинной вражды. Ежели это было сдѣлано съ намѣреніемъ, такъ она умная женщина! Такимъ образомъ и слѣдовало наказати меня!

Но гордость моя снова зашевелилась.

Наказати! Какъ, наказати? За что?... Конѣцъ концевъ, я не говорилъ объ ней ничего дурнаго, — я только шутилъ, — не думалъ объ ней, — не имѣлъ ни какихъ данныхъ о томъ, кто она, что она, — даже никого не спрашивалъ. Теперь, зная, что она премилая женщина, я соберу объ ней надлежащія свѣдѣнія, составлю себѣ ясное понятіе, и наши соотношенія должны считаться только съ этого времени. — Стой! стой!.....

— Шпирхъ!

По Каменноостровскому Мосту медленно катилась черная фигурка, согнутая дугою на грязныхъ, обрваннхъ дрожкахъ, влекомыхъ чахлою лошадкою.

— Шпирхъ, стой! Садись со мной въ коляску. Отпусти извозчика.

Пока Шпирхъ рассчитается и выбранится съ ванюкою, я расскажу вамъ, что значить слово — Шпирхъ.

Шпирхъ есть микроскопическое созданіе, смуглое, блѣдное, тощее, сухое, безъ тѣла, безъ крови, безъ чувствъ, безъ сердца, безъ души. Вы всегда найдете его на какомъ-нибудь тротуарѣ. Это домовою Невскаго Проспекта, — движущійся на пружинѣ оставъ, — легкая кость безъ мозга, вываренная въ котлѣ и обтянутая юфтью, или просто кожею: на кожѣ фланель, на фланели двѣ рубахи, на рубахахъ двѣ фуфайки, на фуфайкахъ манишка съ тремя пуговками, на манишкѣ два жилета, на жилетахъ кафтанъ, на кафтанѣ теплый сюртукъ, на сюртукѣ синяя медвѣжья шуба, — и все это, вмѣстѣ съ костями и кожею, образуетъ мягкій, упругій шаръ въ аршинъ и двѣнадцать вершковъ діаметра, оканчивающійся снизу кенгами, а сверху старою, помятою шляпою. Это зинній его нарядъ: лѣтомъ онъ не такъ красивъ. Шпирхъ служить въ какомъ-то приказѣ, снимаетъ въ наймы какіе-то дома въ какихъ-то улицахъ, уступаетъ знакомымъ людямъ какіе-то товары, продаетъ въ полубутылочкахъ какія-то вина, и безпрестанно занятъ какинито дѣлами. Онъ Французъ въ тѣхъ домахъ, гдѣ обожаютъ Французовъ, даже такихъ, какъ онъ, и Нѣмецъ съ тѣми, кто бранитъ все Французское. По Воскресеньямъ и въ большіе праздники онъ бываетъ Русскою; по Субботамъ онъ вѣроятно возвращается къ своей подлинной націи, потому что въ Субботу вы нигдѣ его не отыщете. У него все исчислено на рубли и копейки, — погода, умъ, грязь, жизнь, красота, знакомство, страсть и удовольствіе, — съ процентами, и рекаміями, какіе можно получить отъ нихъ, если бъ положить ихъ въ банкъ на приращеніе. А его мозгъ? его плоскій мозгъ устроенъ наподобіе счетной доски, и

на немъ-то выкладываетъ онъ съ безчеловѣчною точностью свои ощущенія, надежды и виды; на немъ-то холодныя, костяныя его понятія передвигаются, какъ шарики на проволоку, съ мертвымъ стукомъ, при непрерывномъ шопотѣ мозговыхъ его органовъ, который можете вы явно слышать, прислонивъ ухо къ его головѣ — «Сто сорокъ пять тысячъ семьсотъ девяносто девять; да три тысячи триста двадцать девять; да восемь,» — съ копѣйками. Въ его фразѣ нѣтъ другихъ оборотовъ, кромѣ денежныхъ; всякое его слово такъ и щупаетъ ваши карманы. Онъ не можетъ разсуждать, ни бесѣдовать, чтобъ не хитрить: обыкновенная риторическая фигура въ его разговорномъ слогѣ — плутня; и когда ужъ хочетъ онъ отличиться честностью, оставивъ карманъ вашъ въ покоѣ, то плутуетъ только звуками алфавита, — изъясняется каламбурами. Вы можете дурачить его, какъ угодно: онъ перенесетъ все съ улыбкою, не сердясь и не краснѣя; но когда будете подписывать ему вексель, то всѣ ваши эпиграммы и его улыбки найдутся въ общемъ итогѣ капитала и процентовъ. Я разорился отъ него именно такимъ образомъ. Разъ встрѣтилъ я его въ одномъ порядочномъ домѣ. Хозяйка сказала мнѣ:

— Мосье Шпирхъ человекъ очень любезный!

Онъ доставлялъ ей въ займы деньги безъ вѣдома мужа.

Хозяинъ прибавилъ:

— И какая честная душа!

Онъ доставлялъ ему то, о чемъ жена и не должна вѣдать. Теперь онъ сидѣлъ у меня въ коляскѣ, мчавшейся безъ шума по «чугунной дорогѣ изъ дерева,» какъ говорятъ Американцы.

— Ахъ, какъ я радъ, что съѣхался съ вами! Поздравляю, поздравляю васъ отъ всего сердца. Я слышалъ, что вашъ двоюродный братецъ умеръ. Это должно быть вамъ очень приятно....

— Мой братъ умеръ? Какой?

— Мосьё Иванъ Б — ой.

— Ты съ ума сходишь, любезный Шпирхъ! Онъ вчера женился.

— Неужто? А мнѣ сказывали, будто онъ вчера умеръ. Я такъ обрадовался!.... Не за себя, за васъ.

— Какъ, ты обрадовался за меня? Его смерть меня бы крайне огорчила. Я очень люблю брата.....

— Но вы получили бѣ наследство, тридцать тысячь дохода..... Тридцать тысячь, не шут.....!

— Ахъ ты, проклятый ростовщикъ! закричалъ я, смѣясь, но пополамъ съ гнѣвомъ. Послушай, любезный Шпирхъ! ради Бога, прекрати со мною эти штуки. Ты знаешь нашъ уговоръ?

— Знаю. Я обѣщалъ вамъ говорить всегда дѣло, безъ каламбуровъ.

— Такъ отвѣчай же мнѣ, честно и по совѣсти, на мой вопросъ. Ты знаешь всѣхъ, и поэтому долженъ знать княгиню Чундзулееву. Кто она такая?

— Diable! кто она такая? Она прекрасная женщина.

— Это и я знаю.

— Четыре тысящи душъ! триста тысячь дохода! Это лучше красоты.

— Знаешь ее лично?

— Какъ же! Я недавно промѣнялъ ее зеленую карету на ту, въ которой она ѣздитъ. Женщина прелюбезная и со вкусомъ; воспитанная въ Парижѣ, у Г-жи Деренардò, была принята въ домъ известной Г-жи Рекамьè, настоящая Француженка. Домъ ея поставленъ совершенно на Французскую ногу; тонъ превосходный, въжливость отличная. Вошедши къ ней, вы, кажется, вошли въ отель старинной Французской герцогини, какъ еще бывало въ мое время, до революціи. Иностранцы, дипломатическая молодежь, предпочтительно любили собираться у нея въ прошлую зиму; и тамъ очень пріятно проводить время.

О, она умѣетъ жить большимъ домою! Сама она не очень богатыхъ родителей, но имѣла счастье выйти замужъ за какого-то полуазіятскаго князя, Грузина или Турка, не помню, — я всегда смѣшиваю эти народы, — который былъ слѣпленъ весь изъ червонцевъ. На эти деньги она купила въ Россіи большія помѣстья..... Знаете ли, москѣ П-овъ! вы бы должны были плотно поддѣсть къ ней. Вы молоды, миловидны, съ такими густыми бакенбардами!..... Она предпочла бъ васъ многимъ своимъ обожателямъ. Это богатая взятка!.....

— Полно, полно, любезнѣйшій. Объ этомъ я васъ не спрашивалъ. Мнѣ только хотѣлось знать объ ней нѣкоторыя подробности по случаю одного важнаго дѣла.....

— Какого дѣла? спросилъ Шпирхъ съ жаднымъ любопытствомъ: Можетъ-статься, я въ состояніи помочь вамъ? Мнѣ извѣстны всѣ здѣшніе пути.....

Онъ присталъ ко мнѣ, какъ пѣвка, и хотѣлъ непременно высосать изъ меня *это* дѣло. Видя однако жъ, что я не расположенъ принять его въ долю, онъ опять обратился къ княгинѣ Чундзулеевой. Но я запретилъ ему говорить объ ней болѣе. И дѣйствительно, съ меня достаточно было того, что уже я слышалъ. По весьма уважительнымъ причинамъ, мнѣ не ловко было производить распросы у моихъ пріятелей и знакомцевъ, знавшихъ прежде мое объ ней мнѣніе, и только такой человекъ, какъ Шпирхъ, могъ безопасно доставить нужныя мнѣ свѣдѣнія. Эта мысль пришла мнѣ въ голову въ то самое мгновеніе, какъ я увидѣлъ его на мосту. Онъ объяснилъ мнѣ главныя обстоятельства: я не хотѣлъ почерпнуть болѣе подробностей въ такомъ нечистомъ источникѣ.

Но онъ смѣкнулъ, что этимъ оказалъ мнѣ большую услугу. Чтобы заплатить себѣ за трудъ разговора въ моей коляскѣ, или за то, что я называлъ его ростовщикомъ,

онъ сталъ навязывать мнѣ какую-то собаку, увѣряя, что я просилъ его прислать ее для меня, и что онъ избѣгалъ за ней весь городъ. Я защищался всѣми силами отъ собаки. Я говорилъ, что у меня теперѣ нѣтъ денегъ, и велѣлъ отвезти плута домой, на самый край города, думая тѣмъ удовлетворить его за сообщенныя извѣстiя. Нѣтъ! На другой день, еще я спалъ, какъ собака уже лаяла въ моей передней. Я приказалъ тотчасъ отвезти ее къ Шпирху. Ввечеру, она подослана была ко мнѣ вторично. Я вторично отправилъ ее назадъ. Пять дней возились мы съ нею такимъ образомъ: я бѣсился, грозилъ бить бездѣльника, наконецъ долженъ былъ взять отъ него бесполезное животное въ трехъ стахъ рубляхъ, до расчета.

Такъ и быть! эта собака имѣеть въ глазахъ моихъ особенную цѣну, которую одинъ я въ правѣ определять ей. Конецъ концовъ, мнѣ нельзя скрыть отъ себя того, что я люблю Теолину: я очевидно глупъ! Моя веселость уходитъ; мой счастливый, беззаботный характеръ уходитъ; склонность моя къ насмѣшкѣ уходитъ тоже. Я дуракъ! Я влюбленъ!... Но последнее званiе болѣе сходствуетъ съ моими правилами, и въ такомъ случаѣ Шпирхъ, корыстолюбивымъ своимъ совѣтомъ, подалъ мнѣ хорошую идею, которая, ежели сбудется, стоитъ цѣлой собаки. Чундзулеева, — какое благозвучное слово! она казалась мнѣ еще красивѣе подъ этимъ названiемъ, — Чундзулсева можетъ быть моя. Я рѣшился произвести правильное нападенiе на сердце очаровательной вдовы, въ которомъ небольшой проломъ по-видимому былъ уже сдѣланъ при первой встрѣчѣ нашей у графини Катерины Николаевны. Ежели только то не былъ маневромъ съ ея стороны, то.... А вотъ мы скоро увидимъ!

Я сталъ посѣщать чаще вдову моего покойнаго друга, и почти всегда заставалъ тамъ Теолину. Мы не разъ проводили втроемъ по нѣсколькимъ часамъ сряду, вмѣстѣ

гуляли по Островамъ, объѣдали, занимались музыкою, играли въ карты. Дружба, которую оказывала мнѣ графиня, сообщилась ея пріятельницъ и сосѣдкѣ по дачѣ: Теолина дала при мнѣ свободный ходъ своему веселому и игривому характеру, и обращалась со мной непринужденно. Я убѣдился, что она отнюдь на меня не гнѣвалась. Каждый день открывая въ ней болѣе и болѣе прелести, замѣчалъ я съ восторгомъ, что она тоже отдавала мнѣ львное преимущество передъ другими; любила находиться въ моемъ обществѣ, и даже принимала на себя смѣлость выговаривать мнѣ иногда отъ имени хозяйки, что я не былъ у нихъ въ такой-то день, когда имъ было очень скучно, очень весело или очень сыро все время. Ея глаза, ея чудесная улыбка, ея бѣлое и прозрачное плечо, очевидно дѣлали мнѣ тѣ же упреки и тѣ же привѣтствія. О божественная вдова!... Я бросился всѣмъ тѣломъ въ радужное пламя страсти, безпрестанно разжигаемой столь горючими веществами; и хотя не имѣлъ еще случая представить ей, въ нѣсколькихъ словахъ, ясное и удовлетворительное извлеченіе изъ моихъ чувствованій, но тысяча мелкихъ въжливостей, тысяча доводовъ тонкаго предпочтенія, которыя не переставалъ оказывать ей непримѣтно, и которыя великая женщина не только хорошо понимаетъ, но и удостоиваетъ полного своего одобренія, позволяли мнѣ заключить съ достовѣрностью, что я тронулъ ея осиротѣлое сердце. Я сталъ крѣпко думать о томъ, какъ бы скорѣе исторгнуть ее изъ мучительнаго состоянія вдовы, и возвратить къ супружескому счастью, прерванному кончиною почтеннаго князя Чундзумева. Надѣюсь, что въ цѣлой экономіи моего тѣла не найдете вы ни одного золотника чувствъ рабскихъ и продажныхъ; за всѣмъ тѣмъ я не оспариваю факта, что четыре тысячи душъ и триста тысячъ дохода, о которыхъ упомянулъ Шпирхъ, несмотря на мое презрѣніе къ этому мерзав-

цу, никакъ не могли уменьшить во мнѣ удивленія красоту и уму Теолины, ни поколебать любви къ ея особѣ. Увѣренный по чистой совѣсти, что такъ же страстно обожалъ бы ее и тогда, когда бѣ у ней не было ни гроша за душою, — хотя тогда былъ бы гораздо осторожнѣе съ изъявленіемъ ей моего обожанія, — я рѣшился употребить всѣ мѣры, чтобъ привести это дѣло къ честному и удовлетворительному для обѣихъ сторонъ заключенію.

Приличія не позволяли мнѣ посѣщать слишкомъ часто домъ графини: она, по мнѣнію своихъ пріятельницъ, была вдова; я былъ молодъ и, по мнѣнію враговъ моихъ, повѣса. Какъ бы видѣться съ Теолиною въ другомъ мѣстѣ? На ея устахъ уже нѣсколько разъ нѣжно дрожало для меня сладкое приглашеніе бывать въ ея домѣ, но внезапный румянецъ всегда сожигалъ его на тѣхъ же розовыхъ листьяхъ, съ которыхъ старалось оно взлетѣть на воздухъ, для моего счастья. Эта нерѣшимость и мучила меня ужаено, и исполняла сладости: опытные люди знаютъ, что такое она значить. Но я вспомнилъ, что у Теолины есть годичная ложа въ Италіанской Оперѣ, и что она часто пріѣзжаетъ съ дачи въ театръ. Я зналъ ея ложу: пятая по правую сторону, въ Большомъ Театрѣ. Я повѣхалъ въ Италіанское представленіе.

Въ театрѣ почти никого не было: пять или шесть ложъ въ первомъ ярусѣ, во второмъ еще менѣе, — въ креслахъ человекъ тридцать, не болѣе, все въ очкахъ и съ лысынами различныхъ видовъ и неравнаго блеска. Это *дилеттанты*, записные любители музыки! Для нихъ подлѣ скрипки и валторны нѣтъ ни зимы, ни лѣта. Въ театрѣ духота ужасная, — въ пятой ложѣ по правую сторону ни живой души. Я оставилъ свое мѣсто, и усвѣлся въ порожнихъ креслахъ подлѣ самой ложи Теолины.

Увертюра кончилась, — занавѣсъ поднимается, — пятый номеръ пусть! Нѣсколько дурныхъ актеровъ и дурныхъ пѣвицъ распѣваютъ речитативомъ дурное сочиненіе, и на странные жесты усердно наматываютъ безконечными нитями славу, пзмѣну, любовь и ненависть. Это меня не занимаетъ! Изъ всей пѣтой исторіи, одни дилеттанты, сидѣщіе передо мною съ расплавленной душою и разинутыми ртами, нѣсколько услаждали мою скуку. Какія фигуры!.... Наклонясь бокомъ къ сценѣ, съ напряженными на вспотѣвшихъ лбахъ жилами, съ протянутою шеей, съ прикованнымъ къ оркестру слухомъ, они напомнили мнѣ лучшихъ и внимательнѣйшихъ дилеттантовъ, какихъ только я видалъ, — Константинопольскихъ хлѣбниковъ, пойманныхъ Турецкимъ полицмейстеромъ въ продажѣ неполновѣснаго хлѣба, и пригвожденныхъ за ухо къ дверямъ своихъ лавокъ вдоль цѣлой улицы. Это положеніе я считаю самымъ выгоднымъ, и для страстнаго слушателя, и для композитора музыки: тутъ ужъ ни одна нота не можетъ быть потеряна. Турки — дивные изобрѣтатели!

А Теопины все нѣтъ!

Пьеса продолжается. Прима-донна пустила такіа двѣ ракеты голоса, что я взвелъ глаза въ небо, глядя, куда онѣ полетятъ, и опасаясь, чтобъ не упали мнѣ на голову. Зато жъ ее, бѣдняжку, тотчасъ повели на смертную казнь подъ звуки кадрили съ варіаціями..... И вдругъ раздался надо мною шумъ отворяющейся двери и переставляемыхъ стульевъ. Я взглянулъ. Это она! Теопина здѣсь!

Она была съ сестрою.

Огонь, вспыхнувшій откуда-то изъ-подъ земли, взвился по всему моему тѣлу, и залилъ голову мою жаромъ и блескомъ. Нѣсколько времени я не смѣлъ дышать: потомъ испустилъ длинною струею весь воздухъ, спершійся въ груди, и устремилъ смущенный взоръ

на сцену. Божь мой; что она себѣ подумасть, увидя меня сидящаго въ этой театальной пустынѣ, вѣдь самую ея ложею!... И что жъ такое? Вѣдь она женщина. Женщины знаютъ, что объ этомъ думать.

Я никогда не забуду того чудеснаго выраженія на весеннемъ лицѣ ея, когда, легонько склонясь ко мнѣ, съ притворнымъ изумленіемъ, — я готовъ побожиться, что съ притворнымъ! -- сказала она мнѣ изъ ложи — «А, мосьё П-овъ, и вы здѣсь!» — и привѣтствовала меня рукою, которая съ той самой минуты дѣлалась уже моею. «Не хотители завернуть къ намъ, въ ложи?»

Я чуть не превратился въ облако отъ такой неожиданной милости. Въ два мгновенія уже я былъ подлѣ моей волшебной вдовы; въ третье она мнѣ говорила:

— Какъ я рада, что нашла васъ здѣсь! А то я была въ отчаяніи, не зная, куда послать вамъ записку, съ просьбою, чтобъ вы сегодня, послѣ театра, пожаловали ко мнѣ на вечеръ. У меня будетъ графиня Катерина, и еще нѣсколько челоувѣкъ, — все милые и умные люди, — я не терплю скучныхъ, — и мы именно говорили съ Наниной, — съ моей сестрой — я думаю, вы позволите знать мою сестру?

Мы поклонились другъ другу.

— Мы говорили съ Наниной: «Ахъ, что бы я ни отдала, если бъ мы гдѣ могли поймать васъ сегодня!»

— Княгиня, вы слишкомъ добры! И я не въ силахъ обнять мыслию столько счастья....

— Вы будете у меня?

— Коль скоро вы, такимъ любезнымъ образомъ, позволите мнѣ исполнить всегдашнее мое желаніе....

— Нѣтъ, я вамъ не вѣрю. Вы обѣщали графинѣ быть у ней третьяго дни, и не были.

— Я былъ нездоровъ.

Она улыбнулась.

— Вы сомнѣваетесь, княгиня?

— Нѣтъ. О, нѣтъ!.... Надинька! я думаю, что мы лучше сдѣлаемъ, когда не выпустимъ его отсюда? У насъ въ каретѣ довольно мѣста, и мы готовы похитить васъ, если это вамъ не противно.

— Я навѣрное не стану защищаться.

Такое благополучіе было свыше моихъ мечтаній. Я остался въ ложѣ до конца Оперы. Нѣсколько франтовъ разнаго возраста и объема приходило любезничать съ моею Теодиной во время послѣдняго антракта, но я не обращалъ на нихъ вниманія. Дѣла мои были въ хорошемъ положеніи

Послѣ театра, я усадилъ прелестную Теолину и будущую мою невѣстку, Надиньку, въ карету, и отправился вмѣстѣ съ ними на Каменный Островъ, приказавъ своему кучеру слѣдовать за нами. Мы болтали всю дорогу; я былъ въ той степени упоенія, въ какое впадаютъ только кружащіеся дервиши, свалившіеся съ ногъ отъ быстрого тѣловращенія, когда всѣ предметы являлись имъ въ яркихъ движущихся цвѣтахъ и въ огромномъ огненномъ колесѣ, по которому пляшутъ ангелы. Теодина сказала мнѣ между-прочимъ, что, пріѣхавъ въ Петербургъ въ началѣ прошлой зимы, она открыла свой домъ для всѣхъ, кто будетъ ей представленъ, но что это повлекло за собою разныя неудобства, сплетни, злословіе; что, поэтому, она принуждена была уединиться на три или четыре мѣсяца, чтобъ преобразовать свое общество, и что теперь будетъ принимать у себя только избранныхъ друзей своихъ. Эта откровенность объяснила мнѣ многое: я легко отдалъ себѣ отчетъ въ томъ, почему не встрѣчалъ ея въ обществахъ, и какъ потомъ увѣрился, будто она уѣхала изъ Петербурга. Намъ рѣваясь жениться, не худо разсѣять напередъ свои сомнѣнія. Я былъ доволенъ всѣмъ, что слышалъ въ каретѣ.

Мы остановились у великолынной дачи, которая въ предшествующее лѣто принадлежала одному моему знакомцу. Я не узналъ ея: умная роскошь въ цѣломъ и неподражаемый вкусъ во всѣхъ подробностяхъ, — пышные цвѣты и растенія, уставленные живописными рощами, гравюры, книги, фортепіаны, арфы, флейты, гитары, офиціанты вмѣсто лакеевъ, страшный негръ, жирная болонская собачка, большой какаду, прелестныя софы, диваны, оттоманы, лоншезы, столики, вазы, ящики и кресла различныхъ видовъ, — и въ серединѣ залы большой круглый столъ съ колоссальнымъ самоваромъ, покрытый чашками, тарелками, фруктами, винами и жареною дичиною, въ лучшемъ Англійскомъ *стиль*, — придавали этой дачѣ видъ совершенно иностранный, видъ Французскаго загороднаго дома или одного изъ тѣхъ сельскихъ убѣжищъ, которыя строятъ себѣ жители рая, — и именно жители со вкусомъ и съ деньгами.

— Какъ вамъ кажется моя дача? спросила меня привѣтливая хозяйка, сама обводи меня по всѣмъ комнатамъ. Я купила ее въ ужасномъ положеніи, и сама устроила.....

Въ это время вошла въ гостиную графиня Катерина Николаевна, пріѣхавшая прежде другихъ ожидаемыхъ гостей.

— Любезная Катерина, видишь, какъ я проворна! Я сама его отыскала и, для большей безопасности, привезла въ своей каретѣ. Мосье П — овъ, я ласкаю себя, что съ сей поры вы не будете дѣлать различія между домомъ моей прелестной графини Катерины и моимъ. Я, такъ же какъ и она, всегда дома дѣятъхъ, отъ которыхъ мы безъ памяти. Сегодня, кажется, представила я вамъ ясное доказательство, сколько общество ваше мнѣ пріятно.

Я не прописываю моихъ отвѣтовъ: они заключались въ обыкновенныхъ и приличныхъ случаю вѣж-

ливостяхъ. Существо дѣла состоитъ въ томъ, что говорила княгиня Татьяна Кондратьева Чундулеева.

Скоро началъ съѣзжаться *выборъ* друзей моей Теодины. Я тотчасъ примѣтилъ, что мерзавецъ Шпирхъ сказалъ мнѣ правду: этотъ выборъ былъ сдѣланъ по правиламъ Парижскихъ гостиныхъ, а не по нашимъ, и, въ результатъ, представлялъ точный скирецъ общества Французской хозяйки-красавицы, слывающей въ то же время умною и любезною женщиной. Тутъ были, въ малыхъ пріемахъ, старые генералы и молодые полковники; два или три поэта, три или два пзвѣстные литератора, — сколько можно было достать въ Петербургъ; одинъ знаменитый артистъ, — а можетъ и болѣе; два прежде-бывшіе великіе чловѣка, изъ которыхъ одинъ говорилъ довольно умно; нѣсколько отвратительно интересныхъ иностранцевъ, которые такъ свободно обращались съ моей вдовою, что на меня находила лихорадка каждый разъ, какъ эти дерзкіе дипломаты съ ней разговаривали; нѣсколько мужей безъ женъ, нѣсколько женъ безъ мужей, матерей съ дочками, и молодыхъ прекрасныхъ женщинъ, между которыми прекраснѣйшая изъ женщинъ сіяла какъ солнце между звѣздами, — предполагая, что солнце нечаянно возшло бъ о полночи для сообразности этого сравненія.

Въ одномъ только можно было упрекнуть разборчивость умной и прелестной хозяйки. Что дѣлалъ въ нашемъ обществѣ, такъ умно составленномъ, этотъ черномазый Азіятецъ въ синемъ фракѣ, съ носомъ во всю длину лица и съ крестомъ на шеѣ, сидѣвшій въ концѣ стола, и подчивавшій сосѣдей табакомъ? Его ни подъ какимъ видомъ не слѣдовало пускать въ покон! Но, правду сказать, онъ могъ быть близкій родственникъ, братъ или дядя покойнаго князя Чундулеева. Если онъ братъ или дядя, такъ это ничего не значить!

За чайнымъ столомъ внимательная и ловкая Теолина посадила меня подлѣ себя. Блаженство находится такъ близко къ обожаемому предмету, роскошь ощущать на лицѣ своемъ вътерекъ его рѣчей, мысль о томъ, что скоро буду обладать такимъ бѣлымъ, такимъ розовымъ сокровищемъ, наконецъ и самый чай, — чай тоже много придастъ ума, — всѣ эти вещи, или обстоятельства, чрезвычайно расположили меня къ веселости, къ остроумію, къ разговорамъ быстрымъ, шутивымъ, разнообразнымъ, невѣроятнымъ. Цѣлый часъ деспотически царствовалъ я за чайнымъ столомъ. Маменьки особенно мнѣ удивлялись: одна почтенная старушка такъ меня заслушалась, что уронила сахаръ, и пролила чай себѣ на платье. Литераторы хотѣли со мной спорить. Одинъ изъ поэтовъ написалъ на меня, подъ столомъ, злую эпиграмму: это ихъ силлогизмъ! Но дипломаты, примѣтивъ, съ какимъ удовольствіемъ слушаетъ меня Теолина, струсили, и вытаращили глаза на пледъ: они ясно смѣкнули, что имъ тутъ не достанется ни куска вдовы. Теолина была въ восхищеніи: она говорила мнѣ, съ небесною улыбкою:

— Вы по-истинѣ неисчерпаемы. Откуда у васъ все это берется? Я вамъ тысячу разъ благодарна, что вы не отказались прѣхать ко мнѣ сегодня.

И я не преувеличиваю! Вы можете себѣ представить, какъ я былъ уменъ въ тотъ вечеръ, когда черномазый Грузинецъ, не понимавшій ни слова по-Французски, подошелъ ко мнѣ послѣ чаю, и поподчивалъ меня табзкомъ! Этотъ вѣнецъ былъ для меня драгоценнѣе большой медали иной Академіи.

Да и я самъ былъ отъ себя въ восхищеніи, — не только потому, что этимъ явно покоришь себѣ новую и чуть-ли не самую богатую чувствами область сердца Теолины, но — увы! — и потому, что счастливое вдохновеніе этого незабвеннаго вечера льстило мнѣ

надеждою, что мой прежній умъ еще ко мнѣ возвратится. Бесплодная мечта! Обманчивый призракъ! Тогда я уже былъ вполowiцу дуракъ. Потомъ сталъ еще пуще. И, съ тѣхъ поръ никакъ уже не могъ оправиться умомъ, — къ крайнему сожалѣнію моему и моихъ читателей.

Послѣ чаю, занимались музыкою; Надинька (моя невѣстка) пѣла; дѣвицы танцовали; Теолина, распредѣливъ умственныхъ инвалидовъ, однихъ въ кадрили, другихъ къ висту, изъ фталльныхъ, изъ всего надѣленного даромъ пріятнаго слова, составила около себя большой кругъ, въ которомъ, съ удивительнымъ умѣньемъ, съ непостижимою прелестью и свободою, развернула свои блистательныя способности къ образованной бесѣдѣ. Она превосходно управляла разговоромъ, воспламеняла его искрами своего остроумія, сводила всегда къ общему удовольствію, не забывая о своихъ успѣхахъ; принимала на себя всѣ виды любезности, царствовала, обвораживала, торжествовала. То была ночь ея славы, ночь чудесъ и волшебства. Я никогда не проводилъ въ Петербургъ, ни въ его окрестностяхъ, трехъ часовъ времени такъ пріятно для ума.

Мы разѣхались въ исходѣ третьяго, всѣ очарованные хозяйкою; — я въ особенности.

Но я провожалъ графиню до ея кареты, и она сказала мнѣ на крыльцѣ:

— Знаете ли, мосѣ П — овъ, что вы совершенно цѣкорили сердце одной прекрасной и очень интересной вдовы?

— Не ваше?

— Нѣтъ!

— Такъ я не стану любопытствовать далѣе.

И она уѣхала. Я бросился въ коляску, и покотилъ въ городъ. Ночь была синяя, искристая, величественная. Последніе дни Августа возвратили Петербургскимъ одеждамъ полное ихъ сілліе; лунь, богатое ея серебро;

вочи, ея поэзію. Красныя, желтыя, зеленыя, коричневыя деревья, — великолѣпное кладбище лѣта, освѣщенное лампадою земли, и быстро скользящее мимо глазъ моихъ съ своими пестрыми памятниками, между которыми лежали огромныя массы мрака, — навѣвало осеннимъ холодомъ на мое горящее лице, — горящее удовольствіемъ, — горящее страстною и пылкою мыслію. Я снялъ шляпу, чтобъ освѣжить голову. Слова графини гнались за мною всю дорогу, и безпрестанно хватали меня за уши. Я только улыбался. Теперь ужъ нѣтъ сомнѣнія, что, если захочу, то вдова — моя! Я совершенно покорилъ ея сердце, говорить графиня?..... Да я и самъ это знаю! Нельзя сказать, чтобъ она оказала мнѣ сегодня рѣшительное предпочтеніе передъ другими: она была равно любезна ко всѣмъ, и старалась поставить каждаго въ самомъ выгодномъ для него свѣтъ; но это такъ должно быть. Она — умная женщина! Рѣшительное предпочтеніе прійдетъ своимъ чередомъ, — когда женщины на все рѣшаются. Она ведетъ себя очень осторожно, и я долженъ подражать ея примѣру. Горячиться не надобно! Она очевидно хочетъ, чтобъ дѣло шло правильно, съ соблюденіемъ всѣхъ приличій, и кончилось самымъ естественнымъ образомъ.....

И оно кончится такъ естественно, какъ еще не было тому примѣра во всей Естественной Исторіи!

Ну, кака я меня будетъ жена! Чудо! Что за женщина! Или, лучше сказать, что за вдова! Если ужъ жениться на вдовѣ, такъ по-крайней-мѣрѣ на такой... Теолина! О, моя безцѣнная Теолина!.....

Триста тысячъ дохода....? Триста тысячъ у нея, да четырнадцать у меня, это составляетъ триста четырнадцать тысячъ рублей въ годъ: вдвоемъ можно жить на эти деньги. Соединивъ наши имѣнія, — четыре тысячи душъ ся, и сто тридцать восемь душъ моихъ, — у насъ будетъ всего, круглымъ числомъ, четыре ты-

сдачи сто тридцать восемь душъ крестьянъ, — состояніе прекрасное, — съ которымъ не стыдно жить въ свѣтъ. Что я не интересанъ, это ужъ извѣстно; но въ супружествѣ все соединяется, — и мои души должно жъ присоединить къ чему-нибудь! Я не виноватъ, что ея души будутъ, количествомъ своимъ, подавлять моихъ. Пусть себѣ души давятъ другъ друга, сколько имъ угодно, — это не мое дѣло — я женюсь не на нихъ, а на Теолинѣ, у которой только одна душа, такъ же какъ у меня. Мы одинаково богаты въ этомъ отношеніи. Совокупивъ эти двѣ звезды въ одну супружескую систему, мы представимъ Петербургскому горизонту самое блистательное созвѣздіе душъ нѣжныхъ и счастливыхъ, — соединеніе свѣтилъ красоты и нравственности..... Нравственность я хотѣлъ взять на себя.

Однимъ словомъ, это уже рѣшено, что я любилъ бы Теолину и безъ всякихъ постороннихъ душъ, и я не видѣлъ причины, почему бы обижать ее, считать недостойною моею приверженности, лишать неизъяснимаго счастья быть моею супругой, изъ-за какихъ-то душъ, обитающихъ въ чужихъ, и притомъ черныхъ, тѣлахъ? Золотая рама всегда лучше выказываетъ достоинства отличной живописи. Такая чудесная картина не можетъ быть безъ рамы. Я предполагалъ восхищаться одною картиною, — души здѣсь были бы только для украшенія, — и никто не былъ въ правѣ сказать, будто-бы я женился для имѣнія, — которое презираю, — доказательствомъ, мое собственное, совершенно разоренное долгами!

Я счелъ нужнымъ подробно изложить здѣсь мой образъ мыслей о важномъ обстоятельствѣ богатства интересной вдовы, потому что я ужасно щекотливъ на эти вещи.

На другой день я поѣхалъ къ ней съ визитомъ: двѣ безбожныя дамы, которыхъ не хочу назвать по имени, отняли у меня счастье провести съ нею четверть

часа безъ свидѣтелей. Въ концѣ той же недѣли встрѣтилъ я ее у графини Катерины Николаевны: она уже обращалась со мною, какъ съ другомъ. Потомъ я бывалъ у ней довольно часто на дачѣ, но одинъ никогда я заставлялъ ее обыкновенно въ обществѣ нѣсколькихъ кавалеровъ и дамъ, разбросанныхъ по кресламъ, образующимъ два полукружія передъ ея любимымъ диваномъ, и это общество мѣнялось безпрестанно. Очень рѣдко попадались мнѣ тѣ самыя лица два раза сряду. Одинъ только черномазый Азіятецъ, въ синемъ фракѣ и съ длиннымъ Кавказскимъ носомъ, — который осчастливилъ меня табакомъ въ первое мое посѣщеніе, — казался ея постояннымъ гостемъ: никто не примѣчательный, онъ иногда занималъ послѣднія кресла лѣваго полукружія, молчалъ весьма учтиво, и кланялся мнѣ небрежно, когда входилъ я въ гостиную. Много чести!

Разъ, въ исходѣ Сентября, захватилъ я днемъ къ Теолине. Она была въ городѣ. По залѣ, расхаживалъ тотъ самый Азіятецъ, въ томъ же фракѣ и съ тѣмъ же носомъ: онъ встрѣтилъ меня у дверей съ преважными жестами, какъ-будто прося войти въ покон. Будучи учтивъ со всѣми, я принялъ приглашеніе.

— Княгини нѣтъ дома, сказалъ онъ мнѣ по-Русски: но она скоро будетъ. Я самъ давно жду ее.

А! такъ онъ пришелъ къ ней по дѣлу, подумалъ я: ужъ вѣрно кредиторъ! Теолина очевидно ведетъ съ мнѣ денежные дѣла, — и я объ ней сожалею. Эти Азіяты ужасные ростовщики! Не понимаю, какъ можетъ она связываться съ такими людьми? Шпиртъ!... Да этотъ!... Они ее разоряютъ! Она непременно дѣлаетъ долги!... Со временемъ я все это устрою.

— Какъ вы находите дачу княгини?

— Прелестна.

Онъ поподчивалъ меня за то табакомъ, котораго я не нюхаю.

— Княгиня поѣхала въ городъ смотреть свой домъ, который отдѣлываютъ для зимы.

— А! она поѣхала смотреть свой домъ.

— Княгиня дѣлаетъ все съ такимъ вкусомъ! Вы конечно захотите увидѣть ея домъ, когда она переедетъ въ городъ?

— Если только вы мнѣ позволите!.... воскликнулъ я насильливо, проглотивъ улыбку вмѣстѣ съ знакомъ восклицанія.

Онъ поклонился мнѣ преучтиво, произнося предлинное и превызательное — А!!!...

— Княгиня чрезвычайно любитъ веселыхъ людей, а васъ особенно. Она будетъ чрезвычайно рада. Она часто говоритъ со мной объ васъ съ такимъ восхищеніемъ!

Вотъ прекраснаго секретаря нашла себѣ Теодина! подумалъ я. Но это извѣстіе было мнѣ такъ приятно, что я поклонился ему очень въжливю.

Онъ, въ свою очередь, отвѣсилъ мнѣ два или три поклопа.

Потомъ онъ сталъ говорить мнѣ о каретахъ княгини, — коляскахъ княгини, — лошадяхъ княгини, — покупкахъ для княгини, — и я увидѣлъ ясно, что онъ ея управитель. Странно только, что Теодина допускаетъ его къ своимъ секретамъ, и позволяетъ засѣдать передъ диваномъ при людяхъ! Правда, что онъ всегда садится на послѣднемъ стулѣ, но и тамъ ему не мѣсто. Охъ, ужъ мнѣ эти Кавказскіе нравы!.....

Не желая заводить тѣснѣйшей дружбы съ управителемъ Теодины, я простился съ нимъ такъ въжливю, какъ только должно прощаться съ довѣреннымъ слугою своей возлюбленной; сказалъ, что мнѣ не досугъ дожидаться княгини, и что я завернулъ только на минутку, чтобъ засвидѣтельствовать мое почтеніе; прошилъ его кланяться ей отъ меня, и уѣхалъ. Онъ провожалъ меня до самаго крыльца съ изъивненіями не:

обычайной преданности, — и это былъ оченьъ хорошій знакъ. Голубчикъ, смѣкнулъ въ чемъ дѣло!.... Слуги чуютъ за полгода впередъ, кому суждено быть ихъ господиномъ.

Тридцатаго Сентября Теолина переехала въ городъ. Графиня Катерина Николаевна оставалась на дачѣ до десятаго слѣдующаго мѣсяца. Я уже посѣтилъ Теолину два раза въ ея домъ, и она приняла меня съ возрастающею любезностью, сквозь которую просвѣчивалось что-то пѣжнѣе и лучше любезности: во второй приходъ мой она говорила мнѣ съ невыразимымъ чувствомъ о счастіи супружеской жизни, о блаженствѣ быть любимою добрымъ и вѣрнымъ мужемъ, о разныхъ этого рода вещахъ, — изъявляя пламенное желаніе, чтобы графиня оставила свою несчастную мысль быть вѣчно плачущею вдовою, и рѣшилась выйти вторично замужъ. Если бѣ тутъ не было моей невѣстки, Надиньки, я бы тотчасъ упалъ къ ногамъ моей прелестной вдовы, и присягнулъ ей быть точно такимъ мужемъ, какого она желаетъ, — добрымъ и вѣрнымъ, — баснословно вѣрнымъ; но я не хотѣлъ причинять ущерба нравственности невинной дѣвицы зрѣлищемъ огненнаго любовнаго изъясненія. Несносная Надинька! Теолина почти сама приглашаетъ меня прекратить ея мученія, а я долженъ отвѣчать ей жестокимъ молчаніемъ! Въ глазахъ ея, нѣжно лелѣявшихъ алмазную слезу, пылалъ такой огонь, — такой чудесный огонь, который пылаетъ только во вдовьихъ глазахъ! Но она могла ясно прочитать въ моихъ, что я вполне раздѣляю ея чувства: я тоже ношу глаза не для очковъ. Въ заключеніе мы условились пріятно изумить графиню неожиданнымъ навѣщеніемъ ея на дачѣ, наканунѣ переезда ея въ городъ.

Какъ ей, бѣдняжкѣ, хочется выйти скорѣе замужъ!... Изачѣмъ эти женскія хитрости! Съ нѣкотораго времени она такъ часто и такъ умилно говоритъ мнѣ о гра-

Финт, влюбленной въ своего покойника, какъ-будто желала сосватать меня съ нею; и вымечить свою подругу отъ меланхолин, давъ ей проглотить меня въ одинъ приемъ. Но кто жъ этого не понимаетъ, что графиня тутъ — сама Теолина? что, зная страсть мою къ себѣ и не слыша отъ меня ни слова, она нарочно притворяется увѣренною, будто я влюбленъ въ другую, единственно для сохраненія передо мною своего равновѣсія? Охъ, она искусная кокетка!... Но всѣ женщины кокетки!... Надо непременно разстронть это равновѣсіе рѣшительнымъ ударомъ. Но я обшчалъ прежде поухать къ графинѣ.

Это было исполнено. Я уже засталъ Теолину у нашей общей пріятельницы, которую нашелъ печальною, съ заплаканными глазами, въ глубокомъ траурѣ. По-несчастью, то былъ день, въ который, три года тому назадъ, мой другъ палъ смертью храбрыхъ. Воспомянiя навѣяли грусть и на мой умъ. Мы были скучны весь вечеръ, какъ Чухонская проповѣдь; Теолина сверхъ того казалась разсѣленною. Она пристально смотрѣла на одну изъ гравюръ, лежавшихъ на столикѣ, когда хозяйка на-мицуту оставила насъ однихъ въ гостиной.

— Знате ли, о чемъ я думаю? сказала она мнѣ, не приподнимая своей изящной головки.

— Ваши мысли всегда такъ милы, что я пламенно желалъ бы знать ту, которая теперь васъ занимаетъ.

Она взглянула на меня, сопровождая свѣтлый лучъ своего взора улыбкою, такую очаровательною, — немножко коварною, — какихъ я теперь не вижу въ Петербургѣ.

— Вы, мосьё П — овъ, человекъ опасный для вдовъ!

— Въ такой же степени, въ какой вдовы для меня, отвѣчалъ я довольно живо.

— Не думаю!....

А! у кой на умъ та самая вдова, о которой говори-
ла мнѣ графиня!....

Графиня вошла въ комнату, и, какъ я превосходно
ощущалъ значеніе этого слпшкомъ живаго намъка,
то счелъ нужнымъ завести другой разговоръ, —
первый, который пришелъ мнѣ въ голову. Теодина,
Теодина! думалъ я съ жгучею болью въ сердцѣ, тогда
какъ хозяйкѣ рассказывалъ забавное приключеніе съ
одной дамой, нарумленной и въ страшныхъ перьяхъ,
которая выпала вчера изъ кареты въ грязь, на Иса-
киевской Площади: бѣдная Теодина! ты сомнѣваешься
въ могущество твоихъ прелестей надъ коимъ сер-
дцемъ? Нѣтъ, нѣтъ! это должно рѣшиться. Я не могу
долѣе вынести подобной пытки!.... И тебя, прелест-
ное существо, не должець подвергать ей!.... Но какъ
дѣло было очень ясное и вѣрное, то я спокойно до-
сказалъ свою исторію, прибавилъ къ ней еще два или
три анекдота, немножко поумнѣе предъидущаго, и,
послѣ чаю, уѣхалъ домой.

Мнѣ нужны были уединеніе, постель, темнота.
Страсть совершенно овладѣла мною. Завтра сраженіе!
побѣда — или смерть!.... Побѣда! Все предвѣщаетъ
успѣхъ, — и онъ не первый въ моей жизни. Но пе-
редъ сраженіемъ сердце дрожить и у самаго искусна-
го полководца. У меня, голова страшно горѣла, мозгъ
сжимался въ раскаленномъ черепѣ, грудь была
угнетена огромною тяжестью. Мнѣ чудилось, будто
весь Кавказъ лежитъ на мнѣ, — весь, съ горами, по-
крытыми снѣгомъ, и съ Грузіею, — и что по этой
Грузіи расхаживаетъ блѣдная тѣнь Чупдзулеева, мо-
его покойнаго предшественника, грозя мнѣ адомъ,
если я женюсь на его женѣ. Но я не суевѣренъ. Ка-
кіе пустяки! что за связь между адомъ и его женою? Это
старая уловка всѣхъ ревнивыхъ мертвецовъ!.... Впро-
чемъ, я скоро привѣтилъ, что этотъ Кавказъ съ Гру-
зіею былъ только подушка, которую, въ страстномъ

вмнениі вытащилъ изъ-подъ головы, и положилъ на своей груди, и что ужасная тяжесть Кавказскихъ Горъ происходила отъ Шпирховой собаки, взбравшейся спать на эту подушку. Я прогналъ собаку, и видѣніе кончилось. Но тутъ начала дѣйствовать логика. Умю ли я дѣлаю, что хочу жениться на вдовѣ? на женщицѣ, преданной наружности, свѣту и пустому блеску? жадной похвалъ? стремящейся господствовать надъ всѣмъ, что ее окружаетъ?... Много, много женскихъ сердець прошло черезъ мои руки, — и что жъ я открылъ въ нихъ? Выспреннюю, непостижимую преданность, пока страсть пожираетъ внутренность; извѣну послѣ страсти, — или склонность къ извѣнью. Одно только нашелъ я въ мірѣ сердце, парочко созданное для долгаго счастья, — но то было сердце юное, дѣвственное, певинное, сердце теплое и чистое какъ самое пламя, бьющееся сердце, которое быть-можетъ никогда не дрожало любовью, пока я не тронулъ его первый, — и которое ужъ вѣрно никогда не дрожало такъ послѣ! Это сердце слѣдовало мнѣ сдѣлать вѣчнымъ союзникомъ моего, а не сердце красавицы умной, любезной, — знающей, что она любезна, — старающейся доказать всѣмъ, что она умна и прекрасна..... Но логика — вещь самая глупая и вредная, когда дѣло идетъ о женитьбѣ. Я именно потому люблю Теолину, что она прекрасна, умна и любезна, и женись потому, что люблю, — а тамъ что Богъ дастъ..... Вотъ настоящая логика!

Я уснулъ, когда уже солнце было на горизонтѣ, и всталъ около полудня. Нарядясь съ отличнымъ вкусомъ, я выѣхалъ со двора, — то есть, меня вывели безчувственнымъ отъ страха и позора изъ тюрьмы на любное мѣсто: влюбленный передъ объясненіемъ очень захожъ на преступника, приговореннаго къ смерти. Еще было нѣсколько рано, и я рѣшился пройтись по тротуару Невскаго Проспекта, чтобъ собрать и при-

вести въ порядокъ свои мысли передъ роковымъ ударомъ сѣкиры. Мимо меня текли непрерывною цѣпью лица блѣдныя, безобразныя, холодныя, взрытыя потухшими страстями, искривленныя спѣсью, надутыя тщеславіемъ безъ цѣли, растянутыя на аршинъ корыстолюбіемъ или сплюснутыя въ листокъ тяжелымъ молотомъ глупости. Вы не можете себѣ представить, какія фигуры ходятъ по Невскому тротуару въ тѣ часы, въ которые гуляютъ тамъ влюбленные незадолго до изъясненія! Ну, право, умора! Если хотите видѣть тротуарныя лица въ ихъ подлинной наготѣ, во всей ихъ карикатурности, подитека посмотрѣть на нихъ глазами любовника, внутри котораго, для такой большой оказіи, огонь возвышенной страсти все переплавилъ, все очистилъ, все облагородилъ идеаломъ обожаемаго совершенства. Ну уже скоро два часа.

— Дома ли княгиня?

— У себя. Пожалуйте!

Въ одно мгновеніе, съ подъезда, минуя лѣстницу, взлетѣлъ я въ волшебный будуаръ, гдѣ Теолина, плѣнительнѣйшая чѣмъ когда-либо, — можетъ-статься, мнѣ такъ показалось! — сидѣла на маленькой голубой софѣ подлѣ чуднаго маленькаго столика.

Опять гости! Во-первыхъ, Надинька, которой я не могу терпѣть.

Во-вторыхъ, какой-то гвардейскій капитанъ, и, какъ на досаду, мой пріятель, а я боюсь пріятелей! Да еще одинъ Италіянскій графъ, оканчивающійся на *атти, отти, утти*, — какъ очень часто оканчиваются графы. Я ужъ не считаю бывшаго тутъ Польскаго графа, потому что Польскимъ графамъ нѣтъ счету: ихъ находишь всюду, между мебелью гостинныхъ и будуаровъ.

По зрѣломъ соображеніи подлежащаго дѣла, я заключилъ, что за моей невѣсткою, Надинькою, должно быть хорошее приданое, потому что Польскій графъ ужасно къ ней подлипаеть. Графъ *атти, отти*, былъ пустой, приторный франтъ, немногимъ забавнѣе и умнѣе пармезана, — и котораго я не боялся. Но мой пріятель, капитанъ, такъ и пожиралъ глазами хозяйку. Теолина воспользовалась моимъ появленіемъ, и, съ своей обыкновенной пріветливостью, тотчасъ попросила меня помѣститься подлѣ нея, на той же маленькой софѣ, гдѣ сама сидѣла: эта крѣпкая позиція, занятая мною своевременно и обороняемая храбро, заслонила вдову отъ опаснаго натиска капитанскихъ взглядовъ. Отраженный со всѣхъ пунктовъ, капитанъ скоро принужденъ былъ взять шляпу, и уходить въ разсыпную.

Разговоръ, болѣе или менѣе занимательный, удержалъ двухъ остальныхъ посѣтителей почти до половины третьяго. Не зная, какъ отдѣлаться отъ графа Буджератти, — кажется, Буджератти! но за давностью времени утверждать не стану, — Теолина предложила ему пріѣхать къ ней въ тотъ же день обѣдать. Италійскій графъ ушелъ преумно, обѣщавъ явиться въ шесть часовъ.

Убирайся, другъ мой, къ чорту! произнесъ я въ душѣ, прощаясь съ нимъ очень умильно.

— А вы, мосьё П — овъ, что располагаете дѣлать сегодня? спросила меня Теолина. Если у васъ нѣтъ въ виду ничего лучшаго, оставайтесь обѣдать съ нами. Къ мамъ пріѣдутъ еще нѣсколько человекъ друзей.....

Я колебался въ отвѣтъ.

— Оставайтесь! шепнула мнѣ Надинька, коварно улыбаясь и поглядывая на сестру.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ!

— Наденька! если ты хочешь вхать въ манежъ, такъ ужъ пора, мой другъ. Скоро три часа. Пока ты соберешься, пока провздишь часть въ манежъ, пока потомъ вередвнешься, будетъ шесть часовъ.

— Ахъ, такъ я полечу впередъ, за своей верховою лошадыю, и буду ожидать васъ, сударыня, у воротъ манежа! воскликнулъ Польшій графъ.

Онъ раскланялся, и убѣжалъ.

— Вы, сударыня, и не думаете одвѣаться къ манежу! сказала Теолина сестрѣ, погода немного.

— Я одѣнусь въ пять минутъ.

— Извини, другъ мой! Тебѣ всегда нужно полчаса, и болѣе.

— Ну, хорошо, хорошо! Я иду..... Оставляю тебя подъ защитою мосьё П-ова, сказала Наденька съ своей коварной улыбкою.

— Ты очень мила сегодня! возразила Теолина съ досадою на нее, и конечно съ благодарностью за то, что она рѣшилась наконецъ насъ оставить.

Я замѣтилъ, что въ это же время моя чудѣсная вдова, подала ей какой-то знакъ рукою, на который Наденька отвѣчала известнымъ движеніемъ головы. Каждый домъ имѣетъ свой франкмасонскій аловитъ. Какъ я не первый день живу на свѣтъ, то мнѣ небольшого труда стоило понять, что этотъ іероглифъ значилъ — «Не принимать никого!»

Теперь мы одни! Теперь начинается мое счастье! Только, не надобно торопиться.

Теолина нѣсколько времени казалась смущенною, и не знала, съ чего начать разговоръ. Я также казался смущеннымъ, и не зналъ, съ чего начать.

— Что это значило, сказала она, улыбаясь: что вы вчера уѣхали такъ нечаянно отъ графини Катерины?

Хорошо! подумалъ я: начало очень кстатп, и приведетъ насъ прямо къ дѣлу.

— Вы мнѣ предлагаете, княгиня, вопросъ, который можетъ быть рѣшенъ только моею жизнію.

— Боже мой, что вы говорите! Знаете ли, мосьё П—овъ, что вы вчера меня напугали? Какъ вы ни старались казаться спокойнымъ и веселымъ, но я замѣтила, что вы внутренно страдали, волновались. Ваше лице, ваши глаза, были ужасно разстроены.....

— Я вижу, княгиня, что вы, помощію дивнаго ума вашего, насквозь проникаете челоуѣка. Правда! я нахоплся вчера между жизнью и смертію, и состояніе моеи души съ тѣхъ поръ ни сколько же поправилось.

— После нашего отъѣзда, мы очень долго толковали объ васъ съ графинею, и объ были опечалены вашимъ положеніемъ, которое не скрылось и отъ ея пронпцательности. Вы знаете, какое участіе принимаетъ она во всемъ, что до васъ касается....

— Графиня очень добра!

Скажите, сущій ангель на землѣ! И достойный лучшей участи..... Я не могу описать вамъ, въ какомъ положеніи была я сама, видя двухъ особъ, которыхъ считаю лучшими моими друзьями, — не правда ли, вы позволете мнѣ давать вамъ это имя?—видя ее въ раздирающемъ уныніи, васъ въ отчаяніи, подавляемомъ страшными усиліями души растерзанной..... Я не могла уснуть всю ночь!

— Княгиня, я вижу зарю жпзни въ вашемъ великодушномъ участіи! Я уже почти счастливъ! Половина моихъ мученій уничтожается вашимъ состраданіемъ, и я благодаренъ только тѣмъ, что причинилъ вамъ.....

— Ахъ, мосьё П—овъ, не говорите этого! Вы знаете женщинъ! Мы не можемъ не страдать вмѣств съ тѣми, кто страдаетъ. И чуть-ли не въ этомъ заклю-

чается наше счастье, — по-крайней-мѣрѣ его источникъ!.... Мнѣ казалось, что я не буду покойна, пока не выскажу вамъ всего, что у меня на сердцѣ, и не удостовѣрю васъ, что есть на свѣтъ кто-нибудь, чья дружба сопутствуетъ вашей горести, — хотя этотъ кто-нибудь, примолвила она съ трогательною улыбкою, и не имѣетъ ни какого права проникать ваши тайны.

— Княгиня, вы подлинно женщина удивительная! воскликнулъ я съ восторгомъ: существо единственное, выше всѣхъ моихъ понятій! Вы ангелъ доброты, также какъ ума, красоты и любезности! Нѣтъ, клянусь вамъ словомъ несчастнаго человѣка, что вы имѣете полное право знать мои тайны!.... Онѣ такъ честны и добродѣтельны, что я не считаю ихъ недостойными сохраненія въ вашемъ чистомъ и благородномъ сердцѣ.....

— Мнѣ кажется, что я давно уже ихъ отгадала, подхватила она, таинственно улыбаясь, и съ такою веселостью въ лицѣ, которая меня ужаснула.

— Какъ? Что вы говорите?....

— Я полагаю, что вчерашнее ваше разстройство находилось въ связи съ состояніемъ общей нашей пріятельницы?

— Графини?.... Объяснитесь, Бога ради! Вы меня убиваете.

— О, нѣтъ, изъ моихъ рукъ вы никогда не получите смертоноснаго удара! сказала она, опять улыбаясь по-прежнему. Признайтесь, что графиня Катерина прелестная женщина?

— Ни слова! Но что ея прелести имѣютъ общаго съ....?

— О, вы скрытны! Я не знала за вами этого недостатка.

— Во всемъ другомъ признаю себя виновнымъ передъ вами, только не въ скрытности. Графиня, ко-

нечно, прекрасная особа, добрая, чувствительная, обладающая множествомъ превосходствъ умственныхъ и физическихъ, и, послѣ васъ, — но очень далеко послѣ васъ, — быть-можетъ одна, которая.....

— Вы мнѣ льстите! Скажите лучше, что вы въ ней находите противнаго вашимъ понятіямъ о совершенствѣ.

— Въ эту минуту я столь же далекъ отъ лести, какъ отъ злословія. Я не нахожу въ ней ничего ни противнаго, ни согласнаго. Я люблю ее, уважаю, и моя къ ней приверженность укрѣплена навсегда печатью крови моего друга, пролившейся въ мои руки, увлажившей мой мундиръ, который всегда сохранию какъ святыню, — смѣшавшейся на немъ съ моею собственною кровью. Такой залогъ приверженности върнѣ всѣхъ комплиментовъ и самыхъ клятвъ. Я отдаю полную справедливость графинѣ; но если вы желаете выказать ее такую совершенною, то, по меньшей мѣрѣ, вамъ бы не слѣдовало никогда являться подлѣ нея въ обществѣ.

— Вы слишкомъ взыскательны, и я не такъ самолюбива, чтобъ сравнивать себя въ чемъ-нибудь съ графинею Катериною.

— Я уважаю вашу скромность, клягня, потому что она изъ первыхъ вашихъ украшеній, но остаюсь при своемъ мнѣніи, что ваше общество, вашъ домъ, не есть самое выгодное поприще для раскрытія преимуществъ графини.

— Какъ? воскликнула Теолина, съ тѣмъ удовольствіемъ, которымъ всегда исполняется женщина, когда польстишь ея самолюбію, хотя бъ эта лесть клонилась ко вреду лучшей ея пріятельницы. Какъ? въ самомъ дѣлѣ, мосьё П-овъ, вы находите меня такимъ идеаломъ совершенства? Полно! Я не такъ горда и ослѣплена тщеславіемъ, чтобъ не преклонить колъ-

ней передъ грозною побѣдительницею. Графиня Катерина очень, очень *милая* женщина.

— Вы назвали ее самымъ приличнымъ словомъ. Но развѣ нѣтъ въ мѣрѣ ничего выше этого слова? Оно еще не заключаетъ въ себя ни того тонкаго, восхитительнаго ума, ни той волшебной силы глазъ, ни той несравненной любезности, словомъ, ни одной изъ тѣхъ сверхъестественныхъ прелестей....

— Которыми я такъ щедро надѣлена отъ Природы? сказала Теолина.

— Вы спасли меня, княгиня, отъ большаго затрудненія, какъ окончить фразу, сказала я.

— Какъ приятно было бы женщинѣ жить на свѣтѣ, присовокупила она, вздыхая: если бѣ разсудокъ позволялъ вѣрить всѣмъ прекраснымъ вещамъ, которыя говорятъ имъ мужчины! Но я право не думаю, хотя и знаю вашу любезность, чтобъ вы были такъ жестоки на прочихъ лицъ, вашего пола. Вы мнѣ теперь говорите такъ, а вышедши отсюда, пойдете къ другой, наскжете ей еще болѣе лестнаго, невѣроятнаго, и, пожалуй, станете даже насмѣхаться надъ нами, надо мною и Надинькою, — двумя куклами, дурами, которыя считаютъ себя чудомъ ума и красоты, верхомъ совершенства. А я такъ скажу вамъ по совѣсти, что за мною, право, нѣтъ другаго порока, кромѣ того, что я чрезвычайно склонна къ веселости, люблю забавы, люблю смѣяться, и безъ памяти отъ людей умныхъ, просвѣщенныхъ, занимательныхъ. Когда ужъ графиню Катерину находите вы....

Адское это мученіе и сладостное чувство уже меня преодолѣвали. Я не могъ выдержать, и прервалъ ее:

— Бога ради, княгиня, не причисляйте меня къ ряду людей гнусныхъ, неблагодарныхъ или безтолковыхъ! И особенно не огорчайте меня сравненіями другихъ съ собою! Сравненія въ умъ моемъ не суще-

ставують. Вся мои мысли и чувства давно и несравнимо устремлены къ одному образу верховнаго совершенства и блага, выше котораго я ничего не знаю, не могу постигнуть. Не говорите, не говорите мнѣ о другихъ женщинахъ.....

Я пылалъ огнемъ. Все переѣшалось въ моемъ существѣ. Память вдругъ прекратила дѣйствія свои въ моей головѣ, и мнѣ казалось, будто я только-что родился навсѣтъ. Любовь разложила меня въ стихіи всѣхъ возможныхъ чувствованій. Если бы тогда упалъ на меня поцѣлуй Теолины, я бы въ одинъ мигъ испарился, — и она потеряла бы мужа!

— Не говорите мнѣ о другихъ женщинахъ! Вы, вы одинъ, Теолина, — тутъ я страстно схватилъ ее ручку обѣими руками, и въ первый разъ назвалъ ее по имени, — вы одинъ это совершенство, это благо! Отъ вашего одного слова, отъ одного взгляда зависить моя жизнь и счастье или моя смерть, — ужасная смерть! Простите мнѣ это чувство, — наглость, — безумство, или какъ вамъ угодно: оно столь же невольно, сколько чистое и добродѣтельное....

Я смотрѣлъ ей въ глаза цѣлымъ аномъ пламени (я романтикъ!). Она легонько высвобождала свою мягкую ручку изъ моихъ раскаленныхъ ладоней, — безъ гнѣва, — безъ гордости, — безъ негодованія. Въ ея взорѣ была неизъяснимая сладкость, прозрачность и чистота. Въ ея улыбкѣ было само небо, — семь, двадцать, сто небесъ.

— Боже мой, что я отъ васъ слышу! сказала она съ чувствомъ, устремляя въ меня свои большіе черные глаза, и поддѣлываясь (очевидно поддѣлываясь!) подъ изумленіе. Я такъ васъ уважаю, что и не смѣю подумать, чтобъ вы издѣвались надо мною, или хотѣли мена обидѣть. Но, скажите сами, не похожи ли вы въ

этомъ случаѣ, и во всемъ, что мнѣ теперь сказали, на прочую вашу братью, мужчинъ?

— Успокойтесь, ангелъ красоты и добродѣтели! отвѣчалъ я. Успокойтесь, прелестное существо, несравненная Теолина! Я могу ошибаться, могъ принять вашу кротость за выраженіе лестнѣйшаго предпочтенія, могъ возмечтать слишкомъ много о способности моей заслужить вашу любовь, но я васъ не обманываю. Я не въ состояніи обмануть никого въ мірѣ. Моя страсть, — или моя дерзость, — основана на честнѣйшемъ и священнѣйшемъ намѣреніи.

— Вы, по чести, любезный мой мосьё П-овъ, чловѣкъ самый непостижимый, какого только я знала во Франціи и въ Россіи! примолвила небесная вдова. Вы дѣлаете мнѣ формальное любовное изъясненіе, и тутъ же говорите о добродѣтели, о честныхъ намѣреніяхъ. Какъ согласить эти вещи?

— Очень простымъ образомъ! возразилъ я. Я ищущу одного въ мірѣ — вашей любви, въ возвратъ того безпредѣльнаго, восторженнаго обожанія, которое вы мнѣ внушили; ищущу вашего сердца, которое можетъ одно выкупить въ семь мірѣ мое существованіе, обреченное мучительнѣйшей изъ пытокъ и всѣмъ слѣдствіямъ отчаянія; ищущу блаженства посвятить жизнь плѣнительнѣйшей изъ женщинъ, отдать себя въ ваше владѣніе, подчиниться вашей воли, утвердить клятвою передъ Богомъ объѣтъ въ вѣчной вѣрности; и готовъ прямо отсюда ѣхать съ вами въ церковь.

Представьте жь мое счастье, — нѣтъ; вы не можете себя его представить! — мое восхищеніе, когда очаровательная Теолина, вставъ съ нашей маленькой софы, — я всталъ тоже, — подошла ко мнѣ съ пріятностью и взяла мою руку въ свои бѣлыя атласныя ручки, дрожащія отъ сладостнаго волненія. О, какъ я былъ

тогда счастливъ! Она сказала, пристально глядя мнѣ въ глаза:

— Въ умѣ ли вы, мой добрый другъ? Что побудило васъ къ такой отчаянной мысли?

— Въ совершенномъ умѣ! отвѣчалъ я.

— Такъ я не могу не вѣрить благонамѣренности вашихъ чувствованій! Я ей вѣрю, — для собственной моей чести, — хотя изумленіе, въ которое привели вы меня, лишаетъ меня въ эту минуту всѣхъ силъ соображенія. Я теряю голову!... Мосье П-овъ! я могу даже показаться вамъ легкомысленною....

— Нѣтъ! вы покажетесь мнѣ посланицею небесъ и счастья. Пусть услышу изъ вашихъ дражайшихъ устъ утверженіе моей пламеннѣйшей надежды.

— Того ли, что я сейчасъ поѣду съ вами въ церковь? Боже мой, что мнѣ отвѣчать вамъ на это! Если я дѣлаюсь жертвою какого-нибудь недоразумѣнія.....? Я сама себя не понимаю!... Другъ мой, объясните мнѣ лучше сами, какъ должна я понимать все это? Говорите! Должна ли я на васъ гнѣваться, или еще болѣе уважать, цѣнить.....

И въ это самое мгновеніе, точь-въ-точь молоденькая вѣдьма верхомъ на метлѣ, влетѣла въ комнату наряженная драгуномъ Надинька, съ шумомъ, съ хлыстикомъ, съ перьями, — съ предлиннымъ хвостомъ, завернутымъ около руки. Теопина съ трудомъ успѣла выпустить мою руку.

Несносная дѣвчонка! Съ тѣхъ поръ я ее возненавидѣлъ.

— О! о! вскричала она, смѣясь. А вы все-еще здѣсь? Видишь, зачѣмъ ты гнала меня отсюда, Теопина! Ужъ вѣрно разговоръ вашъ былъ очень занимателенъ!

Съ тѣхъ поръ я ее проклялъ.

— Очень занимателенъ, клянусь тебѣ! отвѣчала Теопина.

Я только глядыть, не станеть ли она ей разсказывать всю нашу бесѣду. Вотъ было бы прекрасно!

— И будетъ имѣть рѣшительное влїядіе на всю мою жизнь! присовокупила она.

Разумѣется! сказаалъ я про себя.

— Во всякомъ случаѣ, онъ убѣдилъ меня въ томъ, что я напрасно пренебрегла мѣру, которую давно следовало принять, продолжала она.

Это что? подумалъ я въ испугъ. Мѣру! Какую мѣру? Неужли выпроводить меня со двора?.....

Между-тѣмъ, какъ я въ мучительной неизвѣстности ожидалъ развязки, и смущенная вдова не знала, смѣяться ли ей или плакать, сестра что — то шепнула ей на ухо, и все приняло другой оборотъ. Теодина засуетилась, — взглянула въ зеркало, — поправила свой канзу, — потомъ, подошла ко мнѣ съ однимъ изъ красивѣйшихъ своихъ взоровъ, — блестящимъ какъ звезда, — нѣжнымъ, невыразимо нѣжнымъ.

— Теперь я должна васъ оставить, произнесла она, поднося мнѣ ручку, чтобъ сдѣлать съ ней дружескій shake-hand въ старомъ Англійскомъ вкусѣ по новѣйшему Парижскому обычаю. Но вы обѣдете съ нами, не правда ли?

Я поклонился.

— Приходите, ахъ, приходите!.... Мнѣ нужно договорить съ вами... Я безъ васъ не сяду за столъ.

— Непременно, непременно!

— Въ шесть часовъ.

— Непременно!

— Пожалуйста, не забудьте.

— Какъ можно!

— Такъ прощайте.

— До свиданія!

Эта жаркая перепадка огненныхъ чувствъ нашихъ, выраженныхъ гастрономическимъ языкомъ, продолжалась до самой середины гостини, куда провожала меня Теолина. Я ушелъ въ восторгъ. Я примать! радостно восклицалъ я въ душъ, проходя вторую и третью гостиную. Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что мое изъясненіе осчастливило ее до крайности. Сама она сказала, что разговоръ нашъ будетъ имѣть вліяніе на ея судьбу! Какъ нѣжно она просила объяснить ей получше мою любовь! Какъ боялась сдѣлаться жертвою недоразумѣнія, быть обманутой мною! Какъ нетерпѣливо ожидаетъ моего возвращенія! Нѣтъ меня не сидеть за столъ, О, мой ангелъ, будь увѣренъ, что скоро несидишь ты ни одного разу безъ меня ни обѣдать, ни ужинать! Прелестная Теолина!.... Да это и не могло быть иначе. Я только напрасно терзался сомнѣніемъ въ успѣхъ. Дѣло было вѣрно: сообразивъ то, что говорила мнѣ графиня Катерина Николаевца о прекрасной и интересной вдовѣ, которой сердце покоришь я себя, — то, что Теолина сказала мнѣ вчера объ опасности отъ меня вдовамъ, — то, что я слышалъ отъ ея управителя, который такъ усердно упрасивалъ меня, чтобы я женился на его госпожѣ, — то, какъ..... Ну, слономъ, сообразивъ все вмѣстѣ, другаго результата и ожидать нельзя было. Что это? табакерка?

Въ серединѣ послѣдней залы, огромная табакерка, высунувшаяся вдругъ ни вѣсь откуда, поставила непреоборимую преграду путешествію моему изъ благословеннаго будуара въ переднюю. Тотъ самый управитель, оверетаръ, Азіятоць, или кто онъ такой, — въ синемъ фракѣ, съ крестомъ на шеѣ, — поднесъ мнѣ табаку, по несказанному своему ко мнѣ благоволенію.

— А, это вы?... Извините!.... Я былъ немножко разсвѣанъ: сегодня такой снѣгъ!

— Да! погода ужасная, сказалъ онъ.

Я взял у него табак, — не знаю по какой-то глупой снисходительности къ Азіятцамъ, положилъ его себѣ въ носъ, — чихнулъ, и всѣ мои роскошныя мечты оборотились вверхъ-дномъ.

— Какой страшный вѣтеръ! продолжалъ онъ. Говорять, вода очень высока. Вы вчера изволили быть у графини Катерины Николаевны. Что, переехала она сегодня въ городъ?

Посмотрите-ка! онъ все знаетъ! Кто этому Скиоу пересказываетъ, куда я ѣзжу?

— Я думаю, что она уже въ городъ, отвѣчалъ я, и поклонился ему очень непримѣтно, для большей вразумительности того, что я съ нимъ прощаюсь и иду далѣе.

— Не у княгини ли изволите вы сегодня обѣдать? спросилъ онъ громко вслѣдъ за мною, когда я уже былъ отъ него въ десяти шагахъ.

Я оборотился къ нему, и, кланяясь очень пріятно, отвѣчалъ съ ироніей:

— Если только вамъ это не противно.....?

Онъ, въ отвѣтъ, поклонился мнѣ такъ усердно и въжливво, что я принужденъ былъ вознаградить его за трудъ вторымъ поклономъ, уже гораздо приличпѣйшимъ, на который онъ возразилъ новымъ измѣніемъ чувствъ, кланяясь, распростирая объ руки, дѣлая тысячу мнимическихъ учтивостей, — словно, какъ будто-бы желалъ сказать, что будетъ мнѣ очень радъ.

Вотъ оригиналъ! подумалъ я, фыркнувъ отъ невольной улыбки. Откуда Теодина выкопала себѣ этого чудака? Надо ее спросить.

На первыхъ ступеняхъ лѣстницы я опять чихнулъ отъ его табаку, и забылъ объ немъ. При этомъ вторичномъ потрясеніи мозга, мои идеи благополучно перевернулись назадъ, какъ были прежде, — лицевою сто-

роной къ свѣту, — и я сталъ снова думать о счастиі быть суругомъ плѣнительной Теолины. Следственино, это дѣло кончено. Какъ она ловко скрыла отъ сестры всю исторію! Умная женщина! Ужъ можно похвастать такой женою. У кого въ Петербургѣ найдется другая такая? Она совсѣмъ не чета здѣшнимъ гордо-блѣдно-кисло-молчаливымъ половинамъ, которыя уже срослись съ диванами. Какой домъ заведемъ мы съ нею! А въ домъ все, что ни подумаешь: умъ, — ея, да и мой тоже, — красота, дарованія, любезность, триста тысячъ рублей въ годъ и, для прерванія супружескаго единообразія, миленькая, пригожая невѣстка, — теперь я прощаю Надинькѣ, Богъ съ нею! — да сверхъ-того дачи, сады, ливреи, лошади, кареты, балы, праздники, — завтраки объѣдающіе, — обѣды завтракающіе, — да танцующіе завтраки, — да вечера танцующіе, — да арфы, книги, вина, любовь, восторгъ, шампанское, цвѣты, музыка, партіи, повара, гости, все, — всякая всячина. Этого мало: арапы, картины, мраморы, готическія окна, золоченные карнизы, — всѣ первыя потребности жизни, и при нихъ прелестная жена, которая, право, стоитъ звѣзды первой велпчины.....

Шпирхова собака бросилась мнѣ на грудь съ необычайною радостью, потому что въ ту самую минуту я входилъ въ свою квартиру. Я расцѣловалъ собаку; нѣжно прижалъ къ груди; назвалъ своей благодѣтельницею. Однако жъ, отчасти, я обязанъ всѣмъ этимъ Шпирху, да этой собакѣ! Безъ него я, можетъ-быть, никогда бъ и не рѣшился, никогда бъ и не подумалъ о превращеніи вдовы въ суруги. Какъ странно судьба располагаетъ людьми и ихъ дѣлами: Шпирхъ сдѣлалъ мое счастье! Ну, ужъ послѣ этого.....

Я переодѣлся и уѣхалъ: шестой часъ былъ въ началѣ. Швейцарь, лакеи, всѣ домашніе встрѣтили меня съ признаками глубочайшаго почтенія: видне, имъ

было такъ приказано, — или они сами догадались! Какъ бы то ни было, но я вошелъ какъ въ свой домъ. Теодина принимала въ своей круглой мраморной гостиной, и я засталъ уже всѣхъ гостей. Въ одномъ углу дивана сидѣла она, въ другомъ моя вѣчно-улыбающаяся невестка, въ серединѣ какая-то почтенная старушка. По надлежащемъ сображеніи почтенной старушки, я вспомнилъ, что она была та самая, которая лѣтомъ, на дачѣ, пролила чай себѣ на платъе отъ удивленія моему уму. Ну, она не мѣшаетъ! Но мнѣ очень не понравился ближайшій сосѣдъ моей невесты: вообразите, тотъ же давешній капитанъ, съ глазами, въ креслахъ подлѣ самой вдовы! Мы когда-нибудь крѣпко поспоримся съ капитаномъ за эти глаза. Прочіе гости были не важные: графъ *анти*, *отти*, одинъ Русскій князь, одинъ Англійскій лордъ, одинъ Нѣмецкій баронъ, и я. Въ послѣднихъ креслахъ тотъ самый Азіятецъ, — еще менѣе важная для меня фигура. Онъ не участвовалъ въ наслажденіяхъ общаго разговора, и ворочалъ въ пальцахъ табакерку, для личнаго своего удовольствія. Сталься можетъ, и что онъ такой гость какъ и другіе? Вотъ же егѣ знаетъ!

— Я уже думала, что вы намъ изменили, сказала Теодина, когда вошелъ я въ комнату.

Я еще не успѣлъ оправдаться передъ хозяйкою въ неумышленномъ замедленіи, какъ уже безсовѣстная Надянька щебетала на всю гостиную о томъ, что ея сестра провела со мной сегодня цѣлый часъ одинъ-па-одинъ, — и что это очень подозрительно, — и что это ха, ха, ха!

Англійскій лордъ, не подвинувъ ни одного мускула въ лицѣ, которое я по совѣсти принималъ за картонное, произвелъ ртомъ непонятное урчаніе.

Русскій князь сказалъ — А!

Италіинскій графъ не сказалъ ни А, ни Б.

А чуть не съелъ насмѣшливой дѣвчонки, но въ то самое время доложили, что супъ на столѣ.

Графъ повелъ старушку, лордъ повелъ хозяйку, князь ея любезную сестрицу, къ которой капитанъ примкнулъ съ праваго фланга. Баронъ пошелъ за ними. Проходя мимо меня, Теолина сказала мнѣ вполголоса:

— Если вы хотите удостоверить меня въ своей дружбѣ, то сдѣйте, прошу, подлѣ графини Ф***!

— Съ удовольствіемъ!

Но не съ самымъ ; — потому что графиня Ф***, если пройтись ея всѣми свѣтлыми буквами, выходила бы же вѣтренная старушка, которая прѣлюла чай. Но я готовъ любить тѣхъ, кто удивляется моему уму.

Я и Азіятецъ въ синемъ фракѣ заключали объединенное шествіе. Съ умысломъ или по привычкѣ, я хотѣлъ пропустить въ дверь его перваго.

— Сдѣлайте милость! сказалъ онъ. Вѣдь я домашній!

Вы шутите? отвѣчалъ я ему мысленно. Ежели ты домашній, такъ вари же здѣсь свою кашу и кушай ее, мой другъ, какъ можешь проворнѣе, а то лишь только я вступлю на престолъ этой вдовы, ты сейчасъ получишь у меня чистую отставку. Такъ и есть, что онъ управитель! Я не ошибся. О, я никогда не ошибаюсь!

За столомъ онъ ендѣлъ, какъ должно, на пижнемъ кофѣ. Я занялъ мѣсто между старушкою и Надинькою, которая своимъ языкомъ сверлила меня во весь обѣдъ, непрерывно усмѣхаясь и упрасивая, чтобы я разговаривалъ со старушкою. Чего ради, почтенная старушка такъ въ меня влюбилась, что къ десерту я уже ненавидѣлъ ея пуше, нежели ея молодую покровительницу. Теолина старалась казаться веселою, но воспоминанія бурнаго нашего утра опровергали всѣ

ея усилія. И весьма естественно: для женщины вступленіе въ бракъ не шутка! Однимъ словомъ, обѣдъ былъ глупъ и скученъ. Мы воротились въ гостиную.

— Ну, какова теперь ваша голова? спросила меня Теолина.

— Въ совершенной исправности! отвѣчалъ я.

— Ради Бога, не уѣзжайте! шепнула она мнѣ, видя, что я держу въ рукахъ шляпу. Мнѣ нужно поговорить съ вами. Мы не кончили нашего разговора, и я дорожу вашимъ мнѣніемъ обо мнѣ..... Оставайтесь, пока все уѣдутъ.

Такъ какъ я считалъ уже себя почти мужемъ, то мнѣ было все равно оставаться хоть до завтра. Азіятецъ исчезъ тотчасъ послѣ обѣда. Лордъ уѣхалъ въ восемь часовъ. Капитанъ и баронъ не знаю куда дѣвались. Надинька, слава Богу, ушла. Оставались только почтенная старушка, графъ Буджератти, да я. Главное было въ томъ, чтобъ почтенная старушка скорѣе убралась домой, потому что приличіе повѣствовало хозяйкѣ предпочтительно заниматься сѹ. Но почтенная старушка и въ усы не дула, — хотя усы были у нея изрядные.

Часу въ десятомъ входитъ въ комнату мой Азіятецъ, управитель, съ лицомъ совершенно разстроеннымъ. Теолина, пораженная безпокойнымъ его видомъ, порывается и бѣжить ему на встрѣчу. Разговоръ, чрезвычайно любопытный, завязывается между ними по-Русски, вслухъ, подлѣ камина, и я выйду вамъ его непременно.

— Ахъ, Боже мой! что съ тобой? что такое случилось.

— Ну, ничего! Наводненіе! Я былъ на твоей дачѣ.

— Ты былъ на дачѣ? Теперь? Въ такое время? Да зачѣмъ же?

— Хотѣлъ посмотрѣть, что тамъ сдѣлалось. Твои цвѣты смыло всё до-чиста.

— Такъ ты ѣздилъ въ такую опасную ночь, въ такую выюгу, для моихъ цвѣтовъ? Какой ты добрый!

Ты, — ты, — твой, — твоя, — твое! Клянусь вамъ честью, сначала я думалъ, что они разговариваютъ по-Грузински. Я былъ въ такомъ изумленіи, что, предоставляя почтенную старушку врожденной любви графа Бужератти, машинально всталъ съ таурета, отошелъ къ окну, и сложилъ руки на груди, чтобъ любоваться этою сценою. Разговоръ продолжается.

— Скажи, мой другъ, не былъ ли ты въ опасности?

— Ничего! Немножко промочилъ ноги. Но твоихъ цвѣтовъ какъ-будто не бывало.

— Богъ съ ними! Ты мнѣ дороже всѣхъ цвѣтовъ въ мірѣ. Ахъ, какой ты добрый!! Баць!..... Она его поцѣловала.

А!!! это ужъ слишкомъ нѣжно! подумалъ я, — чуть не произнесъ вслухъ. Да что это за вдовьи нравы? Онъ никакъ ея любовникъ? Любовникъ — такой чурбанъ!..... Но и это случается: эти свѣтскія дамы, щеголихи, волшебницы, иногда имѣютъ вкусъ такой развращенный..... Однако жъ, для меня это не очень утѣшительно! И прекрасная Теолина, которая сегодня поутру обѣщала выйти за меня замужъ.....

Едва я задумалъ о Теолинѣ, какъ Теолина уже стояла передо мною.

— Вы не можете себя представить, мосье П-овъ, какъ мой мужъ добръ, какъ онъ меня.....

— Вашъ мужъ, сударыня? воскликнулъ я подавленнымъ голосомъ, въ полномъ остолбенѣніи. Вашъ мужъ?

— Да! мой мужъ.

Т. VII. — Отд. I.

— Вы замужняя?

— Мосьё П—овъ, что за вопросъ вы мнѣ дѣлаете?

— Вы не вдова?

— Какъ? Вы считали меня вдовой?... И то, что вы мнѣ говорили сегодня, относилось ко вдовѣ?

— Вы можете быть увѣрены! Я имѣю честь, княгиня, знать васъ уже полгода, и бывать въ вашемъ домѣ слишкомъ четыре мѣсяца, и всегда принималъ васъ за вдову.

— Боже мой, мосьё П—овъ, вы меня уничтожаете! Да это самая жестокая и кровавая эпиграмма, какую только вы сдѣлали на мое поведеніе! Какъ же это могло случиться, что вы..... Перейдемъ въ другую комнату..... Какъ это случилось.....?

Я пылалъ стыдомъ. Ноги дрожали подо мною. Одному отчаянію обязанъ я краснорѣчіемъ отвѣта, которымъ прервалъ вопросъ замужней вдовы, поблѣднѣвшей какъ полотно.

— Очень естественно! Кто-нибудь сказалъ мнѣ въ шутку; или я самъ случайно предубѣдился, что вы вдова. Съ тѣхъ поръ, какъ имѣю счастье пользоваться вашимъ знакомствомъ, никогда слово *мужъ* не выходило изъ вашихъ устъ; вы изволили говорить мнѣ о вашихъ домахъ, вашихъ дачахъ, вашихъ каретахъ, вашихъ слугахъ; объдаютъ у княгини Чундзулеевой, на балъ у княгини, на чаѣ у княгини, все у княгини, а о князѣ ни помину. Я имѣлъ удовольствіе говорить нѣсколько разъ съ вашимъ супругомъ, вовсе его не зная, и онъ тоже никогда не называлъ передо мной васъ своею женою, ни дома, въ которомъ живеть, своею кровлей. Не хочу огорчать васъ рассказомъ, какія нерѣдко придавалъ я ему званія въ моихъ догадкахъ; и могу увѣрить честнымъ словомъ, что только одному навыку къ общей учтивости обязанъ я сча-

стіемъ, что не обидѣлъ честнаго и добраго человѣка..... Вы говорили поутру, княгиня, о какой-то мѣрѣ, которую напрасно забыли принять: по мнѣ, лучшая съ вашей стороны мѣра была бы та, когда бъ вы изволили болѣе показывать свѣту вашего супруга и старались удостовѣрить всѣхъ, что у васъ есть мужъ, потому что многіе изъ вашихъ знакомцевъ могутъ очень невиннымъ образомъ раздѣлять мое заблужденіе.

Я былъ сердитъ. Теолина плакала. Она оправдывалась тѣмъ, что это принято въ свѣтъ, и нравится ея мужу; что самъ онъ не желаетъ того, чтобъ она представляла ему своихъ друзей, и прочая, и прочая.

— Говорите мнѣ все это, мосьё П — овъ! воскликнула она: говорите! Я заслужила, своимъ поведеніемъ, своей вѣтренностью, своимъ слѣпымъ довѣріемъ къ принятому образу жизни. Но прошу, вознаградите меня вашимъ уваженіемъ въ другомъ отношеніи: я его заслуживаю! И Бога ради не рассказывайте никому этого ужаснаго приключенія: вы меня погубите! Я не говорила даже сестрѣ, Надинькѣ. Я вѣрю вашимъ честнымъ побужденіямъ и уважаю вашу ошибку, которой вся тяжесть падаетъ на одну меня. Судя о васъ по странному предложенію, которое сдѣлали мнѣ поутру, я приняла васъ за сумасшедшаго: оно такъ меня поразило своей необычайностью и чистосердечіемъ, съ какимъ было сказано, что я не напрасно предполагала въ немъ какую-нибудь странную загадку, и поэтому непременно хотѣла объясниться съ вами. Я считала васъ помѣшаннымъ; теперь считаю своимъ спасителемъ. Я вамъ благодарна за вашу откровенность.

Мы расхаживали по залѣ нѣсколько минутъ въ безмолвіи, которое наконецъ прекратилъ я вопросомъ:

— Княгиня! откровенность за откровенность. Благоволите сказать правду, о какихъ вдовахъ говорили вы мнѣ вчера, разсматривая гравюру у графини Катерины Николаевны?

— Да я шутила! Клянусь вамъ, то была шутка! Вздоръ, который пришелъ мнѣ въ голову въ веселую минуту! О которомъ говорить вамъ не стоитъ!

— Однако жъ?

— Увѣрю васъ, бездѣлица!

— Тѣмъ легче можно сказать ее.

— Вы будете смѣяться?

— Готовъ, вмѣстѣ съ вами!

— Я думала въ ту минуту о вдовѣ, объдавшей съ нами сегодня, — о княгинѣ Ф^{***}, — которая ума въ васъ не чаеъ, и очень просила меня познакомить ее съ вами.

— Объ этой почтенной старушкѣ???...

Мнѣ показалось, что я провалился сквозь землю, и что потомъ меня взорвало на воздухъ выше облаковъ, — и только боялся, чтобъ, на обратномъ пути, не упасть на эту злосчастную княгиню Ф^{***} не разразить, не смолоть ее. Господи, Господи! Такъ она меня морочила этой Цибелою? Графиня тоже?... Слѣдственно, вдова, о которой графиня говорила мнѣ на крыльцѣ, которою воспламенила мою кровь и раздражила мои надежды, была эта беззубая жаба? Слѣдственно и Надянька, которая хохотала все время за обѣдомъ, заочачивая меня быть любезнымъ съ моей сосѣдкою, участвовала въ общемъ заговорѣ? Тогда какъ я страстно ласкалъ въ своемъ воображеніи самое прелестное женское существо въ мірѣ, розовое, молоденькое, свѣжее, теплое, онѣ навязывали мнѣ мерзлую и морщинистую старуху? Пропастъ! проклятіе! анаема!... Я повѣшусь!

Теолнна, — нѣтъ, ужъ не Теолина!.... Татьяна! измѣнница! Чундзулеева! — съ змѣиною проникательностью отгадала все, что происходило въ моей душѣ.

— Ха, ха, ха, мосьё П — овъ! Неужто вы на этомъ основали надежды, о которыхъ.....

Я побѣжалъ въ гостиную за шляпой! Прокрадываясь назадъ въ залу, я еще наткнулся въ дверяхъ на князя Чундзулеева, къ которому вдругъ почувствовалъ удивительную любовь. Онъ поподчивалъ меня табакомъ; я пожалъ ему руку съ чувствомъ, котораго никто еще не описывалъ. Я нигдѣ не читывалъ о подобномъ чувствѣ!.... Тутъ же случилась ужасная Татьяна.

— Князь Манычаръ Миріановичъ! пролепетала она съ любезностью, достойною лучшаго употребленія. Николай Львовичъ объявилъ мнѣ войну за то, что я забыла познакомить его съ тобою. Я думала, что вы давно знакомы?

— Да! мы ужъ нѣсколько знакомы, отвѣчалъ князь Манычаръ Миріановичъ. Милости просимъ къ княгинѣ почаще!

Мы опять пожали руки, и я, пожимая, думалъ: Благодарю, другъ мой, наводненіе! Не то, ты бы и глазомъ не примѣтилъ, какъ бы я обвинчался на твоей женѣ.

— Приходите завтра, будемъ болтать! прибавила коварная Чундзулеева по-Французски, съ одною изъ тѣхъ улыбокъ, которыя принималъ я прежде за очаровательныя, — не знаю, на какомъ основаніи, потому что, сказать по совѣсти, въ нихъ не было ничего очаровательнаго.

Я не отвѣчалъ.

— Мосьё П — овъ! какъ, вы на меня не гнѣваетесь?

Я не отвѣчалъ.

— Надѣюсь, любезный мой мосьё П — овъ, продолжала она, протягивая ко мнѣ свою страшную, какъ

паукъ, руку : надъюсь, что вы позволите всегда называть себя *нашимъ* другомъ.

— Другомъ! воскликнулъ я (разумѣется, такимъ голосомъ, какъ-будто вовсе не восклицалъ). Это имя для меня слишкомъ высоко. Мое названіе — дуракъ! глупецъ! посмѣшище! Я смѣшонъ; я не могу не казаться вамъ смѣшнымъ. Если вы уважаете меня хоть сколько-нибудь, то прошу васъ, княгиня, говорите всѣмъ, что я смѣшонъ.

— Даю вамъ слово, что никогда васъ въ этомъ не послушаюсь.

— Прощайте, княгиня!

— До свиданія!

Я выбѣжалъ на лѣстницу. На каждой ступени бѣшенство мое возрастало однимъ градусомъ, такъ, что, на крыльцѣ, я уже хотѣлъ укусить швейцара. До свиданія! Нѣтъ, не бывать свиданію! Мы съ вами навсегда незнакомы, сударыня. Она не соглашается называть меня смѣшнымъ? Почему? Потому, что опасается, чтобъ я не сталъ рассказывать въ городъ того, какъ уже собрался-было на ней жениться, и только нечаянное наводненіе помѣшало нашему браку. Она просила меня молчать, — я не отвѣчалъ ей ни словомъ, — стало-быть честь моя обязываетъ меня молчать. Хорошо; я буду молчать, — цѣлыя десять лѣтъ: потомъ, съ позволенія Цензуры, напечатаю всю эту исторію. Но поставить меня въ дураки двусмысленнымъ кокетствомъ, но возбудить во мнѣ самыя сладкія, самыя нѣжныя и огненныя ощущенія къ старой, усатой княгинѣ Ф***, вотъ чего никогда ей не прощу. Шутить надо мною такимъ образомъ! Мальчикъ я ей, что ли? Слава Богу, я въ обществѣ человѣкъ важный, — потому что золъ, — и тѣмъ важнѣе, что умѣю злость свою выражать пріятно, къ общему и неизъяснимому наслажденію всѣхъ добрыхъ и кроткихъ людей.

Я заслуживаю уваженіе! большое уваженіе!.... Госпожа Чундзулеева, изволишь знать, взяла меня къ себѣ въ забавники, въ шуты! Онъ, дескать, ловкій говоруны, — будетъ у меня забавлять гостей, — да и меня самую, — я буду платить ему за то улыбками, — могу даже немножко въ него влюбиться, — а если онъ въ меня влюбится, такъ я подставляю ему вѣсто себя старую развалину съ усами!....

Я ѣхалъ прямо домой, съ тѣмъ, чтобъ повѣситься.

Но Шпирхова собака встрѣтила меня въ передней, радостно размахивая хвостомъ, и я счелъ нужнымъ сдѣлать въ моемъ намѣреніи маленькую перемѣну.

— Ванька!

— Слушаю, сударь!

— Поди, повѣсь эту собаку.

Онъ вытаращилъ свои сѣрыя глаза, которые, бывъ хорошо вытаращены, величиною и видомъ равнялись двумъ стариннымъ серебрянымъ копѣйкамъ.

— Повѣсь ее сейчасъ, мошенникъ, не то я тебя самого повѣшу!

Видя, въ какомъ я остервенѣніи, Ванька не счелъ уместнымъ подвергаться бурѣ господскихъ страстей; безмолвно взялъ полотенце, задѣлъ имъ собаку за шею, и увелъ со двора. Я примѣтилъ, что онъ потащилъ казнить ее въ кабакъ. Какъ онъ ее тамъ казнилъ, не знаю: съ той поры ни собака, ни полотенце, ко мнѣ не возвращались.

Собака въ полной мѣрѣ заслуживала быть повѣшенною: она ближайшая причина моего несчастія! Но она не столько еще виновата, сколько этотъ мошенникъ Шпирхъ. Онъ-то источникъ всего моего срама! Онъ меня увѣрилъ, что Чундзулеева вдова; онъ поощрялъ меня ухаживать за нею, говоря, что она хорошая взятка. Ахъ, проклятый Шпирхъ!

На другое утро, когда хладнокровіе совершенно водворилось въ моихъ понятіяхъ, я повѣхалъ бить Шпирха.

Но что удовольствія бить такого мерзавца! Я вышибъ ему только одинъ зубъ, и у меня опали руки: выпрєнняя низость и выпрєнное великодушіе одинаково обезоруживаютъ чєловѣка. Шпирхъ еще чувствительно благодарилъ меня за вышибъ зуба, которьй, по его словамъ, онъ давно собирался вырвать и вырвалъ бы непременно, если бъ не жалѣлъ денегъ на дантиста; и, за эту услугу, просилъ меня убѣдительно принять хотъ пятьдесятъ бутылокъ какого-то вина по той цѣнѣ, въ какой оно обошлось ему. Я взялъ съ собой зубъ, и воротился домой. Онъ у меня по-сю-пору.

• Впрочемъ, легко статья можетъ, что Шпирхъ не болѣе былъ виновенъ, чѣмъ собака. Онъ клялся, что никогда не говорилъ мнѣ того, будто она вдова, — да и не могъ говорить, потому что зналъ ея мужа! По его словамъ, я не допустилъ его рассказать про нея все ему извѣстное, и воспретилъ говорить далѣе, какъ скоро услышалъ то, что было согласно съ моими понятіями того числа и мѣсяца. И это довольно похоже на мое всегдашнее обыкновеніе: когда я предубѣжденъ противъ кого или въ чью пользу, то слушаю объ немъ только то, что льститъ моимъ мыслямъ. А что касается до поощренія меня стараться заслужить любовь Татьяны Чундзулеевой, то, на повѣрку вышло слѣдующее: мерзавецъ Шпирхъ не вѣритъ, чтобъ молодая и красивая женщина могла быть добродѣтельна; онъ подкрѣпляетъ это мнѣніе примѣрами изъ Исторій Французской, Нѣмецкой, Русской, и своей собственной, — Жидовской; на этомъ основаніи онъ никогда не совѣтовалъ мнѣ жениться, — совѣтовалъ только разшевелить сердце прелестной Чундзулеевой моими густыми бакенбардами, и быть счастливымъ въ любви, — то есть, извлекать изъ этого сла-

достнаго чувства какъ-можно болѣе денегъ : другаго счастья въ любви онъ не знаетъ, и не думаетъ, чтобъ оно существовало въ нынѣшнемъ вѣкѣ. Сообразивъ одно съ другимъ, — я прекрасно сдѣлалъ, что вышибъ ему зубъ!

Кто жъ мнѣ сказалъ, что она вдова? Право, не знаю! Я полагаю, никто, — и это всего вѣрнѣе. Въ умѣ моемъ, откуда-то, взялось первое ложное понятие объ этой особѣ: я сдѣлалъ изъ нея существо безъ мужа, родъ вдовы, потомъ вдову. Развертывая эту мысль далѣе, развѣтвляя, разнообразя, я ненавиждѣлъ особу въ образѣ вдовы; потомъ обожалъ ее, потому что она вдова; теперь не могу терпѣть, потому что она не вдова. Да это исторія всѣхъ предубѣжденій и всѣхъ склонныхъ къ предубѣженію! А кто къ нему не склоненъ? Какъ не любить своего предубѣжденія? Это мое дитя! Это моя собственная идея, — моего изобрѣтенія, — которой я не купилъ, не выкралъ изъ книги, не подмѣтилъ у другаго, — которая у меня воспитывалась, со мною жила, со мною обѣдала, ѣздила и дѣлала сплетни, — которую одинъ я превосходно понимаю, — и для защиты которой у меня есть тысяча неопровержимыхъ и ясныхъ какъ солнце доказательствъ. Не постигаю, какъ другіе могутъ быть столь слѣпы, что мое предубѣжденіе не кажется имъ великою истиною?.... Другіе — дураки! Я очевидно ихъ умнѣе. Вотъ, почему я страхъ люблю свое предубѣжденіе, и не люблю Чундзудеевой, — такъ же какъ прежде любилъ ее, — такъ же какъ до любви ее ненавиждѣлъ, — хотя она насколько невиновата ни въ моей любви, ни въ моей ненависти.

Я пересталъ къ ней ѣздить; чтобъ не встрѣчаться съ нею, пересталъ даже посѣщать графиню Катерину Николаевну. Запершись въ своей квартирѣ, я теперь ненавиждѣлъ ее съ утра до вечера, — для чего и

нашелъ приличнымъ съ утра до вечера объ ней думать. Это изнанковая сторона любви, которая, для прочности, всегда подбивается ненавистью. Прошло два мѣсяца. Она пожаловалась графинѣ, говоря, что я жестоко ее обидѣлъ, и потомъ не пріѣхалъ просить прощенія. Графиня написала мнѣ страшный выговоръ. Я принужденъ былъ явиться къ моей мучительницѣ съ повинною головою, и, чтобъ лучше объяснить причины дѣла, принялъ всю вину на себя. Милостивый манифестъ былъ уже готовъ у нея въ сердцѣ.

— Будьте жъ откровенны столько же, сколько вы великодушны, сказалъ я ей фразою, не помню изъ какого Романа. Вамъ теперь нечего меня опасаться, — я отдалъ вамъ въ залогъ свою честь; но неужели вы, съ своей стороны, ничѣмъ не споспѣшествовали моей дерзости?

— Ахъ, не старайтесь проникнуть моей тайны! отвѣчала она съ живостью. Одно могу сказать вамъ, не нарушал моего долга: если бъ я, въ эту страшную минуту, была свободна, я можетъ-быть и воспользовалась бы вашимъ честнымъ предложеніемъ..... Удовольствуйтесь этимъ, и будемте друзьями.

Она протянула мнѣ руку въ знакъ совершеннаго примиренія. Мы долго были друзьями.

Княгиня Татьяна, какъ изъ *сего* явствуетъ, хотѣла съдѣлать изъ меня цырюльничій инструментъ. Она избрала меня служить оселкомъ, на которомъ могла бъ по одну сторону точить свою добродѣтель, а по другую слегка править свое кокетство. Но я не люблю служить оселкомъ прекрасной женщинѣ: камень, въ такихъ случаяхъ, слишкомъ скоро стирается.

Впослѣдствіи объяснилось, съ какимъ намѣреніемъ она такъ умильно говорила мнѣ о графинѣ. Встревожен-

ная быстрымъ усиленіемъ моей страсти, которая не совсѣмъ ей была противна, и не въ силахъ расторгнуть знакомство со мною, она придумала обратить любовь мою на свою подругу, и видѣть меня счастливымъ съ нею. Это очень благородно: такъ дѣлають добродѣтельныя женщины, но большею частию такъ дѣлають добродѣтельныя кокетки.

Гнѣвъ мой прошелъ; я отдавалъ полную справедливость всѣмъ ея прекраснымъ качествамъ; но мнѣ смерть хотѣлось нелюбить ея, и что-то влекло меня несопреодолимо къ сладостямъ предубѣжденія. Когда ужъ я захочу нелюбить кого, то у меня всегда найдется очень хорошая причина. Въ самомъ дѣлѣ: не смѣшна ли эта княгиня Чундзудеева? Она Русская: ее перекрасили, поддѣляли подъ Француженку, и теперь она, въ Россіи, между Русскими, представляетъ женское лице другаго народа, общаетъ вамъ сердце и любовь чуждаго климата, корчитъ понятія, нравы, чувства, обычаи существъ, къ которымъ никогда не можетъ принадлежать по своему происхожденію и по температурѣ воздуха, въ которомъ родилась. Не говорите мнѣ, что она женщина! она не женщина, а только подражаніе женщинѣ, — копія какой-то неизвѣстной женщины, — живая, болтающая статуя, — статуя безъ націи, какъ всѣ статуи, — Парижская кокетка, вылитая изъ благородной массы Русской плоти. Мнѣ кажется, что это напрасная трата такого красиваго и чистаго тѣла женскаго нашего племени, и что тутъ можно сдѣлать экономію: такихъ женщинъ довольно было бы выдѣлывать для насъ изъ папки. Терпѣть не могу женщины въ подражаніи. Я люблю Француженку, и люблю Русскую, — но Русскую въ подлинникъ, — и Француженку въ подлинникъ. Посмотрите, что выходитъ, когда подобная женщина супругою такого человѣка, какъ почтенный князь Манычаръ Миріановичъ Чундзудеевъ

(Чундзулеевыхъ у насъ восемь тысячъ пятьсотъ девяносто девять). Изъ добраго, честнаго, простодушнаго Грузо-Русса сдѣлали для нея родъ Француза по обычаямъ, между-тѣмъ какъ его понятія, чувства, свѣдѣнія и привычки не приспособлены къ разумѣнію ни хорошей, ни дурной стороны этихъ обычаевъ, ни ихъ удовольствій, ни ихъ опасностей. Онъ въ своей землѣ мужъ-машинна иностраннаго супружества и иностраннаго хозяйства, несообразныхъ ни съ темпераментомъ народа, ни со священнымъ характеромъ, придаваемомъ у насъ супружеству, ни съ мѣстными обстоятельствами: его увѣрили, что жена должна имѣть своихъ друзей, а мужъ своихъ; ему сказали, что онъ живетъ не у себя, а у своей супруги; его настроили на такой хорошей тонъ, и выучили изъясняться такъ высоко, что, тогда какъ онъ подчивалъ меня каждый день табакомъ, я чуть-чуть не женился на его женѣ! Правда, что блистательная его сожительница, со времени этого урока, значительно перемѣнила свой образъ жизни, являлась всюду съ своимъ мужемъ, друзьями и знакомцы ихъ были общи имъ обоимъ, и князь уже не обѣдалъ у княгини; но съ тѣхъ поръ она очень постарѣла. По всемъ этимъ причинамъ я считаю нынѣшнее мое предубѣжденіе противъ Чундзулеевой очень основательнымъ, и болѣе къ ней не пояду.

=

II.

ПРОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

КОЛЬРИДЖЪ.

Въ то самое мгновеніе, какъ мы принимаемъ за перо, угасаетъ послѣднее свѣтло великой эпохи Англійской Словесности. Передъ нами лежатъ три тома стихотвореній, собранныхъ впервые, и газета съ печальнымъ извѣстіемъ о кончинѣ знаменитаго ихъ автора и издателя. Кольриджа ужъ нѣтъ; но, уходя въ лучший міръ, онъ еще озаботился подарить насъ сокровищемъ высокихъ своихъ вдохновеній. Изданныя въ первый разъ вполнѣ, они побуждаютъ насъ изложить нѣсколько мыслей о геніи этого необыкновеннаго человѣка, тѣмъ болѣе, что великая, но не шумная его слава и невѣрно понятый духъ его поэзіи почти требуютъ такого объясненія. Сверхъ того, говоря о Кольриджѣ, нельзя не говорить о Шиллерѣ и о Гѣте, съ геніями которыхъ связанъ его геній и образуетъ съ ними одно яркое созвѣздіе во всемірной Словесности. Имѣя многихъ обожателей, еще больше несправедливыхъ критиковъ пѣвецъ «Кристалла» и «Стариннаго Моряка» мало извѣстенъ въ томъ литературномъ мірѣ, который, не обладая преимуществомъ надѣлать славой въ потомствѣ, раздастъ ее въ Европѣ хоть на короткое время. Въ этомъ мірѣ онъ слыветъ только за человѣка съ дарованіемъ, который написалъ много прекрасныхъ стиховъ, но котораго прежнія

способности давно уже были утрачены или сбиты съ пути метафизическими грезами, овладѣвшими на старости лѣтъ его сильною головою. Быть-можетъ, самъ онъ причиною этому неблагоприятному объ немъ мнѣнію, потому что изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ литераторовъ едва-ли кто такъ небрегъ авторскою знаменитостію, едва-ли кто былъ такъ щедръ и неразборчивъ на показъ своихъ умственныхъ богатствъ передъ всякимъ недостойнымъ, едва-ли кто такъ мало заботился о томъ, для кого растеть жатва, которую онъ обильно посяялъ. «Богъ свидѣтель, говорилъ онъ однажды о своей неизданной системѣ Христіанской Философіи: Богъ свидѣтель, что авторское тщеславіе тутъ ни сколько не участвуетъ! Я былъ бы сердечно радъ, если бъ кто-нибудь другой сдѣлалъ это прежде меня.» Рассказываютъ гдѣ-то про Виргилія, что онъ съ большимъ удовольствіемъ читалъ стихи Варія и Горация, чѣмъ свои собственные. За это мы не поручимся; однако жъ эта сказка всегда приходила намъ въ голову, когда мы видали, какъ Кольриджъ поправлялъ и обдумывалъ сочиненіе одного современнаго писателя съ большимъ радушіемъ, съ гораздо большего ревностію, чѣмъ произведенія своего собственнаго пера.

Вордсвортъ часто говаривалъ, что многіе люди нашего вѣка дѣлали удивительныя вещи, напримѣръ Деви, Скоттъ, Кювье и прочіе; но что онъ зналъ одного только удивительнаго человѣка, — Кольриджа. Разумѣется, и здѣсь, какъ вездѣ въ антитезахъ, надо уступить нѣсколько истины для большей красоты фигуры, но мы дѣйствительно думаемъ, что всякъ кто бывалъ у Кольриджа, по большей части оставлялъ его съ чувствомъ, довольно близкимъ къ сужденію Вордсворта. Ему удивлялись болѣе, чѣмъ его твореніямъ, или забывали творенія въ поглощающемъ впечатлѣніи, которое производилъ самъ авторъ. И не мудрено. Кто помнитъ его въ лучшей порѣ, мо-

жетъ засвидѣтельствовать особенность и непреодолимую силу его разговорнаго краснорѣчія. Нигдѣ нельзя было услышать что-нибудь подобное: тутъ все было въ другомъ родѣ, въ другомъ размѣрѣ, въ другомъ видѣ. Огромный запасъ учености, блистательность и тонкая разборчивость выражений, глубокое, всегда готовое сужденіе, чудная и безпредѣльная начитанность, — этого мало: драматическая живость разсказа, умныя шутки, остроты, неподдѣльная веселость, скромная, почти священническая одежда, густые серебряныя волосы, свѣжерумяныя щеки, невыразимый ротъ и губы, быстрые, но пронизательныя зеленовато-сѣрыя глаза, медленная и ровная ѣчь и вѣчнопоющая музыка звуковъ, обвороживали зрителя и слушателя. Даже и въ старости, разговоръ его отличался всѣми чертами этого превосходства: та же самобытность, та же неожиданность, та же многообѣятность; казалось, для него ничто не было высоко, ничто не низко; онъ перелеталъ съ земли на небо, съ неба на землю такъ быстро, такъ свѣтло, съ такой легкостью и силою, какъ-будто вдохновенный свѣше. Однако жъ его всеобъемлемость была совсѣмъ не такова, какою отличаются обыкновенныя витія, расточающіе критику и знанія на первый предметъ, который попадетсѣ. Нѣтъ; въ этомъ-то и состояло главное отличіе Кольриджевой бесѣды, что она истекала изъ глубины души, и сіяла ея лучами. Вотъ почему, въ отношеніи къ свойству и слогу бесѣды, знаменитый Джемсъ Мекинтошъ былъ совершенно противоположенъ Кольриджу. Въ цѣлой Англіи не было собесѣдника плавнѣе, блестящѣе и пріятнѣе; его никогда не заставляли въ распλοхъ. Но какъ бы то ни было, а всѣ рѣзкія и блистательныя вещи, которыя говорилъ Мекинтошъ, выливались, такъ сказать, каждая изъ особой скляночки, заранѣе приготовленной и снабженной для порядка ярлычкомъ. Умъ его былъ точно какъ

богатый, хорошо расположенный травникъ, гдѣ найдете вы всякое драгоцѣнное растеніе, только срѣзанное нарочно и высушенное для показа. Рѣдко Природа дѣйствовала въ немъ въ тотъ же мигъ. Совсѣмъ другое было въ Кольриджѣ. Онъ могъ быть медленнѣе, околѣннѣе, могъ меньше поражать краснорѣчіемъ въ первую минуту; зато, все, что онъ ни скажетъ, казалось какъ-бы сейчасъ вычеканеннымъ; цвѣты его какъ-бы только-что сорванными, еще окропленными росой, и вы почти видѣли сами, гдѣ и какъ росли они въ душѣ его. Тутъ все открыто, и колдовство у васъ передъ глазами. Слушать Мекинтоша значило вдыхать благовопія, — пріятныя, но не упоительныя. Провели вы часъ съ Кольриджемъ, онъ вѣрно заставилъ васъ призадуматься; слова его цѣлую недѣлю не давали вамъ покою: это чары, лучи новаго свѣта, откровенія. Словомъ, между ними было столько же разницы, сколько между талантомъ и гениемъ.

Весьма опытному скорописцу поручено было записывать Кольриджевы лекціи о Шекспирѣ; но у него вышло что-то непонятное. Между-тѣмъ, Кольриджъ читалъ, по обыкновенію, медленно и тѣрно. Скорописецъ отзывался о своемъ затрудненіи слѣдующимъ образомъ: за всякимъ другимъ ораторомъ, какъ бы онъ скоръ и сбивчивъ ни былъ, можно успѣвать потому, что, при долговременномъ навыкѣ, всегда угадаешь форму послѣдней части періода по началу; но каждое Кольриджеево заключеніе было нечаянностью; надлежало выслушивать его до послѣдняго слова. Необычайность мыслей или образовъ никогда не позволяла предугадать окончанія.

Умственная дѣятельность Кольриджа такъ часто проявлялась въ изустныхъ сообщеніяхъ, что нельзя говорить о немъ, не обративъ вниманія на достоинства его въ этомъ отношеніи. Со времени Джонсона, ни одинъ Англійскій литераторъ не пользовался уваже-

ніемъ и преданностью такого множества учениковъ, изъ которыхъ нѣкоторые уже сдѣлались, другіе вѣроятно сдѣлаются, новыми и независимыми источниками свѣта и нравственности, основанной на началахъ общаго ихъ наставника. Половина этихъ учениковъ слушала уроки Философіи изъ устъ его. Полнота, глубокость, конечная цѣль его ученій никогда не были обнаружены, и если иногда открывались, то единственно въ бесѣдѣ, когда случай, расположеніе духа и самъ слушатель подавали къ тому достаточный поводъ. Кольриджъ часто говаривалъ, что съ перомъ въ рукѣ встрѣчаетъ онъ тысячу трудностей въ выраженіи своей мысли, но не находитъ ни малѣйшаго препятствія въ изустномъ объясненіи самыхъ тонкихъ умствованій. Отвлеченнѣйшія его мысли становились рѣчию и ясными, когда онъ перелагалъ ихъ на свойственный имъ языкъ. Теперь обратимся къ его стихотвореніямъ.

Замѣчательно, что хотя признаки болѣе умственныхъ качествъ великаго поэта въ молодости часто бываютъ весьма слабы, какъ напримѣръ у Байрона, однако жъ превосходство стихосложенія, само по себѣ, вообще обнаруживается заранее. Какъ ухо для музыки, чувство мелодіи размѣровъ дается отъ Природы; и то и другое очевидно связаны съ физическимъ строеніемъ органовъ, и не могутъ быть пріобрѣтены никакими усиліями искусства. Не то, чтобъ обладаніе ими непременно вело къ достиженію совершенной гармоніи въ музыкѣ или въ стихахъ; но этой гармоніи никогда не бывало тамъ, гдѣ природный даръ не обнаруживался гораздо прежде.

Лучшія Кольриджевы стихотворенія отличаются удивительнымъ совершенствомъ рима и метрическаго расположенія. Вѣрно, это стоило ему не малаго труда: звукъ и мѣра словъ его кажутся взвѣшены на

золотыхъ вѣсахъ небесной гармоніи. Самыя мелодическія стихотворнаго механизма считалъ онъ достойными изслѣженія. Мы конечно не думаемъ, чтобъ этого рода пристрастія были у него передъ глазами, когда онъ сочинялъ, точно такъ же какъ опытный диспутантъ въ реченіи не думаетъ о подраздѣленіяхъ силлогизма во время реченій; но видно, что, почти съ самаго начала своей поэтической жизни, Кольриджъ почиталъ стихосложеніе гораздо важнѣйшею вѣтвію искусства, чѣмъ полагаала большая часть великихъ его современниковъ. И это тщательное изученіе ремесла обнаруживаетъ въ немъ не техническими странностями, не фантастическими выходками, противъ которыхъ вопіетъ дурачина; но точнѣйшимъ приоровленіемъ хода реченія къ чувству, и изящнѣйшимъ выборомъ словъ, самыя приличныхъ по смыслу и по звуку. Оттого стихи его какъ-будто играютъ для уха на какомъ-то невидимомъ инструментѣ. Чтеніе его отличалось тѣми же совершенствами: оно было не риторское, а музыкальное,—такъ близко къ речитативу, что во всякомъ другомъ показалось бы смѣшнымъ; но онъ тутъ же чудесно умѣлъ выказать каждую частицу смысла, не оставивъ ни малѣйшаго отбѣга въ изложеніи. Глава изъ Исаіи Пророка, имъ прочитанная, воспламеняла душу набожностью. Мы упомянули объ этомъ, только чтобъ показать, до какой степени этотъ человекъ былъ сама музыка; между-тѣмъ, въ тѣсномъ смыслѣ, у него было не музыкальное. Превосходя въ умственной гармоніи, онъ ничего не могъ пропѣть; одна всегда любилъ музыку, и безошибочно умѣлъ отличать хорошее отъ дурнаго. Однажды, бѣдный Нальди сказалъ ему въ концертѣ: «Кажется, васъ не очень занимала пьеса Россини, которую теперъ играли?»— It sounded to me like nonsense verses, «Она звучала въ моихъ ушахъ точно какъ глупые стихи,» отвѣчалъ Кольриджъ. Это словцо чрезвычайно удачно.

Это фактъ, не подлежащій сомнѣнiю, хоть мы и не беремся объяснить его, что въ поэзи глубина мыслей измѣряется метрическою гармонiей. Петрарка, Спенсеръ, Шекспиръ и Мильтонъ лучшiя тому доказательства: Гёте и Кольриджъ то же. Въ стихахъ, въ прозѣ, въ разговорѣ, умъ Кольриджа вездѣ отличается могучестью: онъ всегда дѣятеленъ, всегда разсуждаетъ. Онъ не заботится о чемъ-нибудь только потому, что оно было или есть, а требуетъ, чтобъ это относилось или могло быть отнесено къ какому-нибудь закону или началу. Въ сужденiи онъ всегда опирается на нѣчто внутреннее, и это-то внутреннее начало, этотъ законъ старается онъ выяснить. Если онъ успѣлъ убѣдить или убѣдиться à рiогi въ какомъ-нибудь началѣ, онъ не гонится за фактами. Онъ вводитъ васъ въ рабочiя Искусства и Природы, какъ проводникъ, показывающiй пещеру, одѣтую желѣзнымъ колчеданомъ и сталактитами: въ ней все холодно, сыро и неподвижно до тѣхъ поръ, пока онъ подниметъ свой факелъ; но какъ скоро онъ его подниметъ, вдругъ видите вы стѣны и своды всѣ въ горящихъ кристаллахъ и звѣздахъ изъ вѣчнаго алмаза.

Кольриджъ не принадлежитъ къ тому великому ряду поэтовъ, который соответствуетъ живописи и живописцамъ, и котораго главы суть Пиндаръ и Данте. Эти люди родились съ счастливымъ даромъ все видѣть и все изображать въ полнотѣ дѣйствительной предметности. Къ нимъ примыкаетъ еще другой рядъ поэтовъ, хоть не богатыхъ картинами, за то расточительныхъ на живопись: сюда можно отнести Спенсера и Соути. Ни къ которому изъ нихъ не принадлежитъ Кольриджъ: въ его Кристабели есть конечно нѣсколько отдѣльныхъ картинъ высокой красоты, но, какъ поэтъ, онъ явно входитъ въ другой разрядъ, соответствующiй музыкѣ и музыкантамъ. Здѣсь вы находите великолѣпный строй словъ, перевитый и уни-

занный чертами личности самого поэта. Вотъ разрядъ, къ которому тоже принадлежитъ Мильтонъ; и Кольриджъ говорилъ объ немъ, что замѣтилъ въ его твореніяхъ только двѣ настоящія картины: одна—Адамъ, наклонившійся къ спящей Еввѣ, въ началѣ пятой книги Потеряннаго Рая, другая — Далида, приближающаяся къ Сампсону, въ концѣ Агонистовъ.

Поэзія Кольриджа ясна и точна въ своихъ образахъ, которые рѣдко или даже никогда не выступаютъ для одного описанія, рѣдко или никогда не бываютъ исключительно предметны, то есть, предназначены только для зрѣлища, для картины, на которой умственный взоръ остановится, да тѣмъ и кончить. Можете, если вы близоруки или съ холоднымъ воображеніемъ, оставаться при однихъ образахъ; но поэту хотѣлось бы, чтобъ вы чувствовали и воображали гораздо болѣе того, что видите. Цѣль его та, чтобъ настроить васъ на то же расположеніе духа, на тотъ же топъ фантазій, изъ которыхъ вылились думы, оживляющія его картины. Вы должны раздѣлять его мысли, его чувства; должны разстаться съ своимъ прежнимъ мнѣніемъ или вѣрою, и возвратиться къ чистому сознанию. Отъ раннихъ поръ до самой его смерти, поэзія Кольриджа была вѣрнымъ зеркаломъ, отражавшимъ картину ума его. Оттого онъ такъ оригиналенъ и самобытенъ. Никто изъ почитателей Кольриджевой Философіи не пойметъ ея вполне безъ объяснительныхъ картинъ его Поэзій. И признаться, довольно странно слышать, что иной называетъ невразумительными философскія начала, проникающія каждую страницу тѣхъ самыхъ стихотвореній, которыми онъ со всѣми удивляется.

Ни одинъ писатель не выразилъ такъ живо, какъ Кольриджъ той великой истины, что человекъ творитъ себѣ міръ, или что воображеніе пересоздаетъ и перекрашиваетъ все его окружающее. Этой умствен-

ной созерцательности приписываемъ мы то, что Кольриджъ никогда не предпринималъ большой героической поэмы. Объемъ дѣйствія такой поэмы требуетъ свободнаго и плавнаго теченія повѣствовательныхъ стиховъ; описанія, чисто предметныя, должны занимать въ ней много мѣста, и успѣхъ ея зависитъ отъ быстроты, или, по-крайней-мѣрѣ, отъ живости движенія, которая едва ли совмѣстна съ тѣмъ, что Баконъ называлъ внутренностью мысли, inwardness of meaning. Оно не способно долго поддержать вниманіе читателя: путь его далекъ, — надо, чтобъ дорога была гладка и незатруднительна. Сосредоточенная страсть Оды въ героической поэмѣ неумѣстна. Мало кто станетъ оснаживать, чтобъ Иліада и Одиссея не были пріятнѣйшія изъ Эпопей: пусть онѣ не имѣютъ выпренности Потеряннаго Рая, живописности Божественной Комедіи, эфирной блистательности Орланда; но мертвыя по языку, по метру, по ударенію, обветшалыя по вѣрѣ, по нравамъ, по обычаямъ, по мѣстности, онѣ и теперь еще нравятся тѣмъ, кто можетъ читать ихъ, больше всѣхъ другихъ поэмъ этого рода. Въ нихъ есть самородная соль, навсегда предохраняющая ихъ отъ порчи. Онѣ самые общезнаемые изъ всѣхъ остатковъ древняго генія, и на одномъ Англійскомъ языкѣ существуетъ ихъ до двадцати переводовъ. Съ начала до конца, эти дивныя произведенія исключительно предметны; въ нихъ все есть, кромѣ самого поэта. Не на Вико и не на Вольфа ссылаемся мы, когда говоримъ, что Гомеръ — «голосъ и больше ничего», — такъ же очаровательный какъ солóвей, такъ же и невидимый.

Если какой-либо эпическій предметъ соответствовалъ разнообразнымъ Кольриджевымъ способностямъ и особенному настроенію его ума, такъ конечно тотъ, которымъ онъ однажды занимался, и къ которому сдѣлалъ даже нѣсколько приготовленій: это «Паденіе

Иерусалима». Но трудности такого предприятия лягут и многочисленностью и особенностью, болѣе, что они часто соединены съ тѣми самыми столѣтельствами и отношеніями, которыя составляютъ здѣсь главную красоту. Объ этомъ дважды слышны мнѣніе самого Кольриджа.

«Разореніе Иерусалима, говорилъ онъ, единственный предметъ, который остается теперь для эпопеи предметъ, который, подобно Мильтонову Грѣху нию челоуѣка, интересовалъ бы еще все Христово, точно такъ, какъ Гомерова Троянская война интересовала всю Грецію. Тутъ встрѣтились бы три стиха, какъ и во всѣхъ другихъ предметахъ; ихъ можно было бы помягчить и поставить въ тѣни, какъ дѣлалъ Мильтонъ съ безчисленными затрудненіями теряннаго Рая. Но величія и блеска было бы тутъ еще, нежели въ какомъ-нибудь другомъ предметѣ, касающемся до древней мифологіи, — incredulus odium non vincit, тому не вѣрю, того и не терплю; однако въ эпопеи нужна же быть мифологія, не то сверхъестественное согласное съ нашимъ убѣжденіемъ. Здѣсь было бы исполненіе пророчествъ; разрушеніе первой откровенной религіи свирѣпымъ нападеніемъ язычества, вѣстникомъ и условіемъ распространенія истины. Вѣры по всему міру; потомъ, увидѣли бъ вы хитрость Римлянина и Еврея, во всемъ величіе, по справедливость. Я предначерталъ это на два пятнадцатомъ году, — но, увы, по сую-пору ничего не дѣлалъ!»

Въ другой разъ Кольриджъ говорилъ гораздо отважнѣе.

«Этотъ предметъ, при всѣхъ великихъ его достоинствахъ, имѣетъ тотъ главный недостатокъ, что, всякая эпопея, онъ долженствовалъ бы оживить личнымъ участіемъ, а въ Паденіи Иерусалима ни гений, ни какое искусство не въ силахъ поддер-

участіе къ герою, которое непременно будетъ поглощено участіемъ къ событію. Дѣло въ томъ, что это событіе слишкомъ выпренно : оно подавляетъ все своимъ величіемъ.»

Критика дѣльная и справедливая ; однако нельзя не пожалѣть, что поэтъ не испыталъ могущества пера своего на великолѣпной мысли, родившейся у него въ первые годы мужества. Передаемъ ее тѣмъ, въ кого захочетъ воплотиться гений Гомера или Мильтона. Кольриджъ сказалъ великую истину : эпопея нынѣ возможна только о предметъ общемъ всему Христіанству.

Правда, что, въ поэмѣ такого размѣра, — развѣ она была бы въ чисто нравственномъ или философическомъ родѣ, — Кольриджъ встрѣтилъ бы преграду къ господствующей и отличительной его склонности, къ думамъ и размышленію. Эта склонность, по-видимому, и заставила его отказаться отъ величественнаго изобрѣтенія ; она внушила ему для перевода выборъ Шиллера Валленштейна ; она же источникъ красотъ и недостатковъ «Угрызеній Совѣсти» и «Заполін». За исключеніемъ Поповой Иліады и Драйденовой Энеиды, нѣтъ можетъ-быть перевода, такъ тѣсно связаннаго съ поэтической славою переводчика, какъ Англійскій «Валленштейнъ». Намъ онъ кажется однимъ изъ блистательнѣйшихъ произведеній Кольриджева пера, и вѣрно всякій читатель найдетъ въ немъ очаровательность оригинальнаго созданія. Дѣло въ томъ, что многія прекраснѣйшія мѣста перевода исключительно принадлежатъ Англійскому поэту, который переводилъ съ Нѣмецкой рукописи, до изданія ея авторомъ, и, — что очень любопытно, — Шиллеръ усвоилъ потомъ не одно вдохновеніе своего переводчика, и самъ перевелъ для подлинника вставки перевода.

Должно замѣтить, что гений Шекспира сообщилъ Англійской драматической поэзіи совсѣмъ особенный

тонъ и цвѣтъ, которые едва-ли постижимы для иностранца: ихъ можетъ чувствовать только соотечественникъ великаго поэта, и не всегда ясно выразить онъ ихъ словами. Однако даже намъ, Англичанамъ, кажется, что у Шиллера есть что-то ближе подходящее къ всеобщности Шекспира, чѣмъ у другихъ Германскихъ поэтовъ. Въ глубокомыслии, въ роскоши фантази, въ силѣ творчества, ихъ нечего и сравнивать; но у Шиллера, какъ и у Шекспира, было то общее человѣческое чувство, — не низкое и не высокое, — тотъ общій родовой инстинктъ, который внушилъ ему создать для своихъ соотечественниковъ превосходную, національно интересную драму — Валленштейнъ. Это великое произведеніе будетъ наконецъ почитаться и въ Германіи главной опорой Шиллеровой славы.

Кольриджа приглашали перевести Фауста. Гёте, подобно ему, былъ большой мастеръ на гармонію слова, и потому непременно долженъ много терять въ переводахъ, предпринимаемыхъ людьми, лишенными Природою гармоническаго дара Гётева или Кольриджева. Только Кольриджъ былъ въ состояніи переводить Гёте; только Гёте могъ бы передать иностранному уху магическій голосъ Кольриджа. Въ слогъ Нѣмецкаго писателя, одежда прильнула къ телу; нельзя снять ее, не сдирая кожи. Удивленіе къ этому слогу и личная неумѣстная скромность, при другихъ важнѣйшихъ соображеніяхъ, побудили Кольриджа отказаться отъ перевода. Литературный міръ потерялъ въ этомъ отказѣ драгоценный оттискъ геніальнаго плода на массѣ сроднаго генія. Какія жъ обстоятельства, важнѣе удивленія къ мелодіи Гётева слова и личной скромности, воспрепятствовали переводчику Валленштейна принять на себя это прекрасное запліе? Кольриджъ думалъ, — и быть можетъ, одинъ онъ былъ вправъ такъ думать безъ дерзости, — что Фаустъ — неудачное произведеніе, то есть,

мысль, или то, что должноствовало бы быть мы-
этого созданія, выполнено весьма недостаточно
искусно. Онъ полагаетъ, что цѣль автора была
развить слѣдствія мизологіи, ненависти къ ученью,
сшедшей отъ сильнаго стремленія къ знанію,
тутаго въ своихъ надеждахъ. Но любовь къ нау-
для нихъ самихъ и съ чистымъ намѣреніемъ,
гда не породить такой ненависти, а развѣ лю-
низкая и для цѣлей недостойныхъ. Въ Фаустъ
ни винословности, ни постепенности; онъ ужъ
унъ съ самаго начала, и, *incredulus odi*, «чему не
того ненавижу,» ошутительно съ первой строч-
Сластолюбіе отнюдь не вяжется съ жаждою по-
й. Мефистофель и Маргарита превосходны, но
тъ глупъ и безъ значенія. Сцена въ Ауэрбахо-
погребѣ одна изъ лучшихъ, — быть-можетъ, са-
лучшая; сцена на Брокенѣ также прекрасна, и
и вообще безподобны. Но въ поэмѣ нѣтъ ничего
го; сцены точно картинки магическаго фонаря,
ышная часть сочиненія изрядно плосковата. Вотъ
щности мябніе, слышанное нами отъ Кольриджа
той знаменитой пьесъ: Критики его теперь раз-
тъ мы не станемъ, но боимся, чтобъ она не была
временнымъ эхомъ голоса потомства, и лучшимъ
вухъ сотъ пятидесяти пяти длинныхъ разборовъ
та, изданныхъ по сіе время. Нельзя также не
инуть при этомъ случаѣ, что задолго до появле-
Фауста въ полномъ видѣ, — а это случилось, ка-
л, въ 1807 году, прежде чѣмъ Кольриджъ уви-
первую часть этого творенія, — онъ предназначер-
было Драму, основанную на той же самой мы-
тотъ планъ, какъ и многіе другіе, теперь въ лу-
Аріостомъ; но общія черты его заслуживаютъ
ти, какъ рѣдкій примѣръ случайной встрѣчи ме-
двумя великими умами, имѣвшими много обща-
ольриджевъ мизологъ, Кольриджевъ Фаустъ дол-

женъ былъ называться Михаиломъ Скоттомъ. Михаилъ Скоттъ занимаетъ такое же мѣсто въ суевѣрныхъ преданіяхъ Британніи, какое Фаустъ занимаетъ въ Германскихъ повѣрьяхъ, какое Твардовскій въ Польскихъ: они всѣ трое — одно и то же лице, одна и та же мечта своего вѣка. Онъ является среди преданныхъ ему учениковъ, кипя восторгомъ, проливая вокругъ себя свѣтлые намеки открытій, совершенныхъ въ позднѣйшія времена, и внушалъ всѣмъ, что изученіе Природы и тайнъ ея — вѣрный путь къ достиженію власти. Онъ любитъ знаніе не для него собственно, а для того, чтобъ сдѣлаться сильнымъ. Этотъ лдовитый зародышъ гнѣздился въ умѣ его съ самаго начала. Фанатизмъ ханжей подозрѣваетъ его, устерегаетъ и обвиняетъ: онъ приговоренъ и брошенъ въ уединенное заточеніе. Это прологъ Драмы. Черезъ пять, шесть лѣтъ, Михаилъ уходитъ изъ темницы озлобленнымъ, мрачнымъ, несчастнымъ человекомъ. Онъ не хочетъ, не можетъ учиться: къ чему послужили ему всѣ познанія? Охранять ли они его отъ жестокости сильныхъ преслѣдователей? Можетъ ли онъ обрушить громы и молніи на тѣхъ, кого ненавидитъ, презираетъ, и однако жъ бонтся? Прочь науки! прочь ученье! на вѣтеръ всѣ пустыя притязанія! Мы ничего не знаемъ; мы дураки, скоты, и больше ничего. Тутъ поэтъ начинаетъ искушать его. Онъ заставляетъ его грезить, даетъ ему вина, проводитъ передъ нимъ самыхъ миленькихъ женщинъ; но Михаилъ не можетъ достать ихъ. Нѣтъ ли такой науки, чтобъ располагать всѣми этими удовольствіями? А чародѣйство! — и ему-то предается онъ всей душою. Часто встрѣчаетъ онъ неудачи, но иногда и успѣхъ: онъ научается составлять возбудительныя средства и взрывной порохъ; узнаетъ нѣкоторыя свойства преломленія и отраженія свѣта. Это подстрекаетъ и чувственныя его наклонности, и любопытство; прежняя жажда силы и умственного

господства надъ другими снова томить его. Наконецъ, Михаилъ пытается вызвать дьявола, и дьяволъ приходитъ. Этотъ чортъ всемірный юмористъ; онъ облачаетъ ничтожество вещей, безпрестанно сводя великое съ малымъ въ присутствіи безконечнаго. Онъ дѣлаетъ тму проказъ для Михайловой забавы. Однакожъ Михаилъ несчастенъ, онъ имѣетъ силу, но лишентъ покоя; онъ чувствуетъ, что съ каждымъ днемъ окружаетъ его зловластіе ада. Напрасно кажется ему, что самъ онъ полный господинъ надъ дьяволомъ, потому что даетъ ему самыя сумасбродныя порученія: для чорта все равно, что ни дѣлать! «Что жъ еще, Михаилъ?» повторяется каждый день таинственный голосъ съ наглѣйшимъ раболѣпиемъ. Михаилъ томится духомъ; власть его — проклятiе: онъ требуетъ женщинъ и вина, но женщины какія-то вымысленныя, чертовскія, а вино не опьяняетъ. Онъ начинаетъ ненавидѣть дьявола, и хочетъ обмануть его. Опять принимается за науку, и въ мрачныхъ глубинахъ чернокнижія ищетъ средствъ провести адъ, — но все тщетно. Иногда перстъ дьявола перевертываетъ ему листъ, указываетъ на заклинаніе, и Михаилъ слышитъ шепотъ: — «Испытай это, дружокъ!» Ужасъ его возрастаетъ, и онъ чувствуетъ, что онъ рабъ, преступникъ, приговоренный къ казни. Потерявъ надежду, онъ предается всѣмъ чувственнымъ неистовствамъ: вдругъ встрѣчаетъ Агату, и тотчасъ хочетъ обольстить ее. Агата его любитъ, и дьяволъ улаживаетъ ихъ свиданія; но она сопротивляется Михаилу, и умоляетъ его не терять въ глазахъ ея всякаго уваженія. Здѣсь наступаютъ продолжительныя боренія страсти, и оканчиваются тмъ, что любовь торжествуетъ въ Михаилѣ надъ чувственностью, и мысль объ искупленіи утраченной воли свѣтаетъ въ умѣ его. Дьяволъ сейчасъ это замѣтилъ и въ первый разъ изъ юмориста сдѣлался взыскательнымъ и грознымъ. Страшныя

встрѣчи у Михаила съ дьяволомъ; Агата хочетъ по-собить бѣдъ, и терпитъ. Наконецъ, подвергнувъ своего героя всѣмъ вообразимымъ и невообразимымъ ужасамъ, поэтъ даетъ ему восторжествовать на облакахъ, и изливаетъ въ душу его миръ тѣмъ убѣжденіемъ, что милость Божія спасаетъ грѣшниковъ. Объ этомъ очеркѣ скажемъ мы только то, что вѣроятно допустить и самые ревностные почитатели Фауста: Гёте могъ бы заимствовать изъ него кое-что хорошее. И мы опять боимся, чтобъ даже самая идея Кольриджава Фауста не была лучшею Критикою идеи Гёте. Теперь этотъ планъ только литературная достопримѣчательность, и мы сообщаемъ ее въ этомъ видѣ.

Въ «Угрызеніяхъ Совѣсти» и «Заполіи» разительно обнаруживаются созерцательность и глубокомысліе Кольриджава ума. Первая изъ этихъ прекрасныхъ драмъ была играна съ успѣхомъ, но конечно ее лучше изучать, нежели видѣть на сценѣ: характеръ ея существенно романической и пасторальный, и даже во второстепенныхъ лицахъ столько поэзіи, что этого не возможно удержать въ представленіи.

Заполія, по собственному сознанию автора, — подражаніе «Зимней Повѣсти», и сочинена отнюдь не для сцены. Однако въ ней есть нѣсколько драматическихъ положеній, не уступающихъ лучшимъ мѣстамъ Угрызеній Совѣсти. Случаи новы и неожиданны; разговоръ вездѣ отличается живостью и силою. Господствующій характеръ также смѣсь пасторальнаго съ романическимъ, но гораздо явнѣе и исключительнѣе, нежели въ Угрызеніяхъ Совѣсти. Заполія никогда не была достойно оцѣнена, а это самое *миловидное* изъ стихотвореній Кольриджа; мягкость тона и нѣжность колорита придаютъ ему особенную прелесть, которою щедро вознаграждается недостатокъ силы въ рисункѣ.

сль этого, нельзя, кажется, не согласиться, что Кольриджъ обладалъ высокимъ и оригинальнымъ драматическимъ дарованіемъ. Главное достоинство его въ творчествѣ; главный недостатокъ въ соображеніи, или, вѣрнѣе мѣръ, въ исполненіи завязки. Какъ недовольно наговориться въ похвалу первому, то лучше молчать о последнемъ. Въ этомъ отношеніи, какъ и въ некоторыхъ другихъ, двѣ его піесы превосходятъ больше Бьюмонта и Флетчера, нежели Спирра.

Старинный Морякъ, Кристабель, Оды на Францію и Старый Годъ, Любовныя стихотворенія, — все это известно даже тѣмъ, которые не знаютъ ни какихъ другихъ стихотвореній Кольриджа. Старинный Морякъ есть и всегда будетъ однимъ изъ совершеннѣйшихъ произведеній фантастической поэзіи, не только въ Англіи, но въ Литературѣ всей Европы. Здѣсь мы видимъ блестящимъ образомъ проявляется искусство автора въ дикомъ, сверхъестественномъ родѣ, и даго еще удивительнѣйшій образецъ представить намъ «Кристабель». Чувствуешь весь тотъ ужасъ и ту тоску, которые Кристабель тщетно силится выразить; ощущаешь тѣ чары, которыми обморочены глаза ея. Кто и что такое Геральдина? Откуда она пришла, куда, зачѣмъ? Что думалъ сдѣлать изъ нея поэтъ? Могъ бы онъ сдѣлать? Могъ ли бы идти дальше, прибѣгнувъ къ обычнымъ спорамъ волшебныхъ чаръ? Точно ли она дочь Роланда Во, и сойдутся ли они когда-нибудь опять, чтобъ обняться! Но это не изъ числа тѣхъ, которые сожальютъ, что «Кристабель» не кончена. Ея нельзя было кончить. Поэтъ сдѣлалъ все, что могъ, безъ натяжки. Утонченность и красота предмета не способна къ дальнѣйшему роостраненію, и Кристабель лучше такъ какъ — недоконченная Повѣсть, но совершеннѣйшее произведеніе фантазіи.

Перейдемъ теперь къ любовнымъ стихотвореніямъ. У Кольриджа есть что-то особенное въ изображеніи сладчайшей изъ страстей. Любовь его не мрачна какъ у Байрона, не весела подобно Муровой, и не умственна какъ у Вордсворта. Это свѣтлая безоблачная страсть, слитая изъ уваженія, рыцарской нѣжности и вѣжливости; чистая, по пламенная; нетерпѣливая, но созерцательная. Это Петрарка и Шекспиръ вмѣстѣ. Это лѣтній свѣтъ луны въ любовной поэзи.

Говоря о стихотвореніяхъ Кольриджа, нельзя не обратить особеннаго вниманія на его Оды. Сказываютъ, что Шелли считалъ «Францію» лучшею изъ новѣйшихъ Англійскихъ одъ. Она точно превосходитъ ихъ полнотою и изяществомъ отдѣлки своей въ цѣломъ; что касается до воображенія, до глубины, до фантазій, то мы отнюдь не согласимся, чтобъ она равнялась съ «Старымъ Годомъ» или съ «Уныніемъ», хотя послѣднія не такъ совершенны въ своемъ составѣ. Въ ней больше страсти, чѣмъ воображенія, больше краснорѣчія, чѣмъ фантазій. Изъ двухъ послѣднихъ Одь, первая разнообразнѣе и блистательнѣе, вторая тоньше и отвлеченнѣе, и намъ кажется, что она выше первой, потому что ни строкой не впадаетъ въ декламацию, чего, въ строгомъ смыслѣ, нельзя сказать о двухъ другихъ Одахъ: это именно поэзія въ противоположности къ витійству.

Мы не знаемъ, кого изъ новѣйшихъ писателей не было бы легче изобразить на одной страницѣ, чѣмъ Кольриджа на двухъ. Вордсвортъ, Скоттъ, Муръ, Байронъ, Соути, несравненно однообразнѣе; но Кольриджъ представляется вамъ по-крайней-мѣрѣ въ шести совершенно различныхъ видахъ. Нельзя сказать, чтобъ онъ когда-нибудь написалъ что обыкновенно называется *большимъ* стихотвореніемъ; но онъ великъ въ нѣсколькихъ строкахъ, и соединеніе такихъ способностей составляетъ необходимое условіе справед-

и оценки его генія. Романическое чародѣйство стабели и Стариннаго Моряка, утонченная страсть и любовь, лирическое великолѣпіе трехъ большаго Ода, достоинство, глубокомыслие и нѣжность, писанныхъ бѣлыми стихами, какъ напри-
 мѣръ; Рѣшительность любовника, Полуночный Монологъ, и возвышенное, увлекательное Посланіе къ Вордсворту; потомъ Драмы, Сатиры, Эпиграммы, — всѣ сочиненія такъ отдѣльны, такъ цѣлы сами по себѣ, что ихъ можно было бы почестъ трудами разныхъ авторовъ, если бы одна и та же творческая сила во-
 зрѣнія не проглядывала болѣе или менѣе во всѣхъ. Преобладаніе этой силы полагаетъ существенную разность между Кольриджемъ и великими современниками. Изъ всѣхъ Англійскихъ поэтовъ, Кольриджъ, въ Мильтона, онъ самый богатый воображеніемъ.

Кольриджъ не только поэтъ воображенія, онъ поэтъ думъ и словесной гармоніи. Должно признать, что мысли его иногда мудрены, порой даже темны. Въ эту темноту впадаютъ всѣ тонкіе мыслители, пытающіеся выразить ускользящія ощущенія, для которыхъ языкъ человѣческой недостаточенъ, или стѣснительно выражая мысли и тонкости, къ которымъ не всякой имѣлъ случай привыкнуть.

Можетъ ли положить перо, не сказавъ, что стихотворецъ Кольриджъ есть только половина всего Кольриджа? Но здѣсь не мѣсто и не время подробно разбирать его какъ психолога, моралиста и вообще философа. Вѣроятно, его система, «Философія Христіанскаго человѣка,» предстанетъ на судъ публики, уже скоро. Между-тѣмъ, многіе спрашиваютъ — какова цѣль метафизическихъ трудовъ Кольриджа? Онъ всегда отвѣчалъ на это самъ, и слова его, оставшіяся неизменными для тѣхъ, кто ихъ слышалъ, конечно

выражаютъ полнѣйшую идею системы Философiи изъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ.

«Система моя, говорилъ онъ, если осмѣлюсь назвать ее этимъ прекраснымъ именемъ, есть, сколько мнѣ извѣстно, единственный опытъ, который когда-либо былъ сдѣланъ, привести къ согласiю всякое знанiе. Она не противорѣчитъ ни какой другой системѣ, а только показываетъ, что истинно въ каждой, и какимъ образомъ то, что было истиною въ частности, сдѣлалось заблужденiемъ потому, что это полуправда. Я старался совокупить отдѣльныя части истины, и составить изъ нихъ цѣльное зеркало. Я доказываю каждой системѣ, что вполне понимаю и справедливо цѣню ее значенiе; но потомъ возвожу ее на высшую точку зрѣнiя, съ которой она сама можетъ видѣть первоначальное свое положенiе, въ которомъ она дѣйствительно была, но совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ и при другихъ отношенiяхъ, такъ, что отрывокъ истины не только признается, но и объясняется этимъ переходомъ. Такъ, древнiе астрономы открыли и утверждали много истиннаго; но, смотря не съ надлежащей точки зрѣнiя, никогда не открывали и не могли открыть полной истины. Какъ скоро они оставили ложный центръ свой, Землю, и перенеслись на Солнце, они тотчасъ увидѣли цѣлую систему въ настоящемъ ея свѣтѣ, и прежняя ихъ точка не утратилась, только служила ужъ для частнаго обзора — не болѣе. Коротко сказать, мнѣ хочется соединить нравственною связью Естественную Исторiю съ Политическою, или, другими словами, сдѣлать Исторiю наукообразною и Науку историческою; у Исторiи отнять ея случайность, у Науки фатализмъ.»

Е. К.

Quarterly Review

ОМНИБУСЫ,

ОТЪ ВСЕГО БЛИЗКО.

=

Мой почтенный другъ, отставной капитанъ, гово-
рь мнѣ однажды:

Вашего Гумбольдта слишкомъ хвалятъ: у него
и своего, и притомъ онъ не знаетъ Географіи.

Какъ! этотъ знаменитый путешественникъ не
знаетъ Географіи?

Не больше вотъ моего пуделя. Я встрѣтился какъ-
то съ этимъ знаменитымъ путешественникомъ у Рус-
со послѣ, и поэкзаминовалъ его. Покуда дѣло шло
о Андахъ, Кордильерахъ, вообще о мѣстахъ, кото-
рыхъ никто не видалъ, онъ говорилъ какъ-нельзя луч-
ше, онъ былъ на своемъ конькѣ, — а сталъ въ тупикъ,
когда я скоро я предложилъ ему вопросъ, на который у
каждой всякой школьникъ отвѣчалъ бы не запинаясь.
«Слушайте, баронъ, сказалъ я ему незапно; знаете-
ли, гдѣ лежитъ Торигамъ-Гринъ?...» Онъ попался,
неизбежный! онъ такъ же знаетъ Торигамъ-Гринъ, какъ
я знаетъ перхонь!»

Для назиданія барона Гумбольдта и для пользы
техъ, не слишкомъ знающихъ въ Географіи, мы
узнаемъ, что Торигамъ-Гринъ есть деревня въ се-
верныхъ верстахъ отъ Лондона, на Западной дорогѣ, въ
несколькихъ верстахъ отъ привольнаго и хорошо вымощен-
наго города Brentford. Тамъ въ особенности зани-

маются воспитаніемъ молодыхъ дѣвицъ: торговля находится тамъ въ цвѣтущемъ состояніи, благодаря многочисленности воспитательныхъ мануфактуръ, которыя называются семинаріями, институтами, деціями, элизелми, и прочая, и прочая, а во вѣснѣ непросвѣщенные звались попросту пенсіонами. До населеніе простирается..... Но что значать и тысячи народа? Съ тѣхъ поръ, какъ Ваддсы отъ выѣхали, остальные жители Торигамъ-Гринскъ стоятъ того, чтобы ихъ вносить въ вѣдомость до населенія. Всѣ тѣ, которымъ случилось ѣздить въ гигантской столицы Британіи въ городъ, любящіе хирургами, телѣжниками, кузнецами и слесарями въ несравненный Brentfordъ, конечно замѣтили, что въ отъ дороги, на концѣ знаменитой деревни, красивый домъ, котораго видъ показываетъ и богатство, и изящество, и комфортъ, «отраду», которою онъ окружаетъ себя. Этотъ домъ стоитъ отдельно отъ другихъ. Онъ доказательство независимости; онъ не высокъ, только въ два этажа и квадратный какъ шашечная доска, доказательство «отрады». Кругомъ цвѣты, клумбы, рожки, скамейки, бесѣдки, садъ, вода, службы, чистота, изящность, удобство въ высочайшей степени. Проезжающіе мимо, глядя на этотъ домъ, говорятъ объ немъ: Very comfortable! «Очень отрадный!» Если касается до богатства хозяина, то оно ясно видно на зеркальныхъ стеклахъ, которыми замѣнилъ онъ себя неблагородныя оконныя стекла. По этой причине вы догадывались, что хозяинъ человѣкъ, который хочетъ видѣть свѣтъ ясно и вещи, такъ какъ онъ есть; человѣкъ разсудительный, который знаетъ, что грубый стеклянный матеріалъ, обыкновенно употребляемый для оконъ, годенъ разве для того, чтобы не пропускать вѣтра, дождя и комаровъ, но когда не доведетъ его до ясности въ понятіяхъ.

Да и кого не возмущают искаженные образы, представляемые намъ оконными стеклами? Кто согласится пробыть четверть часа въ комнату, гдѣ, для входящаго улицей философа, который любитъ падать въ чужія окна, всѣ столы и кресла стоятъ кривъ и вкось, какъ неловкіе танцоры въ кадрили; люстра виситъ внѣ центра своей тяжести и неизбежно падаетъ вершковъ на шесть вправо или влево, гдѣ украшенія камна любовно обнимаются, гдѣ, конецъ, картины, кажется, развѣшены безо всякаго уваженія къ горизонтальнымъ и вертикальнымъ линиямъ? За этими стеклами теряешь всю пріятность прогулки по тротуару. По-крайней-мѣрѣ я, когда заглядываю въ окна для наблюденія нравовъ, — я не могу переносить безъ головокруженія подобнаго зрѣніща! Для меня, лучше ужъ танцевать сарабанду на перечной полосѣ креста соборной церкви Св. Павла. Я знаю какъ для хозяевъ, которые въ то самое время глядятъ въ комнату, и смотрятъ на меня и на другихъ прохожихъ? Но что жъ вы думаете! Я знаю людей, которые цѣнятъ достойныхъ всякаго уваженія, которые прекорно живутъ за этими стеклами, которые съ удивительнымъ хладнокровіемъ всякой день кушаютъ кофе и пьютъ свой кофе, и всякой день искажаютъ всѣ домашніе предметы, служащіе украшеніемъ городу; бьютъ зигзагами противоположные дома, отсѣкаютъ вершины величественныхъ деревьевъ на аршинъ выше или ниже отъ ствола, и безъ милосердія рубятъ надвое меня, щеголей, щеголихъ и всѣхъ несчастныхъ, которымъ случается проходить подъ окнами.

О когда же эти живыя оконныя стекла будутъ всюду замѣнены правдивыми стеклами зеркальными? Когда люди начнутъ видѣть вещи сего свѣта въ настоящемъ видѣ? Повѣрьте, что революціи, пертурбаты, замѣшательства нашей несчастной Европы исходятъ первоначально отъ дурныхъ окошеч-

ныхъ стеколъ. Привыкнуши видѣть сквозь нихъ все предметы криво, въ ложномъ и неправильномъ видѣ, мы и разсуждаемъ и дѣйствуемъ криво, не имѣемъ понятія объ естественной гармоніи, дѣлаемъ все вкось зигзагомъ, превратно. Посмотрите на Восточныхъ: у нихъ нѣтъ стеколъ въ окнахъ, — нѣтъ и революцій! Но страсть къ Философіи увлекла меня слишкомъ далеко. Я забылъ, что хочу говорить объ omnibusахъ и о томъ, что у людей называется — *отъ всего близко*.

Хотя домъ, подавшій поводъ къ этому отступленію, образецъ совершенства, но критикъ съ чистымъ вкусомъ, могъ бы охуждать его за два украшенія, — за маленькій глиняный бюстъ герцога Веллингтона съ колоссальнымъ носомъ, стоящій въ нишѣ надъ главнымъ входомъ, и за свинцоваго Купидона, который, лежа на тюльпаннхъ, показываетъ проходящимъ пухлую свою рожу, и за невозможностию низвергать, только испускаетъ ртомъ тоненькую струю воды, совершенно недостойную усилій, дѣлаемыхъ этимъ богомъ для того, чтобы ее изъ себя выжать. Къ чему этотъ бюстъ? Хозяинъ хотѣлъ показать, что онъ богатъ и считаетъ себя въ правѣ принадлежать къ партіи Торіевъ! Я не люблю вывѣсокъ партій надъ порогомъ дома. Къ чему этотъ Купидонъ? Это разливаетъ затхлый запахъ классицизма на всю дорогу: зачѣмъ ругаться надъ мнѣніями проѣзжихъ романтиковъ, которые ѣдутъ пить пуншъ въ Брендфордъ, и вамъ ни какого зла не дѣлаютъ? Несмотря на эти двѣ важныя ошибки, я всякой разъ, проходя мимо этого дома, дышащаго благополучіемъ, «отрадою», удивлялся генію, распорядившему его постройкою, и завидовалъ смертному, окруженному такою пышностію. «Г. Руфусъ Ваддсъ, думалъ я не разъ, долженъ быть счастливѣй-

человѣкъ во всѣхъ трехъ Соединенныхъ Коро-
твахъ.» И какъ я ошибался!

Послѣдній разъ, какъ я проходилъ по мѣстамъ, быв-
шъ свидѣтелями моего удивленія этому великолѣп-
ному жилищу, — оно уже не существовало! его сло-
во!.... Гидравлическій Купидонъ его служилъ укра-
шеніемъ лавки какого-то Гаммерсмитскаго торговца;
герцога, и некогда господствовавшей надъ входомъ,
а теперь у воротъ. Отъ прежняго великолѣпія остава-
лись только развалины и посрединѣ столбъ съ над-
писью: *сіе мѣсто отдается въ наемъ и продается.*
Разительный примѣръ непостоянства кирпичей и
дверей!

Ворникъ вышелъ на улицу, съ унылымъ видомъ
и коротенькою трубкою въ зубахъ, когда я чи-
талъ надпись.

Сіе мѣсто продается? спросилъ я.

Да! отвѣчалъ онъ беззаботно: *это мѣсто продается.*

Я хочу купить *сіе мѣсто.*

Вы можете купить *это мѣсто*, если вамъ угодно.

Я непременно хотѣлъ купить *сіе мѣсто*; онъ все
давалъ мнѣ *это мѣсто*. Мы не могли понять другъ
друга, и разошлись. Такъ всегда на свѣтѣ: объяв-
ляютъ одно, а продаютъ вамъ другое; пишутъ о *семъ*,
но себѣ думаютъ объ *этомъ*. Разительный примѣръ
неясности сердца и языка человѣческаго!

Прежде до этого, то есть, еще до срытія дома, я одна-
жды торговалъ его: разъ, какъ-то, къ величайшему
удивленію, замѣтилъ я, что двери и ставни Ваддсова
уже затворены; въ нишѣ нѣтъ уже глинянаго герцо-
га, а ротъ запыленного Купидона, какъ-будто въ на-
дписку надъ его предпологаемою жаждою, наполненъ

не водою, а сухими листьями. Вообще, всюду мерзость заустынія. «Неужели Ваддсъ умъ вскричалъ я. Но объявленіе, приклеенное къ тамъ, котораго я сначала не замѣтилъ, вывело изъ недоумѣнія. На немъ было написано :

«За отъездомъ въ чужіе края, отдается въ наймы и «дается, съ мебелью или безъ оныхъ, на выгодныхъ «вѣяхъ. О цѣнѣ спросить у Г. Гика, маклера, живущаго Бондъ-стритъ, подъ No 281.»

Это объявленіе, какъ вы позволите видѣть, было полно чувства глубокой меланхоліи : оно возвало отъездъ безъ надежды возвращенія. Ваддсъ дома, казалось, разставался не только съ нимъ, съ сожалѣніемъ о томъ, что покидаетъ любимое лице, даже съ желаніемъ когда нибудь его снова видѣть. Не мудрено было угадать, что намѣреніе непоколебимо : въ объявленіи былъ отвѣтъ на все просы, было разрѣшеніе всѣхъ возможныхъ сомнѣній. Купите домъ или наймите его, — Ваддсу все равно ! Возьмите мебели или оставьте ихъ, — ему все равно ! Ему и нужды нѣтъ ! Онъ, кажется, мало заботился объ условіяхъ продажи : ему хотѣлось только выдвинуться отъ своего дома, во что бы то ни стало ! Какая же важная причина заставила почтеннаго Ваддса рѣшиться на эту жертву ? Я не зналъ его, когда не видывалъ, и между-тѣмъ мнѣ непремѣнно хотѣлось узнать причину добровольнаго его изгнанія изъ этого новаго Эдема. Какъ я имѣю обыкновенно уступать самымъ первымъ движеніямъ страстей, хотѣлъ я, чтобъ не дать имъ времени усилиться и не въ необходимости потомъ преодолевать ихъ, то я сейчасъ отправился къ Г. Гику, маклеру, живущему Бондъ-стритъ, подъ No 281, которому поручена продажа дома, и между нами зашелъ слѣдующій разговоръ.

Г. Ваддсъ не хочеть болѣе жить въ своемъ домѣ?

Да, сударь. Домъ просторный, покойный, очень удобный». Состоить изъ.....

уть страница маклерскаго краснорѣчія.

Однако жѣ должны же быть какія-нибудь нестыда, что онъ не хочеть болѣе въ немъ жить. Иначе бы хозяину такъ торопиться выгнать изъ краснаго дома?

Гикъ помолчалъ съ минуту; потомъ прибавилъ:

Конечно, не безъ того, чтобъ не было кой-какого удобства. Домъ отличный, — одно то, что отъ всего далеко!

Тѣмъ лучше!

Конечно! Другаго такого дома вы не найдете въ цѣль околоткѣ, — одно то, что такъ близко къ городу!

И больше ничего?

Я буду говорить съ вами откровенно: столовая неловкая! Осымнадцать человѣкъ могутъ въ ней сидѣть очень «отрадно».....

Такъ что жѣ? Это выгода, а не удобство; и если выгода нѣтъ.....

Правду вамъ сказать, сударь, омнибусы принуждаютъ Г. Ваддса продать свой домъ и покинуть отечество, потому что, между нами, онъ уже ухалъ изъ Лондона: бѣднякъ, не могъ больше выдержать!

Какое соотношеніе между добровольнымъ изгнаніемъ и Торнгамъ-Гринскимъ омнибусомъ? Я принужденъ былъ просить Г. Гика объяснить мнѣ эту тайну. Онъ охотно согласился, и я узналъ слѣдующее:

Руфусъ Ваддсъ былъ долгое время членомъ или, какъ бы сказать, начальникомъ торговаго дома Вад-

совъ братьевъ, — Ваддсъ и Комп.: въ этихъ четъ
буквахъ, *Комп.*, заключались цѣлая тма Вадд
родныхъ и двоюродныхъ, малыхъ и большихъ,
ныхъ и красныхъ. Контора ихъ была на углу Т
стрига. Тутъ, съ незапамятныхъ временъ, плод
Ваддсы; тутъ родился и герой нашей повѣсти, м
Руфусъ Ваддсъ; тутъ, по древнему фамильному
чаю, намѣревался онъ жить до тѣхъ поръ, пок
обрѣтетъ прочное состояніе, которое позволит
распрощаться съ заботами и хлопотами торгов
говорю прочное состояніе, чтобы означить ра
его съ *огромнымъ* состояніемъ, подъ которымъ
разумѣютъ значительный доходъ, доставляемы
кими нибудь спекуляціями по горнымъ заводам
въ публичныхъ фондахъ, — доходъ, которому
неприлично было выраженіе *прочный*. Желанія
дежды Г. Ваддса не простирались далѣе 1000 фу
стерл. (25,000 р.) дохода; но покуда онъ не прио
послѣдняго шиллинга капитала, долженству
давать этотъ процентъ, до тѣхъ поръ ни просьб
ны, ни слезы дочери, ни тайная страсть къ се
жизни не могли заставить его покинуть свой к
ческій домъ, — онъ всегда придавалъ этому сло
беиную важность; произносилъ его съ нѣкоторо
жественностію. Исполненіе предначертанной
обязанности было тѣмъ тягостнѣе для него, чт
съ самой юности всегда пымалъ желаніемъ на
даться чистыми красотами Природы, — жить по
комъ, имѣть свинцоваго Купидона на дворѣ для
и выставить бюстъ какого-нибудь славнаго вел
подъ входомъ для показанія всѣмъ, что онъ при
жить къ его партіи. Но онъ однажды предписа
бъ эту обязанность, и Природа должна была
ждать, пока ея любовникъ не исполнилъ свяще
долга, совѣсти.

какъ это странно случилось, что купецъ Руфусъ съ влюбился въ Природу! Огромное дерево, съ очень походившее на тополь, хотя темный цвѣтъ листьевъ и могъ бы возбудить не одно сомнѣнiе въ естественнспытателя, возвыпалось передъ окстариннаго гнѣзда Ваддсовъ, на углу Темсъта, посреди большаго, обнесеннаго стѣною мѣкоторое походило болѣе на кладбище, чѣмъ на Пока работалъ въ этомъ семейномъ муравейнѣ, Руфусъ Ваддсъ, часто по цѣлымъ часамъ, оставимся отъ его ариѳметической дѣятельности, смотъ на это почтенное дерево, держа въ рукѣ одно многочисленныхъ изданiй Томпсоновой Поэмы, «Времени года». Эта книга, — въ которой, какъ стно, есть четыре пѣсни очень неудобныя для я, — и двѣ полки большихъ счетныхъ книгъ съ авiями на переплеть — *Réscoutro - Bills*, составлясю его библиотеку, и онъ разнообразилъ свое е только тѣмъ, что, закрывъ счетную книгу, чи-каждую пѣснь Томпсона въ соответствующее ей я года. Напримѣръ, онъ никогда не читалъ пѣ-*Весна*, ежели дерево его покрыто было снѣгомъ, пѣсни *Зима*, когда вся Природа была въ цвѣту. ой этой привычкѣ надобно приписывать развитося въ душѣ закоренѣлаго купца непреодолимую сть подышать наконецъ чистымъ воздухомъ внѣ шумной столицы. Онъ предоставилъ другимъ ожденiе на Монъ-Бланъ, переездъ черезъ Альпы, въ развалинѣ древняго Рима, прекрасное небо Неа-ри, Парижъ и Женеву. Мистеръ Руфусъ за этимъ онялся: удаляясь изъ Темсъ-стрита, онъ не хо-ни покинуть его навсегда, ни жить отшельни-или медвѣдемъ, что все одно и то же. Онъ зналъ, отстать отъ своихъ старинныхъ привычекъ неь легко, какъ бросить вышедшее изъ моды платье. равѣ, биржа и контора были знакомы ему такъ

давно, что распрощаться съ ними значило бѣ дго распрощаться съ жизнію. Для этого ему ну былъ загородный домъ, который былъ бы отъ близко. Въ одинъ изъ своихъ несчастныхъ дней прочелъ объявленіе, что подлѣ Лондона продается красный домъ, мимо котораго omnibusы прохвосемь разъ въ день. Какъ это отъ всего близко някъ не устоялъ противъ искушенія. Онъ уже тысячу фунтовъ дохода. Руфусъ поселился въ гамъ - Гринъ.

Руфусъ Ваддсъ никогда не любилъ общества, именемъ общества разумью я праздныхъ посѣтн. Эти люди всю жизнь прерывали его счеты! П занимался дѣлами, онъ прятался отъ нихъ всяч когда, заперши контору, хотѣлъ онъ читать за сонна, они мѣшали ему думать о Природѣ и захвали вечера его. Неразъ цѣломудренныя его з съ Музами, — я забылъ вамъ сказать, что иногда акцептаціею векселя и покупкою хмѣля на с ему случалось писать куплеты Доринъ, — бывали востановлены нечаяннымъ появленіемъ какого-н пріятеля, который, какъ выражался Г. Ваддсъ ходилъ «занять» у него часа два времени. Мн хотѣлось, однако же, чтобы, по моему описанію фуса Ваддса стали считать мизантропомъ. Напрод Однажды въ мѣсяцъ онъ созывалъ своихъ друз семейный объѣдъ, въ замѣнъ чего тѣ, которые и щемъ видѣ ѣли за его столомъ, приглашали е частномъ къ своему столу. Въ деревнѣ, дома, и расчѣтамъ, онъ былъ бы въ безопасности отъ м ствія пріятелей, отъ которыхъ былъ бы отдѣ какъ Англія отъ Франціи, проливомъ дальняг стоянія. Меня, можетъ-быть, спросятъ, какъ ж вый деревенскій житель намѣревался проводить мя и какимъ образомъ падѣлся онъ, съ помощію

жены и дочери, проживать свои доходы? Что кася до доходовъ, то онъ не почиталъ себя обязанъ проживать ихъ безъ остатка: онъ хотѣлъ упомянуть сбереженныя деньги на какія-нибудь спекуляци, которыя могли бы увеличить капиталъ его хоть небольшими шиллингами. А о времени онъ не заботился: онъ уже изобрѣлъ-было нѣсколько способовъ зарабатывать его. Утромъ онъ сталъ бы считать ягоды смородины, нужныя для насущнаго пуддинга, — первая экономія, потому что садовники большіе плуты; потомъ сходилъ бы къ ближнему москотильнику, чтобы можно дешевле закупать все нужное для домашняго обихода; — вторая экономія, потому что у слесарей рука въ счетахъ тяжела; потомъ, если оставалось время, онъ повѣрилъ бы итоги въ книжкахъ булочника, молочницы, и прочая, гдѣ они всегда бывають на одной сторонѣ; безъ всякаго риска. Вечера намѣревался онъ посвящать удовольствію: выучилъ бы наизусть Томпсоновы Времена, и занимался бы пріисканіемъ второй рѣмы къ паровому котлу, который написалъ онъ за годъ предъ тѣмъ, и который нравился ему чрезвычайно; во всякомъ случаѣ онъ могъ бы при свѣчахъ вторично просматривать свои счета, чтобы точнѣе удостовѣриться въ ихъ безъошибочности. Все-таки лучше спится, когда совѣсть спокойна, что васъ не обманули! Однажды въ годъ, въ день рожденія своей дочери, которое, къ счастью, приходилось въ Іюль, онъ давалъ бы родственникамъ и гостямъ своимъ великолѣпный праздникъ, — закуску на чистомъ воздухѣ. Это не такъ пошло какъ въ деревнѣ, не такъ хлопотно, и особенно не такъ дорого обходится, — тѣмъ болѣе, что деревья гнутся тогда отъ тяжести плодовъ, а городскіе жители отъ нихъ не бѣгутъ. «И это будетъ очень кстати, говоритъ онъ, потому что иначе мы принуждены были бы кормить ими скоть.»

Но подь этимъ проектомъ таплась глубокая политическая идея, которую могъ породить одинъ только умъ Ваддса, — идея чудная, сложная, двуострая: первое, этимъ праздникомъ онъ будетъ платить оптомъ за всь объѣды, на которые приглашенъ былъ въ розницу при поѣздкахъ своихъ въ городъ; второе, говоря пріятелямъ при разставаньи — «Не забудьте, что мы ждемъ васъ къ себѣ 27 Іюля,» — онъ деликатнымъ образомъ увернется отъ посѣщеній ихъ до этого времени.

Увы, эти такъ хорошо обдуманнныя планы никогда не должны были исполниться!

Пятаго Августа Ваддсы переѣхали въ свое новое жилище; шестаго, въ Пятницу, когда часы пробили пять, и почтенное семейство собиралось сѣсть за столъ, омнибусъ остановился у дверей, и слуга доложилъ о прибытіи Г. Роберта Ваддса съ супругою. Мистеръ Руфусъ онѣмъль отъ ужаса!

— Ей Богу, это прелестно, любезный Руфусъ! вскричалъ Робертъ: вы отъ всего близко! Вечеръ сегодня прекрасный, дѣлать было нечего; въ половинѣ четвертаго Бетси и мнѣ вздумалось пуститься къ вамъ. Сказано, сдѣлано.... Какая превосходная телятина!.... Вы ее покупаете здѣсь? Мы взяли съ собою нашего маленькаго Тома.... Томъ, не шали, не трогай пирожнаго, тебѣ сейчасъ дадутъ его.... Мы засы и въ омнибусъ, проходящій черезъ Торнгамъ-Гринъ, и вотъ мы здѣсь, какъ разъ въ самую пору.

Этого исправить было уже не чѣмъ. Мистеръ Руфусъ рѣшился терпѣть; но онъ зналъ, что гости его любятъ почку, и чтобы отмстить имъ, сѣлъ ее всю.

Вашъ портвейнъ удивительно хорошъ, Руфусъ! Я тебѣ говорилъ, Бетси, что это прелестный домъ: все можно достать, отъ всего близко; успѣешь пріѣ-

, пообѣдать не торопясь, выпить..... Да гдѣ жъ
 въ Томъ? А, вѣнъ онъ тамъ забился въ малину!
 ошо; а то я боялся, чтобы онъ не напроказни-

сердце Руфуса жестоко щемило.

Сегодня я не могу оставить Тома у васъ, любез-
 ный другъ; но я привезу его на будущей недѣль, и
 погостить у васъ съ мѣсяць. Надобно пользоваться
 хорошею погодой. Я говорилъ тебѣ, Бетси, мы у-
 мѣмъ пообѣдать, выпить стаканъ портвейну и чаш-
 ке кофе, покуда дилижансъ опять прїѣдетъ. Въ восемь
 часовъ онъ остановится у дверей, а въ десять мы бу-
 демъ дома. Не правда ли, это прекрасно, Бетси?

Въ восемь часовъ дѣйствительно, Робертъ съ женою
 пришли. «Это не всегда же такъ будетъ!» думалъ ми-
 нистръ Руфусъ. Въ слѣдующую ночь онъ не спалъ.

На другой день, въ Субботу, онъ строго наказалъ
 слугъ, чтобы они говорили — дома нѣтъ, если кто
 придетъ обѣдать. Эта мѣра оказалась ненужною: ни-
 кто не прїѣзжалъ, и Ваддсъ развеселился. Вечеромъ
 омнибусъ опять останавливается у две-
 рей, изъ него выльзаетъ человекъ кругленькій, жир-
 ный, красненькій, съ узломъ платья въ рукѣ.

«Это..... кто?..... Чортъ возьми! сказалъ хозяинъ,
 испугавшись отъ страха.

Это былъ мистеръ Вобблъ, членъ Страховаго Обще-
 ства, самый веселый изъ всѣхъ Лондонскихъ куп-
 цовъ, человекъ, съ которымъ Г. Ваддсъ очень любилъ
 проводить время — въ чужомъ домѣ.

А, Ваддсъ! любезный другъ! какъ поживаешь?
 Почтеніе, с, дарыща! Здравствуйте, миссъ Дже-
 ннеръ! Прелестный домъ у тебя, Ваддсъ! Его; право,
 всѣмъ напрасно хвалятъ. Отъ городу не слишкомъ близ-

ко, не слишкомъ далеко. И омнибусъ останавливается у самыхъ дверей; что можетъ быть лучше!.... Но что это за шумъ у тебя? Любезный другъ, на ночь вели собаку привязать. Я никакъ не могу спать въ домъ, гдѣ лаетъ собака.

— Спать! повторилъ Руфусъ, который могъ только служить эхомъ: спать!..... Но ты не можешь спать здѣсь.

— Какъ же? А развѣ ты думаешь, что я эту ночь не буду спать? Нѣтъ, любезный другъ, не на такого напалъ. Ха, ха, ха! я, братъ, человекъ предусмотрительный. Я забрался заранее. Завтра воскресенье; у тебя весь домъ будетъ полонъ, и бѣдному Вобблю не было бы и мѣста. Но не безпокойтесь; я человекъ не прихотливый, сплю гдѣ случится, — хоть въ чуланъ или на чердакъ; мнѣ бы только постель была хороша да побольше подушекъ. Я ужъ на васъ надѣюсь, мистрисъ Ваддсъ! Только не забудьте, ради Бога, что у меня шея коротка, и что мнѣ надобно, чтобы постель была поката, а то я пожалуй и ножки протяну: слуга покорный!.... Да притомъ похороны въ новомъ жильѣ не хорошо. Вы ужъ отобѣдали? И я тоже. Я знаю, что въ деревнѣ ужинають, и потому побѣдалъ пораньше. Теперь пойду погуляю по вашему прекрасному саду. Не безпокойтесь. Я у васъ какъ дома, какъ-будто вѣкъ здѣсь жилъ. Прелестный домъ! отъ всего близко!

— Гдѣ жъ мы его положимъ? спросила мистрисъ Ваддсъ. Теперь ужъ его не выживешь.

— Дай ему синюю кровать, отвѣчалъ мужъ: въ этой комнатѣ и стѣны и матрасы сыры; онъ ихъ высушить.

Слѣдующій день, какъ весьма справедливо замѣтилъ Г. Воббль, былъ воскресенье, день отдохнове-

никогда любезный Руфусу, а теперь сдѣлавшій-
ля него днемъ труда и безпокойства. Въ одномъ
омнибусовъ, проходящихъ чрезъ Торнгамъ-Гринъ
олдень, пріѣхали Г. Вилльямъ Ваддсъ съ супру-
Они извинялись, что раньше не поспѣли. «Непро-
ельно, говорили они, терять такое прекрасное
о, особенно когда деревня такъ близко!» Въ часъ,
другаго проѣзжаго омнибуса, выѣзди чиповникъ
истерства финансовъ, Г. Перкинсъ, съ сыномъ:
пріѣхали прямо къ завтраку.

Это право, прекрасно! сказалъ Г. Перкинсъ: сюда
ѣзжаешь въ какое время хочешь, и, что всего
це, омнибусъ подвезитъ васъ къ самымъ две-
ь!

«Я сожгу этотъ домъ!» подумалъ Руфусъ. Въ слѣ-
щей каретѣ пріѣхалъ Г. Петеръ Ваддсъ.

Мнѣ очень жаль, что супруга ваша не пожалова-
ь намъ, сказалъ хозяинъ съ ироническимъ видомъ
шевно радуясь, что по-крайней-мѣрѣ тотъ прі-
тъ одинъ.

Вы знаете, Руфусъ! женщины никогда не по-
отъ во время! Я ихъ оставилъ покуда дома; но
пріѣдутъ въ слѣдующемъ омнибусъ.

Онъ!!! вскричалъ Руфусъ. Да кто жъ онъ?

Объ Миссъ Петеръ: онъ гостятъ у насъ. Я думалъ,
неучтиво было бы не привезти ихъ къ вамъ; при-
о, какъ я говорилъ Джемсу, гдѣ двое сыты, тамъ
тъ сыты и трое. Да впрочемъ здѣсь такъ хорошо,
всегда можно достать съѣстное! здѣсь отъ всего
ко!

ни два или три дня были обращикомъ всѣхъ слѣ-
щихъ. Всѣ планы Ваддса разрушились, надежда
пожить въ уединеніи съ Природою уничтожи-

лась. Онъ рѣдко бывалъ одинъ, — развѣ только, когда отъ души желалъ гостей, то есть, когда шелъ дождь и онъ принужденъ былъ сидѣть дома и отъ скуки барабанить пальцами по стекламъ или считать кружки, которые падающія съ крыши капли дѣлали въ водѣ передъ Купидономъ.

Характеръ его, терпѣнье, здоровье, а можетъ-быть и доходы, не устояли бы противъ ежедневныхъ призовъ посѣтителей, доставляемыхъ ему проклятыми Торнгамъ-Гринскими двѣнадцати-мѣстными омнибусами, и онъ рѣшился удалиться на нѣсколько миль отъ большой дороги.

Однажды утромъ, когда онъ завтракалъ, читая Morning-Post, его супруга, мистрисъ Ваддсъ, и дочь, миссъ Джемима, были испуганы глухимъ стономъ, вырвавшимся у несчастнаго Руфуса. Газета выпала изъ рукъ его; сухарь остановился у него въ горлѣ. Попеченія жены и дочери возвратили его къ жизни. Онъ не говорилъ ни слова; но только указалъ пальцемъ на то мѣсто газеты, которое такъ его поразило. Тутъ было сказано: «Съ удовольствіемъ извѣщаемъ нашихъ читателей, что между городомъ и деревнею Торнгамъ-Гринномъ будутъ ходить еще четыре омнибуса по шестнадцати мѣстъ въ каждомъ.»

На другой день объявленіе о продажѣ дома, который такъ отъ всего близко, было уже прибито къ воротамъ. Говорятъ, что, не видя нигдѣ въ Европѣ мѣста совершенно безопаснаго отъ омнибусовъ, мистеръ Руфусъ Ваддсъ уѣхалъ съ своимъ семействомъ за море, въ новую колонію на Лсбляжѣй Рѣкѣ, гдѣ они еще не извѣстны.

О ЧЕРКИ

ИТАЛИИ, ПОРТУГАЛІИ И ИСПАНІИ.

=

Мы уже нѣсколько разъ говорили объ авторѣ Романа «Ватекъ», безъ сомнѣнія извѣстнаго большей части нашихъ читателей. Г. Бекфордъ человѣкъ удивительный! До двадцати-лѣтняго возраста издалъ онъ два сочиненія, обратившія на него всеобщее вниманіе, — «Біографическія записки» о необыкновенныхъ живописцахъ и прелестную Повѣсть о халифѣ Ватекѣ, и, подавъ о себѣ самыя блистательныя надежды, вдругъ замолкъ, и молчалъ слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ. Носились слухи, что еще въ молодости написалъ онъ что-то о странствованіяхъ своихъ по бѣлу свѣту, но до сихъ поръ все ограничивалось слухами. Теперь только онъ издалъ свои «Очерки», которые восхищаютъ отечественную его публику, и переводятся уже на языки Французскій и Нѣмецкій. Г. Бекфордъ ничего не дѣлаетъ какъ другіе люди. Мало того, что онъ продержалъ сорокъ лѣтъ въ своей портфели сочиненіе, которое сдѣлало бы честь геніяльнымъ временамъ Словесности его края, и не было бы помрачено даже славою Байроновъ, Вальтеръ-Скоттовъ и Соутеевъ, — онъ еще присоединилъ къ нему предисловіе, разрушающее всю теорію вступленій и предувѣдомленій. Извѣстно, что по принятымъ правиламъ, въ началѣ творенія должно всегда говорить, что авторъ, чувствуя слабость своихъ дарованій, издаетъ книгу единственно изъ уваженія къ благосклонному объ ней мнѣнію

друзей его, и чтобъ удовлетворить ихъ настойчивости. Г. Бекфордъ утверждаетъ напротивъ, что онъ рѣшился издать ее *на зло* благосклонному объ ней мнѣнію его почтенныхъ пріятелей; что его твореніе было уже читано ими неоднократно частнымъ образомъ, и что многіе изъ нихъ, полагаясь на его добродушіе, стали выдавать его мысли, картины и выраженія за свои собственныя: не было другаго средства отъменить лестный образъ мыслей друзей автора на счетъ достоинства его труда, какъ напечатать сочиненіе отъ своего имени! Мы находимъ это дивное предисловіе очень замысловатымъ, и рекомендуемъ его нашимъ сочинителямъ, какъ превосходный образецъ для подражанія. По-крайней-мѣрѣ это еще ново.

Г. Бекфордъ, подобно Чайльдъ-Гарольду, протѣзжаетъ разныя земли, не справляясь съ дорожникомъ, и представляетъ читателю рядъ отдѣльныхъ или едва связанныхъ очерковъ всего, что оставило въ немъ глубокое впечатлѣніе. Онъ поэтъ, и даже великій, хоть отроду не писывалъ стиховъ. Восторгъ его передъ чудесными видами горъ, лѣсовъ и потоковъ обличаетъ въ немъ душу любимицу Природы, и изливается простымъ, но сильнымъ, живописнымъ языкомъ.

Особенную прелесть придаетъ книгѣ его то, что она писана слишкомъ за пятьдесятъ лѣтъ, и явилась только теперь. Настоящаго у насъ досыта: избавьте насъ отъ настоящаго! уфъ, какъ оно всемія надобно!... Право, некуда его дѣвать. Здѣсь по-крайней-мѣрѣ, нашъ современникъ, человекъ дышащій нашимъ мутнымъ воздухомъ, свидѣтель нашихъ глупостей, предстаеъ передъ насъ чуждымъ всего нынѣшняго; онъ описываетъ намъ прошлое, и описываетъ какъ-бы вчера только былъ очевидцемъ. Вспомните, что была

адная Европа въ 1780 году: Венеція еще государ-
; въ Испаніи, въ Португалліи, даже во Франціи
спокойно, чинно и весело: какъ это все теперь
насъ ново, неожиданно, любопытно! Да это почти
гическій вымыселъ! Приступимъ скорѣе къ вы-
дмъ.

а пути въ Италію, авторъ проѣзжаетъ Тирольски-
тсами.

казалось, нѣтъ конца этому лѣсу; только изрѣдка пе-
ежался онъ небольшими полянами, на которыхъ пасся
ь. Взобравшись на высоту, мы все видѣли передъ со-
отъ же черный боръ, пересѣкаемый зелеными лужай-
и блестящими ручьями. Бѣлая кашка и множество
овонныхъ цвѣтовъ пестрятъ берега ихъ; надъ ними ка-
ся горные ясени, а далѣе высятся холмы, утесы и го-
поросшія елью доверху. Быть-можетъ, одни Норвеж-
лѣса равняются этимъ въ величій и обширности. Тѣ,
рыми одѣты высоты Швейцаріи, рѣдко рождаютъ въ
подобныя мысли. Тамъ лѣсъ доходить только до полу-
и, остальная часть ея покрыта снѣгомъ; здѣсь нѣтъ пре-
прозябенію, и горы съ низу до самой вершины пред-
мяютъ взору богатая, непрерывныя чащи.

Дока мы любовались этимъ видомъ, черная громовая
омрачила небосклонъ, и лошади безпрестанно пуга-
блеска молніи; фыркание и топотъ ихъ раздавались
всу. Отъ нависшей грозы, ели почерпѣли пуще преж-
, и нѣсколько миль вѣхали мы почти въ совершенной
отъ. Вдругъ облака начали разступаться, и проглянулъ
блѣдный лучъ, но тотчасъ же опять стемнилось, и
дулъ такой дождь, что едва можно было перевезать
и, бвжавшіе съ ужасной силою. Въ сумерки перебра-
мы черезъ самый быстрый, и взошедъ на гору, гдѣ
ы и березы страшно шумѣли съ вихремъ, мы увидѣли
у маленькое озеро. Синій туманъ заслонялъ восточный
берегъ, по южному стлались легкіе пары, а надъ за-

падной оконечностью висло немного прозрачных обла
лучи померкавшего заката струились на поверхности
и обливали зеленяющей мысль его нѣжнымъ румянцемъ
не могъ не простоять здѣсь до тѣхъ поръ, пока не
это очаровательное явленіе.»

Перенесемъ теперь въ Венецію. Авторъ сидитъ
балконъ, висящемъ надъ Большимъ Каналомъ, и у
шенномъ перевитыми вѣтвями двухъ померанцевъ
деревъ.

«Съ наступленіемъ ночи замелькало множество огней с
маркизы оконъ. Каждая лодка здѣсь съ фонаремъ, и
стрыя гондолы влекутъ за собой огненный слѣдъ, с
звѣздой и сверкающей въ сумракъ. Я любовался этими
выми свѣточами, какъ вдругъ звуки музыки понеслись
каналомъ. Вотъ они все слышите и слышите, — и освѣ
ная барка, полная музыкантами, выплыла изъ-подъ Ри
и остановившись подъ однимъ прекраснымъ домомъ, н
серенаду: клики гребцовъ, говоръ на галереяхъ и въ
тикахъ, все затихло, пока она медленно ушла изъ ви
звуки замерли въ отдаленіи. Гондольщики, поймавъ г
музыки, начали повторять ея размеры, другіе отв
имъ издали, и эти голоса, отражаемые сводомъ моста
обрѣтали какую-то жалобную выразительность. Я ле
постель, полный звуковъ, и давно ужъ заснулъ, а ме
какъ-будто все отдавалась въ ушахъ моихъ.

«Не было еще пяти часовъ, когда шумный гово
плескъ воды подъ самымъ моимъ балкономъ разбудил
ня. Выглянувъ въ окно, я увидѣлъ, что Большой Ка
весь покрытъ плодами и зеленью, разложенными на
кахъ и на плотяхъ. Грузы винограду, персиковъ и
подходили и исчезали въ одну секунду; все было въ
женіи: толпы покупателей, торопившіяся съ лодк
лодку, представляли самую живую картину. Между
я замѣтилъ многихъ, которые, по платью и по осанкѣ,
надлежали не къ простолюдинамъ. Послѣ я узналъ

благородные Венеціане, которые, изъ своихъ казино, идутъ прямо сюда освѣжиться передъ утреннимъ сномъ дами.

Солнце начинало золотить балюстрады домовъ. Чистый, ясный воздухъ утра выманилъ меня изъ комнаты; я дошелъ на гондоломъ, взявъ съ собою запасъ хлѣба и винограду, проплывъ подъ Ріальто, спустился внизъ по Большому каналу до мраморныхъ ступеней церкви Заступницы Божіей Маріи, S. Maria della Salute, построенной Сенатомъ во имя Св. Дѣвы по обѣту, данному ей за укрощеніе сильной чумы въ 1630 году. Огромныя бронзовыя двери отворились; я увидѣлъ внутренность купола, и осмотрѣлъ все изнутри, потому что тамъ не было никого, кромѣ стараго ценщика, который поправлялъ лампы, и тихо читалъ молитвы передъ главнымъ алтаремъ, еще погруженнымъ въ сонъ. Солнце проглянуло въ оконницы купола, когда я вышелъ изъ церкви, и поплылъ къ просторной платформе на супротивъ С. Джіорджіо Мадджіоре, одного изъ самыхъ произведеній Палладія.

Когда первый восторгъ мой поукротился, и когда взглянулъ въ миловидность каждаго украшенія отдѣльно, я почувствовалъ въ умѣ своемъ всю соразмѣрность, весь чудный эффектъ цѣлаго, тогда только, изъ подъ зонтика, утвердившись на мосту въ песокъ, началъ я разсматривать безконечный рядъ дворцовъ, портиковъ, башенъ, который тянулся перпендикулярно мною на необозримое пространство. Дворецъ Дожа и величественныя колонны у входа на площадь Св. Марка, вмѣстѣ съ аркадами публичной бібліотеки, высокою кампанилою и колокольней, и статуями передъ ней, — это разительнѣйшая группа архитектурныхъ формъ, какою только можетъ похвалиться Искусство.»

Послѣ этой утренней картины, вотъ вечерняя:

Я вышелъ на большую площадь, тускло освѣщенную фонарями окружныхъ казино и домовъ, которыя только начали зажигаться. Бездна людей гуляла по площади; иные шли для удобства темныхъ портиковъ, другіе занимались

дѣльнымъ разговоромъ, и наполняли хохотомъ и шутками ярко освѣщенныя комнаты, куда заходили пить кофе и шербетъ. Вездѣ царствовалъ какой-то беззаботный восторгъ, о принужденности не было и помину, и какъ ни важничалъ днемъ какой-нибудь гражданскій саповникъ или сенаторъ, а къ вечеру укладывалъ онъ парикъ, мантію и важность въ одинъ ящикъ, садился въ гондолу, отправлялся на волокитство, и объ-руку съ временною царицей души своей разгуливалъ по городу, гдѣ, съ наступленіемъ сумерекъ, веселье часъ отъ часу возрастаетъ.

«У многихъ благородныхъ Венеціанъ есть неподалеку отъ большой площади такія комнатки, о которыхъ супруги ихъ ничего не вѣдаютъ. Сюда-то забѣгаютъ они вечеркомъ, когда вздумаютъ повеселиться на просторѣ. Сама ревность не можетъ открыть тайныхъ, излучистыхъ переходовъ и чудесно улаженныхъ дверей, которыя ведутъ къ этимъ убижищамъ. Сколько разъ несчастный любовникъ напрасно искалъ своей милой, скрывшейся съ предпочтеннымъ ему соперникомъ. Сами гондолеры, хотъ и главные пособники всѣхъ такихъ продѣлокъ, часто незнакомы съ внутреннимъ расположеніемъ этихъ тайниковъ. Волокита подвѣзжаетъ къ площади, приказываетъ баркѣ ожидать себя, встрѣчаетъ въ толпѣ свою богиню и мигомъ исчезаетъ съ нею отъ нескромныхъ взоровъ. Въ Венеціи было бъ на что посмотреть хромоногую бѣсу. Чего бы не открылъ онъ здѣсь однимъ ударомъ своего костыля!

«Пока высшія сословія забавлялись въ своихъ казино, чернь толпилась около шутокъ и шарлатановъ, которые пѣли и дурачились среди площади. Въ толпѣ замѣтилъ я множество Восточныхъ; Турецкій и Арабскій языкъ слышался со всѣхъ сторонъ. Тамъ говорили по-Славянски, а тамъ какимъ-то ломанымъ Греческимъ нарѣчіемъ, котораго почти нельзя было понять. Будь церковь Св. Марка столпомъ Вавилонскимъ, а площадь — мѣстомъ, окружавшимъ этотъ столпъ, и тутъ едва-ли было бъ такое смѣшеніе языковъ, какое я здѣсь слышалъ.

«Я только было разговорился съ какими-то Русскими дѣвками, которые глядѣли во всѣ стороны подобно мнѣ, тутъ явилась Г-жа Розенбергъ, которой я былъ рекомендованъ. Она представила меня знатнѣйшимъ Венеціанскимъ вельможамъ, въ ихъ большомъ казино, который выходилъ на площадь, и состоялъ изъ пяти или шести комнатъ, убранныхъ ярко и щепетильно, но не богато и безъ вкуса. Тутъ было множество свѣчей и множество небрежно одѣтыхъ женщинъ, съ распущенными волосами и съ множествомъ включеній во взорахъ. Мужчины развалились на диванѣ или шатались по комнатамъ. Все общество казалось животному расположенію, какъ вдругъ стали подавать кофе. Это чудесное питье разлило мгновенную живость, и минуты двѣ, три бесѣда шла довольно пріятно, хоть и рано; однако жъ скоро прошло вдохновеніе, остались въ карты да безсмыслица.»

Авторъ посѣтилъ Флоренцію, и превосходно описалъ этотъ городъ, богатый сокровищами Искусства; но, опасаясь слишкомъ распространить статью нашу, не послѣдуемъ за нимъ прямо къ Риму.

«День разсвѣталъ надъ Лаго ди Вико, и восходящее солнце бросало первые лучи свои на его темноглубыя воды на зелень окружнаго лѣса. Напрасно, спускаясь съ горъ, въ долину Витербо, хотѣлъ я высмотрѣть куполь Св. Петра. Надъ моремъ цѣлаго моря паровъ ничего не было видно.

«Наконецъ они разступились и мало-по-малу обнажили пространныя равнины; гдѣ воинственнѣйшій изъ народовъ основалъ столицу своего могущества. Далекю влѣвъ возвышался бугристый хребетъ Аппенниновъ, а съ другой стороны блестящая лента океана опоясывала небосклонъ....

«Дорога, которой не поправляли, кажется, со временъ Цезарей, не дозволяла намъ ѣхать очень скоро. «Какъ взѣхаетъ вонъ на этотъ холмъ, вы увидите Римъ,» говорилъ одинъ изъ почтальоновъ: взѣхали, и городъ не показывался. «Вонъ съ того, что подальше,» кричалъ другой

почтальонъ, и опять я ничего не увидѣлъ. При ка
возвышеніи пробуждали они мои надежды. Я думалъ,
бѣжить отъ насъ, такъ хотѣлось мнѣ его видѣть; какъ
замѣтили мы кучку холмовъ, увѣнчанныхъ зеленью,
женныхъ рощами, и осененныхъ цвѣтущимъ падукомъ.
и сямъ мелькалъ бѣлый домъ, построенный въ дре
вкусъ съ открытыми портиками, на которыхъ отра
лучъ вечерняго солнца, только что выглянувшего изъ
лаковъ, и разливаемаго по луку свои розовыя тѣни. Во
казались куполы и башни въ долину, вотъ и церковь
Петра растетъ надъ великолѣпными верхами Ватикана.
съ каждымъ шагомъ становился обширнѣе, а когда мы
гнули холмъ, тогда вдругъ весь Римъ представился на
взорамъ.

«Никогда не забуду, что я чувствовалъ, тихо спу
съ холмовъ, и ѣдучи черезъ мостъ на Тибръ! Когда
дѣлъ перспективу виллъ съ ихъ террасами и красивы
ротами, которая ведетъ къ Porta del Popolo, когда
дѣлъ площадь, куполы, обелискъ, длинный рядъ ула
дворцовъ, открывавшійся съ обѣихъ сторонъ въ отда
когда я увидѣлъ все это, обѣятое живымъ, румянцемъ
менемъ заката, можете представить, какъ наслаждался
бимымъ моимъ свѣтомъ, любимымъ часомъ дня, окру
ный такими предметами. Можете вообразить, какъ я
дѣлъ на Монте Кавалло, опираясь на подножіе Буц
какъ, не смотря ни на позднюю пору, ни на разст
спѣвши я по обѣту въ церковь Св. Петра.

«Я видѣлъ Св. Отца во всемъ благолѣпнѣи, когда
звукъ трубъ, онъ возвращался отъ вечерни, и отрядъ
дѣи стоялъ на мосту Св. Ангела. Бросивъ почтите
взглядъ на молы Адриана, я шелъ до тѣхъ поръ безт
новки, пока не развернулась предо мной колоннада С
тра во всей полнотѣ ея. Зданіе такъ свѣжо, такъ ново
будто сейчасъ кончено. Я едва могъ оторваться отъ
красной соразмѣрности его фасада, такъ дивно проти
лбжнаго неправильнымъ, но великолѣпнымъ чертогам
тикана, которые высются надъ колоннадою: солнце

поль, когда я взбѣжалъ по ступенямъ и вошелъ въ
двери, которыя ужъ хотѣли-было заперать.

Я не зналъ, гдѣ я, что я вижу: священнѣйшій сумракъ
оконечности зданія; я не могъ различить ничего
особенности, но наслаждался впечатлѣніемъ цѣлаго. За-
ладана не совсѣмъ еще разсыялся. Не было ни души
человѣческой. Я слышалъ, что дверь затворилась съ гро-
мкимъ шумомъ; мнѣ чудился какой-то тихій шепотъ; от-
куда онъ былъ — не знаю. Нѣсколько сотъ лампадъ мерца-
ло около алтаря, терявшася въ неизмѣримости зданія.
Какой другой свѣтъ не развлекалъ думъ моихъ, кроме
ярко-красной зари, еще видимой въ западныя окна. Подумай-
те, что чувствовалъ я одинъ и такъ поздно въ этомъ об-
шественномъ храмѣ. Скажите, уже ли я расстался съ нимъ безъ
какого откровенія?

Было почти восемь часовъ, когда я вышелъ на паперть,
нѣсколько минутъ стоялъ подъ портьками, прислушива-
ясь къ шуму водометовъ. Потомъ, чуть не черезъ весь го-
родъ, пришелъ въ виллу Медичи, гдѣ мы остановились;
я въ постель и скоро заснулъ крѣпкимъ сномъ, кото-
рый конечно заслужилъ своимъ усердіемъ и ходьбою.»

Это еще прекрасная картина, которую насладился
я при посѣщеніи Картезіанскаго монастыря, из-
стоящаго подъ именемъ Grande Chartreuse, въ нѣсколь-
кихъ верстахъ отъ Гренобля.

Только что мы отужинали, монастырскія ворота были
заперты, и это озадачило меня довольно непріятнымъ обра-
зомъ, потому что полный мѣсяцъ, глядѣвшій въ оконницы,
звѣзды, сверкавшія надъ сосновой рощею, манили меня
къ открытому небу, чтобъ вполне насладиться ихъ зрѣ-
ніемъ. Кoadьюторъ, замѣтивъ, что я часто выглядываю
вонъ изъ окна, угадалъ мое желаніе, и позвавъ привратника, ве-
нулъ ему отпереть ворота, и дожидаться моего возвраще-
нія. Я скоро воспользовался его снисходительностью, и, вы-
йдя изъ монастырскихъ затворовъ, гдѣ царствовала

мертвая тишина, взошелъ на зеленый холмъ, освѣщенный черными тѣнями древнихъ сосенъ: прислонившись къ одной изъ нихъ, я поднялъ глаза на величественный прѣселъ окрестныхъ горъ, рисовавшійся въ зыбкомъ, серебряномъ сіяніи мѣсяца, которое прямо лилось на лѣса, роскошно шпавшіе въ покатоств. Поляны, роція, стремнины, пасти, потоки, — все это лежало внизу, смягчаемое въ ихъ рѣзкихъ переходахъ блѣдно-голубымъ туманомъ, отораго еще усиливалась мрачность утесовъ, торчащихъ вышину, и одѣтыхъ мглою. Небо было самой темной сри; безчисленныя звѣзды казались необыкновенно яснотого возвышенія, и многія мелькали изъ-за черныхъ сенъ, которыми поросли утесы. Бѣлая, сѣрая и черная ватяя облака подходили къ мѣсяцу, который такъ и валь свѣтомъ купу скалъ, возвышавшуюся надъ всѣми гими. Хриплый ропоть потока, стремившагося изъ ленныхъ дебрей въ темную долину, мѣшался съ шумомъ горнаго вѣтра. Онъ усилился; зашумѣли лѣса, черныя лака поднялись съ сѣвера, — летать — летать и вдругъ глотили сіяніе мѣсяца. Наступила мгновенная темнота; теръ взвылъ и повѣялъ дрожью, потомъ пріутихъ; чище на небѣ, и мѣсяць опять взглянулъ на землю; явилось въ новомъ, торжественнѣйшемъ величіи. Вѣтъ навѣвалъ вдохновеніе.

«Не прежде полуночи воротился я въ монастырь, въ отведенную мнѣ комнату; но воображеніе мое было встревожено, душа моя такъ возбуждена, что долго не могла успокоиться, и едва только заснулъ, какъ страшный рывъ вѣтра отворилъ настежь оконницу, и разбудилъ своимъ воемъ. Въ промежутки бури, когда вѣтеръ стихалъ на одинъ мигъ, слабые звуки поющаго хора достигали моихъ; но потомъ опять покрывались ревомъ бури и шумомъ низвергающихся водъ.»

Перейдемъ въ Лиссабонъ. Легко замѣтить, что стихи этой столицы писаны уже въ другомъ духѣ, — это быть-можетъ потому, что они пятью годами моложе прежнихъ.

«Нигдѣ не видывалъ я такихъ проклятыхъ подъемовъ и спусковъ, уступовъ и скачковъ, какіе встрѣчаешь на каждомъ шагу въ Лиссабонѣ. Сто разъ ужъ почиталъ я себя опрокинутымъ въ Тагъ или въ какой-нибудь песчаный ровъ, наполненный гнилыми башмаками, дохлыми кошками и старыми арабками, которыя прячутся въ этихъ логовищахъ, чтобъ ворожить и продавать талисманы отъ лихорадки.

«Инквизиція часто разделяется по-своейски съ несчастными сивиллами, и я самъ видѣлъ, какъ одну изъ нихъ вытаскивали изъ-подъ развалинъ дома, обрушеннаго землетрясеніемъ. Не знаю навѣрное, въ чьи она попалась когти, къ клевету ли Инквизиціи, или къ кому-нибудь обманутому ея ворожбою; только я былъ радехонекъ, что убѣжалъ отъ этой чучелы, которой кривлянья и визгъ поистинѣ наводили ужась.

«Чѣмъ болѣе знакомишься съ Лиссабономъ, тѣмъ несоответственнѣ находишь его ожиданіямъ, которыя возбуждаетъ видъ этого города съ рѣки. Если бъ можно было вдругъ перенести сюда неприготовленнаго и непредубѣжденнаго путешественника, то вѣрно бы онъ подумалъ, что видятъ передъ собой нѣсколько плохо соединенныхъ деревушекъ, подавляемыхъ громадными монастырями.

«Безчисленное множество нищихъ, слѣпыхъ, пѣмыхъ и паршивыхъ, преслѣдовало меня чуть не въ самую воду. Въ мѣрѣ нѣтъ попрошайскъ, которые равнялись бы съ Португальскими, крѣпостью груди, роскошью болячекъ, обиліемъ всякихъ гадипъ, разнообразіемъ и подборомъ лохмотьевъ, и лучше всего безотвязною настойчивостью.»

Однако жъ не всегда Лиссабонъ производитъ такое непріятное впечатлѣніе. Вечеромъ, при свѣтѣ мѣсяца, авторъ нашелъ въ немъ много живописнаго.

«Ясная, пріятная ночь выманила насъ на Большую Площадь, куда достигалъ только слабый свѣтъ изъ оконъ дворца, отворенныхъ для освѣженія комнатъ. На одномъ изъ

балконовъ виднѣлось доброе лице Архіепископа. У окна, прямо надъ лоснящеюся маковкою этой почтенной особы, мы замѣтили двухъ пригожихъ сестрицъ, фрейлинь Королевы, которыя манили насъ очень привѣтливо. Этого было довольно, чтобъ заставить насъ взбѣжать къ нимъ въ комнату черезъ безчисленное множество ступенекъ. Тутъ мы нашли кучу племянниковъ, племянницъ и двоюродныхъ, столпившихся около двухъ премиленкихъ дамъ, которыя пѣвали съ своимъ учителемъ, квадратнымъ, сѣроглазымъ монахомъ, Бразильскія *моденги*.

«Кто не слышалъ этого совсѣмъ особеннаго рода музыки, тотъ не знаетъ очаровательнѣйшихъ мелодій, какія только существовали со времянь Сибаритовъ. Онѣ состоятъ изъ томныхъ, прерывистыхъ размѣровъ, точно какъ-бы дугъ занимался отъ восторга и душа рвалась къ родной душѣ любимаго человека. Съ дѣтскою неумышленною вкрадываются онѣ въ сердце, которое не успѣетъ и остеречься отъ обаятельнаго ихъ дѣйствія: кажется, вы глотаете съжее, пріятное молоко, а нѣ это ядъ сладострастія, проникающій въ сокровеннѣйшіе тайники вашего существованія. По-крайней-мѣрѣ, такъ бываетъ съ тѣми, кто чувствуетъ могущество гармоническихъ звуковъ; за крѣпкоухую флегму съвера я не ручаюсь.»

Путешественникъ пріѣхалъ въ Мадридъ зимою 1787 года, и вскорѣ познакомился тамъ довольно страннымъ образомъ съ представителемъ Султана.

«Рохасъ, которому нетерпѣливо хотѣлось вступить въ должность чичероне, безпрестанно вертѣлся у окна, и наконецъ замѣтилъ, что еще часа два будетъ свѣтло, и что мы успѣемъ пройти ко дворцу и къ садамъ Буэнъ-Ретиро. Вошедъ во дворъ, окруженный низкими строениями, которыхъ штукатурка была очень повреждена вѣтромъ и непогодами, я увидѣлъ, что нѣсколько почтенныхъ фигуръ, въ кафтанахъ и въ чалмахъ, стоятъ у дверей, прислонившись къ притолкамъ. Отъ этого зрѣлища, искры моего ориентализма какъ разъ вспыхнули яркимъ пламенемъ. «Что это

живописныя твари?» спросилъ я проводника: «можно ли посмотреть?» «Сколько угодно,» отвѣчалъ Рохасъ: «это Турецкаго Посла, который, со всемъ причтомъ, живъ Буанъ-Ретиро.... Хотите? мы зайдемъ осмотрѣть этотъ зверинецъ.»

казано, сдѣлано. Я разомъ прыгнулъ черезъ четыре стѣны, къ великому удовольствію нажей и прислуги его превосходительства, и вошелъ въ залу, устланную богатѣйшими коврами, и благоухающую куревою изъ алоеваго дерева. Въ углу этой великолѣпной комнаты сидѣлъ посланникъ, Ахметъ Вази Эсенди, окутанный драгоцѣнной соболѣю; онъ игралъ легкою тросточкой, которая была въ рукѣ, и порой совалъ ее подъ носъ рослымъ и массивнымъ невольникамъ, которые стояли передъ нимъ въ рядъ. Эти фигуры, неподвижныя какъ истуканы, и въ виду такъ же безчувственныя, ни разу даже не мигнули. Когда я подошелъ отдать мой *саламъ* представителю Султанскаго Величества, который принялъ меня съ великимъ милостивымъ кивкомъ головы, переводчикъ объяснилъ мнѣ, къ какому я принадлежу народу, и какъ пелицембергцу Высокую Порту.

Только я усялся въ тяжелыя кресла, обитыя узорчатымъ бархатомъ, какъ подали намъ кофе въ чашкахъ, отличнѣйшаго сорта, съ золочеными блюдечками: Несмотря на пристрастіе мое къ Востоку и его обычаямъ, я едва могъ проглотить это питье, такъ оно было густо и горько. Пока я сидѣлъ въ креслѣ въ ожиданіи, въ слѣдствіе этой уважительной причины, изъ-за стѣны, отдѣлявшаго насъ отъ другой комнаты, послышался тихій, ропотный звукъ, будто отъ флейты и тимпана, сопровождаемыхъ тамбуриномъ. Въ этой мелодіи была какая-то заунывная дикость и какое-то непрерывное пошевеливаніе однихъ и тѣхъ же созвучій, которыя растрогали мою душу.

Посланникъ глядѣлъ на меня во все глаза, и казался чрезвычайно доволенъ тѣмъ дѣйствіемъ, которое, видно, произвела во мнѣ музыка.

«Мои усердные распросы о Багдаде, о гробницах Зобиды, об остатках Дарь-эль-Калифата, или дворца Абасидовъ, кажется, пробуждали въ немъ тысячу пріятныхъ воспоминаній; а когда я прибавилъ еще нѣсколько ссылокъ на любимыхъ его писателей, и особенно на Месгги, онъ сдѣлался такъ разговорчивъ, что ловкій и проворный Грекъ, который былъ довереннымъ его переводчикомъ, насилу успѣвалъ за нимъ. Не пастуни часть молитвы, беседа наша продлилась бы до полуночи. Привставъ съ большою сивоювостью, онъ протянулъ мнѣ руки на прощанье, и отправился съ двумя пригожими пажами изъ Грузинъ въ соседнюю комнату, гдѣ секретари его, драгоманъ и прислуга стояли все на коврикахъ, какъ въ мечети, и признаюсь, трогательно было видѣть торжественную внимательность, съ какою совершалось моленіе.»

Вотъ позѣдка въ Эскуриаль, и ею заключимъ мы наши выписки.

«Терпѣть не могу, вставать при огнѣ въ холодное зимнее утро; но такъ какъ я назначилъ этотъ день для посѣщенія Эскуриала, и разставилъ по дорогѣ лошадей, чтобы скорѣй дохватъ, то считалъ себя въ непремѣнной обязанности выполнить свое намѣреніе. Погода была холодна и ненадежна; небо красно и темновато. Рохасъ долженъ былъ ѣхать съ нами вмѣстѣ, и потому мы завернули за нимъ къ брату его, Маркизу Виллануэвъ. Онъ одно изъ самыхъ добродушныхъ, самыхъ дружелюбныхъ созданій въ мірѣ, и я ни за что на свѣтѣ не похваля бы безъ него, хотя вообще не теряю колесить по городу за кѣмъ бы то ни было, даже будь онъ семи пядей во лбу, — мнѣ все равно.

«Ужъ пробило восемь, когда мы выехали изъ Мадрита, и скакали во весь опоръ, берегомъ Мансанареса, по дорогѣ, которая привела насъ къ Каса дель Кампо, одному изъ королевскихъ дворцовъ, окруженному рошницами и чащами. Мили двѣ ѣхали мы вдоль ограда, и миновавъ Ла Сарсуэлу, другой загородный домъ королевской фамилии, который справа заслоняютъ бугры, пересѣние кустарникомъ, мы

шли передъ собой мили на три или на четыре дикое, кенное поле. Потомъ, когда взобрались на нѣсколько тельныхъ возвышеній, надъ нами проглянуло солнце, а пачали рѣдѣть, и вдали открылись бѣлыя зданія снитаго монастыря съ его куполомъ и башнями, ко- я выпикали изъ величественнаго грунта, образуемаго кою, неправильною горою.

Мы были отъ него около мили, и окрестность казалась лучше, чѣмъ близъ Мадрита. По обѣимъ сторонамъ окой и прекрасно устроенной дороги тянулись обшир- зеленые луга, усыпанные обломками скалъ и днами ду- и ясеней. Олени стояли многочисленными стадами, какъ анные съ поднятыми вверхъ ноздрами, и вперяли въ свои прекрасные глаза безъ всякаго опасенія, потому здѣсь строжайше запрещено стрѣлять.

Котя надъ Эскуриаломъ насупились горы, однако жъ онъ мь стоитъ на значительномъ возвышеніи, и мы ка- ались туда цѣлые полчаса, оттого что послѣдними до- ми совсѣмъ размыло дорогу. Есть что-то грозно-пора- мльное въ фасадъ этого царскаго монастыря, который, бно дворцу въ Персеполе, освѣненъ близлежащими гора- Проходя на церковный дворъ подъ сводомъ ограды, ко- тей такъ крѣпокъ, какъ будто бы былъ изъсѣченъ въ гор- скалъ, я почувствовалъ невольное содроганіе, частію чно и оттого, что живо припомнилъ себѣ черные, кро- озпаменованные дни страшнаго Филиппа. Солнце опять ылось облаками, и папертъ, окруженная угрюмыми ста- ми, казалась такъ мрачна и иещеровидна, что я вообра- себя у входа въ подземный храмъ, устроенный для ка- -нибудъ таинственнаго и страшнаго богослуженія; но а я увидѣлъ главный алтарь во всемъ его величїи, съ овными ступенями, съ рядами колоннъ, которыя возвы- тся одиъ надъ другими, съ живописью, наполняющею промежутки, — я исчезъ въ благоговѣніи.

По сторонамъ придыма, въ которомъ онъ помещенъ, воз- аются часовни, ночи всѣ заняты катафалками изъ зо-

лочепой бронзы. Здѣсь съ королями и скиптрами, поверженными у ногъ, и съ обнаженной головою, стоять на каменныхъ изображеніяхъ во весь ростъ Императора Карла V и властолюбиваго сына его, Филиппа II, съ злополучными и женами и дѣтьми. Чувства ужаса еще увеличались во мнѣ оттого, что я увидѣлъ себя наединѣ съ этимъ обществомъ. Рохасъ пошелъ къ настоятелю съ письмами, которыя должны были открыть намъ всѣ тайны этого страшнаго зданія, — и храма, и дворца, и монастыря, и гробницы вмѣстѣ.

«Тутъ воротился мой пріятель, и за нимъ шелъ старій, рослый монахъ съ непривѣтнымъ лицомъ, пепельнаго цвѣта, и съ выпученными глазами, которыхъ выраженіе было вовсе не умильно. То былъ мистагогъ здѣшнихъ мѣстъ, настоятель самъ своею особою, представитель Св. Геронима, по-крайней-мѣрѣ во всемъ, что касается этого монастыря и его владѣній, человекъ, знаменитый строгостію своей жизни. Онъ началъ осматривать меня съ головы до ногъ, и послѣ этого довольно страннаго обзора, спросилъ по-Испански, что я особенно желалъ видѣть; потомъ, обернувшись къ Рохасу, сказалъ такъ громко, что я могъ это слышать: «Онъ очень молодъ, — понимаетъ ли онъ, что я ему говорю? Впрочемъ мнѣ такъ строго повелѣно показать ему монастырь, что, я думаю, прійдется это сдѣлать, сколько я ни привыченъ къ объясненію нашихъ достопримѣчательностей. Безъ чего нельзя, такъ нельзя; начнемъ-те, мѣшкать нечего. Вы знаете, что времени у меня не много, а дѣла довольно и въ церкви, и въ монастырѣ.»

«Послѣ этого не слишкомъ заманчиваго приступа, мы отправились. Сперва, постыли нѣсколько комнатъ со сводами, расписанными арабескомъ въ лучшемъ вкусѣ шестнадцатаго вѣка; потомъ обширную залу, гдѣ совершалось богослуженіе, пока строилась большая церковь, и гдѣ я увидѣлъ Перлу во всей ея чистотѣ, — нѣжнѣйшее по отдѣлкѣ произведеніе Рафаэля, — и Песце съ ея божественнымъ ангеломъ, прелестнымъ младенцемъ и полнымъ вѣры юнымъ Товитомъ, дышащимъ непритворною набожною простотою. Послѣ этого вниманіе мое привлекла одна глубоко-трога-

ая картина — Иаковъ, плачущій надъ окровавленною
дой любимаго сына, — возвышеннѣйшее, живое дока-
ство дивныхъ способностей Веласкеса на благородномъ
ищѣ Искусства.

ти три картины такъ поглотили мое вниманіе, что у
едва осталось его для прекрасныхъ созданій Тиціана
и другихъ великихъ художниковъ, которыя покрываютъ
простыя, толстыя стѣны цѣлымъ раемъ живописи. Я
почти такъ скоро, какъ только могъ желать мой вор-
ничероне, и слѣдовалъ за нимъ по разнымъ лѣстни-
и многому множеству переходовъ и предстѣній, въ са-
мрачномъ Дорическомъ вкусѣ, на хоры, устроенныя
большимъ западнымъ входомъ, прямо противъ глав-
алтаря и торжественныхъ его принадлежностей, по-
даль, чѣмъ въ двухъ стахъ футахъ разстояніемъ: сколько я
далъ царскихъ покоевъ, ни одинъ не сравнится въ
оническомъ величіи съ этой частью храма, болѣе по-
ю на часть дворца.

дъ лавокъ, обрисованный въ такомъ строгомъ вкусѣ,
ый даже необычаенъ для шестнадцатаго вѣка, сдѣланъ
драгоценнѣйшихъ деревъ обихъ Индій. Въ концѣ этой
ой перспективы ониксоваго цвѣта мѣсть, колоннъ и
хиновъ, является на черномъ бархатномъ покровѣ тотъ
ый ликъ распятаго Спасителя, который Челлини изва-
изъ чистѣйшей слоновой кости въ минуты набожныхъ
рговъ и вдохновеній. Это созданіе далеко превосходитъ
ругія творенія того же художника: его Персей во Фло-
ни какъ-то связанъ и перемудренъ.

ь длинномъ узкомъ корридорѣ, который тянется за
ми, показывали мнѣ серебряный ящикъ съ богатою
юю, гдѣ хранятся прекрасныя маленькія органы, быв-
съ Карломъ V въ Африканскомъ походѣ, и часто до-
ившіе ему пріятное развлеченіе отъ заботъ государ-
ныхъ: говорятъ, онъ игралъ на нихъ каждый вечеръ.
теперь еще стоитъ играть на этомъ инструментѣ;
да не слыхивалъ я такихъ очаровательно сладкихъ зву-

ковъ, и такъ тронулъ рукоятку, несмотря на то, ч
гій проводникъ мой, кислородный настоятель, по
еще вдвое непривѣтнѣе.

«Если мѣста, о которыхъ я сейчасъ говорилъ, обременены здѣсь украшеніями, какъ видѣнные м Павли и во многихъ другихъ монастыряхъ, зато прство надъ ними, или потолокъ прекрасныхъ хоровъ вляетъ чудеснѣйшее зрѣлище: это небо со всеми е ми. Едва можно постигнуть воображеніемъ всю по роскошь кисти, съ какою Лука Джордано умѣл нить свое дѣло, и оживить каждый уголокъ обширн странства прелестными формами, которыхъ округлос но какъ въ самомъ дѣлѣ, вытекаютъ изъ свѣтлыхъ, л облаковъ неба. «Каково?» сказалъ мнѣ монахъ: «у можетъ быть ничего подобнаго.»

Е.

ЧЕСТНЫЕ ЛЮДИ.

=

СЕРИИ ХАРАКТЕРОВЪ ПРОВИНЦІАЛЬНАГО ГОРОДА *.

=

— Нѣтъ, Викторъ! мы ужъ болѣе никогда не увидимся. Я чувствую, какъ это убѣжденіе жжетъ, до самой глубины, мое бѣдное сердце. Мы видимся въ бѣднѣйшій разъ. Ты ѣдешь на родину, въ свою прекрасную Францію, къ роднымъ, къ друзьямъ, домой, къ любимикъ, освобожденный отъ оковъ, изгнанникъ, возвращенный отечеству, веселый, радостный, счастливый, — найдется ли для тебя свободная минута выслушать о бѣдной Дженни?

— Ты забываешь, Дженни, что я солдатъ въ арміи великаго вождя, который ведетъ войну съ цѣлою Европою, и что, оставивъ Англію, буду посланъ опять въ битвы новыхъ сраженій, противъ новыхъ враговъ. Для меня только то служить утѣшеніемъ, что, по договору о размѣнѣ плѣнныхъ, мнѣ запрещено служить противъ твоего отечества. Я иду, дражайшая, на встрѣчу искушеніямъ мирной жизни, но тягостямъ войны.

— Тягостямъ геройскимъ, опасностямъ заманчивымъ, которыми ты такъ любишь! Пусть и такъ; но, сраженія, победы, опасности, или и самая смерть, съ одной стороны, — съ другой, прелести и ласкательства, красота и дарованія твоихъ милыхъ соотечественницъ! Какая надежда, чтобъ ты меня помнилъ среди трехъ бранныхъ или радостей столицы? Ты будешь думать обо мнѣ, — если, въ самомъ дѣлѣ, когда ни-

Статья извѣстной Англійской писательницы, Г-жи Мидфордъ.

Т. VII. — Отд. II.

будь обо мнѣ подумаешь, — какъ о предметѣ, входящемъ въ составъ самыхъ мрачныхъ грезъ, самыхъ пасмурныхъ дней твоей жизни. Сколько нашъ унылый Бельфордъ различествуетъ съ веселымъ Парижемъ, столько же разницы найдешь ты и во мнѣ, когда сравнишь меня съ какою-нибудь Парижскою красавицею. Нѣтъ, Викторъ, мы расстаемся, и я чувствую, что.... расстаемся навѣки!

— Жестокая, несправедливая! Развѣ ты меня забудешь?

— О, нѣтъ! Забывать отлетѣвшую надежду воспоминаніями, это печальное преимущество, дарованное женщинамъ. Тебя забыть?.... О, если бь я могла!

— И такъ, Дженни моя, собственная моя Дженни, положи конецъ всѣмъ этимъ сомнѣніямъ, всѣмъ этимъ подозрѣніямъ, раздражающимъ мою душу. Послѣдуй за мною во Францію, въ домъ мой. Хоть мать моя не богата, хоть я одинъ изъ бѣднѣйшихъ воиновъ Наполеоновыхъ, но я ему извѣстенъ, — и, если жизнь моя продлится, я увѣренъ въ своемъ повышеніи: между тѣмъ, мы будемъ имѣть необходимое, и будемъ счастливы! Поѣдемъ со мною, моя безцѣнная Дженни, ты, которой привязанность была единственнымъ мнѣ утѣшеніемъ въ продолженіе двухъ-лѣтняго моего плѣна! Поѣдемъ, милая! Раздѣли со мною радости моего освобожденія! Ничто не можетъ быть легче твоего побѣга. Никто не подозрѣваетъ любви нашей. Отецъ твой спитъ....

— И ты хочешь, чтобъ я его оставила? Я, единственное дитя его? Увы!.... Викторъ, если я его покину, въ его старости, тогда, засну ли я когда нибудь? Ступай! И знай, милый, — я достойно наказана за любовь, которой отецъ мой никогда не благословитъ, по предубѣжденію противъ твоей націи. Такъ и должно, чтобъ непопозволенная привязанность нашла ко-

нецъ въ горѣ и отчаяніи. Ступай, дражайшій! Но не зови меня болѣе съ собою; не говори также, что ты возвратишься за мною послѣ окончанія войны. И то и другое невозможно. Ступай, и будь счастливъ съ другою, моложе и пригожѣе меня! Ступай, и забудь бѣдную Дженни!....

Говоря такимъ образомъ, она, полегоньку, высвободила свою руку, сжатую въ обѣихъ его рукахъ, и поспѣшно удалилась изъ саду, гдѣ они находились. Она вошла въ домъ, куда Викторъ, опасаясь быть открытымъ, не смѣлъ послѣдовать за нею.

Этотъ разговоръ, въ страстныхъ и бѣглыхъ Французскихъ выраженіяхъ, происходилъ въ концѣ ноябрскаго вечера, въ 1808 году, между молодымъ офицеромъ Французской императорской арміи, плѣнникомъ на слово въ Бельфордѣ, и Дженни Ленгамъ, единственною дочерью, пережившею всѣхъ другихъ дѣтей стараго Джона Ленгама, купца, торговавшего хлѣбомъ въ томъ же городѣ.

Викторъ Доберваль, офицеръ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ молодой человѣкъ, хорошо воспитанный, съ дарованіями и съ живымъ, пылкимъ характеромъ. Онъ находился въ Бельфордѣ съ нѣсколькими морскими офицерами, съ которыми впрочемъ не имѣлъ ничего общаго, кромѣ отечества и несчастія быть въ плѣну; и хотя несравненно выше своихъ товарищей, услаждавшихъ праздность и удовлетворявшихъ нужды свои вырѣзываніемъ изъ кости домино и другихъ игрушекъ, и наклеиваніемъ на корзинкахъ и коробочкахъ цвѣтовъ и ландшафтовъ изъ крашеной соломы, — хотя онъ былъ выше ихъ гораздо, однако, отчужденный отъ жителей города, принужденный поневолю соблюдать строжайшую бережливость, онъ конечно былъ жертвою Великобританской болѣзни, скуки,

если бъ не избѣгнулъ этого бича, впавъ въ другую немощь, немощь всѣхъ климатовъ, — любовь.

Судя по наружности, казалось бы, что никто не былъ менѣе способенъ очаровать красиваго и блистательнаго Француза, чѣмъ Дженни Ленгамъ. Дѣвица дѣтъ двадцати четырехъ или пяти, а по лицу и старье; роста обыкновеннаго, съ обыкновеннымъ станомъ и, кромѣ прекрасныхъ темныхъ глазъ, съ обыкновенными чертами лица; всегда одѣтая чрезвычайно просто, она ничѣмъ не могла обратить на себя особеннаго вниманія. Будучи дочерью торговца, и притомъ суроваго пресвитеріанца, живущаго въ скромномъ и расчетливомъ уединеніи, она не имѣла даже случая встрѣчаться съ чужими, еще менѣе съ пыльными Французами. И она-то, важная, степенная, строгая, осторожная; она-то, убѣгавшая розовыхъ лентъ пуще всякой квакерши, считавшая за грѣхъ носить цвѣтные банты на своей соломенной шляпѣ; она-то... Ну, кому бы пришло въ голову, чтобъ Дженни Ленгамъ могла влюбиться во Француза, когда въ Англіи, если хотятъ дразнить дѣвушекъ, даже совсѣмъ не пуританокъ, и заставить ихъ горько плакать съ отчаянія, то увѣряютъ ихъ въ шутку, что онѣ выйдутъ замужъ за Французовъ!

Джонъ Ленгамъ, какъ мы уже говорили, торговалъ хлѣбомъ въ Бельфордѣ. Несмотря на то, что жилъ въ пасмурномъ домикѣ, въ темномъ и узкомъ переулкѣ; что имѣлъ только одну служанку и мальчика, смотрѣвшаго за лошадыю и коляскою, онъ слылъ достаточно челоуѣкомъ. Онъ принадлежалъ къ сектѣ, не многочисленной, но уважаемой и строгой; а почитался богатымъ потому, что, когда перестроивался его приходская церковь, онъ щедро пожертвовалъ на этотъ случай три тысячи фунтовъ стерлинговъ. Потерявъ всѣхъ дѣтей малолѣтними, онъ схоронилъ и

у при рожденіи Дженни, и оттого, какъ ни былъ въ и неумолимъ къ другимъ, въ отношеніи къ ственной своей наслѣдницѣ онъ даже казался чувствительнымъ. Безпомощность и совершенная отъ него зависимость осиротѣвшей дочери связывала его съ нею нѣжнѣйшими узами, и онъ не жалѣлъ того, что могло, въ его попятіяхъ, упрочить счастье и благосостояніе ея въ міръ.

Главнымъ совѣтникомъ и помощникомъ его въ воспитаніи малютки былъ старый другъ его, пасторъ Фентонъ, священникъ той же секты, человекъ опытнѣйшій, добросовѣстный, ученый, но мало способный къ стоящей цѣли, по двумъ, весьма важнымъ причинамъ: во-первыхъ, онъ никогда не былъ женатъ, и болѣе зналъ о воспитаніи дѣтей, какъ о обученіи лошадей для скачки; а во-вторыхъ, имѣлъ такое совершенное презрѣніе къ женщинамъ, что смотрѣлъ на нихъ, какъ на движущихся куколъ или на искусственныхъ обезьянъ, — вътренныхъ, непостоянныхъ, и неспособныхъ, — способныхъ только къ исполненію низшихъ домашнихъ обязанностей. — «Научите ее читать и писать,» сказалъ пасторъ Фентонъ: «научите ее считать, кроить бѣлье, чинить чулки, дѣлать пироги и сидѣть дома: когда она будетъ знать все это, такъ вы исполнили весь свой долгъ.»

Воспитаніе бѣдной Дженни начинало основываться на томъ планѣ, какъ, по счастью, когда ей минулъ двадцатый годъ, неожиданное посѣщеніе родной матери ея матери нѣсколько приумножило число учебныхъ предметовъ. Тетка ея, женщина разсудившая и образованная, сокрушалась о томъ, что ея внучицу, наслѣдницу порядочнаго состоянія, воспитываютъ въ такихъ ограниченныхъ понятіяхъ, и она хотѣла обратиться къ лучшимъ и возвышеннѣйшимъ мыслямъ. Она хотѣла помѣстить Джен

ни въ хорошій пансіонъ, или приставить къ ней священную учительницу; но это предпріятіе рлось ссорою, которая произвела совершенное оденіе между сторонами, и всѣ увѣщанія благородной родственницы могли только убѣдить убого старика дать дочери Французскаго учителя, и цѣ добраго аббата Виларета, — такъ какъ, въ г. Г-на Лейтана и пастора Фентона, Французскій былъ, — конецъ концовъ, — гораздо меньшая мер нежели музыка, рисованіе, или танцы. «Изъ ничего не будетъ!» думалъ Г. Фентонъ: «я и съ Французскимъ языкомъ не сладилъ, хотя издеся на грамматику, словарь, и работалъ надъ нимъ цѣлому часу въ сутки, въ продолженіе мѣсяца этого ничего не будетъ! Она не болѣе меня научилъ такъ все равно, что будетъ учиться или нѣтъ чему, послали за аббатомъ, и уроки начались».

Это обстоятельство произвело новую эпоху въ жизни Дженни Ленгамъ: аббатъ Виларетъ вскорѣ увѣрился въ обширныхъ способностяхъ своей ученицы, несмотря на ея скромность, застенчивость, ловкость и даже невѣжество. Г. Фентонъ тогда претилъ аббату употребленіе всѣхъ такихъ книгъ, которыя бы могли внушить молодой протестантъ ланіе обратиться къ католической вѣрѣ, а Ленгамъ удовольствовался тѣмъ, что исключилъ еманулы: въ выборѣ другихъ сочиненій, Дженни наставнику была предоставлена полная свобода. Отецъ, провождавшій большую часть своего времени по торговымъ дѣламъ внѣ дома, ни пасторъ, пошій его только по вечерамъ, не примѣчали и дозрѣвали, что она посвящала многіе и многіе вновъ создавшемуся для ней блаженству, — сидѣла книгами. Между-тѣмъ, аббатъ умѣлъ покупать такъ дешево, и Г. Ленгамъ, выдавая ему деньги такъ мало заботился, на какое обращались оныя

обменіе, что въ короткое время, наша затворница
имѣла собрать весьма значительную Французскую
библиотеку.

Кромѣ снисходительнаго и добраго наставника,
Дженни не имѣла другихъ повѣренныхъ. Она знала,
что ни отецъ ея, ни пасторъ Фентонъ не приняли бы
участія въ ея удовольствіяхъ, и потому никогда не
говорила при нихъ рѣчи о своихъ книгахъ; а они, до-
верливые и хладнокровнымъ отчетомъ аббата въ ея при-
казаніи къ урокамъ, не дѣлали дальнѣйшихъ распро-
сросовъ. Дженни чувствовала, что ея Французскія заня-
тия существовали только для ней одной; и когда смерть
пришла ея другу и наставнику, котораго она такъ ис-
ключительно любила и почитала, чтеніе сроднило ее еще
болѣе съ одиночествомъ. Холодной и спокойной на-
стойчивости, молчаливая, уединенная, нѣжная дочь,
внимательная и отчужденная хозяйка, она казалась Г. Фен-
тону «высокимъ идеаломъ» женскаго совершенства.
Никогда не подозрѣвалъ онъ, какая пламенная
любовь, какой сильный и выразительный характеръ,
скрывались подъ этою холодною оболочкою; какой
огонь пылалъ подъ этимъ бѣлоснѣжнымъ, дѣвствен-
нымъ образомъ. Непорочно ея, онъ ничего не могъ
сказать и представить; но никогда бы не угадалъ, какое
жаркое, какое твердое было это непорочное сердце.
Какъ бы не угадалъ онъ также, что, осудивъ ее
за ея жизнь затворническую, исполненную прину-
жденія, онъ самъ вполне приготовилъ умъ ея на жер-
тву долговременной и непреодолимой страсти.

Кормилица; у которой она жила нѣсколько лѣтъ по
смерти своей матери, сохранила къ ней нѣжнѣйшую
привязанность, и, будучи женою честнаго ремеслен-
ника, принадлежавшаго къ одному исповѣданію съ Г.
Фентономъ, имѣла всегда свободный доступъ въ его
домъ.

Однажды, вечеромъ, она прибѣгаетъ въ торопяхъ, и рассказываетъ Дженинъ, что почтовая карета, оставившаяся въ трактирѣ Краснаго Льва, оставила тамъ двухъ иностранцевъ, мужчину и женщину, и что послѣдняя больна при смерти; а между-тѣмъ, оба путешественника кажутся въ крайней бѣдности, и ни который изъ нихъ не знаетъ ни слова по-Английски. Кормилица просила свое дорогое дитя пойти съ нею, и быть переводчицей больной дамъ.

Дженинъ тотчасъ отправилась съ нею въ трактирѣ Краснаго Льва. Тутъ она узнала, что странники были Нѣмецкіе музыканты, ѣхавшіе въ Бристоль, и что болѣзнь жены принудила мужа остановиться. Между-тѣмъ, мужъ, съ стыдливостію, признался, что ихъ скудныя средства едва позволяли имъ переносить издержки медицинскаго леченія и жительства въ Английскомъ трактирѣ.

Дженинъ общала этимъ несчастнымъ помощь своего отца, который, хотя ненавидѣлъ Французовъ и папистовъ, — такъ называлъ онъ всѣхъ вообще иностранцевъ, — настоящею Великобританскою и протестантскою ненавистью, однако былъ добрый Христіанинъ, и не въ состояніи отказать въ необходимомъ пособіи ближнимъ, находящимся въ крайности. Благодаря его челоуѣколюбію, доброхотству трактирщицы и щедрому, хотя скудному, кошельку самой Дженинъ, бѣдные Австрійцы могли прожить на мѣстѣ столько дней, сколько было нужно для совершеннаго выздоровленія больной пѣвицы.

За нѣсколько дней до ихъ отъѣзда, ласковая переводчица узнала отъ доброй хозяйки, что покровительствуемые ею несчастные нашли еще новаго друга въ плѣнномъ Французскомъ офицерѣ, который, хотя никогда не зналъ ихъ прежде, но услышавъ объ ихъ затруднительномъ положеніи въ чужой землѣ, оказы-

тъ имъ всевозможное участіе. Когда Дженни пришла проститься съ путешественниками, тутъ встрѣна она въ первый разъ Виктора Доберваля, приреченнаго въ трактиръ Краснаго Льва подобными чувствами состраданія.

Былъ несносный декабрскій день; съверо-восточный продувалъ насквозь каждаго, кто неосторожно двѣргался его дѣйствию; ни какая сила не могла отивустоять ему, — и въ то время, какъ бѣдный мець, въ изношенной курткѣи тоненькомъ лѣтнемъ ртукѣ, садился на имперіалѣ почтовой кареты, ржа отъ стужи съ ногъ до головы; какъ зубы его чкали отъ дрожи, а тепло-одѣтый кучеръ и всѣ паскиры безжалостно надъ нимъ смѣялись, — въ то самое время, пѣнный офицеръ снялъ съ себя шинель, кинулъ ее съ улыбкою иззябшему музыканту, и икъ поспѣшно удалился, твердя про себя: «Она ему жнѣе, нежели мнѣ!»

Это-то сходство въ чувствахъ благотворительности, состраданіи къ несчастію бѣднаго чужестранца, печатлѣло судьбу двухъ честныхъ и пламенныхъ одецъ.

Викторъ скоро открылъ возможность быть предввлненнымъ Дженни, посредствомъ общей ихъ знакомки, трактирщицы Краснаго Льва, а послѣ онъ нащилъ случай встрѣчаться съ нею *нечаянно*, и въ такъ мѣстахъ, гдѣ они не опасались ни надзора, ни попки, — что, надо признаться, приключалось съ ними вольно часто, потому что Дженни имѣла привычку яять одна, и очень далеко. Онъ восхищался разинною противоположностію между ея застѣнчивымъ, однымъ обращеніемъ и пылкимъ, восторженнымъ характеромъ, и его народное самолюбіе восхищалось монностью молодой иностранки къ его языку и об-

ширными ея познаніями въ Французской Литературѣ. Она, — столько любовь наполнена противорѣчіями! — она находила не менѣ удовольствія въ совершенномъ его незнаніи Англійскаго языка. Ей пріятно было учить чему-нибудь своего живаго и рѣзваго воспитанника; и онъ вознаграждалъ труды ея, знакомя ее съ неизвѣстными еще ей Французскими сочинителями.

Такимъ образомъ летѣло время. Признаніе въ любви было сдѣлано съ одной стороны, и исторгнуто почти насильно изъ устъ печальной Дженни. Но къ чему служило это признаніе? Дженни объявляла рѣшительно, что никогда не выйдетъ замужъ противъ воли своего родителя: и зная всѣ его предрасудки, могли ли она надѣяться, чтобы онъ согласился соединить ее съ пльникомъ, военнымъ, Французомъ и католикомъ? Самъ Викторъ чувствовалъ всю невозможность.

Однако, никто изъ нихъ не былъ въ силахъ отказаться отъ благополучія украдчивыхъ свиданій, сколь ни отравлялись они страхомъ настоящаго и опасеніями въ будущемъ. Дженни ни кому не повѣряла чувствъ своихъ. Осторожность, а можетъ-быть и гордость, мѣшали ей открыться даже доброй кормилицѣ въ своей непозволённой страсти. Но она почти не сомнѣвалась, что ея тайна, ежели не совсѣмъ проникнута, по-крайней-мѣрѣ сильно была подозрѣваема насторомъ Фентономъ, который, вѣроятно, сообщилъ и отцу свое открытіе. Заботливость, съ какою они оба предлагали ей въ женихи одного достойнаго, богатаго и непріятнаго Лондонскаго жителя, — хотя, прежде, Г. Ленгамъ никогда не желалъ видѣть ее замужемъ, — утвердила еще болѣе ея опасенія.

Несмотря на это, они продолжали свои свиданія, какъ вдругъ извѣстіе о размѣнѣ пльнныхъ, отторгавшее Виктора отъ той, которая была единствен-

нимъ его утѣшеніемъ въ заточеніи, совсѣмъ неожиданно разразилось надъ ними, подобно грому.

Тутъ Дженни, со всею необдуманностію женскаго сердца, забыла свой обѣтъ — никогда не принадлежать обезному безъ согласія родительскаго. Она забыла, что было невозможнымъ казалось это согласіе, и плакала только о томъ, что Викторъ можетъ измѣнить ей; но онъ можетъ найти гдѣ-нибудь молодую и оборотливую Француженку, и пожертвовать своею репутациою!..... Викторъ, съ своей стороны, не переставалъ увѣрять ее, что какъ скоро возстанется миръ въ Англію, онъ возвратится въ Бельфордъ, и тогда торжественно повезетъ въ свое отечество единственную женщину, которую былъ въ состояніи любить когда-либо въ жизни. До той счастливой минуты, они не смѣли говорить другъ къ другу, кромѣ только въ такомъ случаѣ, если случится самая вѣрная оказія. Но при мысли о совершенной безнадежности съ одной стороны, и о жаркихъ, искреннихъ увѣреніяхъ съ другой, — они не выдержали.

Кто опишетъ горестъ Дженни въ продолженіе безконечной и печальной зимы, послѣдовавшей за ихъ разлукою? Что тайна ея быма узнана, или, по крайней мѣрѣ, окружена подозрѣніями, казалось достовернымъ: она болѣе нежели догадывалась, что если бы даже ея не дѣлаеть ей ни какихъ упрековъ, несмотря на явное свое неудовольствіе, то этимъ она обязана только своему брату, хотя угрюмому и старому холостяку, Феннелю, котораго обращеніе съ нею значительно переизмѣнилось къ лучшему. Признавая въ ней совсѣмъ неженскія способности и необыкновенную твердость характера, онъ употреблялъ всѣ средства, чтобы изощрить эти душевныя силы до высочайшей степени, и стараясь обратить ея мысли къ другимъ предметамъ, доказалъ въ семъ случаѣ то познаніе сердца че-

ловѣческаго, которымъ такъ часто обладаютъ протестантскіе священники. Давая ей читать Мильтъ Коупера, надѣляя ее множествомъ Англійскихъ историческихъ и богословскихъ твореній, приходя къ чтенію жизнеописаній извѣстныхъ и набожныхъ людей своего исповѣданія, онъ не только внушилъ ей склонность къ этой занимательной отрасли литературы, но даже нечувствительно довелъ ее до того, сверхъ всякаго чаянія, она стала откровенно разсуждать съ нимъ о предметъ новыхъ ея занятій.

Среди подобныхъ разсужденій, онъ скоро открылъ въ своей питомицѣ дарованія, которыхъ такъ мало совсѣмъ не подозрѣвалъ; но, вѣрный презрѣнію къ женщинамъ, — ересь, отъ которой въпасть въ нее мужчина рѣдко излечивается — началъ почитать ее только блистательнымъ исключеніемъ, сдѣланнымъ Природою изъ общей незначительности цѣлаго пола. Это доброе мнѣніе еще болѣе въ немъ укоренилось, когда онъ увидѣлъ, съ какою попечительною нѣжностію Дженни служила отцу во время продолжительной болѣзни, случившейся черезъ годъ послѣ отъѣзда Виктора, и отъ которой, наконецъ, онъ умеръ. Протомившись въ постель около двухъ лѣтъ, поживаемый только нѣжнымъ, неусыпнымъ попеченіемъ дочери и сострадательными навѣщеніями своего друга, старій Ленгамъ разстался съ ними навѣки.

Открывъ завѣщаніе покойнаго, нашли, что любимая дочь его, Дженни Ленгамъ, была назначена «единственною наслѣдницею 70,000 фунтовъ стерлинговъ (1,750,000 руб.), съ тѣмъ однако жъ условіемъ, что она не выйдетъ замужъ ни за военнаго, ни за католика, ни за иностранца, въ каковомъ случаѣ вся сія сумма 70,000 фунтовъ должна быть немедленно передана другу Ленгама, пастору, доктору богословія, Самуилу

тону, и состоять въ совершенномъ его распоряженіи и власти.»

Миссъ Ленгамъ гораздо менѣе огорчилась этою статьею завѣщанія, нежели какъ бы можно было ожидать. Три года уже протекли со времени разлуки съ Викторомъ, и онъ такъ исправно ей повиновался, что во все продолженіе этого времени, она не получила отъ него ни строчки. Она опасалась, что онъ умретъ; старалась надѣяться, что онъ только певѣренъ, но ужасное множество Наполеоновыхъ офицеровъ, павшихъ въ послѣднихъ битвахъ, заставило ее страшиться, что первое предположеніе было гораздо правдоподобнѣе: даже, если бъ онъ и уцѣлѣлъ прежде, то Россійская кампанія уже готовилась истребить всю Французскую армію, и бѣдная Дженни, давно разставшаяся съ надеждою, едва обращала вниманіе на эту новую препону своей несчастной любви. Она чувствовала, что ея сердце овдовѣло, и что всѣхъ будущъхъ утѣшеній должна она искать только въ тихихъ удовольствіяхъ, доставляемыхъ науками и благотворительностію.

Привязанная къ Бельфорду долговременною привычкою, воспоминаніями объ отлетѣвшемъ благополучіи и протекшими слезами, она осталась въ прежнемъ домѣ, не измѣнивъ ни въ чемъ стараго образа жизни, и только прибавивъ двухъ или трехъ служителей къ своей дворнѣ. Она предложила еще приставище у себя сестрѣ своей матери, — той самой теткѣ, которой была обязана сомнительнымъ преимуществомъ знанія Французскій языкъ, познакомившій ее съ Викторомъ, потому что непредвидимыя обстоятельства погрузили эту родственницу въ совершенную бѣдность.

Дженни нашла въ ней умную и просвѣщенную собесѣдницу; дни ея протекали тихо и пріятно въ об-

щество тетеньки, Г. Фентона, и въ удовольствіи въ со дня на день возрастающую вокругъ нея библиотечку, какъ, вопреки всѣмъ ея мѣрамъ, спокойствіе было встревожено побѣдами Союзниковъ, паденіемъ Наполеона, взятіемъ Парижа и миромъ Европы. Ужасъ ли еще Викторъ? Вѣренъ ли онъ, или измѣнилъ? Нетъ ли ее отыскивать? И когда онъ сыщеть, каково будетъ его удивленіе, можетъ-быть досада, когда узнаетъ о статьѣ завѣщанія, разлучающей ихъ? Остатокъ ли ей въ Бельфордъ? Нѣтъ ли еще другихъ средствъ удостовѣриться о судьбѣ Виктора?

Она перебирала эти вопросы въ сотый разъ, послышался стукъ у дверей, и лакей пришелъ сообщить, что полковникъ Доберваль желаетъ ее видѣть.

Для такихъ встрѣчъ нѣтъ выраженій! Послѣ долгого восторга, Викторъ началъ бѣгло описывать для нея свою службу со времени разлуки: онъ ее осматривалъ, и писалъ къ ней нѣсколько разъ, но узналъ въ томъ, что письма его до нее не доходили!.... Средствъ стрыхъ увѣреній, что въ его глазахъ она казалась прелестнѣе нежели когда-нибудь, что онъ наслаждался въ ней еще болѣе пріятности, выраженія и умора нежели прежде, Дженни съ своей стороны старалась рить ему, сперва съ сильнымъ волненіемъ, потомъ принужденнымъ спокойствіемъ, о той статьѣ завѣщанія, по которой она лишалась имущества, если бъ вышла за него замужъ.

— Не жестоко ли, прибавила она, не имѣть возможности обогатить того, кого любишь?

— Такъ ты все еще меня любишь? вскричалъ Викторъ. О, да благословить тебя Богъ за эти слова! Ты вѣрна, всегда постоянна?....

— Постоянна! О, если бъ ты могъ видѣть мое сердце въ продолженіе этихъ долгихъ, долгихъ лѣтъ!

ты могъ вообразить, какъ мысль о тебѣ прии-
малась къ каждому воспоминанію, къ каждому
тѣлу, къ малѣйшей надеждѣ! Но, навязать на тебя
у безнадежную, Викторъ, воспользоваться твоимъ
покоушіемъ, и обременить тебя женою безъ со-
нвія, которая никогда не была хороша и уже не
да теперь, которая ниже тебя во всѣхъ отношені-
..... Могу ли я на это соглашаться? Будетъ ли это
ведливо? Будетъ ли похвально? Скажи самъ, Вик-
.....

Скажи лучше, справедливо ли, похвально ли бы-
ты съ моей стороны лишать тебя того достатка, ко-
ій ты такъ хорошо употребляешь? Захоченъ ли
безъ сожалѣнія, для меня, для любви и бѣдности,
заться отъ богатства, которое, по всѣмъ правамъ,
надлежитъ тебѣ!

Захочу ли?..... Какъ ты можешь объ этомъ спра-
ать!

Такъ ты согласна, моя Дженни? Скажи да, без-
ная, и перестанемъ думать объ этихъ деньгахъ.
ея есть мать, достойная быть твоею, — мать, кото-
будетъ любить и цѣнить тебя вполнѣ, сколько ты
уживаешь быть любимой; у меня есть маленькое
нѣе съ замкомъ у подошвы Пиренейскихъ горъ,
Природа такъ прекрасна, что могла бы утѣшить
ого императора въ потерю его престола. Раздѣли
ною это мирное убѣжище, и мы, въ нашемъ ти-
уединеніи, будемъ счастливы всѣхъ царей на
тѣ! Ты любишь деревню, и ничего не потеряла
своей прежней простоты: этого богатства ты
огда не лишишься со мною.

О, нѣтъ! Навѣрное нѣтъ!

Такъ ты моя? Дражайшая, рѣдкая, вѣрная жен-
на! ты моя? и сердце твое и рука мнѣ принад-
ать? Скажи да, моя Дженни!

И Дженни шопотомъ, съ улыбкою и среди слезъ, произнесла это да, котораго повторенія вѣрный женихъ не переставалъ требовать; и скорѣе нежели какъ можно описать, всѣ распоряженія къ свадьбѣ были устроены счастливыми любовниками.

Вечеру, Миссъ Ленгамъ пригласила пастора Фентона къ чаю. Послѣ нѣсколькихъ словъ, представивъ ему полковника Доберваля, она объяснила свои съ нимъ отношенія, и объявила рѣшительно, что отказывается отъ имѣнія, котораго, по завѣщанію отца, сдѣлалась она тройнѣ недостойною, выходя замужъ за военнаго, за иностранца и за католика.

— А ваша религія? спросилъ пасторъ довольно сурово.

— Всегда будетъ священна въ глазахъ моихъ, прервалъ Викторъ торжественно. Въ Байоннѣ есть священникъ этого исповѣданія, и Дженни будетъ имѣть всѣ средства слѣдовать правиламъ своей вѣры.

— Хорошо, а ея дѣпги? Увѣрены ли вы, молодой человѣкъ, что никогда не раскаетесь, взявъ жену безъ приданого?

— Совершенно увѣренъ. Я ничего не зналъ объ ея богатствѣ. Жену, а не приданое я пріѣхалъ сюда отыскивать.

— А ты, Дженни, можешь ли безъ сожалѣнія оставить это богатство, которое, при хорошемъ употребленіи, доставляетъ благословенную возможность дѣлать добро, облегчать нищету ближнихъ, дарить благополучіемъ несчастныхъ? Можешь ли покинуть родину, домъ, друзей?

— О, Г. Фентонъ! возразила Дженни: кромѣ васъ, я ни о комъ не пожалѣю. Его домъ будетъ моимъ домомъ, родина его — моею. Добрая тетушка, я надѣюсь, послѣдуетъ за нами, и я никого не покину здѣсь, кто

могъ мнѣ, кромѣ васъ, второй отецъ мой! Что жъ этихъ денегъ, которыя, будучи употребляемы какъ нужно, могутъ точно назваться благословеніемъ, не являю ль я ихъ въ вашихъ рукахъ? Не увѣрени ли что у васъ они точно будутъ облегчать нищету и ставлять благополучіе несчастнымъ? Да, я чувую, что если бъ въ сію минуту, тотъ, кого я потепа, могъ видѣть мое сердце, онъ бы одобрилъ мое увѣреніе, и благословилъ бы человека, оказавшагоую безкорыстную любовь къ его дочери.

- Такъ семьдесятъ тысячъ фунтовъ мон!

- Ваши! Ахъ, ваши!..... воскликнула она съ чувствомъ, бросаясь въ объятія вѣрнаго Виктора.

- Именемъ твоего отца и своимъ, я благословляю васъ, мои дѣти! сказалъ угрюмый Фентонъ, привставая съ мѣста. И отъ него и отъ себя, возвращаю вамъ потерянное вами имѣніе. Ни слова въ отказъ, одой человекъ! Не принимаю ни какихъ разсуждѣній, ни какой благодарности. Съ моей стороны тутъ не великодушій. Имѣніе ваше вамъ однимъ и принадлежитъ. Выслушай меня, Дженни. Это завѣщаніе, которое другая, менѣ тебя великодушная и безкорыстная, стала бы меня ненавидѣть, — это завѣщаніе, какъ и сама ты могла догадываться, было написано подъ моимъ руководствомъ. Я узналъ отъ хохки Краснаго Льва о вашей взаимной привязанности, и хотѣлъ-было положить конецъ вашимъ свиданіямъ, какъ неожиданный размѣнъ плѣнныхъ удасть Г. Добервала изъ Бельфорда. Послѣ вашей разсудки, излишне было бы выговаривать тебѣ за связь, которую мы имѣли всѣ причины полагать совершенно кратившеюся. Я уговорилъ моего добраго друга, а твоего, скрыть, что онъ зналъ о твоей страсти, а я употребилъ всѣ средства обратить твои мысли

къ другимъ предметамъ. Тутъ я постепенно смился съ твердостію и силою твоего разсудка, менною твоею чувствительностію; а съ другою, собирая строгія и подробныя свѣдѣнія, ствахъ твоего любезнаго, я началъ думать, — ни мало почитаютъ старыхъ холостяковъ способъ понимать такія вещи, — я началъ думать, что заанность между двумя особами такихъ характера должна продолжиться во всю ихъ жизнь. Тутъ дилъ Г. Ленгама прибавить къ своему завѣщательству статью, чтобы тѣмъ испытать какъ корыстіе, такъ и постоянство молодыхъ людолюбивъ и другое доказано! продолжалъ добрый старикъ грубыя черты котораго одушевились при этихъ словахъ улыбкою чистѣйшаго доброжелательства и другое доказано, къ совершенному моему удовольствію; и какой бы военный, Французъ и католикъ ни былъ, чѣмъ скорѣе соединю его съ тобою и божусь отъ этихъ денегъ, тѣмъ лучше. Ни слова о лая Дженни. Назначь только день твоей свадьбы, дѣюсь, что вы не станете хвалить меня за исполненіе моей обязанности..... Но вотъ, не знаю, когда мы разстанусь съ нею!.... Однако, какъ бы ты ни былъ достоинъ, присовокупилъ онъ, обращаясь къ тебе, бербвалю, но долженъ непременно привозить ее сюда въ Бельфордъ.....

И, проведя пзсохшую свою руку по глазамъ своимъ, чтобы утереть необычайную для нихъ влажность, добрый священникъ вышелъ изъ горницы.

А. СЕТИНСКО

New Monthly Magazine

ГОЛЛАНДСКАЯ СКУКА.

=

Блѣдное, лишенное жара солнце слабо освѣщало гябрское утро, и вѣтеръ сильно дулъ въ широкій русь лодки, плывшей отъ Амстердама. Уже те-ясь въ дали, едва виднѣлся обширный лѣсъ осна-енныхъ мачтъ, дающій столь богатый и одушевлен-ый видъ главному городу Голландіи, и лодка бы-ро мчалась къ узкой плотинѣ, поднимающейся на-скольکو футовъ надъ волнами, и издали казавшейся-скою чертою.

Въ лодкѣ сидѣлъ человекъ среднихъ лѣтъ: холод-я ого наружность дышала тишиною, недоступною-льнимъ впечатлѣніямъ; светлоголубые глаза вы-жали спокойствіе ни чѣмъ неомрачаемое; на темно-сыхъ волосахъ еще не видно было сѣдинъ, посы-емыхъ прежде времени страстями; уста сохраняли-ю свѣжесть молодости.

Совершенную противоположность составляла спя-ла съ нимъ лѣтъ двадцати женщина: выразитель-е, исполненное жизни, блѣдное лице ея оживля-сь еще болѣе прозрачнымъ оттѣнкомъ пуцовой-нтильи, въ которую завернулась она, защищаясь-ь порывовъ вѣтра; жестокость ихъ заставила ее-ять шляпу; бѣмыя перья мѣрно колебались съ-рызганнаго края лодки; по временамъ молодая пу-шественница, склоняясь на плечо спутника, скрыва-отъ холода прелестное лице, — но тотъ былъ не-имателецъ къ милому движенію.

Частый дождь начиналъ накрапывать. Ледяная дрожь отъ холода, напрасно старалась искать въ своей легкой мантиль; спутникъ ея, не озабоченный ни малѣйшаго вниманія, — казалось, не замѣтилъ ея страданій, хотя онъ легко бы могъ видѣть ея мучающіяся изъ глазъ ея. Она походила на юную пораженную холодомъ бурнаго утра.... Наконецъ она пришла.

Супруги, потому что Люсилія была жена ея, сѣли въ карету, ожидавшую ихъ у берега, и поѣхали дорогою, просѣкающею бѣлото. Отъ времени въ сѣроватомъ туманѣ равнинъ открылись верхи колоколенъ: они имѣли видъ одинокую мачту въ безбрежномъ морѣ.

Черезъ два часа карета достигла деревни: простое и почти одинаковое строеніе домовъ при этомъ взглядѣ представляло пріятный видъ. Вотъ и кончилась деревня С***.

Люсилія опустила окно и съ примѣтнымъ участіемъ стала разсматривать чистые домики, и разрисованныя стѣны: удивительная опрятность предупреждала въ пользу жителей. Чтобы добраться до дома С***, надо было проѣхать всю деревню.

Никто не встрѣчался имъ, даже ни одного животного не видно было на прямыхъ и чисто выметенныхъ улицахъ, какъ-то привыкшихъ къ человѣческимъ слѣдамъ. Ступени, раздавшійся на уединенной мостовой, не выдалъ ни чьего любопытства. Только изрѣдка на поднятый край занавѣски показывалъ Ледяной женскія, но будто неодушевленные, неподвижные лица. Всѣ головы имѣли одинаковый уборъ.

й, кружевной, падающей на плеча чепчикъ, при-
 ожанный широкою золотою или серебряною по-
 кою, съ двумя кистями, закрывающими виски,
 тавлялъ все его украшеніе; быть-можетъ онъ при-
 ть бы прелесть молодому, исполненному души ли-
 но здѣсь это однообразіе придавало физиономіямъ
 е болѣе безжизненности.

Подъѣзжая къ жилищу мужа, Люсилія ожидала,
 отворять большія двери у главнаго подъѣзда подъ
 истилемъ, но ее подвезли къ другимъ, гораздо ме-
 е; двѣ служанки, ожидавшія господъ, едва взгля-
 ни на нее; можно было подумать, что въ этой стра-
 малѣйшее движеніе любопытства или вниманія
 отвержено пошлннѣ или тяжелой денежною пещь.

Длиннымъ корридормъ провели ее въ большіую
 инату, обнесенную панелями изъ темнаго, блестя-
 го чистотою дерева; дивная симметрія въ распо-
 кеніи мебели была столь изысканная, что страшно
 до тронуться до стула; старая дама, сидѣвшая
 редъ каминомъ, въ которомъ горѣлъ торфъ, и по
 ей неподвижности казавшаяся нераздѣльною ча-
 о мебели, — то была сестра Г. С***, — при входѣ
 взвнхъ встала, подобно автомату поклонилась Лю-
 іи, и приняла прежнее положеніе, давъ холодно
 казаніе одной изъ служанокъ изготавить кофе.
 жду-тѣмъ взоры молодой супруги, блуждая во-
 ть, приносили ей горестное впечатлѣніе: все ка-
 ось унылымъ, мрачнымъ, даже пышные цвѣты,
 явшіе на окнахъ; живы и блестящи были ихъ
 ски, но листки, лишеныя жизни, не давали аро-
 а и имѣли видъ искусственныхъ.

то одна изъ роскошей жителей Брока, — побѣ-
 ть Искусствомъ самую Природу: они гордятся

своими цвѣтами, требуютъ отъ васъ удивленія къ цвѣтамъ, — но это все, что вы можете сдѣлать; сдѣлать въ нихъ запаха сочлось бы неумѣстною шуткой, а сорвать нарушеніемъ святыни.

Г. С*** давно не видался съ сестрою; но односложныя слова, а чаще молчаніе, совѣмъ того не называли. Смущенная этою холодностію обращенія къ роднымъ, Люсилія не знала, какъ скрыть свое волненіе, раждающееся въ юномъ ея сердцѣ: она подошла къ окну, выходящему на внутренній дворъ, и увидѣла тамъ служанку, въ частый дождь, стужею полоскавшую въ каналъ, вытекающій изъ подъ дома, домашнюю посуду, впрочемъ совершенно чистую и блестящую. Другая служанка показала въ комнату снятъ пыль, нанесенную на мебели: тутъ вспомнила Люсилія, что мужъ ея въ домъ надѣлъ другую обувь, стоявшую у двери; что безъ-сомнѣнія она должна была сдѣлать то же. Ей показалось даже, что легкая тѣнь неудовольствія мелькнула на лицѣ невѣстки, и это было первое замѣченное ею по пріѣздѣ въ чертахъ молодой дамы.

Одна въ большой комнатѣ, которая отнынѣ была ея жилищемъ, бѣдная Люсилія въ уныніи уперлась въ кресла. «Что я сдѣлала! сказала она. О маме, гдѣ ты? гдѣ благотворное солнце Франціи, цвѣты поля, непринужденная веселость и чистыя удовольствія моихъ прежнихъ лѣтъ? Не навсегда ли я оставила васъ?... Ахъ, чѣмъ я заслужила осужденія вести здѣсь жизнь свою!

Въ сію минуту слышались ей мѣрные шаги: она поспѣшила отереть слезы. Напрасно! не видалъ бы ихъ. Обѣдъ и весь день проведе-

наковомъ молчаніи. Ввечеру, подали чай: старая съ важностію исполняла обязанности хозяйки. Люсилія вспомнила прелестные вочера, проведенные в театрахъ, въ обществѣ умныхъ и подвижныхъ людей, въ светскомъ разговорѣ которыхъ, время пролетало незаметно. Она привыкла-было жить въ такомъ блестящемъ кругу!....

*** пріѣхалъ въ Парижъ за дѣлами, увидѣлъ молодую Люсилію, и его безчувственность, его вѣчная грусть поколебались до того, что онъ рѣшился потратить частію своего богатства для пріобрѣтенія драгоцѣнности. Онъ заговорилъ о бочкахъ золота матери Люсиліи всегда представлялось счастье именно въ образѣ бочки съ золотомъ, и она основала на нихъ всѣ надежды на благополучную будущность матери. Часто слыхала она рассказы о красотѣ Голландіи, объ очарованіи садовъ Гарлема, Роттердама, увеселительныхъ загородныхъ домахъ въ окрестностяхъ Утрехта, о величественномъ видѣ богатаго Роттердама; но она не знала, что въ недалекомъ разстояніи отъ этого города существуетъ деревня, единственная въ своемъ родѣ, — уединенная, окруженная водою, гдѣ имѣютъ право обитать одни ея уроженцы, наблюдающіе самые странные обычаи, которые паносятъ грусть и уныніе тѣмъ, кто не пріѣхалъ къ нимъ съ дѣтства. Иностранецъ, одинъ разъ посетивъ своему любопытству, спѣшилъ навсегда оставить безжизненный, единообразный Брокъ. Именно Г. С*** былъ человекъ добрый: онъ обещалъ матери своей доставлять свиданія съ матерью, и эта забота еще поддерживала бодрость Люсиліи.

Проведши нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ, они пріѣхали въ Амстердамъ, гдѣ пробыли не болѣе двухъ недѣль: здѣсь только узнала Люсилія, что постояннымъ

мѣстомъ ея пребыванія будетъ Брокъ. С***, не изъ намѣренія обманывать, не описаль жевъ этой страны: ему даже не приходила мысль, чтобъ она не была тамъ также счастлива, какъ въ другомъ мѣстѣ. Брокъ такъ хорошъ, такъ чистъ! его домъ чуть-ли не лучше всѣхъ въ Брокъ! его жена будетъ тамъ богатѣйшею владѣтельницею! Думая только о выгодахъ богатства, имъ доставляемаго, онъ былъ увѣренъ, что ей болѣе нечего желать для счастья, и не понялъ бы ее, если бъ она стала говорить о необходимости общества, Словесности, Художествъ. Онъ любилъ ее, но любилъ собственнымъ, особеннымъ чувствомъ, считая за мебель, купленную дорогою цѣною; ему мало было нужды, скрывается ли подъ этими прелественными чертами душа, чувствительность, страсти; по его мнѣнiю, она должна быть счастливою вездѣ, гдѣ будетъ имѣть все необходимое для жизни, и доказывать ему противное значило бы напрасно терять время. Люсилія и не пыталась доказывать противное.

Для характера съ сильными страстями покореніе себя всегда сопряжено съ душевнымъ изнеможеніемъ: Люсилія, не долго борясь, уступила судьбѣ. Она была слишкомъ молода и обольщена свѣтомъ, и не знала что такое — изъ всякаго положенія извлекать свою пользу; сначала нѣсколько разъ хотѣла она слегка оживить домъ, старалась составить общество, но это показалось неприличнымъ. Мужъ не противорѣчилъ, но и не останавливалъ холодной хлопотливости невѣстки, которая тотчасъ прибѣгала исправлять безпорядки, произведенные бѣдною Люсиліею, въ надеждѣ дать хоть нѣсколько разнообразія и жизни тому, что ее окружало. Арфа и фортепіано были беззвучны въ этомъ туманномъ и дождливомъ климатѣ. Оставались кисть и краски: но что жь рисовать ей? Вода, — и вѣчная вода! Ни одного вида, ни одного

нѣстоположенія, которое могло бѣ возбудить вниманіе.

У Г. С*** были превосходныя мельницы и сѣрни, снабжавшія обильно всю деревню; но скота, изъ опасенія испортить симметрію заборовъ и разсаженныхъ въ порядкѣ деревь, никогда не выпускали и стада не оживляли собою сельской картины. Посвящая большую часть времени надсматриванію за работами, онъ не нѣмъ время для жены, еще менѣе заботился объ ея занятіяхъ. Люсилія была полная распорядительница своего времени: но къ чему служила ей свобода? И къ матери она рѣдко могла писать. Сначала она подробно описывала мѣста, ея обитаемыя, но послѣ, опасаясь огорчить мать жалобою на судьбу, обрекла себя скрытной тоскѣ: она страдала скукою, — болѣзнью самою опасною для женщины. «О, какъ бы желала я никогда не пробуждаться!» повторяла она каждый вечеръ, входя въ обширную, мрачную свою комнату. Умъ ея изнемоталъ, и это совершенно противное ея характеру положеніе видимо разстроивало ея здоровье.

Наступила зима: въ другой разъ просила она мужа дозволить ей повидаться съ матерью. — «Будущій годъ, не прежде,» холодно отвѣчалъ С***.

Люсилія совершенно впала въ уныніе, скоро обратившееся въ сильную чахотку. Никто не замѣчалъ этого: она сама не тревожилась, потому отвращеніе къ жизни притупило всѣ опасенія; она по цѣлымъ часамъ сидѣла у окна, гдѣ стояли тѣ великолѣпныя цвѣты, и завидовала ихъ участи; она смотрѣла на нихъ, и не смѣла до нихъ дотрогиваться, чтобъ не огорчить мужа.

«Бѣдные плѣнники!» говорила она: «и вы, подобно мнѣ, скоро увянете въ этомъ домѣ. Но какъ вы ни блестящи, я предпочитаю вамъ, простыя маргаритки луговъ нашихъ и лѣсной боярышникъ. Здѣсь все вода, и вода!»

Весна приближалась, но Люсиліи не суждено было насладиться ею. Въ одно утро, она едва дотащила до главнаго подъѣзда дома, чтобъ сорвать уединенную фіалку, которую примѣтила въ травѣ. — Для чего никогда не ходятъ въ эти двери? спросила она, показывая на главныя, находившіяся за колоннами. — «Конечно, обычай нашей страны неизвѣстны вамъ, сударыня,» отвѣчала служанка: «эти большія двери безъ замка, и ихъ отворяютъ только для трехъ важнѣйшихъ случаевъ въ жизни, — крестинъ, брака и похоронъ!»

Черезъ мѣсяць, большія двери отворились для Люсиліи; и лишь только ихъ затворили, какъ служанка уже чистила ступени, по которымъ пронесень былъ гробъ молодой госпожи.

АВДОТЯ И — ВА.

ШКОЛЫ

НЫНѢШНЕЙ ФРАНЦУЗСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

=

Словесности, точно такъ же какъ и во всякомъ
гомъ мѣрѣ идей, никогда не бываетъ дѣйствія
причины: мы хотимъ сказать, что книга все-
лучше объясняется физическими или нравствен-
ми обстоятельствами, которыя произвели ее. Да-
намъ кажется, что самый любопытный коммен-
тъ, какого бы творенія ни было, состоитъ имен-
но въ этомъ; а если рѣчь идетъ о твореніяхъ, при-
родныхъ видимую форму ученіямъ нравственнымъ
и духовнымъ, ученіямъ самымъ переменчивымъ
и непостояннымъ, то изложеніе причинъ дѣлается
совершенно необходимымъ. Дайте кому-нибудь про-
читать «Золотаго Осла», не объяснивъ читателю Але-
ксандрійской школы, — «Донъ Кихота», не объяснивъ
исторіи царства, — или даже «Манону Леско» и «Опас-
ная связка», не объяснивъ время Републики, —
и книги покажутся ему загадочными, безъ мысли,
и по-крайней-мѣрѣ написанными съ такимъ неяс-
нымъ намѣреніемъ, что мысль его будетъ въ нерѣши-
тельности стоять одной ногою на буквальномъ, видимомъ
смыслѣ, а другою надъ мрачною бездною смысла
реального, но неизвѣстнаго. Логическое заклю-
ченіе всего этого состоитъ въ томъ, что книги стран-
ныя никогда не являются безъ предтечи очевиднаго
и скрытаго; что онѣ должны имѣть гдѣ-нибудь, въ
общемъ или убѣжденіяхъ частныхъ, свою пер-
вопричину, свое творческое начало; и что ежели
эта причина найдена и ученіе разобрано, книги ста-
нутъ ясными и глазамъ и уму. Говоря о книгахъ, со-

ставляющих нынѣшнюю Слоvesность Франціи, все дѣло въ томъ, чтобы дѣйствительно отыскать эту причину, которая, безъ всякаго сомнѣнія, существуетъ. Мы, конечно, не первые, старались классифицировать современныхъ Французскихъ писателей: многіе другіе это дѣлали, но, по нашему мнѣнію, безуспѣшно. Классификація, нынче вообще принятая, и только для того, чтобы имѣть какую-нибудь классификацію, раздѣляетъ Слоvesность, которую недавно называли юною, на школу новыхъ формъ слога, школу формы, l'école de la forme, и школу особенныхъ мыслей, школу внутреннюю, l'école des intimes. Для этого еще нѣтъ настоящей Пѣтики; но между-тѣмъ раздѣленіе это укоренилось въ нѣкоторыхъ умахъ, породило идеи о двухъ какихъ-то вещахъ, — идеи, правда, еще нѣсколько робкія, но которыя уже одна за другой выссыываютъ носъ изъ дырочки, какъ мыши въ баснь: если ихъ не удержать, онѣ, пожалуй, вылезутъ совсѣмъ, соберутся въ отряды и станутъ разгуливать на свободѣ. Протестъ нашъ дѣло не важное, но мы протестуемъ противъ этихъ идей. Точно ли есть школа внутренняя, это мы сейчасъ разсмотримъ, но заранѣе отвергаемъ школу новой формы.

Мы не намѣрены завлекать читателя въ тонкія умозрѣнія; но и безъ сильнаго напряженія мысли не мудрено понять, что форма чего бы то ни было не существуетъ безъ вещества, которое бы она могла окружать, обличать, выражать. Поэтому, даже и въ самыхъ пластическихъ Искусствахъ, каковы живопись и скульптура, нельзя допустить образа дѣйствія, системы, которые имѣли бы единственною цѣлію форму, потому что форма отдѣльно, сама по себѣ, не существуетъ. Нѣтъ ни одной Фламандской картины, какъ бы предметна ни была она, въ которой бы не находилось, кромѣ изображенія предметовъ, нѣкото-

раго устройства частей, въ которой симметри́м подробностей; кружка съ пивомъ соотвѣтствуетъ въ ней курильщику, курильщикъ мебели, мебели комната, и такъ далѣе. А это общее расположеніе есть одна изъ составныхъ частей картины, и въ ней очевидно заключается идея. Школа, которую называютъ школою формы, и которая чрезвычайно далека отъ того, чтобы принимать за основную аксіому въ Литературѣ правила Фламандской живописи, не заключается, какъ утверждаютъ, въ одной формѣ слога: она желаетъ имѣть свои идеи, свои нравственныя понятія, которыя хочетъ выразить ею. Что она весьма заботится о формѣ, это несомнѣнно: вещи существуютъ для человѣка только матеріальнымъ своимъ выраженіемъ, формою, а потому умъ нашъ очень расположенъ судить и заставлять другихъ судить о сущности по фигурѣ; да и притомъ прочною славою пользуется то, что поражаетъ наружностью. Какія книги передаются однимъ поколѣніемъ другому? книги, написанныя хорошимъ слогомъ. Если бы Бюффонъ и не сказалъ этого, то оно уже доказано опытомъ. Но отъ того, чтобы высоко цѣнить форму слога, до того, чтобы всѣмъ ей жертвовать, еще цѣлая бездна. Избави насъ Богъ отъ сравненія, которое могло бы быть дурно истолковано; но, слушая тѣхъ, которые вопіютъ противъ формы, мы всегда вспоминаемъ о бѣднѣхъ дѣвушкахъ не-красавицахъ, которыя толкуютъ молодымъ холостякамъ, что красота ничего не значитъ и что надобно смотреть не на лице, а на характеръ. Эти дѣвушки ненавидятъ форму и, какъ говорится, не даромъ. Но если бы сужденіе ихъ было свободно, онѣ бы видѣли, что можно быть и хорошенькою и вмѣстѣ съ тѣмъ доброю, и что красота во всемъ, вездѣ и всегда занасъ чрезвычайно полезный. Теперь перейдемъ къ школѣ внутренней, къ школѣ особенныхъ мыслей.

Мы утверждаемъ, что нѣтъ школы, которая бы единственною цѣлюю форму слога, точно такъ какъ не вѣримъ, чтобы существовала школа, мающаяся одними идеями. Чтобы думать, и говорить какии-нибудь языкомъ, а въ такомъ вѣсѣ всегда уже, противувольно, стараешься имѣть какъ можно болѣе блестящій. Въ мысли столик кокетства, какъ въ жепщинахъ: она всегда явля въ лучшихъ своихъ платьяхъ. Такимъ образомъ ревностные послѣдователи школы внутренне необходимо занимаютъ и формою, если только художники: повѣрьте, что Г. Сентъ-Бѣвъ не разглаживаетъ свои періоды, пока отдастъ ихъ типщику, и что Г-жа Жоржъ-Зандъ пересматриваетъ переправляетъ ихъ, чтобы придать имъ или блестящія глаза, или задумчивое чело, или насмѣшливые ротикъ.

Поэтому, раздѣленіе современной Французской вѣсности на школу формы и школу внутреннюю можно во всѣхъ отношеніяхъ, — во-первыхъ потому что не возможно предполагать себѣ цѣлюю форму идею исключительно, — во-вторыхъ потому, что вятнадцать-двадцатыхъ были бы видъ закона, что формы у нихъ мало, а притомъ и существовать не много. Впрочемъ, нельзя не признать, что между образами дѣйствованія той и другой школы большая разность; но еще разъ, эта разность заключается въ отсутствіи особенныхъ идей съ стороны и въ отсутствіи особенной формы съ другой стороны потому что авторы, принадлежащіе къ школамъ не мыслятъ иногда такъ, что ихъ можно почесть послѣдователями школы внутренняго; а эти пишутъ слогаемъ столь вычурнымъ, что ихъ не различаютъ ихъ соперниками. Точно, между прісмами той и другой школы есть разность, и разность огромная;

ль-поръ ее ложно понимали и дурно выражали. У насъ есть тоже объ этомъ предметъ свои идеи, могутъ-быть не лучше чужихъ, но другія; и мы готовы изложить ихъ въ увѣренности, что новаго рода смотрѣніе задачи, есть всегда уже шагъ къ ея рѣшенію; но изложеніе теорій школы, которою предводительствуетъ Викторъ Гюго, потребовало бы развѣдыванія, для котораго нужны и время и мѣсто. Нынѣ мы къ нему только коснуться, и то слегка, основныхъ началъ, на которыхъ, по нашему мнѣнію, покоится школьное внутренняго.

Словесность, обрабатываемая руками искусными, неуклонно поступаетъ въ службу какой-нибудь общественной идеи, и старается доставить ей торжество. Главная идея, смотря по времени, бываетъ или нравственной, или политической, или религіозною, или философскою; то есть, что главная идея вѣка переносится въ Искусства вообще и въ Словесность въ частности, если господствующее Искусство тогда Словесность. Отъ этого происходитъ, что иная эпоха знаменита сочиненіями о богословіи, о нравоученіи, о правахъ народовъ и прочая. Это очевидно, и подтверждается столькими примѣрами, что мы не считаемъ нужнымъ настаивать. Обращаясь къ Франціи и приходя къ ней это правило, мы найдемъ, что нынѣшнее время усыпано въ ней обломками системъ, и что характеръ его характера есть — сомнѣніе. О религіи, о нравственности, о связи семейства, сомнѣніе, объ устройствѣ народовъ, сомнѣніе, о началахъ Философіи, естественности; о Словесности, литературныхъ теоріяхъ, сомнѣніе; сомнѣніе обо всемъ. Нельзя сказать, чтобы въ томъ или другомъ порядкѣ вещей не было умовъ, совершенно увѣренныхъ въ себя, въ своихъ желаніяхъ, въ своихъ понятіяхъ: есть, конечно, люди, которые очень хорошо знаютъ что думать о семействѣ,

о политикѣ, о Философіи, о Словесности, о религіи; но между-тѣмъ справедливо, что въ нынѣшнее время еще нѣтъ во Франціи обо всемъ этомъ ни одной системы, которая бы не имѣла своихъ противниковъ, и многочисленныхъ и примѣчательныхъ по своимъ дарованіямъ, — такъ что тѣ, которые не въ состояніи судить сами собою объ основаніяхъ общества, — а такихъ людей всего больше, — очень извинительны, если они находятся въ нерѣшимости, видя, что умы самые возвышенные не соглашаются и спорятъ объ основныхъ и важнѣйшихъ истинахъ.

Такимъ образомъ, какъ мы уже говорили, сомнѣніе отовсюду проникло въ сердца и души Французовъ, а источникъ его отыскать не трудно: Исторія послѣднихъ сорока лѣтъ Франціи въ состояніи привести въ отчаяніе и испортить самую лучшую натуру. Могутъ ли остатки прежняго Французскаго общества чувствовать въ себѣ потребность религіозной преданности престолу и вѣрности къ царскому дому, когда они видѣли столько важныхъ владѣтельскихъ домовъ, падающихъ подъ ноги старинныхъ своихъ, освободившихся служителей? Какимъ образомъ Христіанская религія, мирная завоевательница новѣйшаго свѣта, не лишилась бы своего владычества, когда она была оставлена своими воинами, которые принялись писать стишки въ альбомы вмѣсто того, чтобъ владѣть мечемъ Слова, и держать передъ нею щитъ Силлогистики, закрывавшій ее нѣкогда отъ нападеній безвѣрія? А семейство! могли ли сохраниться чистота и непорочная любовь его въ понятіяхъ нынѣшнихъ Французовъ, послѣ постыдныхъ, но скрытныхъ прелюбодѣяній и бабушекъ, послѣ разводовъ, то есть, открытыхъ прелюбодѣяній матерей ихъ? Какія политическія истины могли удержать торжество и неоспоримость свою, когда въ сорокъ одинъ годъ съ

1789 по 1830 у нихъ восемь конституцій объявлены были вѣчными и неизмѣнными? А философическое ученіе? кто могъ имъ хвалиться, — Кабанисъ или Лароитьеръ, — Ройе-Колларъ или Кантъ, — Фихте или Шеллингъ? А литературныя теоріи? кто нашелъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ должно сохранить ихъ потомство? кто ихъ преподаватели, — Энциклопедія или Христіанизмъ, Лемерсье или Шатобрианъ, литераторы временъ Имперіи или словесники царствованія Людовика XVIII и Карла X, Арно и Жуи или Ламартины и Гюго?

Къ этимъ причинамъ сомнѣнія, собственно принадлежащимъ послѣднему времени, прибавьте еще все то, что за ними слѣдуетъ: обманутое честолюбіе, отвергнутыя требованія, таланты умершіе на пути, физическія и нравственныя затрудненія тысячъ родовъ, которыя служатъ камнемъ преткновенія для ума въ обществѣ преобразовывающемся; а потомъ обыкновенный скарбъ жизненныхъ обольщеній, любовь, дружбу, выгоды. Все это, сближенное, смѣшанное, сочтенное, подведенное подъ одинъ итогъ, составило ужасную массу перъшительности и сомнѣнія, и нынче почти всѣ сыны «прекрасной Франціи» носятъ на челѣ девизъ, написанный Монтанемъ на дверяхъ своихъ: «Почемъ я знаю?»

Сомнѣніе! сомнѣніе! Вотъ что склоняетъ долу ихъ головы; вотъ что заставляетъ ихъ ходить, въ одиночество, съ потупленными взорами, съ печальными лицами по шумной пустынь Парижскихъ улицъ; вотъ что дѣлаетъ ихъ брюзгами въ возрастъ веселости, стариками въ двадцать пять лѣтъ! Скептицизмъ носится въ воздухѣ Франціи, какъ недавно носилась холера, и отравляетъ почти всѣ головы своими мѣзмами. Сомнѣваться — значить быть одному; не имѣть

ни одной идеи, въ которую бы вы вѣрили, которую бы сдѣлали своимъ другомъ; ни одной надежды, которую бы вы носили съ собою, какъ лучшую вашу драгоценность и которой бы видъ утѣшалъ душу, освѣжая глаза. Предположите теперь, что скептикъ сдѣлался бы художникомъ, литераторомъ: какую великую и плодотворную идею разольетъ онъ въ свое твореніе? Такъ какъ онъ не вѣритъ ничему изъ того, чему вѣрили другіе, онъ не можетъ принимать въ соображеніе ни словъ, ни мыслей, ни сужденій другихъ. Системы, мнѣнія, предразсудки, — онъ не можетъ употребить ничего этого, ни на чемъ этомъ не можетъ опираться, потому что онъ все это отвергаетъ. Тогда онъ углубляется въ самого себя, принимаетъ самого себя за центръ, мѣрило и судію всего; онъ защищается отъ вѣшняго міра, какъ корабль отъ abordaжа: вотъ литераторъ, принадлежащій къ школѣ внутренняго, которой предводитель Г. Викторъ Гюго!

Не говорите, будто мы слову «внутреннее» придаемъ значеніе, котораго оно не имѣетъ; будто не говоримъ, что Литература «внутренняя», *littérature intime*, не есть та, которая въ величайшей подробности разлагаетъ мысли самыя тонкія и чувствованія самыя неопредѣленные. Точно такъ: эта нѣжная, терпеливая, тонкая работа души надъ самой собою, нерѣдко тонкая до отвратительности, принадлежитъ послѣдователямъ школы внутренняго; но это только видъ, а не родъ; это нѣчто не всегдашнее, а только случайное. Самые многочисленные, самые замѣчательные послѣдователи «школы внутренняго» суть именно *скептики*, то есть, тѣ, которые, принужденные сомнѣніемъ отвергать всѣ человѣческіе синтезисы, нравственные, религіозные, литературные и другіе, живутъ въ самихъ себѣ, за невозможностію жить иначе, заключаются въ умственномъ эгоизмѣ, ставятъ на мѣ-

сто всего свое собственное убеждение, разливаютъ душу свою по свѣту, *intima cordis*, и воздвигаютъ въ степи, производимой ихъ всеобщимъ отрицаніемъ, единственную пирамиду, населяющую его безпредѣльность, — свое я. Такъ какъ въ существенности, предметы не походятъ одинъ на другой, особенно для скептиковъ, для которыхъ условіе существованія есть отрицаніе всякаго общаго правила, то легко случается, что и между литераторами сомнѣвающимися попадаются люди, отличающіеся оригинальностію затѣи: одни нападаютъ на такой порядокъ идей, другіе на иной. «Фаустъ» сомнѣвается въ Науку, Г-жа Жоржъ Зандъ въ пользы и удобства семейной жизни. Въ скептицизмъ, какъ и въ вѣрованіи, могутъ быть категоріи. Иногда различіе состоитъ не въ предметъ, а только въ образъ его изложенія, въ пріемъ: одинъ группируетъ массы, другой обрабатываетъ подробности. Но всѣмъ этимъ многочисленнымъ, разнообразнымъ семействомъ управляетъ — сомнѣніе!

Послѣдователи школы внутренняго, такъ называемые или такъ называющіе себя *les intimes*, суть — скептики.

Такъ это же не школа, потому что школа — есть общность идей, а скептицизмъ — одиночество! Нѣтъ, это не школа, а состояніе души, — и состояніе очень горестное, состояніе, которое не самъ себя создаешь, а въ которое попадаешь по неволѣ. И посмотрите на всѣхъ на нихъ: они взираютъ на свои идеи какъ на приговоры неизбежной судьбы, написанной на ихъ роду; такъ какъ напрасно и думать о томъ, чтобъ отъ нея увернуться, то одни, которые повеселѣе, смѣляются передъ нею, другіе, болѣе утрюмые, покоряются съ уныніемъ, тѣ смѣются, а тѣ плачутъ: но сардоническій хохотъ и слезы равно обличаютъ со-

стояніе души, которое не спокойно, не произв. не естественно. Пожалѣемъ о нихъ!

Мы говорили о категоріяхъ между скептиками. Смотримъ эти категоріи. Когда умъ долговременно терпѣливо разработывалъ свое сомнѣніе, когда проникалъ постепенно во глубину многихъ и нашелъ ихъ пустыми и бесплодными, этотъ умъ кновенно бываетъ великимъ и благороднымъ: выхъ надобно имѣть неослабимую силу духа, погружаться въ нѣсколько послѣдовательныхъ женій, разсматривать ихъ по всемъ направленіямъ, возвращаться оттуда такимъ же, какимъ пошелъ съ собственнымъ своимъ произволомъ, съ неизменнымъ убѣжденіемъ, и только пріобрѣтя сомнѣніемъ, въ бореніи ума съ духомъ тмы, Такова геломъ, умъ пріобрѣтаетъ гибкость, обширность; наконецъ человекъ, который дѣйствительно собою убѣдился, что въ этомъ мірѣ все только обманъ, обманъ зрѣнія, ничтожество, — который смотрѣлъ вещи внимательно, одну за другою, который взялъ славу литераторовъ, и увидѣлъ, что она прехлебна; славу государственныхъ мужей, и увидѣлъ, что она проводитъ ночи безъ сна; славу богачей, и увидѣлъ, что она въ дурацкой шапкѣ; дружбу, и увидѣлъ, что она забывчива; любовь, и увидѣлъ, что она невозможна; надежду, и увидѣлъ, что она какъ туманъ; Сodomскіе, прелесть снаружи, прахъ внутри, — увидѣлъ, что человекъ, научившійся такимъ образомъ существовать, разуверившійся въ возможномъ, потерявшій сердце своемъ неистощимый источникъ поэзіи, источникъ всѣхъ горести, которыя вошли въ него, — увидѣлъ, что одною, между тѣмъ какъ заблужденія улетали изъ латыми кистями, — подобно роюмъ пчелъ, который жилище захвачено отвратительными шмелями, — увидѣлъ, что родъ людей, какъ мы уже говорили, великъ

городень: они сами создали свое отчаяніе, и создали его великимъ. Гёте и Байронъ, которые сомнѣваются, кажутся столь же совершенными, какъ Шекспиръ и Мильтонъ, которые вѣруютъ. Но есть другой родъ людей, смѣшной и мелкій: это молодые люди, которые чувствуютъ нужду отличиться, которые, по безпечности, можетъ-быть изъ тщеславія, избираютъ скептицизмъ, какъ другой избираетъ себѣ ремесло, родъ жизни. «Школа внутренняя» почти вся составлена изъ такихъ молодыхъ людей. По ихъ мнѣнію, прекрасно сомнѣваться во всемъ великомъ,—это знаете, заставляетъ думать, что вы сами способны къ великому, что вы Байроны и Гёте; прекрасно казаться вымечившимся отъ сильныхъ страстей, — это внушаетъ мысль, что вы ихъ испытали; прекрасно казаться раненымъ, — это даетъ знать, что вы уже сражались. Такъ точно ребятишки выводятъ себѣ усы, чтобы казаться храбрыми, а дѣвочки подкладываютъ себѣ платочки подъ платье на груди, чтобы казаться дѣвцами. Но ни эта храбрость, ни эта выпуклость груди, не удивляютъ никого кромѣ дѣтей: взрослые надъ этимъ смѣются. Скажите, сдѣлайте милость, что такое скептицизмъ въ двадцать лѣтъ или въ двадцать пять, если не дурная шутка, то есть, шутка въ вещахъ нешуточныхъ? Развѣ въ эти лѣта можно уже узнать что нибудь опытомъ? Скажите намъ, старики еще безбородые, какими горькими опытами спознались вы съ жизнью? какія поприща прошли вы, и встрѣтили на нихъ несправедливость? Какой славы достигли вы, и нашли въ ней ничтожество? Свѣтъ еще не принималъ васъ; политика васъ еще не знаетъ; Искусству ямена ваши еще неизвѣстны, или извѣстны только по первымъ опытамъ; вы вчера изъ школьничковъ; у васъ нѣтъ еще друзей, есть только товарищи: кто же васъ обманывалъ? Можетъ-быть, ваша любовница? но первая любовница ребячество, а второй

вамъ еще нѣкогда было найти. И послѣ этого вы напыщаетесь презрѣніемъ и горестію, вы находите при началѣ своего поприща сомнѣніе, которое старій Буонаротти встрѣтилъ при концѣ жизни; вы бѣете по лицу вещи самыя священныя, и въ лживомъ свосмъ атеизмъ говорите небу: Небо, я въ тебя не вѣрю! Да простить мнѣ Небо эту мысль; но если бъ ему угодно было удостоить васъ отвѣтомъ, то оно, конечно, сказало бы: а мнѣ до этого какая надобность?

Когда скептицизмъ не прихоть, какъ въ тѣхъ, о которыхъ говоримъ мы, то онъ вещь ужасная. Прочтите снова «Фауста» или «Манфрида» съ тою мыслию, что и вы могли бы быть однимъ изъ этихъ лицъ, — вы умрете со страха! Байронъ отъ этого умеръ. Поэтому, человекъ, еще юный душею и мужествомъ, но пораженный искреннимъ скептицизмомъ, силится изъ него выйти. Но для этого надобно быть еще молодымъ, потому что приходитъ время, когда хотѣнія уже недостаточно, и силы измѣняются. Тогда, такъ какъ умъ ввелъ человека въ заблужденіе, онъ перестаетъ довѣрять ему, имъ дѣйствовать и сердцемъ ищетъ истины. Сердце употребляетъ для этого свою собственную логику, — Поэзію. Оно стремится къ единственной доступной ему достовѣрности, — достовѣрности чувствованія: и изъ этого сообщенія любящихъ свойствъ человека и возвышенной, божественной истины, которая проявляется всегда и всѣми путями тому, кто ищетъ ея во всей искренности желанія, рождается мистицизмъ, нѣчто исполненное волнующихся надеждъ, неопредѣленной восторженности, — заря истины, между оканчивающимся скептицизмомъ и начинающеюся вѣрою. Искренній скептикъ, который усиленно ищетъ истины, дѣлается мистикомъ, — мистикъ можетъ современемъ сдѣлаться вѣрующимъ. Поэтому весьма многіе прошлогодніе скептики впали въ это новое со-

ояніе, и мистицизмъ вошелъ въ моду въ школь внутреннихъ.

Скептики и мистики составляютъ то, что нынче именуется «Школою внутренняго», то есть, люди, которые избавились отъ всего положительнаго, овлаивающаго тѣмъ, кто его утверждаетъ, и живутъ и движутся—одинъ въ своемъ сомнѣніи, — другой въ своемъ стремленіи къ достовѣрности. Они по необходимости переносятъ свое я во все, что думаютъ и пишутъ, — я сомнѣвающееся, и я стремящееся къ истинѣ; если они станутъ на своемъ твореніи, оно исчезнетъ подъ ихъ личностію, какъ мраморъ фонтана исчезаетъ подъ струями, изъ него вытекающими. Фактъ исчезаетъ подъ Гёте, Манфредъ подъ Байрономъ: каждое произведеніе господъ внутреннихъ, господъ *интимовъ*, исчезаетъ подъ лицомъ его автора.

Послѣ классификаціи лицъ, слѣдовало бы произве-сти классификацію идей школы, но мы предпочитаемъ представить ихъ образецъ, лучший, разительнѣйшій и новѣйшій. Мы сказали, что, по общему мнѣнію и по собственнымъ ихъ словамъ, интимы, внутренніе, занимаются идеями, и намѣкнули на родъ ихъ идей и на происхожденіе названія интимовъ, сказавъ, что они относятся къ *intima cordis*, — къ изслѣдованію и обнаруженію *глубочайшихъ тайнъ сердца*, самыхъ скрытныхъ помышленій ума и самыхъ сокровенныхъ обстоятельствъ жизни, называемыхъ иногда домашними и семейными секретами. Г-жа Жоржъ индъ доставить намъ превосходный примѣръ того, кого рода эти изслѣдованія, и что они стараются наружить. Возьмемъ послѣдній ея романъ, — *Jaques, Какъ*», Яковъ. Предпринимая разборъ книги Г-жи индъ, мы не выходимъ изъ своего предмета, потому что *Жакъ* — книга скептика въ нравственности и инти-

ма, послѣдователя школы внутренняго въ Литературѣ, возбуждающая въ эту минуту живѣйшій энтузіазмъ цѣлой школы. Въ этой книгѣ, я владычествуешь и надъ ученіемъ и надъ слогомъ.

Мысль Г-жи Зандъ уже съ годъ не измѣняется, — что весьма замѣчательно въ нынѣшнее время на горизонтѣ Французской Словесности. Жакъ не прибавилъ къ «Леліи» ничего, кромѣ двухъ томовъ: это только дальнѣйшее развитіе одного и того же дѣла, аргументъ *ad abundantiam*. Люди понимающіе удовольствовались бы и первымъ аргументомъ: цѣль автора была очевидна. «Индіана» и «Валентина» были гармоническою прелюдіею, во время которой авторъ устанавливалъ очеркъ своей мысли: теперь она ясна и опредѣленна, — слишкомъ опредѣленна.

Г-жа Зандъ не такой скептикъ, какъ многіе другіе, которые нападаютъ на первый пришедшій въ голову предметъ размышленія: она не разсматриваетъ ни наукъ, ни политики, ни богатствъ, ни славы, чтобы примѣнить ко всему это слова Соломона, — суета суетствій. Она женщина, и занимается женщиною; особенно тѣмъ, что всего святѣе для женщины, — свободою ея любви. Она рѣшительно вышла замужъ за ученіе школы внутренняго о женщинахъ, и понимаетъ своего супруга какъ нельзя лучше. Они думаютъ заодно: но такъ какъ жена бойчѣе мужа на перо, то жена пишетъ, и пишетъ очень пріятно. Прежде всего поражаетъ ихъ то, что общество, по ихъ мнѣнію, не довольно великодушно съ женщинами, и что мужчины присвоиваютъ въ немъ себѣ власть нестерпимую.

Если принимать эти вещи съ шуточной стороны, то онѣ очень стары; если смотреть на нихъ безъ смѣха, то онѣ существуютъ во Франціи со временъ по-

чтеннаго Анфаутена. Потому что, въ сущности, отсюда проистекають всѣ мысли Г-жи Зандъ, — она пишетъ по методу внутренняго Романы Сенсимонистскіе, и прославляетъ женщину свободную. Это покажется страннымъ; но между-тѣмъ это справедливо. Какъ ея понятія о несообразности нынѣшняго порядка семейнаго быта раздѣляются и мужчинами, хвастающими своимъ великодушнымъ состраданіемъ къ положенію женщины подѣ деспотизмомъ мужчины, то вмѣстѣ съ романомъ мы можемъ рассмотреть и это положеніе. Правда ли, что женщина такъ несчастна въ новѣйшемъ семействѣ? *Семейство*, *la famille*, или супружество, — одно и то же: это техническій терминъ школы внутренняго.

Семейство, въ теперешнемъ его состояніи съ его стѣснительностію для женщины, съ ненавистнымъ предпочтеніемъ, которое оказываетъ она мужчинамъ; вотъ общая тема, вокругъ которой Г-жа Зандъ хочетъ вальсировать: мы уже имѣемъ Лелію и Жака, — остальное явится со временемъ, будьте въ этомъ увѣрены. Какія причины имѣетъ Г-жа Зандъ принимать къ сердцу дѣло женщинъ, и защищать его такимъ образомъ? Мы этого не знаемъ, хотя увѣрены, что въ глубинѣ ума ея таится убѣжденіе упорное и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно плодовитое, когда она находитъ для поддержанія мнѣнія столь страннаго доводы столь пламенные, столь яркіе, столь краснорѣчивые, столь неистощимые. И она не съ одной только стороны нападаетъ на нынѣшнее состояніе женщины: она отрицаетъ вдругъ и безъ исключенія всѣ соотношенія, въ которыя вводитъ ее семейство. Соотношенія любовницы и любовника она отрицаетъ; брата и сестры, отрицаетъ; супруги и супруга, отрицаетъ; матери и дочери, отрицаетъ. Она находитъ, что во всѣхъ этихъ состояніяхъ, какими сдѣлало ихъ нынѣшнее обще-

ство, женщина всегда ниже своего достоинства въ настоящемъ, ниже своихъ правъ въ будущемъ.

Она отрицаетъ отношенія любовницы и любовника, принимая эти слова въ значеніи, которое придаетъ имъ свойствѣ, то есть, въ соотношеніяхъ уваженія, довѣренности, любви безкорыстной, цѣломудренныхъ ласкъ, за которыми слѣдуетъ неразрывный союзъ. Въ Жакъ есть дѣвушка, Сильвія, прекрасная, образованная, страстная; у Сильвіи есть любовникъ, котораго ей не выбрали, котораго она сама взяла. Этому любовнику дарить она не клятвы, а себя самую. Она искала его не для того, чтобы, по прекрасной мысли Древняго Права, «жить съ нимъ во всегдашней общности вещей божескихъ и человѣческихъ», но чтобы удовлетворить страсть, которая въ ней, — которая ей собственно принадлежитъ, — которую она и день и ночь охраняетъ отъ надзора общества; страсть, которую она ставитъ себѣ единственнымъ судьей, и принимаетъ за единственное правило. Когда страсть умолкаетъ или измѣняется, или, лучше сказать, когда она предположитъ, что страсть умолкла или измѣнилась, любовникъ, который былъ предметомъ страсти, увольняется. Ступай прочь! спокойно пишетъ ему Сильвія: я не могу болѣе любить тебя. Страсть погасаетъ. Всѣ наши отношенія разорваны, пишетъ также Сильвія: ты ничего уже не можешь сдѣлать для моего сердца, которое ты оставляешь пустымъ. О, мужчины! мужчины! какъ презираю я ихъ ничтожество!

Жаль только, бѣдная дѣвушка замѣчаетъ это немножко поздно.

Г-жа Зандъ отвергаетъ соотношенія брата и сестры, какими сдѣлало ихъ семейство Христіанское, — соотношенія взаимнаго уваженія, нравственной под-

оры, религіознаго попечительства. Сильвія пишетъ брату своему, Жаку: У меня есть любовникъ, который презираетъ меня отъ того, что, по его словамъ, я люблю тебя (все это школа внутренняго); но кто меня одозрѣваетъ, тотъ не стоитъ, чтобы я его разувѣряла. Жакъ пишетъ къ сестрѣ своей Сильвіи: Сошлась ли ты опять съ своимъ любовникомъ? простила ли ты его? Сильвія отвѣчаетъ брату своему Жаку: Я опять сошлась съ моимъ любовникомъ; но я теперь очень вижу, что обманывалась на счетъ силы души его; я чувствую иногда, что всѣ мечты мои одна за другою летѣли. Этотъ любовникъ такъ низокъ, что не можетъ быть нечувствительнымъ къ порицанію обществу, и сгибается подъ презрѣніемъ свѣта. И въ самомъ дѣлѣ она, Сильвія, поднимаетъ гордо голову, и для этого ей надобно только было преобразовать общество на другой ладъ, ниспровергнуть порядокъ нравственныхъ идей: она сдѣлала изъ порока добродѣтель. Любовникъ, котораго возмущаетъ мысль, что избранная его сердца принадлежитъ другому, — человѣкъ низкій, — а Сильвія женщина сильная! Вотъ и все.

Г-жа Зандъ отрицаетъ соотношенія жены и мужа. Тутъ вся сила вопроса, и на этомъ вертятся книги Г-жи Зандъ. Индіана замужемъ за человѣкомъ, который обходится съ нею по-солдатски; Валентина замужемъ за человѣкомъ, который ее разоряетъ; Феранда замужемъ за человѣкомъ, который хотя и добръ, но сушитъ ее съ горя. Эти три женщины, которыхъ Г-жа Зандъ съ намѣреніемъ сдѣлала столь прекрасными, столь кроткими, столь милыми, несчастны именно по причинѣ этихъ качествъ: первая, женщина нѣжная, выходитъ за грубіяна; вторая, женщина великодушная, выходитъ за человѣка жаднаго и корыстолюбиваго; третья, женщина чистосердечная и любящая, выходитъ за философа, ни во что уже не ввѣрующаго.

Это три прелестные цвѣтка, которымъ бракъ даетъ испускать свое благоуханіе. Напротивъ, не бракъ, и эти женщины были бы тѣмъ, чѣмъ должны быть, — Индіана была бы счастлива съ Ремономъ Реромъ или съ Ральеромъ, Валентина съ патеромъ Бдиктомъ, Фернанда съ Октавомъ. Бракъ сдѣлалъ несчастными, погубилъ ихъ, а любовь свободная независимая сдѣлала бы ихъ веселыми и счастливыми. Но свѣтъ, свѣтъ, скажете вы? О! свѣтъ ихъ не дить; эти женщины какъ львицы скрываютъ любовь свою въ лѣсахъ или углубляются такъ далеко въ щеры, что рыканіе ихъ страсти не долетаетъ до гдѣ: Индіана взбирается на холмъ на островъ Ббонъ, Валентина прячется гдѣ-то въ Берри, Фернанда укрывается въ болотахъ Франшь-Контѣ.

Она отрицаетъ соотношенія матери и дочери. Мать всегда принадлежащая любовнику, конечно не имѣетъ ни времени, ни права обнять дочь свою. Да полнѣсть ли у такихъ матерей дочери? Развѣ сердце этихъ женщинъ такъ просторно, что онѣ могутъ вмѣститъ въ немъ двѣ страсти столь огромныя, — любовь плотскую и любовь материнскую? Да притомъ еще, развѣ у этихъ дѣвушекъ есть матери? У Леліи нѣтъ; у Сивіи тоже нѣтъ. Если бы онѣ могли имѣть матерей, встрѣтились съ ними лицомъ къ лицу, дочери должны были бы умереть со стыда, матери съ горести.

Такимъ образомъ, всѣ чувствованія, порождаетъ новѣйшимъ обществомъ, и въ особенности тѣ, которыя составляютъ удѣлъ женщины въ нынѣшнемъ мействѣ, то есть: чистота, цѣломудренность, вѣрность, покорность, скромность, по мнѣнію скепиковъ, къ которымъ принадлежитъ Г-жа Зандъ, достаточны для счастья ея пола: тутъ нужно нѣтъ болѣе, чего они еще въ точности не опредѣлили, что должно быть всеобщимъ удовлетвореніемъ,

оторомъ на первомъ планѣ являются уже теперь личная независимость и свободная любовь, — любовь безконечная, непостоянная, разнообразная, непредвидимая. Въ этомъ, говорятъ, состоитъ счастье женщины — ея — достоинство! Надобно сверхъ того, — и это само собою разумется, — надобно, чтобы семейные и общественные нравы были совершенно преобразованы и приведены въ соответствіе съ этимъ новымъ положеніемъ женщинъ, потому что идеи нынѣшняго вѣка не могутъ служить основаніемъ этой будущей равенности.

Намъ всѣ новѣйшія идеи о женщинахъ кажутся мелкими и ничтожными: это теоріи необдуманныя, глупыя, если только не неблагородныя. Внутренняя школа, Сенсимонисты, Г-жа Зандъ, всѣ они вмѣстѣ, каждый по своему, хотятъ даровать имъ свободу ихъ страстей; Г. Фурье, освящая всѣ человѣческія страсти, хочетъ облагородить развратъ, придавая ему Греческое имя; Г. Эме-Мартенъ поручаетъ имъ воспитаніе народовъ; Г-нъ такой-то разбираетъ супружество анатомически, обнаруживаетъ неспособность женщины къ его узамъ, а въ другомъ мѣстѣ боготворитъ женщину. Все это необдумано, не показываетъ ни дальновидности, ни познаній: эти вопросы давно уже разматриваются на бѣломъ свѣтѣ, но всего бы лучше было оцѣнить надлежащимъ образомъ ихъ рѣшеніе, поддерживающееся въ ученіи, которое лучше и важнѣе ученія Отца Анфантена, Г-жи Зандъ, Г-на Фурье, энциклопедиста Г-на Эме-Мартенъ, всѣхъ господъ, пишущихъ наперерывъ о женщинахъ, и философствующихъ о женщинахъ, — ученіе нашего Спасителя.

Когда Христіанское ученіе распространилось по свѣту, оно должно было преобразовать семейство. Особенно женщину надобно было возвысить, и она была возвышена. Вездѣ, гдѣ распространялось владычество

Цезарей, женщина была подчиненною: будучи черью, она жила взаперти въ Римскомъ атриумъ Греческомъ гинекеѣ; будучи супругою, она не вѣдала въ семействѣ ни какихъ гражданскихъ правъ; будучи матерью, оставалась подъ властію первородственника по восходящей линіи, и даже своего сына. Въ качествѣ дочери, супруги, матери, женщины была подъ всегдашнею опекою, такъ, что личная ея не могла отдѣлиться отъ семейства, которое ее поглощало. И мы говоримъ здѣсь только о женѣ свободной и законной. Чтò такое была законная наложница, что была раба? Животное для удовлетворенія влеченія своего господина, — то же что Альпійскіе дрозды Лукулла, Африканскіе львы для Помпея. Такова была женщина и по Іудейскому закону; такова женщина въ Азіи, въ Греціи, вездѣ. Но вдругъ является Христіанское ученіе, и провозглашаетъ, что старинное семейство разрушено; нѣтъ болѣе ни отца, ни супруги, ни сына, ни служителя какъ прежде; вмѣсто служительницы, супруга дѣлается подругою; прежде, когда женѣ ни за что не считали, мужчина наполнялъ свой гинекей; бралъ, если угодно, десять, двадцать женъ, потому что ничтожество, приданное къ вѣществу, никогда не составитъ суммы; онъ всегда бывалъ выше этихъ покорныхъ тварей, и своимъ достоинствомъ, и своимъ гражданскимъ значеніемъ. Христіанское ученіе испровергло всѣ эти соотношенія; оно возвысило женщину, поставило ее наравнѣ съ мужчиною, — съ разностию только назначеній и принадлежностей. Христіанское ученіе постановило, что любовь стòитъ любви, и оно соединило ихъ, когда они никогда не соединялись, — въ нравственномъ равенствѣ, въ обоюдной вѣрности, во взаимномъ уваженіи.

Это великолѣпное общественное движеніе, которое поставило женщинъ въ положеніе неслыханное, о

вило слѣды свои въ письмахъ Апостоловъ и въ гражданскихъ законахъ, за этимъ послѣдовавшихъ. Это могло бы быть предметомъ важной и любопытной Исторіи, но гдѣ во Франціи Историки для того, что истинно достойно быть изучаемо и извѣстно? Можно вообразить, какъ Христіанское ученіе было пріятно многимъ бѣднымъ плѣнницамъ, которыхъ оно провозглашало царицами! Поэтому, весьма понятно, что эти госпожи, какъ всегда случается при каждомъ всеобщемъ преобразованіи, зашли слишкомъ далеко: изъ того, что прежнее семейство уничтожено, нѣкоторыя и, какъ кзжется, довольно многія заключили, что семейство совсѣмъ уже не существуетъ, и что онѣ совершенно уже равны съ мужчинами.

Св. Апостоль Павелъ, великій устроитель Христіанства, не оставилъ этого безъ вниманія: онъ написалъ свои глубокомысленныя и краснорѣчивыя Посланія, которыя были первыми уставами Церкви; онъ приказалъ женщинамъ молчать; онъ объяснилъ имъ ученіе, которое онѣ дурно поняли, и эти заблужденныя женщины, между которыми Отецъ Анфантенъ нашелъ бы, можетъ быть, совершенно свободную женщину, и которыя очень годились бы въ Романы Г-жи Зандъ съ братьею, возвратились мало-помалу въ кругъ своихъ прекрасныхъ и благородныхъ правъ и обязанностей.

Такимъ образомъ Христіанство поставило женщинъ въ положеніе, въ которомъ онѣ до-того никогда не бывали, — сдѣлало ихъ равными съ супругами, высшими надъ дѣтьми своими. Оно создало имъ личность отдѣльную, которой мужчина былъ защитникомъ, но уже не судьбою; оно упрочило имъ любовь въ юности, власть въ зрѣломъ возрастѣ, уваженіе въ старости, — потому что Христіанство предусматрѣло нѣчто, о чемъ всѣ интимы, кажется, забы-

вають. Они, то есть, Г-жа Зандъ впереди, а прочіе болѣе или менѣе за нею, полагають все благополучіе женщинъ въ любви свободной и независимой; а когда наступить пора, въ которую уже не любятъ, что же будетъ тогда съ женщинами? Кто ихъ призритъ, кто будетъ уважать, утѣшать ихъ? Неужели жъ должно вѣрить въ одну только вещь на свѣтѣ, въ любовь? А развѣ эта вещь такъ неизбѣжна, такъ неизмѣнна, такъ прочна, что ей можно ввѣрить всю судьбу свою? Увы! Исторія наполнена несчастіями, причиненными любовью; не проходитъ и дня, чтобы любовь не заставляла проливать слезы и кровь. И что случилось бы съ нами, великій Боже, если бы мы не имѣли противъ этой ужасной страсти какой-нибудь покровительственной охраны, какого-нибудь священнаго долга, за которымъ бы могла укрыться душа слабая или истерзанная? Если вы отнимете у супруги неприкосновенную честь брачнаго ложа, у матери уваженіе къ непорочности маленькихъ дѣтей ея, у сестры строгій и безпрестанный надзоръ братьевъ, что станется съ этими бѣдными твореніями, когда любовь начнетъ ихъ тревожить? Какъ же будутъ онѣ сопротивляться, когда вы отнимите у нихъ вѣру, которую имѣли онѣ во всѣ благородныя семейственныя чувствованія; которыя вы стираете, какъ будто пятна, положенныя обществомъ на природную чистоту сердець ихъ.

Но къ чему противиться? говорятъ они. Любовь! любовь! Это назначеніе женщины. Такъ неужели женщинамъ, потому что онѣ созданы для любви, предопредѣлено быть несчастными и оскверненными? Развѣ не случается всякой день, что любовь отдается безъ возмездія, и что женщина стремится къ человеку, который убѣгаетъ отъ нея? Развѣ не случается, что дурныя пашы наклонности противувольно ввергаютъ насъ въ любовь низкую и презрительную, ко-

торой мы жертвуемъ любимыми нашими идеями, драгоценнѣйшими нашими сокровищами? Перечтите страсти отвергнутыя и страсти постыдныя, угрожающія сладостямъ любви, и скажите — что останется? И мы не будемъ имѣть ничего священнаго, ничего законнаго, что бы могло утѣшить насъ въ первомъ случаѣ, избавить отъ втораго! Если бы мы, чего Боже избави, дошли когда-нибудь до этого, тогда одно только Его милосердіе сравнялось бы огромностью съ нашей низостью и съ нашимъ злополучіемъ.

Какой жребій готовите вы женщинѣ? Любовь, — то есть, вещь, которая родится въ пятнадцать лѣтъ, умираетъ въ тридцать, и отвратительна ранве и позже этого? Женщина, какою вы ее себѣ воображаете, какою хотятъ ее сдѣлать, жила бы такимъ образомъ только пятнадцать лѣтъ: молодость ея въ жизни не считается, старость также, потому что съ одной стороны любовь еще не начиналась, съ другой уже кончилась! И вы называете это улучшеніемъ судьбы женщины? Но вы не подумали объ этомъ, — въ Христіанскомъ семействѣ, которое вы хотите разрушить, жизнь женщины, втрое и вчетверо долѣе, втрое и вчетверо лучше наполнена! Ваше ученіе, — если только у васъ есть ученіе, — доставляетъ женщинамъ одинъ только порядокъ идей и для одного только періода существованія: Христіанство творитъ различныя чувствованія для всѣхъ возрастовъ. Дѣвушка назначаетъ оно благородное занятіе хранить чистоту, супругъ истощать любовь, женщины уже увядшей развивать чувство материнское. Вы наполняете только пятнадцать лѣтъ: Христіанство наполняетъ всю жизнь! Вы даете наслажденіе только одного рода: Христіанство, наслажденіе тысячи родовъ. Вы дѣлаете жизнь монотонною: Христіанство разнообразитъ ее. И притомъ, вы не предвидите ни одного изъ исключительныхъ

случайностей существованія женщины, — случайностей столь обыкновенныхъ, что онѣ могутъ быть приняты за правило. Если женщина безобразна, что ей дѣлать съ любовью? Если она больна и слаба, что ей дѣлать съ любовью? Если она умираетъ прежде поры любви, что ей дѣлать съ любовью? Если смерть похищаетъ у ней того, кого она любила, что ей дѣлать съ любовью? Что придумали вы для всѣхъ этихъ обстоятельствъ, въ которыхъ ваша женщина была бы очень несчастна, потому что не могла бы выполнить своего назначенія? Ничего, ровно ничего! Развѣ только нѣчто жестокое, ужасное, — зрѣлище тѣхъ, которыя молоды и прекрасны, блестящи и любимы, и которымъ, какъ-будто однѣмъ, Провидѣніе дало въ удѣлъ любовь пламенную и постоянную.

Не такъ обходится съ женщинами Христіанское ученіе. Не только оно создало для всѣхъ эпохъ жизни чувствованія, которыхъ древнее семейство не знало; но оно нашло вознагражденіе для всѣхъ недочетовъ, лекарство для всѣхъ случайныхъ язвъ. Женщина хвора или безобразна наполняетъ сердце свое любовью къ родителямъ, къ братьямъ; дѣвушка, умирающая преждевременно, имѣетъ то утѣшеніе, что выполнила долгъ чистоты, какъ другой выполняетъ назначеніе славы; и когда она ложится въ землю, сердце и душа ея увѣнчаны таинственными розами, и ее сопровождаютъ въ послѣднее жилище подруги, какъ она чистыя; дѣвственности, еще воинствующія, воздаютъ почести дѣвственности, уже торжествующей. Женщина, которую смерть разлучаетъ съ предметомъ любви ея, сохраняетъ на всю жизнь имя любимаго, сладость воспоминаній, облегчающую горестъ сожалѣнія; воспоминанія и сожалѣнія, дѣти супружеской вѣрности, которыя вдова возвращаетъ, ласкаетъ и воспитываетъ на ряду съ плотскими своими дѣтями.

Поэтому намъ кажется, что нынѣшнее семейство, семейство Христіанское, представляетъ женщинъ судьбу болѣе благородную, болѣе обширную, болѣе разнообразную, лучше навоисниую, и даже свободнѣйшую, чѣмъ всеразрушающее ученіе, которое нынче вздумали проповѣдовать Европѣ подъ разными видами. Къ чему ведутъ всѣ эти нападенія съ жаромъ и слогомъ на семейство, все это усиленное отрицаніе всѣхъ производимыхъ имъ чувствованій? Ни къ чему въ отношеніи къ дѣлу, потому что свѣтъ не послушается господъ внутреннихъ; къ растравленію ранъ въ сердцахъ сунругъ и любовницъ въ настоящее время; къ несчастію и посрамленію всѣхъ женщинъ, если бѣ сбылись желанія философъ-романистовъ и философъ-сказочниковъ.

Въ отношеніи къ нравственнымъ добродѣтелямъ, Г-жа Зандъ, подобно другимъ интимамъ, остается во всеобщемъ скептицизмѣ; она еще не подвела мысли своей ни подъ какую окончательную формулу. Идея ея частны, раздѣльны, между ними находится большая пустота, которая, можетъ быть, никогда не будетъ наполнена; она не утверждаетъ ничего, кромѣ нынѣшняго своего образа мыслей. Она индивидуальна, *внутренна*; то есть, эгоистка, которая развиваетъ только свое Я.

Мы нарочно избрали тему — семейство, тему, самую трудную, наиболѣе окруженную противорѣчащими мнѣніями, наиболѣе удобную для скептиковъ, чтобъ показать, какъ легко опровергнуть ихъ сомнѣнія, и какъ далеки ихъ остроумные выводы отъ истины. Видя красивенькихъ дамъ, горько плачущихъ послѣ ссоры съ мужемъ или любовникомъ, и рассуждая поверхностно, въ самомъ дѣлѣ подумаешь, что интимы правы, и что мужчины содержатъ у насъ женщинъ

подъ игомъ нестерпимаго деспотизма; но сообразивъ только всѣ обстоятельства, которыя мы здѣсь изложили, да еще, для большей ясности дѣла посчитайте сколько мужей плачутъ отъ женъ, любовниковъ отъ любовницъ, и вы убѣдитесь свыше всякаго сомнѣнія, что все въ мѣрѣ уравниваемо, и что внѣ семействъ Христіанскаго нѣтъ царства для женщины. Другимъ, другихъ порядковъ мыслей, неиспровергаемыхъ художниками внутренними, мы и разсматривать не станемъ. Богъ всегда будетъ Богомъ, и религія религіею, какъ бы романисты и мелодраматисты ни сомнѣвались: Богъ и религія не умозаключенія, а потребности жизни въ челоуѣкѣ, какъ пища и питье, въ необходимости которыхъ, школа внутренняя еще по сию пору не сомнѣвается. Что касается до добродѣтели, до дѣйствительности существованія въ мѣрѣ награды за добро и кары за зло, то и самыя интимныя бьютъ по щекамъ своихъ слугъ, когда слуги крадутъ ихъ деньги или паштеты съ трюфлями, даютъ имъ на вино, какъ скоро довольны ихъ честностью и прилежаніемъ; а ежели господа интимны духъ чистаго скептицизма, жалуютъ слугамъ своимъ на вино за покражу, и оплеухи за вѣрность, тѣмъ же для самихъ господъ интимовъ.

Revue de Paris.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ВОЙНЫЯ И ТРОЙНЫЯ ЗВѢЗДЫ.

СТАТЬЯ Г. АРАГО.

Въ огромномъ пространствѣ мірозданія, на этомъ гатомъ днѣ вселенной, усыпанномъ алмазными огни, съ которыми любить играть мысль поэта, и гдѣ сердце смертнаго съ благоговѣніемъ ищетъ обители жества, глазъ, вооруженный стекломъ, открылъ кія свѣтила, которыя своей необычайностью долго не будутъ превоеходить силу соображенія людей, посвященныхъ въ тайны Науки. Еще недавно, когда Парижская Академія присудила значительную награду сыну знаменитаго Гершеля, уже почти столько же знаменитому личными заслугами, за новѣйшее сочиненіе о двойныхъ звѣздахъ, въ публикѣ обозванныхъ народовъ спрашивали съ изумленіемъ, — что Англійскій астрономъ получилъ эту премію? что такое двойныя звѣзды? неужто есть звѣзды двойныя, тройныя и четверныя? отчего сдѣлались онѣ вдругъ предметомъ такихъ тщательныхъ изысканій обсерваторіяхъ обоихъ полушарій? и какихъ результатовъ ищутъ и ожидаютъ астрономы отъ ихъ наблюденія? Хотя нынѣ читатели всѣхъ сословій привыкли слышать о двойныхъ и тройныхъ небесныхъ тѣлахъ, названіе «составныхъ звѣздъ» не поражаетъ ихъ

удивленіемъ, тѣмъ не менѣе существо этихъ свѣтилъ все-еще покрыто для постороннихъ темною завѣсою загадки. Оно однако въ полной мѣрѣ заслуживаетъ ихъ любопытство, которому сверхъ того въ состояніи доставить удовольствія почти романтической заимательности. И если когда-либо стоило труда короче познакомиться съ ними, то именно теперь, когда составныя звѣзды стали моднымъ предметомъ въ Астрономіи; когда для нихъ воздвигаются нарочныя обсерваторіи; когда со всѣхъ сторонъ пишутъ объ нихъ диссертациі; когда, наконецъ, черезъ пріобрѣтеніе могущественнаго телескопа Фраунгоферова, Россія сама сдѣлалась столицей важнѣйшихъ въ нихъ открытій, и огнивомъ, изъ котораго быють блистательнѣйшіе лучи свѣта на науку. Въ такомъ положеніи предмета мы не можемъ занять пріятнѣе вниманія и просвѣщеннаго любопытства нашихъ читателей, какъ представляя имъ превосходное разсужденіе Г-на Араго, котораго цеподражаемый талантъ излагать самыя отвлеченныя вопросы яснымъ и доступнымъ для всѣхъ понятій образомъ уже могли они оцѣнить изъ статьи о теплотѣ Земнаго Шара.

Попытаемся, говорить знаменитый астрономъ, объяснить дѣло какъ-можно проще, освободивъ его отъ грознаго математическаго панцыря и отъ вычисленій, за которыми нельзя было бы слѣдовать незнакомымъ съ формулами Сферической Тригонометріи и эллиптическаго движенія планетъ.

Астрономы называютъ двойными, тройными, четверными, и такъ далѣе, звѣздами группы изъ двухъ, трехъ, четырехъ звѣздъ, кажущихся чрезвычайно близкими одна къ другой, а для простаго глаза слитыхъ въ одно маленькое свѣтило, отдѣльно мерцающее на небесной тверди.

Наблюдая небо въ телескопъ, находишь, что даже и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ звезды навипогочисленны, какъ напримѣръ въ Млечномъ Пути, онѣ на всемъ видимомъ пространствѣ расположены довольно однообразно. Раздѣляющіе ихъ промежутки почти равны, и всегда очень велики. Чѣмъ общѣе было это правило, тѣмъ разительнѣе показались астрономамъ исключенія. Какъ не замѣтить, напримѣръ, звезды Касторъ или α Близнецовъ, которыя простой глазъ принимаетъ за единичныя, которыя Греческіе и Арабскіе наблюдатели считали за простыя свѣтила, и которыя, съ помощью достаточно увеличивающей зрительной трубы, найдены составленными изъ двухъ звездъ третьей и четвертой величины!

Между извѣстными нынѣ двойными звездами есть такія, которыхъ составныя части сближены чрезвычайно. Для различенія ихъ потребны лучшія зрительныя орудія, сильнѣйшія увеличивающія стекла, прозрачность воздуха, весьма рѣдкая въ нашихъ климатахъ. Изъ числа ихъ назовемъ звезду ϵ Овна, звезду γ Вѣнца, π Геркулеса, и прочая.

Здѣсь не бесполезно объяснить употребленіе буквъ и цифръ, которыми астрономы означаютъ звезды.

Байеръ, издавая въ 1603 году свои небесныя ландкарты, выставилъ по буквѣ у каждой звезды нарисованныхъ имъ созвѣздій. Первая буква Греческаго алфавита, α , означала у него самую блестящую звезду въ цѣломъ созвѣздіи; вторая буква, β , первую послѣ той, и такъ далѣе до ω . Когда Греческій алфавитъ истощился, начали употреблять въ томъ же порядкѣ Латинскій; а когда посредствомъ телескопическихъ наблюденій число звездъ чрезвычайно умножилось, тогда стали означать ихъ по порядку нумерами. Кромѣ нѣкоторыхъ оговоренныхъ случаевъ, мы будемъ упо-

треблять нумерацію стараго Флемстидова каталога, который извѣстенъ подъ именемъ Британскаго.

Гершель, отецъ, первый занимался двойными звѣздами съ постояннымъ вниманіемъ, и раздѣлилъ ихъ на четыре порядка не по яркости ихъ свѣта, а по степени видимаго разстоянія двухъ составительныхъ звѣздочекъ. Первый порядокъ заключаетъ всѣ тѣ группы, въ которыхъ средоточія двухъ звѣздъ по-крайней-мѣрѣ на 4 секунды небеснаго градуса одно отъ другаго. Во второмъ порядкѣ, разстоянія простираются отъ 4 до 8 секундъ градуса; въ третьемъ отъ 8 до 16; наконецъ четвертый заключаетъ въ себѣ всѣ тѣ группы, которыя не содержатся въ предъидущихъ разрядахъ, и въ которыхъ разстояніе двухъ звѣздъ не превышаетъ 32 секундъ.

Первые каталоги Гершеля содержали въ себѣ:

97	двойныхъ звѣздъ.....	перваго порядка.
102	втораго.
114	третьяго.
132	четвертаго.

всего 445 звѣздъ.

Незадолго передъ кончиною, Гершель увеличилъ это число за 500 слишкомъ. Послѣ того, оно значительно умножилось. Сдѣлавъ всеобщій обзоръ небесъ помощью огромнаго Фрауэнгоферова телескопа, распространивъ свои изслѣдованія на всѣ звѣзды восьми первыхъ величинъ и на блистательнѣйшія девятой, заключающіяся между сѣвернымъ полюсомъ и 15 градусомъ небесной широты къ югу отъ экватора, Русскій астрономъ, Г. Струве, разсмотрѣлъ и внесъ въ каталоги (вмѣстѣ съ Гершелевыми):

987	двойныхъ звѣздъ.....	перваго порядка.
675	втораго.
659	третьяго.
736	четвертаго.

всего 3057 двойныхъ звѣздъ.

Это количество выведено изъ наблюденія 120,000 двойныхъ звѣздъ, такъ что, среднимъ числомъ, приходится по одной двойной звѣздѣ на сорокъ простыхъ. Впрочемъ, какъ замѣтилъ Г. Струве, содержаніе это мѣняется, смотря по яркости звѣздъ.

Наблюдатели, которымъ мѣстопробываніе ихъ дозволяетъ изучать южное небо, астрономы на Мысѣ Оброй-Надежды или въ Портъ-Джаксонъ, также начали заниматься составными звѣздами. Все заставляетъ думать, что въ скоромъ времени число этихъ звѣздъ, которое можно будетъ наблюдать съ большихъ обсерваторій, возрастетъ до пяти или шести тысячъ.

Предложенное Гершелемъ, и принятое его послѣдователями раздѣленіе двойныхъ звѣздъ на четыре порядка, кромѣ того, что оно произвольно, имѣетъ еще другой недостатокъ, который принудитъ оставить его систему. Дѣйствительно, читатель въ послѣдствіи увидитъ, что, смотря по году наблюденія, пришлось иногда относить одну и ту же группу то къ первому, то ко второму, то къ третьему порядку.

Тройныхъ и четверныхъ звѣздъ, по-видимому, весьма немного. Каталогъ Г. Струве содержитъ только 52 двойныя звѣзды въ предѣлахъ разстояній, по которымъ Гершель раздѣлилъ двойныя звѣзды на четыре порядка. Изъ числа ихъ назовемъ звѣзду ζ Рака и звѣзду ξ Вѣсовъ, гдѣ составительныя звѣздочки всѣ они довольно блестящи.

Свѣтила, изъ которыхъ состоятъ двойныя звѣзды, вообще не одинаковой яркости. Часто одно отъ друга примѣтно отличается цвѣтомъ. Нерѣдко бываетъ, что то, которое посвѣтлѣе, красновато или желтовато; а то, которое чаще замѣчается во второмъ сильный зеленоватый или голубоватый отбѣнокъ.

Отчего жь сдѣлались онѣ вдругъ предметомъ тщательныхъ наблюдений?

Сей часъ говорили мы, что свѣтила, изъ которыхъ состоятъ двойныя звѣзды, вообще весьма различной яркости. Если бь эти приметныя неравенства въ блескъ зависли отъ значительныхъ разностей въ разстояніи двухъ свѣтилъ одной и той же группы, тогда каждая изъ нихъ доставляла бь намъ весьма простое средство судить, посредствомъ законовъ перспективы, о разстояніи самой блестящей звѣзды въ группѣ отъ Земли. Этотъ способъ предлагалъ ужь и Галилей. Докторъ Лонгъ привелъ его въ исполненіе, а черезъ нѣсколько времени онъ приложенъ былъ Гершелю къ двойничнымъ группамъ, извѣстнымъ въ то время, и обшавшимъ самый полный успѣхъ въ этомъ отношеніи; но, какъ со всякимъ бываетъ, — хоть не всякой чистосердечно въ томъ признается, — знаменитый Англійскій астрономъ, доискиваясь одного, нашелъ другое. Онъ открылъ, что звѣзды неравной величины, составляющія группы, не независимы одна отъ другой и, кажется, сближены не случайно, какъ прежде полагали; что соединеніе ихъ въ весьма тѣсномъ пространствѣ происходитъ отнюдь не отъ проекціи, или отъ перспективы; что эти звѣзды между собою связаны, что онѣ образуютъ настоящія системы, что относительныя ихъ положенія безпрестанно изменяются; наконецъ, *что малыя звѣзды обращаются около большихъ*, точно такъ, какъ планеты Меркурій, Венера, Земля, Марсъ, Юпитеръ, Сатурнъ и прочія, обращаются около Солнца.

Вслѣдствіе этихъ вращательныхъ движеній, меньшая звѣзда бываетъ то прямо на востокъ, то прямо на западъ отъ большой. Иногда эта подвижная звѣзда находится къ сѣверу отъ той, которая болѣе ея блестяща, и которая кажется центромъ ея движенія; иногда мы видимъ ее на югѣ.

Чтобъ удостовѣриться въ относительной перемѣнѣ положенія двухъ звѣздъ, достаточно было отикъ простыхъ замѣчаній; но, усмотрѣвъ движеніе, захотѣли узнать, по какому закону оно совершается. Для этого надлежало сдѣлать множество наблюденій и придать имъ извѣстную точность посредствомъ слѣдующаго способа, о которомъ мы постараемся сообщить какое-нибудь понятіе.

Протянемъ въ фокусъ зрительной трубы двѣ весьма тонкія нити. Одна пройдетъ черезъ центръ круговаго пространства, называемаго полемъ зрѣнія, и будетъ неподвижна, то есть, прикреплена къ трубѣ такъ, чтобъ положеніе ея не могло измѣняться. Другую можно будетъ обращать около того же центра, и, если захотимъ, она сойдется съ неподвижною нитью или составитъ съ нею прямо или влѣво, сверху или снизу, всѣ возможные углы. Эти углы измѣрятся кругомъ, раздѣленнымъ на градусы, и призмѣннымъ внутри или снаружи.

При наблюденіи, блестящую звѣзду приводятъ какъ можно вѣрнѣе на точку пересѣченія двухъ нитей. Потомъ обращаютъ подвижную нить до тѣхъ поръ, пока она пройдетъ черезъ центръ другой звѣзды. Посмотрѣвъ, на какомъ градусѣ она остановилась, узнаешь, какой уголъ образуетъ линія зрѣнія, проведенная изъ центра большой звѣзды въ центръ малой, съ направленіемъ неподвижной нити.

Смотря по тому, какъ поставлена труба, и сверхъ того по особенному направленію, какое дано неподвижной нити, въ которомъ часу ни возьмешь уголъ, всегда найдешь одно и то же число. Если труба обращена къ звѣздѣ въ то время, когда она совершаетъ самую возвышенную часть своего ночнаго теченія, то есть, когда она дойдетъ до меридіана, неподвижная нить будетъ въ горизонтальномъ положеніи.

Слѣдственно, въ моментъ прохожденія черезъ меридианъ, инструментъ даетъ уголъ, который прямая линія, соединяющая малую звезду съ большою, образуетъ съ горизонтальною, идущею изъ большой звезды. Это называется угломъ положенія.

По этому способу, наблюденія, сдѣланныя разными астрономами въ разные дни и годы, могутъ быть сравниваемы между собою. Изъ послѣдовательныхъ величинъ угла положенія съ перваго взгляда видно, отъ запада ли къ востоку, или отъ востока къ западу, малая звезда обращается около большой; одинаково ли ея движеніе или нѣтъ; гдѣ точки наибольшей и наименьшей его скорости.

Другой механизмъ, состоящій изъ двухъ нитей, одной неподвижной, и другой, движущейся параллельно къ первой, называется микрометромъ, и служитъ для того, чтобъ узнавать, измѣняется ли или не измѣняется видимое разстояніе звездъ въ группѣ, и если измѣняется, то до какой степени.

Вотъ все, что получаемъ мы отъ наблюденій. Но этихъ данныхъ весьма достаточно для опредѣленія, помощію вычисленій, кривой линіи, описываемой каждою звездою: посредствомъ нихъ можно узнать — кругъ ли эта кривая линія или эллипсисъ, то есть, овалъ; и если эллипсисъ, то каковъ его эксцентриситетъ, то есть, какова его форма, какъ велика разность между самою большою и самою малою его осью.

Четыре величины угла положенія и видимыхъ микрометрическихъ разстояній, соответствующихъ каждаго извѣстному времени, вообще необходимы для того, чтобъ опредѣлить видъ и положеніе равнаго или продолговатаго круга, который малая звезда описываетъ около большой.

Если, случайнымъ образомъ, плоскость этого круга, продолженная мысленно въ нашу сторону, проходить черезъ Землю, тогда кажется, будто движеніе обращающейся звезды совершается по прямой линіи: тутъ ужъ нельзя измѣрять послѣдовательныхъ угловъ положенія; все ограничивается микрометрическими наблюденіями разстояній, и потребно пять такихъ наблюденій для полученія тѣхъ самыхъ результатовъ, къ которымъ по первому предположенію приводятъ четыре.

Наконецъ, если, за неимѣніемъ микрометра, наблюдатель успѣлъ замѣтить одни мѣстоизмѣненія (*déplacements*), тогда, для вычисленія вида орбиты, или круга описываемаго малою звездю, необходимо имѣть шесть угловъ положенія, соответствующихъ каждый известному времени.

Цѣль этого разсужденія не дозволяетъ мнѣ давать читателю понятіе объ алгебраическихъ вычисленіяхъ, посредствомъ которыхъ рѣшаются задачи вида и положенія орбитъ двойныхъ звездъ. Удовольствуюсь изложеніемъ однихъ результатовъ. Первымъ выводомъ по этой части были основныя части орбиты спутника звезды ξ въ Большой Медвѣдицѣ, вычисленныя Г-мъ Савари по собственнымъ его способамъ. Другими обязаны мы Гг. Бесселю, Энке и Гершелю, сыну.

Названія двойныхъ звездъ.	Время полного оборота малой звезды около большой.	Половина большой оси орбиты, видимая перпендикулярно отъ Земли.	Эксцентриситетъ орбиты, то есть, разница между двумя ея осями.
η Короны.....	43 года.
ξ Большой Медвѣдцы.....	58	3", 8	0, 42
70 Оѳіухуса.....	88	4", 4	0, 47
Касторъ.....	253	8", 1	0, 76
σ Короны.....	287	3", 7	0, 61
61 Лебедя.....	452	15", 4
ν Дѣвы.....	629	12", 1	0, 83
ν Льва.....	1200

Одна изъ этихъ звѣздъ, именнно спутница η Коронны, прошла всю свою орбиту съ тѣхъ поръ, какъ Гершель опредѣлилъ въ первый разъ уголъ ея положенія. Она совершила даже значительную часть втораго оборота. Самыя раннія наблюденія звѣзды Большой Медвѣдицы относятся къ 1782 году. Такъ какъ періодъ ея продолжается 58 лѣтъ, то меньшее свѣтило этой звѣзды совершить полный оборотъ своею орбитою около большей передъ нашими глазами, — въ 1840 году.

Мы сейчасъ говорили, что, если бѣ, случайнымъ образомъ, продолженіе плоскости орбиты мало звѣзды проходило черезъ Землю, то есть, если бѣ эта орбита пришла къ намъ лезвеемъ, сопутствующая звѣзда казалась бы намъ движущеюся то въ ту, то въ противную сторону, все по прямой линіи, пересѣкающей большую звѣзду. Этотъ случай уже былъ замѣченъ астрономами.

По словамъ Гершеля, отца, звѣзда t въ Змѣиности двойная. Въ то время, когда этотъ великій наблюдатель сочинялъ первую роспись составнымъ звѣздамъ, онъ замѣтилъ два различныя свѣтила, изъ которыхъ состоитъ t , были примѣтно отдѣлены одно отъ другаго. Нынче они такъ соединились, что самъ Струве, въ огромномъ Фраунгоферовъ телескопъ, не замѣтилъ ни малѣйшаго слѣда двойственности. Что сказали бы Брайль, Лакаль, Майеръ, если бѣ въ ихъ время кто-нибудь отважился утверждать, что въ этой тверди, которую они такъ прилежно изучали, существуютъ звѣзды, затмѣвающія одна другую!

Звѣзда ζ Оріона представляетъ совсѣмъ противоположное явленіе. Нынѣ это весьма удобообразимая двойная звѣзда, а Гершель, отецъ, внесъ ее въ свою роспись рѣшительно за единичную.

Въ звѣздѣ γ Дввы плоскость орбиты такъ наклонена къ лучу зрѣнія, идущему отъ Земли, что разстояние сопутствующей звѣзды отъ центральной, равняющееся въ 1756 году $6''$, 5, къ 1829 году убыло до $1''$, 8. Въ тѣхъ поръ это разстояніе опять значительно увеличилось.

Вѣтъвѣ Астрономіи, излагающая движенія звѣздной системы, новорожденный младенецъ. Поэтому, не можно удивляться, что мы еще не много знаемъ о движеніяхъ тройныхъ звѣздъ. Однако, наблюденія уже показали, что въ звѣздѣ ζ Рака двѣ слабѣйшія звѣздочки обращаются около главной. Что касается къ свѣтила ψ въ Кассіопеѣ, состоящаго изъ одной довольно ясной звѣзды и изъ двухъ маленькихъ, чрезвычайно сближенныхъ между собою, то мы вѣроятно видимъ, что двѣ послѣднія обращаются одна около другой, и обѣ вмѣстѣ около блестящей.

Алгебраическія формулы, помощію которыхъ вычислили любопытныя обстоятельства эллиптическаго движенія двойныхъ звѣздъ, совершенно основываются на томъ положеніи, что большая и малая звѣзды притягиваются въ обратномъ содержаніи квадратныхъ чиселъ ихъ разстояній, то, есть, что, по мѣрѣ удаленія меньшаго небеснаго тѣла отъ бѣльшаго, сила послѣднего, притягающая къ нему первое, на разстояніи 2 двойныхъ мѣръ дѣйствуетъ слабѣе въ 4 раза, на разстояніи 3 мѣръ слабѣе въ 9 разъ, на разстояніи 4, 5, 6 мѣръ слабѣе въ 16, 25, 36, и т. д. Для опредѣленія орбиты каждой звѣзды потребны только четыре, пять или, въ крайнемъ случаѣ, шесть величинъ угла положенія и видимыхъ разстояній. Что касается до наблюденій, которыя не употребляются въ этихъ первыхъ вычисленіяхъ, то они, по-крайней-мѣрѣ, служатъ средствами къ точной и рѣшительной проверкѣ основнаго предположенія: стоитъ лишь испы-

тять, согласуются ли они съ орбитою, которая не можетъ быть истинною, если форма ея выведена изъ ошибочной гипотезы. Много было дѣлано сравненій между положеніями звѣздныхъ спутниковъ, дѣйстви-тельно наблюденными, и тѣми, которыя были получены заранѣе изъ вычисленныхъ эллипсисовъ. Разности не превзошли маленькихъ недоразумѣній, безъ которыхъ нельзя обойтись въ этихъ трудныхъ измѣреніяхъ.

Такъ, предположивъ, что до послѣднихъ предѣловъ видимаго міра существуетъ притягательная сила, дѣйствующая въ обратномъ содержаніи квадратныхъ чиселъ разстояній, вычислители орбитъ двойныхъ звѣздъ были совершенно правы: стало-быть, звѣзды управляются тою же самою силою, которая и въ солнечной системѣ господствуетъ во всѣхъ движеніяхъ планетъ и спутниковъ; стало-быть, это знаменитое Ньютоновское притяженіе, котораго всемірность доказана была только въ предѣлахъ пространства, объемлемаго отдаленнѣйшею отъ Солнца планетою, Ураномъ, сдѣлалось всемірнымъ въ полномъ смыслѣ этого слова!

Не должно думать, чтобы астрономы могли дать Ньютону открытію этотъ безконечный объемъ не обинулъ. Существованіе притягательной силы во всѣхъ частяхъ системы, состоящей изъ Солнца и окружающихъ его планетъ, было важнѣйшимъ фактомъ, котораго законы открыты, и слѣдствія изучены съ удивительнымъ успѣхомъ; изъ этого однако жъ не слѣдовало, чтобъ притяженіе было необходимымъ свойствомъ вещества, чтобъ въ другихъ краяхъ, въ другихъ системахъ, не могло существовать большихъ тѣлъ, которыя бы взаимно не притягивались. Тѣмъ менѣе позволительно было утверждать всеобщность закона квадратовъ разстояній. Теперь, благодаря на-

поденіямъ надъ двойными звѣздами, эти сомнѣнія совершенно разсѣяны. Не довольно ли этого для оправданія живаго участія, возбужденнаго въ астрономахъ носительными движеніями двойныхъ звѣздъ? Но мы увидимъ далѣе, что обѣщаетъ намъ эта новая ступень науки въ будущемъ.

Изъ всѣхъ результатовъ, которыми прославилась астрономія въ послѣднее время, ни одинъ такъ сильно не поражаетъ воображенія, незнакомаго съ законами Небесной Механики, какъ опредѣленіе толщи планеты. Когда бѣ профессоръ, толкуя чудеса твердотѣлескимъ людямъ, вздумалъ, въ самомъ началѣ курса, привести числовыя величины планетныхъ массъ; тогда бѣ онъ сказалъ, напримѣръ, — если вы положите на чашку вѣсъ одну чашку вѣсовъ, то въ другую съѣдетъ взгромоздить, для равновѣсія, 337,000 шаровъ, подобныхъ земному, — чувство недоувѣрчивости овладеетъ бѣ слушателями. Но къ этому самому вопросу неизбежно приводитъ меня естественный порядокъ мыслей. Мнѣ кажется, что не прибѣгая ни къ одной алгебраической формулѣ, я могу имѣть удовольствіе имѣть довольно вѣрное понятіе о способахъ, которыми пришли до того, чтобъ *свѣсить* планеты. Онъ такъ очевидно, что, хотя мнѣ должно пройти для этого весь рядъ основныхъ началъ теоріи притяженія, я не только боюсь быть непонятнымъ, сколько услышать отъ тѣхъ, кто будетъ имѣть терпѣніе выслушать меня до конца: Какъ? неужто въ этомъ все и дѣло!

Тѣло, предоставленное самому себѣ, падаетъ наземь; тѣло косное, то есть, лишенное произвола, не можетъ бѣ двигаться, не могло бѣ падать, не могло бѣ идти сверху внизъ, не вынуждаясь къ тому силой. Стихіи этой силы имѣютъ свое пребываніе въ эфирныхъ частицахъ, изъ которыхъ состоитъ наша Земля. Ихъ совокупность, ихъ итогъ, есть то,

что называется притяженіемъ, тяготѣніемъ, тяжестью. Степень силы, дѣйствующей на извѣстную притягиваемую частицу массы, есть сумма дѣйствій всѣхъ вещественныхъ частицъ притягивающаго тѣла, и потому, относительно къ степени своего напряженія, эта сила соразмѣрна съ числомъ вещественныхъ частицъ. Предположите, что, безъ перемѣны въ размѣрахъ, Земля сдѣлалась бы сотой долею плотнѣе; что въ томъ же самомъ объемѣ заключала бь она въ себѣ сотую долей больше вещества: притягательная сила ея вразсужденія тѣла, находящихся поблизости ея поверхности, возрасла бь на одну сотую долю противъ прежняго.

Кто не пойметъ теперь настоящаго смысла этого часто употребляемаго выраженія — притяженіе соразмѣрно толщѣ!

Чѣмъ же обнаружилась бы перемѣна въ толщѣ, или, что все равно, въ притягательной силѣ Земнаго Шара? Соотвѣтственною перемѣною въ скорости падающихъ тѣлъ. Эта скорость дѣйствительно должна быть соразмѣрна поражающей ее силѣ, а сила содержится какъ толщина, — стало-быть скорость соразмѣрна толщѣ. Нынѣ тяжелое тѣло, въ первую секунду своего паденія, пробѣгаетъ въ Парижѣ 6 аршинъ $14 \frac{1}{4}$ вершка; но если бь толщина Земли увеличилась сотую долей, то на столько же увеличилось бы и пространство, пробѣгаемое въ первую секунду: вмѣсто 6 аршинъ $14 \frac{1}{4}$ вершковъ получится 6 аршинъ $15 \frac{141}{400}$ вершка. Не становится ли ясно, какимъ образомъ скорости поведутъ къ вычисленію толщѣй? Но будемъ продолжать.

Пространство, на какое падаютъ привлекаемое Землею тѣло въ теченіе секунды, уменьшается по мѣрѣ возвышенія падъ ея поверхностью. На вершинѣ высокой горы, оно уже ощутительно менше, чѣмъ на

равнинъ, соответствующей поверхности моря. И такъ, сила, поражающая эту скорость, то есть, притягательная сила, свойственная частицамъ вещества, убываетъ, когда разстояніе увеличивается. Надлежало отыскать, по какому закону совершается убыль. Ньютонъ сдѣлалъ это важное открытіе: онъ доказалъ, что на разстояніи 2 притягательная сила тѣмъ равна 2 умноженнымъ на 2, или что она вчетверо меньше, чѣмъ на разстояніи 1; что на разстояніи 3 она равна 3 умноженнымъ на 3, или вдевятиро меньше, чѣмъ на разстояніи 1; что на разстояніи 10 величина ея во 100 разъ (10 умн. 10) меньше той, которую имѣетъ она на единицу разстоянія. Какъ произведеніе числа, умноженнаго само на себя, называется въ Арифметикѣ квадратомъ того числа, то всѣ эти частные выводы выражаемъ мы слѣдующей общей формулой: «Притягательная сила тѣмъ уменьшается соразмѣрно квадрату разстояній.»

Мы сейчасъ видѣли, что измѣренія скоростей могутъ вести къ определенію толщій; но скорость узнается пройденнымъ разстояніемъ, и потому нужно всегда брать въ расчетъ разстояніе, на какомъ сдѣланъ будетъ опытъ надъ скоростью.

Возвратимся на минуту прежнимъ слѣдомъ, чтобъ устранить затрудненіе, которое могло представиться уму насчетъ способа узнавать разстоянія нѣтъхъ случаяхъ, когда притягивающія тѣла имѣютъ значительные объемы.

Если поднять, напримѣръ, маленькое земное тѣло на десять аршинъ въ вышину, и потомъ пустить его, — оно, разумѣется, упадетъ, и мы согласимся приписатьъ это удѣльному дѣйствию всѣхъ и каждой изъ вещественныхъ частицъ, составляющихъ Землю. Но эти частицы не въ одинаковомъ разстояніи отъ падающаго тѣла. Частицы поверхности, которымъ оно

вертикально соответствует, только въ 10 аршинахъ отъ него, а частицы центра Земли удалены отъ него на 5,485 верстъ и еще на 10 аршинъ, частицы же антипода на столько же еще. Точно кажется невозможнымъ вывести какое-нибудь простое слѣдствіе изъ столькихъ билліоновъ частицъ, такъ различно расположенныхъ! И задача, дѣйствительно, неразрѣшима, когда бѣ притягивающее тѣло было неправильнаго вида. Но если, напротивъ того, этотъ видъ — сферическій, шарообразный, тогда вычисленіе чрезвычайно просто. Ньютонъ доказалъ, что вещественныя частицы, расположенныя однообразно въ объемъ круга, дѣйствуютъ совокупно на какой-нибудь вышній предметъ точно такъ, какъ бы всѣ онѣ соединены были въ центрѣ.

Слѣдственно, пока дѣло идетъ о тѣлахъ совершенно или почти сферическихъ, круглыхъ, намъ нечего заботиться о большихъ, меньшихъ и малыхъ разстояніяхъ между привлекающими частицами и привлекаемымъ предметомъ. Тутъ все происходитъ точно такъ, какъ если бѣ совокупность этихъ частицъ была въ самомъ центрѣ шара: въ полной мѣрѣ достаточно принимать въ расчетъ одно только разстояніе, между центромъ круглаго притягивающаго тѣла и притягиваемымъ предметомъ.

Прежде чѣмъ пускаться въ дальнѣйшее изслѣдованіе, должно разсмотрѣть, какъ дѣйствуетъ притягательная сила Земли не на покоящееся тѣло, а на движущееся.

Положимъ, что пушка, поставленная на известномъ возвышеніи, наведена въ совершенно горизонтальномъ направленіи. Ядро пойдетъ изъ нея горизонтально же; но всякой знаетъ, что оно скоро оставляетъ это направленіе, спускается, и наконецъ падаетъ наземь. Никто не усомнится, чтобъ этотъ постепен-

ный спускъ ядра не былъ дѣйствиємъ притягательной силы Земнаго Шара: если бѣ Земля не притягивала, ядро летѣло бѣ безконечно, оно не ощущало бѣ въ себѣ тяжести, то есть, невольнаго влеченія къ Землѣ. Если же столько, можетъ-быть, извѣстно, имѣеть ли какое-нибудь вліяніе скорость ядра на дѣйствіе этой притягательной силы. Чтобъ узнать это, достаточно весь опытъ простаго опыта.

Положимъ, что противъ пушки находится отвѣспалъ ядра, въ такомъ разстояніи, которое ядро пролетаетъ отвѣсно въ секунду. Замѣтимъ какъ-можно лучше точку, на которую наведено орудіе, — цѣль, въ которую должно бѣ ядро, если бѣ всегда летѣло по прямой линіи, не бывъ притягиваемо Землею. Выстрѣливъ, мы увидимъ, что ядро ударилось гораздо ниже этой цѣли. Отвѣсное разстояніе между этою точкою, въ которую ядро дѣйствительно попадаетъ ядро, и настоящею цѣлью, въ которую мы мѣтили, есть мѣра дѣйствія, произведеннаго притяженіемъ въ теченіе секунды на ядро, движущееся съ величайшею горизонтальною скоростью. Опытъ даетъ для этого разстоянія 6 аршинъ $14\frac{1}{4}$ вершковъ, то есть, именно то самое пространство, на какое поднятое вверхъ и пущенное изъ тѣла падаетъ отвѣсно въ продолженіе того же времени.

Отставимъ, если угодно, стѣну эту подальше. Положимъ, что ядро долетитъ къ ней только въ двѣ секунды. Точка, въ которую оно попадетъ, будетъ еще ниже цѣли; но разстояніе между этими двумя точками будетъ уже квадратное (6 ар. $14\frac{1}{4}$ вер. умноженное на 6 ар. $14\frac{1}{4}$ вер.) и совершенно равное отвѣсному спуску тѣла, предоставленнаго самому себѣ въ теченіе двухъ секундъ, и пробѣгающаго пространство сверху внизъ дѣйствиємъ тяжести или притяженія.

Вообще, притягательная сила Земли производитъ одинаковое дѣйствіе падъ покоящимся и надъ движущимся.

щимся тѣломъ, если измѣрять это дѣйствіе въ одномъ и томъ же направленіи, то есть, по отвѣсной линіи къ притягающему тѣлу.

Луна доставить намъ новое средство повѣрить какъ этотъ послѣдній законъ, такъ и тотъ, по которому притягательная сила ослабѣваетъ въ прямомъ содержаніи квадратныхъ чиселъ разстояній. Дѣйствительно, въ глазахъ астронома и геометра, Луна не что иное какъ тѣло, брошенное, въ началъ вещей, съ такою силою, что можетъ безконечно вращаться около Земли, какъ вращалось бы ядро, пущенное горизонтально съ достаточною скоростью, но пущенное въ такой высотѣ, гдѣ дѣйствіе притягательной силы Земли уже было бы такъ слабо, что не могло бы преодолѣть ядра и привлечь его на свою поверхность, хотя еще не позволяло бы ему удалиться отъ нея въ безконечное пространство.

Въ самомъ дѣлѣ, ядро, вылетѣвшее изъ жерла пушки, совершенно объясняетъ тайну вѣчнаго вращанія Луны около Земли. Мы знаемъ, что это ядро въ одну секунду понижается къ Землѣ, дѣйствіемъ притягательной ея силы, на 6 аршинъ $14\frac{1}{2}$ вершковъ: положимъ, на 7 аршинъ, для круглости чиселъ. Само собою разумѣется, что это пониженіе происходитъ постепенно, и что ядро чертитъ при этомъ кривую линію, дугу, отрывокъ круга. Если жерло пушки, наведенной горизонтально, находится въ 7 аршинахъ отъ Земли; то очевидно, что въ концѣ первой же секунды ядро, опускающееся дугою, ударится о поверхность Земли. Но если бы вдругъ отнять изъ подъ него поверхность Земли, если бы всю Землю со всею ея притягательною силою сжать въ одну точку подъ самую пушкою, тогда ядро, не находя себѣ сопротивленія въ концѣ первой секунды, продолжало бы летѣть дугою, и въ концѣ второй секунды упало бы опять на 7 ар-

шинъ, въ концѣ третьей еще на 7, и т. д. Падая такимъ образомъ безпрестанно по 7 аршинъ въ секунду, и всегда постепенно за округляющеюся дугою, очевидно, что наконецъ оно возвратилось бы къ первой точкѣ своего 7-аршиннаго пониженія, описавъ болѣе или менѣе правильный кругъ около Земли, сжатой въ комокъ подь пушкою. Возвратясь на первую точку, оно опять начало бѣ падать въ томъ же содержаніи и описывать второй кругъ; потомъ третій, четвертый, десятый, сотый, и до безконечности. Такъ точно и Луна: она первоначально получила горизонтальное движеніе на такой высотѣ отъ Земли, гдѣ притягательная сила послѣдней еще дѣйствуетъ и влечетъ къ ней всѣ тѣла, но гдѣ уже поверхность ея слишкомъ мала въ сравненіи съ разстояніемъ, и не можетъ подставиться подь падающее огромною дугою тѣло; въ концѣ первой секунды, Луна, отъ горизонтальной линіи, понизилась дугою на 7 извѣстныхъ мѣрь, вслѣдствіе притягательной силы Земли; во вторую секунду опять на 7, въ третью на столько же, и такъ далѣе, доколѣ не возвратилась она къ первой точкѣ, чтобъ снова падать въ томъ же содержаніи, то есть, чтобъ описывать кругъ, орбиту, около притягающаго ее тѣла.

Понять все это, — а понять, кажется, не трудно, — значитъ сдѣлать слѣдующія наблюденія и вычисленія:

Посредствомъ прямого производства съ астрономическими инструментами опредѣляется, въ градусахъ, дуга, описываемая Луною въ данное время. Возьмемъ это время, на примѣръ между девятымъ и одиннадцатымъ часами вечера. Разстояніе Луны отъ Земли извѣстно въ верстахъ и аршинахъ. Слѣдственно, линія, протянутая въ девять часовъ отъ Луны къ центру Земли, извѣстна въ верстахъ и аршинахъ; вто-

рая линія, протянутая въ одиннадцать часовъ отъ Луны къ тому жъ центру Земли, то же извѣстна, — она равна первой; уголъ, образуемый этими двумя линіями, извѣстенъ въ градусахъ посредствомъ наблюденія дуги, пройденной Луною въ два часа времени: послѣ того, что жъ мудренаго подсчитать, сколько она прошла въ одну секунду, то есть, на какую долю аршина отъ горизонтальной линіи упала къ Землѣ въ одну секунду?

Пространство, пробѣгаемое внизъ, въ секунду, тѣломъ, пущеннымъ на поверхности Земли, или, другими словами, находящимся въ 1,485 верстахъ отъ центра, — это пространство равняется почти 7 аршинамъ именно $6 \text{ арш. } 14\frac{1}{4}$ вершкамъ. Чтобъ узнать, въ сколько оно упало бы, если бъ удалить его отъ этого центра въ предѣлы Луны, стоитъ только уменьшить упомянутое число соразмѣрно квадратамъ разстояній. Само собою разумѣется, что она упадетъ тамъ на столько разъ менѣе шести аршинъ четырнадцати съ четвертью вершковъ, во сколько разъ отстояніе Луны отъ Земли больше шести аршинъ четырнадцати съ четвертью вершковъ.

Въ результатъ этого простаго вычисленія получается съ удивительною точностью числовая величина секунднаго пониженія Луны отъ горизонтальной линіи, совершенно сходная съ скоростью этого свѣтлаго опредѣленною вѣковыми наблюденіями, и съ объемомъ его орбиты. И такъ, нѣтъ сомнѣнія, что та же сила, которой дѣйствія ежедневно замѣчаемъ мы на земной поверхности, и отъ которой зависитъ паденіе тѣлъ, пущенныхъ горизонтально или отвѣсно, — что эта самая сила держитъ нашего спутника на круговой линіи, описываемой имъ около Земли: только сравнительно она является тамъ слабѣе въ прямомъ содержаніи къ квадрату разстоянія, нежели какъ здѣсь

въ нашей атмосферѣ; причемъ, — повторимъ это, — нѣтъ ни какой надобности брать въ расчетъ того обстоятельства, что Луна движется.

Съ этими предварительными понятіями мы можемъ приступить къ вопросу объ опредѣленіи толщѣй небесныхъ тѣлъ.

Положимъ, что требуется найти, во сколько разъ Солнце имѣетъ больше толщи, сколько содержитъ оно вещества больше, нежели Шаръ нашъ. Возьмемъ количество 6 аршинъ $14 \frac{1}{4}$ вершковъ, которымъ измѣряется паденіе тѣла на поверхности Земли въ одну секунду; сократимъ его соразмѣрно съ квадратомъ разстояній, чтобъ узнать, на сколько будетъ падать то же самое тѣло, когда оно очутится въ одинаковомъ разстояніи съ Солнцемъ. Результатъ этого немудренаго вычисленія будетъ соразмѣренъ съ толщею Земли. Свѣтило, которое, въ томъ же разстояніи, произведетъ двойное, тройное, сотерное паденіе къ своему центру, очевидно должно имѣть толщю вдвое, втрое, всотеро больше земной. Слѣдственно вопросъ приводится къ слѣдующему: на сколько, въ одну секунду, Солнце заставляетъ падать къ своему центру тѣло, удаленное отъ него наравнѣ съ Землею? Этотъ вопросъ, съ перваго взгляда кажущійся непреступнымъ, потому что мы не можемъ перенестись на поверхность Солнца для произведенія опытовъ надъ паденіемъ тяжестей, находить свое прямое, непосредственное рѣшеніе въ обстоятельствахъ годичнаго движенія Земли.

Въ силу этого движенія, Шаръ нашъ, въ $365 \frac{1}{4}$ дней описываетъ около Солнца почти кругообразную кривую линію, которой радіусъ составляетъ 133,892,000 верстъ. Раздѣлимъ 360 градусовъ, заключающихся въ этой окружности, на число секундъ, составляющихъ $365 \frac{1}{4}$ дней. Въ частномъ выйдетъ крошечная

доля градуса, которую Земля пробѣгаетъ по своей орбитѣ въ секунду времени. Вспомнимъ теперь, что сказали мы объ удареніи ядра въ стѣну ниже цѣли, какъ измѣрили секундное пониженіе Луны отъ горизонтальной линіи движенія: Земля въ отношеніи къ Солнцу совершенно то же, что Луна въ отношеніи къ Землѣ, — поэтому легко вычислить въ доляхъ версты или аршинахъ отвѣсное количество, на какое Солнце, своею притягательною силою, заставляетъ падать Землю въ одну секунду, то есть, уклоняться внизъ отъ горизонтальной линіи теченія, и приближаться къ кругообразному пути, къ орбитѣ. Сейчасъ опредѣлили мы это количество для нашего Шара. Мы видимъ, на сколько бы онъ заставилъ упасть въ секунду тѣло равномерно удаленное отъ него на 133,892,000 верстъ. Такъ какъ разстоянія въ обоихъ случаяхъ одинаковы, то паденія должны быть соразмѣрны съ толщами. Отыскавъ простымъ дѣленіемъ, сколько разъ больше скорости паденія къ Землѣ содержится въ скорости паденія къ Солнцу, мы узнаемъ, сколько требуется Шаровъ Земныхъ для составленія толщи, которая бы равнялась солнечной, и имѣла ту же сумму частицъ вещества, одаренныхъ притягательною силою. Такимъ образомъ найдено число 337,000, приведенное нами выше.

Какіе употребили мы данныя для полученія этого вывода? Дугу движенія Земли около Солнца въ секунду времени и величину, въ верстахъ, радіуса земной орбиты, — не болѣе. Непосредственное наблюдение двойныхъ звѣздъ при пособіи инструментовъ, дающее дугу движенія малой звѣзды около большой и ее скорость: будь у насъ радіусъ орбиты, описываемой этою малой звѣздою, мы легко отыскали въ доляхъ версты или аршинахъ количество ея паденія къ центральной звѣздѣ въ секунду времени. Это количество, сравненное съ паденіемъ тѣла къ Зем

или къ Солнцу, дало бы отношеніе толщи большой звезды къ толщѣ Земли или Солица. Къ несчастію, касательно радіусовъ орбитъ звѣздныхъ спутниковъ известны только углы, которые образуютъ они, когда смотришь на нихъ съ Земнаго Шара. Для превращенія этихъ угловъ въ мѣры длины, мили или версты, требуется величина разстояній, которыя отдѣляютъ насъ отъ звѣздъ. Когда эти разстоянія будутъ предѣлены, изъ нихъ выведутся радіусы орбитъ въ ерстахъ, — а остальное вычислить не трудно.

Наука, обогатившись познаніемъ движеній двойныхъ звѣздъ, сдѣлала неизмѣримый шагъ къ рѣшенію задачи, казавшейся свѣше человѣческаго разумія. Въ тотъ день, когда опредѣляютъ разстояніе двойной звезды, въ тотъ самый день ее свѣсятъ; узнаютъ, во сколько милліоновъ разъ она обильнѣе веществомъ, нежели Шаръ нашъ; проникнуть такимъ образомъ въ ея внутреннее строеніе, хотя она болѣе чѣмъ на 400 билліоновъ верстъ отъ Земли, хотя въ сильнѣйшіе телескопы она представляется только лучезарною точкою безконечно малыхъ размѣровъ.

Теперь попытаемся сообщить понятіе о способахъ, употребленныхъ астрономами для опредѣленія разстояній звѣздъ отъ Земли. Такимъ образомъ лучше можно будетъ показать выгоды того изъ нихъ, который основывается на наблюденіи составныхъ звѣздъ.

Чтобъ избѣгнуть геометрическихъ фигуръ, къ которымъ многіе чувствуютъ непреодолимое отвращеніе, мы употребимъ самое простое сравненіе. Представьте себѣ два дерева, стоящія одно за другимъ, и одно выше, а другое, ближайшее къ вамъ, гораздо ниже. Станьте на линіи этихъ двухъ деревьевъ, такъ, чтобы они закрывали другъ друга: я буду съ передвигать взадъ и впередъ по той же линіи. Напередъ ставлю васъ въ такомъ пунктѣ, чтобы

верхушка нижайшаго дерева упала въ точности на верхушку высшаго, отдаленнѣйшаго: тогда обѣ верхушки будутъ находиться на одной линіи съ вашимъ глазомъ. Эта линія составитъ съ линіею горизонтальною, по которой вы движетесь, уголъ, который называемъ, напримѣръ, угломъ высоты: впрочемъ, такъ называется онъ и технически. Означимъ это мѣсто, съ котораго обѣ верхушки видѣются на одной линіи чѣмъ-нибудь, хоть коломъ, — ! Ежели отъ этого кола переводу васъ ближе къ деревьямъ, то линія верхушкъ непременно разстроится: верхушка низшаго, ближайшаго, будетъ казаться выше, верхушка высшаго, дальнѣйшаго, ниже; но какъ вы теперь ближе къ обоимъ деревьямъ, то углы высоты того и другаго будутъ гораздо больше прежняго угла. Здѣсь положимъ, для знака, камень — О. Затѣмъ отъ камня возвращаю васъ на прежнее мѣсто къ колу, и оттуда переползу уже не ближе къ деревьямъ, а подалше отъ нихъ, на извѣстное разстояніе. Съ этой новой точки зрѣнія, что такое видите вы въ отношеніи къ верхушкамъ? Совершенно противоположно: ближайшая верхушка теперь стоитъ ниже той, которая подалше ея, и углы перспективной высоты ихъ стали оба меньше того угла, подъ которымъ видѣли вы ихъ съ первоначальнаго мѣста, гдѣ вбитъ колъ, — ! Для памяти и для различія, въ этомъ новомъ мѣстѣ вколотимъ два кола, — !! Какъ вы знаете разстояніе отъ ! до О, и разстояніе отъ ! до !!, потому что сами ихъ проходили, и какъ вамъ извѣстны углы высотъ во всѣхъ трехъ положеніяхъ, потому что можете измѣрить углы эти инструментомъ при самомъ поверхностномъ знаніи Тригонометрии вы легко исчислите разстояніе между вашимъ глазомъ и обѣими верхушками.

Здѣсь долженъ я сдѣлать одно примѣчаніе, въ которое прошу читателя вникнуть съ особеннымъ вниманіемъ.

нiемъ , потому что на немъ основывается важный пунктъ дальнѣйшаго разсужденiя. Я отнюдь не ска- залъ, какое именно было разстоянiе между мѣстами ! и !! Если оно было шаговъ тридцать, пятьдесятъ или болѣе, то вы чувствуете сами, что верхушки разо- нлись весьма значительно, и уголъ высоты, взятый съ мѣста !, очень различествуетъ съ углами, которыми образовались вамъ на точкѣ — !! Но если вы отъ мѣ- ста ! отступили только на одинъ шагъ, на полшага и тутъ забили свои два кола, !!, тогда верхушки или совсѣмъ не раздвинулись для вашего глаза, или раздви- нулись весьма неощутительнымъ образомъ; углы вы- соты изменились или на одну секунду градуса, или такъ мало, что нельзя даже измѣрить разницы; объ верхушки, кажется, не тронулись съ мѣста; словомъ вы не имѣете нужныхъ данныхъ для вычисленiя от- стоянiя деревъ отъ вашего глаза. Чтобы сдѣлать точ- ное измѣренiе, надобно непременно, чтобы разница между углами высоты была ощутительна, а для это- го нужно, чтобы разстоянiе между точками зрѣнiя, ! и !!, было довольно велико; то есть, чтобы оно состав- ляло ощутительную долю разстоянiя между верхуш- ками и вашимъ глазомъ.

Все это можете вы повѣрить на первыхъ двухъ предметахъ неравной высоты, которые попадутся вамъ на глаза въ комнату, на дворъ, въ поле; не то, нарисуйте себѣ на бумагѣ двѣ башни, одну высокую, а другую пониже, и проведите линiю черезъ ихъ вер- хи съ разныхъ точекъ разстоянiя.

Представьте жъ себѣ теперь, что эти верхушки — не верхушки, а два небесныя тѣла, повѣшенные въ пространствѣ вселенной одно за другимъ. Прежде чѣмъ я успѣю развить сравненiе, вы уже мнѣ скаже- те: «Да такимъ образомъ нѣтъ ничего легче, какъ измѣ- рить разстоянiе ихъ отъ нашего глаза! — дайте только

средство перенестись съ одного пункта вселенной в другой, на довольно значительное, известное нам пространство, и взять съ обоихъ пунктовъ перспективные углы высоты этихъ свѣтилъ.» Конечно, что это не хитрое дѣло: вся сила въ томъ, чтобъ съ одного пункта вселенной какъ-нибудь перескочить на другой, довольно отдаленный. И, подумавъ хорошенько, это даже не трудно сдѣлать. Сегодня мы здѣсь, въ одной точкѣ пространства вселенной, — заткнемте жъ поскорѣе въ этомъ мѣстѣ колъ — !, для знака, и возьмемте углы высоты двухъ какихъ-нибудь свѣтилъ неба и тверди. Ровно черезъ полгода очутимся мы, вместе съ нашей Землею, по ту сторону Солнца, почти за 69 милліоновъ верстъ отъ кола !, — что составляетъ поперечникъ годичной орбиты нашего Шара. Здѣсь уже поставимъ мы два кола — !!, какъ передъ деревьями. Перспективное положеніе обоихъ свѣтилъ должно необходимо измѣниться для нашего глаза послѣ этого путешествія; углы ихъ высоты тоже. Такъ ставъ на пунктъ !!, колъ скоро возьмемъ эти углы, дѣло съ концемъ: имѣя въ рукахъ известную линію и да притомъ еще два известные угла, каждый ученикъ исчислитъ разстояніе любого тѣла отъ его глаза.

И дѣйствительно, астрономы исчислили такимъ образомъ разстояніе отъ Земли всѣхъ ближайшихъ къ ней небесныхъ тѣлъ, какъ-то, Солнца, Меркурія, Венеры, Марса и другихъ планетъ солнечной системы. Этотъ знаменитый способъ измѣренія называется у нихъ способомъ паралаксовъ.

Кажется, нѣтъ ни какого препятствія измѣрить и по тому же способу и разстояніе всѣхъ звѣздъ отъ Земли. Но вотъ въ чемъ бѣда: пространство, пройденное нами въ полгода, отъ ! до !!, — пространство почти 69 милліоновъ верстъ, которое изумляетъ насъ своею вѣ-

начию, — это пространство, довольно значительное в сравнении съ разстояніями Солнца и его планетъ къ нашему глазу, и потому доставившее намъ очень хорошіе углы ихъ высоты, ровно ничего не значить относительно къ разстоянію отъ насъ самой ближайшей звезды. Будучи въ пунктъ!, мы взяли ея уголь: въ тѣхъ поръ, шесть мѣсяцевъ сряду неслась мы съ быстротою почти 40 верстъ на секунду, описали огромную дугу, очутились въ пунктъ !!, за 69 милліоновъ верстъ отъ прежняго мѣста, и за всѣмъ тѣмъ, сдѣлали не болѣе одного шагу въ исполинскомъ пространствѣ ірозданія, — быть-можетъ сдѣлали только полшага, или еще менѣе. Звезда не сдвинулась даже съ мѣста, и сколько не перемѣнила своего перспективнаго положенія относительно къ сосѣднимъ звездамъ: она намъ же, гдѣ видѣли мы ее, находясь въ точкѣ !; мы повно не трогались съ мѣста; подобно тому, какъ верхушки деревъ не разлучились и не дали намъ замѣтной разницы въ углахъ высоты, когда отступили мы только на одинъ шагъ назадъ отъ перваго мѣста наблюденія, такъ и здѣсь, несмотря на этотъ страшный переходъ, уголь высоты звезды почти не измѣнился. Лучи зрѣнія, проведенные къ этому свѣтилу изъ двухъ точекъ, ! и !!, удаленныхъ на 69 милліоновъ верстъ, не пересѣкаются; тамъ и здѣсь они образуютъ почти прямые углы съ поперечникомъ земной орбиты, съ линіею, соединяющею точки ! и !! Умъ смущается при мысли о такихъ разстояніяхъ!....

Мы говоримъ — почти, потому что рѣдко случается, чтобъ между углами высоты звезды, вымѣренными на конечностяхъ поперечника земной орбиты, не было какихъ-нибудь разностей, часто неправильныхъ, но прогирающихся до одной, двухъ и даже трехъ секундъ радуса. Эти количества безъ-сомнѣнія очень малы; едва превосходятъ неизбѣжныя погрѣшности наблюдений микроскопическія неисправности инструментовъ:

при всемъ томъ, они чрезвычайно важны. Если бъ, напримѣръ, можно было удостовѣриться, что уголь высоты звѣзды, находящейся недалеко отъ линіи зрѣнія, перпендикулярной къ поперечнику земной орбиты, на одной оконечности этого поперечника дѣйствительно превосходить 3 секундами уголь высоты, взятый на другой его оконечности, то вычисленіе дало бы уже для разстоянія этой звѣзды отъ Земнаго Шара 17 билліоновъ верстѣ.

Если бъ разность двухъ угловъ была только въ 2 секунды, то вышло бъ разстояніе четвертью больше предъидущаго.

Если бъ, наконецъ, можно было удостовѣриться, что два угла высоты дѣйствительно разнятся только на одну секунду, то звѣзда была бы въ 55 билліонахъ верстѣ отъ Земли!

Люди, слышавшіе о точности новѣйшихъ наблюденій, вѣрно удивятся, что мы допускаемъ двухъ или трехъ-секундныхъ погрѣшности въ разностяхъ измѣреній угловъ высоты одного и того же свѣтила. Соглашаемся, что, съ отличными орудіями и съ навыкомъ, можно избѣжать подобныхъ ошибокъ въ многихъ случаяхъ, какъ напримѣръ, въ опредѣленіяхъ планетныхъ поперечниковъ; но наблюденія параллакса совсѣмъ другое дѣло.

Во-первыхъ, эти наблюденія требуютъ инструментовъ значительнаго размѣра: безъ того секунды градуса, то есть $\frac{1}{3000}$ его части, и не видать будетъ на градусникъ. Во-вторыхъ, Земля надо шесть мѣсяцевъ для перехода отъ одной точки ея орбиты къ другой, прямо противоположной, такъ что, если уголь высоты звѣзды вымѣренъ въ первый разъ зимою, вторичное измѣреніе можно предпринять только лѣтомъ, и если весь инструментъ не сохранился точно въ одинакомъ положеніи цѣлые полгода, то наблюденій

нельзя и сравнивать между собою. Еще труднее въ огромномъ и многосложномъ орудіи, избѣгнуть небольшихъ погрѣбовъ и видоизмѣненій, причиняемыхъ въ эти двѣ поры совершенно различными обстоятельствами тепла, холода, и прочая. При всемъ томъ, благодаря искусству художниковъ и терпѣливому прилежанію астрономовъ, дошли мы до того, что можемъ отвѣчать за точность наблюденной черезъ полгода разности угловъ высоты, не полагая больше двухъ или трехъ секундъ для погрѣшности. И этого ужъ много!

Эта величина, въ фокусъ нашихъ зрительныхъ трубъ, является тоньше паутинки. Удивительно ли послѣ того, что обыкновенными способами отчаяваются перейти за этотъ предѣлъ, и уменьшить трехсекундный итогъ неточности!

Однако, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, на которыя мы укажемъ, можно бѣ было измѣрять измѣненія угловъ высоты двойныхъ звездъ, не погрѣшая даже на десятую часть секунды, — что въ тридцать разъ точнѣе прежняго.

Для этого, возвратимся къ замѣчанію, сдѣланному нами впереди объ относительной перемѣнѣ положенія двухъ неравной высоты и различно удаленныхъ предметовъ, — двухъ верхушекъ деревьевъ или чего другаго.

Эта перемѣна совершенно зависитъ отъ одного изъ предметовъ, именно отъ ближайшаго. Въ тѣхъ случаяхъ, когда другой предметъ находится въ такомъ отдаленіи, что промежутокъ между точками! и !!, который проходитъ наблюдатель, весьма незначителенъ въ сравненіи съ разстояніемъ, и что измѣненія угловъ высоты почти неощутительны, перемѣна эта менѣе поражаетъ глазъ, но она можетъ быть важна въ другомъ отношеніи. Всмотрѣвшись внимательно, хотя предметы раздвинулись очень мало, почти неспри-

мѣтно, они однако жъ уже тронулись съ прежней точки своего соединенія; ближайшій началъ уже скользитъ около отдаленнѣйшаго, и тогда этотъ другой предметъ служить какъ-бы центромъ движенію перваго, дѣлается точнѣйшею примѣтою, къ которой можно относить первый, для узнанія и измѣренія, тонкими орудіями, перемѣнъ его высоты: тутъ не нужно ни большаго инструмента, остающагося математически-неизмѣннымъ въ теченіе шести мѣсяцевъ, ни уровня, ни отвѣса; тутъ все у наблюдателя передъ глазами; въ полѣ зрѣнія телескопа, и чтобъ узнать, не послѣдовало ли хоть малѣйшей перемѣны въ положеніи, стѣдуетъ лишь взглянуть на предметы, когда они почти соприкасаются: въ двойныхъ звѣздахъ, скользящихъ одна около другой, величина подобной почти непримѣтной перемѣны очень хорошо измѣряется маленькимъ инструментомъ, извѣстнымъ подъ именемъ микрометра, маломѣра, который, помѣщаясь въ трубѣ, состоитъ просто изъ двухъ натянутыхъ нитей, одной неподвижной, другой движущейся посредствомъ винтика.

Предположивъ, какъ и весьма естественно, что разность въ яркости звѣздъ вообще зависитъ отъ разности отдаленія ихъ отъ Земли, и что звѣзды седьмой, восьмой, девятой величины, гораздо далѣе звѣздъ первой, второй, третьей, мы найдемъ въ небѣ множество двойныхъ звѣздныхъ соединеній, которыя удовлетворяютъ условіямъ нашего замѣчанія. Такъ, каждый любитель, съ помощію сильной зрительной трубы, можетъ трудиться надъ опредѣленіемъ разстоянія звѣздъ отъ Земли съ такою же вѣроятностью успѣха, какъ и записной астрономъ.

Способомъ параллаксомъ опредѣлена до сихъ поръ только та граница, ближе которой нѣтъ звѣздъ. Такъ углы высоты звѣзды β Лебеда показываютъ, что

а свѣтила, составляющія эту двойную, отстоятъ отъ насъ по-крайней-мѣрѣ въ 412 милліоновъ кратъ дальнѣе отъ насъ. Ближе этого имъ быть невозможно; но сколько они далѣе, что еще слѣдовало бы прибавить къ этой нижней границѣ для полученія дѣйствительнаго разстоянія, остается совершенно неизвѣстнымъ. Если бы кто-нибудь вздумалъ утверждать, что истинное разстояніе звѣзды 61 Лебеда во сто милліоновъ кратъ больше этого *минимума*, этого ближайшаго предѣла, выведеннаго изъ способа паралаксовъ, ему нельзя было бы противорѣчить. Въ такомъ положеніи Науки, желательно было бы найти средство къ отысканію также верхняго предѣла дальности, къ опредѣленію *максимума* разстоянія, то есть, послѣдней меты, дальнѣе которой звѣздѣ этой тоже быть невозможно. Рано или поздно, это средство получится, какъ увидимъ въ явленіи двойныхъ звѣздъ.

Круглое или овальное зеркало, вертящееся на двухъ опорахъ, придѣланныхъ по бокамъ обода, можетъ на столько разъ послужить намъ удобнымъ средствомъ къ объясненію. Деревянный его ободъ хорошо изображаетъ орбиту, а стекло — мысленно предполагаемую площадь орбиты. Въ центрѣ стекла представимъ себѣ подвижный шаръ, величиною съ крупное яблоко: это будетъ центральная звѣзда, или большее изъ двухъ свѣтило. Когда орбита, — предположимъ ее совершенно круглою, — которую малое свѣтило двойной купы описываетъ около большаго, видна намъ орбита, то есть, когда плоскость орбиты совсѣмъ отчасти обращена къ Землѣ, какъ зеркало къ нашему глазу, тогда звѣзда-спутница, во все время своего вращенія около центральной звѣзды, находится въ одинаковомъ разстояніи отъ нашей планеты. Этотъ спутникъ, въ силу собственнаго его движенія, перебытываетъ во всѣхъ возможныхъ положеніяхъ на ободѣ круга своего круга; но всякому извѣстно, что всѣ

точки обода, видимого совершенно прямо, лицомъ къ намъ, равно удалены отъ глаза наблюдателя.

Поперегъ этой орбиты, или отъ одной петли обода къ другой, проведемъ горизонтальный поперечникъ, который раздѣлитъ орбиту на двѣ равныя части, верхнюю и нижнюю, и пройдетъ черезъ шаръ, воображаемый нами въ ея центрѣ. На этомъ поперечникѣ, какъ бы на оси, повернемъ плоскость орбиты, наприимѣръ такъ, чтобъ нижняя часть окружности подалась впередъ, то есть, къ наблюдателю, а верхняя назадъ, подобно ободу круглаго зеркала, когда наставляемъ его косвенно къ лицу. Видимая отвѣсно, орбита малой звѣзды была круглая. Въ новомъ косвенномъ ея положеніи она будетъ казаться продолговатою, овальною; но особенно должно замѣтить, что различныя части этой орбиты будутъ уже не въ одинаковомъ разстояніи отъ наблюдателя. Въ полукругѣ, который выдался впередъ, одна точка, именно нижайшая, необходимо прійдется всѣхъ ближе къ Землѣ. Другая, высочайшая, прямо ей противоположная, будетъ всѣхъ дальше. Идучи отъ первой точки ко второй, то есть, отъ нижайшей къ высочайшей, звѣзда-спутница постепенно удаляется отъ наблюдателя; возвращаясь отъ второй къ первой, она приближается. Это двойное обстоятельство, при известной и хорошо опредѣленной скорости лучеваго свѣта, можетъ причинить ощутительную разность между итогомъ времени, употребленнаго звѣздою-спутницею на *дѣйствительное* обтеченіе восходящей и нисходящей половинъ ея орбиты, и итогомъ времени, пздержаннаго ею на *кажуцееся* намъ совершеніе того же пути. Разсмотримъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ осязаемъ мы зрѣніемъ свѣтило, одаренное собственнымъ движеніемъ.

Возьмемъ его въ какомъ-нибудь опредѣленномъ положеніи. Въ этомъ положеніи, оно пускаетъ во всѣ

стороны частицы свѣта, которыя бѣгутъ по прямымъ линіямъ и образуютъ лучи. Одна изъ этихъ частицъ, добѣгая по прямой линіи до нашего глаза, гдѣ бы мы ни находились и когда бы ни наблюдали, своимъ направленіемъ указываютъ намъ на мѣсто, которое занимало свѣтило въ минуту исхожденія этой частицы, въ минуту рожденія луча.

Одинъ изъ этихъ лучей достигъ Земли и нашего глаза. Онъ употребилъ довольно времени, — положимъ, мѣсяць, — для перехода: лучъ свѣта, какъ извѣстно, пробѣгаетъ въ секунду 273,000 верстъ. Въ это время, свѣтило не оставалось же неподвижнымъ: оно теперь ужъ не на прежнемъ мѣстѣ, не тамъ, гдѣ мы, кажется, его видимъ, а ушло далѣе, и лучъ оттуда, гдѣ оно дѣйствительно теперь находится, дойдетъ до насъ только черезъ мѣсяць.

Положимъ теперь, что, удаляясь отъ Земли, по своей наклонной орбитѣ, свѣтило описало дугу известной величины.

Мы видѣли это свѣтило на ближайшей къ намъ оконечности дуги черезъ тридцать дней послѣ того, какъ оно оставило эту точку. Какъ оно удаляется, то уже надобно будетъ *больше* тридцати дней, чтобъ свѣтъ дошелъ къ намъ съ другой дальнѣйшей оконечности дуги. Стало-быть, свѣтило и посѣтитъ эту оконечность и оставить ее *слишкомъ* за тридцать дней до того времени, какъ мы увидимъ его на ней съ Земли. Когда отъ времени появленія намъ звѣзднаго луча, которое *слишкомъ* тридцатью днями позже дѣйствительнаго прибытія звѣзды на другую оконечность дуги, мы отнимемъ время перваго появленія, котораго разница съ дѣйствительностью составляла, по положенію, *ровно* тридцать дней, то разность, выражающая періодъ теченія, выйдетъ больше той, ко-

тору ю бы мы получили изъ сравненія настоящаго времени перехода свѣтила черезъ эти точки, если настоящія времена были намъ извѣстны.

Когда бъ, вмѣсто того, чтобъ вести подвижное свѣтило отъ ближайшей точки къ отдаленнѣйшей, мы повели его обратно, и когда бъ точка перваго наблюденія была далѣе точки втораго, то очевидно, что разность наблюденныхъ прохожденій будетъ тогда больше, а меньше разности настоящихъ прохожденій.

Вообще, если какое-нибудь свѣтило, въ своемъ теченіи, постепенно удаляется отъ Земли, то свѣтоточка, имъ выпускаемые, все позже и позже даю намъ знать объ его перемѣщеніяхъ. Намъ тогда кажется, что для перехода съ мѣста на мѣсто, оно употребляетъ болѣе времени. Все это происходитъ наоборотъ, когда свѣтило приближается къ нашей планетѣ. Это именно случается со звѣздою-спутницею, которая течетъ по орбитѣ, поставленной относительно къ намъ въ наклонномъ положеніи, и выдающейя нижнею частью круга въ нашу сторону. И такъ, говоря математически, звѣздный спутникъ, видимый съ нашей планеты, употребитъ болѣе времени для прошествія восходящей половины своей орбиты, когда онъ постоянно отъ насъ удаляется, нежели для прошествія другой половины, по которой онъ идетъ въ нашу сторону. Теперь покажемъ, какимъ образомъ разстояніе этого звѣзднаго спутника отъ Земли можно будетъ вывести изъ разницы, замѣченной между продолженіями полуоборотовъ восходящаго и нисходящаго, когда скоро эта разница будетъ опредѣлена съ точностью.

Вникнувъ въ дѣло, читатель самъ тотчасъ увидитъ, что кажущееся продолженіе восходящаго полуоборота спутника превосходитъ дѣйствительное его продолженіе именно числомъ лишнихъ дней и часовъ, кото-

Свѣтъ долженъ употреблять на прои́деніе прибавшагося разстоянія этого свѣтила отъ Земли. Не менѣе очевидно, что кажущееся продолженіе нисходящаго полуоборота тѣмъ самымъ числомъ дней и часовъ короче дѣйствительнаго продолженія того же полуоборота, потому что, въ обратномъ своемъ теченіи, спутникъ приближается къ намъ на столько же, на сколько прежде удалялся, и свѣтъ требуетъ столько же времени менѣе, чтобъ достигнуть до насъ, сколько прежде требовалъ болѣе. Наконецъ, ясно и то, что два наблюденные полуоборота разнятся между собою двойнымъ количествомъ времени, употребляемаго свѣтомъ на прохожденія того разстоянія, на какое спутникъ въ одномъ своемъ крайнемъ положеніи былъ дальше отъ Земли, чѣмъ въ другомъ.

Такъ, вычтемъ же, одно изъ другаго, продолженія обоихъ наблюденныхъ полуоборотовъ; возьмемъ половину разности; превратимъ ее въ секунды, полагая 86400 секундъ на сутки; помножимъ число секундъ этой найденной половины разности на 273,000 верстъ, на число верстъ, пробѣгаемыхъ свѣтомъ въ одну секунду, и произведеніе будетъ величина разстоянія въ верстахъ, на какую звѣздный спутникъ удаляется отъ Земли, переходя отъ ближайшей точки своей орбиты къ точкѣ прямо противоположной, то есть, величина поперечника его орбиты.

Положеніе и величина орбиты звѣзднаго спутника — необходимости связаны съ разстояніемъ, на какое онъ удаляется и приближается относительно къ Землѣ въ продолженіе каждаго изъ своихъ оборотовъ. Когда объемъ орбиты извѣстенъ, то легко вычислить, сколько прибавляется къ настоящему разстоянію отъ Земли, и сколько убавляется отъ того жъ разстоянія, при переходѣ свѣтила съ одной главной точки въ другую, туда и обратно. Наоборотъ, отъ величины этихъ

прибавленій и убавленій разстоянія восходитъ къ объему орбиты. Мы показали, какимъ образомъ астрономъ можетъ иногда опредѣлять наблюдениемъ и выразить въ верстахъ измѣненія въ разстояніяхъ звѣзднаго спутника отъ Земли. Послѣ этого онъ безъ затрудненія выразитъ въ верстахъ и большую ось эксцентрической орбиты, которую описываетъ, по-видимому, звѣзда. Наклоненіе, подъ которымъ эта ось представляется нашимъ взорамъ, выводится изъ положенія орбитной плоскости: впрочемъ кажущуюся величину его получаемъ мы и посредствомъ микрометра. Всякой землемѣръ умѣетъ опредѣлить, на сколько онъ верстъ и сажень отъ извѣстнаго основанія, когда ему дано наклоненіе его къ лучу зрѣнія, его длина, и уголъ, подъ которымъ оно видно. Астроному надо будетъ дѣлать же самыя вычисленія, когда времена прохожденій звѣздныхъ спутниковъ черезъ главныя точки орбитъ будутъ обозначены надлежащимъ образомъ. Только ему придется работать надъ гораздо большими числами. Основаніемъ у него будетъ поперечникъ орбиты, описываемой звѣздою: за то онъ и найдетъ небездѣлицу, — разстояніе звѣзды отъ Земнаго Шара!

Теперь каждому понятно, какія открытія, какія блестящія открытія ожидаютъ того, кто усовершитъ способы наблюденія двойныхъ звѣздъ, нынѣ извѣстные, и вычислитъ съ новою точностью продолженіе восходящихъ и нисходящихъ полуоборотовъ звѣздныхъ спутниковъ. Опредѣленіе разстоянія звѣздъ отъ Земли и слѣдственно ихъ толщай будетъ цѣною подобнаго усовершенія.

Перейдемъ теперь къ цвѣту и къ практическимъ пользамъ этихъ составныхъ свѣтилъ.

Встрѣчая въ каталогахъ двойныхъ звѣздъ такое множество соединеній краснаго съ зеленовато-голубымъ

и голубаго съ желтымъ, мы было подумали, что голубой и зеленый оттѣнки малыхъ звѣздъ не имѣютъ дѣйствительнаго существованія, а что это просто оптической обманъ, дѣйствіе противоположности. Можно было бы подкрѣпить это мнѣніе ссылками на весь оптическіе трактаты, гдѣ говорится о цвѣтахъ случайныхъ: известно, что слабый бѣлый свѣтъ кажется зеленымъ, когда приблизишь его къ сильному красному свѣту, и переходитъ въ голубой, когда окружающій его яркій свѣтъ будетъ желтоватъ. Эти соединенія такъ часто попадались въ блестящей и слабой частяхъ двойныхъ звѣздъ, что сближеніе обоихъ феноменовъ казалось совершенно правильнымъ. Однако жъ много было исключеній, и мы думали, что пренебрегать ихъ отнюдь не должно. Маленькая голубая звѣзда часто сопровождала блестящую бѣлую, какъ напримеръ въ звѣздѣ ζ Близнецовъ, въ α Льва, и прочая. Здѣсь нѣтъ краснаго цвѣта, нѣтъ и феномена противоположности. Голубаго оттѣнка малой звѣзды уже нельзя было почитать обманомъ. Стало-быть есть дѣйствительно звѣзды голубаго цвѣта. Это слѣдствіе точно такъ же вытекало изъ наблюденія звѣзды δ Змѣя, потому что, въ этой купѣ, и большая и малая звѣзда, обѣ голубыя. Вотъ почему физическое понятіе о противоположности цвѣтовъ примѣняемъ мы къ вопросу о двойныхъ звѣздахъ съ большою осторожностію.

Правда, что противоположность бываетъ иногда причиною зеленаго или голубаго оттѣнка въ малой звѣздѣ двойничной купы, гдѣ блестящая звѣзда краснаго или желтаго цвѣта; но достаточно самаго простаго опыта для различенія такихъ случаевъ отъ другихъ: стоитъ лишь закрыть главную звѣзду въ трубу ниткою или заслопочкой. Если, во время закрытія большой звѣзды, малая теряетъ свой цвѣтъ, бѣлѣетъ, то зе-

ленный или голубой цвѣтъ, которымъ она казалась покрыта, бывъ наблюдаема вмѣстѣ съ большою, былъ не иное что, какъ оптическій обманъ. Въ противномъ случаѣ нельзя не почестъ этихъ оттѣнковъ настоящими. Но закрытіе большой звѣзды обезцвѣчиваетъ другую только въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Гораздо чаще оно отнюдь на нее не дѣйствуетъ или по-крайней-мѣрѣ не причиняетъ въ ней ни какихъ ощутительныхъ измѣненій.

Существованіе такого множества голубыхъ или зеленыхъ звѣздъ въ двойничныхъ купахъ есть фактъ, тѣмъ болѣе заслуживающій вниманія, что между 60 или 80 тысячами одинокихъ звѣздъ, которыхъ положенія извѣстны по астрономическимъ каталогамъ, пѣтъ, кажется, ни одной, означенной другими цвѣтовыми примѣтами, кромѣ бѣлаго, краснаго и желтаго. Физическія условія голубаго или зеленаго цвѣта встрѣчаются, по-видимому, только въ составныхъ звѣздахъ.

Это явленіе замѣчено еще такъ недавно, что теперь нельзя и ожидать правдоподобнаго объясненія. Время и точнѣйшія наблюденія покажутъ, — эти зеленыя и голубыя звѣздочки не суть ли убывающія солнца, — не обличаютъ ли разные ихъ оттѣнки различныхъ степеней сгоранія, — не зависитъ ли часто примѣчаемый въ малой звѣздѣ избытокъ преломленія отъ поглощательнаго свойства атмосферы, развиваемой дѣйствіемъ той, обыкновенно блистательнѣйшей звѣзды, которую сопровождаетъ малая, и т. д. Въ изученіи феноменовъ, гдѣ, безъ-сомнѣнія, пришлось бы разсматривать взаимное дѣйствіе двухъ неравно свѣтлыхъ солнцевъ, одаренныхъ неизвѣстными намъ физическими свойствами, мы совершенно теряемъ Ариаднину нить аналогій. По-этому легко быть можетъ, что вразсужденіи вопроса о цвѣтѣ звѣздъ роль наблюдателей

олго еще будетъ ограничиваться однимъ собираи-
емъ фактовъ. Удовольствіе подчинить его законамъ
Физики кажется предоставлено нашимъ праправну-
амъ. Но не есть ли это новый поводъ къ усугубле-
ію стараній и ревности? Въ астрономическихъ фе-
оменахъ точность наблюденій часто скрадывала вре-
я. Да если бь послѣ тяжкихъ трудовъ и не осущест-
вилась надежда отыскать что-нибудь общее, такъ
можно утѣшиться воспоминаніемъ, что открытіе од-
ого факта, хорошо высмотрѣннаго, описаннаго, оцѣ-
еннаго, безспорно уже шагъ впередъ для Науки,
жду-твѣмъ какъ остроумныя, увлекательныя, съ об-
имъ восторгомъ принимаемыя умозрѣнія часто не
то иное, какъ шаги назадъ.

Фонтенель, Гейгенсъ, Грегори и другіе описы-
аютъ видъ и движенія всѣхъ свѣтилъ небесныхъ,
къ-бы наблюдаемыхъ съ поверхности Солнца, съ
уны, съ Юпитера и четырехъ его спутниковъ, съ
атурна, окруженнаго дивнымъ кольцомъ, съ кометъ,
писывающихъ самыя продолговатыя орбиты. Люди,
ходящіе удовольствіе въ умозрѣніяхъ такого рода,
сть только перенесутся мыслию на планеты, - кото-
ыми вѣрно окружены составныя звѣзды, такъ сово-
пныя дѣйствія двухъ, трехъ солнцевъ, катящихся
эксцентрическимъ эллипсисамъ, поведутъ ихъ къ
зднѣ занимательныхъ умозаключеній. Дорожа вре-
немъ, мы только укажемъ имъ на двойничныя и
ойничныя купы цвѣтныхъ звѣздъ; на совокупное
и послѣдовательное присутствіе этихъ солнцевъ на
ризонтахъ планетъ ихъ; на разнообразныя смѣше-
я дней бѣлыхъ, красныхъ и зеленыхъ; на тысячи
обопытныхъ оптическихъ явленій, которыя должны
тъ слѣдствіемъ этихъ смѣшеній. Тутъ надолго бу-
тъ пища самому дѣлтельному воображенію!

Распознаваніе двойныхъ звѣздъ служить астрономамъ вѣрнѣйшимъ средствомъ для испытанія качествъ телескоповъ, или большихъ зрительныхъ трубъ. Выгоды этого средства будутъ очевидны, когда припомнимъ основное начало всякой трубы.

Зрительная труба состоитъ изъ двухъ стеколъ. Одно, большое и обращенное къ предмету, называется предметнымъ; другое, маленькое и приставляемое къ глазу, называется глазнымъ. Первое образуетъ въ извѣстномъ большемъ или меньшемъ отдаленіи отъ своей поверхности, которое именуется фокусомъ, призракъ, или подобіе всѣхъ видимыхъ предметовъ. Этотъ-то призракъ, это подобіе увеличивается посредствомъ глазнаго стекла какъ блоха подъ микроскопомъ.

Когда фокусный призракъ чистъ, когда лучи, вышедшіе изъ одной точки предмета соединяются въ образъ его также въ одну точку, тогда наблюденіе, сдѣланное сквозь глазное стекло даетъ весьма удовлетворительныя слѣдствія. Если, напротивъ, лучи, вышедшіе изъ одной точки, не соединяются въ фокусъ въ одну же точку, если они составляютъ въ немъ маленькій кружокъ, образы двухъ смежныхъ точекъ необходимо захватятъ другъ друга, и лучи ихъ смѣшаются: этого смѣшенія глазное стекло исправить не можетъ; оно только увеличиваетъ, и увеличиваетъ все, то есть, и самыя погрѣшности. Слѣдственно, труба, или оба стекла соединенныя вмѣстѣ, не могутъ въ такомъ случаѣ передавать предметовъ ясно и чисто.

Этотъ недостатокъ ясности существуетъ болѣе или менѣе во всякой зрительной трубѣ, смотря по тому, до какой степени художникъ умѣлъ дать обѣимъ сто-

ронамъ предметнаго стекла тотъ правильный изгибъ, который признанъ теоріею за удобнѣйшій, котораго оптикъ безпрестанно домогается, и который всегда остается недостижимымъ. Часто довольно одного взгляда на что бы то ни было, для узнанія, что предметное стекло не хорошо сдѣлано; однако жъ не всегда это бываетъ такъ легко: иногда и самые опытные астрономы затрудняются, которой изъ двухъ трубъ отдать предпочтеніе, если они наблюдали въ нихъ одни большія тѣла, какъ напримѣръ Венеру, Юпитера, Сатурна, Марса. Въ этихъ-то случаяхъ двойныя звѣзды тотчасъ выводятъ изъ недоумѣнія.

Доказано, что звѣзды не имѣютъ примѣтныхъ поперечниковъ: мы видимъ только сильнѣйшій или слабѣйшій блескъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ шаръ звѣзды, но самаго шара, за отдаленностью, уже не видимъ, — онъ далеко исчезъ изъ виду, и не представляетъ намъ ни какого диска, ни поперечника. Открываемые въ звѣздахъ наблюдателями поперечники должно приписывать во-первыхъ несовершенству инструментовъ, во-вторыхъ нѣкоторымъ погрѣшностямъ и заблужденіямъ нашего глаза. Чѣмъ меньше кажется звѣзда при равенствѣ предметныхъ стеколъ, при одинаковости употребляемаго увеличенія и блеска наблюдаемаго свѣтила, тѣмъ труба совершеннѣе. Чтобы узнать, представляются ли точки въ фокусъ простыми жъ точками, лучшее средство — наводить трубу на самую сближенныя звѣзды и примѣчать, смѣшиваются ли ихъ образы, захватываютъ ли они одинъ другаго, или представляются чисто раздѣльными. Вотъ, изъ числа извѣстныхъ намъ двойныхъ звѣздъ, нѣсколько такихъ, которыя отдѣляются только лучшими зрительными трубами, при весьма сильныхъ увеличеніяхъ.

- Звѣзда ζ 6 Андромеды: разстояніе между двумя центрами
равнялось въ 1831 году 0", 7.
- η Coronы: разстояніе между двумя центрами 0", 8,
въ 1830.
- σ Coronы: разстояніе между центрами 1", 8, въ
1830
- ν Coronы: она изъ числа тѣхъ, которыя раздвоятъ
весьма трудно, какъ по чрезвычайной близости
двухъ звѣздъ, такъ и по великой разности въ
ихъ блескъ.
- ϵ Овна: ихъ весьма трудно раздѣлить.
- η Геркулеса: тоже.
- τ Змѣеносца: даже и Дерптскій телескопъ не раздѣляетъ
ихъ нынѣ. Прѣжнія наблюденія показали,
что это двойная звѣзда.

Въ заключеніе, скажемъ нѣсколько словъ объ участіи, какое имѣлъ Разсчетъ Вѣроятностей въ рѣшеніи вопроса о составныхъ звѣздахъ.

Разсчетъ Вѣроятностей обогатилъ Астрономію множествомъ замѣчательныхъ результатовъ. При всемъ томъ, они до-сихъ-поръ не получили заслуженнаго ими мѣста въ учебныхъ руководствахъ. Кажется, боялись повредить истинамъ Науки, которой доказательства основаны на непосредственномъ соображеніи прямыхъ наблюденій, если смѣшаютъ ихъ съ такими заключеніями, которыя, не имѣя равной достовѣрности, тѣмъ не менѣе заслуживаютъ быть приняты въ уваженіе. Вопросъ о составныхъ звѣздахъ считаемъ мы самымъ удобнымъ для убѣжденія наблюдателей, что они поступили бѣ весьма дурно, если пренебрегли указаніями Разчета Вѣроятностей.

Еще въ 1767 году, извѣстный Ученый, Джонъ Мичель, пораженный неравнымъ распределеніемъ звѣздъ на небѣ, изслѣдовалъ, можно ли полагать, что бы это распределеніе было случайно. Онъ взялъ для примѣра созвѣздіе Плеядъ.

Эта купа свѣтилъ состоитъ изъ шести главныхъ звѣздъ, и въ цѣломъ небѣ не болѣе, 1500 такихъ, которыя могли бы сравниться съ ними въ блескъ. Старо-быть, надлежало рѣшить слѣдующую задачу: 1500 звѣздъ брошены какъ ни попало въ небесное пространство, — какаѣ вѣроятности, чтобъ шесть изъ нихъ соединились такъ тѣсно, какъ въ созвѣздіи Плеядъ? Ничелъ получилъ для этой вѣроятности $\frac{1}{500\,000}$ до-во: то есть, можно держать 500,000 противъ одного, что сильнаго сближенія шести звѣздъ не случится. Но какъ это сближеніе существуетъ, несмотря на рѣдкость удачи; то должно полагать, что въ основаніяхъ расчета была какая-нибудь невѣрность. По ближайшемъ разсмотрѣніи мы находимъ въ немъ одну только гипотезу, именно ту, что звѣзды разсыяны въ небѣ какъ ни попало. Предположеніе, котораго вѣроятныя слѣдствія такъ несогласны съ фактами, само дѣлается невѣроятнымъ. Слѣдственно противоположная гипотеза должна заслуживать наше одобреніе. И такъ 6 звѣздъ не случайно соединены въ Плеядахъ; на это была какая-нибудь физическая причина, и стало быть всѣ онѣ въ обоюдной зависимости. Но не то же самое слѣдствіе выведено гораздо позже изъ многотрудныхъ наблюденій надъ двойными звѣздами? Здѣсь, какъ видите, теорія Вѣроятностей опередила наблюденія.

Хотя она день ото дня болѣе распространяется, и также прилагается практически; хотя, съ другой стороны, тѣсная связь, обоюдная зависимость составныхъ частей многихъ двойничныхъ звѣздъ выходитъ изъ прямыхъ, неопровержимыхъ наблюденій, мы не можемъ однако жъ не замѣтить съ Г-мъ Струве, что эта связь, эта зависимость, бывшія плодомъ такихъ тщательныхъ изслѣдованій, для навѣкиныхъ глазъ открылись бы при простомъ обзорѣ таблицы, гдѣ означены двойныя звѣзды всѣхъ порядковъ.

Надо помнить, что четыре Гершелевы порядка не имѣютъ ни какого сношенія съ блескомъ звѣздъ, а касаются только ихъ разстояній. Первый состоитъ изъ всѣхъ двойничныхъ купъ, въ которыхъ между обѣими частями менѣе 4 секундъ разстоянія. Второй заключаетъ промежутки свѣше 4 и ниже 8 секундъ. Третій начинается съ 8, и оканчивается 16 секундами. Наконецъ четвертый простирается до 32 секундъ. Теперь, каждому понятно, что отыскивая, какова въроятность, чтобъ звѣзды, разстоянныя въ небѣ безъ всякаго порядка представились по двѣ вмѣстѣ, мы найдемъ ее тѣмъ менѣе, что двойничныя купы занимаютъ наименѣе пространства. Это точно то же, какъ если бъ вычислять въроятность, упадутъ ли брошенныя на шашечницу зерна по два въ кѣтку: очевидно, что чаяніе удачи должно уменьшиться вмѣстѣ съ размѣромъ кѣтокъ. Въ предложенной задачѣ мѣсто зеренъ заступаютъ звѣзды, мѣсто шашечницы небо, а мѣсто кѣтокъ промежутки Гершелевыхъ порядковъ, отъ 4 до 32 секундъ въ поперечникъ. Если предположить, что всѣ тѣла небесныя совершенно независимы одно отъ другаго, то первому порядку надлежало бъ быть меньше втораго, третьяго и тѣмъ паче четвертаго. Но это совсѣмъ наоборотъ. Стало-быть, простымъ соображеніемъ въроятностей, мы опять приведены къ заключенію, что сближенныя между собою звѣзды не только кажутся такими какъ-бы вслѣдствіе оптическаго или перспективнаго обмана, но что онѣ дѣйствительно образуютъ системы.

Е. Е.

Annuaire du Bureau des longitudes.

БУРЯТЫ.

=

Буряты, подданные Россіи съ начала XVII вѣка, происходятъ отъ поколѣнія Монголовъ. Поселеніе ихъ въ странѣ, нынѣ обитаемой ими, было причиною разсыянія Тунгусовъ, первыхъ ея обладателей. Буряты, вышедши изъ нѣдръ Монголіи, основали жилища свои въ Иркутской и Енисейской губерніяхъ, по границѣ Китайской и на берегахъ главныхъ рѣкъ Байкала и самаго озера. Нижнія части горъ, отдѣляющихъ насъ отъ Монголіи, и начинающихся почти отъ рѣки Енисея, берега Ангары и Тунгуски, вершина Лепы, южный берегъ Байкала, рѣки Селенга, Аргунь и впадающія въ нихъ, суть мѣста нынѣшняго ихъ пребыванія. Большая часть Буряты хлѣбопашцевъ живутъ между Русскими; тѣ, которые занимаются только охотою и скотоводствомъ, обитаютъ въ горахъ, которыхъ почва не удобна къ воздѣлыванію.

Буряты раздѣляются на племена, а каждое племя на роды. Десять или двѣнадцать фамилій составляютъ *хотонъ*, или деревеньку, которой начальникъ именуется *зассуль*, нѣсколько хотоновъ вмѣстѣ, отъ четырехъ до шести, управляются *шуленгою*, избираемымъ самими Бурятами: онъ утверждается Россійскимъ Правительствомъ, также какъ и другіе высшіе начальники, *тайши*, имѣющіе во власти нѣсколько шуленгъ. Всякій тайши есть судія подвластнаго ему рода: онъ наблюдаетъ за исполненіемъ законовъ, употребительныхъ между Бурятами, за исполненіемъ приказаній и правилъ, предписываемыхъ Правительствомъ; наконецъ собираетъ для казны подати. Правительство, для приданія болыпей важности званію тайши и дру-

гихъ начальниковъ , установило для нихъ въ 1766 году особенный знакъ чести, *кортикъ*, то есть, кинжалъ съ Монгольскойю надписью: *Знакъ достоинства шуленги*, (или *тайши*) рода *N.* , *данный въ 1766 году*. Впослѣдствіи пожалованы нѣкоторымъ изъ нихъ офицерскіе чины.

Число Бурятъ простирается до 152,000 душъ , - 72,000 мужчинъ и 80,000 женщинъ и дѣтей.

Буряты исповѣдывали прежде вѣру шаманскую, которой еще и теперь держатся многіе изъ обитающихъ по-сю-сторону Байкала, по Ангарь и Ленъ ; но большая часть ихъ слѣдуютъ закону Будды, Шеккямуни, или Тибетскому, и въ наше время , у разныхъ родовъ, считается до ста пятидесяти Далай-ламскихъ храмовъ, воздвигнутыхъ съ дозволенія Правительства. У Коринскаго рода , въ которомъ эта вѣра болѣе укоренилась , публично предають проклятію шаманское ученіе, тогда какъ у другихъ можно еще видѣть смѣсь мнѣній шаманскихъ съ шеккямунианскими , какъ то почти всегда бываетъ у народовъ, не утвердившихся въ правилахъ новаго вѣрованія.

Система вѣры Будды, или Шеккямуни, которой глава Далай-лама, пребывающій Хлассъ, столицѣ Тибета, замысловатѣе нежели многіе у насъ полагають. Она съ нѣкотораго времени обратила на себя вниманіе ориенталистовъ , и отъ ихъ трудовъ должно ожидать чрезвычайно любопытныхъ открытій для исторіи Восточной Философіи. Въ особенности изысканія Г. академика Шмидта заслуживають обратить на себя вниманіе тѣхъ , которые любятъ слѣдовать за движеніемъ челоувческаго ума въ разныхъ вѣкахъ и странахъ. Какъ ни смѣшна мифологія Буддаизма , но это ученіе весьма примѣчательно между язычниками, и неоспоримо дѣйствуетъ такъ же сильно на смягченіе нра-

вовъ дикарей, на поселеніе въ нихъ кротости и чело-
вѣколюбія, какъ въра Магомета на ожесточеніе сама-
го кроткаго племени и на расположеніе характера къ
кровожадности. Бурятамъ, и другимъ Монгольскимъ
поколѣніямъ, существо Буддаизма почти неизвѣстно:
они знаютъ только его суевѣрные обряды и нелѣпыя
легенды. Не будучи оріенталистами, мы не смѣемъ
пускаться въ изложеніе его многосложной теоріи,
безконечныхъ отвлеченностей, странныхъ догматовъ,
еще страннѣйшихъ обрядовъ, и перейдемъ къ доступ-
нѣйшему для насъ предмету, — шаманству.

Буряты, исповѣдующіе шаманскую вѣру, покло-
няются солнцу, лунѣ, огню, водѣ, горамъ, живот-
нымъ или ихъ изображеніямъ, -- словомъ боготво-
рятъ все, что можетъ вредить или препятствовать
ихъ намѣреніямъ, думая умиловить тѣмъ божества,
которыхъ вліянія они страшатся. Они не имѣютъ хра-
мовъ, и совершаютъ свои жертвоприношенія и обря-
ды въ юртахъ: поводомъ къ нимъ обыкновенно бы-
ваютъ рожденіе, свадьба, болѣзнь или другое подоб-
ное происшествіе.

Жрецы этой секты называются шаманами: мужчи-
ны и женщины безъ различія, пріобрѣтаютъ это зва-
ніе по своей волѣ. Чтобъ сдѣлаться шаманомъ, доста-
точно объявить, что такой-то недавно умершій шаманъ,
явился вамъ во снѣ, и назначаетъ васъ своимъ преем-
никомъ. Желаящій быть шаманомъ, притворяется
нѣсколько времени пзступленнымъ, бросается въ во-
ду и огонь, и т. п. Какъ скоро замѣтятъ его бѣшен-
ство, начинаютъ за нимъ присматривать. Скоро бѣ-
шенный объявляетъ, что дьяволъ назначилъ его въ
жрецы вѣры: тогда приводятъ стараго шамана, и но-
вый адептъ совершаетъ съ нимъ въ продолженіе
трехъ слѣдующихъ вечеровъ множество обрядовъ, со-

провождаемых кривляньями. Старый шаманъ показываетъ ему въ это время жилище демоновъ и божествъ воздушныхъ. Послѣ этого новый адептъ почитается уже посвященнымъ. Онъ не получаетъ ни какихъ наставленій: доказано опытомъ, что воспитанникъ, при воззваніи къ духамъ, не употребляетъ ни словъ, ни обрядовъ своего учителя. Чѣмъ болѣе шаманъ производитъ шума, тѣмъ онъ почтеннѣе, и тѣмъ способнѣйшимъ считаютъ его къ сношенію съ дьяволомъ. Многіе изъ нихъ знаютъ разныя хитрости и фиглярства, и приводятъ въ удивленіе суевѣрныхъ соплеменниковъ: на примѣръ, они дѣлаютъ себѣ раны, перерезываютъ горло, вонзаютъ ножъ въ брюхо, или глотаютъ его, и ножъ пропадаетъ; потомъ находятъ его въ рукавъ или въ обуви, какъ-будто бы онъ вышелъ черезъ руку или ногу; раны, дѣлаемыя себѣ, они на мгновеніе закрываютъ ладонью, и раны исцѣляются. Всѣ эти фиглярства и много другихъ приписываются зрителями сверхъ-естественному могуществу духовъ.

Когда Буряты сдѣлается боленъ, онъ призываетъ шамана. Первый обрядъ при этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, что жрецъ привязываетъ къ пруту пукъ конскихъ волосъ, и дѣлаетъ съ нимъ множество кривляній надъ больнымъ; потомъ цѣлуетъ его для того, чтобы злый духъ, обитающій въ тѣлѣ пациента, перешелъ въ лекаря; потомъ духи объявляютъ черезъ него, какого они рода, зачѣмъ посланы къ больному, и за что причиняютъ ему болѣзнь; немного спустя, они смягчаются молитвами его и родственниковъ; наконецъ соглашаются принять, вмѣсто человека, жертву, животное опредѣленнаго цвѣта. Если больной или его родственники не имѣютъ скотины такой шерсти, они отыскиваютъ ее въ другомъ улусѣ, представляютъ хозяину другое животное въ замѣнъ, и тотъ обязанъ взять его безъ всякаго прибавочнаго вознагражденія.

Когда жертва приведена, шаманъ надѣваетъ церемоніальную одежду, начинаетъ свои кривлянья, и, поцѣловавъ больнаго еще разъ, обращается къ животному: если оно опять не такое, какого онъ желалъ, то требуетъ третьяго, и ему обязаны перемѣнять жертву до того, пока не представятъ совершенно согласной съ его предписаніемъ. Тутъ онъ хватается за животное, кричитъ и цѣлуетъ его, чтобы тѣмъ перевести демоновъ отъ себя въ его тѣло. Шаманы, кажется, знаютъ тайну, какъ поступать съ животными, потому что жертва сопротивляется до того только времени, пока онъ къ ней не приблизится, — а тамъ вдругъ становится покойною, какъ-бы пораженная сверхъестественнымъ могуществомъ. На другой день ее приводятъ на мѣсто, назначенное для жертвоприношенія, которое совершается на подмосткахъ, нарочно для того устроенныхъ; животное убиваютъ и вѣшаютъ кожу на дерево, головою къ той сторонѣ, въ которой предполагается жилище демоновъ; мясо тутъ же съѣдаютъ, не позволяя уносить въ дома, а кости тщательно связываютъ вмѣстѣ и вѣшаютъ на томъ же деревѣ, гдѣ кожа, но какъ-можно выше ея. Всѣ, вкушавшіе мясо жертвы, увѣряютъ, что оно отвратительно: можетъ-быть, это обстоятельство существуетъ только въ воображеніи суевѣрныхъ Бурятъ, не то шаманы безъ-сомнѣнія даютъ животному какого нибудь состава, который производитъ въ немъ судороги, уныніе и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ причиною непріятнаго вкуса. По окончаніи жертвоприношенія, шаманъ дѣлаетъ другой обрядъ, имѣющій цѣлю обратить духъ жертвы въ демона, которому онъ принадлежитъ: это продолжается каждый день до выздоровленія больнаго, который нерѣдко умираетъ. Если больной выздоровѣетъ, шаманъ получаетъ плату, которая никогда не бываетъ менѣе пяти рублей; въ противномъ случаѣ ему не даютъ ничего.

Но не однѣ настоящія болѣзни подають поводъ къ жертвоприношеніямъ: если шаманъ только предскажетъ болѣзнь или несчастіе, то и этого достаточно къ принятію предварительной мѣры для умиловленія демоновъ; передъ охотою, она даже необходима. Жертвы приносятся не однимъ демонамъ, но и душамъ умершихъ шамановъ или шаманокъ, пріобрѣтшихъ демонское могущество. Для этого случая избираются не одни животныя, но и другіе предметы пищи; также мѣха, которые остаются въ юртъ дѣлающаго жертвоприношеніе неприкосновенными до его смерти, и выносятся только для похороненія вмѣстѣ съ нимъ.

Вотъ обрядъ призыванія духовъ, котораго самъ я былъ свидѣтелемъ.

Шаманъ, сѣвши въ юртъ наземь, началъ импровизировать заклинаніе, сопровождая его ударами въ свой бубенъ, сначала рѣдкими, потомъ скорѣйшими и сильнѣйшими, по мѣрѣ того, какъ самъ онъ одушевлялся; — это производило страшное дѣйствіе на зрителей: казалось, онъ былъ такъ проникнутъ духомъ, котораго призывалъ, что нужно было силою извлечь его изъ этого состоянія. Онъ поворачивалъ голову въ разныя стороны, наклоняя ее къ землѣ, какъ-бы для совѣщанія съ духами, и движенія его, истинно удивительныя, показывали безпокойство и ужасъ въ высшей степени. Наконецъ онъ всталъ, бросилъ свой бубенъ и началъ испускать пронзительныя стоны, ударяя въ низъ брюха обручемъ бубна; кричалъ присутствующимъ, что всѣ подземные духи вошли въ него, что они сожигаютъ, пожираютъ его, и съ ревомъ требовалъ огня, чтобъ ихъ удовольствовать, умиловить. Присутствующіе торопливо принесли ему пукъ зажженныхъ спичекъ, которыя онъ положилъ въ ротъ.

Онъ продолжалъ кривлянья и крики, сисясь упасть наземь, тогда какъ присутствующіе старались удержать его отъ этого за желѣзныя кольца, привѣшенныя къ его платю: по мнѣнію ихъ, допустить его упасть было бы дурнымъ предзнаменованіемъ, и они употребляли всѣ средства, чтобъ поставить его на ноги. Немного успокоившись, шаманъ началъ ходить кругомъ по комнатѣ отъ лѣвой стороны къ правой, пророчествовалъ, и, по обыкновенію, пришелъ въ себя. Для доказанія своего могущества, онъ дѣлаетъ тогда фиглярства, которыхъ успѣху способствуетъ самая темнота юрты: тотъ, котораго я видѣлъ, казалось, мучимъ былъ сильною тошнотою, и изрыгнувъ изо рта медвѣжью лапу. Наконецъ ему подають трубку, и ежели она курится скоро и хорошо, это предзнаменованіе почитается счастливымъ, и церемонія оканчивается еще нѣсколькими импровизаціями.

Въ счисленіи времени Буряты слѣдуютъ календарю Китайско-Монгольскому, основанному на двѣнадцати-лѣтнихъ циклахъ, или періодахъ, и тринадцати лунныхъ мѣсяцахъ. Каждый годъ этого цикла носить, какъ извѣстно, названіе одного изъ животныхъ. Но у нихъ вовсе нѣтъ цедѣль. Тринадцати своимъ мѣсяцамъ они даютъ названія, довольно хорошо соотвѣтствующія свойству времени года: такъ на примѣръ, первый мѣсяцъ года, начинающагося послѣ осенняго равноденствія, называется *бѣлымъ мѣсяцемъ*, но причинъ выпадающаго тогда перваго снѣга; Іюнь *мѣсяцемъ травъ*, потому что только въ это время трава достигаетъ той величины, что можетъ служить для пищи скоту; наконецъ Августъ *молочною луною*: это эпоха, въ которую они доятъ коровъ и кобылицъ для приготовленія кумыса.

Буряты вообще не большіе ариѣметисты: они ведутъ счетъ только до десяти, а дальѣ прибавляютъ де-

сятки и единицы. Такъ, число 135 выражается у нихъ — десять десятковъ, и три десятка, и пять.

Хотя, по своей многочисленности и степени образованности, они могли бы быть помѣщены въ число главныхъ народовъ Сибири; но еще очень немногіе изъ нихъ ведутъ осѣдлую жизнь, и нельзя надѣяться, чтобъ они скоро оставили свои кочевья. Причины, заставляющія ихъ вести бродячую жизнь, не легко могутъ быть уничтожены.

Въ самомъ дѣлѣ, Буряты, какъ всѣ кочевые народы, чувствуютъ нужду удовлетворенія только первыхъ потребностей жизни; а для этого они будутъ пользоваться предстоящими средствами до того времени, пока необходимость не принудитъ ихъ прибѣгнуть къ другимъ.

Пока земля будетъ общею собственностію, пока обширные лѣса будутъ доставлять изобильную охоту, пока стада будутъ находить достаточную пищу, до тѣхъ поръ они, вмѣсто домовъ, будутъ имѣть войлочные юрты, чтобъ переносить ихъ туда, гдѣ имъ привольнѣе, гдѣ мѣсто удобнѣе для прокормленія стада или для охоты. Но когда имущество ихъ умножится, когда стада сдѣлаются слишкомъ многочисленны для равнинъ, которыя ихъ питаютъ; тогда бѣднѣйшіе станутъ искать новыхъ средствъ къ существованію, земледѣліе перемѣнитъ ихъ юрты на дома, и, Буряты, сдѣлавшись осѣдлыми, не будутъ различаться отъ Русскихъ крестьянъ ни чертами лица, ни вѣрою. До того времени ничто не заставитъ ихъ принять Христианство.

Правительство водворило уже земледѣліе у нѣкоторыхъ племенъ Бурятскихъ, особенно по ту сторону

Байкала. Тамъ Буряты строятъ уже деревянные юрты, въ которыхъ живутъ зимою и лѣтомъ, и которыя не могутъ быть переносимы какъ войлочные. Онѣ безъ оконъ, только съ отверстіемъ на крышѣ, служащимъ вѣсть и трубою.

Избирая мѣста для своего обитанія Бурятскія племена обращаютъ вниманіе единственно на удобства ихъ для охоты или для пастбищъ. Рыбною ловлею они занимаются только по необходимости, то есть, когда уже нѣтъ другихъ средствъ къ существованію.

Буряты совершенные пастухи, и обладаютъ многочисленными стадами лошадей, верблюдовъ и рогатаго скота всякаго рода. У живущихъ по сю сторону Байкала считается достаточнымъ тотъ, кто имѣетъ въ своемъ владѣніи сто скотинъ, а кто можетъ представить ихъ пятьсотъ, тотъ уже очень богатъ; но у за-Байкальскихъ есть хозяева, имѣющіе не сотни, а тысячи скотинъ; у нѣкоторыхъ бываетъ до тысячи верблюдовъ, до четырехъ тысячъ лошадей, отъ двухъ до трехъ тысячъ быковъ, отъ восьми до девяти тысячъ овецъ и нѣсколько сотъ козъ. Однако жъ богачи не знаютъ настоящаго количества своихъ стадъ, сколько потому, что стада почти каждый день умножаются лѣтомъ и уменьшаются зимою, столько и потому, что предразсудокъ, будто-бы счетъ скоту приноситъ ему несчастье, запрещаетъ Бурятамъ приводить его въ извѣстность.

Brevis comptées, le loup les mange, говоритъ Французская пословица. Для нѣкоторыхъ этнографовъ и историковъ это удивительное сходство въ мнѣніяхъ могло бы служить явнымъ доказательствомъ, что Французы вышли изъ Бурятскихъ степей, по крайней мѣ-

рѣ около того времени, какъ Нѣмцы вышли изъ Индіи.

Буряты, какъ и другіе Сибирскіе народы, не запасаютъ на зиму сѣна: стада принуждены отыскивать пищу подъ снѣгомъ, что часто дѣлается для нихъ пагубнымъ въ концѣ зимы, когда, послѣ нѣсколькихъ дней оттепели, наступятъ довольно сильныя морозы и снѣгъ покроется льдомъ.

Главныя черты характера Бурятъ — кротость и послушаніе: изъ всѣхъ народовъ Сибири ими налегче управлять.

Отъ природы лѣнивые и потому неопрятныя, они очень склонны къ удовольствіямъ любви. Ихъ умственныя способности слабы. Хотя склонныя къ воровству, они однако жъ легко покоряются убѣжденію, и признаются въ своихъ поступкахъ, сколько по ограниченности ума и робости, столько можетъ-быть и по причинѣ правоты сердца, замѣчательной и въ другихъ обстоятельствахъ: напримѣръ, ежели вамъ удастся заставить Бурята понять или думать, что такое — то дѣйствіе есть обязанность, онъ, не избѣгая этой обязанности, истинной или только вымышленной, будетъ исполнять ее ревностно. Эта черта характера Бурятъ замѣчается и въ городахъ, гдѣ многіе изъ нихъ служатъ кучерами или работниками: всѣ тѣ, которыхъ мнѣ случалось видѣть, не только точны въ выполненіи своихъ должностей, но и гораздо вѣрнѣе другихъ служителей.

Буряты очень снисходительны и, если не сдѣлаешь имъ зла, они никогда не начнутъ ссоры первыя. Въ ссорахъ, возникающихъ между ними, они легко со-

знаются въ винѣ, и, вообще, лучше любить уступить, нежели спорить.

Послѣ этого, почти не нужно присовокуплять, что они весьма почтительны къ начальникамъ, и услужливы гостямъ и друзьямъ. Любопытство — ихъ характеристическая слабость: они жадны до новостей, и всякой разъ, какъ встрѣчаютъ путешественника, дѣлаютъ ему много вопросовъ; если услышать отъ него что-нибудь занимательное, то новость съ невѣроятною скоростію достигаетъ до самыхъ отдаленныхъ улусовъ.

Они имѣютъ въ своемъ характерѣ еще одну замѣчательную черту, общую почти всемъ Азіятскимъ народамъ, — это трудность перенять что-нибудь новое, и медленность въ подражаніи чужимъ обычаямъ; но ежели они примутъ что однажды, ежели предпочтутъ какое обыкновеніе своему, или примутъ новую вѣтвь промышленности, то ни какое другое племя не придерживается этого нововведенія такъ постоянно и такъ точно, какъ Буряты. Они питаютъ чрезвычайное почтеніе къ Русскому Государю, и всѣ Его велѣнія исполняютъ вѣрно.

Буряты могутъ имѣть столько женъ, сколько въ состояніи прокормить. До смерти мужа, между женами нѣтъ ни какого различія; но по его кончинѣ тѣ, которыя родили отъ него дѣтей, управляютъ его семействомъ и другими вдовами. Однако жъ многоженство у Бурятъ очень рѣдко, можетъ-быть по легкости разводовъ, или потому, что они очень чувствительны въ любви, которая не терпитъ подраздѣлений. Вотъ обряды ихъ сговоровъ и свадебъ.

Когда Буряты найдутъ приличную для себя дѣвушку, онъ обращается съ требованіемъ къ отцу ея, ко-

торый назначаетъ *калымъ*, то есть, цѣну, которую молодой человекъ долженъ заплатить за свою невесту. Какъ скоро *калымъ* заплаченъ, отецъ приготовляетъ своей дочери приданое, равняющееся по крайней мѣрѣ половинѣ *калыма*; потомъ съ той и другой стороны дѣлаются подарки, почти одинаковой цѣны.

Въ день, назначенный для свадьбы, невесту приводятъ подъ покрываломъ въ юрту отца жениха ея; она кланяется ему и другимъ будущимъ родственникамъ, по старшинству ихъ; потомъ проводятъ ее въ новую нарочно приготовленную юрту, куда мужъ приходитъ, раскланявшись уже съ свадебными гостями. При свадьбѣ не бываетъ ни какихъ религіозныхъ обрядовъ; однако жъ надобно замѣтить, что молодые не спятъ вмѣстѣ до рѣшительнаго дня ихъ соединенія, и что это почитается у Бурятъ постыднымъ, тогда какъ у другихъ Сибирскихъ племенъ въ обыкновеніи. Богатые празднуютъ свои свадьбы нѣскольکو дней.

Одна изъ причинъ частыхъ разводовъ у Бурятъ — неравенство лѣтъ между супругами. Въ самомъ дѣлѣ, богатые Буряты и тѣ, кои хотятъ ознаменовать свою дружбу, часто женятъ дѣтей въ юномъ возрастѣ; случается даже, что одинъ изъ супруговъ еще не рожденъ, какъ уже его обручили; мальчиковъ восьми и десяти лѣтъ соединяютъ бракомъ съ дѣвцами отъ двадцати до тридцати лѣтъ, и жена дѣлается старухой, когда мужъ едва выходитъ изъ юношескаго возраста: тутъ онъ по необходимости женится на другой, разведясь съ первой. Но если Буряты имѣютъ отъ первой жены дѣтей, то очень рѣдко ищутъ другой; иногда берутъ другую жену, не отпуская первой, бесплодной и старой, только для того, чтобы застраховаться дѣтьми, и въ такомъ случаѣ уже не умно-

жають числа своихъ сожительницъ. Обыкновеніе женить малютокъ происходитъ отъ страннаго самолюбія отцевъ, которые тѣмъ хотятъ доказать, что въ состояніи переженить всѣхъ дѣтей своихъ и дать имъ приличное приданое. Они стараются дѣлать это какъ можно скорѣе, чтобъ не умереть, не исполнивши предначертанной себѣ обязанности.

Если жена подала причину къ разводу, мужъ оставляетъ приданое у себя, и отсылаетъ ее къ родственникамъ съ лошадыю и сѣдломъ, которыя ей служили въ дни свадьбы; если же, напротивъ, она не подала ни какой вины, то, отпуская жену, онъ долженъ отослать и приданое.

Свадебные праздники сопровождаются играми и танцами. Любимая игра мужчинъ — бѣгъ на лошадахъ, — упражненіе, къ которому они побуждаются употребленіемъ кумыса и особенно водки, называемой *тарасунъ*, и перегоняемой изъ квашенаго кобыльаго молока.

Рожденіе дѣтей не представляетъ ничего особеннаго и не даетъ повода ни къ какому обряду.

Они вообще, и особенно тѣ изъ нихъ, которые исповѣдуютъ шаманскую вѣру, весьма боятся мертвыхъ, и никогда не смѣютъ провести при нихъ ночь, воображая что мертвый окруженъ злыми духами. Они стараются похоронить его какъ-можно скорѣе, положивъ въ гробъ его лучшее платье, домашнюю посуду и оружіе, необходимое, по ихъ мнѣнію, въ другомъ мірѣ. Друзья умершаго приносятъ на могилъ его въ жертву лучшую лошадь покойнаго, и хоронятъ ее вмѣстѣ съ нимъ. Приверженные къ шаманству кладутъ покойниковъ просто на землю, и

покрываютъ камнями и пескомъ; послѣдователи вѣры Будды роютъ для нихъ ямы.

Буряты подвержены весьма немногимъ болѣзнямъ, однако желчныя горячки не разъ дѣлали между ними страшныя опустошенія; ихъ чрезмѣрная неопрятность, — они никогда не моются, сообщаетъ имъ иногда проказу; любострастныя болѣзни вѣроятно извѣстны имъ только со времени сношенія ихъ съ Европейцами. Жрецы въ то же время и врачи Бурятъ, съ тою только разницею, что шаманы при леченіи не употребляютъ ничего, кромѣ кривлянья и суевѣрныхъ обрядовъ, тогда какъ ламы, священники Шеккямунианской секты имѣютъ существенныя познанія въ Медицинѣ, и ежели иногда присовокупляютъ къ нимъ богослужебные обряды, то для того только, чтобы придать болѣе цѣны своему могуществу, и вѣрнѣе дѣйствовать на нравъ больного, когда лекарства уменьшаютъ его тѣлесныя силы.

Многочисленныя стада, охота и самая рыбная ловля, доставляютъ имъ разнообразную и изобильную пищу; рыбу употребляютъ они только по необходимости, и предпочитаютъ ей мясо четвероногихъ и разныхъ птицъ, кромѣ хищныхъ; любятъ также медвѣдину и особенно мозгъ животныхъ, который ѣдятъ сырой и еще теплый; запасаютъ говядину сухую и копченую; но не умѣютъ ничѣмъ приправлять ее, жарятъ безъ масла и соли, или варятъ въ одной чистой водѣ и пьютъ бульонъ деревянными чашками. Пряные корни приготовляютъ они различнымъ образомъ, въ бульонѣ, или въ хлѣбныхъ лепешкахъ, но всегда безъ соли, которой употребленіе знаютъ развѣ одни живущіе около городовъ; нѣкоторые, вмѣсто корней, лакомятся растеніями, отнятыми въ норахъ у звѣрковъ, которыхъ множество въ Сибири.

Кромѣ кумыса и перегоняемой изъ него водки *таунунь*, у Бурятъ въ большомъ употребленіи кирпичный чай, самый худой родъ чаю, приготовляемый посредствомъ пресса въ видѣ кирпичей, которые нерѣдкѣ замѣняютъ монету. При недостаткѣ настоящаго, другія ароматическія травы и листья нѣкоторыхъ кустарниковъ заступаютъ его мѣсто. Чай варятъ въ горшкѣ или котлѣ непокрытомъ, и прибавляютъ къ нему одну или двѣ горсти сѣрно-кислой соли, которая почти вездѣ есть въ Сибири, молока, масла, иногда муки, жареной въ маслѣ, отъ чего напитокъ дѣлается гуще и питательнѣе, и называется *затуранъ*: это во многихъ случаяхъ единственная пища, даже въ лѣтнее время. Хлѣба они не пекутъ и не употребляютъ; за то, очень пристрастны къ табаку и курятъ его изъ маленькихъ трубокъ какъ тайцы, примѣшивая къ листьямъ растенія древесной коры: женщины и даже дѣти забавляются трубкою; многіе уже начинаютъ нюхать.

Мужчины, имѣютъ обыкновеніе брить головы какъ тайцы и Калмыки, оставляя на темени одинъ пучокъ волосъ, заплетенныхъ въ косу. Тѣ, которыхъ борода длинная, часть ея вырываютъ изъ щегольства. Женщины заплетутъ изъ волосъ своихъ двѣ косы, распущенныя по груди; чтобъ сдѣлать ихъ толще, часто приплетаютъ конскихъ волосъ такого же цвѣта. Дѣвушки, вмѣсто двухъ большихъ косъ, заплетаютъ множество мелкихъ, висящихъ вокругъ головы.

Рубашки имъ не извѣстны. Подобно Тунгузцамъ, буряты носятъ они очень маленькое нижнее платье, широкую шапку, широкіе панталоны, какъ у нашихъ матросовъ, и обертываютъ ноги войлокомъ или мѣхомъ, на горный падѣваютъ еще длинную обувь, перевязываемую отъ лодыжки до колѣна, и похожую на длин-

ный мѣховой чулокъ; лѣтняя ихъ обувь того же вида, но безъ войлока и мѣха. Мѣсто рубашки застываетъ иногда нанковое полукафтанье, скрывающееся подъ длиннымъ мѣховымъ кафтаномъ, покрытымъ у богатыхъ шелковыми матеріями или сукномъ съ опушкою изъ дорогихъ мѣховъ: но это уже роскошь, которой бѣдные не знаютъ. Для поклажи трубки, огнива, мѣшечка съ табакомъ, ножа, служитъ имъ поясъ, бѣльшею частію украшенный различными металлическими штучками. Лѣтомъ Буряты не покрываютъ головъ, или покрываютъ ихъ маленькими шапками изъ краснаго сукна, наподобіе скуфей: онѣ вышиты шнурками, съ шишечкою наверху. Зимнія ихъ шапки — мѣховыя, такія же, какъ у Тунгузовъ. Обыкновенный нарядъ женщинъ ничѣмъ не разнится отъ мужскаго; праздничный отличается не многимъ. Кромѣ серегъ и ожерелья, Бурятки носятъ шелковый поясъ, надѣваемый иногда какъ шарфъ; поверхъ кафтана, который всегда гораздо длиннѣе мужскаго, онѣ еще надѣваютъ очень короткую епанчу, похожую на полукафтанья Русскихъ женщинъ. Дѣвицы украшаютъ свои косы кораллами и серебряными монетами, и вообще Буряты обоихъ половъ любятъ обвѣшивать себя кораллами, бляшками и цвѣтнымъ биссеромъ.

Должно однако жъ замѣтить, что тѣ, которые приняли Христіанскую вѣру, одѣваются и носятъ волосы какъ наши крестьяне.

Оружіе ихъ состоитъ изъ лука и стрѣль, которыя они дѣлаютъ сами. Съ нѣкотораго однако жъ времени они выучились употреблять и огнестрѣльное оружіе, особенно на охотѣ.

Буряты дѣлаютъ почти всѣ свои вещи сами, исключая шелковыхъ матерій, получаемыхъ изъ Китая, ру-

жей и пороху, которые получают они отъ Русскихъ. Главная ихъ промышленность состоитъ въ дѣланіи ножей, стрѣлъ и огнивъ, которыя у нихъ превосходны. Они искусно кладутъ серебряную насѣчку разныхъ узоровъ на всѣ желѣзныя и мѣдныя вещи, ими же выдѣлываемыя, и которымъ даютъ прекрасный блескъ посредствомъ жернова, служащаго для точенія ножей и стрѣлъ.

Торговля ихъ ограничивается почти однимъ рогаатымъ скотомъ и лошадьми: только съ недавняго времени стали они продавать въ городахъ добычу своихъ охотъ и хлѣбъ, собираемый съ собственныхъ полей.

Клятвы ихъ достойны примѣчанія. Исповѣдующіе шаманскую вѣру, весьма почитаютъ одну скалу, находящуюся на островѣ Ольхонѣ, въ Байкалѣ, и Буряты, приведенный къ этой скалѣ, не осмѣлятся утверждать лжи изъ боязни быть подавленнымъ ею: ему довольно присягнуть предъ этимъ утесомъ, чтобъ доказать справедливость своего иска. Это самая страшная клятва, какою только можетъ дать Буряты.

Ихъ гостепріимство и человѣколюбіе сдѣлали бы честь всякому образованному народу. Буряты, далекіе отъ того, чтобъ почитать бѣдныхъ какъ-бы оставленными Богомъ, всегда подаютъ помощь путешественнику, и доставляютъ разорившемуся средства къ поправленію его состоянія, стадъ, юрты, оружія. Гостепріимство ихъ носитъ еще отпечатокъ первыхъ временъ. Когда путешественникъ, землякъ или иностранецъ, остановится въ ихъ улусѣ, всякой считаетъ за великую честь принять его и заколотъ барана для угощенія: богатые убиваютъ даже многихъ барановъ, и приглашаютъ сосѣдей участвовать въ ихъ пирше-

ствъ. Обыкновеніе требуетъ, поставивъ предъ гостемъ барана, жаренаго или варенаго, представить ему на блюде вареную баранью голову: блюдо помѣщается такъ, чтобъ морда была обращена къ гостю, и если онъ знаетъ обхожденіе и хочетъ сдѣлать удовольствіе хозяину, долженъ взять блюдо, оборотить голову по солнцу, вырѣзать со лба треугольный кусокъ кожи, и бросить его въ огонь. Это родъ жертвы. Потомъ онъ кушаетъ часть, отрѣзанную позади уха и со щекъ, возвращаетъ блюдо тому, кто его поставилъ, и отдаетъ честь говядинѣ, раздѣляя ее всѣмъ, кто находится въ юртѣ. Принимая гостя, Буряты всегда дѣлаютъ ему подарокъ по своему состоянію, хотя бы онъ прежде вовсе не зналъ его, и, при отъѣздѣ, отъ чистаго сердца желаетъ ему благополучнаго пути, всякаго возможнаго счастья, и прочая. Онъ провожаетъ его самъ, или посылаетъ проводить до ближняго улуса, гдѣ передаетъ его своимъ родственникамъ и друзьямъ.

У Буряты существуетъ рѣдкое въ свѣтъ правило: они никогда не цѣлуютъ ни своихъ женъ, ни дѣтей, ни родственниковъ, ни друзей: знакъ любви состоитъ въ оказываніи другъ другу ласкъ и угожденій, и въ обняхиваніи. Измѣническій поцѣлуй есть изобрѣтеніе, котораго они еще не знаютъ. Счастливые Буряты!

Ю. ДЖУЛИЯНИ.

ФИЛОСОФІЯ

ФИЛОСОФИЧЕСКАЯ КРИТИКА Г. КУЗЕНА.

=

Со времени возрожденія Наукъ; умозрительная Философія обязана была своими успѣхами преимущественно пародамъ Германскаго происхожденія. Правда, что и Франція отличилась по этой части, какъ и по всѣмъ другимъ. Она произвела остроумныхъ и глубокомысленныхъ метафизиковъ; но не можетъ похвалиться ни одною собственною независимою системою, кромѣ Декартовой. Разныя ученія, господствовавшія въ ней послѣ этого, всѣ пересажены съ ужою почвы. Такимъ образомъ, Кондильякъ почерпнулъ свое вдохновеніе въ трудахъ Локка; Философію ощущения, основанную на недостаточномъ понятіи мыслей великаго Англійскаго учителя, передалъ онъ энциклопедистамъ, и посредствомъ этого могущественнаго органа мнѣній прочно утвердилъ ее во Франціи. Гораздо позже, Г. Ройе-Колларъ ввелъ и преподавалъ съ успѣхомъ въ Нормальномъ Училищѣ Философію Рида и Стюарта, а въ наше время Г. Кузенъ пріобрѣлъ большую извѣстность въ качествѣ главы новой школы, которая также иностраннаго происхожденія.

Этотъ отличный писатель выдаетъ систему свою за безпристрастный, всеобъемлющій эклектизмъ; но самъ его получилъ главное побужденіе и направленіе отъ философскихъ системъ Германіи, особенно отъ Шеллинговой и Гегелевой. Заслуга его въ томъ, что онъ сдѣлалъ понятными и общедоступными во Франціи эти *obscura reperta*, мрачные затворы двухъ глу-

бокихъ и восторженныхъ мыслителей, изложивъ ихъ соответственно своему ясному и блестящему разумѣнію. Публичныя его лекціи приняты были съ особенною и заслуженною благосклонностію, и чрезвычайно способствовали къ оживленію общаго участія въ области метафизическихъ изслѣдованій. Одаренный богатымъ и убѣдительнымъ краснорѣчіемъ, Г. Кузенъ умѣлъ одушевить отвлеченность жаромъ и роскошью слова, не жертвуя притомъ существенными качествами метода и логическаго порядка. Впрочемъ, идеологическая Философія сама по себѣ дѣйствуетъ на глубокія и благороднѣйшія чувствованія нашей природы гораздо сильнѣе Философіи ощущенія, и если бѣ пришлось держаться которой-нибудь исключительно, то система идеалистовъ скорѣе влекла бѣ насъ на свою сторону торжественными помятіями своими о совершенствѣ человѣческомъ, и высшими надеждами и чаяніями, которыя она старается внушить, воспламенить и поддерживать. Переводчикъ Платона и личный другъ Гегеля не могъ не питаться чувствомъ сильнаго пристрастія къ тѣмъ выпревшимъ умозрѣніямъ, которыя показались ему способнѣйшими питать благіе помыслы, возвышать нравственную разборчивость и навѣвать на прозу жизни высокою поэзіею думъ и сердца, нежели Философія, исключительно обращающаяся къ холоднымъ правиламъ практическаго разсудка.

Важнѣйшія изъ оригинальныхъ произведеній Г. Кузена суть «Курсъ» его лекцій объ исторіи Философіи и «Философическіе Отрывки». Первый изданъ въ томъ самомъ видѣ, какъ первоначально былъ читанъ, и потому непривлечливая критика должна щадить избытокъ украшеній и повтореніе доводовъ, необходимые въ подобныхъ случаяхъ, уступая что-нибудь обольстительному званію публичнаго препода-

те. я; разсуждающаго въ присутствіи многочислен-
ныхъ и жадныхъ блеска собраній. Подстрекаемый
квалитною жаждою рукоплесканій, и доведенный до
сочайшей степени умственнаго возбужденія при-
мальнымъ вниманіемъ и явнымъ сочувствіемъ мно-
ства слушателей, преподаватель по всей справе-
ливости можетъ требовать большаго опусхожденія,
ни иногда и польститъ народнымъ предразсудкамъ
и, для мгновеннаго эффекта, станетъ переначи-
тъ чужія системы по отдѣльнымъ, противорѣча-
ющимъ выдержкамъ, безъ полнаго и безпристрастнаго
взора ихъ цѣлости. Второе сочиненіе, Г. Кузена
«Философическіе Отрывки,» вышло въ нынѣшнемъ
мѣсяцѣ вторичнымъ тисненіемъ, значительно намѣнен-
нымъ противъ перваго въ нѣкоторыхъ пдѣлахъ уче-
на, или по-крайней-мѣрѣ представляющимъ полнѣй-
ше ихъ развитіе. Оно заключаетъ въ себѣ основанія
собственной его системы, о которой мы постараемся
дать краткое понятіе.

Тѣ, которые хотятъ добиться умомъ до того, что
какое-либо челоѣкъ, что значить онъ на землѣ и въ числѣ
смертной, и для чего созданъ, — то есть, умозритель-
ные философы, — въ началѣ своихъ размышленій
идутъ всегда въ виду двухъ точекъ, откуда выходятъ
два разныя дороги, пролегающія черезъ обширныя
иссканія, могуція со временемъ сойтись въ одной
гнѣз, но по сю пору приводяція страшниковъ къ
уму отдаленнымъ и несогласнымъ результатамъ.
Пояснимся точнѣе: желающіе разгадать челоѣка
человѣческими средствами, чтобъ достигнуть до это-
могутъ или наблюдать себя, свое лице, дѣйствія
свои въ своей особѣ, и, опредѣляя ихъ, дѣлать вы-
сказанія о челоѣкѣ вообще; или создать себѣ предвари-
тельно идеаль челоѣка изъ всѣхъ его совершенствъ,
и, представивъ его въ отвлеченномъ видѣ, представить его се-

бъ существомъ абсолютнымъ, и потомъ примѣнять этотъ первообразъ къ отдѣльнымъ лицамъ, изыскивая, сколько и въ чемъ каждое изъ нихъ уклоняется отъ умозрительной формы, — то есть, могутъ или восходить отъ частнаго къ цѣлому, или отъ цѣлаго, достигнутаго мысленно, нисходить къ частному и видимому. Первымъ путемъ идутъ психологи, душеслови. Поэтому Психологія, основывающая заключенія свои о общемъ чловѣкѣ на наблюденіи дѣйствій души въ одномъ отдѣльномъ лицѣ, и на законѣ аналогіи, въ тѣсномъ значеніи есть только *правдоподобіе*, ибо нѣтъ возможности доказать математически, что душа точно такъ же дѣйствуетъ во всѣхъ людяхъ, какъ во *мнѣ*, какъ въ одномъ отдѣльномъ лицѣ моего рода. Чтобъ устранить столь важное сомнѣніе, — ежели только стоило сомнѣваться. въ этомъ, — онтологи, сущевослови, пошли вторымъ, противнымъ путемъ: они напередъ составили себѣ идеаль чловѣка, независимый отъ лицъ и частныхъ формъ его и совокупающій въ себѣ всѣ его умственныя превосходства, вывели логически-неизбѣжныя законы бытія этого отвлеченнаго существа, и, постепенно развертывая необходимыя слѣдствія этихъ законовъ и неизбѣжности этихъ слѣдствій, опредѣлили дальнѣйшія и конечныя его условія, съ тою цѣлію, чтобъ принудить умъ нашъ согласиться, что если чловѣкъ есть, онъ долженъ быть такъ, а не иначе. Поэтому, Онтологія, въ тѣсномъ значеніи, есть только *ипотеза*. Мы не станемъ разбирать, кто изъ нихъ, правдоподобіе или ипотеза, заслуживаетъ болѣе довѣрія: догадка такъ же легко можетъ быть сходна съ истиною, которой мы не знаемъ, какъ и хорошо обсуужденное правдоподобіе. Дѣло въ томъ, что какъ Психологія, опирая мнѣнія свои на разборъ болѣе или менѣе ясныхъ явленій души въ одномъ отдѣльномъ лицѣ, начинается съ сомнѣній и часто ведетъ къ скептициз-

жу, такъ наоборотъ Онтологія, отвергая лица, предполагая одинъ общій, отвлеченный идеаль существа человѣческаго въ выспреннемъ, обоготворенномъ я, и потомъ изъ него извлекала необходимыя и неизбѣжныя законы для всего рода, начинается съ догмата, требующаго вѣры, и оканчивается фатализмомъ, въ которомъ человѣкъ значительно лишенъ своєю свободной воли. Это уже не философія, но почти религія. И дѣйствительно, Философія Шеллинга и Гегеля, родившаяся единственно изъ черезчуръ утонченнаго опасенія, что душа, можетъ-быть, дѣйствуетъ въ одномъ лицѣ иначе, нежели въ другомъ, — эта Философія, выходя изъ Онтологіи, изъ человѣка идеальнаго, изъ безусловнаго я, и падая на Психологію частнаго лица уже съ цѣлымъ собраніемъ независимыхъ истинъ и неизбѣжныхъ законовъ, которыми лице, если желаетъ называться человѣкомъ, должно непременно подчиниться, хотя бы они и не совсѣмъ примѣнялись къ его особѣ, — эта Философія просто новая религія, домогающаяся отъ насъ, ежели не чистой вѣры, — этого въ нашемъ вѣкѣ она не смѣетъ требовать, потому что вѣра принадлежитъ одному Откровенію, — такъ по-крайней-мѣрѣ полувѣрованія, мистицизма. Напрасно вздумали бѣ вы ей доказывать, что не находите въ себѣ, въ вашемъ лицѣ того, что она въ васъ предполагаетъ: она вамъ отвѣчаетъ, что лица *нѣтъ*, что васъ *нѣтъ*, — есть только общій, отвлеченный человѣкъ, существо воображаемое, но тѣмъ не менѣе несомнѣнное, въ которое вы должны вѣрить, ежели хотите понять самого себя.

Мы уже сказали, что метода изысканія общей человѣческой истины, начинающаяся съ частной Психологіи, или такъ называемая Философія оцущенія, господствовала во Франціи еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Въ Германіи въ то самое время слѣдо-

ваши противоположному порядку, и открывали рѣчь о томъ же предметѣ Онтологією, человѣкомъ отвѣченнымъ, истинною безусловною, которой логическія слѣдствія должны были разрѣшить все частныя случаи. Г. Кузенъ предпринялъ согласить эти двѣ Философіи, слить ихъ въ одно цѣлое, примирить осторожное сомнѣніе съ положительностью, вредною безусловно. Это было логически невозможно. Однако жъ онъ надѣялся вывести изъ что самобытное и вѣрное изъ двухъ враждебныхъ началъ, и для этого старался сообщить Психологіи положительность онтологическую. Онъ начинаетъ разборъ чловѣка Психологією, и помощію ея восходитъ до идеальнаго я; но однажды дошедъ до началъ этого философскаго существа, онъ бросаетъ Психологію, вооружается одною Онтологією, и, оборотясь назадъ, посредствомъ новой своей союзницы, быстро истребляетъ все сомнѣнія и противорѣчія, оставшіяся неразрѣшенными въ Психологіи при первомъ ея движеніи. Конечно, эта стратегическая хитрость чрезвычайно замысловата: мы не думаемъ, чтобъ она была въ состояніи доставить философу полную побѣду надъ упрямою истинною; но посредствомъ ея можно невзначай разбить истину на-голову, и нѣкоторое время блистать кажущеюся поверхностью надъ вѣчнымъ врагомъ нашего любопытства.

Вотъ почти все, что, въ этомъ дѣлѣ, кромѣ ума и заманчивости изложенія, собственно принадлежитъ Г. Кузену. Остальную часть заимствовалъ онъ изъ Германской Философіи. Перейдемъ къ его философской Критикѣ.

Въ предшествовавшемъ «Вступительномъ курсѣ» Г. Кузенъ опредѣлялъ способъ и общія начала, которыми онъ руководствуется въ своихъ публичныхъ

преподаваніяхъ. Одно изъ этихъ началъ заключается въ томъ, что Философія, какого бы то ни было вѣка, есть совокупное выраженіе всѣхъ стихій, изъ которыхъ состоитъ этотъ вѣкъ, и что она должна быть изучаема въ общей образованности, ее порождающей. Въ окончательномъ послѣдованіи, историческое развитіе умственной науки должно быть доведено до основныхъ законовъ человѣческой мысли, и такъ какъ эти законы всеобщі и неизмѣнны, то однѣ и тѣ же коренныя системы, или однѣ и тѣ же стихійныя формы ума, должны раскрываться въ каждой эпохѣ умственнаго образованія. По мнѣнію Г. Кузена, есть четыре такія системы. Онѣ обнаруживаются въ дѣтствѣ умозрительной науки, и проявляются потомъ одна за другою въ каждомъ вѣкѣ и въ каждой странѣ, гдѣ только ею занимались. Эти четыре системы суть — Философія ощущенія, идеализмъ, скептицизмъ и мистицизмъ, соблюдающія, какъ говорятъ намъ, неизмѣнную послѣдовательность. Мы скоро должны будемъ разсматривать это начало въ приложеніи его къ различнымъ школамъ и системамъ. Теперь достаточно замѣтить, что основанія этого распределенія не безъ истины, и что многія философскія системы подходятъ подъ него естественнымъ образомъ. Но не менѣе справедливо и то, что исторія Философій представляетъ не столько полное и исключительное проявленіе этихъ формъ, сколько одни приближенія къ тому или другому началу. Оттого Г. Кузенъ часто долженъ былъ пренебрегать второстепенныя части системъ, и обрѣзывать ихъ настоящую симметрію и размѣры, чтобъ вставить остальное въ припасенную напередъ раму. Разительнѣйшій примѣръ такого приношенія встречаемъ во взглядѣ его на Локкову философію.

Въ первобытныхъ и неизмѣнныхъ формахъ Восточнаго образованія искалъ Г. Кузенъ самаго ранняго

слѣда коренныхъ системъ своихъ. Великій вопросъ — Египеть ли, или Индію считать колыбелью наукъ и письменности, по-сю-пору остается нерѣшеннымъ. Однако жъ кажется, что въ пользу Индіи больше вѣроятностей. Профессоръ Герень сдѣлалъ весьма правдоподобнымъ, что Египетское образованіе по-крайней-мѣрѣ позже Эѳіопскаго. Постепенное распростра-неніе жреческихъ заведеній внизъ по Нилу, съ храмами, которые служили средоточіемъ каждому изъ нихъ, и непрерывная череда селеній, которыя тянулись вдоль береговъ этой рѣки, какъ-бы пролагая слѣдъ родственной связи съ Мероэ, и переноса съ собою не только первобытное зодчество, но и обстоятельное свѣдѣніе объ этомъ краѣ, — все это выяснено такъ хорошо, какъ только могутъ быть факты, предшествовавшіе положительнымъ историческимъ извѣстіямъ. Недавно, Кенигсбергскій Ученый, докторъ фонъ Боленъ, еще рѣшительнѣе говорилъ о производности Египетскаго образованія, и указывалъ на Индію какъ на единственный и первобытный источникъ древней мудрости, и Египетскаго и Эллинскаго просвѣщенія. Къ подобному заключенію привелъ бы насъ и сравнительный обзоръ литературныхъ памятниковъ обоихъ народовъ. Нѣтъ повода думать, чтобъ умозрительная философія когда-нибудь раскрывалась въ Египтѣ. Умъ человѣческой, кажется, лежалъ тамъ подъ спудомъ, *oppressa gravi sub religione*, «подавленный тяжкою религіей»; или, какъ говоритъ нашъ авторъ, «въ Египтѣ мысль остановилась на религіозной оболочкѣ, и не достигла философической своей формы.» Но въ Индіи, изслѣдованія Кольбука открыли намъ глубокія психологическія свѣдѣнія, и Г. Кузенъ усматриваетъ здѣсь полное проявленіе четырехъ коренныхъ системъ своихъ.

Извѣстный проповѣдникъ утилитарныхъ ученій, Г. Милль, сдѣлалъ то глубокое замѣчаніе, что пере-

Боры темныхъ и утонченныхъ вопросовъ отвлеченной Метафизики отнюдь не могутъ служить вѣрнымъ признакомъ высокаго общаго образованія. Такія изслѣдованія встрѣчаемъ мы у самаго порога человѣческаго знанія, потому что они естественно возбуждаются грубыми понятіями первобытной религіи. Свойство разумѣнія, или постигательнаго начала, отношеніе его къ тѣлу, его будущее состояніе, его отвѣтственность за минувшее, — все это такіе вопросы, которыхъ слѣдъ можно отыскать въ самыхъ раннихъ періодахъ, и которые перемѣшаны съ священнѣйшими ученіями и обрядами вѣры. Въ Индіи, какъ и вездѣ, первоначально видимъ Философію въ тѣсной связи съ народною религіей. Самымъ раннимъ ея развитіемъ были Веды, почитаемыя Индусами за откровеніе воли Божества. Но не здѣсь, а въ толкованіяхъ мудреца Капила, котораго Кольбрукъ почитаетъ лицомъ миеологическимъ, открываетъ авторъ первую изъ четырехъ системъ своихъ, — Философію ощущенія. Дѣйствительно, въ Санкхій Капила первое начало не иное что, какъ вѣчнос, несотворенное вещество, а умъ занимаетъ второе мѣсто, какъ произведеніе или результатъ этого начала. Однако жъ взглядъ Г. Кузена, хотя и справедливый въ основаніи, не долженъ быть допускаемъ безъ ограниченія. Капила называетъ душу вѣчною, неизмѣнною, невещественною, а это опредѣленіе отнюдь не совмѣстно съ совершеннымъ исключеніемъ идеализма изъ первой его системы, изъ Философіи ощущенія.

Первые, неясные проблески идеальной Философіи замѣтны въ Ниаи, ученіи, приписываемомъ Готамъ. Это система существенно діалектическая, и достойно вниманія, что излагаемые ею силлогизмы и категоріи въ точности соответствуютъ Аристотелевымъ. Сходство такъ совершенно, что льво указываетъ на

сообщеніе ихъ однимъ краемъ другому; но, за недостаткомъ историческихъ данныхъ, нельзя утвердительно сказать, Индіи ли, или Греціи принадлежитъ слава первоначальнаго открытія. Кроме того, Ніла содержитъ уточненное психологическое ученіе. Душа занимаетъ здѣсь первое мѣсто.

Слѣды спиритуальной Философіи гораздо яснѣ видны въ Ведантѣ, излагающей пантеизмъ въ его обширнѣйшемъ значеніи. Она говоритъ о Божествѣ, какъ о душѣ міра, которая испускаетъ душу человѣческую; но страсти и внутреннія движенія, волнующія смертнаго, точно такъ же не потрясаютъ высочайшаго духа, какъ колебанія солнечныхъ лучей въ струяхъ воды не потемняютъ великолѣпнаго свѣтила. Слѣдственно нѣтъ сомнѣнія, что чистый идеализмъ, нужный Г. Кузену для его второй системы, существовалъ въ древней Индіи.

Но до-сихъ-поръ не найдено признаковъ отдельной школы скептицизма, хотя, какъ напримѣръ у Капилы, есть нѣкоторыя недвусмысленныя выраженія, напоминающія этотъ образъ мыслей. Здѣсь умъ Индійскій явно не послушался теоріи Французскаго философа и его общихъ, неизмѣнныхъ законовъ мысли.

Мистицизмъ, четвертая и послѣдняя изъ философскихъ системъ Г. Кузена, достигла зрѣлыхъ формъ и обширнаго вліянія въ Восточномъ мірѣ. Привычки дремотнаго, страдательнаго созерцанія, которыя влечетъ за собою эта система, кажется, очень соответствующимъ ощущеніямъ усталости и лѣни, происходящимъ отъ тропическихъ климатовъ, притомъ и близкое средство философскаго мистицизма съ религіознымъ должноствовало сильно способствовать распространенію такой системы между людьми, преданными

наблюденію мелочныхъ обрядовъ, и управляемыхъ духовною кастою. Патанджалиова Югасастра заключаетъ въ себя почти совершенное чистое ученіе мистицизма. Она внушаетъ глубокое размышленіе, сопровождаемое задержкою дыханія, обузданіемъ чувствъ и себлоденіемъ предписанныхъ тѣлоположеній. Она учитъ что кратчайшій способъ къ достиженію блаженства состоитъ въ всепоглощающемъ созерцаніи Божества и въ безпрестанномъ борьотаніи мистическаго имени, съ размышленіемъ о его таинственномъ значеніи. Бхагавадъ-гита, по мнѣнію Г. Кузена, самый интересный памятникъ мистицизма древней Индіи. Это эпизодъ большой народной эпопеи, Магабхараты, въ которой богъ Кришна открываетъ Арджуна въ таинственныя начала, управляющія судьбою человека. Здѣсь также утверждается превосходство созерцательнаго, совершенно бездѣйственнаго состоянія, и равнодушія къ связямъ родственнымъ и отечественнымъ. Истинно набожный почиваетъ въ ненарушимомъ спокойствіи, «какъ одинокая лампада, горящая мирно подъ защитою отъ всѣхъ колебаній воздуха.» Онъ старается уничтожить всякое внутреннее движеніе; вниная мыслию только въ самого себя; старается подавить каждое проявленіе сознанія или памяти, чтобы такимъ образомъ достигнуть восторга и тождественности съ божествомъ. Предполагается, что въ этомъ состояніи, какъ въ новѣйшемъ бреду животнаго магнитизма, человекъ выходитъ изъ обычныхъ предѣловъ своей природы, и получаетъ сверхестественныя способности.

Но духъ Восточныхъ установленій не благопріятствовалъ сильному раскрытію мысли. На самомъ разсвѣтѣ Исторіи видимъ мы въ Азіи огромныя, но не прочныя государства, безпрестанно потрясаемыя нашествіями кочевыхъ побѣдителей; видимъ религію

въ рукахъ исключительной, наследственной касты, и, вслѣдствіе такой монополіи, ограниченную однимъ ребяческими обрядами, и освящающую самую бессмысленную суевѣрію; видимъ, наконецъ, всеобщее уничтоженіе ума и сердца, обличаемое и увѣковѣчиваемое пагубнымъ вліяніемъ многоженства. Все это не могло не задерживать развитія и распространенія умозрительной истины, и слѣдственно только съмена высшей Философіи, а не самая Философія, могли быть перенесены съ Востока на свѣжую, плодородную почву Греціи.

Стихи Эллинскаго образованія благопріятствовали обработкѣ наукъ. Кажется, можно справедливо полагать, что религіозныя «Таинства» были въ Греціи самыми ранними орудіями просвѣщенія. По мнѣнію Герена, главнымъ ихъ предметомъ было сохраненіе символическаго смысла теогоніи, утратившагося въ народной вѣрѣ: Таинства напоминали и научали, чѣмъ первоначально были боги, и какихъ естественныхъ силъ и вещей они представители; словомъ, Таинства составляли настоящее сокровенное ученіе политеизма. Но познанія наши касательно философическихкихъ истинъ, сосредоточившихся въ Таинствахъ, едва ли превосходятъ степень ученыхъ догадокъ, несмотря на глубокія изслѣдованія Сентъ-Круа, Варбуртона и Уварова, и потому первыхъ явныхъ слѣдовъ Греческой философіи должно искать въ Іонійской и Пифагоровой школахъ. Такъ эти двѣ школы самыя раннія представительницы Кузеновыхъ системъ ощущенія и идеализма. Въ Греціи, какъ и вездѣ, явленія внѣшней Природы первыя остановили на себѣ изслѣдованіе; и самыя раннія школы философіи занимались не столько умозрительною, сколько физическою наукою. Но въ самой области естественныхъ знаній существуютъ два различные способа разсмат-

ривать явленія вишняго міра, то есть, или въ нихъ самихъ, какъ чувственныхъ предметахъ, или въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Фалесъ и основатели Іонійской школы разсматривали Природу по первому способу, и тѣмъ положили начало системъ чистой Физики. Пифагоръ преимущественно изучалъ отношенія явленій, и такимъ образомъ дошелъ до наукъ измѣренія и числа, весьма близкихъ къ идеализму.

Но это были одни предзвучія новаго и высреннѣйшаго философскаго духа, который развился въ Аѳинахъ, и, презирая ограниченный кругъ вишняй Природы, посвятилъ себя высшимъ областямъ ума, нравственнаго чувства и общественныхъ отношеній чловѣка. Сократъ былъ вождемъ этого великаго умственнаго движенія. Въ исторіи древней учености нѣтъ можетъ-быть предмета изслѣдованія труднѣе настоящей характеристики этого замѣчательнаго чловѣка и настоящихъ причинъ того могущественнаго вліянія, какое произвелъ онъ на свое собственное время и на позднѣйшее. Появленія его собесѣдникомъ въ разговорахъ Платона отнюдь не сопровождаются впечатлительнымъ убѣжденіемъ высокаго умственнаго превосходства. Катехитическій порядокъ, въ которомъ располагаетъ онъ свои доводы, теряется въ несносныхъ и бесполезныхъ мелочахъ, а окончательныя заключенія такъ маловажны, что отнюдь не вознаграждаютъ читателя за такую бездну хлопотъ. Источниковъ Сократова вліянія скорѣе должно искать въ практическомъ направленіи его философіи, въ чистотѣ и возвышенности нравственныхъ его правилъ, въ его твердой увѣренности насчетъ божескаго Провидѣнія, безсмертія чувствующаго начала и будущаго его состоянія, въ которомъ оно освободится отъ всѣхъ узъ для полнаго развитія своихъ способностей.

Въ твореніяхъ Платона и Аристотеля проавлется Греческая Философія во всей полнотѣ ея зрѣлости, и мы опять видимъ двѣ основныя системы догматической философіи, развитыя столько, сколько позволяла Сократовская умѣренность и осторожность. Ни который изъ этихъ благоразумныхъ мыслителей не перешелъ за предѣлы дозволятельнаго обобщенія, но ученики ихъ пытались выступить изъ границъ, къ которымъ такъ близко подошли великіе учителя. Платоновская Философія почти чистый спиритуализмъ. Общія идеи составляютъ главный предметъ размышленія; онѣ — начала всѣхъ опредѣленій и всѣхъ сужденій. Эти идеи не отъ чувствъ, которыми постигается одно измѣняемое, частное. Онѣ принадлежать уму, или, пожалуй, разуму, котораго онѣ настоящіе предметы. Но хотя онѣ и постигаются разумомъ, однако имъ не созданы, и имѣютъ независимую самосуществованность, такъ, что по справедливости носятъ названіе «идей самихъ-по-себѣ,» и почитаются принадлежаніями божественнаго разума. И такъ, отвлеченіе есть существенный пріемъ и начало Платоновской философіи. Напротивъ, распредѣленіе есть отличительная черта Аристотелевской. Три разряда истинъ допускаются Аристотелемъ: тѣ, которыя вытекаютъ изъ доказательствъ; потомъ истины общія, или созерцательныя, укорененыя въ разумъ, и наконецъ частныя, происходящія отъ чувственаго опыта. Поэтому, въ сочиненіяхъ самого Аристотеля Г. Кузенъ находитъ только нѣкоторую склонность къ философіи ощущенія; но во мнѣніяхъ Дикеарха и другихъ философовъ Аристотелевой школы открываетъ онъ явное преобладаніе этой системы исключительно.

Средніе вѣка составляютъ новую великую эру для успѣховъ философіи. Этотъ періодъ, долго почитавшійся временемъ умственного безплодія и мрака,

благодаря точнѣйшей и просвѣщеннѣйшей Критикѣ, возведенъ теперь на принадлежащую ему степень въ исторіи человѣческаго вѣдѣнія. Нынче всеми признано, что каждый плодъ ума созрѣваетъ только въ ками, и что напрасно и неразумно требовать отъ данной эпохи искусственнаго разсвѣта тѣхъ плодовъ, которые могутъ созрѣвать только среди дни цѣлыхъ столѣтій. Длинный промежутокъ времени, отдѣляющій упадокъ Римской гражданственности отъ возрожденія наукъ, ознаменованъ рѣшительнымъ преобладаніемъ духовной власти. Въмѣстѣ со всеми земными связями, даже съ верховными обладателями государствъ, Философія должна была склониться передъ рясною, и употреблялась единственно въ защиту уточеннаго и мистическаго Богословія. Но паденіемъ этой власти увлеклась и поддерживаемая ею схоластическая Логика. Наступило время перехода, и тутъ рѣзкая система древней Философіи, особенно Платоновская, благодаря рвенію и учености Фичино и двоихъ Пика-ди-Мираццола, распространились въ Италиі, а потомъ исподоволь и за Альпы. Семнадцатое столѣтіе, — вѣкъ новой Философіи, въ собственномъ смыслѣ, — Философіи, равно независимой отъ вліянія духовенства и классической древности. Но предѣлы статьи заставляютъ насъ мнновать эпоху, прославленную именами Бекона и Декарта, и ограничить наши замѣчанія о Философіи слѣдующаго столѣтія, которая составляетъ главный предметъ Г. Кузена, отзываютъ его о Локкѣ.

Въ тѣхъ частяхъ исторіи умозрѣній, которыя намъ уже рассмотрѣны, рѣдко встрѣчали мы совершенныя подобія четырехъ первообразовъ, къ которымъ Г. Кузень относитъ все философскія ученія. Напротивъ того, мы видели, что даровитые люди, только въ ками являющіеся въ исторіи человечества, и действі-

тельно создающіе новыя системы, весьма рѣдко поддерживали какой-нибудь опредѣленный и исключительный догматизмъ. Такъ въ Индіи, Капила, представитель первой системы, проповѣдуетъ безплотность и вѣчность чувствующаго начала, а въ Греціи, Аристотель, по словамъ Г. Кузена основатель такой же школы, допускаетъ въ своей системѣ общія истины, или созерцанія чистаго разума, которыя служатъ основою идеальной Философіи. Даже Платона нельзя почитать чистымъ спиритуалистомъ, потому что и онъ не отвергаетъ существованія внѣшняго міра и свидѣтельствъ чувственного опыта. Если найдутся гдѣ историческіе образчики системъ Г. Кузена, такъ это въ твореніяхъ учениковъ, непонявшихъ или перемудрившихъ мнѣнія учителей; но что касается до ученій великихъ философовъ, то и при подобныхъ недоразумѣніяхъ, даже при искусномъ объясненіи и распространеніи мыслей, становится возможнымъ вогнать ихъ въ эти произвольныя формы.

Во взглядѣ Г. Кузена на Локкову Философію явно обнаруживается слѣпое системолубіе и склонность жертвовать ему историческою истиной. Первая и главная цѣль автора — втѣснить многообъятное ученіе Локка въ предѣлы своей исключительной системы ощущенія. Онъ утверждаетъ, что Локкъ отецъ философіи ощущенія въ осьмнадцатомъ столѣтіи, ея глава, ея признанный учитель, и по времени, и по гению первый метафизикъ этой школы. Стоитъ лишь поверхностно разсмотрѣть главное произведеніе Локка, чтобъ убѣдиться до какой степени эта выходка несогласна съ его ученіями. Въ самомъ началѣ второй книги Локкъ ясно различаетъ два источника знанія, — ощущеніе и размышленіе. «Другой источникъ, говоритъ онъ, откуда опытъ обогащаетъ умъ идеями, есть сознаніе внутреннихъ производствъ собственна-

го нашего духа: разсматривая и обдумывая ихъ, получаемъ новый рядъ идей, которыхъ не могли бы имѣть отъ вещей, внѣ насъ сущихъ.» И онъ не ограничился этимъ предварительнымъ намѣткомъ на двоякое происхожденіе идей. Въ шестой главѣ онъ исчисляетъ нѣкоторыя простыя идеи размышленія, а въ седьмой говоритъ о простыхъ же идеяхъ, получаемыхъ отъ ощущенія и отъ размышленія вмѣстѣ. Въ девятой главѣ онъ излагаетъ, что сознаніе есть первая и простѣйшая идея, какую доставляетъ памь размышленіе. Онъ показываетъ, что отвлеченныя понятія пространства, длительности, безконечности, числа, съ ихъ различными видоизмѣненіями, всѣ происходятъ отъ котораго-нибудь изъ этихъ двухъ источниковъ или отъ ихъ совокупности. Отвергая существованіе врожденныхъ идей и врожденныхъ началъ умозрѣнія, Локкъ явно признаетъ первоначальныя способности и дѣятельныя силы души, ни мало независящія отъ опыта; онъ допустилъ въ свою систему множество идей, полученныхъ этими способностями или черезъ обработку матеріаловъ, доставляемыхъ чувствами, или черезъ вниканіе въ ихъ собственныя дѣйствія, слѣдственно такихъ идей, которыя не исключительно принадлежатъ ощущенію. Поставляя Локка во главу школы чувствениковъ, Г. Кузень обнаруживаетъ, что невѣрно понялъ значеніе и духъ той системы, которую будто-бы хочетъ опровергнуть.

Впрочемъ, не одинъ Г. Кузень впалъ въ такое заблужденіе. Въ той же ложной мысли, Лагарпъ называлъ Кондильяка первымъ Локковымъ ученикомъ, а энциклопедисты воображали себя поборниками его метафизики, витійствуя за теорію ощущенія. Кондорсе рѣшительно говоритъ, будто Локкъ первый доказалъ, что всѣ наши идеи составлены изъ ощущеній,

и Фридрих Шлегель, въ томъ же убѣжденіи, приписывалъ философіи Локка наклонность къ матеріализму и атеизму, и тождественность съ началами Гоббеса. Г. Барантъ, разбирая ученія Энциклопедистовъ, пытался восходить по слѣдамъ ихъ къ корню всего зла, — «къ поверхностной философіи Локка,» которую осуждаетъ онъ вмѣстѣ съ ними однимъ общимъ приговоромъ. Нельзя не подивиться, что начала системы, составляющей такую замѣчательную эру въ ходѣ члѣвческаго ума, и сдѣлавшейся еще при жизни автора предметомъ множества споровъ и критикъ въ цѣломъ просвѣщенномъ мірѣ, которому она была сообщена посредствомъ всюду распространеннаго Леклеркова журнала, — нельзя не подивиться, говоримъ мы, что начала этой системы могли быть такъ худо поняты не только противниками, но и тѣми, которые считали себя за Локковыхъ учениковъ. Можно подозревать, что многіе критики узнали его философію изъ сочиненій иноземныхъ приверженцевъ, которые далеко отбились отъ пути, проложеннаго учителемъ. Но Г. Кузенъ явно выбралъ матеріалы для своего обзора изъ твореній самого Локка. Онъ замѣтилъ частыя несоответствія, происходящія у него отъ переходчиваго и неточнаго слога, и потому призналъ необходимымъ допустить въ критикѣ известныя ограниченія, которыя однако жъ рѣдко соблюдалъ на дѣлѣ. Въ случаѣ многословныхъ и противорѣчащихъ положеній, долгъ настоящаго критика требовалъ выяснить смыслъ автора черезъ точное сравненіе сомнительныхъ мѣстъ и вѣроятныхъ значеній.

Послѣ нѣкоторыхъ общихъ очерковъ характера и метода Локковой философіи, Г. Кузенъ приступаетъ къ разбору отдельныхъ идей, и во - первыхъ, идея пространства. Локково определеніе этой идеи и его выводъ, какимъ образомъ рождается она въ умѣ, весь-

ма ясны. Существованіе внѣшняго вещества, какъ чего-то упорнаго и твердаго, открывается намъ чувствомъ осязанія, и отъ понятія о толщѣ умъ восходитъ къ понятію о занимаемомъ ею пространствѣ. Такъ, по мнѣнію Локка, идея толщи предшествуетъ идеѣ пространства въ порядкѣ появленія ихъ въ умъ, и составляетъ поводъ или существенное условіе къ образованію этой идеи. Въ ученіи Канта, котораго держится Г. Кузенъ, пространство напротивъ отнюдь не эмпирическая идея, происходящая отъ внѣшняго опыта, а условіе возможности всякаго внѣшняго явленія и необходимый образъ созерцанія à priori. Но ученія Локка и Канта, по-видимому столь различныя, легко помирить между собою, потому что оба существенно справедливы. Локка должно почитать историкомъ умственныхъ явленій; онъ говоритъ о послѣдовательномъ образованіи ихъ и взаимныхъ отношеніяхъ только по порядку времени; и, хронологически, безъ сомнѣнія справедливо, что идея пространства развертывается послѣ идеи вещества. Кантъ описываетъ умъ въ его взросломъ состояніи, уже обогащенный идеями, и пренебрегая исторію ихъ рожденія, рассматриваетъ отношенія ихъ просто по связи логической. Разумѣется, что, съ этой точки зрѣнія, идею пространства можно почитать предшествующею идеѣ вещества, потому что логически бытіе пространства есть необходимое условіе бытія вещества.

Изъ этого довольно ясно, что Локкъ и Кантъ, держась различныхъ путей изслѣдованія, рассматривали идею пространства каждый въ духѣ своей системы и съ особенной точки зрѣнія, и что каждый изъ нихъ достигъ правильныхъ, хоть и одностороннихъ заключеній. Въ критическихъ замѣчаніяхъ Г. Кузена много противорѣчій и невыдержанности. Сначала онъ какъ-будто исключительно держится метафизической

вѣры Конта и его послѣдователей; и утверждаетъ, что логическое рѣшеніе вопроса о происхожденіи идеи разрушаетъ въ конецъ систему Локка. Послѣ этого совѣмъ недоказаннаго приговора, онъ разсматриваетъ отношеніе идей по порядку времени, и вполне допускаетъ вѣрность Локкова вывода идеи пространства изъ идеи вещества. Но вскорѣ потомъ отпирается отъ этой уступки, стараясь доказать, что Локкъ смѣшалъ объ эти идеи, или лучше, что онъ считалъ ихъ тождественными. Нельзя было придумать обвиненія неосновательнѣе и даже неправдоподобнѣе. Локкъ всюду тщательнѣйше различаетъ двѣ эти идеи, «о которыхъ, говорить онъ, иной, пожалуй, станеть утверждать, что онѣ одно и то же.» — «Понятіе о толщѣ, сказано у него далѣе, различно отъ понятія о чистомъ пространствѣ, не способномъ ни къ сопротивленію, ни къ движенію.»

Послѣ такихъ явныхъ доказательствъ Локкова намѣренія рѣшительно различать между собою идеи пространства и толщи, естественно любопытствовывать, съ чего взялъ Г. Кузенъ обвинять его въ смѣшеніи одной съ другою. Нѣсколько словъ, которыхъ смыслъ онъ не такъ понялъ, были поводомъ къ критическимъ замѣчаніямъ, разсѣяннымъ щедрото рукою во всей семнадцатой лекціи. Выпишемъ эти слова для большей точности. «Что идея мѣста есть именно то относительное положеніе вещей, о которомъ мы говорили прежде, — это ясно, и легко можетъ быть допущено, если только вздумать, что мы не имѣемъ понятія о мѣстѣ вселенной, хотя мѣсто каждой ея части для насъ воображимо; потому что кромѣ ея не можемъ мы представить себѣ ни какихъ особенныхъ существъ, относительно коихъ она была бъ въ известномъ разстояніи. Міръ находится гдѣ-нибудь — значитъ только, что міръ существуетъ.» Отсюда слѣдуетъ, го-

ворить Г. Кузенъ, «что Локкъ сводитъ идею пространства на идею тѣла, и что пространство въ его системѣ не что иное какъ самое тѣло, — тѣло распространенное, бесконечно размноженное, его вселенная, его міръ, и не только дѣйствительный, но и возможный міръ. Это все равно, что утверждать, будто пространство вселенной та же вселенная; и какъ идея вселенной здѣсь просто идея тѣла, то и идея пространства сводится на ту же идею.» Весьма затруднительно объяснить такое превращеніе прѣдлагаго смысла Локковыхъ словъ, приведенныхъ выше. Отрицаніе мѣста вселенной не иначе можно перетолковать въ отрицаніе пространства или въ отождествленіе его съ веществомъ, какъ смѣшивая мѣсто тѣла съ пространствомъ, которое занимается послѣднимъ. Но Локкъ, кромѣ того, что предпослалъ ясное опредѣленіе мѣста, сказавъ, что оно состоитъ въ отношеніи двухъ или болѣе внѣшнихъ точекъ между собою, особенно оградилъ себя отъ недоразумѣній Г. Кузена, пояснивъ вслѣдъ за тѣмъ, «что впрочемъ слово «мѣсто» употребляется иногда въ не такъ точномъ значеніи, именно, въ смыслѣ «пространства», занимаемаго тѣломъ, такъ что говорятъ и о мѣстѣ вселенной.» Если принять слово «мѣсто» въ томъ смыслѣ, котораго держится Локкъ, и который составляетъ главное его значеніе, то онъ совершенно правъ, что вселенной нельзя приписывать мѣста, и замѣчанія Г. Кузена, основанныя на томъ значеніи этого слова, которое Локкъ именно отвергаетъ, какъ не точное, распадутся сами собою.

• Отъ идеи пространства Г. Кузенъ переходитъ къ Локкову отчету о происхожденіи идей времени, бесконечности, винословности, и прочая. Образъ доводовъ и свойство возраженій такъ тождественны съ употребленными въ первомъ изслѣдованіи, что нѣтъ

нужды разсматривать ихъ въ подробности. Все эти идеи одолжены происхожденіемъ своимъ дѣйствию ума надъ данными чувствъ: пространство—протяженная плотность; время—последовательность умственныхъ переменъ; безконечность; мысленное совокупленіе конечныхъ количествъ; винсловность — наблюдение неизмѣнной последовательности. Поэтому, Локкъ справедливо говорить, что онѣ вытекаютъ изъ опыта; но не менѣе справедливъ и Кантъ, думавшій всегда о взросломъ умѣ, утверждая, что логически онѣ предшествуютъ опыту, или что это необходимыя условія возможности всякаго опыта (во взросломъ человѣкѣ).

Достаточно и этихъ замѣчаній, чтобы дать понятіе о философической Критикѣ Г. Кузена.

Е. К.

Edinburgh Review.

КАСПІЙСКАЯ ТОРГОВЛЯ.

=

Мы отнюдь не оуждаемъ такъ быстро усиливающейся у насъ страсти къ покупкѣ и продажѣ акцій: напротивъ, въ этомъ проявленіи денежной дѣятельности усматриваемъ явное доказательство и присутствія капиталовъ и общей готовности употреблять ихъ съ наибольшею для себя пользою; но между-тѣмъ какъ эта страсть начннаетъ примѣтно смущать спокойствіе и прежнюю блаженную беззаботность Русскихъ кармановъ, приводя ихъ въ движеніе, одушевляя надеждами, и повременамъ ихъ обманывала, весьма кстати подвергнуть соображенію нашихъ капиталовъ одинъ изъ богатѣйшихъ предметовъ, на какіе только можетъ излиться ихъ предпринимчивость. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, умнѣе избрать родъ спекуляцій и съ точностью истислить всѣ его выгоды и опасности, есть первѣйшее условіе употребленія своего имущества съ наибольшею для себя пользою. Жадность, съ какою разбираются у насъ акціи на разныя торговыя предпріятія, иногда сомнительныя или неблагодарныя, показываетъ, что нашей промышленности не достаетъ собственно не денегъ, но точнаго познанія мѣстныхъ средствъ и искусства открывать на родной почвѣ предметы самыхъ прибыльныхъ оборотовъ, — не достаетъ того коммерческаго воображенія, которое въ Англіи и Америкѣ такъ разнообразитъ занятія капиталовъ, такъ ловко схватываетъ поэтическую сторону обстоятельства, обвщающаго хорошіе проценты, и такъ удачно помощію Ариметики превращаетъ его въ золото. Цѣлая область богатаго царства всемірной коммерціи лежитъ передъ нами нераз-

работанною, — и мы ее не видимъ. Каспійская торговля, страна по сию пору новая, дѣвственная, дикая, коснущая въ бесплодныхъ рукахъ невѣжества, ожидаетъ только просвѣщенной предприимчивости съ деньгами, чтобъ покрыться жатвами неисчерпаемаго богатства. Заключенная въ тѣсныхъ предѣлахъ оборота, непревышающаго въ годъ трехъ милліоновъ рублей, въ рукахъ того быстрого спекуляторскаго воображенія она легко и скоро возвысила бы свой балансъ до сорока и пятидесяти милліоновъ, и за туманнымъ Каспіемъ создала бы новую Индію для нашей промышленности. Нѣтъ сомнѣнія, что общество, которое бы теперь составилось у насъ для расчистки и воздѣланія этой торговли, весьма скоро сдѣлалось бы однимъ изъ важнѣйшихъ и самыхъ блистательныхъ учрежденій коммерческаго міра.

Для торговли на Каспійскомъ Морѣ, Россія обладаетъ двумя важными пунктами, Астраханью и Баку. Первый, находясь при устьѣ рѣки Волги, сообщается посредствомъ ея съ богатѣйшими губерніями государства, съ обѣими столицами, Нижегородскою ярмаркою, и въ то же время судоходство по Каспійскому Морю сближаетъ его съ Персіею, Бухаріею, Хивою, съ цѣлою Среднею Азіею и со всеми прибрежными кочующими народами. Второй, по своему положенію на срединѣ обширныхъ береговъ Каспія, съ превосходною гаванью, которая во многомъ имѣетъ преимущество даже передъ Астраханскою, удобнымъ сообщеніемъ съ сосѣдними Закавказскими провинціями и близостью къ портамъ сѣверной Персіи, кажется, самою Природою предназначенъ быть перепутьемъ торговыхъ сношеній между берегами этого моря.

Столь великія выгоды географическаго положенія Астрахани и Баку, соединенныя съ легкостью и де-

шеvizною доставки товаровъ изъ окружныхъ портовъ на мѣста сбыта, благопріятствуютъ въ высокой степени развитію самой обширной торговли; однако, въ нынѣшнемъ своемъ состояніи она далеко не соответствуетъ тѣмъ естественнымъ способамъ, какіе представляетъ Каспійскій путь въ торговомъ отношеніи.

Одною изъ главныхъ причинъ столь бѣднаго ея положенія можно полагать затруднительное и опасное плаваніе по Каспійскому Морю отъ худаго устройства судовъ и недостатка свѣдущихъ шкиперовъ. Для перевоза Россійскихъ и Персидскихъ товаровъ употребляются суда, именуемая шкоутами, которые строятся неправильно, изъ лѣсовъ дешевыхъ и маломѣрныхъ, и эти суда, не имѣя ни прочности, ни правильнаго зданія, не могутъ быть безопасны. Управление ими поручается людямъ безграмотнымъ, у которыхъ нѣтъ другаго достоинства, кромѣ навыка. Отъ частыхъ крушеній въ морѣ по утлости судовъ и неумѣнію управлять ими, купечество вынуждено предпочитать сухопутный провозъ морскому. Такимъ образомъ, большая часть товаровъ, назначенныхъ для Закавказія и Персіи, если только они не принадлежатъ къ громоздскимъ и тяжеловѣснымъ, отправляется съ Нижегородской ярмарки водою въ Астрахань, а оттуда сухимъ путемъ черезъ Кизляръ и Владикавказъ въ Тифлисъ. Сухопутная доставка изъ Астрахани въ Тифлисъ обходится отъ 4 до 5 рублей съ пуда, и требуетъ полутора мѣсяца, а иногда и болѣе, тогда какъ для перевозки моремъ изъ Астрахани въ Баку и оттуда въ Тифлисъ и другія мѣста Закавказія, не нужно и половины этихъ издержекъ и этого времени. Изъ Тифлиса товары идутъ, черезъ Эривань и Нахичевань, въ Таврисъ, обременяясь рахдарами, или пошлиною, взимаемою на границѣ каждаго ханства, и всѣми трудностями сухопутнаго провоза черезъ Закавказскія области,

Каспійское Море представляет путь скорый и безопасный. Изъ Астрахани въ Баку пять въ пять дней, и въ столько же времени въ Персидскіе порты для отправленія въ северную и среднюю Персію. Отъ Баку сухимъ путемъ 10 дней. Изъ Астрахани отитися по 50 и 60 копѣекъ съ пуда, а изъ Изили и Мешгедъ-Иссауръ по 60 копѣекъ. Изъ Астрахани въ Тифлисъ, чрезъ Баку провозъ стоитъ 1 рубль съ пуда. При сухопутной доставкѣ провозная плата и продолжительность необходимо должны имѣть самое невыгоднаго на торговлю.

Въ таможенной линіи на Персидской сухопутной, рахдары въ Дагестанѣ, по дорогѣ въ Тифлисъ и во все стороны Закавказскаго крайства таможни въ одномъ Бакинскомъ уездѣ какъ вся Персидская граница была отслужили только къ отвращенію хода товаровъ изъ Астрахани и Персіи. Очевидно, что Бакинцы не могли продавать товаровъ, оплаченными, по такимъ же цѣнамъ, по какии въ самые товары, привозимые черезъ Джанкоранъ беспошлинно. Поэтому, кругъ транзитной торговли ограничивался только Дербендомъ. Лезгины и другіе сопредѣльные жили за товарами въ Нуху, куда они платя одни путевые рахдары.

въ 1821 году новаго торговаго пути въ Крым и въ Персію, по Черному Морю, утъ-Калѣ, нанесло тоже чувствительный вредъ морской торговлѣ. Товары, которые прежде были изъ Астрахани, стали привозить въ Калѣ, лежащаго на восточномъ берегу

Черное
Море
отъ Баку
градинъ, ко
сти в дешев
на безопасн
нѣтъ мореходн
то Россійскія п
къ въ Закавказ
перничество ин
Будъ прямо или т
въ Тифлисъ или
въ Астрахани
встанъ Закавказ
владельники не
сподать сбыту
нѣгіе Россійскіе т
въ тѣхъ странахъ
протви остались о
тые товары, недо
Товары, назначенны
цуть туда сухопутно
вскаго, а для Зака
къ Каспійскому
и развозятся сухопутно
внѣшние собственно
въ Астрахани моремъ въ
къ сухопутно въ Персію
въ Занжи, что въ Гилян
въ Таврисъ и среднюю Пе
въ гавань Мешгедъ-Иссаур
а черезъ Бальфурушъ и въ
въ Астрахани въ Баку, а
въ или Астрабадъ. Отъ Рес
переть, отъ Решта до Теге
въ Исагани 15 дней;

Чернаго Моря, въ Тифлисъ, откуда расходилсь по Закавказіи и въ Персію. Если бы отправленіе товаровъ по Каспійскому Морю не было затрудняемо преградами, которыя мы объяснили, если бы къ скорости и дешевизнѣ морскихъ сообщеній присоединялась безопасность, доставляемая учебнымъ образованіемъ мореходцевъ, то можно утвердительно сказать, что Россійскія произведенія, доставленные этимъ путемъ въ Закавказію и Персію, могли бы выдерживать соперничество иностранныхъ, привозимыхъ въ Редуть-Калѣ прямо или транзитомъ черезъ Одессу, и потомъ въ Тифлисъ или Таврисъ. Но при сухопутномъ провозѣ изъ Астрахани въ Тифлисъ и оттуда по разнымъ мѣстамъ Закавказскаго Юра и въ Персію, наши промышленники не имѣли возможности противоборствовать сбыту иностранныхъ издѣлій, такъ, что многіе Россійскіе товары стали мало-по-малу выходить въ тѣхъ странахъ изъ употребленія. Для Каспійской торговли остались одни почти громоздскіе и тяжеловѣсные товары, неудобные для сухопутной перевозки. Товары, назначенные изъ Астрахани для Дагестана, идутъ туда сухопутно черезъ владѣнія Шамхала Тарковского, а для Закавказскихъ областей, прилежащихъ къ Каспійскому Морю, моремъ въ Баку, и оттуда развозятся сухопутно въ разныя мѣста. Товары, назначенные собственно для Персін, отправляются изъ Астрахани моремъ въ Баку или Ленкорань, а оттуда сухопутно въ Персію, или прямо изъ Астрахани въ Зинзили, что въ Гилань, и потомъ черезъ Рештъ въ Таврисъ и среднюю Персію; или изъ Астрахани въ гавань Мешгедь-Иссауръ, въ Мазендерань, а оттуда черезъ Бальфурушъ и въ Тегерань; или наконецъ изъ Астрахани въ Баку, а оттуда въ Мешгедь-Иссауръ или Астрабадъ. Отъ Решта до Тавриса менѣе 200 верстъ; отъ Решта до Тегерана караваны ходятъ 10, а до Испагани 15 дней; отъ Мешгедь-Иссаура до

Бальфуруша 21 верста, отъ Бальфуруша до Тегерана 7 дней. Изъ этого, кажется, достаточно видно, что самый удобнѣйшій путь для торговли съ Персією — Каспійское Море; что Астрахань, своимъ водянымъ сообщеніемъ соединяясь съ сердцемъ Россіи, при первомъ усиліи просвѣщенной коммерціи должна превратиться въ главное складочное мѣсто Россійско-Персидской и Средне-Азійской торговли, и что Тифлисъ могъ дѣлаться опаснымъ соперникомъ не по своимъ естественнымъ выгодамъ, а единственно отъ ненадежности судоходства на морѣ и отъ рахдаровъ на сушѣ.

Преобладаніе Персіянъ въ Каспійской торговлѣ склоняетъ теперь ея выгоды болѣе на сторону Персіи, нежели Россіи. Въ прошломъ году отпускъ товаровъ въ Персію простирается на 2,960,000 рублей, а привозъ изъ Персіи въ Россію на 7,420,000. Астраханскій портъ отправилъ ихъ только на 1,000,000, а получилъ на 1,700,000. Съ тѣхъ поръ, какъ Персидскіе купцы, поселившіеся въ Астрахани, стали записываться въ гильдіи, и черезъ это приобрѣли право имѣть свои суда на Каспійскомъ Морѣ, торговля начала переходить въ ихъ руки, и нынѣ почти исключительно ими производится. Пользуясь въ Россіи правами Россійскаго купечества, въ своемъ отечествѣ болѣею довѣренностью, они успѣли отстранить нашихъ купцевъ отъ внѣшней торговли и нѣкоторымъ образомъ уничтожили ихъ мореплаваніе. Нынче Персіяне уже не входятъ въ сдѣлки съ Россійскимъ Астраханскимъ купечествомъ, а привезенный товаръ отправляютъ прямо отъ себя въ Москву и на Нижегородскую ярмарку, и производятъ тамъ покупки почти изъ первыхъ рукъ. Что касается до Астраханскаго мореплаванія, то оно вообще Персидское. Астраханскіе Персидскіе купцы имѣютъ на Каспійскомъ Морѣ, вмѣсто прежнихъ своихъ *киржимовъ*, большія

трехмачтовые суда, поднимающія груза отъ двадцати до тридцати тысячъ пудовъ. Они перевозятъ Русскіе товары въ Зинзили и прочія свои гавани, а Персидскіе прямо изъ Зинзили въ Астрахань, и такимъ образомъ подорвали перевозную торговлю Баку. Бакинскимъ судовщикамъ остается теперь только одинъ промыселъ, — перевозка нефти, соли и шафрана, произведеній Бакинскаго ханства, необходимыхъ для Персіи.

Попечительныя мѣры, нынѣ принимаемыя Правительствомъ въ отношеніи къ Закавказскому Краю и отечественной промышленности, будутъ имѣть благотворное вліяніе на возвышеніе Каспійской торговли, которая можетъ одна обезпечить успѣшнѣйшій сбытъ Россійскихъ товаровъ въ Закавказіи и Персіи. Въ 1831 году, новымъ положеніемъ объ устройствѣ торговыхъ и таможенныхъ дѣлъ, въ Закавказскомъ Краѣ совиѣстничество иностранныхъ издѣлій ограничено; предположено даже отмѣнить сборы, взимаемые при переходѣ товаровъ изъ одного ханства въ другое. Начало этому заключается во введеніи таможеннаго устройства по Персидской сухопутной границѣ. Привозъ товаровъ изъ Персіи Каспійскимъ Моремъ безъ сомнѣнія увеличится, потому что выгоднѣе будетъ отправлять товары изъ Персіи на Зинзили или Бальфурушъ и оттуда моремъ въ Баку, нежели сухимъ путемъ на Ардебиль или Джеватъ. Равнымъ образомъ усилятся привозъ товаровъ изъ Астрахани въ Тифлисъ черезъ Баку, и вообще Россійскія произведенія, уже не обременяемыя сверхъ провозныхъ издержекъ внутренними пошлинами, будутъ тогда продаваться сроднѣе, къ большому распространенію ихъ сбыта. То же самое должно замѣтить и о Закавказскихъ произведеніяхъ, отправляемыхъ въ Россію, и которыхъ сбытъ также затрудняется рахдарами. Въ отношеніи

къ Каспійскому мореплаванію, обращено вниманіе на то, чтобы доставить ему необходимую безопасность, и для этого приняты мѣры къ образованію свѣдущихъ шкиперовъ; въ С.-Петербургекомъ Училищѣ Торговаго Мореплаванія назначено содержать по четыре воспитанника, выбираемыхъ изъ Астраханскихъ жителей Россійскаго происхожденія, всегда по одному въ годъ; сверхъ-того предположено, по ближайшему впредь усмотрѣнію, учредить и въ Астрахани училище мореплаванія. Но заведеніе парашодовъ на Волгѣ и Каспійскомъ Морѣ должно преимущественно содѣйствовать возвышенію нашей торговли, потому что перевозка на нихъ требуетъ гораздо менѣе времени и расходовъ, и гораздо безопаснѣе, нежели на судахъ, теперь употребляемыхъ.

Разсматривая эти благопріятныя для торговли съ Закавказіемъ и Персіею начала, мы должны присвокупить къ нимъ еще одно, не менѣе важное условіе, — именно, преимущественное участіе въ ней Россійскаго купчества.

До сего времени, торговля черезъ Астрахань была въ рукахъ Персіянъ Рештскихъ и ихъ родственниковъ, живущихъ нарочію для того въ Астрахани; а черезъ Тифлисъ, исключительно въ рукахъ Армянъ, такъ какъ Грузины не имѣютъ ни малѣйшей склонности къ торговому промыслу. Армяне, народъ неприхотливый въ образъ жизни, смѣшанный и дѣятельный, могли бы быть, при столь рѣдкихъ кладахъ и знаніи Восточныхъ языковъ, весьма полезными для Россіи купцами, если бы не ограничивались мелочными видами, и если бы врожденная страсть ихъ къ обману и неопозволенному барышу не подрывала общаго къ нимъ довѣрія. Къ тому же, должно прибавить, что между Армянами мало ка-

талістовъ, даже такихъ, которые бы могли содержать коммисіонеровъ. Для закупки товаровъ, большею частію они сами ѣздятъ на ярмарки, и, рѣдко имѣя наличныя деньги, занимаютъ ихъ подъ 20 и болѣе процентовъ. Приѣхавъ туда, они покупаютъ на деньги иногда не болѣе четвертой части забираемаго количества; остальное берутъ въ долгъ. Купцы Русскіе, нуждаясь въ сбытѣ, вѣрятъ имъ; но за то сильно возвышаютъ цѣну, въ вознагражденіе убытка, на случай обмана. Сообразивъ издержки провоза, расходы по торговлѣ, плату огромныхъ процентовъ за капиталъ, невозможность успѣть сдѣлать въ тотъ же годъ болѣе одного оборота, и увеличиваемое ею желаніе получить большой барышъ, — очень понятно, отъ чего нѣкоторые Россійскіе товары продаются въ Тифлисъ, выше цѣнъ Нижегородской ярмарки, 50 и даже 80 процентами. Не говоря уже о тягости для потребителей, не объясняется ли однимъ этимъ обстоятельствомъ уменьшеніе хода въ Закавказію и въ Персію Россійскихъ товаровъ, становящихся несравненно дороже Европейскихъ? и не вполне ли видна и основательная надежда къ хорошему сбыту товаровъ въ этомъ краѣ, если бъ можно было продавать ихъ въ Тифлисъ, вмѣсто нынѣшней надбавки 80 процентовъ, только 12 или 15 процентами дороже противъ цѣнъ въ Россіи, то есть, дороже тѣмъ, что составляетъ провозъ до Тифлиса и умѣренный барышъ?

Такое положеніе торговыхъ оборотовъ между Россією и Закавказскимъ Краемъ внушило мысль объ учрежденіи въ Тифлисъ депò Россійскихъ товаровъ, чтобъ отечественные фабриканты могли присылать туда свои издѣлія для распродажи на коммисію, и тѣмъ избѣгать приведенныхъ неудобствъ. Для этого, въ 1850 году составленъ былъ въ Тифлисъ проектъ «Закавказской Торговой Компаніи» на акціяхъ, съ капи-

таломъ 300,000 рублей, и въ началъ 1831 года были утверждены для ней правила. Средоточіемъ ея дѣйствій предназначался Тифлисъ, какъ первый городъ Закавказскаго Края въ торговомъ и правительственномъ отношеніяхъ; сверхъ-того предполагалось учредить отдѣльныя главныя конторы, — въ Москвѣ, для сношенія съ Московскими и другими Россійскими фабрикантами, желающими отправлять издѣлія свои въ Закавказское торговое депо на комиссію, — въ Астрахани, для складки товаровъ, отправляемыхъ моремъ въ Персидскія и въ наши Закавказскія гавани Каспійскаго Моря, — и въ Баку, для складки товаровъ, доставляемыхъ туда моремъ изъ Астрахани, и назначенныхъ къ отправленію въ Тифлисъ или Персію.

Къ сожалѣнію, эта компанія, по разнымъ обстоятельствамъ, не состоялась. На другихъ основаніяхъ, но съ цѣлію еще обширнѣйшею, учреждено въ Тифлисъ въ 1833 году «Закавказское Общество поощренія сельской, мануфактурной и торговой промышленности». Главная его цѣль состоитъ въ расширеніи мѣстныхъ отраслей народнаго богатства, а, по части торговли, въ «установленіи торговыхъ сношеній Закавказіи съ прочими областями Имперіи и съ другими государственными, и въ усиленіи заграничнаго сбыта Закавказскихъ товаровъ.» Можно надѣяться, что край, столь богатый естественными произведеніями, будучи разрабатываемъ подъ просвѣщеннымъ вліяніемъ подобнаго общества, познаетъ цѣну даровъ щедрой Природы; но это только мѣра покровительная, и Россійская торговля еще ожидаетъ учрежденія, на которомъ бы могла опереть и развить свободное, самостоятельное дѣйствіе всѣхъ своихъ способствъ. Тѣ, у кого есть деньги и охота употребить ихъ очень выгодно для себя и отечества, должны бы были подумать объ этомъ.

Успѣхъ компаніи акціонеровъ для торговли Каспійскаго Моря не можетъ, кажется, подлежать сомнѣнію, — лишь бы только управленіе ею было поручено просвѣщеннымъ, дѣятельнымъ и предприимчивымъ директорамъ. Уничтоживъ барышничество Армянъ, въ рукахъ которыхъ находится нынче Закавказская торговля, компанія существенно распространила бы сбытъ Россійскихъ товаровъ дешевой цѣной, знаніемъ вкуса и нуждъ потребителей, и открытіемъ новыхъ путей торговыхъ; въ особенности она скоро овладѣла бы огромнымъ кругомъ коммерческаго дѣйствія, обративъ вниманіе на усовершенствованіе Каспійскаго судоходства, потому что торгъ Россійскими товарами въ Закавказіи, Персіи, Хивѣ, Бухаріи, а оттуда во всей внутренней Азіи, можетъ производиться выгодно и прочно только при отправленіи ихъ моремъ. Для достиженія этой цѣли представляются компаніи два надежнѣйшіе способа, — заведеніе складочныхъ конторъ въ Астрахани, Баку, Тифлисѣ и главныхъ Персидскихъ портахъ, даже на восточномъ берегу Каспійскаго Моря, а для перевозки товаровъ употребленіе пароходовъ. Компанія вдругъ сокрушила бы преобладаніе Персіянъ на этомъ морѣ, и преклонила бы на свою сторону все выгоды этой богатой торговли, которая теперь, находясь въ рукахъ Азіятцевъ, не можетъ быть обширною, и всюду встрѣчаетъ преграды своему успѣшному ходу и надлежащему развѣтвленію. Азіятцы, не исключая Персіянъ, не входятъ въ большія торговыя спекуляціи, не ведутъ при отбытіи въ Россію и во время пребыванія въ отечествѣ ни какой торговой переписки, какъ по неизмѣнно средствамъ, такъ и по врожденной безвѣчности. Отъ этого, товары, въ которыхъ вдругъ встрѣчается надобность, нерѣдко бываютъ не только не отправлены, но и не закуплены. Сверхъ того національное ихъ корыстолюбіе всегда клонитъ ихъ къ

непомѣрнымъ барышамъ, и желая скоро обогатиться, они продаютъ все очень дорого: Азіятцы, по жадному характеру своему, не въ состояніи выдержать состязанія съ правильною торговлею, производимою систематически и съ Европейскимъ расчетомъ. Не открываешь ли все это Россійской дѣятельности самаго обильнаго источника торговыхъ выгодъ? Между-тѣмъ, кромѣ извѣстныхъ Шуйскихъ купцевъ и фабрикантовъ, Посылиныхъ, которые вѣдутъ непосредственный торгъ съ Персіею черезъ Таврисъ и Зинзили, и производятъ обороты на значительный капиталъ, Русскіе не принимаютъ участія въ Закавказскомъ и Персидскомъ торгѣ, предоставляя его Армянамъ и Персіанамъ. Очевидно, какъ много теряетъ наше купечество черезъ это равнодушіе къ собственной пользѣ, происходящее единственно отъ недостатка просвѣщенной предприимчивости. Даже въ этомъ отношеніи, вѣрнѣйшимъ способомъ было бы учрежденіе торговой компаніи, которая, соединяя въ себѣ капиталы и защиту отъ Правительства, съ большею надеждою на успѣхъ могла бѣ отваживаться на предпріятія, на которыя частныя лица поодиначкѣ не всегда въ силахъ рѣшиться. Но для открытія новыхъ отраслей торговли, для направленія ея на новые пути, для уничтоженія сильнаго соперничества, необходимы еще большіе способы, которые сосредоточиваются только въ большой компаніи, дѣйствующей значительнымъ капиталомъ при другихъ вспомогательныхъ средствахъ. Имѣя въ виду, для собственной пользы, распространеніе связей Россійскаго купечества въ Закавказіи, Персіи и другихъ странахъ внутреннихъ при благоразумномъ распоряженіи своими оборотами, подобная компанія получила бы несмѣтные барыши, и сверхъ-того положила бы твердое основаніе выгоднѣйшему производству этой вѣтви вышней нашей торговли; и тогда, по проложеннымъ ею путямъ, про-

мъшленники, съ меньшими средствами, были бы въ состояніи принимать участіе въ дѣль, представляющемъ нынѣ непобѣдимыя трудности.

Заведеніе отъ компаніи складочныхъ конторъ въ Астрахани, Баку, Тифлисъ и въ главныхъ городахъ и портахъ сѣверной Персіи весьма облегчило бѣ движеніе этой торговли, сокращая время и расходы. Теперь доставка товаровъ съ Нижегородской ярмарки требуетъ болѣе четырехъ мѣсяцевъ, тогда какъ Закавказское купечество могло бѣ получать ихъ по мѣрѣ требованій изъ складочныхъ мѣстъ, находящихся подъ рукою. Пароходы еще болѣе ускорили бѣ эти сношенія. Компанія могла бѣ доставлять по Волгѣ, посредствомъ пароходовъ, всѣ товары изъ мануфактурныхъ губерній, лежащихъ при рѣкѣ и въ недалекомъ отъ ней разстояніи, или сообщающихся съ нею черезъ другія рѣвки и каналы. Пароходы перевозили бы товары изъ Астрахани въ Закавказскія области и въ Персію, нагружаясь обратно тамошними произведеніями. Что касается до Азіятцевъ, то собственныя выгоды мало-помалу склонили бѣ ихъ оставить прежнее направленіе торговъ своихъ на Нижегородскую ярмарку, и обратиться къ портамъ Каспійскимъ, гдѣ они были бы въ состояніи снабжаться потребными товарами во всякое время, по сходнѣйшимъ цѣнамъ и въ достаточномъ количествѣ. Не находя болѣе выгодъ въ закупкѣ товаровъ на ярмаркѣ, они отдались бы отъ прямого участія въ торговль. Нынѣ, отправляя товаръ изъ Нижняго или изъ Москвы прямо за границу, они не имѣютъ нужды въ посредничествѣ Россійскаго купечества; но удобства скораго пріобрѣтенія Россійскихъ и сбыта собственныхъ произведеній заставили бѣ ихъ тотчасъ войти въ сношенія съ компаніею, производящею торгъ прямо отъ себя посредствомъ конторъ своихъ въ Россіи, Закавказіи и

Персін. Вразсужденіи безопасности оборотовъ компаніи въ Персіи и другихъ мѣстахъ внутренней Азіи, уваженіе къ могуществу Россіи и къ Русскому имени даетъ намъ неизмѣримое преимущество передъ всеми Европейскими народами, и мы совершенно обезпечены въ этомъ отношеніи.

Заклучимъ эти мысли статистическимъ обзорніемъ нынѣшней торговли и портовъ Каспійскаго Моря, — потому что въ подобныхъ дѣлахъ должно знать все твердо и подробно. Сѣверные, сѣверозападные и западные берега его принадлежать Россіи; югозападная и южная часть омываетъ части Персіи, а восточныя воды прилежать къ степямъ Трукменскимъ, то есть, никому не принадлежать. Въ Россійскомъ владѣніи находятся на сѣверозападномъ берегу многія пристани, въ настоящемъ положеніи торговли не имѣющія большой важности; но главнѣйшія изъ нихъ и теперь суть Астраханская и Бакинская.

Астрахань лежитъ на такъ называемомъ Долгомъ Островѣ въ рѣкѣ Волгѣ, выше семи большихъ и многихъ малыхъ рукавовъ ея, которые такъ различны величиною, что самый западный имѣетъ 90, а самый восточный только 30 верстъ длины. Ширина Волги составляетъ здѣсь до 314, а мѣстами даже 350 сажень. Гавань лежитъ между Крымскою Башнею на правой, и Варвацкимъ Каналомъ на лѣвой сторонѣ. Позади находится бассейнъ, служащій военною и купеческою гаванью, и хотя прежде былъ весьма глубока, но теперь едва содержитъ въ себѣ 6 футовъ воды; ширины имѣетъ онъ 10 сажень, а длины полторы версты. Почти все устья Волги весьма мелководны, и суда, отходящія изъ Астрахани, должны итти иногда нѣсколько недѣль, пока достигнуть острова Четырехъ Бугровъ, находящагося при самомъ впа-

деніи Волги въ море. Это заставляетъ ихъ, сколько возможно, пользоваться для входа и выхода весеннимъ разливомъ рѣки: тогда плаваніе совершается въ два дни. Во всякомъ случаѣ необходимо хорошо знать фарватеръ, чтобъ избѣжать отмелей. На островѣ Четырехъ Бугровъ устроенъ маякъ, называемый Четырбугорнымъ.

По причинѣ измѣненія фарватера въ устьяхъ Волги и отмелей по ея рукавамъ, шкуоты выходятъ изъ Астрахани безъ всякаго груза, и на взморьѣ, въ разстояніи тридцати верстъ отъ Волги, получаютъ половину груза на мелкихъ расшивахъ; остальная часть подвозится къ нимъ на глубинѣ $2\frac{1}{2}$ до 3 сажень, простирающейся въ открытое море на сто пятьдесятъ и до двухъ сотъ верстъ. Суда, назначенныя въ Астрахань, равнымъ образомъ должны выгружать товары въ мелкія расшивы для доставки ихъ въ Бертульскій центральный карантинъ и оттуда въ Астраханскую таможену. Всѣ эти нагрузки и выгрузки сопряжены съ большими издержками, затрудненіями и опасностями, особливо въ позднее осеннее время. Безпрерывныя крушенія судовъ подвергаютъ купечество чувствительнымъ убыткамъ, и побуждаютъ предпочитать сухопутное отправленіе товаровъ. Весьма желательно, чтобы само Правительство обратило вниманіе на эти преграды, столь стѣснительныя для Каспійской торговли.

Торговля сношенія Астрахани производятся съ Персіею, Бухаріею, Хивою и Закавказскимъ Краемъ.

Важнѣйшіе предметы привоза изъ Персіи суть: шелкъ, хлопчатая бумага сырецъ и приденал, бумажныя, шелковыя и частію шерстяныя издѣлія, со-

стояція въ платкахъ и кашемирскихъ шаяхъ, краска марена и чернильные орѣшки. Всѣ эти произведенія доставляются изъ Персидскихъ областей, Мазандерана и Гилана, за исключеніемъ шалей, получаемыхъ въ Персіи изъ Кашмира. Изъ Бухаріи и Хивы привозъ товаровъ производится отчасти водою чрезъ Мангишлакскую пристань, отчасти сухопутно, чрезъ Гурьевъ, и состоитъ главнѣйше въ хлопчатой бумагѣ сырецъ и пряденой, бумажныхъ и шелковыхъ издѣлійхъ, частію кашемирскихъ шаяхъ и мягкой рухляди. Изъ разныхъ мѣстъ Закавказскаго Края привозятся въ Астрахань тамошнія произведенія: шелкъ, хлопчатая бумага, шафранъ, марена, бумажныя и шелковыя издѣлія, во время навигаціи на судахъ, преимущественно изъ Баку и Сальянъ, а осенью и зимою сухопутно чрезъ Кизляръ.

Изъ привозныхъ товаровъ, бумажныя, шелковыя и полупелковыя издѣлія потребляются въ Закавказскомъ Краѣ, между Горцами и народами, кочующими въ Астраханской Губерніи, Кавказской Области и близъ береговъ Каспійскаго моря. Прочіе, какъ-то, шелкъ, хлопчатая бумага, сырецъ и пряденая, мягкая рухлядь, шафранъ, марена, чернильные орѣшки, въ маломъ количествѣ употребляются въ Астрахани и соседственныхъ мѣстахъ, а главнѣйше отправляются въ Москву и на Нижегородскую ярмарку.

Главныя статьи отпуска изъ Астрахани суть: бумажныя, шелковыя и шерстяныя издѣлія, кожи выдѣланныя, желѣзо, чугуны и чугунное литье, мѣдь, сталь, всякія металлическія издѣлія, посуда стеклянная, фарфоровая и глиняная, зеркала, бумага писчая и оберточная, сахаръ. Всѣ эти предметы суть плоды Россійской промышленности, а изъ иностранныхъ товаровъ отпускаются индиго, кошениль, сандалъ, оло-

во, шпіаутерь, нашатырь, корольки, и т. д. Отпускные товары, закупаемые преимущественно въ Москвѣ и на Нижегородской ярмаркѣ, отправляются изъ Астрахани въ Закавказію, Персію, Хиву и Бухарію, на судахъ Каспійскимъ Моремъ, а въ Закавказскія области, частію сухопутно, чрезъ Кизляръ.

Доставка товаровъ изъ Москвы и съ Нижегородской ярмарки производится сухопутно и водою. Отъ Москвы до Астрахани платятъ по самой дорогой цѣнѣ не болѣе 3 рубля съ пуда. Отъ Нижняго до Астрахани за перевозъ по Волгѣ съ пуда по 50 и 60 копѣекъ ассигнаціями.

Товары по Каспійскому Морю перевозятся на Россійскихъ, Персидскихъ и Татарскихъ судахъ. Россійскихъ судовъ, плавающихъ изъ Астрахани во всѣ порты Каспійскаго Моря, числомъ не больше ста. Великою они бываютъ отъ 45 до 75 и отъ 75 до 100 мастовъ, и строятся, какъ уже мы сказали, очень дурно, безъ всякихъ правилъ. Хотя для постройки мореходныхъ судовъ составлены и изданы отъ Правительства чертежи, но судопромышленники, имѣя въ виду главнѣйше дешевизну, покупаютъ корпуса для судовъ въ Нижегородской Губерніи или пріобрѣтаютъ еще за выгоднѣйшую цѣну на мѣстѣ суда, приходящія съ хлѣбомъ, и обдѣлываютъ ихъ въ шкоуты. Управление судами ввѣряется лоцманамъ; на каждомъ суднѣ бываетъ отъ десяти до шестнадцати матросовъ изъ Русскихъ, Татаръ, Армянъ, по большей части жителей Астраханской Губерніи. Въ должность лоцмана, или шкипера, опредѣляются люди безъ всякаго выбора: судопромышленники предпочитаютъ тѣхъ, которые идутъ въ море за меньшую плату, не соображая того, имѣютъ ли они надлежащія свѣдѣнія. Лоцмана не ведутъ ни счисленія, ни журнала, и

слѣпо ввѣряются навыку, приобретенному въ неоднократноъ переездѣ. Посему не удивительно, что суда подвергаются частымъ несчастіямъ, потрясающимъ торговлю.

Главное и самое выгодное занятіе нынѣшнихъ школовъ — перевозка казеннаго провіанта и военныхъ снарядовъ изъ Астрахани въ Каспійскіе порты для Закавказскихъ войскъ. Но перевозка товаровъ изъ Астрахани въ Персію моремъ, въ сравненіи съ прежними годами, не представляетъ такихъ выгодъ: прежде, за тяжеловѣсные товары платили съ пуда отъ 1 руб. 30 коп. до 2 и 3 руб., а за легковѣсные и громоздскіе отъ 6 до 10 руб.; нынче же платятъ за первые не болѣе какъ отъ 40 до 70 коп., а за послѣдніе отъ 90 коп. до 1 рубля. Цѣны обратнаго транспорта изъ Персидскихъ портовъ въ Астрахань не могутъ быть опредѣлены съ точностью: судохозяева назначаютъ ихъ, смотря по количеству предназначенныхъ къ отправленію товаровъ и находящихся въ наличности судовъ, такъ, что при большомъ стеченіи послѣднихъ, каждый, желая получить грузъ на свое судно, старается понижать цѣны, и тѣмъ доводитъ ихъ до того, что возвращается въ Астрахань съ незначительною прибылью. Это уменьшеніе выгодъ Каспійской судопромышленности должно приписать и большому числу судовъ, превосходящему потребность для грузовъ: во время послѣдней войны съ Персію судостроеніе производилось весьма дѣятельно, по случаю посылокъ значительнаго количества провіанта и снарядовъ для войска, съ платежемъ высокой цѣны и съ требованіемъ отъ подрядчиковъ весьма умѣренныхъ залоговъ. Но главною причиною должно почитать частыя судокрушенія, заставляющія отправлять товары наиболѣе сухимъ путемъ.

Собственно Персидскія суда принимаютъ весьма мало важное участіе въ торговыхъ сношеніяхъ между Астраханью и Персидскими портами; но Россійскія суда, плавающія по Каспійскому Морю, и употребляемыя въ торговль съ Персією, принадлежатъ исключительно Астраханскимъ Персіянамъ.

Суда, занимающіяся перевозкою товаровъ между Астраханью и Мангишлакскою пристанью, на сѣверо-восточномъ берегу Каспійскаго Моря, извѣстны подъ названіемъ — Мангишлакскихъ расшивъ. Они доставляютъ въ Астрахань товары, приходящіе съ караванами изъ Хивы и Бухаріи, и отвозятъ покупаемыя Хивинцами и Бухарцами Россійскія произведенія. Промышленность эта принадлежитъ собственно однимъ Татарамъ, потому что Трухмены и Киргизцы только единовѣрцамъ своимъ не препятствуютъ приставать къ берегу. Татары употребляютъ для этого отъ пяти до двѣнадцати судовъ, смотря по количеству груза, привезеннаго въ Мангишлакъ и назначаемаго къ отправленію туда: каждая расшива поднимаетъ груза отъ 55 до 70 мастовъ.

Нынѣ находятся при Астраханскомъ портѣ три парохода, — одинъ въ 60 силъ, другой въ 52, а третій въ 16 силъ. Они отправляются только въ Нижній, къ ярмаркѣ, съ причаленными къ нимъ судами: груза при первомъ пароходѣ бываетъ отъ 8 до 10,000, при второмъ отъ 4 до 5,000, а при третьемъ до 5,500 пудъ. Они доходятъ туда въ тридцать пять и сорокъ дней, и провозной платы производится до 1 руб. 50 коп. съ пуда. Изъ Нижняго-Новогорода, по окончаніи ярмарки, они возвращаются въ Астрахань, съ разными товарами, ведя за собою каждый по два судна, которыхъ грузъ составляетъ отъ 7 до 9,000 пудъ. При обратномъ провозѣ платится съ пуда отъ 70 коп. до 1

рубля. Этотъ путь совершается въ десять или пятнадцать дней.

Внѣшнюю торговлю при Астраханскомъ портѣ занимаютъ преимущественно Персіане, изъ Россійскихъ и Персидскихъ подданныхъ, прибравшіе къ своимъ рукамъ всю торговлю съ Персіею; Бухарцы и Хивинцы, производящіе торгъ между Россіею и своимъ отечествомъ; Армяне и Татары, торгующіе съ Закавказскими областями. Россійскіе Астраханскіе купцы весьма слабо участвуютъ во внѣшней торговлѣ, и хотя нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ большіе капиталы, но употребляютъ ихъ болѣе въ рыбныхъ промыслахъ, важнѣйшемъ источникѣ богатства Астраханской губерніи. Астраханскіе Персіане суть болѣею частію комисіонеры своихъ соотечественниковъ, пребывающихъ въ Персіи, отъ которыхъ покупается имъ распродажа и покупка товаровъ. Нѣкоторые торгуютъ на собственный капиталъ. Вообще Азіяты, торгующіе съ Россіею, черезъ Астраханскій портъ, не имѣютъ почти ни какихъ торговыхъ оборотовъ съ мѣстными Россійскими купцами, ограничиваясь въ самой Астрахани мелочнымъ торгомъ, по которому сбываютъ кочующимъ въ губерніи племенамъ разные предметы ихъ потребленія.

Для ближайшаго обозрѣнія внѣшней торговли избираемъ предпочтительно 1829 годъ, потому что возстановленіе мира съ Персіею оживило тогда эту торговлю нѣкоторою дѣятельностію: она опять ослабѣла въ послѣдующіе годы, — въ 1831, по причинѣ появленія холеры въ Персіи, Закавказіи и Астрахани, и чумы въ Персіи, особенно въ приморскихъ ея городахъ, а въ 1832 по поводу безпорядковъ въ Дагестанѣ, непріязненнаго положенія Киргизцевъ и Трукменцевъ и ранняго наступленія зимы.

ОТПУСКЪ:

количество :		цѣна :	
Юфти	28,600 шт.....	на	147,511 рублей
Желѣза	258,662 пуд.....		872,300
Мѣди	11,546.....		386,000
Бумажныхъ издѣлій.....		«	965,300
Кошенили	895 пуд.....		421,764
Металла въ разныхъ издѣліяхъ.....		«	284,000
Сукна.....		«	100,877

Всего..... на 4,420,340 рублей.

ПРИВОЗЪ:

количество :		цѣна :	
Бумаги хлопчатой сырца	13,740 пуд.....	на	241,007 рублей
« « пряденой	10,036 пуд....	«	453,777
Марены.....	14,246.....	«	422,419
Москотильныхъ товаровъ.....		«	106,328
Шелка.....	4,359.....	«	1,120,415
Бумажныхъ издѣлій.....		«	451,340
Шелковыхъ.....		«	47,910
Шерстяныхъ.....		«	67,063
Рыбы.....		«	30,518
Фруктовъ.....		«	61,411

Всего..... на 3,377,790 рублей.

Сладкоеричная, или Шандруковская пристань, второй нашъ Каспійскій портъ, есть только складочное мѣсто для большаго количества провіанта, которымъ Астрахань снабжаетъ войска, расположенныя на Кавказской Линіи. Здѣсь нѣтъ ни гавани, ни рейда; даже пристань представляетъ нѣкоторыя неудобства. Въ семь мѣстъ учреждена таможенная застава для надзора за судоходствомъ; но ни какихъ торговыхъ оборотовъ не производится.

Дербендъ, третій портъ, имѣетъ весьма неудобный рейдъ: по причинѣ мелководія, суда должны останавливаться на разстояніи двухъ верстъ отъ берега, ни чѣмъ не закрытыя отъ буруновъ. Жители не производятъ собственной морской торговли. Въ Дербендѣ

находится таможенная застава, через которую отпускаются разные статьи рыбных промысловъ, но преимущественно Закавказскія шелковыя пздѣлія и шафранъ. Привозъ товаровъ маловаженъ.

Низовая Пристань существуетъ единственно потому, что чрезъ нее доставляется изъ Астрахани казенный провіантъ: она не имѣетъ собственныхъ судовъ и ни какой торговли не производитъ. Положеніе мѣста вовсе не удобно для пристани; шкоуты должны останавливаться за семь верстъ отъ берега и на такомъ разстояніи подвержены опасностямъ отъ бури.

Баку — пятая и самая дѣлительная торговая пристань на западномъ Россійскомъ берегу Каспійскаго Моря и потому здѣсь учреждена складочная таможня. Баку лежитъ подлѣ Апшеронскаго полуострова. Собственную гавань образуютъ съ сѣверной стороны города Мысъ Султанъ, или Апшеронскій, выдавшійся въ море отъ Апшеронскаго полуострова, съ южной Мысъ Шиховъ, и наконецъ между обоими острова Наргенъ, Вульфъ и двѣ отмели. Гавань обширна, и, будучи закрыта со всѣхъ сторонъ, доставляетъ судамъ довольно безопасное и удобное мѣсто; глубина 4, 5 и 6 сажень; грунтъ морскаго дна не самый лучшій для якоря, — иловатый и не крѣпкій. Баку имѣетъ преимущество предъ Астраханью въ томъ, что всякія, большія и малыя, суда нагружаются при самой таможенной биржѣ, тогда какъ отходящія изъ Астрахани могутъ принять полный грузъ только въ открытомъ морѣ. Сверхъ-того, Астраханское мореплаваніе продолжается не болѣе шести мѣсяцевъ, по причинѣ замерзанія Волги, а Бакинское къ берегамъ Персіи не прекращается во весь годъ. Но Бакинскій рейдъ не можетъ назваться совершенно безопаснымъ, по причинѣ дующихъ въ немъ вѣтровъ, особенно сѣверозапад-

наго и юговосточнаго, которые часто бывают такъ сильны, что срываются суда съ якорей, и уносятъ иногда въ море.

Баку имѣетъ сношенія съ Астраханью моремъ, а сухопутно съ Тифлисомъ, Эриванью и внутренними мѣстами Закавказскаго Края, отъ которыхъ идутъ сюда довольно удобныя торговыя дороги. Вишняя торговля съ Персією производится на судахъ, плавающихъ между Баку и Энзили: также приходятъ караваны черезъ Ардебиль.

Важнѣйшій предметъ Бакинской торговли — нефть. На Апшеронскомъ полуостровѣ, она добывается трехъ родовъ: зеленоватая жидкая, черная густая и бѣлая. Особенно значительна торговля нефтью перваго рода, который употребляется на освѣщеніе, и по-этому добываютъ его въ наибольшемъ количествѣ. Нефть идетъ въ Персію, Ширванъ, Дагестанъ, Карабагъ и вообще въ большую часть Закавказскихъ областей. Послѣ нефти, главная статья Бакинскаго отпуска — соль, которою снабжаются почти вся восточная Персія, Ширванъ, Куба, Дербендъ, Нуха и частію Карабагъ. Сбытъ Апшеронской соли былъ бы гораздо обширнѣе, если бы не соперничество Эриванской Области. Шафранъ есть третья статья отпускной торговли Баку. Наибольшее количество его идетъ въ Персію; остальное расходуется на мѣстное потребленіе, въ Ширванъ, Талышинъ, частію въ Кубу, Нуху и Астрахань.

Эти три предмета имѣютъ главный истокъ въ Персію. Можно съ достовѣрностью полагать, что ежегодный ихъ отпускъ въ это государство простирается на сумму около 500,000 рублей ассигнаціями.

Кромѣ мѣстныхъ произведеній, для отпуска въ Персію, Бакинскій портъ получаетъ, изъ Россіи чрезъ

Астрахань, металлы и металлическія издѣлія, юсть, краски, писчую бумагу, бумажныя и частію шелковыя издѣлія, сукна, посуду и другія менѣ важныя статьи. Доставка ихъ производится на Бакинскихъ судахъ, привозящихъ въ Астрахань нефть, шафранъ, шелкъ, хлопчатую бумагу, бумажныя и шелковыя издѣлія.

Изъ Персіи получаютъ здѣсь шелкъ, шелковыя и шерстяныя издѣлія, бумага хлопчатая сырецъ и пряденая, бумажныя издѣлія, рыбныя товары, фрукты, и прочая. Всего болѣе выписываютъ бумажныхъ издѣлій, — бурметовъ и бязей: шелковыхъ гораздо менѣ. Первыя отправляются изъ Баку въ значительномъ количествѣ въ Кубу и Дербендъ, гдѣ большая часть народа употребляетъ ихъ для одежды. Шелковыя матеріи употребляются людьми богатыми, особенно женщинами. Кромѣ этихъ предметовъ, въ Баку привозится хлѣбъ, особенно изъ Кубы, Персіи и частію изъ Астрахани: собственнаго хлѣба достаточно только на двѣ трети народонаселенія. Сарачинское пшено приходитъ наиболѣе изъ Персіи, черезъ Зинзили. По причинѣ совершеннаго недостатка въ льсѣ, Бакинцы ѣздятъ за нимъ, по большей части сами, въ Кубу; также достаютъ его изъ Персіи и Ленкорана моремъ, особливо дрова. Уголья доставляются изъ Персіи и Кубы.

Бакинскій портъ имѣетъ мореходныя суда, принадлежащія тамошнимъ Персіянамъ, и которые торгуютъ на собственные капиталы. Главные предметы ихъ промысла — нефть, соль и шафранъ, отправляемые во всѣ Каспійскіе порты Персіи. Провозъ изъ Баку въ Зинзили и другіе Персидскіе порты обходится по самой дорогой цѣнѣ въ 60 копѣекъ съ пуда.

Торговля внѣшняя въ рукахъ Бакинскихъ Персіянъ и весьма небольшого числа иногородныхъ, какъ-то,

Кубинцевъ, Дербендцевъ и Персіянь Персидскихъ подданныхъ. Отпускъ товаровъ въ 1829 году простирался на 1,047,173 рубля; привозъ, на 2,184,668.

Сальяны, шестая пристань, имѣютъ изрядный рейдъ, и если судоходство по Куру получить большую опредѣлительность, то Сальяны сдѣлаются важнымъ складочнымъ мѣстомъ. Теперь здѣсь производятся обороты только по рыбнымъ промысламъ, которые простираются на нѣсколько милліоновъ рублей. Въ Сальянахъ учреждена таможенная застава, черезъ которую привозъ и отпускъ весьма маловажны.

Отъ Сальянъ вверхъ по Куръ судоходство совершается на плоскодонныхъ Персидскихъ судахъ, называемыхъ сандалами, или киржими, до Джевата, гдѣ стекается Араксъ съ Куромъ. Въ этомъ мѣстѣ находится таможенная застава, черезъ которую отпускается маловажное количество сырыхъ кожъ и шелка; но привозъ Персидскихъ бумажныхъ издѣлій, поступающихъ на потребленіе въ сосѣдственныхъ Закавказскихъ областяхъ, весьма значителенъ и простирается почти на 500,000 рублей.

Ленкоранскій рейдъ открытъ для всѣхъ вѣтровъ. Приходящія въ Ленкорань суда останавливаются въ разстояніи полуторы и двухъ верстъ отъ берега, въ лѣтнее время на глубинѣ 5, а въ зимнее 7 сажень. Но географическое положеніе этого города весьма выгодно: онъ лежитъ при морѣ и въ близкомъ разстояніи отъ всѣхъ главныхъ торговыхъ городовъ Персіи, — Ардебилля, Тавриса, Зинзили, Решта, Астрабада, Тегерана, откуда товары могутъ удобно приходиться морскимъ и сухимъ путемъ. Къ водворенію въ Ленкорань обширной торговли, главныя препятствія заключаются въ неудобствахъ самаго рейда, на которомъ суда не защищены отъ вѣтровъ, въ недостаткѣ

приличнаго мѣста для устройства складочныхъ магазиновъ, и наконецъ во всегдашней опасности отъ нападенія Персіянъ, по причинѣ весьма близкаго соседства. Въ Ленкоранѣ находятся таможенная застава, черезъ которую отпускаются нѣкоторые мѣстные произведешя на малую сумму, а привозятся шелкъ, бумажныя издѣлія, москотильные товары, и прочая, цѣною на 200,000 рублей.

Наконецъ Островъ Сара заслуживаетъ особенное вниманіе не какъ торговая пристань, но какъ лучшее якорное мѣсто по всему западному берегу моря. Грунтъ морскаго дна состоитъ изъ густаго ила, и суда почти со всѣхъ сторонъ закрыты отъ вѣтровъ: только иногда съверозападный и съверный вѣтръ производитъ волненіе, которое однако не причиняетъ ни какого вреда. Суда останавливаются во стѣ саженьхъ отъ берега на $3\frac{1}{2}$ и 4 саженьхъ глубины. Вообще Саринскій рейдъ весьма удобенъ и безопасенъ. Онъ лежитъ между островомъ Сарою и матерымъ берегомъ Гальшинскаго ханства, и проливъ имѣетъ ширины не болѣе четырехъ верстъ. Островъ Сара, издавна предназначень для пребыванія Россійской эскадры, которой крейсированіе охраняетъ нашу морскую торговлю съ Персією и приморскую границу.

Превосходство рейда, безопасность по причинѣ отдаленія отъ матерой земли и пребыванія военныхъ судовъ, и близость къ Персидскимъ портамъ, — всѣ эти удобства предназначаютъ Сару содѣлаться однимъ изъ главныхъ складочныхъ мѣстъ Россійско-Персидской торговли.

Г. В.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

и

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

ЗАМѢЧАНІЯ ОБЪ УДОБРЕНІИ ЗЕМЛИ НАВОЗОМЪ.

=

Въ слѣдствіе стариннаго предрасудка, будто-бы растительныя вещества, входящія въ составъ навоза, могутъ сдѣлаться растворимыми въ водѣ, и слѣдовательно полезными для удобренія земли не иначе, какъ подвергнувшись предварительно известной степени броженія или гніенія, — многіе сельскіе хозяева кладутъ навозъ на свои поля не прежде, пока онъ достаточно перегніетъ, или, какъ говорится, перепрѣетъ. Не взирая, что это мнѣніе имѣетъ многихъ защитниковъ, не только между сельскими хозяевами, привыкшими дѣйствовать по указанію ихъ прадедовъ, но даже и между нѣкоторыми новѣйшими писателями — должно однако жъ согласиться, что оно противурѣчитъ не только теоріи, но и практическимъ наблюденіямъ; ибо, если бъ такое предварительное гніеніе навоза было въ самомъ дѣлѣ необходимо по вышесказанной причинѣ, то, по совершенномъ перегнітіи онаго, вся масса сего перегноя должна бы обратилась въ совершенно растворимое вещество; однако жъ мы этого не замѣчаемъ, да и едва-ли кто можетъ доказать, чтобы растворимость навоза увеличивалась по мѣрѣ перепрѣванія онаго. Столь ошибочное мнѣніе только вовлекаетъ сельскихъ хозяевъ въ заблужденіе; слѣдуя оному безусловно, они безъ всякаго вознагражденія теряютъ большое количество земледобряющихъ началъ, содержащихся въ навозѣ и, просто сказать, гоняются за чѣмъ то несбыточнымъ и физически невозможнымъ. Навозъ, перепрѣвая въ кучахъ,

никогда не обратится въ совершенно растворимое вещество, да если бы это было и возможно, то даже и въ такомъ случаѣ земледѣлецъ не получилъ бы отъ сего желаемой выгоды; ибо, покуда навозъ прѣветъ и нѣкоторыя находящіяся въ немъ растительныя вещества гниютъ, обращаясь, положимъ, и въ растворимое вещество; то въ тоже самое время другія, гораздо драгоценнѣйшія начала, въ томъ же навозѣ содержащіяся, разлагаются и, улетая въ видѣ испареній, безвозвратно теряются; между-тѣмъ какъ, оставаясь въ землѣ подъ покровомъ, они приносили бы сему послѣднему существенную пользу. Съ другой стороны, поелику всякое земледобряющее вещество дѣйствуетъ тѣмъ продолжительнѣе, чѣмъ оно долѣе остается въ землѣ; и притомъ опытами доказано, что корни растений, отъ природы уже одарены свойствомъ растворять и обращать въ соки питательныя вещества именно въ то самое время, когда растеніе имѣетъ въ нихъ нужду: то не очевидно ли, что гораздо выгоднѣе полагать въ землю непрерывный навозъ, чѣмъ предварительно доводить его до весьма несовершенной степени растворимости?

Ислѣдовавъ хорошенько явленія, сопровождающія свободное разложеніе органическихъ веществъ, легко постигнуть всю важность потери земледобряющихъ началъ, происходящей въ кучѣ прѣющаго навоза. Съ той самой минуты, какъ органическое тѣло лишилось своей жизненности, часть составныхъ началъ его начинаетъ отдѣляться, или въ свободномъ состояніи, или въ видѣ новыхъ соединеній, не существовавшихъ въ живомъ тѣлѣ. Начала сін, подверженныя совокупному дѣйствию теплоты и влажности, измѣняются и, разлагаясь, вступаютъ въ новыя соединенія и тѣмъ скорѣе, тѣмъ ощутительнѣе, чѣмъ болѣе содержится азота въ орудныхъ тѣлахъ. При вліяніи сихъ обстоятельствъ основныя начала органическихъ тѣлъ, какъ то: углеродъ, кислородъ, водородъ, азотъ и проч. отдѣляются изъ гнющей массы и, соединяясь между собою, образуютъ амміакъ (такій нашатырный спиртъ), угольную кислоту, углеводородный, фосфороводородный и сврводородный газы, которые не только безъ пользы разсвѣваются въ атмосферѣ, но даже еще заражаютъ воздухъ.

Итальянский агрономъ, Г. Таддеа, известный своимъ познаніями и многими сочиненіями по части земледѣлія и сельскаго хозяйства вообще, помѣщенными въ разныхъ Французскихъ Журналахъ и отличающимися основательностію и ясностію изложенія, желая въ точности опредѣлить потерю земледобряющихъ началъ, происходящую при гніеніи животныхъ наземовъ, сдѣлалъ слѣдующій опытъ:

Высушивъ при температурѣ въ 48° Р. т. известное количество голубинаго, человѣчьяго, овечьяго и коровьяго пометовъ, каждый порознь, онъ растеръ ихъ въ мелкій порошокъ. Опредѣливъ потомъ въ каждомъ изъ сихъ наземовъ относительное количество твердой массы, оставшейся послѣ просушки оныхъ и сравнивъ его съ первоначальнымъ количествомъ тѣхъ же веществъ, онъ взялъ поровну всѣхъ четырехъ пометовъ, и смочивъ ихъ равнымъ же количествомъ чистой воды, положилъ въ четыре отдѣльные сосуда. Сосуды сія были нарочно неплотно закрыты для того, чтобы наружный воздухъ имѣлъ въ нихъ свободный доступъ, и слѣдовательно, чтобы потомъ можно было опредѣлить потерю въ всѣхъ каждаго изъ сихъ наземовъ, которая произойдетъ въ нихъ отъ гніенія въ продолженіе трехлѣтнихъ мѣсяцевъ, Мая, Іюня и Іюля. Въ продолженіе всего этого времени онъ постоянно наблюдалъ измѣненія, происходившія въ каждомъ изъ сихъ наземовъ въ разныя эпохи гніенія; время отъ времени подливалъ въ сосуды чистой воды, коль скоро замѣчалъ въ нихъ недостатокъ влаги, нужной для поддержанія гніенія, и наконецъ, 1-е Августа изслѣдовалъ оставшіяся въ сосудахъ массы, высушивъ оныя предварительно, и нашелъ, что твердый остатокъ каждаго назема былъ значительно меньше взятаго первоначально количества оныхъ, а именно, изъ 100 частей каждаго помета осталось:

Голубинаго.....	16	съ дробью.
Человѣчьяго.....	50	— — —
Овечьяго.....	68	— — —
Коровьяго.....	80	— — —

Почти тотъ же результатъ полученъ былъ еще и другимъ агрономомъ, Г. Гаццери, производившимъ опыты надъ тѣми же наземами; и если въ конечныхъ выводахъ сихъ

опытовъ и есть нѣкоторая разность, то она очень незначительна, и, вѣроятно, зависитъ отъ неодинаковаго количества употребленныхъ наземовъ, отъ неравнаго времени гніенія оныхъ и другихъ случайныхъ обстоятельствъ. Г. Гаццери продолжалъ еще далѣе свои изслѣдованія: онъ сравнилъ, по возможности точнымъ образомъ, количество соляныхъ и землястыхъ частицъ, содержащихся въ разныхъ наземахъ, какъ прежде, такъ и послѣ перегноенія оныхъ. Изъ этого сравненія онъ совершенно убѣдился, что перепрылый навозъ содержитъ въ себѣ иногда вдвое или по-крайней-мѣрѣ одною третью болѣе соляныхъ и землястыхъ частицъ, нежели неперегнившій наземъ; а какъ при производствѣ опытовъ онъ употреблялъ перегнанную воду, въ которой слѣдовательно не могло находиться соляныхъ и землястыхъ веществъ, то этого достаточно, кажется, для убѣжденія, что при гніеніи животнаго назема всегда бываетъ значительная потеря. Изъ опытовъ Г. Гаццери усматривается, что потеря сія обыкновенно простирается въ пометахъ :

Куриномъ, человѣчьемъ и овечьемъ до.....	$\frac{1}{3}$
Лошадиномъ болѣе.....	$\frac{1}{3}$
Коровьемъ.....	$\frac{1}{4}$

Если же изъ вѣса массы, оставшейся послѣ гніенія, вычтемъ вѣсъ землястыхъ и соляныхъ веществъ, которыхъ, собственно говоря, не слѣдуетъ причислять къ веществамъ, способствующимъ къ питанію растений, то вышеозначенная потеря будетъ еще значительнѣе.

Означенная потеря въ вѣсъ наземовъ, преимущественно зависящая отъ гніенія оныхъ, дѣлается еще замѣтнѣе, если испытуемый наземъ очень сложенъ, и въ особенности если въ немъ содержится моча. Эта жидкость, которая, какъ извѣстно, сама по себѣ очень скоро загниваетъ, не только возбуждаетъ гнилое броженіе въ веществахъ трудно гнющихся, но еще до такой степени ускоряетъ гніеніе, что въ короткое время вся масса смоченнаго ею назема превращается въ сухой черноземъ. Столь быстрое измѣненіе легче всего примѣчается въ конскомъ навозѣ, особливо когда землядѣльцы, для ускоренія прѣлости, поливають его мочею или другою скоро согнивающею жидкостію.

Слѣдующій опытъ еще болѣе подтверждаетъ справедливость вышесказаннаго:

Г. Таддеи, обливъ пятью фунтами человѣческой мочи пять же фунтовъ овечьяго навоза, содержащаго 50 частей, по вѣсу на 100, соломы и 70 частей настоящаго кала, выставилъ часть этой смѣси на воздухъ въ муравленой площадкѣ. По прошествіи трехъ мѣсяцевъ, высушивъ оставшуюся массу, онъ нашелъ, что количество взятаго имъ назема, всѣвившее въ свѣжемъ состояніи $58 \frac{23}{100}$ унцій, всѣсило по прекращеніи гніенія только $20 \frac{13}{100}$ унцій, и что изъ 11 унцій соломы осталась только одна унція. Желая продолжать опытъ далѣе, онъ смочилъ полученный остатокъ опять тою же мочею, и по прошествіи еще трехъ мѣсяцевъ нашли въ площадкѣ только 15 унцій сухаго назема. Наконецъ по прошествіи цѣлаго года весь наземъ обратился въ рыхлую землястую массу, всѣвившую только 11 унцій, вѣсъ которой вѣроятно уменьшился бы еще болѣе, если бы ее подвергнуть дальнѣйшему броженію.

Подобному же испытанію были подвергаемы двѣ другія смѣси, состоявшія: одна изъ человѣчьяго кала, соломенной сѣчки и мочи, а другая изъ коровьяго помета, сѣчки и мочи. По окончаніи гніенія оказалось, что потеря въ вѣсѣ человѣчьяго кала была больше, нежели въ навозѣ рогатаго скота. Такимъ образомъ новый опытъ подтвердилъ известное уже положеніе, что коровій навозъ есть самый холодный, а конскій занимаетъ средину между овечьимъ и коровьимъ. По невозможности показать причину сего различія, замѣтимъ только, что она не зависитъ отъ рода пищи животнаго; ибо конскій и коровій навозы всегда болѣе или менѣе сохраняютъ существенныя свои отличія, чѣмъ бы коровы и лошади ни питались, овсомъ ли, соломенною ли сѣчкою, сѣномъ, или травою. Впрочемъ земледѣльцу важно знать въ подробности только относительную степень гніючести каждаго назема, дабы, основываясь на семъ познаніи, онъ могъ избирать такой навозъ, который наиболѣе приличенъ почвѣ и растеніямъ, которыя онъ воздѣлываетъ.

Вообще гніеніе принимается химиками за особый родъ обугленія безжизненныхъ, органическихъ веществъ; да и действительно, во всякой остающейся послѣ гніенія массѣ

уголь всегда находится въ избыткѣ предъ всѣми прочими началами растительныхъ и животныхъ веществъ. Большое же количество угля, содержащееся въ черноземѣ, который, какъ извѣстно, происходитъ отъ медленнаго гніенія растительныхъ веществъ, очевидно показываетъ, что въ нѣгъ сохранились еще другія начала, которыя находились въ соединеніи съ углемъ, но при гніеніи отдѣлились отъ него и улетѣли. Перегнившій же или, такъ называемый, перепрѣвшій навозъ, очень близко подходитъ къ чернозему, следовательно ясно, что при гніеніи навоза въ кучахъ теряются изъ него такія вещества, которыя въ противномъ случаѣ остались бы въ почвѣ и необходимо служили къ удобренію оной. Желаніе точнѣе удостовѣриться въ потерѣ землеудобряющихъ началъ перепрѣвшаго навоза, или, лучше сказать, убѣдиться почти въ совершенномъ уничтоженіи ихъ во время гніенія, пусть возьмутъ два опредѣленные количества одного и того же навоза: одно въ свѣжемъ, а другое въ перепрѣвшемъ состояніи, и потомъ сожгутъ въ глиняныхъ плошкахъ. Тогда въ золѣ перепрѣвшаго навоза найдется нерастворимыхъ солей втрое болѣе, нежели въ золѣ, полученной черезъ пережиганіе свѣжаго навоза. Следовательно безъ ошибки можно положить, что въ перегнившемъ навозѣ содержится плодотворныхъ началъ по-крайней-мѣрѣ вдвое меньше, чѣмъ въ свѣжемъ.

Но кромѣ того, что перепрѣвшій навозъ содержитъ въ себѣ менше землеудобряющихъ веществъ, нежели свѣжій, есть еще другія, не меньше важныя, обстоятельства, дающія сему послѣднему явное преимущество передъ первымъ. Причины сіи суть: 1-е) что перепрѣвшимъ навозомъ почва удобряется не такъ прочно, какъ свѣжимъ; 2-е) что перепрѣвшій навозъ не разрыхляетъ почвы около корней растеній, и потому необходимый для нихъ атмосферный воздухъ не можетъ такъ удобно проникать въ почву; 3-е) что онъ не усиливаетъ въ землѣ теплоты, столь необходимой для произрастанія растеній.

Извѣстный Англійскій Химикъ Гумфри Деви, собравъ и разложивъ газы, отдѣлявшіеся изъ свѣжаго конскаго навоза, который онъ подвергалъ медленному гніенію въ большой ретортѣ, нашель, что они состоятъ преимущественно изъ

угольной кислоты, углекислого газа и азота. Пары, выходящие из гниющей массы, сгустившись, дали значительное количество жидкости неприятного запаха, содержащей аммиакъ въ соединеніи съ уксусною и угольною кислотами. Потомъ загнувъ шейку другой реторты, наполненной навозомъ же, такъ, что отдѣлявшіеся при гніеніи онаго газы, могли свободно распространяться около корней дерна, Деви по прошествіи недѣли замѣтилъ, что дернъ началъ значительно лучше разрастаться. Этотъ опытъ Англійскаго Химика ясно показываетъ, какъ много теряетъ земледѣлецъ, удобряющій свои поля перепрѣвшимъ навозомъ. Множество паровъ и газовъ, отдѣляющихся при гніеніи навоза, вовсе теряются, между-тѣмъ какъ тѣ же газы, оставаясь въ навозѣ, могли бы въ послѣдствіе времени доставить вздымаемымъ растеніямъ большой запасъ питательныхъ веществъ.

Показавъ ущербъ, которому подвергаются земледѣльцы, удобряющіе свои поля перепрѣвшимъ навозомъ, остается еще опровергнуть возраженія, которыя могутъ сдѣлать сельскіе хозяева, нуждающіеся въ большомъ количествѣ навоза и потому принужденные увеличивать запасъ онаго часто перемѣною подстилки въ конюшняхъ и хлѣвахъ, или, говоря другими словами, примѣшивать къ настоящему навозу постороннія вещества, которыя сами по себѣ не составляютъ хорошаго навоза. Для обращенія этихъ-то веществъ въ плодотворный навозъ, можетъ-быть скажутъ иные, надобно навозъ предварительно перегнойть: самая Библиотека для Чтенія назвала замысловатымъ и одобрила Саксонскій способъ унавоживать землю, и говорила о пользѣ предварительнаго перегноенія дерна между слоями навоза, даже о необходимости этого процесса въ переслоенныхъ кучахъ навоза съ дерномъ, такъ почему жъ нынче совѣтуютъ намъ остерегаться пуще огня, чтобы не только навозъ, да даже и солома въ немъ не перепрѣла.

Разсмотримъ это предполагаемое возраженіе. Очень справедливо, что часто перемѣною подстилки значительно увеличивается запасъ навоза, и даже его качество терпитъ отъ того не слишкомъ много; а съ другой стороны этимъ отвращаютъ многія болѣзни скота, происходящія отъ не-

чистоты помѣщений; но если сообразить хорошенько потерю плодотворныхъ началъ, содержащихся въ навозѣ и улетающихъ при гніеніи онаго, и сравнить эту невыгоду съ ничтожнымъ увеличеніемъ количества навоза перегнишею соломою и другими веществами, употребляемыми на подстилку: то кто не согласится, что земледѣлецъ, съ намѣреніемъ возбуждающій гніеніе въ навозѣ, содержащемъ и много соломы, жертвуетъ существенными выгодами мнимо только улучшенію приготовляемаго имъ навоза и воображаемому увеличенію запаса его, и черезъ то добровольно лишаетъ себя огромнаго количества плодотворныхъ началъ, безвозвратно теряемыхъ для слѣдующаго посева, тѣмъ болѣе, что и не перегнившая солома сама по себѣ составляетъ ужѣ посредственный навозъ, особливо, если она, будучи употреблена на подстилку, напиталась мочею и прочею навозною влагою, которая безъ нея ушла, бы можетъ быть въ землю, служащую помостомъ въ стойлахъ, или безъ всякой пользы и даже ко вреду скота скоплялась бы подъ поломъ, что также нерѣдко случается.

Тутъ вовсе нѣтъ противурѣчія: при Саксонскомъ способѣ примѣшивается къ навозу вмѣсто соломы дернъ, который, вбирая въ себя влагу изъ навоза, сушитъ его и тѣмъ не только не содѣйствуетъ, но напротивъ того препятствуетъ его гніенію; а если самъ и прѣветъ, то прѣветъ по необходимости, и при всемъ томъ въ переслоенныхъ такимъ образомъ кучахъ сохраняются даже и летучія начала, соединяясь на время частію съ землею, которая находится въ дернѣ, частію же опять съ навозомъ, сквозь слои котораго имъ должно пробираться. Впрочемъ, здѣсь встрѣчается еще одно, совершенно постороннее обстоятельство, которое даже требуетъ, чтобы дернъ, то есть, коренья травъ попортились или вовсе сгнили, — въ противномъ случаѣ они могли бы снова взойти и заглушить цѣлое поле.

Такъ изъ всего явствуетъ, что земледѣлецъ, желающій хорошо и прочно удобрить свои поля, долженъ всѣми силами стараться отвращать несвоевременное гніеніе навоза; и потому возможность съ небольшими издержками и трудами сушить навозъ домашняго скота и обращать его въ такія же сухія массы, въ какихъ естественно находятся по-

меты куръ и голубей, составила бы въ земледѣліи немало-важную выгоду. Для просушки навоза можно бы, кажется, раскладывать его на солнце небольшими кучками, и потомъ уже сгребать въ одну большую кучу. Просушенный такимъ образомъ навозъ конечно будетъ сохраняться довольно долго; если же бы, паче чаянія, внутри такой кучи и замѣчено было со временемъ значительное повышеніе температуры, то ее почти всегда можно снова разбросать, и тѣмъ остановить броженіе въ самомъ началѣ. Моча, вода и другія жидкости, которыми нѣкоторые хозяева поливаютъ у себя навозныя кучи, для отвращенія гніенія, прекращаютъ его только на короткое время, но потомъ еще болѣе усиливаютъ оное. Деви и другіе агрономы советуютъ вывозить навозъ прямо на поле, и зарывать его тамъ въ землю, тѣмъ скорѣе, чѣмъ удобнѣе онъ гнѣеть. Они утверждаютъ, что это есть лучшее и вѣрнѣйшее средство сохранить въ навозѣ большую часть содержащихся въ немъ летучихъ плодотворныхъ началъ; ибо составныя части навоза, зарытаго въ землю, не такъ скоро приходятъ въ броженіе и потому плодотворныя начала удобнѣе и долѣе удерживаются землею и кореньями. Если бы почему либо нельзя перевозить на поле всего запаса получаемаго ежедневно навоза, и непосредственно зарывать въ землю, то можно сберечь его въ ямахъ, вырытыхъ въ тѣни на сѣверъ, выложенныхъ внутри кирпичемъ или обмазанныхъ крѣпко убитою глиною и закрываемыхъ досками. Деви советуетъ дѣлать эти ямы покатыми въ одну сторону, и въ стѣнѣ пробивать стоки для спуска жидкости въ другую такую же яму, выкопанную нѣсколько ниже первой. Полезно также перемѣшивать навозъ съ дубовою толчею, остающеюся послѣ дубленія кожъ.

Каждый сельскій хозяинъ, хорошо вникнувшій въ дѣйствіе употребляемыхъ имъ наземовъ, долженъ наблюдать, чтобы не мѣшать въ одно мѣсто навоза разнородныхъ животныхъ, а держать ихъ каждый отдѣльно; дабы потомъ удобнѣе ему было брать тотъ или другой изъ нихъ, смотря по надобности. Н. Ф.

**МУРАВА ДЛЯ ГЛИНЯНОЙ ПОСУДЫ,
НЕ СОДЕРЖАЩАЯ ВЪ СЕБѢ СВИНЦУ.**

=

Для приготовленія сей муравы, толкутъ въ самый мелкій порошокъ смѣсь четырехъ частей прокаленной соды и пяти частей чистаго бѣлаго песка, не вмѣющаго въ себѣ ни сколько желѣза. Приготовленный такимъ образомъ порошокъ кладется въ самый огнеупорный тигель, натертый внутри мѣломъ, и ставится въ самый сильный жаръ горючей печи или въ обыкновенный горнъ; когда смѣсь расплавится и остеклится, толкутъ ее въ мелкій порошокъ, разводятъ водою и намазываютъ на глиняную посуду; при всемъ же прочемъ поступаютъ какъ съ обыкновенною муравою. Эта мурава, проникая очень удобно въ глину, составляетъ на ней родъ стекляннаго слоя, который имѣетъ превосходный блескъ, и не портится ни отъ кислотъ, ни отъ щелочей.

Слѣдующія пять смѣсей даютъ также очень хорошую мураву и могутъ быть съ пользою для сего употреблены.

1. Стекла.....	32 части
Буры.....	16
Виннаго камня.....	3

Бура предварительно пережигается, потомъ же поступаютъ во всемъ, какъ сказано выше.

2. Переженной соды.....	50 частей
Истолченнаго въ порошокъ кремня....	90

Для превращенія въ порошокъ кремней, сначала ихъ накалываютъ до красна и въ такомъ видѣ кидаютъ въ холодную воду, а потомъ уже толкутъ въ ступкахъ. Смѣшавъ соду съ кремнемъ, плавятъ эту смѣсь вышеупомянутымъ образомъ.

3. Сода.....	80 частей
Песка.....	70
Глины.....	40

Пережегши соду и высушивъ и истерши глину, смѣшиваютъ сіи вещества съ пескомъ и потомъ ихъ плавятъ, какъ выше сего сказано.

4. Пережженной соды..... 3 части
Кварцового песка..... 4

Смѣшавъ оба вещества, плавятъ ихъ такимъ же образомъ.

5. Порошка пемзы..... 16 частей
Порошка окисла марганца (черной магнезии) 1

Смѣшавъ пемзу и марганецъ плавятъ ихъ, какъ сказано выше.

Увѣряютъ, что мурава, приготовленная любымъ изъ сихъ способовъ, очень красива, прочна и долговѣчна; что же касается до здоровья, то уже конечно безвреднѣе обыкновенной муравы, приготовляемой съ свинцомъ. *Н. Ф.*

ВЪИСКІЙ СПОСОБЪ ВОРОНИТЬ РУЖЬЯ.

=

Есть множество различныхъ способовъ воронить ружейные стволы и вообще всякія желѣзныя вещи. Трудно опредѣлить, который изъ нихъ лучший; но можно по крайней мѣрѣ положиться на знатоковъ этого дѣла, что нижеслѣдующій, преимущественно употребляемый Вѣискими оружейными мастерами, заслуживаетъ полное одобреніе по своей прочности и красотѣ.

Возми по вѣсу:

- Слабой селитряной кислоты (крѣпкая водка).... 1 часть.
Селитряного зѣбра..... 1
Виннаго спирта..... 2
Мѣднаго (синяго) купороса..... 4
Раствора соляно-кислаго желѣза (желѣзной настойки) 2

Растворивъ купоросъ въ достаточномъ количествѣ воды, смѣшай его хорошенько въ стеклянномъ сосудѣ съ прочими вышенаказанными веществами. Приготовивъ эту смѣсь и вычистивъ какъ можно лучше ружейный стволъ, такъ, чтобъ на немъ не оставалось ничего посторонняго, смажь его посредствомъ мягкой губки приготовленнымъ составомъ, заткнувъ напередъ дуло и затравку. Черезъ 24 часа, т. е. когда составъ на стволѣ высохнетъ, очисти его жесткою

щеткою, смажь снова, опять просуши, и повторивъ это раза три или четыре, смотря по надобности, окуни стволъ въ кипящій щелокъ, потомъ вынувъ, вытри его до-суха, выгладь крѣпкимъ деревяннымъ лощикомъ и наконецъ покрой обыкновеннымъ краснымъ спиртовымъ лакомъ. Дабы лакъ ложился глаже и ровнѣе, недурно стволъ нагрѣть отъ 70 до 80 градусовъ Р. т., опустивъ его предварительно въ кипятокъ. По отлакированіи ствола надобно его снова выгладить, сначала гладиломъ, а потомъ мягкою щеткою или суконкою. *Н. Ф.*

СРЕДСТВО ПРОТИВЪ РЖАВЧИНЫ.

=

Холстина, питаемая крѣпкимъ растворомъ сѣрнокислаго натра или глауберовой соли (*sal mirabile glauberi*) въ известковой водѣ, и потомъ тщательно высушенная, очень хорошо предохраняетъ отъ сырости и ржавчины самыя нѣжныя стальные вещи, какъ то, ланцеты, иглы и другіе хирургическіе инструменты, плотно ею обернутые. Не только желѣзо и сталь, но и другія вещи, какъ-то, пергаментъ, бумага и проч., будучи завернуты въ такую холстину, также хорошо предохраняются отъ сырости.

Пейэнь, весьма много занимавшійся этимъ предметомъ, въ недавнемъ времени открылъ, что известь, особливо негашеная, и всѣ щелочи имѣютъ вообще свойство предохранять желѣзо отъ ржавчины. Стальная вещь, засыпанная негашеною известью, не ржавѣетъ; намагниченная игла, повѣшенная на шелковникъ въ насыщенной известковой водѣ, ни мало не теряетъ своихъ первоначальныхъ свойствъ; желѣзные вещи, лежащія въ щелочномъ растворѣ, или густо онымъ смазанныя, сохраняютъ весь свой блескъ и чистоту, даже въ самыхъ сырыхъ мѣстахъ. *Н. Ф.*

ОБЪ УДОБРЕНІИ ЗЕМЛИ ТОРФОМЪ.

=

Многимъ сельскимъ хозяевамъ неоднократно приходило на мысль удобрять свои поля торфомъ, но не всѣмъ удавалось вполне воспользоваться этимъ средствомъ; ибо, при исполненіи, часто встрѣчались неудачи, зависящія, вѣроятно, отъ неумѣнья взяться за это дѣло, которое требуетъ если не особаго искусства, то по-крайней-мѣрѣ, нѣкоторыхъ извѣстныхъ приѣмовъ. Что же касается до возможности съ пользою употреблять это вещество для удобренія земли, то она не подлежитъ ни какому сомнѣнію. Торфъ есть нечто иное, какъ масса сплетшихся корней и другихъ остатковъ разрушенныхъ растений, которые, перегнивъ, необходимо должны дать хорошій черноземъ. И такъ все искусство состоитъ въ томъ, чтобы довести торфъ до надлежащей степени броженія и тѣмъ сообщить ему свойство согревать и удобрять почву. Многіе занимались изслѣдованіемъ торфа, и между прочимъ нашли (Meadowbank), что противуположное свойство онаго зависитъ частію отъ содержащихся въ немъ чернильно-орѣшковой кислоты и дубильнаго вещества; но, что скорогниущій, или, какъ говорится, горячій навозъ, находясь въ смѣшеніи съ торфомъ, способствуетъ броженію онаго и тѣмъ превращаетъ его въ хорошій навозъ. Для сего советуютъ смѣшивать торфъ съ навозомъ и преимущественно съ конскимъ, слѣдующимъ образомъ:

Сначала должно торфъ хорошенько высушить, перевертывая его почаще въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, потомъ, положивъ слой торфа толщиной около шести дюймовъ, покрыть его слоемъ навоза толщиной дюймовъ въ десять; сверху положить опять слой торфа въ шесть дюймовъ и слой навоза въ четыре дюйма; наконецъ еще слой торфа въ шесть же дюймовъ толщиной и на него опять слой навоза, только самый тонкій, и все это закрыть слоемъ торфа. Переслоенная такимъ образомъ куча вышиною отъ 4 до 5 футовъ вскоре разогрѣвается и начинаетъ бродить; въ томъ это броженіе поддерживается дней десять, а зимою около четырехъ недѣль. Если жаръ внутри кучи слишкомъ

увеличится, то ее надобно полить водою или, лучше, хорошенько перемешать, прибавивъ нѣсколько свѣжаго торфа; въ случаѣ же, когда жаръ въ кучѣ преждевременно уменьшится, то его можно увеличить переворачиваніемъ всей кучи, отчего она снова разогрвется, только умѣреннѣе прежняго. За сию смѣсь оставляется въ кучахъ до употребленія въ дѣло. Подъ весенніе посѣвы совѣтуютъ класть смѣсь, изготовленную съ осени, а подъ взимые, сдѣланную весною. Можно ускорить броженіе и увеличить количество сего назема прибавленіемъ въ кучи разныхъ негодныхъ травъ или молодыхъ древесныхъ сучьевъ.

Помои, моча, вода, въ которой вымачивались легъ и пенька, и вообще всѣ скоро-гниющія жидкости, оказываютъ на торфъ то же самое дѣйствіе, какъ и навозъ, т. е. возбуждая въ немъ гнилое броженіе, превращаютъ его въ растворимое вещество, годное для удобренія почвы. Для орошенія торфа мочею всего удобнѣе, раздробивъ его на мелкіе кусочки, класть въ хлѣвы и конюшни вмѣсто подстилки, или и того лучше, дѣлать тамъ изъ него родъ помоста: моча и всѣ вообще жидкія части навоза, проникая въ торфъ, будутъ въ немъ оставаться очень долго, и хотя бы насланный слой торфа былъ и весьма толстъ, то и въ такомъ случаѣ жидкости сіи смочить его достаточно для возбужденія въ немъ броженія, нужнаго для превращенія его въ хорошій наземъ.

Извѣстно, что торфъ такъ же, какъ и всѣ вообще болотныя земли, содержитъ въ себѣ много кислотъ, а потому известь и зола, примѣшанныя къ нему въ достаточномъ количествѣ, дѣлаютъ его растворимымъ, отнимая отъ него большую часть препятствующихъ сему кислотъ. Известь можно примѣшивать къ торфу какъ гашеную, такъ и негашеную; дѣйствіе ея въ обоихъ случаяхъ одинаково полезно.

Изъ торфа, наиболѣе пригоднаго для топлива, получается и лучшій наземъ.

Николай Филиповъ.

ЗАМѢЧАНІЕ О НѢКОТОРЫХЪ, РАСТЕНІЯХЪ, ПРИГОДНЫХЪ ДЛЯ УДОБРЕНІЯ ПЕСЧАНОЙ ПОЧВЫ.

=

Удобреніе сыпучей песчаной почвы есть одна изъ самыхъ важныхъ и вмѣствъ самыхъ трудныхъ задачъ въ земледѣліи. Находятся, впрочемъ, многія растенія, которыя значительно ее удобряютъ: будучи зарыты въ землю въ лучшемъ своемъ возрастѣ, они служатъ ей хорошимъ наземомъ; пуская же корни свои глубоко въ песокъ, связываютъ и укрѣпляютъ его оними; наконецъ иные служатъ здоровою и пріятною пищею для скота.

Слѣдующія растенія наиболее укрѣпляютъ и удобряютъ сыпучія, песчаная почвы. Хотя мы упоминаемъ здѣсь объ однихъ только травянистыхъ растеніяхъ, но есть также многія деревья и кустарники, для той же цѣли весьма полезные.

1. Колосникъ, иначе волоснецъ песчаный (*clivus agapagius*), многолѣтнее растеніе, цвѣтущее въ Іюнь мѣсяцъ.

2. Осока песочная (*cahex agapagia*), многолѣтнее растеніе, которое, можетъ быть, лучше всѣхъ прочихъ связываетъ и укрѣпляетъ сыпучія почвы. Эта осока, какъ увѣряютъ, имѣетъ всѣ свойства сальсапарелли, и потому можетъ съ пользою замѣнять его. Цвѣтетъ въ Маѣ.

3. Тысячелистникъ (*achillea millefolium*); также многолѣтнее растеніе, цвѣтетъ лѣтомъ. Оно даетъ очень хорошее сѣно и цѣлбно для свѣжихъ ранъ; его можно также класть въ пиво вмѣсто хмѣлю.

4. Качимъ стѣнной (*gypsophila crenalis*), весьма обыкновенное однолѣтнее растеніе, дикорастущее на тощихъ и песчаныхъ почвахъ. Время цвѣта его: Августъ и Сецтябрь.

5. Попутникъ большой (*plantago major*) весьма обыкновенное многолѣтнее растеніе. Скотъ очень охотно ѣстъ листья и стебли онаго — оно полезно противъ цыгги и кровотеченій.

6. Придорожникъ птичій (*polygonum aviculare*), однолѣтнее растеніе, цвѣтущее цѣлое лѣто. Растетъ обыкновенно по краямъ дорогъ и воздѣланныхъ полей. Н. Ф.

ИСПЫТАННОЕ СРЕДСТВО СУШИТЬ СѢНО ВЪ СЫРУЮ ПОГОДУ.

=

Извѣстно, что если сѣно будетъ нѣсколько разъ смочено и опять высушено, то качество его много отъ того потерпѣтъ; сверхъ того нерѣдко случается, что оно вовсе пропадаетъ отъ дождей, наступившихъ вслѣдъ за тѣмъ какъ трава скошена, но не успѣла еще совершенно просохнуть для уборки; а потому-то весьма важно умѣть сушить его и въ самое ненастье, пользуясь тѣми краткими промежутками сухаго времени, которые остаются иногда между перепадаящими дождями. Кажется, что слѣдующимъ, многими уже испытаннымъ способомъ, можно, не увеличивая издержекъ, сушить сѣно скоро и прочно, т. е. сохраняя въ немъ надлежащую питательность, вкусъ, запахъ и прочія качества, которыми оно правится скоту.

Избравъ благоприятную минуту, надобно поскорѣе скосить извѣстное пространство луга, больше или меньше смотря по вѣроятности на продолженіе хорошей погоды — и тотчасъ же провалить скошенную траву, подкидывая и переворачивая ее нѣсколько разъ сряду; просушивъ сѣно такимъ образомъ, сколько позволитъ погода, должно смять его въ скирды, устроенныя слѣдующимъ образомъ:

Воткнувъ въ землю кружкомъ шесть приготовленныхъ заранее жердей на разстояніи полутора аршина одну отъ другой, связать ихъ сверху мочалою въ одно мѣсто, и накидать на нихъ довольно рыхлый слой проваленнаго сѣна, толщиною около двухъ аршинъ при основаніи, а къ верху идущій тоньше и тоньше такъ, чтобъ изъ того составилась правильная пирамида. Внизу стога, у самой земли, оставляется три сквозныя отверстія, служащія поддувалами, и одно въ самомъ верху съ восточной стороны, для выхода воздуха; наконецъ вершина пирамиды накрывается коническою соломенною шапкою, утвержденною на обручъ, для того, чтобы вода, стекая по солому внизъ, не проникла внутрь стога. Дней въ пять или въ шесть сѣно просохнетъ до такой степени, что его можно уже складывать обыкновенными стогами; оно бываетъ зелено и вообще сохраняетъ въ себѣ всѣ требуемыя отъ него хорошія каче-

ства. При употребленіи сего способа сушки сѣна нельзя, однако жъ, оставлять его безъ всякаго надзора, но должно непремѣнно наблюдать, не оказывается ли въ немъ броженіе, и въ такомъ случаѣ слѣдуетъ тотчасъ же прекратить оное, проткнувъ стогъ мѣстахъ въ десяти или болѣе заостренно довольно толстою палкою: эти боковыя отверстія увеличатъ въ стогъ кругообращеніе воздуха, и сѣно, провѣтриваясь, необходимо высохнетъ. — Способъ сей не новый, онъ уже давно извѣстенъ некоторымъ сельскимъ хозяевамъ, и съ успѣхомъ ими употребляется.

Для лучшей и скорѣйшей просушки сѣна на низменныхъ и сырыхъ мѣстахъ, а равно и на сухомъ грунтѣ только въ дурную погоду есть еще другой способъ, употребляемый обыкновенно Тирольцами; способъ сей состоитъ въ слѣдующемъ: наготовивъ зимою побольше кольевъ длиною отъ 2 до 2½ аршинъ, заостряютъ ихъ съ одного конца, а съ другаго и до середины, прикрепляютъ къ нимъ по три или по четыре поперечины одну надъ другою, перекрещивающіяся подъ прямымъ или какимъ ни есть угломъ; потомъ, во время сѣнокоса, втыкаютъ эти колья въ землю на извѣстномъ другъ отъ друга разстояніи, и кладутъ на нихъ скошенную траву довольно большими копнами, которыя и держатся на нихъ очень твердо помощію вышесказанныхъ поперечинъ. Вышняя выпуклая поверхность свѣхъ висячихъ копей очень удобна для стока дождевой воды, между-тѣмъ какъ внутренняя вогнутая пустота ихъ безпрестанно провѣтривается свѣжимъ воздухомъ, безпрепятственно проходящимъ снизу до верху. Посему каждая такая копна можетъ безопасно стоять на мѣстѣ по нѣскольку недѣль, до тѣхъ поръ, пока благопріятная погода и досугъ дозволить окончательно просушить это сѣно и свезти его куда слѣдуетъ. Способъ сей также замысловатъ и тѣмъ болѣе удобоисполнимъ, что однажды сдѣланная издержка на колья съ поперечинами послужитъ на многіе годы.

Здѣсь кстати уже упомянуть еще объ одномъ способѣ сушить сѣно въ дождливую погоду, который, какъ увѣряютъ, съ большимъ успѣхомъ употребляется во многихъ мѣстахъ Германіи, и даетъ превосходный для скота кормъ. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ: скошенную траву на дру-

гой же день сваливаютъ большими кучами, по нѣскольку возовъ каждая, и утаптываютъ ихъ какъ можно плотнѣе и ровнѣе. Спустя нѣсколько часовъ, въ скирдахъ начинается броженіе, которое быстро усиливается; причемъ тщательно наблюдаютъ за онымъ, безпрестанно пробуя степень разгоряченія травы, и когда рука, положенная въ стогъ, не въ состояніи болѣе терпѣть происшедшаго въ немъ жара, и изъ сдѣланнаго ею отверстія начнетъ выходить паръ, тогда, не теряя времени, весь стогъ разбиваютъ и траву разбрасываютъ по сѣнокосу. Въ ясный день и даже въ пасмурную погоду съ вѣтромъ, достаточно нѣсколькихъ часовъ, чтобы нагрѣтая такимъ образомъ трава, высохла, какъ слѣдуетъ для уборки сѣна. Здѣсь главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы не опоздать и раскидать траву во время; ибо, иначе, она перегоритъ и сдѣлается вовсе негодною не только для корма скота, но даже на подстилку ему; а потому, если бъ на ту пору случился дождь, то, не смотря на оный, должно поступать все-таки какъ сказано. Во время броженія травы распространяется около стога сильный медовый запахъ, остающійся въ сѣнѣ и послѣ; ему-то, вѣроятно, должно приписать то необыкновенное удовольствіе, съ которымъ скотъ ѣстъ высушенное такимъ образомъ сѣно. *Н. Ф.*

ПИВО ИЗЪ КАРТОФЕЛЯ.

На приготовленіе одного анкера этого пива, мѣрою въ 4 ведра, берутъ пуда два съ половиною или три сваренаго въ водѣ или въ парахъ картофеля; размявъ и растерши оный хорошенько, выкладываютъ его въ большой котелъ, наливаютъ водою (ведеръ 6) и безпрестанно помѣшивая кипятятъ до тѣхъ поръ, пока вся мякоть превратится въ жидкій взваръ. Въ то же время намачиваютъ 6 фунтовъ солоду въ 4-хъ фунтахъ чистой воды, и остудивъ картофельный взваръ до 50° Р. т., выливаютъ его по немногу на солодъ, безпрестанно болтая смѣсь большою мутовкою, и, закрывъ хорошенько оставляютъ ее въ покоѣ часа на три или на четыре. По прошествіи сего времени, сѣдивъ жид-

кость, выливаютъ ее опять въ котелъ и, положивъ туда же два фунта хмѣлю, увариваютъ до надежащей густоты; потомъ, процѣдивъ сквозь сито, выливаютъ ее въ холодильную кадку, и когда она остынетъ до 12° Р. т. прибавляютъ полбутылки дрождей. Когда дрожди начнутъ въ бродильномъ чанѣ опускаться къ низу, тогда остающіеся на верху тотчасъ снимаютъ, пиво сцѣживаютъ въ боченокъ, и броженіе оканчивается уже въ семь послѣднемъ. *Н. Ф.*

СПОСОБЪ СОХРАНЯТЬ ПШЕНИЦУ ВПРОКЪ.

Утверждаютъ, будто-бы сухая пшевичная мякина необыкновенно хорошо способствуетъ сохраненію самыхъ зеренъ сего растенія, а потому многіе совѣтуютъ ссыпать ихъ въ житницы непроевѣяныя, т. е. вмѣстѣ съ находящеюся въ нихъ мелкою мякиною, утверждая, что въ такомъ состояніи они превосходно сохраняются не только цѣлый годъ, но и гораздо долѣе, лишь бы только были всыпаны въ сусекъ совершенно сухія. *Н. Ф.*

О СОХРАНЕНІИ КАРТОФЕЛЯ ДОЛГОЕ ВРЕМЯ.

Если свѣжія и здоровыя картофельныя шишки обварить крутымъ кипяткомъ и дать имъ полежать въ немъ нѣсколько минутъ, то послѣ сего ихъ можно будетъ смѣло сохранять многіе годы; лишь бы только по вынутіи изъ воды онѣ были хорошо высушены и кожа съ нихъ не была сдернута. Обваренный такимъ образомъ картофель будетъ лежать очень долго, ни мало не портясь, и никогда не дастъ ростковъ, сохраняя, впрочемъ, всю свою питательность, вкусъ и сочность. Вмѣсто обвариванія кипяткомъ можно картофель запекать въ печахъ, и этотъ послѣдній способъ едва ли не предпочтительнѣе перваго уже и потому только, что онъ легче и удобнѣе, между тѣмъ какъ и горячая вода и печной жаръ оказываютъ на него въ послѣдствіи совершенно

одинакое дѣйствіе. Занекая картофель въ печатъ; надобно остерегаться, чтобъ онъ не былъ слишкомъ сухъ, а жаръ очень великъ; ибо въ томъ и другомъ случаяхъ кожа на немъ можетъ перелопаться, а это было бы вредно. *Н. Ф.*

СПОСОБЪ СОХРАНЯТЬ СПАРЖУ НА ЗИМУ.

Срѣзавъ спаржу передъ Ивановымъ днемъ, т. е. около того времени, когда она прекращается уже, надобно ее хорошенько перемыть и насухо перетереть полотенцемъ такъ, чтобы на ней не осталось ни сколько песку или земли; потомъ, смѣшавъ пять частей пшеничной муки съ одною частію высушенной и мелкой соли, обвалить въ этой смѣси отдѣльно каждый стволъ, наблюдая, чтобы срѣзъ былъ какъ можно лучше закрытъ оною. Связавъ, широкими мочалами, приготовленную такимъ образомъ спаржу въ пучки, смотря по толщинѣ стволовъ, штукъ по пятидесяти въ каждомъ, обвалить ихъ снова въ той смѣси муки съ солью, и наконецъ, завернуть каждый пучокъ въ тонкую лепешку крутаго пшеничнаго или ржаного тѣста, тщательно заглаживая и зашпиывая всѣ отверстія такъ, чтобы наружный воздухъ никакъ не доходилъ до спаржи. Изготовленные пучки спаржи положить на нѣкоторое время въ теплое и сухое мѣсто, гдѣ бы тѣсто скорѣе просохло; причемъ должно наблюдать, чтобъ оно не растрескалось, и буде гдѣ появятся трещины, то ихъ немедленно замазывать. Когда тѣсто около пучковъ спаржи совершенно высохнетъ, тогда ихъ можно сложить въ глиняные горшки, и заливъ теплымъ говяжьимъ саломъ или растопленнымъ коровьимъ масломъ, поставить въ холодное, но сухое мѣсто. Укрытая симъ способомъ спаржа сохраняется очень долго. Для употребленія вынимаютъ ее цѣлыми пучками, и помочивъ въ водѣ часа два или три, готовятъ обыкновеннымъ образомъ. Увѣряютъ, что такая спаржа ничѣмъ не хуже свѣжей, весенней. *Н. Ф.*

ВЪДНЕНІЕ ПОЖЕЛТЪВШЕЙ СЛОНОВОЙ КОСТИ.

—

Отбывка пожелтѣвшей слоновой кости производится очень просто: распустивъ въ чистой водѣ побольше квасцовъ и вскипятить растворъ раза два, опускаютъ въ него костяныя вещи, которыя желаютъ выбѣлить; смотря по величинѣ сихъ вещей ихъ должно вымачивать въ этомъ растворѣ часъ или менѣе, вынимая время отъ времени и очищая остывшіе квасцы жесткою волосяною щеткою. Дабы кость не растрескалась, должно, чтобы растворъ былъ чуть тепель, и чтобы по отбывкѣ она просыхала какъ можно равномернѣе; для сего ее обертываютъ холстиною или обсыпаютъ сухими древесными опилками. Если вещь, которую хотятъ выбѣлить, довольно велика и не можетъ помѣститься въ сосудѣ съ растворомъ, то ее можно смазывать онымъ въ нѣсколько приемовъ; дѣйствіе будетъ одинаковое.

Черное мыло также хорошо бѣлитъ пожелтѣвшую кость, если наложить его на нее ровнымъ слоемъ, и потомъ подогрѣвать передъ огнемъ, доколѣ мыло начнетъ пузыриться. Если слой мыла будетъ неровень, то на кости могутъ остаться желтыя пятна. *Н. Ф.*

СКОРЫЙ СПОСОБЪ РАСТВОРИТЬ ЯНТАРЬ И КОПАЛЬ.

=

Янтарь и копаль суть главныя составныя части нѣкоторыхъ лучшихъ и дорогихъ лаковъ; но какъ оба эти вещества растворяются очень трудно, то и не худо знать приемы, облегчающіе или ускоряющіе раствореніе оныхъ. Взявъ стеклянную трубку дюйма въ четыре длиною и въ полдюйма въ діаметрѣ, стѣнки которой были бы около линіи толщиною, запаяй ее съ одного конца на лампѣ; насыпь въ нее нѣсколько янтаря или копала, истолченныхъ въ мелкій порошокъ и налей туда же; до половины трубки, виннаго спирта въ 40°; потомъ, запаявъ на глухо и другой конецъ трубки, подогрѣвай ее надъ угольями, утвердивъ хорошенько на проволочной подставкѣ. Когда весь винный спиртъ въ трубкѣ исчезнетъ, превратясь въ густыя пары, сними ее съ огня, тогда пары немедленно сгустятся и получится без-

цветная жидкость, которая, охлаждаясь, пожелтеет. При растворении симъ способомъ копала, онъ кажется посреди паровъ въ трубкѣ совершенно непрозрачнымъ, но по охлажденіи прозрачность его возвращается. Когда трубка совершенно простынетъ, тогда ее можно открыть, спиливъ одинъ изъ запаянныхъ концевъ; причемъ ни какіе газы или пары изъ нее не отдѣляются; въ трубкѣ получится превосходный прозрачный лакъ, который можно пробовать, выливъ на горячее стекло. Въмѣсто виннаго спирта можно употреблять и терпентинное масло; но во всякомъ случаѣ, при производствѣ сихъ опытовъ, не дурно надѣвать на лицо маску изъ проволоочной сѣтки, для предосторожности отъ взрыва. *Н. Ф.*

ВЫДѢЛКА ПЕНЬКИ ДЛЯ ВЕРЕВОКЪ И КАНАТОВЪ.

Нѣкоторые рыбаки имѣютъ обыкновеніе вымачивать нѣсколько времени свои неводы въ дубильномъ растврѣ, и отъ того нити, изъ которыхъ они сплетены, несравненно дольше переносятъ разрушительное на нихъ дѣйствіе воды и воздуха, непрерывному вліянію которыхъ они подвержены попеременно. Основываясь на семъ, можно бы, кажется, приспособить то же средство и къ выдѣлкѣ канатовъ и веревокъ, ибо онѣ состоятъ совершенно въ одинакихъ обстоятельствахъ съ неводами, т. е. также безпрестанно то мокнуть, то высыхаютъ. На приготовленіе дубильнаго раствора для вымачиванія пеньки, изъ которой сучатся веревки, можно взять до четырехъ фунтовъ дубовой корки на каждое ведро воды; и, давъ ей хорошенько настояться въ теченіе нѣсколькихъ дней, отстоявшуюся жидкость слить и въ ней-то вымачивать пеньку, разстилая ее въ дубильномъ чанѣ перекрестными слоями. Нашей пенькѣ достаточно мокнуть такимъ образомъ около трехъ недѣль. Канаты и веревки, сдѣланныя изъ выдубленной пеньки, судя по всему, должны быть несравненно прочнѣе и долговѣчнѣе обыкновенныхъ, а посему и можно обойтись безъ смоленія оныхъ; въ такомъ случаѣ они обойдутся даже дешевле употребляемыхъ нитѣ. *Н. Ф.*

РАЗРѢЗЫВАНІЕ СТЕКЛА.

=

Извѣстно, какъ стекло твердо и хрупко, и какъ оно отъ того трудно рѣжется. Доселѣ мы знаемъ одно только тѣло, алмазь, которымъ можно дѣлать на немъ довольно глубокіе надрѣзы; прочія же тѣла, каковы напр. твердо закаленная сталь, кремь и другія, рѣжутъ его очень ненадежно или, лучше сказать, только царапаютъ его; впрочемъ и самый алмазь можетъ быть употребляемъ съ желаемымъ успѣхомъ для надрѣзыванія однихъ лишь плоскихъ стеколъ; сверхъ того онъ еще и потому не для всякаго удобенъ, что дорогъ. Между-тѣмъ въ хозяйствѣ было бы очень полезно уметь обрѣзывать разныя стекляныя вещи, какъ-то: надбитыя бутылки, склянки, стаканы и другіе сосуды, изъ которыхъ еще большею частію можно сдѣлать какую нибудь чашечку, стаканчикъ, ободокъ и тому подобное; такъ же въ химическихъ лабораторіяхъ и въ нѣкоторыхъ мастерскихъ случается иногда надобность укоротить горло у реторты, обрѣзать стеклянную трубку, сдѣлать испарительный сосудъ изъ разбитой колбы или реторты и т. д.; все это требуетъ нѣ котораго умѣнья и особыхъ приѣмовъ. Конечно хорошій плоскій терпугъ можетъ оказать въ такомъ случаѣ нѣ которую услугу, но работа онымъ большею частію не удобна, медленна и не надежна; слѣдовательно надобно искать другихъ средствъ, за всегдашній успѣхъ конхъ можно было бы ручаться вѣрнѣе.

Для разрѣзыванія очень толстаго стекла, напр. горла большой реторты, надобно прибрать мѣдное или желѣзное кольцо, которое бы хорошо и вездѣ плотно къ нему приходилось въ томъ мѣстѣ, гдѣ хотятъ его отрѣзать; накаливъ кольцо до-красна, должно надѣть его на стекло и оставить въ прикосновеніи съ онымъ около полуминуты, потомъ, сдвинувъ кольцо, ту же минуту капнуть на горячее мѣсто каплю холодной воды, отъ чего стекло тотчасъ же лопнетъ и отвалится. Въ химическихъ лабораторіяхъ запасаютъ обыкновенно нѣсколько такихъ колець, соединяя ихъ по два металлическимъ стержнемъ; орудіе это дѣлается по-ложимъ на ключи, употребляемые для отвинчиванія гаекъ

у экипажей. За недостаткомъ металлическихъ колець, ихъ можно замѣнять толстою бумажною ниткою, напитанною скипидаромъ: обвязавъ такую нитку вокругъ стекла, надобно ее зажечь и когда она сгоритъ, въ ту же минуту сврыснуть стекло холодною водою, отъ чего оно также лопнетъ и развалится. Есть еще третій способъ рѣзать стеклянными трубками и другія вещи: чтобъ обозначить мѣсто, на которомъ хотятъ сдѣлать разрѣзь, навязываютъ подлѣ него съ обѣихъ сторонъ тонкую металлическую проволоку, какъ можно крѣпче, потомъ между семи проволочными кольцами обертываютъ около стекла такую же проволоку въ одинъ рядъ; взявъ концы трубки или сосуда лѣвою рукою, въ правую берутъ концы проволоки и какъ возможно быстро движутъ ее назадъ и впередъ; при семъ стекло отъ тренія такъ сильно разгорячается, что черезъ нѣсколько секундъ трубка раздвѣляется на двое, и разрѣзь бываетъ такъ чистъ и правиленъ, какъ шлифованный.

Однако жъ лучшее средство для разрѣзыванія стекла, только не очень толстаго, есть горячій уголь. Но какъ обыкновенный уголь очень скоро гаснетъ и конецъ его тотчасъ притупляется, то его надобно готовить особымъ образомъ, а именно слѣдующимъ: а) десять драхмъ Аравійской камеди (*gummi arabicum*) растворить въ двухъ унціяхъ воды или въ такомъ количествѣ этой жидкости, чтобы растворъ имѣлъ объемъ трехъ унцій воды; б) полуунція адрагантовой камеди (*gummi tragacantha*) распустить въ такомъ количествѣ кипятка, чтобъ по превращеніи сего раствора въ студенистое вещество, онъ занималъ объемъ четырехъ унцій воды; в) двѣ драхмы стираксы (*storax calamita*) растворить въ полуунціи съ третью алкоголя, имѣющаго относительную плотность 0,85; наконецъ d) полуунція роснаго ладана распустить въ $\frac{1}{8}$ унціи того же алкоголя. Смѣшавъ эти растворы а и в, прибавить въ смѣсь растворы с и d, размѣшивая ихъ какъ можно лучше. Потомъ всыпать въ смѣсь отъ 3 до $3\frac{1}{2}$ унцій липоваго или березоваго угля, хорошо истолченнаго и просвяннаго сквозь частое шелковое сито, и растворять всю эту смѣсь въ чугунной ступкѣ до тѣхъ поръ, пока получится совершенно однородное тѣсто. Размявъ и размѣсивъ это тѣсто, скатать изъ него ш-

лочки толщиною въ лебединое перо, длиною же дюймовъ въ восемь, и высушить ихъ въ тепломъ тѣствѣ. Чтобы тѣсто не прилипло къ доскамъ, на которыхъ оно катается, надобно подсыпать подъ него угольный порошокъ. Здесь главное вниманіе должно обращать на то, чтобы уголь былъ какъ можно мельче, а тѣсто мягко и совершенно однородно. Для разрыванія стекла берутъ одну такую палочку, зажигаютъ ее съ котораго нибудь конца и даютъ свободно горѣть, доколь она заострится. Вода такимъ раскаленнымъ остриемъ по стеклу, можно сдѣланную на немъ трещину вести куда угодно, такъ же легко, какъ черту, проводимую по бумагѣ перомъ или карандашемъ. Если стекло, которое надобно разрѣзать, не имѣетъ еще трещины, то его должно съ краю нѣсколько надпилить терпугомъ, и, приложивъ къ сему надрѣзу раскаленный уголь, сдѣлать сквозную трещину, которую потомъ уже можно вести по произволу. Если понадобится обрѣзать горло реторты, и отрѣзанную часть сохранять въ цѣлости, или разрѣзать склянку пополамъ, начиная съ середины, а не съ края, то надобно сначала сдѣлать на ней терпугомъ продолговатый надрѣзь, по тому направленію, по которому склянка должна быть перерѣзана, и къ краю сдѣланной терпугомъ черты приложить горячій уголь, отчего во всю длину ея сдѣлается сквозная трещина, которую потомъ уже можно продолжить какъ надобно, тѣмъ же углемъ. Дабы при разрываніи стекла этимъ способомъ не сбиться съ надлежащаго пути, не худо обозначать его предварительно чернилами или перевязкою изъ нитокъ. Такимъ образомъ съ небольшою привычкою можно рѣзать всякое стекло такъ же чисто и удобно, какъ обыкновенно рѣжутъ стекляшки и плоскія стекла замазомъ по линѣйкѣ. Чтобы хорошенько приучить къ этому свою руку, можно упражнять ее, разрывая стаканы улиткообразно сверху до низу — получится известная игрушка: стаканъ, который, будучи наполненъ водою, никакъ не можетъ быть приподнятъ къ верху иначе какъ за дно; ибо, если его взять рукою за средину или за края, то онъ весь вытѣнется, и вода изъ него прольется. Эти стаканы дѣлаются слѣдующимъ образомъ: прильнувъ къ краю стакана нитку сургучемъ или воскомъ, обмотай ее около

него спиралью до самого дна, гдѣ и вливши нитку сургу-чемъ же; потомъ, надрѣзавъ край стакана терпугомъ, прикоснись къ этому надрѣзу горячимъ углемъ, сдвигается трещина, которую и веди вдоль по ниткѣ до самого ея конца.

Н. Ф.

ТКАНЬ ИЗЪ ШПАНСКАГО ДРОКА.

Шильнякъ, шильная трава, *genista hispanica*.

Хотя въ южной Франціи около Северныхъ горъ давно уже употребляютъ ткань изъ дрока, однако жъ она еще очень мало извѣстна; ибо большею частию готовится тамошними жителями только для домашняго обихода. Эта ткань толста, плотна и для одѣжи очень пригодна. Ее обыкновенно дѣлаютъ изъ шпанскаго дрока (*genista hispanica L.*), его сѣютъ въ Сентябрь и года два стравляютъ скотомъ на корнѣ, потомъ въ Февраль срѣзываютъ вровень съ землею, изъ которой вскорѣ выходитъ множество молодыхъ побѣговъ, вырастающихъ по Сентябрь мѣсяць, отъ 18 до 24 дюймовъ вышиною. Тогда ихъ срѣзываютъ, вяжутъ небольшими снопами, толщиною дюйма въ четыре и сушатъ на солнце отъ 8 до 10 дней. Потомъ выколачиваютъ снопы деревянными вальками, для того, чтобъ ихъ сплющить, разбить и отчасти отдѣлить верхнюю кору, и тѣмъ приготовить траву къ броженію. Вырывъ по близости ручья или рѣки квадратную яму, ставятъ въ нее выбитые снопы стоямя, рядкомъ, какъ можно плотнѣе одинъ къ другому, и потомъ для защиты отъ прикосновенія наружнаго воздуха закрываютъ ихъ сверху и съ боковъ мокрою соломой, заливаютъ всю кучу камнями и въ продолженіе 8 или 10 дней поливаютъ водою раза по три въ сутки. По прошествіи сего времени выполаскиваютъ снопы въ текучей водѣ и бьютъ вальками до тѣхъ поръ, пока вся верхняя кора слезетъ и обнаружатся волокна. Высушивъ траву на солнцѣ, переносятъ ее на чердакъ. Въ глубокую осень или зиму, когда всѣ полевныя работы кончатся, поселяне принимаются цѣлою семьей сдирать со стеблей волокна; сердцевина же идетъ у нихъ на слички. Эта кудель чешется такъ же какъ

конопля и прядется веретёнами. Сдѣланная изъ сихъ нитокъ ткань очень хороша и прочна, только жестче пеньковой. *Н. Ф.*

НОВАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ПОМАДА.

=

Недавно въ некоторыхъ Французскихъ журналахъ сообщенъ былъ новый способъ приготовления превосходной помады для волосъ. Вотъ его описаніе:

Возьми :

Масла изъ какао.....	1	унція
Лучшаго бѣлаго воска.....	$\frac{1}{2}$	— —
Спермацету (китовый мозгъ).....	$\frac{1}{2}$	— —
Самаго свѣжаго Прованскаго масла.	2	— —

Разогрѣвъ на легкомъ огнѣ Прованское масло съ воскомъ и, смѣшавъ съ ними какаоовое масло и спермацетъ, вылей смѣсь въ стеклянную или мраморную ступку, и растирай ее пестомъ до тѣхъ поръ, пока она начнетъ твердѣть; тогда прибавь туда розоваго масла, сколько кто пожелаетъ, и $\frac{3}{4}$ унціи воды, въ которой предварительно распущенно $\frac{1}{4}$ золотника росноладонной кислоты, и мѣшай снова доколѣ получится совершенно однородная масса.

Розовое масло можно замѣнять другими пахучими эссенціями, какъ то: яслиною, лимонною, померанцовою и проч. Но въ такомъ случаѣ росноладанная кислота будетъ уже не кстати. Воды можно такъ же не прибавлять.

Для подкрашиванія розовой помады въ приличный ей цвѣтъ, можно употреблять мелкій порошокъ квинвари или лучше карминъ; а для сообщенія лимонной помадѣ желтаго цвѣта, берется крѣпкая настойка шафрана въ чистой дистиллированной водѣ. *Н. Ф.*

ЛЕЧЕНИЕ МОЛОДЫХЪ ТЕЛЯТЪ ОТЪ ВОСПАЛЕНІЯ И МЫТА.

=

Новорожденные телята нередко бываютъ подвержены очень опасной болѣзни: воспаленію пупка; хотя причина

оной заподлинно и неизвѣстна, однако жъ, съ вѣроятностію заключить можно, что она большею частію происходитъ отъ какой нибудь ошибки при отрезываніи пуповины. Въ самомъ началѣ этой болѣзни, которая постоянно обнаруживается краснотою, сильнымъ жаромъ и опухолью около пупка, теленокъ дѣлается скучень и перестаетъ сосать. Надобно стараться захватить ее какъ можно раньше; ибо, въ противномъ случаѣ она дѣлается смертельною; въ отвращеніе таковыхъ послѣдствій совѣтуютъ немедленно прикладывать къ больному мѣсту тряпки, намоченныя чистою холодною водою или, еще лучше, примочкою изъ уксуснокислаго свинца (*extractum saturni*) съ водою. Если же въ слѣдствіе воспаленія, успѣвшаго проникнуть внутрь, теленокъ занеможетъ мытомъ, то ему должно давать въ водѣ, разболтанной съ отрубями, порошокъ изъ завязнаго корня (*tomentilla*) и горечавки (*gentiana*), или изъ высушенныхъ дикихъ грушъ, дубовыхъ желудей и каштановъ. Поило изъ ячменной воды, завязнаго корня и бѣлой магнезіи, или, за недостаткомъ оной, изъ растолченныхъ и мелко просѣянныхъ улитковыхъ и другихъ раковинъ, есть такъ же очень надежное средство противъ этой болѣзни. *Н. Ф.*

КОРСИКАНСКІЙ СПОСОБЪ ЛОВИТЬ ПЧЕЛЪ.

Въ Корсикѣ ловятъ пчелъ слѣдующимъ образомъ: втерши небольшой улей внутри и съ краевъ лимонною коркою, берутъ его на плеча и поднося къ рою пчелъ, сбрызываютъ его лимоннымъ сокомъ. Запахъ лимона привлекаетъ сихъ насекомыхъ, и лишь только одна пчела войдетъ въ улей, то и всѣ прочія непременно за нею послѣдуютъ.

Н. Ф.

V.

КРИТИКА.

1. *Исторія Донскаго Войска, Описаніе Донской Земли и Кавказскихъ минеральныхъ водъ.* Владиміра Броневскаго. Санктпетербургъ. Четыре части.

2. *Овозрѣніе Исторіи Армянскаго народа, отъ начала бытія его до возрожденія Армянской Области въ Россійской Имперіи.* Сочиненіе Сергѣя Главки, Москва. Дѣй части.

Ничто такъ рѣзко не знаменуетъ степени образованности пишущаго класса въ каждомъ народѣ, и даже степени образованности самого народа, какъ его Историческая Литература. Изъ всѣхъ предметовъ, въ которыхъ упражняется перо, эта часть самая сложная, самая трудная, и можетъ назваться барометромъ не только учености писателя, но и атмосферы чувствъ и понятій, въ которой онъ пишетъ. Здѣсь отражаются въ полномъ свѣтѣ и его собственныя познанія, и мнѣнія, которыя онъ раздѣляетъ или старается раздѣлять съ своими соотечественниками, и нравственныя понятія страны, и наконецъ искусство, приобретаемое навыкомъ и упражненіемъ, побѣждать свои страсти, свою самонадѣянность, свои и чужіе предразсудки въ пользу истины и общаго блага, или то, что называется образованіемъ.

Нельзя сказать, чтобы наши историческіе труды, которые впрочемъ обнаруживаютъ уже значительный успѣхъ во многихъ частяхъ этого Искусства, могли быть провозглашены образцовою частію нашей Литературы и лучшимъ зеркаломъ нашего просвѣщенія: въ крайнемъ случаѣ, это зеркало не льститъ гля-

дающемуся въ немъ предмету, и чуть-ли не искривляетъ его слишкомъ, по ринѣ мастеровъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ весьма немногими изъятіями, труды наши по этой части обнаруживаютъ одинъ общій недостатокъ, — незнаніе ремесла историческихъ изслѣдованій. Послѣ Романа и Сказки, Исторію почитаютъ у насъ самымъ легкимъ предметомъ литературной дѣятельности: каждый пишетъ Исторію, кому только попались въ руки двѣ старыя грамоты, три или четыре рѣдкія книги; одни безъ обиняковъ сознаются въ предисловіяхъ, что они сочиняютъ ее, потому что имѣютъ время и охоту; иные ограничиваютъ свое историческое приготовленіе простымъ вызовомъ черезъ газеты сообщать имъ, что кто знаетъ, потому что они уже пишутъ Исторію. Составлять Исторію изъ того, что кто подаритъ вамъ по вѣжливости! Нѣтъ, не такимъ образомъ писатели приступаютъ къ дѣлу въ истинно ученоемъ свѣтѣ, гдѣ историческія творенія считаются всегда результатомъ необыкновеннаго трудолюбія, терпѣнія, прилежныхъ изысканій, долгихъ соображеній, обширной учености и тщательно воздѣланной мысли. Тотъ, кто собирается писать какую-нибудь Исторію, долженъ сперва посвятить многіе годы совокупленію вокругъ себя всего, что только можетъ просвѣтить умъ его вразсужденіи избраннаго предмета; долженъ сличить всѣ тексты сблизить, всѣ отголоски одного и того же извѣстія, извѣдать всѣ сопряженныя съ нимъ нравственныя и физическія обстоятельства; долженъ преслѣдовать его не только на родной землѣ, но и за ея предѣлами, до послѣдней точки эха, произведеннаго имъ въ бытописаніяхъ рода человѣческаго; долженъ проникнуть во всѣ приступные источники, не пропустить ни одной строки, не увидя ея собственными глазами, и не взвѣсивъ собственнымъ безпристрастіемъ. Первая обязанность въ такомъ случаѣ — знать гдѣ искать; вторая — умѣть искать и находить.

Для этого нужна безконечная начитанность. Нѣтъ такого мелкаго историческаго вопроса, который бы не требовалъ соединенія множества книгъ, бумагъ и выписокъ, и долговременнаго обзора его со всѣхъ сторонъ. Если къ чему-либо въ Литературѣ впрямь примѣняется прекрасное учрежденіе Петра Великаго — «Не отговариваться незнаніемъ однажды обнародованнаго Закона,» такъ это къ историческимъ трудамъ нашего вѣка: писатель, который не знаетъ того, что уже разъ сказано было по его предмету, и что разъ внесено въ общій архивъ человѣческихъ знаній, ничѣмъ не извинителенъ. Надобно умѣть искать. Для того, кто пишетъ о человѣкѣ, даже различіе языковъ не есть отговорка: онъ обязанъ знать все, что въ его время извѣстно людямъ объ его вопросѣ. Черезъ себя или черезъ другихъ, онъ долженъ сорвать съ посторонняго свидѣтельства завѣсу незнакомыхъ ему звуковъ, и исчерпать весь свѣтъ, сокрытый въ недрахъ его. Настоящій историкъ въ XIX вѣкѣ знаетъ всѣ языки, въ которыхъ находится что-нибудь полезнаго для его дѣла. Нынѣшнее просвѣщеніе доставляетъ нужныя для этого пособія.

Одинъ Карамзинъ, кажется, постигалъ у насъ въ точности условія и обязанности историческаго приготовленія. Если онъ не всюду ихъ исполнилъ, слѣдуетъ приписать это огромности предпріятія, превосходящаго силы одного человѣка; но его сочиненіе удостовѣряетъ на всякомъ шагу, что онъ имѣлъ и ясное понятіе о ремеслѣ, о механизмѣ историческихъ изслѣдованій, и то терпѣливое, любопытное, недовѣрчивое трудолюбіе, которое ведетъ одно къ полезнымъ для Исторіи результатамъ. Карамзинъ не пренебрегалъ ни чѣмъ умышленно, и незнаніе какого-нибудь языка не было для него преградою: онъ повѣрялъ свои понятія со всѣми показаніями, и если которыя повѣрилъ недостаточно, то самыя же его ошибки слу-

одного за ихъ поправленіе, пришлось бы взыскивать можетъ-быть со всѣхъ. Эти сочиненія такъ уже родились, пошли въ стволъ, и такъ должны отживать вѣкъ въ своей грубой и неочищенной корѣ. Станемъ по-крайней-мѣрѣ надѣяться на будущность, — и надѣяться тѣмъ болѣе, что въ собственной нашей Литературѣ имѣемъ уже одинъ прекрасный образецъ къ подражанію и благородному соперничеству.

Мы не дѣлаемъ ни какихъ примѣненій. Оставимъ совершенно въ сторонѣ техническую часть двухъ историческихъ твореній, лежащихъ передъ нами, и обратимся къ ихъ содержанію. Г. Броневскій написалъ, подъ именемъ Исторіи Донскихъ Казаковъ, очень занимательную и разнообразную книгу, которую съ удовольствіемъ прочтутъ всѣ Русскіе: особенно первая часть ея представляетъ чрезвычайно сильный интересъ, какого едва можно ожидать отъ Романа. Дѣйствительно: что можетъ-быть болѣе похоже на вымыселъ, на картину, созданную пылкимъ и поэтическимъ воображеніемъ, какъ бытъ и подвиги Донскихъ удалцевъ въ первой эпохѣ ихъ существованія? Кто изъ Русскихъ въ состояніи оставаться равнодушнымъ къ чудесной повѣсти о первоначальной судьбѣ, о претерпѣнныхъ нѣкогда бѣдствіяхъ, собранныхъ лаврахъ и причиненныхъ опустошеніяхъ нынѣ вѣрнѣйшими сподвижниками славы его отечества? Г. Броневскій раздѣлилъ ихъ исторію на четыре періода, изъ которыхъ первый объемлетъ эпоху отъ 1520 по 1646 годъ: Казаки вели въ то время жизнь «рыцарскую,» говоритъ авторъ, и потому первая эпоха названа имъ «рыцарскою.» Признаемся, что это названіе чрезвычайно насъ удивило, и мы бы никакъ его не поняли, если бы самъ авторъ не объяснилъ намъ, что значить слово — *рыцарскій*: оно значить «буйный, свосвольный, разбойничій.» Нельзя не замѣтить, что подобное опредѣленіе рыцарства довольно странно

въ устахъ историка, которому должно быть извѣстно, какъ извѣстно всѣмъ историкамъ, что рыцарство было установлено для обузданія разбоевъ, а не для разбойничанія, для охраненія чести женщинъ и безопасности путниковъ, для водворенія порядка помощію частнаго мужества, когда правительственнымъ дѣлами оказались для этого слишкомъ слабыми. Въ рыцарство подчинено было положительнымъ законамъ, имѣло установленные обряды, — и строгія правила чести, которыми досель мы руководствуемся, завѣщаны намъ этимъ сословіемъ! Рыцарство было учрежденіе..... Но мы напрасно привязываемся къ словамъ, между-тѣмъ какъ достоинство книги состоитъ въ ея предметѣ: съ авторомъ Исторіи Донскихъ Казаковъ о словахъ и спорить не возможно, потому что онъ весьма рѣдко употребляетъ ихъ въ тѣсномъ ихъ значеніи. Положимъ, что эта первая эпоха была «рыцарская», то есть, буйная: занимательность ея подъ перомъ Г. Броневскаго ни сколько не потеряетъ отъ неловкости ея заглавія.

Мы сожалѣемъ, что авторъ не приступилъ прямо къ дѣлу, но счелъ нужнымъ начать свой рассказъ общимъ историческимъ, разсужденіемъ, для котораго нужно быть коротко знакомымъ съ безчисленными трудами новѣйшей критической Литературы. Производство Казаковъ отъ Амазонокъ и Сармато-скивоновъ можетъ прельщать однихъ учениковъ или тѣхъ, которые только вчера начали читать Исторію, и не требовало опроверженія. Что касается до Саркела и значенія его имени, то автору, кажется, не извѣстны превосходныя изысканія объ этомъ Гг. Френа и Клапрота: онъ еще слѣдуетъ Лербергу, который самъ не понималъ того, объ чемъ толковалъ, принимая слова Персидскія за Турецкія, и обманывая самого себя дурнымъ ихъ произношеніемъ. Миллеръ вводитъ его въ другое заблужденіе на счетъ смысла и начала имени

Казаковъ, и заставляетъ смѣшивать ихъ съ Кассогами среднихъ вѣковъ. Мы не думаемъ, чтобы можно было разсуждать о происхожденіи слова *казакъ* безъ пособія оріентализма и его исторической Критики. Этотъ вопросъ завелъ бы насъ слишкомъ далеко, и мы ограничимся общимъ замѣчаніемъ. Слово *казакъ* есть собственное имя народа, который мы нынѣ называемъ Киргизами. Кажется, что это поколѣніе, издревле известное въ Азіи отвагою; хищничествомъ и ловкостью всадниковъ, съ давняго времени придало имя свое отрядамъ легкой конницы; употребляемымъ Восточными властелинами для разныхъ воинскихъ назначеній, подобно тому какъ народное имя Швейцарцевъ превратилось въ Европѣ въ наименованіе известнаго рода служителей. То вѣрно, что у Монголовъ, завладѣвшихъ Россіею, оно означало, кромѣ Киргизовъ, еще вооруженныхъ всадниковъ, не приписанныхъ ни къ какому улусу, не составляющихъ собственности ни какого хана, ни бека, бѣжавшихъ отъ своихъ качествъ владѣльцевъ, — коротко сказать, «вольныкъ» воиновъ изъ разныхъ поколѣній, соединяющихся въ летучіе отряды. Не только Монгольскіе ханы и беки, но и Русскіе князья часто имѣли въ своей службѣ подобныя отряды. Слова *казакъ* и *вольный* были какъ бы однозначащія, и поэтому первое изъ нихъ, соединяющее въ себѣ притомъ понятіе о воинѣ, такъ нравилось бѣглецамъ изъ Россіи и Литовской Руси, поселявшимся при Днѣпрѣ и Донѣ. Вотъ все, что при нынѣшнемъ состояніи оріентальной исторической Критики, можно сказать съ нѣкоторою достоверностью о происхожденіи слова *казакъ*: оно, по-видимому, не имѣетъ ничего общаго съ именемъ Кассоговъ.

Не должно однако жъ думать, чтобы понятіе «казачества» не было известно на Сѣверѣ гораздо прежде слова *казакъ*. Оно, кажется, очень древнее, и въ нѣко-

торомъ отношеніи можетъ быть названо кореннымъ обычаемъ сѣверныхъ народовъ, проявившимся въ разныя времена подъ различными именами. Здѣсь мы позволимъ себѣ, сдѣлать одно сближеніе. Хотя слово *казакъ* есть собственное имя огромнаго народа, но оно очень давно сдѣлалось уже нарицательнымъ, и притомъ имѣетъ правильное производство отъ известнаго корня. Какъ нарицательное, въ восточно-Турецкихъ языкахъ оно значитъ — безпріютный, скитающійся, никому неподвластный, вольный. Баберъ часто употребляетъ въ своемъ Джагатайскомъ нарѣчій слова *казаклыкъ*, *казакламакъ* въ этомъ смыслѣ. Какъ производное, оно происходитъ отъ *казъ*, гусь, и значитъ — гусакъ, — «свободный какъ дикій гусь», говорятъ Турки: нѣкоторые оріенталисты хотѣли вывести его отъ глагола *казмакъ*, копать, не примѣчая, что, по грамматическому свойству восточно-Турецкихъ нарѣчій, оно тогда было бы *казкакъ*, а не *казакъ*. Названіе Черкесовъ, которые сами себя именуютъ Адигами, происходитъ отъ Персидскаго слова *серкешъ*, испорченнаго грубыми устами Горцевъ, и тоже значитъ — неподвластный, бунтующій, вольный. Новгородцы, еще до нашествія Монголовъ, славились своею «вольницей». Присовокупите къ тому Венгро-Славянское *гуса*, *гусаръ*, «свободный всадникъ, бродяга, разбойникъ», происходящее также отъ слова (*гусъ*) гусь, съ его производными, — *гусарити*, разбойничать на морѣ, *гусарица*, разбойничья лодка, и т. д., — и вы получите четыре однозначія названія, четыре разные перевода одной и той

* Въ нѣкоторыхъ Славянскихъ нарѣчійхъ есть поговорка — *расторжиться свободно какъ сѣрый (дикій) гусь*. Удивительно, что въ Европѣ Славянское а въ Азіи сѣверо-Восточные народы одинаково соединили понятіе независимости и свободы, съ понятіемъ объ этой птицѣ. Что *гусаръ* значитъ собственно «гусакъ», въ томъ явтъ ни какого сомнѣнія: гусь самецъ называется по-Словацки *husar*, по-Сербски *hussar*, *gussor*, по-Чепски, *hauser*, *husak*, по-Польски *gensiog*, и проч. *Казакъ* по сіе время означаетъ гусака въ Турецко-Джагатайскомъ нарѣчій.

же идеи, и, что примѣчательнѣе, дважды выраженныя метафорою, заимствованною отъ одного физическаго предмета. Вотъ, почему Малороссійскіе и Донскіе Казаки назывались попеременно то Черкесами, то Казаками, то Вольницей, то даже, какъ напримѣръ Новосербскіе ихъ сосѣди и нерѣдко товарищи, Гусарами.

Г. Броневскій старается еще доказать, въ томъ же разсужденіи, что нынѣшніе Донцы происходятъ отъ чистой Русской крови, и никогда не приставали къ Ордынскимъ Казакамъ, обитавшимъ въ тѣхъ же мѣстахъ въ началѣ XVI столѣтія. Доводы автора не кажутся намъ убѣдительными. Досель ничто не опровергаетъ весьма правдоподобнаго предположенія, что остатки Ордынскихъ Казаковъ, не присоединившіеся къ Киргизамъ, своимъ соплеменникамъ, образовавшимъ уже новое ханство, могли быть первымъ ядромъ, около котораго копились Русскіе бѣглецы. Скоро это ядро могло исчезнуть отъ безженства, преобладающаго въ скопищѣ, и Русское поколѣніе, безпрестанно умножающееся новыми пришлецами остаться одно хозяиномъ союза. Первоначальное соединеніе двухъ разнородныхъ племенъ ни сколько не мѣшаетъ нынѣшнимъ Донцамъ быть сынами Славянскихъ предковъ: да если бъ они были и потомками Монголовъ, какое жъ тутъ безчестіе? Нѣтъ сомнѣнія, что тотъ, кто бы доказалъ прямое происхожденіе свое отъ Чингисхана, самаго страшнаго и безобразнаго Монгола въ мірѣ, былъ бы нынче одинъ изъ благороднѣйшихъ дворянъ въ Европѣ, и всѣ Французскіе герцоги и Испанскіе гранды еще позавидовали бъ его родословной. Душевные качества составляютъ человека; благородныя чувства — гражданина: у кого есть то и другое, тотъ приноситъ собою честь всякому роду.

Но пора приступить къ Исторіи. Мы проускаемъ догадку автора, будто Царь Іоаннъ Васильевичъ велѣлъ преслѣдовать бродягъ и разбойниковъ въ цѣломъ государствѣ съ тѣмъ дальновиднымъ намѣреніемъ, чтобъ они ушли на Донъ, и основали тамъ казачье войско, могущее впослѣдствіи служить оплотомъ Россіи: она довольно похожа на извѣстный анекдотъ о Фридрихѣ Великомъ, который закричалъ прицѣливавшемуся въ него солдату: «Стой! ты хочешь убить меня въ первомъ сраженіи, тогда какъ Семилѣтняя Война теперь только начинается!» Первый историческій подвигъ Донскихъ Казаковъ, уже являющихся на попрощъ въ видѣ сильнаго военнаго отряда, относится къ 1559 году, въ которомъ разбили они Ногаевъ, а первая къ нимъ грамота, отысканная авторомъ на Дону, къ 1571. Россійскіе Государи хотя по-временамъ и переписывались съ ними, но, въ сношеніяхъ съ Турціею и Крымскими ханами, безпрестанно жаловавшимися на ихъ разбои, рѣшительно отъ нихъ отказывались, и называли ихъ ворами и бѣглецами. Эта двусмысленная политика была для государства тягостнѣе явнаго имъ покровительства и принятія ответственности передъ сосѣдями за ихъ поведеніе: Донскіе поселенцы, видя себя оставляемыми Россіею при каждой опасности, чуждались кореннаго своего отечества, и грабили его наравнѣ съ непріятельскою землею. Убіиства пословъ и воеводъ, разореніе городовъ и торговли, неистовства Казаковъ въ смутныя времена самозванцевъ, непрерывная опасность быть влеченнымъ въ войну за нихъ или съ ними, всѣ бѣдствія, которыми наполнены любопытныя, но горестныя страницы этой части книги, были неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такой нерѣшимости. Въ 1588 году Россія находилась въ весьма сомнительныхъ отношеніяхъ къ Турціи:

«Около сего времени, говоритъ авторъ, Донскіе Казаки являются на ратномъ полѣ въ значительныхъ силахъ. Принимая къ себѣ Запорожскихъ Казаковъ и всякихъ бродягъ, вели они непрестанную войну съ Азовомъ, съ Черкесами, съ Тавридою, и ватагами ходили на морс искать добычи, слушаясь и не слушаясь указовъ царскихъ. Въ Константинополѣ, послы наши называли ихъ шайкою разбойниковъ, а изъ Москвы посылали имъ воинскіе снаряды, порохъ, свинецъ; такъ что, если Султанъ вредилъ намъ набѣгами Крымскихъ Татаръ, Царь могъ вредить ему своею Донскою вольницею, которая, прикрывая границы съ сей стороны, не уступала, въ ловкости и искусствѣ набѣдничьемъ, лучшимъ Крымскимъ грабителямъ. По сему уваженію, когда Казаки своевольствомъ заслуживали опалу, то Государи, снисходя, щадили ихъ за то, что они были непримиримыми врагами злодѣевъ и зломысленниковъ Россіи.»

Мы привели это мѣсто, чтобъ познакомить читателей съ образомъ сужденій автора: конечно, не всѣ раздѣляютъ его мнѣніе о приличіи и благоразуміи подобной политики, особенно при тогдашнихъ обстоятельствахъ государства.

Но какъ не въ этихъ сужденіяхъ состоитъ важнѣйшее достоинство труда Г. Броневскаго, то мы прямо отсюда перейдемъ къ лучшимъ мѣстамъ книги, своею занимательностью и обліемъ совокупленныхъ фактовъ, вполне выкупающимъ недостатки, которые, по непріятному долгу критика, принуждены мы были здѣсь обнаружить. Покореніе Азова Казаками и исторія Стеньки Разина кажутся намъ отличнѣйшими статьями въ этомъ сочиненіи, — особенно покореніе Азова. Этотъ блистательный, почти безпримѣрный въ Исторіи подвигъ романической храбрости, чудесный образецъ дерзкаго удачества въ успѣхъ, и потомъ геройской твердости духа въ бѣдѣ, былъ достоинъ всехъ усилій со стороны историка, и авторъ посвятилъ ему драгоцѣннѣйшую часть своихъ изысканій. Конечно, всякому изъ насъ было бы пріятнѣе найти и въ

этомъ прекрасномъ, разнообразномъ отрывкѣ нѣсколь-
ко болѣе Критики; самому даже автору, изъ уваженія
къ столь превосходному факту, слѣдовало быть осторож-
нѣе и строже въ выборъ преданій, чтобы неумѣстными
преувеличеніями не превращать въ басню событія, и
такъ уже почти невѣроятнаго; но и за то, что онъ намъ
представилъ, мы ему благодарны. Если бъ Г. Бронев-
скій, за пеймъніемъ другихъ пособій, прибѣгнулъ хо-
тя къ Гаммеровой Исторіи Оттоманской Имперіи, то
онъ безъ-сомнѣнія не подвергъ бы насъ трудному ис-
пытанію вѣрить вмѣстѣ съ нимъ, будто 1,400 чело-
вѣкъ Казаковъ могли выдержать долговременную оса-
ду въ дрянной крѣпости противъ 200,000 Турокъ, —
по-крайней-мѣрѣ 200,000, потому что авторъ говоритъ
о *сотняхъ* тысячъ, — и еще разбить ихъ въ добавокъ.
Что касается до «четырнадцати народовъ,» то есть,
какъ говорится, четырехъ на-десять языковъ, «подня-
тыхъ Султаномъ» противъ горстки дурно воору-
женныхъ наѣздниковъ, то, мы думаемъ, и самъ авторъ не
слишкомъ вѣрить своей риторической фигурѣ; тѣмъ
болѣе, что онъ почти никогда не приписываетъ сло-
вамъ опредѣлительнаго значенія; но числа!.... но 1,400
противъ 200,000!.... 1,400 безъ всякихъ средствъ къ
защитѣ, кромѣ своей храбрости, а 200,000 съ страш-
ною артиллеріею въ 129 огромныхъ осадныхъ пушекъ
и 642 меньшихъ орудій разнаго калибра!.... Армія,
какой Султанъ не приводилъ съ собою подъ Хотинъ,
съ артиллеріею, какой не было у Турокъ даже подъ
Вьною!.... Это заслуживало нѣсколько вниманія. Та-
кія украшенія въ состояніи обезобразить и самую
красоту. «Сидѣніе» въ Азовъ — событіе само по себѣ
столь прекрасное, что никакъ нельзя было страшить-
ся, чтобы его блескъ, его поэтическая сторона не по-
мрачались отъ приведенія обстоятельствъ, искажен-
ныхъ невѣжествомъ и легковѣрностью, въ логическія
формы, къ мѣрѣ людскихъ вѣроятностей. Уменьшите

бусурманъ до десятой доли, оно и тогда еще будетъ неслыханный подвигъ.

Постараемся привести дѣло въ большую ясность при помощи Турецкихъ офиціальныхъ лѣтописей, которыя, какъ извѣстно, составляются по государственнымъ журналамъ. Подробности осады и средства защиты, описанныя историографомъ Наима-эфендіемъ, могутъ быть употреблены съ пользою для исправленія очевидныхъ преувеличеній «Отписки» атамана къ Царю, и хорошо освѣщаютъ многія части этого достопамятнаго дѣла, представленнаго Г. Броневскимъ по рукописному «Сказанію объ Азовскомъ сидѣніи,» хранящемуся въ библіотекѣ графа Э. А. Толстаго. Кто пишетъ исторію, тотъ долженъ всегда слѣдовать показанію отечественныя съ разсказомъ противниковъ. *Audi alteram partem!* Въдѣ Исторія не Романъ: по крайней-мѣрѣ въ ней безпрестанно говорятъ о безпристрастіи.

«Въ мѣсяцъ мухарремъ 1051 (1541) года, капитанъ «паша, Сіавушъ, и янычарскій кетхода, Гайдеръ-ага-заде, выступили съ эскадрою въ Черное Море, «имѣя порученіе освободить Азовъ. Въ этотъ походъ «назначены Силистрійскій бейлербей, Гусейнъ-паша, «съ корпусомъ своего пашалыка; Татарскій ханъ Бе-«гадиръ-Гирей, съ Крымскимъ войскомъ, и Кафскій «паша, Юсуфъ, съ своимъ отрядомъ. Они всѣ четверо «осадили крѣпость. Находившіеся въ крѣпости невѣр-«ные взорвали мину: около семисотъ человѣкъ мусуль-«манъ взлетѣли на воздухъ, и получили мученичeskій «вѣнецъ за вѣру. Потомъ зажгли они вторую мину: «опять много народа сдѣлалось мучениками. На третью «ночь невѣрные сдѣлали вылазку, завязалось силь-«ное сраженіе, и нѣсколько человѣкъ правовѣрныхъ «попалось къ нимъ въ плѣнъ. Потомъ стали отыски-«вать мины невѣрныхъ, одну нашли, и взяли нахо-«дившійся въ ней порохъ. Потомъ учредили осаду, и

« съ *обѣихъ* сторонъ дрались съ *превосходнымъ* мужест-
 « вомъ: множество душъ погибло въ этихъ схваткахъ
 « какъ у осаждающихъ, такъ и осажденныхъ. Между-
 « тѣмъ одинъ Татаринъ бѣжалъ изъ Азова, и сказалъ
 « мусульманскимъ начальникамъ, что, въ крѣпости,
 « невѣрныхъ *пять тысячъ*. Чтобы войско не испуга-
 « лось, когда эта вѣсть распространится въ ставъ, и
 « не потеряло духа, Татарина тотчасъ упрятали. Му-
 « сульмане тоже подвели мину: отъ взрыва загорѣлась
 « внѣшняя стѣна, которую невѣрные построили изъ
 « дерева и наполнили внутри землю. Они были не въ
 « силахъ потушить огонь: стѣна горѣла цѣлыя сутки,
 « разрушилась, и проклятые ушли въ цитадель. Какъ
 « въ одинъ день весь мусульманскій порохъ былъ изъ-
 « расходованъ, то войско, уже до того приведенное въ
 « разстройство, двадцать два дня въ бездѣйствіи наблю-
 « дало за чертою осажденной цитадели, поджидая воз-
 « вращенія людей, посланныхъ въ Константинополь и
 « въ Кафу за порохомъ. Верховный визирь, не пред-
 « полагавшій, чтобы такъ трудно было взять Азовъ,
 « отдалъ приказъ объ отпускѣ 3000 центнеровъ поро-
 « ху. Чиновники сказали: « Довольно 1800 центнеровъ! »
 « — да и отправили столько. Пока вторично послали
 « въ Константинополь за порохомъ и его получили,
 « прошло почти семь недѣль, и наступилъ Дмитріевъ
 « день, время, въ которое войско расходится по до-
 « мамъ на зиму. Волею или неволею, надобно было
 « возвращаться домой, не взявъ крѣпости. Хотя Азовъ
 « остался въ рукахъ невѣрныхъ, но по крайней-мѣрѣ
 « истребили весь запасъ дерева, приготовленнаго
 « Казаками для постройки лодокъ, и сожгли деревян-
 « ное предмѣстье; сверхъ-того ихъ самихъ погибло
 « тутъ нѣсколько тысячъ: не будь этого, они, постро-
 « ивъ себѣ зимою двѣсти чаеткъ, въ началѣ весны набѣр-
 « ное напали бы на берега Чернаго Моря. Когда нѣсколь-
 « ко галеръ, отправленныхъ изъ Константинополя въ

«помощь, съ янычарами и порохомъ прибыло на мѣсто осады, войско и эскадра уже воротились—было до-мой: они обратились въ Кафу, для содержанія тамъ гарнизона и проведенія зимы.»

Въ этомъ описаніи говорится о разныхъ обстоятельствахъ и подробностяхъ которыхъ не показано въ матеріалахъ, употребленныхъ авторомъ, и следовательно весьма неполныхъ. Напротивъ, Г. Броневскій упоминаетъ въ одномъ мѣстѣ, по словамъ «Сказанія объ Азовскомъ сидѣніи,» о вылазкѣ 5,000 Казаковъ: это число осажденныхъ согласно съ повѣстью Турецкаго историографа. Но положительное показаніе послѣдняго о пашахъ и лицахъ, назначенныхъ въ походъ совершенно противорѣчитъ извѣстіямъ автора о «четырнадцати народахъ,» поднятыхъ противъ крѣпости третьяго разряда, каковою былъ Азовъ, и реляціи атамана о несмѣтности арміи и артиллеріи. Изъ самаго обстоятельства, что Турецкіе начальники «упрятали» Татарина, извѣстившаго ихъ о нахожденіи въ крѣпости 5000 неприятеля, чтобы не испугать осаждающихъ, позволительно заключить съ достовѣрностью, что Турокъ было не такъ много. Но ихъ можно исчислить. Бейлербей Силистріи выставялъ обыкновенно, для большихъ походовъ, 10,000 ратниковъ; въ распоряженіи Кафскаго паши находилось отъ 4 до 5000; какъ на эскадрѣ, состоящей изъ галеръ, отправленъ былъ не янычарскій ага, а только кетхода, то янычаръ не могло быть болѣе 6 или 7000: для значительнѣйшаго ихъ числа не было бѣ и мѣста на флотилии, которая сверхъ-того должна была взять съ собою извѣстную часть артиллеріи и піонеръ для осадныхъ работъ, да еще толпу служителей, безъ которыхъ Турки не трогаются съ мѣста. Ежели высадное войско простиралось до 10,000, то и этого ужъ много. Такимъ образомъ, всего на все Турокъ не могло быть болѣе 25,000 человекъ. Татары доставляли

Султану отъ 20 до 30,000 всадниковъ; но какъ Татары назначались только къ охраненію Турецкаго корпуса и къ набѣгамъ на Русскія области во время осады, къ которой они были вовсе неспособны, то число собственно осаждающихъ должно ограничить вышеприведеннымъ итогомъ. Топчу-башы не было на эскадръ: слѣдственно и артиллерія была не многочисленная, — что доказывается еще и малымъ количествомъ отправленнаго съ нею пороху, и самонадѣянностью Верховнаго Визиря, считавшаго взятіе Азова бездѣлицею. Во всякомъ случаѣ, защита этой крѣпости и противъ 25,000 грознаго въ то время и искуснаго въ военномъ дѣлѣ непріятеля, охраняемаго двадцатисычнымъ корпусомъ Татаръ, и командуемаго отличнымъ полководцемъ, Гуссейнъ-пашею, который незадолго передъ тѣмъ разбилъ на-голову 60,000 Поляковъ, Валаховъ и Сербовъ съ гораздо меньшими силами, — эта защита, и безъ всякихъ прикрасъ, пребудетъ навсегда въ Исторіи однимъ изъ блистательнѣйшихъ, чудесъ неустрашимости и самоотверженія. Авторъ описываетъ благородную рѣшимость и Христіанскія чувства, одушевлявшія горстку героевъ въ опаснѣйшую минуту осады, — и мы возьмемъ у него эту прекрасную страницу, которой нельзя читать безъ умиленія.

«Осажденные находились не въ лучшемъ положеніи. Несмотря на дожди, холодные вѣтры, рапы, болѣзни и всякаго рода недостатки, Казаки, на развалинахъ разрушеннаго вала, почти потерявъ всю артиллерію и истощивъ снаряды, не сходя съ мѣста, бились честно и мужественно. Турки на стрѣлахъ посылали имъ грамоты, въ конѣхъ каждому Казaku обѣщали выдать по тысячѣ талеровъ, лишь бы сдали имъ Азовъ^{*}; но Казаки *прельщеніемъ басурманскимъ* не прельстились, и, съ помощію Бога и Николая

* Положимъ, для большей вѣроятности, по 100 піастровъ, такъ какъ Турки всегда считали на піастры, и никогда не имѣли ихъ много.

Чудотворца, за Вѣру и Государя (которымъ были они безпощадно отвергнуты) крѣпко стояли. Наконецъ, не имѣя чѣмъ перебраться, не имѣя времени отдохнуть утомились, едва могли стоять на ногахъ: открылась цынга, и сирадь отъ убитыхъ тѣлъ причинилъ болѣзни еще жесточайшія. Самые отважные изъ нихъ, уже не видѣли возможности сопротивляться долѣе, не имѣли надежды устоять; и за всѣмъ тѣмъ, никто не хотѣлъ сказать — *сдадимся!* Живые захотѣли быть мертвыми, и всѣ тѣ, которые еще остались на ногахъ, и въ рукахъ могли держать оружіе, положили источить послѣднюю остающуюся въ тѣлѣ каплю крови, рѣшились, не долѣе, какъ въ слѣдующее утро, умереть, и какъ-можно дороже продать головы свои. Написали къ Царю и Патріарху грамматы — «да простятъ ихъ, *непотребныхъ и ослушныхъ рабовъ*, слезно умоляя, отпустить имъ вину и помянуть души ихъ грѣшныя.» Всю ночь молились, прощались другъ съ другомъ, цѣловали крестъ и Евангеліе на томъ, чтобы при смертномъ часѣ стоять дружно и жизни не беречь. Потомъ, призвавъ Бога въ помощники, съ умиленіемъ положили по три земныхъ поклона предъ иконами угодника Николая и Іоанна Предтечи, въ послѣдній разъ обнялись, — и при разсвѣтѣ, въ 1 день Октября, на память Покрова Богородицы, строемъ, молча и перекрестясь, выступили..... Но въ передовыхъ укрѣпленіяхъ была мертвая тишина; утренній туманъ недолго скрывалъ истину: станъ враговъ оказался пустымъ. Благодарность, радость и удивленіе, ободрили истощенныхъ витязей. Въ *уторопь*, и тѣ, которые сидѣли въ крѣпости, и тѣ, кои окружали непріятельскій лагерь, пустились въ погоню, и, настигнувъ непріятеля на берегу моря, смѣло и близко подошедъ къ нестройнымъ ихъ толпамъ, почти *въ припоръ ружья* открыли бѣглый огонь. Турки, изумленные столь дерзновеннымъ нападеніемъ, измѣнили обычной имъ храбрости: въ беспорядкѣ, смятснною толпою бросились на гребниа суда, и съ судами во множествѣ утонули. Столкнувъ послѣднихъ въ воду, Казаки взяли тутъ большое султанское (!) знамя и еще семь меньшихъ знаменъ.»

Большое султанское знамя развѣвается только передъ палаткою Султана и на его дворцѣ, и не могло

находиться тамъ, гдѣ его самого не было. Неужели Азовское сѣдѣніе сдѣлается на волосъ славнѣе отъ этого знамени? Слова однако жъ имѣютъ какое-нибудь значеніе! Въ Исторіи, особенно. Историческая Критика есть только искусство взвѣшивать и определять точное значеніе всякаго употребляемаго слова. Что касается до описаннаго авторомъ нападенія на отступающихъ Турокъ, то оно, по-видимому, относится къ остаткамъ высаднаго войска, потому что Гусейнъ-паша удался сухимъ путемъ по направленію къ Очакову; и какъ Оттоманскіе ратники служили только до Димитріева дня, послѣ котораго ни какая власть не въ силахъ удержать въ лагерь, то храбрые защитники Азова безъ-сомнѣнія обязаны своимъ спасеніемъ столько же своей доблести, сколько и этому счастливому обстоятельству.

Азовъ, какъ извѣстно, взятъ былъ Казаками единственно со скуки, чтобъ немножко потѣшиться въ полѣ, да показать бусурманамъ свое удалство. Они воспользовались для этого удаленіемъ въ Аккерманъ Гисамъ-Гирей, который съ сильнымъ отрядомъ Татаръ оберегалъ эту крѣпость и, по свидѣтельству Наммаэфендія, вдругъ двинулся къ Днѣстру, чтобъ соединиться съ Ногаями и вмѣстѣ съ ними свергнуть Крымскаго Хана съ престола. Московское правительство не имѣло ни какого вліянія на ихъ предпріятіе, и даже, когда атаманъ донесъ о благополучномъ покореніи Азова, не одобрило ихъ своевольства. Турецкій посолъ, Кантакузинъ, пріѣзжавшій въ Москву съ примѣчательнымъ предложеніемъ, переселить Донцевъ въ Азіятскую Турцію для спокойствія обоихъ государствъ, былъ убитъ ими. Казаки были предоставлены собственнымъ силамъ и мщенію раздраженныхъ Турокъ, передъ которыми наши послы отреклись отъ нихъ формально. Новое доказательство ихъ безпримѣрной храбрости и твердости духа, — незабвенная за-

щита Азова, изумило и даже растрогало тогдашнихъ царскихъ совѣтниковъ: оно долженствовало, напротивъ, раскрыть имъ глаза, обнаруживъ несомненнымъ образомъ то, какую пользу можно было извлечь для государства изъ Казаковъ и ихъ подвига, если бъ тогда принять рѣшительно судьбу ихъ подъ крыло генія Россіи, и соединить ихъ пользы съ пользами отечества; если бъ тогда же стать виѣсть съ ними твердою ногою въ Азовъ, завладѣніе которымъ тотчасъ принесло ту выгоду, что Татары перестали дѣлать набѣги на Русскія области. Но такова была слабость или равнодушіе лицъ, участвовавшихъ въ правленіи, что Казаки, получивъ отъ личной милости Царя нѣсколько тысячъ рублей и обѣщаніе о присылкѣ двухъ сотъ поставовъ сукна, съѣстныхъ припасовъ, свинцу и пороху, были опять преданы правосудію Оттоманскаго оружія, и совѣтники, къ которымъ прибѣгнулъ кроткій монархъ, не только не утвердили его въ благородной мысли удержать за Россіею важное пріобрѣтеніе Донскихъ удалцевъ, пламенно бросающихся въ объятія прежняго отечества, но еще напугали его воображеніе странными опасеніями. Это видно изъ грамоты, отправленной къ казакамъ въ 1643 году, которою Царь убѣждаетъ ихъ очистить Азовъ, потому что «вѣдомо учинилось Намъ заподлинно, что разгнѣванный Султанъ велитъ побить всѣхъ Христіанъ, находящихся въ его владѣніяхъ.» Вслѣдствіе такого извѣстія, очень хорошо придуманнаго для того, чтобы ужаснуть добраго Царя, и вѣрнѣе подѣйствовать на простодушіе неустрашимыхъ Донцевъ, Азовъ былъ отданъ ими Туркамъ, и, спустя нѣсколько лѣтъ, Россія, почувствовавъ ошибку, начала придумывать средства къ пріобрѣтенію крѣпости, отъ которой сама добровольно отказалась. Огорченные Казаки скоро изъ своего бурнаго лона извергли на нее Стеньку Разина! Мы не можемъ не предложить читателямъ лю-

бопытной картины этихъ несчастныхъ совѣщаній, составленной Г. Брошевскимъ по документамъ «Собранія Государственныхъ Грамматъ».

«Бояре думали, разногосили, и Царь повелѣлъ созвать *Великій Соборъ* въ Москвѣ, пригласить къ совѣщанію всѣ сословія государства, позволить каждому сказать свое мнѣніе на письмѣ, и рѣшить конечно: 1. Принять ли Азовъ отъ Казаковъ? 2. Для удержанія его за Россією, объявить ли Турецкому Султану и Крымскому Хану войну? 3. Гдѣ взять деньги, запасы и людей, потребныхъ для продолженія сей войны не на одинъ годъ?»

«Соборъ собрался 3 Января 1649 года, въ Царской столовой избѣ. Царь присутствовалъ только въ первомъ засѣданіи, на которомъ думный дякъ и печатникъ, Ѡ. Личчевъ, объявилъ волю Царскую, по которой требовалось отъ государственныхъ чиновъ ихъ мнѣнія. На Соборъ семь входилась: — Серапіонъ, митрополитъ Крутицкій, знатнѣйшее духовенство, бояре, окольнічіе, думные люди и всѣ другія сословія отъ городовъ и сорока двухъ областей.

«На второмъ засѣданіи, на которомъ Государь уже не присутствовалъ, по прочтеніи Царскаго предложенія, митрополитъ и духовенство написали, что «они должны молить Бога о устроеніи всего міра и благосостояніи святыхъ церквей, а ратное дѣло имъ не за обычай; дѣло то есть Царя и бояръ его, а если рѣшатся на брань, они помогаютъ готовы.»

«Стольники совѣтовали поручить удержаніе Азова однимъ Казакамъ, въ помощь имъ придать только охочихъ людей; а гдѣ взять припасы, объявили свое незнаніе. Впрочемъ начинать ли войну для Азова, на то воля Государева, а мы служить готовы. Стрѣльцы сказали: если рѣшится на войну, то хлѣбные запасы для скорого подъема взять съ Украинскихъ городовъ и съ Троицкаго Сергіева Монастыря; если же въ казнѣ наличныхъ денегъ мало, то для скорыя Государевой службы взять у духовенства ихъ личную домовую казну.

«Дворяне Московскіе сказали, что Азовъ поручить защитѣ Казаковъ и охочихъ людей подѣ начальствомъ Воеводъ»

го Атамана, а хлѣбные и пушечные запасы отпустить изъ Царской казны. Воеводѣ же послать въ Азовъ не прежде, какъ Казаки удержатъ его за Россію. Владимірскіе, Нижегородскіе и Муромскіе дворяне сказали: «Будетъ Государю угодно, и онъ велитъ Азовъ принять; будетъ не угодно, онъ не велитъ принять; а гдѣ люди взять, и гдѣ деньги взять, Государева воля; бояре за насъ вѣчные промышленники, а мы служить рады.» Къ сему Владимірцы прибавили—«бѣдность наша Царю и боярамъ вѣдома.»

«Любовь къ отечеству и къ славы его раскрылись въ голосахъ, поданныхъ другими сословіями и иногородными дворянами. Мнѣніе Московскихъ дворянъ, Никиты Ивовича Беклемишева и Тимофея Сидоровича Желябужскаго, заслуживаетъ особое вниманіе: — они сказали: «Ту казну, какую посылаютъ въ подарокъ Крымцамъ, обратить на жалованье Войску Донскому и охочимъ людемъ. Азовъ взять и отстоенъ малыми людьми; и съ тѣхъ поръ, какъ взять, Татара не грабятъ нашей Украины. При отдачѣ Азова всѣ Ногаи и Горцы будутъ у Турковъ; съ удержаніемъ его всѣ наши, и Россія оградится безопасностію. Если у Государя нѣтъ казны, пусть опредѣлитъ присяжныхъ добрыхъ, и велитъ имъ собрать со всѣхъ насъ по гривнѣ, и этого будетъ довольно на многіе годы; пусть разсмотритъ притѣсненія бѣдныхъ отъ людей сильныхъ и корыстовныхъ.»

«Грѣхъ будетъ на насъ, говорили Новгородцы, Костромитяне, Смоленцы и всѣ другіе городовые дворяне и боярскія дѣти, если мы отдадимъ опять Христіанскій городъ бусурманамъ,» и прямо сказали, «Войну объявить, и всею землею за Азовъ крѣпко стать. Еще успѣемъ снарядить и устроить Азовъ. Вели только, Государь, не различать богатаго съ бѣднымъ; вели разсмотрѣть, отъ чего дѣяки и подьячіе отяжелѣли, выстроили каменные палаты, какихъ не бывало и у вельможъ при прежнихъ Государяхъ; вели разсмотрѣть поборы и даточныхъ людей съ монастырскихъ имѣній. Зачѣмъ лежачая казна у патріарха, митрополитовъ, епископовъ и въ монастыряхъ? Возмите ее на государственную нужду; прикажите собрать деньги и людей со всѣхъ вѣданныхъ по-ровну, по правдѣ, не исключая монастырскихъ и даже твоихъ дворцовыхъ служителей. Велите да-

точпыхъ брать по сказкамъ, а не по писцовымъ книгамъ, и у тѣхъ, кто утантъ, имѣніе ваять въ казну; а всѣ итти готовы и рады работать головами и душою.

«Намъ читали, прибавили Каширцы, Ярославцы, Разницы и другіе, что Турки ведутъ войну не по одинъ годъ, но на это воля Божія: вольно Богу и въ малъ времени укоротить. Въ Азовъ приличнѣе послать воеведъ и рать стрельцкую; ибо если и отдадимъ его Туркамъ, то гдѣ войны съ бусурманами не избежимъ, и гдѣ Божій на все государство Россійское наведемъ. У Государя все есть: вели онъ кличь кликнутьъ, такъ явится народъ, а разорены мы, пуще Турскихъ и Крымскихъ бусурмановъ, Московскою волокитою и отъ неправедныхъ судей.

«Купцы сказали: Тебѣ извѣстно, Государь, что Крымскіе и Ногайскіе Татары по всякъ годъ много берутъ полону, такъ, что многіе Украинскіе города и села опустыли. Если сіе случается во время мира, то войною избежимъ сего, и не позволимъ бусурманамъ такъ поругаться нашей православной Вѣрв. Хотя худы стали торжишки наши отъ неправды управителей, да отъ Нѣмцевъ и Персіанъ: — они всѣ наши торжишки отбили, и воеводы потакають имъ и ласкають ихъ, а мы оскудали до конца; но готовы давать, что выдемъ, и готовы итти сами и положить за Тебя свои головы.

«Разночинцы говорили: Пожары да подати, подводи да кормежныя деньги разорили насъ; разсуди насъ, Государь, съ нашими воеводами, да съ дьяками: они съѣдають, что мы даемъ Тебѣ, Государю, а несмотря на то, за домъ Пресвятыя Богородицы и за Тебя, Отца-Государя, готовы итти сами и платить готовы.

«Замѣчательно, что разногласныя мнѣнія членовъ собранія, сбивчиво, помещены сначала, потомъ изъ голосовъ сдѣлана выборка весьма краткая. Все несприятное болранъ и дьякамъ выпущено; остались попреки на богатство духовенства, — въ заключеніе же рѣшенія еще кратче сказано: *Какъ угодно Царю и болранъ, такъ и будетъ.*»

Мѣсто не позволяетъ намъ слѣдовать далѣе за автo-

ромъ въ его «Исторіи Донскихъ Казаковъ»: читатели найдутъ въ ней нѣсколько статей, запечатлѣнныхъ истинно романическою занимательностью, по случаю которыхъ даже и записные любители Исторіи охотно простятъ ей, по нашему примѣру, разныя погрѣшности противъ историческаго изложенія и строгой Критики. Несмотря на то, что Разинъ имѣлъ «всѣ качества витязя своего (XVII) вѣка,» то есть, отвагу и буйство (Стенька Разинъ былъ современникъ Великому Кондѣ, Тюренню, Карлу Лорренскому, герцогу Луксембургскому, Витту, Руйтеру, Монтекукулли, Иоанну Собьскому, и поэтому или они были такіе же витязи какъ Стенька Разинъ, или онъ подобный имъ витязь!); несмотря на то, что его разбой въ Персіи называются «подвигами», а его разбой въ Россіи «злодѣйствами», несмотря на множество другихъ вещей, разсказъ Г. Броневскаго объ этомъ разбойникѣ отличается безспорнымъ превосходствомъ передъ всѣми, что только мы объ немъ читали. Исторія Казаковъ по необходимости теряетъ свой чудный, фантастическій колоритъ съ того времени, какъ подвиги ихъ начинаютъ составлять только часть безчисленныхъ лавровъ Русской арміи; однако жъ, собранныя отдѣльно и соединенныя авторомъ въ одно цѣлое, они образуютъ еще огромную массу славы, которая невольно приковываетъ читателя къ предмету повѣствованія.

Оканчивая рѣчь объ Исторіи, мы сдѣлаемъ одно общее замѣчаніе: употребленіе бранныхъ и порицательныхъ эпитетовъ есть признакъ весьма дурнаго историческаго тона, и хорошіе писатели нашего времени отринули это мнимое средство теплоты и выразительности слога, потому что, во-первыхъ, Исторія должна говорить существительными, а не прилагательными, а во-вторыхъ, подобный слогъ не при-

личень философіи, которая должна всегда руководствовать перомъ историка.

Послѣ Исторіи Донскихъ Казаковъ находимъ мы, въ этомъ важномъ сочиненіи, статистику ихъ края, отрывокъ, очень хорошо написанный и заключающій въ себя много примѣчательнаго. Авторъ сообщаетъ намъ, между прочимъ, бюджетъ Донскаго Войска: доходы въ 1832 году простирались до 3,407,000 рублей; въ числѣ расходовъ находятся статьи на содержаніе гимназій, училищъ, типографій, воспитанниковъ при Московскомъ и Харьковскомъ университетахъ, ботаническаго сада, и т. п. Войско имѣетъ уже свой капиталъ въ два съ половиною милліона.

Г. Броневскій написалъ также краткую Исторію Калмыковъ, безъ которыхъ Исторія Дона была бы не полна. По несчастію для сочинителя эта статья теряетъ почти всю свою цѣну по причинѣ выхода въ то самое время двухъ пространныхъ и чрезвычайно любопытныхъ сочиненій о томъ же предметѣ, Отца Іакинѳа и Г. Нефедьева. Но, почтенный авторъ хотѣлъ исчерпать свой предметъ, и къ статистикѣ присовокупилъ еще этнографію, — описаніе нравовъ, обычаевъ и обрядовъ Донскихъ Казаковъ въ разныя времена ихъ существованія: послѣ первой (рыцарской) эпохи ихъ Исторіи, это самая занимательная часть книги. Какъ сочиненіе Г. Броневскаго безъ-сомнѣнія будетъ скоро въ рукахъ у всѣхъ нашихъ читателей, — оно по-истинѣ заслуживаетъ это, — то мы сообщимъ, имъ въ счетъ ихъ любопытства, только два небольшіе отрывка о нынѣшнихъ обычаяхъ Донскихъ нашихъ героевъ.

Со времянъ Императора Александра I, дома высшаго сословія почти ничѣмъ не отличаются отъ жилищъ Русскаго дворянства, но тогда какъ мы, во части домашняго быта, уже сдѣлали успѣхи въ Политической Экономіи, наши Донскіе соотечественники

еще и знать не хотятъ про Арифметику, главную добродѣтель образованныхъ народовъ. Гостепріимство по-сіе-время осталось у нихъ на старомъ Русскомъ положеніи, которое не справлялось со счетами: гости дѣлаются хозяевами, а хозяинъ слугою всѣмъ, и тутъ ужъ нѣтъ ничего завѣтнаго, — лишь бы ѣлось и пилось.

«Лишь только проснулись, подаютъ чай и кофе; немного послѣ, ставятъ на столъ въ гостиной сытную закуску, водку сладкую, травникъ, запеканку, отъемное царское вино и мадеру. Закуска, состоящая изъ разныхъ препаратовъ, по вкусу и состоянію хозяина приготовленныхъ, не снимается со стола до самаго обеда. За столомъ сытнымъ и прензобильнымъ, сначала подаютъ мадеру и другія вина; послѣ жаркаго начинаются тосты: сколько гостей, и сколько у кого друзей и пріятельницъ, отсутствующихъ и присутствующихъ, пьютъ за здоровье шипячимъ Донскимъ виномъ; подчиванье заключается разными наливочками, съ ногъ сбивательными. Послѣ обеда подаютъ кофе, и ставятъ на столъ разные варенья, пастилы, конфекты, *инжиръ** и фрукты. Между небольшими антрактами, подаютъ разныхъ сортовъ меда, водичу наподобіе шампанскаго, только поспиртоватве. За чаемъ рѣдко пуншъ, а болѣе *варенуха*, родъ глинтвейна, отъ котораго такъ же какъ и отъ стакана рому, скорехонько въ ухахъ зазвенить. За ужиномъ то же подчиванье. Любимымъ или почему-либо предпочитаемымъ гостямъ, ить людямъ и лошадямъ корму наотвалъ, прочимъ вдоволь. Словомъ, здѣсь тороватаго съ богатымъ не различишь; и не у богатаго или чиповнаго, а у пріятливаго и угостительнаго, гостей болѣе собирается. Такіе пиры, безъ сборовъ и пріуготовленій, часто продолжаются по недѣль.

«Женщины хотя и участвуютъ во всѣхъ собраніяхъ, по отъ обращенія съ молодыми мужчинами, по скромности, уклоняются. Старички сидятъ особо, и иногда, пригласивъ къ себѣ сельскаго священника, попивая, странными голо-

* Сухіе привозимые изъ за границы фрукты, какъ-то вишнія ягоды, изюмъ, миндаль, финики, и проч.

сами поют духовныя стихеры, и попережку рассказываютъ въ тысячный разъ про свои подвиги. Тутъ хвастливому пространное поле: постороннему, чтобы не поминать бесѣды, должно притвориться вѣрующимъ, будто они одни завоевали Европу, и отправили Наполеона на Островъ Св. Елены. Впрочемъ, и есть чѣмъ похвалиться; многіе изъ нихъ служили во всѣхъ походахъ отъ 1770 до 1815 года включительно, — періодъ славный въ нашихъ летописяхъ, и знаменитый для Донскихъ нашихъ сослуживцевъ. Старушки, усѣвшися на почетныхъ мѣстахъ особнячкомъ, по старинному обычаю, перекрестя пальцы скромно, почти не шевеля головою, молчатъ. Молодыя дамы между собою говорятъ о хозяйствѣ и нарядахъ; дѣвицы о балахъ и женихахъ, которыхъ послужные списки наперечетъ имъ извѣстны, хотя онѣ съ ними ни какого обращенія не имѣютъ. За столъ кавалеры ведутъ дамъ подъ ручку, а пришедши въ залу, дамы и кавалеры садятся по разнымъ сторонамъ; на балѣ тоже: оттанцовавши и не сказавши никогда и слова, расходятся съ поклономъ врознь. Дѣвица чинно садится между подругъ, а кавалеры въ другой компань, или лѣтомъ на *галдарель*, принимаются за трубки, выпьютъ травянику или рюмочку донскаго, и опять танцуютъ. Свободнаго свѣтскаго обращенія хотя нѣтъ еще, но дамы вообще любезны и обходительны; только, по принятому приличію, не хотятъ казаться такими въ публикѣ, — въ домѣ же у себя очень привѣтливы.»

Описаніе увеселеній на масляницѣ очень любопытно, но мы обратимся къ особенной чертѣ благородныхъ собраній того края.

«Въ прощенный день и въ другіе праздники въ некоторыхъ домахъ наблюдается этикетъ, ни мало не сходствующій съ простотою нравовъ и радушнымъ гостепріимствомъ, вообще всеми наблюдаемымъ. Хозяйка съ дочерью, приврадившися, садится за столъ, и принимаетъ посѣтителей по чинамъ ихъ или по богатству. При входѣ однихъ она не трогается съ мѣста; другимъ небрежно киваетъ головою; иныхъ сажаетъ на креслахъ по правую себя руку, иныхъ же съ-ую, другимъ же показываетъ стулъ подалѣе отъ себя; и»

вонецъ, знатныхъ встрѣчаютъ у дверей, шествіе съ мужемъ, вводятъ ихъ въ комнату подъ руки, провожаютъ даже на крыльцо, смотря по чину или по важности занимаемаго имъ мѣста. Чиновный ея мужъ, сидя въ своемъ кабинетѣ, принимаетъ съ ласкою только высшихъ себя, и съ важно-стію равныхъ или по чему-либо нужныхъ ему людей. Старшки дѣлаютъ постыженія не изъ свѣтскаго приличія, ибо просить прощенія въ винахъ и грѣхахъ своихъ почитается адъемъ, какъ и во всей Россіи, долгомъ Христіанскимъ, обрядомъ истинно священнымъ. Молодые вздаты прощаются по иному побужденію, — сорвать поцѣлуй, что, по обычаю, допускается. Люди званія низшаго, торговцы и офицеры, не принадлежащіе къ именитымъ родамъ дворянства, приносятъ въ даръ почетнѣйшимъ, кому покровительство можетъ когда-либо имъ пригодиться, большой приемъ или что-нибудь изъ сластей. Въ послѣдній день масляницы, по вѣстамъ улицамъ, изъ дома въ домъ бѣгаютъ, суетятся; пьяные и трезвые, ившіе и конные стрѣляютъ, кричатъ и доютъ. Городъ какъ бы въ мятежъ, но жители съ миромъ и любовію провожаютъ масляницу и *прощенный день*, подобно тому, какъ Греки и Римляне нѣкогда праздновали вакханаліи. Въ понедѣльникъ Великаго Поста, съ крестомъ и земнымъ поклономъ, принимаются за грибки и капусту, но отъ вина не отказываются: имъ, какъ говорить, *промыываютъ ротъ.*»

Вотъ, что на Дону называютъ «купать на вербное»: этотъ обычай католическихъ странъ вѣроятно сообщенъ тамошнимъ жителямъ Малороссійскими Казаками:

«Бросать въ воду тѣхъ, которые проспали заутреню на великіе праздники, по лѣности или по нечестію, ведется на Дону изстари. Обычай сей присвоенъ вербному воскресенію. Вышедшіе изъ церкви, раздѣлившись на партіи, спѣвать по домамъ отыскивать спящихъ, и нашедъ, съкутъ ихъ вербами, призывая: *Верба хлестъ, бей до слезъ; не жаль, серба бьетъ!* Потомъ схватываютъ лѣннива, выносятъ изъ дома на рукахъ, и погружаютъ его въ первую попавшуюся лужу, или обливаютъ его нечистою водою. Днятъ

пируютъ по льннвымъ, то есть, приходятъ къ наказаннымъ пить и пировать. Татара и другіе яновѣрцы, которымъ наканунѣ сего дня случится почевать въ станицѣ, чтобы не подвергнуть себя смрадному погруженію, встаютъ до окончанія заутрени.

«До временъ Атамана Алексѣя Ивановича Иловайскаго, каждая станица наряжала на случай тревоги определенное число очередныхъ Казаковъ. Кто по лѣности или нерадѣнію опаздывалъ на сборъ, также наказывался нечистымъ погруженіемъ, и также появлялся своихъ товарищей.»

Отъ Дона не далекъ путь на Кавказъ: вотъ почему авторъ описалъ еще Кавказскія минеральныя воды. Мы право, не знали того, что Г. Броневскій очень пріятный юмористическій писатель! Кто бы могъ подумать, что сочиненіе, начинающееся разсужденіемъ о Скиѣахъ и Черныхъ Клобукахъ, кончится рѣчію о прелестныхъ чепчикахъ мадамъ Гзавіе? Однако жъ такъ случилось. Эта четвертая часть книги Г. Броневскаго есть Путешествіе въ родѣ Англійскихъ *tourg* и *sketches*, — странствованіе черезъ Землю Донскихъ Казаковъ, въ Пятигорскъ, къ водамъ, — личныя приключенія автора въ странѣ, которой сочинилъ онъ Исторію, — картины нравовъ простудившихся и одержимыхъ гемороемъ, — очерки милые, умные, забавные. Мы бы желали, чтобы всѣ Исторіи оканчивались такъ весело.

Авторъ поочередно описываетъ Новочеркасскъ, дорогу на Кавказъ, городъ Пятигорскъ, садъ, купальни, окрестности, Черкесовъ и обратный свой путь на Сѣверъ. Судя по этому описанію, Пятигорскіе больные скучнѣе самыхъ Черкесъ, которые, конецъ концовъ, очень милые люди, по-крайней-мѣрѣ въ сравненіи съ Пятигорскими больными. Послѣ обѣда всѣ пріѣзжіе больные, съ своими больными (больными — въ женскомъ родѣ), идутъ гулять на бульваръ, который кипитъ тогда народомъ, и являетъ нѣкоторый

видъ Венеціанскаго карнавала: столичныя и провинціалныя моды представляютъ смѣсь, истинно маскарадную: кто во фракъ и Черкесской шапкѣ, кто въ плащъ и въ колпакъ, кто въ буркѣ и подъ вуалью, кто въ нанковомъ сюртукѣ и шитомъ золотомъ картузѣ, кто съ тюфякомъ на головѣ и ковромъ подъ мышкою. И всѣ искривлены на разные манеры, чтобъ казаться больше! Замѣьте, что, на этихъ кислыхъ прогулкахъ и въ собраніяхъ, здороваго и въ грошъ не ставятъ, и тотъ у нихъ почтеннѣе, кто больше разбитъ ревматизмомъ. Чахоточнымъ всѣ кланяются какъ фельдмаршаламъ.

«Мужчины и въ сихъ собраніяхъ наблюдаютъ простоту, слагаютъ съ себя внѣшніе знаки почестей, и посѣщаютъ дамъ просто въ сюртукахъ и безъ орденовъ. Дамы, и здѣсь какъ и вездѣ, являютъ съ пышностію; но, за неизмѣнимъ ли столичныхъ модъ или собственнаго вкуса, на бульварѣ и въ собраніи встрѣчаешь часто непріятную для глазъ пестроту. И горе той, которой Граціи открыли тайну ловко одѣваться! Женщины объявляютъ ей войну, войну непримиримую, и за головной уборъ, сдѣланный искусными руками Петербургской модистки, первы ихъ до того разстраиваются, что врядъ ли и самый Нарзанъ принесетъ имъ пользу. И тогда, побѣжденные вдутъ скрыть свой стыдъ за Кавказъ, въ Крымъ, въ Вятку, въ Малороссію. Провинціалка съ хорошенькимъ личикомъ, и въ собраніи и на бульварѣ, является въ томъ же нарядѣ, и, сказываясь больною, танцуетъ во всю ночь до упаду. На сихъ балахъ, враждованіе дамъ становится еще явственнѣе, и холодность ихъ обращенія между собою едва прикрывается завѣсою пристойности. Генеральскія дочки танцуютъ съ адъютантами своихъ отцевъ, а другія дѣвицы, не имѣя знакомыхъ, остаются праздными зрительницами: однѣ съ досады уходятъ, другія, просидѣвъ на одномъ стулѣ до самаго разсвѣта, оставляютъ домъ собранія, чуть не со слезами на глазахъ.»

Должно знать, что въ Пятигорскѣ много бываетъ Петербургскихъ жителей. Изъ этого вы можете пред-

ставить, сколько тамъ оригиналовъ. Петербургскій житель, — особенно Петербургскій въ полномъ смыслѣ слова, — Петербургскій въ превосходной степени, — самый Петербургскій, который движется только ночью; который восемь мясецвъ живетъ вьнѣтмахъ, а четыре остальные критикуеть солнце; который не доволенъ всѣмъ, пресыщенъ всѣмъ, доволенъ только собою и своимъ зеркаломъ; котораго мысль имѣеть только одну логическую форму, — праррвнїе; для котораго даже Библіотека для Чтенія дурной журналъ, потому что она издается по-Русски и что онъ не успѣваетъ читать ея за своимъ зеркаломъ, вуделемъ и самолюбіемъ; для котораго наконецъ все дурно, кромъ последней Французской книги, теже известной ему только по заглавію, — этотъ человекъ въ Пятигорскъ! Стоитъ съзвать въ Пятигорскъ котъ бы для того, чтобъ посмотреть тамъ на Петербургскаго жителя.

«Привыкшіе къ роскоши и ко всѣмъ удобствамъ жизни, представляютъ здѣсь самое несчастное созданіе. Одинъ смотритъ на все въ увеличительное критическое стекло, другому все предметы кажутся не на мѣсть, иному все вѣдомо: онъ вздыхаетъ о прогулкахъ по Невѣ, объ Островахъ, о театрѣ, о пивѣ, о женѣ, — и не вѣдомо еще о чѣмъ....»

«Другой мой прїятель удивлялся, какъ я могу умывать ся одною рукою, и одѣваться съ пособіемъ одного только слуги, какъ между-тѣмъ онъ при онхъ дѣйствіяхъ и при вареніи кофе, не можетъ обойтись безъ пяти лакеевъ!

«Провинціальная причудница, богатая и роскошная, добрая и готовая на всякой благородный подвигъ, прїѣхала съ огромною свитою праздныхъ слугъ, служанокъ, фаворитокъ и приживалокъ; привезла, сверхъ того, двухъ кошекъ и трехъ мосекъ, къ которымъ вскорѣ присоединились нѣсколько паръ фазановъ и двѣ дикія козочки; — и, не нашедъ дома, ярмичнаго для помѣщенія всѣхъ своихъ животныхъ и домашнихъ, проклинала здѣшнюю кочевую жизнь, дивилась

и понять не могла, почему въ Пятигорскѣ нѣтъ того, что есть у насъ въ деревнѣ, и въ Москвѣ.

«Лучшій изъ оригиналовъ, годный въ кунсткамеру, или на футляръ для контръ-баса, весомъ пудовъ въ десять, лысый, жирный и, по обширности живота своего, давно уже не выдававшій своихъ ногъ, снѣдая по шести разъ въ день, и поглощая волкаго рода съѣстныхъ припасовъ и питей до изолатора пуда, всемъ жаловался на доктора, что предписалъ ему діету столь строгую, что онъ боится умереть отъ ней съ голоду!

«Наконецъ, ипохондрики составляютъ многочисленный классъ жалкихъ шутниковъ: но какъ ихъ шутки не единicomъ забавны, то я упомяну только объ одномъ. Одинъ изъ нихъ, человекъ молодой и къ несчастію чрезвычайно мнительный, вообразилъ, что онъ ничего не можетъ кушать, кромѣ одного бульону, и, съ помощію снисходительныхъ, на все согласныхъ медиковъ, лекарствами и діетою истощилъ себя до того, что наконецъ въ сильнѣйшей ипохондріи отправленъ его какъ безнадежнаго на Кавказъ. Дорожное движеніе, перемѣна воздуха, пріятное препровожденіе времени и воды благодѣтельнаго Машука, облегчили, разсѣяли сумрачныя его мечты. Въ свободныя отъ припадковъ слабодушія минуты, нашъ ипохондрикъ, по просьбѣ пріятелей, рѣшился пообѣдать; проглотилъ нѣсколько дожекъ супу, съедалъ цыплячье крылышко, выпилъ рюмку шампанскаго, и, полагая, какъ думать должно, что онъ пресмщеніемъ отравилъ себя, успѣвши предупредить мученія смерти. Послѣ обѣда весело раскланялся онъ съ гостями, легъ отдохнуть, выслалъ изъ компаты всѣхъ людей, и — пистолетнымъ выстрѣломъ разбилъ себя голову.

«Между прочими оригиналами, нашелъ я одного, котораго нельзя было не полюбить, нельзя не замѣтить. Какъ Пиррона называли машиною для эпиграммъ, такъ его можно назвать машиною памяти. Онъ все знаетъ, и все помнитъ: происшествія допотопныя, также какъ и нынѣшнія закулисныя, достопамятное и мелочное, святцы и родословныя, событія, къ разряду любовныхъ приключеній принадлежащаго, и тайны Европейскихъ дворовъ, — все у него наизусть, все на персечтъ, но числамъ, по часамъ. Эта ходячая ле-

топись, лексиконъ, энциклопедія, какъ вамъ угодно назвать, очень притомъ добраго права, и въ существѣ своемъ противорѣчіе страшное и никакъ не ожиданное. При столь обширныхъ познаніяхъ и памяти, онъ ни одной строки въ жизни не написалъ своею рукою, и въ отношеніи къ себѣ не помнитъ ничего, что дѣлаетъ: выходитъ на прогулку въ одномъ сапогѣ, и собирается на балъ, бывшій прошедшаго четверга. Въ глазахъ его блистаетъ умъ, но всѣ движенія и самыя члены изображаютъ лѣнь безпробудную, доброту неисчерпаемую. Мнѣ не случилось встрѣчать ни одного лица, такъ много говорящаго. Пальцы его, кажется, сдѣланы только для того, чтобы давать. Онъ подаетъ нищему монету, первую, какая ему въ кошелькѣ попадется, никогда не вспомнитъ взять сдачи съ кушца, и, подобно Святому Мартину, готовъ отдать плащъ, послѣднюю рубашку проходящему, имѣющему въ томъ нужду; отдавъ, преравнодушно онъ садится дома на мягкій диванъ, а за немѣнѣемъ его просто на полъ, не думая о томъ, что нынѣ и завтра нечего кушать. Словомъ мой добрый лѣнвецъ — существо достойное уваженія!»

Съ Кавказа не далеко ужъ завернуть и въ Арменію. Вотъ почему, при сей вѣрной okazji, мы скажемъ нѣсколько словъ объ «Исторіи Армянскаго Народа,» С. Н. Глинки. Мы не долго будемъ оставаться въ Арменіи, гдѣ, впрочемъ, и дѣлать нечего.

Нужно быть сердитымъ и кровожаднымъ какъ тигръ, чтобъ запустить острые критическіе зубы въ такое невинное твореніе, какъ «Исторія Армянскаго Народа,» которая преспокойно лежитъ передъ нами. На Г. Глинку гнѣваться не возможно. Онъ такъ страстно любитъ человѣка и человѣчество, такъ пламенно желаетъ людямъ добра, и ненавидитъ войну, ссоры, кровопролитія, такъ добродушно вѣритъ всему, чему вѣрятъ Армяне, — даже тому, что Турки и Персіане питаютъ къ нимъ уваженіе, — что обезоруживаетъ васъ своимъ чистосердечіемъ при первыхъ страницахъ, и даже заставляетъ смѣяться отъ чистаго сердца. Этотъ

почтенный Славянинъ Бьлусъ, или Бьль, называемый въ Библии Немвродомъ, очень забавенъ, несмотря на то, что онъ душилъ бѣдныхъ его Армянъ. Мы повстрѣчались въ этой Исторіи съ Куръ-де-Жебленомъ, журналомъ *des Débats* и другими столь же знаменитыми историками, которыхъ бесѣда весьма пріятна и назидательна. Жаль только, что тутъ не было Г. Сень-Мартена, который такъ умно разсуждаетъ объ Армянской Исторіи. Въмѣсто его, авторъ позвалъ двухъ Армянъ, Шапана Цирбита и Якова Шамирова, препустыхъ компилаторовъ, хвастуновъ, прямыхъ Азіятцевъ, и заставилъ ихъ разсказывать дѣла своего народа, а самъ съль слушать ихъ, и вѣрить. Какъ жестоко надували они добраго и челоуѣколюбиваго хозяина, вы можете судить по слѣдующимъ немногимъ обстоятельствамъ: они увѣрили его, что Авгаръ былъ царь Армянскій; что Армяне приняли Христіанскую Вѣру въ самомъ началѣ нашей эры, что Тамерланъ былъ Армянинъ и тому подобное. Послѣ этого стоило только выбросить Цирбита и Шамирова въ окошко! Но авторъ такъ снисходителенъ, что выслушалъ ихъ до конца съ удивительнымъ терпѣніемъ, и еще списалъ вѣрно всѣ ихъ бредни, приправилъ ихъ мыслями Нибура, Гердера, Герена, Гизо, и напечаталъ.

Исторія Армянъ, которыхъ государство находилось внутри Азіи, и имѣло постоянныя сношенія съ разными древними и новѣйшими народами той части свѣта; которые были свидѣтелями всѣхъ ея переворотовъ и нерѣдко ихъ жертвами; которые, подобно Евреямъ, отъ глубокой древности и до нашихъ временъ всегда и вездѣ сохраняли свой народный, самобытный характеръ, несмотря на разсыпаніе ихъ племени по всѣмъ странамъ вселенной; которые никогда не забывали своего отечества, и писали объ его бѣдствіяхъ, о своихъ страданіяхъ, о поступкахъ съ ними ихъ разно-

племенныхъ притѣснителей, — такая Исторія, озаренная факеломъ Критики, чрезвычайно важна для наукъ Европейскихъ, и достойна всего нашего любопытства. Мы искренно сожалѣемъ, что авторъ, видя грубыхъ сказокъ Цирбита и Шамирова, не перевелъ намъ превосходнаго сочиненія Г. Сень-Мартена.

Судя по заглавію, — «Обозрѣніе Исторіи Армянскаго народа отъ начала бытія его до возрожденія Армянской Области,» — мы полагали сначала, что это будетъ панегирикъ реченному народу, во славу его предтевителей. Но предисловіе тотчасъ вывело насъ изъ заблужденія: авторъ спѣшитъ объявить, что онъ не имѣетъ въ предметъ писать панегирикъ, а сочиняетъ чистую Исторію. Впрочемъ даже и эта предосторожность была не нужна: подобная книга ни кѣмъ не можетъ быть принята въ похвалу себя. Но нѣтъ худа безъ добра: даже и въ этомъ сочиненіи есть хорошія вѣста, заслуживающія вниманіе любителей Исторіи, Свѣдѣнія, собранныя авторомъ объ отношеніяхъ Русскаго Правительства къ Армянамъ со временъ Петра Великаго, и о дѣйствіяхъ фамиліи Гг. Лазаревыхъ на пользу своего народа, очень любопытны.

=

P

1. ОПИСАНІЕ САНКТПЕТЕРБУРГСКАГО ЗАВѢДЕНІЯ ИСКУССТВЕННЫХЪ МИНЕРАЛЬНЫХЪ ВОДЪ, и нѣставленіе къ внутреннему и наружному употребленію оныхъ, начертанныя докторомъ Мартыномъ Мейеромъ, главнымъ врачомъ Заведенія. Санкт-Петербургъ, 1834.

2. ОПИСАНІЕ МИНЕРАЛЬНЫХЪ ВОДЪ, искусственныхъ и естественныхъ, составленное изъ сочиненій лучшихъ новѣйшихъ писателей Ф. Бѣлявскимъ, для врачующихъ и врачующихся. Москва, 1834. Дѣль части.

3. МЕДАНКО-ТОПОГРАФИЧЕСКАЯ СВѢДѢНІЯ О САНКТПЕТЕРБУРГѢ. Санктпетербургъ, 1834.

Принимая три эти книги за основаніе предстоящаго разсужденія, мы впередъ, объявляемъ, что Критика наша будетъ направлена болѣе на ихъ предметъ, нежели на содержаніе, — и въ особенности на предметъ начальствующій. Мы всегда предпочитаемъ разбирать предметъ. Разборы содержаній мало приносятъ пользы читателю, и еще менѣе сочинителю: они не могутъ ни передѣлать, ни улучшить уже напечатанныхъ твореній. Одно разсматриваніе предмета способно вознаградить трудъ читающаго и пишущаго результатомъ, достойнымъ любопытства перваго и издержки мыслей втораго.

Важнѣйшій вопросъ, рождающійся въ умъ по прочтеніи этихъ книгъ, и сосредоточивающій въ себѣ почти все ихъ содержаніе, можетъ быть выраженъ слѣдующими словами: И такъ, нѣтъ сомнѣнія, что искусственныя минеральныя воды въ состояніи всегда, во всякомъ климатѣ, при всякихъ мѣстныхъ обстоятельствахъ, совершенно замѣнить воды естественныя? Этотъ-то вопросъ, повидимому совершенно медвѣдскій, но, въ сущности своей, задѣвающій глубочайшія соображенія Естественной Философіи, стараемся мы разсмотрѣть здѣсь въ надлежащей подробности, освободивъ его отъ всѣхъ техническихъ покрововъ.

вовъ, за которыми истина и ясность не имѣютъ надобности прятаться въ дѣль, столь важномъ и для науки, и для человѣчества.

По первому изъ трехъ выставленныхъ здѣсь заглавій и по вопросу, который мы себѣ предложили, иные могли бѣ подумать, что мы собираемся говорить о Заведеніи искусственныхъ минеральныхъ водъ, учрежденномъ въ здѣшней столицѣ прошедшею весною. Мы съишимъ вывести ихъ изъ заблужденія: отнюдь не хотимъ мы касаться ни словомъ, ни мыслию, обширнаго гигиеническаго предпріятія, обещающаго столько удобствъ и пользы Петербургскимъ жителямъ; мы будемъ рассуждать только о общемъ, ученомъ предметѣ, — сравнительной пользѣ водъ естественныхъ и искусственныхъ, — и въ примѣненіи его къ мѣстности только о книгѣ Г. Мейера, какъ о литературномъ произведеніи, состоящемъ въ той же связи съ нашимъ предметомъ, какъ и сочиненіе Г. Бѣлявскаго, какъ и «Медико-топографическія свѣдѣнія о С.-Петербурѣ», которія, своими данными, необходимо входятъ въ тотъ же кругъ соображеній. Въ «Описаніи С.-Петербургскаго Заведенія искусственныхъ минеральныхъ водъ,» должно отличить заведеніе, принадлежащее общественной пользѣ и благородному усердію его основателей къ облегченію страждущаго человѣчества, отъ ученой теоріи, принадлежащей сочинителю Описанія: мы беремъ одну его теорію, и то, что объ ней скажемъ, будетъ примѣняться равномѣрно и къ сочиненію Г. Бѣлявскаго во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ раздѣляетъ оно ея мнѣнія.

Минеральныя воды — предметъ чрезвычайно обширный, важный, столько же занимательный для политическаго экономиста, сколько и для естествоиспытателя. По новейшему исчисленію Г. Лоншана (Lonschamps) Германскія воды каждый годъ приводятъ въ

движеніе огромный капиталъ 110,000,000 рублей; Французскія, только отъ 10 до 11 милліоновъ, хотя Франція—страна самая богатая въ гидро-минеральномъ отношеніи. По-этому, можно сказать безъ преувеличенія, что минеральныя воды — главная отрасль народной промышленности Германіи и одна изъ важнѣйшихъ для всякой земли, которую Природа облагодетельствовала ими: довольно слѣдить эту числовую величину съ произведеніями первѣйшихъ статей естественнаго богатства Франціи, навримвръ, — съ продажей дровъ и лѣсу, которая въ годъ приноситъ только 112,000,000 франковъ, — съ желѣзными заводами, на которые употребляются 132 милліона, — или съ разработкою каменнаго угля, которая ограничивается скуднымъ оборотомъ 18 милліоновъ. Такія числа могутъ подать занимающимся наукою государственнаго богатства поводъ къ прекраснымъ и полнымъ итогамъ размышленія; и каждый изъ насъ, съ перваго взгляда, оцѣнитъ всю пользу для своего отечества отъ замѣщенія естественныхъ минеральныхъ водъ искусственными, ежели за первыми надобно ѣхать въ чужіе края. Тождество водъ естественныхъ и искусственныхъ въ этомъ отношеніи допускаемъ мы въ полной мѣрѣ, и совершенно согласны въ томъ, что для Политической Экономіи «воды искусственныя часто могутъ быть полезныя естественныхъ;» но мы говоримъ здѣсь о вліяніи водъ не на здоровье кармановъ, а на здоровье тѣла, которымъ принадлежатъ карманы, и въ особенности о теоріи, предполагающей безусловное тождество произведенія Природы и произведенія аптекаря, ежели Природа и аптекарь вздумаютъ производить что-нибудь въ одно и то же время.

Эта теорія происходитъ отъ началъ, тѣсно связанныхъ съ современнымъ состояніемъ Естественной Философіи, и которыхъ должны мы сперва коснуться.

Въ нынѣшней Естественной Философiи, явно или тайно, существуютъ двѣ школы: одна вѣритъ всеобщей жизни, проявляющейся собственными средствами въ каждомъ атомѣ созданiя; другая, принявъ за основанiе химической анализъ и совершенный материализмъ, отвергаетъ, гонитъ, провозглашаетъ невозможнымъ и невозможнымъ, все, чего не можетъ понять при исключительномъ пособiи причинъ физическихъ и мертвыхъ. Выбора той или другой школы частнымъ ученымъ лицомъ не должно приписывать большей или меньшей ясности и убѣдительности ихъ ученiй: это обыкновенно дѣло случая, особеннаго взгляда на предметы, несоразмѣрнаго содержанiя началъ религiозныхъ и прiобрѣтенныхъ свѣдѣнiй въ составъ ума, даже извѣстнаго рода инстинкта, который сильнее развертывается при первой теорiи, и совсѣмъ исчезаетъ при второй. Оба эти ученiя такъ независимы, такъ противоположны, что ихъ нельзя и сравнивать между собою; но то вѣрно, что чѣмъ болѣе человекъ предается химизму Земнаго Шара, тѣмъ болѣе съ одной стороны умножается число открытiй, и тѣмъ менше съ другой рождается въ душѣ его сильныхъ и великихъ мыслей, тѣмъ примѣтнѣе стѣсняется кругъ его генiя. Разлагая всѣ на части, частицы, пылинки, пары, которые за невозможностию разлагать далѣе, кажутся ему на нѣкоторое время началами вещей, онъ мало-по-малу превращается въ настоящаго провизора, рассуждаетъ золотниками и гранами, готовъ столочь въ иготи всю Природу, и надѣется, смѣшавъ порошки въ стаканѣ, вылить изъ нихъ новую, совершенно такую же Природу. Должно замѣтить, что мысль, самая великая, самая благодѣтельная для человечества послѣ Христіанской Религiи, мысль, которую можно почти назвать человѣческимъ откровенiемъ, вспыхнула именно въ головѣ, соединившей въ себѣ идею всеобщей жизни съ анализомъ матерiи, — въ головѣ Нью-

тона, освѣщенной лучами Откровенія Божія, которыя приводили умъ его въ сообщеніе съ духовнымъ началомъ міра. Я не думаю, чтобы мысль Ньютона могла родиться въ головѣ чистаго химика!

Есть два средства объяснять вещи, — одно невѣжественное, другое ученое; по второсъ большею частью бываетъ только переводъ перваго мудренѣйшими словами, а вещь все-таки остается необъясненною. Въ ту самую минуту, какъ я пишу эти строки, первый зимній снѣгъ покрываетъ землю. Недавно еще, гуляя въ своемъ маленькомъ саду, съ любопытствомъ слѣдовалъ я за постепеннымъ омертвѣніемъ Природы, за хамелеонными перемѣнами окружавшаго меня прозябенія, за непримѣтнымъ, но дѣятельнымъ переходомъ листьевъ деревъ моихъ отъ зелени веселой и ясной къ темной и унылой, потомъ желтой, коричневой, сѣрой. — Знаешь ли, отчего эти листья желтѣютъ и падаютъ? спросилъ я у своего дворника. «Какъ не знать!» воскликнулъ онъ. — Ну, отчего? — «Оттого, что теперь осень.» — Мой ученый пріятель пожаловалъ ко мнѣ въ это время, и я предложилъ ему тотъ же вопросъ: онъ тотчасъ объяснилъ мнѣ, что листья падаютъ потому, что они органы, совершившіе и кончившіе свои отправленія, а пожелтели неодинаково отъ различнаго количества соединившагося, удержаннаго или изринутаго кислорода. Это очень основательно; но я столько же знаю, послѣ объясненія моего ученаго друга, настоящую причину этого удивительнаго процесса Природы, какъ и послѣ объясненія моего дворника.

Но дѣло кончено, — листья опали, — теперь на дворѣ снѣгъ. Бѣлый его цвѣтъ есть цвѣтъ савана, въ который Природа завертываетъ мертвые или омертвѣлые останки огромнаго органическаго царства. Но подлѣ этимъ саваномъ тѣлѣютъ великіе зародыши жи-

ни, которые въринули себя попеченію этого увядшаго листа, этой ржавой коры, этихъ усыпленныхъ корней: вы найдете тамъ миллионы мошекъ, комаровъ, букашекъ, неисчислимыя тмы насѣкомыхъ въ яичкѣ, въ червячкѣ, въ златницѣ, запершіяся въ гнѣздахъ, свитыхъ съ дивнымъ инстинктомъ цѣлей бытія, и ожидающія волшебныхъ лучей теплоты и свѣта, чтобъ снова лвиться міру, чтобы новымъ проявленіемъ жизни, новыми силами, новымъ и для нихъ самымъ непонятнымъ движеніемъ, новымъ того жъ свѣта и той же теплоты усвоеніемъ, отраженіемъ, переломленіемъ, способствовать тому всеобщему кипѣнію жизни, которое мчитъ и вращаетъ нашъ Шаръ, которое понуждаетъ его элементы къ безпрерывнымъ измѣненіямъ формы, которое опять эту форму перерабатываетъ въ неизвѣстную матерію. Сколько жизни, сколько движенія, чудесъ, тайнъ, можетъ проявиться вдругъ на этой сотнѣ квадратныхъ саженей! Если бъ собрать, слить въ одну массу, какъ-то дѣлаетъ Природа, силу этого муравья, двигающаго тяжести, превосходящія въ сорокъ разъ всѣ его тѣла, — пружины крыль этихъ мошекъ, совершающихъ столь длинныя пути безъ усталости, — жужжаніе этихъ комаровъ, которыхъ легкія прозрачныя весла такъ ошутительно потрясаютъ воздухъ; если бъ сложить въ однослучу, замыкающую сотни ножекъ этого червя, — свойство прозрачныхъ членовъ этой бабочки, разбивающей свѣтъ въ тысячу цвѣтовъ, — упругость этого ничтожнаго сверчка, который, скрипя своимъ крылышкомъ, столько разъ проскочилъ подъ моими ногами, — и ко всѣмъ этимъ частичнымъ силамъ присовокупить ту великую распорядительную, строящую силу, которая всѣ эти, большею частью незримыя, существа содержитъ въ извѣстномъ и постоянномъ видѣ, которая всѣ эти чешуйки, пылинки, скорлупы и паутины, нарисованія и стерля, сырля, склеяла, и

опять изорвала, и опять возсоздасть попрежнему, — какой изумительный итогъ тайнъ и могущества пред- ставится уму нашему, мечтающему уже, что онъ все постигъ и все знаетъ! И между-тѣмъ, сколько людей проходятъ мимо этой величественной загадки Приро- ды, смотрятъ на нее безъ любопытства, минуютъ съ презрѣніемъ, или раздавливаютъ ногами, не пожелавъ даже взглянуть, разобрать, постичь! Сколько, съ дру- гой стороны, такихъ, которые, стоя подлѣ этой за- гадки, совершенно увѣрены, что теплота ихъ оранже- реиныхъ печей одно и то же съ теплотою весны и лѣ- та; что искра, изринутая громомъ, и та, которую ихъ кухарка выронила изъ очага, — произведенія оди- нковаго свойства; что между свѣтомъ солнца, кенкета, самородныхъ огней въ Джоаль и блестящаго въ тем- нотѣ червачка вся разница въ пропорціи свѣтотвор- наго начала! Когда клочекъ грязной почвы, подерну- тый на-время словемъ свѣга, скрываетъ отъ насъ столько тайнъ жизни, такую массу дѣйствій и неце- стимягаго могущества, какъ же мы, — мы, разогры- тые тою же теплотою и тѣмъ же свѣтомъ златницы, — какъ же мы смѣемъ, въ искусственныхъ нашихъ скор- лупахъ, слѣпленыхъ изъ волоконъ, шерсти, извест- ки и песку, мечтать въ то самое время, что мы всю эту жизнь обняли и разгадали; что уже нѣтъ ничего сокромннаго для ума нашего; что циркуль учителя, забавлявшій насъ въ юности, — мѣрило всемогущества Того, Кто создалъ и двинулъ міръ, живущій стройно и за-одно на всемъ протяженіи пространства, и что то, чего не хватаетъ циркулю, не имѣетъ бытія и существовать не можетъ? Какъ дерзаемъ, на этомъ ложномъ, безобразномъ началѣ, прельщающемъ одну лишь самонадѣянность, воздвигать теоріи, внушающія мысль, будто мы, нашимъ искусствомъ, въ со- состояніи не только сравняться съ мудростью При- роды, но еще перешагнуть ее въ нужномъ случаѣ?

Какъ можемъ тратить на доказываніе подобныхъ несообразностей ту жизнь, которой цѣли не постигаемъ собственными средствами, и которой завѣшеніе въ другихъ, менѣе совершенныхъ существахъ, населяющихъ нашу планету, во всякомъ случаѣ сильно способствуетъ поглощающему насъ цѣлому въ достиженіи общаго назначенія, предначертаннаго ему премудростью Творца? Посмотрите на этихъ бессловесныхъ животныхъ, которые, будучи одержимы недугомъ, безъ пособія науки отыскиваютъ себѣ цѣлебныя травы! на это систематическое распредѣленіе всюду страданія и удовольствія, зла и средства къ его отвращенію, болѣзни и лекарства! Много восхищались въ послѣднее время блистательнымъ замѣчаніемъ доктора Белля, о томъ, что средній объемъ человеческого тѣла такъ уравновѣшенъ съ объемомъ Земнаго Шара, что если бѣ уменьшить или увеличить землю и ея притягательную силу одною сотою частию, человекъ не могъ бы двигаться, и слѣдовало бѣ пересоздать все его устройство. У насъ, не хвастая, давно водилась мысль еще блистательнѣе: намъ всегда казалось, что человекъ не только соразмѣренъ толщѣ своей планеты, но что онъ состоитъ въ тѣсной связи даже со всѣми ея частями, наружными и внутренними, отъ ея поверхности до самаго центра; что его физическое и нравственное устройство, его благосостояніе, здоровье, страсти и умственные способности соображены въ величайшей точности со всѣми частями, составляющими Шаръ нашъ, и съ каждою изъ нихъ въ особенности; что золото было зарыто въ землю, и жадность къ золоту была зарыта въ наше сердце, прежде нежели мы увидѣли другъ друга; что алмазъ былъ еще спрятанъ въ недрахъ камня, а тщеславіе и радость, улыбающаяся блеску, были уже приготовлены въ насъ для алмаза; что сила нашего соображенія заранѣе была уравновѣшена съ двигательною силою паровъ;

что источникамъ минеральныхъ водъ назначено кн-
жить для того, что человѣку назначено подвергаться
удрученіямъ отъ разныхъ физическихъ дѣятелей; что
слѣдственно эти источники находятся въ предназ-
ченной общности бытія съ этими дѣятелями и дѣ-
тели съ ними; что если бъ не было болѣзней, не бы-
ло бъ и минеральныхъ въ земной природѣ, и обратно;
что всѣ члены и части планеты съ ея человѣкомъ и
съ его умомъ образуютъ вѣсть одно нераздѣльное
цѣлое; что между этою букашкою, этимъ деревомъ,
этимъ цвѣткомъ, этою горою и мною, есть непримѣт-
ное существенное соотношеніе, котораго я только
разгадать не умѣю, но которое тѣмъ не менѣе дѣлаетъ
каждаго изъ насъ необходимо нужнымъ другъ другу;
что, наконецъ, если бъ перенести человѣка на дру-
гую планету, даже равной толщи съ землею, но ли-
шленную малѣйшей доли того, что находится на землѣ,
жизнь его пришла бы тамъ въ упадокъ, или по край-
ней-мѣрѣ была бы неполною и трудною. Это все-
гдашняя наша идея: она можетъ быть ложною, но
стоитъ всякой другой.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что человѣкъ не въ си-
лахъ произвести посредствомъ искусства что-либо без-
условно-тождественное съ тѣмъ, что произвела При-
рода, потому что, для этого, ему нужно было бы обла-
дать мыслию, предводительствовавшею устройствомъ
нашей планеты, знать всѣ ея намѣренія, и распола-
гать всеми ея средствами и способами.

Искусственныя минеральныя воды, въ нынѣшнемъ
ихъ состояніи, безъ-сомнѣнія принадлежать къ чи-
слу самыхъ важныхъ открытій, до какихъ только умъ
и инстинктъ человѣческой могли достигнуть. Хотя
известный Струве дошелъ до него по пути, снабжен-
ному многими маяками, освѣщавшими отмену и опа-

сныя мѣста, никто однако жъ не станетъ оспаривать дани, слѣдующей его гениальнымъ помысламъ. Разборъ доказательствъ въ пользу и противъ искусственныхъ водъ завлекъ бы насъ слишкомъ далеко за предѣлы статьи, такъ какъ изъ однихъ сочиненій, писанныхъ объ этомъ предметѣ, можно было бы составить цѣлую библіотеку. Скажемъ скорѣе свою мысль, — результатъ чтенія этихъ сочиненій, измѣненный собственными нашими понятіями.

Нынче, въ 1854 году, никто не скажетъ, чтобы искусственныя минеральныя воды не были *очень* похожи на воды естественныя. Это сходство опирается отчасти на химическомъ анализѣ, отчасти же на грубѣйшемъ доказательствѣ, — чувствѣ вкуса, и, въ заведеніяхъ, гдѣ совѣстливая точность руководствуетъ ихъ производствомъ, тотъ и другое бывають почти удовлетворительны. Но мы знаемъ по опыту вѣковъ, черезъ какія ужасительныя заблужденія должно ступала проходить Химія, пока возвысилась до степени, на которой стоитъ въ наше время; да и нынѣшнее ея положеніе непрерывно измѣняется новыми открытіями. То, что лѣтъ десять тому назадъ почиталось доказанною истинною, теперь черѣдко называется грубою ошибкою. Химическія аксіомы, хотя и единственные путеводители наши въ темномъ лабиринтѣ Природы, представляютъ то неудобство для теорій, что никакъ нельзя ручаться въ ихъ непоколебимости. Впрочемъ, какъ замѣчаетъ Алиберъ, «Химія въ отношеніи къ минеральнымъ водамъ то же, что Анатомія въ отношеніи къ человѣческому тѣлу: во ни та, ни другая, всего показать не можетъ.» Нынѣшняя Химія и тѣ, кто дѣлають искусственныя воды, признаются сами, что въ природныхъ минеральныхъ водахъ есть какія-то соли, какое-то экстрактивное вещество, которыхъ никакъ нельзя поймать, и они ими замѣняютъ

ихъ въ своихъ составахъ другими естественными или все ихъ пропускаютъ. Даже вдавливаніе въ искусственныя составы осадокъ, находящихся на берегахъ природныхъ источниковъ, отнюдь не то, что добровольное завышеніе ихъ въ водѣ или раствореніе. Напротивъ, самое то обстоятельство, что они осадились и вышли изъ состава, доказываетъ, что они другаго свойства, что они должны быть произведеніе уже совершившейся переработки. Извиненіе этимъ недостаткамъ стараются найти въ томъ, что количества недостающихъ веществъ весьма незначительны, и что дѣйствіе ихъ должно исчезать въ общемъ составѣ. Но естественныя минеральныя воды, кромѣ другихъ чудесныхъ качествъ, именно тѣмъ и примѣчательны, что, въ данной ихъ массѣ, количество составныхъ началъ такъ мало, такъ ничтожно, что всякое лекарство изъ числа невинныхъ, прописываемыхъ врачемъ въ шутку, рго-форма, заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе свойствъ, могущихъ дѣйствовать на человеческое тѣло! Между тѣмъ дѣйствіе этихъ водъ возрастаетъ въ геометрическомъ содержаніи сравнительно съ дѣйствіемъ сильнѣйшихъ аптечныхъ лекарствъ! Поэтому, весьма позволительно думать, что всякая и даже малѣйшая неполнота составныхъ частей, всякое замѣщеніе незначительнаго вещества другимъ, должны въ томъ же геометрическомъ содержаніи уменьшать дѣйствіе воды и цѣлебныя ея свойства. Знаменитый химикъ Берцеліусъ, свѣрхъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ составныхъ частей, открылъ недавно въ минеральныхъ водахъ два новыя, коренныя, электро-отрицательныя начала, двѣ кислоты, которыя назвалъ онъ *acidum creticum* и *acidum arocreticum*, и которыя, какъ утверждаютъ, именно и суть это неизвѣстное экстрактивное вещество. Конечно, когда эти двѣ кислоты войдутъ въ составъ искусственныхъ водъ, для дополненія хотя отчасти недостатка, до сихъ поръ въ немъ существовавш-

го, это уже будетъ большой шагъ къ ихъ совершенству; но тотъ самый шагъ жестоко пристыдитъ тѣ лица, которыя донынѣ ручались въ тождествѣ водъ природныхъ и искусственныхъ.

Предубѣжденіе или дѣйствительная правда, — но авторъ этой статьи нѣ всегда находилъ въ водахъ искусственныхъ вкусъ, совершенно сходный съ тѣмъ, какими отличаются естественныя; и пузырьки газа, освобождающагося изъ первыхъ, кажутся ему больше, обильнѣе и сильнѣе, нежели какъ бы слѣдовало для надежащаго тождества съ Природою, которую въ этомъ случаѣ Искусство явно перещеголяло, — если не мудростью, такъ по-крайней-мѣрѣ количествомъ. Эти не-видимому незначительныя разности имѣютъ нѣкоторый вѣсъ въ лекарствахъ, и безъ того уже дѣствующемъ на наше животное строеніе, такъ сказать, гомеопатически, то есть, чрезвычайно малыя долими цѣлительнаго вещества. Что касается до теорій, называемой шутивѣйшими изъ химиковъ мистическою, которая теплоту естественныхъ минеральныхъ водъ почитала и почитаетъ за теплотворъ органической, то она, къ досадѣ ея противниковъ, находитъ себѣ подтвержденіе не только во множествѣ прекрасныхъ мыслей и непреоборимыхъ истинъ, придающихъ всеобщей жизни міра большую вѣроятность, но и въ свидѣтельствѣ человѣческаго рта, который въ томъ согласенъ, что естественныя воды можно принимать безъ вреда въ такой температурѣ, въ какой искусственныя, согрѣтыя обыкновенными средствами этого рода приборомъ, обожгутъ вамъ языкъ и губы. Поэтому, между качествомъ теплотвора водъ естественныхъ и внутренностью челоуѣка есть какое-то предустановленное сродство, котораго производители искусственныхъ водъ поддѣлать не въ силахъ, а это качество очень сходствуеъ съ явленіями теплоты орга-

нической, или животной: подобная термометрическая разница замечается во многих лихорадочных болезнях, где ощущение жара в страждущем и в осязающем бывает гораздо сильнее, нежели как следовало бы ожидать, судя по указанию приложенного к телу термометра. Известный доктор Русть говорит, а Г. доктор Мейеръ повторяетъ за нимъ, очень справедливо, что теплота обыкновенной печки такъ же славно выводитъ дымятъ изъ яицъ, какъ и теплота органическая сидящей на нихъ курицы; но est modus in rebus, — всему есть мѣра, — даже и сравненіямъ! Намъ кажется, что между дыялькомъ и человекомъ существуетъ маленькая, непримѣтная разница, — а именно, что человекъ не дыяльнокъ; что онъ не выклеивается изъ куриного яйца, и что на его органахъ нѣтъ той твердой шелухи, которая для заключеннаго въ ней птенца умѣряетъ жгучее впечатлѣніе теплоты искусственной. Если бы Г. Русть сказалъ, и Г. Мейеръ повторилъ за нимъ, что человекъ такъ же славно выклеивается въ печкѣ изъ куриного яйца, какъ изъ чрева своей матери, аргументъ былъ бы гораздо убѣдительнѣйшій. Но мы готовы допустить даже, что между человекомъ и дыялькомъ, между теплою мертвою и живою, нѣтъ ни какой разницы: все-таки остается неоспоримымъ, что различный образъ вліянія одной и той же теплоты производитъ весьма ощутительное различіе въ своихъ результатахъ: пусть известный докторъ Рунъ прикажетъ взять пару дыяльтовъ, выведенныхъ искусственнымъ образомъ, и сжарить одного на вертелѣ, а другаго въ Англійской печкѣ; пусть потомъ ихъ отвѣдетъ, и скажетъ намъ, нѣтъ ли разницы во вкусѣ ихъ мяса, хотя теплота, главный дѣятель приготовления, была однородная! Кому неизвѣстно, что, желая сдѣлать сахарную воду, eau sucrée, совершенно вкусною, должно приправлять ее сахаромъ въ кускахъ: сахаръ талченый, тертый, скобленный, — комъ

скоро еще въ порошокъ, — сообщаетъ ей в другой вкусъ, и запахъ задхлости, и мутность, которой нельзя потребить даже долгимъ временемъ. Дало о цыплятахъ, жареныхъ на вертелъ и въ печку, давно рывено гастрономами, а явление, представляемое сахарною водою было, въ первый разъ открыто за обидомъ славнымъ и остроумнымъ въпкурейцемъ, Г-мъ Бриалля-Савари, который, предложивъ его въ видъ умеренаго вопроса членамъ Французскаго Института, подалъ въ свое время поводъ этой Академіи къ презабавнымъ пріимамъ, кончившимся однако жъ утверженіемъ факта, чрезвычайнаго важнаго въ техническомъ отношеніи.

Какъ легкомысленно ученые толпы провозглашаютъ безусловность началъ, создаваемыхъ высшими гениями при изслѣдованіи истины, какъ слѣпо и отчаянно предаются этой безусловности, мы видимъ даже казательство тому въ самой исторіи заблужденій Медицины. Каждая изъ извѣстныхъ нынѣ врачебныхъ теорій, нѣтъ на свою долю не болѣе нѣсколькихъ градъ дѣйствительности, привлекаетъ къ себѣ цѣлыя рати послѣдователей, которые взираютъ другъ на друга съ злобостью, съ презрѣніемъ, съ вражескимъ гнѣвомъ. Ожесточеніе ученыхъ партій обыкновенно доходитъ до того, что, для поддержанія разъ принятыхъ мнѣній, воинствующіе изыскатели истины закрываютъ себѣ глаза и уши, чтобъ не видѣть и слышать ни какихъ доводовъ. Такимъ образомъ считается нынче новою и неопровержимою теорія вулканическаго образованія минеральныхъ водъ; такимъ образомъ теорію раствореній прославили умственными богатствомъ манисго вѣка. Нѣсколько чертъ наружнаго сходства принимаютъ за полное тождество самыхъ предметовъ, и такъ какъ вулканическіе огни сырятся въ недрахъ земли, изъ которыхъ вытекаютъ также истоки кипячей воды, то вы и должны вѣрить,

подъ карою невѣжества, что минеральныя воды происходятъ отъ вулкановъ, которыхъ огонь ничѣмъ не умнѣ огня вашей кухни. Простите насъ за сравненіе, — но мы боимся, чтобъ эта теорія не походила на ту, которую голые фанъ-Диженскіе мудрецы составили для голыхъ фанъ-Диженскихъ невѣждъ, о происхожденіи ружейнаго огня: у дикарей есть тоже свои мудрецы и свои невѣжды! Когда Англичане принуждены были дѣйствовать военною силою противъ туземцевъ фанъ-Диженовой земли, эти добрые люди, примѣчая, что стрѣляющіе въ нихъ солдаты сперва кладутъ руку позади себя, потомъ придвигаютъ ее къ какой-то пищали, потомъ вдругъ швыряютъ въ нихъ огнемъ сквозь пищали, — эти добрые и смѣтливые люди заключили съ достовѣрностію, что одна часть гѣла съюзовъ Британіи есть неугасаемый очагъ, откуда они поминутно хватаютъ огонь горстью, чтобъ метать имъ въ противниковъ. И не думайте, чтобы фанъ-Диженскіе теоретики были менѣе упрямы Европейскихъ, когда они однажды хорошо обдумаютъ свое мнѣніе и припасутъ для него доказательства! Даже личный, на глазахъ убитыхъ Англичанъ, осмотръ частей, показавшихся имъ огнедышащими, не могъ удостовѣрить ихъ въ томъ, чтобъ тутъ не было вулкана, тѣвющаго гѣв-нибудъ внутри, или уже потухшаго, — и какъ послѣднее было вогласнѣе съ правдоподобіемъ, то они остались убѣжденными болѣе чѣмъ когда-либо въ вулканическомъ происхожденіи пламени, вырывающагося изъ ствѣла Европейскаго «лука».

Заблужденія этого рода независимы отъ образованности заблуждающихся: они, напротивъ, и по несчастію, законъ челоѣческой Природы, одинаково проявляющіеся въ людяхъ просвѣщенныхъ и непросвѣщенныхъ, — одна изъ коренныхъ формъ ума нашего,

который завистливо смотритъ на тайны Природы, съ жаромъ подхватываетъ всякую мысль, объясняющую ему ея дѣйствія, и на этой мысли спѣшить воздвигать себя выводы, льстящіе его самолюбію. Съ послѣдняго вѣка свѣтъ наукъ услился въ удивительномъ содержаніи, и можно сказать безъ преувеличенія, что нынче десятилѣтній мальчикъ знаетъ болѣе старшаго мудреца: но кто, читая сочиненія предковъ нашихъ, не поражался тою рѣшительностью, съ какою они притворились вѣрующими, или въ самомъ дѣлѣ вѣрили наивно, что уже все знаютъ; съ какою объясняли явленія, понимаемыя теперь совсѣмъ другимъ образомъ, и хвастали просвѣщеніемъ своего времени? Не такъ ли твердо Арнольдъ, славный алхимикъ Неаполитанскаго короля Роберта, былъ убѣжденъ въ неопровержимости своей теоріи, когда, смѣшавъ разныя снадобья, казавшіяся ему нужными, уже началъ было дѣлать челоуѣка въ ретортѣ, какъ въ нынѣшнее время тѣ, которые берутся производить естественныя алмазы и минеральныя воды? То, что мы сказали о разницѣ между просвѣщеніемъ временъ прошедшаго и настоящаго, безъ всякаго сомнѣнія будетъ повторено нашими потомками, когда станутъ они сравнивать себя съ нами; и десяти-лѣтній мальчикъ двадцать-пятаго столѣтія едва ли не будетъ провозглашенъ ими знающимъ болѣе Г. Окена, который все знаетъ. При этомъ направленіи химическаго анализа къ мертвому, механическому матеріализму должно опасаться одного, — чтобы Химія, забывая о духѣ, поклоняясь одной матеріи, разлагая да разлагая, не кончила полезныхъ и благородныхъ трудовъ своихъ такими же сумасбродствами, какими Алхимія завершила свои, и чтобы когда-нибудь не написали объ ея труженникахъ того, что сказано въ одномъ мѣствѣ объ Арнольдѣ: *Hunc Arnoldum eo dementiae venisse constat, ut se hominem perfectum chymica arte perfeciss*

jactaret, et cum jam, inquit, in vitro chymico embryonem, omnibus organis membrisque praeditum, comperisset, ab opera destitisse, ne Deum ad animam ei rationalem infundendam cogere videretur. Kir. De lapid. philos., xj, 295.

Приводя всё эти соображенія къ одной точкѣ, скажемъ коротко и ясно мнѣніе наше объ искусственныхъ минеральныхъ водахъ: мы утверждаемъ, что онѣ великое открытіе для Искусства, большое благодѣяніе для человѣчества, но что онѣ и воды естественныя отнюдь не «одно и то же»: во всякомъ случаѣ, ихъ можно или почитать за суррогатъ, то есть, вещество подставное, употребляемое за недостаткомъ другаго, настоящаго, или причислить къ разряду аптечныхъ лекарствъ, съ тѣмъ только превосходствомъ передъ послѣдними, что онѣ производятъ малыми приемами дѣйствіе гораздо сильнѣйшее нашихъ аптечныхъ лекарствъ,—что всегда выгоднѣе для человѣческой природы. Всякіе суррогаты умножаютъ наши способы и средства, уменьшеніемъ издержекъ. Во время Наполеона, когда хина продавалась почти на вѣсъ золота, Врачебное Искусство обогатилось многими снадобьями, которыми удачно лечили отъ лихорадокъ, и лечатъ. Кто не отвѣдывалъ Румфордовой похлебки съ благодарностью къ ея изобрѣтателю, хотя самъ предпочитаетъ питаться бульономъ и консоммѣ изъ свѣжаго и хорошаго мяса? Которая изъ актрисъ не благословитъ изобрѣтенія страссовъ и семилора, хотя отъ души хотѣла бы употреблять вмѣсто ихъ настоящіе брилліанты? Какъ пылкіе приверженцы знаменитаго открытія, и директоры основанныхъ на немъ заведеній въ Европѣ, ни убеждены и ни убеждаютъ другихъ, что воды природныя и искусственныя, въ нынѣшнемъ ихъ состояніи, совершенно одно и то же, но мы увѣрены, что, бесѣдуя наединѣ съ совѣстью,

сами они предпочитают тѣ, которыя производить благодѣтельница Природа, и въ душѣ отдають имъ полное преимущество, — особенно, когда дѣло идетъ о собственномъ ихъ здоровьѣ. Несмотря на всю свою самонадеянность, нельзя не имѣть большаго довѣрія къ Мудрости, устроившей насъ и вселенную, чѣмъ къ своему искусству!

Мы во многомъ согласны съ мнѣніями почтеннаго автора «Описанія С.-Петербургскаго Заведенія искусственныхъ минеральныхъ водъ», — во-первыхъ, согласны въ томъ, что книга его *небольшая*, — во-вторыхъ, что цѣлю Заведенія, какъ онъ прекрасно выражаетъ это однимъ, общимъ словомъ, есть *цѣленіе*, но послѣ всего сказаннаго выше, онъ конечно не потребуетъ ни отъ насъ, ни отъ нашихъ читателей, согласія на то, что искусственныя воды *часто* бываютъ еще *лучше* природныхъ. Въ числѣ доказательствъ авторъ, по примѣру другихъ ученыхъ, приводитъ ту изъяснимую выгоду, что, при поѣздкахъ на теплыя воды, потеря времени и издержекъ, происходящая отъ ошибочнаго выбора одного рода водъ влѣсто другаго, болѣе приличнаго состоянію страдающаго лица, не вознагражима, между-тѣмъ какъ въ заведеніяхъ искусственныхъ водъ стоитъ только перейти отъ одного крана къ другому, чтобъ исправить ошибку, и отыскать минеральный ключъ, соответствующій болѣзни. Да гдѣ жь на это *сигналь*? гдѣ то жѣрило, которое бы вдругъ показывало, что такая-то искусственная вода не соответствуетъ вашей болѣзни, и что вы должны путешествовать къ другому крану. Одно время рѣшается это! Неужто до-сей-поры никому невѣстно, что при употребленіи равно водъ искусственныхъ, какъ и водъ естественныхъ, страдающіе подвергаются такимъ переменамъ, которыя, хотя и усиливаютъ ихъ болѣзненное состояніе, не доказываютъ

однако жъ дурнаго выбора воды? Часто даже самая благодѣтельная послѣдствія для здоровья пациента получаются только черезъ это усиленіе болѣзненнаго состоянія; часто оно бываетъ предвѣщаніемъ самыхъ блестящихъ успѣховъ, хотя ни врачъ, ни больной не понимаютъ его смысла; часто извѣстная вода причиняетъ вамъ кажущійся вредъ въ первое лѣто, и возвращеніе къ той же водѣ на другой годъ даритъ васъ кореннымъ исцѣленіемъ. Удобства этихъ путешествій отъ одного крана къ другому состоятъ въ явномъ противорѣчій съ тѣмъ, что самъ авторъ обѣщаетъ пациентамъ, говоря: «если послѣ *продолжительнаго* употребленія извѣстнаго числа стакановъ минеральной воды, достигается цѣль желаемая, то *приемъ* уменьшается.» А если послѣ *продолжительнаго* употребленія цѣль не достигается? Чѣмъ тогда вознаградитъ авторъ больному потерю времени? Въ доказательство тому, что двусмысленные признаки дѣйствія водъ могутъ долго и бесполезно удерживать больного у одного и того же крана, прежде чѣмъ его ответственность недугу сдѣлается несомнѣнною, мы приведемъ собственныя слова Г. Мейера:

«Больные чувствуютъ слабость, волненіе въ тѣлѣ, разстроенный духъ, и иногда соединеніе съ мрачными мыслями, что леченіе не поможетъ; аппетитъ, хорошій въ началѣ, пропадаетъ; изверженія посредствомъ кожи и первыхъ путей также становятся менѣе, сонъ безпокойный, — словомъ больной сердится, и все не по немъ.»

Больной сердится! Но мы надѣемся, что директоръ заведенія не сердится, — какъ скоро больной исправно пьетъ воду. Авторъ разбираемаго «Описанія», раздѣливъ свой предметъ на два очень замысловатые вопроса, и принимаясь объяснять публикѣ, въ первой части, то, чего она, публика, требуетъ отъ подобнаго заведенія,

а во второй, то, чего подобное заведеніе требуетъ отъ нея, публики, вѣроятно не подумалъ, что насмѣшники могли бѣ очень логически отвѣчать на второй его вопросъ эпитафиею. Чего требуетъ подобное заведеніе отъ пьющихъ воды? Мы сказали бѣ — жажды! Авторъ книги отвѣчаетъ иначе, — потому книги никогда не отвѣчаютъ прямо на вопросъ: онъ говоритъ, что этого рода заведеніе требуетъ отъ больного, во-первыхъ довѣрія къ водамъ; во-вторыхъ, времени и удаленія вліяній, препятствующихъ леченію; въ-третьихъ, совѣта дѣйствительнаго врача; въ четвертыхъ, послѣдованія правиламъ діеты и употребленія водъ. Здѣсь начинается второй важный предметъ нашей Критики, — примѣненіе искусственныхъ минеральныхъ водъ къ данной мѣстности; и какъ эта мѣстность, въ настоящемъ случаѣ, есть огромный, многолюдный городъ, находящійся въ особенныхъ атмосферическихъ и топографическихъ обстоятельствахъ, то, къ крайнему прискорбію, мы должны сказать откровенно, что совсѣмъ другихъ видовъ и сужденій ожидали отъ писателя, который взялъ перо въ руки съ тѣмъ, чтобъ столь великое открытіе приспособить къ столь великому и важному употребленію. Искусственныя минеральныя воды, какое бы ни было ихъ тождество или различіе съ естественными, суть величайшее, неизмѣримое благодѣяніе для Петербурга; Петербургъ представляетъ имъ многія гигиеническія трудности; эти трудности были достойны глубочайшихъ размышленій врача философа; обзоры искусственныхъ водъ и ихъ выгоды очень удобно сочиняются по чужимъ книгамъ, по Русту и по Герману, но примѣненіе этого могущественнаго врачевства къ мѣсту новому, отнюдь не похожему на другія, требуетъ высочайшихъ врачебныхъ соображеній, требуетъ созданія особенной, приличной гигиены, требуетъ обширной провизорности и философіи: почему, выскнувъ во все

эти обстоятельства и въ соответствующія имъ части сочиненія Г. Мейера, мы не усомнимся сказать безъ обвиняковъ, что авторъ не бывалъ на высотахъ предмета, о которомъ разсуждаетъ. Что и приведемъ мы въ надлежащую ясность, по мѣрѣ возможности и мѣста.

Чтобы минеральныя воды оказывали спасительное дѣйствіе надъ страждущими, необходимо нужны двѣ вещи изъ числа тѣхъ, которыя старая Медицина называла «неестественными», — именно, *circumfusa* и *регсерта*, или попросту, особенный климатъ и возможное спокойствіе духа. Начнемъ съ климата.

Гиппократъ уже замѣтилъ, что, между минеральными водами, лучшіе ключи тѣ, которые южнѣе, и что сѣверныя воды содержатъ въ себѣ менѣе цѣлебной силы. Поэтому врачъ долженъ непрерывно изучать воды не только въ отношеніи ихъ къ людямъ, но и климату. Отправляясь на теплыя воды, каждый болѣе или менѣе пользуется тѣмъ важнымъ для здоровья преимуществомъ, что находитъ тамъ климатъ кроче и постояннѣе, и удаляется отъ дѣль, которыя безпрестанно его беспокоили. Дѣйствіе водъ, объявляющееся не одинаково, различными путями вводитъ въ наше тѣло и выводитъ изъ него начала, которыхъ несоответственное, болѣзненное соединеніе, — излишество или недостатокъ, — задержаніе или ускоренное движеніе, — и причиняютъ лечимый недугъ. Наша кожа — такой же путь, какъ и другіе. Къ числу любопытнѣйшихъ явленій нашего животнаго устройства, какія только занимали ученыхъ, безспорно принадлежитъ переработка началъ, переходящихъ въ насъ сквозь кожу изъ окружающей атмосферы безъ вѣдома и участія чловѣка, и превращеніе ихъ въ густыя, жидкія и летучія вещества. Въ этомъ чрезвычайно разнообразномъ отравленіи,

происходящемъ на всей поверхности нашего тѣла, и такъ тѣсно соединенномъ съ отравленіями другой стороны кожи, обращенной къ внутренности человека, безпрестанно совершается одно за другимъ столько измѣненій, что всѣ усилія Медицины долго были недостаточны для того, чтобъ узнать и опредѣлить ихъ. Хотя въ послѣдствіи мы успѣли составить себѣ какое-нибудь объ нихъ понятіе; хотя это понятіе каждый день усовершенствуется новыми пріобрѣтеніями Физиологіи, Анатоміи и Химіи, но множество фактовъ долго еще будутъ скрываться отъ глазъ испытателя. Не обидно ли подумать, что до-сей-поры тамъ, гдѣ обоняніе собаки находитъ достаточное количество истеченій нашего тѣла, чтобъ узнать насъ по нимъ, спустя нѣсколько часовъ послѣ прохожденія нашего этими мѣстами, — самые нѣжные химическіе анализы не въ состояніи отыскать и слѣда животнаго начала? Ревматизмы, сыпи, пониженіе или возвышеніе чувствительности кожи, и тому подобные источники или слѣдствія внутреннихъ болѣзней, несмотря на блестящее ихъ истолкованіе помощію школьныхъ гипотезъ и напыщенныхъ рѣченій, которымъ неопытное юношество или упрямая старость вѣрить безусловно, покрыты еще для насъ такою тмою, такъ часто сопротивляются принятымъ теоріямъ, что совѣстливый врачъ каждый день бываетъ принужденъ смиренно признаваться передъ собою, какъ мы еще далеки отъ знанія своего тѣла. Въ этомъ прискорбномъ положеніи науки остается одно средство — прикрывать наше невѣжество массою эмпирическихъ, то есть, изъ опыта заимствованныхъ преданій. Къ эмпирическимъ свѣдѣніямъ нашимъ принадлежитъ именно достовѣрность, что такіе-то ключи, окруженные, разумѣется, свойственными тому мѣсту атмосферическими обстоятельствами, производятъ такіа-то спасительныя дѣйствія. Следственно, при перенесе-

ни водъ въ другую, отдаленную страну, чѣмъ ближе климатъ ея къ атому образцу, тѣмъ болѣе надежды на успѣхъ совокупнаго вліянія двухъ дѣятелей, минеральной воды и воздуха.

Климатъ нашей прекрасной столицы пользуется уже слишкомъ дурною репутаціею, чтобъ теперь принимать его защиту. Безвредный для здоровыхъ, онъ чрезвычайно неудобенъ для больного, какъ по географическому своему положенію по близости полюса, такъ и по сосѣдству бурнаго моря, и потому, нѣ вѣсиваетъ на болотистомъ, неосушенномъ, открытомъ со всѣхъ сторонъ базисѣ, изъ котораго безпрестанно подымается вдругъ по нѣсколько различной тяжести испареній, разметаемыхъ перекрестными вѣтрами, при внезапныхъ пониженіяхъ и повышеніяхъ температуры. Оттуда эта страшная масса ревматизмовъ и различныхъ болезней кожи, которыхъ можно избѣжать только разсудительнымъ воспитаніемъ своего тѣла. Лѣта такіа, какъ прошедшее, составляютъ изъятіе. Настоящее хорошее время года у насъ — зима. Мы не можемъ вѣрнѣе изобразить здѣшняго климата, какъ заимствуя описаніе его изъ любопытнаго сочиненія — «Медико-топографическія свѣдѣнія о С.-Петербургѣ,» — которое очевидно принадлежитъ врачу, украшенному лѣтами, обширною опытною и весьма высокою наукою.

«Климатъ С.-Петербурга есть такой же, какой обыкновенно бываетъ въ приморскихъ, низменныхъ и сѣверныхъ странахъ. *Холодъ и сырость* составляютъ его характеръ..... Всѣмъ извѣстно, сколь кратковременно Петербургское лѣто: хорошаго, теплаго времени рѣдко бываетъ болѣе шести недѣль..... Къ сему прибавить слѣдуетъ, что самые знойные дни внезапно смѣняются днями холодными, такъ, что среди лѣта послѣ 20° тепла термометръ вдругъ показываетъ 7° или 8°..... Погода въ Петербургѣ самая нестоящая:

въ теченіе двадцати четырехъ часовъ разность въ температурѣ бываетъ 15°, 20° и болѣе градусовъ..... Совершенно тихихъ дней почти не случается. Югозападные и сѣверо-восточные вѣтры бываютъ чаще, и нерѣдко весьма сильныя; первые изъ нихъ сопровождаются большою сыростью воздуха.»

Слѣдственно, одно изъ двухъ: или способъ леченія посредствомъ минеральныхъ водъ, — способъ, отворяющій всѣ каналы животнаго зданія и такъ сильно дѣйствующій на самый важный органъ нашего тѣла, кожу, и на ея внутреннее продолженіе, — или этотъ способъ, при такомъ топографическомъ положеніи, существовать не можетъ, или онъ долженъ быть измѣненъ особенными средствами, особенными прибавленіями, мѣрами соответственными мѣсту и воздуху, но совершенно различными отъ мѣръ, принятыхъ въ другихъ этого рода заведеніяхъ. Здѣсь надобно было создать совершенно новую систему водо-минеральнаго леченія. Что жъ писатель нашъ придумалъ для этого? Какую мѣстную систему, удовлетворяющую потребностямъ климата или умѣряющую его опасности, представляетъ намъ его сочиненіе? Москвы списывать для насъ не стоило, и не зачѣмъ было предлагать намъ ея правила, которымъ мы подражать не можемъ. Москва, и по своему южнѣйшему положенію, и по метеорологическому постоянству, совсѣмъ не то, что Петербургъ!

Теперь о спокойствіи духа. Авторъ говоритъ, что заведеніе «требуешь» отъ больнаго спокойствія духа: это легко сказать, — но каково выполнить? Отправляясь къ водамъ въ дальнюю страну, мы расторгаемъ всѣ связи съ нашими дѣлами и насущными хлопотами; не слышимъ тѣхъ людей, которые насъ смущали;

не видимъ тѣхъ предметовъ , отъ которыхъ происходили наши сильнѣйшія возбужденія ; зависть , ненависть , сплетни , раздоры , интриги , раздражительные удары любви и вражды , привычки и неудовольствія , — все осталось далеко позади насъ : мы окружены новыми людьми , новыми вещами , другимъ , неизвѣстнымъ , беззаботнымъ свѣтомъ , въ которомъ царствуетъ новостъ , — развеселяющая , цѣлебная новостъ , — быть-можетъ , столь же спасительная , какъ самая вода . Самая жизнь на водахъ , — фантастическая , странная , непринужденная , — полная невиданными лицами и забавными приключеніями , — полная веселостью , смѣхомъ , мгновенными связями и удовольствіями на выдержку , — составленная изъ забвенія и надеждъ , — могущественно способствуетъ водворенію спасительной тиши въ понятіяхъ и чувствованіяхъ , здоровья въ тѣлѣ . Эта жизнь — сильнѣйшая союзница цѣлительныхъ струй , выдаваемыхъ Природою , изъ своей материнской груди , для восстановленія въ человѣкѣ равновѣсія жизненныхъ силъ , разстроенаго другими ея дѣятелями . Напротивъ того , столицы суть настоящія сердца государствъ : каждое бьеніе этого сердца отражается на всѣхъ оконечностяхъ политическаго тѣла , въ которомъ оно предсѣдательствуетъ . Здѣсь храмъ и поприще честолюбія , здѣсь источникъ правосудія , съ язвительнымъ облакомъ ябеды , которое его обложило ; здѣсь центръ промышленности и книга расчетовъ ; здѣсь , у подножія Престола , великодушно поощряющаго заслугу , скопляются дарованія ; здѣсь враги и покровители , радость и огорченіе , слава и постыдныя низложенія самолюбія . Отъ тренія всѣхъ этихъ началъ , жизнь столицъ по необходимости бываетъ жизнь скорая , усиленная , и нравственный огонь , который въ иномъ мѣстѣ только насъ согреваетъ , въ нихъ жжетъ каждого сквозь стекло Архимеда . Тщетно

заткнете вы уши пальцами и повяжете глаза платкомъ, чтобъ ничего не видать и не слышать: честолюбіе и хлопоты, несчастье и скорбь, проникнуть въ васъ сквозь поры кожи. «Должно избѣгать возмущенія душевнаго!» говоритъ авторъ. Но, чертя это прекрасное правило водо-минеральнаго стоицизма, авторъ могъ знать заранѣе, что физически не возможно его исполнить. Эта статья однако жъ заслуживала полного развитія существенныхъ соображеній, и притому надлежало обдумать и предложить особенную систему отчужденія пациента отъ вліяній, столь предосудительныхъ для успѣховъ предлагаемаго образа леченія. И здѣсь Москва не могла служить ему образцомъ: между Москвою и Петербургомъ нравственная разниа, во врачебномъ отношеніи, неимовѣрна!

Оба эти обстоятельства, климата и большого солнечнаго города, ясно намъ показываютъ, что врачебное положеніе минеральныхъ водъ въ Петербургѣ совершенно различно съ другими этого рода заведеніями въ Россіи. Обязанность науки и дарованія, смѣющаго бороться съ трудностями — измѣрить и устранить это различіе. Нѣсколько страницъ могли быть достаточны для просвѣщенія публичнаго ума въ другомъ городѣ, соединяющемъ въ себѣ всѣ, или почти всѣ, гигиеническія условія; въ Петербургѣ надлежало ожидать отъ врача, пишущаго *ex professo* о такомъ важномъ предметѣ, сочиненія обширнѣйшаго, болѣе разсудительнаго, болѣе приспособленнаго къ мѣстнымъ обстоятельствамъ. Трудъ этотъ, по существу своему, относился непосредственно къ сочинителю разбираемаго нами «Описанія», ибо отъ кого, если не отъ главнаго врача заведенія, — такъ названъ авторъ на заглавномъ листѣ книги, — должны мы были получить всѣ поясненія, могущія ввѣстить

намъ полное довѣріе къ подаренному намъ благодаренію? А это довѣріе внущается только смѣлымъ и логическимъ изложеніемъ всей массы трудностей, и средствъ, придуманныхъ къ ихъ побѣжденію.

Поэтому, мы говоримъ, что авторъ этой книги, или книжки, не открылъ и не понялъ настоящей точки своего предмета: она состояла вся въ разницѣ, существующей между мѣстными условіями Петербурга и условіями другихъ городовъ въ Россіи и въ Европѣ къ полезному употребленію этого суррогата. А онъ намъ толкуетъ, что вода искусственная совершенно то же, что естественная, и еще иногда лучше, думая, что въ этомъ заключается весь секретъ ея пользы.

Мѣсто не позволяетъ намъ входить въ разборъ врачебныхъ наставленій, составляющихъ техническую часть труда Г. Мейера. Мы нашли въ нихъ многія очень вѣрныя средства къ поправленію разстроеннаго здоровья: напримѣръ, наливъ полный стаканъ воды, должно выпить его только вполонину, а остальное можно вылить наземь, если угодно; напримѣръ, если вода горяча, то надобно пить ее, *прихлѣбываяочи*, и прочая. Намъ кажется, что ужъ рѣшившись списывать чужія наблюденія, вмѣсто этихъ ничтожныхъ правилъ, лучше было списать то, что отъ продолжительнаго употребленія минеральныхъ водъ, особенно горячихъ, нерѣдко портятся самые здоровые зубы, и указать на средства къ предохраненію ихъ отъ этого несчастія. Мы не такъ то хорошо поняли, что значить — «*совѣтъ дѣйствительнаго врача*»? Если принимать это слово въ полномъ его значеніи, то дѣйствительными врачами можно назвать только тѣхъ врачей философовъ, которые основали новыя системы, преобразовали, подвинули впередъ, или озарили умомъ своимъ на-

уку, — Иппократа, Галена, Бургава, Сталя, Гоманна, Бруссè, — может-статься и Ганеманна; если же дѣло идетъ только о врачѣ съ дипломомъ, то это еще не большое условіе, — и притомъ условіе право излишнее, потому что нѣтъ города въ Европѣ, гдѣ бы жители менѣе обращались къ эмпирикамъ и шарлатанамъ, чѣмъ въ Петербургѣ. Но можетъ-быть, подь названіемъ дѣйствительнаго врача подразумѣвается здѣсь врачъ *водяной*, врачъ волканическаго происхожденія, въ противоположность врачу сухопутному, который провожаетъ по сушѣ своего паціента до могилы, не посылая его къ водамъ? И это какъ быть можетъ! Какъ бы то ни было, мы не любимъ подыскиваться подь слова, и, если бѣ авторъ не включилъ въ свою діету многихъ правилъ, совершенно произвольныхъ или произвольно забавныхъ, тѣмъ бы и кончили рѣчь объ его твореніи. Но намъ жаль прекрасныхъ Петербургскихъ дамъ: авторъ, изъ угодничества, *не дерзаетъ* давать имъ наставленій на счетъ одежды, приличной подобному случаю. Помилуйте! простудятся!.... Совѣтуйте имъ смѣло одѣваться теплѣе: мы беремъ на себя всю вину въ неучтивости. Какъ авторъ хорошо знакомъ съ міеологіею, то онъ не совѣтуетъ то же, во время леченія «дружиться съ Вакхомъ»; однако жъ, не обижая Наядъ, позволяетъ выпивать за обѣдомъ по *нѣскольку* рюмокъ вина. По *нѣскольку*! Да люди никогда и не напиваются иначе, какъ *нѣсколькими* рюмками. Кто жъ пьетъ больше *нѣсколькихъ* рюмокъ, когда желаетъ только — *напиться*? Десятая и одиннадцатая рюмка уже называются, по Русской Грамматикѣ, — *нарпзаться*. Не понимаемъ, о чемъ думаютъ Наяды! Но мало ли чего мы не понимаемъ въ этой діетѣ: кто отгадаетъ, почему авторъ не судить намъ, Русскимъ, рожденнымъ въ самоварѣ, поутру кушать чай, а убеждаетъ пить ко-

фе? или почсму, во время пользованія водами, велить ѣздить верхомъ, а не позволяетъ танцовать, — танцовать такъ важно, такъ благородно, такъ степенно, безъ всякихъ прыжковъ, безъ всякихъ антрша, какъ мы теперъ танцуемъ? Вотъ лучшее доказательство, что воды искусственныя и воды естественныя не суть совершенно *одно и тоже*, — потому что на водахъ естественныхъ танцуютъ очень весело, и это не препятствуетъ ихъ спасительному дѣйствию!

Но мы совершенно согласны съ блистательнымъ афоризмомъ автора, — что «объдъ составляетъ важный предметъ.»

Послѣ этого афоризма, умъ врача и неврача пріятно отдыхаетъ при внимательномъ чтеніи сочиненія Г. Бѣлявскаго, — «Описаніе минеральныхъ водъ, естественныхъ и искусственныхъ»: что однако жъ ни кому не помѣшаетъ примѣнить къ разнымъ его положеніямъ все сказанное нами выше объего предметъ. Мы могли бы привести изъ него множество прекрасныхъ мѣстъ, но спѣшимъ положить перо. Это — компиляція, но компиляція, составленная съ разборчивостью и со знаніемъ дѣла. Г. Бѣлявскій предпринялъ сдѣлать систематическое извлеченіе изъ разныхъ сочиненій, изданныхъ объ этомъ предметъ въ Европѣ: поэтому, оно не отличается оригинальностью; но ясность, порядокъ, твердое собственное убѣжденіе въ основательности избранныхъ въ руководство теорій, обширная литература и примѣчательный жаръ изложенія заставляютъ читать его съ большимъ удовольствіемъ, хѳтя часто и не соглашаешься съ мнѣніями автора. Должно согласиться, что эта книга — истинная услуга пользующимъ и пользуемымъ водами, плодъ отличнаго дарованія, энциклопедическое и хорошо расположенное собраніе мнѣ-

вій, поддерживаемыхъ нынче множествомъ врачей, — словомъ книга, которая, при настоящемъ распространеніи въ Россіи гигро-минеральнаго леченія, была необходима для медиковъ и для ихъ пациентовъ. Нѣтъ однако жъ сомнѣній, что пациенты были бы несравненно благодарнѣе Г. Бѣлявскому, если бѣ онъ написалъ ея слогомъ болѣе пріятнымъ, болѣе свѣтскимъ, — менѣе докторскимъ слогомъ, а болѣе больнымъ.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕТОИЩА.

ОКТАБРЬ, 1834.

ЗЛОМИЛА И ДОБРОПРАВА, ДВѢ ГОРЬ, или Встрѣча въ Казакомъ. Кавказская Повесть. Первый опытъ въ поэзи П. Маркова. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1834, въ-12., стр. 63.

Когда вышли первые опыты въ поэзи лорда Байрона, опыты очень неудачные, славный Англійскій критикъ, Джеффри, совѣтовалъ ему никогда не писать стиховъ. Я бы охотно подаль такой же совѣтъ Г-ну П. Маркову, по боюсь ошибиться подобно славному Джеффри, ежели Г-нъ Марковъ, послѣ этого опыта, вдругъ сдѣлается Байрономъ. Почему знать!

ЭДУАРДЪ, Повесть. Н. Краснопольскаго. Москва, въ тип. Селивановскаго, 1834, въ-8. Дѣль части, стр. 43 — 45.

Двѣ тысячи пятьсотъ стиховъ! Буало исчислялъ — Буало отлично умѣлъ исчислять цѣлымъ вещамъ, — что хорошій сонетъ, въ которомъ, какъ извѣстно, только четырнадцать стиховъ, одинъ стоитъ длинной поэмы. Такъ, если кто вамъ дастъ четырнадцать истинно хорошихъ стиховъ, отдайте жъ ему эти двѣ тысячи пятьсотъ, — и дѣло съ концемъ.

Новѣйшій и отборнѣйшій Россійскій Пѣсенникъ, съ картинками. Въ двухъ частяхъ. Москва, въ тип. Пономарева, 1834, въ-12, стр. 120.

Обманъ въ любви, или все дѣло въ ширмахъ. Ориентальная Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе В. Свѣшниковъ. Москва, въ тип. Пономарева, 1834, въ-12, стр. 101.

Уланскій Анекдотъ, или Сюрпризъ. Комическая Опера, сочиненная поручикомъ Дм. Брайкевичемъ. Николаевъ, въ тип. Гидрографическаго Черноморскаго Депо, 1834, въ-8, стр. 120.

Т. VII. — Отд. VI.

Дочь знаменитаго Артиста. *Комедія-Водевиль, сочиненіе Виленева и Шарля, переведенная съ Французскаго. Д. А. Шепелевымъ. С.-Петербургъ, въ тип. III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1834, въ-8., стр. 63.*

La fille de Dominique, — такъ называется этотъ Водевиль въ подлинникѣ, — пьеса очень невинная по своему содержанию, пльнила здѣшнюю Франко-Русскую публику единственно по случаю искусной игры Г-жи Соннѣ-Лебланъ, явившейся въ роли Катерины милою и умною актрисою. Переводчикъ, по-видимому, принадлежалъ къ этой публикѣ, и такъ пльнился игрою Г-жи Соннѣ-Лебланъ, что сейчасъ перевелъ и напечаталъ самый Водевиль. Но какъ Г. Шепелевъ напечаталъ его безъ правописанія и безъ Г-жи Соннѣ-Лебланъ, то вся прелесть пьесы исчезла для читателей. «Дочь знаменитаго артиста» можетъ представлять Парижской публикѣ особенный интересъ мѣстныхъ театральныхъ преданій, сопряженныхъ съ исторією національной Словесности: намъ эта дочь, даже дочка этой дочери, ничего не представляютъ. Многіе ли у насъ знаютъ, кто такой былъ Баронъ? Да и какая нужда знать его Русскимъ? Занявшись переводомъ подобнаго сочиненія, Г. Шепелевъ, по мнѣнію нашему, сдѣлалъ самый несчастный выборъ; переведши *roulettes* «цыплатками» и *lieutenant-général du Béarnais* «Генераль-лейтенантомъ Беарна», онъ сдѣлалъ самый несчастный переводъ, придавъ ему такіе куплеты, каковъ на примѣръ слѣдующій, —

Что за диво, другъ любезной,
 Что пльняемъ мы игрой,
 Если каждой новизной
 Поль волнуется прелестной? —

онъ придалъ самое несчастное украшеніе. Но какъ ужъ поидеть кому-нибудь несчастіе!... Вотъ, на примѣръ «Досуги Пустынника» —

Досуги Пустынника. *Москва, въ тип. Университетской, 1834, въ-12., стр. 266.*

Если переводчикъ «Дочери знаменитаго артиста» возьметъ на себя трудъ прочесть ихъ со вниманіемъ, то онъ увидитъ, что все въ мірѣ суета. Водевиль, переводы, Критики, все, все суета: Критики еще болѣе, чѣмъ переводы. Ученость — суета. Просвѣщеніе — суета. Даже *освѣщеніе* — суета. Ро-

мантизм — тоже суета, потому что «романтизм не есть признак хорошей организации ума и сердца.» Одно невѣдѣніе не суета: невѣдѣніе — вещь чрезвычайна: положительная. Зная, можешь знать дурно, но если уж не знаешь, так не знаешь основательно, отчетливо: тут нельзя не забыть, ни ошибиться. Разсужденіе такое очень утѣшительно.

Безымянный пустынный употребляет, кажется, досуги свои на то, чтобъ доказывать, что просвѣщеніе не согласнo съ истиннымъ духомъ Христіанства. Я смѣю почитать себя ровно столь же хорошимъ Христіаниномъ, какъ и почтенный пустынный, но никогда не скажу этого. Многіе Отцы Церкви были мужи безконечно ученые. Св. Августинъ зналъ все, что только люди знали въ его время: да и большая часть знаменитыхъ ученыхъ новѣйшаго міра, несмотря на свою ученость, славились примѣрными Христіанами. Неужели Ньютона, Кеплера, Кювье, можно упрекнуть въ недостатокъ вѣрованія? Неужели во времена невѣжества, которое почтенный пустынный смѣшиваетъ съ Евангельскимъ невѣдѣніемъ, не было порока, расколовъ и безбожія, не было ересей арховъ и атеистовъ? Евангельское невѣдѣніе, — невѣдѣніе нравственное, отвлеченное, невѣдѣніе всего злаго, порочнаго и ложнаго, дѣтская простота души, о которой говоритъ нашъ Спаситель, — такъ же хорошо можетъ сіять въ человѣкѣ, знакомомъ со всеми тайнами Природы, какъ и въ томъ, кто только смотритъ на Природу. Чемъ болѣе совершенствуются Науки, тѣмъ сильнѣе каждая изъ нихъ подтверждаетъ мудрость и могущество Бога, тѣмъ дружнѣе все вмѣстѣ мирятъ онѣ недоувѣрчивость съ высокими истинами Откровенія. Наша планета теперь именно вступила въ тотъ счастливый и блистательный періодъ своей вселенской жизни, когда свѣтъ Вѣры и науки начинаютъ сливаться въ одну массу; когда знаніе, долго бывшее враждебнымъ Религіи, постепенно покоряется передъ нею, и само подноситъ ей свои великія открытія для подкрѣпленія господства ея надъ человѣкомъ и его счастіемъ. Проживъ безвѣріе гордаго полузнанія, которое окунуло въ кровь вѣкъ оснадцатый, мы казалось бы, должны бы быть благодарны просвѣщенію, такъ скоро отдѣлившему насъ стѣною свѣта отъ этой мрачной эпохи за-

блужденія и злополучія; должны бы пособлять всеми силами его успѣхамъ, чтобы оно умчало насъ отъ нея какъ можно дальше, а не вооружать противъ него умы, еще непримѣчающіе его благодѣяній! Я увѣренъ, что переводчикъ «Дочери знаменитаго артиста» совершенно согласенъ со мною въ этомъ отношеніи. Но почтенный пустынный думаетъ совсѣмъ иначе: онъ не жалуется просвѣщенія, учености, наукъ, потому что они «не дѣлаютъ человека лучшимъ»!

Отдавая полную справедливость благонамѣренности почтеннаго пустынника, мы, — я и переводчикъ «Дочери артиста», — долгомъ считаемъ покорнѣе представить на его соображеніе, какъ неумѣстно и даже вредно у насъ, въ наше время, подвергать анаѣмъ все «нынешнее» просвѣщеніе, въ которомъ конечно можно отличать на досугъ разные недостатки, неизбежные во всякомъ дѣлѣ человѣческомъ, по котораго никакъ нельзя опорочивать безусловно, и еще отъ имени Религіи. Изъ всѣхъ наукъ, почтенный пустынный уважаетъ, кажется, одну Грамматику. Конечно, это очень хорошая наука, быть-можетъ одна изъ всѣхъ, которая видимо дѣлаетъ человека лучшимъ; но мы не думаемъ, чтобы она много улучшила излишнюю гнѣвливостъ автора, и чтобы гоненіе, объявленное имъ, на какого-то Г-на Г. Р., который, по словамъ Досуговъ, «не имѣетъ ни какихъ познаній въ Русской Грамматикѣ», совершенно сходствовало съ духомъ той Христіанской кротости, того Евангельскаго смиренія, какія желаетъ онъ перелить изъ себя въ читателя. Забота почтеннаго пустынника о грамматическихъ свѣдѣніяхъ Г-на Г. Р. — тоже суета, большая суета, и весьма неприятно поражаетъ умъ въ твореніи аскетическомъ, среди отрывковъ, оригинальныхъ и переводныхъ «съ иностраннаго», посвященныхъ предметамъ высокимъ, дышащихъ вѣрою и небомъ, и вполне способныхъ принести душевную пользу читателямъ, не думающимъ ни о Грамматикѣ, ни о романтизмѣ, ни о познаніяхъ Г-на Г. Р. въ языкъ, ни о таковыхъ же самого автора Досуговъ.

Лучшею статьею въ этой книгѣ считаемъ мы разсужденіе «О бѣдности Іисуса.» Названія нѣкоторыхъ другихъ

статей суть: *Исторія человека, дознавшаго, на опыте для чего онъ жилъ на свѣтѣ, — Одинъ грѣхъ есть такое зло, котораго должно избавиться, — Праведникъ во вѣки не поколеблется, — Правосудіе, — Вздохъ о самомъ себѣ, — Гармонія, и прочая.*

Разказы Волжанина. С.-Петербургъ, въ тип. Глазунова, 1834, въ-12. Дѣль части, стр. 145.

Малороссійскія повѣсти, разказанныя Грицькомъ Основьяненкомъ. Книжка первая. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1834, въ-12., стр. 380.

Эта книжка заключаетъ въ себѣ три Повѣсти, — *Салдацкій патреть, — Маруся, — и Мертвецкій великъ-день.*

«Бувъ соби колысь-то якыйсь-то маляръ, ось науми мотаецца какъ его звали, та не згадаю.... Ну, дарма; маляръ та-й маляръ. И що то бувъ за скусный! Тамъ морока его зна, якъ-то гарно малевавъ! Чы ны, братники, що читаете або слухаете сюю квыжку, думаете, що вниъ такъ малевавъ соби просто, абы якъ? що тилько размиша краску? чы червону, чы буракову, чы жовту, та такъ просто й маже чы стиль чы скрыню? Э, ни; трывайте льшень! — якъ що вздрить, такъ съ него патреть и вчеше, хочъ бы тоби видро, або свиня, такы жившенько воно й е.....»

Настоящія Малороссійскія Повѣсти, — какъ сіе можно видѣть изъ приложеннаго при семъ списка началу оныхъ Повѣстей.

Ночь въ Рождество Христово. Русская Повѣсть девятнадцатаго столѣтія. Сочиненіе И. М. Т. Актера К. Баранова. Москва, въ тип. Университетской, 1834, въ-12. Три части, стр 226 — 204 — 199.

Изувѣченный, историческая Повѣсть семнадцатаго столѣтія. Сочиненіе К. Б. Сентина. Переведенная съ Французскаго И. М. Т. Актеромъ К. Барановымъ. Москва въ тип. Степанова, 1834, въ-12. Дѣль части, стр. 122 — 193.

Когда недавно Французская Словесность, или книжная торговля, объявила премію тому, кто выдумаетъ ужаснѣйшее истязаніе для человека, нѣкто Г. Сентинъ, весьма посредственный писатель, въ одно утро перещеголялъ всѣхъ тогдашнихъ чернильныхъ палачей, представивъ Словесности или торговлѣ юношу, разумѣется поэта, — тогда были въ модѣ по-

эты, — юношу и поэта съ бурнымъ сердцемъ и высокими поэтическими вдохновеніями, которому, за стихи въ защиту «правъ народа,» отрезали языкъ и руки; который хочеть писать стихи, и не можетъ управиться съ перомъ; который силится импровизировать поэму, и издаеть только пронзительное мычаніе. Эта выдумка имѣла большой успѣхъ цѣлую неделю, какъ идея новая, очень жестокая, отличная, хотя сказка о Танталѣ была выдумана гораздо прежде и немножко замысловатѣе. Но скоро другіе распяли человека надвое, третьи содрали съ него кожу, четвертые повѣсили его за ноги, и «Изувъченный» Г. Сентина былъ помраченъ изысканными картинами страданій, оставлень, забыть. Г. Барановъ нынче возобновляеть его, — для какой цѣли, не знаю; но справедливость велить сказать, что возобновленіе выполнено слогомъ довольно пріятнымъ, и не заключаетъ въ себѣ такихъ погрѣшностей, которыхъ бы нельзя было простить въ переводѣ посредственнаго сочиненія. Мы читали тоже и оригинальный Романъ Г. Баранова, «Ночь на Рождество Христово.» Какъ же! и очень читали. Но мы рѣшились говорить только о переводномъ.

Повѣсть Г. Сентина названа историческою, потому что основана на искаженномъ анекдотѣ, который, если бы доказать его подлинность, былъ бы остроумнѣе всей Повѣсти. Сикстъ V, сынъ бѣднаго поселянина, достигъ папскаго сана посредствомъ долгаго и томительнаго лицемерства. На другой день, кто-то изъ Римскихъ шутниковъ вывѣсилъ портретъ его на статуѣ Пасквины, подписавъ подъ нимъ слова — *Et homo factus est!* — которыя, въ отношеніи къ лицу, очевидно содержали въ себѣ насмѣшливый смыслъ — «Наконецъ и онъ сдѣлался человекомъ!» Тонкое это примененіе священнаго изрѣченія къ случаю, несмотря на свою язвительность, говорятъ, такъ поправилось папѣ, что онъ обещалъ двѣ тысячи скудовъ сочинителю, ежели только тотъ откроется. Одинъ жадный Италіецъ, совсѣмъ не авторъ надписи, чистосердечно признался въ випѣ, и получилъ обещанную сумму; но, наградивъ за остроуміе, Сикстъ велѣлъ предать его позорной смерти за оскорбленіе святѣйшества. Послѣ казни несчастнаго, настоящій авторъ эпиграммы начерталъ на той же статуѣ дру-

гое изреченіе, непосредственно слѣдующее за первымъ, — *Et scisibius pro nobis*, «И пострадалъ за насъ», которое довершило анекдотъ.

Во всемъ этомъ дѣлѣ, очевидно выдуманномъ на досугъ и впоследствии переначепномъ въ различные виды тѣми, которые его не расслышали, нѣтъ рвчи ни о поэзии, ни о поэтѣ съ бурнымъ сердцемъ и высокими вдохновеніями. Если кто любопытенъ знать, какъ Г. Сентинъ опять переначилъ его на модный ладъ, тотъ можетъ заглянуть въ издаваную въ Москвѣ историческую Повѣсть, «Изувѣченный.»

1. Новый Робинсонъ, или Швейцарское семейство, претерпѣвшее кораблекрушеніе. Сочиненіе Висса. Съ Французскаго изданія Г-жи Монтольё, переводъ Л.... Я.... С.П.-бургъ, въ тип. III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1834, въ-12. Часть третья, стр. 315.

2. Повѣсти и Сказки для дѣтей, Анны Зонтагъ, сочинительницы повѣстей для дѣтей перваго и втораго возрастовъ. С.П.-бургъ, въ тип. Смирдина, въ-12. Часть третья, стр. 304.

Последнія части двухъ весьма приличныхъ для юношества сочиненій. Двѣ первыя части «Новаго Робинсона» вышли въ прошломъ году. На предъидущія части Повѣстей Г-жи Зонтагъ и на достоинства ихъ перевода мы уже имѣли случай обратить вниманіе родителей въ одной изъ прежнихъ книжекъ Б. для Ч.

Повѣсть о приключеніи Англійскаго Милорда Георга и о Бранденбургской маркграфини Фридерикъ Луизъ, съ присовокупленіемъ къ оной исторіи бывшаго Турецкаго визиря Марцимириса и Сардинской королевы Терези, и проч. Изданіе осьмое. Москва, въ тип. Степанова, 1834.

Скажите, Бога ради, кто нынче первый Русскій писатель? Я утверждаю, что первый нашъ писатель Г. Матвѣй Комаровъ, «житель города Москвы.» Только плоды превосходнаго пера Г. Комарова достигаютъ у насъ осьмаго, девятаго и десятаго изданій. Онъ авторъ «Исторіи Французскаго мошенника Картуша»; онъ авторъ Ваньки Каина, Англій-

скаго милорда Георга и Турецкаго визиря Марджмириса; онъ авторъ всѣхъ безсмертныхъ твореній, которыя безпрерывно печатаются тысячами и читаются миллионами. И представьте, что его огромная слава не вооружила противъ него ни какой партіи, что его доселѣ не преслѣдовали литераторы!..... Мы ужъ не понимаемъ этого чуда. Г. Матвѣй Комаровъ, сверхъ всѣхъ своихъ качествъ, долженъ быть еще чародѣй.

Это осьмое изданіе неподражаемыхъ своихъ сочиненій Г. Комаровъ украсилъ «пріобретеніемъ къ онымъ приличныхъ гравированныхъ кунштотъ.»

Начальное ученіе Латинскаго языка, по этимологической части, со включеніемъ правилъ произношенія буквъ и словъ, сочиненное для перваго и втораго гимнастическаго классовъ, Старшимъ Учителемъ Калужской Губернской Гимназіи, Григоріемъ Долгомостьевымъ. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1854, въ-8, стр. VIII и 162.

Объ открытіи памятника Императору Александру Первому. Сочиненіе Ивана Бутовскаго. СПб.-бургъ, въ тип. Греча, 1854, въ-8., стр. 42.

Дань удивленія памятнику Императора Александра I, въ день торжественнаго освященія онаго, 30 Августа 1834 года, изрѣченная въ слогъ древнихъ Латинскихъ надписей, съ Россійскимъ и Нѣмецкимъ переводомъ. СПб.-бургъ, 1854, въ тип. Видергольма, въ листъ.

Рѣчь, произнесенная при открытіи публичной библиотеки, въ Екатеринославль. Москва, въ тип. Университетской 1854, стр. 14.

Жизнь Мазепы. Сочиненіе Бантыша-Каменскаго. Съ портретомъ и снимкомъ подписи. Москва, въ тип. Семева, 1854, въ-12., стр. 92.

Въ этомъ небольшомъ сочиненіи находится нѣсколько новыхъ и очень любопытныхъ подробностей о Мазепѣ, котораго жизнь, впрочемъ, хорошо извѣстна.

1. Историческое обозрѣніе Ойратовъ, или Калмыковъ, съ XV столѣтія до настоящаго времени. Сочиненіе

но Монахомъ Іакинѣомъ. *СП.-бургъ, въ тип. Медицинскаго Департамента. М. В. Д. 1834, въ-8., стр. 253.*

2. Подробныя Свѣдѣнія о Волжскихъ Калмыкахъ, собраныя на мѣсть, Н. Нефедьевымъ. *СП.-бургъ, въ тип. Крайя, 1834, въ-8., стр. 286.*

Первое изъ этихъ двухъ сочиненій содержитъ въ себѣ многія очень важныя для Исторіи свѣдѣнія, которыя будутъ приняты ученымъ свѣтомъ съ полною благодарностью. Второе представляетъ много любопытнаго о нынѣшнемъ бытѣ Калмыковъ. Мы представимъ нашимъ читателямъ подробное обозрѣніе того и другаго.

Продолженіе Всковщей Исторіи о переселеніи народовъ и образованіи новыхъ государствъ, и проч. Сочиненіе И. Ергова. 1834. *Часть пятнадцатая, стр. 302.*

Исторія магометанскихъ и христіанскихъ государствъ въ Испаніи въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ, и разсужденіе о постепенномъ упадкѣ наукъ и Словесности въ первую тысячу лѣтъ нашей эры, о торговлѣ, промышленности и улучшеніи образа мыслей въ Европѣ въ первой половинѣ втораго тысячелѣтія, и о вліяніи рыцарства на нравы и обычаи высшихъ сословій, составляютъ предметъ этой пятнадцатой части.

TABLEAUX DE LA GÉOGRAPHIE UNIVERSELLE, destinés à l'enseignement, révisés sur un nouveau plan d'après les derniers traités de paix, etc., par J. B. Einering, auteur de plusieurs journaux d'éducation. *St.-Petersbourg, 1834, pp. 180.*

Учебная книга Римскаго гражданскаго права, издаваемая для употребленія студентамъ Г. Профессоромъ Л. Цвѣтаевымъ. *Часть первая, или Приготовительная, содержащая въ себѣ краткую Исторію Римскаго Права и общія понятія о гражданскомъ правѣ. Москва, въ Университетской тип. 1834, въ-8., стр. 85.*

Объ искусствѣ литографірованія. А. С....а. *СП.-бургъ, въ тип. И. Академіи Наукъ, 1834, въ-8., стр. 19.*

Опытный практическій лѣсовѣдецъ, содержащій въ себѣ описаніе всѣхъ строевыхъ деревьевъ, ихъ цвѣта, сѣмянъ, времени сѣянія, сажденія, рубки, отпрыскива-

нѣя, возраста; съ примѣчаніями, сколько каждое дерево на корнѣ своемъ жить можетъ. Правила, основанныя на самыхъ опытахъ, сочиненіе необходимо нужное и полезное для всѣхъ хозяевъ лѣсоводцевъ, желающихъ разводить и оберегать лѣса. Москва, въ тип. Пономарева, 1834, въ-8., стр. 56.

Краткое руководство къ выгоднѣйшему куренію изъ картофеля, издалъ въ пользу занимающихся винокуреніемъ. С. М. Д. Москва, въ тип. Ръшетникова, 1834, въ-18, стр. 85.

Разсужденіе о вѣрнѣйшемъ способѣ употребленія лѣмоннаго соку въ кровотеченіи маточномъ, и проч., и проч. Сочиненіе Г. Делоне, члена Парижскаго Медицинскаго Факультета, переведенное на Россійскій языкъ Н. Б., въ пользу практическихъ врачей и повивальныхъ бабокъ. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1834, въ-12, стр. 47.

=

РАВНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

=

— Исторія Пугачевского Бунта, сочиненіе А. С. Пушкина на сихъ дняхъ выйдетъ изъ печати: къ ней приложено множество любопытныхъ актовъ, писемъ извѣстныхъ особъ, и проч. Въ слѣдующемъ отдѣлѣніи Б. для Ч. помѣщены два документа, заимствованныя изъ этой Исторіи, и которые внушаютъ намъ самое выгодное понятіе о матеріалахъ, служащихъ ей основаніемъ, и объ источникахъ, открытыхъ автору для его изысканій.

— Сообщая читателямъ нашимъ печальное извѣстіе о преждевременной кончинѣ почтеннаго и трудолюбиваго литератора, подполковника С. С. де Шаплета, мы считаемъ долгомъ присовокупить, что пачатое имъ изданіе Бурьеповыхъ «Записокъ о Наполеонѣ» будетъ продолжаться: родственники покойнаго сдѣлали нужное распоряженіе, чтобы переводъ былъ окончанъ, и чтобы все сочиненіе было отпечатано въ надлежащее время.

=

НОЯБРЬ, 1834.

=

Осада Пскова, *Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Барона Розена. СП.-бургъ, въ тип. Вингебера, 1834, въ-8., стр. 156.*

Содержаніе этой Трагедіи изложено ниже, въ статьѣ «Русская драматургія въ С.-Петербургѣ.»

Рука Всевышняго отечество спасла, *Драма въ пяти актахъ, въ стихахъ, сочиненіе Н. К. Изданіе второе. СП.-бургъ, въ тип. Вингебера, 1834, въ-8., стр. 137.*

Гортензія. *Москва, въ тип. Селивановскаго, 1834, въ-12., стр. 48.*

Гортензія жила! Гортензія умерла! Пока жила, она безсмыслия восхищалась стихами автора. Теперь, какъ она умерла, кто на этомъ свѣтѣ станетъ слушать его поэтическія вдохновенія! Мы постигаемъ горестное положеніе автора.

Всему конецъ!
 Лежитъ мертвецъ.
 Онъ звучно палъ!
 И улетѣлъ!
 Его удаль
 Не здѣшнимъ быть,
 Чтобъ прахъ любить.

И, къ крайнему огорченію нашему, мы не можемъ замѣнить поэту собою доброй его Гортензіи. Чтобъ найти прелесть въ его сочиненіяхъ, надобно имѣть ея ангельскую доброту сердца, ея кротость, ея терпѣніе. Теперь всему конецъ! Мы думаемъ, что если бъ стихи, напечатанные въ этомъ собраніи, остались въ рукописи, они произвели бъ гораздо большій эффектъ.

Два мужа, *Водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ Французскаго А. И. Булгаковымъ. СП.-бургъ, въ тип. Гинце, 1834, въ-8, стр. 56.*

Г. Булгаковъ, конечно, очень мило передѣлываетъ Французскіе Водевилы, но это не мѣшаетъ его драматическимъ

исторіямъ быть столь же невѣроятными съ начала до конца послѣ передѣлки, какъ и до передѣлки. Жена, которая не знаетъ и не видала своего мужа! Французскій сборщикъ податей, чиновникъ по значенію своему въ области не ниже вице-губернатора, сосѣдь этой дамы по деревнѣ, человекъ женатый, отлучившійся только на охоту, который, безъ всякой цѣли, рѣшается выдавать себя передъ нею ея супругомъ, и быть хозяиномъ чужаго дома! Молодая, добродѣтельная затворница, которая влюбляется въ незнакомаго мужчину съ перваго взгляда, и черезъ три минуты уже любить его до безпамятства! Все это въ высочайшей степени неправдоподобно, хотя и передѣлано. Въ девятомъ явленіи, строгая Маргарита, видя мнимаго супруга Элизы на колѣняхъ передъ другою женщиною, говоритъ — *Voilà les hommes!* Она хотѣла сказать — вотъ мужчины! Авторъ заставляетъ ее говорить — Вотъ люди! Намъ кажется, что передѣлавъ водевильныхъ мужчинъ въ людей, автору уже не много оставалось, чтобъ сдѣлать ихъ такими же, какъ всѣ люди, — то есть, правдоподобными. Жаль! онъ пропустилъ единственный въ свѣтъ случай сдѣлать, безъ труда, изъ готовыхъ уже людей что-нибудь хорошее.

Шингоны, Русская Повесть XVI столѣтія, съ точнымъ описаніемъ житья-бытья Русскихъ бояръ, ихъ бытіе въ отчины, пиры вельможей, и наконецъ Царская вечеринка. Мимоходомъ замѣчены монахи того времени, ихъ поклонницы; не забыты и истинно святыя мужи, какъ то, старицы Семіонъ Курбскій, Вассіанъ Патрикѣевъ и Максимъ Грекъ, въ достовѣрную эпоху вторичнаго брака Царя Василія Іоанновича. Выбрано изъ рукописей издательницею Супругъ Владиміра. Москва, въ тип. Селѣвановскаго, 1854, въ-8., стр. 233.

Не возможно быть откровеннѣе этого заглавнаго листа: онъ заключаетъ въ себѣ и все содержаніе книги, и полную Критику на ея содержаніе. Намъ остается только прибавить, что если бѣ Повесть почтенной издашительницы была написана нѣсколько сносношійшимъ слогомъ, она бѣ нашла себѣ, кромѣ насъ, еще три или четыре десятка благосклонныхъ читателей, потому что она не совсѣмъ чужда занимательности.

Баронъ Брамбеусъ, *Повѣсть. C'est de l'histoire bourgeoise.* Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1834, въ-12. стр. 55.

Ежели это было, то мы поздравляемъ Барона Брамбеуса съ добрымъ дѣломъ, къ которому подала случай его фантастическая фамилия, и разсказчика были, съ даромъ милой и умной веселости въ разсказъ; но ежели это вымыселъ, то къ послѣднему поздравленію мы не прибавимъ привѣтствія на счетъ его изобрѣтательности. Его Повѣсть слишкомъ напоминаетъ — мнимую Г-жу Каталани, — мнимаго Паганини, — и другихъ мнимыхъ господъ и госпожъ. Мы предпочитаемъ принимать ее за простой анекдотъ, чтобъ быть въ правѣ воздать автору должную похвалу за его примѣчательный талантъ разсказывать анекдоты, который вѣроятно постарается оныя примѣнить къ предметамъ высшаго достоинства, чтобъ не лишить Русской Словесности надежды на скорое появленіе въ ней новаго пріятнаго дарованія, возбуждаемой этимъ опытомъ.

Графъ Оболенскій, или Смоленскъ, въ 1812 году. *Разсказъ инвалида.* Сочиненіе И. Копшина. СП.-бургъ, въ тип. Вингебера. 1834, въ-12, Три части, стр. 280 — 233 — 235.

Смолянка. Сочиненіе Алексѣя Шлихтера. СП.-бургъ, въ тип. Греча, 1834, въ-8., стр. 36.

Надгробныя надписи, собранныя Александромъ Орловымъ. Москва, 1834, въ-8, стр. 20.

Рекрутскій пѣворъ. Переводъ съ Французскаго. Наталія Викулиной. Москва, въ тип. Университетской, 1834, въ-8, стр. 48.

Голубыя повѣсти для дѣтей, перевелъ съ Французскаго Фѣдоръ Бобровскій. Москва, въ тип. Университетской, 1834, въ-12. Двѣ части, стр. 110 — 90.

Г. Фѣдоръ Бобровскій переводитъ дѣтскія книги слогомъ, довольно пріятнымъ и чистымъ, и эти миленькія Повѣсти, издаванныя имъ теперь по-Русски, безспорно отличаются тѣмъ же преимуществомъ. Г. Фѣдоръ Бобровскій, который

переводить довольно приятно и чисто, безъ-сомнѣнія знаетъ еще лучше нашего, что Французское выраженіе *Сова bleue* значить — пустяки, а не — голубыя повѣсти; но мы очень хорошо понимаемъ, для чего перевелъ онъ это заглавіе несогласно съ подлиннымъ его значеніемъ. Види, что отличнѣйшіе мужи царства Словесности пишутъ все Повѣсти да повѣсти, онъ не хотѣлъ называть Повѣстей пустяками, потому что это выходило бы — эпиграмма на занятіа отличнѣйшихъ мужей: онъ предпочелъ «Пустяки» именовать Повѣстями, — «Голубыми Повѣстями», и, чтобъ они были действительно голубыя, напечаталъ заглавіе темно-голубыми чернилами. Цвѣтъ чернилъ превосходно выражаетъ мысль переводчика, и вмѣстѣ служитъ ручательствомъ въ отчетливости и строгой логикѣ перевода: смысла голубые этого по-Русски и быть не можетъ: онъ уже почти снѣгъ!

Исповѣдь Англичаница, употреблявшаго опиумъ. Сочиненіе Матюрна. Переводъ съ Англійскаго. СПб.-бургъ, въ тип. Греча, 1834, въ-8., стр. 155.

Ирландскій писатель Метьюрицъ, или Мечеринъ, человекъ съ большимъ умомъ и дарованіемъ, можетъ быть названъ изобрѣтателемъ и предтечею «неистойной» Словесности, бывшей недавно въ такой славѣ во Франціи: ужасъ былъ его Изящное, и онъ съ безчеловѣчнымъ хладнокровіемъ любилъ раскапывать глубочайшія тайны сердца, которые для того именно и сдѣламы тайнами, чтобъ люди не разсуждали объ нихъ вслухъ, для собственнаго блага. Его «Исповѣдь» въ употребленіи имъ опиума, родъ *Wahrheit und Dichtung*, но болѣе *Dichtung*, болѣе вымыселъ, чѣмъ истина, всегда казалась намъ дикою жестокою и бездомною, какъ она ни умна и ни любопытна: подобныя сочиненія болѣе способны внушить дурную мысль уму педантическому, скорѣе могутъ возродить въ сердца желаніе узнать на опытъ вещь описываемую, чѣмъ устранить воображеніе, уже подчиненное пагубнымъ привычкамъ. Исключая нѣсколькихъ выраженій не-Русскихъ, носящихъ на себѣ отпечатокъ слишкомъ буквальнаго переложенія Англійской фразеологіи, какъ напримѣръ *последній* вмѣсто *покойный*, переводъ вообще показался намъ хорошимъ.

Марка Фавия Квинтилиана двенадцать книгъ риторическихъ наставлений, переведены съ Латинскаго Императорской Россійской Академіи членомъ Александромъ Никольскимъ, и оною Академіею изданы. Сп.-бургъ, въ тип. И. Россійской Академіи, 1854, въ-8. Двѣ части, стр. X и 485 — X и 519.

Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что оная Академія оказала важную услугу нашимъ Словеснымъ Наукамъ, издавъ въ Русскомъ переводѣ этотъ великолѣпный памятникъ критическаго ума древности: Квинтилианъ долженъ быть подъ рукою у всякаго литератора и всякаго желающаго судить о Литературѣ, — и такъ какъ современныя понятія объ Изящномъ знаніи различествуютъ съ теоріями классическаго міра, то самое это различіе влечетъ за собою, нынче болѣе чѣмъ когда-либо, необходимость тщательнаго изученія послѣднихъ, потому что человекъ, отторгшійся отъ прошедшаго, и заключающій себѣ въ одномъ настоящемъ, всегда находится въ умственномъ младенествѣ. Познаніе мысли древняго міра въ разныхъ ея отгѣнкахъ всегда было и будетъ основаніемъ твердой и полезной учености; и все, что способствуетъ этой цѣли, все, что умножаетъ наши способы къ легчайшему и скорѣйшему ея достиженію, заслуживаетъ полную благодарность въка, обремененнаго науками, изысканіями и дѣлами, занятаго, недосужнаго, деуслужающаго даже управиться съ своимъ безпокойнымъ любопытствомъ. За всѣмъ тѣмъ, когда бѣ намъ пришлось даже изумить своимъ мигніемъ нѣкоторыхъ нашихъ читателей, мы не усомнимся сказать, что переводъ «Наставленій» Квинтилиана, на какой бы языкъ ни было, есть дѣло самое неблагодарное. Мы не знаемъ ни одного автора Латинской древности, котораго твореніе было бы увлекательнѣе въ подлинникъ и, притомъ нѣе въ переводѣ. Блестательнѣйшій и тончайшій изъ раторовъ, писатель совершенно проикнутый остроуміемъ своего въка, удивительный мастеръ на слогъ, но на слогъ особенной школы, котораго нельзя примѣнить къ новѣйшему слѣву, критикъ со вкусомъ, но со вкусомъ заключающемся преимущественно въ Латинской фразѣ, выражающей его сужденіе, а не въ самомъ сужденіи, почти всегда похожемъ безъ этой оболочки на картину безъ освѣщенія, — Квин-

тиліанъ, его мысль, его ученіа, такъ слиты съ языкомъ, на которомъ онъ писалъ, что только самъ онъ могъ бы выразить ихъ хорошо на другомъ языкѣ, только самъ могъ бы передать себя иноземными звуками, не переставая быть Квинтиліаномъ. Его надобно читать по-Латыни, а переводить таланту, равному его, и притомъ поставленному въ одинаковыхъ съ нимъ обстоятельствахъ, — что для насъ уже сдѣлалось физически невозможнымъ, — во всякомъ случаѣ, великому литературному и критическому таланту. Каковъ же, при этихъ понятіяхъ, долженъ казаться намъ Квинтиліанъ въ переводѣ тяжеломъ и тускломъ, одѣтый въ искусственную фразу, лишенный всего цвѣта своей школы, всей пріятности и гармоніи своего слова, всего своего остроумія въ тонкомъ, искусномъ выборѣ выраженій и оборотовъ, — и, особенно, лишенный своего Латинскаго періода, главного предмета риторскихъ заботъ его? Этотъ Квинтиліанъ, который лежитъ передъ нами, по совѣсти не Квинтиліанъ! Это какой-то сухой, угрюмый риторъ, котораго въ теченіе цѣлаго часа нельзя проглотить двадцати страницъ, тогда какъ того Квинтиліана читаешь въ часъ по сту страницъ болѣе, не только безъ труда, но еще съ восхищеніемъ, — такъ онъ плавленъ, блестящъ и уменъ!

Переводъ, о которомъ мы говоримъ, вообще вѣренъ съ подлинникомъ; но вѣрная передача смысла не сообщаетъ еще понятія о достоинствахъ подобныхъ твореній. Крайне сожалѣя, что Квинтиліанъ доселѣ не нашелъ у насъ изыщѣншаго пера для своихъ «Наставленій», мы однако жъ готовы принять и вѣрность съ подлинникомъ въ счетъ важныхъ преимуществъ настоящаго изданія, и тѣ, кто не въ состояніи читать знаменитаго критика по-Латыни, конечно будутъ весьма признательны Россійской Академіи за доставленную имъ возможность познакомиться съ нимъ посредствомъ этого перевода.

Исторія древней и новой литературы. *Сочиненіе Фридриха Шлегеля. Переводъ съ Нѣмецкаго. Второе изданіе, исправленное. СПб-бургъ, въ тип. Смирдина, 1854, 12-8. Двѣ Части, стр. VIII и 363 — 379.*

ПРАКТИЧЕСКАЯ РУССКАЯ ГРАММАТИКА, издавалъ Николай Грекъ. Второе изданіе, исправленное. СП.-бургъ, въ тип. Грека. 1834, въ-8., стр. VIII и 526.

ГРАММАТИКА ЯЗЫКА РУССКАГО. Часть первая. Познаніе словъ. Сочиненіе Калайдовича (Ивана Федоровича). Москва, въ тип. Университетской, 1834, въ-8., стр. 102 и X.

РУКОВОДСТВО КЪ ПЕРЕВОДАМЪ СЪ РОССІЙСКАГО ЯЗЫКА НА ГРЕЧЕСКІЙ, составленное по Росту и Вюстеманку адъюнктомъ Ив. Соколовымъ. С.-Петербургъ, въ тип. Д. Народнаго Просвѣщенія и И. Академіи Наукъ, 1833 и 1834, въ-8. Дѣль части, четыре курса, стр. 406 — 313.

1. СКАЗАНІЯ СОВРЕМЕННОКОВЪ О ДИМИТРИИ САМОЗВАНЦѢ. СП.-бургъ, въ тип. И. Россійской Академіи, 1834, въ-8., Частн IV и V, стр. IV и 232 — VII и 235.

2. АРХИПЕЛАХЪ И ГРЕЦІЯ ВЪ 1830 И 1831 ГОДАХЪ. Сочиненіе Константина Базилъ. СП.-бургъ, въ тип. Грека, 1834, въ-8. Дѣль части, стр. X и 256 — V и 280.

3. КАРТИНА ПОСЛѢДНЕЙ ВОЙНЫ СЪ ПЕРСІЕЮ 1826 — 1828, съ присовокупленіемъ историческо-статистическаго бзора завоеванныхъ городовъ и воспоминаній о Эривани. Сочиненіе Платона Зубова. СП.-бургъ, въ тип. Вингебера, 1834, въ-12., стр. 135.

Всѣ эти три сочиненія будутъ въ скоромъ времени предметомъ подробнаго обзора въ нашемъ журналѣ. Важность ихъ неодинакова: два первыя заслуживаютъ особенное вниманіе, которое, и при этомъ уменьшенномъ числѣ, не можетъ долго колебаться въ выборѣ, — оно предпочтительно падаетъ на «Сказанія о Дмитріѣ Самозванцѣ.» Мы уже обязаны почтенному издателю сочиненій Курбскаго, Г. Устрялову, прекраснымъ Русскимъ переводомъ Записокъ Бера, Паерле, Маржерета и Де-ту. Къ этимъ важнымъ заслугамъ на пользу отечественной Исторіи, нынѣ Г. Устряловъ присовокупляетъ новую и по-истинѣ блиста-

тельную: двѣ новыя части «Сказаній» заключаютъ въ себѣ едва ли не важнѣйшія изъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ свѣдѣній объ этой любопытной эпохѣ, — по-крайней-мѣрѣ свѣдѣнія большею частью новыя и совсѣмъ неожиданныя. «Дневникъ Маскѣвича,» кромѣ историческаго достоинства, сочиненіе необыкновенно занимательное, отъ котораго нельзя отстать, однажды взявъ въ руки: дамы могутъ его читать какъ Романъ. «Дневникъ Маринны Мишекъ и Польскихъ пословъ,» къ которому издатель присоединилъ прекрасный гравированный портретъ этой злополучной женщины, отличается достоинствами другаго рода, — официальностью своихъ извѣстій. О сочиненіи Г. Базили, покажемъ, скажемъ только, что оно содержитъ въ себѣ очень много любопытнаго о дѣлахъ возрожденной Греціи, и читается съ пріятностью. Къ сему приложенъ атласъ видовъ и развалинъ Греціи, составленный изъ хорошихъ рисунковъ и хорошо литографированный.

Взглядъ на сочиненіе Г. Строева о Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича, или Что было въ 1649 году и что стало въ XIX столѣтіи. Г, З. Сп.-бургъ, въ тип. Вингебера, 1834, въ-12., стр. 59.

Авторъ Взгляда утверждаетъ, что «Природа дала намъ сонъ; но что неправосудіе не дремлетъ, всегда бодрствуетъ, какъ Аргусъ, и, подобно гидрѣ, чѣмъ болѣе отъ нея отсѣкаютъ головъ, тѣмъ болѣе на томъ мѣстѣ другихъ вырастаетъ.» Чортъ возьми, да это страшно!.... Но мы думаемъ, что авторъ напрасно такъ перецугался неправосудіемъ во-первыхъ, неправосудіе очень любитъ пуншъ, а послѣ пуншу, оно не только дремлетъ, но и спитъ порядкомъ; во-вторыхъ, не отсѣкая ему головъ, довольно взять палку и разбить ему лобъ, — увѣряемъ автора, что на томъ мѣстѣ другая голова не вырастетъ.

Записки Госпожи Дюкре о Императрицѣ Гозефинѣ, въ современникахъ, и Дворахъ Наварскомъ и Мальмезонскомъ. Переводъ съ Французскаго, Сп.-бургъ, въ тип. В. А. Военныхъ Поселеній, 1834, въ-12. Частей III и IV, стр. 257 — 217.

Мы уже имѣли случай говорить о двухъ первыхъ частяхъ этихъ Записокъ, которыхъ занимательность достойна особеннаго вниманія прекрасныхъ любительницъ чтенія. Двѣ нынѣ вышедшія части заключаютъ изданіе. Переводъ принадлежитъ А. С. де Шаплету, брату покойнаго переводчика «Записокъ Буріенна», продолжающему, по его смерти, издавать это обширное и любопытное сочиненіе.

Записки Буріенна о Наполеонѣ и проч. издаваемы по рукописи покойнаго С. де Шаплета. Томъ третій, часть V, стр. 371.

Мнѣологическій Словарь, или Краткое толкованіе о богахъ и прочихъ предметахъ древняго баснословія, по азбучному порядку расположенное; извлеченный и составленный изъ лучшихъ и новѣйшихъ сочиненій. Сп.-бургъ, въ тип. Плюшара, 1854, въ-8., стр. 244.

Въ этомъ «Мнѣологическомъ Словарѣ», который можетъ быть полезенъ извѣстному классу читателей, въ особенності достопримѣчательно то, что онъ составленъ изъ «лучшихъ и новѣйшихъ» сочиненій, тогда какъ слѣдовало составлять его изъ «лучшихъ и старѣйшихъ.»

Психическая Антропология, или Опытное ученіе о жизни человека по духовной его сторонѣ. Сочиненіе Готлиба Шульце. Перевелъ съ Нѣмецкаго священникъ Теодоръ Сидонскій. Выпускъ I. Сп.-бургъ, въ тип. Глазунова, 1854, въ-8., стр. VI и 322.

Любители философскаго чтенія не могутъ не принять съ благодарностію этого прекраснаго перевода книги, столь же примѣчательной по своей ясности и методу, какъ и по утѣшительному духу, въ которомъ оно написано. Намъ она доставляла истинное удовольствіе.

Размышленія о важнѣйшихъ истинахъ Религіи, писанныя для Наслѣднаго Принца Брауншвейгскаго знаменнѣйшимъ Иерусалемомъ, переведены съ Нѣмецкаго Т. Крыловымъ. Томъ шестой. Сп.-бургъ, въ тип. Э. Заготовленія Г. Бумага, 1854, въ-8., стр. 320.

Это послѣдняя часть творенія, котораго рѣдкія достоинства уже оценены всеми потребителями назидательныхъ книгъ въ Германіи и въ Россіи. Переводъ очень хорошъ.

Краткое изложение главныхъ доводовъ и свидѣтельствъ, неоспоримо утверждающихъ истину и божественное происхожденіе Христіанскаго Откровенія. Сочиненіе епископа Лондонскаго Портьюса, доктора Богословія. Переводъ съ шестнадцатаго изданія Англійскаго подлинника. СП.-бургъ, въ тип. Греча, 1834, въ-8., стр. XXII и 182.

Прекрасное это сочиненіе, очень хорошо переведенное, должно почестъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ подарковъ, сдѣланныхъ въ нынѣшнемъ году любителямъ Христіанскаго чтенія. Мы препоручаемъ его въ особенности вниманію молодыхъ людей.

Слѣдопроизводитель, или Обзоръ постановленій, руководствующихъ къ познанію порядка производитъ изслѣдованія, составленный П. Ивановымъ. СП.-бургъ, въ тип. Смирдина 1834, въ-12. Двѣ части. I, стр. III и 181.

Мы прочитали первую часть этого сочиненія съ величайшимъ удовольствіемъ: оно отличается отъ обыкновенныхъ практическихъ руководствъ, выходящихъ у насъ по части Законодѣлнія, образованнымъ взглядомъ на предметъ и свѣдѣніемъ въ ученой его теоріи. Ясное понятіе о родѣ и свойствахъ дѣйствія отечественнаго уголовнаго законодательства на лица — не только обязанность каждаго гражданина, но и потребность собственной его безопасности. Судящіе и судимые, производители дѣлъ и могущіе быть замѣшанными въ дѣло, то есть, все члены общества, всегда должны знать благовременно духъ и средства закона, обезпечивающаго ихъ честь и вмѣстѣ съ тѣмъ располагающаго ихъ гражданскою жизнію: только это предварительное знаніе можетъ, во время примѣненія уголовныхъ постановленій къ данному случаю, поставить каждаго изъ нихъ на пріятной точкѣ какъ обвиненія, такъ и оправданія. Г. Ивановъ безсомнѣнія издалъ книгу весьма полезную, и которой недостатокъ былъ крайней ощущителенъ. Мы надеемся, что

впоследствии онъ усовершенствуетъ свой трудъ полнѣйшимъ развитіемъ теоріи обвиненія и защиты по Русскому Праву, обнаруженіемъ мысли и побужденій главнѣйшихъ началъ его; но между-тѣмъ всѣ будутъ ему благодарны и за этотъ опытъ, который начинается общимъ взглядомъ на доказательства, и переходитъ потомъ къ правамъ и обязанностямъ слѣдственной власти, къ допросамъ, къ собственному признанію виновнаго, къ средствамъ его защиты передъ лицомъ закона, къ свидѣтелямъ, и къ показаніямъ, которыя могутъ приняты въ основаніе при обвиненіи. Дальнѣйшія главы посвящены разсмотрѣнію условій разнаго рода полицейскихъ обысковъ и врачебныхъ осмотровъ, очныхъ ставокъ и призыва депутатовъ. Въ концѣ части приложены формы бумагъ и допросовъ.

Извлеченіе правилъ Опекунскаго Совѣта, съ приложеніемъ формъ объявленій и таблицъ для вычисленія процентовъ на денежные капиталы. Москва въ тип. Лаврентьевъ, 1854, въ-8., стр. 101 и XI.

Сочиненіе чрезвычайно важное для людей съ деньгами и для людей безъ денегъ, то есть, для всего рода человеческого. «Телемахъ» Фенелоновъ со времени выхода въ свѣтъ этой книги сдѣлается совершенно ненужнымъ: обучающіе по методу Жакото вмѣстѣ идеямъ и грамотъ, за недостаткомъ лучшаго собранія мыслей и буквъ, досель употребляли «Телемаха» въ видѣ учебной книги для чтенія, но теперь они непременно предпочтутъ ему «Извлеченіе изъ правилъ Опекунскаго Совѣта,» какъ болѣе приспособленное къ всеобщей и непосредственной пользѣ учащихся и учащихъ.

Мысли о кавалерійской тактикѣ. Сочиненіе графа Бисмарка. Переводъ съ Нѣмецкаго. Одесса, въ тип. Городской, 1854, въ-12., стр. III и 291.

Объ употребленіи гранита въ Санктпетербургѣ. Сочиненіе Якіма Зембницкаго И. Сп. У. Профессора, Минералогическаго въ Сп. Общества члена учредителя и директора. Издано онымъ Обществомъ. Сп.-бургъ, въ тип. Грета, 1854, въ-8., стр. 27.

Руководство къ Всеобщей Анатоміи, или Краткое описание первообразныхъ тканей и системъ, составляющихъ члены тѣла человеческого А. Л. Г. Бейля и Г. Голларда: Съ Французскаго перевелъ и издалъ И. М. Х. А. М. О. студенты Александръ-Маріи Ремя и Александръ Любимовъ. Москва, въ тип. Университетской, 1854, въ-8., стр. X и 314 и 6.

О свойствахъ и болѣзняхъ волосъ; съ показаніемъ опытомъ дознанныхъ средствъ, служащихъ къ сохраненію волосъ, прекращенію выпаденія оныхъ, къ произрастенію вновь, къ уничтоженію бородавокъ; веснушекъ, желтыхъ и родимыхъ пятенъ. Съ Нѣмецкаго языка, со втораго изданія, перевелъ Николай Вологовъ. Сп.-бурзь, въ тип. Вингебера, 1854, въ-12., стр. VI и 77.

Руководство къ распознаванію ядовъ, противоядій, и къ вѣрнѣйшему опредѣленію первыхъ какъ въ организмѣ, такъ и внѣ онаго посредствомъ химическихъ средствъ, называемыхъ реактивами. Александра Ювскаго, доктора Медицины и разныхъ ученыхъ Обществъ члена. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1854, въ-8., стр. 64.

Руководство къ добыванію торфа, для владельцевъ лѣсовъ и сельскихъ хозяевъ. Сочиненіе Бодде. Перевелъ Н. Ю. Издано Обществомъ Поощренія Лѣснаго Хозяйства. Сп.-бурзь, въ тип. Д. Вѣшной Торговли, 1854, въ-8., стр. IV и 95.

Курсъ Чистой Математики, составленный, по порученію Беллявена, профессорами Аллезомъ, Билян, Пюссаномъ и Будро, съ Французскаго, со многими приключеніями, перевелъ П. Погорельскій. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1854, въ-8., стр. 148.

Арифметика Бурдона, принятая въ Парижскомъ Университетѣ. Переводъ съ Французскаго (съ девятаго изданія). В. Ч, Сп.-бурзь въ тип. О. К. Витуринскій Стражи, 1854, въ-8., Часть II, стр. 574.

Мѣсяцословъ на 1835 годъ. Сп.-бургъ, въ тип. И. Академіи Наукъ, въ-8., стр. 318.

Полный Кухмистеръ и Кандитеръ, или Русскій застропомъ, собранный и составленный изъ собственныхъ опытовъ и наблюдений Герасимомъ Степановымъ, издатель Русскаго Опытнаго Повара и Прибавленій къ оному. Москва, въ тип. Университетской, 1834, въ-12., стр. XVIII и 181.

=

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Поставляемъ себя въ обязанность извѣщать нашихъ читателей о ходѣ національнаго литературнаго предпріятія, котораго успѣхъ такъ сильно занимаетъ всѣхъ Русскихъ, — о предполагаемомъ изданіи «Энциклопедическаго Лексикона.» Эту обязанность тѣмъ легче для насъ выполнить, что извѣстія, которыя мы собираемся удѣлить, весьма благопріятны. Дѣло устранивается быстро и надежнымъ образомъ. Рвеніе, съ какимъ различные классы общества спѣшатъ подписываться на Энциклопедическій Лексиконъ, доказываетъ и необходимость подобной книги, и несомнѣнное, жадное стремленіе всѣхъ отраслей публики къ источникамъ полезныхъ познаній. Во второй половинѣ Ноября происходило общее собраніе сотрудниковъ этого огромнаго творенія, и занятія уже раздѣлены между участвующими. Общій редакторъ Лексикона, Н. И. Гречъ, въ краткой запискѣ, изложилъ сочленамъ разныя обстоятельства, относящіяся къ внутреннему устройству предпріятія, которыя мы пропускаемъ, и виды свои о литературномъ его исполненіи, которые мы здѣсь выпишемъ, какъ интересныя для всей публики, и особенно для подписчиковъ.

«Теперь считаю обязанностію, говоритъ общій редакторъ, сказать нѣсколько словъ о самой обработкѣ статей; по ихъ предметамъ и общей цѣли изданія.

«Статьи сего Лексикона можно раздѣлить на два главнѣе разряда, — первый, относящійся къ Наукамъ; Искусствамъ

и Словесности вообще, — второй, касающийся собственно Россіи.

«Въ первомъ разрядѣ можно сдѣлать также два отдѣленія: первое, статей отдѣльныхъ, не принадлежащихъ къ системѣ какой либо науки: таковы біографіи знаменитыхъ лицъ древней и новой Исторіи, статьи о лицахъ міеологическихъ, отдѣльныя географическія и статистическія свѣдѣнія о государствахъ, областяхъ, городахъ, селахъ, моряхъ, озерахъ, рѣкахъ; толкованія нѣкоторыхъ не общезвѣстныхъ иностранныхъ обычаевъ, постановленій, словъ, и тому подобныя. Эти статьи полагаемъ мы перевести изъ Нѣмецкихъ, Французскихъ и Англійскихъ книгъ, по новѣйшимъ ихъ изданіямъ, сверить и согласовать между собою, и печатать въ этомъ видѣ. Къ чему обременять себя излишнею работою? Къ чему терять время, труды и издержки на то, что изготовлено другими, конечно, не менѣ насъ свѣдущими людьми?

«Во второмъ отдѣленіи перваго разряда помѣщаемъ статьи, относящіяся собственно къ Наукамъ, Искусствамъ и Словесности, составляющія часть цѣлаго, звенья стройной цѣпи, объемлющей весь кругъ познаній и опытовъ человечества. Эти статьи должны быть предметомъ вниманія и трудовъ каждаго изъ Гг. Редакторовъ по его части. Разбросанныя по требованіямъ азбучнаго порядка во всѣхъ двадцати четырехъ томахъ, онѣ должны составлять одно гармоническое, благоустроенно цѣлое; изложеніе Науки, раздѣленное не по систематическому оглавленію, а по азбучному реестру, прилагаемому къ книгамъ, для скорѣйшаго присканія желаемаго. И въ этомъ случаѣ предшественники наши, иностранцы, могутъ намъ служить важнымъ пособіемъ. Каждому редактору, будутъ сообщены не только реестры словъ, входящихъ въ кругъ его занятій, но и самыя статьи о предметахъ сихъ словъ на чужихъ языкахъ. Отъ него будетъ зависѣть назначеніе, которую статью слѣдуетъ перевести, которую исправить или дополнить, и которую совершенно переписать. Исполненіе сего будутъ брать на себя сотрудники по взаимному соглашенію. Кроме того, что подлинникъ такой статьи облегчитъ трудъ редактора или составителя, онъ принесетъ еще ту выгоду,

что показать, какой объем, какое изложение приличны статьямъ сего Лексикона. Въ изложеніи какой-либо отдаленной Науки, не нужно входить во все ея подробности: довольно, если мы незнающимъ и непосвященнымъ въ ея таинства растолкуемъ существо предмета, его отличительныя свойства, и укажемъ пути къ дальнѣйшему усовершенію. Въ Естественной Исторіи, напримѣръ, нѣтъ ни какой надобности описывать каждую букашку, каждую травку: укажите главные отдѣлы ясно и подробно, исчислите важнѣйшія ихъ разности, а изъ частныхъ упомяните о томъ, что представляетъ собою какое-либо необыкновенное явленіе, или что важно по своей пользе, особенно въ отношеніи къ Технологіи и Коммерціи. Въ статьяхъ Технологіи нельзя требовать, чтобъ онъ выучили читателя сучить, прастъ, ткать, красить, апрогировать; но полезно было бы показать, напримѣръ, отличительныя качества разныхъ тканей шерстяныхъ, шелковыхъ, бумажныхъ, льняныхъ, и общими чертами описать ихъ изготовленіе и употребленіе.—Вообще желалось бы намъ видѣть въ Лексиконѣ болѣе историческое, нежели дидактическое изложеніе предметовъ. Это послѣднее замѣчаніе должно преимущественно быть уважено при обработываніи предметовъ Наукъ политическихъ и чисто философскихъ.

«Если при исчисленіи предметовъ перваго разряда мы считали обязанностию ограничить объемъ и число статей, то во второмъ, напротивъ, должны просить почтенныхъ нашихъ сотрудниковъ ограничиваться только любовью и уваженіемъ къ своему предмету. Предметъ этотъ Россія, — не страна, не государство, не часть свѣта, а цѣлый міръ, протяженный непрерывною полосою въ трехъ частяхъ свѣта; Россія, которой существованіе и бытіе не имѣютъ ничего подобнаго во всей Исторіи Всемірной. Мы негодуемъ и жалуемся на иностранцевъ, что они не знаютъ Россіи, что они искажаютъ ее въ своихъ описаніяхъ и изображеніяхъ. Но знаютъ ли ее Русскіе сами? знаютъ, — но не такъ, какъ она того заслуживаетъ, какъ обязаны знать ее родныя ея дѣти. Обширное поле предлежитъ намъ въ этомъ занятіи. Русская Географія, Русская Исторія, Русская Статистика, Русское Право, Русскій языкъ, — вотъ предметы, на

которые мы обязаны обратить преимущественно вниманіе наша, и я уверяю, что Энциклопедическій Лексиконъ, въ эдмъ олюменіи, составитъ эпоху въ просвѣщеніи нашего отечества. Не поспрашивай земли Русскія! По многочисленности предметовъ, входящихъ въ Русскую Исторію, принадлежать, по нашему мнѣнію, сдѣлать еще особую отдѣленіе «Русскихъ биографій.» Не довольствуясь тѣми свѣдѣніями и матеріалами, которые находятся у насъ въ рукахъ, печатные и письменные, обратимся съ просьбою ко всѣмъ благонамѣреннымъ нашимъ соотечественникамъ, о сообщеніи намъ всего, что можетъ исправить, объяснить, дополнить познаніе нашего отечества. Кто знаетъ: можетъ быть, въ отдаленныхъ краяхъ, въ неизвѣстныхъ углахъ обширной Россіи, сокрываются драгоценные матеріалы, которые, во призыву нашему, обогатятъ общую сокровищницу познанія Россіи. Но въ Россіи, не одна Русь. Цѣлыя Царства влились въ составъ ея, и, благоденствуя подъ сѣнію Единодержавнаго Государя, сохранили свою религію, свой языкъ, свои права, свои обычаи. Они не меньше собственной Руси достойны нашего вниманія и изученія. Огромная и пустынная Сибирь, грозный и поэтический Кавказъ, суровая, но просвѣщенная Финляндія, рыцарскія области при-Балтійскія, дикій, очаровательный Крымъ, представляютъ намъ множество любопытныхъ, важныхъ, драгоценныхъ предметовъ для изслѣдованія и описанія. Къ счастью нашему, мы находимъ посреди себя особъ, которыя долгое время пребывали въ сихъ странахъ, изучили ихъ во всей подробности, и надеемся, что эта часть нашего знанія не будетъ уступать другимъ въ тщательной оцѣнкѣ. Къ изученію и познанію Россіи, непосредственно примыкаетъ изученіе и познаніе Азіи, или, ближе сказать Азійскихъ странъ, сопредѣльных съ Россією, каковы Турція, Персія, Средняя Азія, Китай, Японія. Пользуясь свѣдѣніями о сихъ странахъ, собранными и обработанными въ западной Европѣ, мы не должны ни ограничиваться. Долгъ Россіи — изучать соседственную съ нею Азію, и приобретаемая тамъ свѣдѣнія передавать Европѣ. Намъ принадлежитъ обратить приличное и особенное вниманіе на обработаніе этого предмета сообразно съ его важностію, и всякое препятствіе на этомъ пути сти-

татъ повымъ поощреніемъ къ преслѣдованію его съ усугубленными силами.

«Вотъ, Милостивые Государя, немногія мысли мои о предметѣ, объемъ и цѣли нашихъ трудовъ. Мы начинаемъ дѣло не маловажное. Всѣ просвѣщенные, всѣ грамотные люди въ Россіи смотрятъ на это начинаніе съ любопытствомъ, недоумвніемъ, надеждою, — нѣкоторые, конечно немногіе, и съ коварнымъ упованіемъ на неуспѣхъ. Ополчимся твердою волею трудиться на пользу ближняго, усугубимъ свои силы чувствомъ исполненія своего долга и сладкимъ чаяніемъ признательности людей безпристрастныхъ, благонамѣренныхъ и знакомыхъ съ затрудненіями и препятствіями, которыя встрѣчаются на пути, нами избранномъ. Хотя послѣдующія изданія Лексикона должны значительно его улучшить и усовершенствовать, но намъ принадлежать будетъ честь, что мы сдѣлали первый шагъ и понесли на себѣ всю тяжесть перваго труда.»

Къ подобнымъ условіямъ успѣха, который намъ кажется несомнѣннымъ, мы ничего не можемъ прибавить, кромѣ желанія наслаждаться имъ скорѣе вмѣстѣ съ почтенными редакторами и сотрудниками Лексикона. Считаю своимъ долгомъ споспѣшествовать чѣмъ-нибудь предпріятно, отъ котораго ожидаемъ столько существенной пользы для просвѣщенія нашего отечества вообще и для Русской Словесности въ особенности, мы не только охотно прилагаемъ къ этой книжкѣ Б. для Ч. пробный листъ Энциклопедическаго Лексикона, но и съ благодарностью принимаемъ на нѣзкихъ страницы четыре прекрасныя статьи, приготовленныя для этого творенія и сообщенныя намъ его издателемъ. Читатели наши конечно прочтутъ ихъ съ удовольствіемъ. Эти статьи, равно какъ и тѣ, которыя находятся въ образцовомъ листѣ, подають самое выгодное понятіе о образцѣ итеративнаго выполненія Лексикона. Вотъ онъ.

ЗРѢНІЕ, (Физіол. Лат. *Visus*. Нѣм. *Geficht*. Франц. *Vue*, *vision*) есть чувство, производимое въ насъ свѣтомъ, посредствомъ особеннаго органа. Органъ зрѣнія есть самое совершенное діоптрическое орудіе, дивное по своему строенію и отправленію. Помощію сего органа, драгоценнѣйшаго для насъ по своей пользѣ и важности, мы видимъ са-

мих себя, все насъ окружающее, и приобретаемъ наиболѣе познаній. Главная часть органа зрѣнія есть глазной шаръ, который помещенъ въ особой костяной впадинѣ черепа, и состоитъ изъ трехъ оболочекъ и трехъ особенныхъ влагъ. Вст части, составляющія глазъ и принадлежащія къ нему, устроены и приспособлены такимъ образомъ, чтобы человекъ могъ совершенно видѣть предметы. И такъ мы въ состоянн мгновенно и безъ всякаго принужденія приводить въ движеніе глазной шаръ, и давать ему желаемое направленіе потому, что онъ снабженъ шестью тонкими мышцами, и, для удободвижимости, сзади обложенъ жиромъ. Если нѣкоторыя изъ мышцъ неправильно дѣйствуютъ, то дѣлается косоглазіе, постоянное или временное. Глазъ чувствителенъ въ высокой степени, и потому, для охраненія его, устроены, кромѣ бровей, вѣки, кои, посредствомъ особенныхъ мышцъ, могутъ мгновенно смыкаться и раздвигаться по нашему произволу. Отъ блеска солнечныхъ лучей, и въ бользняхъ глазъ съ большою чувствительностію, вѣки сжимаются съ судорожнымъ образомъ. Вѣки двигаются по главному шару легко и свободно отъ того, что на внутренней поверхности оныхъ отдѣляется изъ желвъ жирно-слизистая влага. Въ бользняхъ вѣкъ, влага сія принимаетъ видъ гноя, и отъ ней между собою слипаются края вѣкъ. Чтобы постороннія тѣла не попадали въ глазъ, края вѣкъ снабжены ресницами, кои, освѣяя око, удерживаютъ притомъ излишнее дѣйствіе на него свѣта. Ресницы укрѣплены въ обручикообразномъ, упругомъ хрящикѣ, помощію коего вѣки пристають къ главному шару плотно и равномерно. Иногда ресницы вырастають въ два ряда, и нижнія изъ нихъ, поражая глазъ, жестоко его раздражають. Отъ расслабленія упомянутаго хрящика вѣки или выворачиваються и не могутъ, какъ должно, прикрывать глазъ, или подворачиваються и направляютъ къ нему ресницы. Воздухъ и тончайшая пыль не могутъ зловердно дѣйствовать на глазъ потому, что онъ непрерывно орошается слезною жидкостію, которая отдѣляется желѣзою, помещенною въ глазной ямѣ. Слезы собираются, какъ въ водоемѣ, во внутреннемъ углу глаза, гдѣ онъ поглощаются маленькими отверстіями (въ видѣ точекъ), кои проводятъ ихъ въ слезной мѣшечекъ, откуда слезы проходятъ чрезъ носовой каналъ въ носовую полость. Въ воспаленн и раздраженн глаза, произведенномъ какими-либо порошниками, и во время плача, возбужденнаго дѣйствіемъ страстей, слезы, отдѣляясь обильно, не могутъ всѣ проникать въ слезной мѣшечекъ и текутъ по ланитамъ; но если совсѣмъ воспящается теченіе слезъ чрезъ упомянутые протоки, то дѣлается слезной свищъ. Глазной шаръ соединенъ съ вѣками тонкою перепонкою, которая покрываетъ переднюю часть его. Эта перепонка содержитъ нервы, удѣляющіе снаружн глазу высокую чувствительность, и тончайшіе кровеносные сосуды, кои въ воспаленнн, налившись кровію, производятъ красноту и опухоль онаго. То, что мы называемъ бѣлкомъ глаза, есть роговая, крѣпкая, шаровидная оболочка; которая составляетъ основаніе всего глаза. Бѣлокъ въ воспаленіяхъ болѣе или менѣе краснѣеть отъ преполненія кровію жилотъ, взрывающихся на ононь. Посреди бѣлка мы видѣть вы-

пуклую, блестящую, прозрачную роговую оболочку, сложную видом и очертаниемъ, со стекольцомъ въ карманныхъ часахъ. На эту оболочку параллельно падаютъ лучи свѣта, и одинъ изъ нихъ отражаются, а другіе сквозь нее проникаютъ въ глазъ и преломляются къ его оси. Лоскъ на сей перепонкѣ даетъ глазу особенную живость, которая отъ страстей изгибается, а но смерти совсѣмъ исчезаетъ. Эта перепонка отъ болѣзни тускнеть, и покрывается непрозрачными бельватыми пятнами. Ее прорѣзываютъ, или прободаютъ при дѣланіи операціи катаракты. Внутри глаза, между зрачковой оболочкою и зрачкомъ до самаго хрусталика, есть пространство, наполненное прозрачною, жидкою, на водѣ, влагою, которая, преломляя лучи свѣта, входящіе въ глазъ, направляетъ ихъ къ зрачку и къ оси глаза. Въ операціи катаракты ее вынимаютъ, и она снова накапливается. Въ зрачкѣ, отверстіи кругломъ, темномъ, живописуется образъ смотрящаго на глазъ человека. Звѣнца устроена кольцевидною, радужною перепонкою, цвѣта темнаго или голубаго. Отъ движенія сей весьма чувствительной перепонки, зависитъ мгновенное и расширеніе зрачка, для пропускаемаго далѣе во внутрь глаза надлежащаго количества лучей свѣта. Чѣмъ ярче свѣтъ и глазъ чувствительнѣе, тѣмъ уже звѣнца, а отъ блеска, въ воспаленіи глазъ и мозга, она едва замѣтна. Чѣмъ темнѣе, тѣмъ шире звѣнца, а въ темной водѣ и у умершаго человека, она совсѣмъ расширена. За звѣнцой тутъ же утверждены отвѣсно глазою хрусталикъ, очень схожіи съ обоюдувыпуклымъ (зажигательнымъ) стекломъ. Этотъ хрусталикъ чечевичеобразенъ, плотенъ, весьма прозраченъ, и составленъ изъ бесчисленныхъ, тончайшихъ бляшекъ. Онъ довольно сильно преломляетъ лучи свѣта, и наиболее совокупляетъ ихъ въ зажигательную точку (фокусъ), которая составляетъ и точку зрѣнія. Хрусталикъ, потерявъ прозрачность и побѣлѣвъ, причиняетъ бельмо (катаракту). Посредствомъ операціи вынимаютъ или сдвигаютъ съ мѣста сей непрозрачный хрусталикъ, и тѣмъ возвращаютъ зрѣніе. Пространство между хрусталикомъ и шаровидно вогнутымъ дномъ глаза, наполнено прозрачнымъ, студенистымъ веществомъ, сравнимаемымъ съ растопленнымъ стекломъ. Эта влага не такъ сильно, какъ хрусталикъ, преломляетъ лучи свѣта, проникнувшіе въ нее: она преимущественно направляетъ фокусъ лучей почти на средину дна глаза, именно на то мѣсто, гдѣ находится на немъ стѣбъ и желтое пятно. Все дно глаза выстлано черною перепонкою, коей темный цвѣтъ, исходящій отъ черной слизи, мы видимъ сквозь зрачокъ. Посему, все пространство за хрусталикомъ, занимаемое означенною студенистою влагою, уподобляется камерѣ-обскуръ, или темной комнатѣ, въ которую, сквозь круглое, небольшое отверстіе, имѣющее обоюдувыпуклое стекло, проходятъ лучи свѣта. Черезъ отверстіе, устроенное на днѣ глаза почти противу самаго зрачка, входитъ въ глазъ такъ называемый оптический или зрительный нервъ, и тотчасъ же превращается въ тончайшую, сѣтчатую пелву, которая растягивается по всей темной перепонкѣ. Идущій отъ каждаго глазнаго шара, зрительный нервъ, въ видѣ шурка, входитъ въ мозгъ, въ коемъ оба нерва непостижимымъ образомъ соединяются меж-

ду собою и съ общимъ чувствительнымъ. Отъ этого-то соединенія зависитъ, что мы видимъ предметъ не двойно, хотя одновременно производятъ отъ него въ глазахъ два впечатлѣнія. Впечатлѣніе, производимое фокусомъ лучей на нервную сѣточку, сообщается зрительному нерву, который препроводжаетъ его въ мозгъ, гдѣ окончательно *недостижимо* совершается чувство зрѣнія. Отъ уничтоженія чувствительности въ нервной сѣточкѣ, или зрительномъ нервѣ, происходитъ глазной тума (темная вода). Свойства нервовъ, ихъ составъ и отправленія вложены подъ словомъ Нервы, Нервная система. Мы видимъ каждый предметъ въ настоящемъ его видѣ потому, что лучи свѣта, идущіе отъ каждой его точки, проникаютъ въ глазъ, преломляются въ его влагахъ и, пересѣкшись между собою, живописно осуществляютъ (въ обратномъ видѣ) на темномъ днѣ глаза зримый нами предметъ, подобно тому, какъ изображаются предметы въ камеръ-обскурѣ, или на стѣнѣ темной комнаты, въ которую входятъ лучи свѣта сквозь небольшое отверстіе. Напечатлѣвающимися на нервной сѣточкѣ предметъ тогда только возбуждаетъ совершенное ощущеніе въ нервѣ, когда видимый предметъ бываетъ въ надлежащемъ отдаленіи отъ глазъ, и когда всѣ части органа зрѣнія правильно устроены, расположены и находятся въ здоровомъ состояніи. При сихъ условіяхъ образъ предмета такъ дѣйствуетъ на чувствительность нерва, какъ бы самъ предметъ производилъ на него впечатлѣніе. Сила и быстрота зрѣнія протекаютъ наиболѣе отъ степени здоровой чувствительности нерва и мозга. Зоркость или дальновидность зависитъ отъ устройства, расположенія и прозрачности составныхъ частей глаза. Посредствомъ правильно устроенныхъ здоровыхъ органовъ зрѣнія, мы видимъ яственно предметъ въ разстояніи 9 дюймовъ отъ глазъ. Близорукость и дальнорукость зависятъ отъ степени выпуклости, особенно зрачковой оболочки и глазнаго хрусталика, и разстоянія ихъ между собою и дномъ глаза. Неправильное устройство частей, а посему недостатки зрѣнія, бываютъ врожденными, либо происходятъ отъ болѣзней, занятій, привычки и возраста. *Д-ръ Грумъ.*

ФЕОДАЛЬНАЯ, левная система. — Такъ назывался образъ правленія, распространеннѣйшій въ западной Европѣ, по основаніи Германцами новыхъ обществъ на развалинахъ Западной Римской Имперіи, съ исхода V вѣка. Названіе сего образа общественнаго устройства происходитъ отъ словъ *феодъ* или *ленъ*, изъ которыхъ первое производятъ или отъ Латинскаго слова *fides*, вѣрность, или считаютъ составленнымъ изъ двухъ старинныхъ Нѣмецкихъ словъ, *fee*, награда, и *od*, помѣстье, недвижимое имѣніе; а второе есть Нѣмецкое слово *lehn*, ссуда: во всякомъ случаѣ *феодами*, или *ленами*, назывались у Германцевъ поземельныя владѣнія, помѣстья, которыя вождь дружины выдѣлялъ изъ завоеванной земли, и отдавалъ своимъ сподвижникамъ съ обязанностію, чтобъ сіи послѣдніе служили ему вѣрно и крѣпко. Получившіе такіе участки назывались, относительно къ своему вождю *вѣрными*, *fideles*, *antrustiones*, (отъ стариннаго Нѣмецкаго слова *trust*, вѣрность), *крѣпкими*, *feste*, или по старинному право-

писанию *veste*, а въ Латинской формѣ *vassi, vasalli*, васаллы. Происхождение сего особеннаго устройства новыхъ Европейскихъ обществъ должно быть выводимо изъ уставовъ и обычаевъ Германской старины и изъ тѣхъ отношеній, въ которыхъ Германцы жили на роднѣ, особенно послѣ начала браней ихъ съ Римлянами (см. Германцы, Переселеніе народовъ.) Раздѣленіе Германцевъ на множество разныхъ отдельныхъ народовъ должно было безъ сомнѣнія производиться между-ними частями распрн, а черезъ то питать въ нихъ воинственный духъ; отъ того и обязанность вооружаться на защиту своей земли была обязанностію каждаго свободного человека, а доблести воинственныя считались лучшими его достоинствами. Когда началась долготѣнная война съ Римлянами (отъ 113-го года предъ Р. Х. до 486-го по Р. Х.), тогда воинственный духъ народа еще болѣе находилъ себѣ пища въ опасной и непрерывно возобновлявшейся борьбѣ, — и тогда, кромѣ поголовныхъ ополченій, изъ всѣхъ свободныхъ жителей округа, угрожаемаго непріателемъ, составлялись еще воинственныя дружины изъ людей, добровольно стекавшихся подъ начальство вождя, извѣстнаго своимъ мужествомъ и опытностію въ дѣлѣ военномъ. Такія дружины назывались *гелейтами*. Люди, составлявшіе гелейты, дѣлались уже людьми (*ljud, Leute*) своего предводителя, приносили ему клятву вѣрности и сопровождали его во всѣхъ военныхъ предпріятіяхъ, т. е., и тогда, когда составлялось поголовное ополченіе (*heerbahn*) для отраженія непріателя, угрожающаго цѣлою волостію; когда слѣдовательно начиналась война (*werra, gwerra, wahr*) или съ сосѣднею волостію или съ Римлянами; и тогда, когда вождь предпринималъ походъ отъ своего лица (*faida*), или въ отищеніе за свою частную обиду; или опять противу Римлянъ на границу Рейнскую или Дунайскую, гдѣ, со временъ Августа и до самаго паденія Западной Имперіи, горѣла непрерывная война. Такіе гелейты были болѣе или менѣе многочисленны, судя по большей или меньшей важности и славы самого вождя, по большимъ или меньшимъ средствамъ, которыя онъ имѣлъ содержать свою дружину. Такъ Короли и Герцоги имѣли многочисленныя съ собою гелейты, которые сопровождали ихъ и въ войнахъ, касающихся до цѣлой волости (*gwerra*), и въ его собственныхъ войнахъ (*faida*). Аделянги (см. Германцы) сопровождались малою дружиною. Средства къ содержанію дружины находилъ вождь въ самой войнѣ: добыча, ею приобретаемая, раздѣлялась между вождемъ и людьми гелейта. Пока сія добыча состояла въ вещахъ движимыхъ, въ коняхъ, оружіи, домашнихъ утваряхъ и украшеніяхъ, деньгахъ, дотолѣ раздѣлъ былъ не весьма затруднителенъ, — добыча раздѣлялась на участки, и жребій (*lod, Loos*) рывалъ, что достанется каждому. Но съ исхода III и начала IV вѣка гелейты стали приобретать не добычу, состоявшую въ движимыхъ вещахъ, — плодъ летучихъ бабъговъ, а земли, какия большія области, то отъ Рима, то въ странахъ, еще не бывшихъ подъ Римскою властію; стали утверждаться въ сихъ странахъ и прокладывать такимъ образомъ путь своимъ единоземцамъ для

водворенія въ нихъ въ послѣдствіи. Первые приобретаютъ добычу сего рода гелеты Готскіе, концы завоеванія простерлись болѣе частью въ такія страны, изъ которыхъ нѣтъ (какъ напр. Дкія) хотя и принадлежащая Римлянамъ, но были ими давно уже оселены; а другія лежали за предѣлами тогдашняго историческаго міра (пространство отъ Прута до Дѣна). Посему, кругъ дѣйствій гелетовъ Готскихъ заключался въ земляхъ или мало вѣдомыхъ или все невѣдомыхъ для Исторіи, и не осталось отъ того времени (отъ исхода III и начала IV вѣка) документовъ, по которымъ можно было бы судить, какимъ образомъ поступали Готскіе гелеты и водворившіеся вмѣстѣ съ ними, или вслѣдъ за ними, гелеты Вандаловъ, Бургундцовъ, Ругивъ, Гепидовъ, Лангобардовъ, Сцировъ, Турцилинговъ, съ странами, кон были ими завоеваны; тѣмъ и не въ можно судить объ этомъ, что, въ то время когда Готскіе и соевые съ ними гелеты, по-видимому, начинали устрояться въ земляхъ, ими приобретенныхъ, произошло въ исходѣ IV вѣка нашествіе Гунновъ (см. статью) на сія земли: тогда многія дружины Вестъ-Готскія (см. Вестъ-Готы) оставили свое завоеваніе въ добычу новымъ пришельцамъ, а сами водворились (съ позволенія Имп. Валента) въ Мизію (г. 376). Истѣе дѣлается положеніе тѣхъ Германскихъ гелетовъ, которые побѣда привела въ западныя Римскія области, бывшія болѣе на виду у современныхъ писателей. Тутъ узнаемъ мы, что подобныя завоевательныя дружины, со второй половины IV и начала V вѣка водворившіеся въ западныхъ Римскихъ областяхъ то на правѣ полныхъ завоевателей, то подѣ сомнительнымъ титуломъ союзниковъ Римскихъ, обыкновенно дѣлились съ побѣжденными народами землю такъ, что, отдѣляя въ непосредственное свое владѣніе часть завоеванной страны, другую оставляли побѣжденнымъ, которые платили за это известную подать побѣдителямъ. Такимъ образомъ гелеты Бургундскіе въ Ю. В., Вестъ-Готскіе въ Ю. З. Галліи назначали для себя $\frac{2}{3}$; Герульскіе и Остъ-Готскіе въ Италіи $\frac{1}{3}$ Лангобарды въ сей же странѣ $\frac{1}{2}$ земли для себя въ собственность, предоставивъ или природнымъ жителямъ или другимъ Германскимъ поселенцамъ, водворившимся въ страны, покоренныя единоплеменниками, остальную землю на законномъ основаніи. Такъ, вѣроятно, поступали и другіе Германскіе гелеты въ земляхъ, ими покоренныхъ. Отдѣленіе особеннаго большаго или меньшаго участка изъ покоренной страны въ собственность гелета и составляетъ основаніе *первухъ эпоху* феодальной системы. Не все однакоже Германскіе гелеты находились въ одинакихъ обстоятельствахъ; не все общества, которыми они положили основаніе своими завоеваніями, устояли; посему и феодальная система не вездѣ развилась одинаково изъ своего перваго основанія, вѣроятно для всѣхъ Германскихъ обществъ, водворившихся побѣдою въ предѣлахъ Западной Римской Имперіи, вышло одинаковаго. Такъ Вандальскія, Остъ и Вестъ-Готскія, Бургундскія и другія малыя государства погбили прежде, чѣмъ феодальная система могла достигнуть въ нихъ своего полнаго образованія; Англо-

саксы внесли ее къ Британію, но тамъ бой пришельцевъ съ туземцами былъ и продолжительнѣе и упорнѣе, чѣмъ по всякой другой странѣ, и потому до половины XI вѣка феодальная система оставалась, по видимому, на первой своей эпохѣ: геллыты Англосаксонскіе около полутора вѣка (отъ 448—584) боролись съ туземцами, прежде чѣмъ рѣшилось ихъ первенство надъ сими послѣдними, и потому должны были удержатъ свое первоначальное образованіе, и потому каждый геллытъ владѣлъ собща тѣмъ участкомъ стрины, которая была имъ завоевана. Уже во второй половинѣ XI вѣка внесена была въ Англію феодальная система по обдуманному и предначертанному плану Вильгельмомъ Завоевателемъ (см. статью), изъ страны, въ которой она получила свое полное развитіе, — изъ Франціи. Въ сей-то странѣ это новое общественное устройство, послужившее основаніемъ государственныхъ учреждений всѣхъ нынѣ существующихъ западныхъ Европейскихъ государствъ, и должно быть изучаемо. Сія, бывшая, подъ именемъ Галліи, Римская провинція съ самыхъ первыхъ годовъ V вѣка была уже наводняема Германскими геллытами, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ Вандальскіе и Свевскіе, только опустошительно прошли по ней и ринулись въ Испанію; другіе, какъ Бургундскіе, Вестъ-Готскіе, и наконецъ Франкскіе (г. 437), остались на жительство. Но до исхода V вѣка еще существовала здѣсь страна, между Соммою и Луарою, управлявшаяся именемъ Римскаго, уже несуществовавшаго, Императора. Клодвигъ, вождь многочисленнаго геллыта Салическихъ и другихъ соединенныхъ съ нимъ, Франковъ, завоевывае эту страну въ 486. Такимъ образомъ геллытъ Клодвигъ, кромѣ богатой добычи, состоявшей въ вещахъ движимыхъ, раздѣленныхъ между побѣдителями, какъ водилось, по жеребью, получилъ еще землю обширную (болѣе 4000 квадр. геогр. миль), и, по опустошеніи, ее постигшемъ, все еще имѣвшую миллионы жителей, имѣвшую многіе значительные города, памятники Римскаго владычества; и земля сія составляла отсѣдъ также собственность геллыта. Геллытъ, какъ владѣлецъ земли, или вождь геллыта, какъ глава его, назначилъ разные участки завоеванной страны въ собственность или Германцамъ, которыхъ побѣдители нашли уже въ покоренной странѣ, или Германцамъ, которые вслѣдъ за побѣдителями переселились въ нее, или наконецъ нѣкоторымъ и изъ бывшихъ Римскихъ въ ней жителей; участки въ полное владѣніе, съ обязанностию поддерживать геллытъ въ его дальнѣйшихъ предпріятіяхъ, — напр. доставлять ему оружіе, содержаніе, квартиру. Такая мѣра служила и къ тому, чтобы обезпечить существованіе геллыта, и къ тому, чтобы удержать покоренную страну въ повиновеніи. Сего рода участки, розданные безъ сомнѣнія на основаніи стариннаго обычая, по жеребью, назывались *лодами* (*lod, Loos, жребій*), а владѣльцы ихъ баронами, слово, вѣроятно всего происшедшее отъ стариннаго Нѣмецкаго слова *wehr* (защитникъ, воинъ), — какъ назывался у древнихъ Германцевъ на роднѣ всякой владѣлецъ поземельной собственности, по своей обязанности ополчаться для защиты своей страны отъ неприятеля. Въ

послѣдствіи времени, когда Франки, вмѣстѣ съ распространеніемъ своего владычества, распространяли и свои первоначальныя учрежденія въ завоеванной ими Галліи въ другія страны, распространилось и названіе *алодовъ*, и стало быть употребляемо для означенія всякой собственности, составлявшей полное, свободное отъ повинностей и слѣдственное въ родѣ владѣніе. Но между-тѣмъ гегейтъ Клодвигъ, послѣ Суассонскаго сраженія распространивъ свои владѣнія, довершилъ покореніе собственно Римской Галліи до Луары, и началъ отнимать земли у другихъ Германцевъ, прежде чѣмъ Франки въ Галліи водворившихся, — у Аллемановъ, Бургиньоновъ, Вестъ-Готовъ. — Войны съ ними требовали, чтобы гегейтъ имѣлъ болѣе прочную основу своего бытія, чѣмъ малонадежныя пособія отъ аллодіальныхъ владѣльцевъ, и еще менѣе надежныя сборы съ той части бывшаго Римскаго народонаселенія, которая обложена была податями, и на покорность которой полагаться еще нельзя было. Тогда, изъ завоеванной обширной страны отдѣлена часть въ непосредственную собственность гегейта, подъ Римскимъ названіемъ *фиска* (*fiscus*.) Доходы съ сей выдѣленной части, состоявшей въ земляхъ, домахъ и другихъ угодьяхъ въ разныхъ частяхъ завоеванной страны, составляли уже постоянный доходъ гегейта, пріобрѣтшаго такимъ образомъ прочное существованіе, обезпеченнаго въ своемъ содержаніи, и потому бывшаго въ состояніи всегда находиться въ готовности на новыя предпріятія подъ предводительствомъ своего Короля, всегда быть ему вѣрнымъ, крикнѣмъ, составлять и воинственную его дружину на время войны, и совѣтъ его въ мирное время. На собраніяхъ (Мартовскія и Майскія поля) гегейта, подъ начальствомъ Короля, рѣшались все важныя и мирныя и военныя распоряженія, и Король ничего не предпринималъ безъ совѣщанія съ своею дружиною. Управленіе фискальныхъ владѣній вѣрялось, по избранію гегейта, особенному лицу, называвшемуся палатнымъ меромъ (см. статью.) Вскоръ гегейтъ Клодвигъ имѣлъ право считать себя безопаснымъ въ завоеванной странѣ. Туземцы сблизились съ побѣдителями единствомъ Вѣры, и Франки могли вѣрнѣе надѣяться на ихъ къ себѣ преданность, нежели другіе иновѣрные Германцы, владѣвшіе въ разныхъ частяхъ Галліи; вскоръ и сіи Германцы были отчасти покорены власти Франковъ, какъ Аллеманы, отчасти до такой степени ослаблены ударами Клодвигъ, что ни ихъ существованіе не могло считаться опаснымъ, ни окончательное покореніе земель, бывшихъ еще въ ихъ владѣніи, не могло представлять большихъ затрудненій въ будущемъ, какъ Бургундцы и Вестъ-Готы. Посему, время завоеваній, по крайней-мѣрѣ въ предѣлахъ Галліи, миновало: гегейтъ не имѣлъ надобности быть непрерывно соединеннымъ и вооруженнымъ; жизнь боевая должна была наскучить, и въ душѣ того или другаго изъ воиновъ дружины не могла не возродиться мысль о преимуществахъ спокойной и домашней жизни аллодіальнаго владѣльца, и вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе пользоваться выгодами подобной жизни, безъ потери однако тѣхъ преимуществъ гражданскихъ, которыя каждый имѣлъ по званію члена гегейта, — званію, ко-

торое дѣлало ему право на первенство въ обществѣ. Къ достиженію сей цѣли представлялось единственное средство: раздѣлъ изъ фискальныхъ мѣръ земли членамъ гелейта и какъ награду за прежнюю службу, и какъ, еще болѣе, залогъ и обязательство къ службѣ на будущее время, къ готовности по первому повелѣнію явиться вооруженнымъ и привести съ собою определенное количество воиновъ, чтобы идти туда, куда назначить вождь по рѣшенію собранія гелейта. Сія раздача участковъ изъ фиска въ частное обладаніе членовъ гелейта составляетъ *вторую эпоху* феодалной системы, или лучше настоящее ея начало. Сія-то самыя участки и назывались (ленами) *феодами*, наградою за вѣрность, а получившіе ихъ (ленными владѣльцами) *вассалами*, вѣрными, крѣпкими. Само собою разумѣется, что присемъ и Король, какъ начальникъ гелейта, получилъ знатную часть фискальныхъ земель въ свое непосредственное владѣніе, которому дано названіе *regalium, dominium, domaine* (удѣльное имѣніе). Не можно опредѣлить, когда собственно последовала сія перемѣна въ судьбѣ гелейта, а черезъ нее и въ судьбѣ цѣлаго общества: она не замѣтна была для современниковъ и не замѣчена ими; она совершалась не вдругъ, и въ глазахъ ихъ была частнымъ дѣломъ, относившимся только до Короля и его дружины. Достоверно только, что въ исходѣ VI вѣка, при внукахъ Каодвига уже существовало, но-крайней-мѣрѣ уже начато было такое надѣленіе членовъ гелейта. Но первоначальной идѣ сего надѣленія, вассалъ былъ неполный владѣлецъ даннаго ему участка, а только имѣлъ право пользоваться его доходами, и за то обязанъ былъ службою; въ случаѣ неисполненія имъ его обязанностей, участокъ у него былъ отбираемъ (конфискуемъ, обращаемъ въ фискъ), и даже ослушный вассалъ (фелонъ) подвергался смертной казни. Но не долго остались вассалы въ семъ положеніи. Естественно было каждому изъ нихъ желать, чтобы его феодалъ перешелъ на его наследника; естественно также было и то, что и фискъ переводилъ помѣстье заслуженнаго отца преимущественно на его сына; а между-тѣмъ время истребило память о способѣ и условіяхъ перваго приобрѣтенія. Фамилія, владѣвшая леномъ въ теченіе трехъ, четырехъ поколѣній, приучалась считать оный полною своею собственностію, алодомъ, и феодалы скоро сдѣлались наследственными. Наследственность ихъ есть *третья* и окончателная эпоха феодализма. Никто не скажетъ, съ какого времени сдѣлались феодалы наследственными; по существу они стали наследственными съ самаго того времени, какъ члены гелейта раздѣлялись принять во владѣніе назначенныя имъ фискальныя мѣры, и уже въ послѣднихъ годахъ VI и въ первыхъ VII вѣка находится довольно тому примѣровъ; по праву и закону они сдѣлались наследственными гораздо позже, и также не вдругъ, и болѣею частью по одиначкѣ. Съ тѣхъ поръ состояніе общества должно было рѣшительно измѣниться. Первая и естественная перемѣна та, что каждый вассалъ началъ считать себя ни отъ кого и ни отъ чего независимымъ въ своемъ феодалѣ, и въ понятіяхъ его смѣшались право частной собственности съ правомъ власти верховной. Въ семъ выскомъ о себѣ имѣніи утвердились вассалы,

когда отъ половины VI до половины VII вѣка потомки Клодвига враждовали между собою, и когда каждый изъ нихъ старался привлечь вассаловъ своего родственника на свою сторону еще большими жертвованиями и уступками и раздачею имъ новыхъ феодаловъ изъ своихъ удѣльныхъ имѣній; утвердились въ сѣмъ мѣтвѣн еще болѣе, когда такія же распри, но еще въ болѣешемъ объемѣ и на болѣешемъ пространствѣ, происходили отъ начала IX до начала X вѣка между дѣтymi и внуками Карла В. Другая, не менѣе естественная причина въ составѣ обществъ была та, что когда такимъ образомъ сословіе вассаловъ имѣло на своей сторонѣ всю важность въ обществѣ и всѣ выгоды жизни, то число феодаловъ должно было непрерывно увеличиваться, — 1) потому что каждый изъ вассаловъ и желалъ и нѣмѣлъ способы увеличивать свой феоде; 2) потому что многіе, даже можетъ-быть всѣ, владѣльные владѣльцы отдавали свои млоды въ фенскі, съ тѣмъ, чтобы получить ихъ обратно въ видѣ леновъ : такою перемѣною они ничего не теряли со стороны имущества, а весьма много выигрывали со стороны важности въ обществѣ; 3) потому, что духовные стали пріобрѣтать феодалы, чему основаніе положили сами же завоеватели, надѣливъ духовенство землями, чтобы привлечь къ себѣ сей важный классъ, и посредствомъ его дѣйствовать на умы побѣжденных; 4) потому, что города, продолжавшіе при первомъ завоеваніи Римскихъ земель Германцами управляться по прежнимъ Римскимъ законамъ, и слѣдственно сохранившіе видъ независимости, и однако не имѣвшіе ни какихъ обезпеченій для своей независимости, при утвержденіи наследственности леновъ или были приводимы насильственно тѣмъ или другимъ вассаломъ отъ него въ зависимость, или сами для собственной безопасности отдавали себя, на нѣкоторыхъ условіяхъ, въ зависимость могущественнаго вассала, духовнаго или свѣтскаго; 5) потому, что Франки покорили въ теченіе времени (отъ VI до IX вѣка) всю остальную Германію и большую часть Италіи : въ сихъ странахъ также образовались феодалы въ пользу участниковъ {завоеванія, и умножились точно тѣми же способами, какъ и въ Галліи; 6) потому, что болѣе вассалы, какъ для своего большаго усиленія, такъ и невозможности нвлечь непосредственную пользу изъ своихъ обширныхъ владѣній, отдавали часть ихъ отъ себя другимъ, на такомъ условіи, на какомъ сами получили или пріобрѣли свои владѣнія; то же самое дѣлали и духовные вассалы и города, и такимъ образомъ составился классъ *подвассаловъ* (After-Vassallen, arrière-vassaux), классъ столь важный въ послѣдствіи, по содѣйствию своему къ испроверженію феодализма. И когда все было разобрано по рукамъ, а желавшія людскія все еще стремились къ новымъ пріобрѣтеніямъ, тогда сдѣлались феодалы и озера, и рѣки, и лѣса, и разные роды промысловъ и занятій, и наконецъ званія и должности. Такимъ образомъ феодалная система, укрѣпляясь съ VII до IX вѣка, проникла во весь составъ общества, раздробила его на мелкія части, и поставила дикую силу и необузданный произволъ на мѣсто права и закона. Отъ IX до начала XI вѣка все общество въ западной Европѣ предано было ея

тяжкому гнету; съ исхода XI и еще болѣе съ XII вѣка начинается перемѣна къ лучшему черезъ противодействие буйной силѣ феодализма двухъ другихъ, созрѣвшихъ подъ нея и подъ ея невольнымъ вліяніемъ, силъ, — власти духовенства, составившаго съ исхода XI вѣка одно цѣлое и единствомъ своимъ сильное общество подъ рукою Папы (см. статью), — и могущества городскихъ общинъ (см. статью), съ исхода XI и еще болѣе съ XII вѣка начавшихъ возставать противу вассаловъ. *И. Шульгинъ.*

ПРЕДУБѢЖДЕНИЕ — есть выгодное или невыгодное понятіе, образованное объ лицѣ или предметѣ безъ достаточнаго изслѣдованія, безъ полнаго сознанія основаній; есть мнѣніе, по которому мы въ одномъ случаѣ ожидаемъ отъ лица или вещи скорѣе что либо добраго, нежели дурнаго; въ другомъ случаѣ на оборотъ. Оно образуется въ насъ обыкновенно безъ предварительнаго соображенія, возникаетъ часно непримѣтно, но почти всегда имѣеть болѣе или менѣе сильное вліяніе на нашъ образъ дѣйствій по отношенію къ тѣмъ предметамъ, касательно которыхъ въ насъ составилось. Въ семъ двусмысленномъ происхожденіи и довольно небезопасномъ вліяніи, оно есть частію слѣдствіе необходимости, по которой всякой едва усматриваемый, или какъ-нибудь соприкасающійся сознанію нашему, предметъ оставляетъ по себѣ нѣкоторую мысль, поставляетъ душу въ какое-нибудь соотношеніе къ себѣ; частію есть плодъ довольно обыкновенной лѣности, по которой вмѣсто того, чтобы во всякомъ данномъ случаѣ бѣтъ надъ образованіемъ своихъ мыслей, и свободно управлять ихъ ходомъ, мы останавливаемся на первой мысли, пользуемся первымъ понятіемъ о лицѣ или предметѣ, какое доставляютъ намъ нашъ ли запасъ опытовъ собственный, или внушенія лицъ насъ окружающихъ. Кто сообразить, какъ люди мало любятъ разсуждать, какъ часто впечатлѣнія бывають сильны, неотразимы, какъ рѣдко ходъ образованія человѣческаго бываеть правиленъ, своевремененъ, — тотъ легко прійдетъ къ мысли, что предубѣжденія играютъ между людьми роль гораздо обширнѣе, нежели какъ думается. Со всѣмъ тѣмъ источникъ, изъ котораго возникаютъ и образуются предубѣжденія, никакъ не заслуживаеть нашего осужденія. Это потребность души нашей, потребность, по которой мы составляемъ въ себѣ общіе взгляды и сужденія безъ полнаго обзрѣнія всѣхъ частныхъ; образуемъ цѣлостныя сужденія прежде, нежели успѣли собрать данныя, на основаніи которыхъ тѣ должны быть составлены. Мысль наша всегда больше или меньше опереживаетъ указанія опыта, и отъ частнаго заключаетъ, или лучше, пробивается, къ общему. Ковечно, всякой изъ насъ больше или меньше испыталъ, что сего рода заключенія не всегда оправдываются послѣдующими явленіями; со всѣмъ тѣмъ какой-то тайный законъ притяженія въ мысляхъ нашихъ производитъ, что отъ тѣхъ людей, о которыхъ мы услышали однажды дурное, мы и впослѣдствіи скорѣе ожидаемъ дурнаго; что съ предметомъ, который представленъ намъ съ хорошей стороны, не вдругъ можемъ сблизить

понятія противныя. Мысль всякаго, и послѣ небольшой дѣятельности, въ известномъ случаѣ получать уже особенное направленіе, въ силу котораго все, что съ симъ направленіемъ сблизается, или сколько-нибудь вѣжется, и кажется намъ естественнѣе, и дѣйствуетъ на насъ съ какою-то увлекательностію. Часто путь, такимъ образомъ однажды принятый, продолжается больше и больше, человекъ затодитъ по нему дальше и дальше, и столько наконецъ запутывается въ сѣтленіи своихъ мыслей, что измѣненіе принятаго образа понятій и сужденій кажется ему испроверженіемъ всѣхъ представленій, какія онъ имѣлъ досель, и которыя казались ему вполне вѣрными. Такъ выходитъ не рѣдко, что предубѣжденія распространяются между людьми подобно гибельной заразѣ; что, при всей добротѣ души, при всей любви къ человѣчеству, отъ нихъ рѣдко бываешь въ силахъ освободиться; увлекающая сила обстоятельствъ, навыкъ относить все явленія, пронстекающія изъ различныхъ источниковъ и побужденій, къ одному основанію, составленному въ умѣ уже предварительно по невѣрнымъ и неполнымъ соображеніямъ, самое развитіе случайностей, даютъ иногда предубѣжденіямъ такой видъ близости къ истинѣ, что нужно имѣть сильную склонность къ испытательности и большую недоверчивость къ соображеніямъ другихъ или собственнымъ, чтобы рѣшиться на пересмотръ и повѣрку мнѣній предвзятыхъ. Нередко само новое по видимому испытаніе только подтверждаетъ и усиливаетъ старый образъ сужденія. Между-тѣмъ предубѣжденія, и сами по себѣ, и по свойству-души человѣческой, не столько неутрачены и неустрабимы, какъ можно подумать судя по силѣ, которую они имѣютъ надъ многими умами, судя по продолжительности ихъ господства. Сколь ни сильна власть предубѣжденій, она проходитъ. Развитіе умственныхъ силъ, новое направленіе мыслей въ лицѣ ли то одному, или въ цѣломъ народѣ, особенныя обстоятельства, развивающія въ душѣ новыя потребности, непримѣтно, даже иногда быстро сотрясаютъ господство неосновательныхъ представленій. Любовь къ истинѣ, столь естественная духу нашему, всякой разѣ снова устремляя къ изысканіямъ, къ соображеніямъ, мало-по-малу заставляетъ умы отлагать кору предубѣжденій, дѣйствовать и судить по требованіямъ зрѣлаго соображенія, полныхъ опытовъ. Такимъ образомъ, предубѣжденіямъ всегда можно смѣло объявлять войну, потому что имъ не суждено жить вѣки, какъ истина (*opinionum commenta delet dies*); но войну осторожную, потому что всякое предубѣжденіе опирается хотя небольшою стороною на истинѣ, и испровергая его, нужно умѣть оставить это неприкосновенное. Въ сѣтнѣ мнѣній рѣдко обходится безъ крайности. Но сдѣлавши, какія имѣютъ предубѣжденія, утвердившись между людьми однажды, кажется, довольно немаловажны: всякой, думаю, кто одинъ или нѣсколько разъ бывалъ жертвою предубѣжденія, знаетъ его вліяніе по собственному опыту, и не захочетъ подобному опыту подвергать другихъ. Оно, именно предубѣжденіе, производитъ между людьми раздѣленія и большую часть враждованій; заставляетъ винить и даже обижать человека, котораго ближе не знаешь, забывая, какъ мало въ цѣломъ родѣ человѣческомъ значить личность одного народа; и въ обширной исторіи сего

рода образа мыслей, утвердившихся въ известное время по обстоятельствамъ, по переходящимъ "потребностямъ времени, оно, не давая ходу усиліямъ лучшимъ, замедляетъ спѣваніе наукъ и правовъ. Но чѣмъ непримѣтнѣе западаютъ предубѣжденія въ душу, чѣмъ быстрее развиваются здѣсь свою силу, и рѣшительнѣе оказываютъ свое вліяніе на наши дѣйствія по отношенію къ ихъ предмету, тѣмъ больше лежитъ на насъ обязанность, какъ охранять себя отъ сего рода неосновательныхъ мнѣній, такъ и свергать ихъ нго, когда они успѣли овладѣть нами. Стѣсненіе своихъ мыслей, ограниченность взглядовъ, никому не можетъ быть состояніемъ пріятнымъ, естественнымъ; но это состояніе есть неизбежное слѣдствіе предубѣжденій, рѣшительный видъ, который они принимаютъ въ своемъ развитіи. Предубѣжденіе всегда говоритъ: такъ было однажды, такъ будетъ всегда; такъ есть, такъ должно быть; такъ судили ты-то, такъ должны судить всѣ и всегда. Хотите ли предохранить себя отъ предубѣжденій, — вы должны оградить себя мыслию, что ни какой предметъ въ небольшомъ числѣ своихъ проявленій не можетъ развить всѣхъ своихъ сторонъ; что ни какія лица за небольшое число пріемовъ своей дѣятельности не успѣваютъ обнаружить всѣ свои направленія, открыть всѣ свои чувства; что общее сужденіе или понятіе цѣлостное должно быть образуемо и можетъ быть правильно составлено не раньше, какъ когда предметъ его имѣлъ довольно времени и поводовъ развить свою дѣятельность во всѣхъ направленіяхъ, подъ всѣми вліяніями. На предубѣжденія можно и должно смотрѣть, какъ на заключенія, составленные по неполному введенію (см. сіе слово), или извлеченныя не въ томъ видѣ, какой даютъ факты (были) при надлежащемъ разсмотрѣніи. Какъ въ введеніи мы тѣмъ ближе подходимъ къ истинѣ, чѣмъ больше собираемъ одинаковыхъ обстоятельствъ или основаній, такъ, до произнесенія рѣшительнаго суда о предметѣ или принятія рѣшительнаго дѣйствія по отношенію къ лицу, мы должны, не довольствуясь одинакимъ ихъ обнаруженіемъ, выжидать болѣе значительнаго числа ихъ развитій и образованій, — по крайней мѣрѣ мысли, образующейся неволью при первыхъ впечатлѣніяхъ, не отдавать всего вліянія, какое она можетъ приобрѣсть. Такого рода предосторожность можетъ достаточно предохранить насъ отъ многихъ предубѣжденій. Но недостаточно, поздно сіе средство, когда уже предубѣжденіе не только возникло, но и утвердилось въ душѣ нашей. Тогда надежнѣйшее средство къ разрушенію его владычества — разсмотрѣніе оснований, на которыхъ опирается предзанятое мнѣніе въ глубинахъ души нашей. Это критическій разборъ мысли, разборъ, который долженъ обличить, гдѣ умъ нашъ опустилъ долгъ осторожности, гдѣ допущена излишняя поспѣшность въ переходѣ отъ частнаго къ цѣлостному. Конечно, можетъ случиться, что и подобный разборъ только больше и больше утвердитъ насъ въ мысляхъ однажды образованныхъ; но чтобъ онъ могъ дать слѣдствія новыя, болѣе вѣрныя, стоятъ только имѣть въ запасѣ новыя данныя, новыя цѣли. Тогда повторенное разсмотрѣніе утвердившагося однажды, необходимо больше или меньше видоизмѣнить мысль старую. Въ новомъ разсмотрѣніи посему нужно уже спрашивать: не могутъ ли, не должны ли тѣ же самыя основанія

по которымъ мы произносимъ известное сужденіе, пытаемъ известными ожиданія, располагаемъ доверчивостію, вести или быть растолкованы въ другую сторону? Кто имѣетъ довольно безпристрастія, тотъ всегда можетъ найти эту возможность; онъ всегда будетъ въ состояніи умѣрить поспѣшность своего суда и своихъ распоряженій или предпріятій: плодъ немаловажный, потому что съ теченіемъ времени развиваются всюду новыя стороны. Поспѣшность въ дѣйствіяхъ при началахъ ложныхъ всегда гибельна. При недостатокъ прямаго убѣжденія въ истинѣ своихъ мыслей, гораздо лучше дѣйствовать медленно, только бы сама эта медленность не переходила въ совершенную безпечность. Къ сожалѣнію, искорененіе предубѣжденій не столько у людей совершается быстро, какъ нѣхъ утвержденіе: однажды принявъ мысль, люди, кажется, послѣ боятся съ нею разстаться, какъ-будто не надѣясь замѣстить ее вѣрнѣею. Даже, по указаніямъ наблюденій, есть такія души, которыхъ предубѣжденіе какъ бы ослѣпляетъ. Тогда уже человекъ становится вовсе неспособнымъ къ образу мыслей инакому, отвергаетъ всякія убѣжденія въ противномъ, не хочетъ знать о возможности судить иначе, признаетъ истиннымъ только тотъ одинъ образъ мыслей, который усвоенъ имъ, или лучше овладѣтъ имъ. Разрушеніе подобныхъ предубѣжденій не иначе возможно, какъ послѣ разительныхъ толчковъ, сильныхъ оборотовъ мысли, явнаго паденія мнѣній, обличенныхъ въ неосновательности. Виды предубѣжденій различны: каждое мнѣніе, какъ скоро утверждается въ душѣ и обнаруживаетъ влияние на относительный образъ дѣйствій, готово перейти въ предубѣжденіе. Даже, можно сказать, всякое званіе, всякое сословіе, имѣетъ своего рода предубѣжденія, ибо всякое званіе, при известныхъ условіяхъ, больше или меньше производитъ стѣсненіе въ объемѣ нашихъ мыслей, готовить помраченіе взгляда. Въ Философіи отличаютъ обыкновенно предубѣжденіе въ пользу какой-нибудь школы, въ пользу стараго, или противъ новаго (см. школа). Можно бы еще отличить предубѣжденія, проистекающія изъ духа времени. Они дѣйствуютъ едва ли не сильнѣе и непримѣтивѣ прочихъ. Но всѣхъ опаснѣе, всего сильнѣе должно преслѣдовать предубѣжденіе противъ науки. Конечно, оно не столь уже сильно, какъ было за нѣсколько столѣтій назадъ, — успѣхи просвѣщенія успѣли уже ослабить силу самаго предубѣжденія противъ нихъ; но въ цѣломъ уваженіе къ самостоятельности изысканій учебныхъ не вполнѣ еще утвердилось. Многіе желали бы имѣть науку, но боятся, чтобъ при свѣтѣ ея не разочароваться въ своихъ убѣжденіяхъ. Ученые еще должны не только бороться съ предубѣжденіями, но и бояться ихъ силы. Зато надъ всякимъ предубѣжденіемъ, когда оно проходитъ, обыкновенно только смѣются. Жалость — надгробный камень всякихъ ложныхъ мнѣній. Впрочемъ мы не однимъ этимъ можемъ утѣшаться въ случаѣ господства предубѣжденій. Къ нашему успокоенію можно примѣчать, что тамъ, гдѣ есть чистая любовь къ истинѣ, гдѣ не оставляютъ класть на весь испытанія всякихъ мыслей, представляющихся справедливыми, — ни какое предубѣжденіе не сильно дѣтъ гибельныхъ слѣдствій, будетъ ли то въ наукѣ, или въ жизни. *Ф. Сидемскій.*

ЛОМОНОСОВЪ (Михаилъ Васильевичъ,) статскій советъ профессоръ С.-Петербургской Академіи Наукъ, членъ Академіи големской и Болонской, родился въ деревнѣ Денисовской, на окрестности Двины, недалеко отъ Холмогоръ, въ 1711-мъ году. Отецъ его силій Доросеевъ, государственный крестьянинъ, промысломъ рѣчеловѣкъ въ своемъ дѣлѣ опытный и смысленный, плававшая на кель, собственнаго своего изобрѣтенія, по Бѣлому Морю и Сѣверному Океану, за полярный кругъ, бралъ съ собою сына. Питаясь лето, посреди опасностей и бурь, дикими и величественными тинами сѣверной природы, Михаилъ Ломоносовъ, зимою искалъ пищи своему уму, въ чтеніи. Выучившись у дядька грамотѣ, садился онъ, къ удивленію и зависти сверстниковъ своихъ, лучшимъ чтенію сель; на клиросѣ и на амвонѣ изумлялъ всѣхъ прихожанъ выразительностію и пріятностію своего чтенія. Долго читалъ онъ одніе церковныи книги; наконецъ досталъ Славянскую Грамматику, Ариметику (Макаго) и Псалтырь, предложенную въ стихи Симеономъ Полоцкимъ. Этой пищи было для него не надолго. Онъ выучилъ навзустъ библиотеку, искалъ другихъ книгъ, и получалъ въ отвѣтъ на распросы, что въ Москвѣ, въ Петербургѣ и въ Кіевѣ есть много и хорошихъ. Жажда къ познаніямъ заглушила въ немъ любовь и дѣнь и семейству. На семнадцатомъ году отъ роду, въ одну нуюю ночь, надѣвъ двѣ рубашки и нагольный тулупъ, и взявъ собою Грамматику и Ариметику, онъ вышелъ изъ родительскаго дома; въ семидесяти верстахъ отъ Денисовской, настигъ караванъ мерзлагою рыбою, отправившійся оттуда наканунѣ, и съ нимъ шелъ въ Москву. Тамъ увидѣлъ его землякъ, прикащикъ го-то господина, узналъ о причинѣ его бѣгства изъ родительскаго, и познакомилъ его съ однимъ монахомъ: при покровительствѣ его, Ломоносовъ былъ принятъ ученикомъ въ Законъ

ское училище; съ жадностію бросился на ученіе, быстро перевелъ изъ класса въ классъ, сталъ понимать и писать по-Латыши, учился языку Греческому, но не находя удовольствія воображенію и уму своему въ тогдашней Философіи, въ скудныхъ урокахъ Словесности, занялся исключительно предметами Физики и Математики; по сильной просьбѣ былъ посланъ на годъ въ Кіевъ, но и тамъ вскорѣ наскучилъ безплодными словопревіями Схоластики. Наконецъ, въ 1734 году, къ крайней радости своей, былъ переведенъ въ Гимназію, при С.-Петербургской Академіи Наукъ, и посвятилъ себя изученію Физики, Химіи и Минералогіи. Черезъ два года посланъ онъ былъ съ другимъ студентомъ, Виноградовымъ, для окончанія наукъ, въ Германію, сначала въ Марбургъ, славившійся своимъ знаменитымъ профессоромъ Христіаномъ Вольфомъ, а потомъ въ Фрейбургъ, для изученія Горнаго Искусства, подъ руководствомъ Генкеля. Черезъ годъ воротился онъ въ Марбургъ, и продолжалъ прежнія свои занятія усердно и неутомимо. Въ 1740 году женился онъ тамъ на дочери портнаго, своего хозяина, и вскорѣ сдѣлался отцемъ. Эти обстоятельства разстроили весь планъ его жизни: малымъ жалованьемъ не могъ онъ содержать своего семейства, впалъ въ долги, и, угрожаемый тюрьмою, бѣжалъ изъ Марбурга, съ намѣреніемъ пробраться въ Любекъ, или въ Голландію, и оттуда отправиться въ Петербургъ моремъ. За Дюссельдорфомъ онъ попался было въ руки Прусскимъ вербовщикамъ, и былъ приведенъ въ Везель, но успѣлъ бѣжать, и разными путями достигъ Амстердама. Оттуда отправился онъ въ Петербургъ; вскорѣ былъ опредѣленъ при Академіи Наукъ адъюнктомъ Химіи, а потомъ произведенъ и въ профессора. Поправивъ дѣла свои, онъ вызвалъ свое семейство изъ Германіи, и провелъ всю жизнь въ занятіяхъ Науками, Искусствами и Словесностію. Труды и успѣхи его обратили на него вниманіе Августѣйшихъ особъ: Императрица Елисавета пожаловала ему вотчину (Коровадай, Усть-Рудицы), Петербургской губерніи, Ораніенбаумскаго уѣзда. Всѣ знаменитые и ученые люди того времени звали и любили Ломоносова. Онъ скончался 4 го Апрѣля 1765 года. Занятія, наблюденія и сочиненія Ломоносова по части Физики, Химіи и Металургіи были въ свое время достойно цѣнны и уважаемы. Изложенная имъ теорія свѣта подтверждена позднѣйшими натуралистами. Въ Искусствахъ прославился онъ близкимъ подражаніемъ Италіанской мозаикѣ. Но всѣ эти заслуги и права на уваженіе свѣта сошли бы съ нимъ въ могилу, если бъ онъ ограничился ими одними: онъ оставилъ бы по себѣ только память ученаго, трудолюбиваго профессора; нынѣ же блещитъ безсмертіемъ въ памятникахъ нашей Литературы. Онъ былъ отцемъ собственной Русской Словесности; онъ оставилъ неразрушимые памятники собственнаго своего ума, своей души, своего гевія. Скюдость чисто флюсофическихъ и литературныхъ пособій того времени заставила жаждущаго истины юношу посвятить себя Наукамъ Точнымъ; но въ заисенной снѣгомъ хижинѣ муза улыбнулась ему въ часъ рожденія; поэзія овладѣла его душою, и чтѣ для другаго чловѣка было бы

преновою и пагубою на пути образованія, для Ломоносова сдѣла-
 лося источникомъ и причиною оригинальности и величія. Огражден-
 ный отъ всякаго иноязычнаго и чужеземаго вліянія, Ломоносовъ
 возросъ посреди чистаго Русскаго народа, съ дѣтскихъ лѣтъ занимал-
 ся чтеніемъ однихъ Славянскихъ и Русскихъ книгъ, а къ изуче-
 нію чужихъ языковъ приступилъ, когда слухъ и чувство его уже бы-
 ли укрѣплены родною пищею. Онъ не находилъ въ отечествѣ сво-
 емъ приличнаго Русскому языку стихотворнаго размѣра, чувствовалъ,
 какъ чужды ему Польскіе сѣмлабы Полоцкаго и варварскіе экза-
 метры Смотрицкаго. Въ Германіи услышалъ отъ размѣры поэзіи те-
 нической, и тлѣвшая подъ пепломъ искра вспыхнула мгновенно. Въ
 это время отголосокъ Русскаго оружія коснулся его сердца, и Ода
 на взятіе Хотина возникла изъ души его, цѣлая, готовая, совершен-
 ная, какъ Минерва изъ головы Юпитера. Съ этой Оды начинается
 собственная Русская Поэзія. Время жизни Ломоносова, главный его
 занятіа, тогдашніе обычаи Двора, все это стѣснило кругъ его поэти-
 ческой дѣятельности: онъ ограничился Одами, духовными и торжествен-
 ными, которыя съ любовію и благоговѣніемъ твердить признательное
 потомство. Геній его былъ исключительно лирической: ни драма
 ни эпопея ему не удавались. Въ прозѣ написалъ онъ два Похваль-
 ныхъ Слова, величественныя, громкія цвѣтуція красотою, но эти Сло-
 ва были плодомъ ученія, подражанія, труда, а не произведеніемъ при-
 роднаго вдохновенія, какъ его Оды. Послѣ стихотвореній лирическихъ
 должно упомянуть о его Русской Грамматикѣ: она впервые утвер-
 дила формальныя правила нашего языка, долгое время служила един-
 ственнымъ руководствомъ въ практическомъ его употребленіи, и поло-
 жила прочныя основанія дальнѣйшимъ трудамъ нашихъ языкоиспытате-
 лей. Заклочимъ сужденіе наше о Ломоносовѣ словами Карамзина:
 «Если геній и дарованія ума имѣютъ право на благодарность наро-
 довъ, то Россія должна Ломоносову монументомъ!» Патриотиче-
 ское желаніе сбылось: въ Архангельскѣ воздвигнутъ памятникъ Ло-
 моносову благодарнымъ потомствомъ. Творенія Ломоносова, суть
 вообще слѣдующія: А. Въ прозѣ: 1). *Краткій Россійскій Лѣтопи-
 сецъ съ родословіемъ.* 2). *Древняя Россійская Исторія отъ начала
 Россійскаго народа до кончины В. К. Ярослава, т. е., до 1054 года.*
 3). *Россійская Грамматика.* 4). *Краткое руководство къ Красно-
 рѣчю,* книга первая, содержащая Риторику. 5). *Письмо о правилахъ
 Россійскаго стихотворства,* 6). *Предисловіе о пользѣ книгъ церков-
 ныхъ* 7). *Слово похвальное Императрицы Елисаветъ I* (переведенное
 вмѣ самимъ на Латинскій языкъ). 8). *Слово похвальное Императо-
 ру Петру Великому,* 9). *О пользѣ Химіи,* 10). *Слово о явленіяхъ
 воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ.* 11). *Слово
 о происхожденіи свѣта, новую теорію о цвѣтахъ представляю-
 щее.* 12). *Слово о рожденіи металловъ отъ трясенія земли.* 13). *Раз-
 сужденіе о большой точности морскаго пути.* 14). *Явленіе Венеры
 на солнцѣ.* 15). *Программа, сочиненная при началѣ чтенія изъяс-
 ненія Физики.* 16). *Описаніе въ началѣ 1744 года явившейся ко-*

меты. 17). *Первыя основанія Металлургіи*, пять частей съ двумя прибавленіями. 18). *Шестнадцать писемъ къ И. И. Шувалову*. В. В. стихахъ: 1). *Первыя двѣ пѣсни героической поэмы: Петръ Великій*. 2). *Тамира и Селимъ*, трагедія. 3). *Демифонтъ*, трагедія. 4). *Письмо (посланіе) о пользѣ стекла*, къ И. И. Шувалову. 5). *Однимъ дцать Одъ духовныхъ*. 6). *Десять Одъ похвальныхъ*. 7). *Сорокъ девять похвальныхъ надписей*. 8). *Стихи на фейерверкѣ 1 Января 1755 года*. 9). *Полмодоръ*, идиллія, и разныя мелкія стихотворенія, подражанія Анакреону, посланія, и т. п. Въ числѣ переводовъ его отличается: *Ода на счастье*, изъ Ж. Б. Руссо. Всѣ сочиненія Ломоносова изданы Академією Наукъ въ 6 томахъ въ 4 (третье изд. 1803 года.) *И. Гречъ*.

=

РУССКАЯ ДРАМАТУРГІЯ ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ.

1. *Безумная*, Повесть въ одномъ дѣйствіи.

И мило, и ново! Повесть въ одномъ дѣйствіи, — и какая еще Повесть! Повесть, безъ всякаго дѣйствія — настоящая повѣствовательная Повесть, и которой достоинство заключается только въ гармоническихъ, исполненныхъ поэзіи, стихахъ И. И. Козлова.

Вотъ ея содержаніе. Авторъ, проѣзжая черезъ какую-то деревню, встрѣтилъ, близъ погоста, дѣвушку, которую измысла милого лишила разсудка. Спустя полгода послѣ того, въ проездъ автора изъ Москвы чрезъ ту же деревню, сказали ему, что несчастная дѣвушка умерла. Содержаніе очень просто.

Какъ же изъ этого содержанія сдѣлана Повесть въ одномъ дѣйствіи безъ дѣйствія? Вотъ какъ:

Офицеръ, — какого полка и какого чина, право не знаю: онъ былъ въ буркѣ, — вѣхавши на почтовыхъ лошадахъ, и почтовымъ трактомъ, заблудился (!!). Пока ямщикъ отыскиваетъ дорогу, Г. офицеръ читаетъ, наизусть, стихи изъ «Безумной» И. И. Козлова, и то, что авторъ говоритъ о себѣ своимъ читателямъ, Г. офицеръ рассказываетъ о себѣ своимъ слушателямъ. Сходитъ съ горы женщина: это не «страдалица молодая», а дама слишкомъ пожилая; она садится вмѣстѣ съ

офицеромъ на могильный камень, и давай цитировать не только слова «Безумной», но даже, по примѣру Кассандры, тѣ слова, которыя будетъ крестьянскій мальчикъ говорить о Безумной, черезъ полгода послѣ ея смерти. Приходитъ крестьянка и уводитъ театральную Безумную.

Богъ тому судья, чья рука поднялась выставить на сцену цѣликомъ вовсе не сценическое произведеніе поэта-слѣпца!

2. *Надежда и Любовь*, новая оригинальная Комедія-Водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, сочиненіе актера Григорьева.

Не знаю какъ другія, а меня, при словахъ — «новая оригинальная Комедія-Водевиль,» морозъ по кожѣ подираетъ. Это слѣдствіе привычки читать всѣ «новыя оригинальныя» Комедіи-Водевиль.

Гдѣ-то и когда-то, а только недавно, жилъ-былъ Петръ Петровичъ Корельскій; у него была жена Софья Ивановна, у нихъ дочери Надежда и Любовь, родственница Елисавета Степановна, крестникъ Васишка, пріятельница Степанида Марковна, у ней племянникъ Александръ Львовичъ, у него восьми-лѣтняя сестра Варинька. Кромѣ поименованныхъ, пользовались пріязнію Петра Петровича стряпчій, Иванъ Семеновичъ Судаковъ, и отставной ротмистръ, Осдоръ Осдоровичъ Анаповъ. Да кромѣ ихъ водился въ домѣ Петра Петровича слуга Гаврило съ женою Акулиною. Кажется, людно.

Собравъ весь этотъ людъ на обѣдъ къ Петру Петровичу, по случаю дня его рожденія, авторъ заставилъ Александра Львовича влюбиться въ Любовь, а ее, изъ упрямства, не любить Александра Львовича; старика Судакова цѣлниться сороко-лѣтнею Елисаветою Степановною, а ее навязывать на шею шестнадцати-лѣтнему Васишкѣ, а его волочиться за Гаврилиной женою, а Софью Ивановну любезничать предъ Анаповымъ, а Степаниду Марковну влюбиться — въ кого? — отгадайте! Въ профессора злоквенціи Тредьяковскаго, т. е., въ его сочиненія. Петра Петровича и слугу Гаврила, чтобъ не быть имъ безъ дѣла, заставилъ авторъ ревновать женъ, перваго къ Анапову, а послѣдняго къ Васишкѣ. Изъ всей этой честной

компаніи оставались безъ занятія милая, образованная дѣвица, Надежда Петровна, и рзвая, смышленная дѣвочка Варинья. Авторъ далъ и имъ дѣло, и дѣло не шуточное, — свести Александра Львовича съ Любенькою, Судакова съ Елисаветою Степановною, и Анапова съ Софіею Ивановною. Не забудьте, что Софья Ивановна мать Надежды Петровны.

Вамъ не нравится содержаніе этой новой оригинальной Комедіи-Водевиль? Мнѣ тоже. Но, вы, вѣрно полюбозытствуете узнать, какую цѣну назначить за нее авторъ? Онъ просить, чтобъ вы его наградили за эту новую оригинальную Комедію-Водевиль цѣною вашей дружбы и любви. Наградите жъ его вашею дружбою и любовью! Вѣдь это ничего не стоитъ въ нашемъ вѣкѣ.

5. Назовите какъ хотите, Водевиль въ одномъ дѣйстви, переведенный съ Французскаго, Ф. Кони.

Г. Дестиваль, Стразбургскій житель, помолвилъ дочь свою Элизу за поручика Боклера, котораго ожидаетъ онъ къ себѣ трое сутокъ. Свадьба эта дѣлается по-театральному, заочно. Ни батюшка, ни дочка, которая въ котильонѣ влюбилась въ драгунскаго ротмистра, Г. Сенвиля, не видывали никогда Г. Боклера. Сенвиль прѣзжаетъ въ Стразбургъ. Узнавъ, что предметъ котильонной любви его выходитъ замужъ, Сенвиль является въ домъ Дестиваля, подъ именемъ Боклера. Какъ благородно, какъ умно! Но Сенвиль является, и слуга Жакъ, знавшій прежде Сенвиля, узнаетъ въ немъ жениха-самозванца. Деньги зажимаютъ ротъ слугѣ, который говоритъ о Парижскихъ хоромахъ. Дестиваль принимаетъ подложнаго за настоящаго жениха своей дочери, заводитъ съ нимъ разговоръ о балахъ, о танцахъ и постъ ему, между прочимъ, что онъ —

На старости, увы!
 Обычай старой сохранять;
 И знавльмъ умной головы,
 Познавль ногъ предпочитаетъ!

Дестиваль назначаетъ подложному Боклеру день свадьбы его съ Элизою. Прѣзжаетъ настоящій женихъ. Онъ ви-

дѣль когда-то Комедию Мариво — *Les jeux de l'amour et hasard*. Она надоумила его, для испытанія своей невѣсты вѣсть къ ней въ ливрѣ. Его принимаютъ за Боклерова кел. Подложный Боклеръ дурачить настоящаго. Но и э не остается въ долгу. Онъ рассказываетъ о мнѣмъ свѣбаринѣ будущему его тестю, что онъ мастеръ —

Въ окошко влѣзть,
Знакомство свѣсть,
Отца отвѣсть,
А дочь завѣсть,
Игру подвѣсть,
Жидя провѣсть.

Полиція беретъ настоящаго Боклера по поводу какого дурнаго дѣла, — я думаю, по поводу этихъ стиховъ. Сен объявляетъ приказъ о прощеніи Боклера, и женится на его вѣствѣ. Съ этимъ приказомъ Сенвилъ нарочно присланъ и вѣтельствомъ въ Стразбургъ. Но онъ забылъ приказъ у себя въ карманѣ. Назовите себѣ этотъ Водевиль, какъ хотите!

4. *Жена сосѣда*, Водевиль въ одномъ дѣйствіи, пиведенный съ Французскаго.

Въ чужихъ рукахъ ломоть всегда великъ и лакомъ. поговорка — аксіома. Ее испытали и Нарцизь Робинъ Тимофеей Бодуларъ, люди немолодые и женатые. Жихъ, особливо у Робино, были, какъ говорится, кровь молокомъ, — полны, круглы, живы, млы. Но и Робинъ Бодуларъ привыкли къ своимъ женамъ, и не замѣчали ихъ ничего особеннаго. Сосѣдъ ихъ, молодой живописецъ Дюпре, былъ женатъ на Христинѣ, или Каролинѣ, — помню. Только эта Христина, или Каролина, была несравненно хуже женъ Робино и Бодулара, поджарая, нарпеная, со вздернутымъ носомъ, съ выдавшимся подборкомъ. Казалось бы, о чемъ тутъ хлопотать сосѣдямъ? въ чужихъ рукахъ ломоть всегда великъ и лакомъ! И Робино и Бодуларъ давай волочиться за женою сосѣда. пре, узнавъ объ этомъ, разрѣшилъ женѣ завлечь ихъ своимъ свѣти. Она тому и рада. Робино и Бодуларъ яви

въ домъ Дюпре. Одинъ принесъ съ собою пирогъ, другой принесъ вино. Только-что они расположились ужинать, Дюпре стучится въ двери. Старые волокиты бросились отъ него въ боковую комнату. Дюпре вошелъ съ женами Робино и Бодуларя, съ которыми условился онъ подурочить мужей ихъ. Дюпре любезничаетъ то съ Эвелиною, то съ Ангеликою, — такъ называются жены волокитъ. Онъ любезничаетъ, а Робино и Бодуляръ, видя это изъ добровольной ихъ тюрьмы, рвутъ на себѣ волосы. Онъ ѣстъ и пьетъ съ красавицами, а Робино и Бодуляръ щелкаютъ зубами.

Водевиль этотъ, хорошо переведенный Г. Булгаковымъ, весьма забавенъ.

5. *Два ночи*, Комическая Опера въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе Бульи и Скриба, переведенная съ Французскаго.

Новая большая Опера, удачно переданная, рѣдкое у насъ и весьма пріятное явленіе. Музыка этой Оперы — произведеніе одного изъ отличнѣйшихъ композиторовъ, познценнаго весьма недавно смертію, творца Оперъ — Багдадскій Халифъ, Иоаннъ Парижскій, Бьлана, и многихъ другихъ, — музыка извѣстнаго Боельдье.

Полковникъ Англійской службы Фингаръ угощалъ сослуживцевъ своихъ, въ одномъ изъ Дублинскихъ трактировъ, роскошнымъ ужиномъ. Прогулявъ цѣлую ночь, слѣдственно подгулявъ порядкомъ, даютъ они другъ другу честное слово не сердиться на того, кто отобьетъ не только любовницу, но даже невѣсту своего товарища. Тутъ Фингаръ рассказываетъ своимъ гостямъ, что въ слѣдующую ночь, ровно въ 12 часовъ, онъ женится на своей питолицѣ, племянницѣ покойнаго герцога Кальдероля, Мальвиннѣ, которая получила отъ дяди въ наслѣдство милліонъ.

Велико дѣло милліонъ !

Но этотъ милліонъ завѣщанъ Мальвиннѣ съ тѣмъ, чтобъ она вышла замужъ непременно черезъ три мѣсяца послѣ смерти своего дяди; въ противномъ случаѣ она должна остаться безъ пени, и милліонъ поступить въ карманъ лорда Фингара. Фингаръ, желая похвалиться красотою мил-

лионной невѣсты, показываетъ своимъ товарищамъ портретъ Мальвины. Сиръ Эдуардъ Актонъ узнаетъ въ ней ту, которую онъ любитъ, и которая разлюбила его изъ подозрѣнія въ мнимой невѣрности. Фингаръ приглашаетъ гостей своихъ къ себѣ на свадьбу, въ слѣдующую почъ. Въ эту слѣдующую почъ, вѣхотянедъ Эдуардъ, съ помощію слуги своего, хитраго Француза Виктора, женится на Мальвинѣ, а лхой кавалеристъ Фингаръ не только за это на него не сердится, но даже къ прежнему своему честному слову прибавляетъ новое — никогда не жениться! Въ англійской кавалеріи это иногда случается.

Въ первомъ дѣйствіи заслуживаютъ особенное вниманіе: двойной хоръ, за кулисами и на сценѣ; речитативъ, арія и каватина, въ которыхъ слуга Викторъ призываетъ съ того свѣта Сганареля, Криспина, Фронтена, амура, помочь ему въ обманѣ. Вакхическій хоръ, *подъ звуки хрустала, прелестень.*

Во второмъ дѣйствіи дуэтъ Фингара и Мальвины и въ третьемъ дѣйствіи кантабиле и каватина Эдуарда и комическій допросъ, дѣлаемый контеблемъ Виктору и скороходу Жакману приводятъ въ восхищеніе.

6. *Осада Пскова*, Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, Барона Е. Ф. Розена.

Авторъ издалъ въ прошломъ году Трагедію «Россія и Баторій», которую потомъ переделалъ онъ для сцены, и она явилась 1 Октября на здѣшнемъ театрѣ, и теперь въ печати подъ новымъ заглавіемъ — «Осада Пскова».

Время дѣйствія — осень 1581 и начало Января 1582 года.

Князь Юрій Прозоровскій, находящійся въ своей деревнѣ подъ Псковомъ, объявляетъ крестьянамъ о намѣреніи Баторія взять этотъ городъ. Они клянутся защищать его. Князь, предложивъ крестьянамъ не оставлять ничего непріятелю, и для того всѣ свои пожитки, хлѣбъ и скоть отпра- вить въ городъ, говоритъ имъ:

Потомъ сюда ко мнѣ придите въ гости.
 Какъ удалые ратники Царя —
 И чашу Царскую я съ вами выпью,
 И подъ конецъ потвшу васъ еще —
 И вы меня потвшите Русскимъ духомъ.

Крестьяне уходятъ. Супруга Прозоровскаго горюетъ о томъ, что домъ ихъ обреченъ на сожженіе. Но видя, что горе ея навело тоску на князя, она продолжаетъ:

Не стану плакаться! Лишь былъ бы здоровъ
 Мой другъ-супругъ — и ничего не надо.

Князь возражаетъ ей:

Охъ, горлица - голубушка моя!
 Ты жалобно воркуй себя какъ хочешь.
 Мнѣ любо слушать: радъ я, что тебѣ
 Господь лишь голубиное далъ горе
 О гвѣздышкѣ своемъ.

Далѣе, говоря о Баторинѣ, княгиня напоминаетъ супругу о томъ, что у непріятеля стотысячное войско. Князь говорить на это:

Зачѣмъ сто тысячъ ровно?
 Зачѣмъ не девяносто девять тысячъ
 И девятьсотъ и девяносто девять?

На вопросъ супруги, —

Что значить тамъ единый человекъ,
 Гдѣ есть такая тма воинской сѣмы?

Прозоровскій отвѣчаетъ:

Ахъ, душечка, какъ много значить онъ!
 Не для тебя, не для другихъ.....

Потомъ, чтобъ отклонить любопытство жены, князь напоминаетъ ей день ихъ свадьбы, ея наряды.

Братъ ея, князь Бахтеяровъ, завхалъ къ своему шурина, Прозоровскому, съ извѣстіемъ объ избраніи его въ головы Псковской Десятины. Оставшись наединѣ съ сестрою, князь, вѣроятно, чтобъ разсѣять грусть ея, начинаетъ шутить надъ тѣмъ, что она два года замужемъ, а нѣтъ у ней ребенка,

потомъ рассказываетъ ей о прежнихъ подвигахъ мужа ея на Лопань, противъ Татаръ. Бахтеяровъ уходитъ, Прозоровскій возвращается. Но усиленно проситъ супруги своей, онъ открываетъ ей, что тотъ, кого онъ страшится, что «мужъ многострадальный» есть —

.....Курбскій, — уходя
Изъ службы Царской, въ Юрьевъ оставилъ
Жену и сына! Безъ вѣсти они
Пропали вдругъ.....
.....Княгиня, въ видѣ
Простой крестьянки, схиму приняла,
И праведнымъ успѣниемъ отошла
Отъ всѣхъ скорбей, ее сразившихъ въ мирѣ!
На сына добрый сродникъ возложилъ
Чужое имя, и честному Нѣмцу
На воспитанье отдалъ сироту,
И самъ отецъ понынѣ не увѣдаеть,
Гдѣ сынъ его и что сбилось съ нимъ.

Этотъ сынъ — есть князь Прозоровскій.

Крестьяне, приглашенные княземъ выпить съ нимъ Царскую чашу, собрались. Имъ подають стопы съ виномъ. Они пьютъ и кричатъ ура. Въ это время вспыхиваетъ жилище князя Прозоровскаго.

Во второмъ актѣ — Псковская площадь. Народъ сопровождаетъ крестный ходъ. Князь Шуйскій съ нѣсколькими воеводами, отставъ отъ толпы, даютъ взаимную клятву побѣдить врага или умереть. Прибѣгаетъ старикъ, кузнецъ Дороевъ, падаетъ въ ноги Шуйскому, и говоритъ, что его послала къ нему Богоматерь, которую онъ видѣлъ во снѣ, съ наказомъ, —

....чтобъ пушку трескотуху
Немедленно въ бою поставить въ нижнемъ,
И пушкаря съ большого взять раската.

Привозятъ пушку трескотуху. Начинается осада. Непріятель врывается въ стѣнный проломъ; но Русскіе вытѣсняють его изъ города. Князь Бахтеяровъ приходитъ раненный. По просьбѣ его, кузнецъ Дороевъ заговариваетъ боль въ его

ранахъ. Князь Шуйскій отправляетъ къ Царю, въ Москву, гонца съ извѣстіемъ о побѣдѣ.

Въ третьемъ актѣ, вы въ лагерь Баторія. Мысль объ измѣнѣ терзаетъ Курбскаго. Приходитъ Замоискій и заводитъ съ нимъ рѣчь объ Иоаннѣ, о Псковѣ, объ Остроменкомъ, который, для умерщвленія Шуйскаго, «устроилъ ящикъ съ пищалями, да съ зельемъ огнестрѣльнымъ». Князь Курбскій рѣшается предварить Шуйскаго объ этомъ умыслѣ. Дѣйствіе переносится на площадь передъ Псковомъ. Прозоровскій въ восторгъ, отъ того, что Курбскій извѣстилъ Шуйскаго о замыслѣ Остроменцаго. Черезъ стѣну падаетъ письмо, пущенное на стрѣлѣ изъ непріятельскаго стана. Прозоровскій отсылаетъ это письмо къ Шуйскому. Приходитъ княгиня Прозоровская къ мужу, чтобъ побесѣдовать съ нимъ о Курбскомъ. Князь говоритъ ей:

Благодарю! сей день есть свѣтлый праздникъ
Во дняхъ моихъ, — душа моя хмѣльна
Отъ радости.

Завязывается между ними разговоръ. Княгиня уговариваетъ супруга извѣстить Курбскаго о томъ, что сынъ его живъ, что онъ находится во Псковѣ, и тѣмъ рѣшить его оставить землю Русскую —

чтобы не быть
Отцу на сына, сыну на отца!

Прозоровскій не рѣшается вести переписку съ отцемъ измѣнникомъ. Но, чтобъ избѣгнуть дальнѣйшихъ искушеній любимой супруги, князь говоритъ ей — Иди, тебѣ пора! — она уходитъ, и болѣе не является. Князь Шуйскій, окруженный войнами, выходитъ, и читаетъ имъ присланное на стрѣлѣ письмо, въ которомъ Баторій предлагаетъ боярамъ и Псковитянамъ сдать ему городъ, обещая за то первымъ отчины, а послѣднимъ льготы, привольные торги. Войны советуютъ Шуйскому отвѣчать на это письмо изъ пушки трескотухи. Приносятъ сундукъ. Шуйскій, предувѣдомленный Курбскимъ о томъ, что скрыто въ этомъ сундукѣ, приказываетъ —

Мочить его въ рѣкъ, потомъ открыть
И показать народу.

Слѣдующій актъ переноситъ въ Запольскій Ямъ исторію осады Пскова. Князь Елецкій и дворянинъ Алферьевъ ведутъ съ Польскими полномочными, при посредничествѣ іезуита Поссевина, переговоры о мирѣ. Въ жаркомъ спорѣ Полякъ хватаетъ за-воротъ Алферьева, и вырываетъ у него изъ рукъ Царскую записку, которую бросаетъ наземь. Алферьевъ, грозясь «вышибить ему три зуба,» заставляетъ его поднять записку.

Тутъ опять лагерь Баторія. Баторій и Замойскій разсуждаютъ о дѣлахъ. Замойскій называетъ Цезаремъ Баторія. Баторій называетъ Цезаремъ Замойскаго. По приказанію Баторія входятъ трое пѣвниныхъ Русскихъ воеводъ, и съ ними Курбскій. Король предлагаетъ пѣвникамъ вступить въ его службу. Русскіе отвергаютъ это предложеніе. Баторій отдаетъ ихъ въ даръ Курбскому. Курбскій возвращаетъ ихъ Руси.

Въ пятомъ актѣ, театръ представляетъ зимнюю ночь въ Польскомъ станѣ.

Поляки ропщутъ на голодъ и холодъ и на вылазки Русскихъ. Приходитъ Венгерецъ съ извѣстіемъ, что Баторій ухалъ изъ-подъ Пскова. Поляки бранить Короля, Венгръ хвалить его! Отъ спора доходитъ до драки. Въ это время Русскіе нападаютъ на Польскій станъ, уничтожаютъ его. Взятый въ плѣнъ, Остромецкій, уговариваетъ князя захватить Короля. Прозоровскій отвергаетъ предложеніе измѣнника. Вдругъ, пространное поле. Курбскій одинъ, въ странномъ полѣ. Снѣгъ валитъ хлопьями. Курбскій повѣряетъ снѣгу и полю страданія души своей. Тутъ встрѣчаетъ онъ нечаянно Прозоровскаго, и вступаетъ съ нимъ въ единоборство, которое прекращаетъ приближавшій гонецъ.

.....Уймись, ради Бога!
Вѣсть громкая изъ города идетъ:
Миръ заключенъ.

Прозоровскій возражаетъ ему:

Вѣсть важная! Иди.

Гонецъ уходитъ. Оставшись наединѣ съ Курбскимъ, Прозоровскій узнаетъ въ немъ отца своего. После взаимныхъ объясненій даютъ они другъ другу обѣщаніе сдѣлаться схишниками.

7. Теобальдъ, Комедія-Водевиль въ одномъ дѣйствіи.

Бабушка Лармуа, внучка ея Розалія и пріятельница въ баронесса Сенвиль, ожидаютъ возвращенія, изъ Русскаго плѣна въ Парижъ, — первая внука, вторая брата, а послѣдняя жениха, Г-на Юлія, котораго онѣ такъ давно не видали, что посторонняго для нихъ офицера, Теобальда, принимаютъ за своего Юлія. И что мудренаго: у старухи память бабушкина, у внучки память дѣвухкина, а у баронессы..... О, у баронессы память прекрасная! Баронесса, увидя Теобальда, увидѣла, что Теобальдъ не Юлій, и объявила о томъ и бабушкѣ и внучкѣ. Начали онѣ грустить, грустить; но слава Богу грусть ихъ продолжалась недолго. Вбѣгаетъ Юлій, бросается въ объятія ихъ. Конецъ.

«Теобальдъ» — произведеніе Скриба и компаніи. Этотъ Водевиль удачно переведенъ на Русскій языкъ Г. Ленскимъ.

8. Женихъ по довѣренности, Водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ Французскаго, Ф. Конн.

У часовыхъ дѣлъ мастера, Терція, есть дочка Луиза, а у ней женихъ Жано Латуръ, странствующій подмастерье. Этотъ подмастерье является въ домъ Терція вмѣстѣ съ своимъ двоюроднымъ братцемъ, Андреемъ Латуромъ. Г. Терція, котораго величаютъ «преакуратнымъ» человѣкомъ, никогда не видывалъ будущаго своего зятя, и, несмотря на это, даетъ ему въ приданое за своею дочкою 60,000 франковъ. Да и дочка знать не знаетъ своего жениха. Жано влюбленъ въ Луизины 60,000 франковъ и въ красоту прежней своей пріятельницы, мадамы Маріанны. Преакуратный человѣкъ Терція писалъ къ Жано, что 15 Ноября ровно

въ 2 часа по полудни должна быть его свадьба съ Луизою. Жано, какъ я уже выше сказалъ, явился съ братомъ своимъ въ домъ Терціи, 15 Нолбра, около девяти часовъ утра. Тутъ получаетъ онъ отъ своей Маріанны письмо, въ которомъ она грозитъ лишить себя жизни, если онъ не явится къ ней въ часъ по полудни. Вотъ Жано бѣжитъ къ ней опретью, давъ Андрею довѣренность, часа на три, занять его мѣсто, то есть, волочиться за его невѣстою. Преакуратный человекъ Терція и Луиза принимаютъ Андрея за Жано, Андрей льститъ Терціи и любезничаеъ передъ Луизою. Дѣло кончится тѣмъ, что Андрей женится на дочери Терціи, а Жано вступаетъ въ законный бракъ съ своею Маріанною, которая получила Богъ-вѣсть когда, какъ и отъ кого, 10,000 франковъ годоваго дохода.

Нѣтъ Водевья, въ которомъ бы было болѣе невѣроятностей: за всѣмъ тѣмъ онъ можетъ доставить удовольствіе. Причины этому — двѣ три забавныя сцены, и нѣсколько куплетовъ, заслуживающихъ повторенія:

Если дѣло есть въ судѣ,
И немножко застарѣло:
Способъ дамъ помочь бѣдѣ,
Чтобы нигомъ закипѣло,
Денегъ дай, денегъ дай!
И успѣха ожидай!

Если дочки жениховъ
Слишкомъ долго заждалися;
Дамъ советъ я для отцовъ.....
Чтобъ охотники напався
Денегъ дай, денегъ дай!
И успѣха ожидай!

Если авторъ объявилъ,
Что онъ книгу сочиняеъ,
И подписку вдругъ открылъ
И ужъ деньги собираеъ
Денегъ дай, денегъ дай!
Но ужъ книгъ не ожидай!

9. *Тринадцатый за столом*, водевильная сцена.

Одно подмосковное семейство строго придерживалось старинных предразсудковъ. Напримѣръ, оно съло вѣрило, что переносёе чешется — передъ покойникомъ; соль просыпать — будетъ ссора, а изъ тринадцати человекъ сидящихъ за столомъ, непременно одинъ умреть прежде всѣхъ прочихъ.

Въ этомъ семействѣ былъ имянинный обѣдъ. Гостей собралось ровно тринадцать. Какъ състь за столъ? Ужасно! Хозяинъ, Денисъ Артамоновичъ, въ отчаяніи: онъ ищетъ четырнадцатаго. Къ счастью, останавливается у него прозьдомъ молодой человекъ, Алексѣй Ивановичъ Луковъ. Хозяинъ тащитъ его почти за-воротъ въ столовую, не зная, что этотъ четырнадцатый сдѣлается у него первымъ и послѣ обѣда женится на его дочери. Вотъ съмо за столъ число — четырнадцать. Водевиль былъ пятнадцатый. Теперь ужъ никто не умреть! думаетъ про себя Денисъ Артамоновичъ. Какъ вдругъ Водевиль умеръ первый!.... Примѣты всегда обываются.

10. *Стряпчій подъ столомъ*, Водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, переведенный съ Французскаго Г. Ленскимъ.

Это переводъ известнаго Водевиля — Monsieur Jovial.

Сень-Леонъ, молодой человекъ, котораго разгульная жизнь повела-было въ тюрьму, рѣшился поправить свои финансы выгодною женитьбою. Сень-Леонъ хочетъ жениться на богатой невѣстѣ, является къ ней въ домъ, и вслѣдъ за нимъ является стряпчій Жовіаль, и проситъ его слѣдовать за нимъ въ тюрьму. Леонъ умоляетъ Жовіаля дать ему жениться. Жовіаль, будучи имъ уже неразъ обмануть, никакъ не соглашается. Наконецъ, по усиленной просьбѣ безденежнаго жениха, позволяетъ ему объясниться съ невѣстою, но не иначе какъ привязавъ его за ногу. Нечего дѣлать! Леонъ на привязи открывается въ любви своей. Эта сцена весьма забав-

на. Жювиль сидитъ подъ столомъ, и держитъ привязаннаго за ногу Леона, держитъ шнурокъ, который то отпускаетъ, то притягиваетъ къ себѣ, смотря по тому, какъ объясненія въ любви жениха съ невѣстою для него выгодны. Невѣста скромничаетъ, отвергаетъ любовь Леона. Леона тянуть къ столу. Невѣста дѣлается къ Леону благосклоннѣе. Леона отпускаютъ отъ стола на аршинъ. Невѣста говоритъ, что она согласна быть его женою, и шнурокъ выпущенъ изъ рукъ стряпчаго. Все это очень хорошо, только стряпчаго не слѣдовало называть стряпчимъ, а полицейскимъ приставомъ: по-Французски онъ называется huissier.

11. *Генриетта*, Драма въ четырехъ картинахъ.

Авторъ этой Драмы Г. Ансело. Мы не хотимъ повергать читателей въ зѣвоту.

12. *Дочь знаменитаго артиста*, Комедія-Водевиль въ одномъ дѣйствіи, переведенная съ Французскаго.

Доминикъ Біанконелли, актеръ Италіанской Комедіи при Лудовикѣ XIV, и Михаилъ Баронъ, извѣстный въ свое время Французскій актеръ и авторъ, были большіе друзья, отчего и сдѣлались впослѣдствіи врагами. По смерти Доминика осталась дочь, Катерина, которая играла на провинціальныхъ театрахъ съ большимъ успѣхомъ. Ей вздумалось испытать свое счастье въ Парижѣ, на королевской сценѣ. Она обратилась письменно къ Михаилу Барону. Баронъ, по нерасположенію къ отцу, отказалъ дочери въ дебютѣ. Нѣсколько писемъ ея остались безъ отвѣта. Катерина прѣзжаетъ въ Парижъ, является къ Барону сперва крестьянкою, потомъ сумасшедшею маркизою, и наконецъ молодымъ драгуномъ. Искусство ея въ изображеніи трехъ столь разнообразныхъ характеровъ восхищаетъ и Барона и другихъ столичныхъ актеровъ. Катерина принята на королевскій театръ и сверхъ того выходитъ замужъ за Барона.

13. *Марія Стюартъ*, Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, в стихахъ.

Шиллеръ выступилъ на драматическое поприще трагедіею «Разбойники», которая, несмотря на всѣ сдѣланныя въ ней урѣзки, донынѣ держится на Европейскихъ театрахъ. За всѣмъ тѣмъ, авторъ, вошедши въ лѣта хладнокровной опытности, съ прискорбіемъ взиралъ на это произведеніе, называя его «грѣхомъ своей юности». Въ послѣдующихъ твореніяхъ, талантъ Шиллера видимо возвысился. *Марія Стюартъ* отличается не столько трагическимъ величіемъ, сколько тонкимъ, вѣрнымъ изображеніемъ характеровъ. Содержаніе Трагедіи давно уже извѣстно читающей публикѣ, въ перевода покойнаго А. А. Шишкова: онъ напечатанъ въ «Избранномъ Нѣмецкомъ Театрѣ», и заслужилъ справедливую похвалу почти во всѣхъ нашихъ журналахъ.

14. *Семикъ въ Рыбацкой*, Интермедія - дивертисементъ.

Въ этомъ новомъ Дивертисементѣ, все, начиная отъ Русской и Ижорской плясокъ до рыбацкихъ и ямщичьихъ остротъ включительно, — все старое, все сотни разъ видѣнное, сотни разъ слышанное.

15. *Все горе*, Комедія - Водевиль, въ одномъ дѣйствіи, взятая съ Французскаго.

Вотъ въ чемъ все горе:

Одинъ извощикъ, подстрекаемый бѣсомъ честолюбія и бѣсомъ женюлюбія, скинулъ съ себя, добровольно, фаярской камзолъ, и надѣлъ лакейской кафтанъ. Не долго пощеголялъ онъ въ ливревъ. Бѣсъ лѣни замѣстилъ прежнихъ бѣсовъ. Извощикъ сбросилъ ливрею, облачился снова въ свой камзолъ, рѣшился жениться на своей возлюбленной прачкѣ, и запѣлъ:

На козлахъ лучше помѣшуся,
И хоть спокоенъ буду тѣмъ,
Что высплусь, досыта напысуся,
И во время всегда потѣмъ —

а прачка обращается къ публикѣ съ слѣдующимъ требованіемъ:

Чтобъ наши судьи намъ открылись,
Какобъ нашъ Водевиль для нихъ:
И не напрасно ль мы трудились
Развеселить сегодня ихъ?

Совершенно напрасно! Водевиль тяжелъ, переводъ неуклюжъ. По-Французски эта пьеса называется — *La veste et la livrée*.

16. *Зоя, или Любовникъ на прокатъ*, Водевиль въ одномъ дѣйствіи, переведенный съ Французскаго, О. Кони, и представленный 5 Ноября.

За Г-жею Руврѣ волочится тма молодежи, у дочери же садовника ея, Зои, нѣтъ ни одного любовника, кромѣ мызычника, Русселя; но и тотъ любитъ ее тайкомъ отъ нея самой. Бѣдная Зоя въ отчаяніи. По просьбѣ ея, а болѣе для шутки, Г-жа Руврѣ даетъ ей въ любовники, на три часа не болѣе, жениха своего, Альфонса. Эта шутка обратилась было не въ шутку! И ужъ Руврѣ рада была, что сладила свадьбу Зои съ Русселемъ.

17. *Страсть, или Романтизмъ нынѣшняго вѣка*, Водевиль въ одномъ дѣйствіи, представленный то же 5 Ноября.

Эту маленькую шутку, которая могла бъ быть гораздо умнѣе и правдоподобнѣе, часто играютъ на здѣшней Французской сценѣ: Верне превосходно изображаетъ тамъ одного изъ тѣхъ молодыхъ оригиналовъ, Гюго-поклонниковъ, бѣшенныхъ романтиковъ, какими нынче взобилуютъ улицы, гульбища и театры Парижа.

Сынъ одного изъ Французскихъ негодяицтовъ присланъ въ Парижъ для окончанія наукъ. Этотъ молодой человекъ вмѣсто того, чтобъ учиться, начитался повѣйшихъ рома

новъ, и олицетворялъ въ своей особѣ «юную Францію»: отпустилъ усы, бороду и бакенбарды по нынѣшней Парижской модѣ, вооружился толстою палкою, и влюбился въ толстую мадамъ Дюплесси; принялъ за нее куклу, хотѣлъ застрѣлиться, и вмѣсто того жепился на сестрѣ той же мадамъ Дюплесси.

Не спрашивайте о достоинствѣ перевода. *М. Я.*

VII.

С М В С Б.

ФРАНЦУЗСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУКЪ. 1. *Движеніе частицъ въсогома вещества въ прозрачныхъ тѣлахъ.* Г. Ламе занялся вопросомъ, относящимся къ математической Физикѣ, о свѣтистыхъ движеніяхъ въсомыхъ частицъ въ прозрачныхъ тѣлахъ. Изъ двухъ явленій принятой теоріи свѣта, онъ вывелъ законы равновѣсія ээирной жидкости: эти законы состоятъ въ томъ, что собственная упругость ээира измѣняется пропорціонально его плотности, и что въсомыя частицы дѣйствуютъ на ээиръ, находящійся въ мѣстахъ, куда свѣтистое колебаніе можетъ распространяться, силою отталкивающею, которая находится въ обратномъ содержаніи къ квадратамъ разстояній. Г. Ламе опредѣляетъ геометрически свѣтистое движеніе ээира вокругъ частицъ вещества, подлежащихъ въсу. Это опредѣленіе приводитъ его къ тому результату, что, подъ вліяніемъ одного рода свѣта, ээиръ, окружающій въсомыя частицы, можетъ подраздѣляться на безконечное множество системъ волнующихся круговъ, по которыхъ движенія одновременны, или другими словами, что одной длинѣ волнованія въ ээирѣ однородномъ можетъ соответствовать во внутренности прозрачныхъ тѣлъ безконечное множество длинъ различныхъ волнованій, изъ которыхъ каждое относится къ особенной системѣ круговъ. Мы не станемъ утомлять вниманія нашихъ читателей, слѣдуя далѣе за авторомъ въ столь отвлеченныхъ физическихъ изысканіяхъ. Эти статьи назначены только для удовлетворенія ученаго любопытства немногихъ любителей точныхъ Наукъ, и потому намъ довольно показать имъ, что открытія Г. Ламе ведутъ къ весьма правдоподобному заключенію, что темныя полосы, замѣченныя Фрауенгоферомъ на солнечномъ дискѣ, суть не что иное какъ волны ээира, образующіяся въ объективномъ стеклѣ телескопа, и которыя отбрасываютъ эту тѣнь на солнце.

2. Анатомическія и физиологическія замѣчанія о зрѣніи.

Глазъ, по удивительному своему устройству и по легкости, съ какою, повидимому, объясняются его строеніемъ всѣ явленія зрѣнія, долженъ былъ обратить на себя вниманіе анатомиковъ, физиологовъ и физиковъ. Между-тѣмъ, несмотря на многочисленныя изысканія, которыхъ предметомъ было чувство зрѣнія, досель остается еще много нерѣшенныхъ задачъ, и часто мнѣнія совершенно противоположны подкрѣпляются доводами, равно благовидными. Г. Дюже, приготовляющій курсъ Сравнительной Физиологіи, производилъ новыя анатомическія изысканія, новыя физиологическія и физическія опыты для объясненія всѣхъ вопросовъ объ устройствѣ и дѣйствіяхъ органа зрѣнія. Мы приведемъ нѣкоторыя изъ наблюдений Г. Дюже.

Производя, подобно Г-ну Мажанди, нѣкоторые опыты надъ глазомъ бѣлаго кролика, авторъ опровергаетъ мнѣніе о томъ, будто способность глаза приспособляться къ весьма разнообразнымъ разстояніямъ, на которыя онъ смотритъ, объясняется перемѣнами въ формѣ яблока, производимыми окружающими его мускулами. Онъ думаетъ, что мускулы сжимаютъ глазъ только для того, чтобы натянуть и выгладить переднюю и заднюю поверхность, на которыхъ, по ихъ мягкости, были бы безъ того неровности, вредныя для ясности зрѣнія. Они исправляютъ притомъ уклоненія, въ которыя глазъ увлекается движеніями тѣла и головы. Боковые мускулы особенно удерживаютъ его въ одинаковомъ положеніи относительно рассматриваемаго предмета, каковы бы ни были качанія головы или обращеніе ея въ своей осн.

Движенія глазной радуги произвольны, но инстинктивны и подобны въ этомъ движеніямъ вѣкъ и бровей въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Посредствомъ микроскопа авторъ открылъ въ ней не мускульныя фибры, но *фибриллы*, иногда гладкія, иногда шариками въ видѣ четокъ, смотря по ихъ распущенію или сжатію; фибриллы совершенно подобны тѣмъ, которыя своимъ соединеніемъ образуютъ собственно такъ называемую мускульную фибру. Эти фибриллы, расположенны довольно толстыми пластами между цѣвыми радуги, на примѣръ у быка, производятъ, въродно, и сжатіе

зрачка посредствомъ сжимательной мышцы, и расширеніе посредствомъ лучистыхъ фибриллъ.

Нѣкоторые знаменитые физиологи, Лагиръ, Галлеръ, Мажанди, приписываютъ ясное усматриваніе предметовъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ, увеличенію или уменьшенію зрачка. Авторъ опровергаетъ эту вторую теорію слѣдующими опытами: 1. Смотря на неподвижный предметъ однимъ глазомъ, и попеременно то закрывая, то открывая другой глазъ, зрачекъ расширяется и сжимается во сочувствію даже и въ томъ глазѣ, который остается открытымъ и смотритъ на предметъ, а между тѣмъ онъ видитъ его все одинаково ясно; 2. въ мѣствъ, мало освѣщенныхъ, зрачки расширяются, и потому, во теоріи Лагира, надобно было бы видѣть только отдаленные предметы, а между-тѣмъ напротивъ предметы должно тѣмъ болѣе приближать къ глазу, чѣмъ слабѣе свѣтъ: зрѣніе близорукыхъ становится тѣмъ короче, чѣмъ болѣе солнце заходитъ; 3. наконецъ, если смотришь попеременно на поле, освѣщенное солнцемъ, и черное тѣло, находящееся недалеко отъ глаза, зрачекъ не расширяется въ первомъ случаѣ, и не сжимается во второмъ: даже часто происходитъ противное. Продолговатая форма зрачка дѣлаетъ его способнымъ къ большому сжиманію; поэтому ночныя животныя съ продолговатыми зрачками лучше переносятъ свѣтъ, чѣмъ животныя съ круглыми зрачками, напримѣръ ночныя птицы. Горизонтальное расположеніе зрачковъ у отпрыгающихъ жвачку и однокопытныхъ позволяетъ этимъ животнымъ, у которыхъ глаза имѣютъ весьма боковое расположеніе, видѣть впередъ обоими глазами вдругъ, и распространяетъ зрѣніе ихъ назадъ.

Самая свѣтлая плева не мясиста или шаровидна, какъ прежде полагали, а волокниста. Въ свѣтчатой плевѣ продолжаются волокна оптического нерва, и, выходя изъ точки, въ которой этотъ нервъ проникаетъ въ глазъ, какъ-бы изъ общаго центра, и правильно распространяется въ видѣ лучей къ окружности. Отъ этого происходитъ то, что поблизости къ центру они, будучи расположены одинъ на другомъ, составляютъ толстый пластъ, между-тѣмъ какъ къ окружности они составляютъ болѣе тонкій, потому что эти волокна, чрезвычайно тонкія

безъ вѣтвей во всей своей длинѣ, расположены въ одинъ рядъ. Это образованіе, гораздо лучше чѣмъ устройство мякотное, объясняетъ удивительное разнообразіе отдельныхъ впечатлѣній, которыя доставляетъ намъ зрѣніе, и объясняетъ намъ, почему мы видимъ такъ живо предметы, которыхъ образъ падаетъ на центральный, то есть, самый толстый пунктъ сѣтчатой плевы, ибо тогда лучи проходятъ въ одно время черезъ нервныя волокна, и почему постепенно слабѣютъ впечатлѣнія, производимыя образами, отражающимися въ боковыхъ частяхъ глаза. Это ослабленіе происходитъ совсѣмъ не отъ косвеннаго паденія свѣтлыхъ лучей. Юнгъ признавалъ уже, что эта странность должна быть приписываема постепенному уменьшенію чувствительности отъ центра къ окружности сѣтчатой плевы, уменьшенію, которое онъ допускалъ, не стараясь объяснить его. Притомъ, внимательнымъ наблюденіемъ надъ самимъ собою, можно удостовѣриться, что боковые предметы мы видимъ *только слабѣе, а не меньше ясно*, чѣмъ предметы средоточные. Самый густой пунктъ сѣтчатой плевы, авторъ называетъ зрительнымъ центромъ, а ось, проходящую изъ этого пункта черезъ центръ роговой оболочки, зрительною осью. Такъ какъ оптическій нервъ проникаетъ въ глазъ большею частию не въ средину глубины его, то зрительный центръ не соответствуетъ оптическому центру, и зрительная ось не совмѣшивается съ осью оптическою. Оптическій нервъ проникаетъ въ глазъ гораздо болѣе сзади оптическаго центра у животныхъ, у которыхъ глаза имѣютъ весьма боковое расположеніе, какъ на примѣръ у отпрыгающихъ жвачку, у птицъ, пресмыкающихся и рыбъ. Поэтому ясно, что они должны косить для того, чтобы хорошо видѣть. Быкъ, на примѣръ, если онъ хочетъ посмотрѣть вдругъ обоими глазами на какой нибудь предметъ, находящійся впереди, долженъ сосредоточить на этомъ предметѣ зрительныя свои оси, которыя вообще болѣе направлены впередъ, чѣмъ оптическія оси, и такимъ образомъ исправляютъ боковое расположеніе глазъ. Оптическія оси останутся тогда внѣ, и намъ будетъ казаться, что быкъ косить врозь; отчего и происходитъ его обыкновенный бессмысленный и свирѣпый взглядъ. У человека ось зрительная и ось опти-

ческая совершенно совпадаютъ, хотя вступленіе оптическаго нерва въ глазъ не соответствуетъ оптическому центру; но у него это вступленіе не есть самый густой пунктъ съчатой плевы: большая часть нервныхъ волоконъ обращается къ желтому пятну; многіе изъ нихъ входятъ въ него, и потому выходятъ какъ изъ своего истиннаго центра, а это пятно совершенно совпадаетъ съ геометрическою срединою дна глаза. Отъ этого происходитъ, что человекъ здоровый не коситъ.

3. Вліяніе луны на нашу атмосферу. Этотъ занимательный предметъ нынче весьма обращаетъ на себя вниманіе ученыхъ, которые стараются изслѣдовать, что есть истиннаго или ложнаго въ народномъ предразсудкѣ о вліяніи луны. Мы уже говорили въ нашемъ журналѣ объ изысканіяхъ Гг. Шублера и Дарсе касательно количества дождя, ниспадающаго при разныхъ фазахъ луны, и вѣроятнаго ея вліянія на переменныя погоды. Въ послѣдней нашей книжкѣ мы говорили также о дѣйствіяхъ луннаго свѣта въ весьма жаркихъ странахъ, по наблюденіямъ собственнымъ нашимъ и Г. Монтгомери и Мартина. Надобно замѣтить, что Флогергъ, основываясь на другихъ данныхъ, открылъ явленіе важное и неожиданное. При наблюденіяхъ своихъ, произведенныхъ въ Виввѣ, онъ замѣтилъ, что барометръ стоитъ среднимъ числомъ на низшей точкѣ въ 11-й день луны и на высшей въ 22-й; что между этими двумя крайними точками, онъ постепенно измѣняетъ свое положеніе, совершая такимъ образомъ въ каждый лунный мѣсяцъ определенное движеніе, которое идетъ нѣсколько быстрее при возвышеніи, чѣмъ при пониженіи.

Результатъ, полученный Флогергомъ, долгое время оставался былъ безъ вниманія, вѣроятно, потому что онъ противорѣчитъ всемъ аналогіямъ. И дѣйствительно, аналогія могла показать въ атмосферическихъ движеніяхъ, происходящихъ отъ дѣйствія луны, только измѣненія дневныя, какъ приливы, а между-тѣмъ дневной періодъ высоты барометрической слѣдуетъ совершенно другимъ законамъ.

Но въ вопросахъ этого рода, гдѣ неправильныя уклоненія частныхъ наблюденій далеко уходятъ за границы правиль-

ныхъ измѣненій, которыя хотѣтъ привести въ ясность, явленіе можетъ почтаться доказаннымъ только тогда, когда многочисленныя наблюденія, раздѣленные между собою разстояніемъ мѣстъ и пространствомъ времени, представляютъ тождественные результаты.

Поэтому желательно было, чтобы и безъ того уже длинный рядъ барометрическихъ высотъ, замѣченныхъ въ Парижѣ, былъ подвергнутъ тому разсмотрѣнію, котораго образецъ и результатъ Г. Флогергъ представилъ въ Визь. Надобно было, такъ же какъ дѣлалъ Г. Шублеръ въ Тибингенѣ, отицать вмѣстѣ съ барометрическими измѣненіями и другія метеорологическія явленія, дождь, вѣтры, состояніе неба.

Эта работа произведена Г-мъ Буваромъ. Таблицы его, расположенныя почти такъ же какъ и Шублеровы, ясно показываютъ существованіе барометрическаго періода, который равняется съ луннымъ періодомъ; широта уклоненія почти та же, которую означаетъ Флогергъ; высшія точки стоянія соотвѣствуютъ тѣмъ же эпохамъ луннаго мѣсяца. Между тѣмъ довольно вѣроятно, что эти эпохи и широта зависятъ некоторымъ образомъ отъ мѣстности. Это надобно полагать по стариннымъ изысканіямъ Поатевена и Пильграма, и по новому сочиненію Г-на Марсе въ Женевѣ. Въ таблицахъ Г. Бувара, равно какъ и въ Шублеровыхъ, видно, что количество дождя и число дождливыхъ дней согласуются въ отношеніи къ вліянію лупы съ ходомъ барометра.

Общіе результаты, о которыхъ говорили мы; и теперь уже могутъ занять мѣсто свое въ наукѣ. Что касается до движеній атмосферы и барометра, связанныхъ не съ луннымъ мѣсяцемъ, а съ другими періодами, напримѣръ съ эпохою нахождения Земли въ углахъ эклиптики или въ перигеѣ, то надобно ожидать новыхъ наблюденій. Относительно къ періодамъ столь долгимъ, къ движенію столь медленному, явленія, состоящія въ связи между собою, кажутся какъ-бы простыми отдельными фактами.

4. *Составъ атмосфернаго воздуха.* Известно, что на 100 частей обыкновеннаго воздуха химическое разложеніе даетъ

почти 20 частей кислорода и около 80 частей азота: углеродъ входитъ въ составъ воздуха въ весьма маломъ содержаніи. Гг. Швалье и Бусенгъ удостовѣрились, что въ немъ присутствуетъ еще газъ нашатырный, котораго количество различно, смотря по мѣстоположенію, но тѣмъ не менѣе приметно и во многихъ случаяхъ даже очень значительно. Разлагая воду, осаждающуюся съ воздуха черезъ охлажденіе, то есть, обыкновенную росу, мы находимъ въ ней растворенный нашатырь, и даже вещества органическія.

Должно полагать, что наблюденія Гг. Швалье и Бусенгъ относятся къ воздуху городовъ, которые всегда издыхаютъ изъ себя множество нашатырю въ летучемъ состояніи. Известно также, что воздухъ погребовъ и отхожихъ мѣстъ содержитъ въ себѣ и разные другіе газы. Во всякомъ случаѣ, должно сожалѣть, что наблюдатели не означили количества полученнаго ими нашатырнаго газа, и не опредѣлили мѣстныхъ обстоятельствъ воздуха, который имъ его доставилъ.

5. Жабій дождь. Неразъ уже писали о жабахъ, выпадающихъ съ дождемъ съ атмосферы: естественныя испытатели приписываютъ это явленіе глазному обману, полагая, что жабы пребываютъ тутъ въ землѣ и послѣ дождей только выходятъ толпой на поверхность, чтобы наслаждаться сыростью. Многіе однако жъ утверждали, будто сами видѣли жабъ, падающихъ съ воздуха. Полковникъ Мармидъ сообщилъ Академіи свое наблюденіе, сдѣланное въ департаментъ Сены-и-Оазы, и могущее усугубить любопытство ученыхъ объ этомъ занимательномъ вопросѣ. Онъ гулялъ въ полѣ; вдругъ, въ недалекомъ разстояніи, разразилась гроза изъ небольшой черной тучи, быстро помыкаемой южнымъ вѣтромъ. Пришедши на мѣсто, куда пролился обильный дождь, онъ нашелъ землю усыпанною жабками въ несметномъ количествѣ. Этотъ посѣвъ молоденькихъ гадовъ въ точности слѣдовалъ направленію тучи, на пространствѣ ста сажень. По мѣрѣ того, какъ туча разсѣвалась, и число жабъ становилось меньше. Хотя самъ онъ не попалъ подъ отвратительный градъ пресмыкающагося юношества, но, по всемъ соображеніямъ, долженъ приписать его разръ-

пенію тучи отъ бремени. Онъ не отыскалъ никакого слѣда выходу этихъ животныхъ изъ-подъ почвы, и они не могли родиться изъ яицъ и достигнуть такого возраста въ пять или шесть минутъ, тѣмъ болѣе, что, въ теченіе цѣлыхъ слѣдующихъ сутокъ, не много увеличили объемъ своего тѣла. Посѣтивъ то же мѣсто на другой день, Г. Марье пошелъ ихъ едва вдвое больше вчерашняго.

АНГЛІЙСКОЕ ОБЩЕСТВО СПОСПѢШЕСТВОВАНІЯ НАУКАМЪ. *Новое объясненіе главнѣйшихъ атмосферическихъ явленій.* Въ Сентябрь мѣсяцъ собралось въ Единбургъ Англійское Общество Споспѣшествованія Наукамъ, образовавшееся по примѣру ученыхъ съездовъ въ Германіи и во Франціи. Въ одномъ изъ любопытныхъ его засѣданій профессоръ Стивелли говорилъ о возможности объяснять главнѣйшія атмосферическія явленія соотвѣтственно дознаннымъ началамъ Физики.

Облака, по мнѣнію ученаго профессора, состоятъ изъ очень мелкихъ водяныхъ шариковъ, а не такъ, какъ вообще полагаютъ, изъ пузырьковъ, заключающихъ въ себѣ влажный воздухъ, который стремится разрывать ихъ. Главный доводъ, на которомъ онъ основываетъ свое положеніе, состоитъ въ томъ, что не доказано существованіе ни одного физическаго закона, которымъ объяснилось бы образованіе пузырчатыхъ облаковъ, между-тѣмъ какъ изъ дознанныхъ законовъ волосянаго притяженія очень можно вывести образованіе мелкихъ водяныхъ шариковъ въ какой-нибудь части пространства, до того отягченной водяными парами, что она не можетъ долге сдерживать ихъ: должно замѣтить, что промежутки, которыми въ такомъ случаѣ шарики отдѣляются одинъ отъ другаго, остаются гигрометрически суше прежняго. Шарики могутъ держаться на воздухѣ потому, что они очень мелки: всѣхъ каждаго шара уменьшается соразмѣрно кубу его радіуса. Притомъ же извѣстно, что въ облакахъ весьма много электричества, и потому каждый шарикъ долженъ имѣть свою собственную электрическую атмосферу, которая, отталкивая окружающій сухой воздухъ, какъ отталкиваются сердцевинные шарики, распространяетъ объемъ капли, отнюдь не увеличивая ее тяже-

сти. Г. Стивелли изложилъ потомъ дѣйствія такого образованія облаковъ: отъ утраты водою упругаго ея состоянiя, или напряженности, остается въ облакѣ пустота, которою части его держатся вмѣстѣ, и которая производитъ другія важныя слѣдствiя, необходимо вытекающiя изъ извѣстныхъ законовъ, и замѣчаемыя на самомъ дѣлѣ. Такъ, окружающiй, сравнительно влажный, воздухъ врывается въ пустоту, расширяется, и лишаясь возможности удержать пары свои въ невидимомъ состоянiи, образуетъ новую часть облака. Третье дѣйствiе состоитъ въ томъ, что пониженiе температуры, слѣдующее за расширенiемъ газовъ, часто перевѣшиваетъ освобожденiе скрытаго облачными частями теплорода, при переходѣ ихъ изъ состоянiя паровъ въ водяное. Въ этомъ случаѣ, отъ врывающагося влажнаго воздуха отдѣляется больше облака, но нѣтъ сомнѣнiя, что такiе переходы по нѣкоторомъ времени прекращаются; каждый шагъ приближаетъ здѣсь къ установленiю атмосферическаго равновѣсiя. Облака, составляющiяся послѣдними двумя способами, профессоръ называетъ второстепенными, между-тѣмъ какъ прочiя могутъ быть названы первичными. Четвертое слѣдствiе образованiя облаковъ заключается въ столь сильномъ нарушенiи атмосферическаго равновѣсiя, что отъ него происходятъ вѣтры, болѣе или менѣе сильныя, смотря по обстоятельствамъ. Пятое слѣдствiе есть, иногда весьма значительное, усиленiе электрическаго напряженiя облачныхъ частей, которое объясняется обыкновенными началами электричества, особенно же тѣмъ, что съ уменьшенiемъ величины наэлектризованнаго тѣла возрастаетъ электрическое его напряженiе. Г. Стивелли объяснялъ потомъ, какимъ образомъ противное электричество облаковъ происходитъ отъ сближенiя ихъ между собою, и особенно отъ встрѣчи съ вершинами горъ или холмовъ, къ которымъ они какъ-бы примыкаютъ. Когда же два противно наэлектризованныя облака сойдутся вмѣстѣ, тогда шарики ихъ притягиваются, и слившись, или опускаются ниже въ видѣ густѣйшаго облака, или, когда они такъ велики, что образуютъ капли, ниспадаютъ на землю въ видѣ дождя. На основанiи законовъ электричества ученый профессоръ показалъ, что въ продол-

женіе грозы это явленіе должно часто возобновляться, равно какъ и повторяющіеся раскаты грома. О тучахъ идущихъ по-видимому противъ вѣтра, о духотѣ, которая предшествуетъ обыкновенно грозамъ, объ вихрѣ, которыми онѣ начинаются, и о свѣжемъ вѣтеркѣ, дующемъ послѣ нихъ, онъ говорилъ какъ о простыхъ свѣдѣніяхъ своей теоріи, и заключалъ слѣдующимъ замѣчательнымъ объясненіемъ града.

Послѣ сильнаго ливня въ высотахъ атмосферы внезапно образуется иногда обширная пустота, которая поглощаетъ столько теплорода, что остальные дождевыя капли замерзаютъ и падаютъ уже въ видѣ градинъ. Въ подтвержденіе этого положенія Г. Стивелли упомянулъ о образованіи искусственнаго града въ Хемпицкихъ рудокопняхъ, въ Вестрїи. Тамъ, сточная вода подымается вверхъ машиною, въ которой обыкновенный воздухъ крѣпко спирается въ большомъ чугунномъ котлѣ. Покамѣсть воздухъ сжать очень сильно, рудокопъ приглашаетъ посетителя подставить шляпу подъ кранъ, который онъ повертываетъ: спертый воздухъ, вырываясь изнутри и задвѣвая поверхность воды выбрасываетъ ее въ видѣ сосулекъ, которыя смерзаются отъ холода, произведеннаго расширяющимся воздухомъ. Онъ обыкновенно пробиваютъ шляпу къ горькому изумленію посетителя и ко всегдашней потѣхѣ рудокоповъ.

ДѢЙСТВІЕ РУССКАГО МОРОЗА НА ЖЕЛѢЗНО И ГАЗОВЫЕ ЛАМНЫ. Въ журналѣ *Mesanic's Magazine* находимъ мы весьма любопытныя практическія замѣчанія Г. Рйда, служившаго при одномъ изъ казенныхъ заведеній въ Петергофѣ, о сокращеніи желѣзныхъ полосъ отъ стужъ нашего климата и о неудобствахъ, предполагаемыхъ морозомъ освѣщенію газомъ. Эти замѣчанія, сдѣланныя на родной нашей землѣ, должны по принадлежности возвратиться къ намъ, въ область нашего свѣдѣнія.

Въ 1832 году Г. Ридъ употребилъ въ токарномъ станкѣ желѣзный прутъ известной длины, утвержденный концами въ дерево, и оставилъ станокъ на дворѣ. Въ одну ночь случился сильный морозъ, и прутъ выпалъ изъ мѣсть, въ которыя упирались концы его. Никто до него не дотрогн-

вадся; на снѣгу не видно было ни чьихъ слѣдовъ, и причина обрушенія очевидно заключалась въ добровольномъ сжатіи металла отъ холода.

«Для измѣренія этого сжатія, говоритъ Г. Ридъ, въ слѣдующее лѣто я взялъ шестигранный чугунный пруть въ 10 футовъ длины и въ 3 дюйма поперечника, приложилъ его къ сухой сосновой доскѣ въ 12 футовъ длины, 1 дюйма толщины и 4 дюйма ширины, которая была десять или двѣнадцать лѣтъ въ употребленіи, и привинтилъ къ этой доскѣ двѣ скобы такъ, чтобы онѣ плотно приходились къ концамъ чугуннаго прута. Реомюровъ термометръ показывалъ тогда 14 градусовъ тепла въ тѣни. Въ прошлую зиму выставилъ я доску съ прутьемъ на дворъ, положивъ ее на два кирпича, чтобъ ловчѣе было мѣрять, и чтобъ морозъ дѣйствовалъ на нее со всѣхъ сторонъ одинаково. Когда термометръ опустился до 14 градусовъ холода, я замѣтилъ, что прутьъ сталъ короче на десятую долю дюйма. Измѣривъ его на другое утро, нашелъ я то же самое; но когда морозъ усилился до 21 градуса, онъ сократился ровно на осьмую долю дюйма.

Такое сжатіе весьма важно въ практическомъ отношеніи, особенно при постройкѣ чугунныхъ мостовъ: не излишне расчестъ, что, при 14 градусахъ холода, на сто футовъ длины сокращеніе металла уже равняется по-крайней-мѣрѣ цѣлому дюйму; слѣдственно шести вершкамъ на сто сажень длины, — а это именно длина Соутварк-скаго Моста въ Лондонѣ. Когда морозъ возвышается до 21 градуса, то восемьдесятъ сажень длины уже представляютъ вамъ сокращеніе равное шести вершкамъ, а сто сажень чугуна въ длину сжимаются цѣлымъ полуаршиномъ. Какія несчастія могутъ произойти отъ подобнаго измѣненія размѣровъ, если при утвержденіи концевъ полосъ количество сжатія не было принято въ соображеніе!

«Морозъ въ прошлую зиму не превосходилъ въ Петербургѣ 25 градусовъ, но и этого слишкомъ достаточно для причиненія ужасныхъ неудобствъ въ трубкахъ, проводящихъ газъ въ лампы, потому что, какъ скоро онъ разъ замерзнуть, ихъ нельзя уже употреблять до Апрѣля, даже до Мая мѣсяца: въ некоторыхъ мѣстахъ, 4 Юля мы нашли

еще мерзлую землю не глубже двухъ аршинъ отъ поверхности почвы. При 12 и даже при 10 градусахъ холода газъ приходитъ въ твердое состояніе за стѣною дома. Одинъ мадьяецъ обширной фабрики въ Петербургѣ сказывалъ мнѣ, что газовыя лампы, выставленныя немножко подальше отъ строенія, причиняютъ ему неимоверныя хлопоты. Въ нашемъ заведеніи есть двѣ газовыя лампы у главнаго входа: трубки нарочно дано косвенное направленіе внизъ, чтобы отвердѣлый газъ могъ самъ выпасть изъ нея на мѣдное блюдечко, къ ней привѣшенное, и хотя много его освобождается такимъ образомъ изъ своего заключенія, однако въ сильнѣйшія стужи газъ превращается въ совершенный ледъ въ разстояніи полуаршина отъ рожка, и огонь по необходимости гаснетъ. Я снялъ однажды мѣдное блюдечко, когда оно наполнилось льдомъ, выпадающимъ изъ трубки, и поставилъ его на легкомъ огнѣ: когда жидкость испарилась, остальное начало горѣть желто-синимъ пламенемъ, достаточно обнаруживающимъ водородный газъ.»

ПОВТОРИТЕЛЬНОЕ ПРИВИВАНІЕ ОСПЫ. Въ послѣдніе годы было множество примѣровъ натуральной оспы, которою заражались люди, уже имѣвшіе оспу прививную: это возбудило вниманіе врачей и даже многихъ Европейскихъ правительствъ. Быть-можетъ, что при открытіи прививанія коровьей оспы, огромные результаты этого благотельнаго открытія заставили врачей выпустить изъ виду многіе случаи, когда прививная оспа не предохраняла отъ натуральной; быть-можетъ также, что этихъ случаевъ и дѣйствительно не бывало до послѣдняго времени. Какъ бы то ни было, но этотъ вопросъ заключаетъ въ себѣ одну изъ задачъ важнѣйшихъ для блага человечества и будущей судьбы его. Дѣйствительно, допустивъ, — что впрочемъ вѣроятно, — что случаи безуспѣшности прививной оспы являются въ наше время чаще, чѣмъ въ началъ нынѣшняго вѣка, мы найдемъ нѣсколько способовъ объяснить это явленіе, и всѣ они приведутъ къ практическимъ результатамъ, весьма важнымъ. Если положимъ, согласно съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ врачей, что коровья оспа потеряла нынѣ свою силу, и что эта искусственная болѣзнь, лишившись, подобно нѣкоторымъ

естественнымъ болѣзнямъ, части своего дѣйствія, не можетъ уже столь же вѣрно какъ прежде предохранять отъ натуральной оспы, тогда очевидно, что надобно будетъ восходить къ первому источнику прививанія и, если можно, возобновлять эту операцію въ довольно близкіе сроки. Но эта гипотеза не выдерживаетъ разсмотрѣнія, потому что коровья оспа представляла тѣ же самыя явленія у людей, которымъ прививаютъ ее нынче, какъ и у тѣхъ, которымъ привита была въ первый годъ своего изобрѣтенія. Если напротивъ мы предположимъ, что коровья оспа такъ же сильна нынѣ, какъ была прежде, но что дѣйствительность ея въ каждомъ чело­вѣкѣ ослабѣваетъ по мѣрѣ того, какъ онъ входитъ въ лѣта, и что чело­вѣкѣ, которому она привита, когда ему было полгода, годъ, два года, достигнувъ юношескаго возраста, лишился уже части покровительственнаго дѣйствія коровьей оспы, тогда очевидно, что для взрослыхъ, то есть, для тѣхъ, которымъ оспа привита была въ младенчествѣ, и которые достигли двадцати-лѣтняго возраста, надобно было бы искать новаго покровительственнаго средства и изслѣдовать, можетъ ли прививаніе быть возобновлено у нихъ, и можетъ ли это повторительное прививаніе предохранить взросло­го чело­вѣка отъ натуральной оспы, какъ коровья оспа, привитая въ младенчествѣ, предохраняетъ, повидимому, до извѣстнаго возраста.

Эти вопросы побудили производить повторительное прививаніе коровьей оспы въ Англіи, Франціи и Германіи; важнѣйшіе факты собраны въ особенности въ послѣдней странѣ. Двѣ главнѣйшія Германскія державы воспользовались благопріятными обстоятельствами, представляемыми многочисленностью и дисциплиною ихъ армій, чтобы произвести рядъ опытовъ, могущихъ уничтожить всѣ сомнѣнія на счетъ повторительнаго прививанія коровьей оспы, не подвергая между-тѣмъ ни какой опасности ни здоровья войскъ, ни спокойствія жителей тѣхъ странъ, въ которыхъ они рас­положены. Первые опыты произведены въ 1829 году и были таковы, что потребовали произведе­нія ихъ въ большемъ размѣрѣ. Въ 1831, 1832 и 1833 годахъ повторительное прививаніе произведено было во мно-

гихъ полкахъ; оно продолжается и доселѣ, и представляетъ самые счастливые результаты.

Еще до 1829 года всѣ Виртембергскіе солдаты, которые не имѣли натуральной или прививной оспы, были подвергаемы прививанію коровьей оспы, при вступленіи своемъ въ службу. Оспенная зараза, свирѣпствовавшая въ Штутгардѣ въ 1829 году, заставила военного министра предписать, чтобы оспа прививаема была всемъ рекрутамъ, у которыхъ не окажется явственныхъ знаковъ натуральной или прививной оспы. Это повѣтріе снова появилось въ 1832 году въ Ульмскомъ, а въ 1833 въ Лудвигсбургскомъ гарнизонѣ, и 7 Февраля 1833 года предписано было привить оспу всемъ молодымъ солдатамъ, не разсматривая того, есть у нихъ оспины или нѣтъ; черезъ нѣсколько времени снова отдано было предписаніе привить оспу всемъ, безъ исключенія, солдатамъ Ульмскаго и Лудвигсбургскаго гарнизонѣ, потому что натуральная оспа весьма сильно свирѣпствовала въ этихъ городахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Лудвигсбургскому доктору, Гейму, поручено было наблюдать за повторительнымъ прививаніемъ оспы всемъ солдатамъ Виртембергской арміи.

Этотъ ученый профессоръ представилъ Лондонской Медицинской Коллегіи свѣдѣнія произведенныхъ имъ доселѣ наблюденій; они такъ занимательны, что мы долгомъ почитаемъ изложить ихъ здѣсь вкратцѣ. Таблица, въ которой означилъ онъ результаты повторительнаго прививанія коровьей оспы Виртембергскимъ рекрутамъ съ 1829 по 1833 годъ включительно, показываетъ, что эта операція произведена была надъ 4802 человѣками съ следующими послѣдствіями :

Съ полнымъ успѣхомъ надъ	1208 ч.
Съ несовершеннымъ успѣхомъ	956.
Съ успѣхомъ, въ подробности неизвѣстнымъ	914.
Всѣхъ успѣха	1774.
	<hr/>
	4802 ч.

Если изъ общаго числа (4,802) мы вычтемъ 914 случаевъ, о которыхъ нѣтъ вѣстій довольно точныхъ для того, чтобы ихъ можно было отнести къ случаямъ совершенно успѣшнымъ, то увидимъ, что совершенно успѣшныхъ прививаній

было 30 на сто, несовершенно успѣвшихъ 24 на сто, и совсѣмъ неуспѣвшихъ 46 на сто. Эти результаты опровергаютъ утвержденія врачей, которые, произведя одинъ или два раза безъ успѣха повторительное прививаніе, утверждаютъ, что оно никогда не удастся.

Та же таблица, по нашему мнѣнію, доказываетъ, что натуральныя или прививныя оспины, на которыя доселѣ обращали такое вниманіе, почти ничего не значатъ, по крайней мѣрѣ у людей старѣе 20 или 21 года.

Оспины Несовершенныя. Отсутствие Знаки натуральной оспины. оспины. оспины. оспины.

Повторительное прививаніе, совершенное съ полнымъ успѣхомъ.....	664	259	281	4
Съ несовершеннымъ успѣхомъ.....	572	71	1	2
Безъ успѣха.....	957	500	259	8

Изъ этой таблицы видно, что присутствіе оспинъ, доказывающихъ успѣшность перваго прививанія, не послужило препятствіемъ повторительному прививанію у половины тѣхъ, у которыхъ оно совершенно съ наилучшимъ успѣхомъ, между тѣмъ какъ изъ 1724 человекъ, на которыхъ оно не произвело ни какого дѣйствія, и у которыхъ слѣдственно надобно было бы предполагать оспины совершенныя, у 500 человекъ были только несовершенныя оспины, а у 259 ихъ совсѣмъ не было.

Докторъ Геймъ заключаетъ изъ этого и изъ другихъ подобныхъ фактовъ, что осмотръ знаковъ, оставленныхъ первымъ прививаніемъ, ни сколько не нуженъ, и что по присутствію или отсутствію оспинъ ничего нельзя заключать о способности человека къ принятію вторичнаго прививанія.

Важнѣйшее обстоятельство, на которое докторъ Геймъ обращаетъ вниманіе въ своей запискѣ, есть, безъ сомнѣнія, дѣйствіе, произведенное, на свирѣпствовавшую въ то время въ Ульмѣ и Лудвигсбургѣ оспенною заразу, стараніемъ тамошнихъ начальствъ о распространеніи повторительнаго прививанія. Эта операція, совершенная въ несколько недель, безъ исключенія, надъ всеми солдатами, составлявшими гарнизонъ двухъ городовъ, немедленно и совершенно прекратила между ними заразу.

Другое обстоятельство, открытое докторомъ Геймомъ, и которое досель еще не было замѣчено или по-крайней мѣрѣ подкрѣплено такимъ множествомъ опытовъ, есть разность дѣйствія оспенной матеріи, происходящая отъ того, съ руки ребенка или съ руки взрослого взята она.

«Въ-первомъ кавалерійскомъ полку, говоритъ онъ, мы тщетно пытались произвести вторичное прививаніе посредствомъ свѣжей и хорошей матеріи, взятой съ руки ребенка. Наконецъ прививаніе удалось у одного солдата, у котораго было пятнадцать прыщиковъ со всеми признаками оспы; и потомъ мы, матерією, взятою съ него, привили оспу всѣмъ тѣмъ, у которыхъ она не удалась, когда прививали ее матерією, взятою съ ребенка. Даже и людямъ, принадлежащимъ къ высшему классу общества, и весьма хорошо расположеннымъ къ принятію оспы, мы часто не могли привить ея матерією, взятою съ ребенка, и почти всегда успѣшно прививали матерією, взятою у чловѣка взрослого.»

Въ Англіи, Германіи и у насъ существуетъ общее предубѣжденіе противъ оспенной матеріи людей взрослыхъ, несмотря на то, что докторъ Геймъ приписываетъ успѣхи свои именно употребленію оспенной матеріи взрослыхъ людей. «Это предубѣжденіе, говоритъ онъ, тѣмъ замѣчательнѣе, что оно опирается даже ни на какой благовидной причинѣ, и не подкрѣпляется ни какими фактами. Напротивъ я видѣлъ случаи, что матерія, взятая съ взрослыхъ людей, которыми оспа привита была во второй разъ, производила весьма хорошую оспу у дѣтей, подвергаемыхъ прививанію въ первый разъ. Но этого еще мало: нѣкоторымъ дѣтямъ я по нѣскольку разъ безуспѣшно прививалъ оспу матерією, взятою съ дѣтей, и оспа у нихъ принялась какъ-нельзя лучше, когда я привилъ ее матерією, взятою со взрослыхъ.»

КИТАЙСКІЙ ЛИСТОВОЙ СВИНЕЦЪ. Китайцы самымъ простымъ способомъ выдѣлываютъ тончайшій листовой свинецъ, въ которомъ отправляютъ чай за границу, и котораго никакъ не могли поддѣлать въ Европѣ, гдѣ онъ былъ бы такъ нуженъ для предохраненія разныхъ вещей отъ вторженія сырости. Его не раскатываютъ, какъ можно было бы

заклѣчить по тонкости, и не куютъ, какъ казалось бы вероятнымъ по наружному виду листовъ, но выливаютъ ихъ прямо такъ, какъ они и есть. Этимъ занимаются двое: одинъ сидитъ на полу; передъ нимъ большой плоскій камень и подвижная плоская жъ каменная плита. Товарищъ держитъ позади его тигель съ расплавленнымъ свинцомъ, и, когда пальеть его сколько нужно на большой камень, тотъ воднимаетъ вверхъ подвижную плиту, и опустивъ ее вдругъ на жидкій свинецъ, сдавливаеъ его въ плоскій, чрезвычайно тонкій листъ, который сейчасъ же снимается съ камня. Потомъ опять льютъ на него свинцу, дѣлаютъ другой листъ, и производство идетъ чрезвычайно быстро. Неровные края листовъ обрѣзываются и снова кладутся въ плавь. Одинъ Шотландецъ, по имени Ваделъ, видѣлъ этотъ способъ въ Китаѣ, и употребилъ его съ большимъ успѣхомъ при выдѣлкѣ весьма тонкихъ цинковыхъ пластинокъ для гальваническихъ опытовъ.

МЕРИНОСЫ ВЪ ИСПАНІИ. Въ небольшой книжкѣ вышедшей въ Лондонѣ подъ заглавіемъ — «Испанія вчерашняя и сегодняшняя,» находится любопытное свѣдѣніе о мериносахъ, которое мы здѣсь выпишемъ, такъ какъ эти добрыя животныя уже сдѣлались нашими соотественниками, и достойны своимъ поведеніемъ и своей шерстью всей любви нашей.

«Слово *merino*, принятое для означенія особенной породы овецъ, по-Испански собственно значить, «странствующій, блуждающій, кочующій,» и прекрасно выражаетъ ихъ свойство. Они никогда не остаются постоянно въ одномъ мѣстѣ, но переходятъ изъ одной провинціи въ другую. Въ началѣ Мая, до пяти милліоновъ мериносовъ переходятъ съ равнинъ Эстрамадуры, Андалузін, Старой и Новой Кастиліи и Леона въ горы Бискаіи, Наварры, Аррагоніи и обѣихъ Кастилій. На этихъ возвышенностяхъ находятъ они свѣжую, не изсушенную палящимъ зноемъ, траву. Въ долинахъ, она перегораеъ лѣтомъ до послѣдней былинки. Въ это время года, высоты, лежація около Сеговіи, всегда покрыты многочисленными стадами мериносовъ. Подробности ихъ странствованій очень занимательны. Хозяева богатѣйшихъ стадъ составили между собою общество, подъ названіемъ

«Месты»; законы его, какъ законы всякой монополіи, исполняются неизменно. Безъ существованія этого общества, частные владѣтели никакъ не могли бы ежегодно пересылать стаи овецъ изъ одной провинціи въ другую: и вотъ цѣль ея учрежденія. Обществомъ этимъ назначаются люди, подъ присмотромъ которыхъ стада перегоняются съ долинъ на горы и въ мѣста невоздѣланныя. Въ распоряженіи Месты находится отъ сорока до пятидесяти тысячъ пастуховъ; они ведутъ жизнь кочевую и почти дикую; земледѣліемъ вовсе не занимаются, и женятся очень рѣдко, исключительно посвящая себя овцеводству, въ которомъ очень искусны и сведущи. Мериносы, принадлежащіе Месты, раздѣляются на стада, въ которыхъ бываетъ по десяти тысячъ овецъ. Каждымъ такимъ отдѣленіемъ предводительствуетъ одинъ маюралъ, или главный пастухъ; въ распоряженіи его находится пятьдесятъ обыкновенныхъ пастуховъ и при нихъ столько же собакъ, для охраненія стада. Каждому маюралу дается отъ общества верховая лошадь и около тысячи пятисотъ рублей годоваго жалованья. Содержаніе прочихъ пастуховъ назначается сообразно съ ихъ искусствомъ и рачительн. Лучшіе получаютъ не болѣе сорока, а худшіе не менѣе десяти рублей въ мѣсяцъ: послѣдній отпускается, сверхъ того, въ день по два фунта хлѣба. Всякому пастуху дозволяется имѣть при стадѣ сколько онъ хочетъ козъ и овецъ; шерсть ихъ принадлежитъ однако жъ хозяину стада, а ему предоставляется молоко, мясо и приплодъ. Общество озабочивается заготовленіемъ большихъ запасовъ соли; ее отпускается овцамъ вдоволь, такъ, что на тысячу овецъ потребляется до двухъ тысячъ пятисотъ фунтовъ въ годъ. Места состоятъ изъ членовъ, имѣющихъ по четыре и до шести тысячъ головъ мериносовъ. Переходы этихъ огромныхъ стадъ совершаются сообразно съ обыкновеніями, существующими съ незапамятныхъ временъ. За известную плату, они имѣютъ право пастись на обширныхъ поляхъ, назначенныхъ для этого употребленія, и помѣщики не могутъ ничего требовать выше цѣны, которая однажды вѣсегда за то положена. Стада не могутъ вступать на обработанные земли, но владельцы ихъ обязаны оставлять имъ прохода овецъ свободное пространство въ 45 сажень двѣ

риною. Идучи по пастбищамъ, мериньсы совершаютъ по десяти верстѣ, а проходи обработанными полями — по двадцати пяти верстѣ въ сутки. Переходы ихъ обыкновенно простираются на семьсотъ и восемьсотъ верстѣ въ длину. Общество овцеводства, о которомъ мы упоминали, имѣеть свои собственные законы и особенное присутственное мѣсто, величаемое «Высокостепеннымъ Советомъ Месты.» Онъ состоитъ изъ четырехъ судей, и председателемъ его бываетъ одинъ изъ членовъ Кастильскаго Совета.

СЛѢДСТВІЯ ОБРАБОТКИ ЗЕМЕЛЬ. Г. Араго прекрасно доказалъ, что, по мѣрѣ воздѣланія странъ, зимы ихъ становятся легче, лѣта холоднѣе. Но слыжалъ ль онъ, чтобы обработка дѣлала земли необитаемыми, чтобы она была пагубой для цѣлаго плодоноснаго края? Вѣрно нѣтъ. Такъ пусть же онъ послушаетъ, что говорить Г. Говисонъ объ Южной Африкѣ въ сочиненіи — «Европейскія Колоніи, въ ихъ общественномъ, нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ,» — изданномъ въ Августѣ мѣсяцѣ.

«Извѣстно, какъ нельзя лучше, что во многихъ внутреннихъ частяхъ Южной Африки совершенно высыхаютъ ключи и источники, а дожди становятся годъ-отъ-году скуднѣе и недостатнѣе. Путешественникъ часто видитъ домы и мызы, покинутые козлевами за недостаткомъ въ водѣ, которой прежде всегда было у нихъ довольно; въ другихъ мѣстахъ можно жить только двѣ трети или половину года по той же причинѣ. Въ 1818 году, когда найдено было необходимымъ учредить новое селеніе на сѣверной границѣ колоніи, выборъ правительства палъ на низышнее урочище Блю-дортъ, какъ на плодоносное, богатое водою и по всему удобное мѣсто, и его купили у одного крестьянина за 14 тысячъ рейхсталеровъ. Въ то время было оно такъ известно своимъ роскошными пастбищами, что Голландское его прозваніе заимствовано отъ этого обстоятельства; но бывши уже десною 1830 года, я нацѣль всю окрестность такою руюю и бесплодною, что скотъ околѣвалъ безъ корма, и жители уверяли меня, что шесть лѣтъ не видали они порядочнаго дожда, указывая въ подтвержденіе словъ своихъ

на высохшее русло рѣки Гамки. Въ округѣ Албани, преимущественно занимаемомъ Англійскими поселенцами, засуха годъ-отъ-году усиливается, и многіе изъ нихъ предвѣдаютъ, что со-временемъ они должны будутъ покинуть свои мызы, и искать для себя новыхъ земель въ благопріятнѣйшемъ положеніи.»

До какого бѣдственнаго положенія доведены Южно-Африканскія колоніи этимъ страшнымъ явленіемъ, которое заслуживаетъ полное любопытство естественныхъ испытателей, можно судить изъ слѣдующаго:

«Здѣшніе поселане, боогъ, говоритъ Г. Говисонъ въ другомъ мѣствѣ, по необходимости довольствуются произведеніями своей почвы, какъ они ни малочисленны, и мало на свѣтъ людей, образованныхъ или дикихъ, которые вели бы жизнь, до такой степени лишённую удобствъ и наслажденій. Окруженные бесплодными, необитаемыми пустынями, вовсе не имѣя постоянныхъ сообщеній съ подобными себѣ существами, подверженные набѣгамъ Бушменовъ и нападеніямъ дикихъ звѣрей, наконецъ лишённые всѣхъ средствъ существенно улучшить свое состояніе, они считали бы себя несчастнѣйшими созданіями, если бѣ имѣли понятіе о немъ-нибудь *лучшемъ*; но теперь они довольны своею участью, и кажется, нѣтъ у нихъ желанія, котораго не могли бѣ они выполнить. Путешествуя по колоніи, я посетилъ мызу одного селянина на берегу Львиной Рѣки, Lion's River, близъ Бьюфорта, и ходилъ съ нимъ по его усадьбѣ. Онъ сказывалъ, что у нихъ не было дождя уже *четыре года*, и что соседственная рѣка такъ испортилась, что почти нельзя было изъ нея пить. Онъ пытался развести садъ, но безуспѣшно, по причинѣ щелочнаго свойства почвы: тутъ же показывалъ онъ маленькій уголокъ земли, нѣкогда чрезвычайно плодородной, который три раза въ одну пору засѣвалъ онъ пшеницею, и при всемъ томъ она едва возшла у него рѣдкими кочьями. Поверхность земли около его дома начала покрываться тонкимъ слоемъ селитры, и онъ не въ шутку говорилъ, что примется наконецъ за этотъ промыселъ, вмѣсто неудачнаго хлѣбопашества. Недавно лезъ растерзалъ двухъ лошадей его, а рогатый скотъ околѣвалъ у него безъ корму. Домашній его скарбъ состоялъ изъ двухъ

деревянныхъ стульевъ, большаго сундука, стола, кровати и кое-какой глиняной посуды. Хлѣба не отвѣдывалъ онъ нѣсколько недѣль, и не могъ стрѣлять дичи за неизмѣнимъ вороху.»

Мы привели эти свидѣнія не только для показанія неостыжимыхъ переменъ въ свойствѣ почвы и климата, происшедшихъ отъ расчистки земель того края, но и по поводу другаго важнаго вопроса, который долженъ скоро измѣнить Географію Африки. Колоніи, учрежденныя на западномъ ея берегу, по причинѣ убійственнаго ихъ климата и дознанной бесполезности, неминуемо будутъ оставлены: та же участь ожидаетъ и поселенія, основанныя съ такими издержками въ южной полосѣ этого негостепримнаго материка, внутренность котораго, кажется, не суждено знать Европейцу. Надежды, возбужденныя видами обширной торговли съ внутренними Африканскими народами, день-отодня исчезаютъ, по мѣрѣ того, какъ Англичане короче знакомятся съ мѣстными неудобствами. Большія рѣки западнаго берега, отъ которыхъ такъ много ожидали, оказываются несудоходными отъ безпрестанно увеличивающагося числа отмелей въ устьяхъ. Англія уже почти рѣшилась свои Африканскія колоніи опять уступить пустынямъ.

ВОДЯНОЙ ЧЕЛОВѢКЪ. Нѣкто, Г. Лудвигъ, путешествовалъ недавно по Венгріи, потому что нынче всѣ путешествуютъ, и издавъ по-Нѣмецки свое путешествіе, потому что нынче и Нѣмцы издають путешествія. Это бы еще не бѣда, но онъ рассказываетъ по-Нѣмецки такія вещи, какихъ давно уже не рассказываютъ и по-Китайски. Обстоятельство, которое мы приведемъ, можно было бы счесть за шутку, если бѣ въ цѣлой его книгѣ хоть сколько-нибудь обнаруживалась склонность къ шутовству: напротивъ, Г. Лудвигъ никогда не смѣется, и смѣяться не любитъ въ путешествіяхъ; онъ человекъ степенный, основательный, убитый или по-крайней-мѣрѣ израненный любовью, — такъ тутъ ужъ не до проказъ! Вотъ что онъ видѣлъ въ замкѣ Эстергази.

«Изъ Раба отправились мы въ Панкоте, а оттуда въ Эстергази, говоритъ онъ въ своемъ Reise in Ungarn, и вышли передъ самымъ замкомъ, чтобъ посмотреть на остатки

Древняго великолѣпія, которымъ блистала оныя, когда жила здѣсь князья, его владѣтели. Тутъ мы паткнулись на чѣтырехъ Венгрийскихъ жителей, которымъ тоже вздумалось побывать въ Венгрии, и вмѣстѣ съ ними пошли по комнатамъ замка. Въ одной изъ нихъ прекрасное собраніе Китайскаго фарфору. Зала обширна и примѣчательна отличительнымъ аль-фреско. Большая часть комнатъ расписана въ Китайскомъ вкусѣ, иногда по золотому грунту. Здѣсь видѣли мы изображеніе того чуднаго животнаго, которое было поймано въ соседственномъ Нейндлерскомъ озерѣ въ послѣдній годъ прошлаго столѣтія. Оно совсемъ какъ человекъ, но покрыто чешуей, и снабжено рыбьими перьями. Подъ тщательнымъ надзоромъ, это морское чудо постепенно привыкло къ людскому быту, и служило на кухнѣ за повареннаго. Оно не ѣло ничего, кромѣ сырой рыбы и жабъ, и не произносило ни одного звука. Наконецъ, когда перестали описаться, чтобы чудовище скрылось, и дали ему полную свободу, оно стосковалось на сушѣ, — притомъ же болѣло жожеть-быть и плетя, которую ему часто грозили, — и въ добрый часъ ускользнуло въ озеро. Естественная Исторія не представляетъ намъ ни какихъ свѣдѣній объ этой породѣ животныхъ, и появленіе подводнаго человека по-сю-сторону остается необъяснимою загадкой.»

ОПЯТЬ МЕМНОНОВЪ КОЛОСЪ. Въ первой книжкѣ В. для Ч. отдали мы отчетъ въ изысканіяхъ славнаго Французскаго антикварія и филолога, Г. Летронна, о причинѣ древней звучности огромной Оивской статуи, представляющей изображеніе одного изъ царей Египетскихъ, и прозванной Греками Мемнономъ, сыномъ Авроры. Г. Летронн доказывалъ исторически, что этотъ колосъ началъ издавать звуки при восхожденіи солнца только съ тѣхъ поръ, какъ верхняя его часть обрушилась отъ землетрясенія, бывшаго при Неронѣ, и пересталъ издавать ихъ, какъ скоро исправили его по повелѣнію Адриана. Эту таинственную звучность, которую древніе свидѣтели сравнивали со звономъ ударяемой миди, ученый изыскатель приписывалъ освобожденію изъ полостей статуй воздуха, сгубятаго лучами и выходящаго съ шумомъ въ какую нибудь трещину.

ну, слала тѣмъ съ Египетскихъ жрецовъ всю вину въ умысленномъ обманѣ. Вскорѣ потомъ Англійскій антикварій, Г. Вилькинсонъ, путешествовавшій по Египту, напечаталъ свои наблюденія надъ тѣмъ же колосомъ, который помѣстили мы во второй книжкѣ нашего журнала. Г. Вилькинсонъ спустился самъ въ него, черезъ голову, и нашелъ въ грудной полости Мемнопа движущійся камень: онъ ударялъ въ него жезломъ, и Арабы, стоявшіе у подножія испанской статуи, кричали ему: *Ты бьешь по мѣди!* Какое можетъ быть лучшее доказательство плутовства жрецовъ и несомнительности глубоко-ученыхъ выводовъ Г. Летроппа? Однако жъ это неожиданное открытіе Англійскаго путешественника, удовлетворившее многихъ критиковъ, ни сколько не уменьшаетъ достоинства прекрасныхъ изслѣдованій Французскаго академикъ. Г. Летроппъ все-еще правъ, и какъ вопросъ о звучности знаменитаго истукана самъ по себѣ чрезвычайно любопытенъ, то мы выпишемъ здѣсь отвѣтъ этого ученаго Г. Вилькинсону.

«Достоверно, во-первыхъ, что верхняя часть колосса уже упала, когда древніе путешественники, отъ временъ Страбона до Павзаніевыхъ, посѣщали его, и слышали звуки; во-вторыхъ, что возстановленіе его произошло послѣ путешествія императора Адриана; въ-третьихъ, что съ этого времени колоссъ молчалъ или, — по-крайней-мѣрѣ — объ немъ не говорятъ болѣе ни слова.

«Теперь, если звучный камень, о которомъ идетъ дѣло, помещенъ подъ грудью, онъ принадлежитъ къ части колосса, возстановленной Адрианомъ, и следовательно не существовалъ до возстановленія, то есть, именно въ то время, когда звучность статуи была наиболее извѣстною. Совершенное молчаніе колосса послѣ починки доказываетъ, что камень, о которомъ говоритъ Г. Вилькинсонъ, не могъ прежде быть употребленъ для произведенія предполагаемыхъ дѣйствій.

«Когда допустить, что звучный камень принадлежалъ къ верхней части колосса, тогда надо будетъ согласиться, что въ вѣдланъ въ статую незадолго до посѣщенія ея Страбонъ, потому что Страбонъ первый изъ писателей упоминаетъ объ этомъ феноменѣ. Но, какъ мы прежде говорили,

съ нимъ не связывали тогда ни какого религіознаго понятія; колоссъ не получилъ еще имени Мемнона, такъ, что никто не могъ находить своей выгоды въ подобномъ обманѣ; феноменъ былъ просто неважнымъ случаемъ, почти не обращавшимъ на себя вниманія. Пришлось бы также допустить, что во весь тотъ промежутокъ времени, пока дано было это фокусничество, камень былъ на самомъ верху оставшейся части статуи, и можно было бы спросить: какъ же ходилъ туда каждый день человекъ, что никто его не замѣтилъ? Не довольно было спрятаться въ пустоту, слѣдовало до нея вскарабкаться, и потомъ слѣзть оттуда невидимкою. Поэтому, нѣтъ возможности, чтобъ такой грубый подлогъ пробылъ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ въ совершенной тайнѣ, тѣмъ болѣе, что одни Греки могли принимать въ немъ нѣкоторое участіе, а Египтяне, какъ намъ положительно извѣстно, были его совершенно чужды. Имъ, естественнымъ образомъ, надлежало бы стараться разочаровать легковѣрныхъ, и обнаружить подлогъ, осквернявшій статую одного изъ древнихъ царей ихъ. Изъ одной охоты морочить добрыхъ людей, кто дерзнулъ бы обманывать самыхъ высокихъ особъ, правителей, полководцевъ, императоровъ, которые, въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ, посѣщали Мемнона, и слушали его звуки?

«Вотъ нѣсколько неразрѣшимыхъ историческихъ затрудненій, представляющихся въ открытіи ученаго Англійскаго путешественника; есть еще многія другія, но для изложенія ихъ потребовалось бы не мало времени: довольно и того, что мы теперь замѣтили.

«Мы отнюдь не думаемъ оспаривать дѣйствительность видѣннаго Г. Вилькинсономъ, ни подвергать сомнѣнію достоверность его показаній: мы допускаемъ ихъ во всей силѣ, и соглашаемся, что они подтвердятся будущими путешественниками: оспариваемъ только объясненіе, какое онъ даетъ на нихъ. Если звучный камень дѣйствительно существуетъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ его полагаетъ; если онъ точно за отверзтіемъ, не случайно образовавшимся, а продѣланнымъ нарочно, то и здѣсь, по внимательнѣйшемъ разсмотрѣніи вопроса, мы видимъ только позднѣйшую по-

мытку воспроизвести феноменъ, котораго существованіе прекратилось.

«Тѣ, которые, съ Адрианова времени, предприняли исполнскій трудъ починить колоссъ, конечно надѣялись придать феномену еще болѣе разительности и необычайности, но ошиблись въ расчетъ. Звукъ пересталъ быть слышимъ, и это доказывается совершеннымъ отсутствіемъ надписей послѣ временъ Септимія Севера, и молчаніемъ Исторія съ той же самой эпохи. Теперь, если размыслишь обо всемъ, что придавало феномену такую важность въ то время, когда борьба между язычествомъ и Христіанствомъ достигла высшей степени, то конечно должны будемъ допустить, что для людей, предпринявшихъ выполнить такую многостоящую работу, было крайне прискорбно открыть напоследокъ, что желанные звуки вовсе прекратились, и потому отнюдь не удивительно, если они старались произвести искусственнымъ образомъ то самое дѣйствіе, которое прежде обнаруживалось, не извѣстно отчего. Для этого сдѣлана была пустота въ возстановленномъ колоссѣ, и вложенъ звучный камень между песчаниковъ, неспособныхъ къ сотрясенію. Но такой подлогъ не долго могъ быть тайною; его надо было оставить, и съ тѣхъ поръ колоссъ замолкъ совершенно.»

«Если замѣчанія Г. Вилькинсона точны, то предложенное здѣсь объясненіе, кажется намъ, одно только согласно съ различными фактами, представляющимися здѣсь при внимательномъ разсмотрѣніи вопроса.»

«Но и въ этомъ случаѣ, открытіе ученаго путешественника было бы чрезвычайно любопытно; оно служило бы доказательствомъ той важности, какую возстановители статуи приписывали произведенію чуда, и обнаружило бы тѣ сильныя побужденія, которыя заставили ихъ предпринять такую работу.»

ПРОСТООВЫЧІЕ КОРОЛЕЙ ХИВЪКА. Въ спискѣ новыхъ Англійскихъ книгъ за прошлый мѣсяць читатели наши вѣрно замѣтили одну, подъ названіемъ — *Rotuli literarum claustrorum*, etc. — «Свитки закрытыхъ листовъ, отъ 1201 до 1224, сохраненные въ Лондонскомъ Towerъ.» Это сочи-

не занимательно не для однихъ только Англичанъ. Закрытыми листами, *litære clause*, назывались, — въ противоположность открытымъ листамъ, или патентамъ, *litære patentes*, — письма въ конвертахъ, запечатанные по нынѣшнему обычаю. Найденные въ Тоберѣ закрытые листы составляютъ переписку Англійскихъ королей XIII вѣка по нѣкѣ домашнимъ дѣламъ: это повелѣнія разнымъ лицамъ о наградахъ, доставкѣ живности, охотѣ, починкѣ дворцовъ и т. п., и вывѣтъ картина правоты и понятій того времени. Когда подумаешь, что Европейскіе дворы уже славялись тогда своею пышностью, множествомъ и цѣнностью своихъ алмазовъ, жемчуговъ, жемчугу, нельзя не удивляться простотѣ образа домашней жизни тѣхъ, которые своею призмою Исторіи кажутся намъ окруженными роскошью и гордыми величіемъ. Вотъ безцѣпныя черты для сочинителей историческихъ романовъ!

«Кормилица наша, Евва, говоритъ Король Іоаннъ въ одномъ изъ этихъ закрытыхъ листовъ, жаловалась намъ, что за нѣсколько времени удерживаютъ у ней жалованье по два пенса (20 коп.) въ день. Лорды Казначейства имѣютъ изслѣдовать сіе дѣло, и заплатить ей, что причтается.»

Другое письмо: «Алое платье, которое молодому королевичу Генриху должно надѣть въ Рождество, очень подержано и требуетъ починки: для сего надобны три съ половиною мѣха горюстаевыхъ; да одинъ сѣрый для нашей зеленой епанчи; да еще сѣрый же для заплатокъ въ праздничной шубѣ брата нашего, Ричарда. Исподнее платье наше, которое желаемъ мы надѣть на праздникъ, находится также въ неблагоприличномъ видѣ, и требуетъ возобновленія. О чемъ и предписывается высокогороду и зѣло богатому городу нашему, Лондону, для надлежащаго исполненія.»

Въ 1213 году, Іоаннъ Безземельный опять готовился праздновать Рождество Христово, и вотъ повелѣніе, писанное имъ по этому случаю къ одному изъ придворныхъ сановниковъ:

«Король Региналду Корпгиллю. Повелѣваемъ тебѣ, чтобъ немедленно по прочтеніи сего письма, прислалъ ты въ Виндзоръ двадцать оксофтовъ вина, вкусаго, добраго, молодого, и Гасконскаго, и Французскаго, да четыре оксофта самаго лучшаго для нашихъ собственныхъ устъ (*ad os nostr.*

гипп), два бѣлаго и два краснаго, и чтобъ сіе отправлено было безъ отлагательства и пришло бѣ къ намъ до Рождества. Къ сему жѣ дню потребно для насъ 20 штукъ свиней, да 100 куръ, да 50 фунтовъ воску, да 5 фунтовъ перцу, да 2 фунта шафрану, да 10 фунтовъ мшиаала, кореннаго и свѣжаго, да двѣ дюжины балетовъ, да 100 локтей полотна для скатертей, да 50 локтей тонкаго раниціану; да пряностей для соеенья, сколько сочтешь нужнымъ, и чтобъ все оное было выслано туда къ послѣдней Субботѣ или къ Воскресенью передъ Рождествомъ. Да еще помянень 1500 сельдей и другой рыбы и другихъ припасовъ, какъ тебѣ прикажетъ Ф. Лангебургъ. И все сіе купиши на обыкновенномъ рынкѣ, чѣмъ заслужиши нашу признательность, и счеши, какъ слѣдуетъ, представивши въ казначейство. Что касается до фазановъ или рбчиковъ и иныхъ птицъ, какихъ ты долженъ для насъ выбрать, то получиши ихъ съ мызы: Гидфордъ, 17 Декабря, 1213.»

ИСТОРИЯ ЗНАМЕНИТАГО ЯХОНТА, КУГИ-НУРЪ. Между тѣмъ, какъ сила оружія и воинская доблесть спорили на Западѣ о судьбѣ вѣковыхъ монархій, Восточные владыки изъ корыстолюбія заводили ничтожныя войны для грабежа и насыщенія личныхъ страстей. Въ Сентябрѣ 1812 года, по сверженіи съ престола Шахъ-Седжа, царя Кабульскаго, семейство этого несчастнаго государя вышло изъ земли своей, терзаемой междоусобною войною. Царца Вафъ-Бегумъ удалился въ Лагоръ, и жила тамъ, окруженная знаками величайшаго благорасположенія новыхъ своихъ хозяевъ; но Шахъ-Седжа, приведенный однимъ измѣнникомъ къ брату его, царствовавшему тогда въ Кашмирѣ, былъ заключенъ въ оковы и сдѣланъ его пленникомъ. Ренджитъ-Синъ, царь Лагорскій, зная, что это семейство обладаетъ превосходными драгоценными камнями, рѣшился убѣжденіемъ или силою добыть знаменитый *куги-нуръ*, яхонтъ несравненной красоты и славящійся въ цѣломъ Востокѣ по своей величинѣ и необычайному блеску, отъ чего его и прозвали «*горюю свѣта*.» Прибѣгалъ къ хитрости, казавшейся ему необходимою для успѣха въ своемъ предпріятіи, и рѣшившись впрочемъ сдѣлать для этого все нужныя пожер-

твованія, Ренджитъ объявилъ Вафъ-бегумъ, что намеренъ освободить силою ея мужа изъ пѣвна, въ которомъ содержится онъ у роднаго брата, и отдать въ его владѣніе крѣпость Ротась съ землею, достаточною для того, чтобы онъ могъ достойнымъ образомъ поддерживать свое имя. Этотъ планъ, внушенный, по-видимому, чистѣйшимъ великодушіемъ, упоевалъ Вафъ-бегумъ робостью и надеждою, когда одинъ изъ царедворцевъ объявилъ ей, что за это она должна уступить свой *куги-муръ*.

Вафъ-бегумъ увидѣла тогда всю великость пожертвованія, котораго отъ нея требовали, но обвѣщала все отъ имени своего супруга, и велѣла сказать Ренджитъ-Синю, что доставить къ нему яхонтъ свой, какъ скоро въ состояніи будетъ выкупить его въ Кашмирѣ, гдѣ онъ заложенъ за довольно значительную сумму. Но Ренджитъ-Синъ, котораго корыстолюбіе дѣлало недоверчивымъ, боялся, что это только отговорка; запретилъ Вафъ-бегумъ выходить изъ ея жилища, и поставилъ кругомъ часовыхъ, которымъ приказано было обыскивать всѣхъ имѣющихъ сношенія съ царницею; онъ даже до того простеръ свою жестокость, что не давалъ этой бѣдной женщинѣ ни хлѣба, ни воды.

Такимъ образомъ прошли два дня. Вафъ-бегумъ оказала твердость, необыкновенную въ особахъ ея пола. Видя, что надежды его не исполняются, Ренджитъ-Синъ прибынулъ снова къ прежней своей системѣ. Подъ предлогомъ освобожденія царя Кабульскаго изъ рукъ жестокаго брата, онъ заключилъ нѣсколько союзовъ, и убѣдилъ Визира Фетихъ-хана, управлявшаго тогда Афганистанскою провинціею, принять участіе въ его предпріятіи. Они осадили Кашмиръ, и освободили Шахъ-Седжа. Ренджитъ-Синъ отдалъ завоеванный имъ тронъ брату Фетихъ-хана, и, какъ-бы дѣйствуя по одному великодушію, увезъ съ собою царственнаго плышника, и раздѣлилъ съ нимъ почести торжества; но едва прошло нѣсколько дней, какъ Ренджитъ-Синъ снова началъ настоятельно требовать награды за свою экспедицію. Въ нетерпѣніи своемъ, онъ заключилъ это несчастное семейство въ его жилище, разлучилъ мужа съ женою, и подвергъ ихъ самымъ жестокимъ лишеніямъ. Между-тѣмъ цѣль его не была достигнута: онъ предложилъ сумму, пущую для выкупа ру-

бина, съ тѣмъ, чтобы онъ доставить ему былъ въ назначенное время; принужденный къ тому стѣсненнымъ своимъ положеніемъ, Шахъ-Седжа, который никогда не закладывалъ этого камня, рѣшился въ назначенный день молча бросить къ его ногамъ яхонтъ, завернутый въ холстину.

Но корыстолюбивому Ренджиту этого было еще мало: онъ жалѣлъ о суммѣ, пожертвованной теперь для выкупа яхонта, и, чтобы вознаградить себя за издержки содержанія своихъ плѣнниковъ, отнял у нихъ богатыя ихъ платья, оружіе, драгоценныя каменья и все, что у нихъ было лучше. Ограбивъ ихъ такимъ образомъ, онъ отправилъ этихъ несчастныхъ въ Лодіамъ, гдѣ Индійская Компанія производитъ имъ нынѣ 50,000 рупій пенсіи. Вотъ какимъ образомъ коварство сдѣлало царя Лагорскаго обладателемъ прекраснѣйшаго въ мірѣ рубина, который превосходитъ величиною и вѣсомъ самыя большіе изъ извѣстныхъ алмазовъ.

Съ того времени Ренджитъ-Синъ часто повторяетъ съ ироническимъ видомъ и какъ-бы насмѣхаясь надъ прежнимъ своимъ союзникомъ: «И за все это получалъ я одинъ только голышъ!»

ДИКАРИ НОВО-ЮЖНАГО ВАЛЛЕСА. Внутренняя часть этой ссылочной Англійской колоніи, покрытая горами и лѣсами, есть жилище первобытныхъ поколѣній острова, о которыхъ въ послѣднее время много писали въ разныхъ путешествіяхъ. Между прочимъ молодой натуралистъ, Г. Беннетъ, котораго не должно смѣшивать съ Беннетомъ миссіонеромъ («Путешествія Тейермена и Беннета,» Б. для Ч. книж. 2.), сообщаетъ объ нихъ очень любопытныя наблюденія, собранныя имъ въ 1832, 1833 и 1834 годахъ, и изданныя въ Лондонѣ подъ заглавіемъ — *Wanderings in New South Wales, Batavia, China, etc.*

«Я удостовѣрился, говорятъ Г. Беннетъ, что дикіе туземцы острова часто истребляютъ дѣтей своихъ: иногда они оправдываются тѣмъ, что въ ребенкѣ былъ какой-нибудь телесный недостатокъ, и оттого-то, можетъ-быть, рѣдко встрѣтишь между ними уродливаго челоуѣка; иногда все дѣло въ томъ, что матери не хотѣлось таскать его съ собою. Двочекъ умерщвляютъ чаще, нежели мальчиковъ. Я слы-

знать, что одного слабого и больного ребенка не только умертвили, но и съѣли: родители пашли къ этому достъ- точный поводъ въ томъ, что были голодны, а онъ никакъ не годился и только наводилъ имъ хлопоты. Однако жъ они стыдятся сознаваться въ такихъ поступкахъ, и восты- чѣмъ-нибудь оправдывались. Только одна женщина, роди- шаяся отъ Европейца, объявляла объ этомъ безъ зазрения совѣсти, говоря, что малютка былъ точно *saragum*, — то есть, собака. Это значить, что онъ былъ русый въ паде- ку, и цвѣтомъ волосъ походилъ на тамошнюю собаку, ме- жду-тѣмъ какъ у туземцевъ прекрасные черные кудри.

«Преданные двубоіиству, они въ другихъ случаяхъ объ- руживаютъ удивительную привязанность къ умершимъ дѣ- тямъ, и этому есть такіе примѣры, которые можно было бы почесть невѣроятными, если бы они не такъ часто случе- лись между племенами, живущими внутри колоніи. Матери кладутъ умершихъ дѣтей, отъ самаго ранняго возраста и до шести или до семи лѣтъ, въ мѣшокъ изъ кожи кайгару, привѣшиваютъ его, вмѣстѣ съ *нетбули*, или *кули*, въ кото- ромъ у нихъ обыкновенно съестные припасы, за спину, и носятъ съ собою десять, двѣнадцать мѣсяцевъ; даже спать на смертныхъ останкахъ, служащихъ имъ вмѣсто подушки, не заботясь, кажется, объ ужасномъ запахѣ, которымъ со- провождается гніеніе трупа. Вѣроятно, онъ къ этому при- выкаютъ; но женщину, обремененную такой тяжестью, обо- идешь издали, даже еще не выдавши, и чужестранецъ, ко- торому не известны ихъ обычаи, встрѣтившись съ нѣжною матерью, не знаетъ, что подумать объ этой вещи. Когда трупъ высохнетъ, или останутся одиѣ кости, ихъ сожигаютъ, хоронятъ въ землю или въ дупло дерева, и въ последнемъ случаѣ, ствертіе тщательно закладываютъ камнями и тому подобнымъ. Сколько я ни спрашивалъ объ этомъ сты- дительномъ обыкновеніи, только и могъ добиться, что если схоронить ребенка тотчасъ, то неравно *Буки*, или чортъ чертей, возьметъ его.»

Г-ЖА ТРОЛЛОПЪ ВЪ БЕЛЬГИИ И ГЕРМАНИИ. Какъ не говорить о Г-жѣ Троллопъ, когда она напишетъ книгу? Прежде была она ужасная либералка, но когда ей надо

рѣдкости свободы, она рѣшила что называется *рѣшить* раду о свободѣ, либералахъ и либералкахъ, и рѣжетъ ее урю и бойко. Помните, какъ отдымала она своихъ пріятелей, мерикандцевъ? Теперь, по очереди, принялась она за Бельгійца, И спасибо за это умной Англійской Хлестовой! Г-жа раллоцъ не прощаетъ даже я своему полу. Вотъ, напримеръ, картина дневной жизни Бельгійской дамы.

«Она обыкновенно встаетъ часу въ седьмомъ, если только дѣти, которыя всѣ спятъ у ней въ комнатахъ, не подымутъ раньше. Туалетъ ея не продолжителенъ, потому что поцелуемъ чепцу и темненькому бумажному халату, въ которыхъ она спитъ, присоединяется только черная юбка, — болѣе. Въ этомъ нарядѣ, съ однимъ ребенкомъ на рукахъ въ полудюжничной за собою, отправляется она завтракать, часто происходитъ на кухню, и оканчивается въ нѣсколькихъ минуть среди крика и ссоръ за ломти хлѣба съ масломъ за чашки кофе.

Послѣ этого подвига, дама принимается одѣвать свою мегу, и всегда дѣлаетъ это съ большимъ раченіемъ и опрятностью; потомъ дѣти идутъ въ школу.

Тутъ начинается общій смотръ всему дому, и горе притѣ, если вчерашніе огарки ниже ея чайныя, если найдется хоть одна пылпка на мебели или какая-нибудь чашка жется разбитою: преступленія такого рода всегда будутъ предметомъ самыхъ жестокихъ напряженій.

Наконецъ, благовѣстятъ къ обѣдѣ; прежній нарядъ заляется другимъ, — утреннимъ же и не слишкомъ щеголемъ: сверху накидывается черный сальонъ и чепчикъ, и, юрзачкой на рукъ, идетъ она прежде въ церковь, а потомъ на рынокъ и по другимъ дѣламъ.

Этотъ періодъ, блаженнѣйшій изъ всего ея дня, прокъвется до обѣда. На дорогѣ попадется знакомая, и пойдутъ самыя невинныя разговоры. Тутъ-то узнаетъ она, сколько Г-жа така-то передала за камбалу, и следовательно, какъ она дуриная хозяйка; а Г-жа вотъ та-то сушая скряга, торся цѣлые полчаса изъ осьмушки гороху; какой цагонай

Г-жа А. своей служанкѣ! а ребенокъ-то у Г-жи Б. заалъ! вообразите, аббатъ заходилъ къ дѣвицѣ В., и прокъ у ней по-крайней-мѣрѣ полчаса!!.....

«Но вотъ бѣтъ двѣнадцать, и всѣ сходится домой. Дѣти воротились изъ училища; опять поднялся шумъ и крикъ, и тѣ, которыя поменьше, стараются изо всѣхъ силъ, чтобъ обѣдъ былъ ничѣмъ не лучше завтрака. Обѣдаютъ въ прекрасной комнатѣ, убранный зеркалами, коврами и такъ дѣше, но лишенной тысячи мелочей, служащихъ для удобства. Все хорошо и исправно, и все тяжело и мрачно. Хозяйка умѣютъ цѣнить потребности животнаго бытія, а впрочемъ не погнѣвайтесь: обѣдъ хорошъ и сытенъ, но объ разговоръ не спрашивайте.

«Когда, послѣ кушанья, раздадутъ дѣтямъ десертъ, и пошлютъ ихъ въ училище, миръ опять водворяется.

«Дама садится къ окну съ работою, и не встаетъ изъ-за нея до вечерень, а воротившись оттуда, даетъ дѣтямъ ужинать и укладываетъ ихъ спать; потомъ раздѣвается сама, завиваетъ волосы въ бумажки, молится, и, во ожиданіи супруга, болтаетъ съ людьми на кухнѣ. Добрый мужъ никогда не придетъ домой позже девяти: только онъ въ двери, подають сытный ужинъ, и въ десять часовъ весь домъ спитъ мертвымъ сномъ.

«Такую жизнь, съ весьма непогими исключеніями, ведутъ всѣ дамы въ Антверпенъ.

«Если онъ отъ этого не умѣютъ, такъ по-крайней-мѣрѣ толстѣютъ, и стало-быть такое житіе для нихъ здорово. Чего жъ имъ болѣе? И зачѣмъ имъ умъ? Фламандецъ женится, чтобъ имѣть хозяйку, которая бѣ его не обманывала; чтобъ обѣдъ у него былъ всегда во время, дѣти опрятны, и носки заштопаны. Болѣе онъ ничего не требуетъ, и совершенно доволенъ. Они счастливы. Чего жъ еще? Ничего: развѣ пожелать только, чтобъ вѣкъ не быть свидѣдемъ такого неспособнаго счастья.»

Ненужная и кровавая революція, произведенная Бельжцами въ подражаніе Парижанамъ, разумѣется, оставила глубокіе слѣды и язвы на нравственномъ члвѣ этого края: точно такъ же, какъ въ Антверпенъ, и въ Брюссель видны еще признаки недавняго разоренія.

«Слѣдствіемъ революціи было почти совершенное разслабленіе того пріятнаго круга, которымъ Брюссель всегда такъ славился. Многіе изъ дворянства совсѣмъ выжи-

ля, и оставшіеся не такъ доступны, какъ были прежде. Одинъ Русскій *джентльменъ* увѣрялъ насъ, что теперь только въ Английскихъ домахъ можно найти здѣсь удовольствіе, и что безъ нихъ никто по доброй волѣ не захотѣлъ бы жить въ этомъ городѣ. Я думала, что это было сказано изъ одной вѣжливости, потому что я Англичанка, по впоследствии слышала подобные отзывы и отъ самихъ Белгійцевъ.»

Мятежи и революціи не только ожесточаютъ и свирѣпятъ нравы, но и лишаютъ общество всѣхъ его удовольствій и пріятностей.

Напротивъ, какъ утѣшительнѣе переходъ къ странѣ, благоденствующей подъ властію кроткаго самодержавія! Изъ Белгіи наша путешественница пріѣхала прямо въ Ахенъ.

«Здѣсь впервые услышала я имя Короля Прусскаго, произносимое съ чувствомъ той безпредѣльной любви, почтенія и удивленія, которыя такъ часто поражали насъ въ продолженіе странствія по его владѣніямъ. Я говорю не только о личной привязанности къ нему высшихъ сословій, — каждый, кто возьметъ на себя трудъ потолковать съ низшими и средними, услышитъ отъ всѣхъ, что они видятъ въ этомъ мудрою и добрую Государя отца роднаго.»

Г-жа Троллопъ посѣтила знаменитый Крейцбергъ, или Голгоуэ, близъ Бонна. На вершинѣ холма стоитъ уединенно преждебывшій монастырь, откуда славный видъ на Рейнскую долину. Надъ лѣстницей звѣзней часовни прибита Папская булла, дарующая на цѣлый годъ отпущеніе грѣховъ тому, кто взойдетъ по этой лѣстницѣ на колынахъ. Но Крейцбергъ особенно извѣстенъ своимъ подземельемъ.

«Съ горящей свѣчею въ рукѣ, ключарь началъ спускаться по темной и узкой лѣстницѣ, приглашая насъ за собою. Я первая за нимъ послѣдовала, и вѣкъ не забуду зрѣлища, которое представилось глазамъ моимъ. По обѣимъ сторонамъ склепа былъ рядъ открытыхъ гробовъ, и въ каждомъ лежало сухое и сморщенное тѣло монаха, въ рясы и клобуки. Они постановлены такимъ образомъ, что ихъ можно и осязать, и разсматривать какъ хочешь близко: воспоминаніе объ моей подземной прогулкѣ между ими по-сю-пору бросаетъ меня въ дрожь! Хотя эти тѣла всегда открыты, но они чудесно сохранились. Время ихъ погребенія починаетъ

ся съ 1400 и продолжается до 1713 года; впрочемъ первый изъ нихъ точно такъ же свѣжъ, какъ и послѣдній. Двадцать шесть тѣлъ совершенно на виду, а подъ этими впрямую хранится еще гораздо больше. Подъ старыми, гробы или сгнили, или ихъ вовсе не было.

«У нѣкоторыхъ тѣло еще полно и даже стройно, особенно на ногахъ; у другихъ оно какъ-будто ужъ высыхаетъ, и кое-гдѣ показываются кости. Состояніе лица также весьма различно, но отнюдь не соответственно времени. У многихъ цѣлы носъ, губы и борода, а у одного черты лица не потерпѣли даже ни малѣйшаго искаженія.

«Около другихъ, прахъ такъ и лежитъ, какъ онъ постепенно падалъ съ истлѣвавшихъ щекъ, а голова, почти въ видѣ скелета, страшно выглядываетъ изъ-подъ клобука. Одежда также не въ одинаковой сохранности: на многихъ бѣлая ткань еще крѣпки, хоть и пожелтели, а на другихъ онъ развалился. Башмаки на всѣхъ совершенно цѣлы.

«Послѣдній человѣкъ, погребенный въ этомъ склепѣ, былъ инокъ, исправлявшій должность монастырскаго садовника. Голова его украшена вѣнкомъ изъ цвѣтовъ, который по-сѣпору сохранилъ свою общую форму; даже можно еще различить крупныя цвѣты отъ мелкихъ между изсохшимъ листьямъ и волосами покойника.»

Вотъ, что рассказываетъ намъ Г-жа Троллопъ о знаменитомъ Страсбургскомъ Мюнстерѣ:

«Я пришла въ церковь съ намѣреніемъ взобраться на вершину башни, однако жъ оставила его, послушавшись разсказовъ ключаря. Сынъ мой, который не боится усталости, все-таки рѣшился итти, и совершилъ этотъ подвигъ, хоть послѣ и сознавался, что онъ не былъ ни легкою, ни приятною. Съ половины страшной высоты (500 футовъ) вѣется около башни наружная лѣстница, и хотя она съ поручнями, но такими тонкими и такъ рѣдко подпертыми, что они почти не уменьшаютъ ея ужасовъ.

«Говорятъ, было уже три случая, что женщины до того поражались головокружнымъ дѣйствіемъ высоты, на которую удавалось имъ взобраться, что въ припадкѣ безпамятства бросались внизъ и, разумется, погибали. Новѣйшее изъ этихъ происшествій случилось въ послѣднія десять лѣтъ, и чело-

вѣкъ, который сказывалъ это моему сыну въ то время, какъ они стояли на самомъ верху, утверждалъ его, что онъ былъ тому очевидцемъ. Онъ говорилъ, что бѣдница была молоденькая дѣвушка, и что потрясеніе чувствъ обнаружилось въ ней сперва необычайною веселостію. Она хохотала какъ безумная, и дошедъ до такого мѣста, гдѣ ничто не мѣшало смотрѣть въ самый низъ, бросилась и дико завизжала въ паденіи.

«Этотъ крикъ, замѣтилъ ключарь, былъ ужасенъ. Такъ ужасенъ, что и не вздумать.»

Чтобъ не оканчивать статьи ужасами, расскажемъ еще, какъ живописно занимають ослось на минеральныхъ водахъ въ Эмсъ.

«Въ прелестныхъ окрестностяхъ часто приходится проезжать по такимъ дорогамъ, гдѣ осель или лошакиъ едутъ вамъ гораздо лучше гордыхъ своихъ оперница, — лошадей; и потому требованіе на длинноухихъ такъ велико, что каждое утро видите вы девяносто шесть ослось и четыре мула, во всемъ убранствѣ, и слышите краснорѣчивыя, но черезъ-чуръ громкія хвалы, которыми всякой ковалень наперерывъ старается осыпать свою скотину. Каждый членъ этого многочисленнаго общества четвероногихъ носить на лбу свой номеръ, и числа, принадлежащія самымъ сильнымъ и наилучше выгъженнымъ осламъ, извѣстны здѣсь точно такъ же, какъ имена отличнѣйшихъ особъ въ городѣ.

«Сорокъ седьмой! Сорокъ седьмой! кричалъ не одинъ изъ подходящихъ наемщиковъ, но намъ ужъ посчастливилось улучшить прекрасную зебру подъ № 47.

«Двадцать второй! Семнадцатый! Пятьдесятъ шестой! восклицали алчущіе, а хозяева ослось еще громче предлагали другіе номера, разсыпался въ похвалахъ удивительнымъ иль достоинствамъ. Къ счастью, тутъ всегда есть полицейскій офицеръ, котораго присутствіе умѣрять немножко жаръ совѣстничества и немилосердіе запросовъ, и, нажется, объ немъ грѣшно сказать, чтобы онъ только числился на службѣ.»

СКИНЦЫ АМЕРИКАНСКИХЪ ПРАВОВЪ. Вотъ новая Г-жа Троллопъ, и не хуже старой. Нѣмецкій журналъ Morgen-

blatt сообщил своимъ читателямъ умпыя, тонкія и прелестно начертанныя наблюденія одной Германской дамы надъ правами Сѣверо-Американскихъ республиканцевъ, и мы не можемъ не передать нашей публикѣ хотя нѣсколькихъ отрывковъ этой любопытной статьи.

1. *Первая впечатлѣнія Нью - Йорка.* Необыкновенные успѣхи, сдѣланные въ самое короткое время страною столь еще повою, какъ Соединенные Штаты, приводятъ въ удивленіе даже хладнокровныхъ и разсудительныхъ людей, а въ толпѣ, готовой всемъ восхищаться, не рѣдко возбуждаютъ безсмысленный восторгъ. Это часто подавало мнѣ поводъ думать, еще въ Европѣ, что слава Новаго Свѣта во многихъ отношеніяхъ черезъ-чуръ преувеличена превратными видами извѣстнаго класса писателей и общимъ повѣрьемъ. Безпристрастное обозрѣніе Сѣверо-Американскихъ правозъ и обычаевъ на-мѣстѣ, такъ рѣзко противоположныхъ Европейскимъ, подтвердило это подозрѣніе. Разумѣется, что записные обожатели заморской республики стануть кричать, что я изображаю ихъ живо и неправдоподобно; но, въ справедливости моихъ замѣчаній, я ссылаюсь на всякаго, кто только бывалъ въ Соединенныхъ Штатахъ, особенно въ Нью-Йоркѣ, настоящей ихъ столицѣ, которой прочіе города во всемъ подражаютъ. Многія лица описаны мною такъ вѣрно, что кто знакомъ съ ними, тотъ легко ихъ узнаеть.

Когда корабль нашъ присталъ къ Нью-Йоркскому берегу, каждый почувствовалъ себя оживленнымъ какъ-бы юношескою бодростію; каждый изъ глубины души привѣтствовалъ гостепріимный край, въ которомъ надѣялся найти счастье.

Утомительное, опасное путешествіе кончилось; всѣ затрудненія побѣждены; цѣль достигнута; отнынѣ мы на лонѣ свободы, равенства, братскаго согласія и радости. Едва успѣли кинуть мостикъ съ корабля, какъ всѣ пассажиры, большіе и малые, мужчины и женщины, толпою бросились на берегъ, торопясь облобызать благословенную землю. Признаюсь, что я тоже раздвѣляла ихъ чувства; но рѣшившись, не слѣдуя первому движенію, быть нѣкоторое время спокойною наблюдательницею, я помѣстилась на возвышеннѣйшей части палубы.

Пассажиры, которые съ большою поспѣшностію выскакивали на берегъ и, толкая другъ друга, цѣловали благословенную землю, вдругъ останавливались какъ окаменѣлые. Они закрывали рты и носы руками, и странная ихъ усмѣшка выражала и отвращеніе, производимое въ нихъ ужасною неопрятностію набережной, и досаду на излишнюю торопливость къ восторгу. /Признаюсь, что это нѣсколько поразстроило мои мечтанія; но я безъ труда приискала тысячу извиненій для этой первой непріятности. Негръ уложилъ нашъ багажъ въ тачку, и быстро повезъ ее съ неопратной набережной.

Сдѣлавъ нѣсколько сотъ шаговъ, мы очутились на великолѣпной улицѣ, прославленной *Бродвѣ*, Broadway, по справедливости почитаемой лучшею въ цѣлой Америкѣ: кареты, коляски, телеги, экипажи всякаго рода катились взадъ и впередъ по мостовой; по широкимъ тротуарамъ, проходящимъ подлѣ богатыхъ лавокъ, толпами валили пѣшеходы. Мужъ мой обратился къ одному изъ прохожихъ, прося его указать намъ хорошую Американскую гостиницу. Намъ назвали одинъ Французскій трактиръ, но мы хотѣли скорѣе ознакомиться съ народными обычаями, и не считали удобнѣйшимъ для этого средствомъ поселиться во Французскомъ домѣ. Второй человекъ, къ которому мужъ мой подошелъ съ тѣмъ же вопросомъ, остановился, усмѣхнулся, и, вмѣсто отвѣта, сталъ спрашивать, когда мы пріѣхали, что намѣрены здѣсь дѣлать, и т. п. Мы прервали его рѣчь, и повторили вопросъ. «Право, не знаю!» отвѣчалъ онъ, и пошелъ далѣе. Третья, четвертая, пятая попытка была столько же неудачна; наконецъ намъ попалось семейство квакеровъ, и я рѣшилась прибѣгнуть къ этимъ друзьямъ: вѣдь они такъ себя называютъ! Но и отъ нихъ не болѣе добилась толку, хотя они говорили мнѣ *ты* и называли *своимъ другомъ*. Удовлетворивъ лично своему любопытству, они отвѣчали намъ сухо — «Не знаемъ!», и продолжали путь. Намъ не оставалось другаго средства, какъ идти къ Французской рестораціи, о которой знали только то, что она называется *Hôtel de commerce*, но и это не легко было исполнить: никто не могъ или не хотѣлъ указать намъ дороги. «Не знаю! — Не могу сказать!» —

были единственные ответы на все наши распросы. Даже отъ чернаго нашего спутника не могли мы допытать другаго слова: онъ упорствовалъ, вѣроятно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ продлить время своего найма, и заставить насъ заплатить ему дороже.

Домго скитались мы по улицамъ за толпами проходить, какъ вдругъ услышали говорящихъ по-Французски. Мы направились къ одному изъ нихъ. Еще не успѣли сдѣлать ему вопроса, какъ онъ уже просилъ насъ пожаловать къ нему, въ близлежащій домъ. Какая радость! то былъ трактиръ, котораго мы искали, а человекъ, приглашавшій насъ, — его содержатель. Въ такихъ обстоятельствахъ нельзя было много торговаться; однако мой мужъ не забылъ договориться напередъ о цѣнахъ, бывъ предварень, что эта предосторожность необходима съ Американскими либералами. Поможено было платить за квартиру и столъ, безъ вина, по доллару въ день, съ человека. По лѣстницѣ, устланной пре-крайнимъ ковромъ, вошли мы въ просторную комнату; полъ ея также былъ покрытъ великолѣпными коврами. Легко можно было замѣтить, что они составляютъ главное украшеніе жилища.

Едва мы легли спать, и не успѣли еще закрыть глазъ, какъ необыкновенный шумъ, съ улицы, принудилъ насъ соскочить съ постелей. Мы отворили окно: сотни шумливыхъ Американцевъ, при звукахъ трубъ, при свѣтѣ множества факеловъ, съ крикомъ и гамомъ везли на себѣ пожарныя трубы съ безконечно длинными рукавами. Я думала, что весь домъ поднимется на ноги: ни чуть не бывало! Сосѣди наши спали преспокойно. Мы и сами охотно бы улеглись, но, къ несчастію, покуда окно оставалось открытымъ, въ комнату налетѣло такое множество какихъ-то вонючихъ комаровъ, втрое больше Европейскихъ, что нельзя былодохнуть свободно. Они насъ до крайности измучили и заразили своимъ отвратительнымъ запахомъ. Собственныя наши страданія сдѣлали насъ равнодушными ко всему, что около насъ дѣлалось; съ истинно Американскимъ хладнокровіемъ услышали мы, въ ту же ночь, еще двѣ пожарныя тревоги, и уже никто изъ насъ не имѣлъ охоты отворять окна. Мы съ нетерпѣніемъ дождались разсвѣта, въ наде-

ждь, что ночные наши преслѣдователи, утомленные нападеніемъ, оставить насъ въ поковъ. Такъ и случилось.

Поутру мы сошли въ столовую, къ общему завтраку. Вокругъ длиннаго стола, уставленнаго множествомъ теплыхъ и холодныхъ мясъ и рыбъ, сидѣло около тридцати чело-вѣкъ. Каждый изъ нихъ бралъ себѣ, что ему нравилось. Иной начиналъ съ салата, потомъ ѣлъ яйца, жаркое, запивалъ все это чашкою кофе, и оканчивалъ блюдомъ холодной рыбы; сосѣдъ его слѣдовалъ совершенно противному порядку. Прежде, чѣмъ мы успѣли осмотрѣться, все съѣстное было истреблено. Вслѣдъ за тѣмъ, къ удивленію нашему, со всѣхъ сторонъ раздавалось требованіе — «Вилочк! вилочк!» Я сейчасъ только видѣла, что Американцы, за столомъ, умѣютъ и безъ нихъ обойтись, дѣйствуя съ удивительною ловкостію но-жемъ. Несмотря на то, слуга принесъ нѣсколько тарелокъ съ вилами, и поставилъ ихъ посреди стола. Мужчины броси-лись на нихъ; каждый взялъ по одной, и, вставъ изъ засто-ла, отправился въ ту часть комнаты, гдѣ могъ удобно упе-реться ногами въ стѣну. Нѣкоторые изъ нихъ вздерну-ли ноги даже на столъ, и въ этомъ живописномъ положен-іи, преспокойно начали чистить зубы и погти вилами. Окончивъ странную операцію, каждый вынималъ изъ кар-мана кусокъ табаку, и, забивъ его пальцемъ за щеку, то-ропливо выходилъ изъ комнаты.

Когда всѣ разошлись, содержатель подошелъ и сказалъ намъ: «Если вы не хотите вставать изъ-за стола голодны-ми, то советую впредь приниматься за дѣло безъ потери времени. У меня часто бываютъ знатнѣйшіе граждане съ своими семействами, однако жъ за столомъ никогда не си-дять долѣе десяти минутъ. Но позвольте спросить: не съ открытыми ли окнами почивали вы сегодня?» Я не могла удержаться отъ самыхъ горькихъ жалобъ на мученія, при-чиненныя намъ въ прошлую ночь, насѣкомыми. «Сожалѣю, отвѣчалъ хозяинъ усмѣхнувшись, что ужасные наши *мус-китосъ* объявили вамъ войну съ самой первой ночи: за то, тѣмъ скорѣе они помирятся съ вами. Но покуда въ васъ останется хоть капля Европейской крови, не ждите отъ нихъ пощады. Черезъ два года ни одинъ *мускитосъ* васъ не

укусить; вы будете такъ же отъ нихъ безопасны, какъ природныя Американцы, которыхъ они никогда не трогаютъ.

2. Видъ главной улицы въ Нью-Йоркѣ. Бродвѣ одна изъ лучшихъ улицъ въ свѣтъ. Она вѣчно полна экипажами, но они далеко не такъ великолѣпны, какъ въ Европейскихъ столицахъ, и большею частию все наемныя. Собственныя экипажи водятся только у тѣхъ, которые держатъ ихъ для отдачи въ наемъ. Кучера и лакеи всегда одѣты въ черное. Лучшая часть Бродвѣ — середняя. Въ началѣ находятся пе большіе, но красивые дома богатыхъ старинныхъ жителей Нью-Йорка. Тѣ, которые обогатились впоследствии, должны были строить свои великолѣпныя жилища уже въ половинѣ улицы. Въ началѣ ея, эти зданія перемѣшаны съ маленькими, бѣдными домиками; далѣе, съ хижинами и лачугами, а тамъ стоятъ уже отдѣльно, далеко одинъ отъ другаго, и разбросаны между кучами муссора и неровностями самой почвы. Версты съ полторы далѣе, начинаются мѣста, назначенныя для построекъ *будущихъ* поколѣній: тутъ улицы только означены на грунтъ каменистомъ, нсобдѣланномъ, и кой-гдѣ стоятъ еще чахлая деревья, сохранившіяся отъ непонятнаго торжества лѣности и нерадѣнія надъ пылкимъ корыстолюбиемъ Американцевъ.

Послѣ домовъ, лавки и прохожіе всего болѣе привлекли мое вниманіе. Известно, что Парижане мастера убирать со вкусомъ свои *магазины*, — названіе, которымъ величаютъ они последнюю лавчонку; но и Нью-Йоркцы не уступятъ имъ въ этомъ. Однако, увидѣвъ здѣсь разряженныхъ дамъ и модниковъ, которыми всегда набиты магазины, не думайте, чтобъ торговцы много отъ нихъ выиграли: я вскорѣ удостоверилась въ противномъ. Всѣ магазины, куда я ни заходила, были полны дамъ; хозяинъ и сидѣльцы, чрезвычайно занятые, безпрестанно то развертывали, то увертывали товары. Каждая изъ покупательницъ хотѣла все видѣть, всему знать цѣну, откуда что привезено, съ какимъ кораблемъ, когда именно, и прочая, и прочая. Забавно видѣть, какъ эти заморскія щеголихи жадно перебираютъ нѣжными ручками своими новыя матеріи и ленты; какъ непременно хотятъ развернуть каждый кусокъ; какъ дѣлаютъ купцу тысячи вопросовъ; какъ внимательно рассматриваютъ

доброту товара; какъ примѣряютъ ткани, собравъ ихъ складками; какіе укладываютъ банты изъ лентъ; какъ придаютъ всему видъ, самый живописный и разнообразный, и, какъ, послѣ этого, прехладнокровно выходятъ изъ лавки, съ общаніемъ скоро возвратиться, а между-тѣмъ сами идутъ въ сосѣдній магазинъ, гдѣ повторяютъ ту же продѣлку, и потомъ переходятъ въ третій, помявъ пропасть товару, и заплативъ хозяину за то подобнымъ же обѣтомъ. Такъ проводятъ время здѣшній большой свѣтъ отъ девяти часовъ утра до двухъ пополудни: тогда всѣ отправляются обѣдать, ѣдятъ много и очень скоро, отдыхаютъ съ часъ, и въ половинѣ пятого Бродвѣ снова кипитъ народомъ. Въ это время начинаются вечернія собранія, гдѣ, какъ на биржѣ, вѣчно толкуютъ о цѣнахъ товаровъ и припасовъ, а между-тѣмъ, загородные жители посѣщаютъ магазины; и, отъ этихъ-то покупателей, продавцамъ бываетъ нѣсколько лучшая пожива.

Часу въ двѣнадцатомъ, измученные сидѣльцы собираютъ остатокъ силъ, чтобъ прибрать и запереть свои товары. Должно ли послѣ этого дивиться, что на каждой почти лавкѣ видишь надпись — *Отдается въ наемъ?*

Несмотря на добрый примѣръ Нью-Йорскихъ дамъ, заходя въ разныя лавки, мнѣ совѣстно было выходить изъ нихъ съ пустыми руками, и я накупила кой-какихъ бездѣлокъ: разумеется что я, какъ иностранка, должна была за все платить въ три-дорога. Но полученный мною тутъ же урокъ вознаграждалъ другіе убытки. За первую вещь, которую хотѣла я купить, съ меня спросили долларъ пятьдесятъ центовъ. Я положила ассигнацію въ два доллара на прилавокъ. Купецъ въ ту жъ минуту опустилъ ее въ ящикъ, и занялся другимъ дѣломъ. Подождавъ немного, я напомнила ему, что онъ не далъ мнѣ сдачи. «А какое доказательство имѣете вы въ томъ, что вы заплатили?» спросилъ онъ съ холодною миною. Я онѣмѣла отъ такой наглости! По-счастію, какой-то мужчина, принявъ мою сторону, сказалъ по-Англійски съ Французскимъ акцентомъ: «Я видѣлъ, что эта дама вамъ заплатила.» Въмѣсто отвѣта, купецъ, безъ малѣйшаго смущенія, далъ мнѣ двадцать центовъ. Я замѣтила ему, что мнѣ слѣдуетъ пятьдесятъ. Посчитавъ

съ минуту, онъ прибавилъ еще шесть. Думая притомъ, что я спросила аспидную доску, и написала на ней весь счетъ моей покупки. Онъ тотчасъ стеръ мои числа, написалъ по-своему, и отдавая еще нѣсколько центовъ, сказалъ: «Теперь все вѣрно.» Было еще очень невѣрно, но это мнѣ такъ надоело, что я отвернулась, и, поклонясь, въ знакъ благодарности, незнакомому покровителю, сбѣжала изъ лавки. «Вижу», сказалъ онъ, подойдя ко мнѣ, «что вы иностранка. Позвольте жъ предупредить васъ, что съ Американцами непременно должно расплачиваться не иначе, какъ одною рукою отдавая деньги, другою получая въ томъ расписку; да сверхъ того не худо, на всякой случай, иметь при себѣ хоть одного свидѣтеля. Кто не желаетъ терять время, тотъ долженъ запастись мелкими деньгами, чтобы имѣть возможность тотчасъ же заплатить сколько слѣдуетъ. Здѣсь у всѣхъ одно правило, — бери, что только попадетъ въ руки, и съ совѣстью не считайся. Даже при размѣнѣ денегъ не дѣлаютъ изъ него исключенія.»

Прогуливаясь по Бродвѣ, должно непременно держаться западной ея стороны: этого требуетъ мода, и кто не хочетъ казаться смѣшнымъ, тотъ долженъ ходить тамъ, гдѣ всѣ ходятъ. При всемъ томъ, для удобнѣйшаго сообщенія между обѣими сторонами улицы, поперекъ проложены, на вѣстныхъ разстоянiяхъ, полосы изъ широкихъ пантъ; по нимъ ходятъ одни иностранцы, и по этому нгъ сейчасъ узнаешь. Но не одна эта черта дозволяетъ легко отличать въ толпѣ народа природныхъ жителей отъ приважи. Кто не узнаетъ Американскаго уроженца по его небрежной одеждѣ, по его длинному, блѣдному лицу, какъ-бы искосившемуся отъ безпрестаннаго жеванiя табаку, по которымъ вѣчно набита одна его щека; по его коричневымъ губамъ, окрашеннымъ сокомъ того же зелья; по его большимъ, впадымъ светло-сѣрымъ глазамъ; по его озабоченному лбу, на которомъ непрерывныя арифметическiя вычисленiя провели глубокiя борозды! Но это еще не все примѣты: есть одна, характеристическая черта, по которой вы всегда узнаете сыновъ великаго Вашингтона: пусть только два Американца начнутъ говорить между собою, гдѣ бы и когда бъ то ни было, — дома, на улицѣ, сидя, ходя, здороваясь, проща-

дъ; въ трактиръ, въ церкви, въ конторы, на балъ, въ кофейномъ домъ, въ театрѣ, на рынкѣ, — словомъ, всюду и во всякомъ случаѣ, на сушѣ или на морѣ, днемъ или ночью, въ городѣ или въ деревнѣ, — не пройдетъ двухъ минутъ, чтобъ вы не услышали заветнаго слова *доллеръ*. Доллеръ, единственный предметъ ихъ помышлений, — доллеръ, единственное божество, которому они поклоняются! Если бъ кресты на церквахъ не удостоверяли васъ, что вы находитесь въ землѣ Христіанской, вы могли бъ подумать, что прѣехали во мрачную Іудею!

Чтобъ отличить Американца отъ уроженца всякой другой страны, стѣнитъ еще только взглянуть на него, когда онъ отдыхаетъ сидя.

Когда скоро увидите вы съ улицы пару ногъ, торчащихъ изъ окна, можете быть увѣрены, что онѣ принадлежатъ прерондому Американскому денди, который, качаясь на стулѣ, курить сигару или жуеъ табакъ, — и ужъ навѣрно перочиннымъ ножомъ обрѣзываетъ себѣ ногти. У дверей трактировъ, гостинницъ, кофейныхъ домовъ, кондитерскихъ, пирожныхъ лавокъ и другихъ этого рода заведеній, вы непременно найдете множество людей, которые, развалившись, сидятъ на стульяхъ, выставленныхъ на улицу. Ноги ихъ уперты въ стѣны домовъ или въ подпоры навѣсовъ, широко раскинутыхъ надъ тротуарами. Изъ оконъ подъ навѣсами болтаются столько ногъ, сколько можетъ вылезти въ раму. Тѣ, которымъ не достаетъ мѣста ни опереть ноги объ стѣны дома, ни вывесить изъ окошекъ, безъ церемоніи кладутъ ихъ на спинки стульевъ, занятыхъ уже другими, и совершенно загораживаютъ дорогу. Сокъ пережеванныхъ табачныхъ листьевъ летитъ тутъ со всѣхъ сторонъ, какъ брызги водомета.

Между прекраснымъ поломъ встрѣчаются прелестныя, но чрезвычайно блѣдныя, лица. Часто видишь стройныя тѣла, обверожительныя черты; но полныя груди, свѣжія и здоровыя цвѣтъ лица — рѣдкость. Моды — Парижскія: однако жъ онѣ до того утрированы, что здѣшнихъ красавицъ можно иногда принять за безумныхъ. И при всемъ томъ, красавицы крайнія экономки въ своихъ нарядахъ: въ концѣ Апрѣля моды учреждаются на круглый годъ; всѣ запасаются

однимъ наряднымъ платьемъ и чепцомъ, въ которомъ фасонъ играетъ главную роль, а матерія не составляетъ большой важности; по большей части она не изъ дорогихъ, которыхъ и достать очень трудно, потому что привозные товары очень плохи. Европейцы знаютъ здѣшнихъ республиканцевъ, и нарочно посылаютъ имъ самыя дешевыя, то есть, самыя дрянныя издѣлія своихъ фабрикъ. Поэтому всѣ здѣсь одѣваются почти одинаково: богатые и бѣдные, бѣлые и черные, всѣ въ платьяхъ одной и той же доброты; и какъ вся сила въ странномъ покровѣ, то вездѣ только и видишь щеголей да щеголихъ. И самыя характеры такое имѣютъ между собою сходство, что кто видѣлъ одного Американца, тотъ можетъ судить обо всѣхъ.»

Окончаніе этихъ занимательныхъ подробностей мы принуждены отложить до слѣдующей книжки.

ДВА ЛЮБОпытные ДОКУМЕНТА О ПУГАЧЕВѢ. Слыша воспользоваться особенною въжливостью А. С. Пушкина, сообщившаго намъ изъ своей книги два весьма примѣчательные документа, мы помѣщаемъ ихъ здѣсь, еще до выхода «Исторіи Пугачева», ожидаемой публикою съ такимъ нетерпѣніемъ.

1. *Описаніе извѣстному злодю и самозванцу, каковаго онъ есть свойства и примѣтъ, учиненное по объявленію жены его, Софьи Дмитриевой.*

«1. Мужа ея, войска Донскаго Зимовейской станицы служилаго казака, зовутъ Емельянъ Ивановъ сынъ, прозывается Пугачевымъ.

«2. Отецъ его родной, былъ той же Зимовейской станицы служилой казакъ, Иванъ Михайловъ сынъ Пугачевъ же, который въ давнихъ годахъ умре.

«3. Тому мужу ея нынѣ отъ роду будетъ лѣтъ сорокъ, лицемъ сухощавъ, во рту верхняго спереди зуба нѣтъ, который онъ выбилъ саласками*, еще въ малолѣтствѣ въ игрѣ, а отъ того времени и донинѣ не вырастаетъ. На лѣвомъ виску отъ болѣзни круглый бѣлый признакъ, отъ лица совсѣмъ отгнѣнный, величиною съ двукопѣечникъ; на

* Техническій терминъ у кулачныхъ бойцевъ, значитъ ударъ по челюстямъ.

обвихъ грудяхъ, назадъ тому третій годъ, были провалы, отъ чего и мнитъ она, что быть надобно признакамъ же. На лицѣ имѣеть желтыя конопатины; самъ собою смугловать, волосы на головѣ темнорусые, по-казацки подстригалъ, росту средняго, борода была клиномъ черная, небольшая.

«4. Вѣру содержалъ истинно православную; въ церковь Божию ходилъ, исповѣдовался и Святыхъ Таинъ приобщался, на что и имѣлъ отца духовнаго, Зимовейской же станицы Священника Феодора Тихонова; а крестъ ко изображенію, совокуплялъ большой съ двумя послѣдними пальцами.

«5. Женился тотъ мужъ ея на ней, и она шла, оба первообрачные, назадъ тому лѣтъ съ 10, и съ которымъ и прижили дѣтей пятерыхъ, изъ коихъ двое померли, а трое и теперь въ живыхъ. Первый сынъ Трофимъ десяти лѣтъ, да дочери вторая Аграфена по седьмому году, а третья Христина по четвертому году.

«6. Оный же мужъ ея, назадъ тому три года, посланъ на службу во вторую армію, гдѣ и былъ два года, и оттуда, нынѣ другой годъ, за грудную болѣзнію, о которой выше значить, по веснѣ отпущенъ, а посему и былъ въ домъ одно лѣто, въ которую бытность и нанялъ вмѣсто себя въ службу въ Бахмутъ на Донцѣ казака, а какъ его звать и прозванія, да и гдѣ теперь находится, не знаетъ; — а послѣ сего

«7. Въ Октябрѣ мѣсяцѣ 772 года онъ, оставивши ее съ дѣтьми, невѣдомо куда бѣжалъ, и гдѣ былъ, и какія отъ него происходили дѣла, объ ономъ, какъ онъ ничего не сказывалъ, такъ и сама не знала; а

«8. 773 года, въ Великомъ посту, тотъ мужъ ея тайнымъ образомъ пришелъ къ хуторскому ихъ дому вечеромъ подъ окошко, котораго она и пустила; по того жъ самага часа объявила казакамъ, а они, взявши его, повели къ станичному Атаману, а онъ-де отправилъ въ Верхнюю Чирскую станицу, къ старшинѣ, но о имени его не упомянуть, а оттуда въ Черкасской; но не довезя однако жъ до онаго, въ

Цымлянцкой станицѣ бѣжалъ, и потому, гдѣ теперь находится, не вѣдаеть,

«9. Во время жъ той мужа ея поимки, сказывалъ онъ Атаману и на сборѣ всемъ казакамъ, что былъ въ Мездокъ, но что дѣлалъ, потому жъ не знаетъ.

«10. Писемъ онъ къ ней, какъ съ службы изъ арміи, такъ и изъ бѣговъ своихъ никогда не присылывалъ; да и чтобъ въ станицу ихъ или къ кому другому писалъ, объ ономъ не знаетъ; онъ же вовсе и грамотъ не умѣеть.

«11. Что же мужъ ея точно есть упоминаемый Емельянъ Пугачевъ, то, сверхъ ея самоличнаго съ дѣтьми сознатія и уличенія, могутъ въ справедливость доказать и родной его братъ, Зимовейской же станицы казакъ Дементій Ивановъ сынъ Пугачевъ (который нынѣ находится въ службѣ въ 1-й арміи), да родныя жъ сестры, изъ коихъ первая Ульяна Иванова, коя нынѣ находится въ замужствѣ той же станицы за казакомъ Федоромъ Григорьевымъ, по прозванію Брыкаланнымъ, а вторая Федосья Иванова, которая также замужемъ за казакомъ изъ Друсакъ Симономъ Никитинымъ, а прозванія не знаетъ, кой нынѣ жителство имѣеть въ Азовѣ, которыя все мужа ея также знаютъ довольно.

«12. Рѣчь и разговоры мужъ ея имѣлъ по обыкновенію казацкому, а иностраннаго языка ни какого не зналъ.

«13. Домомъ они жили въ Зимовейской станицѣ своимъ собственнымъ, который по побѣгъ мужа (что дневнаго пропитанія съ дѣтьми имѣть стало не отъ чего) продала за 24 руб. за 50 коп. Есауловской станицы казаку Еремѣ Есееву на словъ, который его въ ту Есауловскую станицу во сломкѣ и перевезъ; а нынѣ особою командою пани въ Зимовейскую станицу перевезенъ и на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ и они жили, сожженъ; а хуторъ нѣтъ, состоящій также не-поддалеку Зимовейской станицы, сожженъ же.

«14. Сама же та Пугачева жена, казачья дочь, и отецъ ея былъ Есауловской станицы служилый казакъ, Дмитрій, по прозванію Недюжинъ, а отчества не припомнить, потому что она послѣ него осталась въ малолѣтствѣ, и послѣ нѣ котораго осталась и теперь живя находится, доверши 50,

а ей сестры родныя, первая Анна Дмитриева, въ замужествѣ Есауловской станицы за казакомъ Омою Андреевымъ, по прозванію Пялюгинымъ, который и находится въ службѣ тому нынѣ 8-й годъ, а въ которой арміи, не знаетъ. Вторая Василдса Дмитриева, въ замужествѣ также Есауловской станицы за казакомъ Григоріемъ Федоровымъ по прозванію Махичевымъ; да третій сынъ отца ея, а ей братъ родной, Иванъ Дмитриевъ по прозванію Недюжымъ, живетъ въ Есауловской же станицѣ служилымъ казакомъ, и по отъездѣ ея въ здѣшнее мѣсто, былъ при домѣ своемъ и къ наряду въ службу въ готовности.»

2. Показаніе бывшаго въ 1771 году Зимовейской станицы Атаманомъ, оставнаго казака Трофима Оомина:

«Въ 1771 году, въ Февралѣ мѣсяцѣ, Емельянъ Пугачевъ отбылъ въ городъ Черкасскъ для излеченія болѣзни, со вѣтмъ у меня станичнымъ билетомъ, и черезъ мѣсяцъ возвратился на карей лошади. На допросъ мой, гдѣ онъ ее досталъ, отвѣчалъ онъ: на станичномъ сборѣ, что купилъ въ Таганрожской крѣпости коннаго казацкаго полку у казака Василья Кусачкина. Но казаки, не повѣря ему, послали его взять письменный видъ отъ ротнаго командира. Пугачевъ и поткалъ, но предъ его возвращеніемъ, зять его, Прусакъ, бывшій Зимовейской станицы казакъ, а нынѣ состоящій въ Таганрогскомъ казацкомъ полку, явился у насъ, и на станичномъ сборѣ показалъ, что онъ съ женою и Василіемъ Кусачкинъ, да еще третій, по уговору Пугачева, бѣжали за Кубань на Куму рѣку, гдѣ онъ (Прусакъ) побывъ малое время, оставилъ ихъ и возвратился на Донъ. Почему и отправилъ я при станичномъ рапортѣ въ Черкасскъ Прусака съ женою и родною ея матерью, по причинѣ ихъ побѣга. Въ Декабрѣ того же года Пугачевъ былъ пойманъ въ его хуторѣ, и содержался подъ карауломъ. Намѣренъ былъ я его, какъ празднопшатающагося, выдать находящемуся тогда въ сыскѣ и высылкѣ бѣглыхъ всякаго званія людей, Старшинѣ Михайлѣ Макарову. Но Пугачевъ со станичной избы изъ-подъ караула бѣжалъ, и уже чрезъ три мѣсяца на томъ же хуторѣ пойманъ, и показалъ на станичномъ сборѣ, что былъ въ Моздокѣ, почему при рапортѣ и

посланъ мною къ Старшинѣ Макарову въ пажнюю Черкасскую станицу, а сей чрезъ нашу станицу послалъ уже его при рапортѣ въ Черкасскъ. Когда его провели, увидя по подорожной что посланъ онъ былъ въ колодку, которой на немъ уже не было, приказалъ я ему набить другую, и отослалъ его въ верхнюю Курмоярскую станицу, отъ которой въ принятіи онаго Пугачева расписку получилъ. Черезъ двѣ недѣли спустя, отъ Старшины Макарова по всемъ станицамъ прислано было объявленіе, что оный Пугачевъ бѣжалъ съ дороги, и не иначе ежели явится гдѣ, изловить; а какъ онъ бѣжалъ, не знаю.»

«За неумвнѣемъ грамотъ, Василій Ермолаевъ руку приложилъ.»

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. Moise, *Моисей, Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ въ стихахъ.* Г. Шатобриана.

Г. Шатобрианъ продалъ собраніе твореній своихъ одному книгопродавцу; въ этомъ собраніи была классическая Трагедія въ стихахъ. Книгопродавецъ отдалъ эту Трагедію впаймы Г. Кармушу, директору Версальскаго театра. Г. Кармушъ написалъ Г. Шатобриану, что хочетъ поставить его пьесу на театрѣ. Г. Шатобрианъ съ большою вѣжливостію отъ этого отказывался. Между прочими прекрасными вещами, онъ писалъ директору: «Можетъ ли нынѣ имѣть успѣхъ классическая Трагедія, предоставленная своему собственному достоинству? Довольно ли въ «Моисей» движенія для новѣйшей сцены? Имѣетъ ли она какое нибудь собственное достоинство, въ тройномъ отношеніи къ поэзіи, характерамъ, дѣйствию? Не есть ли она твореніе водяное? Гдѣ нынѣ актеры и публика, которые бы могли играть и судить классическое? Я очень мало уважаю то, что пишу, но если бъ случилось со мною въ Версали несчастіе (съ чѣмъ я по совѣсти увѣренъ), то не правда ли, что этотъ опытъ сдѣлалъ бы меня смѣшнымъ, а васъ, М. Г., можетъ быть, банкротомъ?» Но директоръ отвѣчалъ Г. Шатобриану, что онъ, директоръ, нанялъ его Трагедію у того, кто купилъ ее; что онъ, несмотря на смиренномудрое сопротивленіе почтеннаго автора, намѣренъ поставить ее на театрѣ; что

ему все равно, будетъ ли почтенный авторъ сердиться или не будетъ; что если бы, впрочемъ, почтенному автору вздумалось не шутя разсердиться, то онъ имѣеть полное право жаловаться на него, директора Вергальскаго театра, правительству и преслѣдовать его судомъ; а что между-тѣмъ Моисей стануть играть. Г. Шатобрианъ испустилъ глубокий вздохъ во всѣхъ газетахъ. Это все еще Комедія. Трагедія придетъ своимъ чередомъ. Вы видите, что вся эта переписка, заранѣе назначенная для печати, весьма хорошо была расчислена для того, чтобы возбудить всеобщее любопытство, и дѣйствительно возбудила его въ высочайшей степени. Весь Парижъ повхалъ въ Версаль смотреть славную Трагедію, которая, безъ этой Комедіи, вѣроятно, была бы играна передъ пустыми скамьями. Новое доказательство, что Комедія сестра Трагедіи. Музы помогаютъ другъ другу надувать публику: это дѣло семейное.

Вотъ Трагедія. Г. Шатобрианъ написалъ большое произведение въ стихахъ! Трагедію! классическую Трагедію! Онъ, великій поэтъ въ прозѣ, заключилъ предметъ свой въ классическихкихъ единствахъ! Онъ, писатель отважный, перескочившій за всѣ правила!... Но Г. Шатобрианъ доказалъ, что если ужъ человекъ поэтъ, то, все равно, какой бы языкъ ни употреблялъ онъ, онъ вездѣ поэтъ, — въ стихахъ и въ прозѣ: съ самыхъ первыхъ сценъ, вниманіе Парижской публики было приковано къ пьесѣ, — даже въ самомъ молчаніи зрители рукоплескали стихамъ Г. Шатобриана, какъ рукоплескали бы стихамъ Расина.

Предметъ Трагедіи Г. Шатобриана — первое идолопоклоненіе Иудеевъ. Каждое возмущеніе этого славнаго народа, руководимаго столь великимъ свѣтомъ, подвергало опасности судьбу и будущность міра. Въ этомъ отношеніи, каждое возмущеніе Еврейскаго народа есть драма, исполненная величайшей занимательности, и занимательности совершенно драматической; и въ этомъ же отношеніи Моисей не только посланникъ Божій, но законодатель, завоеватель, путешественникъ, великій человекъ во всей силѣ этого слова, и слѣдственно лице драматическое. Выходъ Израильскаго народа изъ Египта подъ предводительствомъ Моисея есть не толь-

ко ученіе Церкви, но Исторія. Изъ этого ученія и изъ этой Исторіи, изъ челоуька горы Синая, спускающагося оттуда посреди громовъ и молній, и челоуька, который предводительствуетъ народомъ, открываетъ ему рѣки, поитъ его, когда онъ жаждетъ, кормитъ его, когда онъ голоденъ, и доставляетъ ему тѣнь въ палящей пустынѣ; изъ этихъ двухъ частей преданія о Моисеѣ, изъ челоуька и существа сверхъестественнаго, законодателя и святаго, пророка и воина, Г. Шатобрианъ составилъ свою Трагедію. Поэтому, онъ принужденъ былъ дать своей Трагедіи форму Драмы для выраженія того, что въ Священной Исторіи есть челоуьческаго, и форму лирическую, для выраженія того, что въ Библии есть таинственнаго и божественнаго. Поэтому, его Драма то Трагедія, то Ода; то развитіе двухъ великихъ страстей челоуька, суевѣрія и любви, страстей самыхъ извинительныхъ, потому что онѣ нераздѣльны съ его природою; то внезапное, неизъяснимое проявленіе Божіей воли, приносимой громомъ, великимъ действующимъ лицомъ лирической драмы. Страсти людей и воля Бога, противопоставленныя одна другимъ: вотъ истинный предметъ Трагедіи Г. Шатобриана.

Израильтяне, предводимые Моисеемъ и преследуемые Фараономъ, выходятъ изъ Египта, и переходятъ Чермное Море; они уносятъ съ собою кости Іосифа, Іосифъ говорилъ имъ: «Господь Богъ посѣтитъ васъ; унесите отсюда мои кости!» И они обьщали подъ клятвою исполнить волю Іосифа.

По переходѣ черезъ Чермное Море, Марія, сестра Аарона, поетъ гимнъ благодаренія Господу. Тогда народъ Божій вступаетъ въ степь Сурскую; потомъ приходитъ въ Мару, гдѣ Моисей превращаетъ горькую воду въ прѣсную; изъ Мары приходятъ они въ Элимъ, изъ Элима въ Синай, гдѣ уже они громко сожалеютъ о плодородной землѣ Египетской. Между тѣмъ они продолжаютъ путь свой до Хорева.

Въ Рафидимъ Іосуа встрѣчаетъ Амалекитовъ, враговъ народа Божія, и Евреи рубятъ ихъ. Наконецъ они приходятъ къ подошвѣ горы Синая. Моисей идетъ молиться Господу, который призываетъ его на вершину горы. На третій день послышался громъ и засверкали молніи. Моисей

говорилъ съ Богомъ, и Богъ отвѣчалъ ему. Господь, посреди громовъ, возвѣстивъ свои законы: онъ далъ Моисею Скрижали Завета, написанныя перстомъ Всевышняго Моисей сошелъ съ горы Онъ слышитъ въ станѣ шумъ и различаетъ голоса, которые поютъ. Въ отсутствіи Моисея, народъ сдѣлалъ себѣ золотого тельца, и поклоняется ему пѣніемъ и плясками. Въ эту торжественную минуту начинается Трагедія Г. Шатобріана.

Театръ долженъ представлять Синайскую пустыню. Направо виднѣнъ станъ двѣнадцати колѣнъ Израилевыхъ, которыхъ палатки изъ кожъ черныхъ овецъ перемишаны съ верблюдами, дромадерами, ослами, кобылицами, овцами и козами; налѣво скала Хоревская, которую Моисей ударилъ жезломъ и изъ которой вытекаетъ ключъ; гробница Іосифа покоится подъ пальмами; въ глубинѣ театра простираются обширныя песчаныя равнины, съ разсыпанными на нихъ кустами смоквы и алая, ограничивающіяся съ одной стороны Чернымъ Моремъ, съ другой горами Хоревомъ и Синаемъ, которыхъ покатою видны на передней части сцены.

Конечно, подобная декорация была бы прекрасна. Но даже на большомъ столичномъ театрѣ не возможно было бы выполнить и сотой части этого: бѣдный Версальскій театръ только размалевалъ холстину какъ-можно восточнѣе. Но что намъ до декораций.

Трагедія начинается. Надабъ, сынъ Аарона, предается горести. Онъ горитъ любовью. Но, достойный сынъ отца своего, юный Израилтянинъ еще борется съ пагубною страстію. Ааронъ тщетно призываетъ его; Надабъ не внимаешь голосу отца своего. Съ того дня, какъ онъ увидѣлъ прекрасную Арзану, царницу Амалекитовъ, Надабъ лишился всей силы, необходимой для выполненія его великаго назначенія. Все это дѣйствіе есть только изложеніе, и оно оканчивается хоромъ пустыннымъ.

UNE JEUNE FILLE.

Mais qui me gardera sous l'aile de ma mère
Moïse a disparu; Moïse était mon père!
O terre de Jessen, prés émaillés de fleurs

Où je cueillais ma parure ;
Comme un jeune olivier, privé d'une onde pure,
Je languis et je meurs.

MARIE.

Mes enfans, c'est assez ; du palmier immobile
L'ombre se raccourcit sur l'arène stérile.
L'Arabe fuit du jour les traits étincelans,
Et le chameau s'endort dans les sables brûlans.

Дѣйствіе второе. Является Арзана, прекрасная дѣва Востока. Пльница овладѣла своимъ побѣдителемъ ; Арзана одна изъ Расиновыхъ женщинъ, по гнѣву, но ненависти, по рѣчамъ. Въ отсутствіе Моисея, она надѣется покорить подъ ярмо свое сына Ааронова. Надабъ говоритъ ей: «Я спасъ тебя, — и вся жизнь моя измѣнилась. Ты первая обрѣла въ моемъ сердцѣ. Въ немъ поднялась любовь именная, ужасная, какъ огненное свѣтло въ этой палатѣ пустыи. Спокойствіе навсегда улетѣло изъ души моей, и умъ мой блуждаетъ въ огнистыхъ мечтахъ. Какъ счастливъ былъ бы я, если бы могъ теряться съ тобою въ степяхъ Аравитянина, далеко отъ глазъ завистливыхъ. Тебѣ одной извѣстный, тебѣ одной покорный, я бы скрылъ жизнь мою въ уединенномъ Востокѣ. Избравъ опорой ветвь (?) пальмы, я бы днемъ водилъ смиреннаго твоего верблюда; вечеромъ, на берегу какого-нибудь безвѣстнаго источника, я бы подносилъ сосудъ къ жаждущимъ устамъ твоимъ, и, подъ простою палаткою, забывая Израиль, прижималъ новую Рахиль къ трепещущему моему сердцу.»

И вслѣдъ за тѣмъ, какъ-бы повинувъ сына Ааронову, хоръ воспѣваетъ любовь.

Amour, tout chérit tes mystères,
Tout suit tes gracieuses lois;
L'hirondelle au palais des rois,
L'aigle sur les monts solitaires,
Et le passereau sous nos toits.

UNE AMALÉCITE.

Implorons du Liban la déesse charmante,
De nos longs cheveux d'or que la tresse élégante
Tombe en sacrifice à l'Amour ;
Soulevons les enfers, répétons tour à tour
Du berger Chaldéen la parole puissante.

UNE AUTRE AMALÉCITE.

Qui méprise l'Amour dans les fers gémitra.

UNE AUTRE.

De prodiges divers l'Amour remplit l'Asie.

Il embauma l'Arabie

Des pleurs de la tendre Myrtha ;

Du pur sang d'Adonis il peignit l'anémone ;

Fleur des regrets, symbole du plaisir,

Elle vit peu de tems ; et le même zéphyr

La fait éclore et la moissonne.

Дѣйствіе третіе. Наконецъ является Моисей. Доселѣ зрители еще не видали его, но чувствовали его приближеніе. Моисей одинъ. Онъ лицомъ къ лицу видѣлъ Бога. Онъ несетъ Скрижали Завета. Моисей говоритъ:

«Скажи, какою милостию, о Властелинъ Природы, ты благоволилъ унизиться до своего творенія и тайнѣ говорить съ моимъ укрѣпившимся сердцемъ, какъ мощный другъ говорить съ своимъ другомъ?»

Этотъ входъ Шатобрианова Моисея произвелъ большой эффектъ. Моисей, пораженный ужасомъ, прислушивается къ радостнымъ кликамъ, выходящимъ изъ стана Израильскаго. Это тѣ же пѣсни любви, которыя Амалекитскія жены продолжаютъ и ночью. Тутъ разговоръ становится быстрымъ и сжатымъ. Моисей, едва сошедъ съ Синая, предался своему энтузіазму, и хочетъ возстановить въ народѣ своемъ порядокъ. Онъ отвергаетъ этихъ нечистыхъ женъ. Надабъ, сынъ Аарона, увлеченный страстію, хочетъ защищать Арзану. Въ станѣ загараются мятежъ.

Дѣйствіе четвертое. Но духъ Божій поддерживаетъ Моисея. Тщетно народъ его возмущается, сомнѣніе потрясаетъ умы предводителей; Моисей остается непоколебимъ, Моисей вѣритъ своему дѣлу. Онъ одинъ защищается противъ всѣхъ невѣрующихъ.

Моисей говоритъ: «Проклятіе на измѣнчивый родъ твой, Іаковъ, если ты своими руками создаешь себѣ кумирь! Да будетъ проклято твое поле, твой флагъ, постель и смоковница на высотахъ Гебое! Да падая въ будущемъ изъ бездны въ бездну, изъ несчастій въ несчастія, изъ преступленій въ преступленія, ты нѣкогда увѣнчаешь свои злодѣянія,

«заклавъ агнца, сошедшаго для міра! Тогда, народъ оужденный, ты будешь, разсыянный по всей земль, вездъ «влacity стыдъ и нищету свою. Ты будешь, сынъ отрвшен- «нный отъ наслѣдства, пагой и бѣдный, плакать на развали- «нахъ твоего города, и, посреди этихъ разбросанныхъ облом- «ковъ, ты найдешь, для своей казни, обвинительную могилу «воскресшаго Бога, и погибнешь съ горести при единствен- «ной гробницѣ, которой нечего будетъ отдавать въ день су- «да послѣдняго!»

Само собою разумѣется, что занимательность подобной драмы происходитъ не отъ непредвидѣнныхъ явленій. Правила новѣйшей Пятики не соблюдены въ этой Трагедіи; дѣйствіе въ ней просто и важно; оно идетъ къ цѣли своей прямо, безъ уклоненій, безъ неожиданностей. Тутъ нтъ приключеній, наполняющихъ новѣйшую драму: все просто, какъ самый предметъ Трагедіи. Явленія этого четвертаго акта, которыя не принадлежатъ Моисею, заняты Аарономъ. Зрители плакали въ одной сценѣ между Аарономъ и сыномъ его, Надабомъ. Ааронъ уже готовъ овладѣть умомъ своего сына, сынъ уже готовъ уступить отцу, какъ вдругъ является его любезная, въ слезахъ: она приходитъ испытывать своими обольщеніями этого слабаго воина посреди песчанаго моря, которое еще надобно пройти, чтобы достигнуть Обѣтованной Земли. Она побуждаетъ. Надабъ хочетъ слѣдовать за нею къ алтарямъ лжебоговъ. Тутъ является хоръ Израильтянъ: они хотятъ унести гробъ Іосифа, чтобы онъ не былъ свидѣтелемъ столь ужаснаго отступничества.

Хоръ удаляется, и вдали раздаются его увѣщанія къ надеждѣ и мужеству. Заря занимается.

Дѣйствіе пятое. Между-тѣмъ возмущеніе сына Аарона произвело большое зло. Часть безумнаго народа соглашается поклониться идоламъ; Надабъ, недостойный оти своего, готовится вести Арзану къ алтарю. Все кончено, жертвоприношеніе совершается; но вдругъ предстаетъ Моисей. При видѣ Моисея народъ умолкаетъ; алтари лжебоговъ низвергаются. Побужденная Арзана наконецъ срываетъ съ себя личину, и говорить, обращаясь къ своему любезному: «Сынъ Аарона! въ надеждѣ погубить его самого, я

«была столь слаба, что рѣшилась спасти себя, предавшись тебѣ; но это усиліе свыше силъ моихъ»

Это возвышаетъ характеръ Арзаны, отнимая у него сходство съ обыкновенными характерами заговорщиковъ.

Надабъ говоритъ отцу своему: «Отецъ злополучный! «проклятіе твое какъ жгучій покровъ облекаетъ твоего пер-«венца! Ты не услышишь уже моего голоса, не увидишь уже «моей улыбки. Я не буду уже говорить тебѣ каждое утро: «Пойдемъ отецъ мой, отогрѣемъ на солнцѣ престарѣлая «твоя лѣта; пойдемъ, помолимся Всевышнему, и благослови «дѣтей твоихъ.»

Моисей (народу.)

«Да! казнь постигнетъ васъ. Мечъ еще станетъ вскать «между вами ускользнувшей жертвы. Вы погибнете въ пу-«стынь, и юныя ваши дѣти, безъ васъ, торжествуя вступать «въ Иерихонъ; Калебъ и Иосуа, спасенные Богомъ, одни пе-«реплывутъ святую рѣку. Я самъ, оскверненный вашими «нечестіемъ, буду отвергнуть землю Іакова. Привѣтствую «тебя, гора Абаримъ, съ которой глаза Моисея увидятъ «края Земли Обѣтованной,—Абаримъ, гдѣ воспѣвая смертный «гимнъ мой, благословлю въ нѣжномъ восторгѣ народъ Из-«раилевъ!»

Тѣмъ оканчивается Трагедія. Слогъ ея запечатлѣнъ дво-«якимъ цвѣтомъ Востока,—страстію и вѣрою. Г. Шатобрианъ «слишкомъ много надѣялся на внѣшнія украшенія, и слишкомъ «мало на самое свое твореніе. Между — тѣмъ Моисей вы- «шелъ побѣдителемъ изъ борьбы, на которую явился одинъ, «совершенно безо всякаго пособія: дѣйствительно, ни «одно еще литературное произведеніе не бывало такимъ «образомъ предоставлено самому себѣ, предаю судьбѣ своей. «Трагедія Г. Шатобриана поставлена на театръ случайно, «играна бѣдными и честными актерами, привычными къ ме- «лодрамамъ; хоры въ ней пѣты хористами Комической Опе- «ры, и имъ акомпанировалъ оркестръ, состоящій изъ любя- «телей; декорація была тяжелая, безжизненная. И, несмотря «на все это, благодаря искуснымъ мѣрамъ, принятымъ зара- «нѣе почитателями великаго поэта въ прозѣ, Трагедія его «имѣла успѣхъ величайшій: ее непрерывно играютъ и те- «перь въ Версали.

Трагедія кончилась, — является Критика; является Г. Жюль-Жанепъ со своимъ разборомъ, — Жаненъ, оберъ-каммергеръ Г. Виконта Шатобриана, — Жанепъ исправляющій должность придворнаго льстеца Г. Шатобриана, и труба его славы, — Жаненъ, который, пивъсь изъ-за какой потѣхи, расточаетъ передъ Г. Шатобрианомъ самое приторное ласкательство, и говоритъ вамъ объ немъ все, что, только можетъ внушить смѣшнаго и ложнаго энтузіазмъ притворный! Какъ жаль, что Г. оберъ-каммергеру Жанену нельзя вѣрить. Вотъ что значитъ хвалить по подряду: мы даже не знаемъ, что должно думать о Трагедіи Шатобриана! Но въ его разборъ есть выраженіе, которое насъ удивило. Говоря объ одномъ изъ хоровъ этой Трагедіи, и восхищаясь на всѣ манеры (не знаемъ право чѣмъ!), Г. Жаненъ наконецъ истощилъ всѣ роды похвалы, и въ заключеніе восклицаетъ: *Самъ Гораций не написалъ бы лучше этого!* Это любопытно. Выходитъ, что Гораций все-еще выше Шатобриана! А между-тѣмъ Шатобрианъ, по его же словамъ, величайшій изъ всѣхъ поэтовъ прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ. Это очень любопытно. Жаненъ признается, что Гораций не только поэтъ, но еще поэтъ выше Шатобриана!

2. *La Famille Moronval, Семейство Моронваль, Драма* въ пяти дѣйствіяхъ Г. Карла Лафона.

Эта Драма первый опытъ очень молодаго челоуѣка. Г-ну К. Лафону нѣтъ еще и двадцати двухъ лѣтъ. Этотъ опытъ доказываетъ истинный талантъ. Конечно, *Семейство Моронваль* пьеса дурная: въ составъ ея много грубыхъ погрѣшностей, въ расположеніи сценъ и разговоръ много недостатковъ, обличающихъ неопытность автора. Но въ немъ видны качества рѣдкія, особенно въ нынѣшнее время, — искусство, изобрѣтающее сцены разительныя, и смѣлость, которая отъ нихъ не увертывается; искусство не менѣе трудное заставлятъ дѣйствующихъ людей говорить почти то, что они должны говорить, и слогъ ясный и твердый, если не всегда простой и изящный, подають большія надежды на будущее. Мы не станемъ рассказывать содержанія этой пьесы, потому что оно неясно, запутано, невѣроятно, хоть весьма занимательно.

3. La Lectrice, *Читица*, Драма въ двухъ дѣйствіяхъ, Г. Байара.

Вотъ маленькая Драма, чрезвычайно занимательная и заставляющая проливать сладкія слезы.

Въ одномъ городкѣ графства Линкольнскаго, была любимица, почитаема и уважаема леди Каролина Престонъ, дочь лорда Кольбриджа, старика почтеннаго и неумолимо-честнаго.

Въ этомъ городкѣ Линкольнскаго графства стоитъ полкъ. Офицеры этого полка не могли видѣть леди Каролины Престонъ, не влюбившись въ нее. Особенно одинъ изъ нихъ, самый вѣтреный и предприимчивый, не переставалъ преслѣдовать прекрасную леди своими нѣжностями. И эти преслѣдованія сдѣлали вредъ ея доброму имени, сколько *сiе* было возможно. Наконецъ онъ вздумалъ однажды ночью забраться черезъ окно въ комнату леди Престонъ; но окно не отворилось. Тщетно онъ просилъ, умолялъ Каролину Престонъ; окно не отворилось. Онъ провелъ всю ночь на этомъ неумолимомъ окнѣ, и наутро весь городъ видѣлъ, какъ онъ спускался съ окна, и весь городъ почелъ его за счастливаго любовника. Съ этого дня доброе имя леди Престонъ погибло; мужъ ея, лордъ Престонъ, чтобы прекратить злыя толки, долженъ былъ драться на дуэли и былъ убитъ; отецъ ея, старый капитанъ Кольбриджъ, узнавъ о дурномъ поведеніи своей дочери и смерти зятя, проклялъ ее и уѣхалъ изъ Линкольнскаго графства, чтобы никогда не видать ея. Впрочемъ это только метафора, потому что капитанъ Кольбриджъ давно уже былъ слѣпъ.

Все это происходитъ, когда занавѣсъ еще не поднимался. Сиръ Артуръ, на другой день послѣ своего гнуснаго поступка, уѣхалъ изъ города, и ничего не знаетъ о несчастіяхъ леди Престонъ, ни объ ея безчестіи, ни о смерти ея мужа, ни о нищетѣ, въ которой живетъ она, ни о проклятіи, которое надъ нею тяготѣетъ. Сиръ Артуръ живетъ у своей тетки, леди Физъ-Джеральдъ, въ одномъ старинномъ Шотландскомъ замкѣ, наполненномъ молодыми людьми. Они пьютъ, поютъ, охотятся, и въ старомъ замкѣ раздается гулъ потѣхъ ихъ. Вдругъ являетсѣ старый Кольбриджъ. Кольбриджъ, со времени несчастія своей дочери, удаленъ въ

Шотландію со своимъ племянникомъ, который служить ему чтецомъ. Старый, слѣпой капитанъ живетъ въ совершенномъ уединеніи, ненавидитъ всю природу, и пришелъ къ леди Физъ-Джеральдъ только потому, что карета его изломалась у дверей замка. Покуда чинятъ карету, къ леди Физъ-Джеральдъ приходитъ сама Каролина, — прекрасная леди Престонъ, прежде столь блестящая, теперь бѣдная и всеми покинутая: она проситъ мѣста компаньонки; леди Джеральдъ предлагаетъ ее въ чтицы и проводницы старому капитану. Каролина узнаетъ отца своего! Вы можете вообразить, что она съ благодарностію принимаетъ это мѣсто. Старикъ со своей стороны очень радъ, что Трагедіи Шекспира будетъ ему читать голосъ столь нѣжный, похожій на другой, милый ему голосъ. Они ѣдутъ вмѣстѣ въ скучное жилище слѣпаго Кольдбриджа, и первое дѣйствіе оканчивается.

Во второмъ дѣйствіи, Каролина, не узнавая отцемъ своимъ, читаетъ ему Шекспирову драму, «Короля Лира». Кто изъ насъ не помнитъ наизусть божественной сцены, въ которой дочери выгоняютъ престарѣлаго, слѣпаго отца своего, и одно только помѣшательство избавляетъ его отъ отчаянія, — превосходнѣйшее изображеніе нѣжности, любви, жадости и огорченія отцовскаго сердца? Эта сцена любимого его поэта растрогала сердце старика, и онъ принимается вспоминать со слезами о своей дочери. А дочь, сидя подле него, видя, что онъ плачетъ, говоритъ ему, будто отъ Каролины получено письмо. Кольдбриджъ сначала хочетъ разорвать это письмо, не читая; но потомъ природа беретъ свое, и онъ проситъ прочесть ему это письмо. Эта сцена удивительно трогательна!

Наконецъ капитанъ узнаетъ дочь свою: онъ протягиваетъ къ ней руки, обнимаетъ ее, прощаетъ ей преступленія, которыхъ она не дѣлала. Въ то же время призываетъ Артура: онъ все узналъ, и предлагаетъ Каролинѣ свою руку. Вотъ вся эта маленькая Драма: она, какъ вы видите, стара какъ колоколъ Ивана Великаго; это все та же исторія Софоклова Эдипа, Шекспирова короля Лира, — исторія всѣхъ отцевъ, слѣпыхъ или зрячихъ, оскорбленныхъ своими дѣтьми. И что жъ? эта Драма, столько разъ передѣланная, еще разъ извлекла слезы. Такъ-то справедливо, что отъ одной

и той же вещи можно считать разъ десять сразу, а считать трудно и ~~два~~ ^{два} раза.

Г. Байяръ, лучший ученикъ Г. Скриба, развеселилъ однако свою Драму маленькою ролью племянника, добраго малаго, насмѣшника, немножко интересана, который срываеъ иногда улыбку.

Драма эта была играна въ Фонтенебло, въ присутствіи Короля, всей королевской фамиліи и многочисленнаго двора, и въ Journal du Debats говорятъ, что мужчины плакали пуще женщинъ. Ба! что это значить? Что за удивительная чувствительность вдругъ проявилась въ мужескомъ полѣ во Франціи? Ужъ полно не началось ли нынѣшней осенью въ Парижѣ возрожденіе мужчинъ посредствомъ женщинъ?

4. Charles IX, *Карль IX*, Драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ, соч. Г. Розье.

Мы упоминаемъ объ этой Драмѣ только для счета заглавіямъ: это произведеніе глупое и отвратительное, не согласное ни съ Исторіею, ни съ природою человека. Сюжетъ пьесы — рѣзня въ ночь Св. Варѣоломея. Въ пятомъ дѣйствіи Карль IX беретъ штуцеръ, отворяетъ окно, и для забавы стрѣляетъ по Протестантамъ, которые, убѣгая отъ убійцъ своихъ, переплываютъ черезъ Сену.

5. Les Immoralités, *Безнравственности новѣйшей Драммы*, Водевиль въ одномъ дѣйствіи.

Г. Дюранъ, мирный гражданинъ, добрый отецъ честнаго семейства, страхъ любить драматическую литературу. Онъ души не чаеъ въ Драмѣ театра Портъ-Сенмартенскаго; Александръ Дюма его Корнель, и онъ не знаетъ драматическаго произведенія лучше Анжелы. Такой у Г. Дюрана вкусъ. Кровосмѣшенія, яды, кинжалы, похищенія, похищенія, обольщенія, — вотъ что нравится Г. Дюрану драмолюбцу. Но это впрочемъ ни сколько не мѣшаетъ уважать Водевилья и семнадцатое столѣтіе Г-на Ансело.

Совершенно увлекаясь страстью своею къ исторической Драмѣ и канапейной Комедіи, Г. Дюранъ превращаетъ домъ свой въ театръ, или лучше въ вертепъ, въ которомъ онъ, жена, дѣти, пріятели его, занимаютъ то ужаснымъ, то

приятнымъ родомъ Драмы: кровь или розовыя гирлянды, порошъ или пудра только у нихъ и видны.

Между-тѣмъ прѣзжаетъ въ этотъ домъ изъ какой-то отдаленной провинціи бѣдный молодой человекъ, простоватый и плохо знакомый съ исторіею новѣйшей Драмы. Вы можете вообразить его страхъ и ужасъ, когда онъ открываетъ все эти таинственныя дѣла крови и преступенія. При самомъ его прѣздѣ, все Дюраны, въ полныхъ костюмахъ, готовятся играть одну изъ самыхъ любимыхъ своихъ Драмъ. Г-жа Дюранъ приготовляетъ яды и точить кинжалы; сынъ Г. Дюрана, въ костюмъ Роберта Макера, взламываетъ замки, грабитъ и рѣжетъ прохожихъ; даже сама Эвелина Дюранъ, невѣста нашего простака, дѣвушка прелестная, съ которою онъ надѣялся быть счастливымъ, лежитъ на софѣ Г. Александра Дюма и, *терется прекрасными своими руками въ волосахъ мужчины*, по методу Виктора Гюго и Г-жи Зандъ.

При видѣ всѣхъ этихъ безнравственностей, бѣдный простакъ бѣжитъ что есть мочи; онъ доноситъ на это гнусное семейство королевскому прокурору; жандармы прибѣгаютъ запылавшись, надѣясь поймать цѣлую шайку убійцъ, разбойниковъ, бѣжавшихъ каторжниковъ и прочая, и прочая. Они находятъ только Г. Дюрана, Г-жу Дюранъ, дѣвцу Дюранъ, уже скинувшихъ свои ужасныя костюмы.

Сюжетъ этого Водевилья очень хорошъ: онъ могъ бы быть написанъ умнѣе, и это не испортило бы дѣла; но онъ смѣшить, — и этого уже много.

6. L'Ecole des ivrognes, *Школа пьяницъ*, Водевиль въ одномъ дѣйствіи, Гг. Дидье и Деланда.

Этотъ Водевиль написанъ за-разъ, безъ претензій, безъ изысканности, и слѣдственно очень умно. Самыя веселыя, самыя отважныя кабацкія выраженія, шутки и насмѣшки любителей тридцати-копѣчнаго вина, собраны и приведены въ порядокъ авторами умно, красно и разнообразно. Они сначала называли было Водевиль свой — *Жажда*, и это заглавіе было очень прилично, потому что тутъ пьютъ не на шутку. Ничего не можетъ быть проще этого Водевилья.

Двое пріятелей, двое работниковъ, двое кровельщиковъ, двое пьяницъ, общаются своимъ женамъ не пить болѣе, и вслѣдъ за тѣмъ отправляются въ кабакъ, и тянуть мертвую. Одинъ изъ нихъ, воротясь домой, плачетъ, смѣется, бурлитъ и сердится, засыпаетъ и бредитъ вслухъ; учить сына пьянствовать; становится передъ женою на колѣни, ластится къ женѣ, бьетъ жену, — чортъ его знаетъ чего онъ не дѣлаетъ! Не думаемъ, чтобы эта *Школа пьяницъ* помѣшала кому-нибудь итти въ кабакъ: безъ всякаго сомнѣнія, найдется много честныхъ любителей веселья, которые, побывавъ въ школѣ пьяницъ, станутъ ходить въ кабакъ часомъ ранѣе прежняго. Водевиль очень остроуменъ и чрезвычайно забавенъ.

7. *Jacquemin; ou Qui est roi de France? Жакмень, или Кто же Французскій Король?*

Этотъ Водевиль не что иное, какъ еписокъ чрезвычайно забавнаго Водевиля Гг. Кармуша и Мелезвила, «Полина, или Неизвѣстно ли кто управляетъ?» Полина, управляемая однимъ молодымъ человѣкомъ, управляетъ однимъ знатнымъ баринномъ, который управляетъ королевскою любовницею, которая управляетъ королемъ, и такимъ образомъ Полина управляетъ Франціею почти также, какъ сынъ Перкла управлялъ Греціею. Въ этомъ умномъ Водевиль забавно видѣть какъ Полина, молоденькая дѣвушка, волнуется весь Французскій дворъ; и заставляетъ объявить войну однимъ словомъ, однимъ взглядомъ, одною улыбкою. Притомъ и эпоха была хорошо выбрана: дѣйствіе происходило во времена должностныхъ любовницъ.

«Жакмень, или Кто же Король Французскій,» просто неискусное, неловкое подражаніе Полинь. Жакмень просто — извѣстный, почтенный и понинъ здравствующій генералъ Жакмино: авторы подобрали ему такое мудреное имя нарочно для того, чтобы никто не узналъ почтеннаго генерала по фамиліи. Тонко и очень прилично! Въ этой нелпой Комедіи играютъ роль два лица, одно, человѣкъ, самый благородный, самый привѣтливый; другое, женщина, которая была тогда обожаема всею Франціею, а теперь заслужила удивленіе всей Европы своимъ геронскимъ муже-

ствомъ. Можетъ ли что быть гнуснѣе подобнаго неуваженію къ несчастію! Дѣйствіе происходитъ въ царствованіе Людовика XVIII, за нѣсколько дней до Испанской войны. Авторы хотѣли увѣрить, что Испанскую войну объявилъ Г. Жакменъ.

8. La Tempête, *Буря*, волшебный Балетъ въ двухъ дѣйствіяхъ, Г. Корали.

Миранда, дочь храбраго вонна Талеса и прекрасной Гречанки Имогены, лишилась въ сраженіи и отца и матери. Турецкая армія все нисповергнула на пути своемъ; она увела всѣхъ плѣнныхъ, забыла одну Миранду. Когда суровые мусульмане уходятъ, Аріель, сильфъ генія Оберона, спускается съ неба и уноситъ дочь Имогены и Талеса въ прекрасномъ голубомъ эшарпѣ. Такимъ-то образомъ Миранда избавляется отъ чести быть въ Сераль.

Ребенокъ растетъ скоро. Миранда уже миленькая дѣвушка лѣтъ пятнадцати, которой очень досадно имѣть пятнадцать лѣтъ на пустомъ острову. Правду сказать, этотъ островъ очень населенъ, но населенъ одними геніями, духами разныхъ породъ и званій, — домовыми, водяными, земляными, огненными, воздушными, лѣшными. Посреди всѣхъ этихъ духовъ Мирандѣ скучно до-смерти. Тщетно геніи стараются забавлять ее: ничто не помогаетъ. Миранда и не смотритъ на нихъ, а все поглядываетъ на Калибана.

Этотъ Калибанъ — толстый геній, мохнатый и неуклюжій: И между тѣмъ этотъ уродъ изволилъ влюбиться въ Миранду. Онъ скачетъ на четверенькахъ, чтобы забавлять ее, цѣлуетъ слѣды ея ногъ; если она роняетъ платокъ, Калибанъ его поднимаетъ и прижимаетъ къ сердцу. Калибанъ очень наскучаетъ Мирандѣ: она ни сколько не понимаетъ восторговъ этого денди изъ преисподней. Къ счастью, геній Оберонъ опять оказываетъ помощь пріемной дочери своей, Мирандѣ.

Оберонъ, хоть и геній, а очень понялъ, чего хочется Мирандѣ. Она сердцемъ и душою призываетъ мужа, —

мужа, который былъ бы не духъ и не геній, у котораго были бы завитые волосы, шелковые чулки бѣлой мантіи.

Геній Оберонъ подымаетъ ужаснѣйшую бурю. *Громы бросаются на вершины скалъ, ондины низвергаются въ море, саламандры бѣгутъ за огнемъ въ недра земли. Эти адскія игры сопровождаются ужаснѣйшимъ шумомъ.* Такъ говорить программа Балета, и надобно сказать правду, что композиторъ музыки въ точности послушался программы: онъ надѣлалъ *ужаснѣйшій шумъ*. Въ это время, море, тихо и спокойно лежавшее въ глубинѣ театра, начинаетъ воздымать свои волны, устремляется къ небу и распадается огромными клубами пѣны. Это — настоящее сердитое море, настоящіе валы, прекрасное и ужасное море. Эта декорация удивительна. Буря была такъ естественна, — такъ естественна, что, какъ видно изъ метеорологическихъ наблюдений Парижской обсерваторіи, въ этотъ вечеръ во всемъ Парижѣ и въ окрестностяхъ сливки и молоко свернулись. Никогда еще въ Парижѣ не видывали бури столь естественной и бурной. По окончаніи этой бури, волны изрыгаютъ молоденькаго господчика въ шелковыхъ чулкахъ и бѣлой мантіи: его зовутъ Фернадо. Фернадо видитъ Миранду, и между-тѣмъ какъ море успокоивается, сердце его кипитъ и скачетъ въ груди его. Миранда, со своей стороны смущается, и рука ея дрожить уже не отъ страха.

Не стоитъ рассказывать вамъ любви Фернанда и Миранды: они такъ много говорятъ, такъ пламенно танцуютъ другъ съ другомъ! *Наконецъ*, какъ утверждаетъ программа, *Калибанъ является и застаётъ ихъ въ любовномъ забвеніи.* Къ счастью зрительницъ, къ чести Фернанда и Миранды, надобно сказать, что они не въ точности слушаются программы, и что программа нѣсколько преувеличиваетъ. Какъ бы то ни было, но ревнивый Калибанъ призываетъ къ себѣ на помощь гномовъ, ондинъ, саламандръ, и нападаетъ на Фернанда; Фернадо, столь же храбрый какъ и влюбленный, обнажаетъ шпагу. Тутъ, какъ водится, сраженіе. Калибанъ побеждаетъ, но Оберонъ снова спасаетъ Фернанда и отдаетъ ему Миранду.

Балетъ этотъ нелѣзность, но буря — ужасъ, а дѣвица Эслеръ — прелесть. Дѣвица Эслеръ Вѣнская танцовщица: она, какъ говорятъ, была предметомъ пламенной страсти молодого сына одного покойнаго завоевателя, умершаго на дальнемъ островѣ, подъ тропиками. Эта Г-жа Эслеръ опасная соперница Г-жа Тальони. Но у Г-жи Тальони столько же ума въ головѣ, какъ искусства въ ногахъ. Во время этого Балета, она сидѣла въ ложѣ, и изъ всѣхъ силъ аплодировала своей соперницѣ. На слѣдующій день Г-жа Тальони танцевала въ балетѣ, и Г-жа Эслеръ сидѣла въ ложѣ и изъ всѣхъ силъ ей аплодировала. Теперь онѣ квиты, и слѣдственно могутъ терзать другъ друга сколько угодно.

СЛОВЕСНОСТЬ ВО ФРАНЦІИ. Есть люди, которые не отличаютъ неблагопристойности и чувственной любви отъ безнравственности и не помнятъ, что поведеніе или книга могутъ быть въ высочайшей степени благопристойныя и въ тоже время самыя безнравственныя, и на оборотъ. Это люди дальновидные. Есть люди, которые находятъ глубокомысленнымъ всякое новое мнѣніе, подобно жепщинамъ, готовымъ восхищаться всякою новою лентою, и забываютъ, что время также скоро дѣлаетъ старыми и смѣшными новыя мнѣнія, какъ и новыя ленты. Это люди, шествующіе съ вѣкомъ. Есть люди, которые изъ челоука надѣются, помощію безкопечнаго совершенствованія, сдѣлать систематическаго барана. Это люди счастливые. Намъ кажется, что весь шумъ о юной Французской Словесности произошелъ отъ того, что люди дальновидные, шествующіе съ вѣкомъ и счастливые, вздумали говорить всѣ въ одно время о предметѣ, въ который никогда не вникали, и кричать, не слушая и не понимая другъ друга. Люди опытные, просвѣщенные, хладнокровные, разсуждающіе своею головою, а не покупными въ лавкахъ мыслями, во все продолженіе этого шума спокойно говорили имъ одно и то же въ цѣлой Европѣ, и дождались того, что юная Словесность кончилась, и что пламенные ея проповѣдники сами теперь наибольшую частію согласны съ ними.

Мы утверждаемъ положительно, что юная Словесность кончилась. Тѣ, которые еще объ ней спорять, по-видимо-

му не слишкомъ хорошо знаютъ существо и ходъ дѣла. Да то ли еще лязываютъ они юною Словесностью, что собственно должно разумѣть подъ этимъ именемъ? Юная Словесность назвалась юною оттого, что была затѣяна юношами, которые въ дѣтствѣ прельстились переводными красотами Шекспира, Байрона, Вальтеръ-Скотта, Шиллера и Гёте, и пожелали сдѣлаться Шекспирами, Байронами, Скоттами и Шиллерами, не успѣвъ кончить курса, по-крайней-мѣрѣ большаго частію, и не читавъ ихъ въ подлинникѣ. Отсюда произошла теорія, которая, взявъ за основаніе Шекспировы формы, въ разсужденіи духа приписала Шекспиру то, чего въ немъ не бывало: то самое сдѣлала она съ Вальтеромъ-Скоттомъ и съ другими своими образцами. Въ этой теоріи, удостоенной пышнаго имени романтизма, было много основательнаго, много ложнаго и преувеличеннаго. Но юная Словесность состояла отнюдь не въ этой теоріи: романтизмъ для одной только Франціи могъ быть вещію новою и юною; для Европы, которая искони знала паизустъ Шекспира и Шиллера, онъ былъ старая сказка. Настоящая характеристика этой Словесности заключалась напротивъ въ юности тѣхъ, которые предприняли ее въ Парижѣ. Разсудивъ хладнокровно, нельзя не согласиться, что, какъ всякая Словесность, такъ и эта юная, или правилыѣе, юношеская, должна была вполне отразить на своихъ страницахъ мысли, желанія, понятія, философію своихъ производителей, + *плюсъ*, пылкость, наглость и самонадѣянность неопытнаго ихъ возраста. Она вполне и отразила все это, во многихъ случаяхъ съ блескомъ, даже съ признаками высокаго таланта. Юная Словесность, какъ самобытная школа, заключается вся не въ новыхъ формахъ изящнаго, — онѣ не новы, онѣ очень стары и давно вѣсмъ извѣстны, — но въ ея нравственномъ отпечаткѣ, въ ея особенной философіи. Доставъ перо въ руки, вчера выпущенные изъ училища школьники хотѣли ниспровергнуть все принятое и утвержденное опытомъ человечества, преобразовать общество такъ, чтобъ въ немъ было раздолье молодымъ людямъ, сдѣлать его удобныѣе и просторныѣе для безбородыхъ мудрецовъ въ желтыхъ перчаткахъ, да вверить ему правила какъ-можно поспѣхительныѣе къ поэзіи холостой и трагичной жизни.

Супружество? что, какъ, супружество? прочь! это противно Природѣ. Добродѣтель? прочь! это предразсудокъ. Заслуга? прочь! это плодъ низости и коварства. Власть, величіе, собственности? прочь, прочь! разрушить, уничтожить, распределить ихъ иначе! Одно дарованіе въ правѣ отдавать приказанія людямъ и имѣть деньги въ карманѣ; поэтъ и артистъ одни велики во вселенной. А законы? У людей нѣтъ другаго закона, кромѣ эгонизма и безыказанности: мы вамъ тотчасъ приведемъ тысячи примѣровъ..... Свѣтъ — вертепъ разбойниковъ; оргія и Гапанскія сигары, вотъ одна пріятность въ свѣтѣ! Такъ именно рассуждали юные философы въ стихахъ и прозѣ, въ Драмѣ и Романѣ, — и вотъ гдѣ была юная *Словесность*! Въ глазахъ иностранцевъ она не имѣла ничего общаго со слогомъ, ни съ формою сочиненій, ни съ картинными красотами: намъ какая до того нужда, соблюдаютъ ли Французы три единства или нѣтъ, слѣдуютъ ли они еще Расину или уже Шекспиру и Шиллеру? Мы не въ правѣ принуждать ихъ быть подражателями скорѣе того, чѣмъ другаго. Но, какъ члены Европейскаго общества, все благомыслящіе иностранцы должны были отринуть съ гнѣвомъ и презрѣніемъ гайдамакское ученіе молокососовъ, стремящихся учредить въ свою пользу надъ обществами постыдный деспотизмъ своего себялюбія и скептицизма, на который ни возрастъ ихъ, ни опытность не давали имъ ни малѣйшаго права. И дѣйствительно, отличнѣйшіе критики въ Англіи и въ Германіи, которыхъ нельзя упрекнуть въ приверженности къ классицизму, потому что онѣ чужды ихъ понятіямъ, единогласно возстали противъ этой наглости неутомимыхъ талантовъ, не вышедшихъ еще изъ-подъ опеки и уже сорвавшихъ съ себя узду общественнаго мнѣнія; и, если за границею Франціи нашлись добрые люди, которые позволили этимъ юношамъ самовластно управлять своими поведѣвшимъ умомъ и своимъ энтузіазмомъ изъ-за нѣсколькихъ блестящихъ картинъ, найденныхъ въ ихъ твореніяхъ, темъ хуже для тѣхъ, которые имъ это позволили. Дѣло въ томъ, что ни одинъ знатный журналъ иностранный не одобрилъ духа и стремленія бурной толпы недоучившихся гениевъ, и скоро въ самомъ Парижѣ лучшія временныя изданія

одно за другими оставили ихъ сторону. Да и по существу своему, Словесность эта не могла продолжаться болѣе пяти или шести лѣтъ: ей нельзя было вѣчно быть юною, и она кончилась по весьма простой причинѣ, — потому что тѣ, съ которыми она родилась, постепенно начали старѣться сами, начали входить въ зрѣлый возрастъ, въ которомъ потребности и понятія измѣняются. Одни изъ нихъ пережились, и, изъ гонителей супружества, стали ревностнѣйшими его защитниками; другіе разбогатѣли, и вдругъ ощутили въ себѣ высокое уваженіе къ собственности; третьихъ крикъ публики и постоянное оужденіе уважаемыхъ журналовъ заставили отказаться отъ безправственныхъ ввущеній и непристойныхъ картинъ; четвертые впади въ мистицизмъ, который еще не есть вврованіе, но уже переходъ отъ скептицизма къ Религій; иные наконецъ сами образумились. Вотъ, какими путями исчезъ значительно изъ этой Словесности духъ, составлявшій ея рзвую юность. Сравните первыя творенія Бальзака или Жанена, — Физиологію супружества, Ослиную кожу, Барнава, — съ Деревенскимъ докторомъ, съ *La recherche de l'absolu* и съ новѣйшими разборами драмъ и романовъ, подписанными извѣстною фирмою — J. J. Какая противоположность въ нравственныхъ и литературныхъ правилахъ! Совсѣмъ другіе люди! Это уже не юная Словесность. То же примѣчаніе можно распространить и на другихъ. Взгляните на послѣднія драматическія произведенія, хотя еще очень слабыя въ техническомъ отношеніи. Это уже не юное, холодное, систематическое скопленіе ужаса, отвратительнаго и безнравственности, по простой, невинный романтизмъ, столь же старый какъ Шекспиръ и Шиллеръ. И такъ, вѣчный покой юной Словесности! Она уже брѣдетъ себѣ бороду, и начинаетъ помышлять о дѣткахъ. Полно шалить: своей женѣ и своему оптомству нужны другія правила, хорошіе примѣры.

Мы не говоримъ, чтобы не было такихъ, которые, подобно отстающимъ солдатамъ, идутъ еще по прсжиему маршруту, тогда какъ весь полкъ свернулъ уже на другую дорогу, получивъ иное направленіе: они неизбежны, и въ некоторое время будутъ еще пробовать счастья; но вообще во Французской Словесности и Критикѣ замѣтно чрезвычайное

улучшеніе. Между началомъ и концемъ текущаго года разница неимоверная. Мы уже не знаемъ ни одного хорошаго журнала изъ всего числа Парижскихъ повременныхъ изданій, который бы явно не насмѣхался надъ сумасбродствами покойной школы, не возставалъ сильно на тѣхъ, которые хотѣли продолжать безпраздвенныя ея проповѣди, даже не отдавалъ бы преимущества чистому и простому разсказу передъ вычурною манерностью, еще недавно возбуждашею ихъ удивленіе. Тѣ, которые у насъ стоятъ еще горюю за юную Французскую Словесность, не повѣряютъ этому извѣстію: что жъ дѣлать! ихъ судьба — вѣчно отставать цѣлымъ годомъ отъ Парижскихъ модъ. Желая одолжить ихъ существеннымъ образомъ, мы снѣшимъ извѣстять ихъ при этомъ случаѣ, что нынче въ Парижѣ — въ хорошемъ тонѣ носить шляпу вышиною въ шесть вершковъ съ ровными полями, и принимать за провинціала того, кто еще добродушно восхищается юною Словесностью.

— *Revue de Paris*, Журналъ, издаваемый тѣми же эскюношами, которые незадолго сами стряпали перваго сорта юную Словесность, помѣстилъ въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ весьма примѣчательный взглядъ на нынѣшнее ея состояніе, по случаю новаго Романа Г-жи Дюдеванъ (Жоржъ Зандъ). Мы непременно сообщимъ эту статью нашимъ читателямъ въ слѣдующей книжкѣ Б. для Ч. Авторъ ея, Г. Гарнье-де-Кассаньякъ, очень недавно самъ принадлежалъ къ поборникамъ юной школы. Чтобы не разрушать занимательности его разсужденія, и между-тѣмъ удовлетворить любопытству читателей касательно содержанія и достоинства Романа Г-жи Зандъ, разбираемаго почти во всѣхъ Журналахъ съ одинаковымъ оужденіемъ нравственной его цѣли и удивленіемъ литературной его красотъ, мы теперь скажемъ только, что сочинительница — женщина неисправима. Прекрасныя наставленія юной Словесности возмutilи ея противъ супружества, сдѣлали изъ нея нравственнаго урода: правда, зрѣлый возрастъ произвелъ спасительное вліяніе надъ попятіями рѣзвой учительницы; но ученица какая выгода, съ лѣтами становиться умнѣе? По мѣрѣ того какъ эта Словесность удаляется отъ своей юности, Г-жа Зандъ въ томъ же содержаніи подвигается

къ старости, и слѣдственно каждый день находить болѣе причинъ быть недовольною мужчинами и челоѣвечествомъ. Вотъ почему «Яковъ», четвертый Романъ Г-жи Зандъ, совершенно благопристойный и совершенно безирравственныи, есть четвертый манифестъ противъ лютаго, злобнаго, коварнаго пола, изъ котораго дѣлають мужей, любовниковъ и законодателей общества. Но Г. Гарнье-де-Кассаньякъ разскажетъ вамъ все это лучше и вѣрнѣе нашего: онъ знаетъ много любопытнаго о подлинномъ духѣ юной Словесности, объ ея партіяхъ и отдѣленіяхъ, о Г-нѣ Эме-Мартенъ и другихъ великихъ людяхъ и великихъ вещахъ.

— Несмотря на почтеніе, съ какимъ повременныя изданія въ Парижѣ выражаются о Г. Шатобрианъ, нѣкоторые литературныя журналы говорятъ мимоходомъ, что достоинство его Трагедій, Моисей, расхваленной Г. Жаненомъ выше всего въ мірѣ, «можетъ подлежать спору.»

— Madame de Sommerville, Романъ Г. Юлія Сандо, получаетъ большія похвалы въ обихъ Revues. Простота слога и повѣсти и нравственная чистота содержанія чрезвычайно восхищаютъ бывшихъ представителей юной Словесности. Это хорошій знакъ. Романъ Г. Сандо, по-видимому, вовсе не принадлежитъ къ прежней школѣ по части своей философіи.

— Викторъ Гюгò, кажется, самъ почувствовалъ, что Драма не его дѣло, и пишетъ теперь Комедію. Такимъ образомъ уже и драматическое ученіе юной школы потеряло главнаго своего начальника: оно теперь сосредоточивается все въ одномъ лицѣ Г. Александра Дюма, который, соскучивъ защищать свою теорію и славу противъ безирравныхъ нападеній журналовъ, объявилъ, что ѣдетъ въ Алжиръ «полюбоваться на развалины древняго Карфагена». Намѣреніе автора историческихъ Драмъ доказываетъ обширную его ученость: нѣтъ сомнѣнія, что онъ откроетъ «развалины древняго Карфагена», если кто-нибудь не предупредитъ его, что онъ давно уже не существуютъ. Между-тѣмъ, передъ отъездомъ, Г. Дюма дрался на пистолетахъ съ Г-мъ Гальярдè; но какъ оба они остались невредимыми, то и нельзя знать навѣрное, кто изъ нихъ настоящій авторъ Драмы *La tour de Nesle*.

— Г. Жюль Жапенъ занимается изданіемъ «Исторіи Поэзи и Словесности у всѣхъ народовъ.» Три тома уже вышли изъ печати, и объемлютъ въ себѣ Востокъ: въ первомъ томѣ заключается Путешествіе Виктора Ожіе по Востоку (Аравія); во второмъ (Индіа и Персія), Сынъ Раджи; въ третьемъ (Китай), Мандаринъ Ханъ-ванъ. Вторые три тома этого собранія Романовъ и Повѣстей выйдутъ къ Новому году, и будутъ посвящены Греціи.

— Два сочиненія совершенно различныхъ родовъ привлекаютъ къ себѣ общее любопытство: «Мысли узника», несчастнаго графа Пероннѣ, и «Христіанская Политическая Экономія», графа Вилльнѣвъ-Баржмона, отличаются множествомъ хорошихъ мыслей. Авторъ послѣдняго отвергаетъ все ученіе Адама Смита.

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ АНГЛІИ. Въ безчисленномъ множествѣ Романовъ и Поэмъ, которые каждый день выходятъ въ Англій, и чрезъ недѣлю поступаютъ въ разрядъ книгъ забытыхъ, всякое сочиненіе Г. Бальвера заслуживаетъ быть примѣченнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Г. Бальверъ человекъ съ большимъ талантомъ: мы признаемъ это, хотя талантъ его намъ и не нравится. Новый его Романъ носитъ заглавіе— «Послѣдніе дни Помпей», и кажется, что громкая слава картины К. П. Брюллова подала ему первую мысль сочиненія, которую въ то самое время имѣлъ также одинъ, знакомый намъ, Русскій литераторъ, и въ которой Г. Бальверъ опередилъ его. Твореніе Г. Бальвера снискиваетъ высочайшія похвалы въ Англійскихъ журналахъ. «Ни одинъ его Романъ, говорятъ Атены, не возбудилъ въ насъ такого удивленія къ его превосходному дарованію, и никогда могущественнѣе не владычествовалъ онъ надъ своимъ предметомъ, какъ изображая послѣдніе дни Помпей. Единство интереса удивительно: съ той минуты какъ читатель видитъ себя непримѣтно вовлеченнымъ въ повѣсть, онъ уже не въ силахъ остановить свое любопытство до самого конца книги: авторъ мчитъ его вниманіе и чувства съ неимоверною быстротою, и напоследокъ ввергаетъ ихъ въ вихрь страстей, страданій и ужаса, которымъ оканчивается горестная исторія города, поглощаемаго Природою.» Отзывы Литерату-

ной Газеты, Спектатора и многих другихъ журналовъ столь же лестны для сочинителя. Мы скоро представимъ нашимъ читателямъ обширныя выписки изъ этого Романа, который, по мнѣнію нашему, заслуживаетъ быть переведеннымъ по-Русски: публика наша получила бы изъ него хорошее и живое понятіе о происшествіи, эпохѣ и мѣстѣ, къ которымъ относится безсмертное произведеніе великаго Русскаго живописца, и была бы въ состояніи чувствовать еще сильнѣе красоты этого неистощимаго чуда кисти.

— Второй Романъ, достойный всего вниманія любителей Англійской Словесности, это *Tulney Hall*, известнаго Томаса Гуда, который въ своихъ сочиненіяхъ такъ умно и искусно соединяетъ смѣхъ съ патетическими страницами.

— Братъ Г. Болъвера, Генрихъ Литтонъ Болъверъ (знаменитому романисту имя—Эдуардъ), начавшій свое поприще сочиненіемъ «Англія и Англичане», которое ошибочно приписываютъ многіе въ Европѣ Эдуарду Литтону Болверу, издалъ нынче такую же картину Франціи, подъ заглавіемъ — «Франція политическая, литературная и общественная». Англія и Англичане — былъ довольно неудачный опытъ и литературныхъ способностей, и наблюденія. Франція политическая, литературная и общественная — тоже произведеніе поверхностное, зараженное духомъ партіи, но содержитъ въ себѣ множество любопытныхъ современныхъ анекдотовъ.

— Капитанъ Марріетъ, авторъ презабавнаго «Питера Симп-ля», издалъ новое сочиненіе въ томъ же родѣ — *Jacob Faithful*, котораго самое оглавленіе располагаетъ читателя къ веселости. Путешествіе въ Америку известнаго Капитана Базилъ Галля переведено уже на Французскій языкъ, и удостоивается большихъ похвалъ въ Парижскихъ журналахъ.

— Теперь именно появляются въ Англій великолѣпные альманахи, ежегодно изумляющіе своимъ числомъ, изящностью и роскошью всѣ Европейскія литературы. Многіе изъ вышедшихъ на 1835 годъ альманаховъ, заглавія которыхъ помѣщены ниже, въ списокъ новыхъ книгъ, по увѣренію журналовъ, пышностью своею превосходятъ воображеніе.

Н О В Ы Я К Н И Г И .

=

Французскія.

ESSAI sur la philosophie des sciences, ou Exposition analytique d'une classification naturelle de toutes les connaissances humaines par *A. M. Ampère*. 1 vol.

IDÉE PRÉCISE de la vérité première, par *M. Azais*. 1 vol.

LE SCEPTIQUE MODERNE, montrant le revers des choses. 1 vol.

TRAITÉ ÉLÉMENTAIRE d'analyse infinitésimal, par *P. J. E. Finck*. 1 vol.

MÉMOIRE COMPARATIF sur l'histoire naturelle de l'insecte de la gale, par *F. V. Raspail*. 1 vol.

HISTOIRE DE LA POÉSIE ET DE LA LITTÉRATURE chez tous les peuples, par *Jules Janin* 3 vol., première série.

HISTOIRE CRITIQUE DE LA LITTÉRATURE ANGLAISE, par *M. L. Mézières*. 3 vol.

CARACTÈRES POÉTIQUES, par *Edouard Alletz*. 1 vol

MŒURS POLITIQUES. Des espèces sociales et de la révolution de Juillet, par *Alexis Dumesnil*; auteur des Mœurs politiques au XIX siècle. 1 vol.

LA FLEURISTE, esquisse de mœurs, par *E. L. Guérin*, auteur d'Une actrice. 2 vol.

ROSSLAWLEW, ou Les Russes en 1812, roman de *M. Sagoskin*, traduit par *Cohen*. 2 vol.

MADAME DE SOMMERVILLE, roman, par *Jules Sandeau*. 1 vol.

LA FILLE DU PORTEUR D'EAU, roman, par *A. Grué*. 4 vol.

CE QUE REGRETTENT LES FEMMES, roman, par *Felix Davin*. 2 vol.

UN DIVAN, roman, par *Alphonse Royer*. 1 vol.

LES JOLIES FILLES, roman de mœurs, par *M. Lamothe-Langon*. 2 vol.

UNE MAÎTRESSE DE LOUIS XIII, roman, par *X. B. Saintine*, auteur du Mutilé. 2 vol.

Английскія.

A SKETCH OF CHINESE HISTORY, ancient and modern. By the Rev. *C. Gutzlaff*. 2 vols.

THE DOMESTIC AND FINANCIAL condition of Great Britain. By *G. Browning*. 4 vol.

REVENUE AND EXPENDITURE of the United Kingdom. By *S. Wells*. 1 vol.

FRANCE, social, literary and political. By *Henry Lytton Bulwer*. 2 vols.

- BELGIUM AND HOLLAND**, with a sketch of the revolution in 1830
By *P. L. Gordon*. 1 vol.
- AN ACCOUNT** of the present state of the island of Puerto Rico.
By Colonel *Flinter*. 1 vol.
- TWO YEARS AT SEA**. By *Jane Roberts*. 1 vol.
- THE WEST-INDIA SKETCH-BOOK**, with engravings of portraits,
views, objects of natural history, etc. 2 vols.
- WANDERINGS** in New South Wales, Batavia, Pedir Coast, Singa-
pore and China; being the Journal of a natural history in these
countries during the 1832, 1833 and 1834. By *George Bennet*.
2 vols.
- NATURAL HISTORY OF ANIMACULES**, containing descriptions of
all the known species, etc., with 300 magnified plates. By *A. Pritchard*. 1 vol.
- A COLLECTION OF GEOLOGICAL FACTS** and practical obser-
vations, intended to elucidate the formation of Ashby coal field.
By *Edward Mammatt*. 4-to.
- ILLUSTRATIONS** of modern sculptures, a series of engravings
with descriptive prose and illustrative poetry. By *T. K. Hervey*.
- A GRAMMAR OF THE KAFIR LANGUAGE**. By *W. B. Boyce*, mis-
sionary. Graham's Town. 1 vol.

-
- THE LAST DAYS OF POMPEII**; a novel. By *E. L. Bulwer*. 3 vols.
- TYLNEY HALL**; a novel. By *T. Hood*. 3 vols.
- JACOB FAITHFUL**. By the author of Peter Simple, The King's Own
etc. 3 vols.
- THE MAN OF HONOUR**, and the reclaimed; a novel By a lady of
rank. 2 vols.
- ENGLISH SCENES AND ENGLISH CIVILISATION**, or sketches and
traits in the nineteenth century. 3 vols.
- LANDSCAPE ANNUAL FOR 1835**, or The tourist in Spain. By *Thomas Roscoe*. 1 vol.
- THE ORIENTAL ANNUAL** for 1835. 4 vol.
- HEAT'S PICTURESQUE ANNUAL** for 1835. Scott and Scotland.
1 vol.
- THE FORGET-ME-NOT** for 1835. 1 vol.
- THE KEAPSAKE** for 1835. 1 vol.

Нѣмецкія.

- DER ZUSAMMENHANG DER SEELE** mit der Geisterwelt. Vom
Prof. *W. Stilling*. Ludwigsburg.
- DER HOMŌEPATHISCHE ARZT** als Hausfreund. Von Dr. *Wei-
kart*. Leipzig.
- TASCHENBUCH** für Reisende von Mainz bis Düsseldorf, von *A.
Schreiber*. Mit 4 Karte. Heidelberg.

Н О В Ы Я К Н И Г И .

=

Французскія.

ESSAI sur la philosophie des sciences, ou Exposition analytique d'une classification naturelle de toutes les connaissances humaines par *A. M. Ampère*. 1 vol.

IDÉE PRÉCISE de la vérité première, par *M. Azais*. 1 vol.

LE SCEPTIQUE MODERNE, montrant le revers des choses. 1 vol.

TRAITÉ ÉLÉMENTAIRE d'analyse infinitésimal, par *P. J. E. Finck*. 1 vol.

MÉMOIRE COMPARATIF sur l'histoire naturelle de l'insecte de la gale, par *F. V. Raspail*. 1 vol.

HISTOIRE DE LA POÉSIE ET DE LA LITTÉRATURE chez tous les peuples, par *Jules Janin* 3 vol., première série.

HISTOIRE CRITIQUE DE LA LITTÉRATURE ANGLAISE, par *M. L. Mézières*. 3 vol.

CARACTÈRES POÉTIQUES, par *Edouard Alliez*. 1 vol.

MŒURS POLITIQUES. Des espèces sociales et de la révolution de Juillet, par *Alexis Dumesnil*, auteur des Mœurs politiques au XIX siècle. 1 vol.

LA FLEURISTE, esquisse de mœurs, par *E. L. Guérin*, auteur d'Une actrice. 2 vol.

ROSSLAWEW, ou Les Russes en 1842, roman de *M. Sagoskin*, traduit par *Cohen*. 2 vol.

MADAME DE SOMMERVILLE, roman, par *Jules Sandeau*. 1 vol.

LA FILLE DU PORTEUR D'EAU, roman, par *A. Grué*. 4 vol.

CE QUE REGRETTENT LES FEMMES, roman, par *Felix Davin*. 2 vol.

UN DIVAN, roman, par *Alphonse Royer*. 1 vol.

LES JOLIES FILLES, roman de mœurs, par *M. Lamothe-Langon*. 2 vol.

UNE MAÎTRESSE DE LOUIS XIII, roman, par *X. B. Saintine*, auteur du Mutilé. 2 vol.

Английскія.

A SKETCH OF CHINESE HISTORY, ancient and modern. By the Rev. *C. Gutzlaff*. 2 vols.

THE DOMESTIC AND FINANCIAL condition of Great Britain. By *G. Browning*. 4 vol.

REVENUE AND EXPENDITURE of the United Kingdom. By *S. Wells*. 1 vol.

FRANCE, social, literary and political. By *Henry Lytton Bulwer*. 2 vols.

- BELGIUM AND HOLLAND**, with a sketch of the revolution in 1830
By *P. L. Gordon*. 1 vol.
- AN ACCOUNT** of the present state of the island of Puerto Rico.
By Colonel *Flinter*. 1 vol.
- TWO YEARS AT SEA**. By *Jane Roberts*. 1 vol.
- THE WEST-INDIA SKETCH-BOOK**, with engravings of portraits,
views, objects of natural history, etc. 2 vols.
- WANDERINGS** in New South Wales, Batavia, Pedir Coast, Singa-
pore and China; being the Journal of a natural history in these
countries during the 1832, 1833 and 1834. By *George Bennet*.
2 vols.
- NATURAL HISTORY OF ANIMACULES**, containing descriptions of
all the known species, etc., with 300 magnified plates. By *A. Prit-
chard*. 1 vol.
- A COLLECTION OF GEOLOGICAL FACTS** and practical obser-
vations, intended to elucidate the formation of Ashby coal field.
By *Edward Mammat*. 4-to.
- ILLUSTRATIONS** of modern sculptures, a series of engravings
with descriptive prose and illustrative poetry. By *T. K. Hervey*.
- A GRAMMAR OF THE KAFIR LANGUAGE**. By *W. B. Boyce*, mis-
sionary. Graham's Town. 1 vol.

-
- THE LAST DAYS OF POMPEII**; a novel. By *E. L. Bulwer*. 3 vols.
- TYLNEY HALL**; a novel. By *T. Hood*. 3 vols.
- JACOB FAITHFUL**. By the author of *Peter Simple*, *The King's Own*
etc. 3 vols.
- THE MAN OF HONOUR**, and the reclaimed; a novel By a lady of
rank. 2 vols.
- ENGLISH SCENES AND ENGLISH CIVILISATION**, or sketches and
traits in the nineteenth century. 3 vols.
- LANDSCAPE ANNUAL FOR 1835**, or *The tourist in Spain*. By *Tho-
mas Roscoe*. 1 vol.
- THE ORIENTAL ANNUAL** for 1835. 4 vol.
- HEAT'S PICTURESQUE ANNUAL** for 1835. Scott and Scotland.
1 vol.
- THE FORGET-ME-NOT** for 1835. 1 vol.
- THE KEAPSAKE** for 1835. 1 vol.

Нѣмецкія.

- DER ZUSAMMENHANG DER SEELE** mit der Geisterwelt. Vom
Prof. *W. Stilling*. Ludwigsburg.
- DER HOMŒOPATHISCHE ARZT** als Hausfreund. Von Dr. *Wei-
kart*. Leipzig.
- TASCHENBUCH** für Reisende von Mainz bis Düsseldorf, von *A.
Schreiber*. Mit 4 Karte. Heidelberg.

Н О В Ы Я К Н И Г И .

=

Французскія.

ESSAI sur la philosophie des sciences, ou Exposition analytique d'une classification naturelle de toutes les connaissances humaines par *A. M. Ampère*. 1 vol.

IDÉE PRÉCISE de la vérité première, par *M. Azais*. 1 vol.

LE SCEPTIQUE MODERNE, montrant le revers des choses. 1 vol.

TRAITÉ ÉLÉMENTAIRE d'analyse infinitésimal, par *P. J. E. Finck*. 1 vol.

MÉMOIRE COMPARATIF sur l'histoire naturelle de l'insecte de la gale, par *F. V. Raspail*. 1 vol.

HISTOIRE DE LA POÉSIE ET DE LA LITTÉRATURE chez tous les peuples, par *Jules Janin* 3 vol., première série.

HISTOIRE CRITIQUE DE LA LITTÉRATURE ANGLAISE, par *M. L. Mézières*. 3 vol.

CARACTÈRES POÉTIQUES, par *Edouard Alletz*. 1 vol.

MŒURS POLITIQUES. Des espèces sociales et de la révolution de Juillet, par *Alexis Dumesnil*; auteur des Mœurs politiques au XIX siècle. 1 vol.

LA FLEURISTE, esquisse de mœurs, par *E. L. Guérin*, auteur d'Une actrice. 2 vol.

ROSSLAWEW, ou Les Russes en 1842, roman de *M. Sagoskin*, traduit par *Cohen*. 2 vol.

MADAME DE SOMMERVILLE, roman, par *Jules Sandeau*. 1 vol.

LA FILLE DU PORTEUR D'EAU, roman, par *A. Grue*. 4 vol.

CE QUE REGRETTENT LES FEMMES, roman, par *Felix Davin*. 2 vol.

UN DIVAN, roman, par *Alphonse Royer*. 1 vol.

LES JOLIES FILLES, roman de mœurs; par *M. Lamothe-Langon*. 2 vol.

UNE MAÎTRESSE DE LOUIS XIII, roman, par *X. B. Saintine*, auteur du Mutilé. 2 vol.

Англійскія.

A SKETCH OF CHINESE HISTORY, ancient and modern. By the Rev. *C. Gutzlaff*. 2 vols.

THE DOMESTIC AND FINANCIAL condition of Great Britain. By *G. Browning*. 4 vol.

REVENUE AND EXPENDITURE of the United Kingdom. By *S. Wells*. 1 vol.

FRANCE, social, literary and political. By *Henry Lytton Bulwer*. 2 vols.

- BELGIUM AND HOLLAND**, with a sketch of the revolution in 1830
By *P. L. Gordon*. 1 vol.
- AN ACCOUNT** of the present state of the island of Puerto Rico.
By Colonel *Flinter*. 1 vol.
- TWO YEARS AT SEA**. By *Jane Roberts*. 1 vol.
- THE WEST-INDIA SKETCH-BOOK**, with engravings of portraits,
views, objects of natural history, etc. 2 vols.
- WANDERINGS** in New South Wales, Batavia, Pedir Coast, Singa-
pore and China; being the Journal of a natural history in these
countries during the 1832, 1833 and 1834. By *George Bennet*.
2 vols.
- NATURAL HISTORY OF ANIMACULES**, containing descriptions of
all the known species, etc., with 300 magnified plates. By *A. Pritchard*. 1 vol.
- A COLLECTION OF GEOLOGICAL FACTS** and practical obser-
vations, intended to elucidate the formation of Ashby coal field.
By *Edward Mammatt*. 4-to.
- ILLUSTRATIONS** of modern sculptures, a series of engravings
with descriptive prose and illustrative poetry. By *T. K. Hervey*.
- A GRAMMAR OF THE KAFIR LANGUAGE**. By *W. B. Boyce*, mis-
sionary. Graham's Town. 1 vol.

-
- THE LAST DAYS OF POMPEII**; a novel. By *E. L. Bulwer*. 3 vols.
- TYLNEY HALL**; a novel. By *T. Hood*. 3 vols.
- JACOB FAITHFUL**. By the author of *Peter Simple*, *The King's Own*
etc. 3 vols.
- THE MAN OF HONOUR**, and the reclaimed; a novel By a lady of
rank. 2 vols.
- ENGLISH SCENES AND ENGLISH CIVILISATION**, or sketches and
traits in the nineteenth century. 3 vols.
- LANDSCAPE ANNUAL FOR 1835**, or The tourist in Spain. By *Thomas Roscoe*. 1 vol.
- THE ORIENTAL ANNUAL** for 1835. 4 vol.
- HEAT'S PICTURESQUE ANNUAL** for 1835. Scott and Scotland.
1 vol.
- THE FORGET-ME-NOT** for 1835. 1 vol.
- THE KEAPSAKE** for 1835. 1 vol.

Нѣмецкія.

- DER ZUSAMMENHANG DER SEELE** mit der Geisterwelt. Vom
Prof. *W. Stilling*. Ludwigsburg.
- DER HOMŒOPATHISCHE ARZT** als Hausfreund. Von Dr. *Wei-
kart*. Leipzig.
- TASCHENBUCH** für Reisende von Mainz bis Düsseldorf, von *A.
Schreiber*. Mit 4 Karte. Heidelberg.

WANDERUNGEN durch Sicilien und die Levante. Berlin.

HUELFBUCH für Schmetterlingssammler. Von *Fr. Treitschke*. Mit 4 ausgemalten Kupfertafeln. Wien.

ITALIEN wie es wirklich ist. Bericht über eine merkwürdige Reise in den hesperischen Gefilden, als Warnungsstimme für Alle, welche sich dahin sehnen. Von *G. Nicolai*. 2. Theil. Leipzig.

HANDBUCH der christlichen Kirchengeschichte, von *Dr. J. E. Ch. Schmidt*. Fortgesetzt von *Dr. F. W. Rettberg*. 7r Theil. Giessen.

HANDBUCH der Chemie. Zum Gebrauche bei seinen Vorlesungen und zum Selbstunterrichte, entworfen von *Fr. Ph. Dulk*. 2r Theil. Chemie der organischen Körper. Berlin.

ALLGEMEINE GESCHICHTLICHE BETRACHTUNGEN über den Entwicklungsgang des Menschengeschlechts. Bearbeitet von *J. A. Kaltschmid*. Rotweil.

PRAKTISCHER NOTHHELFER auf Reisen in Deutschland, Frankreich, Italien und Griechenland. Ein Hülfsbuch für Jedermann, von *Dr. F. Possart*. München.

KRITISCHE GRAMMATIK der Sanskrita-Sprache, in kürzerer Fassung, von *F. Bopp*. Berlin.

VORLESUNGEN über Wesen und Geschichte der Reformation in Deutschland und der Schweiz, mit steter Beziehung auf die Richtungen unserer Zeit, von *Dr. K. R. Hagenbach*. Erster Theil. Leipzig.

DAS GANZE des landwirthschaftlichen Düngerwesens in einer durchgreifenden Verbesserung und Reform zur Erhöhung u. Belebung eines segensreicheren Erfolges des deutschen und preussischen Feldbaues. Von *W. A. Kreissig*. Rönigsberg.

GESCHICHTE ROMS in seinem Uebergange von der republicanischen zur monarchischen Verfassung, oder Pompejus, Cäsar, Cicero und ihre Zeitgenossen. Nach Geschlechtern und mit genealogischen Tabellen. Von *W. Drumann*. Erster Theil. Königsberg.

THEORIE UND POLITIK der Besteuerung. Ein Handbuch für Staatsgelehrte, Volksvertreter und Geschäftsmänner. Von *Dr. K. Murhard*. Göttingen.

UEBER DIE GEGENWAERTIGE LAGE des englischen u. deutschen Handels, mit einer allgem. Uebersicht der Fortschritte der Production und Consumption in Europa u. America. Von *G. e. Gülich*. Göttingen.

ANLEITUNG ZUR CULTUR der vorzüglichsten Gewebe- und Gewürzpflanzen, Cafferurrogate, verschiedener Fabrikpflanzen und deren Bereitung als Kaufmanswaare. Von *A. Seibe*.

DIE NATUERLICHEN PFLANZENFAMILIEN in ihren gegenseitigen Stellungen, Verzweigungen und Gruppierungen zu einem natürlichen Pflanzensysteme. Von *J. B. Wilbrand*. Giessen.

ДIE EHE nach ihrer Idee und geschichtlichen Entwicklung. Ein Beitrag zur richtigen Würdigung der Ehe und der ehelichen Verhältnisse vom allgemein-wissenschaftlichen u. vom christlich-theologischen Standpunkte. Von *Fr. Libetrut.* Nebst einem Vorworte von *Dr. A. Hahn.*

UNTERHALTUNGEN zur Schilderung Goethe'scher Dicht- und Denkweise. Ein Denkmal von *Karl Friedrich. Göschel.* 2 Bände, Schleusingen.

OSKAR VON LAUTENWALD, oder das Pötenthal. Ein Roman von *Zweibein.* 3 Bände. Leipzig.

OLLA POTRIDA, von *Fr. Seybold.* Rotweil.

ERZÄHLUNGEN UND CHARACTERGEMÄLDE berühmter Menschen aus allen fünf Welttheilen. Freiburg.

EMMERICH TOECKOELI, Fürst von Siebenbürgen. Ein histor.-rom. Gemälde von *W. v. Gersdorf.* 2 Theile. Celle.

LITERARISCH-HISTORISCHE ZEITSCHRIFT in zwanglosen Hefen, von *K. H. von Tang.* Nürnberg.

GEDICHTE von *F. v. Elskoltz.* Berlin.

SALTAO DER KUEHNE, Herzog von Ungarn, oder Tyrannci und Heldengröße in der Schlacht an der Donau im Jahre 907. Von *C. Rössler.* Leipzig.

М О Д Ы.

=

Парижъ. Октябрь.

До сихъ поръ ничего новаго, ничего рѣшительнаго. Къ крайнему отчаянію шеголнхъ, которыя держали уже совѣтъ о судьбѣ талій и юбокъ на будущую зиму, въ Парижѣ вдругъ возвратилось лѣто, и отбросило ихъ въ прошедшее, къ забытымъ лѣтнимъ нарядамъ: въ среднихъ числахъ Октября тамъ наслаждались еще прекраснѣйшими Іюльскими днями. Поэтому, все остается въ прежнемъ положеніи. Но нельзя сомнѣваться, что зимняя моды, какъ скоро начнутся, будутъ чрезвычайно богаты и разнообразны, потому что Французская аристократія, соскучивъ сидѣніемъ взаперти въ своихъ отеляхъ, рѣшается давать балы, и вознаграждать въ одну зиму три потерянные года. Два костюма, лучшіе, какіе нашли мы на полученныхъ изъ Парижа гравюрахъ, изображены на приложенной здѣсь картинкѣ. Въ высшихъ обществахъ, еще во второй половинѣ Октября, послѣдъ боль-

шею частью белые платья. Розовая или голубая лента из прозрачного атласа с вытканными цветами, опоясывая талию в вид кушака, и спускаясь двумя длинными до самого подола концами, прелестно убирает подобные платья, которые могут иметь два тюлевых вышивных антрэ — де несколько ниже колена. Прозрачные атласные ленты, en satin transparent, относятся теперь к лучшему стилю, — стилю, а не тону: «хороший тон» предоставлен тем, которые к нему не принадлежат.

— Нельзя представить ничего легче и изящнее чепчиков из тюля, называемаго *силэфомъ*, который можно бы назвать тюлем снѣговымъ, — такъ онъ былъ и тонокъ! Искусственные цветы, украшающіе чепчикъ, теряясь въ этой воздушной ткани, представляютъ нечто волшебное.

— Перчатки при платьяхъ с короткими рукавами, беломъ или другомъ, должны быть сѣтковые черныя, en filet, изъ очень тонкаго шелку. Это также лучший стиль, принятый всеми герцогинями, у которыхъ рука полна и бѣла.

— Эшарпы изъ рѣдкаго органди гладкаго; но отличнѣйшіе эшарпы — *ленточные*, écharpes en rubans.

— Подъ корсажемъ съ открытою грудью надеваютъ часто косынку изъ весьма рѣдкаго органди, обшитую узкимъ рюшемъ. Она должна лежать плотно на груди.

— Рукава узкіе у кисти опять появились.

— Капоты гренацельные обшиваются рюшемъ изъ ленты. Маншеты батистовыя со складкою, иногда обшитыя кружевомъ, — въ общемъ употребленіи.

— Въ театрѣ дамы часто являются въ тюрбанахъ, какъ въ прошлую зиму.

— Шляпки дѣлаютъ нѣсколько меньше прежняго, и тулья не столько уже поднимается спереди. Шляпки — капоты бываютъ двуцвѣтныя, — вышивныя съ светло-зеленою подкладкою; коричневыя съ подкладкою изъ голубаго атласа, и т. д.

— Цвѣты дикой розы, бархатныя съ атласными листьями, и цвѣты лавандовые въ большой модѣ на шляпкахъ.

— Въ модныхъ магазинахъ видны уже клоки. Между ними отличаются — клоки *Кристиносъ* съ квадратами одного

цвѣта, по двухъ разныхъ отбѣжковъ; клоки изъ матеріи à l'Égigone, съ плющевыми листьями; наконецъ плащи изъ печатной ратины съ безчисленными полосами, по которымъ разсыпаны цвѣты. Шотландскіе плащи, кажется, будутъ въ величайшей модѣ нынѣшней зимою. Плащи съ крупными квадратами живыхъ и блестящихъ цвѣтовъ, называемые *Mirrià Стюартъ*, чрезвычайно хороши при выхождѣ изъ театра, потому что пышно красуются на подъездахъ, пока не подадутъ экипажесей. Плащи *Кентень Дюрвардъ* также будутъ въ большомъ употребленіи: на нихъ квадраты образуются полосками самыхъ яркихъ цвѣтовъ; поле квадратовъ бываетъ темно-коричневое или кантановое. Есть также точныя подражанія плащамъ Шотландскихъ Горцевъ. поле у нихъ бываетъ красное, синее или зеленое, и на немъ рисуются большіе квадраты, составляемые полосками черными, оранжевыми, бѣлыми, и проч.

— Въ тканяхъ еще не сдѣланъ выборъ. Фулары еще въ употребленіи, но фулары совсѣмъ другихъ рисунковъ, чѣмъ тѣ, которые были въ такой модѣ нынѣшнимъ лѣтомъ. Поле теперь темнаго цвѣта съ черными рисунками, или поле шоколадное, цвѣта небвленой холстины или зеленое, съ широкими и готическими разводами или съ изображеніемъ арабесковъ и минаретовъ; также съ квадратами, зелеными, фиолетовыми, цвѣта небвленой холстины, синими и проч. Но есть уже матерія, которая замѣнитъ фулары: это serge de soie.

Мужскія моды. Та же первѣшность въ опредѣленіи фасона фраковъ, какъ и въ утверженіи участи юбокъ на прочномъ основаніи. Тѣ, которые имѣють важнѣйшій голосъ въ этомъ дѣлѣ, еще не воротились изъ путешествія къ водамъ и въ свои помѣстья. Между-тѣмъ чернѣйшій фракъ съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ, узкіе панталоны очень свѣтлаго цвѣта, почти въ обтяжку, и двубортный жилетъ, откидной, шалью, составляютъ вечерній парядъ щеголя.

— Страсть къ тросточкамъ, въ томъ числѣ и къ надежнымъ палкамъ, съ богатыми набалдашниками, золотыми, украшенными эмалью и камнями, доходитъ почти до бѣшенства. Нѣкоторые изъ нихъ стоятъ 600 франковъ.

Avis important. Слѣзшимъ пзвѣстить соотечественниковъ нашихъ, которые бесѣдуютъ между собою не иначе какъ по-Французски, что нынче въ Парижѣ люди хорошаго стиля, встрѣчаясь на улицѣ или въ собраніи, уже не говорятъ — *Comment vous portez-vous?* Нынче говорятъ другъ другу — *Comment vous suiciderez-vous?* Это самая послѣдняя мода.

Самоубійство такъ пошло въ славу въ «столицѣ Европейскаго просвѣщенія,» какъ говорятъ Французы, что, по увѣренію одного весьма степеннаго журнала, цѣны на порохъ, мышьякъ и Прусскую кислоту удвоились въ одинъ мѣсяць. Всякъ, у кого только есть умъ, сердце и хоть немножко философіи, заимствовавшей изъ Романовъ, хоть сколько-нибудь того выпренняго всеобщаго скептицизма, которому старый міръ учили юные мудрецы, умерщвляютъ себя при первомъ случаѣ, чтобъ скорѣе раздѣлаться съ этимъ коварнымъ обществомъ, устроеннымъ въ противность Природѣ и разуму, гдѣ торжествуетъ только сухой эгоизмъ. Женщины и мужчины, юноши и дѣвцы, лишаютъ себя жизни наперерывъ, и на смертоубійство точно такая же мода, какъ на широкіе рукава и на тросточки съ золотыми набалдашниками. Какъ мы живемъ на свѣтѣ только для того, чтобъ исполнять непреложные законы Парижскихъ модъ, то должно опасаться, чтобъ и у насъ..... *Cher lecteur, comment vous suiciderez-vous?*

=

ПОГРѢШНОСТИ ВЪ ПЕЧАТИ.

— Въ статьѣ «Три женитбы» на стр. 82, вместо *она же жена молодруга Г-жи Анжеть*, — слѣдуетъ читать: *моя жена*; на стр. 87, вместо: *Буду жить тогда, когда никто ни въ чемъ не увѣренъ*, — слѣдуетъ читать: *Бѣда жить тогда*, и проч.

— Въ статьѣ *Повѣсть*, на стр. 92, вместо — *если бы не могъ видѣть дальше двухъ шаговъ*, я бы не сталъ писать объ немъ повѣсти, — слѣдуетъ читать: *Если бы онъ могъ видѣть дальше двухъ шаговъ*, и проч. На стр. 104, вместо — *При началъ этой повѣсти*, — слѣдуетъ читать: *При началъ первой повѣсти*. На стр. 105, вместо — *его и внутреннее смущеніе*, — слѣдуетъ читать: *и его внутреннее смущеніе*, и проч.

=

ПАРИЖСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ. 1. Жабій потопъ. Въ послѣдней книжкѣ Б. для Ч. говорили мы о жабьемъ дождѣ, который пролился въ одной Французской области. Это ничего не значило! Съ тѣхъ поръ сдвѣлся жабій потопъ.

Полковникъ Марнье, написавъ въ Академію письмо о сдѣланномъ имъ наблюденіи, которое мы сообщили нашимъ читателямъ, подавъ поводъ къ новому мятежу во Франціи: тамъ мятежи вспыхиваютъ изъ-за всякой вещи. Но на этотъ разъ мятежъ не былъ ни въ духѣ карлиссскомъ, ни въ духѣ республиканскомъ, а въ чистомъ жабьемъ духѣ. Послѣ полковника Марнье всѣ вдругъ закричали — жабы! жабы! да здравствуютъ жабы! Всѣ заговорили о жабахъ. Каждый вспомнилъ, что самъ не разъ былъ свидѣтелемъ, какъ жабы градомъ валились съ неба. Одному жаба упала на шляпу, другому въ карманъ, третьему въ ротъ. Академія получила съ разныхъ сторонъ множество писемъ о жабьихъ дождяхъ, шедшихъ почти по всему государству, которое должно быть теперь потоплено ими. Этотъ годъ будетъ памятенъ въ автописяхъ жабъ! Въ самомъ началѣ его Г. Валло разрушилъ ихъ ученую славу, которую поддерживали знаменитѣйшіе естествоиспытатели, признававшіе въ нихъ способность жить въ скалахъ и деревьяхъ по пяти и шести тысячъ лѣтъ безъ пищи и воздуха. Теперь Академія толковала цѣлый мѣсяцъ о томъ, какъ жабы взлѣзаютъ на облака, и какъ онѣ оттуда падаютъ на землю. Изъ числа читанныхъ въ ней писемъ, слѣдующее заслуживаетъ уваженія: оно получено отъ Г. Пельтье, человека извѣстнаго ученому свѣту трудами своими по части Физики.

Г. Пельтье говорить, что, за нѣсколько лѣтъ передъ симъ онъ проходилъ въ бурное время по площади въ городѣ Гамъ, Сомскаго департамента; вдругъ увидѣлъ онъ, что надъ городомъ явилась черная туча, и въ то же время пошелъ дождь жабами съ небольшимъ количествомъ воды; многія изъ этихъ пресмыкающихся упали ему на шляпу, на тѣло, въ руки, и вскорѣ городская площадь, вымощенная булыжникомъ, была совершенно покрыта ими; но чрезъ четверть часа едва осталось нѣсколько жабъ: всѣ остальные убѣжали или спрятались. Ничто не можетъ быть достовернѣе этого событія, сообщен-

наго Г-мъ Пельтье, и между-тѣмъ оно не согласно съ наблюденіями одного изъ ученыхъ академикѣвъ. Г. Дюмериль объявлялъ совершенно противное мнѣніе по случаю письма полковника Марнье о томъ же предметѣ. По мнѣнію этого естествоиспытателя, маленькія жабы, которыя часто появляются во множествѣ послѣ бурныхъ дождей, не падаютъ съ облаковъ, а выходятъ изъ земли, которой поверхность размягчена дождемъ. Известно, что эти гадины, по истиннѣту, переходятъ иногда большія пространства, чтобы положить яйца свои въ сыромъ мѣствѣ. Эти яйца снесены всѣ въ одно время, и потому головастики вылупляются и превращаются тоже всѣ вмѣстѣ, такъ, что подъ поверхностію земли во многихъ мѣстахъ существуетъ множество этихъ животныхъ, ожидающихъ только случая выйти. Дождь, размывавшая поверхность земли, доставляетъ имъ возможность покинуть тюрьму свою. Вотъ какимъ образомъ, по мнѣнію Г-на Дюмериль, объясняется внезапное появленіе тысячъ маленькѣхъ жабъ, которыя вдругъ начинаютъ скакать послѣ нѣкоторыхъ бурныхъ дождей: это мнѣніе, говоритъ Г. Дюмериль, разделяетъ большая часть естествоиспытателей, и върованіе, впрочемъ весьма древнее, о жабахъ, падающихъ съ неба, было опровергаемо многими учеными; онъ приводитъ многія мѣста изъ твореній естествоиспытателей Французскихъ, Италіанскихъ и Нѣмецкихъ, подтверждающихъ эту теорію. Что касается до событій, о которыхъ говорятъ Г. Марнье, и въ особенности Г. Пельтье, то Г. Дюмериль не можетъ ничего возразить противъ нихъ; но можетъ противопоставить имъ другія событія, замѣченныя имъ однажды въ Пикардіи, въ окрестностяхъ Амьена, гдѣ при немъ изъ болота вдругъ явилась послѣ бурнаго дожда тма маленькѣхъ жабъ, а въ другой разъ въ Испаніи, чему свидѣтелемъ былъ вмѣстѣ съ нимъ Г. Деженеть. Онъ долженъ признаться однако жъ, что недавно одна знакомая ему дама видѣла точно такое же явленіе, о какомъ говоритъ Г. Пельтье. «Поэтому, вопросъ можетъ казаться сомнительнымъ, сказалъ Г. Дюмериль: хотя я твердо стою въ моемъ мнѣніи.»

Явленія, замѣченныя Г. Дюмерилемъ, кажутся намъ не столь важными, какъ тѣ, о которыхъ говорятъ Гг. Марнье

и Пельтье. Если онъ и видѣлъ, какъ жабы выходили изъ-подъ земли, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы онъ не могъ въ другихъ случаяхъ падать съ неба. Конечно, науки не должны пренебрегать фактами отрицательными; но надобно признаться, что сто отрицательныхъ фактовъ не разрушаютъ и одного факта положительнаго. Тотъ, о которомъ говоритъ Г. Пельтье, кажется намъ неоспоримымъ, потому что предположивъ даже, что этотъ физикъ, привыкшій къ точнымъ наблюденіямъ, ошибся въ этомъ случаѣ, и что жабы не падали съ неба, какъ ему показалось, все же нельзя предположить, что онъ вышелъ изъ-подъ мостовой Гамской площади. Г. Араго замѣтилъ, что всѣ книги о Метеорологіи наполнены подобными наблюденіями.

По-видимому, съ этимъ явленіемъ случиться должно тоже, что случилось съ воздушными камнями, надъ которыми долго насмѣхались, и которые наконецъ превратились въ фактъ, неподлежащій спору. Теперь, какъ вниманіе ученаго свѣта пробуждено тѣмъ, что происходило во Французской Академіи, можно надѣяться, что вопросъ о жабахъ скоро будетъ приведенъ въ ясность. До рѣшенія дѣла, котораго не смѣемъ опровергать заранее, мы только будемъ удивляться тому, — отчего однѣ жабы проливаются дождемъ на насъ? почему другія пресмыкающіяся исключены изъ этой привилегіи? и какъ онѣ не разможаются объ землю, падая съ такой высоты? Сохраненіе жизни и здоровья этими маленькими созданіями при такомъ ужасномъ паденіи, отъ котораго камень могъ бы убится до смерти, кажется намъ неизъяснимымъ. Но ученому свѣту ужъ видно, суждено быть вѣчно озадачиваемымъ жабами!

2. *Новое открытіе профессора Якоби.* Г. Араго читалъ въ томъ же засѣданіи письмо Кенигсбергскаго профессора и корреспондента Института, Г-на Якоби, сдѣлавшаго весьма важное открытіе объ эллиптическихъ функціяхъ, которому онъ обязанъ своею извѣстностію. Маклоренъ доказалъ, что жидкая однородная масса, вертящаяся на своей оси съ данною скоростію, можетъ выполнять условія равновѣсія подъ двумя эллиптическими формами, изъ

*

которыхъ одна немного удаляется отъ сферы, а другая очень приплюснута, если только скорость не такъ сильна, чтобы жидкость была выброшена центробѣжною силою въ пространство. Лапласъ потомъ замѣтилъ, что данной силѣ движенія соответствуютъ только сила круговращенія и одна эллиптическая форма; но до сихъ поръ находили, что одна только эллипсисы въ обращеніи удовлетворяютъ условіямъ равновѣсія, хотя противнаго и не отрицали.

Нынѣшнее открытіе Г. Якоби состоитъ въ томъ, что, при данной угловой скорости, есть третья возможная форма равновѣсія, именно эллипсоидъ съ тремя неравными осями, изъ которыхъ одна есть ось круговращенія, а двѣ другія падаются въ планъ экватора; тогда экваторъ есть эллипсисъ, а всякой экваторіальный эллипсоидъ всегда соответствуетъ оси круговращенія. Небесныя тѣла не находятся въ условіяхъ, необходимыхъ для представленія этой третьей фигуры равновѣсія, но это не уменьшаетъ важности открытія Г. Якоби. онъ разсматривалъ сверхъ того притяженія эллипсоидовъ въ точкахъ внутреннихъ и внешнихъ, въ случаяхъ, когда плотность слоевъ находится въ обратномъ содержаніи разстоянія ихъ отъ центра.

3. *Современность движеній магнитныхъ стрѣлокъ.* Г. Араго сообщилъ Академіи письмо Г. Фридриха Гаусса о магнетическихъ наблюденіяхъ, произведенныхъ въ одно время въ Геттингенѣ и Лейпцигѣ. Известно, что магнитная стрѣлка не во весь день остается на одномъ мѣстѣ; напротивъ, она подвержена уклоненіямъ, которыя ученые стараются объяснить внимательными наблюденіями. Эти наблюденія были производимы съ нѣкоторою послѣдовательностію сначала только въ Парижѣ; но нынѣ, благодаря рвенію къ наукамъ Г-на Гумбольдта, они учреждены на многихъ пунктахъ Земнаго Шара, весьма отдаленныхъ одинъ отъ другаго. И дѣйствительно, весьма важно замѣчать положеніе стрѣлки въ одно и тоже время подъ разными широтами, чтобы отыскать общія причины, дѣйствующія на свободно движущіяся магниты.

Г. Гауссъ расположилъ для этого два совершенно одинаковые прибора къ двухъ обсерваторіяхъ, удаленныхъ отъ

железа, въ Геттингенѣ и Лейпцигѣ; между тѣмъ двумя пунктами — болѣе двухъ градусовъ разстоянія; стрѣлка была наблюдаема въ продолженіе условленнаго времени каждыя три минуты, и при этомъ, въ большихъ и малыхъ движеніяхъ, замѣчено совершенное соотвѣтствіе, что видно изъ таблицъ, сообщенныхъ Геттингенскимъ наблюдателемъ.

4. *Образованіе новыхъ камней.* Г. Гумбольдтъ прислалъ въ Академію кристаллы полевого шпата, образовавшіеся въ шлакъ при обработкѣ мѣдной руды. Это любопытный примѣръ совершающейся на нашихъ глазахъ кристаллизаціи твердаго камня, свойственнаго древнимъ формаціямъ и переходнымъ почвамъ. Полевой шпатъ гораздо тверже стекла и составляетъ частію основаніе горъ: онъ существуетъ въ скалахъ, въ лавахъ и проч.

5. *Новый родъ шелковичныхъ червей.* Въ одномъ Боготскомъ журналѣ говорятъ, что въ провинціи Казанаръ, въ Новой Гренадѣ, найдены шелковичные черви: эта порода живетъ, какъ сказываютъ, на деревѣ, похожемъ на миртъ; нѣсколько червей собираются въ одной весьма большаго размѣра куколкѣ, и прядутъ бѣлый шелкъ. Вѣроятно, что этотъ червь не одной породы съ нашимъ, который происходитъ изъ Китая; но между тѣмъ необходимо обратить вниманіе на это событіе, какъ для промышленности, такъ и для Естественной Исторіи. Г. Либри замѣтилъ, что и Арабскіе историки упоминаютъ объ особой породѣ шелковичныхъ червей, живущей въ Персіи, въ лѣсахъ.

6. *Развитіе длинныхъ костей въ человеческомъ тѣлѣ;* Длинные кости, каковы суть ручныя и ножныя, развиваются всегда такъ, что сперва образуется окостенѣніе въ нѣсколькихъ точкахъ, а потомъ уже, въ извѣстномъ возрастѣ, эти точки соединяются: соединеніе оконечностей съ главною частію кости начинается иногда съ одной, иногда съ другою стороны. Г. Бераръ, изыскивавшій причину этой разности, полагаетъ, что она заключается въ направленіи питательной артеріи въ кости. Такимъ образомъ оконечность, къ которой направляется артерія, проникая въ кость, всег-

да первая соединяется съ главною частию кости. Вся доселъ известные примѣры, какъ кажется, подтверждаютъ это любопытное замѣчаніе.

АНГЛІЙСКОЕ ГЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО. 1. *Измѣненія поверхности земли.* Г. Биббеджъ, изъ наблюдений надъ храмомъ Сераписа въ Пуццолі, близъ Неаполя, и надъ другими остатками древности на томъ же берегу, выводитъ очень замысловатая замѣчанія касательно причинъ болышихъ геологическихъ цикловъ, то есть, видоизмѣненій поверхности цѣлыхъ частей Земнаго Шара. Эти остатки древнихъ зданій показываютъ, что почва того края въ теченіе тысячи восьмисотъ лѣтъ подвергалась сильному движенію: она садилась и поднималась опять, въ разные времена; уровень воды попеременно былъ въ 3, въ 4, въ 10, въ 32 футахъ выше первобытнаго своего положенія, а теперь онъ отъ него только футовъ на 5. Удостоверившись въ подлинности этихъ фактовъ по чертамъ скважинъ, проточенныхъ морскою ракушкой, *prodolâ lithophaga*, примѣчаемымъ на разныхъ высотахъ колоннъ и другихъ остатковъ зданій, знаменитый математикъ старался отдать себѣ отчетъ въ постепенномъ осажденіи и слѣдовавшемъ за тѣмъ возвышеніи поверхности, на которой стоитъ храмъ Сераписа. Не должно ли приписать это движеніе приливу тепла во внутреніе слои грунта, и потомъ постепенному ихъ охлажденію, то есть, расширенію и сжатію толстыхъ слоевъ камня, находящихся въ известной глубинѣ подъ почвою, отъ чего они по-необходимости будутъ то вздуваться, то садиться? Слои эти могутъ быть массы гранита, мрамора, песчаника или другаго камня, и движеніе внутреннихъ огней Земнаго Шара можетъ иногда раскалывать ихъ въ высокой степени, такъ, что надобны цѣлыя столѣтія для ихъ охлажденія. Опираясь на известныхъ опытахъ полковника Тоттена, Г. Биббеджъ вычислялъ въ футахъ и десятичныхъ доляхъ, таблицу расширенія гранита, мрамора и песчаника разной толщины, отъ 1 до 500 Англійскихъ миль, при температурахъ 1, 20, 50, 100, 500 градусовъ Фаренгейта, и съ помощію этой таблицы нашелъ, что если бы пласты подъ храмомъ состояли изъ песчаника, образуя слой въ пять миль ($7\frac{1}{2}$ верстъ) толщины, и если бы къ нимъ при-

было только 100 градусовъ тепла, то храмъ поднялся бы на 25 футовъ, — чего слишкомъ достаточно для объясненія настоящаго случая. На десяти миляхъ толщины, 50 градусовъ тепла произвели бы то же дѣйствіе, а 500 градусовъ на столько жъ расширили бы слой, въ одну милю (1½ версты) толщинойю.

Соображая разные источники вулканическаго жара въ ближайшемъ соседствѣ, Г. Беббеджъ полагаетъ, что перемѣну въ высотѣ поверхности можно объяснить тѣмъ предположеніемъ, что храмъ построенъ былъ на почвѣ, подѣ которою внутренніе пласты Земли были довольно нагрѣты, и сжались потомъ отъ охлажденія; а когда сжатіе достигло известной точки, новый приливъ тепла отъ какого-нибудь окрестнаго волкана усилилъ температуру слоя и поднялъ храмъ на теперешнюю его высоту. Г. Беббеджъ сличалъ съ разными историческими извѣстіями заключенія свои касательно времени, когда происходили эти перемѣны, и полагаетъ возможнымъ связать ихъ даже съ показаніями лѣтописей.

Получивъ столь удовлетворительный результатъ для своего предположенія, Г. Беббеджъ разсматривалъ, до какой степени можетъ простираться дѣйствіе подобныхъ причинъ въ возвышеніи материковъ и горныхъ хребтовъ. Въ основаніе своихъ разсужденій принимаетъ онъ слѣдующіе дознанные факты:

1. По мѣрѣ спуска подѣ земную поверхность, гдѣ бы то ни было, температура возрастаетъ.
2. Твердыя массы расширяются отъ тепла, но глина и нѣкоторыя другія вещества сжимаются.
3. Разныя скалы и пласты проводятъ теплоту не одинаково.
4. Земля испускаетъ внутреннюю теплоту свою также различнымъ образомъ, смотря по тому, чѣмъ она покрыта, — лѣсами, горами, степями или водою.
5. Существующіе атмосферическіе дятелы или другія причины безпрестанно измѣняютъ состояніе поверхности Земнаго Шара.

На этихъ данныхъ Г. Беббеджъ основываетъ теорію, которую можно выразить слѣдующимъ образомъ. Вслѣдствіе нынѣшнихъ перемѣнъ, неровно происходящихъ на земной поверхности, *поверхности равныхъ температуръ*, то есть, *почивающія на корѣ*, одинаково согрѣтой изнутри, должны

безпрестанно видоизмѣняться и подвергать толстые слои, прилежащія къ наружной оболочкѣ земли, различнымъ измѣненіямъ въ ихъ температурѣ; расширение и сжатіе этихъ слоевъ ввроятно производятъ трещины, и поднимаютъ не только горы, но и цѣлыя материка. Однимъ словомъ, хотя намъ и кажется, будто мы живемъ на твердыхъ и непоколебимыхъ материкахъ земли, но въ самомъ дѣлѣ мы живемъ на твердомъ океанѣ, который безпрестанно волнуется подъ нашими ногами, такъ же какъ и океанъ влажный, съ тѣмъ только различіемъ, что сухія земныя волны поднимаются и опадаютъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ; и оттого становятся для насъ непримѣтными.

2. *Количество твердаго вещества, уносимаго рѣками.* Известно, что даже чистая рѣчная вода всегда содержитъ нѣсколько земляныхъ частицъ: потому любопытно было опредѣлить количество твердаго вещества, ежедневно увлекаемаго большой рѣкою отъ материка въ море. Г. Леонардъ Горнеръ сдѣлалъ этотъ опытъ надъ Рейномъ, одною изъ величайшихъ рѣкъ въ Европѣ. Посредствомъ придуманнаго имъ способа, опредѣлилъ онъ количество твердаго вещества, содержащагося въ кубическомъ футѣ Рейнской воды, въ Боннѣ. Отсѣдъ вѣсилъ 35 гранъ, и поэтому авторъ приблизительно вычислилъ среднее количество землянаго вещества, уносимаго Рейномъ въ теченіе сутокъ. Онъ полагаетъ, что средняя годичная ширина Рейна близъ Бонна составляетъ 1200 футовъ, средняя глубина 15 футовъ, средняя быстрота $2 \frac{1}{2}$ мили въ часъ, а среднее количество твердаго вещества, распущеннаго въ рѣкѣ, 28 гранъ на каждый кубическій футъ. Поэтому, каждая сутки, Рейнъ уноситъ мимо Бонна 145,281 кубическій футъ твердаго вещества, или 298 нашихъ сажень. Такъ, одна эта рѣка увлекаетъ ежегодно въ море около 109,000 кубическихъ сажень земли, а съ Рождества Христова она уже отторгла отъ материка около двухъ сотъ милліоновъ такихъ сажень, то есть, слишкомъ полуторы кубической версты. Если исчисленіе Г. Горнера справедливо, то изъ него слѣдуетъ, что въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ четыре большія рѣки уносятъ въ море столько земли, что изъ нея можно было бы воздвигнуть гору въ

22,000 футовъ вышины, — равную высочайшей горѣ Гималайскаго хребта, — а восемьдесятъ большихъ рѣкъ совершаютъ тотъ же подвижъ въ одно столѣтіе, ежели принять среднюю мутность ихъ водъ въ 28 грань осада на одинъ кубическій футъ жидкости, хотя есть рѣки вдесятеромутнѣе. Какъ эти восемьдесятъ рѣкъ текутъ уже слишкомъ шесть тысячъ лѣтъ, то съ сотворенія міра онѣ подарили бѣ морямъ по-меньшей-мѣрѣ 60 такихъ горъ земли!

НАБЛЮДЕНІЯ СЕРЪ ВІЛЛЬЯМА ГЕРШЕЛЯ НА ЭКВАТОРѢ. «Путешествіе наше, говорятъ этотъ знаменитый астрономъ въ письмѣ съ Мыса Доброй Надежды, было такъ благополучно, что морякъ назвалъ бы его усыпительнымъ и несноснымъ. Одинъ попутный вѣтеръ постоянно сдавалъ насъ другому, и мы съ удивительною точностью держались той черты, которою означается на картахъ прямѣйшій путь изъ Англіи въ Капъ. Во все путешествіе не видали мы земли, и мнѣ пріятно было получить здѣсь новое подтвержденіе вѣрности астрономическихъ теорій: въ теченіе цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ бесѣдуя только съ небомъ и водою, мы опредѣлили вечеромъ 14 Января, по положенію луны, что должны находиться на супротивъ известной Столовой Горы, лежащей поблизости Мыса Доброй Надежды, — и, на другой день утромъ, дѣйствительно увидѣли ее прямо передъ собою.

«Вотъ метеорологическія заключенія, выведенныя мною изъ тѣхъ наблюденій, которыя удалось мнѣ сдѣлать:

«1. Между тропиками и особенно на самомъ экваторѣ пріемно постоянное пониженіе барометра противъ высоты за тропиками въ обоихъ полушаріяхъ. Это пониженіе простирается до двухъ-десятихъ дюйма, и хотя только съ величайшей трудностью можно было дѣлать барометрическія наблюденія, однако жъ, замѣтивъ, что по мѣрѣ удаленія нашего отъ экватора давленіе воздуха усиливалось совершенно въ томъ самомъ содержаніи, въ какомъ уменьшалось оно, когда мы приближались къ экватору, я отнюдь не сомнѣваюсь въ дѣйствительности этого факта, тѣмъ болѣе, что въ цѣлую дорогу не видали мы ни бурь, ни непогодъ.

«2. Температура океана возрастала съ чрезвычайной правильностью до 4-го градуса сѣверной широты, гдѣ она достигла высшей своей степени, равнявшейся 81 град. 7 минутамъ Фаренгейтова термометра, и уже не измѣнялась, доколѣ мы не перешли за 4-й градусъ южной широты: отъ этой точки она опять стала понижаться такъ же правильно, какъ прежде возвышалась.

«3. Температура океана, какъ замѣтилъ Г. Деви на пути въ Цейланъ, и какъ, можетъ, замѣчали и другіе, съ приближеніемъ къ землѣ чувствительно понижается. Быстрые измѣненія теплоты моря при поворотѣ къ Столовой Горѣ, столь разительныя въ сравненіи съ правильною ея постепенностью во все остальное время путешествія, можно, кажется, приписать совокупному дѣйствию морскихъ теченій и уменьшенія глубины воды.»

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ОПЫТЫ НАДЪ МЕРТВЫМЪ ЧЕЛОВѢКОМЪ. Американскіе журналы содержатъ въ себѣ слѣдующее описаніе опытовъ, произведенныхъ въ Ричмондѣ, въ Виргиніи, помощію Вольтова столба о двухъ стахъ кружкахъ, устроенныхъ по Воластону, надъ теплымъ еще тѣломъ задушеннаго негра, который лишень былъ жизни за часъ доэтого.

«Искусный анатомъ вскрылъ одинъ изъ главнѣйшихъ шейныхъ нервовъ (нервъ осьмой пары, сообщающій нервный сокъ легкимъ, желудку и сердцу), и впустилъ длинную серебряную иглу, подобную той, которая употребляется для извлеченія изъ тѣла жидкостей, такъ, чтобъ она проникла въ самое сердцевое сплетеніе. Игла должна была служить къ тому, чтобъ удостовѣриться, не сохранило ли сердце еще нѣкоторой раздражительности, и къ рѣшенію вопроса, способно ли оно быть возбуждаемо электричествомъ. Послеъ того, положительный полюсъ Вольтова столба приведенъ былъ въ сообщеніе съ нервомъ, а отрицательный съ иглою. Если бы малѣйшее движеніе обнаружилось въ сердцѣ, оно сейчасъ сообщилось бы иглѣ; но игла оставалась совершенно спокойною. Вліяніе электрической силы на другія части тѣла было, напротивъ, очень замѣтно. Шейныя и грудныя

мышцы пришли въ сильное судорожное движеніе. Можно было подумать, что трупъ съ жадностію глотаеть.

«Тогда игла была проведена къ сухой жилѣ грудной перепонки (внутреннему дыхательному мускулу), а положительный полюсъ приставленъ къ нерву осьмой пары. Въ ту же минуту, легкія судорожныя движенія обнаружилась въ груди и животѣ, и по мѣрѣ дѣйствія кислоты на кружки столба, становились сильнѣе. То же явленіе замѣтили, когда положительная пить была приближена къ яглѣ, воткнутой въ Френической нервъ, тотъ именно, который, распространяясь по грудной перепонкѣ, много участвуетъ въ отправленіи дыханія. Движенія груди очень походили, въ этомъ случаѣ, на икоту.

«Игла была направлена на нервъ, проходящій позади бровей (нервъ надбровный), и произвела въ обоихъ вѣкахъ миганіе, совершенно подобное тому, которое дѣлаетъ глазъ, чтобъ защититься отъ предмета, падающаго въ него внезапно. Въ то же время въ щекѣ показались судороги, точно какъ у страдающаго невралгіею: ихъ можно было бы еще сравнить съ движеніемъ, которое дѣлаешь, желая согнать муху, съвшую на щекѣ, если нельзя защититься отъ нея рукою.

«Вслѣдъ за тѣмъ произведемъ опытъ надъ первымъ, общающимъ движеніе почти всему лицу: всѣ мышцы этой части тѣла пришли въ нѣкоторое трепетаніе. Ноздри то сжимались, то расширялись, какъ бы выражая презрѣніе. Въ прочихъ чертахъ лица попеременно появлялись то радость, то страданіе. Но вообще игра фizioноміи обнаруживалась слабо.

Всего любопытнѣе опытъ съ нервомъ, проходящимъ въ языкъ. Едва положительный полюсъ столба коснулся этого органа, какъ языкъ пришелъ въ чрезвычайно быстрое сотрясеніе: его можно бы сравнить съ движеніемъ жала раздраженной змѣи. Совершенно такое же движеніе обнаружилось и въ мышцахъ, находящихся при корнѣ языка, и челюсти сильно ударялись одна о другую. Когда игла пришла въ прикосновеніе съ мышцами сжимающими губы, онѣ зашевелились, и какъ-бы что-то шептали. Живое и столь естественное ихъ движеніе произвело ужасъ въ зрителяхъ

«Дальвѣйшіе опыты относятся къ наружнымъ членамъ, и явленія соответствовали величинѣ и силѣ мышцъ, служащихъ двигателями разнымъ частямъ тела. По вскрытіи одного изъ главнѣйшихъ нервовъ руки и сообщеніи его съ положительнымъ полюсомъ столба, между-тѣмъ какъ отрицательный былъ приставленъ къ иглѣ, воткнутой въ мизинецъ, рука лежавшая горизонтально, вдругъ поднялась съ удивительною силою. Операторъ хотѣлъ удержать ее; но она, съ необыкновеннымъ усиліемъ, вырвалась изъ его рукъ, и, когда онъ опустилъ ее, то сильно ударила о грудь. Все это время кисть то сжималась, то открывалась, и сама рука дѣлала движеніе очень похожее на то, которое употребляетъ человекъ съющій. Сверхъ того, передняя часть руки была въ безпрестанномъ трепетаніи, точно какъ у животнаго, получившаго сильный ударъ по головѣ. Такой же опытъ надъ другимъ нервомъ этого члена сообщилъ пальцамъ особенное и очень быстрое движеніе, похожее на игру на флейтѣ или, лучше, на какомъ-нибудь струнномъ инструментѣ.

«Эти два опыта были самые любопытные: они ясные другіхъ показали магическую силу электричества, чудеснаго дѣятеля Природы, который властенъ производить въ бездушномъ трупѣ явленія, совершенно подобныя тѣмъ, какія привыкли мы видѣть только въ тѣлахъ, одушевленныхъ искрою внутренней жизни.»

Опыты надъ нижними членами трупа менѣе занимательны: внутреннія части его уже были почти совершенно холодны, и столбъ потерялъ прежнюю свою силу.

РТУТНЫЕ ПАРОХОДЫ. Въ одной изъ книжекъ Б. для Ч. уже говорено было о главномъ неудобствѣ пынѣвшихъ пароходовъ, — необходимости тащить съ собою огромные запасы каменнаго угля, и о попыткахъ, досель вообще неудачныхъ, замѣнить пары другими веществами, особенно газами, чтобъ избѣгнуть этого неудобства. Мы упомянули о томъ по случаю знаменитой теплотворной машины Г. Ириксона, который, вмѣсто паровъ, вздумалъ употребить теплотворъ; но кажется, что его остроумную затѣю должно тоже причислить ко множеству другихъ безу-

сѣвшихъ опытовъ, потому что съ тѣхъ поръ ничего не слышно объ участи его изобрѣтенія. Теперь обращаетъ на себя въ Англіи всеобщее вниманіе другой изобрѣтатель, Г. Томасъ Говардъ: онъ не отвергаетъ паровъ, которыхъ польза дознана и употребленіе не сопряжено съ большими неудобствами, но возымѣлъ счастливую мысль придать тѣмъ же парамъ большую расширительную силу, такъ чтобы требовалось ихъ гораздо менѣе для произведенія того, же дѣйствія, и чтобы, слѣдственно, требовалось менѣе топлива.

Построенная имъ машина заключаетъ въ себѣ, кажется, всѣ условія полезнаго и существеннаго улучшенія въ паровомъ судоходствѣ, потому что Англійское правительство рѣшилось примѣнить его къ одному изъ своихъ казенныхъ пароходовъ, «Кометъ», который уже перестраивается по методу Г. Говарда. Если изобрѣтеніе этого механика представить въ практикѣ всѣ тѣ выгоды, которыя общаетъ первый опытъ, то можно сказать съ достовѣрностію, что могущество и общая польза пароходства вдругъ удвоится отъ одного замѣненія огромнаго котла съ водою маленькимъ сосудомъ со ртутью.

Основное начало машины Г. Говарда заключается въ различіи испаряемости воды и ртути: первая переходитъ въ паръ при 212 градусахъ Фаренгейтова термометра. послѣдняя, при 660. Въ первой машинѣ, съ котломъ давленіе, необходимое для ея дѣйствія, бываетъ различно, смотря по густотѣ пара; хотя требуется поверхность одинаковой или почти одинаковой величины, то есть, около десяти квадратныхъ футовъ на каждую лошадиную силу, въ машинахъ съ сильнымъ, равно какъ и съ слабымъ давленіемъ; но въ ртутной паровой машинѣ паръ образуется выпареніемъ меньшаго количества воды въ самократчайшее время, и давленіе получается чрезъ усиленное разрѣженіе этого пара и расширительное его дѣйствіе. Поэтому здѣсь вовсе не нужно ни котла, ни той бездны воды, которая въ немъ содержится.

Вмѣсто котла, ставится надъ огнемъ и подъ самымъ цилиндромъ желѣзная сковорода со ртутью, представляющая на каждую лошадиную силу три-четверти квадратнаго фута поверхности. На ртуть накладывается топкая желѣзная

пластинка. Температура ртути возвышается отъ 400 до 500 градусовъ; на пластинку пускается вода, предварительно доведенная до кипѣнія, и въ тотъ же мигъ вся превращается въ парь, чрезвычайно рѣдкій. Вода течетъ не постоянно, а съ перемежками, посредствомъ придвинутого шприца, то есть, покрывая пластинку только при каждомъ ударѣ поршня. Парь, сдѣлавъ свое дѣло, сгущается въ воду. Самымъ простымъ средствомъ отнимается у него теплотворъ, такъ, что, понавъ въ конденсаторъ, или сгустатель, парь тотчасъ же переходитъ въ жидкообразное состояніе. При этомъ не нужно употреблять воздуха, какъ въ обыкновенной паровой машинѣ, и вода служить все одна и та же, безъ подбавки свѣжей.

Г. Говардъ вычисляетъ, что машину его можно приводить въ движеніе половиннымъ количествомъ топлива противъ обыкновенной.

Пароходъ Комета, надъ которымъ Г. Говардъ испытываетъ снарядъ свой, въ 252 тона грузомъ и о двухъ машинахъ, въ 40 лошадиныхъ силъ каждая. Почти шестая доля всей его емкости потребна подъ котлы, съ принадлежностями и водою. На нихъ выходитъ $6\frac{3}{4}$ центнеровъ угля въ часъ, или 8 тоннъ въ сутки, и потому онъ можетъ запастись имъ только на четыре дня, не болѣе.

Но когда устроится на немъ машина Г. Говарда, то почти вся эта шестая доля емкости, занимаемая котлами, будетъ порожня; потребление угляевъ ограничится 3 центнерами въ часъ, или $3\frac{1}{2}$ тоннами въ сутки, и подъ палубой помѣстится ихъ до 70 тоннъ безъ малѣйшаго углубленія парохода въ воду противъ прежняго, такъ, что онъ будетъ запасаться ими на двадцать дней, а не на четыре, какъ при нынѣшнемъ устройствѣ.

Можно вообразить себѣ важность этого изобрѣтенія! Пароходы перестанутъ ограничивать себе поврѣще небольшими разстояніями; они будутъ въ состояніи летать изъ Европы въ Америку, быть можетъ въ Остъ-Индію такъ же легко, какъ прогуливаются теперь между Петербургомъ и Любекомъ, между Лондономъ и Лиссабономъ. Тѣ, которые желаютъ получить подробнѣйшее понятіе о

образъ дѣйствованія машины Г. Говарда, найдутъ описаніе ея въ *Mechanics Magazine*, September, 1834.

Мы должны упомянуть еще о другомъ важномъ улучшеніи, которымъ паровое судоходство будетъ обязано Г. Бордену: онъ придумалъ новую форму судна, которая, удобнѣе разсѣкая воду, уменьшаетъ ея сопротивленіе и значительно способствуетъ быстротѣ хода. Судно его построено въ видѣ двухъ конусовъ, соединенныхъ базисами, что придаетъ ему постоянное стремленіе подыматься надъ водою, и способность вытѣснить самое малое количество жидкости для проложенія себя пути. Г. Сегье повторилъ во Франціи опытъ Англійскаго шжепера, и успѣхъ совершенно оправдалъ ожиданія.

РУССКІЕ КУЛИ ВЪ АНГЛІИ. Что дѣлаютъ у насъ съ старыми кулями? Бросаютъ, жгутъ, — словомъ, истребляютъ цѣлыми милліонами безъ всякой пользы. Что дѣлаютъ съ ними въ Англій? Тамъ они въ большой чести: ихъ превращаютъ въ отличную бумагу; на нихъ печатаютъ произведенія Шекспира и Байрона; по нимъ скользятъ перья Леди Морганъ, Миссъ Эджевортъ, Мистрисъ Джемисонъ, новой Г-жи Сгадь! — этой умной, ученой, вдохновенной Джемисонъ!

Мы долгомъ считаемъ обратить на это вниманіе нашихъ бумажныхъ производчиковъ. Бумага наша ужасно дорога сравнительно съ иностранною, и часть этой дороговизны должно конечно приписать цвнѣ тряпья. Тѣ сорта бумаги, которые во Франціи стоятъ 8 и 10 франковъ, у насъ продаются по 18, 20 и до 25 рублей, — не говоря уже о томъ, что превосходныхъ сортовъ бумаги собственно мы не имѣемъ. Нельзя ли исправить это неудобство хоть старыми кулями? Цѣна произведенія уменьшилась бы во многихъ случаяхъ почти цѣлою цвною перваго матеріала, — тряпья. Изъ ветхихъ рогожъ пополамъ съ дерюгою Англичане выдѣлываютъ полубѣлую, а изъ новыхъ, которая лучше выдерживаютъ дѣйствіе кислотъ, *хорошую* по Англійскому счету, а по нашему *отличную* типографскую бумагу, также писчую, и даже рисовальную. Къ сожалѣнію, мы не можемъ сообщить описанія употребляемыхъ ими производствъ, особенно способа бѣленія рогожъ, превращенныхъ въ массу; но

увѣрены, что желающіе получили бы все нужныя наставленія отъ Гг. химиковъ здѣшняго Технологическаго Института.

НОЧНЫЯ ОСВѢЩЕНІЯ НА МОРѢ. Изъ всехъ потѣшныхъ зрѣлищъ, восхищающихъ глазъ человеческій, безъ-сомнѣнн самыя чудесныя, самыя могущественныя — тѣ, которыми случайно дарить насъ играющая Природа. Она также любитъ иногда порѣзвиться; но, изумляя, поражая, чаруя смертнаго своею блистательною затѣей, она всегда оставляетъ ему новую загадку къ объясненію. За объясненіемъ дѣло у насъ не станеть; но это еще не доказываетъ, чтобы загадка перестала быть загадкою. Г. Джорджъ Беннетъ, о путешествіяхъ котораго говорили мы въ одиннадцатой книжкѣ Б. для Ч., былъ свидѣтелемъ великолѣпнѣйшихъ явленій въ этомъ родѣ. Онъ полагаетъ, что фосфорическое освѣщеніе океана происходитъ не только отъ мягкокожныхъ и черепокожныхъ морскихъ рыбъ, но и отъ остатковъ мертвечины, которыми обременено море. Какъ бы то ни было, но тотъ, кто бывалъ въ морѣ и имѣетъ понятіе о подобныхъ феноменахъ, можетъ себя представить обворожительное впечатлѣніе, производимое картинами, которыхъ описаніе мы приведемъ изъ двухъ новѣйшихъ Англійскихъ Путешествій.

«Когда при свѣжѣмъ вѣтрѣ, говоритъ Г. Беннетъ, корабль въ темную ночь летитъ по свѣтящемуся тропическому морю, тогда это зрѣлище особенно поразительно. Слѣдъ судна стелется широкой фосфорической лентою, которая такъ блестяща, что проливаетъ блѣдный, тусклый свѣтъ на всю кормовую часть корабля; пѣнистые всплески увидаются около кормы будто волны жидкаго фосфора, а океанъ до самаго небосклона кажется весь въ огнѣ, и отдаленныя валы, разбиваясь одинъ объ другой, издають свѣтъ удивительной красоты и блеска.»

«Иногда свѣтъ очень видѣнъ при совершенной тишинѣ, когда поверхность воды гладка, и на морѣ ни шелокнетъ; въ другихъ случаяхъ онъ появляется только тогда, когда вѣтеръ всколыхнетъ воду, или пройдетъ по ней что-нибудь тяжелое. Можетъ-быть, всего лучше видѣть это прекрасное освѣщеніе, когда корабль стоятъ въ бухтѣ или пристани

тропическаго края, и все море вокругъ него кажется молочнаго цвѣта. Бывши въ 1850 году въ Кавите, близъ Манилы, я въ первый разъ имѣлъ случай видѣть такое чудесное зрѣлище: докуда глазъ обозрѣвалъ обширную Манильскую бухту, поверхность спокойныхъ водъ ея была вся въ блѣдномъ фосфорномъ сіяніи; а когда бросали въ воду что-нибудь тяжелое, или плескалась и плавала рыба, тогда появлялись самыя яркіе проблески, и корабль стоялъ какъ будто въ морѣ жидкаго фосфора, которое въ отдаленіи превращалось въ океанъ молока.

«Ночь, въ которую удалось мнѣ видѣть эту чудную картину, была чрезвычайно темна, и противоположность мрака съ свѣтомъ придавала еще болѣе выпренности цвѣтому. Небо висѣло надъ головой настоящею мглою; въ немъ не горѣло ни звѣздочки, а море текучаго огня проливало блѣдный, мертвый свѣтъ на всѣ корабельныя снасти, между тѣмъ какъ рыба выплывала порой большими стаями и разнообразила картину, освѣщаясь яркимъ блескомъ.

«Однако жъ отнюдь не должно думать, чтобъ этотъ чудный свѣтъ, чтобъ это морское сіяніе походило на пламя волкана; на блескъ молніи или на свѣтъ метеоровъ. Нѣтъ, это именно свѣтъ фосфора, — блѣдный, тусклый, желтовато-блѣдный, обливающій всѣ окружныя предметы унылымъ сіяніемъ, которое вспыхиваетъ ярче только отъ тренія. Читатъ при немъ можно, но не пріятно; глаза не долго выносятъ этотъ особенный свѣтъ, и послѣ всегда болитъ голова и бываетъ дурно. Я часто замѣчалъ въ Сингапорѣ, что хотя тихая вода и не свѣтится, но если идетъ лодка, то фосфорическое вещество вѣтся за ней блестящимъ слѣдомъ, и даже какъ-будто брызжетъ съ весель, когда ихъ приподнимаютъ изъ воды.»

Г. Вебстеръ, врачъ военнаго корабля «Чентиклиръ», плававшій съ капитаномъ Фостеромъ (*Voyage of H. M. Ship Chanticleer, etc., 1854*), описываетъ другую морскую иллюминацію, которую весьма немногимъ удастся видѣть.

«Въ десятомъ часу вечера (подъ 6^ю сѣверной широты); корабль мчался довольно быстро, воздухъ былъ отменно чистъ, звѣзды ярко пылали надъ нами, — какъ вдругъ дельфины, несметною толпою, окружили нашъ корабль, играя и

прытая въ различныхъ направлєніяхъ съ быстротою стрѣлы. Поверхность воды была чрезвычайно блестяща и казалась моремъ звѣздъ отъ множества огромныхъ искръ свѣта; корабли, удаляясь, оставляли за собою длинную огненную полосу. Эта картина была чудесна, но мы уже къ ней привыкли, и насъ гораздо болѣе занимали дельфины. Мы могли прекрасно видѣть все ихъ тѣло довольно глубоко въ морѣ, при помощи яркаго свѣта, который они испускали. Между-тѣмъ какъ ихъ танецъ приносилъ намъ большое удовольствіе, море вдругъ исписывалось предлинными чертами живаго огня, похожими на слѣдъ ракетъ въ воздухѣ, но гораздо плотнѣйшими, и мы имѣли передъ глазами зрѣлище огромнаго фейерверка. Эти свѣтотыя черты означали путь дельфиновъ, быстро преслѣдующихъ добычу. Вокругъ корабля нередко слышенъ былъ трескъ, который, какъ мы приметили, происходилъ отъ столкновенія этихъ животныхъ, когда они гонялись за добычею.

Однажды, въ плаваніе Г. Вебстера, все море было покрыто слоемъ коричневой пыли, похожей на древесную гниль. Бывъ разсмотрѣнъ подъ микроскопомъ, она представила скопленіе безчисленныхъ ириадъ самыхъ мелкихъ насекомыхъ изъ рода medusae. Въ другой разъ приметилъ онъ на водѣ такую же пыль краснаго цвѣта, но не нашелъ въ ней ни какаго слѣда жизни. Капитанъ Чендлеръ видѣлъ въ 1766 году плавающую на океанѣ пыль желтаго и другихъ цвѣтовъ, и говорить, что матросы называли эту массу «китовою пшрою.»

ОСТРОВЪ ОБМАНА. Такъ перевели мы, на первый случай, имя дивнаго острова — Desception Island, котораго нѣтъ ни на нашихъ картахъ, ни въ нашихъ географіяхъ. Это одинъ изъ Ново-южно-Шетландскихъ Острововъ, лежащихъ къ юго-востоку отъ Мыса Горна, который составляетъ, какъ известно, южную оконечность Америки. Островъ Обмана находится подъ 63 градусомъ южной широты, и покрытъ вѣгдшнимъ снѣгомъ, между-тѣмъ какъ у насъ, въ Европѣ, подъ 63 градусомъ сѣверной широты и далѣе, въпримѣръ въ Архангельскѣ, снѣгъ лежитъ только зимою и тѣнь растительная еще очень сильна. Но вообще этотъ

островъ представляетъ такую массу физическаго ужаса и страшнаго движенія безъ жизни, что, читая его описаніе, смотришь, кажется, въ Фруэнгоферовъ телескопъ на Луну и гробовую дѣятельность мертвой ея природы. Читатели наши конечно съ удовольствіемъ узнаютъ слѣдующія подробности, сообщаемыя объ немъ тѣмъ же Г. Вебстеромъ.

«Нельзя вообразить себѣ ничего ужаснѣе, пичего угрюмѣе картины, которую съ перваго взгляда поражаетъ васъ Островъ Обмана. Какъ ни дико, какъ ни пустынылся Острова Штатовъ, съ которыми только-что мы разстались, а все они гораздо привлекательнѣе. Тамъ поистититель, хоть и удаленъ отъ шума, хоть и лишенъ удобствъ общественной жизни; однако встрѣчаешь цвѣтущее прозябаніе, и въ живой фizioноміи Природы находить чѣмъ усладить сердце и занять умъ, — а здѣсь все безрадостно, все страшно, все — ледъ, паръ, вихрь и отчужденіе. Это настоящій выгорѣвшій адъ. Огромныя кучи пепла и золы лежатъ разбросаны, и воображеніе превращаетъ ихъ въ хламъ Вулкановой кузницы. Ни одно растеніе не утѣшитъ взора, утомленнаго зрѣлищемъ золы и лавы, которыя смѣняются только снѣгомъ: вмѣсто величественныхъ и прекрасныхъ утесовъ, сгроможденныхъ одна надъ другими, одѣтыхъ самой роскошной зеленью, и всящихъ надъ пропастью въ грозной вышинѣ, мы увидѣли здѣсь груды черной пыли и золы, покрытыя снѣгомъ, и огромныя ледяныя горы, потребенныя подъ кучами вулканическаго вещества; вмѣсто прелестныхъ птицъ, украшающихъ счастливѣйшія стороны, здѣсь расхаживаютъ только стаи пингвиновъ съ глупыми лицами, — безвредныя, — счастливыя въ своемъ страшномъ обиталищѣ, и неподозрительныя даже къ человеку.

«Намъ не легко было удостовѣриться, изъ чего именно состоялъ пригорокъ, на который мы восходили. Звукъ, шестами раздававшійся отъ шаговъ нашихъ, показывалъ пустоту внутри, и заставлялъ насъ думать, что огромное подземелье, образовавшее вулканомъ, готово сейчасъ проглотить насъ. Берега пѣкоторыхъ частей озера состояли изъ обширныхъ напосовъ рыхлаго вещества, смываемаго съ холмовъ потоками тающаго снѣга, и равняемаго морскими волнами. Видно было нѣсколько ручьевъ, ежедневно измѣня-

шихся и въ количествѣ воды и въ направленіи, смотря по дѣйствию солнца на снѣгъ и ледяныя горы. Вчера быстрый и широкій потокъ бѣжалъ здѣсь въ море; нынче овъ до того убыль, что почти нельзя узнать его, а завтра прохожій не замѣтитъ и слѣда его существованія. Часто все то, что солнце распуститъ въ теченіе дня, опять замерзаетъ ночью, потому что и среди лѣта здѣсь царствуетъ жестокая зима и неутомимо скопляетъ вѣчные запасы снѣга.

«Странное бореніе стихій и не менѣ чудное противоборство дѣятелей придаетъ Острову Обмана характеръ чего-то неземнаго, не принадлежащаго нашему Шару: это скорѣе обломокъ другой планеты, еще неустроенной, еще погруженной въ хаосъ. Темный цвѣтъ золы являетъ разительную противоположность съ бѣлизною снѣга; берега курятся горячимъ паромъ, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ столба пара морская вода на точкѣ замерзанія; дымъ и паръ вадитъ облаками изъ вершинъ холмовъ, одѣтыхъ льдомъ и снѣгомъ, и огромныя толщи окостенѣлой воды стоятъ подлѣ кипящихъ ключей. Эти картины распространяются по всему острову.

«Во время пребыванія нашего тамъ, мы не замѣтили ни одного горящаго кратера, хотя, какъ прежде было сказано, вершинны нѣкоторыхъ горъ постоянно курились; но многочисленность горячихъ ключей заставляла думать, что подземный огонь только пріутихъ, а не погасъ совершенно. Бродя около холмовъ, мы часто слышали подземный шумъ, происходившій какъ-бы отъ сильнаго стремленія воды подъ нашими ногами. Горячіе ключи составляютъ здѣсь очень замѣчательное явленіе. Во многихъ мѣстахъ по берсгу, особенно между чертами высшаго и низшаго стоянія воды, безпрестанно поднимаются изъ земли огромныя облака теплаго пара въ нѣсколько сотъ сажень вышиною; но когда вода пойдетъ на убыль, то весь берегъ вдругъ начинаетъ испускать такой горячій паръ, что иногда обдастъ васъ банною духотою съ ногъ до головы, между-тѣмъ какъ съ одной стороны видите вы ледяныя горы, а съ другой почти замерзающую воду океана. Кипятки бьютъ изъ-подъ земли, которая мѣстами довольно твердаго и плотнаго скоейства, а при разрытіи выходятъ изъ нея сильный стриппстый за-

пахъ, и вода становится все горячѣе: на маловажной глубинѣ она уже только немногими градусами ниже точки кипѣнія. Мы нашли, что температура воды, извергаемой этими горячими ключами, равняется 70 градусамъ Реомюра, а близъ глиноземистыхъ пластовъ она еще выше. Эти источники представляютъ еще одну замѣчательную черту: они не заключаются въ отдѣльныхъ ключахъ, а простираются узкими полосами по всему берегу; несмотря на то, теплота совсѣмъ не распространяется отъ нихъ далѣе. Вода ихъ около глиноземистыхъ скалъ отличается легкимъ вяжущимъ вкусомъ, а въ другихъ мѣстахъ она совершенно одинакова съ обыкновенной горячей водою, особенно гдѣ проходитъ сквозь слой золы. Нѣтъ почти ни какого сомнѣнія, что эти теплые ключи образуются влїяніемъ какого-нибудь скрытаго огня, который возникаетъ отъ химическаго дѣйствія сѣрнистой земли и колчедана.

«Отъ рухлаго свойства составныхъ частей своихъ Островъ Обмана подверженъ большому и постоянному перемѣнамъ. Зыбкія вещества холмовъ его легко подмываются быстрыми потоками таящаго снѣга и льдовъ, и это таяніе перемѣщаетъ цѣлыя ледяныя горы, отрываетъ огромныя части холмовъ, на которыхъ онѣ покоятся, и переноситъ ихъ въ другія мѣста. Иногда потоки таящаго снѣга усиливаются проливными дождями, которые еще болѣе способствуютъ къ перенесенію золы, оставляя ее въ тѣспинахъ, наполняя ею рытвины, и образуя изъ нея насыпи близъ береговъ, гдѣ морскія волны пожираютъ эту дань разрушенія.

«Кромѣ потоковъ, безпрестанно измѣняющихъ поверхность острова, вѣтеръ рветъ ее въ куски, которыя потомъ сваливаетъ онѣ въ новыя, безобразныя груды. Страшныя облака золы взвиваются на воздухъ и упадаютъ въ отдаленныхъ мѣстахъ; цѣлые столбы ея пополамъ со снѣгомъ и съ горячимъ паромъ крутятся во всѣ стороны, потому что и снѣгъ лакъ же сыпучъ здѣсь, какъ зола, — какъ песокъ въ пустыль! Съ холмовъ сметаетъ ихъ въ долины и въ море; съ долинъ страшныя вихри опять поднимаютъ ихъ на холмы ужаснѣйшими вьюгами, которыя больше всего надѣдали намъ на этомъ островѣ, отверженномъ землею и солнцемъ, забытомъ жизнью, покрытомъ бездною чернаго вулканиче-

скаго песку, или зола, смѣшанной съ перегорѣлою лавой, которая точно кузнечный выгаръ. Нѣкоторые куски выгарковъ были такъ сходны съ камепными угольями, что мы хотѣли употребить ихъ въ кухню, но опытъ показалъ, что они только плаваютъ въ стекловатое вещество, такъ же какъ и цемза, которой здѣсь гораздо меньше. Твердая лава тоже легко плавилась, и это служитъ доказательствомъ, что она произведеиіе не настоящихъ вулкановъ, какъ мы прежде полагали, а другаго рода внутренней борьбы стихій, свойственнаго этому таинственному уголку планеты.

«Всего удивительнѣе то, что вліяніе подземной теплоты, кипящей воду въ нѣсколькихъ дюймахъ подъ поверхностью дна морскаго, не простирается на температуру покоящагося на немъ моря, котораго воды вообще показывали отъ $+ 2^{\circ}$ до 5° Реомюра, а въ одну ночь замерзли совершенно; и такъ какъ это случилось среди лѣта, то вы можете представить себѣ, что такое Островъ Обмана, въ отношеніи къ климату: все его прозябаніе ограничивается сухими мхами. Вообще, лѣто Ново-южной Шетландіи можно сравнить съ нашимъ несчастнымъ Ноябрьемъ, а зима здѣсь не что иное какъ долгая, беззвѣздная, страшная ночь. Въ это время царствуетъ постоянный сумракъ, никогда почти непроницаемый лучами солнца, а звѣзды и мѣсяцъ сюда и не заглядываютъ.

«Легко догадаться, что въ такомъ климатѣ, не скоро наступаетъ гниеніе: разрывъ могилу, привлекишую вниманіе одного изъ нашихъ офицеровъ, мы нашли тѣло совершенно цѣлое и не издававшее ни какого непріятнаго запаха, хотя можно было полагать, что оно лежало тамъ уже нѣсколько лѣтъ. Вѣроятно, оно схоронено здѣсь экипажемъ какого-нибудь моржеловнаго судна.»

РАЙСКІЯ ПТИЦЫ. Въ Макао Г. Беннетъ видѣлъ прекрасный экземпляръ живой райской птицы, который стоитъ любопытства всѣхъ охотниковъ и охотницъ до пернатыхъ друзей челоуѣка. Несмотря на девятилѣтнее заточеніе въ клеткѣ, эта птица сохраняла всю свою живость и красоту. Она каркаетъ какъ воронъ, только измѣняя голосъ, и повторя звуки часто и быстро. Обыкновенная длина райскихъ птицъ

отъ клюва до оконечности боковыхъ перьевъ составляетъ около аршина,

«Шел у этой птицы, говоритъ Г. Беннетъ, прекраснаго и самаго нѣжнаго канареечнаго цвѣта, который постепенно сливается съ чудеснымъ шоколатнымъ оттънкомъ другихъ частей тѣла. Крылья очень коротки и шоколатнаго же цвѣта. Изъ-подъ нихъ выходятъ съ боковъ двумя прелестными купами длинныя, нѣжныя, золотистыя перья, простирающіяся гораздо дальше хвоста, который также коротокъ, шоколатнаго цвѣта, и украшенъ двумя предлинными шоколатными же перьями. Пушечъ у основанія челюстей кажется то превосходнымъ пернымъ бархатомъ, то темнозеленымъ, смотря по тому, какъ падаютъ на него луны свѣта, и составляетъ чудесную противоположность съ яркимъ изумрудомъ горлышка. Въ перьяхъ этой птицы нѣтъ ничего рѣзкаго или казистаго; цвѣта сливаются съ невыразимой пріятностью, и нельзя довольно надивиться чистотѣ ихъ. Челюсти нѣжно-голубаго цвѣта, райки ярко-желтаго, а ноги лидоваго.

«Это мидовидное созданіе отличается легкостью, игривостью и пріятностью въ движеніяхъ, и идутовскимъ, безстыднымъ взглядомъ. Оно скачетъ, когда кто подойдетъ къ клеткѣ, и кажется очень довольна, что имъ любятъ. Оно линяетъ четыре мѣсяца въ году, съ Мая до Августа; умывается по два раза въ день аккуратно, и, совершивъ омовенія, распускаетъ свои нѣжныя перья почти черезъ голову: особенное строеніе строга ихъ позволяетъ это дѣлать. Его кормятъ варенымъ сараціцскимъ пшеномъ съ яйцами всмятку, попутникомъ и живыми насѣкомыми изъ породы кузнечиковъ. Когда кинуть птицѣ такихъ насѣкомыхъ, она старается поймать ихъ въ свой клювъ какъ-можно скорѣе: живыхъ ѣсть, а мертвыхъ не трогаеть.

«Я замѣтилъ, что эта птица, прежде чѣмъ принималась ѣсть кузнечика, котораго давали ей цѣликомъ, клала его на насѣсть, крѣпко прижимала когтями, и оборвавъ ноги, крылья и прочее, пожирала его всегда головой впередъ. Слуга, который за нею ходитъ, обрываетъ ноги и крылья у живыхъ насѣкомыхъ, и даетъ ихъ ей по мѣрѣ того, какъ она успѣваетъ глотать несчастныхъ. Она рѣдко слетаетъ на землю, и такъ гордится своимъ щегольскимъ царидомъ, что не потер-

пить на немъ ни малѣйшей пачистоты; часто распускаетъ крылья и перья, и оглядываетъ себя со всѣхъ сторонъ, чтобъ видѣть, все ли на ней опратно. Холодная погода, въ Макоосскую зиму, не причиняетъ ей ни какого вреда; однако жъ всегда стараются защитить ее отъ пронзительнаго сѣвернаго вѣтра. Хозяину этой птицы, Г. Билю, хочется достать къ ней самку, чтобъ, если можно, получить отъ нихъ приплодъ.»

ПОЖАРЫ ВЪ ЛОНДОНѢ. «Вникнувъ въ причины частыхъ пожаровъ въ Лондонѣ, говорить журналъ Architectural Magazine, мы найдемъ главную въ непредусмотрительности тѣхъ людей, которые часто дѣлаютъ значительныя углубленія въ общихъ стѣнахъ домовъ для печей, каминовъ и прочаго, ни сколько не заботясь о томъ, что можетъ произойти у сосѣда за стѣною. Такимъ образомъ каминны и дымовыя трубы приходится непосредственно къ дереву, и если случится, что въ одномъ изъ этихъ домовъ истопятъ жарче обыкновеннаго, дерево въ сосѣднемъ домѣ загарается, и не знаютъ отчего произошелъ пожаръ. Есть законъ, по которому обо всякой передѣлкѣ общихъ стѣнъ въ Лондонѣ должно предварительно объявлять окружному надзирателю; но какъ такія распоряженія дѣлаются всего чаще во внутренности домовъ, то хозяева считаютъ себя въ правѣ не соблюдать этой предосторожности.»

Сообщаемъ это замѣчаніе Англійскаго журнала, потому что оно годится для всѣхъ домохозяевъ.

ЧЕЛОВѢЧЕСКІЙ РОСТЪ. «Чѣмъ кто воспримчивѣе и раздражительнѣе, утверждаетъ Докторъ Филипъ въ разсужденіи своемъ о существѣ сна и смерти, о которомъ мы уже говорили въ четвертой книжкѣ Б. для Ч., тѣмъ ранѣе перестаетъ онъ расти, потому что раздражительностью обыкновенно скорѣе уравниваются жизненныя побужденія. Быть-можетъ, это самое причиною, что женщины, которыя по большей части воспримчивѣе мужчинъ, вообще меньше ихъ ростомъ, а напротивъ того очень высокія женщины обыкновенно лишены свойственной ихъ полу раздражительности. Огромная женщина очень неспособна къ ласкамъ и

къ нежностямъ. Большое число раздражительныхъ мужчинъ, игравшихъ важную роль въ свѣтъ своимъ умомъ и характеромъ, были также малаго роста, между-тѣмъ какъ великаны отличаются совсѣмъ противоположнымъ свойствомъ. Разумѣется, что и изъ этихъ правилъ, какъ изъ всѣхъ другихъ, есть очень много исключеній.» Докторъ Филиппъ утврждаетъ удивительныя вещи!

ЧЕРЕПЪ РАММОГУНЪ-РОЯ. Въ то время какъ черепо-словіе Доктора Галля, Кранологія то-жъ, забывается въ самой Германіи, гдѣ оно родилось, жило и умерло, подобно Физіономикъ и животному магнетизму, которыя тамъ служатъ нынче къ забавѣ извѣстнаго класса ученыхъ, — примѣчательно, странно, даже непостижимо, что въ Англіи оно почитается еще наукою! Въ Англіи до-сей-поры издается журналъ по этой части, *Phrenological Journal*, и мы выпишемъ изъ него для любопытныхъ результаты тщательнаго изслѣдованія надъ черепомъ знаменитаго Индѣйскаго ученаго, Раммогунъ-Роя, который за нѣсколько мѣсяцевъ умеръ въ Лондонѣ. Для большаго назиданія читателей должно присовокупить, что эти изслѣдованія произведены были не надъ самымъ черепомъ, а надъ гипсовымъ слѣпкомъ, сдѣланнымъ вскорѣ по смерти почтеннаго раджи. Во-первыхъ вымѣрили голову его во всѣхъ направленіяхъ, а потомъ означили числами относительныя степени всѣхъ его умственныхъ и душевныхъ способностей. По справкѣ оказалось, что у покойнаго раджи —

1. Супружеская любовь была (очень велика).....20градусовъ
2. Чадолубіе (довольно велико)16
3. Сила сосредоточиванія (полна) 15
4. Привязанность (велика).....18
5. Охота сражаться (велика).....18
6. Склонность къ истребленію (велика).....18
7. Скрытность (велика).....18
8. Склонность къ приобрѣтенію (полна).....14
9. Склонность къ назиданію (почти полна).....12
10. Самоуваженіе (очень велико).....20
11. Славолубіе (очень велико).....20
12. Осторожность (велика).....19

13. Доброжелательство (велико).....	18
14. Благоговѣніе (полно).....	14
15. Твердость (очень велика).....	20
16. Совестьливость (очень велика).....	20
17. Надежда (полна).....	14
18. Склонность къ удивленію (довольно volna).....	12
19. Представительная способность (довольно volna).....	12
20. Юморъ (довольно полно).....	15
21. Подражательность (довольно велика).....	16
22. Способность индивидуализировать (довол. велика).....	17
23. Чувство формъ (полно).....	15
24. Чувство-величія (довольно велико).....	16
25. Чувство вѣса (довольно велико).....	16
26. Чувство цвѣтовъ (полно).....	14
27. Чувство мѣста (довольно велико).....	16
28. Чувство пислъ (посредственно).....	10
29. Чувство порядка (довольно полно).....	12
30. Готовность (полна).....	15
31. Чувство времени (полно).....	15
32. Чувство звуковъ (посредственно).....	16
33. Способность къ языкамъ (довольно велика).....	17
34. Сравнительная способность (довольно велика).....	17
35. Винословность (довольно велика).....	17

Сложивъ все это, выходитъ — знаменитый раджа Раммунгунъ-Рой. Теперь вы имѣете понятіе, изъ чего составленъ умъ знаменитаго челоуѣка.

Но все эти числовыя величины душевныхъ способностей не въ состояніи изобразить ума такъ хорошо и резко, какъ дѣлаетъ или три страницы прозы. Проза гораздо вѣрнѣе мѣрило головы, чѣмъ все желваки ея черепа. Мы не знаемъ, сколько у Г-жи Джемисонъ градусовъ супружеской любви, сколько золотниковъ чадолюбія, самолюбія или охоты сражаться, но каждый, кто прочитаетъ слѣдующую статью, согласится съ нами, что она — женщина съ необычайнымъ умомъ и дарованіемъ. Это уравненіе Нѣмокъ съ Англичанками заимствовано изъ новаго ея сочиненія — *Visits and Sketches*, изъ котораго мы уже привели одно или два мѣста въ нашемъ журналѣ, и надѣемся еще привести по-крайней-мѣрѣ столько же.

СРАВНЕНІЕ НѢМОКЪ СЪ АНГЛИЧАНКАМИ. «Нѣкоторыя различія между Нѣмками и Англичанками нѣсколько мѣся

поразили. Знатный кругъ общества вездѣ почти однополовъ. Придворный балъ, вечеръ у супруги посланника, обѣдъ у министра, во всѣхъ краяхъ на одну стать. Только второй разрядъ общества носить вездѣ на себѣ отпечатокъ народнаго характера, и въ этомъ отношеніи онъ важнѣе всѣхъ для наблюдателя. Я избѣгла несчастія видѣть моихъ Германскихъ пріятельницъ не иначе какъ въ полномъ царствѣ, en grande toilette, и больше многихъ другихъ путешественниковъ имѣла случай высмотрѣть и оцѣнить ихъ домашній бытъ и привычки.

«Обрадованныя Нѣмки кажутся мнѣ естественнѣе насъ, Англичанокъ. Нравственное воспитаніе Англійской дѣвушки обыкновенно — отрицательное. Ей не говорятъ, что дѣлать, а только чего не дѣлать. Вѣчно слышишь — того не дѣлай, этого не говори, о томъ не думай! И осмѣлся умненькое дитя спросить — А отчего? — у маменьки или у гувернантки всегда готовъ отвѣтъ: «Это не прилично! видѣть ли это барышнѣ? вѣдь это смѣшно!» — Да что жъ развѣ это дурно? Почему же? — «Вотъ еще! раздастся въ отвѣтъ: молодой ли дѣвочкѣ судить, что хорошо, что дурно!» — Маменька, да я думала.... — «Ты не должна думать, сударыня! Поди и иди свой Италіанскій переводъ,» — и такъ дадѣе. Мысль, что нѣкоторыя страсти, силы, наклонности и чувства, влитыя въ насъ самимъ Богомъ, могутъ быть подавлены приговоромъ гувернантки или законами моды, — чрезвычайно нелѣпа. Наши воспитатели воображаютъ себѣ, что все, слава Богу, благополучно, если имъ удалось заморить въ насъ всѣ сомнѣнія, задушить всякое измѣненіе перемогающаго чувства. Они не знаютъ или не вздумаютъ того, что напрасны всѣ труды ихъ, если природа наша не можетъ самобытно употреблять тѣхъ благороднѣйшихъ способностей, которыя соединяютъ насъ съ божественнымъ.

«Въ воспитаніи Германскихъ женщинъ не столько руководствуются какою-нибудь особенной модою; ихъ умъ, ихъ характеръ, образуются вообщенемимонаравственныхъ чувствъ, наклонностей и побужденій. Душа обнаруживается свободнѣе, явнѣе, — оттого и казалось мнѣ, что развитіе ихъ женщинъ болѣе естественно и самолично.

«Нѣмка гораздо болѣе озабочивается хозяйствомъ, нежели Англичанка одинакаго съ ней состоянія. По какой-то ложной разборчивости мы почитаемъ низкими и престонородными такія домашнія зпнтія и обязанности, въ которыхъ ничего нѣтъ низкаго. Молодая Англійская дама, которая только и знаетъ, что вязать кошелечки, рисовать розанчики, да пѣвать какое-нибудь — *Dolce mio bene*, вѣрно остолебѣла бы отъ изумленія, если бь увидѣла, какъ суетливо бѣгаетъ съ связкою ключей за поясомъ молоденькая, хорошенькая дочка какой-нибудь знатной Германки. Описаніе Вергеровой Лотты, приготавливающей ломти хлѣба съ масломъ, надѣлало довольно смѣху въ Англии. Ни одна принцесса не смѣетъ у насъ влюбиться, ниже сойти съ ума иначе, какъ въ бѣломъ атласномъ платьѣ. Для каждаго, кто живалъ въ Германіи, совокупленіе септимальнаго съ бутербродомъ, или поэзіи съ домашними заботами, не заключаетъ въ себѣ ничего смѣшнаго. Супруга одного Германскаго министра сказала мнѣ однажды, что ей нѣкогда ѣхать со мной въ картинную галерею, потому что она должна нынче считать бѣлье, а эта дама была одна изъ любезнѣйшихъ и образованнѣйшихъ женщинъ, какихъ мнѣ только случилось видѣть. Другая, отлично воспитанная Нѣмка, блиставшая и при Дворѣ, отговаривалась, не припомню отъ чего, тѣмъ, что у ней въ тотъ день большая стирка, а въ такихъ случаяхъ, сказать мимоходомъ, Нѣмецкая хозяйка перевертываетъ весь домъ до основанія. Иногда я очень не кстатн приходила на эту великую катастрофу. Замѣтьте, что я говорю не о ремесленникахъ, не о мастеровыхъ, а о людяхъ моего или еще высшаго званія. Спору нѣтъ, что я знавала и такихъ дамъ, которыя безъ пужды дѣлались совершенными служанками; дамъ, которыхъ вся душа была въ кухнѣ и въ домовничаствѣ, и которыя ни о чемъ не умѣли пикнуть кромѣ блюдъ да соусовъ; но этотъ же разрядъ женскихъ существъ въ Англии вмѣсто того, чтобы одушевляться мыслию хоть объ какой-нибудь пользѣ, былъ бы вѣтренъ, глупъ и совершенно безъ мыслей.»

СНИЦЦЫ АМЕРИКАНСКИХЪ ПРАВОВЪ. Мы не можемъ окончить, въ этой книжкѣ, начатой въ прошломъ мѣсяцѣ

выписки изъ остроумной статьи Германской наблюдательницы въ Сѣверной Америкѣ: изобиліе любопытныхъ и характеристическихъ чертъ, которыхъ нельзя пропустить, не посягая на удовольствіе нашихъ читателей, заставляетъ насъ отложить значительную часть этихъ живописныхъ картинъ до будущаго года, и мы ограничимся здѣсь нѣсколькими, но весьма примѣчательными, отрывками.

Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки это ужъ рѣшенная статья, что никто не долженъ дѣлать того, къ чему способенъ: каждый принимается за то, чего не знаетъ, и дѣла идутъ прекрасно, потому что Американцы умные люди.

3. Любовь къ чтенію. Въ 1818 году одинъ Нѣмецкій книгопродавецъ прибылъ въ Нью-Йоркъ. Его увѣрили, что онъ непременно составитъ свое счастье, если привезетъ отборную коллекцію книгъ въ страну столь богатую, столь образованную и жадную къ познаніямъ. Купецъ посѣшилъ переплыть океанъ съ грузомъ образцовыхъ произведеній Европейской литературы. Пріятели его все единогласно совѣтовали ему нанять магазинъ, и объявить о себѣ. Первое время онъ имѣлъ множество посѣтителей: они желали видѣть все, разсматривали съ особеннымъ вниманіемъ лучшіе новѣйшіе переплеты, и, когда любопытство ихъ было вполне удовлетворено, нѣкоторые обѣщали побывать опять при случаѣ, а другіе, когда получатся что-нибудь повѣнчаго. «Больше ничего нѣтъ?» говорили почти все, выходя изъ лавки. Все рѣшительно желали видѣть карту Соединенныхъ Штатовъ или Англійскую азбуку; никто ничего не купилъ, и продавецъ, послѣ трехъ или четырехъ, хлопотливыхъ недѣль, имѣлъ полную свободу отдохнуть. Одинъ одиноконекъ сидѣлъ онъ, окруженный своими книгами. Онъ расчитывалъ, что выручкою за нихъ едва можетъ уплатить пошлину за привозъ, и опять прибѣгнулъ къ друзьямъ, прося ихъ совѣта. «Припечатай объявленіе въ газетахъ,» отвѣчали ему. — Я уже это сдѣлалъ. — «Повторяй его каждый день во всехъ газетахъ.» — Онъ послѣдовалъ совѣту. Эти объявленія стоили ему до восьми сотъ рублей, и не принесли ни какой пользы.

Надо спровѣдать, какъ поступаютъ другіе! подумалъ книгопродавецъ, и обратился къ одному изъ Европейскихъ

своихъ пріятелей. Тотъ присовѣтывалъ ему продать книги съ аукціона, и попытать удачи въ чемъ-нибудь другомъ. — «Я съ дѣтства привыкъ къ моему делу,» отвѣчалъ библіоманъ, «и не знаю ничего другаго; сверхъ-того, не могу рѣшиться продать драгоценныя новыя изданія на всь; въ лавкѣ заключается все мое состояніе.» — Вы будете наконецъ принуждены поступить такъ, какъ я говорю, возразилъ пріятель. Здѣсь никому никогда не удавалось составить себѣ состояніе тѣмъ, въ чемъ онъ зналъ толкъ. Вотъ я, напримеръ: я былъ учителемъ Музыки, и конечно скоро умеръ бы съ голоду, если бы не перешелъ въ таможенныя чиновники. Это званіе даетъ мнѣ возможность существовать. Сапожникъ, сосѣдъ мой, былъ танцевальнымъ учителемъ: онъ теперь сапожникъ. Возлѣ живущій парикмахеръ былъ токаремъ: послѣ долгихъ неудачъ, онъ вдругъ объявилъ о себѣ, будто пріѣхалъ изъ Парижа, и беретъ причесывать модныя дамы по послѣдней модѣ, и вотъ теперь въ его вѣдѣніи всѣ прекраснѣйшія головки гордыхъ республиканокъ. Посмотрите, какая у него богатая вывеска: ес писалъ бывшій столяръ, одинъ Голландецъ. Вотъ этотъ господинъ, который идетъ по улицѣ, — онъ даетъ уроки на гитарѣ разнымъ дамамъ! А знаете, кто онъ таковъ? Сидельный мастеръ. Зато въ его мастерской работаютъ два Италіянскіе пѣвца, одинъ сопрано, а другой контральто, и прекрасно шьютъ хомуты, потому что ихъ надулъ директоръ здѣшняго театра, Park-theatre. На прошедшей недѣлѣ тотъ же директоръ ангажировалъ въ свою труппу славнаго балетнаго танцора, и обещалъ ему давать въ годъ жалованья 2,500 долларовъ (12,500 рублей): всего мѣсяца какъ онъ на театрѣ, и танцорское его воспитаніе ограничивается двѣнадцатью уроками, взятыми у знаменитаго Конвѣ; но онъ природный Американецъ, и поэтому публика съ восторгомъ смотрѣла на его бѣдные прыжки. А этотъ знаменитый балетмейстеръ Конвѣ былъ барабанщикомъ въ 108-мъ линейномъ полку Бонапарта: бѣжавъ во время Испанской войны, онъ служилъ здѣсь матросомъ; потомъ пошелъ въ плотники; потомъ женился на Французской портнихѣ, шилъ платье, обанкрутился, и они стали съ женою обучать танцовщицамъ. Трѣбать гусарскаго полка при Наполеонѣ, пере-

медній здѣсь чрезъ всѣхъ знающа, имѣеть теперь прекрасное заведеніе на главной улицѣ, съ надписью на вывѣскѣ — *Coiffeur des dames*, и платитъ 1400 долларовъ (7000 рублей) въ годъ за квартиру. Мясникъ обучаетъ Французскому языку. Жандармскій капитанъ Пиемонтской службы, изгнанный изъ своего отечества за дурное поведеніе, содержитъ лучший въ городѣ дворячій пансіонъ. Англійскій бухгалтеръ рветъ зубы, и слыветъ первымъ дентистомъ Новаго Свѣта. Любезный другъ мой, такъ мы всѣ живемъ въ Нью-Йоркѣ, и такъ живутъ въ цѣломъ государствѣ Соединенныхъ Штатовъ! Это сущее столпотвореніе, — по дѣлать нечего. Я совѣтую вамъ продать книги, и объявить себя архитекторомъ. — «Я никогда этого не сдѣлаю!» отвѣчала книгопродавецъ. — Такъ вы жъ никогда и не успѣете! отвѣчалъ пріятель.

Всякъ, кто бывалъ въ Нью-Йоркѣ, засвидѣтельствуетъ справедливость этого показанія, къ которому я могла бы прибавить сотни примѣровъ и портретовъ.»

4. *Завтракъ у пастора.* Нѣтъ ничего труднѣе, какъ быть принятымъ въ вышній кругъ Американскаго общества. Мнѣ падали въ Европѣ множество рекомендательныхъ писемъ; но они ни къ чему не послужили, потому что ни одно изъ нихъ не было адресовано къ какому-нибудь пастору. Духовная особа здѣсь ключъ ко всѣмъ дверямъ, и пасторы въ Американскомъ обществѣ то же, что старія барыни въ Европейскомъ: они судьи приличій, и жѣнщина ничего безъ нихъ не смѣетъ дѣлать. Я сдѣлала нѣсколько визитовъ, но ни на одинъ не получила отплаты. Никто изъ моихъ знакомыхъ не рѣшался ввести меня въ высшее общество. Наконецъ одна Англичанка сдѣлала честь представить меня одному пресловутому Нью-Йоркскому проповѣднику. Пріѣхавъ къ нему поутру, я застала у него многочисленное общество дамъ, такъ, что несмотря на обширность гостиной, едва для половины ихъ было довольно мѣста. Онъ прінялъ меня самымъ торжественнымъ образомъ. Покуда знакомка моя говорила ему самыя лестныя обо мнѣ вещи, и просила его принять меня въ свое распложеніе, поникнутые глаза его были устремлены на табакерку, которую онъ вертѣлъ въ рукахъ, стоя неподвижныя статуи; когда она кончила, онъ посмотрѣлъ

рель вверхъ, потеръ крышку табакерки локтемъ лѣвой руки, взявъ полную щепотку табаку, предложи мнѣ сдѣлать тоже, и, не удостоивъ даже взгляда, подвелъ ко мнѣ даму, которая подлѣ него стояла. Она протянула руку, чтобъ пожать мою по-Англійски, и спросила, нравится ли мнѣ Америка? Я отвѣчала ей, что она мнѣ очень нравится. «О! отвѣчала она: поживите здѣсь подольше, такъ вы ее еще больше полюбите. То правда, что наша страна еще новая, однако мы ни въ чемъ не уступимъ Европейцамъ.» Сказавъ это, она передала меня другой дамѣ; та третьей, та четвертой, такъ, что я наконецъ обошла все собраніе. Каждая изъ нихъ брала меня за руку, дѣлала тотъ же вопросъ какъ и первая, и на отвѣтъ мой возражала тѣмъ же, хотя я нѣсколько разъ и покушалась, отвѣчая иначе, завязать разговоръ. У каждой изъ дамъ былъ припасенъ какой-нибудь подарокъ для его преподобія: одна привезла его бѣлье, которое сама для него выстирала; другая его рясу, которую вычинила; прочія принесли съ собою чаю, сахару, кофе, вина, водокъ, пироговъ, хлѣба, муки, фруктовъ, молока, окороковъ, копченаго мяса, сыру, яицъ, рыбы, холста, сукна, стеклянной посуды, тарелокъ, чашекъ, — словомъ, цѣлое хозяйство; и все это сами онѣ заботились разставлять, куда слѣдовало. Наступило время завтрака. Дамы начали готовить все къ чаю, и, окончивъ приготовленія, въ торжественномъ безмолвіи стали ожидать, которая изъ нихъ удостоится чести быть на этотъ разъ хозяйкою. Жена пастора была тутъ же, но учтивость повелевала ей отказаться отъ правъ своихъ. Наконецъ важный предметъ былъ рѣшенъ самымъ его преподобіемъ. Прищуривъ глаза, улыбаясь едва приметнымъ образомъ, онъ протянулъ руку, въ которой была табакерка, къ одной изъ дамъ, и легкимъ наклоненіемъ головы далъ ей знать, что приглашаетъ ее разливать чай. Ощастливленная такимъ предпочтеніемъ, съ радостію заняла она мѣсто у верхняго конца стола, и громко начала считать всѣхъ находившихся въ комнатѣ, указывая на каждую изъ насъ пальцемъ, и какъ-бы желая показать, что никто не будетъ забыть ея; вотомъ она положила въ чайникъ столько ложекъ чаю, сколько въ комнатѣ было людей. Въ продолженіе всего времени, кромѣ этой

переключки и разъ тридцать неизменно повтореннаго вопроса, правится ли мнѣ Америка, ни одно слово не было сказано вслухъ. Зато, когда, позавтракавъ, дожидались мы въ прихожей нашихъ экипажей, случившаяся возлѣ меня прелестная собою особа спросила: «Ну, каково вамъ правится наши собранія? Не правда ли, здѣсь совсѣмъ не то, что въ Европѣ? Когда тамъ сойдется съ полдюжины дамъ, то можно подумать, что стадо дикихъ гусей слетѣлось вмѣстѣ. Да я тоже была въ Европѣ! Я два раза переезжала океанъ.»

5. *Вечернія собранія.* Въ Нью-Йоркѣ нѣтъ обыкновенія давать обѣды: бережливость заставляетъ располагать самыя дома такъ, чтобъ это было неудобноисполнимо. По окончаніи каждаго семейнаго обѣда, всѣ начинаютъ работать зубочистками; послѣ чего, мужчины остаются еще за столомъ пить вино, а женщины, съ тѣмъ же намъреніемъ, удаляются въ свои покои. Въ это время, онѣ никого къ себѣ не принимаютъ, развѣ только самыхъ близкихъ и доверенныхъ пріятельницъ. Прочимъ посѣтителямъ говорятъ тогда, что «дамы почиваютъ,» между-тѣмъ, какъ онѣ тихомолкомъ попиваютъ себѣ вино и курятъ сигары. Общественныя собранія, не имѣющія политическаго цѣли, не во вкусъ Американцевъ: принужденіе, налагаемое мѣстнымъ этикетомъ, не весьма сообразно съ понятіями ихъ о свободѣ. Несмотря на то, въ большихъ приморскихъ городахъ и въ Вашингтонѣ бывають иногда званые вечера: пародное тщеславіе заставляетъ подвергать себя этому принужденію, чтобъ дать высокое понятіе чужеземцамъ объ утонченности своихъ нравовъ и объ умѣнѣ жить въ свѣтѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ моего представленія у настора, я была приглашена на такой вечеръ: тогда уже всѣ дамы считали меня введочною формальнымъ образомъ въ ихъ дома.

Когда я вошла въ комнату, гдѣ находилось собраніе, всѣ кавалеры вдругъ встали и съ низкими поклонами начали предлагать мнѣ свои стулья; то же дѣлали они и при появленіи другихъ дамъ. Входившіе гости подавали руку каждому изъ бывшихъ въ комнату; послѣ чего между ими водворялось совершенное безмолвіе. Наконецъ, когда все званное общество собралось, хозяйка сосчитала гостей паль-

цемъ, и начала готовить чай. Вместе съ чаемъ подавали рыбу, копченое мясо, пироги, фрукты, разные вина и ликеры. Когда все было съѣдено, замужнія дамы устылись въ одинъ кружокъ; мужчины прижались къ окнамъ и угламъ гостиной, положили крестъ-на-крестъ ноги, и уперли ихъ, по милому обычаю, въ стѣну. Иные тайкомъ запустили въ ротъ любезное зелье, и начали, жуя и поплеывая время отъ времени, въ полголоса толковать о политикѣ. Дѣвицы, стоя, заняли середину комнаты; каждая спрашивала другъ друга, какъ долго училась она играть на фортепиано. У некоторыхъ изъ нихъ висѣло на шеѣ, на длинныхъ и широкихъ лентахъ, по нѣскольку медалей, полученныхъ въ пансіонахъ и училищахъ за прилежаніе. Маленьки объясняли одна другой важность этихъ знаковъ отличія; а когда этотъ разговоръ истощился, обратились къ неизякаемому источнику бесѣды, — къ проповѣди прошедшаго Воскресенья. Это доставило каждой случай показать свою откровенную чувствительность, глубокую мудрость и примѣрную нравственность, и, если не заняло собранія, по-крайней-мѣрѣ заставило его продолжаться за полночь. Молодые щеголи, *elegants*, составили также свой особенный кружокъ. Вынувъ перочинныя ножички изъ жилетныхъ кармановъ, они скоблили себя почти, а дѣвицы жеманно поглядывали на любезныхъ кавалеровъ. Наконечъ, отважнѣйшій изъ нихъ, спрятавъ свой ножикъ, и утвердившись самодовольнымъ взглядомъ въ зеркало, что галстухъ его былъ всѣхъ туже, а жилетъ всѣхъ бѣже, прошаркалъ шагъ три впередъ, зацѣпился не болѣе двухъ разъ за коверъ, и подошелъ къ дѣвицамъ; потомъ, придвинувъ стулъ къ фортепиано, началъ съ безчетными поклонами просить ихъ сыграть что-нибудь. Пошли розыски, которая изъ дѣвицъ училась долѣе музыкъ, и наконецъ, когда нашлась одна, которая училась два года, ее принудили сыграть за инструментъ. Разумѣется, что первая пьеса которую она пробрянчала, была известная Американская пѣсня—*Yankee Dooble*; за тѣмъ слѣдовала—*Buy a broom*, и наконецъ столькоже знаменитая и старая какъ двѣ перья—*Ah, vous dirai-je, chère maman!* Тѣ же самыя пьесы были поочередно повторены каждою изъ дѣвицъ; послѣ чего, дочь хозяйки дома, пригожалъ дѣвушка, лѣтъ семнадцать, нача-

ла пѣть какое-то соло. Она сама себя аккомпанировала на фортепиано, и, при каждомъ ея движеніи, пять медалей, висѣвшихъ у ней на шеѣ, били ее по рукамъ и по груди. Наконецъ, запыхавшись отъ усилій, она принуждена была прекратить свой концертъ. Общество изъявило свое одобреніе страшнымъ топаніемъ ногъ, и вслѣдъ за тѣмъ мы разѣхались.

6. *Театры.* Въ Нью-Йоркѣ, кромѣ трехъ большихъ, красивыхъ театровъ, есть еще малый театръ, на которомъ играютъ негры. Въ главныхъ театрахъ, на основаніи республиканскаго равенства, устроено особенное отдѣленіе для черныхъ, съ тѣмъ, чтобъ они не мѣшались съ бѣлыми. Можно себя представить, что наши безцеремонные охотники до свободы мало стѣсняются привѣчіями въ театрѣ. Сидящіе въ партерѣ кладутъ ноги на устроенныя предъ ними скамьи, облакачиваясь на тѣ, которыя сзади, и никогда не снимаютъ шляпъ. Сверхъ того имъ вошло въ привычку скидывать въ театрѣ кафтаны, и сидѣть въ жилетахъ, жевать табакъ и плевать во всѣхъ направленіяхъ. Въ ложахъ перваго яруса зрители садятся на передней балюстрадѣ, спиною къ сценѣ и къ другимъ зрителямъ. Дамы учтивѣе: онѣ слѣдуютъ совершенно противному принятому у насъ обыкновенію, — снимаютъ шляпки. Ни одна душа не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на то, что происходитъ на сценѣ до тѣхъ поръ, пока не появится Американскій актеръ или не проскочитъ какая-нибудь брань на Англичшпъ: тогда страшная стукотня каблуками возъмущаетъ всеобщее удовольствіе. Однажды мнѣ случилось быть при представленіи въ Park-theatre, самомъ красивомъ изъ всѣхъ трехъ театровъ, и предпочтительно посѣщаемомъ людьми хорошаго тона. Я сидѣла въ ложѣ, какъ вдругъ вошелъ молодой чловѣкъ и сѣлъ возлѣ меня. Во время представленія онъ преспокойно снялъ башмаки, и, вѣроятно желая прохладить ноги, положилъ ихъ на балюстраду ложи. Въ соседственной ложѣ находилась дама съ двумя кавалерами: она разговаривала съ однимъ изъ нихъ. Это, кажется, оскорбѣло другаго. Завязалась ссора, и оскорбленный кавалеръ сшибъ шляпу съ головы своего противника. Какой-то денди, сидѣвшій развалившись въ партерѣ и смотрѣвшій на ложи,

закричалъ: «Не мѣшайте представленію! Ступайте вонъ драться!» Немедленно вошелъ въ ложу констебль и заллъ подъ стражу обонхъ господъ, вмѣстѣ съ перепуганною дамою, невинною причиною драки. Подобныя происшествія въ большомъ тонѣ. Къ радости моей, сосѣдъ мой обратилъ особенное вниманіе на случившееся, и, надѣвъ башмаки, ушелъ, чтобъ узнать, чѣмъ кончится дѣло.

Театры здѣсь — частное достояніе: за входъ положены весьма высокія цѣны, но декорации и освѣщеніе очень дурны. Что дѣлаетъ содержатель, чтобъ поддерживать свое заведеніе? Все, что только можно сдѣлать обманомъ и Американскимъ правосудіемъ, всегда споспѣшествующимъ плутовству. Онъ заключаетъ контрактъ съ актерами по какой бы ни было цѣнѣ; когда наступитъ срокъ расплаты, онъ даетъ имъ, что ему вздумается, предоставляя право отыскивать недоплаченную сумму формою суда. Такъ поступаютъ почти все. Актеръ живетъ рукоплесканіемъ; высокая плата, означенная въ контрактѣ, дѣлаетъ много шума и льститъ тщеславію; все прочее идетъ своимъ порядкомъ. Условія съ иностранцами дѣлаются иначе. Прошедшею зимою прибыла въ Нью-Йоркъ труппа Италіянскихъ пѣвцовъ. Содержатель условился отдавать имъ каждый день все, что поступитъ въ кассу свыше шести сотъ долларовъ, которые были ему предоставлены. Они пѣли шесть недѣль, и отправились обратно, не получивъ ни полушки. Труппу пѣвцовъ на канатѣ постигла несравненно худшая участь: ихъ гардеробъ и другія вещи были удержаны въ трактирѣ за долгъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ знаменитый танцоръ Вестрисъ и жена его были приглашены прѣхать изъ Парижа въ Нью-Йоркъ на годъ. Содержатель театра обязался заплатить издержки путешествія, туда и обратно, и сверхъ-того дать имъ двадцать тысячъ долларовъ. Съ другой стороны Г. и Г-жа Вестрисъ условились давать представленія въ продолженіе известнаго времени въ Нью-Йоркѣ, Филадельфіи, Бостонѣ и въ другихъ городахъ, но съ тѣмъ, чтобъ они непременно танцовали въ Нью-Йоркѣ, когда вновь избранный президентъ, Джексоуъ, тамъ будетъ. Вестрисы прибыли въ Нью-Йоркъ, дали нѣсколько представлений, и были отправлены на двѣнадцать представлений въ Филадельфію, потомъ

въ другое, тамъ въ третье мѣсто. Хотя такая спекуляція не входила въ ихъ расчеты, но они не имѣли права ей противиться. Въ это время президентъ прѣѣхалъ въ Нью-Йоркъ: Вестрисъ тотчасъ поспѣшилъ туда, и уведомилъ директора о своемъ прибытіи. Несмотря на то, онъ не получилъ приглашенія явиться на сцену. Президентъ ухалъ. Но истеченіи года, Вестрисъ потребовалъ платы. На это требованіе директоръ отвѣчалъ также требованіемъ — двадцати двухъ тысячъ долларовъ за то, что Вестрисъ не танцевалъ въ Нью-Йоркѣ въ бытность президента! Могъ ли онъ выйти на сцену безъ всякихъ приготовленій къ балету, и безъ приказанія? Но на это не обратили вниманія, и онъ былъ присужденъ къ уплатѣ требуемой цени за то, что не выполнилъ *буквально* условій: въ контрактѣ было сказано, что ты долженъ танцевать въ бытность президента, — ты не танцевалъ, — причинъ оговорено не было, — заплати двадцать двѣ тысячи долларовъ (110,000 рублей)! Какъ не подивиться мудрости, точности и безпристрастію республиканскихъ законовъ, которыми такъ восхищаются въ Европѣ! Но изъ милости, Вестрисъ плясалъ въ Америкѣ цѣлый годъ даромъ, и былъ радехонекъ, что ему удалось ночью съ женою и ребенкомъ уйти въ шлюпку, въ открытое море, гдѣ ожидалъ его корабль, на которомъ онъ и возвратился во Францію.

Этотъ примѣръ Американскаго крючкотворства не устрашилъ Г. Ашиля, другаго знаменитаго балетнаго танцора: онъ и жена его рѣшились посѣтить Америку. Но они дали себѣ слово хорошенько обдумать контрактъ свой, и не допустить ни какого крючка. Для этого они обратились къ одному адвокату, извѣстному своей подьяческою смышленостію. Но кто можетъ все предвидѣть? Когда условный срокъ сталъ приходить къ концу, музыка, которая всегда была дурна, сдѣлалась прескверною; сцену не только перестали мести, но она была завалена всякою дрянью; словомъ, на ней не было возможности танцевать, не подвергаясь опасности упасть при первомъ прыжкѣ и разбить себѣ носъ. Напрасно Ашиль просилъ очистить доски: директоръ не сбралъ на него вниманія, а публика смѣялась. Ашиль объявилъ, что если не исполнять его просьбы, онъ не будетъ въ состояніи танцевать. «Если вы не можете танцевать, то

мы не можемъ платить,» отвѣчали ему. Между нимъ и директоромъ завязался споръ. Пылкій Французъ разгорячился. Въ ту же минуту явились двадцать свидѣтелей, готовыхъ присягнуть въ томъ, что Ашиль говорилъ дерзко свободному республиканцу; ему объявили процессъ, и сверхъ-того требовали, чтобы онъ служилъ посмѣшищемъ публикѣ, танцуя на грязной, скользкой и засоренной сценѣ. Отъ этого онъ рѣшительно отказался. Тогда его стали преслѣдовать за нарушение контракта. Онъ проигралъ и вторую тяжбу, отказался отъ уплаты наложенной на него огромной пени, и былъ посаженъ въ тюрьму. Жена его взяла съ собою деньги, которыя они сохраняли для трехъ дѣтей своихъ, оставшихся въ Европѣ, отправилась къ режиссеру, вошла съ нимъ въ переговоры, и, наконецъ, за двѣ тысячи долларовъ выпросила свободу мужа. Весь Нью-Йоркъ смѣялся о томъ, какъ славно Американецъ надулъ Европейца.

Нѣтъ въ свѣтѣ народа тщеславнѣе Американцевъ. Директоры театровъ приглашаютъ знаменитыхъ иностранныхъ артистовъ, единственно для удовлетворенія національной гордости, а мудрое законодательство избавляетъ ихъ отъ всѣхъ на это издержекъ. Чтокасается прямо до дарованій, до Изящныхъ Искусствъ, то Американцы ни сколько объ этомъ не заботятся. Самый дрянной оркестръ передаетъ имъ красоты самой лучшей оперы; голосъ отличнѣйшаго пѣвца заглушается безпрестаннымъ стукомъ въ партеръ отъ лаженья черезъ скамейки, харканіемъ, плеваньемъ табачнаго соку; а когда дають балеты, почти всѣ зрители обращаются спиною къ актерамъ. Однако жъ, несмотря на всѣ свои обманы, безнравственности, неучтивости, находили неблагопрістойнымъ и оскорбительнымъ для чистоты республиканскихъ нравовъ, что Французскія танцовщицы явились на сценѣ въ коротенькихъ юбочкахъ, подъ которыми у нихъ было еще ниже платье! Газеты подняли страшную тревогу, и не совѣстились кричать, что государству угрожаетъ опасность, что оно поколебалось въ своихъ основаніяхъ. Слѣдствіемъ этого шума было то, что госпожу Вестрисъ и госпожу Ашиль принудили выйти на сцену въ платьяхъ, доходившихъ по-крайнѣй-мѣрѣ до щиколотки, и надѣть подъ нихъ бѣлые, широкіе, Турецкіе панталоны. Эта метаморфоза бы-

да необходима для успокоенія умовъ: тогда только публика рѣшилась опять увидѣть танцовщицъ, которыхъ балетный костюмъ возбуждалъ всеобщее негодованіе.

НОВООТКРЫТАЯ РУКОПИСЬ ТОРКВАТО ТАССА. Уже два вѣка историки не могутъ согласиться насчетъ любовныхъ похожденій и заключенія Тасса. Объ этомъ писали диссертациі, романы, комедіи, фантазіи и нешуточные драмы: Тассъ на сценѣ то бредилъ какъ въ горячкѣ, то распѣвалъ какъ соловей. Между-тѣмъ ученые все еще сомнѣвались въ его волонтерствѣ, равно какъ и въ причинѣ его заточенія, и эти сомнѣнія породили столько же трактатовъ, сколько толкователи Данте написали ихъ объ его аллегорической гончѣй. Довольно того, что Данте говоритъ о собакѣ, и притомъ о будущей, или имѣющей быть; пусть каждый толкуетъ это пророчество, какъ ему угодно, — и кто знаетъ? — быть-можетъ, великій поэтъ, божественный созерцатель, прообразилъ въ этой собакѣ именно своихъ комментаторовъ. Что касается до Тасса, то почему бы, кажется, не повѣрить, что онъ ухаживалъ за Элеонорою, и былъ ею любимъ взаимно: какая въ мірѣ женщина могла устоять противъ знаменитаго чловека, поклонявшагося ея прелестямъ, и притомъ одареннаго такою идеальной красотой, такимъ рыцарскимъ характеромъ, какъ Торквато Тассъ? Мы думаемъ объ этомъ совершенно такъ, какъ Г. Кукольникъ.

Несмотря на то, господамъ ученымъ непремѣнно хотѣлось сомнѣваться въ существованіи этой связи. Что съ ними дѣлать! Право, они стали бѣ сомнѣваться въ собственномъ бытіи своемъ, если бѣ не умѣли дѣлать козней ближнему. Впрочемъ и не удивительно: эти господа не знаютъ толку въ любви, и душаютъ благородное движеніе сердца въ пыли фоліантовъ. Имъ каждое любовное объясненіе подкрѣпи ссылками на Геродота, на Нестора и Богъ — вѣсть на какую еще историческую древность!

Приступимъ къ дѣлу. Въ Римѣ, въ библіотекѣ Фальконіери, находится замкнутый ларчикъ. Его отпираютъ: въ немъ сокровище, бумажное, но неоцѣненное сокровище, — рукопись Тасса. Миссирини, авторъ жизнеописанія Кановы, получилъ позволеніе отъ настоящаго владѣтеля, Г. Альбер-

ти, рассмотреть автографъ; и писалъ объ немъ къ Леопольду Чиконьярь, не задолго до смерти этого славнаго историка ваянїя. Рукопись заключаетъ стихи частію любовнаго, частію гнѣвнаго содержанія, но они раздѣлены на нѣскольکو частей. Одна состоитъ изъ стихотвореній, найденныхъ герцогомъ Альфонсомъ, когда онъ задержалъ поэта въ Бельригуардо; другая изъ сочиненій, диктованныхъ Тассомъ, когда онъ былъ заключенъ въ монастырь Санъ-Франческо; третья найдена была въ комнатахъ Элеоноры послѣ ея смерти, а послѣдняя написана Тассомъ въ больницѣ Св. Анны.

Изъ этой рукописи можно неоспоримо заключить, что Тассъ держалъ пылать любовью къ принцессѣ Элеонорѣ, и что сестра Альфонса отвѣчала на его склонность, хотя только благороднѣйшею, платонической любовью. Однако жъ принцесса общалась съ нимъ когда-нибудь его женою, и эта успокоительная надежда конечно еще болѣе удерживала поэта въ предѣлахъ умѣренности.

Откровенный, благородный Тассъ, въ восторгѣ отъ предпочтенія, которое оказывала ему прелестная женщина, былъ такъ неостороженъ, что далъ по-крайней-мѣрѣ разумѣть притворному другу, Матало, о тайной своей страсти и невыразимомъ счастіи. Однажды Матало засталъ Тасса за любовнымъ сонетомъ, вырвалъ у него бумагу, и удалился.

Видъ себя отъ ярости, Тассъ вызвалъ предателя на поединокъ, который могъ бы худо кончиться для Матало, потому что Тассъ слылъ за самаго отважнаго и искуснаго бойца своего времени. Братья предателя стерегли поэта, чтобъ върломно убить его; но тщетно.

Тогда-то Альфонсъ привезъ Тасса въ помѣстье свое, Бельригуардо, какъ для отклоненія дальнѣйшихъ ссоръ, такъ и для того, чтобъ овладѣть документами, которые могли пролить достаточный свѣтъ на Тассовы отношенія къ Элеонорѣ.

Доставъ его бумаги и нашедши въ нихъ то, чего искалъ, онъ уличилъ ими поэта, и требовалъ, чтобъ онъ непременно притворялся сумасшедшимъ, и, чтобъ лучше увѣрить въ томъ весь свѣтъ, далъ себя лечить въ монастырь Санъ-Франческо.

Стихотворецъ общался и просилъ прощенія. Когда же онъ послѣ наставлялъ объ освобожденіи своемъ изъ мона-

стыря, и Герцогъ медлилъ рѣшеніемъ его участи, Тассо писалъ дерзкіе и ужасные стихи на Альфонса и на весь Дворъ, и даже посылалъ ихъ къ самому Герцогу, который наконецъ воскликнулъ: «Теперь не остается ни какого сомнѣнія: Тассъ совсѣмъ помѣшался!» Потомъ онъ велѣлъ заключить его въ темницу Св. Анны: дальнѣйшія обстоятельства должны быть всѣмъ известны.

Но чтобъ никто не думалъ, что у принцессы Элеоноры было каменное сердце, мы еще прибавимъ, что у того же Г. Альберти хранится книжечка, содержащая списокъ съ «Лабиринта любви» Боккачіо. На переплетѣ видны шитые золотомъ очерки Виллы Бельригуардо, а на первой страницѣ мадригалъ, писанный Тассовой рукою, въ которомъ онъ говоритъ, что эта книга — подарокъ Элеоноры, и шитье — ея прелестныхъ рукъ. «Изъ этого лабиринта выйду я тогда, говоритъ несчастный, когда выйдетъ у меня душа изъ тѣла.»

Нельзя не пожелать, чтобъ новооткрытая рукопись была скорѣе напечатана. Кто не прочтетъ съ сердечнымъ участіемъ этихъ поэтическихъ рыданій безнадежной любви? Три канцоны, сочиненныя Тассомъ въ послѣднемъ его заточеніи, невольно раздражаютъ душу.

Такъ говоритъ Миланская Газета, а мы за нею. Слава Богу, что дѣло кончено: Тассъ любилъ Элеонору, Элеонора любила Тасса, — и болѣе не объ чемъ спорить.

ОСТРОТЫ ГЁТЕ. Мы находимъ въ одномъ журналѣ нѣсколько юмористическихъ чертъ ума знаменитаго Германскаго поэта, и удивляемъ ихъ нашимъ читателямъ.

— Гёте любилъ совѣтоваться на счетъ трудовъ своихъ съ молодымъ Фоссомъ, жившимъ въ Веймарѣ. Этотъ пришелъ къ нему однажды съ его стихами въ рукѣ, и съ смиреннымъ видомъ, въ которомъ однако жъ проглядывало тайное торжество. «Господинъ Тайный Совѣтникъ! сказалъ онъ ему: у васъ въ одномъ гекзаметрѣ стопа лишняя-сь. — Покажи-ка! сказалъ Гёте. Да! въ самомъ дѣлѣ стихъ длиннѣе мѣры. Ну, да если ужъ онъ такой вышелъ, такъ оставь этого дурака въ покоѣ.»

— День рожденія Гёте всегда ознаменовывался множествомъ одъ, посланій, хвалебныхъ стиховъ, подносимыхъ ему поэтами. Разъ, получаетъ онъ піесу, въ которой сравнивали его просто съ божествомъ, приписывая ему такое же творческое могущество. «Ну! сказалъ Гёте: другіе бросають мнѣ въ ротъ кусочки сахара, а этотъ ужъ сахарницу.»

— Молодой Йенскій студентъ сидѣлъ однажды на диванѣ подлѣ Гёте, и разговаривалъ съ нимъ запросто. Вдругъ кто-то вошелъ. Гёте встаетъ, идетъ на встрѣчу, проситъ гостя на диванъ, а самъ садится на стулъ. Студентъ ни съ мѣста, и преспокойно продолжаетъ бесѣду. Наконецъ Гёте перерываетъ его и говоритъ: «Позвольте, господа! надо же васъ представить другъ другу. Рекомендую, — Йенскій студентъ, Г. Петерсенъ, — Его Королевское Высочество, Великій Герцогъ Веймарскій!»

— Гёте говорилъ объ Тиковой Геновезъ: «Когда Тикъ началъ читать мнѣ эту піесу, было восемь; когда онъ кончилъ, было одиннадцать: было ли девять и десять, я не слышалъ!»

Слѣдующій анекдотъ гораздо поважнѣе, и доказываетъ, какое вліяніе имѣлъ Гёте на все окружающее.

Ватага разгульныхъ студентовъ собралась въ Веймаръ съ тѣмъ, чтобъ итти въ театръ и помшумѣть. Выходятъ актеры, — и поднялся гвалъ ужасный. Гёте, сидѣвшій въ своей ложѣ, встаетъ съ мѣста, глядитъ на нихъ нѣсколько времени, и кричитъ имъ — Молчать! Въ минуту кончилась вся тревога. Студенты преклонили головы, и ни одинъ не осмѣлился возобновить шума.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. Le marchand fo-gain, *Ярмарочный торговецъ*, Комическая Опера въ трехъ дѣйствіяхъ, слова Г. Планара и Дюпора, музыка Марліани.

Это совершенно Нѣмецкій Романъ, чрезвычайно сложный, чрезвычайно запутанный, чрезвычайно наивный, чрезвычайно ужасный, чрезвычайно добродѣтельный. Г. Планаръ большой мастеръ располагать этого рода вещи: онъ устроиваетъ, улаживаетъ, завязываетъ, развязываетъ приключенія лучше, чѣмъ кто-нибудь.

Посреди веселаго деревенскаго празднества разгуливаетъ Сара, цыганка, и продаетъ пѣсни; а чтобы лучше продавать свои пѣсни, она поетъ ихъ. Мы бы очень охотно рассказали вамъ, что поетъ цыганка Сара, и какая запутанная исторія выходитъ изъ ея пѣнія; но эта исторія Опера, а Опера можетъ быть поддержана только музыкою, а музыка этой Оперы врядъ-ли поддержитъ ее на другихъ театрахъ, кромѣ Парижскихъ, и потому мы оставимъ эту исторію и ея авторовъ, и скажемъ что-нибудь о Г-нѣ Марліани, новомъ композиторѣ. Г. Марліани одинъ изъ тѣхъ молодыхъ Италіянцевъ, которые, надѣлавъ въ своемъ отечествѣ смятеній и шуму, уходятъ въ Парижъ, чтобы надѣлать тамъ гармоніи. После всякой революціи, прибыльнѣе быть музыкантомъ, чѣмъ революціонеромъ. Вслѣдствіе чего, Г. Марліани изъ карбонара сдѣлался композиторомъ, и написалъ въ прошломъ году музыку Оперы *il Bravo*, которая имѣла большой успѣхъ въ Парижѣ. Вторая его партія исполняетъ надежды, возбужденныя первою. Въ ней такія же музыкальныя идеи, то же легкое и пріятное пѣніе, тотъ же оркестръ весьма простой, поющій, но неровный и необработанный; и въ этомъ твореніи, такъ же какъ въ первомъ, слишкомъ видны музыкантъ-поохоты: онъ мало заботится о подробностяхъ. Вообще у Г-на Марліани недостатокъ не въ идеяхъ, а въ обработкѣ. Родъ его музыки есть смѣсь музыки Французской и Италіанской — двухъ музыкъ, которыя всего труднѣе соединить. Увертюра очень легка и пріятна. Интродукція — маленькая, очень хорошенькая сцена народной болтовни. Въ первомъ актѣ есть прекрасный дуэтъ. Во второмъ актѣ есть квартетъ, который можно похвалить, и тріо, которое въ Парижѣ заслужило рукоплесканія. Наконецъ, въ третьемъ актѣ надобно отличить хоръ, хотя онъ и напоминаетъ нѣсколько первый финалъ Семiramиды. Этого уже слишкомъ довольно, чтобы оправдать успѣхъ новаго творенія Г-на Марліани, которое однако жъ едва-ли перейдетъ на иностранныя театры. Для Парижской публики это весьма хорошая воскресная пьеса, которая долгое время будетъ пользоваться успѣхомъ, полученнымъ въ первое представленіе, потому что въ ней, кромѣ пріятной музыки, есть еще много денегъ и много добродѣтели. А,

изволите видѣть, это общее правило: чѣмъ болѣе авторъ сыплетъ денегъ и семейныхъ добродѣтелей, тѣмъ болѣе пьеса его будетъ имѣть успѣха по воскресеньямъ. Въ другіе дни другое дѣло: тогда надобно побольше преступленій, потому что тогда въ театрѣ ѣздятъ люди порядочные и образованные.

2. La Tempête, *Буря*, Водевиль въ одномъ дѣйствіи.

Это пародія Балета того же имени, — Бури, о которой мы говорили въ предыдущей книжкѣ. Дѣйствіе происходитъ въ Ирландіи. Какой-то Парижскій сидѣлецъ прилетаетъ туда на воздушномъ шарѣ, или лучше сказать, подъ воздушнымъ шаромъ Г. Леннокса, — того самаго Г. Леннокса, который въ нынѣшнемъ году собирался летѣть изъ Парижа въ Лондонъ, и полетѣлъ бы непременно, если бы шаръ не лопнулъ на мѣствъ, разсмѣшивъ и разсердивъ Парижскую публику. А тамъ, то есть, въ Ирландіи, живетъ Леа, хорошенькая дѣвушка, которую обожаютъ цѣлая дюжина угольщиковъ. Франтикъ сидѣлецъ отбиваетъ ее у нихъ, и похищаетъ при помощи своего шара. Все это ни сколько не умно и не забавно.

3. La Fabrique, *Фабрика*, Водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ.

Какой-то честный фабрикантъ бумажныхъ ночныхъ колпаковъ лежитъ при смерти. Онъ призываетъ къ себѣ сына, дочь, прикащика и кассира. Тутъ, онъ говоритъ сыну трогательную рѣчь, убеждаетъ его не оставлять кассира, любить сестру свою и со временемъ отдать ее замужъ за прикащика. Сынъ обѣщаетъ.

Во второмъ дѣйствіи старикъ фабрикантъ умеръ; между тѣмъ сынъ фабриканта забылъ всѣ свои обѣщанія. Онъ кутитъ на пропалую, мотаетъ не въ свою голову, и пустился на всѣ тяжкія. Онъ разъѣзжаетъ по свѣту, и вездѣ даетъ обѣды и балы. Между прочимъ, въ Бернѣ даетъ онъ вечеринку, которая обходится ему въ десять тысячъ франковъ, — что довольно дорого, особенно въ Бернѣ. Для довершенія своихъ шалостей, онъ связался съ какимъ-то архитекторомъ и хочетъ выдать за него сестру свою, къ великому ущербу известнаго вамъ прикащика. Тутъ въ фабрику происходятъ

страшныя вещи, о которыхъ мы не станемъ вамъ разсказывать. Являются танцовщицы, мошенники; пьютъ, гуляютъ и играютъ. Расхищеніе ужасное. Несчастнѣйшій прикащикъ, и кассиръ несчастнѣйшіе!

Въ третьемъ актѣ молодой фабрикантъ уже совершенно разорился. Фабрика его работаетъ какъ нельзя хуже, работники возмущаются, должники его банкротятся, такъ, что онъ и самъ отъ этого не далеко. Къ счастью, кассиръ и прикащикъ отца его поспѣшаютъ къ нему на помощь. Все спасено: плута архитектора выводятъ на свѣжую воду, прикащикъ женится на сестрѣ своего хозяина, производство ночныхъ колпаковъ начинается лучше чѣмъ когда нибудь, и все обстоитъ благополучно.

4. *Le Mari de la Favorite, Мужъ фаворитки*, Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ, Гг. Сентина и Массона. Г. Сентинъ недавно издалъ первую часть своего Романа, подъ тѣмъ же заглавіемъ. Теперь спрашивается: Комедію ли изъ Романа взялъ Г. Сентинъ, или Романъ сдѣлалъ изъ Комедіи? Какъ бы то ни было, но Г. Сентинъ, поймавъ гдѣ-то мысль, сдѣлалъ изъ нея Романъ и Комедію, какъ иныя изъ одной служанки дѣлаютъ совѣтника и кухарку.

Мужъ фаворитки — Г. Марильякъ, племянникъ маркиза Марильяка, который былъ казнень за то, что не правился Кардиналу Ришелье, и сынъ хранителя печати Марильяка, который умеръ съ горя отъ того, что лишился брата и мѣста. Фаворитка, или любимица, — дѣвица Луиза Делапортъ, а любить ее, по обыкновенію своему честно и непорочно, Король Лудовикъ XIII; а она со своей стороны любитъ Лесюэра, знаменитаго живописца, творца картины «Мука Св. Гервасія и Протасія», и галереи Св. Бруно.

Въ первомъ дѣйствіи Лесюэръ встрѣчается въ трактирѣ по Шантильйской дорогѣ съ пріятелемъ своимъ, Марильякомъ, и разсказываетъ ему, что онъ писалъ въ Благовѣщенскомъ монастырѣ одну картину, и что одна молоденькая пенсіонерка служила ему натурщицею; что, по примѣру Филиппо Липпи, онъ влюбился въ оригиналъ свой и приобрѣлъ любовь его. А надобно вамъ знать, что эта пенсіонерка не кто иная, какъ дѣвица Делапортъ, которая ско-

ро проѣдетъ мимо трактира въ Шантильи. Ну, такъ увеземъ же пенсіонерку! говоритъ Марильякъ; и нѣсколько знатныхъ молодыхъ людей общаются помочь имъ. Во второмъ дѣйствіи, второй трактиръ, но тутъ уже дѣла перемѣнились. Во время похищенія, Марильякъ видитъ, что эта пенсіонерка не кто иная, какъ Луиза Делапортъ, на которой Кардиналъ Ришелье заставляетъ его жениться, угрожая въ противномъ случаѣ отрубить ему голову за какой-то заговоръ, и съ таковымъ притомъ условіемъ, чтобы онъ былъ только *нарицательнымъ* мужемъ дввицы Делапортъ, а она любовницею Людовика XIII. Марильякъ, изъ похитителя, дѣлается защитникомъ пенсіонерки. Похищеніе не удается. Лесюэръ, съ отчаянія, отправляется туда, куда отправляются всѣ великіе и невеликіе живописцы, — въ Италію. Онъ возвращается оттуда за нѣсколько минутъ до четвертаго дѣйствія, и все еще влюбленный. Между-тѣмъ Марильякъ женился на Г-жѣ Делапортъ и, что еще хуже, влюбился въ свою жену послѣ брака, но это не ведетъ его ни къ чему.

Однажды какал-то богатая дама присылаетъ за Лесюэромъ, чтобы заказать ему портретъ свой, и вы можете вообразить, какъ онъ радуется, когда узнаетъ въ этой дамѣ Луизу Делапортъ. Луиза говоритъ бѣдному свосму обожателю много милаго и прѣзнаго, и только забываетъ рассказать ему одинъ певажный случай въ своей жизни: именно, что она вышла замужъ за Г. Марильяка. Не зная этого обстоятельства, Лесюэръ проситъ пріятеля своего, Марильяка чтобы онъ представилъ его королю, и Марильякъ дѣйствительно представляетъ Лесюэра королю. На этой аудіенціи, Лесюэръ безъ околичностей приступаетъ къ своему дѣлу: «Государь, говоритъ онъ, сдѣлайте меня дворяниномъ.» — Для чего? спрашиваетъ король. — «Для того, что дввица Луиза Делапортъ дворянка, а я хочу на ней жениться,» отвѣчалъ Лесюэръ. Положеніе короля, мужа и любовника довольно забавно, но самое происшествіе не правдоподобно. Живописецъ, скульпторъ не осмѣлился бы въ то время просить Французскаго короля сдѣлать его дворяниномъ, чтобы онъ могъ жениться, какъ нынче во Франціи просятъ министра сдѣлать чѣсъ рижетмейстеромъ или кавалеромъ Почетнаго Легіона

для того, чтобы дѣвушка, которую вы любите, не отказалась выйти за васъ замужъ.

Последнее дѣйствіе запутано и не развито. Оно происходитъ въ мастерской Лессъэра, куда все дѣйствующія лица собираются какъ бы по заказу, не знаю какъ, не знаю для чего. Какъ бы то ни было, но Марильякъ поступаетъ честно, избавляетъ жену свою отъ большой опасности, и его назначаютъ посланникомъ въ Мадридъ. Такова эта Комедія, которую очень хвалятъ — пріятель автора.

5. Mon ami Grandet, *Пріятель мой Гранде*, Водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, Гг. Ансело и Камберусса.

Изъ Селмены Мольера и «Исправленной кокетки» Лану, Г. Ансело сострепалъ своего пріятеля Гранде, небольшую драму, очень неправдоподобную, но довольно интересную. Генераль Жюмильи, Наполеоновскій солдатъ, влюбленъ въ знатную даму Сень-Жерменскаго предмѣстія, герцогиню Ланже. Хорошенькая кокетка, герцогиня приводитъ бѣднаго генерала въ отчаяніе; она всячески мучитъ его; она вспыльчива, она капризна, мила до крайности; она смѣется и плачетъ, — то выгоняетъ бѣднаго своего обожателя, то опять призываетъ его. Бѣдный Жюмильи не знаетъ что дѣлать, и открываетъ горе свое пріятелю своему, Гранде.

Пріятель Гранде шутить не любитъ. Онъ хочетъ, и четъ непременно, чтобы герцогиня волею или неволею любила его друга. Онъ является къ Г-жѣ Ланже, и безъ околичностей спрашиваетъ ее: Хотите ли вы сегодня же выйти за генерала Жюмильи? Да, или нѣтъ? вмѣствъ съ тѣмъ пріятель Гранде надѣваетъ шляпу. Герцогиня велитъ людямъ вытолкать этого неучтивца, а сама отправляется на балъ.

Второе дѣйствіе. Пріятель Гранде еще не поддается. Онъ подкарауливаетъ герцогиню, и приноситъ ее въ обморокъ — куда бы вы думали? — въ комнату генерала Жюмильи. Жюмильи, который читалъ въ то время журналъ, продолжаетъ читать цопрежнему. Наконецъ Г-жа Ланже приходитъ въ себя, и спрашиваетъ: Гдѣ я? Готовясь отвѣчать ей, генераль, человекъ свѣтскій, бросается на коробочку съ курительными свѣчками — Я забылъ, говоритъ онъ герцогинѣ, что вы привыкли жить въ благовоной атмосферѣ! — и зажигаетъ

курительную свѣчку. Забавный способъ развить благоуханіе въ атмосферѣ!

Потомъ Жюмильи осыпаетъ кокетку упреками. Она отвѣчаетъ какъ нельзя лучше. Пріятель Гранде, который слушаетъ этотъ разговоръ, играя на флейтѣ, находитъ, что герцогиня еще не довольно смущена. Онъ призываетъ какихъ-то господина и госпожу, чтобы сдѣлать ихъ свидѣтелями этой сцены. Герцогиня, попавшись въ эту двойную западню, защищается какъ женщина умная и неустрашимая: она пристыжаетъ этихъ троихъ мужчинъ, почти такъ же какъ Селимена, только не съ такимъ хладнокровіемъ, не съ такою вѣдкою ироніею; потомъ она уходитъ гордо, но, — странная вещь, — съ сердцемъ, исполненнымъ любви къ генералу Жюмильи. Прошу послѣ этого оскорблять женщинъ!

Наконецъ, въ третьемъ дѣйствіи, вы опять видите герцогиню; но бѣднѣйка очень перемѣнилась. Теперь она вздыхаетъ, она влюблена какъ пятнадцатилѣтняя дѣвочка; она всѣхъ боится, всѣхъ ласкаетъ, даже самого Гранде. Этого мало: гордая герцогиня рѣшается писать къ Жюмильи, и смотритъ въ окно, не вѣдетъ ли онъ.

Пріѣзжаетъ Гранде. Онъ все такой же грубіанъ, какъ прежде. Онъ начинаетъ съ того, что оскорбляетъ тетку Г-жи Ланже, княгиню, которая отвѣчаетъ ему какъ слѣдуетъ. Гранде опять такъ надѣваетъ шляпу! Нужды нѣтъ, герцогиня не выгоняетъ его: Гранде — другъ чловѣка, котораго она обожаетъ. Она дрожитъ, она сдѣлалась тихою, смиренною, покорною; она боится, чтобы Жюмильи, между вторымъ и третьимъ дѣйствіемъ, не женился на другой. Но нѣтъ, онъ вѣренъ ей: получивъ письмо герцогини, онъ бѣжитъ, спѣшитъ, является, прощаетъ, и женится. Пріятель Гранде будетъ у него шаферомъ. Г. Ансело будетъ на этой свадьбѣ зажигать курительныя свѣчки, для развитія «благоуханія» въ атмосферѣ.

Въ этой пьесѣ, какъ мы уже говорили, много невѣроятнаго и страннаго. Г. Гранде обходится очень неучтиво съ двумя дамами, которыхъ онъ долженъ бы уважать, Г. Жюмильи очень жестокъ съ женщиною, которую онъ любитъ, и которая виновата только тѣмъ, что заставляетъ его дож-

даться; поведеніе этихъ двухъ господъ, которые похищаютъ даму съ бала, чтобы объясниться съ нею, и заставляють ее нюхать курительныя свѣчки, также не совсѣмъ прилично и похвально. Но какъ бы то ни было, а все это идетъ, движется и держится вмѣстѣ нѣсколькими счастливыми выраженіями и хорошими сценами.

6. *Lord Byron à Venise, Лордъ Байронъ въ Венеціи*, Драма въ трехъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ, Г. Ансело.

Каждая почта привозитъ намъ какую нибудь новую Драмѣ фабрики Г-на Ансело; но послѣ этой Драмы мы, я думаю, перестанемъ говорить о Г-нѣ Ансело и его Драмахъ. Эта Драма, если только можно назвать Драмою, рядъ разговоровъ безъ цѣли и безъ занимательности, цѣпь тирадъ обо всемъ, или, лучше сказать, ни объ чемъ, — непрерывныя выходы бесполезныхъ дѣйствующихъ лицъ, которые приходятъ на сцену безъ причины, — эта Драма одна изъ худшихъ, какія только когда-либо испытывали терпѣніе Парижской публики, — а Парижская публика нынче очень терпѣлива! Но этого еще мало, что Драма Г. Ансело дурна; она — дурной поступокъ. Г. Ансело вывелъ на сцену честную и добродѣтельную женщину, которая еще въ живыхъ, — мѣди Байронъ. Въ первомъ дѣйствіи, на сценѣ, посреди Венеціанской площади стоитъ софа; на софѣ посреди площади лежатъ лордъ Байронъ, около лорда Байрона, посреди площади стоятъ три его любовницы. Во второмъ дѣйствіи корсарь Трелони, слуга или пріятель лорда Байрона, старается помирить его съ женою. Въ третьемъ, лордъ Байронъ ни какъ не можетъ помириться съ женою, и они разъѣзжаются, наговоривъ глупостей, — она отправляется въ Англію, онъ въ Грецію. Ай, ай, Г. Ансело!

СЛОВЕСНОСТЬ ВО ФРАНЦІИ. Статья Г. Граніе-де-Кассаньяка, «О школахъ въ нынѣшней Французской Словесности,» помѣщенная во второмъ отдѣленіи этой книжки, содержитъ въ себѣ столько новыхъ подробностей о предметѣ, который мы обыкновенно здѣсь разсматриваемъ, что намъ очень мало остается досказать въ этомъ мѣстѣ. Digitized by Google

— Важнѣйшее нынче обстоятельство—затруднительное положеніе, въ которомъ опять находится книжная торговля во Франціи. Съ нѣкотораго времени сбытъ книгъ въ Парижъ упалъ совершенно. Журналы и литераторы только удивляются, и не придумаютъ, отъ чего это происходитъ. Журналы, и особенно литераторы, должны бы спросить себя, что такое произвели они въ теченіе года, что бы могло поддержать книжную торговлю, и доставить ей обширную продажу. Г. Бальзакъ, посредствомъ повременныхъ изданій, приглашаетъ всѣхъ литераторовъ на совѣщаніе, въ которомъ имѣютъ быть приняты мѣры къ спасенію Словесности и ея торговли; эти собранія будутъ происходить подъ предсѣдательствомъ какой-то необыкновенной «знаменитости». Между—тѣмъ два значительнѣйшіе книгопродавца приняли мѣры для собственнаго своего спасенія: одинъ объявлялъ, что будетъ продавать новыя книги по части Словесности за половину цѣны, то есть, томъ по 3 франка 75 сантимовъ, вмѣсто семи франковъ, какъ до-сихъ-поръ водилось; другой (Г. Дюпонъ) обѣщаетъ пускать ихъ въ ходъ по цѣнѣ, соразмѣрной съ тою, какую самъ заплатитъ автору за рукопись. Первый нашель уже подражателей; на другаго — ужасный крикъ со стороны литераторовъ!

— Г. Септинъ съ своимъ книгопродавцемъ придумали третье, очень замысловатое средство поддержать Искусство и карманы: оно состоитъ въ томъ, чтобы писать Романы безконечные, не опредѣляя числа томовъ, и издавая книгу по частямъ или по отдѣленіямъ, еженедѣльно, отъ Покрова до Оумна Воскресенья. Кому первая двѣ или три части понравились, тотъ будетъ, изъ любопытства, покупать и остальные, хотя бы онѣ были хуже или даже совсѣмъ неинтересны: онѣ непременно купить остальные, — хоть бы для того, чтобъ имѣть удовольствіе бранить автора и книгопродавца! Расчетъ хитрый и вѣрный. И вотъ какъ для насъ, добрые люди, производить умственные наслажденія и Прекрасное! Возвращаются времена Ричардсоновы, времена Родановъ въ пятнадцать и восемнадцать томовъ. Теперь вы можете, закупаая дрова на зиму, дать задатокъ въ книжной лавкѣ на нужную вамъ зимнюю пропорцію ума и таланта ва-

него любимого автора, и будете жить семь мѣсяцовъ тепло и весело. Г. Сентинъ вѣстятъ съ своимъ книгопродавцемъ, Амбруазомъ Дюпономъ, уже приехали въ исполненіе эту прекрасную мысль, очень серьезно одобряемую въ некоторыхъ журналахъ какъ полезное нововведеніе. Они уже издали первую часть Романа—«Любимица Лудовика XIII,» и будутъ продолжать его всю зиму. Кто хочетъ? Подписывайтесь. Романъ славный! Первая часть, говорятъ, пріятна; вторая, обѣщаютъ, будетъ ужасна. Правда, что Г. Сентинъ началъ свое романтическое поприще только тѣмъ, что отрезалъ своему герою языкъ и руки: не надобно же начать тѣмъ-нибудь! Съ тѣхъ поръ однако жъ онъ усовершенствовался: онъ все движется впередъ, — *M. Saintine est en progrès*, — и вы можете быть увѣрены, что васъ не обманываютъ, общая второй томъ ужасный.

— Мы уже сказали въ предъидущей книжкѣ Б. для Ч., что Г. Жюль Жаненъ издалъ три части «Исторіи Поэзій у всѣхъ народовъ». Чтобы не вводить въ заблужденіе тѣхъ, которые добродушно судятъ о книгахъ по буквальному значенію изъ заглавій, и готовы искать для себя просвѣщенія подлунною ученою вывѣскою — Исторія Поэзій у всѣхъ народовъ, мы должны предупредить ихъ, что эта Исторія не что иное какъ Повѣсти, — сказки, способныя забавлять однихъ дѣтей. Г. Жюль Жаненъ, очень хорошо зная, что такое Исторія Поэзій, потому что онъ писатель и съ познаніями и съ несомненнымъ талантомъ, по-видимому или хотѣлъ обмануть публику этимъ заглавіемъ, или считаетъ ее составленною изъ мальчишекъ, которые еще не въ силахъ понимать такихъ возвышенныхъ предметовъ. Послѣ подобныхъ признаковъ литературнаго ребячества право не удивительно, что книжная торговля упала.

— Говоря о ребячествахъ, нельзя не упомянуть и объ «Исторіи XVI столѣтія во Франціи», многоученаго Библиофила Жакоба, который говоритъ въ предисловіи: «Я не сужу, — я представляю истину суду, живописую.» Какъ бы вы думали, знаменитый историкъ представляетъ истину, живописуетъ? Въ этой компіляціи, — потому что «Исторія XVI столѣтія во Франціи» есть простая компіляція, — онъ выводитъ

историческія лица на сцену, и заставляетъ ихъ разговаривать своей кашею обѣтшальныхъ Французскихъ словъ, поддѣльнаго стариннаго нарѣчія! Размазанная на губахъ героевъ историческихъ его Повѣстей, эта каша могла нѣкоторое время производить эффектъ и возбуждать смѣхъ въ читателѣ, но въ Исторіи только дѣтямъ простительно живописать ея событія.

— Сочиненіе Карла Нодіе, *Notions élémentaires de linguistique*, подверглось въ *Revue de Paris* строгой критикѣ, которой оно заслуживало за свои поверхностныя теоріи по части языкознанія. Напротивъ, недавно вышедшій «Опытъ Исторіи Философіи во Франціи въ XIX столѣтіи», Г. Дамирона, удостоивается большихъ похвалъ во многихъ журналахъ.

— Да будетъ всѣмъ извѣстно, кому о томъ вѣдать подлежить, что великій Корнель, какъ драматическій писатель, не стоитъ Скриба: это доказалъ знаменитый Г. Александръ Дюма, въ рѣчи, произнесенной имъ въ торжественномъ заведеніи Руанской Академіи. Новѣйшихъ извѣстій о состояніи Французской Словесности мы не получали: это самая послѣдняя, — что Корнель сталъ ниже Скриба.

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ АНГЛІИ. Великолѣпные альманахи продолжаютъ появляться одни за другими. Извѣстная Г-жа Брѣ (*Bray*) издала новый историческій Романъ, *Warleigh, or the Fatal oak*, въ которомъ есть храбрые рыцари, которые поютъ пѣсни, — есть старыя вѣдьмы, которыя летаютъ на метлахъ, — есть коварные гридни, которые дышатъ измѣною, — есть прелестныя женщины, которыя любятъ луну и поэзію, — есть интересные юноши, которые хвастаютъ и влюбляются до безумія, — благородные разбойники и великодушные нищія, любовь и страданія, много словъ и мало дѣйствія, — словомъ есть все, что нужно для историческаго Романа, случившагося въ послѣдній годъ царствованія Карла I. Это однако жъ не отнимаетъ у сочиненія всей его занимательности: Г-жа Брѣ обладаетъ особеннымъ даромъ живописать любовь самыми прелестными красками, — что всегда чрезвычайно нравится читательницамъ.

— Въ Англии, такъже какъ и у насъ, какъ и вездѣ въ нынѣшнее время, поэты превращаются въ прозаиковъ. Миссъ Лендонъ издала уже два Романа: первый былъ — *Romance and Reality*; второй, нынѣ вышедшій изъ печати, называется «Франческа Каррара». Въ этой исторической Повѣсти много художества и поэтическаго воображенія. Миссъ Лендонъ разлагаетъ и описываетъ женское сердце съ удивительною точностью, съ совершеннымъ знаніемъ предмета; картины жгучихъ чувствованій и дикой Природы у нея вообще превосходны.

— Но твореніе, которое имѣетъ теперь величайшій успѣхъ въ Лондонѣ, и оспариваетъ читателей даже у послѣдняго Романа Г. Болъвера и, у *Tilney Hall* Г. Гуда, — это «Анна Грей», тоже историческая Повѣсть и тоже произведеніе одной дамы. Фамилія сочинительницы намъ неизвѣстна. Леди Морганъ также издала новый Романъ, *The Princess*, о которомъ мы не имѣемъ еще ни какихъ свѣдѣній.

— Прошедшій мѣсяцъ въ Лондонѣ былъ чрезвычайно обилень переводами, и особенно переводами съ Нѣмецкаго.

— Изъ числа новыхъ Путешествій препоручаемъ вниманію любителей этого рода книгъ Путешествіе Г. Вебстера, *Voyage of Chanticleer*, изъ котораго мы помѣстили въ этой книжкѣ нѣсколько очень любопытныхъ отрывковъ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

Французскія.

HISTOIRE DES FRANÇAIS, par *Sismonde de Sismondi*. Tome XIX.

HISTOIRE DE LA MARINE FRANÇAISE depuis le XV siècle jusqu'à nos jours, par *M. Eugène Sue*. 10 vol.

CORRESPONDANCE D'ORIENT, 1830 — 1831, par MM. *Michaud* et *Poujolat*. Tome V.

CORRESPONDANCE INÉDITE de Mme Campan et de la Reine Hortense. 2 vol.

EBAUCHES d'un Essai sur les notions radicales, par *A. Pichard*. 2 vol.

DE LA REFORME en Italie au XVI siècle, par *Th. Maccré*. 1 vol.

LETTRES écrites en 1786 et 1787; publiées par *M. Ballanche*. 1 vol.

- PAROLE** de Providence, par *Clarisse Vigoureux*. 1 vol.
DE L'ESPRIT RELIGIEUX au XIX siècle, par *Victor Lagracerie*.
 1 vol.
ELEMENS D'HISTOIRE NATURELE, précis complet de cette science, par *Sauverotte*, docteur en méd. 3 vol.
LE CORPS DE L'HOMME, ou l'Anatomie et la Physiologie humaines mises à la portée de tout le monde, avec 192 gravures coloriées. Par le docteur *Galet*.
COURS DE DROIT ADMINISTRATIF, appliqué aux travaux publics, par *M. Cotelle*. 2 vol.
HISTOIRE DE L'ADMINISTRATION en France, de l'agriculture, des arts utiles, du commerce, etc., par *C. A. Costaz*. 2 vol.
BIBLIOTHEQUE CONTEMPORAINE, ou Revue des opinions actuelles sur la religion, la politique et l'économie politique *Nouveau Journal*, paraissant par trimestre.

MANOEL, roman inédit, par *Alphonse Royer*. 1 vol.
PARVENIR, roman, par *Cochu*. 1 vol.
LE FERROQUET de Walter-Scott; par *Amédée Pichot*. 2 vol.
LES CONCINI, roman, par *J. Brisset*. 2 vol.
UNE MAITRESSE DE LOUIS XIII, roman, par *M. Saintine*, auteur du *Mutilé*. Vol. III.
LA SONNAMBULE, souvenirs de Dresde, par *Mme S****. 1 vol.
EXAMEN DES TRAGIQUES anciens et modernes, dans lequel le système romantique et classique sont jugés et comparés, par *M. Martine*, de Genève. 3 vol.

Англійскія.

- EDINBURG CABINET LIBRARY**. Lives of eminent zoologists. Vol. I. Aristotle to Linnaeus. By *Macgillivray*.
LARDNER'S CYCLOPAEDIA, Vol. LVIII. A preliminary discourse on the study of Natural History. By *W. Swainson*.
VOYAGE of His Majesty ship Chanticleer, made in the years 1829 — 1831, under the command of the late Captain Henry Forster. By *W. Webster*, surgeon of the vessel. 2 vols.
MISSIONARY RESEARCHES in Armenia. By *Eli Smith* and *H. Dwight*, american missionaries. 1 vol.

ANNE GREY, a novel. Edited by author of *Granby*. 3 vols.
WARLEIGH, or the Fatal oak, a legend of Devon. By *Mrs. Bray*, author of *Fitz of Fitz-Ford*. 3 vols.
THE PRINCESS, a tale. By *lady Morgan*. 3 vols.
VILLAGE REMINISCENCES, a tale. By an old maid. 3 vols.
FRANCESCA CARRARA, a novel. By the author of *Romance and Reality*. 3 vols.

TRANSLATIONS in to English verses from the poems of Davyth ap Gwilym, a Welsh bard of XIVth century. 1 vol.

ANNUALS FOR 1835. — The Amulet. — The Illvenile Forget-me-not. — The Token and Atlantic Souvenir. — The Comic offering. — Fisher's Drawing-room scarp-book. — Friendship's offering. — The New-year's Taken, etc., etc.

Нѣмецкія.

UEBER DIE CONVULSIONEN im kindlichen Alter, von *J. Zangertl*. Wien.

DER GEFAEHRTE auf Reisen in den österr. Kaiserstaat. Für Reisende jeden Standes u. Zweckes, nach den neuesten u. bewährtesten Quellen bearbeitet, von *Er. Tschiska*. Wien.

HESSISCHES VOLKSBUCH, oder Denkwürdigkeiten aus dem Vaterlande. Zur Warnung, Belehrung und Unterhaltung. Zunächst für Volksschulen und den Landmann. Von *G. W. J. Wagner*. Darmstadt.

KRITISCH-GESCHICHTLICHE UEBERSICHT der Ereignisse in Europa seit dem Ausbruche der französischen Staatsumwälzung bis auf den Congress von Verona. Von *H. von Keyserlingk*. Leipzig.

HISTORISCHE DENKWUERDIGKEITEN. Darstellungen aus der neuern Zeitgeschichte, in Bezug auf merkwürdige Personen u. Thatsachen. Nach den neuesten französischen Memoiren und andern Werken dieser Art bearbeitet von *K. Geib*. 1r Theil. Mannheim.

EINIGE ZWEIFEL UND BEMERKUNGEN gegen einige Ansichten über die deutschen Universitäten, deren Verfall und Reform, von *Dr. V. A. Huber*. Hamburg.

BILDER AUS MUENCHEN, von *G. F. Bland*. Heidelberg.

ANTIHOMEOPATISCHES ARCHIV, herausgegeben von *Dr. F. A. Simon jun*. Erster Band, erstes Heft. Hamburg.

ENCYCLOPAEDIE der classischen Alterthumskunde. Ein Handbuch f. Studirende und jeden Gebildeten. Von *Ch. Th. Schuch*. Mit einem Vorworte von *Fr. Creuzer*. 1sten Bandes 1stes Heft. Heidelberg.

BESCHREIBUNG des Königreichs Baiern nach den neuesten Bestimmungen. Von *Dr. K. F. Hohn*. München.

GESCHICHTE eines deutschen Stinnetzen, von *Fr. Beck*. Herausgegeben von der Gesellschaft für deutsche Alterthumskunde in München. München.

DIE GESCHICHTE des osmanischen Volkes, von *K. Fried*. Erstes Bändchen. Leipzig.

- PAROLE** de Providence, par *Clarisse Vigoureux*. 1/2 vol.
DE L'ESPRIT RELIGIEUX au XIX siècle, par *Victor Lagracière*.
 1 vol.
ÉLÉMENTS D'HISTOIRE NATURELE, précis complet de cette science, par *Sauterotte*, docteur en méd. 3 vol.
LE CORPS DE L'HOMME, ou l'Anatomie et la Physiologie humaines mises à la portée de tout le monde, avec 192 gravures coloriées. Par le docteur *Galet*.
COURS DE DROIT ADMINISTRATIF, appliqué aux travaux publics, par *M. Cotellet*. 2 vol.
HISTOIRE DE L'ADMINISTRATION en France, de l'agriculture, des arts utiles, du commerce, etc., par *C. A. Costaz*. 2 vol.
BIBLIOTHEQUE CONTEMPORAINE, ou Revue des opinions actuelles sur la religion, la politique et l'économie politique *Nouveau journal*, paraissant par trimestre.

-
- MANOEL**, roman inédit, par *Alphonse Royer*. 1 vol.
PARVENIR, roman, par *Cochu*. 1 vol.
LE FERROQUET de Walter-Scott; par *Amédée Pichot*. 2 vol.
LES CONCINI, roman, par *J. Brisset*. 2 vol.
UNE MAITRESSE DE LOUIS XIII, roman, par *M. Saintine*, auteur du Mutilé. Vol. III.
LA SOMNAMBULE, souvenirs de Dresde, par *Mme S****. 1 vol.
EXAMEN DES TRAGIQUES anciens et modernes, dans lequel le système romantique et classique sont jugés et comparés, par *M. Martine*, de Genève. 3 vol.

Английска.

- EDINBURG CABINET LIBRARY**. Lives of eminent zoologists. Vol. I. Aristotle to Linnaeus. By *Macgillivray*.
LARDNER'S CYCLOPAEDIA, Vol. LVIII. A preliminary discourse on the study of Natural History. By *W. Swainson*.
VOYAGE of His Majesty ship Chanticleer, made in the years 1829 — 1831, under the command of the late Captain Henry Forster. By *W. Webster*, surgeon of the vessel. 2 vols.
MISSIONARY RESEARCHES in Armenia. By *Eli Smith* and *H. Dwight*, american missionaries. 1 vol.

-
- ANNE GREY**, a novel. Edited by author of Granby. 3 vols.
WARLEIGH, or the Fatal oak, a legend of Devon. By *Mrs. Bry*, author of Fitz of Fitz-Ford. 3 vols.
THE PRINCESS, a tale. By lady *Morgan*. 3 vols.
VILLAGE REMINISCENCES, a tale. By an old maid. 3 vols.
FRANCESCA CARRARA, a novel. By the author of Romance and Reality. 3 vols.

TRANSLATIONS in to English verses from the poems of Davyth ap Gwilym, a Welsh bard of XIVth century. 1 vol.

ANNUALS FOR 1835. — The Anulet. — The Illvenile Forget-me-not. — The Token and Atlantic Souvenir. — The Comic offering. — Fisher's Drawing-room scarp-book. — Friendship's offering. — The New-year's Taken, etc., etc.

Нѣмецкія.

UEBER DIE CONVULSIONEN im kindlichen Alter, von *J. Zangertl.* Wien.

DER GEFAEHRTE auf Reisen in den österr. Kaiserstaat. Für Reisende jeden Standes u. Zweckes, nach den neuesten u. bewährtesten Quellen bearbeitet, von *Er. Tschiska.* Wien.

HESSISCHES VOLKSBUCH, oder Denkwürdigkeiten aus dem Vaterlande. Zur Warnung, Belehrung und Unterhaltung. Zunächst für Volksschulen und den Landmann. Von *G. W. J. Wagner.* Darmstadt.

KRITISCH-GESCHICHTLICHE UEBERSICHT der Ereignisse in Europa seit dem Ausbruche der französischen Staatsumwälzung bis auf den Congress von Verona. Von *H. von Keyserlingk.* Leipzig.

HISTORISCHE DENKWUERDIGKEITEN. Darstellungen aus der neuern Zeitgeschichte, in Bezug auf merkwürdige Personen u. Thatsachen. Nach den neuesten französischen Memoiren und andern Werken dieser Art bearbeitet von *K. Geib.* 1r Theil. Mannheim.

EINIGE ZWEIFEL UND BEMERKUNGEN gegen einige Ansichten über die deutschen Universitäten, deren Verfall und Reform, von *Dr. V. A. Huber.* Hamburg.

BILDER AUS MUENCHEN, von *G. F. Blaul.* Heidelberg.

ANTIHOMEOPATISCHES ARCHIV, herausgegeben von *Dr. F. A. Simon jun.* Erster Band, erstes Heft. Hamburg.

ENCYCLOPAEDIE der classischen Alterthumskunde. Ein Handbuch f. Studirende und jeden Gebildeten. Von *Ch. Th. Schuch.* Mit einem Vorworte von *Fr. Creuzer.* 1sten Bandes 1stes Heft. Heidelberg.

BESCHREIBUNG des Königreichs Baiern nach den neuesten Bestimmungen. Von *Dr. K. F. Hohn.* München.

GESCHICHTE eines deutschen Stinnetzen, von *Fr. Beck.* Herausgegeben von der Gesellschaft für deutsche Alterthumskunde in München. München.

DIE GESCHICHTE des osmanischen Volkes, von *K. Friedl.* Erstes Bändchen. Leipzig.

DIE MODUS im Hauptsatze. Eine Zusammenstellung der Ausdrucksweisen dafür im Griech., Lat., Franz., Engl., Deutschen u. A. (als Anhang) im Hebr., von *J. König*. Crefeld.

WELCHE GESUNDBRUNNEN sind die heilsamsten? Beantwortet vom Professor Kirchmayr in München. München.

UEBER DEN BESCHLAG und die Behandlung gesunder und kranker Füße der Pferde. Von Dr. *H. A. Wüstefeld*. Göttingen.

EMIGRANT UND STOIKER. Die Sprüche des Diognis und die Satiren des A. Persius Flaccus. Deutsch von Dr. *W. E. Weber*. Mit Anmerkungen. Bonn.

DIE AESTHETIK aus dem Gesichtspuncte Gebildeter Freunde des Schönen. Vorlesungen, gehalten zu Bremen, von Dr. *W. E. Weber*. Darmstadt.

ANDRONIKOS Von Dr. *W. Seyffahrt*. 3 Theile Leipzig.

ERZAEHLUNGEN UND NOVELLEN. Von *C. von Wachsmann*. 5 u. 6 Bändchen. Leipzig.

DIE BELAGERUNG MAESTRICHTS. Ein Trauerspiel in fünf Aufzügen. Von *J. C. Hauch*. Leipzig.

MITTHEILUNGEN über Göthe und Schiller, in Briefen, von *H. Voss*. Herausgegeben von *A. Voss*. Heidelberg.

DIE SEERAEUBER auf Rügen. Historisch - Romantische Erzählung aus dem XII Jahrhundert, von *E. Wehrmann*. Frankfurt.

PRISEN ZUM FRUEHSTUECK. Ein Beitrag zu Gesellschaftlichen Erheiterungen, von *E. Scherzlieb*. Frankhausen.

DIE FEINDLICHEN BRUEDER, oder Homöopath und Allopath, Possenspiel in drei Aufzügen, von Dr. *E. Raupach*. Hamburg.

DER NIBELUNGEN-HORT. Tragödie in fünf Aufzügen, mit einem Vorspiele, von Dr. *E. Raupach*. Hamburg.

PRINZ LEO. Eine phantastisch - tragische Hof- und Staatsaction. Hamburg.

NOVELLEN von *K. Gutzkow*. Hamburg.

DES HERZOGS VON REICHSTADT EINZIGE LIEBE. Nebst einem Anhang. Leipzig.

WANDERBUCH eines Schwermüthigen, von *L. Rosen*. Hamburg.

BILDER AUS DER WIRKLICHKEIT, von *M. B. Schauke*. Breslau.

DISTELBLUETHEN. Bilder aus dem Leben, von *M. B. Schauke*. Breslau.

DIE REBELLION VON HOCHSTRAATEN. Erzählung aus den Zeiten des niederländischen Befreiungskrieges, von *M. B. v. Olschen*. Breslau.

DAS DOPPELBILD, oder der verfehlt Schuss. Novelle, von *J. von Foris*. Breslau.

TROTZENDORF UND SEINE SCHUELER. Historische Novelle, von *J. Krebs*. Breslau.

М О Д Ы.

=

Парижъ. Ноябрь.

Моды все еще не рываются, говорят модные журналы.

Но нѣтъ сомнѣнiя, что моды будутъ почти тѣ же, какія господствовали въ прошедшую зиму. Самыя богатая матерiя для платьевъ суть — атласы à la Pompadour съ вытканными узорами; великолѣпные пекины à la Ninon-Lenclos съ вытканными узорами; атласы съ пестрыми печатными узорами, особенно черные съ розами или съ большими голубыми цвѣтами; атласы каштановаго цвѣта съ золотыми вышивными цвѣтами, непостижимо нарядные; атласы голубые и розовые, усыянные мелкими серебряными цвѣточками, невыразимо очаровательные; атласы Луксорскiе печатные, атласы Турецкiе, атласы королевскiе, атласы Польскiе, атласы Арабскiе, казаки или *койзаки*, то есть, шелковые штофы, шерстяныя кисеи Шотландскiя, — а для бальныхъ платьевъ, шелковыя кисеи съ вышитымъ рисункомъ, à la jardinière.

Платье, изображенное на картинкѣ, приложенной къ одиннадцатой книжкѣ нашего журнала, представляетъ образецъ этихъ рисунковъ: оно можетъ быть атласное или шелковое кисейное.

— Теплые капоты дѣлають большею частiю изъ шелковаго штофа, *damas de soie*, Греческаго бархата, Итальянскаго репса, Польскаго атласа, темнозеленаго, или Арабскаго атласа, лиловаго и каштановаго цвѣтовъ: онѣ разрѣзаны сбоку и полы ихъ соединены бантами изъ лентъ. Корсажи въ нихъ гладкiе или перекрестныя; пелерины, попрежнему, большiе.

— Вотъ прекрасный нарядъ для гулянья, простой и благородный: теплый капоть на ватѣ, изъ штофной матерiи синяго цвѣта, разрѣзанный сбоку и завязанный атласными лентами; шляпка бархатная нѣжножелтая; ботинокки, застегнутыя пуговками, и соболья мучтка.

— Мы говорили въ прошломъ мѣсяцѣ о тканяхъ на клоки и плащи: къ нимъ надобно прибавить еще serge de soie, которая есть тотъ же фуляръ, только съ рисункомъ особеннаго рода, въ Шотландскомъ вкусѣ, и шерстяной штофъ, *damas de laine*. Плащи дѣлаются двухъ видовъ, — обыкновенные, широкіе, съ длиннымъ висячимъ воротникомъ, — и узкіе, совершенно похожіе на капоты, только съ тремя воротниками и съ длинными до подола рукавами, широкими вверху, узенькими внизу, и до половины разръзанными, съ тѣмъ, чтобы можно было просунуть въ него руку, или лучше, рукавъ великолѣпнаго платья; воротники должны быть слѣдующаго вида: первый, нижній и самый длинный того же покрою, какъ обыкновенныя пелерины à pointe при платьяхъ; второй, такой же, немножко короче перваго; третій коротенькій вкругъ шеи. Но мы не советуемъ нашимъ дамамъ носить подобныя плащи: въ самомъ Парижѣ щеголихи простуживаются въ нихъ поминутно.

Если кто хочетъ сшить себѣ плащъ истинно отличный, барскій, такой, подъ который не могла бы поддѣлаться ни одна чиновница, слѣдуетъ сдѣлать его широкимъ, изъ чернаго атласа, съ длинными разръзными рукавами только для вида, подбитый весь зеленою плюшью, съ тремя бархатными воротниками, какъ описано выше, обшитыми чернымъ кружевомъ, и съ богатыми шелковыми кистями, пришитыми у воротника спереди и ниспадающими до коленъ. Разръзъ рукавовъ долженъ быть перехваченъ въ трехъ мѣстахъ выпуклыми шелковыми пуговками, или бантиками изъ снурковъ съ кисточками. Въ такомъ плащѣ можно очень долго ждать кареты на театральной лѣстницѣ, и быть совершенно счастливою.

→ Хотя нѣкоторые модные журналы уверяютъ, что поля въ шляпкахъ должны быть подняты очень высоко, но мы можемъ сказать утвердительно, что щеголихи высшаго званія дѣлаютъ совершенно противное: поля у нихъ болѣе и болѣе опускаются, и онѣ находятъ, что это скромнѣе и благороднѣе. Вообще, маркизы и герцогини отказались отъ обыкновеннаго откидывать шляпки и чепчики на затылокъ. Тульйя шляпки стали гораздо ниже.

— Прическѣ волосъ становится чрезвычайно разнообразны, и причиною этому соперничество парикмахеровъ, которые

ужасно расшодялись въ Парижѣ, причесываютъ дамъ за безцѣнокъ, и чтобъ перешеголять другъ друга, обезображиваютъ прекраснѣйшія головки своими выдумками. Двѣ косы на вискахъ и позади косъ двѣ *торсады* изъ лентъ въ большомъ употребленіи; сверхъ того на маковкѣ укрѣпляется *poeud à la grecque*, составленный изъ трехъ коковъ и обвитый внизу косою. Самая странная прическа, самая смѣшная, какую только мы видѣли на Парижскихъ гравюрахъ, была слѣдующая: три кока волосъ *à la grecque* на маковкѣ, — спереди, по сторонамъ, волосы зачесанные назадъ по-Китайски, а всерединѣ надъ лбомъ, поднятые вверхъ наподобіе башни, и образующіе отдѣльный столбъ кокъ, — изъ-за котораго выходятъ двѣ косы, описывающія на вискахъ два полукружія, и теряются за ухомъ, — гдѣ еще видны *торсады* изъ розовыхъ лентъ. Вершины и пропасти Кавказа не представляютъ ничего страшнѣе!

— При утреннемъ неглижѣ и простомъ парядѣ, дама со вкусомъ и домашними добродѣтелями надѣваетъ на шею золотой обручъ; *сагап*, къ которому привѣшена предлинная двѣйная цѣпочка, протернутая сквозь золотое сердечко: на цѣпочкѣ у колѣна, висятъ золотыя ножнички, красивыя бинокли и нѣсколько маленькихъ ключиковъ. Часы могутъ быть прикрѣплены къ той же цѣпочкѣ или повѣшены на другой, покороче, достигающей только до кушака.

Мужскія моды. Фракъ съ бархатнымъ воротничкомъ; борты также обшитыя бархатомъ; полы подложенныя атласомъ.

— Зимніе мужскіе плащи совершенно похожи на обыкновенные плащи Петербургскіе съ однимъ меховымъ воротничкомъ и съ другимъ длиннымъ висячимъ: они подбиты мехомъ, и завязаны у шеи длинными шелковыми кистями.

О Г Л А В Л Е Н І Е

СЕДЬМАГО ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Ночь въ рождество Христово. П. П. Ершова.....	1.
Два гроба. В. Гарпенко.....	8.
Молодой Орелъ. П. П. Ершова.....	12.
Милостыня. Снегирева.....	13.
Петербургъ, Отрывокъ изъ поэмы. А. С. Пушкина...	16.
Байронъ въ Колизеѣ. И. И. Козлова.....	190.
Стансы. И. Панаева.....	195.
Пѣвецъ, Баллада Гёте. А. Струговицкова.....	194.
Братское счастье. А. С. Норова.....	197.
Модное гульбище. М. Маркова.....	129.
Къ младенцу. Красавицъ. Воплощенный идеалъ М. Деларю.....	130.

ПРОЗА.

Княжна Мими. Домашніе разговоры. Князя В. Ѳ. Одоевскаго.....	17.
Три женитбы вопреки разсудку. Князя А. А. Шаховскаго.....	73.
Повѣсти. Повѣсть. Барона Брамбеуса.....	90.
Хлопотунъ. А. Ѳ. Воейкова.....	135.
Сцены на море. А. Г. Ротчева.....	158.
Донъ-Кихоть XIX вѣка, Повѣсть. К. П. Масальскаго.	149.
Кирджали, Повѣсть. А. С. Пушкина.....	197.
Предубѣжденіе, Статья одного человека. (Барона Брамбеуса).....	205.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Кольриджъ. Изъ <i>Quarterly Review</i>	1.
Омнибусы, или Отъ всего близко. Изъ <i>Blackwood's Magazine</i>	21.

Очерки Италіи, Португаліи Испаніи, Г. Бекфорда <i>Е. К.</i>	57.
Честные люди, Повѣсть Г-жи Мидфордъ. <i>А. И. Ситниковой.</i> Изъ <i>New Monthly Magazine</i>	55.
Голландская скука, Повѣсть. <i>Авдотьи М-ой</i>	73.
Школы въ нынѣшней Французской Словесности. Изъ <i>Revue de Paris</i>	81.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Двойныя и тройныя звезды. Статья Г. Араго. Изъ <i>Annuaire du Bureau de Longitudes</i>	1.
Буряты. <i>Ю. И. Дожулини</i>	45.
Философія и философическая Критика Г. Кузена: Изъ <i>Edinburgh Review</i>	63.
Каспійская торговля. <i>Г. Н.</i>	85.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Замѣчанія объ удобреніи земли навозомъ.....	1.
Мурава для глянцаной посуды не содержащая въ себѣ свинцу.....	10.
Вѣнскій способъ воронить ружья.....	11.
Средство противъ ржавчины.....	12.
Объ удобренія земли торфомъ.....	17.
Замѣчаніе о нѣкоторыхъ растеніяхъ, пригодныхъ для удобренія песчаной почвы.....	19.
Испытанное средство сушить сѣно въ сырую погоду.	20.
Пиво изъ картофеля.....	22.
Способъ сохранять пшеницу въ прокѣ.....	23.
О сохраненіи картофеля долгое время.....	23.
Способъ сохранять спаржу на зиму.....	24.
Бѣленіе пожелтѣвшей слоновой кости.....	25.
Скорый способъ растворять янтаръ и копаль.....	25.
Выдѣлка пеньки для веревокъ и канатовъ.....	26.
Разрѣзываніе стекла.....	27.
Ткань изъ шпанскаго дрока.....	30.
Новая Французская помада.....	31.
Леченіе молодыхъ телятъ отъ воспаленія и мыта.....	31.
Корсиканскій способъ ловить пчелъ <i>Н. П. Филиппова</i>	32.

У.

КРИТИКА.

Исторія Донскаго Войска, Г. Броневскаго. — Обзоръ нїя Исторіи Армянскаго народа С. Н. Глинки.....	1.
Описаніе С.-Петербургскаго Заведенія минеральныхъ водъ, Г. Мейера. — Описаніе естественныхъ и минеральныхъ водъ, Г. Бѣлявскаго. — Медико- топографическія свѣдѣнія о С.-Петербургѣ.....	32.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Новыя книги. <i>Октябрь</i> , 1834.....	1.
— <i>Ноябрь</i> , 1834.....	11.
Разныя извѣстія. <i>Октябрь</i> , 1834. Исторія Пугачевска- го бунта. — Смерть С. С. де Шаплета.....	10.
— <i>Ноябрь</i> , 1834. Энциклопедическій Лексиконъ Г. Плюшара.....	35.
1. Зрѣніе. Статья Доктора Грума.....	36.
2. Феодальная Система. Статья Профессора Шуль- гина.....	43.
3. Предубѣжденіе. Статья С. Сидонскаго.....	51.
4. Ломоносовъ. Статья Н. И. Греча.....	45.
Русская Драматургія въ С.-Петербургѣ. — Безумная. — Надежда и Любовь. — Назовите, какъ хотите. — Жена сосѣда. — Дѣвъ ночи. — Осада Пскова. — Те- обальдъ. — Женихъ по довѣренности. — Тринадца- тый за столомъ. — Стряпчій подъ столомъ. — Ген- риетта. — Дочь знаменитаго артиста. — Марія Стю- артъ. — Семихъ въ Рыбацкой. — Все горе. — Зоа. — Страсть, или Романтизмъ.....	32.

VII.

СМѢСЬ.

Парижская Академія Наукъ:

1. Движеніе частицъ вѣсогого вещества въ про- зрачныхъ тѣлахъ.....	1.
2. Анатомическія и физиологическія замечанія о артѣиіи.....	2.

5. Вліяніе луны на нашу атмосферу.....	5.
4. Составъ атмосфернаго воздуха.....	6.
5. Жабій дождь.....	7.
6. Жабій потопъ.....	79.
7. Новое открытіе профессора Якоби.....	81.
8. Современность движеній магнитныхъ стрѣлокъ.....	82.
9. Образование новыхъ камней.....	85.
10. Новый родъ шелковичныхъ червей.....	85.
11. Развитіе длинныхъ костей въ чловѣческомъ тѣлѣ.....	85.

Англійское Геологическое Общество:

1. Измѣненія поверхности земли.....	84.
2. Количество земли, унесенной рѣками въ море.....	86.

Англійское Общество сноспѣшествованія Наукамъ.

Объясненіе главнѣйшихъ атмосферическихъ явленій.....	8.
Дѣйствіе Русскаго мороза на желѣзо и газовыя лампы.....	10.
Повторительное прививаніе оспы.....	12.
Китайскій листовый свинецъ.....	16.
Меряносы въ Испаніи.....	17.
Слѣдствія обработки земель.....	19.
Водяной челоуѣкъ.....	21.
Опять Мемпоновъ колосъ.....	22.
Простообычіе королей XIII вѣка.....	25.
Исторія знаменитаго яхонта, Кугя-шуръ.....	27.
Дикари Ново-южнаго Валлиса.....	29.
Г-жа Троллопъ въ Бельгіи и Германіи.....	50.

Скипцы Американскихъ правовъ:

1. Первые впечатлѣнія Нью-Йорка.....	36.
2. Видъ главной Американской улицы.....	40.
3. Любовь къ чтенію.....	107.
4. Завтракъ у пастора.....	109.
5. Вечернія собранія.....	111.
6. Американскіе театры.....	115.

Два любопытные документа о Пугачевѣ (сообщенные А. С. Пушкинымъ)

1. Показаніе жены Пугачева.....	44.
2. Показаніе атамана Фомина.....	47.

Наблюденія Сиръ Вилльма Гершеля на экваторѣ....	87.
Электрическіе опыты надъ мертвымъ челоуѣкомъ....	88.
Ртутные параходы.....	90.
Русскіе кули въ Англии.....	95.
Ночное освѣщеніе на морѣ.....	94.
Островъ Обмана.....	96.

Райскія птвицы.....	100.
Пожары въ Англіи.....	102.
Человѣчскій ростъ.....	102.
Черепъ Раммогуль - Роя.....	105.
Сравненіе Нѣмокъ съ Англичанками.....	104.
Новооткрытая рукопись Тасса.....	117.
Остроты: Гёте.....	149.
Французскій театръ въ Парижѣ:	
— <i>Октябрь</i> , 1834. Мойсей, Трагедія Г. Шатобриана. La famille Moronval. La lectrice. Les immoralités. L'école] des ivrognes. Jacquemin. Карлъ XI. Буря.....	48.
— <i>Ноябрь</i> , 1834. Le marchand forain. La tempête. Le mari de la favorite. La fabrique. Mon ami Grandet. Lord Byron à Venise.....	120.
Словесность во Франціи:	
— <i>Октябрь</i> , 1834.....	64.
— <i>Ноябрь</i> , 1834.....	127.
Словесность въ Англіи:	
— <i>Октябрь</i> , 1834.....	70.
— <i>Ноябрь</i> , 1834.....	130.
Новыя книги. Французскія. Англійскія. Нѣмецкія,	
— <i>Октябрь</i> , 1834.....	72.
— <i>Ноябрь</i> , 1834.....	131.
— <i>Ноябрь</i> , 1834.....	135.
Моды. <i>Октябрь</i> , 1834.....	75.

Handwritten signature or mark

JUL 16 1937

